

827 74

1943

М

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
**ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва · 1962

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В ТРЕХ ТОМАХ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ:

*Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ (главный редактор),
А. А. АРЗУМАНЯН, А. А. ЛАВРИЩЕВ, И. М. ЛЕМИН,
Д. Е. МЕЛЬНИКОВ, А. Г. МИЛЕЙКОВСКИЙ, И. И. ОРЛИК,
В. В. РАЗМЕРОВ, Н. А. ТАЛЕНСКИЙ, Д. Г. ТОМАШЕВСКИЙ,
П. Н. ФЕДОСЕЕВ, М. А. ХАРЛАМОВ, В. М. ХВОСТОВ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1962

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ТОМ
1

(1945—1949 гг.)

Редактор
А. Г. МИЛЕЙКОВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · 1962

ВВЕДЕНИЕ

I

Развитие международных отношений после второй мировой войны непосредственно вытекает из характера современной эпохи, которую Программа КПСС определяет как эпоху борьбы двух противоположных общественных систем, эпоху социалистических и национально-освободительных революций, эпоху крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоху перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе.

Задача настоящего трехтомного труда — дать последовательную и всестороннюю характеристику международных отношений после второй мировой войны, анализ главных тенденций и основных закономерностей развития этих отношений в один из важнейших периодов истории человечества.

Международным отношениям этого периода присущи не только закономерности, давно раскрытые марксистско-ленинской наукой, но и новые явления, новые закономерности, вытекающие из коренных изменений в расстановке и соотношении классовых сил на мировой арене.

Многие «извечные вопросы» международных отношений получают теперь новое решение. Это относится прежде всего к проблеме войны и мира, затрагивающей жизненные интересы сотен миллионов людей, судьбы нынешнего и будущих поколений. Впервые в истории возникла реальная возможность вывести человечество из заколдованного круга разрушительных войн, порождавших предпосылки для новых, еще более кровопролитных войн.

Социалистические революции в странах Европы и Азии привели к образованию мировой социалистической системы.

Возникновение и упрочение социализма ознаменовало наступление эры освобождения угнетенных народов, явилось решающим фактором кризиса колониальной системы, появления

новых национальных государств, приобщило к активной политической жизни сотни миллионов людей в странах Азии, Африки, Латинской Америки.

Произошло всестороннее ослабление капитализма и новое обострение его общего кризиса, резко усилилась экономическая и политическая неустойчивость мирового капитализма, обострилась борьба между трудом и капиталом, углубился кризис буржуазной политики и идеологии.

«Мир переживает эпоху революций, — говорил Н. С. Хрущев. — *Социалистические революции, национально-освободительные антиимпериалистические революции, народные демократические революции, широкие крестьянские движения, борьба народных масс за свержение фашистских и иных тиранических режимов, общедемократические движения против национального гнета — все это сливается в единый мировой революционный процесс, подрывающий и разрушающий капитализм*»¹.

Развертывание мирового революционного процесса происходило и происходит в условиях огромных сдвигов в развитии производительных сил, гигантского экономического соревнования двух мировых систем, невиданной научно-технической революции, с социальными последствиями которой капитализм не в состоянии справиться.

Все эти имеющие всемирно-историческое значение факторы не могли не сыграть своей роли в изменении места международных отношений в общественной жизни, не могли не отразиться на их содержании и форме, на их характере и особенностях.

В послевоенные годы роль международных отношений в жизни человеческого общества резко возросла. Именно поэтому Программа КПСС уделяет столь большое внимание проблемам современных международных отношений.

Разумеется, ход общественного развития в конечном счете определяется развитием производительных сил, классовой борьбой, теми внутренними процессами в области экономики и политики, которые происходят в каждой стране. В сфере международных отношений не проявляются непосредственно все силы, определяющие общественное развитие. Однако никакой серьезный научный анализ тенденций мирового развития в современную эпоху невозможен без учета возросшей роли и новых закономерностей международных отношений.

Никогда в прошлом судьбы миллионов людей не зависели в такой мере от решения основных международных проблем, и прежде всего проблемы войны и мира, как в наше время.

Появление и совершенствование средств массового уничтожения, которые с молниеносной быстротой могут быть доставлены в любую точку земного шара, опрокинуло все старые мерил стратегии. На земле нет теперь недосягаемых, безопас-

¹ «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 201.

ных районов. Стали анахронизмом такие понятия, как фронт и тыл. Весь земной шар может стать объектом для смертоносного оружия, если обезумевшим империалистам удастся еще раз развязать мировую войну.

Вот почему предотвращение термоядерной войны стало для всего человечества жизненно важной проблемой. Это необходимое условие всякого прогресса, важнейшая предпосылка развития мировой цивилизации и решения наиболее важных социальных, политических и национальных проблем.

К счастью для человечества, историческим развитием подготовлены объективные предпосылки успешного решения задачи избавления народов от мировой истребительной войны. В наше время в мире сложились и растут силы, способные предотвратить мировую войну. Хотя военная опасность, вытекающая из существования мирового империализма, и не снята, миролюбивые силы всех стран, опираясь на могущество социалистической системы и проявляя необходимую бдительность в отношении империалистических агрессоров, в состоянии обеспечить мир. В этом заключается важнейшая черта международных отношений современности.

Никогда еще ход и исход классовой борьбы внутри той или иной страны не зависел в такой степени от общего соотношения классовых сил и состояния международных отношений, как в наши дни.

Навсегда ушли в прошлое те времена, когда «священные союзы» международной реакции могли безнаказанно учинять полицейские расправы с революционным движением народных масс. Победоносные социалистические революции в странах Европы и Азии показали, насколько сузились ныне возможности империалистических интервенций и экспорта контрреволюции. Мировая социалистическая система обладает мощью, способной обуздать воинствующую контрреволюцию. Это стало важнейшим фактором, обуславливающим возможность мирного развития социалистической революции в ряде стран.

Новая, исключительно благоприятная обстановка создалась для классовой борьбы трудящихся, направленной на защиту их непосредственных социальных интересов. В условиях сосуществования и соревнования двух систем господствующие классы империалистических стран вынуждены идти на уступки и реформы там, где они раньше пускали в ход оружие.

Международные отношения стали фактором, оказывающим сильнейшее воздействие на ход национально-освободительного движения. Прошел тот период, когда народы колониальных и зависимых стран вынуждены были вести неравную борьбу, выступая один на один против угнетающего их империализма. Теперь в борьбе за независимость они опираются на поддержку могучего лагеря социализма и образуют с ним общий антиимпериалистический фронт.

Международная солидарность революционных и демократических сил наносит жесточайший удар по старому принципу всех угнетателей «разделяй и властвуй». Растет и крепнет единство сил, противостоящих империализму, его политике войн и порабощения народов.

Никогда в прошлом массы не оказывали такого активного, широкого и непосредственного воздействия на внешнюю политику, как в наше время.

Раньше всемогущим законодателем международных отношений была империалистическая буржуазия, и мировая политика «делалась» в Лондоне, Париже, Вашингтоне, Берлине. Теперь же во внешнюю политику властно вторгся народ — подлинный творец истории, а международный рабочий класс стал влиятельнейшей силой мировой политики.

Борьба за мир сделала сферу международных отношений предметом повседневных забот и важной ареной политической деятельности народных масс. Их активное участие в решении проблем внешней политики стало характерной чертой послевоенных международных отношений не только потому, что новая война может принести человечеству неисчислимые бедствия. Усилению воздействия широких масс на международные отношения способствовали и огромные социальные преобразования во всем мире, вызванные победами социализма и углублением кризиса капиталистической системы.

Возникновение мировой социалистической системы привело к тому, что огромное число людей, составляющих свыше трети населения земли, получили широчайшие политические и социальные права, стали в полном смысле слова и буквально во всех отношениях творцами истории. Внешняя политика социалистических государств — подлинно народная политика. Она вырабатывается коммунистическими партиями, для которых нет ничего дороже интересов трудящихся масс.

Распад колониальной системы империализма, сопровождавшийся образованием большой группы независимых государств, привел в движение народные массы в бывших колониях и полуколониях, приобщил к активной политической жизни миллионы людей, которые прежде находились фактически вне политики.

С ростом рабочего движения и превращением коммунистических партий в важнейший фактор общественного прогресса в активную борьбу вовлекались широкие массы всех капиталистических стран. Эти массы все успешнее решают задачу, поставленную перед рабочим классом еще К. Марксом, — «овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 16, стр. 11.

Серьезные изменения произошли в послевоенное время в характере международных отношений. Качественно новое в международных отношениях этого периода отражено в огромной массе исторических событий. Однако определяющим является коренное изменение в соотношении сил между капитализмом и социализмом в пользу социализма.

Если в прошлом международные отношения определялись в основном закономерностями капитализма, то теперь они все в большей мере развиваются под воздействием закономерностей социализма; сосуществование, соревнование и борьба двух систем — главное содержание международных отношений.

Социализм противопоставляет империализму *новый тип международных отношений*. В основе коренного отличия социалистической внешней политики от политики империалистической лежат глубочайшие различия в природе, в характере, во внутренних закономерностях социализма и капитализма.

Пока капитализм был господствующей и всеохватывающей социально-экономической системой, сутью международных отношений являлись ничем не ограниченное насилие, удушение и ограбление не только «своих», но и чужих народов, ожесточенное экономическое соперничество и борьба за мировое господство, бесконечные войны. Империализм всегда рассматривал войну как «естественное» средство решения спорных вопросов, как наиболее эффективное орудие осуществления своих агрессивных внешнеполитических планов.

Но уже с победой Октября старому обществу с экономическим рабством, антагонизмом классов и наций, войнами и насилием было противопоставлено новое, социалистическое общество, где господствуют равенство и братство народов, труд и мир. Социализм отрицает агрессивную войну как средство политики и утверждает принцип мира. «Окончание войн, мир между народами... — именно наш идеал»¹, — указывал В. И. Ленин.

Империализм не знает иных международных отношений, кроме господства и подчинения, угнетения и эксплуатации. Социализм же исходит из таких принципов, как равноправие и самоопределение народов, уважение независимости и суверенитета всех стран, из необходимости оказания братской помощи экономически слаборазвитым странам.

Империализм считает основной целью внешней политики создание такой «ситуации силы», которая позволила бы осуществлять диктат в отношении всех других народов и стран. Социализм, наоборот, принципиально отвергает «право силы», выступает против любого проявления агрессии и экспансии,

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 21, стр. 264.

против вмешательства во внутренние дела других народов и стран, в какой бы форме это вмешательство ни происходило.

Основными методами империалистической дипломатии являются военные перевороты, шантаж, интриги, темные сделки, подкуп, убийства из-за угла. Ничего общего не имеет с этим дипломатия социалистическая, с ее честными и гуманными методами, верностью взятым на себя обязательствам, прямым и открытым обращением к другим государствам и — что особенно важно — к народам.

Главное содержание, главное направление и важнейшие особенности развития международных отношений, как и исторического развития вообще, определяют теперь мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма.

Международные отношения нового типа наиболее ярко и полно проявляются в сфере взаимоотношений социалистических государств.

«Социализм создал новый тип экономических и политических отношений между государствами и народами, — говорил Н. С. Хрущев в докладе XXII съезду КПСС о Программе Коммунистической партии Советского Союза. — Социалистический интернационализм, всестороннее товарищеское сотрудничество и братская взаимопомощь, полное равноправие всех суверенных стран — таковы главные черты отношений в социалистическом содружестве. В социалистическом содружестве уничтожен вековой антагонизм наций и торжествуют принципы братства и дружбы народов»¹.

Экономическое содружество социалистических стран базируется на однотипности их социально-экономической основы, на наиболее целесообразном международном разделении труда в рамках социалистического лагеря. В экономических связях социалистических стран отчетливо проступает прообраз будущего мирового социалистического хозяйства, в котором на смену конкуренции и взаимной вражде, присущих капитализму, придут отношения братского сотрудничества и взаимопомощи всех народов. Политические отношения в социалистическом мире цементируются однотипностью государственного строя, едиными интересами в защите социалистических завоеваний, наличием общей великой конечной цели — построения коммунизма. Идеологическое единство стран социализма базируется на том, что во всех этих странах господствует идеология марксизма-ленинизма, а руководящей и направляющей силой являются коммунистические и рабочие партии.

Именно в этом и состоит коренное отличие межгосударственных отношений в социалистическом лагере от связей, обычных для всех известных в истории союзов или коалиций

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 129.

буржуазных стран. Мировая система социализма — социальное, экономическое и политическое содружество свободных народов, идущих по пути социализма и коммунизма, объединенных единством общих интересов и целей, связанных узами международной социалистической солидарности.

В наше время принципы внешней политики социализма, которыми всегда руководствовался Советский Союз, и прежде всего защита мира, равноправие, самоопределение народов, уважение независимости и суверенитета всех стран, невмешательство во внутренние дела, не только легли в основу внешней политики всех социалистических стран, но и получают все более широкое международное признание, входят в практику современных международных отношений.

Это находит свое проявление и в отношениях социалистических стран с молодыми суверенными государствами Азии, Африки, Латинской Америки. Страны мировой социалистической системы оказывают им бескорыстную помощь в ликвидации экономической отсталости, всемерно поддерживают их в борьбе против колониализма и империалистической агрессии. Благородные освободительные и миролюбивые идеи внешней политики Советского Союза и других социалистических стран находят исключительно горячий отклик и понимание во многих этих государствах, получают отражение в их внешней политике.

Все более широкое международное признание приобретает принцип мирного сосуществования, положенный В. И. Лениным в основу внешней политики Советского Союза. Это нашло свое отражение в таких важнейших международно-правовых актах, как Устав Организации Объединенных Наций, решения Бандунгской конференции, резолюции ряда международных конференций.

Социалистическая внешняя политика и дипломатия добились серьезных успехов в решении ряда важных международных политических и международно-правовых проблем. Так, например, в результате позиции Советского Союза мирное урегулирование после второй мировой войны, в частности в вопросах о границах, о мирных договорах с бывшими союзниками фашистской Германии, о наказании военных преступников и т. д., кардинальнейшим образом отличалось от того, что было после первой мировой войны. Поддержку подавляющего большинства государств получили выдвинутые Советским Союзом и другими социалистическими государствами в ООН и на ряде международных конференций предложения о полном и всеобщем разоружении и о ликвидации колониализма. Эта поддержка — совершенно новое явление в международной жизни.

Наконец, усиление влияния мирового социализма сказалось и на отношениях внутри империалистического лагеря. Естественно, что связи и взаимоотношения между государствами этого

лагеря продолжают основываться на категориях, органически присущих империализму. Но и здесь с развитием социалистической системы значительно ограничен империалистический произвол. Главные капиталистические державы лишились прежних возможностей диктата в отношении более слабых и отсталых государств и наций. Силам империализма все труднее прибегать к такому обычному и «нормальному» в прошлом средству империалистической политики, как колониальные войны. Вместе с тем при новом соотношении сил на мировой арене империалистам все труднее использовать войны и как традиционное средство разрешения межимпериалистических противоречий (подобные войны резко ослабили бы общий фронт империализма перед лицом мирового социализма).

Воздействие мировой социалистической системы на международные отношения, активная роль советской внешней политики резко возросли после ликвидации партией культа личности Сталина и его отрицательных последствий во всех областях жизни, в том числе и в области внешней политики.

Культе личности, чуждый самому характеру, принципам и основам социалистической внешней политики, приводил к субъективистскому подходу в оценке ряда явлений международной жизни, затруднял дальнейшее развитие внешнеполитической деятельности Советского государства. Партия, решительно осудив культ личности, приняла все необходимые меры к исправлению ряда ошибок, допущенных в конкретной дипломатической деятельности. По инициативе ЦК КПСС были нормализованы межгосударственные отношения с некоторыми странами, ухудшившиеся в результате субъективистских произвольных действий, предпринятых Сталиным; вопреки сопротивлению догматиков и доктринеров был заключен Государственный договор с Австрией и успешно решен ряд других сложных международных вопросов. Начиная с 1953 г. и особенно после XX съезда КПСС Центральный Комитет нашей партии, руководствуясь ленинским принципом мирного сосуществования, развернул активнейшую внешнеполитическую деятельность. В значительной мере были изменены методы советской дипломатии, причем особое внимание уделялось расширению контактов между руководящими политическими деятелями государств. Все это чрезвычайно благоприятно сказалось на общей международной обстановке, расширило возможности воздействия внешней политики социализма на мировое развитие.

* *

*

Изменение соотношения сил в пользу социализма, все более широкое распространение социалистических принципов международных отношений обусловили кардинально новую постановку *проблемы войны и мира*.

Социалистический общественный строй, сама природа которого исключает экономическую и политическую необходимость войн, создает международные отношения, наиболее соответствующие состоянию современных производительных сил. Советский Союз и другие социалистические страны стали оплотом всего человечества в борьбе за использование гигантских возможностей научно-технической революции в интересах прогресса и мира, во имя счастья и благополучия всех народов.

Развитие современной науки и техники открыло огромные, невиданные ранее перспективы для умножения национальных богатств и разумного использования ресурсов нашей планеты. Создание средств сверхскоростного транспорта и сверхдальней связи изменило значение таких факторов, как пространство и время. Наш земной шар стал как бы меньше, а все народы, его населяющие, превратились в близких соседей. Расширились потенциальные возможности международного разделения труда, обмена продуктами труда и достижениями науки, техники и культуры. Но этому мешают агрессивные империалистические круги, поставившие научно-техническую революцию на службу своей военной машине.

Имея в виду промышленную революцию XVIII века, связанную с созданием машинного производства, К. Маркс указывал, что революционное преобразование производства, которое могло стать источником огромных благ для общества, в результате капиталистического использования машин превратило творения человеческого гения в орудие порабощения трудящихся, в источник новых бедствий для народов. Эта характеристика может быть применена к определению последствий огромных сдвигов в области производительных сил для развития международных отношений. Империализм использовал развитие производительных сил для совершенствования орудий смерти, достигших невиданной разрушительной силы. Все более истребительными становились войны — эти неизбежные спутники капитализма.

Использование империализмом научно-технического прогресса для невиданной гонки вооружений не спасет и не может спасти империализм от неизбежной гибели. Такова диалектика истории. Гениальное предвидение Ф. Энгельса об обреченности милитаризма было не просто догадкой, а логически вытекало из открытых основоположниками марксизма законов общественного развития. Развязанные империализмом войны приводили к резкому обострению всех антагонизмов буржуазного общества, углубляли революционные кризисы, назревавшие в результате внутренних противоречий капитализма, усиливали упадок и разложение порождающей милитаризм социальной системы.

Охваченные страхом за свое будущее, монополистические круги главных капиталистических стран рассчитывали исполь-

зывать вторую мировую войну в целях разгрома первого в мире социалистического государства и возвращения империализму навсегда утраченных им позиций. Подобная задача возлагалась на главные фашистские государства, антисоветские планы которых встречали полное одобрение и поддержку со стороны всей мировой реакции. Однако именно на этом, решающем с точки зрения основных стратегических установок империализма направлении планы реакции потерпели наибольший провал. Война завершилась сокрушительным разгромом ударных сил мировой контрреволюции и фронтальным прорывом цепи империализма в результате победы социалистических революций в ряде стран Европы и Азии. Разгром фашизма, в лице которого империализм особенно отчетливо проявил свой чудовищный и изуверский характер, нанес сильнейший удар по идеологии и политике империализма в целом.

По мере роста мирового социализма и углубления общего кризиса капитализма все явственнее сказывалась еще одна важная закономерность, вытекающая из зависимости технической вооруженности армий от общего уровня развития производительных сил. Добившись непревзойденных успехов в области экономики, науки, техники, Советский Союз и другие социалистические государства создали такие средства обороны, наличие которых заведомо обрекает любую империалистическую агрессию на неминуемое поражение. В результате традиционный внешнеполитический курс главных капиталистических держав, неизменно связанный с культом военной силы, лишается самой своей основы — «позиции силы».

Впервые преимущество превосходящей силы оказалось не у эксплуататорских классов и социальных групп, обращающих его во вред обществу и глумящихся над элементарными нормами общечеловеческой морали, а в распоряжении народов, строящих социализм и коммунизм и использующих эту силу в интересах дела мира и международной справедливости.

Результат этого — кризис внешней политики империализма. Наиболее яркое его проявление — провал всех попыток мировой реакции во главе с империализмом США «отбросить» коммунизм, подавить национально-освободительное и демократическое движение, реставрировать всеобъемлющую систему империалистического грабежа и насилия, лежавшую в основе международных отношений прошлого.

В наше время стало особенно очевидным неразрешимое противоречие между стремлением к установлению мирового господства той или иной капиталистической державы, как конечной цели империалистической внешней политики, и невозможностью осуществить ее в условиях, когда на смену исторически обреченному капитализму приходит социализм.

Экономическое, политическое, военное могущество СССР и всей мировой социалистической системы, единство социалисти-

ческого лагеря и его непрерывно растущая мощь — главный материальный и моральный фактор в борьбе против военной угрозы, за обеспечение мира и безопасности всех народов. Однако предотвращению новой мировой войны способствуют и другие факторы. Вот важнейшие из них: миролюбивая политика многих молодых суверенных государств Азии, Африки и Латинской Америки, составляющих вместе с социалистическими государствами обширную «зону мира»; борьба международного рабочего класса, всех его отрядов и организаций и прежде всего его авангарда — коммунистических партий за обеспечение международной безопасности; национально-освободительное движение народов колоний и зависимых стран, разрушающее устои империализма и милитаризма; всемирное движение борцов за мир, объединяющее сотни миллионов людей самых различных политических взглядов и религиозных убеждений; рост нейтралистских тенденций внутри ряда капиталистических государств, в том числе и входящих в агрессивные военные блоки; противодействие авантюристическим элементам со стороны более дальновидной части буржуазии главных империалистических стран, связанное с боязнью социальных последствий новой войны и разрушительной силы современного оружия.

В послевоенные годы по-новому ставится и решается *проблема мирного сосуществования*.

Мирное сосуществование — ленинская концепция международных отношений, органически вытекающая из ленинской постановки вопроса о возможности победы социализма в одной стране, из ленинской теории социалистической революции.

К проблеме сосуществования двух различных мировых систем нельзя подходить, как к чему-то неизменному, не подвластному законам исторического развития. На протяжении более чем сорокалетнего сосуществования социалистического и капиталистического общественного строя само содержание сосуществования подвергалось определенным изменениям. Мы можем в настоящее время четко различить три этапа сосуществования, совпадающие с этапами развития мировой социалистической революции, с одной стороны, и развертывания общего кризиса капитализма — с другой.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции содержание проблемы сосуществования сводилось главным образом к тому, сможет ли Советская Россия устоять в кольце капиталистического окружения. Борьба за мирное сосуществование в этих условиях была прежде всего борьбой за мирную передышку. Но и тогда Ленин рассматривал мирное сосуществование не просто как внешнеполитическую доктрину,

которой следует руководствоваться в конкретной политике на какой-то короткий срок, а как принцип, выражающий объективную закономерность новой эпохи, когда наряду с существованием капиталистической системы на международной арене появилась социалистическая общественная система. «Социалистическая республика одной страны, — подчеркивал Ленин, — оказывается рядом с капиталистическими странами всего мира...»¹

«Есть сила, — говорил Владимир Ильич, — бóльшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»². Содержание принципа сосуществования как выражение общих экономических всемирных отношений изменялось вместе с изменениями, происходившими в характере самих этих всемирных экономических отношений.

В ходе второй мировой войны возникла такая комбинация международных сил, которая опрокинула традиционные представления о тенденциях внешнеполитического развития, господствовавших до нее. Вместо объединения всех сил мирового капитализма для борьбы против коммунизма, которое было смыслом и целью внешней политики всех империалистических держав после победы Великой Октябрьской социалистической революции, произошел раскол среди империалистических держав, приведший к войне между двумя группами этих держав. Вопреки пророчествам буржуазных политиков, возникла коалиция социалистического государства с империалистическими странами для разгрома наиболее реакционного и разбойничьего объединения империалистов — блока фашистских держав.

Существование такой коалиции послужило ярким доказательством возможности политического, военного и экономического сотрудничества государств, принадлежащих к антагонистическим социальным системам, в интересах прогресса, демократии и мира. Хотя такое сотрудничество было сравнительно кратковременным, оно способствовало глубоким изменениям в международных отношениях.

Результатом этого сотрудничества явилось возникновение Организации Объединенных Наций с ее Уставом, создающим определенные ограничения и препятствия для империалистических агрессоров. Эта организация стала международным форумом государств, в котором впервые в истории утратили свое безусловное преобладание господствовавшие в прошлом над всем миром империалистические державы. Наследием антифашистской коалиции военного времени явилась система послевоенных мирных договоров, выработанная с участием Совет-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 30, стр. 295.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 129.

ского Союза, который использовал все свое возросшее влияние державы, сыгравшей решающую роль в разгроме агрессоров, чтобы помешать превращению этих договоров в орудие империалистического мира.

Выход социализма за рамки одной страны изменил условия мирного сосуществования двух систем, predetermined новое содержание этой проблемы, создал новые возможности и перспективы по сравнению с довоенным периодом. После второй мировой войны, на втором этапе общего кризиса капитализма, вопрос уже состоял не в том, удержится ли социалистический строй рядом с капиталистическим. В обстановке, когда социализм распространился на одну треть земного шара, устарело понятие капиталистического окружения; сосуществование приобрело характер гигантского по своим масштабам соревнования двух мировых общественных систем.

Наконец, новое содержание приобрело мирное сосуществование в условиях, когда мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества, стали определять основное содержание общественного развития, а капитализм вступил в третий этап своего общего кризиса.

Впервые в истории человечества исчезла фатальная неизбежность войн. Одержав решающую победу в соревновании на научно-техническом поприще, СССР надежно обеспечил безопасность всех социалистических государств. В результате мирное сосуществование стало жизненной необходимостью для самого капитализма. Не столько по благоразумию, сколько по «инстинкту самосохранения» лагерь империализма вынужден считаться с тем фактом, что развязывание новой мировой войны принесет неизбежную гибель капиталистическому строю.

Последовательное осуществление принципов мирного сосуществования способствовало всемирно-историческим победам социализма.

Коммунистической партии на крутых поворотах истории приходилось не раз отбивать атаки на ленинский принцип мирного сосуществования. В период Брестского мира это были «левые коммунисты», докатившиеся до чудовищного вывода о целесообразности идти на риск утраты Советской власти. В период относительной стабилизации капитализма ленинскую политику мирного сосуществования стремились сорвать троцкисты, исходя из авантюристической теории форсирования революции с помощью войны. В современных условиях ленинскую концепцию мирного сосуществования пытаются извратить как буржуазные идеологи, так и оппортунисты внутри коммунистического и рабочего движения.

С особой яростью ревизионисты и догматики набрасываются на решения XX, XXI и XXII съездов КПСС, развивающих

учение Ленина о мирном сосуществовании. Но жизнь сильнее всякого рода лжетеорий и фальсификаторских упражнений противников ленинизма. Она каждодневно дает бесчисленные примеры правильности и великой силы ленинской теории мирного сосуществования. В новой Программе КПСС, принятой XXII съездом, творчески развивается эта теория.

Сосуществование, подчеркивается в Программе, на протяжении целой исторической эпохи, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму во всемирном масштабе, — объективная необходимость развития человеческого общества.

«Мирное сосуществование, — говорится в Программе, — предполагает: отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, разрешение их путем переговоров; равноправие, взаимопонимание и доверие между государствами, учет интересов друг друга; невмешательство во внутренние дела, признание за каждым народом права самостоятельно решать все вопросы своей страны; строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; развитие экономического и культурного сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды»¹.

Мирное сосуществование, указывается в Программе КПСС, — специфическая форма классовой борьбы между социализмом и капитализмом в международном масштабе. Это такой плацдарм борьбы, который в наибольшей степени отвечает интересам всего человечества.

Мирное сосуществование не исключает, а, наоборот, предполагает революционные изменения в обществе, ускоряет революционный процесс, углубляет разложение и распад империализма.

В прошлом, когда империализм был господствующей силой, перспектива развития мирового революционного процесса по необходимости связывалась с неизбежностью подготавливаемых капитализмом агрессивных войн. Марксисты считали тогда характерной особенностью эпохи империалистические войны и пролетарские революции. Однако по мере превращения социализма в решающую силу мирового развития все отчетливее обозначалась перспектива революционной победы над капитализмом в условиях мирного сосуществования.

Главной ареной классовой борьбы двух мировых систем стало их экономическое соревнование. Говоря о значении хозяйственного строительства для победы социализма, В. И. Ленин подчеркивал: «На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в ме-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961, стр. 59.

ждународном масштабе наверняка и окончательно»¹. Именно на попрание хозяйственного строительства, как гениально предвидел В. И. Ленин, и готовится окончательная победа социализма над капитализмом.

Гигантское экономическое строительство, развернутое в содружестве социалистических государств, и борьба этих государств за мир и социальный прогресс, национально-освободительная борьба колониальных народов против колониализма и империализма, международное рабочее движение против гнета монополий и капиталистической эксплуатации — диалектически взаимосвязаны. Тот, кто противопоставляет одно из них другому, не понимает их подлинной природы, их взаимосвязи, не признает решающего значения основы сосуществования — экономического соревнования двух систем. Нужно быть безнадежным догматиком, чтобы считать, что мирное сосуществование может приостановить или задержать мировую социалистическую революцию.

Опыт послевоенных международных отношений говорит о том, что именно в условиях мирного сосуществования социалистическая система может добиться наиболее выдающихся успехов. Советский Союз последовательно осуществляет поставленную перед собой цель — догнать и перегнать в экономическом отношении главную страну капитализма — США. Социалистическая система в целом уже производит свыше трети мировой промышленной продукции. Убедительно доказано превосходство социализма не только в темпах экономического роста, но и в развитии науки и техники.

Двадцатилетний план строительства коммунизма в СССР, намеченный Программой КПСС, дает научно обоснованную перспективу близкой экономической победы социализма над капитализмом во всемирном масштабе. Осуществление этого плана и планов строительства социализма и коммунизма в других государствах мировой социалистической системы приведет к тому, что на долю мирового социализма будет приходиться две трети всего мирового промышленного производства. Эта победа в сфере материального производства будет означать дальнейшее кардинальное изменение соотношения сил между двумя системами в ущерб империализму и повлечет за собой новые революционные последствия всемирно-исторического значения.

В условиях мирного сосуществования и экономического соревнования социалистическая система оказывает действенную поддержку национально-освободительному движению в его борьбе за ликвидацию империалистического колониализма и его последствий. Поставка оборудования, машин и техническая помощь

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 32, стр. 413.

социалистических стран молодым государствам Азии и Африки лишает империализм возможности сохранять бывшие колонии в качестве аграрно-сырьевых придатков метрополий и беспрепятственно грабить эти страны путем кабальных займов и установления монопольных цен. Торговля социалистических стран с новыми независимыми государствами лишила империалистов возможности поставить на колени освободившиеся страны, используя такое оружие, как экономическая блокада.

Высвобождение колониальных народов целого ряда стран из-под империалистического ига явилось результатом коренных сдвигов в мировом развитии, важнейших внутренних процессов в колониальных странах, итогом национально-освободительного, антиимпериалистического движения в этих странах, опиравшегося на экономическую, политическую и моральную поддержку мировой социалистической системы.

Наконец, весь опыт послевоенного развития говорит о том, что мирное сосуществование благоприятствует широкому развитию международного рабочего движения, борьбе пролетариата против буржуазии в капиталистических странах. Рабочий класс в странах капитала, опираясь на успехи мирового социализма и национально-освободительного движения, получает реальную возможность добиться в ряде стран перехода власти в свои руки мирными средствами, в том числе и парламентским путем, в ходе развития массовой борьбы и изменения соотношения классовых сил. Естественно, выбор пролетариатом тех или иных средств борьбы зависит от условий развития революции и от того, как поведет себя буржуазия, возьмет ли она курс на развязывание гражданской войны или предпочтет держаться в рамках борьбы за власть мирными средствами. Иными словами, в ряде капиталистических стран пролетариат будет, возможно, вынужден применить насильственные средства борьбы с буржуазией. Нет, однако, никакого сомнения в том, что мирное сосуществование ограничивает возможности буржуазии прибегнуть к экспорту контрреволюции и облегчает завоевание власти пролетариатом как мирными, так и немирными средствами.

* * *

*

При новом соотношении классовых сил на мировой арене войны уже перестали быть неизбежными. Но пока существует империализм, сохраняется и почва для агрессивных войн. В связи с этим особую актуальность в обеспечении мирного сосуществования, в борьбе за мир и международную безопасность приобретает полная ликвидация средств ведения войны, *проблема разоружения*. Если вопросом всех вопросов нашего времени является предотвращение новой войны, то самый радикальный путь к этому — всеобщее и полное разоружение.

Современный этап мирного сосуществования — этап упорной борьбы за разоружение.

Идеологические противники социализма трубят на все лады, что разоружение — это-де не более как пропагандистский лозунг в руках коммунистов. Оно, мол, «несовместимо с духом марксизма», с положениями о войнах справедливых и несправедливых, о роли насилия в истории и т. д. Подобные заявления — самая злонамеренная клевета.

«Разоружение, — указывал Ленин, — есть идеал социализма»¹. Оно столь же органично вытекает из основных экономических и политических закономерностей социалистического строя, из его миролюбивой сущности, сколь органично гонка вооружений и войны связаны со строем капиталистической эксплуатации. С первых дней существования Советского государства борьба за разоружение стала одним из главных принципов его внешней политики.

Будучи реалистами, марксисты-ленинцы всегда прекрасно понимали, что одна из важнейших сторон современного капитализма — вооружение буржуазии против пролетариата, что пролетариат, если он не хочет изменить своей всемирно-исторической миссии, не может отказаться от борьбы за власть, используя все средства — и мирные, и немирные. Следовательно, практическая реализация проблемы разоружения непосредственно зависит от соотношения классовых сил как внутри той или иной страны, так и во всемирном масштабе. Эта проблема может быть решена лишь в результате упорной борьбы международного рабочего класса, всех прогрессивных и миролюбивых сил.

Каковы отличительные признаки борьбы за разоружение на новом, третьем этапе общего кризиса капитализма?

Могущество мирового социализма привело, как подчеркивалось выше, к резкому сужению военных возможностей империализма, прежде всего в отношении социалистических государств, а также против народов колоний и зависимых стран. Вместе с тем непрерывно расширяющиеся масштабы экономического соревнования двух систем требуют от капитализма мобилизации дополнительных сил в целях повышения его «конкурентоспособности», заставляют более дальновидных представителей буржуазии пересматривать ряд догм, в том числе в отношении милитаризации экономики.

Проблема разоружения приобрела такое значение в сознании масс, что именно под углом зрения разоружения и запрещения термоядерного оружия народы во все большей мере стали оценивать эффективность деятельности тех или иных партий и правительств, достоинства и недостатки того или иного общественного строя. Одно из свидетельств огромных сдвигов

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 23, стр. 84.

в умонастроениях в этой области — отношение мировой общечеловечности к советской программе полного и всеобщего разоружения. Если в конце 20-х — начале 30-х годов Советский Союз остался со своими предложениями о разоружении в полном одиночестве, то в 1959 г., на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, все без исключения государства поддерживали советскую программу разоружения и пожелали стать соавторами советско-американской резолюции по этому вопросу.

Глубокий отпечаток на борьбу за разоружение накладывает та отличительная черта нового этапа общего кризиса капитализма, что он возник не в связи с мировой войной, как два предшествующих, а в обстановке мирного сосуществования, в условиях самого тесного переплетения классовой борьбы на международной арене между двумя системами с классовой борьбой всех слоев народа против монополий внутри капиталистических стран. Разоружение — это тот узел, в котором особенно тесно переплетается борьба масс за мир с борьбой за демократию (милитаризм неотделим от внутренней реакции и наступления на гражданские свободы), за насущные экономические требования (гонка вооружений неотделима от высоких налогов, усугубления кризисных явлений, ухудшения общего экономического положения страны).

В современных условиях проблема разоружения, несмотря на всю ее сложность, может быть разрешена. Задача заключается в том, чтобы активной, целеустремленной, непрерывно нарастающей борьбой всех миролюбивых сил заставить империалистов пойти на соглашение о разоружении.

* *
*

Образование и развитие мировой социалистической системы имели убийственные последствия для колониальной системы империализма. Ее развал, начавшийся вскоре после второй мировой войны, надломил империалистическую структуру мирового капиталистического хозяйства и разрушил важнейший элемент государственной надстройки колониализма — имперские учреждения с их деспотической властью, подчинявшие бесправные народы произволу чиновников и военщины. На месте бывших колоний империалистических держав возникли новые молодые суверенные государства.

Большинство молодых суверенных государств, завоевавших политическую независимость, перестало быть объектом политики держав-метрополий и превратилось в важный самостоятельный фактор в мировой политике; невиданно возросла роль этих государств во всей системе международных отношений. Это означает, что наступил конец делению мира на «активный Запад» и «пассивный Восток». Международные отношения приобрели ныне подлинно всемирный характер.

Огромные изменения, происшедшие после второй мировой войны в Азии и Африке, нашли яркое отражение в Организации Объединенных Наций, где афро-азиатские государства играют все возрастающую роль в решении международных проблем. Выход афро-азиатских государств на арену мировой политики существенно способствовал изменению соотношения сил в пользу мира. Революционная энергия народных масс стран Азии, Африки, Латинской Америки, пробудившихся к политической жизни, играет роль ускорителя исторического прогресса всего человечества.

Хотя освободившиеся страны и продолжают в своем большинстве оставаться в системе мирового капиталистического хозяйства, они уже не являются тылом и резервом империализма, как это было в прошлом. Многие новые государства, возникшие в результате развала колониальной системы империализма, стали на путь самостоятельной внешней политики и отказались вступить в военные блоки. *Нейтрализм* выявил себя как новый важный фактор международных отношений, как своеобразная форма раскола капиталистического мира. Нейтрализм ряда молодых суверенных государств означает неучастие в существующих военных союзах. Но это отнюдь не отказ от активного участия в мировой политике и — что особенно важно — в борьбе против империализма. Напротив, такая борьба — необходимое условие сохранения политической свободы и завоевания экономической самостоятельности молодыми государствами Азии, Африки, Латинской Америки. Освободившиеся страны — важный союзник социалистического лагеря в борьбе за мир и международную безопасность, за полную ликвидацию колониализма.

Символом новой внешней политики, новой роли освободившихся от колониального порабощения стран стала Бандунгская конференция 1955 г., провозгласившая солидарность в борьбе против империализма важнейшей основой их внешней политики.

В послевоенный период произошли существенные *изменения и в области отношений между империалистическими государствами.*

На трансформацию этих отношений непосредственно воздействует главное противоречие современности — противоречие между социализмом и капитализмом. Развитие этого противоречия в значительной мере определяет и характер современных меж-империалистических противоречий.

В страхе перед мировыми революционными силами империалисты предприняли попытки объединиться. Под главенством Соединенных Штатов Америки был создан блок империа-

листических государств для борьбы против социализма, национально-освободительного и демократического движения. Империалистические державы пытаются осуществлять общий внешнеполитический курс и единую военную стратегию через созданный по инициативе американских и английских империалистов Североатлантический блок — НАТО, филиалами которого являются другие региональные военные блоки.

Впервые в мирное время сформировалась военная коалиция, которая имеет штабы, стандартизированное вооружение и систему обучения войск, разрабатывает общую стратегию и тактику на военных маневрах и учениях, проводящихся на территориях многих государств под руководством объединенного командования.

Чтобы укрепить экономический фундамент НАТО, правящие круги США стараются объединить своих европейских партнеров в «общий рынок». Интеграция стала знаменем империалистической внешней политики. Корни ее — в экономике и политике современного империализма. Она отражает процесс все усиливающегося переплетения интересов монополистического капитала, который вследствие своей концентрации перерос национальные рамки, и в то же время его стремление создать новый «священный союз» для борьбы против социализма, рабочего и национально-освободительного движения.

Все эти процессы связаны с дальнейшим развитием государственно-монополистического капитализма. Монополии используют государственную власть не только для того, чтобы в соответствии со своими интересами регулировать национальную экономику. Они создают надгосударственные и межгосударственные учреждения, чтобы распоряжаться по своему усмотрению целыми континентами.

Но интеграция и созданные на ее основе надгосударственные учреждения не устраняют и не ослабляют империалистических противоречий, а лишь придают им иную форму и содержание. «Международные государственно-монополистические организации, — отмечает Программа КПСС, — возникающие под лозунгом «объединения», смягчения проблемы рынка, на деле представляют собой новые формы передела мирового капиталистического рынка, превращаются в очаги острых трений и конфликтов»¹.

Развитие государственно-монополистического капитализма изменило саму «технику» межгосударственных экономических, политических и дипломатических отношений. В них все больший удельный вес приобретают соглашения и сделки, осуществляемые через межгосударственные учреждения.

Одно из проявлений государственно-монополистических тенденций в сфере международных отношений — необычайно бы-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 32.

стрый рост после войны всякого рода международных организаций. Международные конференции и совещания участников империалистических блоков и группировок стали самым частым явлением. Сам объем международных связей настолько увеличился, что он уже далеко выходит за рамки традиционной деятельности министров иностранных дел. Международные проблемы и внешняя политика стали в такой же мере предметом заботы правящих кругов, как и внутригосударственные дела. Определенные внешнеполитические миссии выполняют практически почти все деятели правительств, значительная часть парламентариев, лидеры политических партий, представители деловых кругов, вооруженных сил и т. д.

Колоссально возросла роль внешнеполитических вопросов во всей политической жизни, в борьбе буржуазных партий, в деятельности воротил «большого бизнеса». Крупнейшие монополии осуществляют свои заграничные операции не только через послушный им государственный аппарат, правительственные миссии и учреждения, но и межгосударственные организации. Они сами учреждают свои собственные «министерства иностранных дел», которые управляют сетью заграничных филиалов и дочерних предприятий монополий. Через эти свои опорные базы монополии активно вмешиваются в дела других государств, плетут сеть политических интриг, проводят свою «внешнюю политику».

Создание НАТО и связанных с ней военных блоков, в которых американские, английские, французские империалисты объединились с монополистической буржуазией разгромленных фашистских держав во имя подготовки войны против социалистического мира и разгрома национально-освободительного движения, возродило худшие элементы довоенных международных отношений. Однако вернуть мир к старому не удалось и не удастся. Изменение соотношения сил на международной арене в пользу социализма — процесс необратимый.

В борьбе за обеспечение международной безопасности, как и во всякой борьбе нового со старым, могут быть подъемы и спады, успехи и временные неудачи. Но *основная тенденция развития международных отношений — это утрата империализмом решающей роли в мировой политике, с одной стороны, и расширение сферы международных отношений нового типа, связанной с ростом мирового социализма, — с другой.* Тем самым создаются все предпосылки, чтобы коммунизм с честью выполнил великую миссию, возложенную на него историей, — избавить человечество от войн, утвердить на земле свободу и счастье всех народов.

Значение, сложность и многообразие международных отношений после войны делают чрезвычайно актуальной научную разработку, обобщение, оценку тенденций и перспектив в этой области общественной жизни.

Изучение современных международных отношений — молодая наука, возникшая *«на стыке»* ряда общественных наук. Раньше международными отношениями занимались главным образом историки, а сейчас необходимы совместные усилия историков, экономистов, юристов, специалистов в области военного дела.

Международные отношения — совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических, военных связей и взаимоотношений между народами, между государствами и системами государств, между основными социальными, экономическими и политическими силами и организациями, действующими на мировой арене. Главную, определяющую роль при этом играют *классовые отношения*, и международная политика каждой исторической эпохи отражает наиболее важные черты и специфические особенности, вытекающие из характерной для этой эпохи *расстановки классовых сил*. Международные отношения той или иной эпохи обусловлены характером соответствующих общественно-экономических формаций и государств, экономическими и политическими интересами господствующих в них классов.

Основа научной разработки проблем международных отношений — общие принципы марксизма-ленинизма, а также многочисленные конкретные указания классиков марксизма-ленинизма по вопросам международных отношений и внешней политики и развитие теоретических положений по этим вопросам в партийных документах.

Основополагающее значение для изучения послевоенных международных отношений имеют: система взглядов В. И. Ленина в области международных отношений и внешней политики, положения XX съезда о некоторых принципиальных вопросах международного развития, документы совещаний коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг., материалы XXII съезда и Программа КПСС. Содержащаяся в Программе КПСС глубокая всесторонняя характеристика нашей эпохи является фундаментальным руководством для исследования послевоенных международных отношений и тенденций их развития.

Программа КПСС, проникнутая возвышенными идеями Мира, Труда, Свободы, Равенства, Братства и Счастья, сама стала важным фактором развития международных отношений. Претворение в жизнь всемирно-исторических задач, намеченных Программой, определит международные отношения грядущих десятилетий. Только партия, проникнутая оптимистической уве-

ренностью в победе новых, подлинно гуманных начал в области международных отношений, могла разработать двадцатилетнюю программу строительства коммунизма, важнейшей предпосылкой осуществления которой является длительный и прочный мир.

Опираясь на Программу КПСС и другие документы творческого марксизма-ленинизма, авторский коллектив данной работы предпринял попытку всестороннего научного исследования международных отношений после второй мировой войны. Авторы ставили перед собой следующие основные задачи:

- не только изложить факты, но и выявить закономерности, тенденции развития, теоретически обобщить новые явления международной жизни, оценить перспективы развития международных отношений в современную эпоху;

- всесторонне осветить решающую роль успехов социализма в экономическом соревновании двух систем, роль миролюбивой внешней политики СССР и социалистического лагеря в борьбе за сохранение мира и международную безопасность;

- разоблачить агрессивный внешнеполитический курс империалистических держав во главе с США и буржуазную фальсификацию основных проблем международной политики.

Различным аспектам международных отношений после второй мировой войны посвящено немало работ научного и особенно пропагандистско-публицистического характера, написанных как марксистами, так и буржуазными авторами. Авторы данного труда стремились максимально учесть основные научные труды советских ученых и прогрессивных исследователей других стран, посвященные тем или иным международным проблемам послевоенного периода. В работе использованы важнейшие публикации документов, статистических данных и другие материалы.

Настоящая работа состоит из трех томов. Хронологические рамки каждого тома отражают периодизацию международных отношений после второй мировой войны в соответствии с внутренней логикой и закономерностями главных событий и процессов на международной арене. Разумеется, не исключена некоторая условность и приблизительность хронологических рамок отдельных периодов.

Первый том: 1945—1949 годы. В эти годы происходит становление и укрепление мировой социалистической системы. К концу указанного периода социалистическая система утвердилась на огромных пространствах от Эльбы до Южно-Китайского моря. Ее новые рубежи знаменовали банкротство политики «отбрасывания» коммунизма.

В первое послевоенное пятилетие Советский Союз одержал одну из решающих побед в соревновании двух систем, не только

завершив восстановление хозяйства, но и сделав к концу его большой шаг вперед в экономическом развитии и укреплении своей оборонной мощи. В 1949 г. была ликвидирована атомная монополия США, являвшаяся величайшей угрозой для социалистического лагеря и дела мира во всем мире, главной ставкой в борьбе американского империализма за мировое господство. Советский Союз, став атомной державой, укрепил свои позиции самого мощного в военном отношении государства, а успехи его в мирном использовании атомной энергии послужили новым доказательством экономического превосходства социализма над капитализмом, способности Советского Союза превзойти США в развитии сложнейших отраслей техники.

В течение 1945—1949 гг. наметились и утвердились важнейшие основы послевоенного мирного урегулирования.

Первую мировую войну завершила версальско-вашингтонская система империалистических мирных договоров. Она закрепила передел территории мира в пользу империалистических держав-победительниц. Острые этой системы было направлено против первого в мире социалистического государства и национально-освободительного движения колониальных народов. Она носила в себе зародыш будущей мировой войны.

Послевоенное урегулирование 1945—1949 гг. не привело к установлению империалистического мира. Вторая мировая война благодаря решающей роли СССР в разгроме фашизма превратилась в великую битву народов за торжество демократии и освобождение от империалистического гнета. Она завершилась коренным изменением соотношения сил в пользу социализма и положила начало распаду колониальной системы империализма. Успехи мирового социализма и национально-освободительного движения, укрепление демократических сил во всех капиталистических странах определили условия послевоенного урегулирования. Реакционные силы империализма, потерпевшие поражение в войне, не сумели выиграть и так называемую «битву за мир». Оказался несостоятельным курс империалистов США на установление мирового господства.

Империализму не удалось восстановить капиталистические порядки в народно-демократических странах Европы. Существенное значение в процессе формирования мировой социалистической системы имела победа народных сил в Чехословакии в феврале 1948 г. и образование ГДР в 1949 г. Потерпели полный провал попытки империалистов сохранить прогнивший режим Чан Кай-ши в Китае. Образование КНР в 1949 г. в огромной мере укрепило силы мирового социализма и явилось одним из наиболее тяжелых поражений империализма.

Складывание и укрепление мировой социалистической системы способствовало подъему борьбы за независимость колониальных народов. Эта борьба лишила империалистов былой власти над колониальным миром. Новые государства Азии, воз-

ники в результате развала колониальной системы империализма, заняли позицию нейтралитета. Внешняя политика этих стран выявила себя как новый положительный фактор международных отношений.

Период 1945—1949 гг. представляет собой четко обозначившийся этап в развитии послевоенного цикла в мировом капиталистическом хозяйстве. К концу этого периода страны Западной Европы в основном преодолели последствия военной разрухи. Гегемония США на мировом капиталистическом рынке сменяется обострением конкурентной борьбы. Отражением усилившейся неравномерности развития и структурных сдвигов в мировом капиталистическом хозяйстве явился экономический кризис в США 1948—1949 гг.

Углубление общего кризиса капиталистической системы находит свое выражение в росте государственно-монополистического капитализма и ставке на милитаризацию как важнейшее средство стимулирования экономики. Новым фактором стало возникновение межгосударственных монополистических объединений. Такая тенденция проявилась в попытках экономического объединения Европы на основе «плана Маршалла» как базы для общеевропейского военно-политического блока под эгидой США. Важнейшая веха в послевоенном складывании империалистических блоков — создание НАТО в 1949 г.

В 1945—1949 гг. отчетливо определились два курса в международной политике и сформировались международные организации, в рамках которых развернулась борьба по вопросам мирного урегулирования.

Второй том: 1950—1955 годы. В этот период происходят новые большие сдвиги в соотношении сил на мировой арене. Создаются предпосылки, которые позволили XX съезду КПСС сформулировать важнейшие по своему значению положения по проблемам мирного сосуществования и сделать вывод о возможности предотвращения новой мировой войны.

В рассматриваемые годы значительно усиливается экономическая и политическая мощь социалистического лагеря, укрепляется его единство. Советский Союз осуществляет важные политические и хозяйственные мероприятия, позволившие обеспечить мощный подъем промышленности и развитие сельского хозяйства. Страны народной демократии добиваются новых успехов на пути социалистического развития. Происходят дальнейшие изменения в соотношении военной мощи империалистического и социалистического лагерей в пользу социализма. Советский Союз опережает США в области производства водородного оружия.

Для данного периода характерно дальнейшее усиление национально-освободительной борьбы угнетенных народов. Вслед за народами Юго-Восточной Азии на борьбу за свободу поднимаются народы Ближнего Востока и Африки; усиливается

антиимпериалистическое движение в Латинской Америке. Отличительная черта этого периода — широкий выход на мировую арену новых государств.

В то же время в 1950—1955 гг. еще больше обостряются все противоречия капитализма, империалистическими державами предпринимаются новые попытки «отбросить» коммунизм и сдержать национально-освободительное движение путем перехода к актам прямой вооруженной агрессии, что особенно отчетливо проявилось на примере интервенции в Корею и Индокитае.

Особое значение внутри этого периода приобрели 1953—1955 годы, ознаменовавшиеся усилением активности миролюбивой внешней политики Советского Союза, усилением ее действенности. ЦК КПСС и Советское правительство стали на путь смелого и решительного преодоления отрицательных последствий культа личности Сталина. Миролюбивая инициатива Советского Союза и других социалистических стран способствовала прекращению военных действий в Корею и Индокитае, созыву Женевского совещания глав четырех правительств, известному ослаблению международной напряженности в конце этого периода.

Третий том: 1956—1961 годы. Исходный пункт этого периода совпадает с XX съездом партии, состоявшимся в условиях, когда обозначились новые крупные сдвиги на международной арене в пользу мирового социализма. Главный итог этого периода заключается в том, что именно в эти годы резко обозначился перевес сил социализма, в огромной степени возросло влияние мировой социалистической системы на весь ход исторического развития.

Для социалистического лагеря 1956 год был годом начала новой консолидации на основе исторических решений, принятых XX съездом КПСС, консолидации, выражением которой была Декларация Совещания коммунистических и рабочих партий в ноябре 1957 г. В результате успехов в мирном соревновании с капитализмом мировая социалистическая система во все большей мере превращалась в доминирующий фактор мирового развития. XX съезд, оказавший глубокое воздействие на весь ход международной жизни, означал новый этап борьбы коммунистических и рабочих партий и всех сил мира и прогресса против войны, за мирное сосуществование, за демократию и социализм.

Советский народ, успешно выполняя семилетний план, приступил к развернутому строительству коммунизма. XXI съезд КПСС провозгласил, что социализм в СССР одержал полную и окончательную победу. Новые гигантские успехи в развитии науки и техники Советского Союза, получившие широкое международное признание, особенно наглядно проявились в освоении космоса.

Произошли огромного значения сдвиги в социальной структуре, экономическом и политическом развитии стран народной

демократий, что привело к ликвидации возможности реставрации капитализма в этих странах. Учитывая эти непреложные факты, Совещание представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г. сделало вывод, что полная победа социализма обеспечена в рамках всей социалистической системы в целом.

Мировая социалистическая система создала гарантию суверенитета не только для всех входящих в нее государств. Она стала могучей опорой борьбы за суверенитет и независимость для всех стран, которым угрожает агрессия империалистов.

Новый размах приобретает в этот период национально-освободительное движение народов, опирающееся на поддержку социалистических государств. Это движение нанесло ряд сокрушительных ударов империализму в Азии, а также в Африке — последнем оплоте старого, классического колониализма. Народная революция на Кубе знаменовала новый этап в освободительной борьбе народов Латинской Америки.

Вместе с тем в эти годы произошли важные изменения в расстановке сил в империалистическом лагере. Они были связаны с относительным уменьшением удельного веса США в экономике и политике капиталистического мира, с выдвижением Западной Германии в число крупнейших по своей экономической мощи империалистических держав в Европе и включением ее в НАТО, с восстановлением позиций Японии и Италии. Именно в этот период империалистический лагерь предпринял попытку изменить соотношение сил в свою пользу, подготовив войну в Египте и контрреволюционный мятеж в Венгрии. Поражение империализма в Египте и Венгрии продемонстрировало, что расстановка сил на мировой арене коренным образом изменилась и что лагерь империализма не в состоянии укрепить свои позиции путем локальных войн и контрреволюционных мятежей. Середина 50-х годов является, таким образом, тем рубежом, когда ясно наметились контуры нового, третьего этапа общего кризиса капитализма, развернутая характеристика которого дана в новой Программе КПСС.

Вторая половина 50-х — начало 60-х годов заполнены острой и напряженной борьбой на международной арене, упорным противодействием сил империалистической реакции и агрессии силам социализма, демократии и мира, выступающим за ослабление международной напряженности, за разоружение, за окончательную ликвидацию колониализма, за осуществление принципов мирного сосуществования.

Тяжелый кризис наступил для империалистической политики «с позиции силы», и, наоборот, все более активной, все более действенной становится внешняя политика СССР и других социалистических государств.

Совершенствуются методы советской дипломатии. По инициативе Советского Союза в дипломатической практике начинают

играть большую роль личные контакты руководителей государств и международные совещания на высшем уровне.

Все это укрепляет материальные и моральные предпосылки упрочения мира и международной безопасности.

Заключительные страницы третьего тома посвящены событиям 1961 г., когда состоялся XXII съезд КПСС, утвердивший новую Программу партии. XXII съезд подвел итоги всему периоду с 1956 по 1961 г., вскрыл характерные черты и особенности развития международных отношений этого времени.

Главная редакция

* *
*

Настоящий трехтомный труд — результат совместной работы большого коллектива советских международных — научных сотрудников Института мировой экономики и международных отношений и других научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, профессоров и преподавателей ряда высших учебных заведений, сотрудников Министерства иностранных дел СССР и других внешнеполитических учреждений.

Научное руководство изданием осуществляла Главная редакция.

Авторами первого тома являются: главы I — *Н. Г. Павленко* и *В. Б. Княжинский*, глав II, IV и XIII — *А. Г. Милейковский*, главы III — *К. Л. Майданик* и *Т. Т. Тимофеев*, главы V — *В. Б. Княжинский*, главы VI — *Д. Г. Томашевский*, главы VII — *М. С. Капица*, *А. А. Лаврищев* и *В. П. Нихамин*, главы VIII — *Ш. П. Санакоев* и *Я. М. Шавров*, главы IX — *С. А. Микоян*, главы X — *О. Э. Туганова*, главы XI — *Р. М. Аваков*, главы XII — *А. Ф. Шульговский*, главы XIV — *Н. Н. Иноземцев*, главы XV — *В. Г. Трухановский*, главы XVI — *Н. Н. Молчанов*, главы XVII — *В. И. Гантман*, главы XVIII — *Д. Е. Мельников*, главы XIX — *Л. Н. Кутаков*, главы XX — *В. Л. Исраэлян*, главы XXI — *Г. И. Морозов*, главы XXII — *В. М. Хайцман*, главы XXIII — *А. И. Шапиро*, глав XXIV и XXV — *Л. И. Львов*, главы XXVI — *Ю. А. Арбатов*, главы XXVII — *Ю. М. Мельников* и *И. И. Орлик*.

Научное редактирование отдельных разделов провели: *В. И. Гантман*, *Ю. М. Мельников*, *С. А. Микоян* и *Н. Н. Молчанов*.

Основная научно-вспомогательная работа проведена сотрудниками Отдела международных отношений ИМЭМО АН СССР *И. М. Ивановой*, *Е. Н. Новосельцевым*, *Л. А. Салычевой*, *Ю. В. Емельяновым*, *Е. П. Кассировой*, *Е. И. Селезневой* и *Г. К. Селезевым*.

Литературные редакторы *О. В. Шаргородская* и *М. Д. Важнин*. Именной и предметный указатели составлены *Л. А. Салычевой*.

Карты составлены *Г. Г. Чумаловой* и *Э. А. Шмуйлович*.

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Развитие послевоенных международных отношений неразрывно связано с расширением и углублением мирового революционного процесса в итоге разгрома фашизма во второй мировой войне. Разжигая эту войну, империалистические группировки не только добивались передела или сохранения сфер своего господства, но и рассчитывали подавить революционные силы во всем мире, вернуть мир к эпохе всевластия капитала. Однако эта главная установка империалистической политики и стратегии потерпела в ходе второй мировой войны полный провал. Жизнь еще раз доказала, что империализм не в состоянии путем войн приостановить развитие мировой социалистической революции, снять органически присущие монополистическому капитализму острейшие классовые противоречия, порождающие революцию.

Решающая роль в войне против фашизма социалистического Советского Союза и вклад народов капиталистических стран — участниц антифашистской коалиции в разгром основных отрядов международной контрреволюции способствовали коренным изменениям в соотношении классовых сил на мировой арене. Невиданные лишения и страдания, причиненные войной трудящимся во многих странах, породили новую революционную энергию, стремление масс покончить не только с непосредственным источником агрессии — фашизмом, но и с общественной системой, порождающей империалистические авантюры, — капитализмом.

Основные тенденции международных отношений послевоенного периода либо вызревали в ходе этой гигантской схватки между фашизмом — ударной силой международной реакции — и социализмом — авангардом всех прогрессивных сил мира, либо тесно связаны с ее результатами. Таким образом, для

правильного понимания и объяснения современного международно-политического развития необходима глубокая марксистско-ленинская оценка тех сдвигов и изменений, которые произошли в ходе и в результате войны. Исследование международных отношений в послевоенный период настоятельно требует анализа важнейших итогов второй мировой войны и ее последствий для развития мирового революционного процесса.

Именно эту задачу и поставили перед собой авторы раздела, посвященного международно-политическим итогам второй мировой войны. Они анализируют характер минувшей мировой войны, раскрывают цели, которые ставили правящие круги двух группировок империалистических держав, с одной стороны, Советский Союз и народные массы капиталистических и колониальных стран — с другой. В разделе исследуются условия, в силу которых в те годы стало возможным создание антигитлеровской коалиции, объединившей в борьбе против группировки фашистских государств первое в мире социалистическое государство и основные «западные демократии», а также причины, определившие внутренние противоречия и распад такой коалиции после войны. Изучение военного периода позволяет установить конкретные изменения в расстановке классовых сил во всемирном масштабе.

Большое место в разделе отведено военно-стратегическим итогам второй мировой войны, поскольку они приобрели исключительно важное политическое значение.

Реакционные круги обеих основных группировок капиталистических держав, столкнувшихся в войне, уповали на то, что в результате этой войны Советский Союз будет уничтожен или максимально истощен и война закончится империалистическим миром. Что же касается условий этого мира, то империалистические силы каждой из этих группировок, и прежде всего Германии и Соединенных Штатов, рассчитывали разбить другую группировку и обеспечить установление своего мирового господства.

Однако реальные итоги войны определялись решающей ролью Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии, фашистской Италии, милитаристской Японии и их сателлитов, развитием вооруженной антифашистской борьбы в форме движения Сопротивления, военным, экономическим и политическим крахом фашизма. «Советский Союз, — отмечается в Программе КПСС, — спас человечество от фашистского порабощения»¹. В стратегическом отношении Советский Союз вышел из второй мировой войны значительно более сильным. Это означало провал главной цели империалистических держав.

В первом разделе тома показаны те глубокие изменения в экономике и политике современного капитализма, которые были

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 18.

вызваны второй мировой войной и связанными с нею социальными потрясениями. В ходе войны и после нее неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран усилилась. Существенное влияние на послевоенные международные отношения оказал быстро развивавшийся во многих странах в связи с войной государственно-монополистический капитализм. В мировом капиталистическом хозяйстве произошли крупнейшие структурные сдвиги.

Капитализм вышел из войны резко ослабленным, с пассивным балансом как в экономическом, так и в политическом отношении. Поскольку ряд стран с огромной территорией и значительным населением, с громадными материальными ресурсами отпал от капитализма, мировое капиталистическое хозяйство было вынуждено развиваться в суженной сфере. Империализм, как общественная система, породившая фашизм и войну, был глубоко скомпрометирован в глазах народов. Политическая власть монополий была потрясена до основания почти во всех европейских странах и в Японии. Начался быстро прогрессирующий распад колониальной системы. Все это положило начало второму этапу общего кризиса капитализма, еще более острому, чем первый. Капиталистическая общественная система, не выдержав испытаний развязанной ею войны, потерпела еще одно поражение в мировом масштабе.

Подъем рабочего и коммунистического, а также демократического движения стал одной из определяющих черт мирового политического развития в период войны и в послевоенные годы. Движение Сопротивления сыграло значительную роль в достижении победы над фашизмом, способствовало росту демократических тенденций в период второй мировой войны. В ряде стран движение Сопротивления нередко перерастало рамки антифашистской борьбы, выдвигая далеко идущие задачи социального переустройства.

В ходе войны и в первые послевоенные годы на мировую арену выступило гораздо более организованное, чем в предвоенный период, национально-освободительное движение. Именно в эти годы созрел тот скачок в национально-освободительном движении, который в последующие пятнадцать лет, по существу, привел к краху колониальной системы империализма.

Все эти разносторонние процессы отразились на развитии международных отношений в последние военные годы и на проблемах послевоенного мирного урегулирования. Попытки западных держав добиться осуществления империалистического мира версальского типа провалились прежде всего потому, что Советский Союз, верный демократическим и освободительным целям, ради которых советский народ и все миролюбивые народы принесли столько жертв во второй мировой войне,

решительно воспротивился такой политической линии правящих классов США и Англии. Возможности империалистических маневров в вопросе о мирном урегулировании были значительно сужены успехами революционного движения и победами народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии. Большую роль в срыве планов империалистического лагеря сыграли также возросшая политическая зрелость и реальное влияние народных масс на внешнюю политику капиталистических правительств.

Трехсторонние международные конференции основных участников антигитлеровской коалиции в Тегеране, Ялте и Потсдаме отразили такое соотношение сил социализма и капитализма внутри этой коалиции и во всем мире, которое определялось решающей ролью Советского Союза в войне, твердостью и принципиальностью советской внешней политики, опиравшейся на поддержку широких общественных сил в различных странах. Это исключило возможность диктата западных держав на конференциях, возможность навязать Советскому Союзу империалистическую политику в отношении проблем послевоенного урегулирования.

Советский Союз, активно участвуя в этих конференциях, в большинстве случаев добился принятия в качестве общей союзнической политики таких предложений, которые могли бы стать, в случае их реального осуществления, хорошей основой для искоренения германского фашизма и ликвидации экономических основ германского империализма, создания миролюбивой демократической Германии, устранения постоянного очага опасности и упрочения мира в Европе.

Главный итог войны, заключавшийся в коренных сдвигах в соотношении сил в пользу социализма во всемирном масштабе, не только опрокинул основные политические и стратегические расчеты монополистических кругов США на укрепление позиций мирового капитализма, но и наложил глубокий отпечаток на всю систему международных отношений послевоенного периода. Второй этап общего кризиса капитализма с исторической закономерностью вел империализм к быстрой утрате его доминирующей роли на мировой арене. Империализм навсегда терял былую свободу рук. Присущие империализму закономерности переставали быть фактором, определяющим развитие международных отношений в большей части земного шара.

Если Октябрьская социалистическая революция прорвала цепь империалистических международных отношений в одном звене, то в результате радикальных изменений в соотношении сил двух систем после второй мировой войны был осуществлен фронтальный прорыв в созданной империализмом системе международных отношений. Новый тип международных отношений, отражающий закономерности социализма, становился гос-

подстывающим на обширных территориях Европы и Азии, где победила народно-демократическая революция. Создавались предпосылки для возникновения целой группы стран, не входящих ни в систему империализма, ни в систему социализма. Возросшая роль народных масс в капиталистических странах существенно ограничивала возможности империалистической политики развязывания агрессивных войн.

Все это определило благоприятные условия для значительного расширения влияния внешней политики Советского Союза и нового типа международных отношений, основанных на принципе пролетарского интернационализма, за территориальными пределами мировой социалистической системы.

Внешняя политика социализма, завоевавшего в итоге второй мировой войны неизмеримо более широкую материальную, политическую и моральную базу, становилась фактором мирового значения, во многом определяющим характер и пути развития международных отношений.

ГЛАВА I

РЕШАЮЩАЯ РОЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В РАЗГРОМЕ ФАШИЗМА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Влияние второй мировой войны на дальнейший ход мирового развития обусловлено не только небывалыми в истории масштабами военного конфликта, в который было вовлечено более четырех пятых человечества. Это влияние определялось в первую очередь тем, что характер войны и ее исход были обусловлены схваткой социальных, классовых сил старого и нового мира, прежде всего вооруженным столкновением между первым в мире социалистическим государством и наиболее агрессивной группировкой мирового империализма — фашистским блоком.

1. Крах политических и стратегических замыслов империалистической реакции во второй мировой войне

С момента рождения первого социалистического государства политики и стратеги империализма тешили себя надеждой удушить социализм. Однако в ответ на каждую авантюру, предпринимавшуюся империалистической реакцией с целью затормозить общественный прогресс, неизбежно рождались новые силы, подрывающие капитализм, обрекающие на гибель старый общественный строй. В таком же направлении, но на этот раз во всемирно-исторических масштабах развивались события и во время второй мировой войны.

Война началась как империалистическая. Она была закономерно порождена развитием мировых экономических и полити-

ческих противоречий монополистического капитализма. Обострение противоречий капиталистической системы в силу неравномерности развития капитализма привело к усилению империалистической борьбы за новый передел мира, к образованию двух враждебных группировок капиталистических государств. Борьба империалистической буржуазии каждой из этих группировок — и фашистских агрессоров, и так называемых «западных демократий» — непосредственно за рынки и сферы приложения капитала, а в конечном счете и за мировое господство — такова экономическая почва, на которой возникла война. Стремление фашистских держав к переделу мира, их особо агрессивный курс непосредственно привели к развязыванию войны.

Попыткам разрешить империалистические противоречия путем войны за мировое господство противостояло первое социалистическое государство. Самим фактом своего существования оно оказывало революционизирующее воздействие на трудящиеся массы капиталистических стран. Органически присущая социализму политика защиты мира находила сочувствие и поддержку среди широчайших слоев населения в капиталистических странах. Тем самым Советский Союз создавал препятствия не только любым планам передела мира, но и захватнической политике вообще. Обе сложившиеся в тот период империалистические коалиции считали войну средством, при помощи которого можно не только устранить соперников, претендующих на мировое господство, но и сокрушить или всемерно ослабить социалистическое государство, подавить революционное движение в метрополиях и национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах, укрепить таким образом устой капитализма.

Фашистские государства, выступившие в качестве инициаторов развязывания войны за передел мира, действовали одновременно и как оплот мировой империалистической реакции в ее борьбе против освободительного движения. Отбросив буржуазную демократию и установив у себя открытый террористический режим, фашистские правители провозгласили своей целью распространение фашистской тирании на весь мир и прежде всего на территорию Советского Союза, где они намеревались вооруженной силой ликвидировать социалистический строй, лишить советский народ социалистических завоеваний, обратить его в рабство. «Антикоминтерновский пакт» призван был способствовать идейному сближению правящих классов обеих конкурирующих группировок.

Фашистские агрессоры не без основания рассчитывали, что ненависть их соперников — империалистических кругов Англии, Франции и США — к социализму ослабит сопротивление последних германскому империализму. Действительно, несмотря на определенные отличия в отношении обеих империалистических группировок к Советскому Союзу накануне второй мировой

войны, их политической стратегии были присущи общие черты. Каждая из группировок настойчиво стремилась разрешить свои противоречия прежде всего за счет СССР.

Хотя монополистов США, Англии, Франции и разделяли глубочайшие противоречия с их германскими, японскими и итальянскими конкурентами, все они рассматривали фашизм как ударную силу в борьбе против социализма. Настроения правящих классов Англии в тот период ярко выражены, например, в брошюре лорда Ллойда, предисловие к которой написано видным государственным деятелем — лордом Галифаксом. Ллойд так оценивал в начале войны политику Гитлера: «Как бы отвратительны ни были его методы, как бы вероломна ни была его дипломатия, каким бы нетерпимым он ни был к правам других европейских народов, он мог претендовать на то, чтобы считаться защитником общеевропейских интересов, а это могло когда-либо послужить основой для достижения взаимопонимания с ним других наций, равным образом исполненных решимости не приносить в жертву на алтарь мировой революции свои традиционные институты»¹. Именно поэтому западные государства не только способствовали укреплению власти фашистов, но и открыли путь для их агрессии. Империалистические круги западных государств потворствовали военным приготовлениям Германии, Италии и Японии, срывая организацию системы коллективной безопасности, за что боролся Советский Союз. До последнего момента они все еще надеялись направить фашистскую агрессию против страны социализма.

История международных отношений кануна второй мировой войны изобилует многими фактами, отражающими политику провоцирования войны против Советского Союза². Осуществляя эту политику, «западные демократии» отдавали одну за другой страны Центральной и Восточной Европы в руки фашистских агрессоров, подталкивая последних в сторону СССР. Кульминационным пунктом этой политики был Мюнхен. Ослабить или задуть руками своих фашистских конкурентов Советский Союз, обрушиться затем на ослабленных войной империалистических соперников и установить свое господство в мире — такова была политическая стратегия «западных демократий». Она привела к тому, что Советский Союз не смог добиться создания прочной системы коллективной безопасности и оказался вынужденным подписать 23 августа 1939 г. предложенный Германией договор о ненападении.

Реакционным верхам «западных демократий» не удалось направить агрессию Гитлера только против Советского Союза и создать предпосылки для совместного «крестового похода против большевизма». Их провокационные маневры непосредственно

¹ *Lloyd of Dolobran. The British Case. New York, 1940, p. 83—84.*

² См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. I. М., 1960, стр. 131—173, а также В. Матвеев. Провал мюнхенской политики (1938—1939 гг.), М., 1955; А. Батулин. США и Мюнхен. М., 1961.

накануне второй мировой войны потерпели банкротство. Межимпериалистические противоречия возобладали в тех условиях над силами, сближавшими обе противостоящие группировки. Внешняя политика Советского Союза, в полной мере учитывавшая соперничество двух группировок, расстроила планы организации «крестового похода» против социализма.

Решая вопрос об очередности нанесения ударов, германские фашисты и японские милитаристы руководствовались собственными соображениями политической и стратегической целесообразности. Гитлер считал Советский Союз более сильным противником и поэтому обрушил свои первые удары на западные государства. Что же касается японских милитаристов, то, как отмечал Н. С. Хрущев в беседе с главным редактором японской газеты «Асахи симбун», «если Япония напала на США, а не на нас, то это было сделано по расчетам генерального штаба Японии — имелось в виду сперва разгромить Китай и США, а затем обрушиться на Советский Союз, когда мы будем обессилены в войне против гитлеровской Германии»¹.

Мюнхенцы в руководящих кругах западных держав и после начала войны в Европе следовали прежнему политическому курсу. Они не раз пытались перевести начавшуюся войну на другие рельсы, направить ее против СССР. Де Голль в своих мемуарах писал, что в то время некоторые влиятельные группировки во Франции «были больше озабочены тем, как нанести удар России..., чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией»². В английском парламенте тогда открыто говорилось, что основная цель английского правительства — «переключить войну с Германией на Россию». Этим объясняется весь ход «странной войны» Англии и Франции против фашистской Германии в 1939—1940 гг., провокационные замыслы нападения на СССР через Турцию («план Вейгана») и Финляндию, которые вполне серьезно вынашивались в те годы в генеральных штабах Англии и Франции. Покуда вооруженные силы Англии и Франции на Западном фронте бездействовали, Гитлер расправлялся с Польшей и другими их союзниками.

В итоге фашистская Германия смогла сравнительно быстро и без особых усилий оккупировать или подчинить своему влиянию ряд европейских стран. Меньше месяца потребовалось германским войскам для захвата Польши. Норвегия была полностью оккупирована за два месяца, Дания — в течение одного дня. За 19 дней фашистская Германия поработила Бельгию, Голландию и Люксембург. Затем в течение 44 дней была разгромлена Франция. Под диктатом Германии оказались страны Юго-Восточной Европы. Таков был финал порочной мюнхенской политики. Дюнкерк, поставивший на грань катастрофы и Англию, был лишь логическим следствием Мюнхена.

Опьяненные легкими победами, агрессоры считали единственной приемлемой основой для соглашения с соперниками установление своего мирового господства.

Капиталистические государства Центральной и Западной Европы были разгромлены, и фашистская Германия решила начать поход на Советский Союз. Немецко-фашистское руководство не без основания рассчитывало, что с поражением Советского Союза будут созданы все предпосылки для быстрого и полного сокрушения Британской империи.

¹ Н. С. Хрущев. За прочный мир и мирное сосуществование. М., 1958, стр. 99.

² Ш. де Голль. Военные мемуары, т. I. (Призыв. 1940—1942). Перев. с франц. М., 1957, стр. 61.

Излагая материалы совещания высших германских руководителей в Бергхофе 31 июля 1940 г., генерал Гальдер в своем дневнике приводит следующее высказывание Гитлера: «Надеждой Англии являются Россия и Америка. Если надежда на Россию исчезнет, то Америка также отпадет от Англии, поскольку разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии...»¹ В директиве Гитлера № 32 от 11 июня 1941 г. командующим родов германских войск развивались планы дальнейших действий после победоносного окончания войны против СССР. В эти планы входило установление военного господства Германии и Италии на всем Европейском континенте в 1941 г., продвигение уже в 1942 г. их вооруженных сил через Турцию и Ирак на Ближний Восток, захват Северной Африки, баз в Западной Африке и островов в Атлантическом океане, наконец, высадка в Англии и «завершение наметившегося развала Великобритании»². Кроме того, судя по записи в дневнике Гальдера от 17 февраля 1941 г., гитлеровское командование рассчитывало тогда же овладеть Афганистаном и начать захват Индии.

Фашистские агрессоры создали смертельную угрозу национальным интересам и даже самому существованию народов многих стран, в том числе Англии, Франции и других западноевропейских государств.

Еще в дни «странной войны» германское министерство иностранных дел разработало секретный меморандум об экономическом переустройстве мира после победы над Францией и Англией. В нем предусматривалось создание «великогерманской экономической сферы», в которую, наряду с уже захваченными территориями Австрии, Чехословакии и Польши, предполагалось включить и вновь завоеванные страны (на первых порах Бельгию, Голландию, Норвегию и Люксембург). Гитлеровцы планировали переселить западноевропейские народы на территорию Восточной и Юго-Восточной Европы, намереваясь предварительно истребить все славянское население.

В меморандуме Розенберга от 2 апреля 1941 г. говорилось: «Следует продумать вопрос о переселении датчан, норвежцев, голландцев и после победоносного окончания войны — англичан, чтобы можно было на протяжении жизни одного или двух поколений присоединить эту территорию в качестве онемеченной страны к коренной немецкой территории». В генеральном плане «Ост», разработанном в 1941 г. ведомством Гиммлера, планировалось физическое уничтожение или переселение десятков миллионов жителей Европы в Западную Сибирь, на Северный Кавказ, а также в Южную Америку и Африку³. Установление гитлеровского «нового порядка» с его «фабриками смерти» в оккупированных странах Европы сделало многие из этих тайных планов явными уже в годы войны.

Агрессивные замыслы германского фашизма свидетельствуют, насколько глубоки и непримиримы были империалистические противоречия, разделявшие обе группировки капиталистических государств. Наиболее дальновидные политические и военные деятели западных государств осознавали в ту пору масштабы угрозы, которую представляла гитлеровская агрессия. В своем докладе военному министру начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл писал, что если бы фашистской Германии удалось осуществить свои планы в отношении СССР и Великобритании, то американскому народу «пришлось бы... встретиться

¹ «Поражение германского империализма во второй мировой войне». Статьи и документы. Под общ. ред. генерал-майора Н. Г. Павленко. М., 1960, стр. 75.

² См. «Военно-исторический журнал», 1961, № 6, стр. 87—89.

³ См. «Генеральный план «Ост». Публикация документов». «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 83—98.

в Западном полушарии лицом к лицу с противником, у которого находилась бы уже под пятой большая часть земного шара»¹.

Народы стран, подвергшихся агрессии, увидели, какую опасность несет с собой фашизм. Организации антифашистского движения во многом способствовала борьба рабочего класса, коммунистических партий капиталистических стран против фашизма и поджигателей войны. VII конгресс Коммунистического Интернационала в 1935 г. прошел под лозунгом сплочения всех сил мира и демократии против войны и фашизма. Коммунистические партии капиталистических стран призывали народные массы добиваться совместно с Советским Союзом действий по обеспечению коллективной безопасности. Идея коллективных действий против фашистской агрессии, выдвинутая Советским Союзом и всем мировым коммунистическим движением, проникала в сознание миллионов людей.

Острота и непримиримость межимпериалистических противоречий, разоблачение характера политики фашистских государств вынуждали к более решительным действиям и правящие круги «западных демократий». Этому все настойчивее требовали и трудящиеся массы. Открытых мюнхенцев в Англии сменило правительство У. Черчилля. Учитывая настроения народа, Черчилль заявлял: «Мы сражаемся за то, чтобы спасти мир от чумы нацистской тирании». В оккупированных фашистами странах развертывалось движение Сопротивления.

В первые годы второй мировой войны усилилась непримиримая освободительная борьба китайского народа против японских милитаристов, развернулись бои польского, югославского, французского и других европейских народов против германского фашизма. Под воздействием народов война стала принимать все более антифашистский, освободительный характер. С вступлением Советского Союза в войну в ее политическом характере произошли глубокие качественные изменения. Процесс перерастания войны в освободительную, антифашистскую завершился окончательно.

После нападения фашистской Германии на СССР руководители «западных демократий» вынуждены были пойти на создание антигитлеровской коалиции с участием Советского Союза. Фашистские агрессоры угрожали не только существованию Советского Союза, жизненным интересам широких масс в «западных демократиях», но и интересам очень влиятельных групп буржуазии, в том числе монополистической, в США, Англии и ряде других стран. Необходимость защиты своих интересов толкала правящие классы этих государств на образование антигитлеровской коалиции. Хотя многие влиятельные представители западных держав мечтали о совместном с государствами «анти-

¹ «The War Reports of General of the Army G. Marshall, General of the Army H. Arnold, Fleet Admiral F. King». Philadelphia and New York, 1947, p. 149.

коминтерновского пакта» «крестовом походе» на страну социализма, им пришлось в действительности вести войну против ударной силы империализма — фашистских государств.

Как отмечал в беседе с корреспондентом американского агентства Юнайтед Пресс 14 ноября 1957 г. Н. С. Хрущев, «есть интересы классовые — буржуазии и рабочего класса, есть интересы национальные, и есть еще противоречия между империалистическими государствами. В период второй мировой войны ситуация сложилась так, что капиталистические страны вынуждены были пойти на объединение с Советским Союзом для борьбы против общего врага — агрессивной гитлеровской Германии»¹.

Разумеется, правящие классы США и Англии не изменили в этой связи своих взглядов на социализм и Советский Союз. «Всякая война, — указывал В. И. Ленин, — нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»².

Образование антигитлеровской коалиции ни в коей мере не устраняло идеологических противоречий между ее социалистическими и капиталистическими участниками. Характерно, что Черчилль начал 22 июня 1941 г. свою речь по радио о готовности Англии к союзу с СССР словами: «За последние двадцать пять лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я»³. Но межимпериалистическое соперничество Англии и США, с одной стороны, и государств фашистского блока — с другой, вынудило английские и американские правящие круги пойти на создание антигитлеровской коалиции.

Однако и после вступления СССР в войну империалистическая буржуазия западных держав по-прежнему преследовала политические цели, резко отличные от тех освободительных, демократических идеалов, к которым стремились народы, боровшиеся против фашизма. О подлинных целях буржуазии в войне неоднократно говорилось в выступлениях многих видных представителей правящих классов США и Англии.

Широко известно, например, заявление сенатора Г. Трумэна, ставшего к концу войны вице-президентом, а затем президентом США. «Если мы увидим, — заявил Г. Трумэн 23 июня 1941 г., — что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше». Такие высказывания свидетельствовали о стремлении правящих кругов США и Англии к тому, чтобы Советский Союз и Германия обескровили друг друга, чтобы в послевоенном мире создались благоприятные условия для господства американских и английских империалистов.

¹ Н. С. Хрущев. За прочный мир и мирное сосуществование, стр. 254.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 24, стр. 364.

³ W. S. Churchill. The Second World War, vol. III. London, 1950, p. 331.

Как сообщил заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес в своих показаниях специальному комитету конгресса, руководящие деятели США в 1941 г. полагали, что после окончания войны наступит период, когда вплоть до создания международной организации всех государств в мире будут «функционировать полицейские силы в составе Соединенных Штатов и Великобритании». С помощью этих сил предполагалось заложить основы послевоенного устройства мира на условиях, продиктованных империалистическими кругами США.

Однако в войне, которая вовлекла в борьбу с фашизмом сотни миллионов людей, империалистическая буржуазия не смогла определять развитие событий.

Решающее значение для хода и исхода войны имело участие в ней социалистического государства. Провозглашение Советским Союзом четких и недвусмысленных политических целей борьбы против фашистских агрессоров, отвечающих стремлениям всех народов, уже само по себе наложило резкий отпечаток на характер второй мировой войны в целом. Советский Союз хотел не только ликвидировать нависшую над ним смертельную опасность. Его цели состояли также в том, чтобы:

- 1) освободить от фашистских захватчиков народы Европы и Азии и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств;

- 2) предоставить освобожденным народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве;

- 3) принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершенные ими злодеяния;

- 4) установить такой порядок в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;

- 5) создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного гитлеровцами хозяйства и культуры.

Провозглашенные и последовательно осуществлявшиеся Советским Союзом подлинно гуманистические и демократические цели войны, которые определялись социалистическим строем нашего государства и отвечали чаяниям всего свободолюбивого человечества, в огромной мере способствовали образованию подлинно антифашистской коалиции народов.

Народы, кровно заинтересованные в скорейшем разгроме фашизма, воздействовали на свои правительства. Учитывая настроения масс и стремясь парализовать международное влияние политической программы, выдвинутой Советским Союзом, правящие круги капиталистических государств антигитлеровской коалиции опубликовали 14 августа 1941 г. Атлантическую хартию и некоторые другие документы, в которых хоть и в расплывчатой форме, но все же провозглашались некоторые демократические цели войны.

Подписав эти документы, правительства США и Англии отдали известную дань общественному мнению. Наиболее реакционные круги обеих стран считали Атлантическую хартию всего лишь маскировкой их подлинного отношения к вопросам войны и мира. Тем не менее факт публикации таких документов не мог не означать, что сами правительства США и Англии в какой-то мере должны были считаться с антифашистским освободительным характером войны.

В соответствии с заключенными с Советским Союзом соглашениями правительства этих стран были вынуждены взять на себя определенные обязательства — вести войну против фашизма до победного конца и добиваться послевоенного урегулирования на демократических основах. Народы капиталистических государств, входивших в антифашистскую коалицию, горячо одобряли демократические цели войны. Отечественная война советского народа органически слилась с борьбой народов против фашизма, за независимость, за демократические свободы. В этих условиях потерпели провал все попытки правящих кругов США и Англии направить войну в русло обычной империалистической политики.

Крушение антисоветских политико-стратегических планов империализма во второй мировой войне вызвано прежде всего тем, что они резко противоречили закономерностям мирового общественного развития. Война против социализма, развязанная фашистской Германией и ее сообщниками, не могла идти ни в какое сравнение с войнами, которые велись когда-либо внутри капиталистической системы. В этой войне на карту были поставлены не только национальное существование и государственная самостоятельность первой в мире страны социализма, но и право всех народов на демократическое развитие, на социальный прогресс. Решающая роль, которую сыграл Советский Союз в победе над фашизмом, пример беззаветной борьбы социалистического государства за демократические цели, воздействие демократических и гуманистических идей социализма на народы капиталистических и колониальных стран — все это предопределило такие итоги второй мировой войны, каких не ожидала, развязывая ее, империалистическая реакция.

2. Историческая роль Советского Союза в победе антигитлеровской коалиции

Победа над фашистской Германией и ее союзниками была достигнута совместными усилиями народов антифашистской коалиции. Однако роль каждого из участников коалиции в завоевании победы была различной. Она определялась в первую очередь тем военным, политическим и экономическим вкладом, который был внесен каждым в это общее дело. Решающую роль

в разгроме основной, ведущей силы фашистского блока — фашистской Германии сыграл Советский Союз. Провал стратегических и политических планов германского фашизма в результате битв на советско-германском фронте определил окончательный исход войны.

Свои планы гитлеровцы строили на поочередном разгроме противников путем молниеносных ударов, на возмещении всех понесенных Германией потерь и накоплении ею сил для дальнейших кампаний за счет поработанных стран. Концепции «молниеносной войны» и были положены в основу авантюристических замыслов германского империализма. Пока гитлеровцы не напали на социалистическое государство и воевали против более слабых, к тому же небольших по территории капиталистических стран, эти планы в известной мере оправдывались. За два года войны в Европе гитлеровская Германия ценою небольших потерь (97 136 человек убитыми и пропавшими без вести) смогла овладеть ресурсами фактически всей континентальной Западной Европы. За первый период войны фашистская Германия смогла удвоить свои сухопутные войска и авиацию, резко увеличить добычу основных видов сырья и производство стратегических материалов и вооружений. Гитлеровцы, принимая план «Барбаросса», рассчитывали быстро разгромить Советскую Армию и выйти на линию Архангельск — Астрахань («А—А»), захватить ресурсы Советского Союза.

22 июня 1941 г. фашистская Германия внезапно обрушила на Советский Союз основные имевшиеся в ее распоряжении силы и средства. На советско-германский фронт было направлено 3300 тыс. человек, или 87 % общей численности германской сухопутной армии (3800 тыс.); туда же брошены все четыре танковые группы и четыре воздушных флота из пяти, имевшихся у Германии¹. 190 дивизий фашистской Германии и ее сателлитов выступили против СССР.

Легко доставшиеся гитлеровцам победы в Европе в 1939—1941 гг. окружили немецкую военную машину ореолом непобедимости. Не только сами гитлеровцы, но и многие американские и английские политики и стратеги не сомневались в скорой победе германского фашизма над Советским Союзом. Первый период войны оказался неблагоприятным для Советского Союза и его Вооруженных Сил. Одной из главных причин неудач Советской Армии в начале войны являлся грубый просчет Сталина в оценке военно-политической обстановки.

Однако дальнейший ход военных действий на советско-германском фронте скоро развеял ореол «непобедимости» фашистской армии. На этом фронте был не только прегражден путь дальнейшему расширению немецко-фашистской агрессии, но и осуществлен коренной перелом во всей второй мировой войне в пользу антифашистской коалиции. Здесь нашла гибель самая мощная армия капиталистического мира, обладавшая большим опытом ведения современной войны и опиравшаяся на материальные и людские ресурсы всех континентальных стран За-

¹ См. «Поражение германского империализма во второй мировой войне», стр. 88.

падной Европы. Советская Армия разгромила ударную силу империалистической реакции. Тем самым были predeterminedены исход всей мировой войны, судьбы цивилизации и прогресса человечества, которым угрожал фашизм.

В напряженной борьбе, которая велась с превосходящими силами противника на огромных пространствах, значительно превышающих протяженность фронтов на Западе, Советские Вооруженные Силы в первый период войны стремились добиться перелома в войне, овладеть стратегической инициативой. Они захватили и упрочили ее к 1943 г. Победы под Москвой в 1941 г., на Волге в 1942—1943 гг. и под Курском в 1943 г. знаменуют собой важнейшие вехи второй мировой войны.

Гитлеровская армия истекала кровью в боях. По документальным данным германского командования, только сухопутные германские войска потеряли на Восточном фронте к марту 1945 г. убитыми, пропавшими без вести, ранеными, не вернувшимися в строй, 6315 тыс. человек. Гитлеровцы не смогли возместить эти колоссальные потери даже оголением других фронтов. Против Советских Вооруженных Сил сражалось от 60 до 80% всех гитлеровских сухопутных войск.

Даже после открытия второго фронта в Западной Европе в июне 1944 г. Восточный фронт по-прежнему поглощал основную массу людских и материальных ресурсов германского фашизма. Бывший начальник оперативного отдела гитлеровских войск в Западной Европе Б. Циммерман пишет: «Можно сказать без преувеличения, что Восточный фронт настойчиво выкачивал из немецких армий, находившихся на Западе, всю боеспособную живую силу и технику»¹. Чтобы восстанавливать и пополнять разгромленные Советской Армией части, немецко-фашистское командование вынуждено было неоднократно проводить так называемые тотальные мобилизации, а также создавать большое количество новых формирований. Однако, как ни старалось главное командование поддерживать численность и боеспособность своих войск на советско-германском фронте, ему это не удавалось.

Советская Армия своими мощными ударами истощила силы Германии и ее союзников и в конечном счете нанесла им полное поражение. Общие потери немецко-фашистских войск на востоке составляют огромную цифру — не менее 10 млн. человек². Эти потери, по признанию гитлеровского генерала Йодля, полностью истощили к январю 1945 г. резервы фашистской Германии.

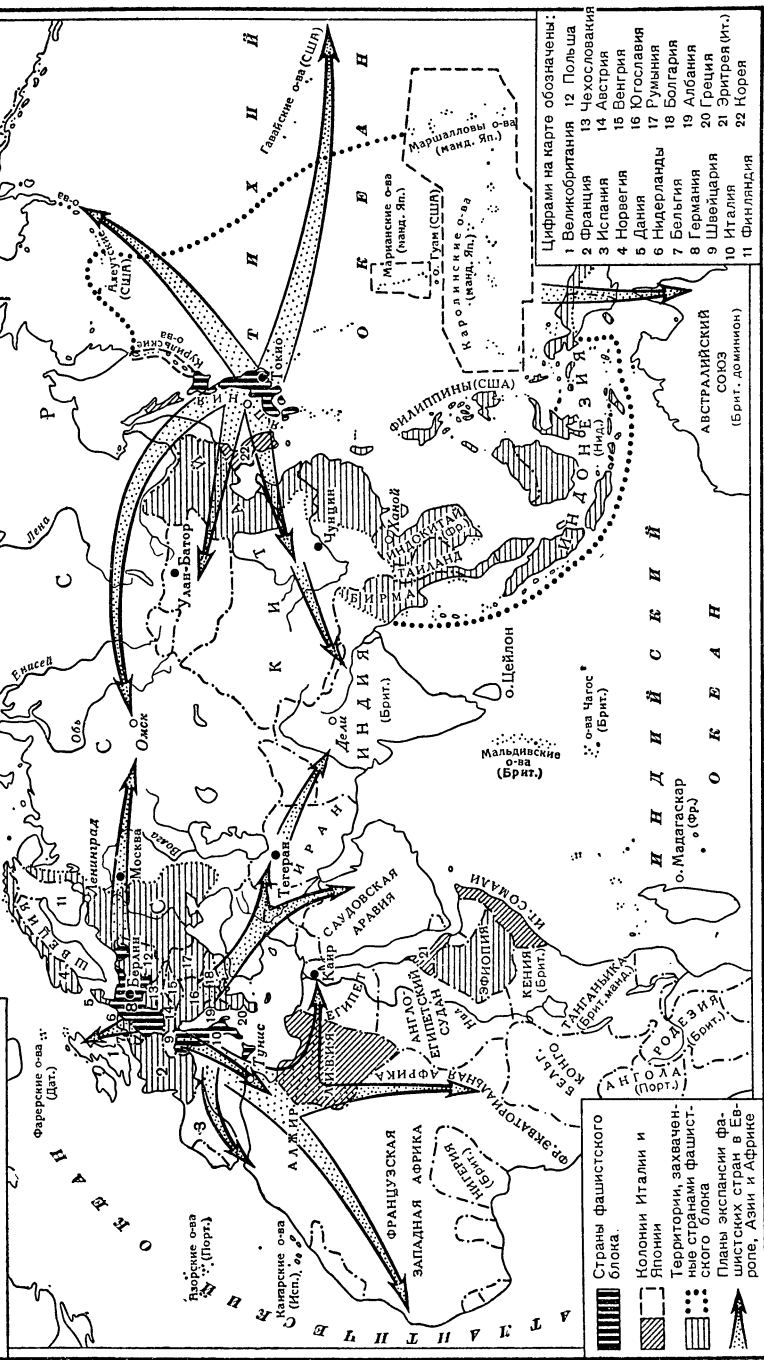
Потери и поражения гитлеровской армии на советско-германском фронте, вынужденные переброски крупных немецких сил с других театров войны и с оккупированных территорий весьма осложняли проведение там операций немецко-фашистской армии.

Главной причиной прекращения воздушной войны против Англии в мае 1941 г. явилась переброска немецкой авиации для нападения на Советский Союз. Отвлечение крупных сил немецкой авиации с Атлантического побережья и Средиземного моря на советско-германский фронт значительно облегчило англо-американскому командованию защиту своих морских коммуника-

¹ З. Вестфаль и др. Роковые решения. Перев. с англ. М., 1958, стр. 219.

² См. «Коммунист», 1961, № 8, стр. 20.

ЭКСПАНСИЯ СТРАН ФАШИСТСКОГО БЛОКА

ций. Бывший вице-адмирал немецко-фашистского флота Курт Ассман в своей статье «Война на море» указывает, что переброска части военно-воздушных сил из района Средиземного моря в Россию для подготовки там летнего наступления 1942 г. дала возможность англичанам вернуть потерянное господство на море¹.

Напряженные бои с советскими войсками настолько истощили фашистскую Германию, что к моменту открытия второго фронта она была вынуждена перейти к обороне повсюду и не имела ни сил, ни средств для предотвращения высадки американских и английских войск в Западной Европе. Как признает в своем исследовании американский буржуазный историк Ф. Погью, «войска противника на Западе... ощущали отрицательное влияние слишком большой растянутости, служили резервом живой силы для Восточного фронта и пополнялись войсками, истощенными в боях на Востоке»².

Война фашистской Германии против Советского Союза привела к крайнему оскудению ее материальных ресурсов. На Восточном фронте Германия потеряла основную массу военной техники, в частности три пятых всех самолетов. Экономика Германии оказалась неспособной обеспечить производство военной техники и материальных фондов в тех огромных масштабах, каких потребовала война. Значение наступательных действий советских войск состояло не только в том, что немецко-фашистская армия несла колоссальные потери в людях и технике, но и в том, что в результате этих действий суживалась экономическая база фашистской Германии.

Вопреки распространяемой буржуазными исследователями версии о решающей роли «бомбардировочного наступления» авиации Англии и США, отнюдь не этим было обусловлено поражение Германии. Эффект бомбардировок был далеко не таким, какого можно было ожидать, судя по реляциям союзного командования. Несмотря на бомбардировки, военное производство Германии до середины 1944 г. непрерывно расширялось. Западным державам не удалось своими бомбардировками заметно ослабить и германское производство основных видов стратегического сырья. Решающей причиной падения производства в Германии, начиная с середины 1944 г., являлась эвакуация заводов из ее восточных районов и потеря источников стратегического сырья в Восточной Европе³.

Наступление Советской Армии принудило гитлеровские войска оставить оккупированные ими территории и страны и привело в расстройство военную промышленность фашистской Германии, получавшую основные материалы из этих стран. Как отмечал после окончания войны немецкий экономист Ганс Керль, «промышленное производство в связи с прекращением поставок из бывших оккупированных районов и возникновением угрозы для пограничных районов было поставлено в весьма критическое положение»⁴.

Советский народ нанес фашизму сильнейшее моральное поражение. Победоносная борьба СССР стала важнейшим стимулом к разворачиванию освободительного движения народов, подпавших под иго империалистических захватчиков. Благодаря успехам СССР все участники борьбы против германского

¹ См. «Итоги второй мировой войны». Сборник статей. Перев. с нем. М., 1957, стр. 171.

² Ф. С. Погью. Верховное командование. Перев. с англ. М., 1959, стр. 191.

³ См. А. Лаговский. Стратегия и экономика. М., 1957, стр. 138—141.

⁴ «Итоги второй мировой войны», стр. 382.

фашизма обретали веру в то, что он может быть сокрушен.

В ходе Великой Отечественной войны были разгромлены и уничтожены главные силы не только гитлеровской Германии, но и ее европейских союзников. Именно под ударами Советской Армии одна за другой выходили из войны союзные с Германией страны (Италия и др.). Это означало решительный и полный подрыв политических, экономических и моральных основ фашистского блока и предопределило окончательное поражение германского империализма и поддерживавших его сил.

Решающая роль Советского Союза в разгроме германского фашизма признавалась в свое время руководителями правительств Соединенных Штатов и Англии. Президент США в письме Председателю Совета Министров СССР 23 февраля 1943 г. отмечал, что «Красная Армия и русский народ наверняка заставили вооруженные силы Гитлера идти по пути к окончательному поражению и завоевали на долгие времена восхищение Соединенных Штатов»¹. Тот факт, что Советский Союз внес огромный вклад в достижение победы над фашистскими ордами, вынужден был неоднократно признавать в годы войны и У. Черчилль, хотя впоследствии он предпринимал многочисленные попытки исказить эту очевидную истину.

23 февраля 1945 г. Черчилль писал: «Красная Армия празднует свою двадцать седьмую годовщину с триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма. Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед»².

Огромный вклад внес Советский Союз и в разгром японского милитаризма. Свои стратегические планы правящие круги Японии строили в расчете на победу гитлеровской Германии в войне против Советского Союза.

Это прямо подчеркивалось в документе «Основы политики императорского правительства в современных условиях», одобренном незадолго до вступления Японии в войну на совещании высших японских сановников, на котором присутствовал император. «Наша позиция в отношении немецко-советской войны, — указывалось в этом документе, — будет базироваться на положениях тройственного пакта (о союзе с Германией. — Авт.). Мы не вступим в войну в течение некоторого времени, но будем настойчиво осуществлять военные приготовления против Советов... В случае, если германо-советская война будет развиваться в выгодном для нас направлении, мы используем наши вооруженные силы, разрешим советский вопрос»³.

На Тихом океане против союзных вооруженных сил действовали главные силы японского флота. Основная же масса японских сухопутных войск в течение всей войны на Тихом океане

¹ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II. М., 1957, стр. 57.

² «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. М., 1957, стр. 310.

³ «Военно-исторический журнал», 1961, № 6, стр. 59.

располагалась в Северо-Восточном Китае (у границ СССР), в южных и центральных районах Китая и на Японских островах¹. На протяжении всей Отечественной войны Советскому Союзу угрожала с тыла огромная японская Квантунская армия. Эта угроза вынуждала Советский Союз держать на Дальнем Востоке 40 советских дивизий. Готовясь к нападению на СССР и в то же время ведя на широком фронте войну против китайского народа, правящие круги Японии не могли выделить достаточное количество сухопутных войск и авиации для борьбы с союзными вооруженными силами в бассейне Тихого океана.

Советский Союз значительно облегчил действия англо-американским вооруженным силам на Тихом океане.

Успех операций США и Англии на Тихом океане отнюдь не означал еще поражения Японии. До вступления Советского Союза в войну военные и политические деятели США рассчитывали разбить Японию не ранее осени 1946 г.² Советские войска, разгромив Квантунскую армию — главную ударную силу японских империалистов, значительно ускорили поражение Японии и ее безоговорочную капитуляцию.

Политические цели, которые преследовал Советский Союз в войне, материальные и людские ресурсы, использованные им для достижения этих целей, масштаб, характер и результаты действий его вооруженных сил — все это определило решающую роль Советского Союза в разгроме фашистских держав.

Характер и задачи военной стратегии государства, его способность поднять широкие народные массы на отпор врагу зависят от цели, поставленной им в войне. Советский Союз вел справедливую и освободительную войну. Его политические цели в войне выражали коренные, кровные интересы всех советских людей, отвечали жизненным интересам всех свободолюбивых народов. В борьбе за достижение таких целей не могло быть и речи о каких-либо компромиссах в политике и полумерах в стратегии, к которым были склонны представители правящих классов западных держав, преследовавшие империалистические цели в войне.

На советско-германском фронте шли ожесточенные бои не только между двумя армиями, двумя государствами. Это была борьба не на жизнь, а на смерть между новым общественным строем — социализмом в лице Советского Союза и самым реакционным империалистическим государством — фашистской Германией.

Гитлеровцы открыто ставили своей задачей сокрушить Советское государство, удушить мировой социализм. В одной из директив германского верховного командования (от 13 марта 1941 г.) прямо указывалось на «необходи-

¹ См. «Вторая мировая война 1939—1945 гг.». Военно-исторический очерк. М., 1958, стр. 838.

² «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I (The Year of Decision). New York, 1955, p. 416.

мость проведения борьбы между двумя противоположными политическими системами»¹. Поэтому на совещании у Гитлера 30 марта 1941 г. о проведении операции «Барбаросса» отмечалось, что война против Советского Союза будет резко отличаться от войны на Западе и «должна вестись самыми жестокими методами»².

В Великой Отечественной войне раскрылись превосходство советского общественного и государственного строя, сила патриотизма советского народа, защищавшего свою социалистическую Родину. Со всей убедительностью подтвердились слова В. И. Ленина, что «во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своей жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести»³.

Вдохновителем и организатором побед советского народа и его Вооруженных Сил над немецко-фашистскими захватчиками явилась ленинская Коммунистическая партия Советского Союза. Советские люди, воспитанные коммунистической партией, проявляли героизм и самоотверженность как на фронте, так и в тылу. В невероятно тяжелых условиях, созданных внезапным нападением полностью отмобилизованных гитлеровских армий, обладавших большим опытом современной войны и превосходством в военной технике, советские войска оказывали противнику героическое сопротивление.

Гитлеровские стратеги, планировавшие «молниеносную войну» против Советского Союза, подобную той, какую они вели против западных государств, предполагали, что Советское государство после первых же ударов постигнет та же горькая участь, что и оккупированные фашизмом европейские страны. Это мнение разделяла и определенная часть правящих кругов других государств. Они никак не могли уразуметь, почему в условиях, при которых подвергшиеся фашистской агрессии капиталистические страны неизменно и в короткий срок терпели поражение, дух Советской Армии и народа оставался непоколебим, а сила их сопротивления все нарастала. «Мы, — с горечью признал впоследствии генерал А. Йодль, — страдали постоянной недооценкой русских сил. Однако это не было результатом недостатков разведуправления генштаба. Я склонен считать это следствием политической линии руководителей государства»⁴.

На территории, временно оккупированной немецко-фашистскими войсками, гитлеровцам, как они ни старались, не удалось посеять рознь между различными национальностями Советского Союза. Они не нашли в СССР и той «пятой колонны» квислингов и лавалей, на которую опирались в захваченных ими капиталистических странах.

Советские люди, оставшиеся на оккупированной врагом территории, вели беспощадную борьбу с фашистскими оккупантами. Партизанская война в тылу врага приняла поистине всенародный характер. Здесь сражались с оружием в руках в составе партизанских отрядов и соединений около 700 тыс. совет-

¹ См. «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. I. М., 1955, стр. 395.

² См. «Поражение германского империализма во второй мировой войне», стр. 76.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 115.

⁴ См. «Военно-исторический журнал», 1961, № 4, стр. 89.

ских патриотов; тысячи людей вели тяжелую борьбу с оккупантами в городах и населенных пунктах¹. Их деятельность, как и деятельность бойцов партизанских отрядов, была бы немислима без всенародной поддержки. Так советский народ продемонстрировал свою непоколебимую преданность делу социализма.

Великая Отечественная война Советского Союза еще раз подтвердила справедливость бессмертных слов В. И. Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»².

Касаясь этого периода истории Советского государства, новая Программа КПСС отмечает: «Особенно суровой проверке подвергся советский строй в годы Великой Отечественной войны — самой тяжелой из всех войн, какие когда-либо знала история. Победа советского народа в этой войне подтвердила, что в мире нет сил, которые могли бы остановить поступательное развитие социалистического общества»³.

В ходе Великой Отечественной войны проявилось превосходство социалистической организации экономики над капиталистической.

Накануне войны (в 1940 г.) в Советском Союзе выплавлялось 14,9 млн. т чугуна, 18,3 млн. т стали и добывалось 165,9 млн. т каменного угля. Фашистская Германия вместе с оккупированными странами в 1940/41 г. выплавляла 31,8 млн. т стали, около 20 млн. т чугуна и добыла 404 млн. т каменного угля. Это превышало производство СССР почти в 2,5 раза по углю, примерно в 1,5 раза по стали и в 1,3 раза по чугуну⁴. К тому же советская экономика еще не была переведена на военные рельсы. Вражеская оккупация значительных территорий СССР сделала это соотношение еще более неблагоприятным для нашей страны. К ноябрю 1941 г. Советский Союз потерял на временно оккупированной немецко-фашистскими войсками территории 63% добываемого угля, 68% выплавки чугуна, 58% выплавки стали и 60% всего производства алюминия⁵. Летом 1942 г. после отхода советских войск на южном направлении потери в народном хозяйстве СССР стали еще больше.

Однако высокая организованность нашего социалистического государства, преимущества социалистической системы позволили в кратчайшие сроки максимально мобилизовать все наши экономические ресурсы для оказания отпора врагу. За три-четыре месяца 1941 г. была в основном завершена перестройка промышленности на военный лад. Эвакуированные на восток заводы уже в начале 1942 г. стали давать продукцию (примечательно, что перевод промышленности на программу военного времени в США и Англии занял полтора-два года)⁶. Промышленность СССР быстро увеличила темпы выпуска военной

¹ См. «Поражение германского империализма во второй мировой войне», стр. 162.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 29, стр. 292.

³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 17.

⁴ См. «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», стр. 847.

⁵ См. Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948, стр. 38.

⁶ См. А. Лаговский. Стратегия и экономика, стр. 26.

продукции. В 1942 г. она выпустила более 25 тыс. самолетов, около 23,5 тыс. танков и более 34 тыс. полевых орудий калибром 76 мм и крупнее. В том же году фашистская Германия, хотя ее экономические возможности значительно возросли по сравнению с 1940 г., произвела лишь 14,7 тыс. самолетов, 9,3 тыс. танков и 12 тыс. полевых орудий калибром 75 мм и крупнее¹.

Более высокие темпы роста военного производства в советской промышленности позволили ей в последние годы войны значительно опередить германскую в выпуске всех технических средств борьбы. В последние три года войны в СССР производилось в среднем ежегодно 120 тыс. артиллерийских орудий, 40 тыс. самолетов, 30 тыс. танков². В Германии в 1942—1944 гг. выпускалось в год от 14 700 до 37 950 самолетов, танков — соответственно от 9300 до 27 300³. Советское правительство вооружило и оснастило польские, чехословацкие, французские и румынские части, сформированные на территории СССР⁴.

Даже при серьезном недостатке угля, стали, чугуна и других важнейших стратегических материалов Советский Союз производил в ходе войны значительно больше боевой техники и вооружения, чем фашистская Германия. В своем докладе высшим фашистским чиновникам в ноябре 1943 г. генерал А. Йодль с прискорбием отмечал: «Решающим фактором для нас являлось то, что в результате наступления в неизведанные пространства русской территории мы обнаружили, что противник располагает не только огромными людскими ресурсами, но и обладает таким техническим уровнем военной промышленности, который вынудил нас к ведению тотальной войны и умножению наших усилий в части военной промышленности, чего мы сами по себе не сделали бы...»⁵. Однако все эти усилия, как известно, оказались тщетными.

Некоторые буржуазные исследователи, пытаясь преуменьшить значение победы СССР над фашистской Германией и в области экономики, утверждают, что решающую роль в материальном обеспечении вооруженной борьбы на советско-германском фронте якобы играли поставки по ленд-лизу. Так, английский военный историк Дж. Фуллер уверяет, будто осенью 1942 г. только «постоянный приток англо-американских материалов через Архангельск» спас Советский Союз, ибо «экономическое положение России было отчаянным»⁶. Однако из второго доклада начальника штаба армии Маршалла министру обороны США за период с 1 июля 1941 г. по 30 июня 1943 г. видно, что именно в те годы американские поставки Советскому Союзу были весьма ограничены. Как сообщил министру обороны генерал Дж. Маршалл, СССР получил тогда из США свыше 3000 самолетов и 2400 танков⁷.

В самом же Советском Союзе были произведены в указанный период многие десятки тысяч самолетов и танков. Американские поставки составили всего лишь незначительный процент общего объема производства в СССР самолетов и танков.

В целом за годы Великой Отечественной войны удельный вес поставок союзниками всех промышленных товаров в СССР не превысил 4% по отношению к размерам производства промышленной продукции в Советском Союзе⁸. По качеству самолеты и танки, поступавшие в СССР по ленд-лизу,

¹ См. «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», стр. 847—848.

² См. А. Лаговский. Стратегия и экономика, стр. 90.

³ См. «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.» Перев. с нем. М., 1956, стр. 270.

⁴ См. «Поражение германского империализма во второй мировой войне», стр. 85.

⁵ См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 10, стр. 81.

⁶ Дж. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Перев. с англ. М., 1956, стр. 248.

⁷ «The War Reports...», p. 123.

⁸ См. Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, стр. 74.

значительно уступали нашей боевой технике. Советские исследователи не склонны преуменьшать и недооценивать помощь по ленд-лизу. Она, несомненно, сыграла свою положительную роль. Однако историческая правда заключается в том, что Советский Союз разгромил главные силы фашистской Германии прежде всего благодаря отечественному вооружению и собственным средствам снабжения.

Вторая мировая война показала всему человечеству, что самая сильная коалиция империалистических держав, несмотря даже на внезапное и вероломное нападение, не в состоянии сокрушить социализм. Вместо уничтожения или ослабления Советского Союза, как того ожидали зачинщики войны и их подстрекатели, социалистическое государство одержало всемирно-историческую победу, оказавшую глубокое влияние на дальнейший ход истории.

Не случайно современные политические и военные стратеги империалистической реакции пытаются опровергнуть историческую неизбежность такого исхода второй мировой войны. Они не хотят, чтобы народы видели в основе великих побед социализма глубочайшие закономерности развития человеческого общества. Они сеют иллюзии о возможности заново «переиграть» войну в интересах империализма.

Буржуазные исследователи стремятся усмотреть, например, главные причины победы Советского Союза в ошибках государственных и военных деятелей фашистской Германии, а также других западных стран¹. Разгром немецко-фашистских войск на советско-германском фронте объясняют преимущественно ошибками немецкого командования. (Например, причину краха плана «молниеносной войны» против СССР летом 1941 г. видят в том, что части правого крыла группы армий «Центр» были брошены на окружение советских войск в районе Киева.)

Конечно, гитлеровское правительство и командование совершили немало крупных политических и стратегических ошибок при подготовке и в ходе второй мировой войны, и это, безусловно, влияло на ход войны. Допускались серьезные ошибки и другими воюющими государствами. Однако видеть причины поражения фашистской Германии только в ошибках — значит не учитывать тех основных закономерностей, в силу которых Советский Союз одержал победу, а его противник потерпел поражение.

¹ Так, один из видных американских исследователей, У. Д. Пьюлстон, относит к ошибкам, которые якобы обусловили победу Советского Союза: неудавшуюся стратегию Гитлера в России, затягивание Черчиллем вторжения на континент, промахи союзнической стратегии на Балканах, «прорусскую» атмосферу, будто бы существовавшую в то время в Вашингтоне, ошибку в выдвижении принципа «безоговорочной капитуляции» в отношении Германии. Политический смысл так называемых «ошибок» в изложении американского буржуазного историка абсолютно ясен. По мнению Пьюлстона, если бы Гитлер проводил более умную стратегию, Черчилль не затягивал открытия второго фронта, союзники более смело осуществляли «балканский вариант», а также проводился бы ряд других «разумных» политических и стратегических мер, то положение было бы совершенно иным, чем оно оказалось к концу войны. Иначе говоря, по логике Пьюлстона, американский империализм в содружестве со своими коллегами стал бы господствующим в мире и смог бы диктовать свои условия ослабленному Советскому государству («US News and World Report», February 4, 1955, p. 107—139).

Многие империалистические идеологи сознают, что объяснять всемирно-исторические победы Советского Союза только различными ошибками его противников и союзников — дело безнадежное. Поэтому они умышленно извращают ход исторических событий, умаляя решающую роль Советского Союза в разгроме германского империализма, принижают значение побед Советского Союза во второй мировой войне и в то же время преувеличивают роль второго фронта в Европе, морских и воздушных операций союзников, изображая некоторые второстепенные — в сравнении с общими масштабами — операции англо-американских войск как выдающиеся события минувшей войны¹.

Как известно, второй фронт в Европе был открыт к концу третьего года Великой Отечественной войны, когда в результате крупных побед Советской Армии участь фашистской Германии и ее восточноевропейских союзников была предопределена. К этому времени наша армия уже завершала изгнание захватчиков из пределов СССР и приступила к непосредственному освобождению народов Восточной и Юго-Восточной Европы. К моменту открытия второго фронта в Европе враг на советско-германском фронте потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 6 млн. солдат и офицеров². Иначе говоря, фашистские потери за три года войны почти вдвое превышали численный состав немецких сухопутных войск, вторгшихся 22 июня 1941 г. в пределы Советского Союза.

Таким образом, ко времени открытия второго фронта в Европе мощь фашистской Германии была в значительной степени сокрушена. К тому же ее основные силы продолжали и после создания фронта на Западе бороться против Советской Армии. Так, например, до его возникновения на Востоке вели бои 179 немецких дивизий и 5 бригад³. На Западе (на территории Франции, Бельгии и Голландии) тогда дислоцировалось всего 60 немецких дивизий и в Италии — 26 дивизий⁴. К началу января 1945 г. на советско-германском фронте находилось 169 немецких дивизий и 20 бригад. На других же европейских театрах военных действий (западном и итальянском) гитлеровцы имели 105 дивизий и 4 бригады.

Различные «изыскания» буржуазных ученых и политиков не могут умалить решающего вклада СССР в разгром фашистской Германии. «Кое-кто хотел бы замолчать или принизить значение этой победы, — говорил Н. С. Хрущев. — Но никому не удастся вычеркнуть из памяти народов, из истории великий подвиг советского народа! Не только наши современники, но и грядущие поколения будут всегда свято чтить память героических борцов, которые в смертельных битвах разгромили фашистские полчища, будут чтить память тех, кто спас светлое будущее человечества»⁵.

¹ В своей книге «История второй мировой войны» бывший гитлеровский генерал Типпельскирх пытается убедить читателя, будто после высадки союзных войск в Нормандии центр тяжести войны переместился в Западную Европу (см. *К. Типпельскирх. История второй мировой войны. Перев. с нем. М., 1956, стр. 410*). Американский генерал Брэдли объясняет грандиозные успехи наступления Красной Армии зимой 1945 г. в Польше и Восточной Пруссии стратегическим влиянием «успеха» союзников в Арденнах (см. *О. Брэдли. Записки солдата. Перев. с англ. М., 1957, стр. 531*).

² См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 5, стр. 80.

³ См. «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», стр. 571.

⁴ См. там же.

⁵ *Н. С. Хрущев. Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1957, стр. 8—9.*

3. Усиление международных позиций СССР. Создание новых условий для роста мирового социализма. Подъем освободительного движения в капиталистическом мире

Образование антифашистской коалиции государств различных общественных систем способствовало разрушению той стены враждебности и отчуждения, которую пытались воздвигнуть вокруг Советского Союза реакционные империалистические политики накануне и в первый период войны. Правящие круги Англии и США, вынужденные под влиянием непосредственной опасности, которая им угрожала со стороны гитлеровской Германии, пойти на союз с СССР, тем самым помимо своей воли опровергли многие из тех вымыслов о Советском Союзе и его внешней политике, которые распространяла их пропаганда. Вопреки усилиям мировой империалистической реакции, изолированным и разгромленным оказался не Советский Союз, а ударная сила империализма — фашистские агрессоры.

Все шире становился круг государств, разорвавших дипломатические отношения с фашистской Германией и ее союзниками; к концу войны Германия оказалась почти в полной изоляции. В то же время международный авторитет Советского Союза возрастал; его связи с другими государствами неуклонно расширялись. В конце 1941 г. Советский Союз имел дипломатические отношения с 17, а в конце 1945 г. — уже с 46 государствами.

Рост международного авторитета Советского Союза, с одной стороны, изоляция наиболее агрессивных империалистических сил на международной арене — с другой, происходили под непосредственным воздействием успехов Советской Армии.

Окончательный провал планов «молниеносной войны» предприняла битва под Москвой зимой 1941/42 г., развеявшая миф о «непобедимости» гитлеровского вермахта. Она стала важной предпосылкой оформления союза между участниками антифашистской коалиции: в мае 1942 г. был заключен советско-английский договор и в июне — советско-американское соглашение. Знаменательным было то, что англо-советский договор определял союзные отношения СССР с Англией не только во время войны, но предусматривал и послевоенное сотрудничество обоих государств для сохранения мира и противодействия агрессорам¹. Победы Советской Армии на Волге в 1942—1943 гг. и под Курском в 1943 г., ознаменовавшие коренной перелом в ходе войны, способствовали дальнейшему сплочению участников антифашистской коалиции и возрастанию удельного веса и влияния Советского Союза. Именно с конца 1943 г. началась серия пере-

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 1. М., 1946, стр. 270—273.

говоров трех держав на высшем уровне (конференции в Москве, Тегеране и т. д.). В ходе переговоров руководители СССР, Англии и США согласованно решали важнейшие военные и политические вопросы. На последнем этапе войны Советский Союз внес решающий вклад в разработку системы послевоенных международных отношений.

Под влиянием хода военных действий на советско-германском фронте те нейтральные страны, чьи правящие круги первоначально симпатизировали фашистским государствам, стали разрывать с ними дипломатические отношения и даже объявили им войну. Поражения на советско-германском фронте сеяли смятение и разброд внутри коалиции фашистских государств. Японским милитаристам после сталинградской победы пришлось похоронить проект «использования благоприятной ситуации» для нападения на Советский Союз. Уже в 1943 г. европейские союзники Гитлера стали делать тайные попытки заключить сепаратный компромиссный мир с Англией и США.

Такого рода маневры предприняли представители господствующих классов Венгрии, Румынии, Финляндии, Италии. Они стремились отмежеваться от гитлеровской Германии и сохранить с помощью США и Англии свои позиции. Под ударами Советской Армии европейские союзники фашистской Германии один за другим стали выходить из войны и поворачивать оружие против гитлеровцев. Огромную роль играла советская внешняя политика, содействуя укреплению антигитлеровской коалиции, срыву всяких попыток сепаратного сговора реакционных кругов Англии и США с фашистскими государствами, доведению войны до полного разгрома фашизма.

Усилия Советского Союза, стремившегося наладить еще в довоенный период сотрудничество государств различных систем, чтобы сообща пресечь фашистскую агрессию, нашли свое логическое завершение в создании антигитлеровской коалиции. Правильность этой внешнеполитической линии Советского Союза были вынуждены фактически признать руководящие деятели западных государств. «Предположим, — говорил в 1944 г. английский министр иностранных дел А. Иден, — что накануне этой войны мы, четверо (СССР, США, Англия и Франция), находились бы в полном согласии. В этом случае немцы никогда не были бы в состоянии перейти в наступление против всего мира»¹.

В ходе войны СССР продолжал добиваться изоляции фашистских агрессоров, дальнейшего сплочения антигитлеровской коалиции, завоевания прочного демократического мира. «Задача всех народов и всех государств, вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии и ее союзников, состоит в том, чтобы добиться скорейшего и решитель-

¹ Цит. по кн. W. P. and Z. K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations, vol. II, London, 1958, p. 51.

ного разгрома агрессоров...»¹, — подчеркивалось, например, в декларации правительства СССР на межсоюзнической конференции в Лондоне 24 сентября 1941 г. Эта декларация дополняла принятую правительствами Англии и США Атлантическую хартию о целях войны и вместе с этой хартией послужила основой для формирования программы всех участников антигитлеровской коалиции — «Декларации Объединенных наций»². Опираясь на успехи Советской Армии, на поддержку народных масс капиталистических стран — участниц коалиции, используя межимпериалистические противоречия, советская дипломатия настаивала на последовательной реализации этих целей.

Полное соответствие характера Советского государства и важнейших задач советской внешней политики антифашистскому характеру войны определяло позицию СССР в межсоюзнических отношениях. Несмотря на идеологические различия, социалистическое и капиталистические государства плодотворно сотрудничали и в ведении войны, и в урегулировании важнейших политических проблем. «Тот факт, что Россия является коммунистическим государством и что Британия и США не являются такими государствами и не намерены ими быть, не является каким-либо препятствием для составления нами хорошего плана обеспечения нашей взаимной безопасности и наших законных интересов»³, — признавал У. Черчилль.

Опыт сотрудничества участников антифашистской коалиции подтвердил глубокую правильность ленинской идеи мирного сосуществования государств различных систем. Необходимость такого сосуществования и сотрудничества была официально признана правительствами капиталистических государств — членов коалиции. «Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир»⁴, — подчеркивалось в решениях Ялтинской конференции в 1945 г.

С развитием сотрудничества между государствами антифашистской коалиции быстро расширялись и крепили дружественные связи советского народа с народами западных стран. Военский и трудовой подвиг советского народа вызывал восхищение у общественности этих стран. Реакционные, профашистски

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 164.

² См. С. Боратынский. Дипломатия периода второй мировой войны. Международные конференции 1941—1945 гг. Перев. с польск. М., 1959, стр. 152, 159.

³ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I, стр. 33.

⁴ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III. М., 1947, стр. 109.

настроенные представители правящих кругов капиталистических государств антифашистской коалиции вынуждены были временно притихнуть. Широкие возможности открылись для демократических организаций, для коммунистических партий, выступавших за самую решительную борьбу против фашизма. Возросло воздействие гуманных и демократических идей социализма на народы капиталистических государств антифашистской коалиции.

Политические цели СССР в войне соответствовали коренным интересам народных масс. Народы осуждали политические маневры правящих кругов, затягивавших открытие второго фронта, требовали шире и эффективнее помогать советскому народу в его борьбе против фашистских агрессоров.

«Ваш народ и мой, — отмечал Рузвельт в послании Черчиллю в апреле 1942 г., — требует создания фронта для того, чтобы ослабить давление на русских»¹. Эти настроения и действия народных масс США и Англии мешали сепаратному сговору с фашистскими государствами (к чему были склонны некоторые влиятельные деятели Англии и США), способствовали дальнейшему укреплению антифашистской коалиции и ее военным успехам.

Поражения гитлеровцев на советско-германском фронте, успехи советских войск морально стимулировали, облегчали действия патриотов в закабаленной фашизмом Европе.

Это признается даже бывшими гитлеровскими генералами. «Партизанское движение, — пишет генерал-полковник Л. Рендулич., — получало новый стимул и увеличивало свои масштабы всякий раз, когда становились известными неудачи немецкой армии на фронте»². Количество гитлеровских дивизий, занятых несением оккупационной службы, сокращалось, их поглощал советско-германский фронт. Только в течение зимы 1941/42 г. немецким захватчикам пришлось сократить число своих дивизий в оккупированных странах Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы с 56 до 43³. С декабря 1942 г. по февраль 1943 г., т. е. в период разгрома гитлеровцев у волжской цитадели, на советско-германский фронт было переброшено 27 дивизий из стран Западной Европы.

Перелом в ходе второй мировой войны, вызванный поражениями блока фашистских держав в результате ударов Советской Армии, сопровождался крутым подъемом национально-освободительного и революционного движения в фашистском тылу. Соппротивление в большинстве оккупированных стран становилось более массовым, организованным, приобретало характер вооруженной партизанской борьбы. Гитлеровские оккупационные войска были ослаблены переброской значительной их части на Восточный фронт, и потому движению Соппротивления в ряде стран удалось освободить часть территории или ускорить освобождение, нанося удары по тылам немецко-фашистских войск.

Серьезные поражения «непобедимых» гитлеровских войск на советско-германском фронте оказывали революционизирующее

¹ Цит. по кн.: *H. Feis. Churchill — Roosevelt — Stalin. The War they Waged and the Peace they Sought.* Princeton, 1957, p. 58.

² «Итоги второй мировой войны», стр. 151.

³ См. «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», стр. 839.

воздействие также на массы населения стран фашистского блока. Гибель сотен тысяч людей на фронте, страдания, которые несла война народам, сознание ее несправедливости, передававшееся от солдат к населению в тылу, — все это порождало и усиливало антивоенные настроения в фашистских странах.

Такие настроения нарастали в самой Германии, где все более значительные слои населения стали осознавать преступность и бесперспективность войны, развязанной фашизмом. Антивоенное и антифашистское движение в Германии усилилось после того, как немецкие военнопленные вместе с немецкими антифашистами образовали в июле 1943 г. в Москве Национальный комитет «Свободная Германия». С осени 1943 г. комитет развернул свою деятельность в Германии.

Еще больший размах приобрело антивоенное движение в «союзных» с гитлеровской Германией государствах. Народы этих стран не желали сражаться за чуждые им интересы. Они ненавидели своих реакционных правителей и их германских хозяев. Враждебное отношение к войне и военно-фашистской диктатуре особенно усилилось после Сталинградской битвы. В Италии, Румынии и Болгарии народное возмущение привело к свержению фашистских диктатур.

Борьба с фашизмом не могла не ослабить позиций реакции в странах, где развертывалось движение Сопротивления. Программы движения Сопротивления в значительной мере формулировались под воздействием демократических целей войны, провозглашенных Советским Союзом, армия которого освобождала поработенную Европу. Война, обострившая и обнажившая противоречия капиталистического общества, способствовала тем самым росту политического уровня масс, приводила их к сознанию необходимости изменить существовавшие ранее порядки. «Опыт борьбы, — учит В. И. Ленин, — происходит быстрее и глубже, чем могли бы при других условиях сделать годы пропаганды»¹.

Национально-освободительная борьба вылилась в общедемократическое движение, объективно направленное и против «отечественной» реакции. Сопротивление фашизму в некоторых странах переросло в революционно-демократическое движение. В результате разгрома фашизма и изменившегося в связи с этим соотношения классовых сил как в мировом масштабе, так и внутри многих стран империалистическая буржуазия оказывалась более не в состоянии самостоятельно противостоять нарастающим силам демократии и прогресса. Героический пример советского народа, его победы над участниками фашистского блока в Европе оказывали огромное воздействие на рост освободительного движения народов Азии, и прежде всего Китая, против японских оккупантов.

Оценивая итоги второй мировой войны, Программа КПСС подчеркивает: «Разгром германского фашизма и японского милитаризма во второй мировой войне при решающей роли Советского Союза создал благоприятные условия для свержения власти капиталистов и помещиков народами ряда стран Европы и Азии»².

Демократический характер движения Сопротивления тревожил американских и английских империалистов. Они старались подавить революционные освободительные силы, воспрепятствовать борьбе народных масс за социальный прогресс, ограничить масштабы партизанской войны на оккупированной фашистами территории.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 11, стр. 350.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 19.

Развитие массового движения народов Европы и Азии ставило под удар планы правящих классов США добиться мирового господства. Одной из основных задач Соединенных Штатов, указывалось в докладе объединенной военной комиссии в сентябре 1941 г., одобренном президентом США, является «установление такого равновесия в Европе и Азии, которое наиболее полно обеспечило бы политическую устойчивость в этих районах и будущую безопасность Соединенных Штатов и, насколько это будет осуществимо, установление режимов, благоприятных для экономической и индивидуальной свободы»¹. Иными словами, имелось в виду обеспечить свободу деятельности монополистического, в первую очередь американского, капитала в этих районах.

Враждебное отношение правителей Англии и США к национально-освободительному движению народов против фашизма открыто обнаружилось после высадки англо-американских войск на Европейском континенте. Действия командования западных государств в отношении сил Сопротивления наглядно показали, что за высадкой союзнических войск последовали подавление революционной борьбы и экспорт контрреволюции. Вмешиваясь во внутренние дела освобожденных стран, англо-американская военная администрация стремилась поддерживать власть самых консервативных, реакционных элементов. Как отмечает в своих мемуарах Д. Эйзенхауэр, он обещал де Голлю в августе 1944 г. военную помощь (две американские дивизии) для «восстановления его власти и охраны порядка» в Париже, освобожденном восставшим народом².

Следуя обычным нормам империалистической политики, руководители США и Англии намеревались заменить в освобождаемых странах режим немецко-фашистской оккупации режимом англо-американской военной администрации, которая опиралась бы на реакционные элементы внутри этих стран. Но для достижения этой цели им потребовалось прежде всего изолировать народы этих стран от какого бы то ни было контакта с наступающими вооруженными силами страны социализма, оказывавшими огромное революционизирующее влияние и преграждавшими путь экспорту контрреволюции.

Правящие круги США и Англии пытались предотвратить продвижение советских войск в страны Европы. Тревога по поводу возможности «самостоятельной победы русских» еще до начала вторжения американских и английских войск во Францию сквозила в высказываниях руководящих деятелей Англии и США уже в 1943 г., когда на конференции в Квебеке обсуждалась политическая и стратегическая обстановка в Европе³. Стремлением «опередить русских в некоторых районах Центральной Европы», занять раньше Советской Армии Балканский полуостров был продиктован и выдвигавшийся Черчиллем «балканский вариант» второго фронта.

Черчилль призывал своих американских союзников как можно быстрее продвигаться на восток. «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение Праги и по возможности большей территории Западной Чехословакии вашими войсками способно полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и к тому же повлиять на соседние страны»⁴, — писал он в послании Г. Трумэну 30 апреля 1945 г.

Ту же политико-стратегическую цель в отношении демократического движения в Европе преследовали и США, хотя между американскими и английскими руководителями были известные разногласия по вопросу о методах достижения этой цели.

Англо-американские войска не смогли ни опередить Советскую Армию в Берлине, в Праге или в других столицах стран Восточной и Юго-Восточной Европы, ни установить в этих странах свой оккупационный режим. Освобождая эти страны,

¹ Цит. по кн.: Ф. С. Погью. Верховное командование, стр. 19.

² D. Eisenhower. Crusade in Europe. New York, 1948, p. 297—298.

³ J. Ehrman. Grand Strategy, vol. V. London, 1956, p. 4.

⁴ W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI. London, 1954, p. 442.

Советский Союз предоставлял их народам полное право самим решать вопрос о государственном строе.

Для характеристики отношений Советского Союза с освобождаемыми его армией странами весьма показательны отношения с Чехословакией, в частности советско-чехословацкое соглашение от 8 мая 1944 г. В отличие от союзного командования во Франции, долго отказывавшегося передать гражданской администрации управление освобожденными территориями, советское командование в Чехословакии немедленно передавало всю власть на освобожденной территории представителям чехословацкого правительства, за исключением непосредственной зоны военных действий¹. Советский Союз не только освободил ряд стран Центральной Европы от фашистского господства, но и создал условия, при которых народы могли сами совершенно беспрепятственно решать свою судьбу². Присутствие Советской Армии препятствовало реакции в Восточной Европе оказать вооруженное сопротивление силам, осуществляющим общественные преобразования, развязать гражданскую войну в расчете на помощь иностранных интервентов.

Проводя политику строгого невмешательства во внутренние дела освобожденных стран, Советский Союз не допускал посягательств на их суверенитет и со стороны других государств. Он дал отпор попыткам правящих кругов Англии и США прийти на помощь империалистическим силам в этих странах, навязать народам реакционные правительства. Твердая позиция Советского Союза вынудила США и Англию согласиться на создание в Польше, Венгрии и других восточноевропейских странах демократических правительств, в которых были широко представлены трудящиеся массы. В результате этого международная реакция не смогла помешать переходу власти в этих странах в руки трудящихся, проведению коренных демократических, а также социалистических преобразований.

Победа Советского Союза во второй мировой войне оказала огромное воздействие и на ход событий в Азии. Поражение Японии во второй мировой войне и освобождение Советской Армией Северо-Восточного Китая во многом облегчили победу демократических сил китайского народа над японскими захватчиками. Навеки избавилась от ига колонизаторов северная часть Кореи. Начался новый этап национально-освободительной борьбы в других странах Азии. Уже осенью 1945 г. была провозглашена независимость Вьетнама и Индонезии. Разгром блока фашистских держав подорвал устои всей системы колониализма.

Победы страны социализма над германским фашизмом и его сообщниками в огромной степени ускорили рост революционного движения в Европе и Азии, умножили силы демократии и прогресса во всем мире. Такой исход войны опрокидывал все расчеты империалистов США и Англии на ослабление социализма и мирового освободительного движения. К концу

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II. М., 1946, стр. 123—125.

² См. гл. VI.

войны выкристаллизовалось новое соотношение сил между социализмом и капитализмом.

Как отмечал впоследствии известный американский журналист Стоун, в 1945 г. «мощь Советского Союза удивила и испугала многих деятелей в военном и морском министерствах»¹. Еще 16 мая 1944 г. объединенный комитет начальников штабов США представил государственному департаменту рекомендации, которые констатировали «революционные изменения в соответственной военной силе государств», вызванные «феноменальным ростом» мощи Советского Союза. В случае войны США и Англии против Советского Союза «мы, — констатировали авторы рекомендаций, — не сможем нанести поражение России. Иначе говоря, мы окажемся в войне, которую не сможем выиграть»². К тем же выводам пришли и английские военные руководители. 24 мая 1945 г. английский фельдмаршал Аланбрук записал в своем дневнике: «Сегодня вечером я внимательно изучал доклад планировщиков о возможности начать войну с Россией, если в будущем в переговорах с ней возникнут трудности. Нам было приказано провести это исследование. Самая мысль об этом, разумеется, фантастична. Шансы на успех равны нулю. Нет никакого сомнения в том, что отныне Россия всемогуща в Европе»³.

Трезвый подсчет соотношения сил между Советским Союзом, разгромившим сильнейшую в военном отношении в капиталистическом мире группировку фашистских держав, и капиталистическими государствами — участниками антигитлеровской коалиции должен был показать империалистам всю безнадежность военной авантюры против социализма. Образование единого фронта капиталистических держав против СССР осложнялось противоречиями между ними, а также заинтересованностью Англии и особенно Соединенных Штатов в участии Советского Союза в войне против Японии. Поэтому, когда Черчилль предложил Трумэну сделать «совместное публичное выступление о разногласиях с СССР», американский президент ответил отказом. Необходимость продолжения военного сотрудничества с Советским Союзом против Германии и Японии, отмечал в своих мемуарах Трумэн, убедила его, что для такого акта «еще не наступило время»⁴.

США тогда были уже на пороге создания атомной бомбы, и Трумэн уповал на то, что атомная монополия Соединенных Штатов резко изменит в ближайшем будущем соотношение сил между империализмом США и социалистическим государством⁵, а заодно и между США и Англией, что могло бы ослабить притязания Англии на роль полноправного партнера. Но и после того, как американские атомные бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки, «атомной дипломатии» США не удалось изменить новое соотношение сил между социализмом и капита-

¹ I. F. Stone. The Truman Era. New York, 1953, p. 12.

² «The Conferences of Malta and Yalta. 1945». Department of State. Washington, 1955, p. 107—108.

³ Цит. по кн.: A. Bryant. Triumph in the West. London, 1959, p. 469—470.

⁴ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 25.

⁵ J. Daniels. The Man of Independence. New York, 1950, p. 266.

лизмом, которое сложилось в итоге блистательных побед Советского Союза во второй мировой войне.

Тем не менее западными державами предпринимались попытки создать объединенный фронт против Советского Союза даже с участием гитлеровской Германии.

У. Черчилль и его единомышленники в Англии и США замыслили еще в 1945 г. прекратить войну с агонизировавшей Германией и повернуть оружие против Советского Союза с целью удушения прогрессивных сил и завоевания мирового господства. Известен приказ, отданный Черчиллем фельдмаршалу Монтгомери весной 1945 г.: собирать брошенное гитлеровцами оружие в целях последующей совместной с ними борьбы против Советского Союза¹. Намерение проводить «твердый» курс в отношении Советского Союза высказывал своим приближенным сменивший Рузвельта Г. Трумэн².

Эти настроения не были секретом для гитлеровцев. Поэтому они до последней минуты продолжали безнадежное сопротивление в расчете на распад антифашистской коалиции и на сепаратный антисоветский сговор с Англией и США. «Начиная с лета 1944 года Германия вела войну на выигрыш времени, в ожидании тех событий, которые должны были случиться, но которые не случились»³, — показывал впоследствии гитлеровский фельдмаршал Кейтель на допросе его советскими офицерами.

Открыто сделать крутой поворот в политике по отношению к Советскому Союзу сразу же после окончания войны реакционными кругам западных держав помешали и настроения масс в капиталистических странах. Народы этих стран, сражаясь против фашизма, боролись за общие с советским народом цели. Закономерная для современной эпохи роль народных масс в войне определяла характер второй мировой войны. Империалистическая реакция в Англии и США была бессильна повернуть оружие миллионов своих солдат против Советского Союза. Народные массы, которых многому научила война, выступали за окончательный разгром фашизма, за победу демократии.

Не случайно на президентских выборах в США в конце 1944 г. вновь одержал победу Ф. Рузвельт: ведь он настаивал на ведении войны вплоть до безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Вполне естествен также провал на парламентских выборах в июле 1945 г. партии консерваторов, которая правила Англией в предвоенные годы, обесславив себя мюнхенским сговором с германским фашизмом.

Вторая мировая война продемонстрировала полную несостоятельность представлений империалистических политиков и стратегов о реальном соотношении сил на мировой арене и о возможности в нашу эпоху применения вооруженного насилия в отношениях с социалистическим государством. Империалистические круги, планируя и развязывая мировую войну, исходили из простого арифметического подсчета наличных материальных сил государств. Они полагали, что ударная сила империализма — германский фашизм и его сообщники — сокрушит

¹ «The Times», 24. XI. 1954.

² «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 72.

³ См. «Военно-исторический журнал», 1961, № 8, стр. 69.

социализм. Однако в ходе войны первое социалистическое государство, по этим подсчетам гораздо более слабое, чем участники фашистского блока, сокрушило ударные силы империалистической реакции, подорвало ее позиции в целом.

Огромные экономические и политические силы социалистического строя, обуславливающие его коренное, качественное превосходство над капиталистическим строем, растущее влияние коммунистической идеологии на широкие народные массы во всем мире — таковы факторы, действие которых опрокинуло расчеты империалистических кругов.

Родившееся в огне второй мировой войны новое, принципиально иное соотношение сил между двумя системами привело к коренным изменениям в международных отношениях. Эпоха, когда Советский Союз один противостоял политике империалистических держав, бесповоротно ушла в прошлое. Началась эпоха, когда на международной арене все большую роль стала играть мировая социалистическая система. В мире возникла новая сила — освободившиеся от колониализма страны, внешняя политика которых объективно направлялась против империалистического курса. Гигантски возросла роль народных масс в международных делах.

Новое соотношение классовых сил на мировой арене оказало первостепенное влияние на всю систему международных отношений, обладало огромной внутренней потенцией, неиссякаемой динамичностью. Оказывая свое воздействие на международное развитие, оно само быстро развивалось в пользу мирового социализма. Этот главный итог второй мировой войны стал в то же время главным фактором всех послевоенных мировых процессов.

ГЛАВА II

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Последствия войны 1939—1945 гг. для мирового капиталистического хозяйства столь многосторонни и значительны, что их трудно охарактеризовать в полном объеме. Нет ни одной сферы международных экономических отношений, ни одной отрасли хозяйства, ни одного государства и ни одной территории внутри государства, где бы в той или иной форме, прямо или косвенно не сказалось воздействие войны.

Наиболее важный по своим последствиям политико-экономический итог войны, в которой решающую роль сыграла победа Советского Союза над фашистскими агрессорами, — дальнейшее сокращение территории капиталистического мира. В нем отчетливо проявилось углубление общего кризиса капитализма,

начало второго его этапа. Самой характерной чертой этого нового этапа стало то, что отживающему свой век буржуазному миру противостоит уже не одно социалистическое государство, а непрерывно крепнущая мировая система социалистических государств. В результате войны и ее последствий в корне изменилось соотношение сил двух противоположных социальных систем. Создалась и новая расстановка сил внутри капиталистического мира.

Победа Советского Союза в войне окончательно расшатала устой колониальной системы империализма и положила начало ее распаду. После образования мировой социалистической системы — это второе по важности последствие войны, которое оказало огромное влияние на изменение всей структуры мирового капиталистического хозяйства.

Экономические последствия второй мировой войны определяются и ее грандиозными масштабами. Она потребовала небывалой доселе мобилизации людских резервов и экономических ресурсов, приспособления к потребностям войны не отдельных отраслей экономики, а всего народного хозяйства. В огне войны уничтожено столько человеческих жизней и такие колоссальные ценности, созданные трудом человека, что вызванные ею опустошения и потери оказали огромное влияние на послевоенное развитие всех стран мира.

Представление о колоссальных жертвах и разрушениях, вызванных второй мировой войной, дает сопоставление ее итогов с итогами первой мировой войны. (См. табл. на стр. 36.)

Война круто, скачкообразно усилила неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран. Экономические последствия войны для капиталистических стран были весьма значительными. Рассмотрим их проявление в конкретно-исторической действительности.

1. Экономическая стратегия фашистских агрессоров и ее крушение

Фашистские державы, вступая в войну, намеревались осуществить планы создания грандиозных империй. Экономическая стратегия фашистских агрессоров сводилась к примитивной разбойничьей доктрине — «война питает войну». Это была насквозь авантюристическая стратегия.

Гитлеровская Германия захватила в оккупированных странах Европы материальные ресурсы, в которых она испытывала большой недостаток — запасы нефти, цветных металлов, текстильного сырья, продовольствия. За счет оккупированных стран восполнялась нехватка подвижного состава для железных дорог и был значительно пополнен автомобильный парк. Курс марки, установленный в отношении валют побежденных стран, позволил гитлеровцам по дешевке скупать то, что не было отчуждено

Людские потери и материальные издержки двух мировых войн

	Первая мировая война 1914—1918 гг.	Вторая мировая война 1939—1945 гг.	
Число воюющих стран ¹	36	61	
Мобилизовано в вооруженные силы (млн. человек) ¹	70	110	
Погибло (млн. человек)	10 ¹	ок. 50	
Военные расходы всех воевавших стран, проведенные по госбюджетам (млрд. долл.)	208,1 ²	—	
Военные расходы воевавших стран (без СССР), проведенные по госбюджетам (млрд. долл.)	—	925 ³	
Расходы на войну, включая стоимость причиненного ущерба (млрд. долл.) . . .	260 ⁴	3 300 ⁴	
Доля военных расходов в национальном доходе (%):			
США	15,5 ⁵	50 (1941—1945 гг.) ⁶	
Англия	36,9 ⁵	51 (1940—1945 гг.) ⁷	
Франция	25,6 ⁵	—	
Германия	31,6 ⁵	—	
	1917 г. ⁸	1918 г. ⁸	
Степень мобилизации промышленности (доля военного производства в общей промышленной продукции, %)			
а) по отраслям:			
Металлургическая промышленность .	—	90	—
Вся тяжелая »	—	75—80	—
Легкая »	—	50—70	—
б) по странам:			
США	10	40	40 (максимально в 1944 г. — 70) ⁶
Германия	75	75	70 (максимально в 1944—1945 гг. — 85) ⁹
Англия	60	65	50 (максимально в 1943 г. — 74) ⁷
Франция	70	75	—

¹ См. «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», М., 1958, стр. 826.

² См. А. М. Алексеев. Военные финансы капиталистических государств, М., 1952, стр. 60.

³ Расход СССР составил 357 млрд. долл. (см. А. М. Алексеев, Военные финансы капиталистических государств, стр. 60).

⁴ См. «Коммунист», 1961, № 10, стр. 124; S. B. Clough. The Economic Development of Western Civilization. New York, 1959, p. 442.

⁵ См. «Мировая война в цифрах», М., 1934, стр. 64.

⁶ Подсчитано сотрудником ИМЭМО В. А. Кировым.

⁷ Подсчитано сотрудником ИМЭМО З. М. Солонцовым.

⁸ См. П. А. Белов. Вопросы экономики современной войны, М., 1951, стр. 65, 113.

⁹ Подсчитано сотрудником ИМЭМО Б. З. Конономом.

	Первая мировая война 1914—1918 гг.	Вторая мировая война 1939—1945 гг.
Произведено (млн. шт.):		
Артиллерийских орудий	0,139 ¹	1 ²
» снарядов	914 ¹	1 758,3 ²
Винтовок	28,9 ¹	52,3 ²
Пулеметов (ручных и станковых) . .	1,07 ¹	4,4 ²
Патронов	30 600 ¹	95 300 ²

¹ См. «Мировая война в цифрах», стр. 38—40. Подсчитано по семи странам — США, Англии, Франции, Германии, Италии, Австрии и России.

² Только по четырем странам — СССР, США, Англии, Германии. Источники: «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.» М., 1956; А. Лаговский, Стратегия и экономика. М., 1957; «Мировое хозяйство и мировая политика», 1946, № 10, 11.

насильственным путем. Кроме того, гитлеровцы широко практиковали «клиринговые расчеты». Они «покупали» без оплаты наличными, зачисляя соответствующие суммы в марках на счета оккупированных стран в банках Берлина.

Германский империализм пытался в ходе войны любыми средствами реализовать проекты фашистской геополитики о превращении Германии в индустриальный центр Европы, а всех других стран — в поставщиков сырья и продовольствия. Эти планы сводились в сущности к перелицовке старых концепций империалистического международного разделения труда между метрополией и колониальной периферией. Новое здесь заключалось в том, что колониальную периферию гитлеровцы пытались создавать в индустриальной Европе, поворачивая вспять, к средневековью и дикости, ее цивилизованные народы. Это была абсурдная политика архиреакционного империализма. Она породила непримиримые противоречия, делавшие неизбежным ее провал. Исторически сложившуюся структуру хозяйства европейских государств нельзя было целиком включить в прокрустово ложе германского «вервиртшафта». Многие отрасли их экономики были парализованы. В особенно тяжелом положении оказались те из них, которые зависели от заморских поставок сырья и были ориентированы на внешние рынки. Хирела и приходила в упадок промышленность Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Дании, Норвегии, исторические связи которых с традиционными рынками были полностью разорваны. Сокращалось в этих странах животноводство, лишившееся импорта концентрированных кормов, приходили в упадок и другие отрасли сельского хозяйства.

Грабеж оккупированных территорий на первых порах в огромных размерах увеличивал ресурсы фашистских держав. Но в то же время он подрывал базу для расширенного воспроизводства исторически сложившихся отраслей хозяйства, а тем самым и экономические возможности для дальнейшего грабежа.

Известно, что в славянских землях нацистская политика грабежа и колонизации осуществлялась в особенно беспощадной и циничной форме. В Польше, например, которой предназначалась роль сельскохозяйственной колонии рейха, открыто проводилась политика дезиндустриализации. Текстильная промышленность была ликвидирована путем демонтажа машинного оборудования и вывозки его в Германию. Предприятия горнорудной промышленности стали филиалами немецких фирм. Все заводы и фабрики, зависящие от импортного сырья, были закрыты¹.

В принципе экономическая политика немецких оккупантов была такой же и на Западе, хотя здесь они проявляли некоторую осторожность, к чему обязывала их демагогия о «единой Западной Европе». Вот как характеризует английский буржуазный экономист в том же 1941 г. систему гитлеровской оккупации Нидерландов, где грабеж был прикрыт ширмой «нового порядка»: «Эта тщательная реорганизация не может тем не менее скрыть того факта, что «новый порядок» привел к поразительному снижению жизненного уровня. Многие источники дохода иссякли. Жизненно важная для страны морская торговля, конечно, была прекращена. Экспорт в Германию утратился. Экспорт во все другие страны упал до незначительных размеров... Только те отрасли промышленности, которые выгодны Германии, получают сырьевые материалы. Условия труда рабочих также гораздо хуже, чем были раньше. Уровень жизни упал в результате подъема цен. Имеется почти 200 000 безработных»².

Большие надежды возлагались Гитлером на захват экономических ресурсов СССР. По подсчетам экономистов из штаба гитлеровской армии, представленным фюреру за месяц до нападения на Советский Союз, получалось, что после оккупации советской территории до рубежа Архангельск — Астрахань («А — А») за счет ее ресурсов можно будет обеспечить потребности Германии на все время войны, вплоть до ее победоносного завершения³.

Но эти расчеты оказались утопией. Гитлеровцам, во-первых, не удалось выйти на заветный рубеж «А — А»; во-вторых, им не пришлось заниматься эвакуацией советских заводов на запад, ибо, несмотря на внезапность нападения, огромное количество советских предприятий благодаря самоотверженным усилиям трудящихся было эвакуировано на восток и быстро вступило в строй; в-третьих, значительное число тех заводов, которые по тем или иным причинам не удалось эвакуировать, было выведено из строя, и гитлеровцы не могли ими воспользоваться.

Попытка реализовать экономическую доктрину «война питает войну» на оккупированной советской территории провали-

¹ L. L. Lorwin. *Economic Consequences of the Second World War*. New York, 1941, p. 155.

² H. S. Ashton. *The Netherlands at War*. London, 1941, p. 99, 102.

³ A. Dallin. *German Rule in Russia. 1941—1945*. London, 1957, p. 307.

лась. Структура социалистического общества, в котором не было эксплуататорских классов и давно был ликвидирован подневольный труд, оказалась совершенно непригодной для налаживания на оккупированных советских территориях фашистского имперского хозяйства, обеспечивавшего и нужды агрессивной армии, и обогащение новоявленных помещиков и капиталистов, спешивших прибрать к рукам новые колониальные владения рейха.

На тех же принципах, что и стратегия гитлеровской Германии, основывалась в главном и экономическая стратегия японского империализма в войне. Японские империалисты в ходе второй мировой войны создали грандиозную колониальную империю, которая простиралась от Алеутских островов на севере до Гавайских островов на востоке, включив огромные пространства Тихого океана. На юге ее границы подходили вплотную к берегам Австралии, а на западе после завоевания Бирмы в пределах империи оказалась вся Юго-Восточная Азия с богатейшими ресурсами нефти, железной руды, олова, цветных и редких металлов, каучука и различных плантационных культур.

Но японская метрополия, превращенная в главный военный арсенал, не смогла собрать в единое хозяйственное целое страны и районы, экономику которых определяли исторически сложившиеся многообразные и разносторонние потребности мирового капиталистического рынка. Японские империалисты, разрушая старые экономические связи, не создавали взамен их новых, которые бы обеспечивали хотя бы простое воспроизводство для важнейших отраслей хозяйства оккупированных районов.

Экономическая стратегия итальянского империализма не имела таких далеко идущих последствий для послевоенного развития мирового капиталистического хозяйства, как стратегия его более мощных партнеров по фашистскому блоку. Зависимость Италии от Германии вела к тому, что она, как более слабый в экономическом и военном отношении союзник, постепенно лишилась большей части тех сфер влияния в Европе, на которые претендовала.

Фашистские державы потерпели поражение в предпринятых ими попытках подорвать военно-экономический потенциал стран антифашистской коалиции. Полностью провалились их расчеты на подрыв экономического потенциала СССР. Гитлеровские стратеги недооценивали значение созданной за годы пятилеток второй угольно-металлургической базы в районе Урала и Сибири. Они не могли представить себе те огромные преимущества, которые имел социалистический строй в создании слаженного военного хозяйства даже в трудных условиях внезапной агрессии против него.

Отступая под ударами советских войск, гитлеровская армия осуществляла в оккупированных районах политику «выжженной земли», уничтожая все источники возрождения в них хозяй-

ственной жизни. Но и это не спасало ее от новых поражений, которые привели Германию к окончательному военному краху.

Какие же экономические и социальные последствия для капитализма в целом и для его послевоенного развития имела вторая мировая война?

Во-первых, в части капиталистической Европы вместо фашистского «нового порядка» возник подлинно новый социальный порядок: от капитализма отпал ряд стран, ставших частью мировой социалистической системы. Не случайно страны, подвергшиеся фашистской оккупации, оказались наиболее слабыми звеньями в цепи империализма. В них фашистские оккупанты довели до крайнего обострения все его противоречия.

Во-вторых, на развалинах японской колониальной империи возникла новая Азия. Страны Азии, подвергшиеся японской оккупации, в силу той же закономерности, какая проявилась в оккупированной Европе, оказались наиболее слабыми звеньями в колониальной системе империализма.

В-третьих, изменилась расстановка сил внутри капиталистических стран. Крах фашизма объективно подорвал устойчивость реакции во всех этих странах. Повсеместно выросли и окрепли левые силы.

2. Соперничество империалистических государств, входивших в антигитлеровскую коалицию. Передел рынков и ресурсов в ходе войны

Война была слишком удобным поводом, чтобы сильные державы капиталистического мира упустили случай воспользоваться им и потеснить слабых, свести старые счета со своими конкурентами. То, что слабые были их военными союзниками, несколько не смущало сильных.

Особенно благоприятную обстановку создала война для экономической экспансии монополий США. Она сразу же открыла обширный рынок, вызвав колоссальный спрос на вооружение и различные виды военного снабжения. Война отрезала Германию и Японию от рынков Латинской Америки, где они соперничали с монополиями США. Рынки ряда стран Европы также стали добычей американских монополий.

Война предоставила американским империалистам возможность нанести сокрушительный удар по внешним экономическим позициям Англии — их старого и наиболее мощного соперника.

В самое тяжкое для Англии время, когда она оказалась перед прямой угрозой германского вторжения, правящие круги США серьезно задумались над тем, чтобы получить в наследство Британскую империю.

5 июня 1940 г. У. Черчилль писал канадскому премьер-министру Кингу: «Нам надо не допустить того, чтобы американцы относились слишком благодушно к перспективе краха Англии, в результате которого они получили бы английский флот и опеку над Британской империей минус Великобритания...

Хотя президент наш лучший друг, мы до сих пор не получили из Соединенных Штатов никакой помощи. Мы не ожидали от них помощи войсками, но они не внесли даже сколько-нибудь достойного вклада в нашу борьбу, как, например, отправка эсминцев или самолетов или визит их кораблей в порты Южной Ирландии»¹.

Поскольку предположения некоторой части американских империалистов, что Англия капитулирует и Британская империя, как созревший плод, упадет к ногам США, не оправдались, они решили добиваться осуществления своих целей, используя помощь, предоставляемую Англии.

США, воспользовавшись затруднительным положением Англии, стремились установить военно-политический контроль над Канадой. 18 августа 1940 г. в Огденсберге (штат Нью-Йорк) между главами правительств США и Канады было подписано соглашение о создании Постоянного объединенного комитета обороны, в состав которого вошли представители армии, флота и авиации обеих стран. «В экономическом отношении, так же как и в политическом отношении, — писал журнал «Бизнес уик», — Канада и США в результате соглашения от 18 августа будут связаны более тесно, чем они были связаны когда бы то ни было до этого. Каков бы ни был исход европейской войны, Канада в течение этого кризиса добровольно куёт деловые связи в пределах этого полушария, которые далеко не будут лишь временными. Благодаря нуждам обороны против общей угрозы это полушарие спланивается в торговый блок с Вашингтоном, как его центром и главной конторой. После Канады настанет очередь других британских владений в Новом Свете»².

2 сентября 1940 г. США заключили соглашение с Англией о передаче им в аренду на 99 лет территорий для создания военных баз в британских владениях, расположенных на обширном пространстве от Ньюфаундленда до Британской Гвианы. В обмен США предоставили Англии 50 эсминцев, построенных еще во время первой мировой войны³. Огденсбергское соглашение относительно обороны Канады и соглашение о базах расценивались в Соединенных Штатах как события, завершающие длительный процесс ухода Англии из американских морей и ликвидацию остатков ее былой мощи в Западном полушарии⁴.

За годы войны США в кратчайшие сроки фактически осуществили такую экономическую аннексию Канады, которая по своим масштабам и результатам намного превосходила все прошлые попытки «американизировать» этот британский доминион. Во всяком случае позиции английского капитала в Канаде за этот период были решительным образом подорваны. Доля США в импорте Канады, составлявшая в 1938 г. 62,7%, выросла в 1945 г. до 75,8%, доля Англии соответственно сократилась с 17,6 до 8,9%. Доля США в иностранных капиталовложениях в Канаде выросла с 60% в 1939 г. до 70% в 1945 г., а доля Англии соответственно уменьшилась с 35,8 до 25%⁵. Этот сдвиг отразил упадок влияния Англии.

Характерно, что монополии США во время войны проявляли заботу о том, чтобы экономические связи, устанавливаемые с Канадой, стали бы для нее

¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. II. London, 1954, p. 128—129. Черчилль еще в середине мая просил Рузвельта предоставить Англии 40—50 эсминцев. Рузвельт тогда ответил, что передача эсминцев потребует санкции конгресса, на которую трудно рассчитывать.

² «Business Week», August 31, 1940.

³ Из 50 эсминцев, полученных Англией, 6 были переданы ею Канаде и включены в состав канадского флота.

⁴ F. Davis. The Atlantic System. New York, 1941.

⁵ См. А. Г. Милейковский. Канада и англо-американские противоречия. М., 1958, стр. 389—390.

необходимыми и после войны. Этой цели служило соглашение Рузвельта и Кинга в Гайд-парке (резиденция Рузвельта), заключенное 20 апреля 1941 г. Суть его состояла в том, чтобы превратить Канаду в поставщика сырья для американской промышленности. Когда это соглашение было подписано, монополии США получили возможность использовать в своих интересах органы военно-государственного регулирования — различные «объединенные комитеты», в которых участвовали их представители.

Американские монополии стремились всемерно использовать зависимость Англии от военных поставок из США, чтобы вынудить ее полностью израсходовать валютные резервы, а также ликвидировать свои заграничные капиталовложения. Англия вступила в войну, имея в резерве около 4,5 млрд. долл. в валюте или в виде английских инвестиций в США, обратимых в доллары. «Изоляционисты» требовали, чтобы Англии не оказывалось никакой финансовой помощи, пока она не израсходует эти резервы. Но английские капиталисты прекрасно понимали, что монополии США заинтересованы в военных поставках в Англию, как важнейшем источнике наживы. Поэтому они настойчиво вели торг, добиваясь военных поставок на таких условиях, которые исключали бы требование ликвидации английских заграничных инвестиций. Английские правящие круги открыто намекали на то, что если в оплату за американскую помощь придется отдать заграничные капиталовложения и даже колонии, как этого добивались некоторые конгрессмены в Вашингтоне, то Англия окажется вынужденной искать компромиссного мира с Германией.

Наиболее влиятельные представители финансовой олигархии США настаивали поэтому на бесплатной помощи Англии, зная, что из нее уже ничего больше выкачать нельзя. Основываясь на такой позиции Уолл-стрита, правительство США еще в декабре 1940 г. сообщило английскому правительству, что ему предоставлено право сделать заказы в США на сумму 3 млрд. долл., причем оплачивать эти заказы ему не придется¹. Так родилась идея ленд-лиза, т. е. снабжения Англии американскими военными материалами «в займы и в аренду».

11 марта 1941 г. конгресс США принял закон о ленд-лизе, предоставляющий президенту полномочия продавать, обменивать, сдавать в аренду, давать займы или иным способом военные материалы правительству любой страны, оборону которой президент считал необходимой для безопасности США². Закон о ленд-лизе превратил правительство США в крупнейшего покупателя продукции американских монополий. Этот закон давал возможность монополиям финансировать свой экспорт за счет государства. Тем самым возникала новая разновидность госу-

¹ «The New York Times», 19. XII. 1940.

² «Documents on American Foreign Relations», vol. III (July 1940 — June 1941). Boston, 1941, p. 711—723.

дарственно-монополистического капитализма. Поставки по ленд-лизу оказались для монополий США мощным средством захвата новых позиций на мировом капиталистическом рынке.

Наиболее важной целью ленд-лиза было оказание экономической помощи Англии в той мере, в какой это было необходимо, чтобы выиграть сражение против фашистских держав и заодно одержать бескровную экономическую победу над Англией, как главным конкурентом США на мировом капиталистическом рынке.

Характерно, что условия ленд-лиза включали меры, предусматривавшие вытеснение Англии с внешних рынков, в том числе и с рынков Британской империи. По соглашению о ленд-лизе Англии был запрещен экспорт таких товаров, которые хотя бы на 10% состояли из материалов, полученных по ленд-лизу. Эту же цель преследовало и дополнительное соглашение по ленд-лизу, заключенное между США и Англией 23 февраля 1942 г., устанавливающее, что Англия обязуется сократить таможенные тарифы и устранить другие барьеры, мешающие торговле США. Как пояснил потом государственный секретарь США К. Хэлл, это соглашение предусматривало, что Англия после войны откажется от имперских таможенных преференций¹.

Ленд-лиз сыграл решающую роль в развитии внешнеторговой экспансии США. Об этом дает представление следующая таблица:

Внешняя торговля США в годы второй мировой войны²
(в млрд. долл.)

Годы	Общий экспорт	В том числе по ленд-лизу	Общий импорт	Оборот	Сальдо
1939	3,2	—	2,3	5,5	+0,9
1940	4,0	0,7	2,6	6,6	+1,4
1941	5,1	0,7	3,3	8,4	+1,8
1942	8,0	4,9	2,7	10,7	+5,3
1943	13,0	10,3	3,4	16,4	+9,6
1944	14,2	11,2	3,9	18,1	+10,3
1945	9,8	5,5	4,1	13,9	+5,7

Общие размеры поставок товаров и услуг по ленд-лизу составили к концу войны около 46 млрд. долл. Большая часть поставок по ленд-лизу пришлась на долю Англии и стран Британской империи, которые получили 69% всего поставленного США союзникам вооружения, сырья, продовольствия и промышленных изделий. Доля США в импорте Англии достигла в 1943 г. 58%.

Ленд-лиз был широко использован монополиями США и для борьбы за сферы приложения капитала. После принятия закона о ленд-лизе монополии США начали активные действия по захвату нефтяных ресурсов Ближнего Востока. Их целью стало сокрушение устоев британской ближневосточной нефтяной империи, тремя китами которой были могущественные нефтяные тресты — «Ройял-Датч шелл», Англо-Иранская нефтяная компания и «Ирак петролеум компани». Американская пресса начала доказывать, что поставки нефти Англии по ленд-лизу ведут к усиленному истощению и без того якобы скудных нефтяных месторождений США. В 1943 г. сенатская комиссия по обследованию военной промышленности, возглавлявшаяся Г. Трумэном, рекомендовала, чтобы Англия передала США часть контролируемых ею разведанных

¹ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. II. New York, 1948, p. 1614.

² См. «Международная торговля». М., 1954, стр. 252.

нефтяных ресурсов на Ближнем Востоке в качестве компенсации за истощение американских месторождений¹.

Несмотря на упорное противодействие Англии, американские нефтяные тресты во время войны сумели все же расшатать устои британской ближневосточной нефтяной империи. Доля капитала США в контроле над добычей нефти в странах Ближнего и Среднего Востока с 1937 г. по 1945 г. выросла с 13,1 до 19,2%².

Во время войны в орбиту американской экономической экспансии попали британские доминионы Австралия и Новая Зеландия. Предпосылкой для этого послужила опять-таки военная помощь. У изолированных от Англии доминионов не оставалось иного выбора, кроме помощи со стороны США. Одним из экономических результатов этой помощи был переход после войны Австралии и Новой Зеландии на американские стандарты вооружения. Благодаря этому американские военные концерны закрепили за собой монополию на поставку вооружений, лишив своих английских конкурентов весьма прибыльного рынка сбыта.

Одновременно представители американского монополистического капитала сумели завоевать в тихоокеанских доминионах Великобритании ряд важных позиций во внешней торговле и в таких отраслях экономики, где до этого безраздельно преобладал английский капитал. В 1938/39 г. доля США в импорте Австралии составляла 15,1%, а в 1944/45 г. она поднялась до 39,5%. Доля США в экспорте Австралии соответственно увеличилась с 3,0 до 19,8%³. В Новой Зеландии доля США в импорте составляла в 1939 г. 11,4%, а в 1944 г. — 32,2%⁴.

Во время войны Уолл-стрит предпринял активные действия, чтобы отвоевать себе сферы влияния в Индии. В ноябре 1941 г. правительство Англии должно было согласиться на допуск в Индию представителя президента США. В марте 1942 г. в Индию была направлена американская техническая миссия, в состав которой входили представители крупных корпораций.

Американская пресса в 1941—1943 гг. вела кампанию против английской политики в Индии. Она доказывала, что правительство США должно поддерживать требование партии Индийский национальный конгресс о независимости, так как послевоенная Индия станет одним из важнейших рынков для сбыта американской промышленной продукции, особенно продукции машиностроения. Но по мере того как растущая зависимость Англии от США открывала возможность проникновения американского капитала в Индию и без ее «освобождения», Уолл-стрит все более терял интерес к проблеме «независимости» Индии.

За время войны США резко повысили свой удельный вес во внешней торговле Индии. В 1938/39 г. их доля в импорте Индии равнялась всего 6,4%, а в 1944/45 г. она поднялась до 25,1%, за это же время доля Англии уменьшилась с 30,5 до 20,0%. Капитал США стал серьезно угрожать монопольным позициям Англии⁵.

¹ См. А. А. Санталов. Империалистическая борьба за источники сырья. М., 1954, стр. 214.

² См. там же, стр. 480.

³ «The Official Year Book of the Commonwealth of Australia. 1946—1947». Canberra, p. 403, 405.

⁴ «New Zealand. Official Year Book. 1946». Wellington, 1948, p. 857.

⁵ См. А. М. Дьяков. Индия во время и после второй мировой войны (1939—1949). М., 1952, стр. 53—56.

Американский капитал за годы войны сумел открыть себе двери и в африканские владения Англии, которые до войны имели особенно прочные запоры. В 1945 г. по сравнению с 1937 г. вывоз товаров в США из Кении и Уганды увеличился в два с лишним раза, а из Танганьики — в 6 раз¹.

Насколько острыми и напряженными были экономические противоречия США и Англии в годы войны и в какой мере американские монополии стремились обеспечить себе мировое господство за счет ослабления своего главного военного союзника, показывает история англо-американского «сотрудничества» по созданию атомной бомбы.

Англия к 1940 г. достигла значительных результатов в области конструирования атомного оружия. Однако Соединенные Штаты воспользовались тем, что промышленная база Англии, переключенная на рельсы военной экономики, не располагала необходимыми резервами для создания атомной бомбы. В октябре 1941 г. президент Рузвельт предложил Черчиллю координировать усилия англичан и американцев или даже вести работы совместно. По словам Черчилля, к июню 1942 г. между ним и Рузвельтом была достигнута секретная договоренность относительно объединения работы по созданию атомной бомбы и использования ее результатов обеими странами на равных основаниях².

В августе 1943 г. на Квебекской конференции глав правительств США, Англии и Канады было принято решение сосредоточить атомную промышленность в Северной Америке³.

В Вашингтоне был создан объединенный комитет трех держав по вопросам политики в области атомной энергии. Англия отказалась от попыток самостоятельно изготовить атомную бомбу и направила 75 ученых в США и Канаду.

В качестве вклада, позволявшего претендовать на равную долю в англо-американском атомном картеле, английские монополисты рассчитывали использовать то, что они владели крупнейшими месторождениями урановой руды в Бельгийском Конго, а второе по важности месторождение было расположено в британском доминионе Канаде.

Однако расчеты английских империалистов, связанные с совместным производством атомной бомбы, не оправдались. США использовали затруднительное положение Англии и ее зависимость от американских поставок, чтобы прибрать к своим рукам ресурсы атомного сырья. Англия утратила монополию и на канадские и на африканские месторождения уранового сырья. Вместе с тем атомная промышленность США перестала нуждаться в технической и научной помощи Англии.

Взрывы атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 г. потрясли и англо-американский атомный картель. США отказались передать Англии секрет производства атомной бомбы. Англия возобновила прерванные работы по созданию атомной бомбы, используя свои временно законсервированные предприятия и лаборатории.

Общее ослабление экономических позиций Англии за годы войны лучше всего показывает статистика ее внешней торговли.

¹ См. А. Ю. Шпирт. Африка во второй мировой войне. М., 1959, стр. 91.

² См. Д. Аллен. Атомный империализм. Перев. с англ. М., 1952, стр. 21.

³ См. там же.

Внешняя торговля Англии в годы войны¹

(в млн. ф. ст.)

Годы	Общий импорт	В том числе оружие	Общий экспорт	Сальдо
1939	886	—	485	—401
1940	1 152	—	437	—715
1941	1 145	—	378	—767
1942	1 206	209	402	—804
1943	1 885	652	350	—1 535
1944	2 360	1 053	345	—2 015
1945	1 517	413	485	—1 032

Импорт Англии за время войны сильно вырос, в 1944 г. он достиг 2360 млн. ф. ст. против 886 млн. ф. ст. в 1939 г. В значительной мере он увеличился за счет американских поставок вооружения, составлявших в 1943—1945 гг. около трети импорта и поступавших большей частью по ленд-лизу.

В то же время экспорт, включая реэкспорт, в годы войны снизился, составив в 1944 г. 345 млн. ф. ст. против 485 млн. ф. ст. в 1939 г. Отрицательное сальдо торгового баланса достигло небывалой в истории внешней торговли Англии суммы в 2 млрд. ф. ст. По физическому объему экспорт Англии снизился до 31% экспорта 1938 г. «Вакуум», возникший на многих рынках, ранее получавших английские товары, заполнялся товарами ее конкурентов, и главным образом из США.

Монополии США сумели осуществить экономическую аннексию ряда важных сфер влияния английского капитала. Однако полностью реализовать свои планы «демонтажа» Британской империи им все же не удалось. Английский империализм в меру своих сил оказывал упорное и вовсе не безуспешное сопротивление американской экспансии.

Монополистам США не удалось заставить своих английских партнеров ликвидировать их заграничные капиталовложения, которые в Вашингтоне рассчитывали получить как оплату за американские поставки. В результате за время войны английские заграничные капиталовложения сократились не больше чем на одну четверть, да и то за счет наименее доходных инвестиций. Получив помощь в форме ленд-лиза, правящие круги Англии обязались ликвидировать систему имперских преференций, но, как показал ход событий, они вовсе не собирались выполнять это обязательство.

Английский империализм не только оборонялся, но и наступал, стремясь к переделу сфер влияния и территорий в свою пользу. В первую очередь он делал ставку на укрепление своих позиций в Европе за счет ослабевших или выбывших из игры государств и их колониальных владений.

¹ См. «Международная торговля», стр. 251.

Видный английский буржуазный историк профессор Кэрр в 1942 г. писал: «Традиция рассчитывать на британское руководство до сих пор прочно держится в сознании американцев... Это особенно правильно в отношении Европы — континента, против которого американцы сохраняют все свои предрассудки и где они особенно неохотно берут на себя ответственность... Европа все еще опасная зона. Будущая мощь и престиж Великобритании непосредственно будут зависеть от того, как она справится с европейской проблемой»¹.

Надежды правящих кругов превратить Англию в господствующую страну в Европе питались и тем, что Лондон во время войны стал главным убежищем для эмигрировавших из оккупированной Европы правительств. Английские империалисты старались использовать зависимое положение своих «квартирантов», чтобы потребовать компенсацию за помощь, оказываемую им.

У. Черчилль еще в 1940 г., когда немецкие войска вторглись в северные районы Франции, предложил французскому правительству план объединения Англии и Франции, а также их колониальных владений. Предложение Черчилля было отвергнуто. Английскому капиталу в порядке оказания «помощи» Франции удалось внедриться в ее колониальные владения. Точно так же английский капитал во время войны значительно укрепил свои позиции в Бельгийском Конго.

Английские империалисты особенно настойчиво добивались расширения сферы влияния в Африке и увеличения добычи в ней стратегического сырья. За счет Африки они хотели восполнить утрату колоний в Юго-Восточной Азии, которые были оккупированы японцами. За годы войны импорт из стран Африки по темпам роста значительно превысил весь рост импорта в Англию. В 1944 г. из Африки было ввезено товаров на 80% больше, чем в 1938 г., в то время как общий импорт увеличился к этому времени на 42%².

Во время встречи Рузвельта с Черчиллем в Каире в 1943 г., где обсуждался вопрос о будущем Китая, была достигнута договоренность о разделе сфер влияния в колониальном и полуколониальном мире³. Китаю с благословения правящих кругов Англии была уготована судьба американской полукolonии. В обмен за эту «уступку» Англия надеялась на признание ее господства в Индийском океане и бассейне Средиземного моря.

В то время как Англия, обороняясь от натиска США, стремилась укрепить свои позиции за счет других капиталистических стран, у ее младших партнеров по эксплуатации народов Британской империи — старых доминионов отчетливо проявились тенденции «локального империализма» — стремление создать внутри Британской империи свои империи в миниатюре. Эта тенденция стимулировалась усилившейся в результате войны неравномерностью экономического развития. Монополии доминионов хотели обеспечить себе надежные рынки для бурно развивающихся экспортных отраслей, а также получить новые сырьевые ресурсы и сферы приложения капитала.

Притязания доминионов на сферы влияния внутри Британской империи впервые открыто выразил премьер-министр Южно-Африканского Союза Сметс еще весной 1940 г. В конце 1942 г. в статье, опубликованной в американском журнале «Лайф», Сметс конкретизировал свою идею раздела всей Британской империи на сферы влияния между Англией и доминионами. Он предложил объединить колонии в более крупные единицы. Власть над этими укрупненными районами Британской империи Англия по его предложению должна

¹ E. H. Carr. Conditions of Peace. London, 1942, p. 186.

² См. А. Ю. Шпунт. Африка во второй мировой войне, стр. 16.

³ «Documents on American Foreign Relations», vol. VI (July 1943 — June 1944). Boston, 1945, p. 233.

была осуществлять не самостоятельно, а совместно с доминионами. Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз, по мысли Смэтса, имели право участвовать в управлении примыкающими к ним районами Британской империи¹.

Австралия и Новая Зеландия еще во время войны заявили о своих особых правах в британских владениях, расположенных в юго-западной части Тихого океана. Они значительно укрепили свое влияние в этой части Британской империи.

Канада взяла на себя «ответственность» за оборону Ньюфаундленда и Британской Вест-Индии. Канадские капиталы и товары в годы войны здесь вытесняли английские. Не случайно после войны Ньюфаундленд перестал быть английским владением и вошел в состав Канады в качестве ее провинции.

Таким образом, внутри группировки капиталистических стран, входивших в антигитлеровскую коалицию, во время войны произошел своеобразный передел мира, осуществлявшийся методами экономического, а также политического давления и проникновения. Этот передел оказал значительное влияние на расстановку сил после войны. Его нельзя не принимать во внимание, определяя экономические итоги второй мировой войны.

Каждая из империалистических стран пыталась в той или иной форме реализовать свою программу экономической экспансии. Однако все эти программы в основном были построены на ложных предпосылках. Они исходили из неизбежности ослабления социалистической системы, а также сохранения и укрепления колониальной системы. Эти просчеты предопределяли поразительное несоответствие между тем, чего добивались в войне все империалистические государства, и тем, к чему их в конечном счете привела война.

3. Рост государственно-монополистического капитализма.

Изменения в экономике империалистических государств

Один из важнейших процессов, происходивших за годы войны в развитых капиталистических странах, — небывалое усиление государственно-монополистического капитализма. Это было прямым результатом тотального характера войны и глубокой перестройки всей экономики на военный лад. Как отмечается в Программе КПСС, «мировые войны и экономические кризисы, милитаризм и политические потрясения ускорили перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический»². Империалистическое государство превратилось в крупнейшего покупателя вооружения, амуниции, продовольствия, стратегического сырья и других товаров и услуг³. Привилегия

¹ «Life», December 28, 1942.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 26.

³ Закупки товаров и услуг федеральным правительством США составили в 1944 г. 41% валового продукта страны, в Англии соответственный показатель был 54%, в Германии — 50% (К. Knorr. The War Potential of Nations Princeton, 1956, p. 238, 239).

обеспечить этот государственный рынок с самого начала была предоставлена крупнейшим монополиям. Через послушный им государственный аппарат они закрепили за собой львиную долю всех военных заказов, на которые устанавливались монопольные цены, обеспечивающие гигантские сверхприбыли.

Горстка монополий с помощью государства захватила в свои руки распределение дефицитного сырья и топлива. Система субконтрактов позволяла им подчинить своему контролю огромное число мелких и средних предприятий. Государственно-монополистическое регулирование военной экономики привело к чрезвычайному усилению централизации капитала и повышению удельного веса монополий в экономике всех империалистических стран.

Централизация капитала сопровождалась сильным ростом концентрации производства. Накоплению капитала монополиями способствовал громадный рост государственных бюджетов за счет завинчивания налогового пресса. Не все средства, мобилизуемые государством, сгорали в огне войны, т. е. использовались непроизводительно и изымались из кругооборота воспроизводства материальных благ. Значительная часть их превращалась в элементы производительного капитала, умножала производственную мощь крупнейших монополий. Государственные средства широко использовались для прямого субсидирования монополий.

В годы второй мировой войны характерной формой государственно-монополистического капитализма стало широкое развитие государственной собственности в результате строительства государственных предприятий, которые или сдавались в аренду на чрезвычайно льготных условиях частным фирмам, или оставались в государственном управлении, а затем были по дешевке проданы монополиям¹.

Прибыли корпораций США²

(в млрд. долл.)

Годы	Прибыли до вычета налогов	Налоги	Прибыли после выплаты налогов		
			всего	дивиденды	нераспределенные прибыли
1938	3,3	1,0	2,3	3,2	— 0,9
1939	6,5	1,5	5,0	3,8	1,2
1940	9,3	2,9	6,4	4,0	2,4
1941	17,2	7,8	9,4	4,5	4,9
1942	21,1	11,7	9,4	4,3	5,1
1943	24,5	14,2	10,4	4,5	5,9
1944	24,3	13,5	10,8	4,7	6,1
1945	20,4	11,6	8,7	4,7	4,0

¹ Так, например, в США из 747 тыс. станков, произведенных за годы второй мировой войны, государство купило 550 тыс., из которых около 30% было установлено на частных предприятиях, производящих вооружение. Около 40% всех капиталов, вложенных во время войны в нефтяную и нефтеперерабатывающую промышленность, обеспечивалось государством. Судостроительная промышленность почти целиком росла за счет казны (см. Дж. Блэр, Х. Хаугтон, М. Роуз. Экономическая концентрация и вторая мировая война. Перев. с англ. М., 1948, стр. 196).

² «Labor Fact Book», № 9. New York, 1949, p. 18.

Таким образом, империалистическое государство в самых разнообразных формах выступало прямым пособником накопления капитала крупнейшими монополиями, концентрации его в их руках.

Концентрацию капитала ускорил также гигантский рост сверхприбылей монополий, сказочно обогащавшихся на войне. Об этом убедительно свидетельствует динамика прибылей корпораций США за годы войны.

За 55 месяцев войны прибыли корпораций США составили (за вычетом налогов) 52 млрд. долл. Следует также учесть, что значительная часть налогов возвращалась корпорациям в виде платы за выполнение новых военных заказов. Вот почему размеры прибыли так быстро росли во время войны, как это видно из данных, приведенных в таблице. Когда военная экономика достигла своего зенита в 1942—1944 гг., годовая прибыль корпораций была в 7—8 раз выше, чем их довоенные прибыли.

Огромные накопления дали возможность монополиям значительно увеличить масштабы производства. Сверхприбыли сделались источником самофинансирования монополий, ставшего характерным для послевоенного периода. У монополий, создавших за время войны огромные накопления, вошло в привычку пополнять свои денежные ресурсы за счет бюджетных ассигнований.

К концу войны крупнейшие монополии во всех без исключения империалистических странах полностью работали на войну. Это явление относится к числу важнейших изменений, вызванных войной. Оно наиболее ярко характеризует экономическую основу дальнейшего загнивания и паразитического перерождения монополистического капитализма.

Не случайно после второй мировой войны в главных империалистических странах произошла лишь частичная демобилизация промышленности. Крупнейшие монополии искали возможность сохранить выгодное для них военное производство и сбыт продукции на гарантированном государственном рынке. В этом и в политических установках, вытекающих из намерений финансового капитала «отбросить» мировой социализм и вернуть капитализму его былую устойчивость, — важнейшие причины новой гонки вооружений, развернутой после второй мировой войны.

За время войны в связи с огромными масштабами военного производства произошло изменение всей отраслевой структуры хозяйства капиталистических стран. Появились сотни новых отраслей производства. Они оказались не чем-то временным, порожденным военной конъюнктурой, что должно было зачахнуть после перехода к мирной экономике. Многие из этих новых отраслей пустили глубокие корни, оказались весьма жизнеспособными и преуспевающими. Они серьезно потеснили некоторые старые отрасли экономики и усугубили их кризисное состояние.

Наряду с этим структурные изменения в хозяйстве были вызваны и техническим прогрессом, который чрезвычайно ускорила война. В том факте, что война в условиях капитализма создавала в ряде случаев более благоприятные условия для стремительного роста техники, чем в период мира, наиболее отчетливо сказывалось глубокое загнивание изжившей себя капиталистической системы.

Рост техники, естественно, был связан с необходимостью постоянно совершенствовать оружие. Новым явлением во второй мировой войне было то, что прогрессу техники во всех империалистических государствах благоприятствовали огромные государственные ассигнования на научно-исследовательские работы. Кроме того, нужно принять во внимание, что технические новшества даже в чисто военной области всегда находят себе какое-либо хозяйственное применение. Новая техника требовала качественно новых материалов. Это дало толчок развитию ряда новых производств и совершенствованию старых.

Не меньшее влияние на отраслевую структуру производства оказал вызванный войной разрыв исторически сложившихся мирохозяйственных связей. Тенденции к экономической автаркии были в той или иной мере присущи всем воюющим капиталистическим странам. По данным, которые приводит американский экономист К. Кнорр, за время второй мировой войны внешняя торговля США (без поставок по ленд-лизу) сократилась на 42%, континенталь-

ной Европы (без СССР) — на 46%, Японии и Юго-Восточной Азии — на 63%¹.

Вторая мировая война в этом отношении оказала неизмеримо более глубокое влияние на капиталистическое хозяйство, нежели первая.

В наиболее сильной форме тенденции к автаркии проявились в фашистских странах. Гитлер, предвидя неизбежное сокращение поставок сырья извне, еще до войны хвастливо заявил: «Мозг германских химиков заменит нам импорт». Искусственное и синтетическое сырье не заменило в Германии все, что давал ее хозяйству импорт. Но в послевоенной экономике Западной Германии большее значение приобрели отрасли, выросшие в условиях автаркической экономики.

В Англии нехватка морского тоннажа для импорта сырья и продовольствия вынудила к максимальному использованию ее внутренних ресурсов. Высококачественную импортную железную руду пришлось заменить низкокачественной отечественной, деревянные стойки для крепления угольных шахт — металлическими, а луга и пастбища распахать под посевы зерновых культур. Все это существенно изменило отраслевую структуру английской экономики в послевоенный период и роль последней на мировом капиталистическом рынке.

США после оккупации Японией стран Юго-Восточной Азии оказались отрезанными от источников каучука, крупнейшим потребителем которого они являлись. Это вынудило правительство построить 50 заводов по производству синтетического каучука, что радикально изменило конъюнктуру мирового рынка каучука в послевоенный период.

Изменения пропорций между отраслями хозяйства, происходившие во время войны внутри отдельных стран, повлекли за собой и необходимость создания новых соотношений в послевоенном мировом капиталистическом хозяйстве. Установление новых пропорций между отраслями в капиталистическом хозяйстве всегда сопровождается кризисами в тех или иных отраслях. Жертвой их становятся старые отрасли и слаборазвитые страны, судьба экономики которых зависит от преуспевания одной или нескольких отраслей. Эта закономерность отчетливо проявилась и после второй мировой войны. В капиталистических странах в послевоенные годы развернулись кризисы, охватившие многие старые отрасли промышленности. Особенно сильную конкуренцию новых отраслей испытали некоторые слаборазвитые страны, экономика которых зависит от экспорта сырья. Все это сопровождалось социальными последствиями огромной важности.

4. Разработка программ послевоенного экономического развития и подготовка империалистического мира.

Международные экономические соглашения, заключенные во время войны

Народы капиталистических стран, которые воевали с фашистскими державами, не хотели, чтобы послевоенный мир был похож на тот, каким он был до 1939 г., когда мрачные 30-е годы с кризисами, массовой безработицей, разгулом реакции и

¹ К. Knorr. The War Potential of Nations, p. 202.

фашизма привели к военной катастрофе. Народы стремились к тому, чтобы уже во время войны была разработана и осуществлялась программа социально-экономических мероприятий, гарантирующая от экономических кризисов, от постоянной угрозы безработицы и голода, от необеспеченности и неуверенности в завтрашнем дне. Они требовали покончить с всевластием монополий и социальным неравенством.

Вступление Советского Союза в войну внесло коренные изменения в политический характер второй мировой войны и подняло на новый, более высокий уровень требования социально-экономических преобразований, выдвигаемые трудящимися массами капиталистических стран.

Правящие круги империалистических государств всячески старались ограничить требования трудящихся, ссылаясь на то, что война невозможна без жертв и что время для реформ наступит лишь после победы. Чтобы успокоить народные массы и усыпить их классовое сознание, буржуазные правительства не скупились на посулы, разрабатывая многочисленные программы послевоенного развития.

Эти программы представляли собой не что иное, как социальную демагогию и одно из средств психологического воздействия на трудящихся, которые несли на своих плечах всю тяжесть войны. Разрабатывая указанные программы, монополии намечали также мероприятия, которые помогли бы избежать после войны опасных для капитализма социальных потрясений. Империалистическая буржуазия тщательно заботилась о том, чтобы не допустить возникновения хозяйственного хаоса, голода и инфляции, за которые капитализму пришлось заплатить дорогой ценой. В этом заключается качественно новый момент в тактике буржуазии времен второй мировой войны по сравнению с тем, что имело место во время первой мировой войны.

Влиятельные круги американского капитала, принявшие на вооружение еще до войны кейнсианскую теорию неокapиTaлИзмa, усиленно пропагандировали ее в дни войны как самую надежную панацею от всех бед, с которыми может встретиться капитализм в послевоенный период.

Эта тенденция была наиболее ярко выражена в опубликованном в конце 1942 г. специальном приложении к журналу «Форчун», которое было озаглавлено «Соединенные Штаты в новом мире. Внутренняя экономика»¹. Этот влиятельный орган американских монополий провозглашал программу развития «демократического капитализма», который исключал бы «социализм, фашизм и неограниченную свободу конкуренции». Под этикеткой «демократического капитализма» было скрыто эклектическое смешение государственно-монополистических мероприятий, отвечающих интересам финансовой олигархии, и социальной демагогии, включающей заверения в том, что будет ликвидирована безработица, расширены права профсоюзов, развита система социального страхования.

¹ «The United States in a New World. The Domestic Economy» («Fortune», December 1942, Supplement).

В распространении иллюзий, согласно которым после войны капитализм якобы переродится и очистится от скверны, немалую роль играл и президент Рузвельт. В послании конгрессу от 7 января 1943 г. Рузвельт обещал обеспечить после войны полную занятость, достойную зарплату и систему социального страхования, гарантирующую от всех зол и экономических невзгод на всем протяжении жизни человека — от колыбели до могилы¹.

В соответствии с этой программой, провозглашенной президентом, Управление по планированию национальных ресурсов опубликовало в 1943 г. документ, который получил торжественное наименование «Новый билль о правах». Девять пунктов этого билля обещали все блага и все свободы, в том числе и самую «священную» — свободу предпринимательства и эксплуатации. Гарантией того, что поставленная цель будет достигнута, объявлялось применение принципов Кейнса, а именно: регулирование экономики при помощи «фискальной и денежной политики и использования методов улучшения организации промышленности и потребительского спроса, что позволит... поддерживать динамичную экономику на высоком уровне производства и потребления»².

Реформы, намечавшиеся Рузвельтом, и «Новый билль о правах», имевший характер правительственного законопроекта, породили среди американских трудящихся большие надежды. Этому способствовало и то обстоятельство, что часть монополистической прессы встретила их в штыки. Она изображала обещанные реформы пугалом, которое грозит основам свободного предпринимательства и может задушить бизнес при помощи государственного контроля и бюрократизма.

Трудящиеся Англии с самого начала войны были полны решимости бороться за социально-экономические преобразования. Вхождение лейбористов в состав коалиционного правительства Черчилля рассматривалось консерваторами как необходимая уступка требованиям народа.

В Англии с не меньшим размахом, чем в США, разрабатывались программы послевоенного развития. И здесь они имели двойственное назначение — служить орудием государственно-монополистических преобразований и одновременно формой социальной демагогии. Большие надежды внушала трудящимся Англии программа социального страхования на послевоенный период, разработанная видным экономистом Бевериджем. Она была представлена в виде доклада парламенту в ноябре 1942 г. План Бевериджа предусматривал охват всеми видами социального страхования всех групп населения. Государство должно было ввести пособия по безработице, по болезни, по старости и обеспечение нетрудоспособных в случае смерти кормильца семьи³.

Правительство обещало ввести эту систему страхования в 1945 г. независимо от того, кончится к этому времени война или нет⁴. К концу войны Беверидж вооружил английский парламент еще одной пропагандистской программой послевоенных реформ. В 1944 г. он представил разработанный по заданию правительства доклад под названием «Полная занятость в свободном обществе»⁵. В нем доказывалась возможность избавить послевоенную Англию от такого бедствия трудящихся, как безработица. В том же году правительство Черчилля, основываясь на докладе Бевериджа, опубликовало

¹ F. D. Roosevelt. The War Messages of Franklin D. Roosevelt. Washington, 1943, p. 35.

² L. L. Lorvin. Postwar Plans of the United Nations. New York, 1943, p. 51—52.

³ W. Beveridge. Social Insurance and Allied Services. London, 1942.

⁴ «Keesing's Contemporary Archives», vol. 5 (1943—1946). December 9—16, 1944, p. 6863—6887.

⁵ W. Beveridge. Full Employment in a Free Society. London, 1945.

Белую книгу о политике занятости¹. В ней провозглашался переход после войны к кейнсианским принципам «регулируемой экономики». Переход консерваторов на позиции кейнсианства отражал возросшее значение государственно-монополистического капитализма и признание неизбежности некоторых реформ для сохранения власти капитала.

Буржуазия во всех странах готовилась во всеоружии встретить неизбежное обострение классовой борьбы. Она знала, что война идет к финишу и скоро настанет срок оплаты выданных векселей и понадобится выполнить хотя бы часть тех обещаний, которые щедро давались во время войны.

Во всех программах послевоенного развития, которые разрабатывались в США, Англии и других капиталистических странах, на первый план выдвигалась проблема реконверсии, т. е. перевода экономики с военных рельсов на мирные. При этом считалось аксиомой, что ответственность за этот «опасный» перевод должно взять на себя государство, что органы по контролю и регулированию экономики, созданные во время войны, не должны быть ликвидированы сразу же после ее окончания. Характерной чертой всех программ послевоенного развития, разработанных в годы войны, было стремление оправдать и увековечить государственно-монополистическое регулирование экономики. Государство должно было максимально помочь бизнесу пройти через трудную полосу послевоенных испытаний.

Программы послевоенного развития разрабатывались не только государственными учреждениями и политическими партиями. Занимались этим делом и частные фирмы, а также предпринимательские организации. Для них проблема реконверсии сводилась к тому, чтобы наиболее гибко и с наибольшей выгодой для себя приспособиться к послевоенной обстановке на внутреннем и внешнем рынках. Ясно, что такую подготовку к реконверсии могли вести только самые крупные монополии, обладавшие и резервными мощностями, и кадрами, и материальными и денежными ресурсами.

Еще в начале войны Национальная ассоциация промышленников создала Комитет по послевоенным проблемам. В марте 1943 г. он опубликовал доклад о том, как бизнес должен готовиться, чтобы сразу же после войны обеспечить высокую конъюнктуру на внутреннем рынке. Комитет по экономической политике для разработки ее послевоенных проблем был создан Торговой палатой США. В 1942 г. этот комитет опубликовал доклад, в котором точно так же, как и в докладе Национальной ассоциации промышленников, отмечалось, что важнейшим источником, стимулирующим послевоенное «процветание», может стать использование отложенного во время войны спроса на предметы потребления, а также на оборудование для промышленности. Торговая палата, как указывает американский экономист Льюис Лорвин, требовала, чтобы правительство после войны воздерживалось от вторжения в какую-либо область бизнеса, которая может успешно обеспечиваться частными предприятиями².

Группой лидеров большого бизнеса и управляющими корпораций был создан Комитет по экономическому развитию, который также занялся разработкой послевоенных проблем. Его возглавил Поль Гофман, президент автомобильной фирмы. Цель этого комитета заключалась в том, чтобы помогать частным предприятиям в подготовке послевоенных программ, которые бы учитывали как их интересы, так и общенациональные. Комитет рекомендовал фирмам выработать программы перехода от войны к миру, чтобы обеспечить стабильность экономики и высокий уровень занятости³. Комитет должен был наилучшим образом мобилизовать американский бизнес для борьбы за захват послевоенных рынков.

¹ «Keesing's Contemporary Archives», vol. 5 (1943—1946). January 6—13, 1945, p. 6921—6925.

² L. L. Lorwin. Postwar Plans of the United Nations, p. 24.

³ Ibid., p. 27.

В целях успешного проведения своих программ правящие круги США возлагали на реакционных лидеров профсоюзного движения функцию охранителей «классового мира» внутри страны, иначе говоря, обеспечение тыла для гигантских планов послевоенной экспансии, разрабатываемых американскими монополиями. Характерно, что, в то время как монополии уже в 1942 г. разрабатывали свои программы послевоенного развития, лидеры Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов, создавшие в 1942 г. комитеты по послевоенным проблемам, не пошли дальше требований принять меры против массовой безработицы и осуществить более широкую программу по социальному страхованию от безработицы. Они возлагали надежды лишь на антикризисные мероприятия буржуазного правительства.

Развитие государственно-монополистического капитализма в главных империалистических странах оказало существенное влияние на межгосударственные отношения, на решение проблем послевоенного урегулирования во всем капиталистическом мире.

Уже с самого начала второй мировой войны правящие круги империалистических стран, участвовавших в антигитлеровской коалиции, занялись подготовкой международных соглашений, которые гарантировали бы капитализм от послевоенных революционных потрясений, в том числе соглашений о «регулировании» мировой экономики, способных обеспечить господство капитализма в послевоенном мире.

Разработку проектов таких международных соглашений и создание соответствующих международных организаций империалистическим державам приходилось осуществлять в обстановке, определявшейся антифашистским характером войны, решающей ролью в ней Советского Союза, небывалой политической активностью масс и их заинтересованностью в разрешении вопросов послевоенного устройства. Все это оказало значительное влияние на характер и форму международных послевоенных программ, разрабатывавшихся в ходе войны.

Большая часть политических деятелей Запада сходилась на том, что фундаментом послевоенного мира может быть организация, призванная в какой-то мере унаследовать функции Лиги наций. Одни из них представляли эту организацию в виде всемирного правительства, другие — всемирного парламента, третьи — форума государств, причем все эти учреждения должны были гарантировать господство основных капиталистических держав, прежде всего США.

Наиболее активную подготовку к созданию такой организации вели правящие круги США. Они были глубоко убеждены в том, что конец войны будет началом «американского века», периодом мирового господства США.

Не меньшее значение придавал Вашингтон разработке системы международных экономических и политических соглашений, которые создали бы необходимый механизм для воздействия американских монополий на мировой рынок и их вмешательства во внутренние дела всех государств.

Первым шагом к практическому разрешению послевоенных международных экономических проблем была конференция Объединенных Наций по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, состоявшаяся в Хот-Спрингсе (США) в мае 1943 г. В ней приняли участие 46 государств, в том числе и Советский Союз. Конференция решила создать постоянную международную организацию, которая разрабатывала бы мероприятия по распределению мировых ресурсов продовольствия и по борьбе с голодом и недоеданием. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций — ФАО была учреждена в апреле 1945 г. после подписания ее устава двадцатью государствами¹. В 1946 г. ФАО была признана специализированным учреждением ООН.

В лице ФАО правящие круги США рассчитывали иметь межгосударственное учреждение, при помощи которого можно было бы держать под контролем мировой рынок продовольствия и в то же время использовать вывоз продовольствия и оказание технической помощи как орудие политики. Советский Союз, учитывая эти тенденции США, воздержался от вступления в ФАО. Однако это не означало осуждения всей деятельности этой организации.

В ноябре 1943 г. в Вашингтоне было подписано соглашение 44 стран об учреждении ЮНРРА — Организации по оказанию помощи Объединенным Нациям в возобновлении промышленного и сельскохозяйственного производства, в налаживании здравоохранения, в устройстве пленных и перемещенных лиц. Американские правящие круги рассчитывали использовать аппарат и этого межгосударственного учреждения как дополнительный канал для экономической и политической экспансии. Деятельность США в ЮНРРА отчетливо выявила то главное направление их политики, которое позднее воплотилось в «доктрине Трумэна» и «плане Маршалла».

Среди проблем послевоенного экономического урегулирования правящие круги США придавали первостепенное значение вопросу о валюте и международных финансах. Еще в 1943 г. по заданию американского министра финансов Г. Моргантау его советник Уайт разработал проект создания Стабилизационного фонда Объединенных Наций, который сразу же по окончании войны мог бы обеспечить стабилизацию валют и предотвратить инфляцию с ее опасными социальными последствиями. Американский проект Стабилизационного фонда учитывал не только общие классовые интересы буржуазии, связанные со спасением европейского капитализма от угрозы революции. Имелось в виду и установление американской мировой гегемонии. США стремились максимально реализовать свое превосходство как основного обладателя золота. К концу 1943 г. золотой запас США достиг рекордной цифры — 22,5 млрд. долл.², что вдвое превышало золотой запас всего капиталистического мира.

С помощью Стабилизационного фонда правящие круги США рассчитывали добиться наиболее выгодного для монополий курса доллара в соотно-

¹ «Constitution of the Food and Agriculture Organisation of United Nations (with annexes). Quebec. 16-th October 1945». London, 1946.

² См. *Е. Варга*. План послевоенной стабилизации валют. «Война и рабочий класс», 1943, № 13, стр. 7.

шении с другими валютами и устранить все барьеры в конкурентной борьбе, которые воздвигались другими капиталистическими странами при помощи валютной политики.

Не случайно проект Стабилизационного фонда Объединенных Наций, разработанный Уайтом, был встречен в штыки Англией, которая отнюдь не хотела допустить, чтобы был похоронен английский фунт и ликвидирована его роль как мировой валюты. Англия в том же 1943 г. обнародовала проект организации Международного клирингового союза, разработанный лордом Кейнсом¹. В основе его лежало регулирование мировой торговли и валютных курсов на основе главным образом клиринговых, т. е. безвалютных, сделок. Проект Кейнса предусматривал сохранение в рамках союза замкнутых валютных группировок, в частности стерлинговой зоны. При системе, предложенной Кейнсом, Англия могла бы наиболее полно использовать свои преимущества крупнейшего импортера товаров и монопольного поставщика колониального сырья, возможность распоряжаться которым тогда еще не вызывала сомнений у лорда Кейнса.

Происходившая в июне 1944 г. в Бреттон-Вудсе (США) под председательством американского министра финансов Г. Моргантау конференция с участием представителей 44 государств приняла решение о создании Международного валютного фонда (МВФ), в основу устава которого был положен американский проект.

В нем, правда, были учтены и содержащиеся в английском проекте предложения о взаимном зачете обязательств участников МВФ путем клиринга. Квота каждого участника МВФ определялась его взносом в золоте, что прочно обеспечивало господствующие позиции США в этом международном органе по валютно-финансовому регулированию².

Решения Бреттон-Вудской конференции о МВФ явились серьезным ударом по Англии и притязаниям Сити на сохранение роли мирового финансового центра. Но английская финансовая олигархия не хотела капитулировать. Англия отказалась утвердить устав МВФ и участвовать в нем на правах бедного родственника. Она добивалась укрепления своих валютных резервов за счет крупного займа от США. Угроза отказаться от ратификации Бреттон-Вудского соглашения была одним из важных аргументов Англии при длительных переговорах о займе. Лишь после того, как США в декабре 1945 г. дали согласие предоставить Англии крупный заем в 3750 млн. долл., она решила ратифицировать устав МВФ.

Международный валютный фонд, будучи характерным порождением государственно-монополистических тенденций, представлял собой новое явление в области международных отношений. Правда, МВФ не оправдал тех надежд, которые на него возлагали американские империалисты. Его удельный вес в системе международных финансов оказался не столь значительным, чтобы при помощи фонда можно было делать погоду на мировом валютном рынке, как на это рассчитывали заправилы Уолл-стрита. США не удалось в полной мере ликвидировать валютные ограничения и добиться надежного контроля над валютными курсами. Утопическим оказалось записанное в уставе фонда требование о том, чтобы страны-участницы через 5 лет после вступления в МВФ вели торговлю между собой без таможенных, количественных и валютных ограничений. Тем не менее в лице МВФ американские монополии приобрели межгосударственное учреждение, позволявшее под флагом международного сотрудничества осуществлять широкое вмешательство в экономику других капиталистических стран и в то же время бдительно

¹ «Proposals for an International Clearing Union. Presented by the Chancellor of the Exchequer to Parliament». London, 1943.

² «International Conciliation. The Bretton Woods Agreements». New York, 1945, p. 599.

следить за биением пульса мирового капиталистического хозяйства. США при посредстве МВФ поставили на службу своим интересам огромный, чрезвычайно разветвленный и высококвалифицированный аппарат экономической разведки, который содержится за счет взносов государств — членов Фонда и прикрывает свою деятельность флагом ООН.

Конечно, в МВФ сказывалось влияние не только Соединенных Штатов, но и других капиталистических стран, с которыми США не могли не считаться, несмотря на свою господствующую роль в делах Фонда.

Конференция в Бреттон-Вудсе создала еще одну межгосударственную организацию, ставшую важным фактором послевоенных международных отношений — Международный банк реконструкции и развития (МБРР). Соглашение о МБРР вступило в силу 27 декабря 1945 г. Членами его стали государства — участники МВФ. Международный банк реконструкции и развития должен был служить орудием той же экономической стратегии, которую намечено было осуществлять при помощи МВФ.

На МБРР возлагалась задача защитить от инфляции капиталистические государства, имеющие дефицитный платежный баланс, путем предоставления краткосрочных кредитов, а также гарантировать долгосрочные займы, предоставляемые банками различным государствам или фирмам под обеспечение соответствующего государства, и давать эти займы из собственных средств, т. е. обеспечить импорт капитала, чтобы устранить внешние причины инфляции.

Возникновение МБРР отражало государственно-монополистические тенденции в области экспорта капитала. Государство в интересах монополий должно было выполнять роль гаранта прибыли для экспортеров капитала и страховать их на случай непредвиденных обстоятельств, беря на себя весь риск потерь. МБРР организован в форме акционерного общества. Вполне естественно, что роль главного акционера в нем с самого начала выполняют США, сделавшие в МБРР самый крупный взнос. Предоставляя займы и ссуды, МБРР контролирует не только их расходование, но и весь ход осуществления финансируемых «программ». Банк имеет возможность навязать при этом «техническую помощь» и руководство иностранных специалистов и частных фирм. От государств, получивших ссуды, МБРР требует определенной экономической политики — отказа от проведения национализации и поощрения частных капиталовложений в противовес государственному¹.

Международный банк оказался удобной ширмой для американских монополий, получивших возможность осуществлять свою экономическую экспансию через учреждение, входящее в систему ООН. В лице МБРР монополии США получили мощное средство для осуществления своей политики неокolonизма.

Неожиданным ударом для капиталистических партнеров США в Европе явилось аннулирование контрактов по ленд-лизу, о котором 21 августа 1945 г. сообщил президент Трумэн. Он известил союзные правительства, что товары на 2 млрд. долл., заказанные в США, так же как и товары на 1,5 млрд. долл., находящиеся на складах в других странах, могут быть получены лишь за наличные, путем купли-продажи². Дефицит

¹ «The International Bank for Reconstruction and Development, Prepared by the Staff of the Bank». Baltimore, 1954.

² «United Nations Economic Report. Salient Features of the World Economic Situation. 1945—1947». New York, 1948, p. 297.

платежного баланса и истощение валютных резервов партнеров США ставили их перед необходимостью чрезвычайных мероприятий, чтобы свести концы с концами.

После прекращения ленд-лиза правительства Англии и Франции стали просить США о предоставлении займа. Займы были даны им, по существу, на условиях экономической капитуляции. В декабре 1945 г. было объявлено о предоставлении займа Франции на сумму в 550 млн. долл.¹, 6 декабря 1945 г. было обнародовано соглашение о предоставлении займа Англии на сумму 3750 млн. долл.² США фактически потребовали от стран-должников согласия с их политикой «открытых дверей», т. е. беспрепятственного доступа на их рынки американским капиталом и товарам. Займы были предоставлены как аванс за согласие «искоренять» коммунизм, как компенсация за готовность стать младшими партнерами США в антисоветском военном блоке.

После отмены ленд-лиза, когда Англия и Франция просили оказать им помощь, монополии США сумели обеспечить еще один важный рубеж для своей послевоенной экономической экспансии. 24 сентября 1945 г. в Лондоне было подписано соглашение между США и Англией об учреждении англо-американской нефтяной комиссии по урегулированию международной торговли нефтью. В сущности это была новая сделка внутри Международного нефтяного картеля, юридически закрепившая преобладающие позиции американских нефтяных монополий, которые значительно усилились за время войны.

Расстановка сил внутри капиталистического мира к концу войны определялась прежде всего гигантским ростом экономического и военного могущества США. Они достигли такого преобладающего превосходства в капиталистическом мире, которому не могла противостоять никакая коалиция других капиталистических держав.

К концу войны на долю США приходилось почти две трети промышленной продукции капиталистического мира, около трети мирового экспорта товаров, свыше половины золотого запаса. В их руках были сосредоточены огромные резервы продовольствия, в то время как закрома большей части капиталистических стран были опустошены. США имели самый мощный военно-морской флот, далеко превзойдя ту степень господства на море, которым когда-то похвалялась Англия. Они имели самую большую в капиталистическом мире сухопутную армию и вдобавок обладали временной монополией на атомное оружие, силе которого не могло противостоять все, что имелось в арсеналах других капиталистических стран.

¹ «Documents on American Foreign Relations», vol. VIII (July 1945 — December 1946). Princeton, 1948, p. 641, 866.

² Ibid., p. 645—649.

Усилившуюся неравномерность экономического развития показывает изменившееся соотношение сил на мировых рынках между главными капиталистическими странами за годы второй мировой войны. Представление об этом дает следующая таблица:

Доля отдельных стран в международной капиталистической торговле¹

(в % к итогу)

Страны	Импорт			Экспорт		
	1937 г.	1945 г.	1946 г.	1937 г.	1945 г.	1946 г.
Англия	17,0	26,2	15,1	11,3	7,4	11,6
Германия*	7,9	0,4	2,1	10,3	0,1	0,7
Италия	2,7	—	1,9	2,4	—	0,9
Канада	2,9	6,4	5,4	4,4	12,4	7,1
США	10,9	18,1	14,2	14,2	40,1	29,9
Франция	6,1	4,8	7,6	4,1	0,9	2,7
Япония	3,9	—	0,9	5,2	—	0,3

* 1937 г. — вся Германия; август—декабрь 1945 г. — англо-американская зона; 1946 г. — все западные зоны.

К концу второй мировой войны 52,5% мирового экспорта приходилось на долю США и Канады при почти полном прекращении экспорта Германии, Италии и Японии и значительном ослаблении позиций Англии и Франции. К концу войны главными соперниками на мировом капиталистическом рынке оставались США и Англия. На второе место после США в качестве экспортера выдвинулась Канада.

США в значительной мере достигли целей, поставленных ими в войне в отношении капиталистического мира. Наиболее агрессивные и опасные их конкуренты — Германия и Япония — были устранены. В Германии важнейшие индустриальные районы оказались фактически под контролем американских оккупационных властей. Япония и ее островные владения на Тихом океане оказались сферой монопольного господства США.

Другие конкуренты США также были в известной степени сброшены со счетов. Англия была ослаблена и к концу войны, после прекращения действия закона о ленд-лизе, находилась на грани финансового банкротства. Экономика Франции была подорвана еще больше. Ее тяжелое экономическое положение обострялось саботажем монополий, стремившихся усилить хозяйственную разруху, чтобы свалить ответственность за нее на коммунистов, входивших тогда в состав правительства. Другие развитые капиталистические страны Европы, испытывавшие гнет

¹ «Международная торговля», стр. 254; «Экономика капиталистических стран». Статистический сборник. М., 1959, стр. 494.

немецкой оккупации, в экономическом отношении также были отброшены войной далеко назад.

Американские империалисты оказали серьезную поддержку своим ослабевшим партнерам и поверженным военным противникам в сохранении и укреплении позиций монополистического капитала, в борьбе против рабочего класса, в подавлении национально-освободительного движения, в подрыве демократических сил. Однако укрепить мировую систему капитализма в целом, заделать в ней те брешы, которые были пробиты во время войны, им так и не удалось.

Мощный подъем классовой борьбы во всех ее формах и проявлениях — рабочего, демократического, национально-освободительного движения — нанес новые сокрушительные удары капитализму как системе. В борьбе народов против фашизма, который был порожден международным империализмом, проявилось стремление масс добиваться нового, лучшего общественного строя, идти вперед, а не вспять. Идеи демократии и социализма начали овладевать новыми многомиллионными массами в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке.

ГЛАВА III

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ. ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1. Развитие мирового революционного процесса и вторая мировая война

Новая расстановка политических сил после войны определялась дальнейшим развитием мирового революционного процесса вширь и вглубь, в частности серьезным ростом рабочего, демократического и национально-освободительного движения в капиталистических странах. «Первая мировая война и Октябрьская революция, — отмечается в Программе КПСС, — положили начало общему кризису капитализма. В ходе второй мировой войны и социалистических революций, происшедших в ряде стран Европы и Азии, развернулся второй этап общего кризиса капитализма»¹.

Второй этап общего кризиса капитализма характеризовался дальнейшим укреплением мировых сил социализма и существенным ослаблением империализма. Важнейшими процессами и событиями, вызвавшими сужение сферы господства и дальнейший подрыв позиций капиталистической системы, явились: разгром в итоге второй мировой войны фашизма — ударной

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 25.

силы международного империализма; громадный рост мощи и международного авторитета Советского Союза, сыгравшего решающую роль в победе над фашизмом; прорыв империалистического фронта в ряде новых звеньев в результате победы народно-демократических революций в Китае, в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в Северной Корее и Северном Вьетнаме; образование мировой социалистической системы; успехи национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы в колониальных и полуколониальных странах; подъем коммунистического и рабочего движения, а также массовых общедемократических движений в странах капитала.

Буржуазные фальсификаторы марксистско-ленинского учения, ссылаясь на факт подъема революционного движения после второй мировой войны, пытаются «доказать», будто коммунисты заинтересованы в войнах для свержения капитализма и осуществления социалистической революции. Однако, обратившись к историческим фактам, нетрудно убедиться в том, что подобные утверждения не имеют ничего общего с действительностью. То обстоятельство, что после первой и второй мировых войн, развязанных империализмом, в ряде стран победили социалистические революции, отнюдь не означает, что путь к революции обязательно пролегает через мировую войну. «Марксисты-ленинцы, — говорится в Заявлении Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г., — никогда не считали, что путь к социальной революции проходит через войны между государствами»¹.

Марксистско-ленинские партии в своем отношении к проблеме войны и революции всегда исходили из следующих принципиальных положений, которые полностью подтверждаются практикой коммунистического движения.

Во-первых, мировое коммунистическое движение никогда не стремилось к тому, чтобы социалистическая революция, освобождающая рабочий класс, обязательно развивалась в русле войны.

Об этом свидетельствует вся история борьбы международного пролетариата в предвоенные годы. В резолюции VII конгресса Коминтерна (1935 г.) указывалось: «VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала со всей решительностью отвергает клеветнические утверждения, будто коммунисты желают войны, ожидая, что она принесет революцию. Уже руководящее участие коммунистов всех стран в борьбе за сохранение мира... доказывает, что коммунисты всеми силами стремятся затруднить подготовку и развязывание новой войны»².

Во-вторых, мировое коммунистическое движение всегда считало, что революция в той или иной капиталистической стране не может быть инспирирована извне, а является результатом

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», М., 1961, стр. 76.

² «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала», М., 1935, стр. 39.

внутреннего развития страны, результатом крайнего обострения социально-экономических и политических противоречий капитализма. «Революция не происходит по заказу, — подчеркивает Программа КПСС. — Ее нельзя навязать народу извне. Она возникает в результате глубоких внутренних и международных противоречий капитализма. Победивший пролетариат не может навязать народу другой страны никакого осчастливления, не подрывая этим собственной победы»¹.

Как известно, десятилетие, предшествовавшее второй мировой войне, было периодом резкого углубления экономических, социальных и политических противоречий капитализма и великих успехов социалистического строительства в СССР, роста международного авторитета Советской страны, ее огромного революционизирующего воздействия на борьбу трудящихся в капиталистических странах. На этой основе еще за несколько лет до начала второй мировой войны явственно определился подъем революционного рабочего, антифашистского и национально-освободительного движения во многих районах капиталистического мира, и в первую очередь в ряде стран Европы, в Китае, в некоторых странах Западного полушария. Авангардом нараставшего революционного и демократического движения выступали коммунистические партии. Они выработали на VII конгрессе Коминтерна правильную стратегию и тактику, определив наиболее эффективные формы и методы борьбы за массы.

Несмотря на тяжелые потери коммунистов в борьбе с реакцией и фашизмом, число их за пределами СССР увеличилось с 443 тыс. в 1928 г. до 785 тыс. в 1935 г.² и 1200 тыс. к началу 1939 г. В двух странах — Испании и Китае — борьба народных масс уже перед войной вылилась в народно-демократическую (или новодемократическую) революцию.

Подъем революционного рабочего, национально-освободительного и демократического движения, рост влияния коммунистических партий, прогресс в осуществлении единства действий пролетариата пугали и приводили в ярость империалистическую буржуазию. Любой ценой остановить нараставшие революционные процессы, повернуть их вспять — такова была важнейшая цель международного империализма. Объединенными усилиями фашистских и «демократических» империалистических держав была задушена Испанская республика. Были загнаны в подполье все крупные коммунистические партии капиталистической Европы. Десятки тысяч коммунистов были арестованы, замучены и зверски убиты.

Но обе группировки империалистической реакции, начав войну, развязали и ускорили процессы, которые в конечном счете вышли из-под их контроля, нарушили их стратегические планы. Широчайшие народные массы пришли в движение и, взяв в руки оружие, вступили в борьбу, ставшую для них суровой, но действительной школой.

Вторая мировая война, вопреки воле развязавших ее империалистических сил, ускорила развитие мирового революционного процесса. Иначе говоря, война, хотя и не была первопричиной созревания в ряде стран революционного кризиса, резко усилила и обострила его.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 39.

² «International Press Correspondence», 1935, № 75—76, p. 1452.

2. Антифашистская борьба в годы второй мировой войны. Движение Сопротивления

Пытаясь уничтожить первое в мире социалистическое государство, физически истребить цвет европейского пролетариата, разгромить его организации, германский империализм и его союзники, несомненно, выражали интересы и чаяния всей монополистической буржуазии мира. Это во многом определило политику монополистической буржуазии ряда стран, оккупированных Германией, зачастую видевшей в германском нашествии прежде всего желанную возможность избавления от угрозы революции, создания в своей стране режима «твердой руки», который она не сумела установить собственными силами¹.

Впоследствии, когда, с одной стороны, гитлеровская Германия полностью ликвидировала национальную независимость оккупированных стран и приступила к физическому истреблению их народов, а с другой стороны, создалась антигитлеровская коалиция и перспективы Германии на победу стали сомнительными, крупная буржуазия Франции, Бельгии, Нидерландов, Югославии, Греции и других стран Европы расслоилась в зависимости от своей внешнеполитической ориентации.

В странах оккупированной Европы важнейшие группы монополистической буржуазии вплоть до решающего перелома в ходе войны в 1943 г. выступали в качестве прямых союзников оккупантов. То же самое можно сказать и о той части правящих классов Китая, которая пошла на прямой сговор с японскими империалистами (Ван Цзин-вей и др.), превратилась в их «пятую колонну» в Китае. Другая часть крупной монополистической и большая часть средней буржуазии оккупированной Европы, а также правящие круги гоминдановского Китая, как и буржуазия британских доминионов, стран Латинской Америки и т. п., предпочли связать свою судьбу с монополистической буржуазией США и Англии, а затем с антигитлеровской коалицией, считая, что разгром Германии этой коалицией неминуем. Это не значит, разумеется, что тем самым эти круги буржуазии отказывались от старого курса антисоветской политики. Необходимо учитывать, что империалисты США и Англии видели в германском и японском империализме лишь временного врага и завтрашнего союзника, а в своем союзнике — завтрашнего врага. Не допустить осуществления в ходе войны революционных социальных требований масс — вот что было постоянной и важнейшей заботой империалистов. И не раз во имя этой цели они приносили в жертву интересы совместного отпора фашистскому агрессору, национальные интересы своих стран.

На последних этапах второй мировой войны правящие круги США и Англии, а также крупная буржуазия оккупированных стран прилагали особые усилия, чтобы не допустить слома старой государственной машины. В странах оккупированной Европы определенная часть реакционной буржуазии, ориентировавшаяся на правящие круги Англии и США, проводила преслову-

¹ Вот как пишет об этом буржуазный публицист и ярый противник коммунизма Р. Арон: «Генералы, желавшие спасти армию, реакционеры, желавшие «обновить страну», политики, рвавшиеся к власти, капиталисты, заботившиеся о социальном порядке, а не о спасении родины, — все решили капитулировать» (R. Aron. *De l'armistice à l'insurrection nationale*. Paris, 1945, p. 25).

тую политику атлантизма, «выжидания», внушая массам, что необходимо ждать прихода англо-американских союзников, которые-де одни только и принесут свободу, что движение Сопротивления призвано обслуживать лишь военные нужды союзников и т. д.

Такова была политическая линия основных группировок монополистического капитала и связанных с ним партий и организаций — прямое продолжение их предвоенного курса. Продиктованная эгоистическими, узкоклассовыми мотивами, политика эта привела крупную буржуазию многих стран к национальной измене, к политическому банкротству, к саморазоблачению ее как антинациональной и антидемократической силы, неспособной руководить обществом.

По мере того как во второй мировой войне нарастали освободительные, антифашистские, антиимпериалистические тенденции, коммунистические партии всех стран, втянутых в войну, все больше и больше становились партиями вооруженной борьбы, которые добивались военной победы над фашизмом.

Коммунистические партии, и прежде всего КПСС, стоявшая в авангарде вооруженной борьбы с фашизмом, считали своей основной задачей военный и политический разгром фашистских государств и их агентуры, обеспечение национальной независимости народов и их демократических прав. Достижение этой цели соответствовало и коренным классовым интересам пролетариата, и демократическим устремлениям трудящихся, и национальным интересам народов.

В борьбе за эти цели коммунистическое движение шло на совместные действия со всеми силами, вплоть до тех кругов монополистической буржуазии США и Англии, которые по тем или иным причинам были заинтересованы в поражении фашистского империалистического блока. Опираясь на новую расстановку классовых сил, созданную во многих капиталистических странах войной, а особенно фашистской оккупацией, рабочий класс должен был добиться единства своих рядов и сплотить вокруг себя все демократические и патриотические силы нации — крестьянство, городскую мелкую буржуазию, интеллигенцию, часть буржуазии, в том числе и те ее слои, которые ориентировались на правящие круги США и Англии.

Важнейшим условием достижения победы в национально-освободительной борьбе народов была героическая борьба Советского Союза, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны с фашизмом и являвшегося стержнем антигитлеровской коалиции. Борьба за широчайшее национальное и антифашистское единство была основой политики коммунистических партий капиталистических стран и другим важнейшим условием победы в национально-освободительной войне. Коммунистические партии выступили инициаторами создания национальных фронтов — широких антифашистских и патриотических

коалиций, объединяющих все партии, организации, группы, слои населения, готовые бороться против гитлеризма.

Коммунистические партии в оккупированных странах боролись за активность и массовость антифашистских действий. Они разворачивали и возглавляли вооруженную борьбу против оккупантов и их приспешников, вовлекали в нее широчайшие массы населения, разоблачая политику атлантистов в Европе¹, сделки отдельных кругов национальной буржуазии с японским империализмом — в Азии. В Англии и США коммунисты упорно добивались скорейшего открытия второго фронта.

Вовлекая в активную политическую жизнь широчайшие массы трудящихся, объединяя их под руководством пролетариата против иноземных и местных фашистов, вооружая массы, создавая в ходе боев новые демократические органы власти, коммунисты, рабочий класс готовили тем самым важнейшие внутренние предпосылки для перерастания национально-освободительного и антифашистского движения в революционную борьбу против основ того строя, который породил фашизм и войну.

Одно из крупнейших революционных движений XX века — движение Сопротивления объективно ставило и нередко решало не только задачи национальной антифашистской борьбы, но и задачи социального освобождения трудящихся.

В той или иной форме Сопротивление и национально-революционные войны охватили около 30 стран Европы и Азии. Наибольшего размаха и политической зрелости борьба эта достигла в Китае, Италии, Франции, Польше, Югославии, Болгарии, Чехословакии, Албании, Греции, Бельгии, а также во Вьетнаме, в Бирме, Малайе, на Филиппинских островах. Во многих странах Сопротивление переросло в народно-демократические или национально-освободительные революции.

Фактически начало движению вооруженного народного антифашистского сопротивления в Европе положила национально-революционная война испанского народа против фашистов и интервентов в 1936—1939 гг. Несмотря на поражение трудящихся Испании, она сыграла выдающуюся роль в развитии антифашистского Сопротивления².

Осенью 1939 г. в ходе героической борьбы польских рабочих и солдат против фашистских оккупантов было положено начало движению Сопротивления в Польше. Тогда же зародилось это движение в Чехословакии и Албании. Весной и летом 1940 г., после оккупации фашистами шести стран Западной и Северной Европы, движение Сопротивления возникает и в этих странах, прежде всего во Франции и Бельгии. Во главе движения Сопротивления шел рабочий класс оккупированных фашистами стран. Авангард пролетариата — коммунистические партии почти повсеместно оставались в своих странах

¹ «Французский народ не должен ждать своего спасения извне. Он должен сам спасти себя — спасти борьбой... Атлантизм для поработанного народа равносителен принятию рабства», — указывалось в 1942 г. в первом майском воззвании ФКП («L'Humanité», 1. V. 1942).

² Тысячи бывших бойцов интернациональных бригад возглавили впоследствии первые отряды и организации Сопротивления во Франции, Италии, Бельгии, на Балканах.

единственными политическими партиями, сохранившими свою организацию в период гитлеровского нашествия и продолжавшими в подполье антифашистскую борьбу¹.

Во Франции коммунистическая партия 15 мая 1941 г. призвала к созданию «широкого фронта Национального освобождения» и заявила о своей готовности «поддержать любое французское правительство, любую организацию и любых людей, усилия которых будут направлены на действенную борьбу против национального гнета и против предателей, находящихся на службе у захватчиков»². В конце мая 1941 г. ФКП приступила к объединению ряда организаций Сопротивления, опиравшихся на пролетариат, передовые слои интеллигенции, крестьянство, в Национальный фронт, ставший самым массовым и действенным из всех французских организаций Сопротивления.

Тогда же, в мае 1941 г., Итальянская коммунистическая партия в обращении к народу призвала рабочий класс выступить против фашизма «во имя спасения нации», бороться против немецких войск в Италии, за свержение клики Муссолини — слуги германского империализма, за немедленные переговоры о мире, за восстановление демократических прав и социальных завоеваний трудящихся³.

Вступление в войну Советского Союза после разбойничьей агрессии гитлеровской Германии и ее сателлитов, решительный отпор, данный войсками первой в мире социалистической державы, привели к тому, что движение Сопротивления поднялось в политическом и организационном отношении на новую, более высокую ступень. Советская Армия сковала основные вооруженные силы германского империализма, облегчив создание вооруженных отрядов движения Сопротивления. Героическая борьба советского народа против фашизма укрепила веру сражавшихся народов Европы и Азии в свои силы и свою победу. Это и вызвало бурный рост Сопротивления, качественный скачок в его развитии.

Для этого периода характерен небывалый размах вооруженной борьбы против фашизма, рост ее организованности, упрочение антифашистского единства, создание антифашистских коалиций и органов Сопротивления, которые зачастую представляли собой зародышевую форму новой революционной власти в освобожденных районах.

В 1941—1942 гг. вооруженная народная борьба охватила большую часть территории Балканского полуострова. Там движением Сопротивления с самого начала руководили коммунисты. В Югославии, Греции, а затем в Албании и Болгарии были сформированы народно-освободительные армии и партизанские отряды, объединившие сотни тысяч бойцов. Общее политическое руководство осуществлялось через созданные по инициативе коммунистов революционно-антифашистские коалиции (Единый народно-освободительный фронт Югославии был создан летом 1941 г., Национально-освободительный фронт Греции — ЭАМ — осенью 1941 г., Отечественный фронт в Болгарии — летом 1942 г., Национально-освободительный фронт в Албании — осенью 1942 г.).

С мая 1942 г. в необычайно сложных и тяжелых условиях стало нарастать партизанское движение и в Польше. Во главе шла возникшая в январе 1942 г. Польская рабочая партия и ее вооруженная организация — Гвардия (впоследствии — Армия) людова. Осенью 1941 г. решением ЦК ФКП была создана централизованная военная организация «Французские партизаны и франтиреры» (вольные стрелки), возглавленная Национальным военным комитетом.

¹ «Это гордость и честь для коммунистической партии — быть преследуемой оккупационными властями, в то время как лидеры всех других партий ищут подачек и инструкций в немецком посольстве... Коммунистическая партия гордится тем, что она ведет подлинную битву против захватчиков», — писала «Юманите» весной 1941 г.

² Цит. по кн.: М. Торез. Сын народа. Перев. с франц. М., 1960, стр. 168.

³ См. «30 лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». Перев. с итал. М., 1952, стр. 481—485.

После исторической победы у берегов Волги в начале 1943 г. наступает новый этап движения Сопротивления — период подготовки к национальным вооруженным восстаниям, создания массового партизанского движения, вовлечения в борьбу широчайших масс, в том числе крестьянства и средних слоев города, краха первых фашистских и марионеточных режимов. В ту пору движение Сопротивления повсеместно создает органы власти (в том числе и в национальном масштабе), все чаще переходит к решению социальных задач. В связи с этим усиливается борьба между революционными и консервативно-атлантистскими элементами в рядах Сопротивления.

С осени 1943 г., после краха режима Муссолини, возникает и быстро распространяется партизанское движение в Италии. Преодолевая упорное сопротивление атлантистов, итальянские коммунисты, социалисты, а также мелкобуржуазные радикалы из «партии действия» организовали вооруженную борьбу на севере и в центре страны. К лету 1944 г. лишь в Северной Италии действовало 70—80 тыс. партизан, большинство которых сражалось в гарибальдийских бригадах (сформированных ИКП в ноябре 1943 г.)¹. Одновременно в оккупированных районах Италии были созданы комитеты национального освобождения — органы коалиции антифашистских партий, становившиеся в ряде мест подлинными органами власти.

С весны 1943 г. Французская коммунистическая партия непосредственно приступила к военной, политической и организационной подготовке национального вооруженного восстания. В мае 1943 г. коммунистам удалось добиться создания Национального совета Сопротивления, куда вошли и представители от всех партий и организаций, участвовавших в движении. В начале 1944 г. все вооруженные группы Сопротивления объединились в рядах «Французских внутренних сил» (ФФИ). Более половины бойцов ФФИ (125 тыс. к весне 1944 г.) составили члены организации «Французские партизаны и франтиреры», руководимой коммунистами. В первые месяцы 1944 г. партизанские бои и стачки во Франции продолжали нарастать. По всей стране возникали местные и департаментские комитеты освобождения, призванные возглавить вооруженное восстание, представлявшие зачастую антифашистскую власть на местах.

К лету 1944 г. и в Италии и во Франции возникли первые освобожденные зоны. Роль, которую играли коммунисты в национально-освободительном движении, нашла свое отражение и в том факте, что в апреле 1944 г. коммунисты вошли в состав правительства в Италии и Франции (в Алжире). Пламя народной войны и народной революции все ярче разгоралось в Юго-Восточной Европе.

Войска национально-освободительных армий и партизанские отряды четырех Балканских стран насчитывали к 1944 г. более полумиллиона бойцов (в том числе 300 тыс. — в Югославии). К лету 1944 г. большая часть Греции и Албании, значительная часть Югославии были освобождены от оккупантов, Болгария была охвачена партизанским движением.

Во всех этих странах коммунистические партии завоевали прочную гегемонию в антифашистской коалиции. Вооруженные силы реакционно-атлантистских элементов, действовавшие заодно с немцами, были в основном разгромлены уже к 1944 г. Вслед за созданием народных армий в Югославии (осень 1943 г.), Греции (весна 1944 г.), а затем и в Албании были образованы новые революционные органы национальной государственной власти.

Летом и осенью 1944 г. вооруженное антифашистское народное движение в Европе достигло наивысшего подъема. В июне 1944 г. началось вооруженное восстание во Франции, подготовленное всей предшествовавшей четырехлетней деятельностью антифашистов и особенно ФКП.

¹ См. Р. Батталья. История итальянского движения Сопротивления. Перев. с итал. М., 1954, стр. 357.

Вопреки приказам атлантистов, снова призывавших ждать, полумиллионная армия «Французских внутренних сил» повсеместно атаковала немцев. Ей помогали патриоты, боровшиеся в рядах «патриотической милиции» и других массовых организаций Сопротивления. Силы Сопротивления самостоятельно освободили половину французской территории, уничтожили и захватили в плен сотни тысяч гитлеровцев.

«По всей Франции, — должен был признать впоследствии Д. Эйзенхауэр, — эти силы оказывали нам неоценимую услугу во время кампании... Без их великой помощи освобождение Франции и разгром неприятеля в Западной Европе потребовали бы больше времени и больше жертв»¹.

Именно размах национального восстания французов сорвал антинародные планы англо-американских властей, атлантистов и коллаборационистов, пытавшихся укрепить позиции реакционных сил.

Апогеем восстания стало освобождение Парижа восставшим народом (18—25 августа 1944 г.). Примерно в то же время (июль — август 1944 г.) общенациональное восстание вспыхнуло и в Бельгии, где к лету 1944 г. сражалось около 50 тыс. партизан.

Вступление Советской Армии в страны Восточной Европы умножило силы и успехи антифашистского и революционного движения. Лето и осень 1944 г. стали решающим этапом в развитии революции в большинстве этих стран: в одних именно тогда национально-освободительная борьба переросла в народно-демократические революции, в других революция вступила в решающую стадию или одержала полную победу.

На освобожденной территории Польши в июле 1944 г. был создан Польский комитет национального освобождения — революционно-демократическое правительство новой Польши. 23 августа 1944 г. антифашистское восстание, возглавленное компартией, вспыхнуло в Румынии. Фашистский режим Антонеску был свергнут. Широилось национально-освободительное движение и в Чехословакии: в конце августа восстало население словацких районов. Власть в большей их части перешла в руки национальных комитетов и Словацкого национального совета, созданного по инициативе коммунистов. 9 сентября 1944 г. стало днем победы болгарского народа.

Осенью 1944 г. совместными действиями советских, югославских и болгарских войск была очищена от фашистских захватчиков вся восточная часть Югославии, включая столицу Белград. Победы Советской Армии на востоке и в центре Балканского полуострова создали условия для полного изгнания оккупантов и из Албании. В ноябре 1944 г. от германских оккупантов и контрреволюционных банд была освобождена вся албанская территория. Временное демократическое правительство возглавили коммунисты. В октябре 1944 г. прогрессивные силы во главе с коммунистами сплотились в Венгерском национальном фронте независимости. Созванное на освобожденной Советской Армией территории временное Национальное собрание образовало временное правительство Венгрии, которое объявило войну Германии.

По тому же пути освобождения от оккупантов и развертывания народно-демократической революции шел греческий народ. В октябре 1944 г. Народно-освободительная армия Греции (ЭЛАС), насчитывавшая более 120 тыс. бойцов, завершала освобождение страны от гитлеровцев. Однако дальнейшее развитие революции было прервано вооруженным вмешательством английских войск, высадившихся в Греции в октябре 1944 г. Греческому народу был навязан извне реакционный полуфашистский режим.

В апреле 1945 г. борцы Сопротивления в Италии организовали победоносное восстание против германской оккупационной

¹ D. Eisenhower. Crusade in Europe, p. 295.

армии на севере. Власть перешла в руки Комитета национального освобождения и его органов. Однако англо-американское командование, войска которого вступили вскоре на освобожденную территорию Северной Италии, прибегло к экспорту контрреволюции. Северная Италия была объявлена на военном положении; военные власти распустили Комитет национального освобождения, отменили его революционно-демократические мероприятия¹.

Последняя славная страница в историю европейского Сопротивления была вписана в мае 1945 г. Восставшие в Праге чешские патриоты и пришедшие к ним на помощь советские танковые дивизии сорвали и замысел гитлеровцев «разделаться» с непокорной столицей и расчеты чешской буржуазной реакции на оккупацию Праги англо-американскими войсками.

В странах Центральной и Восточной Европы революционно-освободительный процесс развивался, подчиняясь своим внутренним закономерностям. В то же время присутствие советских войск в этих странах гарантировало их от вмешательства контрреволюционных сил извне. В этих странах руководимое коммунистами Сопротивление германским и местным фашистам быстро переросло в социальную революцию, возглавленную рабочим классом и его коммунистическим авангардом. Эта подлинно народная революция объединила подавляющее большинство нации, поднявшееся против господствующего класса, который дискредитировал себя прямой национальной изменой или преступной пассивностью в годы тягчайшего национального испытания.

В странах же Западной Европы, а также в Греции вооруженные силы Англии и США стали опорой контрреволюционных сил и во многом смогли помешать борьбе революционно настроенных масс за свое социальное освобождение. Власть в странах, оккупированных англо-американскими войсками, перешла в основном к той части буржуазии, которая была связана с «лондонским движением сопротивления». Однако коллаборационистская буржуазия быстро нашла общий язык с лондонской группировкой и оказалась под ее покровительством. Вскоре на базе борьбы с революционно настроенными массами было восстановлено полное единство правящих классов.

В странах, где находились американские и английские войска, рабочий класс, за которым шло большинство политически активных сил нации, либо вступил в крайне неблагоприятных условиях в неравную вооруженную схватку с новыми оккупантами и их агентами (Греция), либо боролся за демократическое и социальное обновление государственного и социального строя иными, мирными средствами (Италия, Франция).

Весной и летом 1945 г. бурного развития достигло движение Сопротивления в Азии.

¹ См. гл. XVIII.

Народно-освободительные армии Бирмы (200 тыс. бойцов) и Филиппин (70 тыс. бойцов) приняли активное участие в освобождении своих стран от японских захватчиков. Развертывалась партизанская война в странах Индокитайского полуострова. В ходе борьбы с захватчиками создавались и крепились антиимпериалистические коалиции, которые в одних странах возглавлялись пролетариатом и его коммунистическим авангардом, в других — представителями патриотических слоев национальной буржуазии. Вооруженные отряды и политические организации антияпонского Сопротивления были преисполнены решимости не допустить восстановления довоенных колониальных порядков на своей территории. В странах Юго-Восточной Азии поднималась волна национально-освободительных революций.

Особое значение для разгрома японских милитаристов, для последующего краха колониальной системы в Азии имела анти-японская борьба китайского народа, возглавленная Коммунистической партией Китая.

Вынося на своих плечах основную тяжесть борьбы с японскими оккупантами и их наймитами, коммунисты должны были одновременно давать отпор гоминдановцам, блокировавшим освобожденные районы и фактически прекратившим войну против японцев. Войска гоминдановских генералов с согласия японцев переходили линию фронта, чтобы принять участие в боях против партизан.

Однако руководимые Коммунистической партией Китая освобожденные районы, несмотря на блокаду, на фактический союз японцев и гоминдановцев, на огромные жертвы, превратились в могучую силу.

Проводя политику единого национального антияпонского фронта, коммунисты смогли в значительной мере изолировать крупных помещиков и крупную буржуазию, ставших на путь национальной капитуляции. Китайские коммунисты завоевали безграничное доверие десятков и десятков миллионов крестьян, борьбу которых против японских оккупантов организовала и возглавила КПК. Большая часть территории Китая, ранее захваченная японцами, была к весне 1945 г. освобождена. Население освобожденных районов превышало 95 млн. Власть в этих районах находилась в руках народа. Новодемократическая революция в Китае успешно развивалась. При этом Коммунистическая партия Китая делала максимум возможного, шла на большие уступки, лишь бы обеспечить мирный путь развития революции, укрепить национальное единство, предотвратить кровавую гражданскую войну, которую развязывали гоминдановцы при поддержке США.

«Подлинной причиной популярности коммунистов, — признают американские буржуазные публицисты Уайт и Джекоби, — была их вооруженная борьба против японцев»¹. Народная армия Китая, насчитывавшая в 1937 г. около 50 тыс. бойцов, удесятирила свою численность в 1940 г., а к весне 1945 г. в ней уже сражалось свыше 900 тыс. бойцов.

Август 1945 г. явился кульминационным пунктом движения Сопротивления в Азии. В то время как советские армии освобождали Северо-Восточный Китай и Северную Корею, вооруженные силы, руководимые китайскими коммунистами, перешли 10 августа 1945 г. в генеральное контрнаступление против японцев² и, несмотря на их сопротивление, а также противодействие американских и гоминдановских войск, освободили территорию с населением более 50 млн. человек.

¹ Г. Уайт и Э. Джекоби. Гром из Китая. Перев. с англ. М., 1948, стр. 207.

² См. «Третья гражданская революционная война в Китае». Перев. с кит. М., 1957, стр. 122.

Несколькими днями позже части Народной армии Вьетнама начали наступление на Ханой; 19 августа столица перешла в руки восставшего народа. Через неделю революция победила на всей территории Вьетнама.

В день капитуляции Японии — 2 сентября 1945 г. — руководитель коммунистической партии и временного правительства Вьетнама (созданного в середине августа) Хо Ши Мин провозгласил создание Демократической Республики Вьетнам.

Одновременно вооруженным путем была ликвидирована власть интервентов в Лаосе. 17 августа 1945 г. независимой республикой была провозглашена Индонезия. В те же дни развернулась народно-демократическая революция в Корее. Партизанская армия, сражавшаяся с 1930 г. с японцами в Северо-Восточном Китае, вернулась на родину в августе 1945 г. Повсеместно, на севере и на юге, возникли народные комитеты — органы народной власти.

Таким образом, расчеты реакции укрепить позиции мирового империализма или по крайней мере восстановить в капиталистическом мире довоенные порядки окончились неудачей. В странах Восточной Европы, Восточной и Юго-Восточной Азии активное антифашистское национально-освободительное движение народов, возглавленное, как правило, коммунистами, создало внутренние условия для развития и победы народных революций. Огнем революций был охвачен к осени 1945 г. ряд стран. Революционное движение росло и в Западной Европе. Начался развал колониальной системы империализма. Развитие мирового революционного процесса продвинулось далеко вперед. В результате борьбы масс народная власть была установлена в ряде стран Европы и Азии. Эти революции явились самым крупным событием мировой истории после Октября 1917 г.

Образование мировой социалистической системы явилось, как подчеркивает Н. С. Хрущев, революционным процессом всемирно-исторического значения. «Октябрьская революция прорвала цепь империализма в одном звене. Затем был осуществлен фронтальный прорыв цепи империализма»¹.

3. Рост влияния коммунистических партий.

Подъем рабочего и демократического движения после второй мировой войны

После окончания второй мировой войны возникли новые условия для развития рабочего и массовых общедемократических движений в капиталистических странах.

О повышении политической сознательности, активности трудящихся масс, о выросшей повсюду популярности социалисти-

¹ Н. С. Хрущев. За новые победы мирового коммунистического движения. М., 1961, стр. 10.

ческих идей особенно наглядно и убедительно свидетельство-вали быстрый рост и успехи компартий во всех районах мира. В течение 1939—1949 гг. возникли или были воссозданы 18 новых марксистско-ленинских партий, в том числе в Бирме (1939 г.), Таиланде (1942 г.), Иране (1941 г.), Доминиканской Республике (1942 г.), на Цейлоне (1943 г.), в Марокко (1943 г.), Панаме (1943 г.), Никарагуа (1944 г.), Корее (1945 г.). Процесс формирования марксистско-ленинских партий продолжался и в последующие годы.

В ходе войны коммунисты несли несравненно более тяжелые потери, чем все другие политические партии и группы, вместе взятые. Хотя тысячи и ты-сячи коммунистов погибли в 1939—1945 гг. в боях с фашизмом, с междуна-родной и внутренней реакцией, общее число членов марксистско-ленинских партий увеличилось к 1947 г. более чем в 5 раз по сравнению с довоенным периодом,

**Общее количество и численность
марксистско-ленинских партий после второй мировой войны**

	1939 г.	1947 г.
Количество коммунистических партий во всем мире	61	76
Их численность во всем мире . .	около 4 млн.	20 млн.
В том числе в капиталистических странах . .	около 1,5 млн.*	4,8 млн.

* Данные за 1939 г. охватывают границы капиталистического мира до второй мировой войны.

Особенно быстро росли коммунистические партии в странах Европы и Азии. Увеличилась численность коммунистических пар-тий и в ряде стран Американского континента, в Океании, Аф-рике.

В некоторых капиталистических странах марксистско-ленин-ские партии стали после окончания войны самыми крупными и влиятельными политическими организациями. Анализируя но-вые, «наболее значительные аспекты ситуации в Европе» в итоге второй мировой войны, Уильям Фостер, в частности, писал, что рост коммунистических партий во всех частях Европы определил «увеличение силы этих партий и повышение их численности по сравнению с кануном войны в 10 и даже в 50 раз. В нескольких случаях коммунистические партии превратились в наиболее массовые и сильные партии в соответствующих странах»¹.

При общем организационном укреплении и росте коммуни-стического движения особенно значительный приток новых

¹ W. Z. Foster. The New Europe. New York, 1947, p. 34.

**Рост общего числа коммунистов
в ряде районов капиталистического мира**

	1939 г.	1947 г.
Капиталистические страны Европы . . .	500 тыс.*	4 млн.
Капиталистические страны Азии	свыше 20 тыс.**	свыше 350 тыс.
Латинская Америка	90 тыс.	450 тыс.
Африка	около 5 тыс.	20 тыс.
Океания, Австралия, Новая Зеландия	около 5 тыс.	22,5 тыс.

* Без стран, ставших в 40-х годах государствами народной демократии.

** Без коммунистических партий Китая и Вьетнама.

членов в ряды марксистско-ленинских партий наблюдался в тех странах, которые были оккупированы в годы войны немецко-фашистскими войсками и в которых развернулось массовое движение Сопротивления, возглавляемое коммунистами.

**Численность коммунистических партий
в ряде стран Западной Европы
(в тыс.)**

Страны	Перед второй мировой войной (1939 г.)	После войны (1945—1947 гг.)
Австрия	16 *	132
Бельгия	9	100
Великобритания	17	50
Западная Германия	60 **	312
Греция	несколько тысяч	более 400 ***
Дания	3,5	55
Италия	15	2 250
Люксембург	0,3	3
Нидерланды	10	60
Норвегия	5	31
Португалия	1	6
Финляндия	1,5 ***	40
Франция	300	свыше 800
Швейцария	5	22
Швеция	9	50 ****

* Данные за 1934 г.

** Вся Германия (1935 г.).

*** Данные за 1944 г.

**** Данные за 1948 г.

О росте влияния коммунистических и рабочих партий в народе свидетельствовали и успехи коммунистов на выборах. Так, во Франции на парламентских выборах в ноябре 1946 г. коммунисты получили 5,5 млн. голосов, или 28,6% всех голосов избирателей. В Италии в 1946 г. за коммунистов голосовало

4,4 млн., или почти пятая часть избирателей. В Финляндии на первых послевоенных выборах коммунисты собрали 24% голосов.

Характерны данные, приведенные американским буржуазным журналом «Уэстерн политикл кутерли», который опубликовал сравнительные подсчеты результатов избирательных кампаний в различных странах Западной Европы до и после второй мировой войны.

Процент голосов, поданных за коммунистов на выборах ¹

Страны	Выборы в период 1930—1933 гг.	Выборы в период 1945—1947 гг.
Австрия	0,6	5,4
Бельгия	2,8	12,7
Дания	1,1	12,5
Италия	—	19
Нидерланды	3,2	10,6
Норвегия	1,7	11,9
Франция	8,3	26,2
Швейцария	1,5	5,1
Швеция	3	10,3

Об огромном росте авторитета и влияния коммунистических и рабочих партий в массах свидетельствует и участие коммунистов в деятельности правительств ряда капиталистических государств. В 1945—1947 гг. коммунисты входили на коалиционных началах в правительства девяти стран Западной Европы (Италии, Франции, Бельгии, Дании, Норвегии, Исландии, Австрии, Финляндии, Люксембурга); в правительства двух стран Латинской Америки (Чили, Кубы), а также в правительства Индонезии и Ирана.

Подъем рабочего и демократического движения привел к созданию после войны ряда новых массовых международных демократических организаций и к быстрому росту их влияния среди широких слоев населения.

Еще в ходе войны во многих странах были созданы или воссозданы мощные объединенные профсоюзные центры. В сентябре 1945 г. в Париже конгресс профсоюзных организаций 56 стран учредил Всемирную федерацию профсоюзов. Уже тогда ВФП представляла 67 млн. организованных рабочих; в дальнейшем это число увеличилось.

В ноябре 1945 г. были созданы Международная демократическая федерация женщин (МДФЖ) и Всемирная федерация демократической молодежи (ВФДМ), объединившие десятки миллионов человек.

¹ «The Western Political Quarterly», December 1957, p. 804.

Значительно расширилось и активизировалось после войны кооперативное движение, в котором участвуют преимущественно трудящиеся. До войны кооперативы, входящие в Международный кооперативный альянс, объединяли в своих рядах 100 млн. человек¹. К 1947 г. число членов кооперативов в мире увеличилось примерно вдвое².

Рабочий класс, широкие народные массы во многих капиталистических странах после войны повели активную борьбу за искоренение остатков фашизма, за ликвидацию его социально-экономических основ.

Еще в феврале 1945 г. на Лондонской конференции представителей профсоюзных организаций 42 стран, состоявшейся за несколько месяцев до учредительного конгресса ВФП, были приняты декларации о послевоенном мирном урегулировании, о послевоенном восстановлении экономики и связанных с этим требованиях профсоюзов и т. д. В этих документах была изложена позиция трудящихся по вопросу об условиях мирного договора и о необходимости участия рабочих организаций в выработке этих условий. Так, в декларации об отношении профсоюзов к мирному урегулированию подчеркивалось: «Войну вели люди труда, и поэтому мир не может быть организован без их сотрудничества и эффективного участия в тех правительственных органах, которые будут разрабатывать условия мира»³.

В другом принятом Лондонской конференцией профсоюзов документе — о проблемах послевоенного экономического восстановления и насущных требованиях рабочих организаций — указывалось, что проблемы послевоенной экономической реконструкции должны решаться в интересах трудящихся, что следует обеспечить право рабочих «быть свободными от всех форм экономического порабощения, право зарабатывать своим трудом такой доход, который соответствовал бы их нуждам и потребностям». В этой связи серьезное внимание уделялось вопросам ограничения, обуздания власти монополий и провозглашалась необходимость обобществления средств производства⁴. Наряду с делегатами профсоюзов СССР, прогрессивных профсоюзов Франции, Италии, государств Латинской Америки и ряда других стран в работе Лондонской конференции и Парижского конгресса профсоюзов в 1945 г. (как и в деятельности руководящих органов ВФП в первые годы ее существования), принимали участие и лидеры Британского конгресса тред-юнионов, Конгресса производственных профсоюзов США, а также представители правого руководства ряда профсоюзных организаций стран континентальной Европы. На практике, однако, профбюрократы типа Ситрина, Жуо, Куперса вместе с правыми лидерами социал-демократических партий Западной Европы сделали все, чтобы помешать развертыванию активной решительной борьбы масс за обобществление средств производства, чтобы выхолостить революционное содержание из лозунга национализации и других демократических требований масс.

Хотя международные условия и другие объективные обстоятельства во многих капиталистических странах не позволили рабочему классу взять власть, классовая борьба в послевоенные годы поднялась на новую, более высокую ступень. «Там, где

¹ См. У. З. Фостер. Очерки мирового профсоюзного движения. Перев. с англ. М., 1956, стр. 494.

² См. там же, стр. 495.

³ Цит. по кн.: «Report on Activity of the World Federation of Trade Unions». Milan, 1949, Appendix, p. 8, 9, 11.

⁴ «Report on Activity of the World Federations of Trade Unions», Appendix, p. 14, 15

рабочим не удалось полностью ликвидировать капитализм, — справедливо отмечал У. Фостер, — они были полны решимости по крайней мере ограничить возможности эксплуатации»¹. Встреченная подъемом революционного рабочего и демократического движения, буржуазия Англии, Франции, Италии, Австрии и других капиталистических стран вынуждена была после войны пойти на некоторые уступки трудящимся в области заработной платы, социального обеспечения и т. д.

В то же время правые лидеры социал-демократии и руководители католических партий в странах Западной Европы для обмана народных масс более широко, чем прежде, прибегали к политическим маневрам и социальной демагогии.

Лейбористская партия Великобритании, используя социалистические лозунги и выступив с широкообещательными обещаниями реформ, одержала победу на парламентских выборах летом 1945 г., собрав абсолютное большинство голосов избирателей. И в ряде других западноевропейских стран «социалистическая» фразеология и демагогические посулы помогли правосоциалистическим лидерам одержать на выборах победу. Правые социалисты возглавили в первые послевоенные годы правительства Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга и в Скандинавских странах.

Разоблачая фальшивые правосоциалистические концепции «смешанной экономики», государства «всеобщего благоденствия» и т. п. и вскрывая действительные причины известных уступок, на которые оказалась вынужденной пойти после войны монополистическая буржуазия, один из видных деятелей Коммунистической партии Великобритании, Д. Кемпбелл, указывал: «Мы отнюдь не собираемся утверждать, что рабочий класс не улучшил своего положения по сравнению с периодом, предшествовавшим второй мировой войне. Но мы настаиваем на том, что эти улучшения, на которые уже теперь капиталисты ведут наступление, вовсе не создают нового общественного строя — «новой смешанной экономики», как уверяет лейбористская партия. Некоторые из существенных социальных реформ были проведены в то время, когда правящий класс в Англии (дискредитировавший себя политикой поощрения фашизма, которую он проводил вплоть до начала войны) был потрясен народным подъемом, приведшим к образованию послевоенного лейбористского правительства. Основную роль в завоевании победы над фашизмом сыграла великая социалистическая держава — Советский Союз. В ряде восточноевропейских стран, где раньше у власти находились фашистские или профашистские правительства, были созданы социалистические правительства. Основные колонии сбрасывали с себя империалистическое иго. Развертывалась (и вскоре победила) китайская революция. Удивительно ли, что растерявшиеся правящие круги в основных капиталистических странах под давлением требований о проведении нового курса, выдвинутых рабочим классом и широкими слоями средних классов, были готовы пойти на уступки?»².

Однако эти вынужденные уступки капиталистов носили ограниченный характер и были непрочными. Подобные завоевания трудящимся пришлось в дальнейшем отстаивать и защищать в ожесточенной классовой борьбе.

Не успели отгреметь последние залпы войны, как монополистический капитал в главных империалистических странах пред-

¹ У. З. Фостер. Очерки мирового профсоюзного движения, стр. 494.

² Д. Р. Кемпбелл. Некоторые экономические иллюзии в лейбористском движении, Перев. с англ. М., 1960, стр. 6—7.

принял наступление на жизненные права рабочего класса. Предприниматели стремились переложить трудности, которые переживала капиталистическая экономика в связи с военными разрушениями и послевоенной реконверсией, на плечи трудовых слоев населения. После окончания войны инфляция в основных капиталистических странах привела к повышению стоимости жизни и снижению реальной заработной платы. В некоторых капиталистических странах Европы к тому же разразился острый продовольственный кризис.

Послевоенные годы ознаменовались в ряде капиталистических государств ростом безработицы, о чем свидетельствует следующая таблица, основанная на официальных данных ООН:

**Динамика безработицы в капиталистических странах
в 1945—1948 гг.¹**

Страны	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.
США	1 040 000	2 270 000	2 141 000	2 064 000
Англия	120 400	391 900	281 000	307 800
Италия	1 324 763	2 098 257	1 752 818	2 421 973

В первые послевоенные годы стачечная борьба пролетариата развивалась неравномерно. В 1945—1946 гг. самые крупные экономические стачки произошли главным образом в странах, не разоренных войной: в США, а также в Канаде, Швеции.

Рабочий класс США упорно сопротивлялся неприкрытому наступлению монополий на его жизненные права и интересы.

В США в 1946 г. бастовало свыше 4,6 млн. человек — больше, чем за любой другой год в истории американского рабочего движения. Примечательно то, что эти стачки охватывали одну или даже сразу несколько важнейших отраслей американской промышленности. Например, лишь в январе 1946 г. одновременно бастовало более 1700 тыс. трудящихся: в их числе — 750 тыс. металлургов, 300 тыс. рабочих автомобилестроительной промышленности, 200 тыс. электриков, свыше 260 тыс. рабочих мясоконсервной промышленности и т. д. Тогда большинство стачек окончилось победой рабочих, требовавших главным образом повышения заработной платы.

В 1945—1946 гг. во многих странах Западной Европы, где ослабленная буржуазия не решалась еще начать открытое наступление на права трудящихся, классовая борьба проявлялась преимущественно в других формах: политические демонстрации трудящихся в период борьбы за республику в 1945—1946 гг. в Италии; острая парламентская борьба во Франции, приведшая к достижению и законодательному оформлению ряда социальных завоеваний рабочего класса, и т. д.

Во Франции, Италии, Бельгии, Норвегии, Дании и некоторых других западноевропейских странах, где коммунисты в то время входили в правительства, рабочий класс и его организации выступали за восстановление на-

¹ «Report of the Proceedings of the 2-nd World Trade Union Congress, 29 June — 9 July 1949». Milan, 1949, p. 616.

циональной экономики, активно участвуя в «битве за производство». Там классовые организации пролетариата в тот период в основном отказывались от забастовок. Положение изменилось коренным образом в 1947 г., когда реакционная буржуазия Западной Европы, собрав свои силы, при поддержке американского империализма перешла в открытое наступление на рабочий класс, на его революционные партии и классовые профсоюзы. Весной 1947 г. под нажимом правящих кругов США коммунисты были удалены из правительств Франции, Италии, Бельгии. Началась полоса острых экономических и политических столкновений между пролетариатом и буржуазией, полоса массовых стачечных боев в странах Западной Европы.

Крупные стачечные бои происходили в послевоенное пятилетие во Франции, в Италии, Бельгии, Финляндии, Японии, в некоторых государствах Латинской Америки и в других капиталистических странах.

Общий уровень и размах забастовочного движения во всем капиталистическом мире в послевоенный период был значительно выше, чем до второй мировой войны.

Забастовочное движение в капиталистических странах (до и после второй мировой войны)¹

Страны	Довоенное пятилетие (1936—1940 гг.)		Послевоенное пятилетие (1945—1950 гг.)	
	Число стаечников (тыс.)	Количество забастовочных человеко-дней (тыс.)	Число стаечников (тыс.)	Количество забастовочных человеко-дней (тыс.)
США	5 084	79 600	14 170	274 500
Англия	1 833	8 872	2 305	9 731
Франция	3 680 *	—	15 525	56 050
Италия	—	—	29 847	182 363 **
Япония	164	—	4 899	28 103
Канада	228,7	1 803	529,9	10 522,2
Бельгия	750,5	1 082,1	1 078,7	8 721,1
Голландия	24	372	182	1 467
Финляндия	19,8	591,2	326,9	6 678,8
Австралия	586	3 861	1 689	834,7
Аргентина	176,5	2 556,5	1 279,7	11 215,8

* Данные только за три года — 1936—1938.

** Рабочих человеко-часов.

Одна из отличительных особенностей стачечной и вообще классовой борьбы пролетариата многих капиталистических стран в послевоенный период состоит в резком увеличении числа и размаха массовых политических забастовок, демонстраций и других политических форм протеста. Такого рода грандиозные

¹ Следует иметь в виду, что официальная статистика буржуазных государств, во-первых, сильно занижает данные о стачках и, во-вторых, совершенно не отражает важных качественных сдвигов в стачечной борьбе пролетариата после второй мировой войны. Как правило, в этой статистике не учитываются политические выступления трудящихся, в том числе политические стачки.

политические стачки неоднократно происходили в послевоенные годы во Франции, Италии, Японии и ряде других капиталистических государств.

Резко активизировались трудящиеся массы и в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Усилившееся после войны национально-освободительное движение народов повысило роль самого передового и революционного класса — пролетариата в политической и всей общественной жизни этих стран, а также влияние коммунистов, шедших в авангарде антиимпериалистических выступлений масс.

Подъем и успехи мирового революционного движения вызвали новые попытки международного империализма прибегнуть к разнообразным формам экспорта контрреволюции (как, например, в первые послевоенные годы в Китае, Индонезии, Вьетнаме, на Филиппинах, в Малайе). Одной из форм империалистического экспорта контрреволюции после второй мировой войны явилась также экспансия монополий США под видом экономической «помощи». Фактически целью такой «помощи» была консервация и укрепление капиталистических порядков в соответствующих странах или районах мира. После второй мировой войны, боясь укрепления и успехов революционных сил, империалисты США и монополистическая буржуазия Западной Европы образовали реакционный союз, создав систему взаимных договоров, военных блоков и баз для облегчения военного вмешательства во внутренние дела других стран в целях подавления сторонников революции. Буржуазные государства стали шире прибегать к антикоммунистическим и антирабочим законам, к запрещению коммунистических партий, к массовым увольнениям коммунистов и революционно настроенных рабочих, к черным спискам и другим формам дискриминации наиболее передовой части трудящихся на предприятиях, к подавлению забастовок с помощью полиции и воинских частей.

Хотя в первые послевоенные годы буржуазии индустриально развитых империалистических стран удалось, опираясь на поддержку монополистического капитала США и используя помощь со стороны социал-реформистов и клерикалов, удержать в своих руках политический контроль, восстановить и укрепить позиции монополий, перейти в наступление на трудящиеся массы, это не могло уже изменить основных тенденций в развитии борьбы двух систем и соотношении классовых сил в мировом масштабе. Оно во все большей мере складывалось в пользу социализма.

Руководимый марксистско-ленинскими партиями, рабочий класс, собирая вокруг себя все демократические и патриотические силы народа, повел решительную борьбу против империализма, ставшего на путь все более неприкрытого проведения реакционной внутренней и агрессивной внешней политики, на путь подготовки новой мировой войны.

В таких условиях, при такой расстановке классовых сил внутри капиталистических стран складывались и развивались международные отношения после второй мировой войны.

ГЛАВА IV

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Антифашистский характер войны и победа в ней Советского Союза резко обострили кризис колониальной системы и положили начало ее распаду. Поражения старых колониальных империй в начальный период войны, а затем разгром «новых колонизаторов» — фашистских держав привели колониализм к морально-политическому банкротству. Народы Азии и Африки убедились, что колониализм может и должен быть уничтожен. В глазах всего мира колониализм предстал как система, родственная фашизму и своей расовой доктриной, и своей политикой террора в отношении угнетенных народов. Разоблачение фашизма окончательно дискредитировало колониализм. Не удивительно, что на борьбу против колониализма, обрекающего народы на политическое бесправие, нищету, голод, вымирание, поднялись широчайшие массы, вдохновленные героической борьбой советского народа против фашизма.

«Мир переживает эпоху бурных национально-освободительных революций, — отмечает Программа КПСС. — Если империализм подавил национальную независимость и свободу большинства народов, заковал их в цепи жестокого колониального рабства, то *возникновение социализма знаменует наступление эры освобождения угнетенных народов*. Мощный вал национально-освободительных революций сметает колониальную систему, подрывает устои империализма. На месте бывших колоний и полуколоний возникли и возникают молодые суверенные государства»¹.

Теперь, когда прогрессирующий распад колониальной системы стал фактом, можно в достаточной мере полно оценить последствия того, что произошло в колониальном мире за годы войны, и представить себе значение этих исторических сдвигов для развития послевоенных международных отношений.

Вторая мировая война в небывалых масштабах втянула в свой кровавый круговорот народы колоний. Обширные территории Азии, стран Тихого океана, Африки и Ближнего Востока стали театрами военных действий и стратегическими плацдармами воюющих держав, через которые пролегали их морские, наземные и воздушные коммуникации. В войну были вовлечены людские резервы колоний и их экономические ресурсы.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 44.

В отличие от первой мировой войны, когда борьба за передел колоний велась в основном на полях битвы в Европе и их судьба решалась за столом мирной конференции, передел колоний во второй мировой войне осуществлялся главным образом путем прямого захвата их территорий. Опустошение и разорение, вызванные войной, чрезвычайно усилили тяготы, порожденные колониальной экономикой. Война сделала невыносимым национальное угнетение, в особенности в тех частях колониального мира, где старые формы бесправия и унижения людей были дополнены произволом и массовым террором со стороны оккупантов. Крайнее обострение противоречий между империализмом и народами колоний привело к могучему подъему национально-освободительного движения.

С наибольшей силой оно развернулось на территории Китая. Здесь в годы войны были нанесены сокрушительные удары по колониальной системе империализма. Победа Советского Союза в войне обезоружила главного поработителя Китая — японский империализм и ослабила давление других его угнетателей. Она способствовала тому, что был дан выход огромной революционной энергии китайского народа, который под руководством коммунистической партии добился полного освобождения. Народы Китая, Северной Кореи и Северного Вьетнама полностью повалили с империалистическим гнетом, вырвались из системы мирового капиталистического хозяйства и пошли по пути социалистического развития.

В тех частях колониального мира, где национально-освободительное движение возглавлялось не рабочим классом, а национальной буржуазией, цели этого движения были более узкими. Оно направлялось в первую очередь на завоевание политической независимости, государственной самостоятельности, а не на ликвидацию капитализма как системы и полный разрыв с империализмом. Но благодаря огромному подъему национально-освободительного движения и политической активности широких трудящихся масс и здесь был нанесен сильный урон империализму. Под давлением рабочего класса, крестьянства, демократической интеллигенции, а также солдат и офицеров, сражавшихся против фашизма, борьба против колониализма выходила за те узкие рамки, которые пыталась установить национальная буржуазия.

1. Экономика колониальных и зависимых стран в условиях войны

В результате войны во многих колониях¹ возникла и выросла местная промышленность, увеличилась численность рабочего класса, повысилась его организованность и политическая созна-

¹ Главное внимание в данной главе уделяется той части колониального мира, которая находилась под контролем держав антигитлеровской коалиции.

тельность, поднялось значение и политическое влияние национальной буржуазии.

Метрополии всячески пытались ограничивать и сдерживать рост промышленности колоний, не допустить развития в них конкурирующих отраслей, сохранять колонии на положении аграрно-сырьевых придатков. Но этому мешали неизбежные процессы, вызванные самой войной. Переключение экономики метрополий на военные рельсы вызвало резкое сокращение экспорта промышленных изделий в колонии. Их экспортные возможности ограничивались также нехваткой тоннажа и нарушением коммуникаций.

Так, например, ввоз текстильных изделий в Индию, составлявший в 1938/39 г. 647,1 млн. ярдов, уже в 1940/41 г. упал до 447,0 млн., в 1941/42 г. он составил 181,6 млн. ярдов, в 1942/43 г. — 13,1 млн., в 1943/44 г. — 3,7 млн. и в 1944/45 г. — 5,2 млн. ярдов¹.

Внезапно возникший дефицит в товарах широкого потребления создал в колониях благоприятные условия для развития различных отраслей легкой промышленности. В Индии общий индекс промышленной продукции с 1939 по 1943/44 г. вырос на 26,8%, а потребление хлопка — на 38,7%².

Помимо текстильных изделий увеличивалось также производство и других товаров широкого потребления. Происходило это в результате создания многочисленных новых предприятий, преимущественно небольших по размеру и не требовавших сложного оборудования, а также за счет более полного использования существующих производственных мощностей³.

Текстильные, швейные, табачные, кожевенные и другие предприятия стали возникать в колониях Африки, ранее почти не имевших обрабатывающей промышленности. В начале 1944 г. в Уганде, например, вступила в строй первая крупная хлопчатобумажная фабрика, которая стала перерабатывать местный хлопок, ранее производившийся только на экспорт. Такая фабрика была построена в Южной Родезии. Выросла за время войны текстильная промышленность Египта.

В Латинской Америке за годы войны промышленная продукция в наиболее развитых странах (Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили) выросла примерно наполовину, а во всех остальных — почти на одну треть⁴. Производство хлопчатобумажных тканей в упомянутых странах увеличилось более чем в 2 раза⁵.

Большое значение приобрела здесь добыча стратегического сырья. На Кубе началась разработка хромовой руды, магния и никеля. Сильно выросла добыча бокситов в Гвиане, которая стала единственным поставщиком этого сырья для США и Канады. Были значительно увеличены мощности нефтеперегонных заводов⁶.

Война помешала империалистам сохранить запрет на развитие в колониях тяжелой промышленности. Здесь сказались действие факторов, не зависящих от их воли. Но империализм не отступал от своих рабовладельческих колонизаторских установок.

Характерно, что даже стратегическая необходимость создания некоторых отраслей промышленности не могла заставить колонизаторов отказаться от

¹ «Capital», Supplement, January 1946, p. 19.

² См. С. М. Мельман. Экономика Индии и политика английского империализма. М., 1951, стр. 144.

³ См. А. И. Левковский. Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г. М., 1956, стр. 323—324.

⁴ «Economic Survey of Latin America. 1948». New York, 1949, p. XVII.

⁵ Ibid., p. 8.

⁶ «The Caribbean Islands and the War», Washington, 1943, p. 49.

своей традиционной политики удушения и уродования их индустриального развития.

О влиянии войны на развитие промышленности индийский журнал «Истерн экономист» писал: «Во время войны мы получали заказы на различные детали. Но никогда не получали заказов на цельное производство, так что мы фактически умеем делать все только частями... Мы могли производить все и ничего. Мы были лишь поставщиками всего и вся, специалистами по починке и ремонту всех вещей на свете, но ничего не производили. Мы не имели ни системы, ни плана. Вернее, был план — точный и разработанный — план для предотвращения индустриализации этой страны в послевоенный период»¹.

Но логика событий оказалась сильнее логики английских колонизаторов. Индия за время войны значительно расширила номенклатуру своей промышленности, умножила кадры индустриальных рабочих и создала тем самым известные резервы для борьбы за свою экономическую независимость. Количество акционерных компаний, зарегистрированных и действующих в Индии, с 1939 по 1945 г. увеличилось с 11,1 тыс. до 15 тыс. Сумма оплаченного капитала всех индийских акционерных компаний выросла за этот же период с 2904 млн. рупий до 3890 млн. рупий². Число рабочих, занятых на индийских предприятиях, возросло с 1751 тыс. в 1939 г. до 2520 тыс. в 1944 г.³

Война дала толчок дальнейшему развитию такой основополагающей отрасли индустриального развития, как черная металлургия. Выплавка стали в Индии увеличилась с 1066 тыс. т в 1939 г. до 1425 тыс. т в 1943 г.⁴ Выросла энергетическая база промышленности. Производство электроэнергии увеличилось за указанный период с 2,5 млрд. квт-ч до 3,8 млрд. квт-ч⁵.

Война способствовала стягиванию колоний в промышленное развитие благодаря также огромному спросу империалистических держав на минеральное сырье. Добыча его вызвала возникновение новых очагов промышленности во многих глухих районах Африки, мало или вовсе не втянутых в оборот мирового рынка: в Родезии, Сьерра-Леоне, Нигерии, Конго, на Золотом Береге и т. д.

Хотя монополистический капитал метрополий старался не выпускать из своих рук контроль над развивавшейся в колониях промышленностью и присваивал себе большую часть производимой в ней прибавочной стоимости, он все же должен был допустить к участию в дележе прибыли и некоторые слои местной буржуазии. Она также обогащалась на войне и искала возможностей для выгодных капиталовложений. Ограничения, на которые она наталкивалась, усиливали ее враждебность к иностранным монополиям, узурпировавшим все наиболее доходные сферы для инвестирования. Рост противоречий между империалистическими монополиями и национальной буржуазией не устраняла и такая форма «сотрудничества», как приобретение акций и ценных бумаг иностранных компаний.

Война вызвала определенные изменения во взаимоотношениях между метрополиями и колониями в сфере финансов и кредита. На колонии пало бремя содержания многочисленных иностранных армий, расположенных на их территории. В частности, особенно большие расходы несли Индия и Египет, кото-

¹ «Eastern Economist», August 31, 1945, p. 308.

² См. «Проблемы индустриализации суверенных слаборазвитых стран Азии». М., 1960, стр. 339.

³ См. П. Датт. Индия сегодня. Перев. с англ. М., 1948, стр. 180.

⁴ «Statistical Yearbook 1958», United Nations. New York, 1958, p. 237.

⁵ «Statistical Yearbook 1951», p. 279.

рые за счет своего бюджета должны были финансировать поставки для расквартированных на их территории английских войск. Эти расходы фактически в значительной мере представляли собой грабеж, осуществляемый империалистами; официально они рассматривались как кредит, который предоставляют Англии Индия, Египет и другие страны. На их счета в Английском банке эти расходы записывались как долг английского правительства, который оно обязалось выплатить им в фунтах стерлингов после войны. К 1945 г. долг Англии колониальным и полуколониальным странам стерлинговой зоны достиг 2339 млн. ф. ст.¹ Английские империалисты были убеждены, что после войны этот долг будет списан и по нему не придется платить. Иначе к этому относилась национальная буржуазия. Она была полна решимости заставить Англию выполнить ее финансовые обязательства.

2. Национально-освободительное движение и подрыв устоев колониализма

Хотя усиление национальной буржуазии вызывало тревогу у империалистов, еще большее беспокойство причиняла им растущая активность рабочего класса колониальных и зависимых стран. В своих планах на будущее рабочий класс выдвигал значительно более смелые программы, чем самые радикальные слои национальной буржуазии. Во многих странах впервые возникли профсоюзы, важным фактором политической жизни становились коммунистические партии. Все большую активность проявляло и крестьянство — основной политический союзник рабочего класса.

Война вызвала значительные изменения в сельском хозяйстве колоний — главной отрасли их экономики — и в положении широких масс крестьянства. Разрыв экономических связей, приведший к прекращению поставок колониального сырья на традиционные рынки, сопровождался катастрофическим падением некоторых отраслей сельского хозяйства. К таким же результатам привело появление новых отраслей синтетической химии, продукция которых заменила колониальное сырье.

Источником бедствий для широких масс крестьянства явилось тяжелое бремя военных поставок продовольствия, которое легло на колониальную деревню. В странах, подвергавшихся оккупации, обычные феодально-крепостнические методы эксплуатации крестьян были дополнены системой военных реквизиций и прямого грабежа. Однако и в тех колониях, где не было чужеземных грабителей и оставались «свои» старые хозяева, положение крестьян также значительно ухудшилось. Из обычно скудного «необходимого продукта», который после оплаты всех видов ренты и налогов оставался им для голодного, а то и просто голодного существования, во время войны делались новые, дополнительные изъятия для снабжения армии.

Так, например, на Индию в годы второй мировой войны была возложена задача снабжения не только почти трехмиллионной англо-индийской армии, но и всех британских войск, действовавших на азиатских и африканских фронтах.

¹ «The Banker», January 1946, p. 12.

При этом совершенно не учитывалось, сколько следует оставить продовольствия внутри страны для ее собственных нужд. Усиленная выкачка продовольствия для армии была на руку феодальной и торгово-ростовщической верхушке деревни, наживавшейся на спекулятивных сделках. Разумеется, еще больше обогащались английские колонизаторы, выступавшие главными посредниками в этих поставках.

В результате такой политики в 1943 г. в крупнейшей индийской провинции Бенгалии разразился страшный голод. По самым скромным подсчетам, от голода и сопутствующих ему эпидемий за 1943—1944 гг. умерло 3,5 млн. человек. Это не меньше, чем погибло в самых кровопролитных сражениях, происходивших в то же самое время.

Выход на арену активной борьбы с колонизаторами широчайших масс крестьянства — одно из важнейших последствий войны. Это гигантски умножило силы национально-освободительного движения, которые нанесли сокрушительный удар по колониальной системе империализма.

Правящие круги колониальных держав, входивших в антигитлеровскую коалицию, призывая солдат сражаться за высокие принципы Атлантической хартии, невольно сами содействовали размыванию устоев колониальной системы. В Атлантической хартии, подписанной 14 августа 1941 г., было зафиксировано: «Они (США и Англия. — *Авт.*) уважают право всех народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить»¹.

Общественность колониальных стран вполне законно расценивала это заявление как обещание предоставить им свободу. Она потребовала осуществления этого принципа на деле. Испугавшись перспективы распада Британской империи, английский премьер-министр У. Черчилль опубликовал 9 сентября 1941 г. официальную декларацию, исключавшую «Индию, Бирму и другие части Британской империи» из сферы действия Атлантической хартии. Он разъяснял: «На Атлантическом совещании имелось в виду главным образом восстановление суверенитета, самоуправления и национальной жизни стран и народов Европы, находящихся сейчас под нацистским игом»².

Однако такая позиция английских консерваторов лишь облегчила японским империалистам захват стран Британской империи. Нельзя было мобилизовать на борьбу с фашистскими державами колониальные народы, не давая им никакой надежды на будущее. Президент США Ф. Рузвельт должен был поэтому официально «поправить» Черчилля. 22 февраля 1942 г. в выступлении по радио он заявил: «Атлантическая хартия распространяется не только на те части мира, которые расположены на побережье Атлантического океана, но и на весь мир»³.

Во время войны на территории колоний были созданы массовые армии. Они в значительной мере состояли из рабочих и

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 167.

² «The Times», 10. IX. 1941.

³ «The New York Times», 23. II. 1942.

крестьян, одетых в солдатские шинели. Солдаты колониальных армий были глубоко убеждены, что победа над фашизмом неизбежно приведет к предоставлению независимости их собственным странам. В том, что война не может завершиться простым восстановлением старых колониальных порядков, их убеждало участие в борьбе против фашистских агрессоров Советского Союза и превращение советско-германского фронта в главный театр военных действий. Новые идеи о праве всех народов на суверенитет и независимое существование проникали в самые глухие углы колониального мира. Они порождали надежды, будили сознание, приобщали к политической борьбе.

Колониальные армии внесли значительный вклад в борьбу с фашистскими государствами, но одновременно они создавали предпосылки для усиления национально-освободительного движения колониальных народов, в том числе и в империях «демократического Запада». Создание массовой армии в Индии, в частности, сыграло важнейшую роль в крушении английского господства в этой стране.

Тот факт, что в руках двух с лишним миллионов индийцев было оружие, придавал совершенно новое значение кампаниям гражданского неповиновения, которые организовал Ганди в духе традиционного для индийской национальной буржуазии преклонения перед ненасильственными методами борьбы.

Крупные воинские части были сформированы из местного населения в Африке (Египте, Судане, Кении, Уганде, Танганьике, Родезии и других британских колониях и сферах влияния)¹. Рабочие, крестьяне, интеллигенция и представители других слоев угнетенных наций, прошедшие школу второй мировой войны, составили основные кадры борцов за национальное освобождение, которое развернулось в колониях Британской империи.

Кваме Нкрума, возглавлявший национально-освободительное движение в английской колонии Золотой Берег, пишет: «Бывшие военнослужащие, участвовавшие во второй мировой войне, возвратясь на Золотой Берег, проявляли недовольство своим положением, после того как имели возможность сравнить свою судьбу с судьбой других народов, и были готовы поддержать любое требование, которое улучшило бы их условия»².

Аналогичная ситуация возникла и в колониях других европейских держав, входивших в антигитлеровскую коалицию. Хотя их колониальные владения не были завоеваны войсками противника, колонизаторы также не могли сохранить в них старые формы своего господства. В 400-тысячной французской армии, сражавшейся против гитлеровцев на французской земле в 1939—1940 гг., было 260 тыс. североафриканцев³. Возрождение регулярной французской армии стало возможным во время оккупации Франции главным образом за счет использования людских резервов колоний. «Французские войска, которые присоединились к нам, — писал Черчилль, характеризуя обстановку в 1942 г., — насчитывали более 100 тысяч человек. В большинстве это были хорошо обученные туземные войска»⁴. В 1944 г. из частей «Сражающейся Франции» была сформирована 1-я французская армия, состоявшая более чем наполовину из африканцев.

В национально-освободительном движении, которое развернулось в колониях Бельгии и Голландии, также большую роль сыграли военнослужащие из числа местных жителей, находившиеся в армиях метрополий.

¹ См. В. Л. Тягуненко. Войны и колонии. М., 1957, стр. 113—115.

² «Chana. The autobiography of Kwame Nkrumah». London, 1957, p. IX.

³ «Revue Militaire d'information», 25 mars 1956, p. 62.

⁴ W. S. Churchill. The Second World War, vol. IV. London, 1951, p. 592.

Вполне естественно, что солдаты, сражавшиеся против фашизма, не хотели примириться после войны с колониализмом.

Вторая мировая война показала, что оружие, которое империалисты вынуждены были дать в руки угнетенных колониальных народов, чтобы сохранить свои империи и защитить метрополию, в конечном счете обернулось против них. Произошло это благодаря антифашистскому характеру войны и тем великим переменам во всем мире, которые были вызваны победой Советского Союза над фашистскими агрессорами.

Эту же закономерность еще более отчетливо подтвердила судьба колоний, попавших во время второй мировой войны в японскую зону оккупации. Японские империалисты, используя паназиятскую доктрину и демагогию относительно «сферы взаимного процветания», спекулируя на ненависти народов к их старым поработителям, сумели на первых порах привлечь на свою сторону часть населения оккупированных ими стран. Примерно 500 тыс. солдат насчитывалось в войсках всех стран Южных морей. Эти войска состояли из индийцев, таи, филиппинцев, малайцев и других национальностей¹. Но оружие, полученное солдатами этих армий, было ими в конечном счете использовано не только против старых колониальных поработителей, но и против японских империалистов².

Дополнительным источником вооружения партизанских отрядов и национально-освободительных армий явилось оружие, отнятое у изгнанных ими японских оккупантов.

Вооруженные силы национально-освободительного движения встали на защиту своих стран, после того как из них были изгнаны японские империалисты, и когда возвратившиеся старые колонизаторы пытались восстанавливать прежние порядки. Борьба против них развернулась в Бирме, Индонезии, в Индокитае, Малайе и на Филиппинах.

Во время войны пробудились и народы стран Ближнего и Среднего Востока, где во многих случаях впервые выступил на историческую арену рабочий класс, боевые действия которого послужили призывом для крестьянства, задавленного гнетом феодальной эксплуатации. Зашатались тиранические режимы в Турции, Иране, Египте, Саудовской Аравии и других странах. Напуганные движением народных масс, правящие классы Турции и Ирана должны были обещать проведение некоторых реформ. Бурно разворачивалось освободительное движение в Сирии и Ливане, которое привело к ликвидации колониального господства Франции в этих странах³.

В годы войны потерпели банкротство военно-фашистские диктатуры в ряде государств Латинской Америки. Нет ни одной страны с колониальным или полуколониальным режимом, где за время войны не произошли бы значительные сдвиги влево, где массы не прониклись бы решимостью бороться за свободу⁴.

Империалисты надеялись, что в тех странах, где национально-освободительное движение, руководимое буржуазией, добилось некоторых успехов, для них еще не все потеряно. Они были

¹ См. В. Я. Аварин. Борьба за Тихий океан. М., 1947, стр. 363.

² См. гл. X.

³ См. гл. XI.

⁴ См. гл. XIII.

уверены в возможности сговора с национальной буржуазией, чтобы сохранить свое господство, если не прямо, то хотя бы косвенно.

Однако колонизаторы в то время не сумели оценить глубины экономических и политических противоречий между монополистической буржуазией метрополий и национальной буржуазией колоний.

«Национальная буржуазия, — подчеркивается в Программе КПСС, — по своей природе имеет двойственный характер. В современных условиях национальная буржуазия в колониальных, бывших колониальных и зависимых странах, не связанная с империалистическими кругами, объективно заинтересована в осуществлении основных задач антиимпериалистической и антифеодальной революции. Следовательно, еще не исчерпаны ее прогрессивная роль, ее способность участвовать в решении насущных общенациональных задач»¹.

3. Борьба за политическую независимость. Программы послевоенного развития

Вторая мировая война особенно наглядно показала национальной буржуазии колоний, что без завоевания политической независимости она не сумеет обеспечить осуществление своих программ экономического развития. Например, политика сдерживания промышленного развития Индии, которую Англия проводила даже во время войны, запрещая создание ряда отраслей, жизненно необходимых для страны, вызвала в стране небывалое возмущение, захватившее широкие круги индийской национальной буржуазии. В условиях антифашистской войны такой грубый произвол колонизаторов особенно ярко показывал их намерение сохранить навечно свое деспотическое господство.

Джавахарлал Неру так характеризует эту политику Англии в военные годы: «Даже когда началась вторая мировая война, не был разрешен ввоз необходимого оборудования... В Индии не было недостатка ни в капиталах, ни в квалифицированных кадрах, не хватало только оборудования, и промышленники настойчиво требовали его. Но как ни велики были потребности, вызванные войной, никогда не упускались из виду будущие интересы английской промышленности и было сочтено нежелательным развивать в Индии промышленность, которая могла бы после войны конкурировать с английской»².

Именно в годы войны в Индии укрепилась уверенность в способности создать свою отечественную промышленность, а также решимость осуществить программу индустриального развития страны, завоевав политическую независимость.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 47.

² Дж. Неру. Открытие Индии. Перев. с англ. М., 1955, стр. 446.

К концу 1943 г. в Индии развернулась широкая кампания по составлению программ послевоенного развития. Индия к тому времени уже накопила на своем счету в Английском банке стерлинговые активы на сумму, приближавшуюся к миллиарду фунтов стерлингов. Расчет на использование этих активов был одним из главных доводов в пользу возможности осуществить после войны большую программу индустриального развития Индии без глубоких социально-экономических реформ.

Пропаганда программы послевоенного развития была для индийской буржуазии одним из средств борьбы за независимость страны и завоевание политической власти. В то же время при помощи этой программы индийская буржуазия стремилась успокоить массы, отвлечь их от классовой борьбы, вселить в них надежду на лучшее будущее.

В январе 1944 г. в индийской печати был опубликован так называемый «Бомбейский план» — пятнадцатилетняя программа послевоенного промышленного развития Индии, разработанная крупнейшими промышленниками страны. Национальный конгресс — политическая партия, представлявшая интересы широких кругов индийской буржуазии и в том числе ее радикального крыла, — также разработал в августе 1945 г. свою программу послевоенного развития Индии, предусматривающую государственствление некоторых отраслей промышленности, осуществление частичной аграрной реформы в деревне и создание независимого национального правительства¹.

Тенденции, получившие наиболее отчетливое выражение в Индии, проявлялись и в других колониях. Фактически не было ни одной колонии, имевшей хотя бы зачатки промышленности, где местная национальная буржуазия не выдвигала бы программу борьбы за политическую независимость, которая, как правило, подкреплялась планами промышленного развития страны в послевоенный период. С этим не могли не считаться колонизаторы во время войны.

Программы послевоенного развития, разрабатывавшиеся национальной буржуазией колоний во время войны, выявили новую ориентацию в ее политике. Она проявилась в ставке на развитие государственного капитализма, рост которого чрезвычайно ускорила война. Буржуазия колоний, несмотря на ограничения, встречавшиеся на каждом шагу, все же смогла оценить преимущества государственного капитализма, когда поставки товаров по заказам правительства создали гарантированный рынок для сбыта их по высоким спекулятивным ценам². Она видела в государственном капитализме не только средство ускорить частные накопления, но и щит, прикрывающий национальный капитал от разрушительной конкуренции иностранных монополий.

В полуколонияльных и зависимых странах государственная власть формально принадлежала местной буржуазии. Но империалистические монополии и здесь сохраняли господство. Удерживая командные позиции в экономике, они подкупали мест-

¹ D. S. Nag. A Study of Economic Plans for India, Bombay, 1949, p. 69—108.

² Это можно видеть особенно наглядно на примере Индии. Если в 1939/40 г. государственные заказы, полученные промышленностью Индии, оценивались в 280 млн. рупий, то в 1942/43 г. они составляли 2470 млн. рупий («People's Age», 15. II. 1948. Supplements).

ный государственный аппарат. В таких странах национальная буржуазия выдвигала на первый план требование экономической независимости. Только в этом она видела возможность сделать реальным свой политический суверенитет, превращенный империалистическими колонизаторами в фикцию.

Средством ликвидации иностранного засилья лидеры национальной буржуазии считали индустриализацию страны, осуществляемую на основе активного вмешательства государства. К этому сводилась суть программ послевоенного развития, выдвигавшихся национальной буржуазией в странах Латинской Америки. Государственные органы по разработке программ индустриализации появились во время войны во всех латиноамериканских странах. Характерно, что в программах на послевоенный период прежде всего предполагалось развитие отраслей тяжелой промышленности, росту которых больше всего мешали империалистические монополии. Особое внимание уделялось и использованию в интересах национальной экономики ископаемых богатств страны¹.

Ориентация на государственный капитализм, как главный рычаг, при помощи которого можно будет перевести экономику на рельсы независимого развития, стала символом веры национальной буржуазии Латинской Америки. Это обстоятельство с тревогой отмечалось во многих опубликованных в США во время войны исследованиях, посвященных Латинской Америке².

Программы послевоенного развития национальной буржуазии колоний и полукolonий никак нельзя отождествлять с программами, которые одновременно разрабатывались монополистической буржуазией высокоразвитых капиталистических стран. Они глубоко различны по своей сущности. В одном случае ставилась задача использовать государство для подрыва господства иностранных монополий, в другом — усилить вмешательство государства в экономику, чтобы укрепить господство монополий. Программы отражали усилившиеся противоречия между империалистической буржуазией метрополий и национальной буржуазией колоний и полукolonий. Эти противоречия явились одной из сил, способствующих развалу колониальной системы империализма.

Национальная буржуазия колоний, понимая, насколько скомпрометирована в глазах широких народных масс программа капиталистического развития, стала для маскировки широко прибегать даже к антикапиталистическим лозунгам. Ее лидеры объявили себя приверженцами «общества социалистического типа», «кооперативного государства» и других разновидностей «социализма», а также поборниками развития государственного сектора экономики, как основы для социалистического преобразования. Тактика национальной буржуазии была знаменем времени, свидетельством глубокого банкротства буржуазной идеологии в странах, испивших до дна горькую чашу империалистического закабаления.

К концу войны все империалистические державы были исполнены решимости не допустить развала колониальной системы и любыми средствами сохранить ее. Но их политика только ускорила ее крушение.

¹ A. P. Whitaker. The United States and South America. The Northern Republics. Cambridge, 1948, p. 96.

² S. Inman. Some Latin American Views on Post-War Reconstruction. «Foreign Policy Reports». New York, 1944, p. 8—9.

СТАНОВЛЕНИЕ МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НОВОГО ТИПА

Разгром во второй мировой войне германского фашизма и японского милитаризма, осуществленный при решающем участии Советского Союза, создал благоприятные условия для коренных демократических преобразований в ряде стран Европы и Азии.

На путь строительства социализма стали народы Албании, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Демократической Республики Вьетнам, Китая, Корейской Народно-Демократической Республики, Польши, Румынии, Чехословакии. Вместе с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой, уже ранее приступившей к социалистическим преобразованиям, они создавали единый социалистический лагерь. На путь социализма стала также Югославия.

Победа социалистических революций в ряде стран Европы и Азии нанесла новый мощный удар по позициям империализма. Соотношение сил на мировой арене все больше и больше стало складываться в пользу социализма.

Социализм вышел за рамки одной страны и превратился в подлинно мировую систему, охватывающую треть населения земного шара. Появление на международной арене могучего социалистического содружества государств означало, что всемирно-исторический процесс перехода от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, успешно развивается, что социализм одерживает решающие победы в международном масштабе. Сбылось предвидение В. И. Ленина о превращении «диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких

передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)»¹.

Мир капитализма резко сузился. Жизнь еще раз убедительно доказала, что замена капитализма социализмом — объективный закон общественного развития. Империализм бессильен остановить этот всеохватывающий процесс современности.

Но становление мировой социалистической системы происходило в условиях острой классовой борьбы, охватывающей все стороны жизни общества — политическую, экономическую, идеологическую. Империалистическая реакция в своем стремлении вернуть утраченные позиции не останавливалась перед крайними средствами борьбы, включая гражданские войны и иностранную интервенцию. И это понятно. Переход от капитализма к коммунизму — целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров остается надежда на реставрацию, и эту надежду они воплощают в попытки повернуть назад колесо истории.

Реакционные силы рассчитывали, что Советский Союз, понесший в войне колоссальные потери, не сможет оказывать значительное влияние на международные дела, что СССР и страны народной демократии не справятся с экономическими трудностями, вызванными войной, и попадут в зависимость от капиталистического Запада, и в первую очередь от нажившегося на войне империализма США. Правящие круги империалистических государств надеялись, что внутренняя реакция в народно-демократических странах, получив поддержку извне, сможет укрепить свои позиции в борьбе против сил социализма. Немалую ставку империалисты делали на раскол социалистических стран, на использование националистических тенденций, оставшихся от прошлого.

Однако все подобные расчеты полностью провалились. Реакционные силы империализма, потерпевшие поражение в войне, не сумели выиграть и так называемую «битву за мир». Им не только не удалось «отбросить» коммунизм, но, наоборот, в течение уже первых четырех послевоенных лет мировая социалистическая система расширила свои границы вплоть до Эльбы и Тихого океана.

Решающую роль в процессе становления мировой социалистической системы сыграл Советский Союз — первая в мире страна, проложившая человечеству путь к социализму.

Вопреки противодействию империалистической реакции, ее попыткам затормозить экономическое развитие СССР, советский народ в ходе успешного выполнения послевоенного пятилетнего плана быстро залечил тяжелые раны, нанесенные войной, восстановил и уверенно двинул вперед все отрасли народного хозяйства. С каждым годом братские социалистические

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 126.

страны получали все большую экономическую помощь со стороны СССР — помощь, которая способствовала укреплению позиций социализма в этих странах и упрочению их международного положения.

В 1949 г. была ликвидирована атомная монополия США, являвшаяся величайшей угрозой для всего социалистического лагеря, главной ставкой в борьбе американского империализма за мировое господство. Советский Союз, овладев секретом атомной энергии, сохранил позиции самого мощного в военном отношении государства, что имело первостепенное значение для обеспечения безопасности всего социалистического лагеря. Вместе с тем успехи СССР в мирном использовании атомной энергии послужили новым доказательством превосходства социализма над капитализмом, способности Советского Союза превзойти США в развитии самых сложных отраслей науки и техники.

Мировая социалистическая система создала гарантию суверенитета не только входящих в нее государств. Она стала могучей опорой борьбы за суверенитет и независимость для всех стран, которым угрожала агрессия империалистов.

Все более значительное влияние на ход событий на международной арене оказывала внешняя политика СССР и других социалистических государств.

Советское правительство во всей своей внешнеполитической деятельности исходило из выдвинутого В. И. Лениным положения о возможности и необходимости мирного сосуществования государств социалистической и капиталистической систем. СССР неизменно выступал за дальнейшее развитие сотрудничества великих держав, сложившегося во время минувшей войны, за скорейшее осуществление мирного урегулирования на основе программы, совместно разработанной союзниками по антигитлеровской коалиции.

Внешняя политика Советского Союза, отвечающая интересам трудящихся всех стран, направлена на то, чтобы обеспечить прочный мир, защитить революционные завоевания всех народов. Подобный внешнеполитический курс стал общим для всех стран социалистического лагеря.

Такое совпадение взглядов на международные дела, такое единство — не случайное и не временное явление. Эта общность имеет под собой прочную объективную основу, обусловленную самим характером социализма.

С победой социалистических революций в ряде стран начало складываться содружество социалистических государств. И чем больше внутренние успехи одерживала каждая из стран этого содружества, тем шире становилась сфера действия основных законов социализма в области внешних экономических, политических, культурных и иных связей социалистических государств.

Противопоставляя империализму совершенно иные по своему содержанию принципы внешней политики, социалистические страны объединяют свои усилия в строительстве нового общества, в борьбе против империализма и его агрессивной политики, в защите мира и обеспечения международной безопасности, в оказании помощи всем народам, борющимся за независимость и свободу.

«Мировая система социализма, — указывается в Программе КПСС, — *новый тип экономических и политических отношений между странами*»¹.

Эти отношения являют собой прообраз международного сотрудничества всех стран мира, когда мир освободится от сковывающих его прогресс рамок капиталистических производственных отношений, от социального гнета и национального неравенства.

ГЛАВА V

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В 1945—1949 гг. МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ — ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

1. Важнейшие итоги экономического и политического развития СССР в первые послевоенные годы

Советский Союз с честью выдержал в Великой Отечественной войне суровое испытание своего общественного и государственного строя. Из войны наша страна вышла окрепшей в политическом и военном отношениях. Однако ее народное хозяйство было сильно разрушено.

Немецко-фашистские захватчики полностью или частично сожгли 1710 городов и рабочих поселков, более 70 тыс. сел. Они разрушили 31 850 промышленных предприятий, разорили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций. Только прямой материальный ущерб, причиненный народному хозяйству и отдельным сельским и городским жителям, определялся, по данным Чрезвычайной государственной комиссии СССР, суммой в 679 млрд. руб. в довоенных ценах. Если к этому добавить затраты по перестройке народного хозяйства на военный лад, на ведение войны, добавить стоимость недополученной продукции из временно оккупированных районов, расходы на послевоенную реконверсию народного хозяйства, то общие материальные потери составят 2569 млрд. руб., или около 500 млрд. долл.

Миллионы советских людей пали в боях за свободу нашей Родины и всего человечества, против фашизма, множество мирных жителей были зверски замучены гитлеровцами.

Война сильно затормозила экономическое развитие Советского Союза. Н. С. Хрущев, говоря об огромных потерях во

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 20.

время войны, отмечал в своем докладе на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, что, «если бы эти колоссальные средства были обращены на мирное строительство — на сооружение заводов и фабрик, железных дорог, электрических станций, жилых домов, на увеличение производства товаров народного потребления, — у нас давно уже было бы изобилие материальных благ»¹.

Масштабы жертв и потерь нашей Родины в результате войны были столь велики, что ни одно капиталистическое государство, оказавшись в таком положении, не смогло бы самостоятельно, без помощи извне, восстановить за короткий исторический срок свою экономику.

В надежде на сокрушение социалистического строя правящие круги США и других империалистических держав и строили в первые послевоенные годы свою политику в отношении Советского Союза. Предприняв экономическую блокаду СССР и народно-демократических стран, агрессивной политикой мешая восстановлению их народного хозяйства и навязывая этим миролюбивым государствам обременительные расходы на оборону, империалисты пытались подорвать социализм экономически и политически. Но как и ранее, они вновь недооценили огромные возможности социалистического строя.

«Россия будет истощена, если она не получит займа», — твердила после войны реакционная западная пресса, предрекая неизбежность экономического заката Советского Союза капиталистическими державами. Из этого предположения исходили политические стратеги империализма. Они надеялись, что нанесенный войной экономический ущерб приведет к политическим осложнениям как в СССР, так и в народно-демократических государствах. Оказывая экономическое и политическое давление на Советский Союз и страны народной демократии, Соединенные Штаты и другие империалистические державы стремились подчинить их империалистическому диктату².

Об этих расчетах прямо писал весной 1947 г. начальник отдела планирования госдепартамента США Джордж Кеннан. В своей статье «Истоки советской политики», опубликованной в журнале «Форин афферс», он всячески подчеркивал «экономическую уязвимость» Советского Союза, «усталость» его населения и «неизбежность» связанных с этим политических последствий. В других работах Кеннан выражал уверенность в том, что давление извне вызовет в СССР «тенденции, которые должны в конечном итоге привести к подрыву или постепенному ослаблению советской власти»³.

Вопреки расчетам империалистов, Советский Союз и после войны успешно продолжал социалистическое строительство. Перед советским народом встала первоочередная задача — как можно быстрее преодолеть отрицательные последствия войны для народного хозяйства.

¹ Н. С. Хрущев. Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 21.

² См. гл. VI.

³ G. F. Kennan. American Diplomacy, 1900—1950. Chicago, 1952, p. 122—127.

В марте 1946 г. Верховный Совет принял план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. Основной задачей пятилетнего плана было не только восстановить пострадавшие районы страны, достигнуть довоенного уровня промышленности и сельского хозяйства, но и значительно превзойти этот уровень. План предусматривал повышение материального и культурного уровня советского народа, дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства. По валовой продукции промышленности намечалось к 1950 г. превзойти уровень 1940 г. на 48%.

В западных державах, как не раз бывало и до войны, утверждали, что план послевоенной пятилетки неосуществим.

«Имеющиеся данные, — уверял английский буржуазный журнал «Уорлд ревью», — убедительно заставляют высказать предположение, что Россия не в состоянии осуществить свой новый пятилетний план одними лишь собственными силами». Неудачи в осуществлении плана, вещал английский журнал «Экономист», вынудят Советское правительство к «пересмотру» своей внутренней политики.

Но все эти мрачные пророчества не сбылись.

Советский Союз не только быстро залечил раны, нанесенные войной, но и устремился вперед такими темпами, какие были совершенно недоступны для капиталистических стран.

Быстрый переход советской экономики на мирные рельсы показал, как велики преимущества социалистического строя. В СССР эта перестройка не была связана с ростом безработицы, падением жизненного уровня населения, как в капиталистических странах.

Если в США в 1946 г. число безработных по сравнению с 1943 г. увеличилось в 2 раза, а в Англии — почти в 5 раз, то в СССР была организованно решена проблема трудоустройства демобилизованных и происходил неуклонный рост числа рабочих и служащих. За один только 1946 г. численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР увеличилась на 3 млн. человек. Если в США объем производства промышленной продукции сократился в 1946 г. на одну треть по сравнению с наиболее высоким во время войны уровнем 1943 г., то в Советском Союзе он лишь на 16,3% был меньше уровня 1945 г. Перевод экономики на мирные рельсы закончился в основном в 1946 г. — раньше, чем в любой капиталистической стране.

Преодолев временные трудности реконверсии, советская экономика быстро двинулась вперед. К концу 1947 г. промышленность уже вплотную подошла по общему годовому объему к уровню 1940 г., а в 1948 г. превзошла его. По добыче угля этот уровень был превзойден в 1947 г., по производству стали — в 1948 г., электроэнергии — в 1946 г., чугуна — в 1949 г., по добыче нефти — в 1949 г.

Эти успехи особенно знаменательны, если учесть, в какой международной обстановке приходилось советскому народу бороться за восстановление и развитие своей экономики: ведь ему угрожали войной империалисты США и других западных держав. Эту обстановку весьма красноречиво охарактеризовал в 1946 г. вашингтонский корреспондент буржуазной газеты «Дейли ком-пас». «В американском правительстве, — писал он, — есть элементы, которые считают гонку в области атомного вооружения полезным средством для ускорения холодной войны. По их мнению, холодная война есть нечто большее, чем оборот речи. Они видят в ней средство заставить Советский Союз заняться... перевооружением в ущерб восстановлению. Теперь, как и после первой мировой войны, они надеются на крах первого в мире планового социалистического общества под давлением экономической блокады и военной угрозы».

В этих условиях не могло быть и речи о какой-либо помощи извне нашей стране в восстановлении ее экономики. Народное хозяйство возрождалось исключительно за счет внутренних ресурсов СССР. Более того, в соответствии со своим долгом интернациональной солидарности Советское государство по-братски, бескорыстно помогало странам народной демократии в восстановлении их экономики и первых шагах по пути строительства социализма.

Вопреки пророчествам врагов социализма, пятилетний план в СССР был выполнен, причем в области промышленности, транспорта и связи досрочно — за 4 года и 3 месяца. Валовая продукция промышленности в 1950 г. превысила довоенный уровень на 73% вместо предусмотренных по плану 48%. По темпам роста промышленного производства Советский Союз после войны намного опередил Соединенные Штаты. Физический объем промышленной продукции СССР вырос в 1950 г. против 1937 г. на 151%, в США — только на 84%.

Рост физического объема валовой продукции промышленности СССР за 1945—1950 гг.

(в % к 1940 г.)¹

Годы	Вся про- мышленность	В том числе	
		Группа А	Группа Б
1940	100	100	100
1945	92	112	59
1946	77	82	67
1947	93	101	82
1948	118	130	99
1949	141	163	107
1950	173	205	123

Итоги выполнения пятилетнего плана явились залогом новых успехов социализма в его экономическом соревновании с капитализмом. Советский народ совершил великий трудовой подвиг. Тем империалистическим политикам, которые уповали на «усталость» советских людей, на их неспособность справиться с трудностями, пришлось пережить горькое разочарование. В социалистическом обществе не оказалось ни «потерянных поколений», ни «уставших».

¹ «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник. М., 1956, стр. 47.

Послевоенный период ознаменовался дальнейшим укреплением морально-политического единства советского народа. Коммунистическая партия развернула широкое наступление на остатки и пережитки буржуазной идеологии. Был дан решительный отпор стремлению западной империалистической пропаганды оказывать «идейное» воздействие на советских граждан. Советский народ еще теснее сплотился в борьбе за дальнейший подъем экономики и культуры своей Родины.

Политические стратеги империализма, планировавшие удушение СССР, никак не могли уяснить социально-экономических факторов, способствующих росту могущества Советского государства. Им было недоступно понимание того, что социалистическое общественное устройство служит могучим стимулом повышения производительности труда, подъема экономики. «Сознание трудящимися того, что они работают не на эксплуататоров, а на себя, на свое общество, порождает трудовой энтузиазм, новаторство, творческую инициативу, массовое социалистическое соревнование»¹.

Советскому народу пришлось преодолеть немалые трудности в ходе выполнения плана первой послевоенной пятилетки. Особенно они сказывались в сельском хозяйстве, ослабленном засухой и недородом 1946 г. К тому же в руководстве сельским хозяйством проявились отрицательные последствия культа личности Сталина².

Однако, несмотря на все преграды и затруднения, советские люди, используя огромные потенциальные возможности социалистического способа производства, своим самоотверженным трудом значительно укрепили экономическую мощь Родины. Основные показатели народного хозяйства в 1950 г. намного превосходили уровень довоенного 1940 г.

Выплавка чугуна составила в 1950 г. более 19 млн. т (в 1940 г. — 15 млн. т), стали — более 27 млн. т (в 1940 г. — 18,3 млн. т), добыча угля — более 261 млн. т (в 1940 г. — 166 млн. т), нефти — около 38 млн. т (в 1940 г. — 31 млн. т), выработка электроэнергии — более 91 млрд. кВт-ч (в 1940 г. — 48,3 млрд. кВт-ч). На 37% увеличилась в 1950 г. по сравнению с 1940 г. производительность труда в промышленности. Валовой урожай зерна в 1950 г. превысил уровень 1940 г. на 13%.

Отличительной чертой развития советской экономики была ее мирная направленность. Советское правительство стремилось как можно больше средств направлять на расширенное социалистическое воспроизводство и подъем материального и культурного уровня народа. В 1950 г. ассигнования на оборону составляли 18,5% всех расходов бюджета против 32,6% в довоенном 1940 г. и 23,9% в 1946 г.

Характерно, что послевоенный рост производства в Советском Союзе происходил на базе перевооружения промышленности современной техникой.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 15.

² См. Н. С. Хрущев. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1958 года. М., 1958, стр. 5.

Далеко вперед шагнула автоматизация производства в тяжелой промышленности — в электроэнергетике, металлургии, машиностроении, химии. Показателем технического прогресса было возникновение новых отраслей производства.

Огромную роль играли достижения советской науки, особенно ярко проявившиеся в овладении атомной энергией. Сообщение ТАСС от 25 сентября 1949 г. о том, что Советский Союз имеет атомное оружие, спутало карты империалистической «атомной дипломатии».

Характерно, что незадолго до того политики и эксперты США уверяли, что СССР не в состоянии участвовать в современной войне «по крайней мере в течение четверти столетия, если не больше». Наиболее трезво мыслящие из них предсказывали, что наша страна сможет овладеть секретом производства атомного оружия не ранее 1952 г. Действительность опровергла все эти прогнозы.

Освоение атомной энергии в Советском Союзе свидетельствовало о качественном сдвиге в развитии производительных сил. Наглядно проявилось торжество социалистической системы хозяйства: в прошлом отсталая и недавно разоренная войной страна смогла быстро подняться до научно-технического уровня самого передового в этом отношении капиталистического государства. Это были вынуждены констатировать даже те, кто отнюдь не симпатизировал советскому строю. Так, представитель крайне правого крыла лейбористской партии Рэймонд Блэкберн писал в газете «Дейли экспресс» в связи с сообщением ТАСС: «Теперь ясно с первого взгляда, что Советский Союз намного обогнал Англию, и его без всякого преувеличения можно сравнивать с Соединенными Штатами с точки зрения производственной мощи и организации».

Советское государство, положив конец атомной монополии США, оказало сдерживающее влияние на агрессивные устремления американских империалистов, грозивших человечеству атомной войной. Хотя реакционная печать США встретила сообщение ТАСС призывами усилить гонку вооружений, чтобы обеспечить превосходство США, некоторые трезвые голоса, например авторы редакционной статьи в газете «Крисчен сайенс монитор», звали к благоразумию, подчеркивая «необходимость более упорных усилий в целях установления мира».

Раскрыв секрет расщепления атома, СССР положил начало мирному использованию нового вида энергии. Вместо применения ее в целях разрушения, с чего начал американский империализм, СССР предложил использовать это великое достижение научно-технического прогресса на благо человечества.

Успехи экономического и политического развития Советского Союза в 1945—1949 гг. вновь показали всему миру животворную силу социализма, его превосходство над капитализмом. Они укрепляли международные позиции не только нашей

страны, но и лагеря социализма в целом. Могучая экономика Советского Союза, создавшего мощную и целостную хозяйственную систему, стала естественным ядром формировавшегося мирового социалистического хозяйства. Успехи послевоенной пятилетки в нашей стране позволили ей оказать мощную поддержку другим социалистическим государствам и всем прогрессивным силам мира в их борьбе против натиска международной империалистической реакции.

2. Борьба Советского Союза за мирное сосуществование и международное сотрудничество в первые послевоенные годы

Своеобразием внутреннего положения Советского Союза и международной обстановки в первые послевоенные годы определялись направления его внешнеполитической деятельности. Борьба за создание международных условий, благоприятствующих мирному хозяйственному строительству, была важнейшей задачей. Вместе с тем во внешней политике СССР в полной мере отражалась и принципиально новая функция социалистического государства, порожденная интернациональным характером диктатуры пролетариата. Это — функция помощи другим странам в строительстве социализма, налаживания сотрудничества с ними на основе международного социалистического разделения труда.

Советский Союз оказывал народам, вступившим на путь строительства социализма, разностороннюю политическую поддержку и экономическую помощь. Значение ее было особенно велико в связи с усилиями империалистических держав навязать народам этих стран ненавистные им политические режимы.

Присутствие советских войск в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, освобожденных Советской Армией от фашистского ига, сковывало контрреволюционную деятельность внутренней реакции. Кроме того, оно делало невозможной империалистическую военную интервенцию в эти страны для оказания помощи эксплуататорским классам в их сопротивлении воле народных масс. На страже безопасности и независимости народно-демократических стран стояла и советская внешняя политика, использовавшая все необходимые для этого каналы международных отношений.

Империалистические державы во главе с США тщетно старались с помощью своей внешнеполитической службы поставить и удержать у власти в восточноевропейских странах реакционные политические партии и вернуть эти страны в лоно империалистических порядков и политики. Попытки английских и американских представителей в союзных контрольных комиссиях в Болгарии, Румынии и Венгрии вести подрывную деятельность наталкивались на решительное противодействие советской стороны. Советский Союз не допустил навязывания Польше реакционного эмигрантского «правительства» из

Лондона. Потерпели неудачу попытки империалистических держав вмешаться в избирательные кампании в Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, оказывать воздействие на ход выборов посредством клеветы на народно-демократические правительства. СССР не раз давал отпор западным державам, намеревавшимся поставить в ООН под сомнение демократический характер этих правительств¹.

Позиция, занятая Советским государством в ходе подготовки и заключения мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии, воспрепятствовала империалистическим державам навязать Болгарии, Венгрии и Румынии кабальные экономические и политические обязательства: необоснованно завышенные размеры репараций, включение в мирные договоры «принципа равных возможностей», призванного поставить эти страны в зависимость от иностранных империалистов, и т. д. Советская дипломатия последовательно разоблачала маневры империалистов в отношении Болгарии, Венгрии, Румынии (задержка их имущества американскими властями, «замораживание» валютных фондов и т. п.), предпринимавшиеся с целью экономического нажима на эти государства. Благодаря усилиям советской дипломатии мирные договоры стали для стран — бывших союзниц Германии важным орудием в борьбе за демократизацию и укрепление их национального суверенитета².

С того момента, как Советская Армия освободила восточно-европейские страны, Советский Союз оказывал их народам большую экономическую помощь: поставлял им продовольствие, топливо, промышленное сырье, оборудование, предоставлял кредиты. Братская помощь Советского Союза способствовала срыву попыток империалистических держав экономическим давлением воздействовать на ход классовой борьбы в этих странах.

По подсчетам польских экономистов, советские инвестиционные кредиты, полученные только Польшей до 1949 г. на индустриализацию страны (2,2 млрд. руб.), равнялись стоимости машин и оборудования, поставленных Соединенными Штатами по «плану Маршалла» одиннадцати странам Западной Европы (Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Португалии, Италии, Греции и Турции)³.

Советский Союз способствовал развитию хозяйства таких народно-демократических стран, как Румыния и Венгрия, и тем, что в июне 1948 г. сократил причитавшиеся ему репарационные платежи. Кроме того, странам народной демократии были переданы бывшие немецкие активы, перешедшие в собственность СССР⁴. В Советском Союзе нашли рынок сбыта многие традиционные экспортные товары стран народной демократии.

Помощь Советского Союза позволила народно-демократическим странам в короткие сроки восстановить свое народное хозяйство, находившееся в состоянии упадка и разорения, и развивать его высокими темпами. Благодаря этому они не только отстояли свою экономическую независимость, но и смогли в короткие сроки заложить у себя экономические основы социализма.

¹ См. гл. VI.

² См. гл. XX.

³ См. «Проблемы мира и социализма», 1960, № 6, стр. 61.

⁴ См. «Экономическое сотрудничество и взаимопомощь между Советским Союзом и европейскими странами народной демократии». М., 1958, стр. 51.

**Индексы объема промышленного производства
в европейских странах народной демократии*:**

	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Польша (1937 г. — 100)	148	181	231
Чехословакия (1937 г. — 100) . . .	108	124	143
ГДР (1936 г. — 100)	71	87	111
Венгрия (1938 г. — 100)	102	137	187
Румыния (1938 г. — 100)	85	...	147
Болгария (1939 г. — 100)	180	...	288
Албания (1938 г. — 100)	254	306	395

* «Экономическое сотрудничество и взаимопомощь между Советским Союзом и европейскими странами народной демократии», стр. 50—51.

Важную роль в сплочении социалистических государств сыграли договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Кроме заключенных во время войны союзных договоров с Чехословакией и Польшей (12 декабря 1943 г. и 21 апреля 1945 г.), такие договоры были подписаны Советским Союзом в 1948 г. с Румынией (4 февраля), Венгрией (18 февраля), Болгарией (18 марта). Эти договоры служили упрочению мира в Европе и безопасности всех их участников.

Объединению усилий Советского Союза и народно-демократических государств в борьбе за социализм и мир способствовало создание в 1947 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий¹. Информационное бюро проделало большую работу по обмену опытом и координации действий братских коммунистических партий, содействовало дальнейшему укреплению идеологии пролетарского интернационализма в их рядах.

Свои отношения с народно-демократическими государствами Советский Союз строил и строит на принципах полного равноправия, уважения их независимости и суверенитета. На основе этих принципов были урегулированы государственные границы СССР с Польшей и Чехословакией, вопросы политического, культурного, экономического сотрудничества.

Отрицательные последствия культа личности привели к отдельным ошибкам во взаимоотношениях Советского государства с некоторыми странами народной демократии, особенно в отношениях с Югославией в 1948 г. После осуждения Информационным бюро действий руководства Коммунистической партии Югославии, допустившего ряд ошибок и противопоставившего Югославию социалистическому лагерю, Сталин внес ненужное обострение в

¹ Кроме коммунистических партий социалистических стран Восточной Европы в Информбюро входили две крупнейшие коммунистические партии стран Западной Европы — французская и итальянская.

межгосударственные отношения Советского Союза с ФНРЮ¹. Упомянув об этих ошибках, Н. С. Хрущев говорил на V съезде Социалистической единой партии Германии в 1958 г.: «Что произошло в 1948 году? Тогда наши партии подвергли критике оппортунистические и националистические ошибки руководства Компартии Югославии. Неправильной была не наша критика, от которой мы никогда не отказывались, а призыв к смене руководства в Компартии Югославии, содержащийся в резолюции Информбюро... Ошибки с обеих сторон, я подчеркиваю — с обеих сторон, были допущены в том смысле, что споры и плохие отношения между партиями были перенесены на отношения между государствами»². В 1955 г. Советское правительство приняло меры к исправлению этих ошибок.

Братское сотрудничество между СССР и странами народной демократии укрепляло экономическую и политическую мощь лагеря социализма в целом и каждой социалистической страны в отдельности, увеличивало их воздействие на международные отношения.

Огромный рост сил мирового социализма способствовал победе народной революции в Китае и вступлению этой великой страны в содружество социалистических государств.

Китайский народ успешно использовал благоприятную обстановку, сложившуюся после второй мировой войны, когда были разгромлены фашистские силы в Европе и милитаристская Япония. Советский Союз являлся надежным заслоном с тыла для китайской Народно-освободительной армии в ее борьбе против чанкайшистской клики и ее империалистических хозяев. Советский Союз решительно воспрепятствовал попыткам американского империализма открыто вмешаться в гражданскую войну в Китае. На Московском совещании министров иностранных дел трех держав в декабре 1945 г. СССР настоял на выводе американских войск из Китая, куда они были введены под предлогом принятия капитуляции японских войск³. И в дальнейшем Советское государство неизменно давало отпор попыткам империалистического вмешательства во внутренние дела китайского народа. Тем самым создавались благоприятные внешнеполитические условия для торжества народной революции⁴. «Если бы не существовало Советского Союза, — говорил в июле 1949 г. Мао Цзэ-дун, — если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский империализм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии..., то нажим международных реакционных сил, конечно, был бы гораздо сильнее, чем сейчас.

¹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. IV, изд. 7. М., 1960, стр. 232.

² Н. С. Хрущев. К победе в мирном соревновании с капитализмом. М., 1959, стр. 425.

³ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1945 год». М., 1949, стр. 161—162.

⁴ См. гл. VII.

Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет»¹.

Советский Союз настойчиво добивался того, чтобы освобожденная от ига японских империалистов Корея стала в кратчайший срок независимым демократическим государством. Именно эту цель преследовала советская дипломатия на Московском совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании и США в декабре 1945 г., добившись решения о создании временного корейского демократического правительства. И в дальнейшем Советский Союз отстаивал право корейского народа на самоопределение, выступая против попыток американских империалистов навязать Корее реакционный проимпериалистический режим. После того как США нарушили решение Московского совещания и образовали в Южной Корее марионеточное правительство Ли Сын Мана, Советский Союз одобрил резолюцию избранного всем корейским народом Верховного Народного Собрания о провозглашении Корейской Народно-Демократической Республики. СССР признал 12 октября 1948 г. КНДР и установил с ней дипломатические отношения. Он оказывал молодому корейскому народно-демократическому государству разностороннюю помощь в развитии экономики и культуры².

Во всей своей политике в отношении молодых государств народной демократии Советское государство неуклонно следовало своему интернациональному долгу, завету В. И. Ленина о том, что «без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено»³.

Выполняя свой интернациональный долг, СССР оказал также активную поддержку национально-освободительному движению в колониальных и зависимых странах, мощный подъем которого начался после второй мировой войны. Политика Советского Союза в полной мере претворяла в жизнь указание В. И. Ленина о том, что пролетариат должен поддерживать «буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны»⁴. Советский Союз последовательно выступал в защиту национального суверенитета и независимости стран, боровшихся за свое освобождение от ига колонизаторов.

С момента образования молодых национальных государств СССР вступал с ними в равноправные дружественные отношения, способствовал укреплению их международного положения, поддерживал их в борьбе против агрессивных посягательств империалистических держав.

¹ «Правда», 6 июля 1949 г.

² См. гл. VI.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 217.

В 1944 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с Сирией и Ливаном. В 1946 г. делегации СССР, УССР, БССР в Организации Объединенных Наций оказали эффективную поддержку требованиям правительств Сирии и Ливана о выводе оттуда французских и английских войск.

Советское государство первым на международной арене выступило в защиту Индонезийской Республики, ставшей с осени 1945 г. жертвой агрессии английских и голландских войск. Представители СССР и УССР разоблачали в Совете Безопасности в 1946 г. действия английских и голландских колонизаторов. Западные державы вынуждены были пойти на переговоры с индонезийским правительством. В 1947 и 1948 гг. советская делегация вновь и вновь поднимала в Совете Безопасности голос против агрессивных действий колонизаторов, нарушавших свои обязательства в отношении Индонезии¹. В 1950 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с Индонезией. Он одним из первых установил дипломатические отношения с Индией (в 1947 г.), с Бирмой и Пакистаном (в 1948 г.). С возникновением ряда молодых национальных государств, вступивших на путь миролюбивой внешней политики, и упрочением их дружественных отношений с СССР росли силы мира на международной арене.

Отношения Советского Союза с капиталистическими странами в послевоенный период имели своей целью установление прочного мира и безопасности народов путем взаимного сотрудничества. Культ личности Сталина, нанесший известный ущерб и в области внешней политики, не мог, однако, изменить сущности, генеральной линии советской внешней политики, выработанной и проводимой в жизнь партией и народом. В послевоенные годы Советский Союз стремился укреплять и развивать сложившееся во время войны сотрудничество с капиталистическими государствами — участниками антигитлеровской коалиции.

Важнейшей непосредственной задачей такого сотрудничества являлось скорейшее заключение мирных договоров со странами, входившими в блок фашистских держав. Советский Союз содействовал искоренению в этих странах сил агрессии и реакции, толкнувших их на участие в фашистском блоке, созданию в каждой из них условий для демократического развития.

Упорная борьба Советского Союза на сессиях Совета министров иностранных дел четырех держав и на Парижской мирной конференции 1946 г. за демократические принципы мирного урегулирования привела к тому, что заключенные в феврале 1947 г. мирные договоры с Болгарией, Венгрией, Италией, Румынией и Финляндией открыли перед этими странами возможности демократического развития².

Такая возможность имела и для Германии — в случае выполнения Потсдамских соглашений всеми их участниками.

Опираясь на демократические силы немецкого народа, Советский Союз последовательно боролся за выполнение Потсдамских соглашений, за скорейшее заключение мирного договора с Германией³. Борьба принимала подчас острые формы, как это

¹ См. гл. IX.

² См. гл. VI.

³ См. гл. XVIII.

было в период так называемого «берлинского кризиса» в 1948—1949 гг., вызванного усилиями США, Англии и Франции подорвать экономику Восточной Германии. Советский Союз давал отпор попыткам империалистических держав помешать росту сил мира и демократии в Германии.

После завершения западными державами раскола Германии и создания сепаратного правительства для Западной Германии демократические силы немецкого народа провозгласили в восточной части страны Германскую Демократическую Республику, которая пошла по пути строительства социализма. Советский Союз установил 8 октября 1949 г. дипломатические отношения с ГДР и вместе с ней прилагал новые усилия по восстановлению единства Германии в интересах немецкого народа и заключению с ней мирного договора.

Советский Союз настойчиво добивался и для Японии создания условий, благоприятствующих ее мирному демократическому развитию¹. Программа антигитлеровской коалиции, зафиксированная в решениях Каирской конференции 1943 г., в Крымской и Потсдамской декларациях 1945 г., предусматривала демилитаризацию и демократизацию Японии, развитие ее мирной экономики. На Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 г. Советский Союз настаивал, чтобы директивы по реализации этой программы разрабатывались в рамках учрежденной совещанием Дальневосточной комиссии.

Однако США, чьи войска оккупировали от имени всех союзных держав Японию, отказались выполнять согласованную ранее программу демократизации страны и парализовали деятельность Дальневосточной комиссии. Тем не менее участие в ней Советского Союза способствовало проведению демократических преобразований в Японии, облегчало борьбу ее прогрессивных сил против империализма.

Советский Союз неизменно требовал скорейшего заключения демократического мирного договора с Японией. Однако империалисты США, стремясь лишить Японию независимости и превратить ее в свою военную базу, всячески затягивали заключение мирного договора и вывод своих оккупационных войск. Когда же оттяжки стали далее невозможны, США, игнорируя права СССР, отказались от предусмотренной Потсдамским соглашением процедуры подготовки мирного договора. Фактически США без участия СССР начали сепаратные переговоры и, нарушив свои обязательства, пошли на заключение мирного договора с Японией, нанеся тем самым серьезный ущерб укреплению мира на Дальнем Востоке.

«Холодная война», развязанная империалистическими державами во главе с США, сильно осложнила возможность

¹ См. гл. XIX.

плодотворного сотрудничества всех участвовавших в антигитлеровской коалиции государств. В правящих кругах Соединенных Штатов, Англии и других капиталистических стран стали брать верх силы, рассчитывавшие на насильственное сокращение сферы социализма, на его «отбрасывание».

Тенденция к отказу от мирного сосуществования и сотрудничества с Советским Союзом лишила эффективности такие средства обеспечения мира в Европе и во всем мире, как англо-советский договор 1942 г. и советско-французский договор 1944 г.

Однако новое соотношение сил на международной арене и последовательная миролюбивая внешняя политика даже в условиях усиления «холодной войны» позволили Советскому Союзу установить дружественные отношения с некоторыми капиталистическими государствами. Примером может служить подписанный 6 апреля 1948 г. договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Финляндией, направленный на совместное обеспечение мира, дальнейшее развитие и укрепление экономических и культурных связей между Советским Союзом и Финляндией¹. Заключив договор, Финляндия прочно стала на путь политики нейтралитета и мирного сосуществования, подавая всем остальным капиталистическим странам пример подлинно миролюбивой политики.

В обстановке раздуваемой империалистическими державами «холодной войны» Советский Союз прилагал настойчивые усилия, чтобы добиться разоружения. Необходимость разоружения стала особенно очевидной после того, как появилось оружие массового уничтожения.

С 1946 г. Советский Союз неустанно борется в Организации Объединенных Наций за запрещение атомного оружия, за установление строгого международного контроля, с тем чтобы исключить возможность использования атомной энергии в военных целях. Эту борьбу СССР продолжал и после того, как овладел секретом атомной бомбы и имел это оружие в своем распоряжении. Как подчеркивалось в заявлении ТАСС от 25 сентября 1949 г., Советское правительство «стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия»².

Советское государство показало пример последовательного сокращения вооруженных сил. Если в мае 1945 г. в наших Вооруженных Силах насчитывалось 11 365 тыс. человек, то к 1948 г. они были сокращены до 2874 тыс. человек. В 1948 г. СССР внес в ООН предложения провести всеобщее сокращение вооружений и установить в рамках Совета Безопасности эффективный контроль за этим сокращением. Однако западные державы уклонялись от принятия миролюбивых советских предложений.

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I. М., 1950, стр. 183—185.

² «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год». М., 1953, стр. 163.

В 1946—1949 гг. Советский Союз с трибуны ООН неоднократно предлагал устранить причины, порождающие подозрительность и недоверие между социалистическими и капиталистическими государствами.

Речь шла о ликвидации военных баз на территориях иностранных государств и выводе оттуда иностранных войск, о запрещении пропаганды войны, о заключении Пакта мира между пятью великими державами¹.

Эта инициатива неизменно подкреплялась практическими делами Советского государства. После окончания войны СССР в кратчайшие сроки вывел свои войска из Китая, Кореи, Норвегии, Чехословакии, Югославии и других стран, куда они были введены в ходе военных операций против фашистских агрессоров. Империалистические державы тщетно пытались спровоцировать конфликт между нашей страной и Ираном по поводу так называемой «задержки» советских войск на иранской территории. Вопрос об их выводе из Ирана был решен на основе договоренности правительств двух этих стран.

Советская дипломатия разоблачала маневры империалистов, направленные на обострение международной напряженности, создание агрессивных военных блоков, усиление гонки вооружений и раздувание военной истерии.

Миролюбивые усилия великой социалистической державы завоевывали ей симпатии все более широких слоев населения капиталистических стран. Возникшее в 1948 г. и принявшее затем огромный размах всемирное движение сторонников мира оказывало все более эффективную поддержку мирным акциям Советского Союза.

Следуя политике мирного сосуществования, Советский Союз вместе с тем был вынужден предпринимать шаги, необходимые для укрепления своей обороноспособности перед лицом нараставшей угрозы империалистической агрессии. После того как западные державы приступили к созданию агрессивных военных блоков, СССР должен был увеличить свои Вооруженные Силы. Были приняты некоторые контрмеры в связи с созданием иностранных военных баз вблизи советских границ, укреплены советские военные базы в Порккала-Удд и Порт-Артуре. (Впоследствии Советский Союз отказался от этих баз.)

Наряду с развитием политического сотрудничества с капиталистическими странами, СССР стремился расширить экономические отношения между государствами различных систем. В первые послевоенные годы он заключил ряд торговых договоров и платежных соглашений с развитыми капиталистическими странами (с Данией, Норвегией — в 1946 г., с Англией — в 1947 г., с Италией — в 1948 г. и т. д.). Товарооборот Советского Союза с этой группой стран вырос за первые три послевоенных года

¹ См. гл. XXI.

почти в полтора раза (с 2181 млн. руб. в 1946 г. до 3009 млн. руб. в 1948 г.).

СССР выступал за объединение усилий всех государств в деле восстановления разрушенного войной хозяйства Европы. Вместе с тем Советское правительство решительно возражало против того, чтобы такое сотрудничество вело к нарушению суверенитета его участников. Именно по этой причине Советский Союз отказался от участия в «плане Маршалла», указав, что принятие его могло бы привести к навязыванию воли сильных держав более слабым государствам и представляло бы собой вмешательство в их внутренние дела.

Оказавшись не в состоянии вовлечь СССР и народно-демократические государства в систему «плана Маршалла», империалистические круги США, а под их давлением и другие западные державы вступили на путь экономической дискриминации Советского Союза. Руководствуясь исключительно политическими мотивами, правительство США прекратило в 1948 г. выдачу лицензий на экспорт оборудования в СССР. Английское правительство также запретило вывоз ряда товаров в нашу страну. В результате значительно сократилась торговля Советского Союза с США, Англией и другими развитыми капиталистическими странами. Но с некоторыми из них торговля продолжала развиваться. Так, внешнеторговый оборот СССР с Финляндией с 1938 по 1951 г. увеличился почти в 9 раз.

Несмотря на попытки империалистических государств организовать торговую блокаду, экономическое могущество Советского государства продолжало расти, ширились его связи со странами народной демократии. О тщетности усилий империализма подорвать внешние экономические связи Советского Союза ярко свидетельствует тот факт, что в 1950 г. советский внешнеторговый оборот в сопоставимых ценах в 2,5 раза превзошел довоенный уровень¹.

В конечном итоге экономическая дискриминация Советского Союза капиталистическими державами наносила ущерб прежде всего их экономике.

Мирное развитие советской экономики, неустанная борьба в защиту мира и демократии во всем мире с каждым днем повышали авторитет социализма и его внешней политики среди широчайших народных масс на всем земном шаре. Несмотря на ожесточенную антикоммунистическую пропаганду, идеи мира и социализма распространялись все шире, что создавало предпосылки для дальнейшего успешного развертывания борьбы за мир.

¹ См. «Внешняя торговля СССР с капиталистическими странами». М., 1957, стр. 13.

3. Ленинские принципы социалистической внешней политики и послевоенная историческая обстановка

Буржуазные политики и дипломаты нашего времени, как правило, являются приверженцами философии прагматизма. Эта философия вооружает беспринципных дельцов и авантюристов в политике удобной догмой: «Правильно то, что полезно в данный момент». Сторонники такой концепции, меряя на свой аршин, пытаются убедить общественное мнение, будто и внешняя политика социалистических государств руководствуется соображениями прагматизма и никаких последовательных, принципиальных установок не имеет. Назначение такой лжи ясно: затруднить широким народным массам понимание основ социалистической внешней политики, ее соответствия коренным интересам всех народов, всячески исказить и извратить эту политику, любыми средствами попытаться преуменьшить ее действенность.

Цели и принципы социалистической внешней политики вытекают из марксистско-ленинского учения о революционном преобразовании общества. Важнейшие теоретические установки В. И. Ленина по вопросам войны и мира, характера сосуществования государств различных систем, международных отношений нового типа, взаимодействия между строительством социализма и коммунизма в нашей стране и мировым революционным процессом непосредственно связаны с определением основ политики и стратегии нашей партии. Эти установки являются неотъемлемым составным элементом ленинской теории социалистической революции.

Опыт Великого Октября, весь героический и славный путь, пройденный Страной Советов, полная и окончательная победа социализма в СССР и превращение мировой социалистической системы в решающий фактор исторического развития — все это неопровержимые доказательства огромной жизненной силы революционного марксизма, свидетельство глубочайшей правильности ленинских идей во всех областях, и в том числе в области внешней политики. Вся история новейшего времени свидетельствует о том, что социализм и мир нераздельны, что только коммунизм в состоянии выполнить такую величайшую и гуманнейшую миссию, как уничтожение войн на земле.

Поистине революционный шаг в творческом развитии ленинских теоретических установок в области внешней политики и международных отношений, ленинской концепции мирного сосуществования капиталистических и социалистических государств сделали XX и XXII съезды КПСС. В документах XX съезда КПСС и Программе партии, принятой XXII съездом, на основе глубокого научного анализа соотношения сил двух систем и развития мировой политики в послевоенный период

сделан исключительно важный теоретический вывод о возможности предотвращения войн в современную эпоху. Этот вывод, полностью подтвержденный внешнеполитической практикой последних лет, придал новое значение принципу мирного сосуществования, сделал его еще более эффективным орудием в борьбе Советского Союза за мир и безопасность народов, против угрозы мировой термоядерной войны.

XX и XXII съезды КПСС полностью отбросили чуждые ленинизму наслоения, связанные с культом личности Сталина. Советское правительство пересмотрело отдельные внешнеполитические акции, исправив ошибки и недоразумения периода культа личности Сталина. Партия подтвердила идеи В. И. Ленина о мирном сосуществовании как генеральную линию советской внешней политики, обогатила эти идеи анализом ряда новых проблем и явлений.

Центральный Комитет КПСС во главе с Н. С. Хрущевым разработал и последовательно проводит в жизнь внешнеполитическую программу Советского Союза, основанную на принципах мирного сосуществования. Эта программа исходит из того, что мирное сосуществование, получившее в наши дни широкую объективную базу для своего развития, является не просто альтернативой войне. Оно предполагает экономическое соревнование государств с различными общественными системами, хозяйственные и культурные связи, политическое сотрудничество в целях обеспечения международной безопасности. Мирное сосуществование, естественно, не является отказом от борьбы с капитализмом в области идеологии. *«Главное, — подчеркивал Н. С. Хрущев в статье, опубликованной американским журналом «Форин афферс», — это удерживаться на позициях идеологической борьбы, не пуская в ход оружие для того, чтобы настать на своем»*¹.

Творческий подход к проблеме мирного сосуществования на основе глубокого изучения современной мировой ситуации, последовательная и принципиальная борьба со всеми противниками ленинского учения, в какие бы одежды они ни рядились, позволили XXII съезду в принятой им новой Программе КПСС дать стройную и убедительную научную теорию мирного сосуществования государств с различными системами, основанную на ленинских идеях. Особенно важным для анализа международных отношений после второй мировой войны является сделанный в Программе КПСС вывод о том, что мирное сосуществование служит основой мирного соревнования между социализмом и капитализмом в международном масштабе и является специфической формой классовой борьбы.

¹ Н. С. Хрущев. О мирном сосуществовании. М., 1959, стр. 10.

Представляя собой надстройку над экономической структурой общества, политика, по определению В. И. Ленина, есть «самое концентрированное выражение экономики» и находится с ней в неразрывной диалектической связи¹. Существующие в том или ином государстве производственные отношения, интересы господствующих в нем классов определяют сущность всей его политики. Внешняя политика государства неразрывно связана с внутренней политикой господствующих классов.

Социалистическое общественное устройство, отмечал В. И. Ленин, устранив деление человечества на классы, устранив всякую эксплуатацию человека человеком и одной нации другими нациями, неминуемо устраняет причины развязывания войн². В социалистическом государстве нет социальных групп, заинтересованных в закабалении и эксплуатации других народов, в захвате их богатств, в войнах. Мир — необходимое условие успешного построения социализма и перехода к коммунизму.

Советское государство с момента своего рождения провозгласило совершенно новые принципы внешней политики, ознаменовав тем самым начало коренного переворота во всей практике международных отношений. Однако в период, когда Советский Союз был единственным социалистическим государством и находился в капиталистическом окружении, эти принципы оказывали хотя и значительное, но не решающее воздействие на международную политику. Международные отношения определял главным образом империализм с его агрессивной политикой порабощения и эксплуатации народов. Только после второй мировой войны, когда в корне изменилась международная обстановка, возникли условия, при которых резко возросло воздействие внешней политики социализма и положенных в ее основу принципов на все развитие и характер международных отношений.

Новая международная обстановка характеризовалась прежде всего тем, что социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему. Социализм распространился более чем на четверть территории земного шара, на которой проживает треть человечества. Сфера действия империалистической внешней политики резко сузилась. В рамках социалистической системы возник принципиально новый тип международных отношений — отношения между социалистическими государствами. В основу этих отношений был положен принцип пролетарского интернационализма, прямо вытекающий из теории научного социализма.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 32, стр. 13, 62.

² См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 24, стр. 363.

Необходимость союза и взаимной поддержки трудящихся разных стран диктуется всем ходом мирового освободительного движения, задачами борьбы за социализм. Этот принцип всегда лежал в основе политики марксистских партий. «Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, — указывал В. И. Ленин, — рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком»¹. С ликвидацией капитализма вместе с устранением антагонизма классов исчезает и антагонизм наций, устраняются гнет, дискриминация и взаимное недоверие, препятствующие подлинному сближению наций при капитализме.

С победой Октябрьской революции принцип пролетарского интернационализма впервые воплотился в межгосударственных отношениях между советскими республиками, объединившимися в 1922 г. в Союз ССР. Социалистический строй в Советском Союзе показал всему миру пример обеспечения не только подлинного политического равноправия наций, но и ликвидации унаследованного от старого строя экономического и культурного неравенства. Добровольное сотрудничество наций в государственном, хозяйственном и культурном строительстве в едином многонациональном государстве обеспечило расцвет каждой из наций и сплотило их в нерушимое содружество.

Вместе с тем, отмечал В. И. Ленин пять лет спустя после победы Октябрьской революции в интервью иностранному корреспонденту, «наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»². Как показал опыт СССР, твердое и неуклонное проведение в жизнь принципов пролетарского интернационализма — необходимое условие победы социализма.

С образованием мировой системы социализма принцип пролетарского интернационализма получил свое дальнейшее развитие. Пролетарская солидарность, объединяющая рабочий класс разных стран в борьбе против капитализма, за социализм, превращается в социалистическую солидарность, вытекающую из общности интересов и целей народов социалистических стран. Однотипность социально-экономического строя, общая классовая сущность государственной власти, единство в стремлении

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 19, стр. 72.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 349.

к построению социализма и коммунизма, общая для всех идеология марксизма-ленинизма — все это создает объективную основу для сплочения социалистических стран в единый социально-политический лагерь. Вместе с тем в современную эпоху борьбы двух противоположных общественных систем сплочение социалистических государств в единый социально-политический лагерь и развитие мировой социалистической системы хозяйства являются необходимым условием полной победы социализма в каждом из этих государств и их перехода к построению коммунизма¹.

Второе по своему историческому значению — после образования мировой социалистической системы — явление, накладывающее определяющий отпечаток на всю международную обстановку после второй мировой войны, — это распад колониальной системы империализма. С выходом на мировую арену все новых и новых молодых национальных государств расширяются связи Советского Союза и других социалистических государств с бывшими колониальными и зависимыми странами, все полнее раскрываются и получают все большее применение принципы социалистической внешней политики в отношении этих стран.

Пробуждение отсталых и угнетенных народов и освобождение их от гнета империализма, ускоренное воздействием сил мирового социализма, — одна из главных черт современной эпохи. Указывая на эту черту, В. И. Ленин отмечал, что весь ход и темпы исторического прогресса во многом зависят от того, по какому пути пойдут освобождающиеся от империалистического гнета народы. Подчеркивая глубокое объективное противоречие между ними, с одной стороны, и империалистическими державами — с другой, В. И. Ленин предсказывал, что «в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем»².

В своей политике в отношении борющихся за свободу колониальных и зависимых народов Советское государство всегда исходило из марксистско-ленинского тезиса о возможности и необходимости соединения пролетарского движения в метрополиях и национально-освободительного движения в колониях в общий антиимпериалистический фронт.

В борьбе за социализм, указывал В. И. Ленин, рабочий класс должен осуществить полную демократию, а следовательно, не только провести полное равноправие наций, но и осуществить право на самоопределение угнетенных наций³. Победа

¹ См. гл. VIII.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 32, стр. 458.

³ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 22, стр. 132.

Октябрьской революции ознаменовала полный разрыв России с варварской политикой буржуазной «цивилизации», строившей благосостояние эксплуататоров на порабощении сотен миллионов жителей колониальных и зависимых стран. Покончив у себя с национальным гнетом и дискриминацией, государство победившего социализма следовало тем же политическим принципам и в своих внешних отношениях с угнетавшимися империализмом странами. Тем самым были созданы основы для развития дружественных отношений с ними.

Строя свои отношения со странами Востока на началах полного равноправия и уважения национального суверенитета, Советское государство всегда стремилось укреплять дружбу со странами, борющимися за национальную независимость. Советская внешняя политика решительно выступала в поддержку этой борьбы, против колониализма во всех его проявлениях, против агрессивной политики империалистических держав в отношении колониальных и зависимых стран. Империалистической политике грабежа и насилия Советское государство противопоставляло совершенно «иные международные отношения, дающие возможность всем угнетенным народностям избавиться от империалистического гнета»¹.

Вместе с тем социалистическое государство всегда строго придерживалось принципа невмешательства во внутренние дела этих стран, никогда не пыталось навязывать их народам социализм. Как отмечал Ф. Энгельс, естественный ход развития, «экономические потребности» в конечном итоге, хотя, может быть, и не прямым путем, приведут эти страны к социализму². В. И. Ленин указывал, что из этого замечания Энгельса неизбежно вытекает, «безусловно интернационалистский принцип, который он применяет ко *всем* «чужим народам», т. е. не только к колониальным: навязывать им осчастливление значило бы подрывать победу пролетариата»³.

Как естественный союзник колониальных и зависимых народов, Советский Союз еще в период, когда он находился в капиталистическом окружении, заложил основы прочных дружественных отношений со всеми освобождающимися от империалистического ига странами.

Эти отношения получили дальнейшее развитие после второй мировой войны. Рост могущества Советского Союза и превращение социализма в мировую систему резко усилили поддержку, получаемую национально-освободительным движением от социалистических стран. Если раньше эта помощь носила главным образом моральный и политический характер, то теперь она становится все более весомым материальным фактором в борьбе

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 446.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 357.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 22, стр. 337.

сбросивших оковы колониализма стран за экономическую и политическую независимость. Лагерь социализма стал надежным щитом, защищающим молодые национальные государства от угрозы интервенции, от политического и экономического давления со стороны империалистических держав. Жизненная заинтересованность народов этих государств в преодолении экономической и культурной отсталости (результат длительного господства колонизаторов), в необходимых для этого условиях мирного сосуществования создает объективную основу для укрепления их сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Это сотрудничество базируется на принципах полного равенства и взаимной выгоды, взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

После второй мировой войны коренным образом изменялись условия, в которых развиваются отношения Советского Союза с капиталистическими странами. Новое значение приобрел принцип мирного сосуществования, выдвинутый В. И. Лениным в качестве основы отношений социалистического мира с миром капиталистическим.

В. И. Ленин отмечал, что победа социализма произойдет первоначально в одной или нескольких странах в силу неравномерности и скачкообразности экономического и политического развития при капитализме и вытекающей отсюда разновременности созревания необходимых объективных и субъективных предпосылок революции в разных странах. Тем самым В. И. Ленин еще до Октябрьской революции обосновал неизбежность продолжительного сосуществования социалистических и капиталистических государств¹. Разрабатывая теоретические вопросы всемирного перехода от капитализма к социализму, Ленин изложил стройную систему взглядов на закономерности развития отношений между государствами противоположных социально-экономических систем.

Генеральной линией внешней политики социалистического государства В. И. Ленин считал мирное сосуществование. Стремление к миру вытекает из самой сущности социализма. Важнейшим политическим условием мира между социалистическими и капиталистическими государствами Ленин считал взаимное ненападение и невмешательство во внутренние дела друг друга. В. И. Ленин неоднократно указывал на возможность дружественных, добрососедских отношений социалистического государства с капиталистическими державами, развития с ними мирного взаимовыгодного сотрудничества². Вместе с тем Ленин отмечал антагонистический характер противоречий капитализма и социализма на международной арене. Следовательно,

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 21, стр. 310—311; т. 23, стр. 67.

² См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 26, стр. 223; т. 33, стр. 126, 346 и др.

отношения между государствами различных систем представляют собой диалектическое единство сотрудничества и борьбы двух противоположных общественных систем.

Реакционные ученые и публицисты, неспособные, а подчас и не желающие осмыслить эту диалектическую связь и стремящиеся поставить под сомнение мирную направленность внешней политики социализма, выискивают в ленинизме некое противоречие. Они считают принцип мирного сосуществования несовместимым с положением о неизбежности борьбы двух систем и всемирной победы социализма.

Почти в каждом реакционном сочинении о советской внешней политике цитируются ленинские высказывания о неизбежности борьбы социализма и капитализма, которые авторы торжествующе выдают за доказательство «неверия» В. И. Ленина в возможность мирного сосуществования. Так, профессор Пенсильванского университета А. Рубинштейн в своей пухлой книге «Внешняя политика Советского Союза»¹ выдергивает несколько фраз из выступления Ленина на VIII съезде РКП(б). В. И. Ленин говорил: «Мы живем не только в государстве, но и в *системе государств*, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен»².

Рубинштейн «забыл» упомянуть о том, что это ленинское высказывание относится к периоду, когда империалистические державы, отвергнув все мирные предложения Советского государства, вторглись на его территорию с намерением задушить Советскую власть. Ленин говорил только о нежелании империалистических держав примириться с социалистической революцией в России, о военной интервенции этих держав, о вытекающей отсюда необходимости защиты социалистической республики.

Таких ссылок на высказывания Ленина о возможности и неизбежности военных столкновений социалистического государства с капиталистическими можно привести немало. Но ни одно из этих высказываний не доказывает, будто он отрицал стремление социалистического государства к мирному сосуществованию. Каждый раз, когда речь шла о вероятности конфликтов, Ленин имел в виду интервенционистские тенденции капиталистических государств в отношении страны, где победила социалистическая революция.

Ленин не мыслил сосуществования государств различных систем в виде цепи конфликтов, как представляется реакцион-

¹ A. Z. Rubinstein. The Foreign Policy of the Soviet Union. New York, 1960.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 29, стр. 133.

ному французскому социологу Раймону Арону — автору книги «Промышленное общество и война»¹. Желания, волю и решения враждебных классов Ленин отличал от объективного хода истории. Несмотря на агрессивную хищническую сущность империализма, объективные закономерности развития позволяют социализму добиваться мирного сосуществования и сотрудничества — прежде всего экономического — с капиталистическими странами, «отвоевывать его»². Оказавшись не в состоянии задушить социализм, капиталистические государства вынуждены устанавливать с ним деловые связи.

Следовательно, мирный характер взаимоотношений двух систем определяется прежде всего способностью социализма «завоевать мир», навязать империализму мирное сосуществование. Эта способность возрастает вместе с закономерным развитием сил социализма.

Враги социализма утверждают, будто возможность прочного мира между государствами различных систем исключается из-за интернационалистских взглядов коммунистов. Так, американский профессор В. Кульски пишет в своей монографии, посвященной «анализу основных направлений, целей и средств» советской внешней политики, будто Ленин высказывался за мирное сосуществование из чисто конъюнктурных соображений³. Он приписывает В. И. Ленину стремление к «экспорту революции». Ссылки на «экспорт революции» из социалистических государств — вот излюбленный аргумент всех противников мирного сосуществования.

Теория научного социализма отвергает идею «экспорта революции». В. И. Ленин неоднократно подчеркивал невозможность навязать силой какую-либо идеологию. Разоблачая авантюристическую политику «левых коммунистов» в период брестских переговоров, Ленин писал по поводу их резолюции: «Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир... Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»⁴.

Внутреннее устройство каждой страны является исключительно делом рук ее народа, осуществляющего всегда признаваемое марксистами право на самоопределение. Социалистические идеи и решимость претворить их в жизнь не насаждаются силой, они усваиваются массами в результате закономерного при капитализме обострения классовых противоречий, достижения рабочим классом определенной степени организованности

¹ R. Aron. La société industrielle et la guerre. Paris, 1959.

² См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 384—385.

³ W. Kulski. Peaceful Coexistence. Chicago, 1959, p. 131—132.

⁴ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 27, стр. 49.

и сознательности, убежденности масс в необходимости замены капитализма социализмом.

«Социализм не создается по указам сверху, — писал В. И. Ленин, — ...социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹. Советская внешняя политика, основанная на познании объективных исторических закономерностей, чужда всякого авантюризма. Только совершенно непонимающие теорию научного социализма люди или политические мошенники, намеренно ее искажающие, могут выступать с клеветническими обвинениями Советского Союза в «красном империализме», могут приписывать социалистическому государству авантюристическое стремление силой, путем войны, навязывать народам других стран идеи коммунизма.

В равной мере чуждо советской внешней политике приписываемое ей буржуазными идеологами стремление ускорять приближение революций, вызывая конфликты и войны между капиталистическими государствами. Эти идеологи игнорируют тот факт, что войны между странами и революции — явления далеко не одного порядка. Социалистическая революция подготавливается всей историей развития капитализма, закономерным назреванием и углублением всех присущих ему внутренних противоречий. Война не порождает революцию, а может лишь ускорить ее, обостряя противоречия капитализма и вызывая взрыв возмущения масс против социального строя, порождающего бедствия войны.

«Господство капитализма прекратить было бы невозможно, — писал В. И. Ленин, — если бы к этому не вело все экономическое развитие капиталистических стран. Война ускорила этот процесс, и это сделало капитализм невозможным. Никакая сила не разрушила бы капитализм, если бы его не подмыла и не подрыла история»².

Марксисты, основываясь на познании объективных закономерностей исторического развития, убеждены в том, что социализм восторжествует во всем мире и без войн. А интернациональный долг повелевает трудящимся Советского Союза бороться за предотвращение любой несправедливой войны: ведь от нее страдают прежде всего народные массы. В этом проявляется гуманизм, присущий социализму.

Отвечая на вопрос во время одной из дискуссий, В. И. Ленин говорил, что «если бы мы действительно втравливали в войну рабочих и крестьян, это было бы преступлением. Но вся наша политика и пропаганда направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне...»³ Стремление провоцировать в своекорыстных целях военные кон-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 26, стр. 255.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 24, стр. 381—382.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 440.

фликты было и остается монополией империалистической внешней политики.

Борьбу двух противоположных общественных систем, в результате которой победит социализм, В. И. Ленин мыслил не в виде рекламируемой противниками мирного сосуществования цепи военных столкновений социалистического и капиталистических государств. Исторический спор о том, какой общественный строй лучше, он предлагал решать путем мирного экономического соревнования, «состязания» двух систем, в ходе которого социализм должен неизбежно продемонстрировать свое превосходство над капитализмом. Более высокие темпы развития экономики, устранение всех присущих капиталистической системе хозяйства социальных бедствий, неуклонный рост благосостояния трудящихся в социалистическом государстве — вот что в конечном счете должно обеспечить выигрыш социализма в экономическом «состязании» двух систем, доказать его превосходство, убедить народные массы всех стран в необходимости замены капитализма социализмом.

Исходя из этого, В. И. Ленин и оценивал перспективы мирного сосуществования противоположных социально-экономических систем. «...Главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой, — говорил он. — ...На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»¹.

Такова ленинская концепция мирного сосуществования, лежащая в основе генеральной линии советской внешней политики в отношении капиталистических государств. Эта концепция вытекает из глубокого познания объективных исторических закономерностей, из обобщенного Лениным исторического опыта революционной борьбы за социализм. Вместе с тем ленинская концепция не исключает, а, наоборот, предполагает дальнейшее развитие этой борьбы.

Взаимоотношения государств противоположных социальных систем — это развивающаяся категория, отражающая соотношение сил социализма и капитализма на мировой арене. Вместе с исторически обусловленными сдвигами в пользу социализма усиливаются факторы, направленные на обеспечение мирного сосуществования этих двух систем.

В начальный период сосуществования двух систем — при жизни В. И. Ленина — социализм был представлен одной страной, к тому же унаследовавшей технико-экономическую отсталость дореволюционной России. Советскому государству постоянно угрожала интервенция со стороны капиталистического окружения. Материальные силы социализма в то время оказались недостаточными, чтобы отразить натиск международной

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 32, стр. 413.

империалистической реакции, но они не могли еще определять характер международных отношений в целом. Мирное сосуществование для Советского государства означало тогда прежде всего завоевание мирной передышки, отсутствие войны, установление нормальных дипломатических и хозяйственных отношений с капиталистическими странами.

В. И. Ленин сформулировал принципы, соблюдение которых социалистическими и капиталистическими государствами гарантировало бы прочный мир между ними. Советское государство в своей политике неуклонно следовало этим принципам. Оно неустанно разоблачало враждебную мирному сосуществованию политику империализма. Но материальных сил социализма в то время было недостаточно, чтобы вынудить капиталистические государства соблюдать условия прочного мира.

Однако даже в тот период, когда Советский Союз находился в капиталистическом окружении, он оказывал возрастающее воздействие на мировые события, добиваясь укрепления международной безопасности. Быстрые темпы преобразования ранее отсталой страны в развитую индустриальную державу, успешное выполнение Советским Союзом пятилетних планов показало всему миру преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической, способствовало тому, что соотношение сил в мировом масштабе изменялось в пользу социализма. Если в 1917 г. удельный вес промышленного производства Советской страны в мировом промышленном производстве составлял менее 3%, то в 1937 г. он достиг уже 10%. Возрастал удельный вес Советского Союза в мировой торговле, расширялись его хозяйственные связи. Развитие экономических связей между социалистической и капиталистическими странами диктовалось потребностями международного разделения труда. Что касается области политической, то правящие круги капиталистических государств отказывались идти на сколько-нибудь действенное сотрудничество с Советским Союзом даже в жизненно важных для них вопросах. Классовая ненависть глушила у них голос рассудка, зачастую в ущерб национальным интересам. Однако неустанная борьба Советской страны за мир и разоружение, за коллективную безопасность, отвечая жизненным интересам трудящихся всех стран, в огромной степени усиливала моральный и политический престиж социализма в глазах народов. Она стимулировала рост политической сознательности широких масс, активизацию их выступлений в пользу мира.

Силы Советского государства в сочетании с антивоенными выступлениями народных масс капиталистических стран, с международным движением солидарности трудящихся со страной социализма оказалось достаточно, чтобы обеспечить мирное сосуществование на протяжении двух десятилетий, сорвать неоднократные попытки международной реакции сколотить империалистическую коалицию против Советского Союза. Но

империализм со всеми присущими ему закономерностями все еще оказывал преобладающее влияние на международные отношения и потому предотвратить вторую мировую войну не удалось.

Логика истории привела в ходе войны к тесному сотрудничеству — политическому и военному — Советского Союза с такими крупнейшими империалистическими державами, как США и Англия, и с рядом других капиталистических государств. Образование и деятельность антигитлеровской коалиции подтвердили, что возможно и плодотворно взаимовыгодное всестороннее сотрудничество государств двух систем, а также способствовали дальнейшему развитию доктрины мирного сосуществования.

В послевоенный период коренное изменение соотношения сил в пользу социализма привело к новой постановке проблемы мирного сосуществования. Принцип мирного сосуществования стал основой внешней политики большой группы социалистических государств, в которых живет свыше трети всего населения земного шара. Этот принцип получил поддержку и со стороны многих молодых суверенных государств. Сфера империалистической внешней политики резко сузилась. Сосуществование, соревнование и борьба двух систем превратились в главный фактор международных отношений, а внутренние закономерности социализма стали оказывать все более значительное воздействие на весь облик этих отношений.

Опасность реставрации капитализма в социалистических странах была устранена. Материальная мощь социализма достигла таких размеров, что вооруженное нападение на социалистические государства чревато для империалистических держав смертельной опасностью. Мировая система социализма превращается в решающий фактор международных отношений.

Вот почему с этого момента соотношение сил на международной арене круто меняется в пользу мирного сосуществования. Этому во многом способствует распад колониальной системы империализма и появление новых союзников социализма в борьбе за мир. Образование группы молодых национальных государств еще более сузило сферу действия агрессивной империалистической политики. Хотя экономически эти государства остаются в рамках капиталистической системы мирового хозяйства и у власти там стоит национальная буржуазия, их разделяют с империалистическими державами глубочайшие противоречия.

Империалистическая политика, как уже указывалось выше, угрожает суверенитету молодых национальных государств; их жизненным интересам соответствует политика мира и международного сотрудничества. Отсюда вполне закономерна поддержка, которую оказывают страны, сбросившие иго колониализма, политике социалистических государств — политике

сохранения мира, уважения национального суверенитета и равноправного взаимовыгодного сотрудничества.

Таким образом, в результате исторически закономерного процесса распада колониальной системы многие страны, бывшие некогда резервом империализма, превратились в фактор противодействия его политике. В борьбе между двумя противоположными политическими курсами на международной арене эти страны выступают в пользу мирного сосуществования.

Сфера действия агрессивной империалистической политики сузилась в пользу политики мирного сосуществования не только территориально. В результате второй мировой войны ослабли позиции большинства развитых капиталистических государств, сократилось число империалистических так называемых великих держав. Разгром ударных сил империализма в ходе войны, образование и укрепление мировой системы социализма оказали глубокое воздействие и на расстановку классовых сил внутри империалистических стран в ущерб господству монополистического капитала. С вступлением капитализма во второй этап его общего кризиса резко обострились социальные противоречия между верхушкой империалистической буржуазии и широкими слоями населения.

С усилением классовой борьбы возросли политическая активность широких народных масс, их воздействие на решение вопросов войны и мира. История и уроки второй мировой войны научили народы капиталистических стран распознавать и разоблачать маневры, посредством которых империалистическая буржуазия оправдывает свою агрессивную политику.

Верным союзником Советского государства в его борьбе за мирное сосуществование всегда были международное рабочее движение, коммунистические партии капиталистических стран. После второй мировой войны это движение приняло огромный размах, численность коммунистических партий резко возросла, увеличилось их влияние на рабочий класс и другие слои населения¹. Коммунистические партии накопили богатейший опыт политической, идейной, организационной работы, под их руководством действуют профсоюзы с десятками миллионов членов, за их демократическую и миролюбивую программу голосуют многие миллионы избирателей.

После войны возник ряд новых демократических организаций, отстаивающих мир. Некоторые из них — Международная демократическая федерация женщин, Всемирная федерация демократической молодежи и др. — вовлекли в свою деятельность десятки миллионов людей во всем мире. Самым широким общедемократическим движением современности, направленным против войны, является всемирное движение сторонников мира. Создание атомного оружия, сделавшее войну особенно опасной,

¹ См. гл. III.

произвело подлинный переворот в сознании широчайших масс населения, принадлежащих к различным классам общества¹.

Мировое общественное мнение все активнее вмешивается в вопросы войны и мира. Глубокое соответствие социалистической внешней политики направлению общественного прогресса обеспечивает провозглашенным ею принципам возрастающую поддержку масс в капиталистическом мире. В результате неизмеримо увеличился «идеологический потенциал» социализма, играющий важную роль при определении соотношения сил двух систем на мировой арене. Эта роль все более ощущается в борьбе сил мира и войны, в росте могущества сил мира.

Коренные сдвиги на мировой арене после второй мировой войны привели к тому, что принципы мирного сосуществования стали находить все большее воплощение в практике международных отношений. Широкое международное признание принципа мирного сосуществования отражено в решениях конференций государств антигитлеровской коалиции на заключительном этапе войны².

Оно закреплено юридически в Уставе Организации Объединенных Наций. В преамбуле и ст. 1 и 2 Устава члены ООН обязываются «избавить грядущее поколение от бедствий войны», «проявлять терпимость и жить в мире друг с другом, как добрые соседи», разрешать все международные споры «мирными средствами», «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера». В Уставе зафиксированы «суверенное равенство» и «территориальная неприкосновенность» всех членов ООН, запрещение вмешательства «в дела, по существу, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства»³.

Принципы мирного сосуществования находят отражение во внешнеполитических декларациях все более широкого круга государств. Отказ от войны был законодательно закреплен в послевоенных конституциях некоторых западноевропейских стран и Японии. Так, ст. 11 конституции Итальянской республики гласит: «Италия отвергает войну как орудие посягательства на свободу других народов и как способ разрешения международных конфликтов...»

Все эти прямые или косвенные признания необходимости мирного сосуществования со стороны правящих кругов капиталистических стран отнюдь не свидетельствуют об изменении природы империалистических государств и их господствующих классов. Они являются вынужденной данью времени, отражают

¹ См. гл. XXII.

² См. гл. I и IV.

³ «Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда». М., 1945, стр. 7.

специфику международной обстановки, сложившейся после второй мировой войны.

Советский Союз вместе с другими социалистическими странами упорно добивался и добывается от капиталистических государств не только отказа от войны как средства решения спорных вопросов, но и уважения территориальной целостности и суверенитета всех стран — больших и малых, соблюдения в международных отношениях полного равенства сторон и взаимной выгоды. Возрастающая экономическая, политическая и оборонная мощь социалистического лагеря и миролюбивых сил во всем мире неуклонно расширяла его возможности предотвращать развязывание войны империалистическими державами. «Мы не выпрашиваем этого мирного сосуществования. Мы предлагаем такую политику на основе трезвого учета соотношения сил, сложившихся в мире»¹, — подчеркивал Н. С. Хрущев.

Рост удельного веса социализма в мировой экономике способствует вытекающей из международного разделения труда тенденции развития хозяйственных связей между государствами противоположных систем. Эта тенденция порожденная, как отмечал В. И. Ленин, «хозяйственной необходимостью», неуклонно прокладывает себе дорогу, несмотря на классовую ненависть империалистической буржуазии к социализму. Буржуазии все труднее игнорировать экономические связи с Советским Союзом. СССР добывается расширения экономических связей с капиталистическими странами. Расцвет культуры в странах социализма, их научно-технические достижения стимулируют дальнейшее расширение связей и сотрудничества государств различных систем и в этой области. Экономическое и культурное сотрудничество между социалистическими и капиталистическими государствами способствует сближению между народами.

Стремление всех народов к миру, последовательная борьба социалистических стран за предотвращение новой войны, боязнь, проявляемая более трезво мыслящими представителями правящих кругов империалистических держав в отношении исхода такой войны для судеб капитализма, — все это создает определенную основу для сотрудничества между государствами двух систем и в области политики в целях обеспечения мира. Практическая необходимость такого сотрудничества особенно возросла после второй мировой войны. В условиях, когда научно-техническая революция привела к созданию беспрецедентного по своей разрушительной силе оружия массового уничтожения, попытки решения спорных вопросов военными средствами чреватой мировой катастрофой. Только в процессе сотрудничества двух систем могут быть решены такие вопросы, как разоруже-

¹ Н. С. Хрущев. О внешней политике Советского Союза. 1960 г., т. 2. М., 1961, стр. 557.

ние, от которого ныне непосредственно зависят судьбы народов всех стран земного шара.

Советский Союз прилагает максимум усилий, чтобы путем сотрудничества государств различных систем предотвратить возникновение войны.

Изменение соотношения сил между капитализмом и социализмом после второй мировой войны означает вместе с тем вступление и в новую фазу классовой борьбы между ними. У Советского Союза и других социалистических стран возрастают возможности добиваться того, чтобы исход этой борьбы решался мирными средствами.

Главной ареной соревнования между социализмом и капитализмом является область экономики. В послевоенный период не только Советский Союз, но и другие социалистические страны демонстрируют превосходство социализма над капитализмом в своем экономическом развитии, в производстве материальных благ в интересах трудящихся. Рождение новых форм экономического сотрудничества социалистических государств стало убедительным свидетельством преимуществ международного социалистического разделения труда. Новой важнейшей чертой экономического соревнования социализма и капитализма является то, что оно происходит теперь в форме соревнования двух мировых систем.

Новые черты приобретает борьба социализма и капитализма на международной арене в области политики. Социалистические принципы мирного сосуществования отвоевывают у империалистической политики одну позицию за другой. Политической основой прочного мирного сосуществования является строгое невмешательство во внутренние дела других государств. При новом соотношении сил между двумя системами социалистические государства получают возможность не только отразить все попытки такого вмешательства в их собственные внутренние дела со стороны империалистических держав, но и все успешнее выступать против вмешательства этих держав во внутренние дела других стран мира в целях экспорта контрреволюции, в частности с целью сохранения прогнивших колониальных режимов.

Еще более ожесточенной становится борьба между социалистической и буржуазной идеологиями. Она приобретает особое значение в связи с ростом политической активности все более широких народных масс во всем мире. Империалистическая буржуазия разворачивает отчаянную борьбу за умы людей. Однако все попытки удержать народные массы в плену буржуазной идеологии неизменно терпят крах. Решающую роль в этом играют наглядная демонстрация преимуществ социалистической экономики, политики и культуры, разоблачение Советским Союзом и другими социалистическими государствами, прогрессивными силами в капиталистических странах маневров империа-

листической политики и пропаганды. В этой борьбе идей, в отличие от конкретных вопросов политических и экономических отношений между государствами различных систем, нет и не может быть никаких компромиссов.

В процессе мирного сосуществования, диалектического переплетения сотрудничества и борьбы двух систем Советское государство последовательно и настойчиво добивается решения всех вопросов взаимоотношений социалистических и капиталистических государств в интересах упрочения мира. *«Советский Союз последовательно отстаивал и будет отстаивать политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем»*¹, — подчеркивается в Программе Коммунистической партии Советского Союза. Этот политический курс отвечает интересам всего человечества, интересам общественного прогресса и тем самым способствует дальнейшему росту сил мирового социализма.

ГЛАВА VI

ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И НОВАЯ РОЛЬ ЭТИХ СТРАН В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

1. Возникновение народно-демократических государств в Центральной и Юго-Восточной Европе и формирование основных принципов их внешней политики

Развернувшиеся в ходе второй мировой войны и непосредственно после ее окончания народно-демократические революции, в результате которых в странах Центральной и Юго-Восточной Европы возникли социалистические государства, оказали огромное влияние на международные отношения в 1945—1949 гг. Победа революций в этих странах — результат их внутреннего развития, с одной стороны, и благоприятных внешних условий, определявшихся решающей ролью Советского Союза в победе над фашистскими государствами во второй мировой войне, — с другой.

До второй мировой войны страны Центральной и Юго-Восточной Европы (территории которых составляли более 1 млн. кв. км, а население — свыше 90 млн. человек) представляли собой слабые звенья мировой капиталистической системы.

В большинстве своем эти страны (кроме Чехословакии) играли роль аграрно-сырьевого придатка империалистических держав. Иностранный капитал занимал ключевые позиции в их народном хозяйстве. Для многих из них были характерны бо-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 60.

лее или менее значительные пережитки феодализма в сельском хозяйстве. Трудящиеся испытывали одновременно гнет помещиков и буржуазии — «своей» и иностранной. Наличие в ряде стран (в Румынии, Венгрии, Польше, Болгарии) профашистских режимов способствовало обострению в них социальных противоречий. В таких странах, как Польша, Чехословакия, и некоторых других социальный гнет усугублялся притеснением национальных меньшинств. Классовая борьба пролетариата и крестьянства переплеталась с национально-освободительной борьбой угнетенных народностей.

Таким образом, страны Центральной и Юго-Восточной Европы стояли перед объективной необходимостью социальной революции, призванной решить как отдельные задачи буржуазно-демократической революции, так и задачи социалистической революции.

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы рассматривались и использовались империалистами в качестве плацдармов и орудий в борьбе против первого социалистического государства. Их буржуазно-помещичьи правительства своим политическим курсом, проводимым в угоду иностранному империализму, нанесли огромный ущерб национальным интересам своих стран.

В течение первого периода войны гитлеровцы оккупировали Чехословакию, Польшу, Югославию; итальянские войска аннексировали Албанию. Оккупанты проводили расистскую челоконенавистническую политику в отношении закабаленных народов, особенно славянских, стремясь превратить их в своих рабов. Гитлеровцы грабили эти страны, разрушали их национальное достояние.

Несколько иное положение сложилось в Венгрии, Румынии и Болгарии. Их правящие круги поспешили вступить в сделку с гитлеровской Германией. Формально эти страны числились союзниками, а на деле были сателлитами германского фашизма, поэтому положение в них немногим отличалось от обстановки в оккупированных гитлеровцами государствах. Фактически Венгрия, Румыния и Болгария также были лишены независимости и подвергались ограблению.

В результате внутренние социальные противоречия в странах Центральной и Юго-Восточной Европы тесно переплелись с вновь возникшим острейшим противоречием между германским фашизмом и поработенными им народами. Судьба этих стран, расстановка классовых сил в них оказались в прямой зависимости от хода и исхода борьбы против фашистских агрессоров.

Среди буржуазии и помещиков этих стран обнаружили в период войны две тенденции. В одних странах в основной своей части правящие круги открыто ориентировались на сотрудничество с оккупантами, прямо предавали интересы своего народа

(например, в Румынии, Венгрии). В других (например, в Польше и Чехословакии) они выступали против оккупантов, но боялись собственного народа больше, чем оккупантов, и стремились ограничить размах антифашистской борьбы народных масс. Эти круги ориентировались на победу западных держав во второй мировой войне, видя в ней гарантию сохранения своих классовых позиций после поражения фашистского блока и освобождения своих стран от гитлеровского ига. Соотношение между двумя указанными тенденциями было различным в разных странах и на разных этапах войны, однако в целом правящие круги обнаружили в ходе войны свою неспособность защищать национальные интересы.

Руководителем и наиболее активной силой национально-освободительной борьбы в Центральной и Юго-Восточной Европе выступил рабочий класс. Именно рабочий класс возглавил дело создания национального фронта борьбы за свободу и независимость. Вокруг него объединились широкие слои трудящегося населения, и прежде всего крестьянство. К нему в ряде стран примкнула часть национальной буржуазии.

Самыми последовательными, самыми активными и стойкими борцами против фашизма были коммунисты. Это обусловило быстрый рост их авторитета в ходе национально-освободительной борьбы, обеспечило сплочение вокруг них самых широких слоев трудящихся.

Руководящая роль рабочего класса и коммунистических партий не могла не сказаться на самом характере и социальном значении национально-освободительной борьбы. Основываясь на марксистско-ленинском анализе конкретной обстановки и характера второй мировой войны с участием СССР, коммунисты призывали народные массы к разворачиванию самой решительной вооруженной борьбы против гитлеровских оккупантов и их приспешников, к безоговорочной поддержке антигитлеровской коалиции и ее ведущей силы — Советского Союза¹.

Ход и результаты национально-освободительных движений зависели не только от соотношения классовых сил в той или иной стране. Эти движения были частью общей борьбы антигитлеровской коалиции во главе с первым социалистическим государством против фашизма. Национально-освободительная борьба народов оккупированных стран под руководством рабочего класса оказывала в свою очередь определенное влияние на изменение соотношения сил на мировой арене. По мере развития событий народы этих стран все решительнее вставали также на путь борьбы против собственных эксплуататорских клас-

¹ Подробнее о национально-освободительной борьбе и народно-демократических революциях в странах Центральной и Юго-Восточной Европы см. в специальных работах советских историков, в частности: «История Польши», т. III. М., 1958; «История Болгарии», т. II. М., 1955; «История Чехословакии», т. III. М., 1960.

сов — против тех, чья политика привела к гитлеровской оккупации и кто был зачастую прямым пособником оккупантов.

Социальное содержание национально-освободительной борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, руководящая роль рабочего класса тревожили и пугали правящие круги западных держав — участниц антигитлеровской коалиции. Уже во время войны они стремились локализовать эту борьбу, ограничить ее рамки, размах, цели. В правящих кругах Англии и США активно разрабатывались планы послевоенного устройства этих стран, рассчитанные на восстановление в них реакционных режимов, существовавших там до войны.

Авторы этих планов рассчитывали, что в результате войны как Советский Союз, так и восточноевропейские страны будут ослаблены. Они исходили из того, что диктовать условия мира будут США и Великобритания. При этом принималось во внимание исключительно важное стратегическое положение этих районов¹. Империалисты США и Англии намеревались создать в Восточной Европе новый «санитарный кордон» против Советского Союза, превратить восточноевропейские страны в объекты эксплуатации американских и английских монополий.

В целях осуществления своих послевоенных империалистических планов правительства США и Англии оказывали в ходе войны поддержку реакционной политической эмиграции из восточноевропейских стран, которая рассчитывала с помощью иностранных империалистов восстановить свое господство и расправиться с революционным движением у себя в стране.

Решающее значение для судеб народов Центральной и Юго-Восточной Европы в этих условиях приобрела роль СССР в войне, его позиция и политика в международных вопросах. Рассматривая борьбу народных масс оккупированных стран за свое освобождение как вклад в общее дело антигитлеровской коалиции, Советский Союз оказывал всяческую поддержку этой борьбе как путем формирования и вооружения на советской территории национальных воинских частей, так и путем непосредственной помощи партизанскому движению в этих странах.

На международной арене Советское правительство неизменно защищало национальные интересы, суверенитет и независимость восточноевропейских стран от посягательств западных

¹ В книге П. Джордана «Центральноевропейский союз», вышедшей в 1944 г., прямо говорится: «Формула покорения мира, пересмотренная в свете опыта Гитлера, такова: овладеть центральной зоной, избежав всеобщей войны, твердо там обосноваться, не возбуждая тревоги возможных противников, и затем, когда мы готовы, ударить» (*P. Jordan. Central Union of Europe. New York, 1944, p. 35*). Мысль о стратегическом значении этих районов проскальзывает и в послевоенных изданиях в США и в Англии. Так, составители книги «Польша в британском парламенте» в своем предисловии пишут о районе Восточной Европы: «Этот район имеет в сто раз большее значение для будущего человечества, чем Гибралтар, Суэц или Аден» («*Poland in the British Parliament, 1939—1945*». New York, 1946, p. XI).

держав. Оно неоднократно категорически заявляло о недопустимости постороннего вмешательства и внешнего давления при решении народами Европы своих судеб после войны.

В июле 1944 г. было начато освобождение Польши, в августе того же года была выведена из войны Румыния, в сентябре — Болгария, в октябре началось освобождение Чехословакии и Югославии, в ноябре — Албании и Венгрии. Активное участие в наступательных операциях Советской Армии принимали польские и чехословацкие воинские части, Народно-освободительная армия Югославии, а позднее — болгарская и румынская армии.

Успехи Советской Армии создавали исключительно благоприятные внешние условия для национально-освободительной борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, для перерастания этой борьбы в народно-демократические революции и победу народно-демократического строя, для глубоких социально-экономических и политических преобразований.

Оценивая, например, значение вступления советских войск в Болгарию, Г. М. Димитров говорил, что «величайшая заслуга в деле победы восстания 9 сентября, в деле освобождения нашей Родины от немецко-фашистского ига принадлежит братской героической Советской Армии»¹.

Во второй половине 40-х годов в европейских странах народной демократии завершились ломка старого и создание нового государственного аппарата, были осуществлены революционные земельные реформы, ликвидирована капиталистическая собственность на основные средства производства, восстановлено разрушенное войной народное хозяйство. Эти мероприятия, отражавшие перерастание народно-демократической революции в социалистическую, проводились в условиях объединения рабочего класса, усиления руководящей роли марксистско-ленинских партий, укрепления союза рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся, установления в той или иной форме диктатуры пролетариата. К концу 40-х годов во всех народно-демократических государствах началось планомерное строительство социалистической экономики.

Наряду с глубокими социальными изменениями во внутренней жизни стран Центральной и Юго-Восточной Европы происходили революционные изменения и в их внешней политике, в их роли в международных отношениях. Решающий поворот в этой области был обусловлен вступлением ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы на путь народной демократии.

В некоторых случаях в борьбе различных классовых сил на первый план выдвигались именно внешнеполитические моменты, оказывая серьезное влияние на развитие событий. Еще в годы войны патристические и демократические силы этих стран резко осудили прежний, полностью обанкротившийся курс внешней

¹ Г. Димитров. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 611.

политики эксплуататорских классов. В ходе национально-освободительной борьбы прогрессивные патриотические силы, руководимые коммунистическими и рабочими партиями, поставили вопрос о необходимости новой внешней политики, отвечающей коренным национальным интересам своих стран, положили начало разработке основных принципов такой внешней политики.

Программные документы коммунистических и рабочих партий и органов народной власти отводили важное место вопросам внешней политики в национально-освободительной борьбе и народно-демократической революции.

Так, в Польше еще в марте 1943 г. в декларации Польской рабочей партии «За что мы боремся» выдвигалось как одно из условий действительно свободной и независимой Польши требование «установить добрососедские и союзные отношения со всеми народами Европы, проводить внешнюю политику, опираясь на союз с СССР»¹. В опубликованном 22 июля 1944 г. Манифесте Польского комитета национального освобождения — первого народно-демократического правительства Польши говорилось: «Прочный союз с нашими непосредственными соседями — Советским Союзом и Чехословакией — будет основным принципом польской внешней политики...» Наряду с этим в Манифесте выражалась уверенность в углублении дружбы и упрочении союза с Великобританией и США, а также стремление «к сохранению традиционной дружбы и союза с возрожденной Францией, равно как и сотрудничеству со всеми демократическими государствами мира». Манифест констатировал: «Польская внешняя политика будет демократической политикой, основанной на принципах коллективной безопасности»².

Курс на союз и сотрудничество с СССР вытекал не только из самого характера народно-демократических государств. Он диктовался интересами упрочения мира и безопасности, задачей укрепления позиций молодых народно-демократических государств на международной арене, которая могла быть решена только с помощью Советского Союза.

Таким образом, еще до окончания войны революционные силы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы добивались коренного поворота во внешней политике своих стран, основным принципом которой становились дружба и сотрудничество с социалистическим Советским Союзом. Такой поворот явился результатом взаимодействия внутренних и внешних факторов, он был обусловлен самой логикой национально-освободительной борьбы. В силу этой же логики возникло сотрудничество со всеми государствами антигитлеровской коалиции, в том числе с США и Англией, что нашло свое отражение в программных документах коммунистических и рабочих партий и народно-демократической власти. И если это направление не получило во внешней политике народно-демократических стран большого развития, то повинны здесь отнюдь не народно-демократические государства, всегда исходившие в отношениях с капиталисти-

¹ «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945». Warszawa, 1958, str. 94.

² Ibid., str. 505.

ческими странами из принципов мирного сосуществования, а правительства империалистических государств, вставшие после окончания войны на путь «отбрасывания» коммунизма, на путь враждебной политики в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Характеризуя происходившие в этих странах процессы и их результаты, Программа КПСС указывает: «Возникла новая форма политической организации общества — *народная демократия*, одна из форм диктатуры пролетариата»¹.

По мере углубления процессов социалистической революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в ходе классовой борьбы, в том числе и по конкретным вопросам внешней политики, а также под влиянием сдвигов в международной обстановке развивались и закреплялись основные принципы внешней политики народно-демократических государств как политики социалистической. Основой государственной политики в отношениях между странами социализма стал социалистический интернационализм, а в отношениях с капиталистическими странами — принцип мирного сосуществования.

2. Политическое и экономическое сотрудничество народно-демократических стран Европы с Советским Союзом.

Образование и укрепление содружества социалистических стран

Народно-демократические государства основывали свою внешнеполитическую практику на дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом. Это было обусловлено как характером народно-демократических революций и ролью СССР в их победе, так и конкретными задачами укрепления международного положения молодых народно-демократических государств.

Перед народно-демократическими странами с момента их образования возникла необходимость обеспечения благоприятных внешнеполитических условий для укрепления и развития нового общественного строя, защиты революционных завоеваний от покушений внутренних и внешних врагов. Болгария, Румыния и Венгрия нуждались в заключении справедливых мирных договоров.

Сложность и актуальность этих задач проистекали из того, что силы международной империалистической реакции развернули активную борьбу против народно-демократического строя, взяли курс на реставрацию в странах Центральной и Юго-Восточной Европы капиталистических порядков. В этих условиях само существование Советского Союза с его опытом социалистического строительства, борьба Советского правительства

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 19.

против империалистических агрессоров, за укрепление мира и международной безопасности существенно облегчали развитие стран народной демократии по пути социального прогресса, упрочение их внутреннего и международного положения.

Советский Союз считал своим интернациональным долгом оказание всемерной помощи и поддержки народно-демократическим государствам, противодействие силам империалистической реакции. Советская политика создавала предпосылки для широкого и всестороннего сотрудничества между СССР и странами народной демократии. Советский Союз оказывал как в ходе войны, так и в первые послевоенные годы большую политическую и экономическую помощь народам стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Все практические вопросы, возникавшие еще в ходе войны в отношениях Советского Союза с Польшей, Югославией и Чехословакией, решались в духе дружбы и сотрудничества, что получило свое выражение в ряде соглашений и договоров.

Весной 1944 г., когда Советская Армия вышла к государственным границам с Чехословакией, в Лондоне было подписано «Соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии»¹. Соглашение было проникнуто духом уважения к независимости и суверенитету Чехословакии. И позднее Советское правительство неизменно действовало в духе уважения суверенитета и независимости чехословацкого народа. Важное значение имело урегулирование в полном соответствии с демократическими принципами и с учетом взаимных интересов обеих стран вопроса о Закарпатской Украине. На основании советско-чехословацкого договора от 29 июня 1945 г. Закарпатская Украина воссоединилась со своей исконной родиной — Украиной — и была включена в состав Украинской Советской Социалистической Республики². В июле 1946 г. правительство Чехословацкой Республики и СССР подписали соглашение о праве оптации и переселения.

В связи с началом освобождения Польши Советской Армией 26 июля 1944 г. между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения было подписано «Соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и Польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши», в силу которого ПКНО полностью брал на себя руководство всеми делами гражданского управления на освобождаемых территориях (кроме зоны непосредственных военных операций)³. Советское правительство неизменно оказывало политическую поддержку Польскому комитету национального освобождения в его борьбе за укрепление внутреннего и международного положения народной Польши, в частности в ходе его переговоров с представителями лондонского эмигрантского правительства. Оно первым признало ПКНО в качестве Временного правительства Польской республики, отстаивало национальные интересы Польши в период Ялтинской и Потсдамской конференций.

В сентябре 1944 г. между Польшей и соседними с ней советскими республиками были заключены соглашения об эвакуации украинского, белорусского и литовского населения с территории Польши и польского населения с терри-

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 123—125.

² См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 309—310.

³ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 157—159.

торий Украинской, Белорусской и Литовской советских социалистических республик. 16 августа 1945 г. был подписан советско-польский договор о государственной границе, по которому белорусские и украинские земли отошли соответственно в пределы Белорусской и Украинской советских социалистических республик, а польские земли — в пределы Польши.

В сентябре 1944 г. советское командование, в интересах развития боевых действий против немецко-фашистских войск в Венгрии, обратилось к Национальному комитету освобождения Югославии и командованию Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) с просьбой дать согласие на временное вступление советских войск на югославскую территорию, граничащую с Венгрией. При этом советское командование сообщило, что советские войска по выполнению своих оперативных задач будут выведены из Югославии. Стороны согласились, что на территории Югославии в районах расположения частей Советской Армии будет действовать гражданская администрация Национального комитета освобождения Югославии¹. Большое политическое значение для народно-демократических сил Югославии имело усиление помощи Советского Союза национально-освободительному движению в стране после переговоров руководителей Югославии с руководителями Советского правительства, состоявшихся в Москве во второй половине сентября 1944 г. По просьбе югославского командования в состав НОАЮ были переданы две авиационные дивизии, две танковые бригады, ряд полевых госпиталей².

Новые отношения, складывавшиеся между Советским Союзом и Чехословакией, Польшей, Югославией, нашли свое выражение в договорах о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанных ими еще во время войны³. Прежде всего в этих договорах речь шла о союзе в войне против гитлеровской Германии. Однако не менее важное значение имели те статьи, которые касались отношений между Советским Союзом и этими странами в послевоенное время.

Договоры предусматривали взаимную военную и всяческую другую помощь в случае возобновления агрессии со стороны Германии или со стороны какого-либо другого государства, которое объединилось бы прямо или косвенно с Германией в проведении политики агрессии. Специальные статьи определяли принципы послевоенного сотрудничества.

В советско-чехословацком договоре говорилось: «Высокие Договаривающиеся Стороны, учитывая интересы безопасности каждой из них, соглашаются на тесное и дружественное сотрудничество в период после восстановления мира и действовать в соответствии с принципами: взаимного уважения к их независимости и суверенитету, равно как и невмешательства во внутренние дела другого государства. Они соглашаются развивать в возможно более широких масштабах свои экономические отношения и оказывать друг другу всяческую возможную экономическую помощь после войны»⁴.

Статья 2 советско-польского договора гласила: «Высокие Договаривающиеся Стороны, уверенные в том, что интересы безопасности и процветания советского и польского народов требуют сохранения и усиления в период и

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», том II, стр. 236.

² «Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии». М., 1960, стр. 49—50.

³ С Чехословакией — 12 декабря 1943 г., с Югославией — 11 апреля 1945 г., с Польшей — 21 апреля 1945 г.

⁴ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 428—432.

после окончания войны прочной и постоянной дружбы, будут укреплять дружеское сотрудничество между обеими странами в соответствии с принципами взаимного уважения к их независимости и суверенитету, а также невмешательства во внутренние дела другого государства»¹.

Указанные договоры имели большое международное значение. Они свидетельствовали о коренном повороте в отношениях между народами Советского Союза и этих стран. Они явились базой для дальнейшего развития всесторонней дружбы и сотрудничества между договаривающимися сторонами. Заключение договоров с Чехословакией, Югославией и Польшей серьезно укрепило их международное положение перед лицом политики империалистической реакции. Не случайно английские и американские правящие круги всячески добивались отсрочки заключения этих договоров, стремились помешать их подписанию².

Дружественную политику проводил Советский Союз и в отношении Албании. СССР одним из первых — 10 ноября 1945 г. установил с Албанией дипломатические отношения, что имело большое значение для укрепления внешнеполитических позиций албанского народно-демократического государства. Во время советско-албанских переговоров в Москве в июле 1947 г. Советское правительство согласилось оказать Албании экономическую и другую помощь.

Политические отношения Советского Союза с Болгарией, Румынией и Венгрией в первые послевоенные годы развивались в несколько иных формах в связи с тем, что во время войны буржуазные правительства этих государств выступали в качестве союзников гитлеровской Германии. По существу же в основе отношений между Советским Союзом и этими странами после свержения в них прежних профашистских режимов и вступления их на путь народной демократии лежали те же принципы, что и в отношениях между Советским Союзом и народно-демократическими государствами Европы — участниками антигитлеровской коалиции.

Решающая роль Советского Союза в победе над гитлеровской Германией обусловила демократический характер соглашений о перемирии и мирных договоров с бывшими союзниками Германии. Это получило свое конкретное выражение в справедливых условиях соглашений о перемирии и в мирных договорах, заключенных с этими странами.

12 сентября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии с Румынией, 28 октября — с Болгарией, 20 января 1945 г. — с Венгрией, 10 февраля 1947 г. — в Париже были подписаны и мирные договоры с этими странами.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 198—199.

² См. «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М., 1960.

В августе 1945 г. Советское правительство, учитывая активное участие Румынии и Болгарии в борьбе против гитлеровской Германии и внесенный румынским и болгарским народами вклад в разгром Германии, а также лояльное выполнение Румынией и Болгарией принятых на себя обязательств по соглашениям о перемирии, решило восстановить с ними дипломатические отношения. 25 сентября 1945 г. были восстановлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Венгрией.

Новые отношения между Советским Союзом и этими странами, в основе которых лежали принципы пролетарского интернационализма, были юридически оформлены и закреплены в договорах о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанных в 1948 г.¹

Содержание всех этих договоров почти тождественно. Статьи первая и вторая предусматривают совместные действия договаривающихся сторон против угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Германией в проведении политики агрессии. Статья третья предусматривает неучастие договаривающихся сторон во враждебных коалициях. Статья четвертая предусматривает консультации по всем важным международным вопросам, затрагивающим интересы обеих сторон. Наконец, статья пятая предполагает широкое сотрудничество в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между обоими государствами, следуя принципам взаимного уважения их независимости и суверенитета, а также невмешательства во внутренние дела другого государства.

Эти договоры, как и подписанные ранее советско-польский и советско-чехословацкий договоры, коренным образом отличались от империалистических договоров и соглашений. Все они имеют оборонительный характер, характеризуются полным равноправием сторон.

Установление новых дружественных отношений между Советским Союзом и государствами народной демократии способствовало улучшению отношений между самими народно-демократическими странами, успешному решению унаследованных от прошлого спорных вопросов. Свидетельством развития и укрепления дружбы и сотрудничества между европейскими странами народной демократии было заключение в период 1945—1949 гг. ряда договоров и соглашений между ними и прежде всего договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи².

¹ 4 февраля 1948 г. такой договор был заключен с Румынией, 18 февраля 1948 г. — с Венгрией, 18 марта 1948 г. — с Болгарией.

² 10 марта 1947 г. был подписан польско-чехословацкий договор, 16 декабря 1947 г. — албано-болгарский, 16 января 1948 г. — болгаро-румынский, 24 января 1948 г. — венгеро-румынский, 23 апреля 1948 г. — чехословацко-болгарский, 29 мая 1948 г. — польско-болгарский, 18 июня 1948 г. — венгеро-польский, 16 июля 1948 г. — болгаро-венгерский, 21 июля 1948 г. — румыно-чехословацкий, 26 января 1949 г. — польско-румынский, 14 апреля 1949 г. — чехословацко-венгерский.

Укрепление содружества СССР и стран народной демократии Центральной и Юго-Восточной Европы, социалистического лагеря сопровождалось заметным расширением их братских связей с социалистическими странами Азии. Наряду с договорами между СССР и странами народной демократии, а также между самими этими странами, впоследствии был заключен ряд договоров и соглашений с молодыми народно-демократическими государствами Азии. Особую роль сыграл договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой¹. Таким образом, возникла целая система договоров, в рамках которых развертывалось политическое, экономическое, культурное сотрудничество СССР и стран народной демократии.

Развитие и укрепление двусторонних связей между социалистическими странами сопровождалось уже в этот период установлением многосторонних связей, коллективными выступлениями на международной арене². Первыми шагами в этом направлении были согласованная позиция СССР и народно-демократических стран на Парижской мирной конференции 1946 г. и Дунайской конференции 1948 г., а также Варшавское совещание министров иностранных дел СССР, Албании, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Польши, Румынии и Венгрии по германскому вопросу в 1948 г.

Важную роль в сплочении антиимпериалистического лагеря сыграло Информационное совещание представителей коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, Италии, Польши, Румынии, Советского Союза, Франции, Чехословакии и Югославии в конце сентября 1947 г. Участники Совещания обсудили вопрос о международном положении и вопрос об обмене опытом и координации деятельности своих партий. Они полностью согласовали свои взгляды на международную обстановку и вытекающие из нее задачи. В принятой Совещанием Декларации подчеркивалась необходимость сплочения антиимпериалистического, демократического лагеря. Имея в виду отрицательные явления, вызванные отсутствием контакта между представленными на Совещании партиями, и принимая во внимание необходимость взаимного обмена опытом, Совещание решило создать Информационное бюро коммунистических и рабочих партий.

На определенном этапе Информационное бюро коммунистических и рабочих партий сыграло свою положительную роль в истории революционного марксистско-ленинского движения, в сплочении сил коммунистических и рабочих партий на основе принципов пролетарского интернационализма, в борьбе за прочный мир, демократию и социализм. Решения Совещания

¹ См. гл. VII.

² Особенно широкое развитие эта форма политического сотрудничества между СССР и странами народной демократии получила несколько позднее.

способствовали дальнейшему расширению и углублению все-стороннего сотрудничества между Советским Союзом, Польшей, Чехословакией, Венгрией, Румынией, Болгарией и Албанией.

Что касается Югославии, то в 1948 г. наступило ухудшение отношений между Коммунистической партией Югославии и другими коммунистическими и рабочими партиями. В 1948 г. совещание Информбюро приняло резолюцию «О положении в КПЮ», в которой были подвергнуты справедливой критике оппортунистические и националистические ошибки руководства Коммунистической партии Югославии. Эта резолюция была в основном правильной и отвечала интересам революционного движения. «Позднее, в 1949—1953 годах, — отмечал Н. С. Хрущев, — возник конфликт между Компартией Югославии и другими братскими партиями, когда в ходе борьбы были допущены ошибки, появились наслоения, наносившие ущерб нашему общему делу»¹.

В 1955 г. Коммунистическая партия Советского Союза проявила инициативу, чтобы ликвидировать этот конфликт, добиться нормализации отношений с Югославией по государственной линии, установить контакт и сотрудничество по партийной линии. В своих отношениях с Югославией Советский Союз, несмотря на различие в понимании ряда политических и идеологических вопросов, делает все для того, чтобы развивать и улучшать сотрудничество с Югославией и тем самым помогать ее народам укрепляться на позициях социализма.

Одновременно с развитием, укреплением и оформлением политических отношений между Советским Союзом и странами народной демократии между ними укреплялись и оформлялись новые экономические отношения.

Важнейшее значение для укрепления народно-демократического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, для успешного развития дружбы и сотрудничества между этими странами и Советским Союзом имела огромная бескорыстная экономическая помощь, оказанная СССР молодым народно-демократическим государствам в последние годы войны и в первые послевоенные годы, когда они столкнулись с серьезными экономическими трудностями.

Крайняя экономическая отсталость большинства европейских стран народной демократии, явившаяся результатом господства эксплуататоров и хозяйничанья иностранных империалистов в этих странах, была тормозом на пути их прогрессивного развития, затрудняла народно-демократическим государствам решение новых задач, вставших перед ними в области экономики. Кроме того, большинство европейских стран народной демократии очень сильно пострадали в результате войны — гораздо сильнее, чем западноевропейские страны. Например, Польша, первой ставшая полем боя во второй мировой войне, потеряла в годы войны 22% населения и 38% всего национального богатства. В других европейских странах народной демократии потери и разрушения в период войны были также весьма велики. Эти потери создавали дополнительные трудности в решении экономических задач. Положение осложнялось и стихийными бедствиями — засухой и неурожаем, которые обрушились в первые послевоенные годы на ряд европейских стран народной демократии. Все эти объективные трудности усугублялись политической империалистическими кругов западных держав, которые, не желая примириться с падением этих стран из капиталистической системы, делали все, чтобы затруднить положение стран народной демократии, замедлить восстановление и развитие их народного хозяйства.

¹ Н. С. Хрущев. К победе в мирном соревновании с капитализмом, стр. 345.

Экономическую помощь Польша, Чехословакия и другие страны Юго-Восточной Европы стали получать от Советского Союза одновременно с началом освобождения их территории. В первую очередь оказывалась продовольственная и медицинская помощь, в которой остро нуждалось население освобожденных районов, находившихся под угрозой голода. Вскоре Советский Союз начал поставлять в европейские страны народной демократии и промышленное сырье, обеспечив тем самым работу промышленных предприятий, избавив трудящиеся массы от безработицы. Большое значение в первый период формирования нового общественного строя в странах народной демократии имела также деятельность советских специалистов — инженеров, агрономов, научных работников, направлявшихся туда по просьбе правительств этих стран. Советский Союз оказал народно-демократическим странам значительную финансовую помощь, предоставляя на самых льготных условиях займы и кредиты.

В октябре 1944 г. было заключено торговое соглашение между СССР и Польшей, в рамках которого Советский Союз поставлял Польше хлеб, продовольственные товары, уголь, нефть, нефтепродукты, хлопок и другие виды промышленного сырья, а также ряд промышленных товаров.

Советский Союз оказал большую помощь Польше в восстановлении путей сообщения и средств связи, электростанций и промышленных предприятий. 7 июля 1945 г. был заключен советско-польский торговый договор, определивший основные принципы экономических отношений между двумя странами, как отношений дружбы и сотрудничества, предусматривающий принцип наибольшего благоприятствования.

Дальнейшее развитие советско-польского экономического сотрудничества в рассматриваемый период ознаменовалось целым рядом соглашений. В мае 1946 г., в феврале 1947 г. и в январе 1948 г. были подписаны долгосрочные соглашения по вопросам советско-польских экономических отношений.

Советско-чехословацкие экономические отношения в 1945—1949 гг. характеризовались также успешным развитием широкого сотрудничества. С самого начала освобождения чехословацкой территории Советский Союз оказывал бескорыстную помощь братскому народу.

Важное значение для развития советско-чехословацкого экономического сотрудничества имели переговоры чехословацкой правительственной делегации с руководителями Советского правительства в июле 1946 г. и в июле 1947 г. В Советско-Чехословацком коммюнике о пребывании в Москве (июль 1947 г.) чехословацкой правительственной делегации отмечалось, что стороны пришли к заключению о необходимости «расширить экономические отношения между обеими союзными странами, чтобы гарантировать бесперебойный и длительный товарообмен между обоими государствами в интересах обеспечения полного выполнения хозяйственных планов обеих стран и полного использования рабочей силы»¹.

11 декабря 1947 г. между СССР и Чехословацкой Республикой был заключен договор о торговле и судоходстве, предоставивший сторонам режим наиболее благоприятствуемой нации в отношении всех вопросов, касающихся их экономических взаимоотношений и определивший конкретные условия советско-чехословацких экономических отношений. Одновременно было подписано первое долгосрочное торговое соглашение на 1948—1952 гг. и соглашение о научно-техническом сотрудничестве.

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. 2. М., 1952, стр. 17.

Успешно развивались экономические отношения между Советским Союзом и Венгрией, Румынией и Болгарией. Соглашения о перемирии, а впоследствии и мирные договоры не препятствовали успешному развитию взаимовыгодных экономических отношений. Народно-демократические правительства честно и лояльно выполняли свои обязательства по мирным договорам. Советский Союз в соответствии с принципами пролетарского интернационализма оказывал этим народно-демократическим государствам существенную экономическую помощь.

В 1945 г. между СССР и Венгрией было заключено соглашение об экономическом сотрудничестве. Уже в 1948 г. товарооборот между СССР и Венгрией почти в 20 раз превысил уровень 1938 г.

Аналогичное соглашение было заключено с Румынией. В соответствии с этим соглашением Советский Союз направил в Румынию значительное количество машин и сырья для румынской промышленности. Одновременно на базе бывших германских активов, переданных в качестве германских репараций Советскому Союзу, были созданы на паритетных началах смешанные советско-румынские общества, призванные способствовать восстановлению и развитию народного хозяйства Румынии.

Еще до окончания войны начались советские поставки продовольствия, промышленного сырья, топлива в Болгарию. В 1945 г., т. е. до официального признания Болгарии Советским Союзом, было подписано первое торговое соглашение между Советским Союзом и народно-демократической Болгарией. В соответствии с этим соглашением Советский Союз поставил в Болгарию 120 тыс. т нефтепродуктов, 11 тыс. т хлопка, 73 тыс. т металла и металлоизделий, а также целый ряд других товаров. Уже в 1945 г. 79,6% ввоза и 94,3% вывоза Болгарии приходилось на Советский Союз. В 1946 г. ввоз товаров из Советского Союза в Болгарию увеличился более чем в 2 раза.

В 1947—1948 гг. Советский Союз заключил с Румынией, Венгрией и Болгарией договоры о торговле и мореплавании, согласно которым договаривающиеся стороны предоставляли друг другу режим наиболее благоприятствующей нации в отношении всех вопросов, касающихся торговли между обеими странами и мореплавания, а также в отношении промышленной и других видов хозяйственной деятельности на их территориях. Ежегодно подписывались соглашения о товарообороте и платежах. Советское правительство неоднократно проводило мероприятия, облегчавшие репарационные обязательства Румынии и Венгрии.

Экономическая помощь Советского Союза, а также начавшееся экономическое сотрудничество между самими странами народной демократии во многом способствовали успешному восстановлению и развитию народного хозяйства, разрушенного в результате войны, провалу империалистической политики блокады и дискриминации в отношении народно-демократических стран. Все они смогли отказаться от кабальных условий «плана Маршалла», отстояли от покушений иностранного капитала свою экономическую независимость, получили возможность быстрыми темпами развивать свою экономику и прежде всего современную индустрию — основу всего народного хозяйства.

С выходом социализма за рамки одной страны и образованием мирового социалистического содружества возникли новые, исключительные по своему значению возможности для ускорения темпов развития социалистической экономики. Уже в 1945—1949 гг. все социалистические страны добились больших успехов в восстановлении и развитии народного хозяйства, приступили к выполнению долгосрочных планов социалистического строи-

тельства. К 1949 г. создались условия для организации более широкого экономического сотрудничества социалистических государств Европы. Этот вопрос обсуждался на экономическом совещании представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии, состоявшемся в Москве в январе 1949 г. Совещание признало необходимым для осуществления более широкого экономического сотрудничества стран народной демократии и СССР создать Совет экономической взаимопомощи из представителей стран — участниц совещания на основе равноправного представительства в целях обмена хозяйственным опытом, оказания друг другу технической помощи, взаимной помощи сырьем, продовольствием, машинами, оборудованием и т. п. Позднее в СЭВ вошли Албания и ГДР.

Совет экономической взаимопомощи представлял собой нечто совершенно новое в области международного экономического сотрудничества. Все участники Совета имели абсолютно равные права, всех их объединяли общие цели. Решения Совета становились обязательными лишь в случае согласия с ними заинтересованной стороны — того или иного государства, которого касалось решение. Тем самым исключалось навязывание решений, противоречащих интересам той или иной страны, и обеспечивался полный учет интересов всех стран — членов этой организации.

Политическая и экономическая помощь СССР каждой из этих стран положила начало процессу складывания, расширения и углубления всестороннего сотрудничества между социалистическими государствами. В ходе этого процесса постепенно возрастала роль самих стран народной демократии, складывалась система двусторонних связей между ними, развивались и укреплялись многосторонние связи, появлялись все новые формы этих связей. Все большую роль начинает играть взаимная помощь, активное участие всех стран социалистического лагеря в экономическом сотрудничестве. Оно приобретает планомерный характер в масштабе всего лагеря стран социализма, начинает складываться мировая система социалистического хозяйства.

Новые дружественные отношения между социалистическими странами, установившиеся в эти годы, способствовали разрешению многих спорных вопросов, в том числе вопроса о границах — одной из самых острых и сложных проблем, оставленных в наследство старым, капиталистическим миром. С победой в ряде стран социалистической революции вопрос о границах приобретает другой характер и не имеет той остроты, как при капитализме. Уже в 1945 г. вопросы о Западной Украине, Западной Белоруссии, о Закарпатской Украине, проблемы Трансильвании, Тешинской области, порождавшие в прошлом конфликты и противоречия, были решены мирным путем, с учетом интересов всех заинтересованных сторон, в целях укрепления мира и безопасности в Европе. В решении территориальных

вопросов, в урегулировании всех пограничных споров наглядно проявились преимущества власти трудящихся масс, подтвердилось одно из замечательных высказываний В. И. Ленина: «Эти господа капиталисты в Англии и Франции воображают, что они решают границы, но, слава богу, есть кое-кто, кто решает помимо них эти границы: рабочие и крестьяне научились сами определять эти границы»¹.

Весь ход событий после второй мировой войны и, в частности, сотрудничество стран социалистического лагеря ярко показали великую объединяющую силу социализма, который несет освобождение не только от эксплуатации, но и от национального гнета и кладет конец национальной вражде.

Ликвидация национальной розни и вражды, серьезное укрепление международного и внутреннего положения стран народной демократии, успешное восстановление и развитие народного хозяйства — таковы наиболее общие итоги развития политического и экономического сотрудничества между СССР и европейскими странами народной демократии в 1945—1949 гг. Однако самым важным итогом этого начального этапа политических и экономических отношений между СССР и странами народной демократии было складывание и укрепление мировой социалистической системы, становление и развитие международных отношений нового типа.

В ходе строительства социализма все более прочным становилось внутривнутриполитическое положение каждой из стран социалистического содружества. Важным фактором его становления и растущего могущества явилась победа революции в Китае. В результате победоносных революций мировая социалистическая система стала господствовать на огромной территории от Эльбы до Тихого океана. Все это значительно укрепляло международное положение социалистических стран, создавало предпосылки дальнейшего развития их всестороннего сотрудничества и сплочения.

3. Борьба европейских стран народной демократии против вмешательства империалистов в их внутренние дела, за мир и международное сотрудничество

Народно-демократические государства с момента их образования стремились к развитию равноправных дружественных отношений со всеми странами, независимо от их общественно-политического строя. Польша, Чехословакия, Югославия приняли активное участие в создании и деятельности Организации Объединенных Наций, а также в решении проблемы послевоенного мирного урегулирования. Об этом свидетельствует также добросовестное выполнение Болгарией, Венгрией и Румынией условий мирных договоров. Однако стремление народно-демо-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 146.

кратических стран к широкому международному сотрудничеству натолкнулось на враждебную позицию американских и английских империалистов.

Составной частью послевоенной империалистической политики «сдерживания» коммунизма¹ стала борьба против народно-демократических стран с целью реставрации в них капитализма и реакционных политических режимов, использования этих стран в качестве антисоветских плацдармов.

Одним из главных проявлений политики США и Англии в отношении молодых народно-демократических стран Европы была открытая поддержка сил внутренней реакции, сопровождавшаяся прямым вмешательством во внутренние дела этих стран: Английские и американские представители в странах Центральной и Юго-Восточной Европы оказывали материальную и политическую поддержку реакционным силам, находившимся в оппозиции к народно-демократическим правительствам². Они стремились, в частности, использовать проходившие в странах народной демократии в 1945—1947 гг. выборы в законодательные учреждения для того, чтобы поставить у власти различных реакционных деятелей, готовых действовать в интересах английских и американских империалистов. В свою очередь реакционеры, чуждые интересам своих народов и лишившиеся их поддержки, делали ставку на иностранное вмешательство, на помощь США и Англии.

Характеризуя, например, болгарскую «оппозицию», Г. М. Димитров говорил: «Оппозиция у нас не самостоятельна. Она действует по иностранным внушениям, она ведет свою политическую игру под иностранную дудку»³. Жизнь полностью подтвердила эту оценку. Один из лидеров болгарской оппозиции, Н. Петков, прямо заявлял своим сообщникам: «Наше стратегическое положение... ежедневно привлекает внимание иностранцев, которые путем давления добьются внутренних изменений и не разрешат теперешнему правительству диктовать положение в нашей стране»⁴.

26 июля 1945 г. Петков обратился к правительству и одновременно к Союзной контрольной комиссии (СКК), а также к английской и американской миссиям с требованием отсрочить выборы в Народное собрание Болгарии, назначенные на август 1945 г., и провести их под контролем союзных держав. Несмотря на то что болгарское правительство отвергло это требование, а Петков ушел с поста министра, правительства США и Англии использовали заявление Петкова для вмешательства во внутренние дела Болгарии.

13 августа представитель США в Болгарии Барнс передал болгарскому правительству ноту, в которой американское правительство выражало недовольство организацией предстоящих выборов и настаивало на их отсрочке. Аналогичный демарш предприняло правительство Великобритании. 21 и 24 августа последовали новые официальные заявления, в которых США и Англия угрожали не признать новое болгарское правительство и не подписывать мирный договор.

¹ См. гл. XIV.

² Об этом свидетельствуют, в частности, американские документы «The Conference of Berlin. 1945», vol. I. Washington, 1960, p. 201, 839; vol. II, p. 231, 647—648, 694, 718, 734.

³ «Работническо дело», 1. X. 1946.

⁴ Цит. по кн.: «История Болгарии», т. II, стр. 403.

Болгарское правительство приняло решение перенести выборы на 18 ноября 1945 г. и показало этим, как констатировалось в специальной декларации ЦК БРП(к), что оно ставит народные интересы выше всего и не желает давать даже незначительного повода, который мог бы помешать установлению нормальных отношений между Болгарией и тремя великими союзными державами¹.

Однако империалисты не успокоились и продолжали свои нападки на народно-демократическую Болгарию. На Лондонской сессии Совета министров иностранных дел в сентябре 1945 г. Бевин и Бирнс вновь подняли вопрос о выборах в Болгарии. Добиваясь международного контроля над проведением выборов, они голословно утверждали, что в Болгарии нет демократического представительного правительства. Аналогичные обвинения были выдвинуты в ноте правительства США от 16 ноября 1945 г., в которой заявлялось об отказе восстановить дипломатические отношения с Болгарией.

Болгарское правительство решительно отвергло посягательство американских империалистов на суверенные права болгарского народа. В беседе с иностранными журналистами Г. М. Димитров заявил: «Американцы и англичане говорят, что не признают эти выборы. Они могут некоторое время не признавать нас. От этого они не выиграют, потому что наш народ не склонит голову перед реакционерами, внутренними или внешними»².

18 ноября болгарский народ продемонстрировал свою поддержку правительству Отечественного фронта и Болгарской рабочей партии. В выборах приняли участие 85,6% избирателей, из них за кандидатов Отечественного фронта голосовали 88,18%.

В своей справедливой позиции болгарское правительство Отечественного фронта опиралось на поддержку Советского Союза, неизменно защищавшего интересы народной Болгарии. 14 августа 1945 г. Советское правительство заявило о восстановлении дипломатических отношений с Болгарией, подчеркнув при этом вклад Болгарии в дело разгрома гитлеровской Германии и лояльное выполнение Болгарией своих обязательств по соглашению о перемирии.

Участие Советского Союза в межсоюзнических органах, созданных в целях послевоенного урегулирования, и в совещаниях препятствовало использованию их в ущерб народно-демократическим странам.

Так, благодаря позиции советского представителя в СКК получила отпор новая попытка вмешательства западных держав во внутренние дела Болгарии в период подготовки к выборам в Великое Народное Собрание 27 октября 1946 г. 1 октября 1946 г. представитель США в Союзной контрольной комиссии генерал Робертсон по указанию государственного секретаря США Бирнса обратился к советскому представителю в СКК с требованием созвать специальное заседание СКК для обсуждения мер по обеспечению проведения, как он выразился, «свободных выборов» в Болгарии³. Советский представитель в СКК отверг требование американской стороны, квалифицировав обсуждение Союзной контрольной комиссией предложенных Робертсоном вопросов и тем более принятие каких-либо мер в этом направлении не только как нарушение прерогатив болгарского правительства, но и как грубое вмешательство во внутренние дела Болгарии. Аналогичную позицию поддержки реакционных элементов занимали представители западных держав в Румынии и Венгрии.

Американское и английское правительства предпринимали неоднократные попытки прямого вмешательства во внутренние дела в интересах своих ставленников — реакционеров и преда-

¹ См. «Работническо дело», 5. IX. 1945.

² Г. Димитров. Избранные произведения, т. II, стр. 85—86.

³ См. «Документы о враждебной и агрессивной политике правительства США по отношению к Народной Республике Болгарии». София, 1952, стр. 28.

телей как в странах, бывших в прошлом союзниками гитлеровской Германии, так и в странах — участницах антигитлеровской коалиции, ставших на путь народно-демократического развития.

Желая в какой-то мере укрепить позиции своего ставленника в Польше Миколайчика на предстоящих выборах в Законодательный сейм и опорочить деятельность партий Демократического блока, правительства США и Англии в нотах от 19 августа 1946 г., основываясь на информации, полученной от Миколайчика, выдвинули ряд обвинений против польского правительства и требований к нему. А в английской ноте, в частности, было выражено недовольство тем, что текст избирательного закона не был представлен английскому послу в Варшаве.

Правительство народной Польши в ноте от 19 декабря 1946 г. отклонило притязания на установление иностранного контроля над выборами. Советское правительство оказало полную поддержку народно-демократическому правительству Польши. В ответ на американскую ноту от 5 января 1947 г. Советское правительство в ноте от 13 января резко выступило против того, чтобы, как это предлагало правительство США, «были предприняты какие-либо шаги перед Польским Правительством в связи с предстоящими выборами в Польше и чтобы, таким образом, было произведено вмешательство во внутренние дела Польши со стороны держав, подписавших Ялтинское и Берлинское соглашения»¹. Выборы в Законодательный сейм, состоявшиеся 19 января 1947 г., ознаменовались убедительной победой Демократического блока во главе с ППР и привели к полному отстранению представителей буржуазии от политической власти.

Ярким примером империалистической политики вмешательства во внутренние дела народно-демократических стран и открытой поддержки реакционных сил является участие американских и английских представителей в контрреволюционном заговоре чехословацкой буржуазии в феврале 1948 г. и их поведение после февральских событий.

Чехословакия занимала особое место в империалистических планах западных держав, направленных против Советского Союза и всего демократического лагеря. Это объяснялось ее географическим положением, особенностями экономического развития и внутривнутриполитической обстановки. Буржуазия все еще обладала сильными экономическими и политическими позициями в стране и была тесно связана с правящими кругами западных стран. «С международной точки зрения, — говорил К. Готвальд, — мы были наиболее слабым звеном в общем фронте народно-демократических стран»².

В феврале 1948 г. реакционные силы по соглашению с Э. Бенешем пытались осуществить путч против народно-демократического строя. Буржуазные заговорщики, действовавшие внутри страны, поддерживали тесный контакт с представителями западных держав. Нити подготовки путча находились, в частности, в руках американского посла в Праге Штейнгардта.

Рассчитывая спровоцировать правительственный кризис и таким путем добиться ухода из правительства республики министров-коммунистов во главе с премьером К. Готвальдом,

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. 1, стр. 35.

² К. Gottwald. Vybrané spisy, s. II. Praha, 1955, str. 252.

12 буржуазных министров 20 февраля подали в отставку. Но их расчет захватить власть был сорван организованными действиями рабочего класса, который в союзе с трудовым крестьянством, под руководством КПЧ ликвидировал нависшую над страной угрозу. 25 февраля в правительство Готвальда вошли новые министры — коммунисты и другие представители прогрессивных сил. В результате массовых выступлений трудящихся реакция оказалась изолированной, а представлявшие ее в правительстве ставленники империализма были окончательно отстранены от власти.

Так, опираясь на моральную, экономическую и внешнеполитическую поддержку Советского Союза, защищавшего Чехословакию от попыток иностранной интервенции, чехословацкий народ, руководимый коммунистической партией, сорвал планы чехословацкой и международной реакции. Во время февральских событий 1948 г. под давлением трудящихся масс конституционным путем были устранены из органов власти представители буржуазии. Тем самым реакции было нанесено решающее поражение, был окончательно решен вопрос о социалистическом пути развития страны.

Февральская победа трудящихся Чехословакии привела к еще большему укреплению связей Чехословакии с Советским Союзом и народно-демократическими государствами и помогла ей успешно отразить новые попытки империалистического вмешательства в ее внутренние дела.

Внешнеполитическая поддержка Чехословакии Советским Союзом, пишут чехословацкие исследователи Я. Шедивый и К. Коржалкова, «явилась главным международным фактором, способствовавшим тому, что международная реакция не решалась на интервенцию в Чехословакии, как это сделали США в 1947 г. в Греции»¹.

«Протест» против устранения реакционеров из чехословацкого правительства, с которым выступили правительства США, Великобритании и Франции, а также последующие попытки использовать Организацию Объединенных Наций для ведения клеветнической кампании против Чехословакии и вмешательства в ее внутренние дела не могли уже изменить политику страны.

Империалистические круги не раз пытались использовать ООН для вмешательства во внутренние дела Болгарии, Венгрии и Румынии и добиться изменения их внутренней и внешней политики. С этой целью западные державы неоднократно выдвигали против Болгарии, Венгрии и Румынии обвинения в «нарушении» мирных договоров, поднимали вопрос о «соблюдении прав человека и основных свобод» в этих странах.

В 1949 г. в связи с судебным процессом над кардиналом Миндсенти в Венгрии и группой болгарских священнослужителей, уличенных в тяжких государственных преступлениях, была начата клеветническая кампания против народно-демократических стран. На рассмотрение III сессии Генеральной

¹ Я. Шедивый, К. Коржалкова. Внешняя политика Чехословацкой Социалистической Республики в 1945—1960 гг. Перев. с чешск. М., 1960, стр. 60—61.

Ассамблеи ООН был внесен вопрос о так называемом нарушении прав человека и основных свобод в Болгарии и Венгрии. Правительства Болгарии и Венгрии, решительно отвергая обвинения в нарушении свободы религии в их странах, отказались принять участие в обсуждении в ООН своих внутренних дел.

Твердая позиция народно-демократических государств и решительная поддержка их Советским Союзом сорвали прямое вмешательство империалистов во внутренние дела этих стран.

Наряду с попытками привлечь Организацию Объединенных Наций для осуществления враждебных странам народной демократии замыслов правительства США и Великобритании предложили в 1949 г. также созвать совещание глав дипломатических миссий СССР, США и Великобритании в Софии, Будапеште и Бухаресте для рассмотрения вопроса о толковании мирных договоров.

Правительства Болгарии, Венгрии и Румынии отвергли это новое покушение на свой суверенитет. Советское правительство со своей стороны тоже отклонило англо-американское предложение о созыве совещаний глав трех дипломатических миссий. В ноте от 11 июня 1949 г. оно заявило, что расценивает «стремление правительств США и Великобритании искусственно превратить в предмет спора вопрос о толковании мирных договоров, как прямую попытку вмешательства во внутренние дела Болгарии, Венгрии и Румынии с целью оказать давление на их внутреннюю политику»¹.

Империалистические державы широко применяли и иные формы политического давления и политической дискриминации, ущемления законных прав Польши, Чехословакии и других стран народной демократии при решении важнейших международных проблем.

Правительства США и Великобритании воспротивились участию временного правительства Польши в конференции в Сан-Франциско по созданию Организации Объединенных Наций.

22 марта 1945 г. Временное правительство Польской республики опубликовало специальное заявление, в котором выразило удивление общественного мнения Польши по поводу того, что среди союзных государств, приглашенных на конференцию в Сан-Франциско, нет освобожденной, борющейся с гитлеровцами и восстанавливающей свою государственность Польши. В заявлении подчеркивалось, что Польша жизненно заинтересована в создании международной организации, обеспечивающей упрочение мира, а также в участии в Сан-Францисской конференции².

Справедливость и обоснованность позиций Временного правительства Польской республики, безоговорочная поддержка народной Польши Советским Союзом как до конференции, так и в ходе ее работы обеспечили сохранение за Польшей прав члена-учредителя Организации Объединенных Наций.

Одной из характерных черт американской политики в отношении стран народной демократии было стремление противопоставить их друг другу и Советскому Союзу. Так, при выборах непостоянных членов Совета Безопасности в 1947 г. представитель США выдвинул на место, предназначенное для стран Восточной Европы, кандидатуру Чехословакии, хотя сама

¹ «Внешняя политика Советского Союза, 1949 год», стр. 118.

² «Zbiór dokumentów. 1945», № 1, str. 45.

Чехословакия своей кандидатуры не выдвигала и поддерживала кандидатуру Украинской ССР.

Империалисты США и Англии хотели во что бы то ни стало помешать развитию народно-демократических стран, затруднить их политическое и экономическое положение, сохранить хоть в какой-то мере свое влияние.

Эта политика особенно ярко проявилась в ходе работы Совета министров иностранных дел по подготовке мирных договоров и на самой Парижской мирной конференции.

Тенденция так или иначе ущемить права и интересы народно-демократических стран проявилась также в позиции США и других западных держав по вопросу о режиме судоходства на Дунае. Они выдвигали принципы «интернационализации» Дуная, «равных возможностей», рассчитывая использовать эти принципы для беспрепятственного проникновения в экономику придунайских народно-демократических стран. Последовательная и твердая позиция Советского Союза привела к тому, что позднее, на специально созванной в 1948 г. конференции, вопрос о режиме судоходства на Дунае был решен в интересах придунайских государств.

В окончательном разрешении всех этих вопросов решающую роль сыграла последовательная борьба советских представителей совместно с делегациями народно-демократических стран — участниц Парижской мирной конференции за справедливые демократические принципы мирного урегулирования¹. В результате мирные договоры, заключенные после второй мировой войны, обеспечили не только сохранение независимости и суверенитета стран — бывших союзников гитлеровской Германии, но и возможность их демократического развития.

В связи с проблемами послевоенного мирного урегулирования с Германией империалистические круги США и Англии пытались оказать давление на народно-демократические страны — участницы антигитлеровской коалиции, например на Польшу, Чехословакию. Известно, что Англия и США длительное время не соглашались с установлением западной границы Польши по Одеру и Нейссе, выступали против переселения немцев из Польши и Чехословакии в Германию. В сентябре 1946 г. государственный секретарь США Бирнс в своей речи в Штутгарте поставил под сомнение окончательный характер западных границ Польши. И в этом случае народная Польша оказалась не одинока в борьбе за свои права, за свою безопасность, за свой суверенитет. Советское правительство ясно и недвусмысленно заявило о том, что СССР считает западные границы Польши постоянными и что решение Потсдамской конференции о западных границах Польши никем не может быть поколеблено.

¹ См. гл. XX.

Враждебное отношение империалистических держав к народно-демократическим странам, стремление подорвать позиции народных правительств ярко проявились также в сопротивлении западных держав вступлению в Организацию Объединенных Наций Болгарии, Румынии, Венгрии и Албании.

Отказывая этим странам в приеме в ООН, империалистические представители прямо ссылались на то, что их не удовлетворяет внутренний строй в этих странах, который они произвольно характеризовали как «недемократический». Кроме того, в качестве мотива отказа выдвигались обвинения в нарушении некоторых статей мирного договора.

Все эти доводы были решительно отвергнуты как заинтересованными правительствами, так и Советским Союзом, который выступил против дискриминации в вопросе о приеме новых членов в ООН, горячо и настойчиво добивался приема в ООН Болгарии, Венгрии, Румынии и других стран. (Лишь в 1955 г. этот вопрос наконец был решен положительно.)

В своей политике, направленной на подрыв народно-демократического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, американские и английские империалисты прибегали и к средствам экономического давления, пытаясь играть на трудностях восстановления народного хозяйства этих стран, разрушенного в результате войны и гитлеровской оккупации.

В начале 1946 г. американское правительство предприняло попытку задержать в Польше национализацию основных средств производства путем отказа в предоставлении займа, о котором в то время шли переговоры. Английские и американские оккупационные власти в Германии задерживали возвращение польского, чехословацкого и югославского имущества. В качестве средства давления на народно-демократическое правительство Польши применялось замораживание польских активов в английских и американских банках. В течение нескольких месяцев США задерживали около 700 судов придунайских государств — Чехословакии, Венгрии и Югославии, которые были возвращены только после настойчивых требований Советского Союза и народно-демократических стран.

Американский империализм попытался использовать для вмешательства в дела европейских стран народной демократии выдвинутый в 1947 г. так называемый «план Маршалла»¹. Особенно большие надежды возлагались при этом на Чехословакию ввиду ее тесных связей с экономической западных стран², а также сравнительно сильных вплоть до февраля 1948 г. позиций буржуазных элементов в государственном аппарате.

После отклонения Советским Союзом и странами народной демократии, в том числе и Чехословакией, «плана Маршалла», а также после февральской победы чехословацкого народа США стали открыто практиковать дискриминацию в международной

¹ См. гл. XIV и XXIV.

² Еще в середине 1947 г. более двух третей внешнеторгового оборота Чехословакии приходилось на западные страны.

торговле и по существу попытались организовать экономическую блокаду Советского Союза и стран народной демократии.

Уже 27 февраля 1948 г. правительство США отказалось предоставить Чехословакии заем для закупки хлопка. Вслед за этим Международный банк реконструкции и развития также отказался предоставить заем для развития чехословацкой экономики. 1 марта 1948 г. американский конгресс санкционировал прекращение всякого экспорта в социалистические страны. Соответствующий нажим был оказан и на страны — участницы «плана Маршалла». Английское правительство прекратило переговоры о заключении англо-чехословацкого торгового соглашения.

Естественно, что в условиях проводимой империалистами «холодной войны», широкого политического и экономического наступления реакционных сил во главе с США против Советского Союза и стран народной демократии стремление последних к установлению дружественных отношений с западными державами на основе принципов мирного сосуществования не могло дать в первые послевоенные годы должных результатов.

Так, предложения Польши и Чехословакии о заключении союзных договоров с Францией, натолкнувшись на враждебную позицию французского правительства, не были проведены в жизнь. Еще летом 1946 г. в итоге личных переговоров министра иностранных дел Чехословакии с руководителями французского правительства была опубликована совместная декларация, в которой Чехословакия и Франция обязались сотрудничать в германском вопросе на договорной основе. Однако в дальнейшем переговоры не принесли желаемого результата. Чехословацкий проект договора, отправленный в Париж в середине 1946 г., был после одиннадцатимесячного молчания отклонен. В июне 1947 г. правительство Франции выдвинуло свой проект союзного договора, который был неприемлем для Чехословакии, так как фактически не гарантировал Чехословакии помощи в случае нападения Германии и ее возможных союзников. В отличие от чехословацкого проекта французское правительство предлагало в случае агрессии не помощь, а лишь проведение взаимных консультаций.

В основе позиции Франции в вопросе о договоре лежало стремление усилить западное влияние на Чехословакию. Тогдашний премьер-министр Франции Рамадье прямо заявил: «Так как Германия еще долго будет не в состоянии сама развязать войну, договор не имел бы большой практической ценности. Однако он был бы очень важен в психологическом и политическом отношении, так как доказывал бы, что политика мостов между Востоком и Западом еще существует...»¹.

По вине правительства Франции не был заключен и польско-французский договор о союзе. Министр иностранных дел Польши З. Модзелевский отмечал летом 1947 г. непоследовательность и лавирование французской внешней политики в этом вопросе².

Таким образом, для отношений стран народной демократии с западными державами в 1945—1949 гг. были характерны попытки США, Англии и других капиталистических стран вмешиваться в их внутренние дела, оказывать политическое и экономическое давление в целях изменения их внутренней и внешней политики. В этих условиях первоочередной задачей народно-

¹ Цит. по кн.: Я. Шедивый, К. Коржалкова. Внешняя политика Чехословацкой Социалистической Республики в 1945—1960 гг., стр. 47.

² Z. Modzelewski. Polityka zagraniczna Polski. Warszawa, 1960, str. 60.

демократических государств в области отношений с капиталистическими странами Запада были защита своего суверенитета от покушений внутренней и международной реакции, отпор политическому, экономическому и идеологическому наступлению империалистов.

Эта обстановка несколько ограничивала масштабы деятельности молодых народно-демократических государств в области международного сотрудничества. Лишь после упрочения народно-демократического строя, стабилизации внутреннего и международного положения народно-демократических стран их деятельность в этом направлении развернулась в полную силу. Однако и в первый период своего существования молодые народно-демократические государства внесли значительный вклад в дело обеспечения мирного сосуществования.

Глубокие революционные преобразования, поддержка широких народных масс, дружба с СССР и сплочение в единое социалистическое содружество повышали авторитет и влияние выступлений народно-демократических государств на международной арене, позволяли им добиваться признания своих прав и интересов со стороны империалистических держав.

Вынужденное признание ими новой роли народно-демократических стран получило свое отражение в Лондонском «джентльменском соглашении» 1946 г., согласно которому одно непостоянное место в Совете Безопасности предназначалось для стран Восточной Европы. В 1946 г. оно было предоставлено Польше.

Страны народной демократии — члены Организации Объединенных Наций — активно участвовали в работе органов ООН. Польша и Чехословакия в течение ряда лет избирались в состав Экономического и Социального совета ООН. Польша была одним из инициаторов создания Экономической комиссии ООН для Европы. Все народно-демократические государства поддерживали миролюбивую политику Советского Союза, внесли ряд конструктивных предложений, направленных на укрепление мира и безопасности.

Так, например, Польша была инициатором предложения о разрыве членами ООН дипломатических отношений с франкистской Испанией. На I сессии Генеральной Ассамблеи в январе 1946 г. Польша внесла предложение о принятии государствами законов, запрещающих использование атомной энергии в военных целях. Настойчивую борьбу за запрещение применения атомной энергии в военных целях Польша вела в качестве члена Комиссии ООН по атомной энергии в 1946—1947 гг. 8 февраля 1947 г. представитель Польши в этой комиссии выдвинул план использования атомной энергии в мирных целях и предложил принять международную конвенцию, предусматривающую запрещение производства и применения атомного оружия, уничтожение всех существующих запасов этого оружия, а также создание системы контроля и инспекции.

На II сессии Генеральной Ассамблеи польский представитель — министр иностранных дел З. Модзелевский поднял вопрос о восстановлении экономики стран, пострадавших от войны. При этом он выступил против отстранения Организации Объединенных Наций от экономического восстановления европейских стран, против подчинения экономических потребностей политиче-

ским целям, как это было присуще «плану Маршалла», и предоставления Германии приоритета в деле экономического восстановления. Он заявил о намерении польского правительства расширять и углублять экономические отношения со всеми свободолюбивыми народами. «Мы готовы, — сказал он, — заключить культурные, экономические и политические соглашения со всеми свободолюбивыми народами, независимо от того, проживают ли они к западу или к востоку от Одера и Эльбы»¹.

Польша и Чехословакия настойчиво боролись за соблюдение Устава ООН, за прием в ООН Болгарии, Венгрии, Румынии, Албании и других стран, отвечавших всем требованиям Устава.

Значительным вкладом в борьбу за демократические принципы послевоенного мирного урегулирования являлось активное участие стран народной демократии в работе Парижской мирной конференции.

Большое значение имели выступления стран народной демократии, особенно Польши и Чехословакии, по германскому вопросу. Постоянные объекты экспансии германского империализма, первые жертвы гитлеровской агрессии, сильно пострадавшие в результате войны и оккупации, Польша и Чехословакия жизненно заинтересованы в предотвращении новой германской агрессии. Они настойчиво и последовательно добивались демократического решения германского вопроса, боролись против нарушения оккупационными властями западных держав Ялтинского и Потсдамского соглашений.

Об этом свидетельствуют специальные меморандумы правительств Польши² и Чехословакии³, представленные совещанию заместителей министров иностранных дел по германскому вопросу в январе 1947 г., а также ноты польского и чехословацкого правительств, неоднократно направлявшиеся правительствам США, Великобритании и Франции.

В феврале 1948 г. в Праге состоялась конференция министров иностранных дел Польши, Чехословакии и Югославии по германскому вопросу. Министры приняли декларацию, в которой выразили протест против нарушения западными державами основных решений союзников по германскому вопросу и осудили предоставление Западной Германии приоритета в деле восстановления народного хозяйства⁴.

В июне 1948 г. по инициативе правительств СССР и Польской Народной Республики в Варшаве состоялось совещание министров иностранных дел восьми государств (СССР, Албании, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Польши, Румынии, Венгрии). На совещании был обсужден вопрос о решениях сепаратного Лондонского совещания западных держав, направленных на завершение раскола и расчленения Германии, на срыв за-

¹ «Zbiór dokumentów. 1948», № 2, str. 45.

² «Zbiór dokumentów. 1947», № 1—2, str. 28—51.

³ «Dokumenty československé zahraniční politiky. 1945—1959». Praha, 1960, str. 383—389.

⁴ «Zbiór dokumentów. 1948», № 3, str. 87—105.

ключения мирного договора с Германией. Представители Советского Союза и народно-демократических стран выработали такую программу по вопросам Германии, которая отвечала интересам всех народов и действительно служила делу мира, демократии и социализма¹.

Все народно-демократические государства протестовали против создания западными державами в 1949 г. сепаратного западногерманского государства, завершившего раскол Германии. В создавшихся условиях естественным следствием миролюбивой политики стран народной демократии в германском вопросе было признание ими образовавшейся 7 октября 1949 г. Германской Демократической Республики и установление дружественных отношений с ней. Германская Демократическая Республика стала активным участником социалистического лагеря.

Победа революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, утверждение в них народно-демократического строя и начало социалистического строительства привели к коренным, поистине революционным изменениям в их внешней политике, обусловили их принципиально новую роль на международной арене, оказали глубокое влияние на международные отношения в целом.

В прошлом отсталые в экономическом и политическом отношениях, зависимые от иностранных держав, бесправные объекты империалистической политики, страны Центральной и Юго-Восточной Европы превратились в передовые, быстро развивающиеся, независимые государства, полноправные субъекты международных отношений.

Самыми важными итогами внешнеполитической деятельности стран народной демократии в 1945—1949 гг., свидетельствовавшими о новой роли этих стран в международных отношениях, явились их сплочение вместе с первым в мире социалистическим государством — Советским Союзом в единую семью социалистических государств, становление и развитие международных отношений нового типа — отношений братской дружбы и всестороннего сотрудничества в интересах мира и социализма.

ГЛАВА VII

НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ И ЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. ВЫХОД НА МИРОВУЮ АРЕНУ НОВЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ АЗИИ

Победа народной революции в Китае и выход его на международную арену в качестве великой державы — Китайской Народной Республики, ставшей на путь социализма, — в огро-

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза, 1948 год», ч. 1, стр. 237—247.

мною мере способствовали изменению соотношения мировых сил в пользу социализма.

«Социалистические революции в странах Европы и Азии, — указывается в Программе КПСС, — нанесли новый мощный удар по позициям империализма. Особенно большое значение имела победа революции в Китае. Революции в странах Европы и Азии — самое крупное событие мировой истории после Октября 1917 года»¹.

Решающие бои в период китайской революции развертывались в условиях, когда Советский Союз вышел победителем из второй мировой войны и начался процесс становления мировой социалистической системы. В мире сложилась новая расстановка сил, значительно способствовавшая победоносному завершению китайской революции.

«Если говорить в международном масштабе, — подчеркнул в своей вступительной речи на VIII Всекитайском съезде КПК Мао Цзэ-дун, — то наши победы были одержаны благодаря поддержке возглавляемого Советским Союзом лагеря мира, демократии и социализма и глубокому сочувствию со стороны миролюбивых народов всего мира»².

Империализм не смог выступить против революции в Китае единым фронтом, как во время восстания «Ихэтуань» и первой гражданской революционной войны в Китае в 1924—1927 гг. В ходе второй мировой войны одни империалистические державы — Германия, Япония и Италия — были разгромлены, а другие — Франция и Англия — сильно ослаблены.

Когда закончилась восьмилетняя война китайского народа против японских захватчиков, Китай оказался разделенным на два лагеря. Чанкайшистское правительство контролировало три четверти территории страны, имело многомиллионную армию, значительная часть которой была обучена и вооружена американцами. В то же время в Китае сложились новые мощные силы. Народная власть была установлена в обширных освобожденных районах с населением в 149 млн. человек. Выросла и приобрела боевой опыт Народно-освободительная армия, вынесшая на себе главную тяжесть войны против японских захватчиков; более 2 млн. человек насчитывало народное ополчение. Эти народные вооруженные силы, руководимые коммунистами, явились главной ударной силой китайской революции. Закалилась в революционных битвах и сама Коммунистическая партия Китая, глубже ушли в народные массы ее корни, шире стали ее ряды.

Существенное значение для победы революции в Китае имело и то, что после разгрома советскими войсками японской Кван-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 19.

² «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая». М., 1956, стр. 4.

тунской армии в Северо-Восточном Китае народная власть образовалась именно в этом обширном граничащем с Советским Союзом и народной Монголией крае. Этот район стал одной из главных опорных баз освободительной борьбы китайского народа, добившегося победы над внутренней и международной реакцией.

Победа народной революции разорвала цепи колониализма и феодализма. Вступив в семью социалистических государств, Китай быстрыми темпами развивал свою экономику и культуру. В корне изменилась роль Китая на международной арене: если старый Китай являлся полуколонией, которой помыкали империалистические державы, то молодая Китайская Народная Республика объединилась со всеми странами социалистического содружества в общей борьбе против империализма и колониализма, за сохранение и упрочение мира и безопасности народов, за социальный прогресс.

В ряду событий, выражающих новые тенденции мирового развития в послевоенный период, видное место занимает национально-освободительная революция во Вьетнаме (август 1945 г.). Она подорвала устои французского колониализма и была одним из ярких проявлений начавшегося после второй мировой войны процесса распада колониальной системы империализма.

Характерная особенность Августовской революции состоит в том, что она была одной из первых национально-освободительных революций в колониальных странах, осуществленной под руководством рабочего класса. Это был глубокий прорыв цепи империализма на его периферии — в Юго-Восточной Азии. Под руководством рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии трудящиеся Вьетнама освободились от колониальной зависимости, развернули последовательную борьбу против средневековых пережитков, против всяких форм гнета и эксплуатации, стали на путь построения основ социализма.

Появление в результате национально-освободительной революции независимого государства — Демократической Республики Вьетнам — способствовало усилению национально-освободительной борьбы всех народов Индокитая. Демократическая Республика Вьетнам превратилась в важный фактор международных отношений на Индокитайском полуострове и в Юго-Восточной Азии.

К числу новых социалистических государств, образовавшихся в Азии после второй мировой войны, относится также Коре́йская Народно-Демократическая Республика. Освобожденная советскими войсками Корея была временно разделена по 38-й параллели на две зоны. Однако в результате политики США временное разделение на зоны вылилось в раскол страны. На юге было создано марионеточное правительство Ли Сын Мана, возглавившее республику Корею, которая превратилась в полуконию США, управляемую диктаторским режимом, подавляю-

щим демократическое движение народа. На севере, напротив, национально-освободительное движение получило самые широкие возможности для развития. Поэтому за сравнительно короткий исторический период оно достигло своей высшей ступени — перехода власти к рабочему классу и крестьянству, образованию социалистического государства.

А. ПОБЕДА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ — СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР ПО ПОЗИЦИЯМ ИМПЕРИАЛИЗМА В АЗИИ

1. Третья гражданская революционная война в Китае

Коммунистическая партия Китая, стремясь избежать гражданской войны, еще на VII съезде (1945 г.), незадолго до окончания второй мировой войны, выдвинула идею создания коалиционного демократического правительства с участием представителей компартии, гоминдана, демократической лиги и представителей беспартийной общественности, а также организации объединенного командования.

Однако правительство Чан Кай-ши, поощряемое Вашингтоном, избрало иной путь. В момент капитуляции Японии чанкайшистская армия находилась в глубоком тылу, тогда как народные войска подошли к Пекину, Тяньцзиню, Шанхаю, Цзинани и многим другим крупным городам. Чан Кай-ши с санкции главнокомандующего союзническими войсками Макартура отдал приказ японской экспедиционной армии в Китае и марионеточным войскам не сдавать оружия частям Народно-освободительной армии и ждать прихода гоминдановских войск. В то же время гоминдановское правительство, пытаясь выиграть время для переброски войск из тыловых районов в крупнейшие города и создать видимость, будто оно стоит за мир в стране, трижды направляло в Яньань телеграммы, предлагая Мао Цзэ-дуну приехать в Чунцин для переговоров с Чан Кай-ши. Коммунистическая партия Китая стремилась в интересах народа сделать все возможное для того, чтобы избежать гражданской войны, сохранить мир, обеспечить сплочение нации и осуществить демократизацию страны. 28 августа 1945 г. Мао Цзэ-дун по решению ЦК КПК отправился в Чунцин.

Ведя переговоры с коммунистами¹, чанкайшисты в то же время спешно перебрасывали войска на исходные позиции для будущего наступления. Правительство США предоставило для переброски гоминдановских солдат самолеты и суда. В сентябре 1945 г. в Тяньцзине, Шанхае и других пунктах высадились американские части, чтобы воспрепятствовать освобождению этих

¹ Подробнее см. *Г. В. Астафьев. Интервенция США в Китае и ее поражение*, М., 1958, стр. 27—33.

городов войсками Народно-освободительной армии. Морская пехота США заняла Пекин-Шэньянскую и Шанхай-Нанкинскую железные дороги. Численность американских войск в Китае составила 113 тыс. человек.

В середине октября 1945 г. чанкайшисты вероломно начали наступление на освобожденные районы в одиннадцати провинциях Центрального и Южного Китая. Операцию проводили гоминдановская армия численностью 1270 тыс. человек и марионеточные войска — 500 тыс. человек. В вооруженной борьбе против освобожденных районов нередко участвовали и американские войска. Они вторглись на территорию освобожденного района Хэбэй-Жэхэ-Ляонин, проникли в освобожденный район в восточной части провинции Хэбэй, оказывая всемерную поддержку гоминдановским войскам. 31 октября американские и гоминдановские войска захватили Бэйдайхэ¹.

Обострение внутренней обстановки в Китае привлекло внимание Московского совещания Совета министров иностранных дел СССР, США и Англии (декабрь 1945 г.). Три министра констатировали необходимость объединения и демократизации Китая, широкого привлечения демократических элементов во все органы национального правительства и прекращения гражданской борьбы. Они подтвердили свою верность политике невмешательства во внутренние дела Китая². Между СССР и США было достигнуто согласие относительно желательности вывода из Китая советских и американских вооруженных сил в кратчайший срок, совместимый с выполнением ими их обязательств и с их ответственностью³.

Это решение Московского совещания министров иностранных дел оказало известное воздействие на обстановку в Китае. В Чунцин прибыл 20 декабря 1945 г. в качестве специального представителя президента США крупный военный и государственный деятель генерал Дж. Маршалл. Империалисты США вынуждены были хотя бы внешне пойти на смену тактики: вместо грубого курса на развертывание гражданской войны было решено более тонкими методами добиться разоружения сил Коммунистической партии Китая и ликвидации освобожденных районов. Миссия Маршалла должна была служить маскировкой интервенции США в Китае. Дж. Маршалл предложил свое посредничество в переговорах между коммунистической партией и гоминданом. Компартия приняла «посредничество» Маршалла, поскольку народ желал мира, хотя бы временного, а китайские коммунисты добивались возможности мирным путем решить спорные проблемы. Даже если бы не удалось добиться мира, участие в переговорах могло служить хорошей трибуной для пропаганды взглядов коммунистов.

Гоминдановское правительство, вынужденное считаться с решениями Московского совещания, пошло на созыв Политического консультативного совета. В итоге состоявшихся в декабре 1945 г. переговоров между гоминданом и компартией при участии Дж. Маршалла 10 января 1946 г. был опубликован приказ о прекращении военных действий, подписанный представителями обеих партий. В тот же день начал свою работу Политический консультативный совет, в состав которого вошли представители всех политических партий и группировок, а также некоторые беспартийные деятели. Политический консультативный совет высказался за ликвидацию однопартийного режима и

¹ См. Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. Перев. с кит. М., 1951, стр. 246.

² См. «Внешняя политика Советского Союза. 1945 год», стр. 161.

³ См. там же, стр. 162.

замену его коалиционным правительством и призвал принять все меры для предотвращения гражданской войны. Было также решено пересмотреть выработанный много лет назад проект конституции и представить Национальному собранию новый проект.

Ни одно из этих решений не было реализовано гоминдановским правительством. Более того, уже 1 марта 1946 г. Чан Кай-ши на третьем пленуме ЦИК гоминдана открыто потребовал пересмотра решений Политического консультативного совета.

Возобновились и военные действия против Народно-освободительной армии, на этот раз в Северо-Восточном Китае, куда гоминдановское правительство направило 15 корпусов. Чан Кай-ши заявил, что перемирие на Северо-Востоке будет осуществлено только после того, как части Народно-освободительной армии оставят Чанчунь.

Войска Народно-освободительной армии, стремясь избежать вооруженного конфликта, 23 мая 1946 г. оставили Чанчунь. Однако гоминдановцы не прекратили наступления. Они заняли Цзянцзи, Сыпингай и вышли на южный берег Сунгари.

Наступление гоминдановских войск в Северо-Восточном Китае и подготовка гражданской войны в общегосударственном масштабе сопровождалась крикливой антисоветской кампанией.

Во время советско-китайских переговоров в Москве в августе 1945 г. главе китайской делегации Сун Цзы-вэню было сказано, что вооруженные силы СССР будут выведены из северо-восточных провинций Китая через три месяца после окончания войны. В ноябре советское командование представило гоминдановским властям план эвакуации войск к 3 декабря 1945 г.

Гоминдановское правительство попросило приостановить вывод советских войск, сославшись на то, что не сможет ко времени их отвода ни перебросить свои войска, ни организовать гражданскую администрацию¹. Это, однако, не помешало гоминдановской пропаганде кричать о том, что СССР якобы захватил северо-восточные провинции Китая. В Чунцине, Нанкине, Шанхае были проведены 22 и 23 февраля 1946 г. антисоветские демонстрации.

В связи с двурушнической позицией гоминдановских властей правительство СССР в марте 1946 г. заявило, что вывод советских войск мог бы быть закончен еще в декабре 1945 г., если бы китайское правительство дважды не просило отсрочить эвакуацию. 3 апреля 1946 г. советское командование сообщило гоминдановским представителям сроки вывода войск из отдельных пунктов северо-восточных провинций². 3 мая 1946 г. закончилась эвакуация советских войск из северо-восточных провинций Китая.

Гоминдановское правительство пыталось добиться от СССР согласия на сосредоточение войск гоминдановцев на Ляодунском полуострове, откуда оно рассчитывало ударить в спину Народно-освободительной армии. Чан Кай-ши лично несколько раз беседовал с послом Советского Союза, стараясь убедить

¹ См. «Известия», 30 ноября 1945 г.

² См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год». М., 1952, стр. 112.

правительство СССР согласиться на высадку гоминдановских войск в районе Порт-Артур — Дальний. Советское правительство ответило, что оборона Порт-Артура возложена на Советский Союз, а Дальний по советско-китайскому соглашению является торговым портом и служит для перевозки товаров, а не войск. Оно возражало против высадки чьих бы то ни было войск в Дальнем и Порт-Артуре, так как это явилось бы нарушением соответствующих соглашений от 14 августа 1945 г.

В связи с этим гоминдановцы развернули антисоветскую пропаганду, пытаясь использовать ее как основное орудие противодействия все более нараставшим антиамериканским настроениям китайского народа, возмущенного вмешательством империализма США во внутренние дела Китая. Однако клеветническая пропаганда плохо помогала гоминдановцам на полях сражений в Северо-Восточном Китае. Части Народно-освободительной армии громили чанкайшистские войска, и гоминдановское правительство заявило 7 июня 1946 г., что готово приостановить военные действия на две недели.

Было ясно, что гоминдановцы и на этот раз старались выиграть время, чтобы подтянуть новые силы. Все же Коммунистическая партия Китая, верная своей линии на решение спорных вопросов мирным путем, пошла на переговоры. Гоминдановское правительство требовало, чтобы органы народной власти и части Народно-освободительной армии на северо-востоке Китая были распущены, чтобы под его контроль были переданы железные дороги Тяньцзинь — Пукоу и Цзяочжоувань — Цзинань, чтобы народные войска оставили все крупные города, опорные базы и важные коммуникации. Кроме того, Чан Кай-ши предлагал предоставить Дж. Маршаллу право решающего голоса при урегулировании разногласий между гоминданом и компартией. Компартия, разумеется, возражала против этого.

Тем временем США, стараясь спасти чанкайшистский режим, начали осуществлять крупные поставки оружия в Китай. 16 июля 1946 г. конгресс США постановил подарить гоминдановскому правительству 271 военный корабль. 27 июня правительство США приняло решение оснастить восемь военно-воздушных соединений чанкайшистской армии, которым передавалось более тысячи боевых самолетов. Кроме того, нанкинскому правительству были предоставлены излишки военного снаряжения на 825 млн. долл.

Поощряемый Вашингтоном, Чан Кай-ши в июле 1946 г. развязал гражданскую войну по всей стране. Первое время гоминдановские войска (4,5 млн. человек) продвигались успешно: им удалось захватить железную дорогу Цзяочжоувань — Цзинань, ряд районов в провинциях Шаньдун и Шаньси. 27 августа они взяли Чэндэ, в конце сентября захватили Чжанцзякоу — важный политический и военный центр революционных сил.

Чанкайшистское правительство ликовало, предвкушая близкую победу. Оно созвало так называемое «национальное собрание», чтобы придать гоминдановскому режиму «демократическую» окраску. Принятая «национальным собранием» конституция «узаконила» чанкайшистский режим. Чан Кай-ши был избран «президентом» Китая.

В этих условиях коммунистическая партия направила свои усилия на то, чтобы разоблачить демагогические маневры гоминдана, целью которых было оправдать расширение гражданской войны и военное вмешательство США в дела Китая.

Центральный Комитет Коммунистической партии Китая протестовал против продолжения гражданской войны, требовал, чтобы США немедленно прекратили военную помощь Чан Кай-ши, вывели свои войска из Китая. Представитель КПК в Нанкине Чжоу Эн-лай в письмах Дж. Маршаллу указывал, что так называемые переговоры о мире были использованы США и Чан Кай-ши для расширения военных действий, причем американская помощь явилась одной из главных причин гражданской войны. Компартия и все демократические группы бойкотировали «национальное собрание».

29 января 1947 г. государственный департамент США объявил о прекращении «посреднической деятельности» Дж. Маршалла в Китае. В то же время американские войска, вопреки решению Московского совещания, не только продолжали оставаться в Китае, но и усилили вмешательство во внутренние дела страны. В Циндао был сосредоточен 7-й флот США, насчитывавший 157 кораблей. В гоминдановском генеральном штабе и в воинских соединениях находилось более тысячи американских военных советников. К августу 1946 г. они обучили 57 гоминдановских дивизий. Только в 1946 г. эти военные советники организовали в Северном Китае 4 разведывательные школы и 27 военных училищ, включая 5 авиационных. В Китай широким потоком шло американское оружие и снаряжение.

Чанкайшистскому режиму были предоставлены крупные займы. За эту помощь правительство Чан Кай-ши платило своим покровителям из США предательством национальных интересов Китая. Оно подписало в Нанкине 4 ноября 1946 г. после секретных переговоров китайско-американский договор о дружбе, торговле и мореплавании. В истории Китая, знавшей множество актов произвола иностранных захватчиков, не было ни одного прецедента, когда какое-либо государство по какому-либо договору получило бы такие же права, какие предоставлялись теперь США. Этот договор по своим масштабам был шире 21 требования, предъявленного Китаю Японией в 1915 г. Он заменял собой целую систему китайско-американских неправомерных договоров, заключенных после 1844 г.

Формально подписанный документ был торговым договором, но на деле он далеко выходил за рамки коммерции. В соответствии с договором американцы получали право беспрепятственно заниматься на всей территории Китая торговлей, промышленным производством, финансовой деятельностью, религиозными делами, наукой, просвещением, открывать «благотворительные» организации и т. д. В этих целях они могли вести строительство, приобретать земли, здания. Причем во всех областях деятельности американцам обеспечивались равные с китайцами права (национальный режим). Эти права распространялись не только на физические и юридические лица, уже существующие, но и на те, которые появились бы в будущем. Таможенные сборы с американских товаров, ввозимых в Китай, не должны были превышать обложения

на китайские товары. Таким образом, таможня не могла защищать китайскую национальную промышленность и торговлю от демпинга из США. Американцы получали право судоходства по внутренним рекам.

Подписание этого кабального договора глубоко возмутило китайский народ. В феврале 1947 г. ЦК Коммунистической партии Китая опубликовал заявление «О непризнании всех торговых договоров». Компартия, защищая национальные интересы страны, заявила, что не признает ни одного займа или договора, заключенного после 10 января 1946 г. в результате сепаратных действий гоминдановского правительства, без одобрения Политического консультативного совета и без консультации с ней, и что она не примет на себя никаких обязательств¹.

Монополистический капитал Соединенных Штатов пытался превратить Китай в рынок сбыта исключительно своих товаров. Уже в 1947 г. на долю США приходилось 50,2% китайского импорта (помимо значительного количества американских товаров, ввозившихся контрабандным путем).

Американские монополии захватывали в Китае одну позицию за другой. Рокфеллер заключил соглашение с чанкайшистскими властями о совместном «развитии» провинций Гуандун и Гуанси. «Юниверсал ойл продакт компани» получила право на разведку и разработку нефтяных ресурсов Северо-Западного Китая. «Вестингауз электрик компани» подписала с гоминдановцами контракт о строительстве энергетических сооружений. В Шанхае американцы установили контроль над производством электроэнергии, телефонной сетью, радиовещанием, банками и т. д.

В 1947 г. в Китае орудовали 12 американских судоходных компаний, контролировавших 9 международных судоходных линий. Гоминдановское правительство назначило главным инспектором китайской таможни американца Литтла. Вступив в должность, Литтл стал усиленно протаскивать в аппарат таможен американцев и англичан, вытесняя оттуда под разными предлогами китайцев: 234 американца и англичанина занимали важнейшие посты в этом аппарате. В мае 1948 г. между Китаем и США было заключено таможенное соглашение, по которому ряд американских товаров вообще освобождался от таможенных обложений, а на другие товары — хлопок, пшеницу, табак — устанавливался очень низкий тариф. Китайско-американское двустороннее соглашение, заключенное в июле 1948 г., передавало под контроль США важнейшие источники сырья в Китае, особенно так называемых стратегических материалов.

Большое значение империалисты США придавали идеологическому воздействию на население Китая. Они распространяли ложь о мнимых агрессивных устремлениях СССР в отношении Китая, стремясь посеять недоверие к нему и втянуть Китай в антисоветский блок. Они пропагандировали «американский образ жизни», выдвигали из китайских господствующих классов своих ставленников на важные посты в гоминдановском правительстве.

Американский империализм использовал для идеологической экспансии религиозные и благотворительные организации. Ассигнования США на их деятельность достигли 41,9 млн. долл. В 1948 г. различные религиозные общины имели в Китае 9651 здание; там было открыто много средних и высших учебных заведений.

Однако широчайшие массы китайского народа, убедившись на собственном опыте, что только устранение гоминдановских

¹ «Цзефан жибао», 4.II.1947.

прислужников империализма может привести страну к свободному, независимому развитию, становились под знамя революционной борьбы, поднятое компартией. Пролетариат, крестьянство, мелкая буржуазия и национальная буржуазия, сплотившись вокруг компартии, образовали могучий революционный единый фронт национального освобождения. Соотношение сил изменилось в пользу народно-освободительного движения.

2. Переход Народно-освободительной армии в наступление. Победа революции

С июля 1947 г. начался новый этап гражданской войны. После кратковременной стабилизации положения на фронте Народно-освободительная армия начала общее контрнаступление, в ходе которого ее части форсировали Хуанхэ, перерезали Лунхай-Тяньшуйскую железную дорогу, вышли в район Даюешань. В августе 1947 г. началось успешное наступление из Шаньдуна в провинцию Хэнань. На Северо-Западе части Народно-освободительной армии вернули Яньань.

Поражения чанкайшистских войск вызвали серьезное беспокойство в Вашингтоне. Нанкинская марионетка явно не оправдывала надежд американских империалистов. В США раздавались призывы к широкой военной интервенции в Китае, которая, как считали некоторые горячие головы, могла еще спасти чанкайшистский режим. В июле 1947 г. в Китай был направлен генерал Ведемейер в сопровождении группы советников из госдепартамента, военных ведомств и министерства финансов. Ведемейер, побывав в Цзинани, Шэньяне, Гуанчжоу, на Тайване, разработал план спасения чанкайшистского режима и передал этот план Трумэну на утверждение¹.

План предусматривал значительное расширение военной помощи нанкинскому правительству, разумеется, под контролем американских советников. Ведемейер потребовал в дополнение к многочисленным авиационным и военноморским базам, которые уже находились под контролем США, передачи новых военных баз. Он советовал также под предлогом прекращения войны на северо-востоке Китая предпринять от имени ООН действия, которые привели бы к созданию там протектората под контролем Китая, США, Англии, Франции и СССР. Если бы какое-либо из этих государств отказалось от участия (имелся в виду СССР), нанкинское правительство должно было обратиться в ООН с просьбой об опеке, т. е. о фактической передаче северо-восточных провинций под контроль США.

Меры, предложенные американским генералом, были грубым вмешательством во внутренние дела Китая, издевательством над суверенными правами китайского народа. Но планы

¹ «The United States Relations with China. With Special Reference to the Period 1944—1949». Based on the Files of the Department of State. Washington, 1949, p. 809—811.

Вашингтона составлялись без хозяина, и в конечном итоге революционное движение народных масс, а не империалисты США и их ставленник Чан Кай-ши определяли ход событий в Китае.

Народно-освободительная армия, опираясь на поддержку и сочувствие всего китайского народа, в сентябре — октябре 1948 г. перешла в решительное наступление и к середине ноября освободила весь Северо-Восточный Китай.

В январе 1949 г. были освобождены Тяньцзинь и Пекин. К апрелю 1949 г. частями Народно-освободительной армии была очищена от гоминдановских войск огромная территория с 200-миллионным населением.

Советский Союз, который вывел свои войска из Китая, настойчиво добивался прекращения вмешательства США во внутренние дела Китая. На Московской сессии Совета министров иностранных дел в марте — апреле 1947 г. делегация СССР предложила государственному секретарю США обменяться информацией по вопросу о том, как выполняется декабрьское решение совещания министров иностранных дел о Китае. Однако Маршалл уклонился от обсуждения этого вопроса.

Между советскими торговыми организациями и органами власти в освобожденных районах Китая устанавливались деловые связи. Так, 21 декабря 1946 г. был подписан договор между всесоюзным объединением «Экспорт-хлеб» и китайской компанией «Тунсин». Фирма «Тунсин» продавала «Экспорт-хлебу» зерно, соевые бобы и мясо; СССР отправлял в Северо-Восточный Китай хлопчатобумажные ткани, пряжу, бумагу, сахар, соль, бензин, керосин, технические масла, каменный уголь, машины и оборудование.

В июле 1949 г. в Москву прибыла торговая делегация народно-демократических властей северо-восточных провинций. В результате переговоров было достигнуто соглашение о взаимных поставках товаров. Советские специалисты помогли в короткий срок восстановить железные дороги, мосты, ряд промышленных предприятий, наладить городское хозяйство. Вместе с китайскими врачами советские противоэпидемические отряды боролись против чумы.

Оказавшись накануне полного краха, гоминдановские правящие круги опять начали лавировать. Нанкинское министерство иностранных дел направило 8 января 1949 г. посольствам СССР, США, Англии и Франции в Китае меморандум с просьбой стать посредниками в мирных переговорах гоминдана с Коммунистической партией Китая. Однако эта попытка толкнуть СССР на вмешательство во внутренние дела Китая не удалась. Советское правительство отказалось принять на себя посредничество, заявив, что восстановление единства Китая как демократического и миролюбивого государства является делом самого китайского народа¹.

Тогда правительство Чан Кай-ши послало в Пекин делегацию для переговоров, однако предложения, выдвинутые коммунистической партией, не были приняты, и переговоры прервались. Часть членов гоминдановской делегации отказалась

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 40.

вернуться в Нанкин и осталась в Пекине: даже им стало ясно, что корабль чанкайшистского режима идет ко дну.

Войска Народно-освободительной армии 21 апреля 1949 г. возобновили наступление, форсировали Янцзы и 23 апреля взяли столицу гоминдановского правительства Нанкин, а в мае — Шанхай. В августе эти войска вступили в Ланьчжоу и Чанша. К осени 1949 г. гоминдановский режим был ликвидирован на большей части территории Китая. Рухнули планы американских империалистов превратить Китай в сферу эксплуатации и привязать его к военной колеснице США. Были пущены на ветер 6 млрд. долл., истраченные правящими кругами США, чтобы сохранить чанкайшистское правительство.

В Пекине 21—30 сентября 1949 г. состоялась сессия Народного политического консультативного совета. Она приняла Положение о Народном политическом консультативном совете, его Общую программу, являвшуюся по существу временной конституцией, закон о создании Центрального народного правительства. Сессия избрала правительство, утвердила флаг и герб Китайской Народной Республики, торжественно провозглашенной 1 октября 1949 г. Столицей КНР стал Пекин. В стране была установлена народно-демократическая власть, опирающаяся на руководимый рабочим классом единый фронт пролетариата, крестьянства, мелкой буржуазии и национальной буржуазии. Эта власть явилась одной из форм диктатуры пролетариата.

Когда на площади Тяньаньмынь в Пекине звучали исторические слова декларации о провозглашении Китайской Народной Республики, войска Народно-освободительной армии добивали врага, пытавшегося удержаться на юге и юго-западе. К концу 1949 г. власть народа была установлена на всей территории континентального Китая. В первой половине 1950 г. чанкайшисты были изгнаны с островов Хайнань, Чжоушань и др. Враг окопался на Тайване и на некоторых прибрежных островах.

Китайский народ, потеряв в кровопролитных боях миллионы своих сынов и дочерей, одержал победу. Китай стал свободным, независимым государством. Победа китайской революции явилась убедительным доказательством того, что старая Азия, уделом которой были беспросветный гнет и порабощение народов иностранными империалистами, безвозвратно уходит в прошлое. Реакция оказалась бессильной предотвратить тот великий процесс возрождения народов Азии, который составляет одну из важнейших черт нашего времени и который открыл вдохновляющие перспективы для дальнейшего подъема борьбы за мир и прогресс человечества.

Победа китайской революции определила новую роль Китая на международной арене. Из системы капитализма выпала страна, которую империалисты рассматривали как гигантскую потенциальную сферу приложения капитала. Рухнули расчеты

воинствующих кругов империалистических держав на то, что Китай будет служить военным плацдармом и неисчерпаемым резервом для агрессии против Советского Союза и других социалистических стран. Были сведены к нулю многолетние усилия монополий США занять место своих империалистических конкурентов и подчинить Китай безраздельному контролю.

Победа китайского народа оказала огромное воздействие на страны Азии, на развитие освободительной борьбы всех угнетенных народов.

3. Внешняя политика Китайской Народной Республики

Коммунистическая партия Китая еще до образования народной республики заявила, что новый Китай займет место в одном лагере с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. В Общей программе Народного политического консультативного совета, принятой 29 сентября 1949 г., было подчеркнуто, что Китайская Народная Республика «находится в лагере международного мира и демократии»¹.

Вступление на путь социализма огромной страны с населением, превышающим 600 млн. человек, и с территорией почти в 10 млн. кв. км расширило границы социалистической системы, увеличило ее силы.

1 октября 1949 г. министр иностранных дел КНР Чжоу Энь-лай направил правительствам Советского Союза и других братских стран письма, в которых предложил установить дипломатические отношения. Уже на следующий день Советское правительство сообщило правительству КНР о своем решении установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой.

14 февраля 1950 г. СССР и КНР подписали Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, о предоставлении Китайской Народной Республике долгосрочного кредита².

Советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи закрепил глубокие исторические связи и ознаменовал собой новый этап в развитии и укреплении дружбы между народами Советского Союза и Китая. Вместе с тем этот договор заложил прочные основы сотрудничества между двумя братскими государствами, показал всему миру искреннее стремление советского и китайского народов оказывать друг другу братскую помощь в развитии экономики и культуры обеих стран, в обеспечении мира на Дальнем Востоке и во всем мире. Каждая статья его проникнута духом пролетарского интернационализма.

¹ «Образование Китайской Народной Республики». Документы и материалы. М., 1950, стр. 34.

² См. там же, стр. 111—121.

Выступая 6 ноября 1957 г. в Москве на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, Мао Цзэ-дун говорил об этом историческом событии: «Еще в первый период создания Китайская Народная Республика заключила с Советским Союзом Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Это — великий союз двух великих социалистических государств. У нас единая судьба и единое дыхание с Советским Союзом и всем социалистическим лагерем. Мы считаем, что усиление сплоченности социалистических стран во главе с Советским Союзом является священным интернациональным долгом всех социалистических государств»¹.

КНР и СССР договорились совместно принимать все необходимые меры, чтобы не допустить повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией в агрессивных актах. В случае нападения Японии или ее союзников на одну из сторон другая сторона немедленно окажет ей военную или иную помощь всеми имеющимися у нее средствами.

Обе стороны обязались участвовать в духе искреннего сотрудничества во всех международных действиях, имеющих целью укрепление мира и безопасности. Они договорились консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим их общие интересы.

Договор предусматривал также всемерное расширение экономических и культурных связей между СССР и Китаем на принципе равноправия, взаимных интересов, а также обоюдном уважении суверенитета и территориальной целостности.

Советское правительство безвозмездно передавало Китайской Народной Республике свои права по совместному управлению КЧЖД со всем принадлежащим дороге имуществом.

Соглашение о Порт-Артуре предусматривало вывод советских войск из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур и передачу правительству Китайской Народной Республики сооружений, находившихся в этом районе, сразу после заключения мирного договора с Японией, но не позже конца 1952 г.

Народному Китаю был предоставлен льготный кредит в сумме 300 млн. американских долларов. В течение 5 лет КНР могла получать по 60 млн. долл. для оплаты поставок оборудования и материалов из СССР.

Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, объединивший две великие державы, имел огромное международное значение. Он помешал империалистическим кругам начать вооруженную интервенцию против молодой Китайской Народной Республики. Он не только укреплял безопасность народного Китая, но и открывал перед ним широкие возможности получать бескорыстную помощь в восстановлении и развитии народного хозяйства, в строительстве социализма.

Во исполнение Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи Китайская Народная Республика и Советский Союз заключили в апреле 1950 г. соглашения о торговле и товарообороте. В 1950 г. объем китайско-советской торговли был равен 2306 млн. руб. Для оказания помощи в восстановлении народного хозяйства, организации его управления и подготовки национальных кадров из Советского Союза по приглашению пра-

¹ «Правда», 7 ноября 1957 г.

вительства КНР выехало несколько сот высококвалифицированных специалистов.

Вслед за СССР установили дипломатические отношения с Китаем в октябре 1949 г. Болгария, Румыния, Польша, Чехословакия, Венгрия, Корейская Народно-Демократическая Республика, Монгольская Народная Республика, Германская Демократическая Республика; в ноябре Албания и в январе 1950 г. Демократическая Республика Вьетнам.

Стало быстро налаживаться экономическое сотрудничество между КНР и европейскими государствами народной демократии, а также с соседними братскими странами.

Таким образом, с первых же дней существования Китайская Народная Республика прочно определила свое место в братской семье социалистического содружества наций, в международных отношениях социалистических стран. Поддержка, оказываемая КНР этими странами, значительно облегчила китайскому народу строительство социализма. Сотрудничество же КНР с социалистическими странами, со своей стороны, явилось большим вкладом в дело укрепления могущества мировой социалистической системы в целом.

Правительство Китайской Народной Республики и ЦК КПК неоднократно заявляли о стремлении КНР к мирным отношениям с капиталистическими странами. В этом направлении с самого начала предпринимались необходимые шаги.

Китайская Народная Республика изъявила готовность на основах равенства, взаимной выгоды, взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета вступить в переговоры о пересмотре договоров, подписанных гоминдановским правительством с США; открывались широкие возможности для сотрудничества народного Китая и США на демократических началах. Однако американское правительство не только отказалось признать КНР, но и попыталось организовать политическую и экономическую блокаду народной республики.

Представитель государственного департамента Уайт заявил 4 октября 1949 г., что правительство США не видит оснований торопиться с признанием КНР. Через неделю государственный секретарь дал понять, что США могли бы признать КНР, если бы Центральное народное правительство взяло на себя обязательства, вытекающие из договоров, заключенных гоминдановцами. Другими словами, американская дипломатия в обмен на признание требовала сохранить позиции, какие США имели в Китае при чанкайшистском режиме. Это была попытка с негодными средствами. И естественно, что предложения госдепартамента были решительно отвергнуты.

Вместе с тем правительство США не только не закрыло свои консульства, миссионерские и «благотворительные» организации в Китае, но и требовало, чтобы отношение к сотрудникам этих учреждений было такое же, как к официальным лицам, и даже чтобы на чиновников бывших консульств распространялся дипломатический иммунитет. Таким образом, правительство США, не желая признавать народный Китай, в то же время пыталось сохранить там свои учреждения для сбора сведений и для подрывной работы против нового строя.

Поскольку США не пожелали установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой, то вполне естественно, что правительство КНР не могло признавать официальный статус за их многочисленными консульствами, миссионерскими и прочими организациями. Китайские власти выслали тех американцев, которые вели враждебную деятельность против народно-демократического строя. Некоторые работники бывшего консульства США в Шэньяне были привлечены к ответственности и по приговору суда высланы из страны.

Американские официальные лица и реакционная печать пытались представить позицию КНР в этом вопросе как неуважение прав «свободных» держав. Они утверждали, что китайское правительство якобы само осложняет признание народной республики Соединенными Штатами и другими западными государствами. Президент Трумэн заявил 17 ноября 1949 г. на пресс-конференции, будто китайские власти своими действиями нарушают международную практику и оскорбляют США. Некоторые конгрессмены требовали применить вооруженную силу против КНР.

Правительство США прибегло и к экономическому бойкоту КНР. Оно запретило отправку туда так называемых стратегических материалов. Запрет распространялся и на товары народнохозяйственного значения, а именно: электрогенераторы, оборудование для нефтяной и горнорудной промышленности, автомашины, а также на одежду, продукты и т. д. Американский экспорт в Китай, составлявший в 1947 г. 362 млн. долл., а в 1948 г. — 246 млн., за период с июня 1949 г. по июнь 1950 г. упал до 30 млн. долл.¹

В то же время США продолжали оказывать помощь гоминдановцам. Когда части Народно-освободительной армии подошли к Гуанчжоу, американские пароходы и самолеты перевезли чанкайшистов на Тайвань. В Тайбэе собрались изгнанные народом политические банкроты, которые стали выдавать себя за национальное правительство несуществующей Китайской республики. Соединенные Штаты Америки и некоторые зависимые от них страны учредили в Тайбэе свои посольства. В октябре 1949 г. правительство США выделило для оказания помощи чанкайшистам 75 млн. долл. В феврале 1950 г. конгресс принял решение продлить срок, в течение которого могли быть израсходованы оставшиеся неиспользованными 108 млн. долл., выделенные гоминдановскому правительству по «плану Маршалла» в 1948 г.

С Тайваня стали совершаться нападения на побережье Китайской Народной Республики. Начиная с февраля 1950 г. самолеты с клеймом «made in USA», пилотируемые чанкайшистами, а также наемниками из американцев, японцев и немцев из Западной Германии, начали бомбардировать и обстре-

¹ См. Б. И. Бухаров. Политика США в отношении Китайской Народной Республики (1949—1953). М., 1958, стр. 18.

ливать населенные пункты КНР. Под защитой американских крейсеров гоминдановские пираты обстреливали и захватывали иностранные суда, направлявшиеся в порты Китая. В ноябре 1949 г. были повреждены корабли «Люис Моллер», «Эдит Моллер», «Леонби», «Цзинань», «Усан». Этот разбой вызвал ряд протестов даже со стороны союзников США.

Исподволь готовилась оккупация острова Тайвань вооруженными силами США. 7-й американский флот, крейсировавший в дальневосточных водах, был усилен. Перебрасывались новые воинские части США в Японию. Участились поездки американских генералов и дипломатов на Дальний Восток. Ряд сенаторов и конгрессменов открыто призывали оккупировать Тайвань.

Правительство США оказывало нажим на другие капиталистические страны, чтобы помешать установлению их отношений с Китайской Народной Республикой. Еще в январе 1950 г., вскоре после освобождения Нанкина Народно-освободительной армией, государственный департамент через своих послов в Англии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Канаде и других капиталистических странах довел до сведения правящих кругов этих государств, что Вашингтон будет считать нежелательным любое действие, предпринятое ими в направлении признания будущего правительства Китая.

Делегация США активно поддержала проект резолюции, внесенный чанкайшистом в Политическом комитете IV сессии Генеральной Ассамблеи, который требовал от всех государств — членов ООН не признавать Китайскую Народную Республику. Провести эту резолюцию помешал Советский Союз, вместе с которым выступили Чехословакия, Польша, Болгария, Индия, Пакистан и другие страны.

Усилия правящих кругов США организовать международный политический и экономический бойкот КНР не увенчались успехом. На призыв народного Китая об установлении дипломатических отношений в духе демократических принципов откликнулись вслед за социалистическими государствами многие страны Азии, недавно ставшие на путь самостоятельного развития. Общность судеб китайского и других азиатских народов, являвшихся в течение десятилетий объектом колониального угнетения и грабежа, огромная притягательная сила примера освободительной борьбы Китая определили их взаимоотношения.

16 декабря 1949 г. Бирма, 30 декабря Индия, а затем Пакистан, Цейлон, Афганистан, Индонезия признали КНР.

Особенно важно было установление дипломатических отношений между Китаем и Индией. Бывший посол Индии в Китае К. М. Паниккар писал, что у него на родине не было разногласий относительно признания нового Китая; между лидерами были лишь расхождения в вопросе о сроках¹. «Вопрос состоит не в том, чтобы одобрить или не одобрить изменения, которые имели место, — говорил Дж. Неру в парламенте. — Вопрос состоит в признании величайшего события в истории, в оценке его и отношении к нему. Новое правительство — прочное правительство, и нет такой силы, которая могла бы вытеснить или изгнать его»².

¹ К. М. Panikkar. In *Two Chinas* (Memoirs of a Diplomat). London, 1955, p. 67.

² «Far Eastern Survey», vol. XXI, No. 4, 21. V. 1952, p. 74.

Стал разваливаться и антикитайский фронт западных держав. Бывший английский генеральный консул в Пекине Грэхем вручил 6 января 1950 г. министру иностранных дел КНР ноту. Правительство Англии, констатируя, что Центральное народное правительство КНР осуществляет действенный контроль над подавляющей частью территории страны, признало его де-юре. Временным поверенным в делах Великобритании в Китае назначался Хатчисон, которому поручалось вести переговоры об установлении дипломатических отношений¹. Китайское правительство согласилось принять английского поверенного и начать переговоры о нормализации дипломатических отношений.

Признать народный Китай английское правительство заставили многие обстоятельства.

Во-первых, Англия рассчитывала на китайский рынок для расширения своего внешнеторгового оборота и стремилась сохранить свои авуары в Китае.

Во-вторых, правительство Великобритании вынуждено было учитывать позицию стран Азии, входящих в Британское содружество, которые настаивали на признании Китайской Народной Республики.

В-третьих, в Лондоне считали, что наличие дипломатических отношений с КНР облегчит урегулирование тех вопросов, которые могут возникнуть в отношении Сянган (Гонконга), а также английских владений в Юго-Восточной Азии. «Потребность Великобритании в торговле с Китаем значительно большая, чем потребность Америки, и боязнь потерять Гонконг или по меньшей мере воевать из-за него — все это, можно было считать, удержит Великобританию от слишком тесного объединения с Соединенными Штатами в китайско-американском конфликте»², — писал американский журнал «Каррент истори».

В-четвертых, правящие круги Англии опасались, что поддержка авантюристической позиции США в отношении Китайской Народной Республики связана с риском войны на Дальнем Востоке, которая в любом случае привела бы к серьезному ослаблению британских позиций в Азии.

Наконец, правительство Эттли, не желая отказываться от старых методов британского империализма, не теряло надежды оторвать Китай от социалистического лагеря. Британский премьер говорил Трумэну 5 декабря 1950 г.: «Не нужно допускать, чтобы китайцы думали, что Россия их единственный друг». Он, видите ли, хотел, чтобы «китайцы порвали с Россией» и даже стали «противовесом России на Дальнем Востоке»³.

Вслед за Англией Китайскую Народную Республику признала Норвегия, затем Дания, Израиль, Финляндия, Швеция, Швейцария, Голландия.

Однако, устанавливая в силу ряда экономических и политических причин дипломатические отношения с КНР, буржуазные правительства западных стран отнюдь не собирались оказывать социалистическому Китаю поддержку на международной арене. Открытая враждебность социалистическому строю, груз старой колониальной политики и экономической зависимости от

¹ «Сборник документов по внешним отношениям Китайской Народной Республики 1949—1950 гг.» Пекин, 1957, стр. 19 (на кит. яз.).

² «Current History», December 1957, p. 329.

³ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II (Years of Trial and Hope). New York, 1956, p. 402.

США увлекли их, и в частности Англию, с прямой дороги развития сотрудничества с Китаем.

Правительство Англии полагало, что самого факта признания народного Китая будет достаточно, чтобы обеспечить решение тех проблем, которые побудили Англию пойти на это. Устанавливать нормальные отношения с КНР британские правящие круги не намеревались.

Некоторые круги Англии, вопреки Каирской и Потсдамской декларациям, под которыми стояла подпись и премьер-министра Великобритании, начали ставить под сомнение статус острова Тайвань. В мае 1950 г. министерство иностранных дел Англии заявило, что Тайвань якобы все еще юридически является частью территории Японии и так называемое «националистическое правительство», т. е. чанкайшистская группа, имеет «высшие полномочия», чтобы управлять островом в качестве воюющей стороны, оккупировавшей его¹.

Весной 1950 г. английские власти ограничили передвижение китайцев между Сянганом и материком. Правительство КНР решительно протестовало против таких действий британских властей, подчеркнув, что это никак не способствует улучшению англо-китайских отношений².

Переговоры между Чжоу Энь-лаем и Хатчисоном об установлении дипломатических отношений зашли в тупик и были прерваны.

Правительство США и поддерживающие его правительства западных держав заняли в ООН открыто враждебную Китайской Народной Республике позицию. Их представители упорно препятствовали допуску народного Китая в Организацию Объединенных Наций и изгнанию из ее органов никого не представлявших гоминдановцев.

Вскоре после провозглашения Китайской Народной Республики ее правительство решило направить своих представителей в ООН, чтобы в качестве одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности внести свой вклад в деятельность этого международного форума, защищать мир во всем мире. Министр иностранных дел КНР сообщил 15 ноября 1949 г. генеральному секретарю ООН, что Центральное народное правительство в основном освободило всю страну и завоевало горячую поддержку всего китайского народа; гоминдановское же правительство бежало и развалилось, а потому потеряло всякие основания представлять Китай в этой международной организации. В тот же день в телеграмме председателю IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН правительство КНР сообщило, что оно отказывается признать за делегацией клики Чан Кай-ши право представлять китайский народ³.

¹ «The American Journal of International Law», vol. 50, № 2, 1956, p. 415—416.

² «Жэньминь жибао», 10.V.1950.

³ См. «Сборник документов по внешним отношениям Китайской Народной Республики. 1949—1950 гг.», стр. 85—86.

Молодая народная республика, постоянно ощущавшая дружескую поддержку братских стран социализма во всех сферах своей внешнеполитической деятельности, получила эту поддержку и в отношении своих законных прав в ООН. Советский представитель, выступая 25 ноября 1949 г. в Политическом комитете Генеральной Ассамблеи, заявил, что не признает правомочной чанкайшистскую делегацию, и потребовал приглашения на Ассамблею представителей Китайской Народной Республики. С аналогичными заявлениями выступили делегации УССР, БССР, Польши и Чехословакии. Однако США и их союзники вопреки международному праву воспрепятствовали осуществлению этого законного требования.

Тем не менее победа китайской народной революции и выход на мировую арену Китайской Народной Республики имели огромное международное значение.

«Победа народной революции в Китае, — говорилось в приветствии Центрального Комитета КПСС, направленном Центральному Комитету КПК по случаю 40-летнего юбилея Коммунистической партии Китая, — нанесла сокрушительный удар по позициям империализма в Азии, в огромной мере способствовала изменению соотношения мировых сил в пользу социализма. Народная революция в Китае дала новый мощный толчок национально-освободительному движению в колониальных и зависимых странах. Утверждение народно-демократического строя в Китае ярко свидетельствует о новом триумфе победоносного марксистско-ленинского учения. Перед Китайской Народной Республикой, вошедшей в тесную семью братских стран социалистического содружества, открылись невиданные перспективы строительства светлого социалистического общества»¹.

Б. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИНДОКИТАЕ

1. Августовская революция 1945 г.

Уже в начальном периоде второй мировой войны Франция оказалась сильно ослабленной в военном и экономическом отношениях. Этим решила воспользоваться Япония для захвата Индокитая.

Летом 1940 г. японское правительство предъявило Франции целую серию требований и ультиматумов. Правительство Петэна шло на уступки. Наконец, 29 июля 1941 г. адмирал Дарлан и японский посол подписали в Виши соглашение, предоставившее Японии право дислоцировать свои войска в любом пункте Индокитая.

¹ «Правда», 1 июля 1961 г.

За оккупацией индокитайской территории последовал захват японским империализмом экономических позиций в Индокитае. Под нажимом Японии правительство Виши отменило прежний таможенный режим и с 1 июля 1941 г. предоставило Индокитаю так называемую таможенную автономию. Открылись широкие возможности для проникновения в Индокитай японских товаров и капиталов.

Вишистские правители не сопротивлялись японской экспансии, так как боялись ее меньше, чем растущего национально-освободительного движения. Они надеялись, что и после проникновения Японии в Индокитай им удастся сохранить там кое-какие позиции. «После зрелых размышлений, — писал Петэн в сентябре 1940 г. в обращении к французам, проживающим в Индокитае, — я поручил моему правительству начать с Японией переговоры, которые, не допуская конфликта из-за Индокитаа, должны сохранить основные из наших прав»¹.

Однако Япония готовилась к полному захвату Индокитаа. В ночь с 9 на 10 марта 1945 г. французские войска были обезоружены и интернированы, а французская администрация свергнута во всем Индокитае. Индокитай оказался в руках японских захватчиков.

При этом японский империализм рядился в одежды антиколониализма. 10 марта 1945 г. Япония объявила об «окончании» колониального режима во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе. Сразу же после свержения французской администрации во Вьетнаме было сформировано правительство из прояпонских элементов. Включившись в японскую игру, император Бао Дай и его марионеточное правительство обнародовали прокламацию об аннулировании договора с Францией, устанавливавшего режим протектората, и о «восстановлении независимости» Вьетнама. Авторы прокламации объявили Вьетнам составной частью «великой Восточной Азии» и изъявили готовность сотрудничать с Японией.

Французское командование, располагавшее 60-тысячной армией в Индокитае, по существу, капитулировало, не оказав никакого сопротивления японскому перевороту 9 марта. Вишисты предпочли передать индокитайские колонии в руки японского империализма, чем допустить победу национально-освободительного движения. Бывший в то время генерал-губернатором Индокитаа адмирал Дэку в своих мемуарах писал: «В действительности мы должны были отвоевать Индокитай не у Японии, а у самих индокитайцев...»² Однако такая задача — «отвоевать Индокитай у самих индокитайцев» в новых исторических условиях оказалась непосильной для империализма.

В авангарде освободительной борьбы вьетнамского народа шел рабочий класс Вьетнама. Молодой и относительно малочисленный, он тем не менее проявил себя как большая революционная сила.

¹ «Témoignages et documents français relatifs à la colonisation française au Vietnam», part IV, Hanoi, 1955, p. 33.

² Admiral *Decoux*. A la barre de l'Indochine. Paris, 1949, p. 336.

В марте 1941 г. по инициативе коммунистической партии во Вьетнаме была создана Лига борьбы за независимость (Вьет-Мин) — единый национальный фронт, в котором объединились патриотические силы страны. Поднимая массы против французских колонизаторов, Компартия Индокитая еще за несколько лет до начала войны не упускала из виду опасности, исходившей от японского империализма.

После оккупации Индокитая Японией компартия боролась против распространявшихся японской агентурой иллюзий, будто бы Япония несет народам Индокитая свободу и независимость. Компартия оказалась единственной силой во Вьетнаме, которая организовала сопротивление японским захватчикам. В 1940—1941 гг. вьетнамские патриоты организовали против японской оккупации ряд вооруженных выступлений, которые были подавлены совместными усилиями японских и французских войск.

После осуществления японской военщиной 9 марта 1945 г. переворота Коммунистическая партия Индокитая и руководимый ею единый национальный фронт Вьет-Мин начали широкую мобилизацию масс на борьбу против японского империализма, ставшего главным врагом народов Индокитая. ЦК компартии выдвинул в качестве неотложных задач: создание Освободительной армии Вьетнама; организацию Военно-революционного комитета, который взял бы на себя подготовку и проведение восстания; образование местных и Общевьетнамского народных революционных комитетов как временных революционных органов власти.

С марта по август 1945 г. вьетнамские патриоты расширяли и создавали новые партизанские базы. Разрозненные партизанские отряды сливались в Освободительную армию Вьетнама. В районах, контролируемых Освободительной армией или партизанскими отрядами, создавались народные революционные комитеты, а в оккупированных районах — комитеты освобождения, которые на деле явились органами власти и органами подготовки народного восстания. В июне 1945 г. была создана обширная Освобожденная зона, включавшая шесть провинций Северного Вьетнама.

С 13 по 15 августа 1945 г. в освобожденном районе состоялась общевьетнамская конференция коммунистов, которая решила поднять всенародное восстание под лозунгами: «Долой захватчиков!», «Полная независимость!», «Народная власть!»¹. Проходивший 16—17 августа Национальный конгресс Вьетнама, на котором были представлены различные народности, классы и партии страны, одобрил предложение компартии и Центрального комитета Вьет-Мина немедленно начать восстание. Национальный конгресс избрал Национальный комитет освобожде-

¹ «Разобьем оковы». Документы Августовской революции 1945 года во Вьетнаме. Перев. с франц. М., 1960, стр. 66.

ния во главе с Хо Ши Мином, возложив на комитет функции временного правительства Вьетнама.

По всей стране развернулись вооруженные демонстрации, в ходе которых власть на местах переходила из рук японских марионеток к представителям народа. Освободительная армия во избежание излишнего кровопролития не проводила повсеместного насильственного разоружения войск уже капитулировавшей Японии и не выступала против японских войск там, где они соблюдали нейтралитет и не препятствовали созданию органов народной власти.

Грандиозные демонстрации в Ханое 17—18 августа 1945 г. вылились в народное восстание. Народ победил. 19 августа марионеточное правительство было сметено. Власть взял в свои руки Национальный комитет освобождения Вьетнама.

В авангарде революционного восстания шел Север — наиболее развитый в промышленном отношении район, где рабочий класс был более многочисленным и более организованным. Революционная волна быстро катилась с севера на юг. В Сайгоне 23 августа состоялась мощная демонстрация, в которой участвовало около миллиона человек. Был создан орган народной власти — Административный комитет; власть его распространялась на весь Южный Вьетнам.

Перед лицом победившей революции и полного крушения марионеточной власти император Бао Дай 25 августа 1945 г. подписал акт об отречении от престола. Глава временного правительства Хо Ши Мин 2 сентября 1945 г. на полумиллионном митинге в Ханое огласил Декларацию независимости. На Индокитайском полуострове возникло независимое государство — Демократическая Республика Вьетнам. Долгая и упорная борьба против французских колонизаторов, а затем японских захватчиков увенчалась победой вьетнамского народа. Колониальный режим был ликвидирован, а вместе с ним была похоронена и монархия.

В Лаосе 12 октября 1945 г. образовалось временное народное правительство; в тот же день оно провозгласило независимость страны. В августе 1945 г. народ Камбоджи также поднялся на вооруженную борьбу за независимость своей родины.

После Августовской революции во Вьетнаме развернулась работа по строительству нового, демократического государства.

На территории всего Вьетнама 6 января 1946 г. были проведены выборы в законодательный орган — Национальное собрание. Участвовало свыше 90% избирателей, и в подавляющем большинстве они проголосовали за кандидатов Вьет-Мина. На первой сессии Национального собрания 6 марта 1946 г. было сформировано правительство Демократической Республики Вьетнам во главе с Хо Ши Мином. Вторая сессия Национального собрания утвердила 8 ноября 1946 г. Конституцию ДРВ, зафиксировавшую исторические завоевания вьетнамского народа.

Демократическая Республика Вьетнам с момента своего рождения провозгласила борьбу за мир и дружбу между народами основой своей внешней политики. «Правительство Демократической Республики Вьетнам, — говорилось в специальном коммюнике временного правительства ДРВ от 3 октября 1945 г., — решило осуществлять внешнюю политику, точно соответствующую полной независимости нашей страны... Демократическая Республика Вьетнам искренне желает развивать дружбу и сотрудничество со всеми странами мира на основе равенства и взаимопомощи во имя построения длительного мира во всем мире»¹.

Коммунистическая партия и правительство Демократической Республики Вьетнам после Августовской революции приступили к широким социальным преобразованиям с целью ликвидировать средневековые пережитки в аграрных отношениях, добиться подъема экономики, повысить благосостояние и культурный уровень народных масс. Эти новые задачи вьетнамскому народу пришлось решать в условиях тяжелой и продолжительной борьбы против империализма, пытавшегося с помощью оружия реставрировать колониальный режим во Вьетнаме и других индокитайских государствах.

2. Французская интервенция в Индокитае

Послевоенная политика Франции в отношении Индокитая была сформулирована в специальной декларации ее временного правительства от 24 марта 1945 г. Декларация восстанавливала созданный колонизаторами в прошлом веке «Индокитайский союз» под именем «Индокитайской федерации», в которую Вьетнам включался тремя разрозненными частями — Кохинхина, Аннам и Тонкин. «Индокитайская федерация» объявлялась частью «Французского союза», интересы которого вовне должны были представляться Францией².

Под вывеской «Французский союз», по существу, скрывалась старая колониальная программа со всеми ее атрибутами — с неограниченной властью генерал-губернатора, с насильственной федерацией индокитайских государств, с расчленением самой крупной и наиболее развитой страны Индокитая — Вьетнама.

Сразу же после окончания второй мировой войны французский империализм, при благосклонном отношении или прямой поддержке других империалистических государств, попытался восстановить утраченные им позиции в Индокитае. Первыми на помощь французским колонизаторам в этом деле пришли английские империалисты: они беспокоились за судьбу собственных колоний в Юго-Восточной Азии и были заинтересованы

¹ «Демократическая Республика Вьетнам. 1945—1960». М., 1960, стр. 232.

² *Ch. de Gaulle. Memoirs de guerre. Le salut 1944—1946.* Paris, 1960, p. 459.

в подавлении национально-освободительного движения в этом районе.

В сентябре 1945 г. в Индокитай вступили английские и гоминдановские войска с ограниченной миссией разоружения и репатриации японских войск. Английские войска были расположены южнее, а гоминдановские — севернее 16-й параллели. Вместе с английскими войсками в Сайгон прибыл 12 сентября первый французский отряд. Командующий английскими войсками в Индокитае генерал Грейси вскоре вооружил французских солдат, интернированных японскими властями. Так, с помощью Англии были заложены основы французского экспедиционного корпуса в Индокитае; к концу 1945 г. в нем насчитывалось уже 35 тыс. человек.

Явившийся в сентябре 1945 г. в Сайгон первый представитель временного правительства Франции полковник Седий занял резко отрицательную позицию в отношении Демократической Республики Вьетнам.

Седий прибыл во Вьетнам с планом создания послушного французским колонизаторам правительства, с программой реставрации колониального режима. Эту программу он предложил Исполнительному комитету Намбо¹, который управлял Южным Вьетнамом от имени правительства Демократической Республики Вьетнам. Исполнительный комитет Намбо высказался за сотрудничество с Францией, но решительно отверг колониальную программу, которая не могла служить базой для сотрудничества.

Французские воинские подразделения, опираясь на поддержку английских и японских войск, приступили к ликвидации органов народной власти. В ночь с 22 на 23 сентября были захвачены комиссариат полиции, управление безопасности, казначейство и другие административные и общественные учреждения Сайгона.

В Сайгоне была восстановлена французская колониальная администрация. Исполнительный комитет Намбо был вынужден оставить город и перенести свою деятельность в сельские районы Тростниковой долины и мыса Камау, где потом были созданы крупные базы сопротивления интервентам.

Английское правительство, как стало известно из франко-британского заявления от 8 октября 1945 г., поспешило признать власть Франции не только в Сайгоне, но и над всей территорией Индокитая². Дав возможность французам закрепиться в Южном Вьетнаме, Англия в начале 1946 г. вывела свои войска из Индокитая.

К началу 1946 г. французские войска заняли основные города Южного Вьетнама. Командующий экспедиционным корпусом генерал Леклерк шел по дороге, проторенной его предшественниками во второй половине прошлого века. Он стремился укрепиться в Кохинхине (Южный Вьетнам) и превратить ее в плацдарм для повторного завоевания всего Индокитая.

После поражения Японии у французских колонизаторов появился новый конкурент в Индокитае — империализм США, который намеревался воспрепятствовать возвращению Франции в Индокитай. Причем свои планы правящие круги США пытались представить перед общественным мнением как заботу о судьбах индокитайских народов. В отличие от штатских дипломатов и политических деятелей адмирал Леги, бывший в свое время послом США при

¹ Намбо — вьетнамское название Кохинхины (Южный Вьетнам).

² *Th. Blanchet. La naissance de l'état assosié du Viet-Nam. Paris, 1954, p. 53.*

правительстве Виши, более откровенно говорил о замыслах Вашингтона в отношении Индокитая. Рассказывая о своих переговорах с Петэном и Дарланом в июле 1941 г. о японском проникновении в Индокитай, он пишет в своих мемуарах: «Я вновь нанес им визит 19 июля для того, чтобы устно передать послание из Вашингтона относительно этой новой активности со стороны Японии. Было необходимо прямо сказать, что если победителем окажется Япония, то французский Индокитай заберут японцы; а если войну выиграют союзники, то возьмем его мы».

Сразу же после капитуляции Японии во Вьетнам зачастили различные американские миссии: группа управления стратегической разведкой во главе с майором Патти, группа тактической разведки и группа полковника Гудзона, разрабатывавшая, по сообщению французской газеты «Монд», проект строительства американской авиационно-морской базы в Хайфоне¹.

В сентябре 1947 г. Индокитай посетил известный разведчик и эмиссар монополий США Буллит². Верховный комиссар Франции Болаэрт телеграфировал французскому правительству: «Хотя это путешествие носит частный характер, г-н Буллит... проявляет специальный интерес к экономическим вопросам»³.

Убедившись в невозможности использовать национально-освободительное движение в своих интересах, империалисты США решили сделать ставку на гоминдановские войска в Северном Вьетнаме. С их помощью ликвидировались в деревнях отдаленных районов органы народной власти. Гоминдановское командование требовало включения своих агентов в центральные органы власти и даже в Национальное собрание ДРВ. Но Чан Кай-ши в этот период надо было уже думать о собственном спасении. Поэтому между французским и гоминдановским правительствами 28 февраля 1946 г. в Чунцине было подписано соглашение о замене в Северном Вьетнаме гоминдановских войск французскими.

Правительство ДРВ, стремясь как можно быстрее урегулировать отношения с Францией, вступило еще в конце 1945 г. в переговоры с представителями французского правительства. Желая избежать конфликта, правительство ДРВ соглашалось на вхождение на определенных условиях в «Индокитайскую федерацию» и во «Французский союз», признавало экономические и культурные интересы Франции во Вьетнаме, но в свою очередь требовало признания независимости и национального единства Вьетнама.

Франция и ДРВ подписали 6 марта 1946 г. предварительную конвенцию, в ст. I которой говорилось: «Французское правительство признает Республику Вьетнам как свободное государство, имеющее свое правительство, свой парламент, свою армию и свои финансы и входящее в состав Индокитайской федерации

¹ «Le Monde», 13—14. IV. 1947.

² В 1936—1941 гг. Буллит был послом США во Франции.

³ «Cahiers internationaux», Paris, décembre 1951, № 31.

и Французского союза»¹. По вопросу о присоединении Кохинхины (южная часть Вьетнама) к ДРВ французское правительство обязалось утвердить то решение, которое примет само население этого района в итоге референдума. Правительство ДРВ согласилось на вступление французских войск (численностью не свыше 15 тыс. человек) в Северный Вьетнам для замены китайских войск. Предусматривался вывод всех французских войск из Вьетнама в течение пяти лет.

Соглашения от 6 марта 1946 г. стали возможными лишь в результате победы вьетнамского народа в Августовской революции. Однако они давали вьетнамскому народу меньше того, чего он уже фактически добился. Но правительству ДРВ приходилось считаться с тем фактом, что в Тонкине стояла двухсоттысячная чанкайшистская армия, которая не просто решила уйти из Вьетнама, а согласилась лишь уступить место французским войскам.

Подписание соглашения означало, что правительство ДРВ стремится мирными средствами добиваться полной независимости и восстановления национального единства Вьетнама, хочет урегулировать все спорные вопросы с Францией путем переговоров. Но, как показали дальнейшие события, для вдохновителей французской политики переговоры и соглашения были только маневром, рассчитанным на проникновение в Северный Вьетнам.

Член партии МРП («Народно-республиканское движение») Макс Андрэ, глава французской делегации на переговорах с ДРВ в Фонтенбло, в одном из выступлений на съезде своей партии признавал, что переговоры с вьетнамским правительством были вызваны необходимостью ввести французские войска в Тонкин². Колонизаторам нужны были соглашения, чтобы выиграть время, накопить силы для вторичного завоевания Вьетнама.

Президент ДРВ Хо Ши Мин и вьетнамская делегация находились на пути во Францию, где должны были начаться переговоры, когда французский верховный комиссар в Индокитае адмирал д'Аржанлье 1 июня 1946 г. в одностороннем порядке провозгласил Кохинхину «автономной республикой».

Пока в Фонтенбло шли переговоры, французская администрация и военщина в Индокитае прибегли к новым маневрам.

Адмирал д'Аржанлье 1 августа созвал конференцию из профранцузски настроенных элементов Камбоджи, Лаоса и Кохинхины. Здесь без участия представителей ДРВ обсуждался вопрос о создании Индокитайской федерации. Вьетнамская делегация на переговорах в Фонтенбло заявила решительный протест против односторонних действий французских властей в Индокитае. Переговоры были прерваны.

Хо Ши Мин оставался в Париже и прилагал все усилия к тому, чтобы найти пути мирного урегулирования отношений с Францией. В результате

¹ «Демократическая Республика Вьетнам». Конституция, законодательные акты, документы. М., 1955, стр. 57.

² «Правда о Вьетнаме». Перев. с франц. М., 1949, стр. 134—135.

этих усилий 14 сентября в Париже Хо Ши Мином и министром по делам заморских территорий Франции Мариусом Мутэ было подписано вьетно-французское соглашение, устанавливавшее временный порядок (*modus vivendi*) урегулирования экономических, таможенных и других вопросов. Соглашением предусматривалось создание смешанных комиссий для решения спорных вопросов вьетно-французских отношений и возобновление переговоров не позднее января 1947 г. в целях заключения окончательного общего договора. Но колонизаторы уже решительно повернули на путь войны против Демократической Республики Вьетнам.

Представитель французского верховного комиссара в Тонкине издал 14 октября 1946 г. распоряжение об установлении французского таможенного контроля.

Французское военное командование, воспользовавшись спровоцированным им же самим инцидентом из-за таможенного контроля, предъявило административному комитету Хайфона 23 ноября 1946 г. требование вывести в течение трех часов вьетнамские войска из ряда кварталов города. Вслед за этим были открыты военные действия против вьетнамских войск. Французская морская артиллерия начала обстрел города. В результате артиллерийского обстрела в Хайфоне погибло около 20 тыс. мирных жителей. «Если когда-либо был совершен акт военного преступления, — писал американский журналист Шёнбрун, — то именно им являлся обстрел Хайфона французами»¹. На следующий день французские войска полностью захватили город и порт Хайфон.

Правительство ДРВ хотело избежать разрыва отношений с Францией, а тем более войны. Постоянный комитет Национального собрания ДРВ обратился 30 ноября 1946 г. к Национальному собранию Франции с просьбой выступить в качестве арбитра для урегулирования конфликта, послать во Вьетнам свою комиссию. Аналогичное обращение направил французскому парламенту 6 декабря президент Хо Ши Мин.

12 декабря во Франции на смену правительству Бидо пришло правительство социалистов во главе с Леоном Блюмом. Хо Ши Мин 15 декабря обратился к Блюму с посланием, предлагая немедленно создать смешанные органы для осуществления *modus vivendi*. Париж упорно молчал, а французская военщина в Индокитае провоцировала все новые и новые инциденты.

С 17 декабря начались выступления французов против вьетнамских властей в столице ДРВ — Ханое, а 19 декабря оккупанты приступили к военным действиям.

Правительство ДРВ призвало армию и весь вьетнамский народ к решительному сопротивлению колонизаторам, к отпору войскам французского экспедиционного корпуса. По всему Вьетнаму распространился 20 декабря 1946 г. страстный призыв президента Хо Ши Мина ко всеобщей войне сопротивления: «Каждый гражданин Вьетнама, мужчина или женщина,

¹ D. Schoenbrun. Ainsi va la France. Paris, 1957, p. 275.

старый или молодой, без различия религиозной, партийной и национальной принадлежности, должен ради спасения родины подняться на борьбу с французскими колонизаторами. У кого есть винтовка, пусть вооружится винтовкой, у кого есть меч, пусть вооружится мечом; если же нет даже мечей, вооружайтесь мотыгами, лопатами или палками. Все, как один, должны подняться на борьбу с колонизаторами во имя спасения родины»¹.

Французские колонизаторы перешли к новому этапу захватнической войны во Вьетнаме — от этапа накопления военных сил, для прикрытия которого использовались переговоры с правительством ДРВ, к открытым военным действиям. Теперь война распространилась на всю территорию Индокитае, так как еще в октябре 1945 г. французы начали кампанию за вторичный захват Камбоджи, а с весны 1946 г. — за захват Лаоса.

Правящие круги Франции прилагали немало усилий, чтобы снять с себя ответственность за развязывание колониальной войны в Индокитае. Однако факты и документы полностью изобличают их как истинных вдохновителей и организаторов этой грязной войны.

Так, французский министр Мутэ вынужден был признать в Национальном собрании подлинность секретного циркуляра французского командования от 10 апреля 1946 г. захваченного вьетнамскими властями, в котором давались конкретные инструкции о подготовке государственного переворота во Вьетнаме². Командующий экспедиционным корпусом и временно исполнявший обязанности верховного комиссара Франции в Индокитае генерал Валлюи 21 ноября 1946 г. послал командующему французскими войсками в Хайфоне полковнику Дебе телеграмму, в которой говорилось: «Считаю необходимым воспользоваться инцидентом для улучшения наших позиций в Хайфоне»³. Депутат Менье сообщил в Национальном собрании, что, прежде чем приступить к обстрелу Хайфона, французские власти в Индокитае запросили и получили на это разрешение премьер-министра Бидо⁴. Заручившись поддержкой Бидо, Валлюи направил в Хайфон другую телеграмму. «Улучшение позиций» в Хайфоне его уже не удовлетворяло. В ночь с 22 на 23 ноября он телеграфировал Дебе: «Наступил момент дать вьетнамцам суровый урок. С помощью всех имеющихся в вашем распоряжении средств вы должны стать полным хозяином Хайфона и привести вьетнамское правительство и армию к раскату»⁵.

Правительство ДРВ в дальнейшем не раз старалось приостановить кровопролитную войну. После событий 19 декабря 1946 г. оно неоднократно обращалось к французскому правительству с подобными предложениями. Но французские правители неизменно отклоняли их. В этом отношении показательное признание политического советника командующего экспедиционным

¹ *Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи.* М., 1959, стр. 219.

² «*Annales de l'Assemblée Nationale*». Débats. Session de 1947, vol. 3. Paris, 1947, p. 871—872.

³ «*Journal officiel de la République Française. Débats parlementaires, Assemblée Nationale*». Paris, 1953, № 73, p. 4542.

⁴ «*Débats de l'Assemblée Nationale*». Session de 1954, vol. 25. Paris, 1956, p. 40.

⁵ «*Débats de l'Assemblée Nationale*». Session de 1953, vol. 18. Paris, 1955, p. 4542.

корпусом профессора Поля Мю, который в мае 1947 г. встретился с Хо Ши Мином. Мю писал: «Сообщение, которое мною было передано в ответ (на обращение правительства ДРВ от 19 апреля 1947 г. — *Авт.*), было не предложением с нашей стороны, а перечнем условий, принятие которых было бы равноценно полной капитуляции»¹. Правительство ДРВ, разумеется, отвергло требование о капитуляции, но продолжало выражать готовность урегулировать конфликт мирным путем на базе заключенных французо-вьетнамских соглашений.

Правящие круги Франции не хотели переговоров. Они хотели ликвидации народной власти во Вьетнаме, вторичного завоевания Индокитая. Менялись правительства во Франции, менялись французские командующие и чиновники в Индокитае, а политика захватнической войны оставалась неизменной. На всей послевоенной политике французского правительства лежит печать католической партии МРП. Колониальную политику лидеров МРП поддерживали и французские правые социалисты.

Последовательным противником колониальной войны в Индокитае была коммунистическая партия Франции. Она возглавила борьбу французского народа за прекращение военных действий в Индокитае, за мирное урегулирование отношений между Францией и Вьетнамом на основе уважения интересов обеих сторон².

Столкнувшись с героическим сопротивлением, колонизаторы предприняли ряд политических маневров, направленных на раскол вьетнамского народа. С этой целью в мае 1948 г. было создано в Сайгоне «центральное» марионеточное правительство. Президент Франции Венсан Ориоль подписал 8 марта 1949 г. соглашение с беглым аннамским императором Бао Даем о признании «независимости» Вьетнама. В апреле 1949 г. Бао Дай был вновь посажен на трон в качестве «главы государства». 19 июля 1949 г. Франция объявила о признании «независимости» Лаоса, а 8 ноября — Камбоджи.

Вскоре французские колонизаторы и их американские покровители убедились в том, что насаждение марионеточных властей и провозглашение фиктивной независимости индокитайских государств не в состоянии ослабить волю народов к борьбе за подлинную независимость и свободу. С каждым месяцем, с каждым годом крепло единство вьетнамского народа, нарастало его сопротивление.

Огромное влияние на развитие освободительной борьбы вьетнамского народа оказали китайская народная революция, образование и укрепление мировой социалистической системы. В результате изгнания империалистов из континентального Китая было прорвано враждебное окружение Демократической Республики Вьетнам. Республика получила возможность наладить непосредственные связи с Советским Союзом, Китайской

¹ P. Mus. Viet-Nam. Sociologie d'une guerre. Paris, 1952, p. 366.

² См. резолюцию ЦК ФКП от 19 марта 1947 г. в «L'Humanité», 20.III.1947.

Народной Республикой и другими странами социалистического лагеря. В январе 1950 г. были установлены дипломатические отношения ДРВ с СССР и КНР. Вьетнам стал развивать торговлю с социалистическими странами. Все это придало вьетнамскому народу новые силы, воодушевило патриотов на новые подвиги в национально-освободительной войне и строительстве новой, свободной жизни.

В. КОРЕЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

1945—1949 гг.

1. Усилия СССР, направленные на демократическое разрешение корейского вопроса. Курс правительства США на раскол страны и подчинение Южной Кореи

Разгром империалистической Японии, вступление Советской Армии в Северо-Восточный Китай и выход ее к границам Кореи облегчили корейскому народу его борьбу за национальное освобождение, которую он героически вел в течение ряда десятилетий. Открывались перспективы осуществления давно назревших социальных преобразований внутри страны. Однако и в этой благоприятной международной обстановке корейскому народу предстояло немало тяжелых испытаний на пути к победе.

Богатства и важное стратегическое положение Кореи с давних пор привлекали жадные взоры империалистических хищников, особенно США и Японии. Естественно поэтому, что после военного поражения японского милитаризма правящие круги США поспешили занять их место и утвердиться в Корее. В этих целях американская дипломатия сделала основную ставку на группу Ли Сын Мана, находившуюся в США.

Как пишет в своих мемуарах Трумэн, на Тегеранской конференции глав государств антигитлеровской коалиции США предлагали провозгласить «независимость» Кореи и учредить над ней международную опеку. Полтора года спустя на Крымской конференции американская делегация уточнила свои предложения, подчеркнув, что опекать Корею должны правительства США, СССР и Китая и что Корея будет готова к независимости не ранее чем через 20—30 лет¹. Это не оставляет никаких сомнений в том, какой истинный смысл вкладывали США в решение «...предоставить Корее в должное время свободу и независимость»², зафиксированное в каирской декларации Рузвельта, Черчилля и Чан Кай-ши.

¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 316, 317.

² «Сборник документов (Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии). 1943—1946». М., 1947, стр. 7.

В конце войны государственный департамент настаивал на оккупации всей Кореи американскими войсками. Но в то время как американские войска находились на островах Тихого океана, Советская Армия уже освобождала Северную Корею, а в самой Корее поднималось антияпонское восстание, возглавляемое демократическими силами. Открывалась перспектива освобождения Кореи без участия США и образования демократического правительства. Тогда и была выдвинута идея раздела Кореи по 38-й параллели. Как свидетельствует осведомленный американский журналист Джон Гантер, такое предложение подготовил накануне капитуляции Японии Координационный комитет госдепартамента, военного и морского министерства США¹.

Предложение относительно 38-й параллели было согласовано между руководящими державами антигитлеровской коалиции и оформлено в так называемом «Общем приказе № 1» о капитуляции Японии². При этом разграничение Кореи на зоны ответственности советских и американских войск предусматривалось исключительно для принятия капитуляции японских войск и не должно было вести к политическому или экономическому разделению Кореи.

Корейский народ, сбросив с помощью советских войск сорокалетнее иго японского империализма, единодушно требовал национальной независимости и демократических преобразований. Все прогрессивные силы для решения этих задач сплотились вокруг рабочего класса и его партии. Повсеместно возникли органы демократической власти — народные комитеты.

Однако в Южной Корее командование американских войск, высадившихся там уже после капитуляции Японии, не признало созданных населением народных комитетов и восстановило созданную во время японской оккупации колониальную администрацию. Поддерживая помещиков, крупную буржуазию и высшее чиновничество, американские власти препятствовали деятельности демократических организаций. В октябре 1945 г. в Сеул был доставлен Ли Сын Ман, которого американцы прочли в диктаторы Кореи. Оккупацию Южной Кореи монополисты США использовали для захвата контроля над ее промышленностью и другими отраслями народного хозяйства.

Закрепившись на юге, США не отказались от намерения распространить свое влияние на всю Корею. Они включили в повестку дня Московского совещания министров иностранных дел пункт «Создание единой администрации для Кореи с целью последующего создания независимого корейского правительства»³.

¹ J. Gunther. The Riddle of MacArthur. Japan, Korea and the Far East. New York, 1950, p. 178.

² «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II, стр. 259, 263.

³ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 318.

В предложенном государственным секретарем Бирнсом проекте соглашения равным счетом ничего не говорилось о предоставлении Кореи подлинной независимости. Снова предлагалось установить международную опеку над Кореей и создать особый административный орган из представителей США, Англии, гоминдановского правительства Китая и Советского Союза, действующий от имени Организации Объединенных Наций. Этот орган должен был осуществлять исполнительную, законодательную и судебную власть в Корее через верховного комиссара и исполнительный совет. Американские предложения не предусматривали создания корейского правительства на период опеки, срок которой мог быть продлен до десяти лет¹.

Советское правительство не возражало против временной опеки союзных держав над Кореей, но выдвинуло принципиально отличный проект соглашения, который и был затем с небольшими изменениями одобрен совещанием². Суть соглашения заключалась в формировании временного общекорейского демократического правительства, которому передавалось управление страной. Предусматривалось учреждение совместной комиссии из представителей советского командования в Северной Корее и американского командования в Южной Корее, чтобы путем консультаций с корейскими демократическими партиями и организациями содействовать быстрейшему образованию такого правительства. Срок опеки ограничивался пятью годами.

Московское соглашение представляло собой в условиях, которые сложились в 1945 г., наиболее целесообразный путь решения корейского вопроса в соответствии с интересами народа и укреплением мира на Дальнем Востоке. США были вынуждены согласиться с советским проектом. Однако они не отказались от собственных планов в отношении Кореи.

При поддержке командования США в Сеуле и других районах Южной Кореи корейские реакционеры организовали «демонстрации» против Московского соглашения, на которые население сгонялось силой оружия³. Правые политики нападали на принцип опеки, принятый якобы по инициативе СССР, вопреки воле США. В действительности их не устраивало условие о формировании единого правительства на основе консультаций с демократическими партиями и организациями обеих частей страны.

Американская сторона отказалась установить нормальные отношения между двумя зонами в Корее, в частности, воспротивилась поставкам продовольствия в Северную Корею, которая всегда снабжалась из аграрных южных районов. Советские предложения по этому вопросу, выдвинутые на созванном в январе 1946 г. совещании, были отклонены представителями американского командования.

Однако происки США и провокации южнокорейской реакции не ввели в заблуждение корейский народ. Этому содействовало опубликованное 25 января 1946 г. сообщение ТАСС, в котором излагался ход московских переговоров и раскрывалась подлинная позиция США по вопросу об опеке над Кореей⁴.

¹ «Советский Союз и корейский вопрос» (Документы). М., 1948, стр. 8—12.

² «Внешняя политика Советского Союза. 1945 год», стр. 160—161.

³ См. Ф. И. Шабина. Очерки новейшей истории Кореи. 1945—1953 гг. М., 1958, стр. 75.

⁴ См. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 8—12.

Прогрессивные силы в обеих зонах горячо поддерживали решение о создании временного демократического правительства и заявили о готовности сотрудничать с СССР и США на основе Московского соглашения. Их выступления облегчили созыв Совместной комиссии из представителей командования советских войск и войск США, которая начала свою работу в Сеуле 20 марта 1946 г. с целью содействовать образованию общекорейского правительства.

Южнокорейские реакционеры, формально изъявляя готовность консультироваться на основе Московского соглашения, фактически продолжали бороться против образования демократического правительства. А представители США упорно требовали, чтобы реакционные группировки были признаны демократическими и определяли состав общекорейского правительства. Комиссия оказалась в тупике; 8 мая 1946 г. по настоянию США ее заседания были прерваны без указания срока возобновления.

Успехи созданных на севере народных комитетов в решении задач, стоявших перед народом, тревожили американских политиков. Глава посетившей Северную Корею экономической миссии Поули писал президенту Трумэну 22 июня 1946 г., что в Корею «идет проверка, придет ли демократическая система свободной конкуренции на смену потерпевшему поражение феодализму или какая-либо другая система, другими словами, коммунистическая, окажется сильнее». Указывая на огромное значение передачи в Северной Корею в руки народной власти бывшей собственности японских монополий, Поули требовал, чтобы США сохранили контроль за японскими предприятиями «до тех пор, пока не будет обеспечена демократическая (читай — капиталистическая. — *Авт.*) форма правления»¹.

Правящие круги США, на словах выражая готовность следовать Московскому соглашению, на деле выдвигали условия, противоречившие его существу. Именно этой тактики придерживалось американское правительство в ходе происходившей по его инициативе в 1946—1947 гг. переписке между американским и советским командующими в Корею.

Обвиняя СССР в якобы одностороннем толковании Московского соглашения, генерал Ходж требовал привлечь к консультациям южнокорейские реакционные группы, отвергавшие это соглашение. Советский командующий продолжал отстаивать согласованные демократические принципы².

Успех демократических преобразований в Северной Корею, мощные протесты против реакционной политики американского командования на юге, вылившиеся в конце 1946 г. в вооруженное восстание против оккупантов, наконец, единодушные требо-

¹ Цит. по кн.: «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 321, 322.

² См. «Правда», 31 октября и 19 декабря 1946 г.; 12 марта 1947 г., а также «Documents on American Foreign Relations», vol. VIII (July 1945 — December 1946), p. 838—842.

вания корейцев о скорейшем формировании правительства на основе Московского соглашения — все это принудило правительство США в целях маскировки своих планов возобновить 21 мая 1947 г. переговоры в Совместной комиссии. Но предложения СССР, отвечающие интересам корейского народа, неизменно отклонялись американскими представителями. Империалистические силы США взяли курс на раскол Кореи и создание на юге буржуазно-помещичьего государства, которое стало бы плацдармом для ликвидации народно-демократического строя, складывавшегося в Северной Корее.

Начиная с 1946 г. военное командование США стало привлекать представителей правых групп к «управлению» Южной Кореей. В августе 1946 г. была учреждена так называемая корейская гражданская администрация, а затем сформирована Временная законодательная палата Южной Кореи, половина членов которой назначалась американскими властями, а решения утверждались американским военным губернатором¹.

В начале 1947 г. Ли Сын Ман был вызван в США, где встречался с ответственными лицами из госдепартамента, а также влиятельными представителями деловых кругов. Из Вашингтона он послал в Сеул телеграмму, в которой утверждалось, что «путь к объединению Севера и Юга лежит через создание сепаратного правительства Южной Кореи» и что «американские власти одобряют это». По возвращении Ли Сын Ман сообщил о готовности Вашингтона предоставить заем в 600 млн. долл. «самостоятельному правительству» Южной Кореи при условии, что оно будет состоять из правых деятелей².

26 августа 1947 г. государственный департамент США предложил Советскому правительству провести в Корее под контролем ООН выборы во Временное законодательное собрание в соответствии с пропорциональной численностью населения каждой из зон, с тем чтобы оно образовало общекорейское правительство³. Это предложение было выдвинуто после событий 11—15 августа, в результате которых, как свидетельствовал корреспондент газеты «Чайна уикли ревью» Хью Дин, почти все левые организации ушли в подполье, а власть, при поддержке американцев, захватили правые группы, провозгласившие своей задачей создание антикоммунистического правительства. В условиях американской оккупации, лисынмановского террора и наблюдения проамериканских представителей ООН за «выборами» они не могли не дать абсолютного большинства крайним реакционерам, которые бы верховодили в законодательном собрании, так как «представляли» бы южные районы, где проживает более половины населения Кореи.

¹ См. «Объединенные Нации. Первая часть доклада Временной комиссии ООН по вопросу о Корее», т. I. Нью-Йорк, 1948, стр. 14—15.

² См. «Международные отношения и внешняя политика СССР. 1945—1949 гг.», М., 1958, стр. 211.

³ См. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 46.

СССР не мог принять такой проект США, но, идя навстречу их желанию, высказался за образование Временного общекорейского народного собрания из представителей политических партий и организаций всей Кореи для консультаций с этим органом о создании правительства¹. Это решение полностью совпадало и с буквой и с духом Московского соглашения, но, не вступая даже в его обсуждение по существу, заместитель государственного секретаря Ловетт 17 сентября уведомил Советское правительство о передаче корейского вопроса на обсуждение в Генеральную Ассамблею ООН, что было равносильно отказу от переговоров на основе Московского соглашения².

Советское правительство считало, что следует не принимать новые решения, а осуществить уже принятые, тем более что Генеральная Ассамблея в соответствии с положением Устава не призвана обсуждать вопросы, связанные с послевоенным урегулированием³. Но в связи с фактическим отказом США от сотрудничества на основе Московского соглашения следовало предоставить корейскому народу самому, без вмешательства извне, сформировать свое правительство.

Такое решение было возможно только при условии скорейшего вывода иностранных войск из Кореи, что и предложил 26 сентября 1947 г. советский представитель в Совместной комиссии⁴.

США отвергли советское предложение, и 20 октября 1947 г. советско-американская Совместная комиссия прекратила свою деятельность.

Мотивы отказа США вывести войска в какой-то мере объяснила газета «Нью-Йорк геральд трибюн», когда указывала, что антиамериканские силы «могли бы одержать полную победу на честных выборах по всей Корее». Характерно, что громче всех протестовали антинародные лисынмановские группы, заявляя, что уход американской армии приведет к потере ими контроля над Южной Кореей.

На II сессии Генеральной Ассамблеи ООН Соединенные Штаты выдвинули проект резолюции по корейскому вопросу, повторяющий предложения о выборах в общекорейское собрание под наблюдением ООН. Вывод иностранных войск предусматривался лишь в неопределенном будущем, после формирования общекорейского правительства⁵.

Советский Союз, стремясь предотвратить вмешательство в дела корейского народа, выдвинул два проекта резолюции: о приглашении представителей Кореи для участия в обсуждении

¹ См. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 49—50.

² «Documents on American Foreign Relations», vol. IX (January 1 — December 31, 1947), Princeton, 1949, p. 119.

³ См. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 52—55.

⁴ См. там же, стр. 61—62.

⁵ «Documents on American Foreign Relations», vol. IX (January 1 — December 31, 1947), p. 122, 123.

корейского вопроса и об одновременном выводе советских и американских войск из Кореи, чтобы народ мог свободно сформировать правительство¹. Не решаясь открыто выступить против советского проекта, США внесли «поправку» о создании комиссии ООН якобы для наблюдения за тем, чтобы «корейские представители являлись действительно лицами, надлежащим образом избранными корейским народом».

Поправка, так же как и американская резолюция о проведении выборов в Национальное собрание под наблюдением этой комиссии, 14 ноября 1947 г. была принята; вывод войск был отвергнут.

Эти решения Генеральной Ассамблеи нарушали права и интересы корейского народа, являлись вмешательством в его внутренние дела. Они были направлены против демократического развития Кореи, на раскол страны в угоду американскому империализму. Поэтому Советское правительство осудило эти решения и отказалось признать комиссию ООН по Корее.

2. Социально-политическое развитие Северной и Южной Кореи. Образование КНДР

В течение двух лет после освобождения Кореи на севере страны произошли глубокие социально-политические сдвиги, в результате антифеодальной и антиколониальной революции установился народно-демократический строй. Народные комитеты, повсеместно возникшие в августовские дни 1945 г., превратились в систему органов народной власти во главе с Временным народным комитетом Северной Кореи. По своему характеру это была революционная диктатура народа, руководимая рабочим классом. В острой борьбе против феодалов и компрадоров сплотились прогрессивные силы и в 1946 г. возник Единый демократический национальный фронт Северной Кореи (ЕДНФ), куда вошли все демократические партии и организации. Ведущей силой в ЕДНФ стала марксистско-ленинская Трудовая партия Северной Кореи, образовавшаяся в том же году в результате слияния коммунистической и Новой народной партий. В ноябре 1946 г. на выборах в народные комитеты 97% голосов получили кандидаты ЕДНФ.

Народная власть, опираясь на широкие массы, осуществила в 1946—1947 гг. такие преобразования, которые в корне изменили соотношение классовых сил в Северной Корее. Проведенная в 1946 г. аграрная реформа уничтожила полуфеодальную эксплуатацию в деревне и передала в собственность крестьянам 1 млн. чонбо² обрабатываемой земли. Промышленные предприятия, принадлежавшие японскому государству или капиталистам, а также

¹ См. «Объединенные Нации. Первая часть доклада Временной комиссии ООН по вопросу о Корее», т. I, стр. 7.

² 1 чонбо = 0,99 га.

изменникам корейского народа, были национализированы и стали общенародной собственностью, создав основу для развития социалистического сектора в экономике. Больших успехов народная власть добилась в улучшении положения трудящихся, организации просвещения, здравоохранения и в возрождении национальной культуры.

На севере, таким образом, складывалось народно-демократическое государство, которое в силу естественных законов своего развития имело все предпосылки для последующего постепенного перерастания в государство социалистическое.

По-иному шло развитие Южной Кореи. И здесь налицо была революционная ситуация, и здесь демократические силы, образовавшие в 1946 г. Демократический народный фронт (ДНФ), потребовали проведения в жизнь преобразований, уже осуществленных на севере. Программа ДНФ пользовалась огромной популярностью у трудящихся Южной Кореи. Однако на юге, по сравнению с Северной Кореей значительно более отсталом, аграрном районе, влияние феодально-компрадорской реакции было гораздо сильнее. Все же, как показали революционные выступления рабочих и крестьян в 1946—1947 гг., помещики и крупная буржуазия не могли бы и здесь укрепиться у власти, если бы не прямое вмешательство американского командования.

8 января 1948 г. в Корею прибыла временная комиссия ООН (в составе представителей Австралии, Индии, Канады, Сальвадора, Сирии, Филиппин, Франции и гоминдановца). В день ее приезда в Сеуле забастовали рабочие и служащие многих предприятий. Демократические партии Южной Кореи 10 января выступили с протестом против вмешательства ООН во внутренние дела Кореи и против угрозы раскола.

Многие члены комиссии вопреки «консультации» так называемого Межсессионного комитета ООН считали невозможным проводить выборы только на юге. Представитель Австралии заявил о несогласии с сепаратными выборами, поскольку против них выступали все политические партии и группы Кореи, кроме крайне правых. Его точку зрения поддержал член комиссии от Канады. Сирийский же делегат изъявил согласие высказаться за выборы лишь «при условии, что существующая на юге Кореи обстановка будет изменена таким образом, что появится гарантия свободных выборов». Но под нажимом американского командования комиссия 4 голосами при 2 против и 2 воздержавшихся приняла позорное решение о наблюдении за выборами в «национальное собрание» Южной Кореи¹.

Инсценировка выборов состоялась 10 мая 1948 г. в условиях небывалого террора и открытой демонстрации американских войск. Большинство населения по призыву демократических партий бойкотировало выборы. «Национальное собрание» 12 августа 1948 г. утвердило конституцию Корейской республики (как было названо сепаратное южнокорейское государство, правительство которого возглавил Ли Сын Ман).

¹ См. «Объединенные Нации. Первая часть доклада Временной Комиссии ООН по Корее», т. I, стр. 34—36.

В результате действия американской «машины голосования» III сессия Генеральной Ассамблеи одобрила 12 декабря 1948 г. резолюцию о признании лисынмановского правительства «единственно законным, созданным на основе свободных выборов»¹. США, не дожидаясь решения Генеральной Ассамблеи, заключили с правительством Ли Сын Мана ряд соглашений, целью которых являлось юридическое оформление господства США в Южной Корее. Так, в подписанном 24 августа 1948 г. административном соглашении указывалось, что США будут продолжать организационную подготовку и снаряжение вооруженных сил Корейской республики и что даже после перехода «управления» Южной Кореей к лисынмановскому правительству американский командующий сохранит полномочия по общему оперативному контролю над «силами безопасности» Корейской республики и т. д. Южнокорейские реакционеры не скрывали своих планов ликвидации народно-демократического строя в Северной Корее и располагали в этом отношении полной поддержкой США.

Между тем прогрессивная общественность Кореи выступала за создание единого независимого демократического корейского государства. Еще в апреле 1948 г. совещание партий и организаций обеих частей страны, собравшееся в Пхеньяне, обратилось к правительствам Советского Союза и США с просьбой содействовать объединению Кореи и вывести свои войска². Тогда как Советское правительство 7 мая 1948 г. подтвердило готовность вывести войска из Кореи, США оставили без внимания обращение представителей корейского народа. Вопреки усилиям корейской демократической общественности и Советского Союза раскол Кореи предотвратить не удалось. Ответственность за эту историческую несправедливость, за то, что корейская нация оказалась разорванной, а миру и безопасности на Дальнем Востоке нанесен серьезный ущерб, целиком и полностью лежит на южнокорейских реакционерах и американских империалистах, создавших сепаратное государство в Южной Корее.

Интересы корейского народа требовали противопоставить помещичье-буржуазному государству, созданному на юге, демократическое корейское государство, которое следовало бы национальной политике, было бы способно отстаивать независимость и народно-демократические завоевания корейского народа.

По инициативе Трудовой партии в Пхеньяне с 29 июня по 5 июля 1948 г. проходило второе совещание политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. Совещание приняло решение о выборах в Верховное Народное

¹ См. «Объединенные Нации. Годовой доклад секретаря о работе организации с 1 по 30 июня 1949 г.» Нью-Йорк, 1949, стр. 38.

² См. Ф. И. Шабшина. Очерки новейшей истории Кореи 1945—1953 гг., стр. 144, 145.

Собрание с целью создания демократического корейского правительства.

Избранное в соответствии с этим решением Верховное Народное Собрание на своей первой сессии (2—11 сентября 1948 г.) утвердило Конституцию Корейской Народно-Демократической Республики и избрало ее правительство во главе с руководителем Трудовой партии Ким Ир Сеном. Этими актами было юридически оформлено образование демократического независимого государства, за что корейский народ боролся долгие годы.

КНДР стала центром притяжения всех прогрессивных сил корейского народа. Лишь с образованием КНДР впервые появилось корейское государство, которое проводит независимую внешнюю политику, руководствуясь волей трудящихся и защищая их интересы, которое борется за то, чтобы «корейский народ стал равноправным членом семьи свобододолюбивых народов мира»¹.

В своей внешней политике Корейская Народно-Демократическая Республика руководствуется теми же внешнеполитическими принципами, что и другие социалистические государства.

Эти принципы, зафиксированные в программных документах правительства КНДР и Трудовой партии Кореи, сводятся к следующему:

1) Нерушимая дружба и сотрудничество с СССР и всеми государствами социалистического лагеря;

2) Признание мирного сосуществования как основы отношений между государствами различных социальных и политических систем;

3) Последовательная защита дела мира во всем мире и, в первую очередь, в Азии;

4) Борьба за национальные интересы корейского народа, против сохранения и восстановления любых форм колониальной или полуколониальной эксплуатации Кореи, за мирное воссоединение страны как демократического и независимого миролюбивого государства.

Первым внешнеполитическим актом КНДР было обращение Верховного Народного Собрания к правительствам СССР и США о немедленном и одновременном выводе войск, «поскольку это является первейшим необходимым условием объединения Кореи, ее экономического, политического, культурного возрождения и расцвета и создания миролюбивого демократического государства»².

Президиум Верховного Совета СССР 18 сентября 1948 г. заявил о готовности удовлетворить эту просьбу и закончить

¹ «Декларация правительства Корейской Народно-Демократической Республики от 10 сентября 1948 г.», «Правда», 13 сентября 1948 г.

² «Правда», 13 сентября 1948 г.

эвакуацию советских войск к концу 1948 г.¹ США отказались пойти навстречу справедливому требованию корейского народа и продолжали оккупацию Южной Кореи. Несмотря на это, Советский Союз к 25 декабря закончил вывод войск из Северной Кореи.

Молодое корейское государство с первых дней своего существования опиралось на братскую поддержку Советского Союза и всех социалистических стран. В октябре 1948 г. между правительством КНДР и Советским правительством были установлены дипломатические отношения. В 1948—1950 гг. КНДР установила дипломатические отношения и экономические и культурные связи со всеми другими социалистическими государствами.

Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве с СССР от 17 марта 1949 г. явилось первым внешнеполитическим договором КНДР². Одновременно были заключены соглашения о товарообороте и платежах, о предоставлении КНДР кредита для оплаты советских товаров и об оказании Кореи технической помощи. Объем советско-корейской торговли возрос со 148 млн. руб. в 1947 г. до 700 млн. руб. в 1950 г.³ Братская помощь Советского Союза содействовала мощному подъему экономики КНДР, а это являлось важнейшим условием укрепления народно-демократического строя и превращения Северной Кореи в оплот независимости всего корейского народа.

Правительство КНДР решительно выступило против признания лисынмановского государства представителем всего корейского народа, чего США безуспешно добивались от ООН.

7 октября 1948 г. правительство КНДР приняло решение направить на сессию Генеральной Ассамблеи ООН правительственную делегацию, а 9 октября просило и генерального секретаря и председателя Генеральной Ассамблеи заслушать посланцев КНДР при обсуждении корейского вопроса. Правительство КНДР предупредило, что будет считать недействительным любое решение, принятое в отсутствие подлинных представителей корейского народа.

Добиваясь решения основной национальной задачи корейского народа, правительство КНДР неуклонно боролось за объединение страны. Эти усилия поддерживались всеми демократическими организациями обеих частей Кореи, образовавшими в 1949 г. Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ), чтобы содействовать преодолению раскола и воссоединению страны.

Провозглашение КНДР имело существенное значение для развития международных отношений. Тем самым был нанесен

¹ См. «Советский Союз и корейский вопрос», стр. 100—101.

² См. «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 86—88.

³ См. «Корейская Народно-Демократическая Республика». М., 1954, стр. 349.

еще один удар по колониализму, был осуществлен еще один прорыв фронта империализма. Присоединившись к содружеству социалистических наций, КНДР вносила и вносит свой вклад в дело дальнейшего укрепления мировой социалистической системы, стала активной участницей борьбы за мир и безопасность на Дальнем Востоке.

ГЛАВА VIII

МИРОВАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА — НОВЫЙ ТИП ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТРАНАМИ

С победой социалистических революций в ряде государств Европы и Азии и появлением мировой системы социализма возникли новые международные отношения, соответствующие природе и характеру нового общественного строя. С укреплением этой системы новые международные отношения стали оказывать все более возрастающее воздействие на всю мировую политику. Интернациональное объединение социалистических государств впервые в мировой истории начало устанавливать такие межгосударственные отношения, которые отвечали подлинным интересам большинства человечества.

В свое время Маркс гениально предвидел ту действительно общечеловеческую основу международных отношений, которая будет коренным образом отличаться от существующей при капитализме. «В противоположность старому обществу, — писал Маркс, — с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин — *труд!*»¹.

1. Объективные основы отношений подлинного равноправия и товарищеской взаимопомощи между социалистическими странами

Возникновение международных отношений нового, социалистического типа — не историческая случайность. Поскольку закономерна победа социализма как в отдельно взятых странах, так и во всем мире, постольку закономерно и торжество соответствующих природе социализма отношений между народами. Эти отношения подготовлены всем ходом общественного развития и основываются на прочном фундаменте победивших социалистических производственных отношений.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. М., 1955, стр. 449.

Социалистические революции в корне подрывают основы присущих империализму антагонистических противоречий между странами и нациями, основы политики эксплуатации и насилия, характерной для капиталистического общества.

Развитие отношений между социалистическими странами определяется иными, противоположными капитализму законами. Эти отношения исключают стремление к подчинению и порабощению одного государства другим, одних наций другими, превращение целых континентов в колониальные придатки метрополий и другие присущие системе империалистических отношений свойства.

Если в мире капитализма рост производства в той или иной стране углубляет противоречия между государствами, то в условиях социализма он не только не противоречит интересам всех других стран, но, наоборот, способствует общему подъему. Если экономике капитализма свойственны кризисы и потрясения, то экономика мирового социализма развивается планомерно, быстрыми и устойчивыми темпами. Успехи каждой социалистической страны ведут к укреплению социалистической системы в целом.

В свое время образование мировой капиталистической системы, способствовавшее дальнейшему росту производительных сил, было прогрессивным общественным процессом. Но в мировом капиталистическом хозяйстве были заложены объективные и субъективные предпосылки для его разложения. На смену мировой системе капитализма неизбежно должна была прийти иная система, отвечающая потребностям гигантского большинства населения всего земного шара.

Тенденция к международному экономическому сближению, объективно прогрессивная в своей основе, с одной стороны, и грабительские в условиях капитализма методы ее осуществления — с другой, находятся в непримиримом противоречии. В. И. Ленин указывал, что «капитализм разделил нации на небольшое число угнетающих, великодержавных (империалистских), полноправных, привилегированных наций и громадное большинство угнетенных, зависимых и полузависимых, неправых наций»¹. Противоречие между горсткой империалистических держав и множеством колониальных и зависимых стран резко обострилось в условиях общего кризиса капитализма. Вся новейшая история и особенно ее послевоенный период убедительно показывают, что в мире развиваются мощные силы, в корне подрывающие основы этой обреченной на гибель системы хозяйства.

Развитие производительных сил должно привести в перспективе к созданию планомерно регулируемого всемирного хозяйства. Но эта тенденция, вытекающая из происходящего про-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 30, стр. 269.

цесса интернационализации производства и обмена, не может прийти к завершению в узких рамках капиталистических производственных отношений, ибо капиталистическая собственность разъединяет народы.

Лишь социалистические производственные отношения, основанные на общественной собственности на средства производства, создают наиболее полные возможности для прогресса производительных сил в мировом масштабе, для прочного экономического единства всех стран. Именно такие производственные отношения, давно уже победившие в СССР и успешно утверждающиеся во всех странах, ставших в послевоенный период на путь социалистического развития, послужили надежной основой нового типа международных отношений.

Возобладавшая в социалистических государствах общественная собственность на средства производства явилась экономической базой отношений нового типа. По мере того как социалистический сектор становился господствующим в экономике стран народной демократии, действие экономических законов социализма все шире распространялось и на сферу взаимных хозяйственных связей социалистических государств. Возник новый тип международного разделения труда — несравненно более высокий, чем при капитализме.

Международное разделение труда в рамках мирового лагеря социализма и взаимное экономическое сотрудничество дают возможность каждой из социалистических стран наиболее рационально и полно использовать свои природные ресурсы и экономические условия для быстрого развития производительных сил.

Если в условиях капитализма страны, вырвавшиеся вперед, всеми мерами стремятся сохранить отсталость других стран, с тем чтобы за их счет обеспечить для своих правящих классов наивысшие прибыли, то в условиях социализма имеет место помощь индустриально развитых социалистических стран странам в прошлом отсталым, которая позволяет последним быстрыми темпами развивать свою экономику, сократить сроки построения социализма.

Экономическая взаимопомощь государств социалистического лагеря и, в частности, бескорыстная помощь Советского Союза другим социалистическим странам отнюдь не ущемляли их национальные интересы. Результатом такой помощи и сотрудничества является общий подъем социалистической экономики всех стран, ликвидация унаследованного от капитализма экономического и культурного различия между странами, выравнивание уровня их экономического развития, что открывает перспективу их более или менее одновременного, в пределах одной исторической эпохи, перехода к коммунизму.

Таким образом, впервые за все время существования человеческого общества межгосударственные экономические отношения из орудия эксплуатации одних стран другими преврати-

лись в средство совместной борьбы за преодоление вековой отсталости, за светлое будущее народов. Объективные закономерности социализма, жизненные интересы народов социалистических стран ведут ко все большему сближению национальных хозяйств. Это является экономической основой неуклонного сплочения социалистических стран.

Победа социалистической революции создает не только экономические, но и политические предпосылки для всестороннего сближения стран и народов. Исчезновение классовых антагонизмов ведет к ликвидации антагонизмов между нациями, к развитию в отношениях между ними интернационалистических черт, характерных для социалистического общества.

Необходимость союза и братского объединения трудящихся различных стран продиктована всем историческим опытом борьбы рабочего класса. Начало объединению сил международного пролетариата в борьбе за социальное освобождение и прогресс положил Союз коммунистов, созданный Марксом и Энгельсом в середине прошлого века, и знаменитый «Манифест Коммунистической партии», в котором был провозглашен лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В этом первом программном документе коммунистического движения указывалось, что в такой же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, будет уничтожена и эксплуатация одной нации другой. На протяжении всего последующего периода марксисты боролись за объединение трудящихся разных стран во главе с рабочим классом как в рамках одной страны, так и в международном масштабе. Разумеется, в условиях безраздельного господства капитализма на земном шаре братский союз между рабочими разных стран не мог выйти за рамки классовой солидарности эксплуатируемых.

Новая эра в развитии международной солидарности трудящихся наступила после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России. Накопленный Советским Союзом опыт успешного проведения ленинской национальной политики, практика взаимоотношений равноправных и свободных советских республик, благородные действия Советского Союза в отношении государств и народов Востока, столь отличные от действий царской России и других империалистических держав, помощь и поддержка, оказанные первой в мире стране победившего социализма трудящимися капиталистических стран, — все это стало новым ярким проявлением пролетарского интернационализма, обогатило основные принципы, положенные марксистско-ленинскими партиями в основу взаимоотношений народов, добившихся освобождения от ига капитала.

С выходом социализма за рамки одной страны и складыванием мировой социалистической системы принципы пролетарского интернационализма нашли свое воплощение во всем комплексе взаимоотношений государств этой системы, обогатились

новым, еще более глубоким политическим содержанием. Отношения между социалистическими странами основаны на принципах *социалистического интернационализма*. «Социалистические страны, — отмечал на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев, — проложили путь новым нормам международной жизни, показав всему миру образец действительно равноправных, братских отношений между народами»¹.

Международная пролетарская солидарность всегда являлась сильнейшим оружием рабочего класса и всех трудящихся в борьбе за социальное и национальное освобождение. Такая солидарность всегда была непременным условием успеха в борьбе против капитала, представляющего собой силу международную.

Сплочение социалистических стран в единый лагерь, братское сотрудничество и взаимопомощь народов этих стран — насущнейшая потребность, диктуемая жизненными интересами каждой из этих стран и прежде всего интересами строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму.

Необходимость теснейшей политической консолидации отпадающих от капитализма государств определяется и задачами совместной борьбы народов этих государств против натиска международной реакции, против попыток враждебных сил подорвать социалистический строй, «отбросить» коммунизм. Она диктуется задачей совместной борьбы за всеобщий мир — важнейшее условие скорейшего построения социализма и коммунизма.

Таким образом, братское единство и сотрудничество социалистических стран отвечают высшим национальным и интернациональным интересам каждой страны.

С крушением эксплуататорского строя ликвидируется основа возникновения противоречий между нациями. Однако в социалистических государствах не исчезают автоматически проявления национализма и национальной ограниченности. Националистические предрассудки и остатки былой национальной розни подчас используются врагами социализма внутри той или иной страны и на международной арене в целях воспрепятствовать сотрудничеству социалистических стран, подорвать их единство. Обособление какой-либо страны от социалистического содружества лишает ее возможности пользоваться преимуществами мировой социалистической системы, тормозит ее экономическое развитие, препятствует преодолению сопротивления остатков враждебных классов внутри страны, благоприятствует попыткам империалистических держав использовать националистические тенденции в своих реакционных целях.

«Курс на изолированное, обособленное от мирового содружества социалистических стран строительство социализма не-

¹ Н. С. Хрущев. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии, М., 1961, стр. 15.

состоятелен в теоретическом отношении, так как противоречит объективным законам развития социалистического общества, — подчеркивается в Программе КПСС. — Он вреден в экономическом отношении, так как ведет к расточительству общественного труда, снижению темпов роста производства и к зависимости страны от капиталистического мира. Он реакционен и опасен в политическом отношении, так как не сплачивает, а разъединяет народы перед объединенным фронтом империалистических сил, питает буржуазно-националистические тенденции и в конечном итоге может привести к утрате социалистических завоеваний»¹.

В этой связи необходимым условием полной победы социализма в любой стране является верность принципам марксизма-ленинизма, принципам пролетарского интернационализма и решительная борьба против всех проявлений национальной ограниченности и национального эгоизма.

В. И. Ленин писал: «Веками накопилось возмущение и недоверие наций неполноправных и зависимых к нациям великодержавным и угнетающим...»² В процессе совместной борьбы народов за социализм такое наследие прошлого успешно преодолевается. Однако этот процесс далеко не быстрый. В. И. Ленин учил: «Мы хотим *добровольного* союза наций, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов»³.

Марксизм-ленинизм — важнейшая идеологическая основа единства и сплоченности социалистического содружества.

Коммунистические и рабочие партии — руководящая и направляющая сила социалистических государств — играют решающую роль в развитии братской дружбы между их народами. Они определяют основные направления взаимоотношений не только по государственной, но и по партийной линии. В сплочении социалистического лагеря огромное значение имеет идеологическая работа коммунистических и рабочих партий по интернациональному воспитанию трудящихся, ликвидирующая остатки националистической идеологии, которая в прошлом насаждалась правящими классами.

Таким образом, всем странам, вступившим на путь социализма, присущи общие закономерности, вытекающие из суще-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 21.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 30, стр. 269.

³ Там же.

ства процессов социалистической революции. «Социалистические страны, — подчеркивается в Программе КПСС, — имеют однотипную экономическую основу — общественную собственность на средства производства; однотипный государственный строй — власть народа во главе с рабочим классом; единую идеологию — марксизм-ленинизм; общие интересы в защите революционных завоеваний и национальной независимости от посягательств империалистического лагеря; единую великую цель — коммунизм. Эта социально-экономическая и политическая общность создает объективную основу для прочных и дружественных межгосударственных отношений в социалистическом лагере»¹.

2. Основные закономерности внешней политики содружества социалистических стран. Мировая система социализма — важнейший фактор международных отношений

Социалистический строй открыл перед каждой из стран, сбросивших иго капитала, возможность проводить новую, принципиально отличную от империалистической внешнюю политику. Эта политика органически вытекает из природы новых государств и всецело отвечает интересам их народов, интересам дела мира и международного сотрудничества.

«Полное равноправие, взаимное уважение независимости и суверенитета, братская взаимопомощь и сотрудничество — характерные черты отношений между странами социалистического содружества»², — указывается в Программе КПСС.

Равноправие, уважение территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательство во внутренние дела друг друга — принципы международного права, формально признаваемые большинством правительств. Однако правящие круги империалистических государств признают их только на словах. Для них болтовня о равноправии, невмешательстве, суверенных правах служит всего-навсего прикрытием агрессивных и реакционных актов, предпринимаемых против других народов и государств. Социалистические страны на деле применяют как в отношениях друг с другом, так и к не-социалистическим государствам указанные принципы.

Однако общедемократические принципы, положенные в основу доктрины мирного сосуществования, не исчерпывают все аспекты отношений между социалистическими странами. Пролетарский интернационализм, братская взаимопомощь, добровольное объединение усилий для борьбы за победу социализма — неотъемлемые элементы отношений между странами социалистического содружества.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 20—21.

² Там же, стр. 21.

В социалистическом лагере ни одно государство не имеет и не может иметь каких-то особых прав и привилегий. Социалистические страны исходят из ленинских принципов пролетарского интернационализма, а он подразумевает тесный союз, братскую солидарность и взаимопомощь свободных от эксплуатации народов в борьбе за построение социалистического общества, поддержку демократических и освободительных движений масс в капиталистических странах.

Сфера внешнеполитической деятельности социалистических государств в отношении друг с другом значительно шире и глубже, чем в отношениях капиталистических государств между собой. Это обусловлено характером соответствующего социального строя. Отношения социалистических государств обеспечивают координацию теснейшего сотрудничества как в сфере политики, так и в области экономики, науки, техники и культуры. В этих отношениях наряду с правительственными органами, целиком выражающими интересы народов, принимают все более активное участие массовые политические и общественные организации трудящихся.

Все это ведет к тому, что международные отношения в социалистическом содружестве стали отношениями между народами в полном смысле этого слова: и вследствие того, что они отражают коренные интересы народов, и по формам и методам, в которых они проявляются.

Отношения братского сотрудничества между Советским Союзом и странами народной демократии развивались по мере укрепления нового общественного строя в этих странах. Естественно, что Советский Союз, как первая страна социализма, как великая мировая держава, идущая в авангарде социалистического лагеря, с особой активностью отстаивал и отстаивает интересы мира и социализма на международной арене, оказывал и оказывает народно-демократическим странам всестороннюю помощь и поддержку¹.

В первые послевоенные годы экономическая помощь Советского Союза странам народной демократии была направлена прежде всего на то, чтобы они могли быстрее залечить раны, нанесенные войной, и приступить к созданию основ социалистического народного хозяйства. С осуществлением социалистических преобразований, восстановлением и дальнейшим развитием народного хозяйства в этих странах, с возникновением новых отраслей производства и прежде всего тяжелой промышленности экономическое сотрудничество в лагере социализма расширялось и углублялось. Успехи в развитии социалистической экономики народно-демократических государств Восточной Европы позволили перейти от двустороннего к многостороннему

¹ См. гл. V, VI, VII.

сотрудничеству между ними и Советским Союзом. Проявлением этого было образование в январе 1949 г. Совета экономической взаимопомощи, который во многом способствовал дальнейшему развитию экономических связей стран социализма.

Формы экономического сотрудничества социалистических государств становились все более многообразными. Кроме таких традиционных форм межгосударственного экономического общения, как внешняя торговля и предоставление кредитов, возникли и совершенно новые явления, присущие только социалистическим международным отношениям. К ним относятся согласование народнохозяйственных планов, специализация и кооперирование производства, являющиеся более высокой ступенью международного социалистического разделения труда.

Тесное экономическое сотрудничество и взаимопомощь открыли дополнительные возможности ускорения темпов роста производства как в социалистическом лагере в целом, так и в каждой из входящих в него стран. В результате уже в 1950 г. доля социалистических стран в мировом производстве составила по углю 28,2%, по чугуну — 18,5, по стали — 19,2, по древесине — 28,4, по электроэнергии — 14,8%.

С момента становления народно-демократического строя молодые социалистические государства наладили между собой и тесные политические отношения, объединились в единый социально-политический лагерь, порожденный социалистическим строем, единством, доверием, братской дружбой социалистических стран.

Выражением крепнущего политического единства социалистического лагеря явилась система договоров о дружбе и взаимопомощи, заключенных СССР с другими социалистическими странами, а также между народно-демократическими государствами. На основе этих договоров усилилось взаимное сотрудничество стран социализма во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни.

Эти договоры заключались в различных исторических условиях. Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Чехословакией, между СССР и Польской Народной Республикой были подписаны в период второй мировой войны, и поэтому, естественно, они прежде всего предусматривали военную и всякую иную помощь договаривающихся сторон друг другу в борьбе против фашистской Германии. Предусматривалось также принятие после окончания войны совместных мер для устранения угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме. Вместе с тем эти договоры были непосредственно направлены на укрепление дружеского сотрудничества между договаривающимися сторонами.

Договоры о дружбе и взаимопомощи между СССР и Болгарией, Венгрией, Румынией были заключены в 1948 г., уже после подписания мирных договоров с этими странами. Содержание их обусловлено создавшейся вскоре после окончания второй мировой войны международной обстановкой, когда обозначилась опасность возрождения германского милитаризма. К периоду 1947—1949 гг. относится и заключение договоров о дружбе и взаимной помощи между европейскими странами народной демократии¹.

Крупнейшим вкладом в дело укрепления мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире явился советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, заключенный в феврале 1950 г.²

Договоры о дружбе и взаимопомощи между СССР и странами народной демократии не предоставляют никаких преимуществ какой-либо из договаривающихся сторон. Они не только ни в коей степени не ущемляют национальные интересы народно-демократических государств, но, наоборот, целиком и полностью направлены на укрепление безопасности, обеспечение национальной независимости и суверенитета этих стран.

Возьмем для примера один из договоров — советско-румынский³. Закрепление дружественных отношений и поддержание тесного сотрудничества в интересах сохранения всеобщего мира и безопасности, в соответствии с целями и принципами ООН, поддержание добрососедских отношений между СССР и Румынией, отвечающих жизненным интересам народов обеих стран, — таковы цели обеих договаривающихся сторон.

Исходя из тяжелых уроков второй мировой войны и учитывая создавшуюся после нее международную обстановку, договаривающиеся стороны обязались «предпринимать совместно все меры, находящиеся в их распоряжении, для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме». При этом договор предусматривает участие обеих сторон во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение мира и безопасности народов.

Договоры о дружбе и взаимопомощи между СССР и странами народной демократии и между самими народно-демократическими странами по своему характеру и сущности прямо противоположны договорам империалистического типа, например, договорам, заключенным в послевоенные годы между США и другими капиталистическими странами. Характерной особенностью всех договоров о дружбе и взаимопомощи между странами социалистического лагеря является то, что они ставят своей целью борьбу против повторения агрессии со стороны Германии и Японии или государств, объединившихся с ними в

¹ См. гл. VI.

² См. гл. VII.

³ Текст договора см. «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I, стр. 52—55.

той или иной форме, направлены на сохранение и упрочение мира.

Основные направления внешней политики социалистических стран являются общими для всех этих стран. Ее генеральная линия — борьба за мир и мирное сосуществование государств с различным общественно-экономическим строем.

Конечно, у каждого из государств социалистического содружества могут возникать и возникают свои конкретные внешнеполитические интересы. Например, для Румынии и Болгарии представляет особое значение проблема сотрудничества Балканских стран; для Польши, Чехословакии и Германской Демократической Республики — обеспечение своих границ от посягательств западногерманских милитаристов и т. д. Однако и по этим конкретным вопросам, и по коренным проблемам международных отношений все государства социалистического лагеря выступают сплоченно, согласованно, совместно. Ущемление интересов какой-либо одной социалистической страны наносит ущерб всем другим странам социализма. Поэтому защита и отстаивание основных требований каждой страны социализма всеми социалистическими государствами — одна из характерных особенностей международных отношений нового типа.

Образование мировой системы социализма, укрепление единства социалистических стран, стремительный рост их могущества имеют огромное международное значение. В лице мировой системы социализма прогрессивное человечество обрело надежный оплот в своей борьбе против захватнических войн, за мир и безопасность народов.

Победа социалистической революции в ряде стран Европы и Азии привела к резкому сокращению сферы действия закономерностей капитализма, порождающих войны. Агрессивной империалистической политике навсегда был прегражден путь в районы, в которых она в течение многих лет вызывала вражду и конфликты между народами. Границы между государствами Восточной Европы, издавна бывшие предметом международных споров, стали рубежами, не разделяющими, а соединяющими народы. Ярким примером этого служит граница между Польшей и Германской Демократической Республикой. Перестали быть «пороховым погребом» Балканы. Братская дружба и сотрудничество между социалистическими странами на Балканском полуострове, проводимая ими политика мирного сосуществования привели к коренному изменению международной обстановки в этом районе. Образование Китайской Народной Республики превратило эту страну, бывшую ранее объектом борьбы между империалистическими державами, приводившей к военным конфликтам на Дальнем Востоке, в важный фактор обеспечения всеобщего мира.

Возникновение мировой системы социализма привело не только к ликвидации почвы для чреватых войной международ-

ных конфликтов на $\frac{1}{3}$ территории земного шара. Оно ознаменовало громадный качественный сдвиг в соотношении сил войны и мира. Вслед за Советским Союзом на международную арену вышел целый ряд социалистических государств, отстаивающих интересы мира и международной безопасности. Их сплоченность, единство их действий намного увеличивают эффективность внешнеполитических актов каждого из них. Объединенная мощь социалистического лагеря стала сильнейшим препятствием на пути агрессивной империалистической политики.

Уже в 1945—1949 гг. выступления социалистических государств на международной арене оказали большое сдерживающее влияние на империалистическую политику в отношении народов стран, борющихся за свое национальное освобождение, и в ряде других международных вопросов.

Социалистическая система стала естественным центром притяжения всех миролюбивых сил на земле. Страны социализма с первых же дней своего существования продемонстрировали полную готовность сотрудничать со всеми прогрессивными силами во имя мира, демократии и прогресса.

Принципы мира, равноправия, самоопределения, суверенитета народов, уважения независимости всех стран, последовательно проводимые в жизнь социалистическими государствами, отвечают чаяниям всех миролюбивых народов. Пример подлинно народной социалистической внешней политики, честной, гуманной дипломатии социализма оказывает революционизирующее воздействие на умы миллионов людей в капиталистическом мире.

Внешняя политика социалистических государств сыграла важную роль в повышении политической активности народных масс капиталистических стран, усилила их воздействие на область международных отношений. Правящим кругам империалистических держав становится все труднее обманывать народные массы, совершать втайне от них важнейшие внешнеполитические акты, решать международные вопросы в ущерб интересам народа. Внешнеполитическая деятельность стран социалистического содружества во многом способствует росту и сплочению миролюбивых сил в капиталистических странах, активизации их усилий в борьбе против агрессивной политики империализма.

Возникновение мировой социалистической системы открыло возможности малым или слабым государствам, входящим в капиталистическую систему мирового хозяйства, проводить независимую политику. Если до второй мировой войны все эти государства в той или иной мере находились в орбите политики крупных империалистических держав, то теперь положение коренным образом изменилось. Защита социалистическими государствами суверенитета и независимости всех народов позволяет малым странам успешно противостоять давлению импе-

риалистических держав, отказываться от участия в их блоках. Перед ними открывается возможность следовать политике нейтрализма. Так, например, уже в 1948 г. столь небольшая страна, как Финляндия, смогла отказаться от участия в «плане Маршалла», который ей навязывали Соединенные Штаты.

Особенно важное значение образование мировой системы социализма имеет для экономически слаборазвитых стран. Оно во многом способствует углублению процесса распада колониальной системы империализма, завоеванию политической независимости странами, сбросившими иго колониализма, проведению ими независимой политики.

Появление на мировой арене такой антиимпериалистической силы, как молодые национальные государства Азии и Африки, проведение ими политики неприсоединения к агрессивным военным блокам, поддержка принципов мирного сосуществования в свою очередь благоприятствуют росту международного влияния социалистической внешней политики, еще более ограничивают возможности империализма.

В результате уже в первые годы после второй мировой войны империалистическая политика господства и подчинения, угнетения слабого сильным терпела одно поражение за другим, наталкиваясь на могучие противодействующие ей факторы. Принципы же социалистической внешней политики стали завоевывать возрастающее международное признание и поддержку¹. Эти принципы были положены в основу решения ряда международных проблем 1945—1949 гг. В последующий период, с дальнейшим изменением соотношения сил между двумя противоположными системами, международные позиции и авторитет содружества социалистических государств все более укреплялись, мировая социалистическая система превращалась в решающий фактор современных международных отношений.

¹ См. гл. V.

РАСПАД КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ИМПЕРИАЛИЗМА И ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВ АЗИИ, АФРИКИ, ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Крушение колониальных империй, освобождение от политического гнета империализма сотен миллионов людей в бывших колониях и полуколониях — один из важнейших по своему значению процессов, развернувшихся в послевоенном мире.

До войны существовало несколько крупных массивов колониальных и зависимых стран. Юго-Восточная Азия — от Британской Индии до Филиппин и от Вьетнама до Индонезии — была наиболее значительным из них. Другой большой и важный район, угнетаемый империализмом, — Ближний и Средний Восток, охватывающий страны от Египта до Афганистана. Третий район империалистического контроля — Латинская Америка. Наконец, четвертый, характеризовавшийся самыми грубыми формами колониализма и сравнительной отсталостью освободительного движения, — Африканский континент.

В период второй мировой войны и после нее с особой силой проявились мощные внутренние и внешние факторы, обусловившие бурный подъем национально-освободительного движения в ряде важнейших районов колониального мира.

Самым последовательным борцом за национально-освободительную революцию был рабочий класс колоний и полуколоний. Несмотря на свою относительную малочисленность, во многих угнетенных странах он выступал в качестве серьезной политической силы, оказывающей воздействие на остальные классы.

Пробуждению классового самосознания пролетариата способствовало возросшее влияние марксистско-ленинских партий. Эти партии вели последовательную борьбу, нацеливая массы на коренные революционные преобразования.

Преобладающую часть населения в колониальных и полуколониях составляет крестьянство. И если пролетариат вносит в национально-освободительное движение рево-

люционную последовательность, организованность, классовую сознательность, то от позиции крестьянства в большой степени зависят широта, размах и масштабы движения. Война ускорила стягивание самых широких крестьянских масс в антиимпериалистическую борьбу. Аграрный вопрос в колониальных и зависимых странах еще более обострился, поставив в порядок дня аграрную революцию. В ряде стран (Вьетнам, Бирма, Индонезия) уже тогда были заложены основы союза рабочего класса с крестьянством, что позволило им добиться больших успехов в освободительной борьбе.

В странах с относительно развитой экономикой заметно укрепились позиции национальной буржуазии. Ее уже не устраивали старые условия полного подчинения крупному капиталу империалистических держав, ей нужно было сбросить хотя бы внеэкономические оковы, которыми она была опутана правящими кругами метрополий. Двойственный характер национальной буржуазии проявлялся в непоследовательности, склонности к соглашательству с империализмом и внутренней реакцией. Буржуазия стремилась к такому освобождению от колониального гнета, которое сохранило бы бывшие колонии в капиталистической системе хозяйства и обеспечило бы власть эксплуататорским классам.

Нарастанию освободительной борьбы в колониях и полуколониях способствовало участие колониальных войск в военных действиях на стороне антифашистской коалиции против держав «оси». Большие массы населения получили в свои руки оружие, приобрели уверенность в своей способности не только принять участие в разгроме войск держав «оси», но и не допустить восстановления колониального ига Англии, Франции, Голландии.

Поражение ударных отрядов мировой реакции в лице Германии, Италии и Японии, осуществленное в ходе войны, носившей антифашистско-освободительный характер, послужило сигналом к прямым революционным выступлениям.

Наконец, важнейшим внешним фактором, ускорившим и облегчившим успехи национально-освободительного движения, было образование мировой социалистической системы.

Рост силы и авторитета Советского Союза, возникновение других социалистических государств в Европе, победы социалистических революций в ряде стран Азии — все эти процессы и события оказали огромное воздействие на ход освободительного движения в колониях и полуколониях. Китай — крупнейшая страна земного шара — сам находился на положении полуколонии. Поэтому победоносное шествие китайской революции во второй половине 40-х годов наносило не только косвенный, но и прямой удар по колониализму, знаменовало собой начало распада всей колониальной системы мирового империализма.

Из районов колониального мира, рассматриваемых в данном разделе, наибольшего размаха национально-освободительное движение достигло в Юго-Восточной Азии. Именно на этот громадный массив прежде всего распространилась с Дальнего Востока цепная реакция антиимпериалистических революций, распада колониальной системы. В одной из стран Юго-Восточной Азии — Вьетнаме антиимпериалистическая и антифеодальная революция достигла высших ступеней и переросла в революцию социалистическую. Сбросили политические оковы колониализма Индия, Индонезия, Пакистан, Бирма, Филиппины, Цейлон. Вел длительную героическую борьбу народ Малайи.

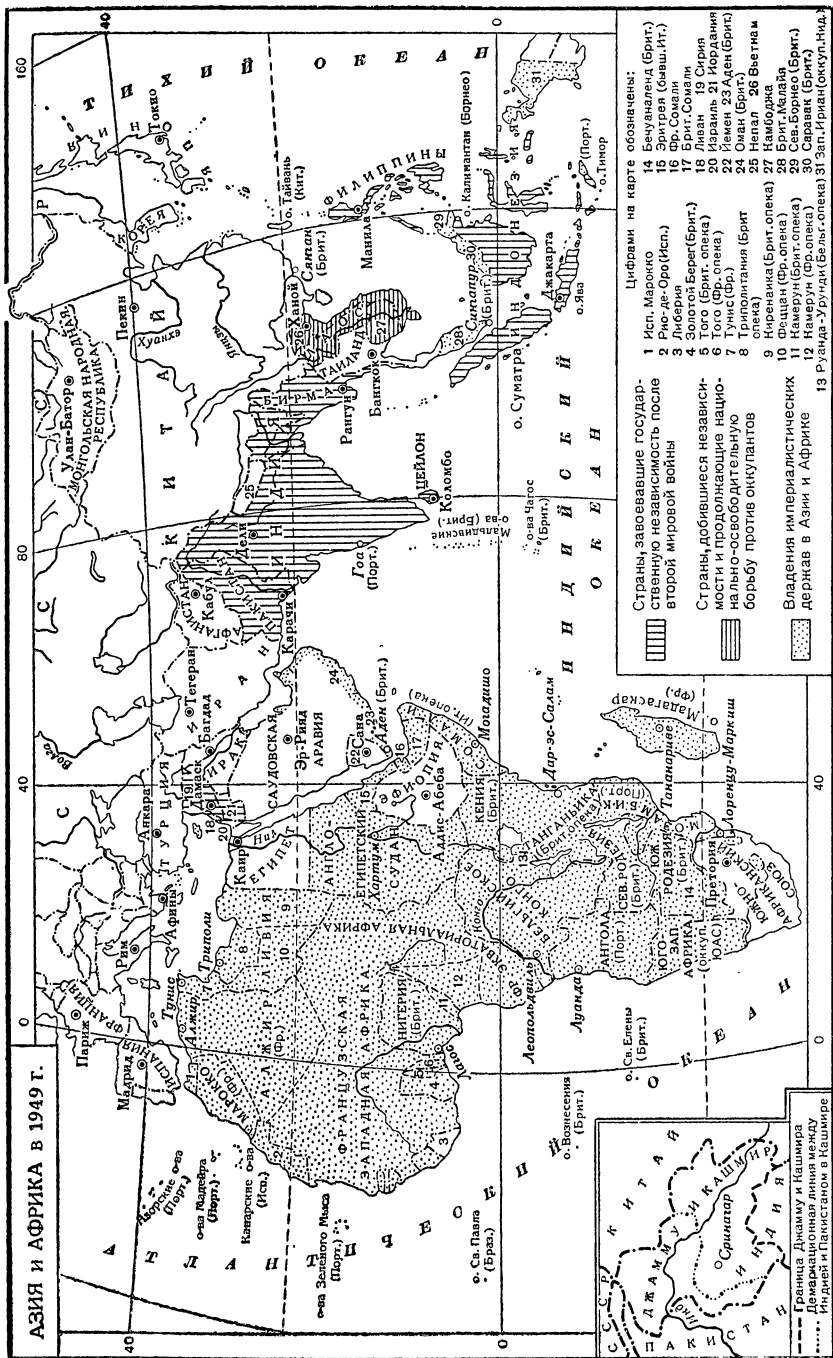
На Ближнем и Среднем Востоке был ликвидирован колониальный статус Палестины и получили независимость Сирия и Ливан. Но положение продолжало оставаться чрезвычайно сложным. Империализм все еще сохранял здесь возможность осуществлять свою политику «разделяй и властвуй». В Африке на пороге освобождения стояли Марокко и Тунис. Южнее Сахары позиции империализма внешне казались устойчивыми, хотя и здесь происходили серьезнейшие глубинные процессы, создававшие предпосылки для решающей борьбы с колониализмом. Специфика Латинской Америки — материка полуколониальных и зависимых стран — состояла в том, что империализм осуществлял свое господство большей частью в скрытой форме. Проводниками его политического господства являлись местные реакционные силы и особенно военщина.

Распад колониализма, происходивший в условиях раскола мира на две системы, на два лагеря, придавал новое качество всему комплексу международных отношений. Образование новых государств привело к коренным изменениям политической карты мира. Народы бывших колоний из объектов империалистической политики превратились в активную самостоятельную силу, оказывающую серьезное воздействие на мировую политику.

Новая роль освободившихся стран в первые послевоенные годы еще не определилась в полной мере. Однако уже в то время большинство этих стран, оставаясь в рамках мирового капиталистического хозяйства, отказалось войти в военно-политическую систему империализма, заняло особое место в международных отношениях. Как подчеркивается в Программе КПСС, «молодые суверенные государства не входят ни в систему империалистических государств; ни в систему социалистических государств. Но подавляющее большинство из них еще не вырвалось из мирового капиталистического хозяйства, хотя и занимает там особое место»¹.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 45.

АЗИЯ И АФРИКА В 1949 г.

Их сопротивление империалистическому диктату было облегчено существованием мирового социалистического лагеря, неизменно проводящего политику мира и поддержки независимости освобождающихся народов. Последовательное осуществление принципов пролетарского интернационализма в области международных отношений создавало благоприятные внешние условия для закрепления политической независимости освободившихся государств, а затем и для борьбы за их прогрессивное экономическое развитие.

Таким образом, уже в 1945—1949 гг. начался и стал развиваться процесс формирования нейтральной группы стран, основой которой явились новые завоевавшие национальную независимость государства Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки. Эта группа стран начала поиски новых путей в международных отношениях, провозгласила целями своей политики отказ от военных пактов с империализмом и борьбу против колониализма, поддержку освободительных движений, развитие и укрепление контактов со всеми странами, установление сотрудничества с социалистическими государствами, миролюбивую позицию по важнейшим вопросам мировой политики.

ГЛАВА IX

НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ. ЗАВОЕВАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИЕЙ, ИНДОНЕЗИЕЙ, БИРМОЙ, ПАКИСТАНОМ И НЕКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

До второй мировой войны из всех стран Юго-Восточной Азии лишь два небольших государства — Таиланд и Непал — пользовались независимостью, да и то лишь формальной, ибо и они находились на положении полуколоний. Под британским владычеством оставались Индия, Бирма, Цейлон, Малайя и другие колонии с общим населением около 500 млн. человек. Франция сохраняла контроль над большей частью полуострова Индокитай, где проживало около 30 млн. человек. Голландия жестоко эксплуатировала Индонезию с ее 60-миллионным населением.

Процесс втягивания широких народных масс Юго-Восточной Азии в антиимпериалистическую борьбу начался в период между двумя войнами, но особенно усилился в годы второй мировой войны и после нее.

С нападением японских вооруженных сил на Пирл-Харбор в конце 1941 г. пожар войны перекинулся с территории Китая на весь Дальний Восток, на многие страны Юго-Восточной

Азии. Военные действия Японии, разгромившей англичан, французов и голландцев, ускорили крах мифа о непобедимости войск колонизаторов — мифа, который зиждился на превосходстве хорошо вооруженных и обученных воинских частей над безоружным населением, ранее стихийно и разрозненно выступавшим против чужеземных завоевателей.

Межимпериалистическая борьба в странах, ставших ареной военных действий, вызвала у их народов надежды на достижение политической независимости. Эти надежды подогревались тем, что японские милитаристы, чтобы обеспечить себе более или менее «спокойный» тыл, стали демагогически рекламировать «освободительную» миссию Японии в Азии и даже предоставили некоторую автономию оккупированным странам.

Но «освобожденные» народы вскоре убедились, что произошла лишь замена европейских колонизаторов «своими», азиатскими. Начался новый этап в их борьбе за независимость. Анти-японские выступления по мере приближения победы антифашистской коалиции перерастали в широкие военные действия. Активную роль играли молодые коммунистические партии. Они объединяли революционные массы трудящихся и указывали им путь последовательной борьбы за политическую свободу и экономическую независимость.

В военные годы произошло, таким образом, перерастание национально-освободительного движения в национально-освободительную революцию. Оснащенные трофейным оружием, сплоченные вокруг подлинно патриотических сил, закаленные в боях, народные массы стран Юго-Восточной Азии были полны твердой решимости не допустить восстановления власти Англии, Франции и Голландии, насаждения прежних колониальных порядков. Крупнейшая страна этого района — Индия не стала театром военных действий: продвижение японских частей было остановлено на подступах к реке Иравади. Но англичане не смогли изолировать эту важнейшую в мире колонию от широкого потока освободительного движения, захлестнувшего всю Азию.

Распад колониальной системы империализма в Юго-Восточной Азии после второй мировой войны был обусловлен всем предшествующим ходом исторического развития стран этого района. Процесс распада был ускорен таким величайшим потрясением, как война между силами фашизма и антифашистской коалицией. С победой антифашистской коалиции, с образованием мировой социалистической системы, опирающейся на авторитет и мощь СССР, создались благоприятные условия для завоевания колониальными странами политической независимости.

1. Освобождение Индии от колониальной зависимости и образование доминионов Индии и Пакистана

Национально-освободительное движение в Индии явилось одним из основных потоков антиимпериалистической борьбы народов Азии, почти полностью ликвидировавшей колониальные режимы на Азиатском материке.

Сразу же после окончания войны быстрыми темпами нарастает стачечная борьба рабочего класса в Индии. Участились столкновения крестьян с помещиками и с полицией. Наряду с социальными выступлениями трудящихся ширилось общенародное движение против английского господства. Более решительную чем прежде позицию в вопросе о независимости страны заняла экономически усилившаяся национальная буржуазия.

Английские власти настойчиво стремились перевести нарастающую активность масс на рельсы искусственно разжигаемой религиозной вражды между индусами и мусульманами. На руку колонизаторам действовала такая политическая партия, как Мусульманская лига, которая в послевоенный период прямо выдвигала на первый план религиозные противоречия внутри страны. Отношение Лиги к Национальному конгрессу стало едва ли не более враждебным, чем к английской колониальной администрации.

Коммунистическая партия, вышедшая в 1942 г. из подполья, приобрела определенное влияние среди рабочих промышленных центров и в ряде районов среди крестьянства. Однако роль руководителя национально-освободительного движения в масштабах всей страны в тот период прочно удерживал за собой Конгресс.

После войны в Индии назревала революционная ситуация. Сигналом к всенародной антиимпериалистической революции едва не стало вспыхнувшее 18 февраля 1946 г. вооруженное восстание моряков в Бомбее, поддержанное бомбейским пролетариатом¹.

Восстание в Бомбее заставило лейбористское правительство Англии почувствовать всю серьезность положения. Не случайно уже на следующий день после начала восстания, 19 февраля, когда еще не было известно, во что выльются события, премьер-министр Эттли объявил о решении правительства направить специальную миссию в Индию для переговоров о предоставлении ей какой-либо формы самоуправления².

Миссия в составе министра по делам Индии Петик-Лоуренса, министра финансов Криппса и первого лорда адмиралтейства Александера прибыла в Дели в конце марта 1946 г. и вместе с вице-королем Уэйвеллом начала переговоры с индийскими

¹ См. П. Датт. Индия сегодня, стр. 593.

² «The Times», 20. II. 1946.

политическими лидерами. 16 мая 1946 г. была опубликована «Белая книга об Индии» — декларация миссии кабинета. Декларация содержала план конституционного устройства для Индии.

Английские планы в своей совокупности сводились к попыткам создания слабого государства, которое бы раздиралось внутренними противоречиями и потому нуждалось бы в «посредничестве» и «руководстве» Лондона.

После отъезда миссии английского кабинета министров положение в Индии стало еще более напряженным. Подрывная деятельность миссии привела к обострению вражды между Мусульманской лигой и Индийским национальным конгрессом.

Резкая полемика по вопросу о временном правительстве и об отношении к английским предложениям завершилась полным отказом Мусульманской лиги от какого-либо сотрудничества с Индийским национальным конгрессом. М. Джинна объявил о начале «прямой борьбы» за создание Пакистана, т. е. за выделение мусульманских провинций в самостоятельное государство¹. «Прямая борьба» вылилась в массовую резню и погромы, вспыхнувшие во многих районах Бенгалии, Пенджаба, Бихара и др. Не меньше, чем Мусульманская лига, в погромах были повинны индусские религиозно-шовинистические партии типа Хинду Махасабхи, которые сколачивали «черные сотни» погромщиков из фанатиков и уголовников. Английская агентура, находившаяся в ведении политического департамента правительства вице-короля, всячески раздувала ненависть между индусами и мусульманами. Религиозная рознь усиливалась еще и потому, что в ряде районов Индии представители различных вероисповеданий принадлежали к разным социальным слоям. В религиозной оболочке проявлялись и классовые конфликты.

Однако даже религиозная рознь — главный козырь в политической игре британского империализма на протяжении десятилетий — не могла уже тормозить национально-освободительное движение. Угроза всенародного антианглийского восстания продолжала нарастать; колониальные власти чувствовали себя так же, как человек, сидящий на бочке с порохом.

Премьер-министр Эттли заявил 20 февраля 1947 г. в палате общин: «Настоящее положение неопределенно, чревато опасностями и не может продолжаться бесконечно. Правительство его величества хочет ясно сказать, что оно твердо намерено предпринять необходимые шаги для передачи власти в руки самих индийцев не позднее июня 1948 г.»² Эттли дал понять, что британское правительство намерено расчленить Индию по религиозному признаку. В прениях лейбористские деятели, полемизируя с консерваторами, весьма прозрачно намекали, что «уход из Индии» является отнюдь не добровольным.

Признавал это и начальник штаба вице-короля лорд Исмэй. «В марте 1947 года, — писал он, — Индия представляла собой корабль с грузом боеприпасов в трюме, охваченный пожаром посреди океана. Главное, что требо-

¹ См. А. М. Дьяков. Индия во время и после второй мировой войны (1939—1949), стр. 84.

² «The Times», 21. II. 1947.

валось в то время, — это справиться с пожаром, прежде чем огонь доберется до боеприпасов. Фактически у нас не оставалось иного выбора, кроме того, что мы сделали»¹.

Быстрый рост рабочего, крестьянского и общенационального освободительного движения подтверждал, что выпадение из британской короны ее жемчужины происходит вопреки воле и желанию лондонского правительства, что индийский народ наконец-то становится творцом своей истории.

Напряженная политическая обстановка в Индии показала вскоре английским правящим кругам, что оттягивать «уход» до июня 1948 г. было бы опасно для них. Они не рискнули откладывать выполнение обещания Эттли, понимая, что чем спокойнее будет обстановка в момент передачи власти, тем большую умеренность проявят круги, получающие власть, и тем больше будет шансов сохранить британские позиции в стране.

3 июля 1947 г. был обнародован законопроект «О передаче власти в Индии», получивший в печати наименование «плана Маунтбэттена» (по имени нового вице-короля, назначенного 20 февраля того же года)². «План Маунтбэттена» предусматривал расчленение страны по религиозному признаку на две части, получающие статус доминионов: Индийский Союз и Пакистан. Предполагалось, что вопрос о вхождении провинций в состав Пакистана будет решаться местными законодательными собраниями. Правителям княжеств было предложено либо присоединиться к одному из новых доминионов, либо объявить о статусе независимых государств.

Законопроект был одобрен парламентом Англии, принят двумя крупнейшими партиями Индии и в качестве «Закона о независимости Индии» вступил в силу 15 августа 1947 г. Так на карте мира появились два новых государства — Индия и Пакистан.

Это событие знаменовало собой начало распада британской колониальной империи и нанесло сильнейший удар по всей колониальной системе империализма. Население всей Индии составляло около 400 млн. человек — примерно половину населения всего колониального мира, находившегося под прямым господством империализма в 1947 г.

Завоевание Индией политической независимости имело огромное значение для развития международных отношений не только в этом районе, но и во всем мире. В полной мере оно проявилось в последующий период. Однако и тогда уже стало ясно, что на международной арене появилось государство с более чем 320-миллионным населением, с развитым демократическим движением, от внешней политики которого будет в немалой степени зависеть состояние международных отношений.

Дели, некогда «закрытый» город, становился одним из важных дипломатических центров. Раньше Индия лишь формально была членом Лиги наций и ООН — ее делегации в этих между-

¹ Цит. по кн.: П. Датт. Кризис Британии и Британской империи. Перев. с англ. М., 1954, стр. 216.

² «The Times», 3. VII. 1947.

народных организациях назначались английскими властями и вся их роль сводилась к тому, чтобы давать Великобритании один дополнительный голос. Однако уже с 1946 г., после образования временного правительства во главе с Джавахарлалом Неру, ситуация начала коренным образом меняться. После 15 августа 1947 г. почти все государства мира, в том числе и СССР, установили с Индией дипломатические отношения. Советский Союз и Индия обменялись дипломатическими представительствами в ранге посольств. Советско-индийским отношениям предстояло развитие в сторону расширения дружественных политических и экономических связей.

Отделившееся от Индии государство — Пакистан — насчитывало около 70 млн. жителей. В состав Пакистана вошли (в результате сложной и подчас необычайно острой борьбы) провинции, населенные преимущественно мусульманами: Синд, Белуджистан, Северо-Западная пограничная провинция, Западный Пенджаб, Восточная Бенгалия и некоторые княжества. Таким образом, территория этого государства состояла из двух частей, разделенных территорией Индии и совершенно не связанных друг с другом ни экономически, ни этнографически.

Расчленение страны сопровождалось новой вспышкой кровавых погромов на религиозной почве и массовым потоком беженцев. Число жертв индусско-мусульманской резни достигло 1 млн., а беженцев — почти 8 млн. Такова была «бескровная революция», о которой с лицемерной гордостью, как о «заслуге», говорили тогдашние лейбористские политики.

Но реки пролитой крови были не единственным трагическим последствием расчленения Индии. Резко ухудшилось и экономическое положение обеих частей, так как территории, отошедшие к Пакистану, являлись производителями сырья, перерабатываемого на заводах и фабриках Индии (джут, хлопок и т. д.). Пакистан остался почти без промышленности, а Индия — без достаточного количества сырья. Катастрофически снизилось производство как промышленных товаров, так и продуктов сельского хозяйства. Голод охватил целые провинции. Армия безработных достигла нескольких десятков миллионов человек. Миллионы бездомных беженцев наводнили пригороды Калькутты, Карачи, Бомбея и других крупных городов.

Осуществленный Англией раздел Индии на два государства привел к созданию очага международной напряженности, который крупнейшие империалистические державы использовали для давления и шантажа по отношению как к одной, так и к другой стороне. Империалисты стремились подчинить внешнюю политику Индии и Пакистана англо-американскому блоку, укрепить свои экономические, политические и стратегические позиции в этих странах, обеспечить себе поддержку Индии и Пакистана в «холодной войне» против лагеря социализма.

Что касается внешней политики Индии, то в ней уже тогда стали отчетливо проявляться некоторые черты, составившие в дальнейшем основу независимого миролюбивого внешнеполитического курса страны. Важным направлением внешней политики Индии с самого начала стал антиколониализм. В равной

мере выявилось и ее стремление остаться вне империалистических блоков. Правительство Неру еще до 15 августа 1947 г. предприняло шаги, направленные к установлению единства между странами Азии. Оно заняло позицию моральной поддержки борьбы индонезийского народа за освобождение от колониального ига, созвав специальную международную конференцию в Дели, посвященную этому вопросу. Индия решительно выступила против расовой сегрегации в Южно-Африканском Союзе. Она привлекала внимание мировой общественности к этой разновидности расизма и колониализма, поставив вопрос на обсуждение Организации Объединенных Наций. Но все же отношение правящих кругов Индии к основным проблемам мировой политики в тот период было сложным и противоречивым. Их политические и экономические узы с Великобританией еще очень сильно давали себя знать.

В независимой Индии к власти пришла национальная буржуазия. Она жаждала усилить свои политические и экономические позиции, отвоевать себе «место под солнцем», добиться полной самостоятельности, осуществить внутри страны ряд социально-экономических преобразований. Но британский монополистический капитал и после 15 августа 1947 г. сохранил чрезвычайно сильные позиции в экономике Индии и тесные связи с местным крупным капиталом.

На политическое положение в стране значительное, все возрастающее влияние оказывали трудящиеся массы, в первую очередь рабочий класс и крестьянство. С ликвидацией английского господства демократическое движение в Индии получило новый толчок. Укрепила свои позиции в массах, в том числе среди крестьянства, Коммунистическая партия Индии.

Индийской буржуазии предстояло выработать свою внешнеполитическую линию в очень сложных условиях послевоенного мира, расколовшегося на два противостоящих лагеря. Активным участником одного из них — англо-американского блока — была Англия, недавняя метрополия Индии и ведущая держава Британского содружества наций. В первые годы это не могло не сказываться на политике молодого индийского государства.

Некоторые влиятельные буржуазные круги делали в то время ставку на сближение с США и получение отсюда экономической помощи. Американская дипломатия также рассчитывала на то, что ей сравнительно легко удастся «приручить» эту огромную страну. Большие надежды возлагались в этой связи на официальный визит Дж. Неру в США в конце 1949 г. Однако последующие годы показали, что в результате воздействия основных классов индийского общества и в силу различных объективных факторов внешней политикой Индии стала политика нейтрализма. Почти всеобщее признание получила точка зрения, что экономический прогресс и укрепление независимости страны не могут быть обеспечены односторонней

ориентацией на «помощь» со стороны империалистических держав. Нейтрализм Индии выразился в отказе от вступления в агрессивные блоки, в усилении борьбы против колониализма, в активной деятельности в поддержку мирного сосуществования всех государств.

Внешняя политика Пакистана с самого начала отличалась крайним антииндийским национализмом, носившим к тому же религиозную окраску.

Демократическое движение в стране было слабым. Правительство нового государства опиралось на феодально-помещичьи круги, которые видели в агрессивном национализме средство к укреплению единства между разнородными частями страны. Поскольку единство их могло базироваться главным образом на общности религии, то естественно, что религиозные моменты стали играть видную роль в определении внешнеполитического курса. Вот почему Пакистан предпринял попытку захватить Кашмир, а когда это не удалось, сделал кашмирский вопрос предметом ожесточенного и длительного спора с Индией. Между тем интересы народов обоих доминионов требовали развития тесных политических, экономических и культурных связей двух вновь возникших государств. Пакистанское правительство подавляло чаяния шести миллионов пуштунов, требовавших права самоопределения. Это привело к ухудшению взаимоотношений с северным соседом — Афганистаном. Внутренняя неустойчивость и националистически-религиозные устремления привели правящие круги Пакистана к поискам опоры за рубежом. Моральная опора была найдена в лице некоторых мусульманских государств. За военно-политической поддержкой Пакистан обратился к ведущим империалистическим державам. При этом роль США в этом деле постепенно увеличивалась, а роль Англии ослабевала.

Итак, хотя внешнеполитический курс Индии и Пакистана в 1947—1949 гг. еще не определился окончательно, но уже тогда можно было обнаружить две сильно различающиеся тенденции, которые позже привели Индию в зону мира, в группу стран, проводящих нейтралистскую политику, а Пакистан — в империалистические блоки, в фарватер агрессивной политики империализма.

2. События в Кашмире и индо-пакистанский конфликт. Кашмирский вопрос в Организации Объединенных Наций

Политику влиятельных слоев пакистанского общества — феодалов, помещиков, мусульманского духовенства определяла всемерно разжигаемая религиозная нетерпимость, решимость и впредь отстаивать принцип «двух наций», положенный англичанами в основу раздела своих индийских владений. Пакистанские правящие круги требовали присоединения даже тех «мусульманских» территорий, которые по «плану Маунтбэттена» не вошли в состав Пакистана. Речь шла прежде всего о княжестве Джамму и Кашмир, расположенном на севере субконтинента и граничившем с обоими вновь образованными доминионами.

Махараджа этого княжества не объявил к 15 августа 1947 г. о присоединении к одному из доминионов, и Кашмир стал «независимым» государством. Как позже заявил махараджа, «независимость» казалась ему «лучшим решением» в связи с «особыми условиями» — географическими, политическими, религиозными¹. Кашмир граничит, кроме Индии и Пакистана, с Афганистаном, Китаем, близко расположен от границ СССР. Территория княжества всегда являлась стратегически важным районом, к которому английские власти проявляли особый интерес. И в этом — ключ к подлинным мотивам решения, принятого махараджей.

Надо сказать, что «независимость» некоторых крупных княжеств — Хайдарабада, Кашмира, Майсура, Траванкур-Кочина, а также объединений княжеств типа Катхивара — рассматривалась правящими кругами Англии как средство сохранить на индийской земле свои политические и даже военные опорные пункты. Предполагалось, что княжества смогут оставаться, по словам английского историка Рашбрук-Вильямса, «дружественными крепостями на оспариваемой территории»². Но индийское правительство вынудило и англичан, и владетельных князей примириться с необходимостью для княжеств войти в состав того или другого доминиона. А поскольку подавляющее большинство княжеств было вкраплено в территории провинций, образовавших Индийский Союз, то именно этот доминион и стал наследником сюзеренитета британской короны над индийскими княжествами.

Иначе — в силу специфических внутренних и внешних условий — сложилась судьба Кашмира. Четырехмиллионное население княжества неоднородно в религиозном отношении. Около 80% жителей исповедуют мусульманскую религию, остальные — индусы, буддисты, сикхи. В течение последнего столетия Кашмирская долина находилась под властью раджей Джамму, и поэтому господствовала в княжестве привилегированная каста раджпутов — догров по национальности и индусов по религии. Кашмирская национальность, большая часть которой — мусульмане, находилась в неравноправном, угнетенном положении. Кровавый режим самодержца-махараджи подавлял всякие попытки народа добиться элементарных демократических прав.

После 15 августа 1947 г. в Кашмире начался новый подъем борьбы за освобождение от экономического, политического и религиозного гнета. И если раньше трон махараджи поддерживался английскими штыками, то в новых условиях дело реакции становилось безнадежным: крах княжеского режима и победа буржуазно-демократической революции казались вопросом нескольких месяцев.

Наибольшим влиянием в народе пользовалась партия Национальная конференция, руководство которой стояло на буржуазно-демократических позициях. Ее лидеры были в основном мусульмане, однако они подчеркивали светский характер своей партии и примыкали в общендийском масштабе к политической линии Национального конгресса.

Таково было положение в Кашмире, когда 22 октября 1947 г. началась организованная пакистанскими властями интервенция вооруженных отрядов, сформированных из кочевых пуштунских племен. К тому времени английским политикам, которые ранее поощряли махараджу на провозглашение «независимости», стало уже окончательно ясно, что махараджа не сможет удержаться.

¹ См. об этом в кн.: «White Paper on Jammu and Kashmir». New Delhi, 1948.

² «Amerasia», October 1947, p. 7.

жаться у власти без посторонней поддержки. Британские империалисты сочли «меньшим злом» пожертвовать махараджей и способствовать такому развитию событий, при котором Кашмир оказался бы в составе Пакистана. Именно поэтому многие английские чиновники и офицеры были не только осведомлены о подготовке вторжения, но и принимали участие в его подготовке.

Опубликованные индийским правительством документы свидетельствуют, что высокопоставленные английские официальные лица, находившиеся на индийской службе, например губернатор Северо-Западной пограничной провинции Д. Каннингхэм и главнокомандующий вооруженными силами фельдмаршал К. Окинлек, прекрасно осведомленные о предстоящих событиях, держали в неведении правительство Индии¹. Они считали внезапность нападения основным условием успешного захвата Кашмира Пакистаном. Поскольку княжество отделено от Индии труднопроходимыми горными хребтами, индийскому правительству трудно было бы в короткий срок направить туда крупные соединения своих войск. Силы вторжения, хорошо вооруженные и руководимые офицерами регулярных пакистанских войск², напротив, воспользовались тем, что через территорию Пакистана в Кашмир ведут не только эксплуатируемые круглый год автомобильные трассы, но и железная дорога. Казалось очевидным, что сопротивление разложившейся княжеской армии, к тому же ненавистной населению, можно будет легко преодолеть и занять в течение нескольких дней всю Кашмирскую долину с городом Сринагаром. Тогда Индия была бы поставлена перед свершившимся фактом, и на ее долю оставались бы лишь дипломатические протесты, которые уже не могли бы изменить положения.

Интервенты — неожиданно для себя — встретили отпор со стороны населения. Создавались отряды народного ополчения и народной милиции, состоящие из рабочих, ремесленников, крестьян, демократической интеллигенции. Организацией сопротивления руководила Национальная конференция. Ввиду полного развала княжеской администрации в руки этой партии перешла фактически вся власть в Кашмирской долине.

Таким образом, интервенция лишь ускорила победу антикняжеских сил в Кашмире. Махараджа был вынужден 30 октября 1947 г. подписать указ о создании Чрезвычайной администрации во главе с шейхом Абдуллой — лидером Национальной конференции, только что освобожденным из тюремного заключения. Сам махараджа покинул пределы княжества. Но новому, демократическому режиму угрожала опасность извне: в случае успеха пакистанской интервенции революция была бы потоплена в крови (как показала судьба жителей города Барамулы, захваченного в первые же дни).

Наспех создаваемые добровольческие отряды не могли долго сдерживать продвижение хорошо вооруженных отрядов. Един-

¹ См. В. Кумар. Англо-американский заговор против Кашмира. М., 1955, стр. 77—78.

² Одним из отрядов командовал американский разведчик Р. Хэйт («New York Herald Tribune», 6. I. 1948).

ственная надежда была на помощь индийских войск. С просьбой о такой помощи обратились к правительству Индии и махараджа, и руководство Национальной конференции. Генерал-губернатор лорд Маунтбэттен воспротивился немедленному оказанию помощи. После 24 октября (когда махараджа официально обратился к Индии) прошло несколько дней, пока правительство Индии убедило махараджу в том, что для преодоления сопротивления Маунтбэттена Кашмир должен присоединиться к Индийскому Союзу. Для этой цели в Сринагар летал секретарь министерства по делам княжеств В. П. Менон¹. Выбирая «из двух зол», махараджа подписал требуемый документ.

Маунтбэттен, вынужденный утвердить присоединение княжества к Индии, оговорил (нарушая соответствующие пункты «Акта о независимости Индии») необходимость выяснить волю народа после наведения порядка. Этот неожиданный жест «демократизма» и создал юридическую основу для всего так называемого кашмирского вопроса в той постановке, которая устраивала империалистические силы и давала Пакистану повод для вмешательства.

27 октября 1947 г. — после нескольких дней проволочек, едва не оказавшихся роковыми, — индийские части в составе одного батальона прибыли на Сринагарский аэродром. Опоздание даже на несколько часов привело бы к захвату аэродрома противником и к невозможности высадки крупных частей и тяжелого вооружения. Интервенты были остановлены лишь в нескольких милях от окраины столицы Кашмира².

Попытке Пакистана послать в ответ регулярные войска в Кашмир воспротивились английские официальные лица: в чрезвычайно накаленной и еще не определившейся обстановке это могло вылиться в большую войну между Индией и Пакистаном. И если «локальный» конфликт давал возможность маневрировать к выгоде британского империализма, то настоящая война могла привести к полной потере позиций и влияния Англии если не в обоих доминионах, то по крайней мере в Индии.

По инициативе генерал-губернатора Маунтбэттена кашмирский вопрос был передан на рассмотрение ООН. Индийское правительство согласилось на это, так как рассчитывало, что Совет Безопасности, учитывая бесспорный характер дела по существу, осудит агрессию Пакистана и призовет его прекратить агрессивные действия. Может быть, по тем же соображениям правительство Пакистана вначале решительно протестовало против передачи вопроса в ООН.

¹ V. P. Menon. The Story of the Integration of the Indian States. Bombay, 1956, p. 390—415.

² J. Nehru. Independence and After. A Collection of Speeches. 1946—1949. New York, 1950, p. 57.

Лорд Маунтбэттен встретился 1 ноября 1947 г. в Лахоре с генерал-губернатором Пакистана М. Джинной. О том, как Маунтбэттен «представлял» индийскую сторону, откровенно рассказывает его личный секретарь Кэмпбелл-Джонсон в своих мемуарах: «Маунтбэттен информировал Джинну о численности индийских войск в Сринагаре и о подкреплениях, которые они, вероятно, получат в ближайшие несколько дней. Он сказал ему, что при создавшейся ситуации считает маловероятной перспективу вступления в Сринагар крупных отрядов племен»¹. Получив эту важную информацию из авторитетного источника, пакистанское правительство убедилось, что ставка на внезапность и на военную силу бита и что более выгодно перейти к дипломатическим маневрам.

Однако предложения, внесенные Джинной, а затем премьер-министром Пакистана Лиакат Али-ханом в его послании Джавахарлалу Неру, не могли служить основой для конструктивных переговоров, так как требовали отмены решения о вхождении Кашмира в Индийский Союз, смещения Чрезвычайной администрации и т. д.² Неудача двусторонних переговоров явилась дополнительным аргументом к идее Маунтбэттена о передаче дела на рассмотрение ООН.

В этой связи необходимо отметить крутой поворот в позиции, занятой Пакистаном в ответ на предложение Маунтбэттена. Уже через две недели после того, как Джинна категорически возразил против вмешательства ООН, Лиакат Али-хан в письме Неру от 16 ноября предложил ни мало ни много, как возложить на представителя ООН задачу прекращения огня и наведения порядка, учреждения беспристрастной администрации, проведения плебисцита. Дальнейший ход событий показал, что неожиданный и резкий поворот правящих кругов Пакистана в отношении к вмешательству ООН был им явно выгоден.

30 декабря 1947 г. правительство Индии обратилось по рекомендации генерал-губернатора Маунтбэттена в Совет Безопасности с жалобой на агрессию Пакистана против части индийской территории.

Англо-американское большинство в Совете Безопасности уклонилось от немедленной реакции на индийскую жалобу; постановлено было создать комиссию для «изучения» вопроса. Удовлетворяя требования Пакистана, оно расширило круг проблем, подлежащих изучению. Даже само название — «Вопрос Джамму и Кашмира» — было сменено на «Вопрос Индии и Пакистана». В результате позиции, занятой представителями США и Англии, Совет Безопасности игнорировал факт юридического присоединения Кашмира к Индии. Одностороннее решение последней — выявить в дальнейшем волю населения княжества — он рассматривал как международное обязательство, подлежащее к тому же контролю со стороны ООН. Совет Безопасности сразу же вмешался во внутрикашмирские дела, поставив под сомнение законность существующей администрации и приняв за отправную точку дискуссий невозможность сохранения этой администрации при проведении плебисцита. Таково было основное содержание резолюции Совета Безопасности от 20 января 1948 г., не поддержанной делегациями СССР и Укра-

¹ A. Campbell-Johnson. Mission with Mountbatten. New York, 1953, p. 229.

² «Dawn», 17. XI. 1947.

ины¹. Таким образом, большинство Совета Безопасности пункт за пунктом приняло точку зрения Пакистана, хотя формально даже не высказалось еще по существу вопроса.

С созданием Комиссии ООН для Индии и Пакистана отнюдь не началось практическое рассмотрение кашмирского вопроса. Три месяца продолжались дипломатические маневры, цель которых сводилась к одному — заставить Индию отступить еще дальше.

21 апреля 1948 г. появилась на свет новая резолюция, в соответствии с которой состав комиссии расширился до 5 членов. Комиссия должна была выехать на место, чтобы принять меры для восстановления мира и проведения плебисцита. Создавалась должность администратора по плебисциту. Правительству Кашмира предлагалось передать администратору такие полномочия, какие он «сочтет необходимыми для проведения справедливого и беспристрастного плебисцита, включая — исключительно для этой цели — право распоряжения военными и полицейскими силами княжества и контроля над ними»². В целом администратор наделялся почти неограниченными полномочиями и фактически на весь период подготовки и проведения плебисцита подменял существующие власти. Остается только отметить, что, по общему признанию, подготовительный период мог продолжаться несколько лет³.

Лишь в начале июля — стало быть, через полгода после подачи Индией жалобы на агрессию — комиссия прибыла на субконтинент. За истекшие шесть месяцев произошли многие события, еще более затруднившие урегулирование конфликта. Сначала Пакистан отрицал свою причастность к войне в Кашмире. Но позиция Совета Безопасности привела к тому, что пакистанское правительство решилось на прямое участие в войне. После того как в апреле 1948 г. индийские войска освободили ряд городов на западе Кашмирской долины, англичанин генерал Грэйси, являвшийся главнокомандующим в Пакистане, направил туда регулярные воинские части. Если бы они не были введены в пределы Кашмира, отряды племен удалось бы изгнать с территории княжества в течение нескольких недель, и кашмирский вопрос, как таковой, был бы снят. Индия могла бы начать подготовку к выяснению воли народа. Возможность вмешательства ООН была бы также резко ограничена.

Введение же в Кашмир крупных соединений пакистанской регулярной армии позволило удержать контроль над частью захваченной территории и сохранить базу для продолжения конфликта.

Происки империалистического большинства в Совете Безопасности привели к тому, что исходный момент конфликта тщательно затушевывался. Пакистан, совершивший агрессию, юридически ставился в такое же положение, как и жертва агрессии — Индия.

Общественное мнение Индии было возмущено политикой западных держав в кашмирском вопросе. Индийская печать громко протестовала. Авторитет не только Англии, но и США был сильно подорван. В Индии раздавались голоса, призывавшие выйти из состава Британского содружества наций. А наиболее экстремистские круги требовали объявить войну Пакистану и вести военные действия на территории собственно Пакистана.

¹ United Nations. Security Council. Document S/654, January 20, 1948.

² United Nations. Security Council. Document S/726, April 21, 1948.

³ United Nations. Security Council. Document S/819, June 3, 1948.

Такие настроения не могли не встревожить государственных деятелей Запада, поскольку они имели большие виды на Индию в связи с их политикой сколачивания военных блоков в Азии и поскольку народная революция в Китае одерживала все новые успехи. Империалисты стремились, с одной стороны, ослабить отрицательную реакцию индийского народа на их происки, а с другой стороны, использовать кашмирский конфликт для шантажа и давления на обоих его участников, чтобы включить их в число своих военнополитических союзников. Поэтому время от времени делались «уступки» и индийской стороне. Комиссия, посланная Советом Безопасности, вела двучленную политику, подчас давая обоим правительствам прямо противоположные заверения и не сообщая одной стороне о позиции другой стороны.

11 декабря 1948 г., во время III сессии Генеральной Ассамблеи ООН, делегатам Индии и Пакистана были представлены новые предложения об основных принципах плебисцита. Предложения включали уступки в пользу Индии — в частности, администратор по проведению плебисцита терял право контроля над армией, полицией и судами¹. Такой реверанс в сторону Индии вызвал весьма характерную реакцию в Пакистане. «Сивил энд милитари газетт» писал: «За последнее время в Пакистане растет чувство, что его интересы приносятся в жертву как Англией, так и США ради более важной для них стратегической позиции, которую заняла Индия в борьбе между западной демократией и русским коммунизмом».

Решающее влияние «холодной войны» против лагеря социализма на позицию США и Англии в кашмирском вопросе не подвергалось сомнению ни одной из сторон. Разногласия касались только того, куда именно толкают империалистов в тех или иных условиях их агрессивные планы: на сторону Пакистана, или Индии, или к каким-то иным решениям.

Джавахарлал Неру сделал ряд важных оговорок к последним предложениям, однако согласился на их основе пойти на прекращение огня. Согласилось и правительство Пакистана. Такому решению благоприятствовала обстановка на фронте: в Пакистане опасались дальнейших военных успехов Индии, а в Индии понимали, что развитие наступления может привести к обострению конфликта и даже к войне в более широких масштабах — за пределами Кашмира.

Соглашение о прекращении огня вступило в силу за одну минуту до наступления нового, 1949 г.

Следующая стадия переговоров касалась двух вопросов: заключения перемирия между Индией и Пакистаном и проведения плебисцита в Кашмире. Основные разногласия в тот период возникли относительно демилитаризации княжества.

Семь месяцев тянулись переговоры, а в итоге было заключено лишь соглашение о военной демаркационной линии, подписанное 27 июля 1949 г. в Карачи. Стороны обязывались не вводить в княжество новые войска. Но если участникам конфликта соглашение дало очень мало, то Комиссия ООН получила право направить в Кашмир военных наблюдателей ООН и размещать их по своему усмотрению в любых районах. Среди наблюдателей сразу же стали преобладать военнослужащие США. Они имели возможность свободно проводить аэрофотосъемки, топографические работы и т. д.; в их распоряжение были предоставлены радиопередатчики и различная аппаратура, военные автомобили и самолет с опознавательными знаками ООН, свободно курсировавший между Сринагаром, Дели и Карачи.

¹ M. Brecher. The Struggle for Kashmir. Toronto, 1953, p. 97.

Не ожидая договоренности о проведении плебисцита, Комиссия решила форсировать назначение и начало практической деятельности администратора ООН, наделенного, как указывалось выше, очень широкими полномочиями. Генеральный секретарь ООН Трюгве Ли назначил 24 марта 1949 г. на этот пост бывшего командующего Тихоокеанским флотом США адмирала Нимица. Роль, которая ему была предназначена, вскоре определилась. В августе 1949 г. Комиссия представила Индии и Пакистану свой проект демилитаризации Кашмира, требуя его «безоговорочного принятия». Как и следовало ожидать, проект был отвергнут. Тут-то и обнаружился подлинные намерения тех, кто направлял деятельность Комиссии ООН.

Комиссия неожиданно отменила назначенное ею же на 22 августа совещание сторон и предложила передать на арбитраж адмирала Нимица все спорные вопросы, связанные с перемирием. Как информировал член Комиссии от Чехословакии д-р Хиле, об этом решении было сообщено президенту США Г. Трумэну и премьер-министру Англии К. Эттли до того, как о нем узнали заинтересованные стороны¹. Трумэн и Эттли сразу же открыто потребовали от правительства Индии и Пакистана признания адмирала Нимица арбитром.

Индийская общественность была возмущена таким бесцеремонным нажимом. Неру заявил, что это беспрецедентный случай грубого давления². Требование Трумэна и Эттли было отвергнуто. Адмирал Нимиц не стал арбитром и фактически не вступил в исполнение обязанностей администратора в Кашмире. Расчет империалистических держав провалился.

Эта авантюра окончательно скомпрометировала Комиссию. Представитель Чехословакии д-р Хиле подал Совету Безопасности отдельный доклад с разоблачением интриг и происков Комиссии. Закулисные дирижеры Комиссии решили несколько изменить тактику. В своем последнем докладе (9 декабря 1949 г.) Комиссия ООН для Индии и Пакистана признала провал своей миссии и предложила передать ее функции одному лицу — посреднику ООН, с предоставлением ему права прибегать к арбитражу. Это было принято большинством Совета Безопасности.

Вмешательство Организации Объединенных Наций в кашмирский вопрос не облегчило его разрешения. Правовые аспекты конфликта оказались еще более запутанными. Причина заключалась в том, что большинство членов Совета Безопасности исходило из своих империалистических побуждений, а не из интересов кашмирского народа и интересов безопасности в этом районе земного шара. Газета «Пакистан таймс» справедливо писала по этому поводу: «Мы не можем не видеть, что вся проблема совершенно напрасно привязывается к конфликту великих держав и к борьбе Америки против распространения коммунизма в Юго-Восточной Азии»³.

3. Бирма в борьбе за национальную независимость и социальный прогресс

Вскоре после начала второй мировой войны руководители патриотических организаций Бирмы попытались вступить в контакт с английскими властями. Они были готовы оказать

¹ United Nations. Security Council S/1430. August 13, 1948.

² «The Times of India», 5. IX. 1949.

³ «The Pakistan Times», 2. IX. 1949.

Англии полную поддержку при условии, что Бирме после войны будет предоставлена независимость. Но если Индии английские правящие круги не прочь были давать обещания — правда, сомнительной ценности, — то с Бирмой они даже не сочли нужным вести переговоры, а просто запретили деятельность партии такинов, выступившей с подобными предложениями, и арестовали ее лидеров: Ба Мо, Такин Тан Туна, Такин Ну¹. Был отправлен на жительство в Уганду даже премьер-министр марионеточного правительства Бирмы У Со — после поездки в Англию (где он вел переговоры с У. Черчиллем)².

Поэтому японское вторжение в Бирму весной 1942 г. и бегство английских колониальных властей рассматривались многими патриотическими элементами страны как благоприятная возможность добиться наконец политической независимости. Такой взгляд устраивал японских империалистов, и они допустили создание Армии независимости Бирмы (АНБ).

В ряды армии влились многие патриоты, стремившиеся использовать межимпериалистические противоречия в интересах своей родины. Лидер влиятельной Народно-революционной партии, объединявшей тогда все левые силы, популярный политический деятель 27-летний Аунг Сан стал командующим Армией независимости. Эта армия явилась ядром и опорой национально-освободительного движения, получившего большой размах.

Японские власти для поддержания мифа о своей освободительной роли — что было им необходимо для успеха военных операций — пошли на формальное предоставление Бирме статуса суверенного независимого государства (1 августа 1942 г.). Было объявлено, что Бирма станет полноправным членом «Сферы совместного процветания стран большой Восточной Азии» («Greater East Asia Co-Prosperity Sphere»)³.

Однако англо-японский фронт стабилизировался на индийской границе, и нужда в бирманской Армии независимости у японцев отпала. Почти вся территория Бирмы была под контролем японцев, и они перестали поддерживать освободительное движение: ведь отныне оно ущемляло интересы не британского, а японского империализма. Японские власти пытались расформировать и демобилизовать бирманские вооруженные силы, ограничивали автономию национальных властей. Таким образом, как признавал позже видный политический деятель Бирмы У Ну, ставка бирманских патриотов на то, что Япония будет содействовать достижению независимости, оказалась ошибочной⁴.

В ту пору была создана Антифашистская лига народной свободы — единый фронт левых сил. Она начала подготовку к всенародной борьбе за изгнание японцев. Активную роль играли коммунисты, влияние и популярность которых в народе быстро росли. По инициативе и под командованием такого общенационального лидера, как Аунг Сан, создавалась на базе Армии обороны Бирмы⁵ втайне от оккупантов добровольческая Бирманская национальная армия. Антифашистская лига готовила вооруженное восстание против Японии.

Лидеры Лиги попытались установить связь с английским командованием, чтобы получить от него вооружение, поскольку японцы предоставляли его бирманской армии не в достаточном количестве. Первая такая попытка была

¹ См. «Бирманский Союз». М., 1958, стр. 93—94.

² J. Cady. A History of Modern Burma. New York, 1958, p. 430—432.

³ Ibid., p. 436.

⁴ Thakin Nu. Burma under the Japanese. New York — London, 1954, p. 5—7.

⁵ Новое название Армии независимости Бирмы с августа 1942 г.

сделана еще в декабре 1943 г. Однако лишь к концу 1944 г. (накануне восстания) англичане дали бирманцам немного вооружения. А вскоре, как свидетельствует в своем официальном докладе лорд Маунтбэттен, последовала инструкция прекратить снабжение оружием Бирманской национальной армии, поскольку это «угрожало бы безопасности Бирмы в настоящем и в будущем». Это решение не удовлетворило командира английского соединения № 136, действовавшего в тылу врага. Он апеллировал к Маунтбэттену, просил отбросить «политические соображения» и доказывал, что «усиленное партизанское движение в Бирме оказало бы огромную помощь в операциях». Маунтбэттен после долгой полемики с советниками по вопросам гражданской администрации разрешил командирам соединений, когда они сочтут необходимым, предоставлять ограниченное количество вооружения бирманским патриотам. «Я приказал, однако, чтобы оружие не выдавалось Антифашистской лиге как организации, а чтобы оружие получало лишь такое ограниченное число лиц — членов Лиги, какое понадобится для наших разведывательных и военных операций», — писал генерал-губернатор в своем докладе начальникам штабов. Было предложено разоружать партизанские части немедленно после того, как отпадет надобность в их помощи¹.

В марте 1945 г. вспыхнуло антияпонское вооруженное восстание. Восстали бирманские части, отправленные японцами на фронт, причем английское командование было заранее поставлено в известность о предстоящем выступлении. Это командование — и в первую очередь так называемый Отдел гражданской администрации — заняло отрицательную позицию по отношению к восстанию. Но, как сообщал генерал-лейтенант Лиз, оно должно было произойти независимо от воли британских властей. Вопрос о том, оказывать ли восставшим частям бирманской армии поддержку или нет, дискутировался сначала в штабе Маунтбэттена — в той же плоскости, что и вопрос о снабжении оружием.

Существовала точка зрения, что следует немедленно после изгнания японцев арестовать Аунг Сана и других бирманских лидеров. Маунтбэттен понимал, что существует альтернатива: либо поддержать антияпонское восстание, либо подавить его силой оружия и арестовать лидеров. Последнее казалось ему слишком рискованным, ибо Аунг Сан пользовался широкой поддержкой народа и для подавления выступления понадобилось бы отвлечь слишком много войск, чего Маунтбэттен не мог сделать, так как японцы все еще упорно сопротивлялись. Действия повстанцев, напротив, позволяли англичанам надеяться на быстрый захват Рангуна. Об этих соображениях Маунтбэттен сообщил в Лондон, и военный кабинет признал более целесообразным оказать поддержку восстанию бирманцев, не давая им, однако, никаких гарантий насчет дальнейшей английской политики по отношению к бирманским «националистам»².

К маю 1945 г. английские войска продвинулись в районы, освобожденные Бирманской национальной армией. И опять всерьез обсуждалось предложение

¹ Политические советники доказывали, что снабжение Бирманской национальной армии оружием может нанести ущерб «внутренней безопасности страны». Как пишет лорд Маунтбэттен, он «прекрасно понимал, что обладание оружием бирманцами представляет собой потенциальную опасность». Однако он учитывал, что речь шла о поставках небольшого количества оружия, «ничтожного по сравнению с оружием, которое у них уже было, а также было приобретено в ходе отступления англичан в 1942 г. или добыто у японцев». Кроме того, командирам, предоставляющим вооружение, предписывалось принимать на себя общее командование действиями бирманских отрядов и по возможности установить над ними максимальный контроль. Было ясно и то, что полный отказ вызвал бы рост антианглийских настроений в этих отрядах, и было бы невозможным установить какой-либо контроль над их деятельностью («Report to the Combined Chiefs of Staff by the Supreme Allied Commander. South East Asia. 1943—1945. Vice-Admiral of Burma Earl Mountbatten». London, 1951, p. 143, 201).

² «Report to the Combined Chiefs of Staff...», p. 144—145.

объявить эту армию незаконной. Но, по подсчетам генерал-лейтенанта Лиза, военные операции против армии Аунг Сана потребовали бы не менее двух английских дивизий.

После встречи Аунг Сана с представителями английского командования Лондон предложил 22 мая 1945 г. Маунтбэттену постепенно добиваться — там, где уже не нуждались в помощи бирманских войск, — сосредоточения их в определенных центрах, чтобы удерживать их под английским контролем и разоружить. Британские колонизаторы понимали, какую роль могут играть подлинно национальные вооруженные силы в борьбе бирманского народа за освобождение. Вынужденные вести с патриотическими лидерами страны переговоры, империалисты старались выиграть время и, пока это было возможно, не раскрывать своих тайных замыслов.

14 августа 1945 г. Япония объявила о своей капитуляции. Однако для Бирмы это означало лишь восстановление британского господства. Еще в мае 1945 г. в специальном «Заявлении о политике» — Белой книге¹ — английское правительство декларировало свое намерение предоставить «со временем» Бирме статус доминиона. Впредь до осуществления — в неопределенном будущем — этого обещания учреждалось правление британского губернатора. Лишь по истечении трех лет предполагалось восстановить довоенную «конституционную» форму правления. Это было надругательством над освободительными устремлениями бирманского народа.

По всей стране начались массовые демонстрации, народ требовал полной независимости. Благодаря единству действий прогрессивных политических партий удалось провести всеобщую политическую стачку. Бастовали не только все рабочие и служащие частных компаний, но и правительственные служащие вплоть до чиновников министерства связи, железных дорог и даже полицейских. Очень скоро английским правящим кругам стало ясно: «гнев в Бирме» достиг такой силы, что неизбежно придется пойти на самые серьезные уступки национально-освободительному движению. В такой критической ситуации попытка сохранить прежние позиции потребовала бы применения огромных вооруженных сил, да и это вряд ли гарантировало бы успех.

В результате активности прогрессивных сил Бирмы было создано правительство, в состав которого вошли революционные деятели, в том числе народный герой генерал Аунг Сан, лидер Антифашистской лиги народной свободы.

В январе 1947 г. правительственная делегация во главе с Аунг Саном вела в Лондоне переговоры, завершившиеся соглашением о создании выборной Конституционной ассамблеи для выработки конституции и о последующем предоставлении Бирме полной независимости. В июне была созвана Ассамблея,

¹ «Burma. Statement of Policy by His Majesty's Government, May 1945». London, 1945. Заметим, что в этой «Белой книге» предусматривалось отделение от Бирмы территории шанов и некоторых племен, т. е. «освобождение с разделом», по образцу Индии.

избранная на основе всеобщего избирательного права. Одним из первых шагов Ассамблеи была резолюция о полном выходе из состава Британского содружества.

Однако английские колонизаторы не отказались от попытки подавить демократические силы Бирмы. Они решили осуществить передачу власти в Бирме таким образом, чтобы оттеснить последовательно революционные партии и поставить у руля такие круги, которые боролись бы против антиимпериалистических и демократических сил, и прежде всего против коммунистической партии. Одновременно британские империалисты взяли курс на поощрение и раздувание сепаратистских настроений у правителей шанских княжеств и среди национальности каренов. Главным препятствием для происков реакционеров и сепаратистов было демократическое правительство Аунг Сана, пользовавшееся безграничной поддержкой народа. Силы реакции пошли на злодейское преступление — убийство народного вождя Аунг Сана и шести других членов правительства (19 июля 1947 г.). Демократическому движению был нанесен сильнейший урон.

В сентябре Ассамблеей была принята Конституция Бирманского Союза. Статьи 211 и 212 Конституции декларируют отказ Бирмы от войны как средства национальной политики и верность идеалам мира и дружественного сотрудничества между народами¹.

К моменту завоевания Бирмой независимого статуса единство национально-освободительного движения нарушилось. Буржуазия, получив власть безраздельно в свои руки, видела теперь главную задачу в ограничении рамок бирманской революции.

Премьер-министром стал Такин Ну², лидер социалистической партии, образованной на базе Народно-революционной партии, и преемник Аунг Сана на посту лидера Антифашистской лиги. Он провозгласил программу антиимпериалистических и социальных мероприятий, однако весьма умеренных. Сотрудничество с коммунистической партией — самой последовательной антиимпериалистической и революционной партией — постепенно ослаблялось. Требование коммунистов немедленно передать помещичьи земли крестьянам не поддерживалось руководством Лиги. Военное соглашение с Англией стало одной из причин, приведших к разрыву между руководством Антифашистской лиги во главе с Такин Ну и руководством коммунистической партии, лидером которой был Такин Тан Тун (долгое время эти партии были союзниками).

Правительству, изолировавшему себя от левых сил, угрожала мощная оппозиция и с другой стороны — со стороны политических руководителей национальности каренов, у которых сильны были сепаратистские тенденции. Эти тенденции издавна культивировались и поощрялись британскими колонизаторами. Против правительства выступили и такие партии, как Народная добровольческая организация, псевдокоммунистическая партия «Красного флага» и т. д. Английская политика «разделяй и властвуй» приносила свои плоды.

¹ «Конституция Бирманского Союза». М., 1957, стр. 79.

² У Ну.

Начиная с весны 1948 г. Бирма все более погружалась в пучину гражданской войны. В 1949 г. позиции правительства были особенно шаткими. Под натиском каренов правительственные войска порой отходили к окрестностям Рангуна. Бывали моменты, когда обсуждался даже вопрос о переходе правительства на нелегальное положение.

После того как Конституционная ассамблея приняла решение о разрыве всех уз с Англией и Содружеством, британские правящие круги в августе 1947 г. навязали правительству Такин Ну «Соглашение об обороне». По этому соглашению в Бирму направлялась английская военная миссия. Бирме запрещалось принимать военные миссии из стран, не входящих в Британское содружество. Английские военные корабли могли свободно пользоваться бирманскими портами, а военная авиация — аэродромами. Бирма обязывалась оказывать всяческое содействие и пропускать через свою территорию английские сухопутные силы.

«Соглашение об обороне» стало частью договора о независимости Бирмы, подписанного Эттли и Такин Ну 17 октября 1947 г. в Лондоне. Согласно «договору Эттли — У Ну», как его потом стали называть, Бирма получала статус независимой, суверенной республики и выходила из состава Содружества¹. Военные статьи договора противоречили решению Ассамблеи о разрыве всех связей с Англией и Содружеством. Кроме того, англичанам удалось включить в договор статью, которая возлагала на правительство Бирмы по отношению к английским собственникам те же обязательства, какие несет перед ними правительство Великобритании. Так предполагалось застраховать английские капиталовложения в Бирме от безвозмездной национализации².

При обсуждении договора в английском парламенте консерваторы критиковали лейбористское правительство за то, что оно не попыталось воспрепятствовать полному отделению Бирмы, применив вооруженную силу. В частности, Уинстон Черчилль высказал мнение, что переброска в Бирму части войск, дислоцированных в Палестине, дала бы возможность действовать в духе Белой книги от 17 мая 1945 г., т. е. на долгий срок сохранить колониальный статус³. На эти обвинения лейбористские ораторы дали убедительный ответ. Они заявили, что подавить бирманское освободительное движение силой оружия можно было бы лишь при сохранении английского контроля над Индией⁴.

Весьма вероятной казалась в то время перспектива победы каренов в гражданской войне и как результат выделение из состава Бирмы двух самостоятельных государств — Каренского и Шанского. Предполагалось, что их правители пошли бы на

¹ «Treaty between the Government of United Kingdom and the Provisional Government of Burma regarding the Recognition of Burmese Independence and Related Matters. London, October 17, 1947». London, 1948, p. 2—8.

² Ibid., p. 9—11.

³ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 443 (November 5, 1947), p. 1877—1897.

⁴ Ibid., p. 1902—1911.

самые тесные связи с Великобританией не только по традиции, но и потому, что новые государства нуждались бы в гарантии своей независимости от Бирмы.

Однако ход гражданской войны в Бирме — и прежде всего рост влияния коммунистов — внушал английским империалистам большие опасения. К лету 1949 г. английское правительство уже, по-видимому, пришло к выводу, что главную опасность для позиций империализма в Бирме представляют успехи коммунистической партии. Премьер-министр Индии Неру говорил тогда о причинах созыва конференции стран Содружества по Бирме: «Я вижу, что у британского правительства и других правительств существует боязнь того, что если сохранится нынешнее положение, то более важную роль, чем и карены, и бирманское правительство, будут играть другие элементы в Бирме...»¹

Учитывая эту опасность, правительство Англии пошло на более тесные контакты с правительством Такин Ну. И если еще в феврале в ответ на просьбу о военной и финансовой помощи бирманцам было предложено принять посредничество стран Содружества в переговорах с каренами — что было абсолютно неприемлемо для правительства Такин Ну, — то теперь Лондон предоставил ему значительную военную помощь, в частности передал правительственной армии 10 тыс. винтовок². Оппозиция в английском парламенте требовала получить от Такин Ну гарантии, что военная помощь не будет использована против каренов, однако у лейбористских лидеров хватило здравого смысла не выдвигать подобных претензий. Точно так же они отказались обусловить помощь бирманскому правительству серьезными уступками в пользу Англии, на чем настаивали некоторые консерваторы.

Итак, путь бирманского народа к независимости оказался долгим и мучительным. Ему пришлось бороться поочередно с британским, японским и вновь с британским империализмом. Ценой больших жертв и благодаря мужественности, стойкости и решительности патриотических сил Бирма вырвала свою свободу из цепких когтей колониализма. Но получение политической независимости не принесло еще само по себе бирманскому народу экономического освобождения, мира и благосостояния.

4. Освободительная война народа Индонезии против империалистических колонизаторов

В начале 1942 г. японские вооруженные силы начали операции на индонезийских островах. Голландские войска, дислоцированные в Индонезии, не оказали им серьезного сопротив-

¹ Цит. по кн.: *K. Karunakaran. India in World Affairs 1947—1950. Calcutta, 1952*, p. 110.

² *J. Cady. A History of Modern Burma*, p. 598.

ления, отвергли поддержку и участие в войне местного населения. В марте 1942 г. голландская администрация капитулировала.

Многим индонезийским политическим деятелям японская оккупация казалась меньшим злом, чем голландское господство; более того, при японцах они имели определенные возможности для маневрирования, для получения хотя бы частичной автономии. Пока шла война, Япония заигрывала с национальными политическими кругами и поддерживала миф о своей освободительной роли.

Были разрешены издание газет на индонезийском языке и деятельность различных культурных патриотических организаций; были освобождены из тюрьмы деятели национально-освободительного движения, в том числе Сукарно. На многие административные должности, ранее занимавшиеся только голландцами, были назначены индонезийцы¹. Эти уступки носили вынужденный характер. Япония была заинтересована в бесперебойном снабжении нефтью, рисом, цветными металлами и к тому же хотела держать Индонезию под своим контролем без применения больших вооруженных сил. Но индонезийские патриотические круги использовали эту политическую игру японского империализма для подготовки своей борьбы за полную независимость.

Постепенно в Индонезии нарастали антияпонские настроения. Создавались нелегальные организации. Наиболее значительную роль в подготовке изгнания оккупантов играла коммунистическая партия. Активную подпольную деятельность вела левая группа Шарифуддина. В нелегальной борьбе против японских властей принимали участие и некоторые правые деятели, в частности Шарир. Те индонезийцы, которые занимали официальные должности — как Сукарно, Хатта, — поддерживали тесный контакт с подпольными организациями, в том числе с коммунистами.

В марте 1943 г. все официально существовавшие патриотические организации на островах Ява и Мадуро объединились. Новый центр, называемый Путера, возглавлялся Сукарно. Однако уже к концу года японские власти, поняв, что это объединение не придерживается прояпонской ориентации, распустили Путера и заменили новой организацией, функционировавшей под неусыпным надзором оккупантов. Одновременно японцы основали религиозную партию Маснуми, рассчитывая опереться на духовенство. Важной мерой японских властей, использованной впоследствии национально-освободительным движением, было создание индонезийских военных и полувоенных формирований. Самое большое из них — Пета — насчитывало к 1945 г. до 120 тыс. бойцов².

Демагогические меры оккупационных властей должны были, по их замыслу, компенсировать индонезийцам хищническое разграбление богатств страны, в результате которого резко ухудшилось ее экономическое положение. Народные массы Индонезии, включенной Японией в зону «Сферы совместного процветания большой Восточной Азии», голодали. Их труд жестоко эксплуатировался новоявленными колонизаторами. Лозунг «Азия для азиатов!» звучал на практике, как «Азия для японского империализма».

¹ При голландском господстве среди административного персонала было лишь 7% индонезийцев (*D. Woodman. The Republic of Indonesia. London, 1955, p. 182*).

² *G. Kahin. Nationalism and Revolution in Indonesia. Cornell University Press, 1952, p. 109.*

Пытаясь задобрить общественное мнение, оккупационные власти разрешили Сукарно создать в 1943 г. Центральный индонезийский совет с весьма ограниченными правами. Дела держав «оси» на фронте ухудшались, и Япония становилась все более щедрой на обещания. В конце 1943 г. было объявлено, что Индонезия получит независимость. В марте 1945 г. был создан даже Комитет по подготовке индонезийской независимости. Но по существу страна по-прежнему оставалась колонией. Поэтому индонезийские патриоты готовились к решающим боям за освобождение. Еще до капитуляции японских войск индонезийские патриоты подняли восстание. Во многих местах они разоружили и интернировали японских оккупантов.

17 августа 1945 г. была провозглашена независимая Республика Индонезия. Августовская революция, основной движущей силой которой было крестьянство, имела прежде всего антиимпериалистическое содержание. Ведущая политическая партия страны — Национальная — объединяла в своих рядах самые разнородные элементы как правого, так и левого толка.

Президентом республики стал Сукарно, вице-президентом — Хатта. Был создан первый республиканский парламент — Центральный национальный комитет Индонезии (КНИП). Новые органы власти полностью контролировали основные районы страны. Они отменили законы времен голландского господства, ущемлявшие права рабочего класса на забастовки, на организацию в профессиональные союзы, на проведение митингов и демонстраций. Представители народа были привлечены к участию в органах управления. Государство временно взяло под свой контроль заводы и фабрики, принадлежащие иностранному капиталу, оговорив право владельцев на возврат их собственности или на получение компенсации. На некоторых предприятиях был установлен рабочий контроль. Однако разрешение аграрного вопроса, по существу, не было даже начато.

Президент Сукарно объявил, что власти республики будут сотрудничать с союзниками в деле разоружения и интернирования японских вооруженных сил. Он призвал союзников, напавших в Индонезию свои войска, вывести их, как только будут завершены операции в отношении капитулировавшей японской армии. Но перед войсками союзников была поставлена другая задача, решением которой они занялись с большей поспешностью и усердием, чем разоружением и интернированием японских частей. Эта задача состояла в восстановлении голландского господства в Индонезии. Голландия отказалась признать новую республику, причем мотивировала это ложным обвинением индонезийских лидеров в «сотрудничестве» с Японией. На индонезийские острова срочно перебрасывались воинские соединения Нидерландов, вооруженные и снаряженные ее союзниками — Англией и США. Воссоздавалась колониальная администрация; вновь хлынули в страну представители голландских фирм, спешивших сменить японские вывески на двях банков и контор на голландские.

Индонезийский народ встретил старых колонизаторов с оружием в руках. Тогда голландские правящие круги решили прибегнуть к переговорам, чтобы выиграть время и подготовиться к широком военным операциям.

Позорную роль в этой попытке обмануть общественное мнение Индонезии сыграли командование вооруженных сил и официальные представители Англии. Опираясь на части английской армии, все еще оставшиеся на территории Индонезии, британский специальный комиссар в Юго-Восточной Азии лорд Киллерн выступил в роли посредника в переговорах. 14 октября 1946 г. было подписано соглашение о перемирии. Оно обязывало Голландию ограничить свои вооруженные силы 91 тыс. солдат, т. е. тем количеством, какое имелось к моменту перемирия. На деле же голландские войска продолжали прибывать на острова не только во время переговоров, но и после соглашения, и вскоре их численность достигла 120 тыс. человек. Голландская колониальная армия усиленно оснащалась американской и английской военной техникой, в том числе артиллерией, танками и авиацией.

Без финансовой и военной помощи США и Англии Голландия не могла бы вообще вести колониальную войну против Индонезии. Только с сентября 1945 г. по июль 1947 г. Голландия получила от США кредитов и займов на 550 млн. долл. После создания Западного союза и принятия «плана Маршалла» — в период наиболее активных военных действий голландских войск — США и Англия еще более усилили свою финансовую и военную помощь голландским колонизаторам.

В ноябре 1946 г. стороны парафировали так называемое Лингаджатское соглашение. Однако голландцы выставили беспрецедентное в истории международного права требование о предоставлении им одним права интерпретировать текст соглашения. Лингаджатское соглашение было подписано поэтому лишь через четыре месяца, 25 марта 1947 г.

В соответствии с этим соглашением Голландия признавала де-факто существование Республики Индонезии на островах Ява, Суматра и Мадуро, обещав «со временем» даже передать республике те районы островов, которые оставались еще оккупированными голландскими или английскими войсками. Была достигнута договоренность о «скорейшем создании суверенного демократического государства на федеральной основе, которое будет называться Соединенными Штатами Индонезии»¹. В новое государство должны были войти кроме островов Ява, Суматра и Мадуро также Борнео и острова Восточной Индонезии. Обе стороны обязывались прибегать к арбитражу для урегулирования разногласий, могущих возникнуть в ходе осуществления соглашения. Этот последний пункт был включен в качестве компромисса по вопросу о толковании текста соглашения.

К этому времени правительство Голландии почувствовало, что оно достаточно подготовилось к войне, подыскало даже и повод для срыва мирного урегулирования, потребовав, чтобы на территории республики действовала объединенная голландско-индонезийская полиция. Республиканское правительство направило в Батавию своих представителей для переговоров по этому вопросу, и тут голландский империализм сбросил маску. 20 июля 1947 г. делегация Республики Индонезии была аресто-

¹ Цит. по кн.: *D. Woodman. The Republic of Indonesia*, p. 236.

вана в Батавии, и голландская армия начала военные действия с целью ликвидации новой республики.

Индонезийский народ сплотился вокруг своих патриотических партий, призывавших сражаться до победного конца за свободу и независимость. Выдающуюся роль играла Коммунистическая партия Индонезии, которая своей беззаветной борьбой за интересы народных масс завоевала большое влияние среди них. Наряду с боевыми действиями регулярной армии республики широко развернулось партизанское движение. Было создано коалиционное правительство под руководством лидера социалистической партии Шарифуддина и с участием коммунистов; оно взяло курс на решительную борьбу за полное освобождение страны.

Вероломство голландских империалистов возмутило общественное мнение во всем мире. Народы Советского Союза решительно осудили интервенцию голландских колонизаторов.

Возобновление колониальной войны в Индонезии было с неодобрением встречено в Индии, которая стояла на пороге независимости. Премьер-министр Неру выступил с осуждением действий Голландии; индийское правительство потребовало немедленного обсуждения вопроса в Совете Безопасности. С аналогичным демаршем обратилась Австралия. Но если индийский представитель, приглашенный к участию в дискуссии, определил «полицейскую акцию» Голландии как агрессию, угрожающую международному миру и безопасности, и потребовал ее прекращения, то представитель Австралии констатировал факт нарушения соглашения о перемирии... обеими сторонами и призвал их прекратить военные действия. Колониальные державы — Англия, Франция и Бельгия — солидаризировались с представителем Голландии, утверждавшим, будто события в Индонезии — внутреннее дело его страны. В конечном итоге была принята резолюция, призывающая обе стороны прекратить военные действия (1 августа 1947 г.). Но голландские власти, уверенные в своей безнаказанности, хотя и отдали приказ о прекращении огня, но на самом деле продолжали военные действия на острове Мадуро. Тогда республиканское правительство обратилось к Организации Объединенных Наций с просьбой направить на место специальную комиссию. Совет Безопасности принял 25 августа 1947 г. резолюцию, согласно которой создавалось две комиссии. Одной из них, в составе консульских представителей, аккредитованных в Батавии (консулов Англии, США, Австралии, Бельгии и Китая), поручалось наблюдать за развитием событий и докладывать, как выполняется соглашение о прекращении огня. В задачу другой — Комиссии «добрых услуг» — входило посредничать в переговорах и в осуществлении перемирия. Обе комиссии всячески старались обелить Голландию и ущемить интересы молодого индонезийского государства, в надежде на его скорый конец.

Но героическое сопротивление индонезийского народа агрессии Голландии, поощряемой лагерем империализма во главе с США, срывало планы колонизаторов. И Голландия вынуждена была пойти на перемирие, подписав с Республикой Индонезией 17 января 1948 г. так называемое Ренвилльское соглашение.

В соглашении сформулированы основные принципы для последующего политического урегулирования: а) независимость для индонезийского народа; б) создание суверенных Соединенных Штатов Индонезии на началах федерации (при временном сохранении сюзеренитета за Голландией); в) союз Индонезии с Голландской империей и др.¹ Однако Голландия рассматривала Ренвилльское соглашение как простой клочок бумаги или, скорее, как ширму для продолжения прежней линии на ликвидацию независимого индонезийского государства. Этому курсу несколько не препятствовали комиссии ООН, выполнявшие волю империалистического большинства в Совете Безопасности. В районах, из которых согласно Ренвилльскому договору Голландия должна была вывести свои войска, спешно создавались марионеточные правительства.

Задачей первостепенной важности империалисты считали также отстранение подлинно революционных сил от активного участия в руководстве Индонезией. Опираясь на внутреннюю реакцию, им удалось свергнуть в январе 1948 г. правительство Шарифуддина. Новое правительство возглавил реакционный деятель Национальной партии Хатта. Эти события непосредственно связаны с отходом значительной части буржуазии, особенно ее верхушки, от сторонников защиты индонезийской революции. Напуганная усилением влияния трудящихся классов, эта часть индонезийской буржуазии стала в 1945—1947 гг. практически союзником самых реакционных сил. Сильные позиции продолжали занимать феодальные и религиозные круги, которые были ярыми врагами революции и опорой колониального господства. В условиях освободительной войны народа они стремились перехватить инициативу у прогрессивных сил, лишить народ плодов победы, сохранить реакционные порядки, предоставляющие неограниченную возможность эксплуатации трудящихся классов.

Демократические организации, сплотив свои силы для защиты интересов революции, дали отпор реакции. В мае 1948 г. был создан Народный демократический фронт, который располагал половиной мест в парламенте республики. Три рабочие партии — коммунистическая, социалистическая и Индонезийская рабочая — приняли в августе того же года решение о слиянии в одну партию. Народный фронт наметил на октябрь проведение Всеиндонезийской конференции, которая должна была принять программу дальнейшего углубления революции.

Контрреволюция также готовилась к решительным боям. Подготавливая почву для сделки с голландцами и оберегая интересы феодально-помещичьего класса, силам реакции удалось

¹ K. Karunakaran. India in World Affairs, 1947—1950, p. 223—224.

нанести тяжелый удар демократическому движению, и прежде всего коммунистической партии.

В сентябре 1948 г. были спровоцированы вооруженные столкновения в Мадииуне. После нескольких месяцев террора реакции удалось обезглавить компартию. Были убиты такие видные ее руководители, как Муссо, Сарджоно, Дарусман и другие, в том числе Шарифуддин, сыгравший до того активную роль в объединении социалистической и коммунистической партий. Тысячи прогрессивных деятелей были брошены в концлагеря и тюрьмы. Все эти события нанесли сильный удар по Августовской революции индонезийского народа. Как пишет Д. Н. Айдит, основной причиной поражения революции 1945—1948 гг. явилось то, что крестьянство «не было еще в достаточной степени поднато на борьбу и вовлечено в революцию». В результате важнейшие задачи антиимпериалистической национальной революции и демократической антифеодальной революции решались в отрыве друг от друга¹.

Голландский империализм, потеряв надежду вновь закабалить Индонезию с помощью одной только военной силы, сделал ставку на сепаратистские тенденции феодальных и религиозных кругов, готовых предать интересы своего народа. Как грибы после дождя стали вырастать по всей территории марионеточные «государства»: Восточная Индонезия, Восточная Суматра, Мадуро, Западная Ява, Южная Суматра, Восточная Ява и т. д.

Голландцы, искусственно насаждая марионеточные режимы, рассчитывали использовать раздробленность страны и разобщенность ее районов, обусловленную географическими и экономическими условиями. Индонезия расположена на множестве островов, для сообщения между которыми требуется флот, а сами острова большей частью покрыты труднопроходимыми джунглями и имеют слаборазвитую систему путей сообщения. У населения некоторых районов не было еще в тот период достаточно развито чувство национального единства. Расчленить Индонезию на мелкие, слабые государства, правители которых сидели бы на пайке у метрополии и боролись бы против патриотических сил — такова была новая тактика голландских колонизаторов. В такой политике нетрудно обнаружить попытку Голландии применить индийский и бирманский эксперименты расчленения страны, так и не принесшие английским «освободителям» ожидаемых результатов. В тот момент предполагалось, что федерация марионеточных государств сможет образовать временное центральное правительство, которое подменит собой республиканское правительство Сукарно. Даже Комиссия ООН высказалась об этих планах пессимистически, но не потому, что увидела в них проявление разнузданного колониализма, а потому, что считала их на практике неосуществимыми².

¹ См. Д. Н. Айдит. Индонезийское общество и индонезийская революция. (Основные проблемы индонезийской революции). М., 1958, стр. 57.

² К. Karunakaran. India in World Affairs, p. 25.

Одновременно проводилась блокада Республики Индонезии, рассчитанная на экономическое ее удушение.

Американские дипломаты начали в ту пору понимать, что расчеты голландского империализма построены на песке, что удержать Индонезию в своих руках ему уже не удастся. Создавалось положение, которое вашингтонские политики именуют «политическим вакуумом»: для США предоставлялась возможность заменить старого изгоняемого колонизатора. Помимо своих узкоимпериалистических интересов Уолл-стрит руководствовался необходимостью для лагеря империализма в целом сохранить политический и экономический контроль над такой большой и важной во всех отношениях страной, как Индонезия. А это в современную эпоху в конечном счете всегда превращает империалистов разных стран из соперников в союзников.

Летом 1948 г. представители США и Австралии в Комиссии ООН для Индонезии предложили программу урегулирования, но голландские правящие круги отвергли ее. Они сочли преждевременным хоронить старый колониализм и предприняли попытки «гальванизировать» его с помощью военной силы. Когда министр иностранных дел Голландии Стиккер после переговоров с премьер-министром Хаттой в ноябре 1948 г. допустил возможность соглашения с республикой, он был по существу дезавуирован посылкой миссии кабинета. Миссия превратила переговоры в фарс, потребовав ни больше ни меньше, как передать под голландское командование все индонезийские вооруженные силы. Как указывалось в меморандуме Республики Индонезии, адресованном Конференции стран Азии (собравшейся в январе 1949 г. для обсуждения индонезийского вопроса), переговоры, которые вела голландская миссия, были рассчитаны не на соглашение, а на обман общественного мнения и, в частности, на обман Организации Объединенных Наций¹.

Правительство Голландии объявило 2 декабря 1948 г., что оно прерывает переговоры и создает временное правительство Индонезии. Через две недели голландские империалисты потребовали, чтобы Комиссия «добрых услуг» добилась согласия на это от правительства республики². А на следующий день, 18 декабря 1948 г., гаагское правительство объявило представителю США в комиссии, что не считает себя более связанным Ренвилльским соглашением (которое, кстати, оно никогда и не соблюдало) и считает недействительным соглашение о перемирии. Немедленно, без уведомления противной стороны, голландские войска начали широкое наступление на всех фронтах.

¹ «Indonesian Republic's Memorandum to the Asia Conference on Indonesia», January 1949.

² Представитель США в комиссии выразил сомнение в том, что правительство республики удастся склонить на это без переговоров, и предложил Голландии добиться желаемого путем продолжения переговоров.

Это наступление тщательно подготавливалось заранее, и все переговоры в течение 1948 г. — о сроках передачи суверенитета, о правах верховного комиссара, о статусе голландских войск и т. д. — нужны были и продолжались лишь постольку, поскольку шла подготовка к наступлению, которое должно было, по мнению голландской верхушки, стать решающим.

Ход военных действий сначала был весьма благоприятным для агрессора: голландцы захватили крупнейшие города на Яве и Суматре, в том числе столицу республики. Индонезийские вооруженные силы перешли к партизанской войне. Англо-американское большинство в Совете Безопасности заняло в этот момент двучинную позицию: оно призвало стороны к перемирию (как будто бы это зависело и от правительства республики) и в то же время отвергло проект резолюции, предложенный представителем СССР и требующий отвода войск на линию, занимаемую ими к 18 декабря. Стало быть, если бы Голландия и выполнила рекомендацию своих старших партнеров о перемирии, ее стратегические позиции оставались бы господствующими, а республика лишилась бы возможности освободить свою территорию без нарушения перемирия. Но голландские правящие круги были уверены в том, что операции против республиканцев закончатся в ближайшие дни. Именно этим они и успокаивали Совет Безопасности в ответ на его резолюции. Большинство в Совете время от времени принимало каучуковые резолюции в демагогических целях, однако даже не пыталось оказать действительное влияние на Голландию.

Моральную помощь борющейся республике в Совете Безопасности оказала делегация Советского Союза. Однако там командовал англо-американский блок, и попытки СССР защитить интересы индонезийского народа натолкнулись на сопротивление империалистов, использовавших «машину голосования». За судьбу Индонезии были серьезно встревожены народы Азии. Митинги протеста против действий колонизаторов, за солидарность с индонезийским народом прокатились по всей Юго-Восточной Азии. Даже буржуазные правительства Индии, Пакистана, Бирмы, Цейлона решили выразить Индонезии свою солидарность и оказать ей хотя бы пассивную помощь. Правительство Цейлона запретило принимать в портах и снабжать горючим голландские суда и самолеты, направляемые с грузом военного значения в Индонезию. Индия и Пакистан прекратили обслуживание самолетов голландской авиакомпании «КЛМ», а правительство Бирмы предложило созвать специальную международную конференцию. Джавахарлал Неру откликнулся на это предложение, и с 20 по 23 января 1949 г. в Дели встретились представители Индии, Пакистана, Бирмы, Цейлона, Афганистана, Ирана, Египта, Сирии, Ирака, Ливана, Саудовской Аравии, Йемена, Эфиопии, Филиппин, Австралии и Новой Зеландии.

Эта первая конференция стран Азии и Африки, собравшаяся для осуждения агрессии колонизаторов, была новым явлением в международных отношениях. Д. Неру в декларации о созыве конференции прямо обвинил страны империалистического блока в пособничестве голландской агрессии: «Мир более или менее явно разделен на соперничающие блоки держав, — заявил он. — За что они стоят? Какова их реакция на эту попытку уничтожения Индонезийской республики? Мы должны с сожалением признать, что отношение некоторых держав выражается

в молчаливом одобрении и согласии с этой агрессией. Существует Западный союз, в который входит Голландия. Какова позиция этого Союза? Он предоставляет денежные средства (Голландии)...»¹

Однако в целом конференция не стала на путь решительной защиты Индонезии и осуждения Голландии. Резолюция, принятая конференцией, не шла дальше поддержки решений Совета Безопасности. Новым являлось в ней лишь указание сроков выполнения пожеланий Совета Безопасности: к 15 марта освободить захваченные территории, а к 1 января 1950 г. создать Соединенные Штаты Индонезии. Участники конференции всячески подчеркивали, что не намерены «подменять» ООН, и ограничились словесными призывами к Голландии, на которые она обратила еще меньше внимания, чем на резолюции Совета Безопасности.

Однако «молниеносная война», задуманная голландскими правящими кругами, не только затянулась сверх всяких ожиданий, но и натолкнулась на героическое сопротивление индонезийских патриотов. Наступление захлебнулось в джунглях Явы и Суматры; под контролем колонизаторов были только города, а глубинные районы страны оставались базой освободительного движения. Вооруженные силы патриотов угрожали голландским коммуникациям и даже переходили в наступление против колонизаторов. Интервентам грозила изматывающая война, конец которой — как уже стало ясно весной 1949 г. — мог быть только один: изгнание из пределов Индонезии.

Вот почему уже в марте 1949 г. правительство Голландии обратилось к Комиссии ООН с предложением организовать конференцию круглого стола для «урегулирования» индонезийского вопроса. Голландии пришлось примириться с предоставлением Индонезии формальной независимости. Но соглашаясь на этот шаг, голландский империализм рассчитывал сохранить невидимые рычаги контроля или по крайней мере передать власть реакционным кругам, стоящим за военно-политический союз с Западом.

Ход событий летом 1949 г. подтвердил, что возврат к прежней политике военного подавления невозможен. В Гааге открылась 23 августа конференция круглого стола. Кроме представителей Голландии и Республики Индонезии в качестве третьей стороны участвовали представители Федеральной консультативной ассамблеи, т. е. марионеточных властей, созданных голландцами на Западной Яве, в Восточной Индонезии и т. д. Конференция завершилась 2 ноября 1949 г. подписанием соглашения.

Голландия обязывалась не позднее 30 декабря передать безоговорочно, полностью и окончательно суверенитет над территорией Индонезии создаваемому независимому государству — Соединенным Штатам Индонезии; Западный Ириан (Новая Гвинея) оставался условно, сроком на один год, за Голландией, с последующим решением его статуса путем переговоров Голландии

¹ «The Times of India», 23. I. 1949.

с Соединенными Штатами Индонезии. (Как выяснилось впоследствии, Голландия и не думала решать вопрос о Западном Ириане путем переговоров, а намерена была сохранить его за собой в качестве колонии, игнорируя суверенитет индонезийского народа над этой территорией.) Оба государства создавали союз, предназначенный для удовлетворения «интересов обеих сторон» в вопросах обороны, внешних сношений и, по мере необходимости, финансов и экономики. Этот пункт голландцы считали главным для сохранения своего влияния и зависимости Индонезии в важнейших сферах ее жизни. Гарантией тому должны были служить голландские войска, оставляемые на островах в качестве «гостей».

Итак, длительная колониальная война не помогла Голландии вновь подчинить себе Индонезию. Народ в боях отстоял свою независимость, несмотря на враждебные происки империалистов и реакции внутри страны. В результате конференции круглого стола в Гааге голландский империализм был вынужден формально признать независимый статус Индонезии, рассчитывая, однако, что условия соглашения, а также сильные экономические позиции позволят ему сохранить определенный контроль над своей бывшей колонией. Как указывается в программе Коммунистической партии Индонезии, правительство Хатта, подписав соглашения конференции круглого стола, восстановило господство голландских империалистов над индонезийской экономикой¹. Лишь с течением времени народ Индонезии сумел опрокинуть эти расчеты и стать на путь полного освобождения своей родины.

Первое послевоенное пятилетие было периодом «бури и натиска» в обширных колониальных империях, расположенных на юге и юго-востоке Азии. Добились политической независимости Индия и Пакистан, Бирма и Цейлон, Индонезия и Филиппины. Правда, целый ряд территорий оставался еще под непосредственным контролем империализма — Индокитай, Малайя, Западный Ириан, Сингапур и другие, более мелкие колонии. Но характерной чертой периода 1945—1949 гг. для истории колониальной Азии является то, что большинству угнетенных народов удалось ликвидировать свою политическую зависимость от метрополий.

Империалисты не отказывались добровольно от своих позиций. Напротив, они упорно цеплялись за власть, стремясь как можно дольше сохранить за собой колонии. Но дни колониализма в Азии были сочтены. Народы сбрасывали чужеземное иго, ценой больших жертв добивались самостоятельности.

Однако завоевание бывшими колониями политической независимости не принесло им полного освобождения от господства

¹ См. Д. Н. Айдит. Индонезийское общество и индонезийская революция, стр. 45.

империализма. По-прежнему сохранялось экономическое за-
силье монополий Запада в важнейших отраслях хозяйства.
После достижения независимости отсталость, неразвитость про-
мышленности, уродливый, однобокий характер экономики и
другие пагубные последствия длительного колониального раб-
ства оказались тормозом для самостоятельного развития новых
государств, их ахиллесовой пятой. Все это империализм пы-
тался использовать для сохранения — но уже в новых формах —
своего контроля над ними.

Политическое освобождение почти всей Южной и Юго-Во-
сточной Азии имело громадное значение для международных
отношений. Объективные факторы толкали новые государства
к проведению самостоятельной внешней политики, к отказу от
следования диктату империалистических держав. Интересы эко-
номического развития требовали миролюбивой политики, укреп-
ления дела международного мира как в их географическом
районе, так и в масштабе всего земного шара. Такая позиция
многих молодых государств Азии приобретала тем большее
влияние на международные дела, чем активнее становилась их
политика, чем сильнее была поддержка внешнеполитического
курса широкими народными массами.

ГЛАВА X

БОРЬБА НАРОДОВ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА

1. Ближний и Средний Восток в международных отношениях первых послевоенных лет

В гигантской борьбе, развернувшейся в послевоенный пе-
риод между силами социализма, мира и демократии и силами
империализма, войны и реакции, значительное место принад-
лежит Ближнему и Среднему Востоку.

Территория этого района общей площадью 9,6 млн. кв. км простирается от
Восточного Средиземноморья до Персидского залива, от долины Нила до Па-
кистана¹. Население его составляет около 127 млн. человек. Значение распо-

¹ К странам Ближнего и Среднего Востока в советской литературе обычно
относят семь буржуазных республик: Турцию, ОАР, Сирию, Иракскую Рес-
публику, Ливан, Судан, Израиль; три конституционные монархии: Иран, Аф-
ганистан, Иорданию; две абсолютистские теократические монархии: Саудов-
скую Аравию и Йемен и ряд колониальных владений и протекторатов Вели-
кобритании в Персидском заливе и на Аравийском полуострове: Аден, Оман
и Маскат, Договорный Оман, Катар, Кувейт, Бахрейнские острова. За исклю-
чением Турции, Израйля, Ирана и Афганистана, все остальные страны Ближ-
него и Среднего Востока являются арабскими странами. К району собственно
Среднего Востока в советской научной и политической литературе относят
обычно Иран и Афганистан.

ложенных здесь государств в международных отношениях в немалой мере определяется их стратегическим положением. Район Ближнего и Среднего Востока примыкает к южным границам Советского Союза и находится на стыке трех континентов — Европы, Азии и Африки; по его территории пролегают наземные, морские и воздушные пути, связывающие эти континенты и Атлантический и Индийский океаны, а также кратчайший водный путь из Западной Европы в Индийский океан — Суэцкий канал.

В лексикон ближневосточной политики вот уже в течение пятидесяти лет прочно входит слово «нефть»¹. На Ближнем и Среднем Востоке сосредоточено $\frac{2}{3}$ разведанных запасов нефти в капиталистическом мире.

Для стран Ближнего и Среднего Востока характерно поразительное многообразие ступеней исторического развития. Капитализм в этом районе насаждался преимущественно извне, путем вложения иностранных капиталов, что вызвало резкие контрасты в их экономике. Даже в тех странах, где более или менее развиты капиталистические отношения, — таких, как Турция, ОАР, Сирия, Израиль, современные фабрично-заводские предприятия тонули в море мелких предприятий и ремесленных мастерских.

Иностранный капитал создал на Ближнем и Среднем Востоке мощную, оборудованную по последнему слову техники нефтедобывающую промышленность, построил дороги и аэродромы. На предприятиях нефтяной промышленности сконцентрированы значительные массы пролетариата.

Вместе с тем в странах этого района, где не менее двух третей населения занято в сельском хозяйстве, сохраняются полуфеодалные отношения в деревне, пережитки первобытнообщинных отношений среди кочевых и полукочевых племен; в странах Аравийского полуострова феодализм и пережитки первобытнообщинных отношений преобладают над зарождающимся капиталистическим укладом.

Все это порождает многообразие форм и средств освободительной борьбы, создает чрезвычайно пеструю ее картину. К этому добавляется сложность национального и этнического состава населения стран Ближнего и Среднего Востока², многочисленность религиозных верований³, в силу чего национальные движения и даже классовая борьба в странах Ближнего и Среднего Востока зачастую принимают средневековую религиозную окраску. Своеобразие внутринациональной расстановки сил отражается и на внешней политике и на международных отношениях этих стран.

¹ Практически вся, за небольшим исключением, нефтяная промышленность Ближнего и Среднего Востока находится в руках нефтяных монополий-гигантов, контролируемых капиталом США, Англии, Голландии и Франции. Они держат в своих руках 92,2% концессионных и арендованных площадей, 99,9% разведанных запасов нефти и 99,7% добычи нефти на Ближнем и Среднем Востоке.

² На Ближнем и Среднем Востоке живут арабы, турки, афганцы, персы, евреи. Значительным национальным меньшинством являются курды, проживающие в Турции, Ираке (16% населения), Сирии, Ливане и Афганистане; общая численность курдов 5—6 млн. человек. В ОАР, Сирии, Ливане, Иране довольно много армян. Кроме того, имеются черкесы (Сирия, Ливан, Иордания, Турция), айсоры (или ассирийцы) (Ирак, Иран), туркмены (Афганистан, Иран, Турция, Сирия), индийцы и африканцы (Саудовская Аравия, Йемен, Аравийское побережье Персидского залива, Аден, Бахрейнские острова), пакистанцы, белуджи, азербайджанцы (Иранский Азербайджан), узбеки и таджики (Афганистан) и другие национальности и этнические группы.

³ Большинство населения Ближнего и Среднего Востока исповедует ислам; в то же время в странах этого района имеется значительное число христиан (в Ливане, например, более 53% населения), лиц, исповедующих иудаизм (Израиль); существует множество мусульманских (сунниты, шииты, исмаилиты, алавиты, друзы, ваххабиты, зейдиты) и христианских (православные армяне-грегориане, католики, протестанты, марониты) сект.

В послевоенный период Ближний и Средний Восток, как и многие другие районы Азии, стал ареной бурно развивающихся национально-освободительных революций. Положение здесь отличалось острой напряженностью в результате политики империалистических держав, не гнушавшихся ничем, вплоть до прямой вооруженной интервенции, лишь бы сохранить этот район в качестве сферы колониальной эксплуатации и укрепить здесь свою военно-стратегическую систему. Международная атмосфера на Ближнем и Среднем Востоке накалялась и соперничеством империалистических держав (в первую очередь Великобритании и США). Здесь не раз возникали «локальные конфликты», грозившие перерасти в новую мировую войну.

Вторая мировая война привела к возрастанию военно-стратегического, экономического и политического значения Ближнего и Среднего Востока. Этот район стал играть важную роль в стратегии мирового империализма, утратившего свои плацдармы на территории ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в частности на Балканах, и взявшего курс на укрепление существующих и создание новых мощных плацдармов на Ближнем и Среднем Востоке вблизи Советского Союза. Предполагалось, что этот район должен быть связан с империалистическими плацдармами в Западной Европе, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. Именно эту точку зрения выразил главнокомандующий вооруженными силами НАТО американский генерал (а позже президент США) Дуайт Эйзенхауэр, подчеркнув в одном из своих заявлений, что «в мире нет более важного района, с точки зрения стратегической, чем Ближний и Средний Восток»¹.

Экономическое значение Ближнего и Среднего Востока увеличилось главным образом в связи с возрастанием его роли как поставщика нефти на мировые рынки. Если в 1938 г. Ближний и Средний Восток дал 16 млн. т, или 5,7% добычи нефти в капиталистическом мире, то в 1946 г. в этом районе было добыто уже 35,5 млн. т, что составило 9,4% добычи в капиталистическом мире².

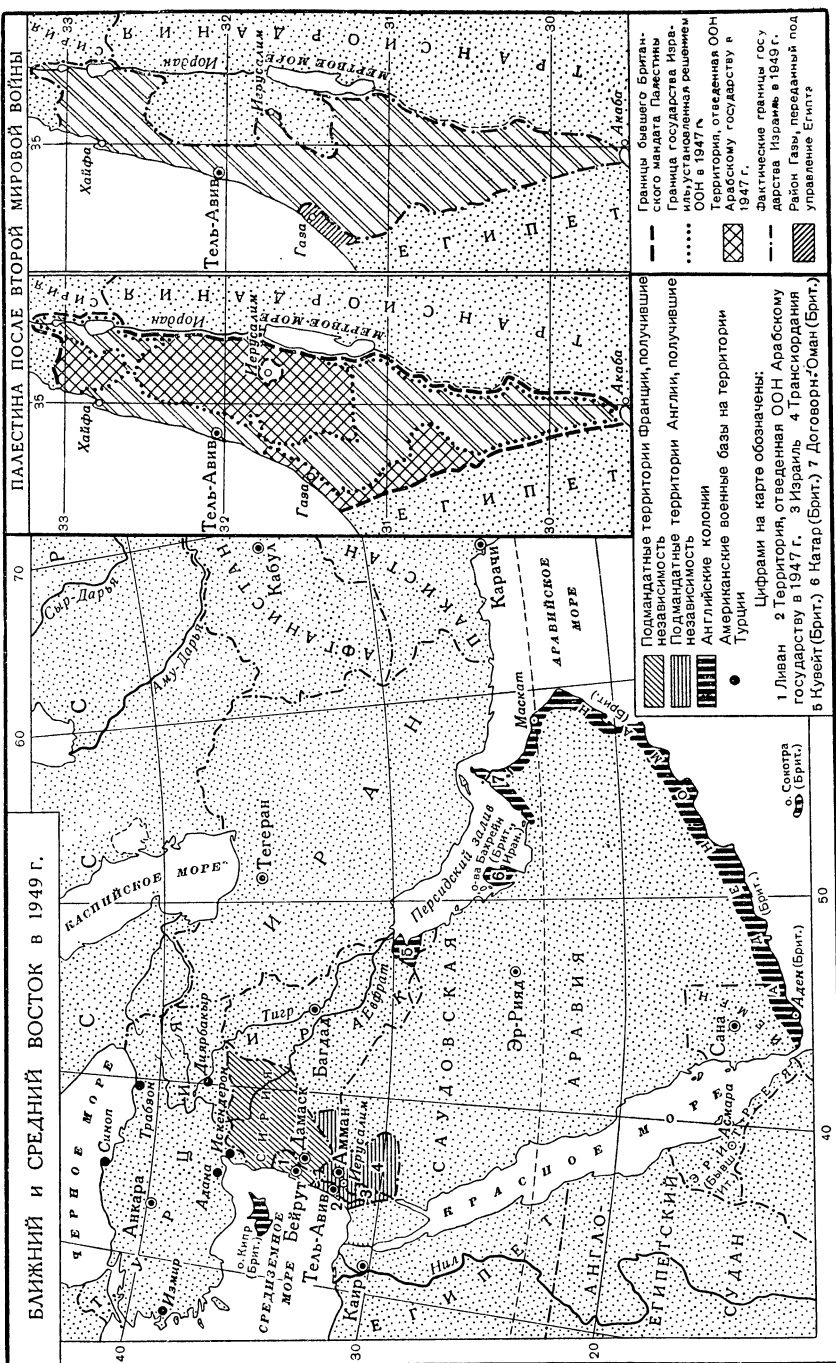
В годы войны значительно повысилась роль Ближнего и Среднего Востока на международной политической арене.

Во время войны большая часть территории и населения, военно-экономического потенциала Ближнего и Среднего Востока находилась под контролем английского и американского командования, а также командования войск «Сражающейся Франции». Непосредственные военные действия между войсками

¹ Цит. по кн.: United States Congress. House of Representatives. Committee on Appropriations. Departments of State and Justice, the Judiciary and Related Agencies. Appropriations for 1957. Department of State. Refugee Relief Program. 84 Congress II Session. Washington, 1956, p. 198.

² «Economic Development in the Middle East 1945 to 1954». Supplement to World Economic Report, 1953—1954. United Nations, New York, 1955, p. 3.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК в 1949 г.

Границы бывшего Британского мандата Палестина
 Граница государства Израиль, установленная решением ООН в 1947 г.
 Территория, отведенная ООН Арабскому государству в 1947 г.
 Фактические границы государства Израиль в 1949 г.
 Район Газы, переданный под управление Египта

Подмандатные территории Франции, получившие независимость
 Подмандатные территории Англии, получившие независимость
 Английские колонии
 Американские военные базы на территории Турции

Цифрами на карте обозначены:
 1 Ливан 2 Территория, отведенная ООН Арабскому государству в 1947 г. 3 Израиль 4 Трансжордания 5 Кувейт (Брит.) 6 Натар (Брит.) 7 Договорн.-Оман (Брит.)

союзных держав и войсками держав «оси» велись только на территории Сирии, Ливана и Египта.

Национально-освободительным силам в арабских странах в условиях военного времени удалось вырвать ряд существенных уступок у английского и французского империализма. Особенно важна была декларация правительства «Сражающейся Франции», подтвердившая обещание предоставить независимость Сирии и Ливану. Эту декларацию генерал Катру провозгласил перед вступлением союзных войск на территорию Сирии и Ливана в июне 1941 г.¹

Огромное значение для развития национально-освободительного движения и возникновения перспективы серьезного ослабления империализма на Ближнем и Среднем Востоке имели победы Советского Союза над фашизмом, рост его мощи и авторитета в итоге войны. Даже в тяжелые для советского народа дни, когда Советская Армия отступала, ведя оборонительные бои, Советский Союз старался, насколько это было возможно, поддерживать народы Ближнего и Среднего Востока в их борьбе за национальное освобождение. Советский Союз первым признал независимость Сирии (провозглашенную 27 сентября 1941 г.) и независимость Ливана (провозглашенную 26 ноября 1941 г.).

С увеличением мощи Советского Союза и его веса в мировой политике, в том числе и в ближневосточной, создавались гораздо более благоприятные условия для борьбы патриотических, антиимпериалистических сил. Победы СССР в войне повели к значительным идеологическим сдвигам в странах Ближнего и Среднего Востока. Возрос престиж первого в мире социалистического государства, а вместе с тем и притягательная сила демократических и социалистических идей.

Одним из знаменательных событий в ближневосточной политике было установление дипломатических и культурных отношений между СССР и арабскими странами в годы войны и их развитие в последующее время. В августе 1943 г. были установлены дипломатические отношения между Египтом и СССР² (до этого в течение двадцати лет существовали лишь торговые отношения). В 1944 г. СССР установил дипломатические отношения с Сирией, Ливаном, Ираком³.

Вторая мировая война и ее исход создали предпосылки для глубоких сдвигов на Ближнем и Среднем Востоке не только по-

¹ Général Catroux. Dans la bataille de Méditerranée, Egypte, Levant, Afrique du Nord, 1940—1944. Paris, 1949, p. 137.

² См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 401—402.

³ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 153—154, 162—163, 212—213.

тому, что изменилось соотношение сил между социализмом и капитализмом на мировой арене, но и потому, что в самих этих странах за годы войны произошли важные социально-экономические изменения.

Прежде всего, в силу обстоятельств и потребностей военного времени, почти во всех странах Ближнего и Среднего Востока заметно ускорились темпы промышленного развития. Возросла численность рабочего класса, усилились позиции национальной буржуазии. Эти классы и стали в послевоенный период основной силой в борьбе за освобождение Ближнего и Среднего Востока от империалистического господства.

Руководителем национально-освободительной борьбы в большинстве стран этого района выступила национальная буржуазия¹, но основная тяжесть этой борьбы легла на плечи трудящихся масс. Большую роль в ее подготовке и проведении играли организации и партии рабочего класса. Некоторые из них вышли в послевоенный период из подполья², другие находились на нелегальном положении и подвергались жестоким преследованиям.

Национально-освободительные революции на Ближнем и Среднем Востоке переплетались с борьбой трудящихся масс за свои классовые интересы, против феодального гнета и капиталистической эксплуатации, против двойного гнета иностранных и местных эксплуататоров.

Рост и укрепление рабочего класса и его организаций, усиление их активности явились одной из решающих причин побед, одержанных народами Ближнего и Среднего Востока в борьбе за свое освобождение. Вместе с тем это внушало нервозность и страх правящим кругам стран Ближнего и Среднего Востока и, в частности, обусловило колебания национальной буржуазии, смену ею своих позиций и фронтов как во внутривосточном, так и в международном плане.

Эти колебания сказывались на взаимоотношениях стран Ближнего и Среднего Востока со странами социализма.

Политика Советского Союза, могучей социалистической державы и соседа народов Ближнего и Среднего Востока, всегда и неизменно воздействовала в направлении, облегчавшем прогрессивное развитие стран этого района. Это понимали и во все возрастающей мере учитывали не только трудящиеся массы, но и представители национальной буржуазии стран Ближнего и Среднего Востока.

¹ Иначе сложилось положение в Иране в первые послевоенные годы.

² После войны вышла из подполья и действовала в легальных условиях вплоть до весны 1948 г. Компартия Египта; в 1941 г. вышла из подполья и действовала вплоть до 1948 г. в легальных условиях Компартия Сирии и Ливана; в Иране в октябре 1941 г. образовалась Народная партия (Туде); в Турции в течение недолгого времени действовали социалистическая и рабоче-крестьянская социалистическая партии.

Стремясь затормозить рост рабочего движения и распространение социалистических идей на Ближнем и Среднем Востоке, буржуазия стран этих районов нередко сползала на позиции враждебной политики по отношению к Советскому Союзу. Страх перед революционным движением внутри страны еще до начала второй мировой войны привел к отходу национальной буржуазии Турции от ее антиимпериалистической прогрессивной позиции; этот же страх в послевоенное время во многом определил развитие событий в Иране, а также зигзаги во внешней политике арабских стран Ближнего и Среднего Востока. Такие настроения в среде национальной буржуазии стран Ближнего и Среднего Востока искусственно подогревала и использовала империалистическая дипломатия.

2. Наступление американского империализма и создание американских плацдармов в Турции и Иране

Ослабление Франции, а также Великобритании в итоге войны, устранение на время с арены ближневосточной политики германского и итальянского империализма, казалось, создавали благоприятные условия для быстрых и решающих побед национально-освободительного и демократического движения. Однако на сцену выступил американский империализм. Укрепление американским империализмом своих позиций в капиталистическом мире и агрессивный внешнеполитический курс правящих кругов США оказали в высшей степени отрицательное воздействие на ход событий; это усугубило международную напряженность, затруднило раскрепощение народов Ближнего и Среднего Востока и их социально-экономический прогресс в послевоенный период.

В планы мирового господства, которые вынашивали американские империалисты, входила и задача создания на Ближнем и Среднем Востоке американской колониальной империи взамен английской и французской.

В качестве орудия своего наступления США использовали в военный период помощь по ленд-лизу, которая широко открыла дорогу американскому экспорту, и пребывание своих вооруженных сил.

В июне 1942 г. наряду с английским средневосточным командованием было создано американское военное командование на Среднем Востоке¹. Высадка американских войск в Северной Африке в начале ноября 1942 г. сопровождалась резким усилением политической и экономической экспансии США во всем средиземноморском районе, в том числе в странах Ближнего и Среднего Востока.

¹ В литературе на английском языке район Ближнего и Среднего Востока именуют для краткости Средним Востоком.

Конечно, некоторые меры, принятые правящими кругами США на Ближнем и Среднем Востоке, диктовались необходимостью, вытекавшей из военных действий против стран «оси». Однако американцы использовали каждую возможность для того, чтобы надолго закрепиться на Ближнем и Среднем Востоке.

Важнейшее значение американские империалисты придавали установлению своего контроля над нефтяными ресурсами. К началу второй мировой войны под контролем американских нефтяных монополий находилось свыше половины всей концессионной площади на Ближнем и Среднем Востоке, свыше 13% добычи нефти и более 11% общей мощности нефтеперерабатывающих заводов. Однако нефтяные магнаты США хотели большего и уделяли пристальное внимание богатым нефтью Саудовской Аравии и Ирану — странам, расположенным в районе Персидского залива, где находятся самые значительные залежи нефти.

В годы войны американский объединенный совет начальников штабов настойчиво требовал поддержки американских нефтяных монополий в их продвижении на Ближнем и Среднем Востоке. Адмирал Леги (он был при президенте Рузвельте и позже, при Трумэне, председателем американского объединенного совета начальников штабов) пишет в своих мемуарах: «Объединенный совет начальников штабов стремился сделать все возможное, чтобы США получили доступ к нефти Саудовской Аравии... Опыт войны и изучение этого вопроса объединенным советом начальников штабов привели к выводу, что, если, к несчастью, начнется новая война в Европе, обладание ближневосточной нефтью или доступ к ней практически имеет существенное значение для успешного ведения военных действий американцами»¹.

После окончания войны американские монополии повели борьбу против соглашения о «красной черте» 1928 г.² и в ноябре 1948 г. добились его отмены. Вслед за этим капиталовложения нефтяных монополий США в арабских странах Ближнего Востока стали бурно расти: с 1945 по 1950 г. они выросли с 242 млн. до 853 млн. долл. — в 3 с лишним раза.

Успехи американского капитала на Ближнем и Среднем Востоке объяснялись рядом причин. Ослабление французского и английского империализма заставило правящие круги стран Ближнего и Среднего Востока, напуганные размахом демократического движения, искать нового, более сильного союзника среди империалистических держав: в качестве такого союзника выступили США. В то же время среди довольно широких кругов населения стран Ближнего и Среднего Востока существовало заблуждение относительно подлинного характера американской политики. США никогда не выступали в этом районе прямо и открыто как держава-колонизатор; поэтому на пропаганду «антиколониализма» США и «демократизма» американской внешней политики в то время поддавалась часть даже патристически настроенных кругов населения Ближнего и Среднего Востока. Эти группы рассчитывали опереться на США в борьбе против английского и французского империализма, а также использовать поддержку США для расчистки феодальных пережитков. Такие настроения были характерны для части офицерства, интеллигенции и национальной буржуазии Ближнего и Среднего Востока. Особенно распространенными были иллю-

¹ W. D. Leahy. I was there. New York — London — Toronto, 1950, p. 184.

² Соглашение о «сферах влияния» монополий США, Англии и Франции.

зорные надежды воспользоваться американской помощью для того, чтобы дать быстрый толчок развитию экономики стран Ближнего и Среднего Востока.

Кроме того, империалисты США, конкурируя с английскими и французскими соперниками, шли на некоторые уступки странам Ближнего и Среднего Востока, в частности, американские нефтяные концерны предлагали более выгодные условия нефтяных концессий.

Правящие круги США, понимая значение национальной буржуазии, интеллигенции и офицерства, искали и нередко налаживали контакты с представителями этих слоев. Подобная тактика практиковалась США особенно в тех странах, где представители этих слоев составляли оппозицию по отношению к правящим феодально-монархическим кругам, связанным тесными узами с британским империализмом (например, в Египте). Но там, где США удавалось создать себе опору в лице правящих феодально-монархических группировок (например, в Саудовской Аравии), американские политики быстро забывали о своих тирадах относительно «демократизма» внешней политики США и всеми средствами поддерживали у власти эти группировки.

Свое политическое и идеологическое наступление на Ближнем и Среднем Востоке американский империализм повел под флагом борьбы с «советской угрозой» и «коммунистической опасностью».

Сразу же после окончания войны США приступили к созданию военных плацдармов в Турции и опорных пунктов в Иране. Американский империализм стал преемником английского и французского империализма в Турции; это произошло с вынужденного согласия Англии и даже, формально, по ее собственной просьбе.

24 февраля 1947 г. английский посол в США уведомил американское правительство, что Англия более не в состоянии нести расходы по оказанию военной и финансовой помощи Турции (помощь оказывалась на основании англо-турецкого договора о союзе 1939 г.). Это был вынужденный отход от позиции, какую Англия занимала по отношению к турецким делам еще в ходе второй мировой войны. В 1943 г. на конференции в Касабланке Черчилль добился согласия западных союзников на то, что в Турции «...как в деле военного снабжения, так и в области дипломатии решающая роль останется за Англией»¹.

США не замедлили воспользоваться «приглашением». 12 марта 1947 г. была провозглашена «доктрина Трумэна»².

Поддержка американского империализма усилила позиции реакции в Турции.

¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. IV, p. 626, 827.

² См. гл. XIV.

В период второй мировой войны правящие турецкие круги объявили Турцию «невоейущей стороной», но фактически оказывали поддержку державам «оси» против Советского Союза¹ и жестоко расправлялись с участниками демократического движения. По окончании войны обнаружилась с полной ясностью вся неадекватность этой политики и тот вред, который она нанесла Турции — как политический, так и экономический.

На протяжении всех военных лет возрастало недовольство в стране, искусственно сдерживаемое репрессивными мерами. Сразу же после окончания войны оно проявилось с полной силой. Широко развернулось рабочее и крестьянское движение. В парламенте возникла оппозиция.

Правительство Народно-республиканской партии прибегло к политическому маневрированию. В 1945—1946 гг. был проведен ряд мер, призванных ослабить недовольство в народе: принят закон об аграрной реформе; отменены некоторые чрезвычайные налоги военного времени; двухстепенные выборы в меджлис заменены одностепенными; были разрешены создание и деятельность политических партий (за исключением коммунистической), в результате чего, наряду с другими партиями, возникли социалистическая и рабоче-крестьянская социалистическая партии.

Эти маневры дали турецким правящим кругам время, чтобы собраться с силами; а затем при поддержке со стороны американского империализма они снова перешли в наступление. Вновь были запрещены социалистическая и рабоче-крестьянская социалистическая партии. Свобода деятельности осталась только для помещичьих и буржуазно-помещичьих партий. Прогрессивные организации были подвергнуты разгрому, а их деятели — жесточайшим преследованиям.

Аграрная «реформа» была проведена так, что привела лишь к росту кулачества — опоры правящих кругов в деревне — и дальнейшему обнищанию и обезземеливанию основной массы крестьянства. Главное положение аграрной реформы 1945 г., предусматривавшее раздел помещичьих владений, превышающих 500 га, так и не было осуществлено.

«Доктрина Трумэна» положила начало созданию американского военного плацдарма на территории Турции, закабалению Турции монополиями США. На основании заключенного 12 июля 1947 г. соглашения об условиях «помощи» Турции² американская военщина начала реорганизацию турецкой армии и ее перевооружение по американскому стандарту. Вооруженные силы Турции были поставлены под контроль американцев. Кроме того, США получили возможность создать на турецкой территории свои базы. В крупную военно-морскую базу США

¹ 18 июня 1941 г., за четыре дня до нападения гитлеровской Германии на СССР, между Турцией и гитлеровской Германией был заключен договор о дружбе и ненападении. Турция снабжала Германию важным стратегическим сырьем (в первую очередь хромом) и пропускала, в нарушение конвенции в Монтрё, через черноморские проливы военные суда Германии и Италии. Имеются неопровержимые данные о том, что осенью 1942 г. Турция была почти готова вступить в войну против СССР; еще до этого турецкие войска в районах, граничащих с Советским Закавказьем, были увеличены вдвое. От вступления в войну турецкие правящие круги удержал разгром гитлеровцев у берегов Волги. Только в августе 1944 г. турецкое правительство разорвало дипломатические отношения с Германией и лишь в феврале 1945 г. объявило войну Германии и Японии; этот шаг был продиктован стремлением избежать международной изоляции Турции и обеспечить ей место среди держав-победительниц (см. «Вторая мировая война 1939—1945»).

² «United Nations Treaty Series, 1947», vol. VII, p. 300.

превратился Искендерон (бывшая Александретта); американские военно-воздушные базы были созданы в Адане, Диарбекире и в других местах.

4 июля 1948 г. между США и Турцией был заключен договор об экономическом «сотрудничестве»¹ на основе «плана Маршалла»², а в декабре 1948 г. — соглашение о культурном сотрудничестве. Эти документы создавали широкие возможности для экспансии американского капитала.

Чтобы обеспечить интересы своих бизнесменов, правительство США взяло курс на ликвидацию турецкой национальной промышленности. Еще первая американская экономическая миссия, прибывшая в Турцию в 1947 г. во главе с советником госдепартамента М. Торнбергом, потребовала, чтобы турецкое правительство отказалось от важнейшего принципа экономической политики Ататюрка — этатизма³, которая помогла заложить основы промышленного развития Турции. Миссия Торнберга настаивала на замене этатизма в экономике развитием «частной инициативы»⁴.

Правящие круги США, проводя политику закабаления Турции, запугивали турок «коммунистической опасностью», мнимой угрозой со стороны СССР суверенитету и самому существованию страны. Этой пропагандой прикрывалась и предававшая национальные интересы страны турецкая буржуазия, напуганная размахом демократического движения в самой Турции и в соседнем Иране⁵, глубокими социально-экономическими преобразованиями, начавшимися у нее под боком — на Балканах.

В целях антисоветской и антикоммунистической пропаганды были использованы и некоторые ошибки, допущенные советской дипломатией по отношению к Турции в 1946 г.

Вероломная и прямо враждебная Советскому Союзу политика турецких правящих кругов во время второй мировой войны, только и ждавших — но так и не дождавшихся — определенной и решающей победы гитлеровских полчищ на советско-германском фронте, чтобы урвать свою долю добычи и, «уничтожив Россию», присоединить к Турции Советский Азербайджан с его богатыми нефтяными промыслами и земли среднеазиатских советских республик⁶, естественно, вызвала негодование советского народа.

¹ «United Nations Treaty Series, 1949», vol. XXIV, p. 67.

² См. гл. XXV.

³ Этатизм — политика развития государственного сектора в экономике Турции, которую проводила после первой мировой войны и национально-освободительной революции в Турции пришедшая к власти буржуазия. Как показал довоенный опыт, осуществлявшиеся К. Ататюрком меры способствовали некоторому подъему экономики Турции.

⁴ M. W. Thornburg and oth. Turkey. An Economic Appraisal. New York, 1949, p. 250.

⁵ Поскольку курдское национальное меньшинство в Турции значительно, турецкие правящие круги были особенно встревожены созданием курдской демократической автономной республики в Иране.

⁶ Соответствующие требования откровенно выдвигались пантюркистскими и панисламистскими кругами в Турции.

Положение, при котором вражеские суда имели возможность в период военных действий проникать в Черное море, породило у советского народа и правительства законную тревогу и стремление более надежно обезопасить советское Черноморское побережье, простирающееся на 2100 км и открывающее доступ к экономически важным районам страны. Однако ко всем этим серьезным и обоснованным соображениям и мотивам в политике СССР по отношению к Турции примешались ошибочные дипломатические действия, явившиеся результатом культа личности Сталина¹. Большая доля ответственности за эти действия ложится на Молотова, который занимал в то время пост министра иностранных дел. Ухудшение советско-турецких отношений было вызвано предложением о пересмотре конвенции о режиме черноморских проливов, заключенной в Монтрё в 1936 г., в котором не учитывалась позиция турецкого правительства по вопросу об обеспечении безопасности проливов. Атмосферу накалили выдвинутые в Грузии и Армении территориальные претензии к Турции.

Это было использовано турецкими реакционными кругами и иностранным империализмом для усиления в Турции антисоветской и антикоммунистической истерии, для втягивания Турции под предлогом обеспечения ее «безопасности» в военный блок во главе с США.

В последующий период, когда ЦК КПСС начал борьбу за устранение связанных с культом личности Сталина отрицательных наслоений во внешней политике, ошибки, допущенные по отношению к Турции, были исправлены. В мае 1953 г. турецкому правительству было заявлено о том, что «во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции». «Что же касается вопроса о проливах, — говорилось далее в этом заявлении, — то Советское правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции»².

Советское правительство приложило все усилия к тому, чтобы изменить создавшееся положение и восстановить дружеские отношения с Турцией. Однако, к сожалению, ни в 1953 г., ни в последующие годы турецкие государственные деятели не пошли навстречу этим усилиям.

События, происшедшие в Иране в период войны, привели к значительным внешнеполитическим и внутривнутриполитическим изменениям.

¹ По этому вопросу см. *Н. С. Хрущев*. Речь на четвертой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 29 декабря 1955 г. М., 1956, стр. 35.

² «Правда», 19 июля 1953 г.

В августе 1941 г. на основании ст. 6 советско-иранского договора от 26 февраля 1921 г.¹ на территорию Ирана были введены советские войска. Этот шаг был предпринят для того, чтобы пресечь подрывную деятельность нацистской агентуры, обосновавшейся в Иране, предотвратить нападение гитлеровских войск с территории Ирана на южные границы СССР, а также для того, чтобы обеспечить доставку через Иран в СССР военных грузов из США и Великобритании. Одновременно с вводом советских войск в Иран с запада и юга вступили английские воинские части². Реза-шах, поощрявший деятельность нацистской агентуры в Иране, был вынужден 16 сентября 1941 г. отречься от престола; его преемником стал Мохаммед-Реза. 29 января 1942 г. был подписан договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном, имевший положительное значение для успешного ведения войны против нацистской Германии³.

События 1941—1943 гг. — отречение Реза-шаха, заключение советско-англо-иранского тройственного союза, разрыв Ирана с гитлеровской Германией и последующее объявление ей войны (9 сентября 1943 г.) — привели к заметным сдвигам в сторону демократизации внутривнутриполитической жизни в Иране. Осенью 1941 г. были освобождены политические заключенные — деятели демократического движения. Стали издаваться демократические газеты. В октябре 1941 г. образовалась Народная партия Ирана (партия Туде), которая вскоре объединила широкие слои рабочих, демократической интеллигенции и другие прогрессивные элементы. Народная партия стала самой массовой партией в стране. Были воссозданы профсоюзы, а в деревне возникали крестьянские союзы.

Прогрессивные патриотические силы Ирана настойчиво требовали расторгнуть концессионный договор с Англо-Иранской нефтяной компанией, провести демократические реформы и установить более тесные политические, экономические и культурные отношения с Советским Союзом. Под давлением общественности в начале 1945 г. из Ирана была изгнана американская финансовая миссия Мильспо, стремившаяся поставить экономику страны под контроль монополий США⁴.

¹ Ст. 6 предусматривает право российского Советского правительства ввести свои войска на территорию Ирана в случае, если со стороны третьих стран «будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу военных выступлений против России...» (см. «Документы внешней политики СССР», т. III. М., 1959, стр. 538).

² В конце 1942 г. в Иране высадились также 30 тыс. американских солдат, хотя ни между союзниками, ни между США и правительством Ирана не было на этот счет никакого соглашения.

³ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 217—224. Подробно о политике Ирана и его положении во время войны см. М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. М., 1952, стр. 336—364.

⁴ Во время войны США наводнили Иран своими советниками. Советником при иранских вооруженных силах был назначен американский генерал; иранская жандармерия фактически перешла под контроль американцев. В Иране действовали также технические и финансовые американские миссии.

Американские монополии использовали предоставленные миссии Мильспо полномочия для расширения своих позиций в Иране: они получали крупные

Демократическое движение в стране непрерывно крепло, особенно в Иранском Азербайджане, где феодальный гнет и произвол администрации и жандармерии усугублялся национальным гнетом. После окончания войны в Иране сложилась революционная ситуация. В декабре 1945 г. была провозглашена автономия Иранского Азербайджана. Автономное правительство провело важные демократические преобразования (распределение между крестьянами государственных земель, ограничение помещичьей эксплуатации, установление 8-часового рабочего дня, принятие законов о труде и социальном страховании и т. д.).

Вслед за установлением демократического режима в Азербайджане было создано демократическое автономное правительство Северного Курдистана. Демократическое движение крепло и в других частях Ирана. Начались крупные крестьянские выступления. Крестьяне явочным порядком отказывались отдавать помещикам долю урожая и выполнять разные повинности.

Стремясь изолировать демократические силы, иранские реакционные круги развернули злобную антисоветскую кампанию; они пытались представить борьбу нищего и угнетенного народа за свои интересы и элементарные права как результат «советского вмешательства». Поощряемое из Лондона и Вашингтона, правительство Хакими в январе 1946 г. поставило в ООН вопрос «о советском вмешательстве во внутренние дела Ирана». Однако иранской реакции и ее покровителям не удалось добиться тех целей, которые они имели в виду, ставя этот провокационный вопрос в ООН. Тогда иранская реакция и ее сообщники прибегли к новым маневрам.

В январе 1946 г. к власти пришло правительство Ахмеда Кавама (Кавам-эс-Салтане), которое временно отказалось от открытого преследования демократических организаций и явно враждебной СССР внешней политики. Правительство Кавама сулило народу социальные реформы и вступило в переговоры с представителями Иранского Азербайджана, обещав сохранить основные демократические завоевания азербайджанского населения. 1 августа 1946 г. Кавам включил в состав своего кабинета трех членов Народной партии. Начались переговоры с Советским Союзом, и 4 апреля 1946 г. было заключено соглашение о создании смешанного Советско-Иранского общества по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений в Северном Иране¹.

подряды и заказы и добивались аннулирования аналогичных соглашений иранского правительства с англичанами. Чтобы усилить зависимость Ирана от США, Мильспо проводил политику, ведущую к подрыву экономики и финансов страны, препятствовавшую ее промышленному развитию. «Промышленная самостоятельность для Персии, — цинично заявляет Мильспо в своих мемуарах, — является неразумной политикой и слишком дорогой жертвой национализму» (А. С. *Millspaugh*. *Americans in Persia*. Washington, 1946, p. 248).

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 113—115.

Политика Кавама имела в виду ввести в заблуждение общественность и выиграть время, необходимое для консолидации реакционных сил и разгрома демократических организаций с помощью империалистических держав. Воспользовавшись выводом советских войск из Ирана¹, английские и американские империалисты приступили к открытому и наглому вмешательству во внутренние дела страны.

Используя как повод всеобщую забастовку, вспыхнувшую в июле 1946 г. на предприятиях Англо-Иранской нефтяной компании в Хузистане (бастовало около 100 тыс. человек), британские империалисты организовали с помощью ханов нападение южноиранских племен на рабочих АИНК и послали в Персидский залив военные корабли. В районе Басры (Ирак) в начале августа было сосредоточено несколько английских дивизий; они вплотную подошли к иранской границе.

В середине сентября 1946 г. подняли мятеж подстрекаемые английскими и американскими империалистами, а также тегеранской реакцией кашкайские и другие южноиранские ханы. Их банды расправлялись с членами Народной партии и другими участниками демократического движения. Ханы выступили против демократических сил Иранского Азербайджана и потребовали удаления из правительства членов Народной партии.

Представители правительства и военных властей на словах осуждали мятеж, но фактически ничего не предпринимали для его подавления. Выступление племен было очередным политическим маневром, имевшим целью развязать руки Каваму для борьбы против демократического Азербайджана и других демократических сил. В середине октября 1946 г. было опубликовано соглашение иранского правительства с южноиранскими ханами, объявившее реакционный мятеж, организованный ими в Фарсе, «национальным движением». Одновременно Кавам реорганизовал свой кабинет, удалив из него членов Народной партии.

10 декабря 1946 г. по приказу Кавама были двинуты войска в Иранский Азербайджан. Там было объявлено военное положение и начались расправы над руководством Демократической партии Азербайджана и над участниками демократического движения. Затем карательные отряды были двинуты в Курдистан. По всему Ирану были проведены массовые аресты демократических деятелей. Военные советники США в Иране готовили карательные экспедиции и сами непосредственно руководили ими; американский генерал Шварцкопф, например, возглавил жандармские отряды, которые громили демократические силы в Иранском Азербайджане.

Американские империалисты воспользовались разгромом демократических сил в Иране для усиления своих позиций. В Иране осталась американская военная миссия, хотя война давно кончилась и больше не было никакой необходимости в пребывании иностранных войск и миссий на иранской террито-

¹ Между СССР и Ираном было заключено соглашение о выводе советских войск в течение полуторамесячного срока, начиная с 24 марта 1946 г. 9 мая 1946 г. советские войска были полностью выведены с иранской территории (см. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 113, 123).

рии. Заключенное 6 октября 1947 г. новое соглашение¹ предоставило военной миссии США еще более важную роль в деятельности иранского военного министерства и генштаба.

В соответствии с соглашением от 6 октября 1947 г. американская военная миссия приступила к реорганизации иранской армии по американским образцам и к ее вооружению американским оружием, однотипным с тем, каким американцы снабжали Турцию. На севере Ирана сооружались укрепления и аэродромы, а на юге — подземные бензохранилища. Американские офицеры систематически совершали инспекционные поездки в пограничные с СССР районы, проводили там топографические съемки.

Под нажимом империалистических сил США внешняя политика Ирана принимала все более антисоветский характер. Иранская пресса систематически вела антисоветскую пропаганду. В угоду американским и английским «покровителям» меджлис 22 октября 1947 г. отказался утвердить соглашение о создании Советско-Иранского общества по разведке и эксплуатации нефти в Северном Иране. Резко уменьшился торговый оборот Ирана с СССР — с 24% иранского торгового оборота в 1945/46 г. до 0,8% в 1948/49 г.² Антинациональная политика правительства, приведшая к потере советского рынка, намного ухудшила положение иранских финансов. В то же время широкий импорт бросовых американских товаров создал сильную конкуренцию иранской промышленности, и темпы ее развития уменьшились даже по сравнению с довоенными годами.

В таком развитии событий значительную роль сыграло то обстоятельство, что иранская национальная буржуазия отшатнулась от демократического движения народных масс. Иранскую буржуазию напугал широкий размах этого движения, его революционный характер; ее, так же как и турецкую буржуазию, встревожили революционные изменения на Балканах.

События 1945—1949 гг. — это черные страницы в истории турецкого и иранского народов. Патриотические прогрессивные силы в этих странах не смогли тогда отбить объединенное наступление внутренней и внешней реакции. Силы мира, социализма и демократии во всемирном масштабе также не смогли в тот период создать непреодолимую преграду империалистическому экспорту контрреволюции в Турции и Иране. События в Турции и Иране пролили свет на ту зловещую роль мирового жандарма, какую американский империализм взял на себя во всем капиталистическом мире, и в том числе на Ближнем и Среднем Востоке.

¹ Соглашение между США и Ираном о военной миссии в Иране от 6 октября 1947 г. В кн.: «*Treaties and other International Acts Series 1666. Department of State Publication 2997*». U. S. Government Printing Office, 1948.

² «*Economic Development in the Middle East 1945 to 1954*», p. 78.

Создание военного плацдарма США на территории Турции и опорных пунктов на территории Ирана превратило Ближний и Средний Восток в один из наиболее тревожных очагов международной напряженности в послевоенном мире. Деятельность американского империализма на территории Турции и Ирана привела к серьезному ухудшению взаимоотношений этих стран с Советским Союзом, а также с арабскими странами.

Прямая угроза нависла над арабскими народами. Определенные круги Турции все еще не могли забыть времен владычества «Блистательной Порты» над народами Востока и всеми силами стремились восстановить влияние Турции в этом районе. Они вынашивали планы создания так называемого мусульманского блока во главе с Турцией, которые перекликались с империалистическими проектами создания на Ближнем и Среднем Востоке политической группировки из арабских стран плюс Турция под эгидой западных держав.

3. Крах мандатной системы.

Развитие национально-освободительного движения в арабских странах

В послевоенном развитии событий на Ближнем и Среднем Востоке значительную роль сыграло национально-освободительное движение арабских народов. Это движение протекало в условиях более благоприятных, чем освободительная борьба народов Турции и Ирана.

Американский империализм не сумел в 1945—1949 гг. утвердиться в арабских странах в такой же мере, как в Турции и Иране; борьба в арабских странах была направлена против резко ослабленных английского империализма и французского империализма.

В последующем изменение соотношения сил на мировой арене в пользу сил мира, демократии и социализма не дало возможности американскому империализму занять те позиции, которые вынуждены были оставлять (часто не без давления со стороны США) Англия и Франция в арабских странах.

Важным результатом борьбы арабских народов в послевоенное время была окончательная ликвидация мандатной системы, установленной Лигой наций и начавшей рушиться уже в 30-е годы¹. В 1946—1948 гг. было прекращено действие французских мандатных режимов в Сирии и Ливане и английских мандатных режимов в Трансиордании и Палестине.

Отмена мандатных режимов была завоевана арабскими народами в тяжелой борьбе. Одновременно она была сопряжена

¹ В 1930 г. английские правящие круги были вынуждены пойти на отмену мандатного режима в Ираке.

со вспышкой острых империалистических противоречий и дипломатических инцидентов, а также военных конфликтов.

Сложный международный конфликт вокруг отмены мандатного режима в Сирии и Ливане, возникший еще в военное время, разгорелся с еще большей силой после окончания войны.

Несмотря на то что независимость Сирии и Ливана была провозглашена еще в 1941 г., а в середине 1943 г. там были созданы национальные законодательные органы, вся политическая и экономическая жизнь обеих стран по-прежнему контролировалась французскими и английскими властями. Борьба народов Сирии и Ливана против оккупантов переросла в настоящую антиколониальную войну¹.

Существенную поддержку сирийскому и ливанскому народам оказал Советский Союз. Когда в мае 1945 г., уже после окончания войны, Франция высадила в Бейруте новую сенегальскую часть и начала артиллерийский обстрел и бомбардировку с воздуха сирийских городов, правительство СССР обратилось со специальным заявлением к великим державам, предложив принять меры, чтобы прекратить военные действия в Сирии и Ливане и уладить возникший конфликт мирным путем². Это заявление ободрило народы Сирии, Ливана и оказало свое влияние на французское правительство.

С другой стороны, вступили в действие империалистические противоречия.

Значительную заинтересованность в событиях в Сирии и Ливане стали проявлять США. Английские правящие круги тоже решили воспользоваться моментом, чтобы полностью взять под свой контроль Сирию и Ливан. «Англия, — отмечает с раздражением генерал де Голль в своих мемуарах, — намеревалась с помощью то завуалированных, то грубых методов занять место Франции в Дамаске и Бейруте»³. 30 мая 1945 г. английское правительство в ультимативной форме потребовало от де Голля прекратить огонь и передать в руки английского командования всю власть в Сирии и Ливане.

Французское правительство сделало попытку противостоять натиску англичан и американцев и осуществить самостоятельный дипломатический маневр. На предложение Черчилля созвать трехстороннее совещание с участием Франции, Англии и США правительство де Голля ответило контрпредложением о созыве совещания пяти великих держав — Франции, Англии, США, СССР и Китая, но оно было отвергнуто Англией и США⁴.

Французское правительство вынуждено было уступить и передать контроль на всей территории Сирии и Ливана англий-

¹ См. Ю. В. Луконин. Борьба народов Сирии и Ливана за вывод иностранных войск (1945—1946 гг.). Очерки по истории арабских стран. М., 1959.

² См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 269.

³ Ш. де Голль. Военные мемуары, т. I, стр. 211.

⁴ «...Когда-нибудь, — заключает де Голль свой рассказ об англо-французских столкновениях в ближневосточном вопросе, — англичане дорого заплатят за свои происки против Франции» («Из военных мемуаров де Голля» «Международная жизнь», 1961, № 4, стр. 116).

ским властям. В период последующего дипломатического торга французское правительство выдвинуло урегулирование англо-французских противоречий в этом районе в качестве условия своего согласия на вступление в Западный союз.

22 декабря 1945 г. был опубликован текст англо-французского соглашения об условиях вывода войск из Сирии и Ливана и сотрудничества ради «процветания» и «обеспечения безопасности и спокойствия» стран Ближнего Востока. Это соглашение было попыткой сговора и объединения сил империалистических держав на Ближнем и Среднем Востоке в противовес национально-освободительному движению. Более полно эта политика была отражена позже — в тройственной декларации Англии, Франции и США от 1950 г.

Соглашением предусматривался, по сути дела, не вывод английских и французских войск из Сирии и Ливана, а лишь их перегруппировка. Эвакуация французских войск откладывалась на неопределенный срок — до тех пор, пока Совет Безопасности «не определит своего курса в обеспечении безопасности в этой зоне». Английские войска намечено было вывести в соседние страны — Трансиорданию и Палестину и потом, в соответствии с английскими замыслами, вернуть в Сирию и Ливан, как только будет создано королевство «Великая Сирия».

Англо-французское соглашение вызвало в Сирии и Ливане взрыв негодования, волну протестов, демонстраций, забастовок. Правительства этих стран направили 4 февраля 1946 г. в ООН жалобу на действия Англии и Франции, и она была обсуждена в Совете Безопасности¹. Сирийский и ливанский вопрос не был решен в Совете Безопасности; однако его рассмотрение в ООН, привлечение внимания мирового общественного мнения, и поддержка, оказанная советской делегацией Сирии и Ливану в ходе обсуждения их жалобы, сыграли положительную роль. Правящим кругам Англии и Франции пришлось пойти на уступку — в апреле 1946 г. их войска были выведены с территории обоих государств. Это было большой победой сирийского и ливанского народов и крупным поражением колонизаторов на Ближнем Востоке. Оно явилось следствием разнородных, но сыгравших положительную роль обстоятельств и факторов: борьбы народов Сирии и Ливана и твердой позиции их правительств, поддержки сирийского и ливанского народов Советским Союзом, прогрессивной общественностью всего мира и, с другой стороны, результатом острых империалистических противоречий, сыгравших на руку национально-освободительному движению.

¹ Характерно, что английский представитель Кадоган заявил в Совете Безопасности, что уход Англии и Франции из Сирии и Ливана приведет к образованию «вакуума» в этой зоне. Теория «вакуума», отражающая презрение империалистов к народам Ближнего и Среднего Востока, была взята на вооружение и американскими империалистами.

В арабских странах распространялись не только идеи укрепления суверенитета, но и тяга к единству. Трудящиеся массы понимали арабское единство как сплочение в борьбе против колониального ига, за ликвидацию экономической отсталости, за осуществление коренных социальных реформ и демократизацию своих стран. Что же касается национальной буржуазии, то у известной ее части лозунг арабского единства часто приобретал националистическое, шовинистическое толкование и использовался ею для подавления рабочего и крестьянского движения. Буржуазия видела также в арабском единстве средство развития национального капитала, его укрепления в противовес капиталу иностранному, средство расширения рынка, а также возможность увеличения веса арабских стран на международной арене, вопреки тем рогаткам, какие ставил внешней политике арабских стран военно-политический контроль империалистов.

Процесс укрепления арабской солидарности становился все более серьезным фактором в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке; империалистическим державам приходилось с этим считаться. Дипломатия Великобритании, все еще обладавшей наиболее сильными позициями в арабских странах Ближнего Востока, старалась, с одной стороны, воспрепятствовать подлинному единению арабских народов на антиимпериалистической, демократической основе, а с другой стороны, использовать в своих интересах лозунг арабского единства, сколотить «священный союз» феодальных владык, связанный военно-политическими узами с Англией. Вынашивая этот план, английские правящие круги имели в виду сохранить свое господство в арабских странах и одновременно использовать послушный Англии «арабский блок» для подкрепления ослабленных позиций британского империализма на международной арене, в частности в ООН.

Все эти противоречивые тенденции сыграли свою роль при создании Лиги арабских стран (март 1945 г.).

Попытки английских правящих кругов превратить Лигу в придаток своего разветвленного военно-политического аппарата в арабских странах были сорваны сопротивлением арабских народных масс. Борьба арабских народов и в частности народа Египта (который правящие круги Англии рассчитывали сделать своей основной опорой в Лиге) нарастала неудержимо, воздействуя и на позицию глав арабских государств, заседавших в Лиге. Кроме того, английские планы встречали серьезное противодействие со стороны Франции и США.

В силу тех же причин потерпели неудачу английские планы создания «Великой Сирии» или «союза стран благодатного полумесяца», который имели в виду объединить Сирию, Ливан и Палестину и связать их тесными военно-политическими и экономическими узами с Ираком и Трансиорданией — твердынями английского господства на Ближнем Востоке. Одновременно

английская дипломатия делала попытки связать Ирак и Трансиорданию с Турцией, чтобы предотвратить окончательную утрату своего влияния в этой стране и вместе с тем подкрепить «арабский блок». Поэтому Англия активно содействовала заключению договоров «о дружбе и союзе» между Турцией и Ираком, Турцией и Трансиорданиями (1947 г.). В свою очередь, Ирак и Трансиордания заключили в апреле 1947 г. договор «о вечном союзе».

Правящие круги США вынашивали также планы создания военно-политического блока на Ближнем и Среднем Востоке, но под своим главенством. При этом основная ставка делалась на Турцию и Иран.

Переговоры о заключении союзного договора между Турцией и Ираном при гарантии и посредничестве со стороны США, а также о возрождении Саадабадского пакта¹ вели американский посол в Иране Аллен во время его посещения Турции в октябре 1947 г. и новый американский посол в Иране Уайли, посетивший Анкару в середине 1948 г. Вашингтон, так же как и Лондон, имел в виду связать Турцию и Иран с арабскими странами и, подобно английскому империализму, рассматривал территорию и население стран Ближнего и Среднего Востока как разменную монету в своей дипломатии.

Соперничая в арабских странах, США и Англия раздували вражду между хашимитской династией, правившей в Ираке и Трансиордании, и феодально-монархической верхушкой в Египте; между хашимитами и династией, правившей в Саудовской Аравии. Запутанные династические интриги усиливали напряженность в арабских странах.

Борьба империалистических держав за господство в арабских странах имела тяжелые последствия для этих стран и для всего Ближнего и Среднего Востока. Она явилась причиной создания очага военного конфликта и возникновения войны в Палестине.

4. Палестинская война. Создание государства Израиль

Палестинский вопрос был одним из самых острых вопросов международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке в 1945—1949 гг.; в нем нашли свое отражение столкновения и противоречия различных сил в этом районе².

Английское правительство продолжало разжигать между арабским и еврейским населением Палестины вражду, которая сплошь и рядом выливалась в кровопролитные столкновения, и не собиралось, несмотря на данное еще в 1939 г. обещание, предоставлять Палестине независимость.

Палестинский вопрос еще более усложнился из-за возросшего вмешательства США и Франции. Правящие круги США,

¹ Саадабадский пакт 1937 г. оформил политический блок Турции, Ирана, Афганистана. Заключению этого пакта содействовала английская дипломатия, стремившаяся таким образом укрепить свое влияние на Ближнем и Среднем Востоке, а также использовать эту группировку в осуществлении политики, направленной против СССР.

² См. К. Иванов и З. Шейнис. Государство Израиль, его положение и политика. М., 1959.

чье влияние в арабских странах было к концу войны гораздо слабее, чем позиции Англии, сделали основной упор на создание сионистского государства в Палестине¹. Однако в то же время они не хотели жертвовать своими интересами в Саудовской Аравии и других арабских странах. Английские правящие круги, в свою очередь, ориентируясь в рассматриваемый период в основном на арабские страны, продолжали вместе с тем сохранять и развивать контакты с крупной сионистской буржуазией.

Между США и Англией развернулась сложная дипломатическая борьба, в ходе которой они попеременно торговали интересами арабского и еврейского населения Палестины. Как американская, так и английская политика в палестинском вопросе отличалась самыми неожиданными зигзагами.

На решение палестинской проблемы в определенной мере воздействовали и религиозные верования людей, проживавших не только в самой Палестине, но и в других странах: Палестина считается «святой землей» для трех мировых религий: мусульманской, христианской и иудейской.

Палестинский вопрос долго не сходил с повестки дня Организации Объединенных Наций.

Советская делегация в ООН предлагала решить палестинский вопрос быстро и мирным путем, на демократической основе: упразднить английский мандат на Палестину и безотлагательно вывести с ее территории английские войска, создать независимое двуединое демократическое арабо-еврейское государство, основанное на предоставлении равных прав арабскому и еврейскому населению. Однако этот план не нашел поддержки, в том числе со стороны арабских и еврейских представителей. В конце ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании на территории Палестины двух независимых государств — арабского (11,1 тыс. кв. км) и еврейского (14 тыс. кв. км)². Была предусмотрена также интернационализация города Иерусалима, где находятся «святые места», связанные с историей трех мировых религий.

При крайнем обострении отношений между арабами и евреями создать единое арабо-еврейское государство оказалось невозможным. Но упразднение английского мандата и предоставление государственной независимости как арабскому, так и еврейскому населению Палестины давало возможность использовать эту независимость, чтобы окончательно искоренить империалистическое влияние и провести демократические преобразования. Однако эта возможность была упущена.

¹ Демократическая партия, находившаяся у власти в США, рассчитывала также уловить таким образом голоса еврейских избирателей на выборах в конгресс, а затем на предстоящих президентских выборах.

² См. карту на стр. 247.

Вслед за отказом Англии от мандата на Палестину, 14 мая 1948 г., и провозглашением в тот же день создания еврейского государства Израиль началась война между арабскими странами, не признавшими нового государства, и Израилем. Эта война была спровоцирована империалистическими державами, стремившимися удержать свои позиции на Ближнем Востоке. Она явилась одним из средств отвлечь внимание народных масс от борьбы с иностранным империализмом и феодальной реакцией и послужила поводом для расправы с прогрессивными организациями и демократическими деятелями. Весной 1948 г. под предлогом обеспечения «тыла армии» в ряде арабских стран было введено осадное положение. Началась травля участников демократического движения, особенно коммунистов. Была запрещена Компартия Египта. В Сирии и Ливане была запрещена деятельность Общества культурной связи с СССР.

Военные действия в Палестине (1948—1949 гг.) развивались с переменным успехом. В конечном итоге израильские войска заняли значительную часть палестинской территории, отведенной по решению ООН арабскому государству. Израиль оккупировал дополнительно к отведенной ему территории в 14 тыс. кв. км еще 6,7 тыс. кв. км. В ходе военных действий израильские войска сгоняли арабское население с занимаемых им земель. Подавляющее большинство арабских беженцев — 900 тыс. человек — оказалось в соседних арабских странах без всяких средств к существованию. В феврале — июле 1949 г. на острове Родос были заключены соглашения о перемирии между Израилем и Иорданией и Египтом; затем были заключены соглашения между Израилем и Сирией и Ливаном. В соответствии с этими соглашениями между территориями арабских государств и территорией, контролируемой Израилем, были установлены демилитаризованные зоны по обе стороны временных границ. Была учреждена Комиссия ООН по наблюдению за выполнением условий соглашений о перемирии.

Военные неудачи арабов в значительной мере объяснялись закулисными интригами империалистов, острыми разногласиями между арабскими правителями, а также экономической отсталостью арабских государств. Война еще более истощила их экономику и финансы.

Арабское государство на территории бывшей Палестины так и не было создано. Позже, в апреле 1950 г., часть бывшей Палестины, оккупированная трансйорданским «арабским легионом», находившимся под командованием английских офицеров, была включена при содействии Англии в состав Трансйордании, которая стала с этого времени называться хашимистским королевством Иордания.

В Израиле, народ которого надеялся на подлинное освобождение от империализма, власть сразу же захватили крупные

банкиры, торговая буржуазия, спекулянты; политику его стали направлять реакционные деятели крайне националистического шовинистического толка (сионисты), связанные давними узами с монополиями Англии, Франции, США¹. Что касается трудящихся масс, то они фактически ничего не получили.

Преобладающие позиции в государстве Израиль получил американский капитал. Империалисты США создали себе, таким образом, важный опорный пункт на Ближнем Востоке. Путем предоставления субсидий и займов они усиленно поддерживали израильскую правящую верхушку. Интересно отметить поспешность, с какой правительство США признало государство Израиль. Бывший президент Трумэн пишет в своих мемуарах, что США заявили о признании де-факто временного правительства Израиля спустя 11 минут после того, как было провозглашено создание этого государства².

По мере роста и углубления арабского национально-освободительного движения империалисты США и Великобритании придавали особое значение Израилю как орудию борьбы с этим движением. Они все больше использовали Израиль для постоянного давления и организации военных провокаций, подстрекали его к вооруженным выступлениям против арабских государств.

В этом заключается одна из главных причин международной напряженности на территории Ближнего Востока.

* *

*

На первый взгляд могло показаться, что изменения, происшедшие на Ближнем и Среднем Востоке в 1945—1949 гг., свелись в основном к перегруппировке империалистических сил в этом районе. Ближний и Средний Восток по-прежнему оставался в экономических и военно-политических путах империализма. В некоторых странах этого района, как, например, в Турции, экономические и военно-стратегические позиции империализма даже укрепились.

В политике арабских стран все еще сильно сказывался налет династических интриг и раздоров, раздуваемых к тому же империалистической дипломатией; позиции английского империализма в арабских странах были поколеблены, но далеко не сломлены; американские же правящие круги прилагали все усилия, чтобы занять место Англии. Империалистам, в первую очередь американским, удалось захватить контроль над новым государством, возникшим на Ближнем Востоке, — Израилем — и использовать его как орудие в борьбе против национально-

¹ «Communist Party of Israel». Congress 13-th. Documents. Tel-Aviv, 1957.

² «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 164.

освободительного движения арабских народов. Так в самом сердце Ближнего Востока возник еще один постоянный очаг военных конфликтов.

Однако гораздо более важное значение имела другая линия развития событий, другая тенденция, которой принадлежало будущее. Уже в 1945—1949 гг. начало сказываться влияние глубинных процессов, приведших в последующем к подрыву военно-политического и экономического господства империализма на Ближнем и Среднем Востоке, превращению ряда стран этого района во все более весомый и самостоятельный фактор в мировой политике.

Важнейшее значение в этой связи имела ликвидация мандатных режимов в арабских странах. В послевоенное время большинство стран Ближнего и Среднего Востока выступили в международных отношениях как политически независимые государства. Таким образом, арабские страны получили возможность — по мере того как они освобождались от военных и политических пут империализма — играть все более активную роль в международных делах.

Завоевание государственной самостоятельности в условиях существования мировой социалистической системы открыло перед арабскими странами путь укрепления своей независимости. Феодально-монархический режим в Египте, державшийся на английских штыках, вот-вот готов был рухнуть; поражения Египта в войне с Израилем показали гнилость королевского режима, вызвали сильное брожение в армии, в том числе среди офицерства. Палестинская война обострила политический и экономический кризис и в других арабских странах и дала тем самым новый толчок национально-освободительному движению. Повсюду в арабских странах усиливалось сплочение национальных патриотических сил, возрастала политическая активность масс. Во внешней политике этих стран все более отчетливо проявлялось стремление занять независимую позицию на международной арене.

События 1945—1949 гг. положили начало разоблачению американского империализма в глазах народов Ближнего и Среднего Востока. Действия США в Турции и Иране, маневрирование в палестинском вопросе и поддержка сионистских кругов Израиля не могли не вызвать отрицательной реакции во всех странах этого района, не исключая и тех, где американскому империализму, казалось, удалось закрепиться наиболее прочно. Демократическим силам в Иране был нанесен удар, однако это не привело к угасанию национально-освободительного движения; нарастала новая волна борьбы с иностранным империализмом.

Значительную помощь народам Ближнего и Среднего Востока в этой борьбе оказал Советский Союз. Увеличение мощи

и международного влияния СССР, возникновение социалистического лагеря, крах атомной монополии США, распад колониальной системы в Юго-Восточной Азии — все эти процессы оказывали возрастающее влияние на народы Ближнего и Среднего Востока, подводили широкие слои населения этого района к осознанию необходимости борьбы за полное освобождение от империализма.

ГЛАВА XI

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АФРИКЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В период второй мировой войны резко возросло экономическое и военно-политическое значение Африки. Борьба за Африку занимала не последнее место в планах воюющих империалистических держав. В ноябре 1941 г. американский журнал «Форчун» называл Африку «призом для победителей во второй мировой войне».

Перешагнув границы Европы, война охватила ряд районов Африканского континента, прежде всего страны Средиземноморского побережья: Северная Африка стала театром военных действий.

Африканский континент служил важным источником ресурсов для воюющих сторон. Гитлеровская Германия даже в годы войны при содействии правительств Виши, Испании и Португалии вывозила из различных стран Африки, прежде всего из французских колоний, дефицитные виды сырья — марганец, кобальт, олово, вольфрам — и продовольствие. Однако доступ к африканским ресурсам с каждым годом все усложнялся для держав «оси», и, наоборот, рос поток африканских товаров, используемых Англией и США. Резко увеличился английский импорт из Африки железной, марганцевой и хромовой руды, бокситов, олова, меди, натурального каучука, технических алмазов, сырья для текстильной промышленности, кофе, земляных орехов и т. д. Много сырья, прежде всего цветных металлов и урановой руды, вывезли из африканских стран также США.

В первое пятилетие после второй мировой войны судьбой подавляющего большинства африканских стран все еще распоряжались империалистические державы. Почти все народы Африканского континента были лишены самостоятельного представительства в ООН и других международных организациях. Африка, особенно южнее пустыни Сахара, оставалась сравнительно надежным колониальным тылом империализма.

Страны континента, расположенные к югу от Сахары, сильно отстали в своем развитии. Работоторговля, продолжавшаяся

несколько столетий и стоявшая в Африке 100 млн. человеческих жизней, серьезно подорвала производительные силы в этих странах. Многие африканские племена, родственные в этническом отношении, были насильственно разделены произвольно установленными границами. Это очень задержало процесс формирования наций, вело к сохранению племенной раздробленности. На Африканском континенте не было таких крупных государственных и национальных образований, какие издавна существовали в Азии.

Колонизаторам казалось, что их позиции в Африке прочны. Ослепленные расистской идеологией, они не замечали новых веяний, не видели, что африканские народы пробуждаются от векового сна. Помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока и Африки Макги, например, заявлял в 1950 г.: «Африка — это один из тех районов мира, где в полном смысле этого слова нет серьезного кризиса»¹.

Однако именно в 40-е годы на огромных просторах Африканского континента постепенно завязывались упорные бои народов за национальную независимость. Мощное послевоенное развитие мировых сил демократии и социализма и намечавшиеся серьезные внутренние сдвиги в самой Африке свидетельствовали о том, что надежды империализма сохранить «черный континент» в качестве своего прочного тыла построены на песке. Распад колониальной системы неизбежно должен был охватить и африканские колонии. Национально-освободительное движение развернулось в Марокко, Тунисе, Алжире, Ливии, Египте.

1. Судьба итальянских колоний и подмандатных территорий

Участница гитлеровской коалиции Италия имела до войны обширные колониальные владения в Африке. На севере ей принадлежала Ливия, отошедшая от Турции по Лозаннскому мирному договору (октябрь 1922 г.). Две страны побережья Красного моря — Эритрея и часть Сомали — находились под властью итальянских империалистов с конца XIX века.

С разгромом держав «оси» между капиталистическими державами-победительницами, оккупировавшими эти колонии, разгорелась борьба за них; Италия же не хотела уступать колонии, пытаясь играть на противоречиях между Англией, США и Францией. Такова была одна линия в вопросе об этих африканских странах — линия на новый передел Африки согласно новому соотношению сил между империалистическими государствами. Причем каждая из заинтересованных империалистических держав считала необходимым оставить колониальный режим практически в неприкосновенности.

¹ Цит. по «*Démocratie Nouvelle*», 1951, № 4, p. 204.

Другую линию проводил Советский Союз при поддержке государств народной демократии и ряда стран Азии и Африки. СССР настаивал на решении вопроса в соответствии с интересами и волей народов Ливии, Эритреи и Сомали путем предоставления им независимости и вывода иностранных войск, оставшихся там после окончания военных действий.

Совет министров иностранных дел СССР, Англии, Франции и США первоначально предполагал, что вопрос об итальянских колониях в Африке будет решаться одновременно с заключением мирного договора с Италией. Мирный договор с Италией был подписан 10 февраля 1947 г. в Париже, но вопрос о ее африканских колониях остался открытым. В ст. 23 договора указывалось лишь, что «Италия отказывается от всех прав и правооснований на итальянские территориальные владения в Африке, а именно на Ливию, Эритрею и Итальянское Сомали»¹. Было решено, что если в течение одного года четыре державы «не смогут договориться о судьбе какой-либо из этих территорий», то вопрос должен был быть передан на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН.

На протяжении года империалистические державы, прежде всего Великобритания и США, всячески затягивали решение этого вопроса, добиваясь передачи его в ООН. Они рассчитывали протащить свой план его «решения», используя «машину голосования».

В первый раз вопрос о бывших итальянских колониях обсуждался на второй части III сессии Генеральной Ассамблеи весной 1949 г. Английской делегацией был выдвинут проект, предварительно согласованный с США и одобренный Италией (в основу его легло так называемое соглашение Бевина — Сфорца). Это был типично империалистический сговор о разделе бывших итальянских владений в Африке. Намечено было разорвать Ливию на три подопечные территории, при этом Киренаику передать под опеку Англии, Триполитанию (с 1951 г.) — оставить под опекой Италии, а Феццан — передать Франции. По истечении срока опеки — через десять лет — Ливия должна была стать независимым государством. Италии передавалась также опека над бывшим Итальянским Сомали — без указания срока ее окончания. Эритрею предполагалось разделить на две части, включив юго-восточную часть в состав Эфиопии, а северо-западную — в состав Англо-Египетского Судана². В мае 1949 г. империалистическим державам удалось протащить свой проект в Политическом комитете Генеральной Ассамблеи ООН. Комитет не одобрил лишь передачи части Эритреи Англо-Египетскому Судану³.

Однако на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи (18 мая 1949 г.) английский проект резко критиковали представители Советского Союза, Польши, Чехословакии и некоторых азиатских стран. Кроме того, колониальным державам пришлось учесть движение протеста ливийского народа против попыток вновь навязать ему итальянское господство под видом опеки. Особенно мощные демонстрации происходили в Триполитании, которую по проекту намечено было передать под опеку Италии. Империалистический дележ не был одобрен Генеральной Ассамблеей, и вопрос был перенесен на ее следующую сессию.

В сентябре 1949 г. на IV сессии Генеральной Ассамблеи Советский Союз выступил с четким планом решения судьбы бывших итальянских колоний. Он предложил немедленно провозгласить независимость Ливии и после этого вывести оттуда

¹ «Мирный договор с Италией». М., 1947, стр. 28.

² «The Annual Register», 1949, p. 155.

³ Ibid., p. 156.

все иностранные войска в трехмесячный срок, а также ликвидировать там все военные базы. Над бывшим Итальянским Сомали и Эритреей советская делегация предложила установить опеку на 5 лет, а затем провозгласить независимость этих стран. Для управления Сомали и Эритреей выделить Совет по опеке, который назначит в каждую из указанных стран администратора с правом исполнительной власти. Учитывая экономическую важность доступа к морю для Эфиопии, предлагалось передать ей эритрейский порт Ассаб с прилегающей территорией¹.

Однако империалистические державы отклонили советские предложения и навязали Генеральной Ассамблее свой проект (принятый 21 ноября 1949 г.). Вместо десятилетнего срока опеки, как предлагалось в английском проекте, решение ООН предусматривало предоставление независимости Ливии через два года — к 1 января 1952 г. До этого срока две области страны — Киренаика и Триполитания — передавались под управление Англии, а третья область — Феццан — под управление Франции². Бывшее Итальянское Сомали передавалось под опеку Италии. Колониальным державам пришлось и здесь несколько отступить, уточнив срок опеки (10 лет), который ранее не назывался³.

Сложнее был эритрейский вопрос: он затрагивал взаимоотношения двух африканских стран — Эфиопии и Эритреи. Эфиопия настаивала на передаче ей Эритреи, ссылаясь, в частности, на то, что отсутствие выхода к морю тяжело отражается на ее экономике. Проект, предложенный Советским Союзом на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, учитывал интересы обеих африканских стран. На V сессии (в сентябре — декабре 1950 г.) Советский Союз, повторив предложение о передаче Ассаба Эфиопии, высказался за немедленное предоставление Эритрее независимости в соответствии с желанием большинства ее народа⁴. Это предложение было отклонено, однако и английские планы раздела Эритреи между Эфиопией и Англо-Египетским Суданом провалились. Сказалось воздействие США, которые к тому времени усилили проникновение в Эфиопию. V сессия Генеральной Ассамблеи ООН постановила включить Эритрею на федеративных началах в состав Эфиопии⁵.

В итоге дипломатической борьбы за бывшие итальянские колонии в Африке традиционного империалистического пере-

¹ «Объединенные Нации. Официальные отчеты IV сессии Генеральной Ассамблеи. Первый комитет. Приложение к кратким отчетам заседания». Нью-Йорк, 1949, стр. 22.

² Там же, стр. 32—33.

³ Там же, стр. 33.

⁴ «Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. V сессия. Пленарные заседания. Стенографические отчеты», т. I, Нью-Йорк, стр. 548.

⁵ Там же, стр. 558.

дела владений не произошло. Времена изменились. Империалистам пришлось, скрепя сердце, считаться с новыми факторами, которые мешали им действовать по своему произволу. К числу таких факторов относится, во-первых, возросшая сила и авторитет Советского Союза, выступившего против проектов замены одного империалистического хозяина другим. Во-вторых, колонизаторы не могли, как в прежние времена, полностью игнорировать требования африканских народов, пробуждавшихся к активной политической жизни. Колониальные державы вынуждены были обещать независимость бывшим итальянским колониям и согласиться с конкретными сроками предоставления этой независимости. Эпоха империалистического произвола и беспрепятственного передела мира уходила в прошлое.

Два подхода к решению африканских проблем выявились после окончания второй мировой войны также в вопросе о подмандатных территориях Лиги наций в Африке (Юго-Западная Африка, Руанда-Урунди, Танганьика, Того и Камерун). До войны Лига наций выдала мандаты на эти страны Франции (часть Того и Камеруна), Бельгии (Руанда-Урунди), Южно-Африканскому Союзу (Юго-Западная Африка) и Англии (Танганьика и часть Того и Камеруна).

США предложили взамен мандатной системы установить систему международной опеки. Империалистические державы стремились лишь формально изменить название мандатной системы, перекрасить ее фасад, а на деле сохранить в подмандатных странах колониальные порядки. При разработке Устава ООН Советский Союз активно боролся за превращение международной опеки в такую систему международно-правового управления, которая направляла бы развитие этих стран по пути социально-экономического прогресса и независимости. На конференции в Сан-Франциско по предложению советской делегации в Устав ООН, вопреки сопротивлению колониальных держав, был включен пункт о независимости как одной из задач опеки.

Согласно Уставу ООН, державы-мандатарии должны были подготовить и представить на рассмотрение ООН проекты соглашений об опеке.

При обсуждении представленных проектов в Четвертом комитете и на пленарном заседании ООН 13 декабря 1946 г. развернулась острая дискуссия. Было рассмотрено 229 поправок, в том числе важные и принципиальные поправки Советского Союза.

Советский делегат выступил, в частности, против пункта, который гласил, что «управляющая власть имеет право управлять подопечной территорией как нераздельной частью собственных территорий». С мнением советской делегации согласился и пред-

ставитель Индии, сказав, что указанный пункт вызывает «подозрение в скрытом намерении аннексии»¹.

Делегация Советского Союза решительно возражала также против пунктов, предоставлявших державам-опекунам право строить на подопечных территориях военные базы, так как это являлось прямым нарушением Устава ООН².

Наконец, третья важная поправка Советского Союза касалась сроков опеки. Проекты обходили молчанием этот вопрос. Ни в одном из них не указывалось, когда будет прекращена опека. Это свидетельствовало о намерении их авторов отложить, вопреки Уставу ООН, до греческих календ вопрос о предоставлении независимости подопечным странам.

Большинство членов Четвертого комитета Генеральной Ассамблеи поддержало поправки Советского Союза, и они были приняты, несмотря на возражения держав-мандатариев — Англии, Франции и Бельгии, а также ряда других стран. Однако на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи империалистические державы пустили в ход «машину голосования» и отклонили эти поправки. Большинство голосов Генеральная Ассамблея одобрила 13 декабря 1946 г. соглашения о передаче Англии опеки над Танганьикой, частью Того и Камеруна, Франции — над другой частью Того и Камеруна, Бельгии — над Руанда-Урунди.

Ободренные этим решением, Англия, Франция и Бельгия стали открыто нарушать Устав ООН. Они установили в подопечных странах те же методы управления, что и в остальных своих колониях. Приняв в обход ООН некоторые административные меры, Англия и Бельгия даже «узаконили» превращение опекаемых ими стран в колонии. Танганьика была объединена с английскими колониями Кенией и Угандой, а Руанда-Урунди — с Бельгийским Конго. Такими действиями подрывались основы системы опеки. Однако, когда Советский Союз на III сессии Генеральной Ассамблеи указал на незаконность и недопустимость подобного произвола, колониальные державы вновь прибегли к «машине голосования» и отклонили советское предложение об отмене этого объединения.

Еще более ненормальное положение создалось при обсуждении вопроса о последней подмандатной территории в Африке — Юго-Западной Африке. В 1946—1947 гг. ООН дважды принимала решение о том, что на нее должен быть распространен режим опеки. Однако Южно-Африканский Союз, которому принадлежал мандат, игнорировал волю ООН и фактически аннексировал эту территорию. Чтобы придать аннексии «законный» характер, Юго-Западной Африке было предоставлено в апреле 1947 г. право представительства в парламенте Южно-Африканского Союза³. Правительство ЮАС не только отказывалось представить соглашение об опеке над Юго-Западной Африкой, но и требовало, чтобы ООН признала ее присоединение к ЮАС. На II сес-

¹ «Объединенные Нации. Официальные отчеты второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи. Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Стенографические отчеты. 23 октября — 16 декабря 1946 г.» Нью-Йорк, 1946, стр. 292.

² См. ст. 82—83 Устава ООН («Устав ООН и Статут Международного суда». М., 1945, стр. 32).

³ См. И. П. Ястребова. Южно-Африканский Союз после второй мировой войны. М., 1952, стр. 126.

сии Генеральной Ассамблеи (в 1947 г.) Советский Союз внес резолюцию об установлении опеки ООН над Юго-Западной Африкой. Однако Англия, США и другие империалистические державы воспротивились этому и тем самым способствовали экспансионистской политике правительства ЮАС.

В дальнейшем вопрос о статусе этой территории был передан на рассмотрение Международного суда, который в 1950 г. принял «соломоново» решение. С одной стороны, в нем подчеркивалось, что Южно-Африканский Союз не имеет права аннексировать Юго-Западную Африку. С другой стороны, суд отмечал, что установление опеки над ЮЗА возможно лишь по инициативе и с добровольного согласия ЮЗА. Не удивительно, что правительство ЮАС, организовав вскоре — в августе 1950 г. — фальсифицированные выборы, окончательно включило в состав ЮАС Юго-Западную Африку как пятую провинцию.

Таким образом, уже с первых лет установления международной опеки империалистические державы стремились использовать ее для сохранения прежнего колониального режима в подопечных странах. Кроме того, система опеки явилась возрождением старой тенденции долларового империализма к интернационализации колоний. Вашингтон рассчитывал взломать барьеры, установленные метрополиями, пользуясь тем, что сами они оказались в зависимости от США. Но американские империалисты не учли растущего сопротивления народов Африки колониальным порядкам, не учли борьбы сил социализма против всяких форм колониального угнетения.

2. Роль Африки в экономических и военно-политических планах империализма

Правительства и крупнейшие буржуазные партии Англии, Франции и других колониальных держав Европы, формулируя основы своей послевоенной политики, отводили Африканскому континенту важное место. И не удивительно. Под ударами национально-освободительного движения разваливались колониальные империи в Азии. Капиталистическая Европа переживала полосу серьезных экономических и политических затруднений. В поисках выхода она поворачивалась «лицом к Африке».

«После трагедий, происшедших в Азии, — писал журнал французских монополистов «Нувель ревю франсез д'Утр-мер», — сердце Европы неожиданно стало учащеннее биться при мысли о „черном континенте“»¹.

В марте 1948 г. лейбористы, находившиеся у власти в Англии, выступили с «планом лейбористской партии для Западной Европы». В этом документе значение Африканского континента для европейского империализма формулировалось так: «Полностью доказано, что Западная Европа не может существовать сама по себе, в качестве независимой экономической единицы. Подлинное уменьшение нашей зависимости от американских поставок связано главным образом с развитием колоссальных ресурсов Африканского континента. Но такое развитие зависит от тесного сотрудничества между державами, несущими ответственность в Африке».

¹ «Nouvelle revue française d'Outre-mer», février 1953.

Эту точку зрения разделяли также правящие круги Франции. Бывший генеральный резидент Франции в Тунисе Жан Мон писал: «Надо развивать Африку и надолго привязать ее к Европе для того, чтобы укрепить европейские позиции и облегчить развитие Африканского континента»¹.

С целью укрепить европейский империализм, «омолодить» его за счет разграбления естественных ресурсов Африки в Англии, Франции и других европейских метрополиях разрабатывались различные проекты.

В 1945 и 1950 гг. в Англии были изданы законы «о развитии и повышении благосостояния колоний». Дополнением к ним послужил принятый в 1948 г. закон «о развитии заморских ресурсов», который предусматривал создание Корпорации по развитию колоний и Заморской продовольственной корпорации.

Французское правительство также приняло в 1946 г. закон о разработке плана модернизации метрополии и заморских владений Франции. Этим занимались специально созданные Совет плана и Генеральный комиссариат плана.

От Англии и Франции не отставали другие европейские страны, имеющие колонии в Африке.

Вокруг империалистических проектов развития колоний буржуазная пропаганда подняла рекламную шумиху, маскируя их цели разглагольствованиями о стремлении метрополий покончить с голодом и нищетой в колониях, поднять их благосостояние, индустриализировать слаборазвитые страны и т. д.

Однако подлинное назначение этих проектов было совсем иным. Как в действительности относилась буржуазия метрополий к проблеме экономического развития колониальных владений? Заместитель британского министра колоний Рис-Вильямс так откровенно трактовал эту проблему: «В наши намерения, — писал он в марте 1949 г., — не входят попытки создать всюду маленькие Ланкаширы». Экономическая политика колонизаторов призвана была увековечить зависимость Африки от империализма, расширить масштабы ее ограбления. В этом не трудно убедиться, рассмотрев сами планы, методы и практику их осуществления.

Во-первых, по так называемым планам развития отпускались прямо-таки мизерные средства. По подсчетам Палм Датта, за 1946—1951 гг. ежегодно расходовалось 2 шиллинга 0,5 пенса на душу населения английских колоний².

Во-вторых, суммы, на деле израсходованные по этим планам, всегда оказывались значительно меньше, чем первоначально намечалось.

В-третьих, прибыли, выкачиваемые из колоний, во много раз превышали «щедрые» ассигнования метрополий. Например, валовой доход концерна «Юнилевер» и контролируемого им крупнейшего африканского треста «Юнайтед Африка компани» составил за один только 1950 г. 66 млн. ф. ст. — в 11—12 раз больше ежегодных расходов Англии по планам развития колоний.

В-четвертых, метрополии старались развивать в колониях отдельные отрасли добывающей промышленности, особенно добычу стратегического сырья, а также инфраструктуру. Такие планы, как «увеличение производства

¹ Цит. по кн.: *R. Laure. Le continent africain au milieu du siècle.* Paris, 1952, р. X.

² *П. Датт. Кризис Британии и Британской империи*, стр. 281.

продовольствия для значительного улучшения жизненных условий быстро растущего населения», «обеспечение занятости населения» и др., предназначались только для рекламы и оставались на бумаге.

Европейские колониальные державы усиливали эксплуатацию «черного континента» не только для того, чтобы выйти таким путем из экономических и политических трудностей, непосредственно порожденных второй мировой войной.

Для Западной Европы, вынужденной идти на серьезные уступки американцам, обладание богатыми колониями и прочными колониальными тылами в Африке должно было послужить серьезным козырем в империалистической борьбе с США. Африканские колонии стали как бы разменной монетой. В качестве платы за американскую помощь служило, помимо всего прочего, предоставление метрополией более широкого доступа в Африку американских капиталов и товаров и следовательно усилением там политического влияния США.

Систематическое проникновение империализма США в Африку началось еще в годы войны, особенно после высадки американских войск в Северной Африке (ноябрь 1942 г.). Экономическое и политическое влияние США укрепились и в Африке в целом, и во многих странах этого континента, прежде всего в Марокко, Бельгийском Конго, Южно-Африканском Союзе, во Французской Западной и Экваториальной Африке, в португальских владениях, в частности Мозамбике, в испанских колониях и т. д.

Начавшееся в годы войны наступление американского капитала на позиции Англии, Франции, Бельгии и других колониальных держав усилилось в послевоенный период, особенно после того, как Трумэн выдвинул программу «четвертого пункта» — так называемой «помощи отсталым районам мира в целях содействия их развитию»¹. Африканский континент стал одним из первостепенных объектов соперничества между США и другими колониальными державами.

Несмотря на соперничество европейских и американских империалистов, в одном их цели безусловно совпадали — огромную роль в их политике в Африке играла агрессивная стратегическая направленность против лагеря социализма, против революционного и национально-освободительного движения в колониальном мире.

Агрессивные силы США давно требовали включить атлантическое побережье Африки в сферу действия «доктрины Монро». Страны, расположенные на побережье континента, рассматривались как транзитные пункты переброски вооружения, товаров и т. д. из США. Были расширены и превращены в порты стратегического значения Дакар (Сенегал), Абиджан и Гран-Басса (Берег Слоновой Кости), Дуала (Камерун), Лагос (Нигерия) и др. Агенты военных ведомств метрополий шныряли по африканским странам, сколачивая карательные части из местного населения. Вербовщикам обманым путем удалось набрать тысячи африканцев. Во Вьетнаме, например, 60% французского экспедиционного корпуса составляли африканские солдаты.

¹ См. гл. XIV.

Расширялся экспорт капиталов в Африку. Частные американские инвестиции возросли со 130 млн. долл. в 1943 г. до 352 млн. долл. в 1950 г.¹ Особенно перспективными для больших капиталовложений американским монополиям казались французские владения, прежде всего Марокко, Алжир, Тунис. Ослабленный войной французский империализм не располагал достаточными капиталами и вынужден был идти на серьезные уступки.

Американский капитал пробивался прежде всего в отрасли горнодобывающей промышленности, в добычу цветных металлов: свинца, цинка, кобальта, марганца, вольфрама, а также месторождений бокситов, железной руды, промышленных алмазов. В ряде случаев ему было предоставлено право на вывоз в США всей добываемой продукции.

В африканских владениях Англии прямые инвестиции США достигали 41 млн. долл.² Америка, например, успешно вытесняла Англию из горнодобывающей промышленности Родезии.

В те годы, когда США угрожали всему миру атомным оружием, а разведанные запасы уранового сырья были еще невелики, особое значение для американского империализма имели урановые месторождения в Бельгийском Конго. Отсюда в Америку шла половина всего потребляемого ею урана. В 1945 г. американское правительство добилось права на вывоз в США почти всей конголезской урановой руды.

Экспансия в Африку заняла важное место в американских планах «глобальной стратегии». Она преследовала следующие основные цели: во-первых, США стремились создать там сеть мощных военно-воздушных и военно-морских баз, направленных против Советского Союза, превратить Африканский континент в огромный стратегический плацдарм и арсенал ресурсов, поставленный на службу агрессии; во-вторых, американские монополии хотели подорвать позиции своих империалистических конкурентов и укрепить собственные позиции в Африке; в-третьих, американский империализм ставил перед собой цель, сохранив колониальный режим в африканских странах, превратить Африку в опорную базу для подавления национально-освободительной борьбы в странах Азии, в частности на Ближнем Востоке.

В 1947 г. «Лайф» опубликовал статью, к которой прилагалась карта, где в границы будущей американской мировой империи был включен весь Африканский континент. Эти агрессивные устремления перекликались с идеями, изложенными в меморандуме Иельского института международных отношений, опубликованном в 1945 г. В меморандуме основной упор делался на Африку как военно-стратегический плацдарм для США и источник стратегического сырья для их военной промышленности. Особенно подчеркивалось стратегическое значение зоны Северной и Северо-Восточной Африки³. В ноябре 1948 г. военный министр ЮАС Пайл заявил в Лондоне, что «в случае войны Африка будет главной базой англо-американского блока для наступления на Европу»⁴. Бывший генерал-губернатор Алжира Нежлен, настойчиво обращая внимание империалистической военщины на Северную Африку, называл ее «первоклассной стратегической позицией».

¹ «Survey of Current Business», December 1952, p. 8.

² Ibidem.

³ S. Jones. Africa and American Security. New York, 1945.

⁴ Цит. по кн.: И. М. Лемин. Обострение кризиса Британской империи после второй мировой войны. М., 1951, стр. 365.

Взоры империалистов были прикованы прежде всего к огромному стратегическому треугольнику — району Северной и Восточной Африки с центром в Суэце. Еще в годы войны, высадившись в Марокко, американские войска прочно обосновались в Кенитре (Порт-Лиоте), превратив ее в крупную военно-морскую базу.

На другом конце треугольника вели лихорадочные работы правящие круги Англии. Вскоре после окончания войны они ассигновали огромную сумму на строительство крупной базы в районе железнодорожной станции Мэккинон-Роуд. В странах Восточной Африки был построен ряд портов и аэродромов, предназначенных для приема реактивных самолетов и бомбардировщиков дальнего действия. Одновременно прокладывались железные дороги и автострасы, чтобы соединить важнейшие стратегические пункты Восточной Африки друг с другом.

3. Маневры колонизаторов и национально-освободительное движение народов Африки

Африканские народы внесли свой вклад в разгром гитлеровского фашизма. Десятки тысяч африканцев сражались на фронтах второй мировой войны, отстаивая дело свободолюбивых народов, входивших в антигитлеровскую коалицию. Народы Африки верили и надеялись, что победа над фашизмом принесет им избавление от империалистической кабалы. Однако этого не произошло.

Империалистические державы стремились оградить Африку от революционных потрясений, не допустить распространения освободительных веяний в африканских странах, сохранить там колониальный режим.

Колониальная политика метрополий в Африке в послевоенные годы определялась в зависимости от конкретных условий каждой африканской страны, от степени развития национально-освободительного движения.

В Южно-Африканском Союзе эта политика основывалась на открытом применении фашистских методов расовой дискриминации подавляющего большинства африканского населения со стороны белого меньшинства. Примерно такую же политику вели английские колониальные власти в Британской Восточной и Центральной Африке. А в своих западноафриканских колониях они применяли другую тактику — тактику административно-политических реформ. В 1949—1950 гг. была разработана конституция Золотого Берега. Нигерии за послевоенное пятилетие была даже дважды «пожалована» конституция: в 1947 и в 1950 гг. Так создавалась видимость «прогресса» этих стран в сторону самоуправления.

Политику реформ взяли на вооружение и французские империалисты. Особенно широко они применяли ее в своих североафриканских, а также западноафриканских владениях. В сентябре 1947 г. был провозглашен новый

«Органический статут Алжира»¹. Формально ему было предоставлено некоторое самоуправление в лице Алжирской Ассамблеи. Однако по-прежнему вся полнота власти сохранялась в руках французского генерал-губернатора.

В Тунисе и Марокко реформаторская деятельность французского империализма сначала также свелась к формальным изменениям в системе местных административных учреждений. В Тунисе в 1947 г. был даже создан «совет министров», однако никаких прав это странное «правительство» не имело. При осуществлении реформ неизменно подчеркивалось, что основой взаимоотношений Франции с Тунисом и Марокко остаются договоры о протекторате, т. е. система колониального управления.

Согласно реформам, проведенным в первые послевоенные годы во Французской Западной Африке, каждой территории предоставлялось право иметь свой статут в соответствии с ее собственными интересами и с интересами Франции. Однако это право осталось на бумаге. Были учреждены также выборные органы — так называемые генеральные советы или территориальные собрания. Но поскольку вся власть принадлежала губернаторам, эти учреждения не могли влиять на политику².

Во всех африканских колониях политика реформ преследовала одну и ту же цель: сохранить прежние колониальные порядки под прикрытием формальных изменений в системе колониального управления. Но даже на эти частичные, подчас иллюзорные изменения в своей колониальной политике империалистические державы шли не добровольно, а под натиском африканских народов. Так, провозглашению конституций Нигерии и Золотого Берега непосредственно предшествовали массовые волнения и демонстрации против колониального режима в 1948—1949 гг. Маневры французского империализма в Северной Африке были связаны с бурным послевоенным подъемом национально-освободительного движения в этом районе.

Колонизаторов подгоняли также события в Азии. Колониальная политика Франции в Африке во многом определялась ее поражениями в Индокитае. Втянув страну в «грязную войну» и боясь, что примеру народов Индокитая последуют народы африканских колоний, особенно Алжира, Туниса и Марокко, французские империалисты шли на маневры и реформы в целях обмана народных масс.

На международной арене Советский Союз активно разоблачал империалистических колонизаторов и выступал в защиту национально-освободительного движения народов угнетенных стран. Вот почему империалистам все труднее становилось проводить старую политику откровенного разбоя и насилия в колониях.

Проводя реформы, колониальные державы стремились создать впечатление, будто империализм и колониализм уходят в прошлое. Такая политика реформ и империалистических маневров могла лишь оттянуть, но не предотвратить крах колониаль-

¹ Текст статута см. в кн.: *К. и Ф. Жансон. Алжир вне закона*. Перев. с франц. М., 1957, стр. 311—328.

² См. *Г. Е. Скоров. Французский империализм в Западной Африке*. М., 1956, стр. 161.

ных режимов. Африканские народы пробуждались и включались в борьбу за свое национальное освобождение. Уровень их национально-освободительного движения был неодинаковым. В одних странах (португальские и бельгийские колонии, английские владения в Восточной Африке, французские колонии в Экваториальной Африке) делались только первые политические шаги. В других (Гвинея, Гана, Нигерия, некоторые другие страны Западной Африки) в первые послевоенные годы движение не выходило за рамки весьма умеренных требований. Зато в третьих (североафриканские страны) на повестку дня уже был поставлен вопрос о предоставлении независимости. В ряде африканских стран национально-освободительное движение в те годы находилось накануне перерастания в вооруженную борьбу с колонизаторами.

Чем определялись различия в уровне движения по отдельным районам и странам Африки? В Северной Африке (Алжир, Тунис и Марокко) завершался процесс формирования наций, появилась и развивалась местная национальная буржуазия, стремившаяся к самостоятельной экономической и политической деятельности. Там уже выросли сравнительно крупные отряды пролетариата; на их формировании и росте классовой сознательности благотворно сказались связи с французским рабочим классом. Большое влияние на социально-экономическое и политическое развитие этого района Африки, ставшего непосредственной ареной военных действий, оказали вторая мировая война и ее антифашистские цели. Наконец, следует отметить тесную связь народов Северной Африки с родственными народами Арабского Востока. Идеи арабского национально-освободительного движения, наиболее развитыми центрами которого были Сирия и Египет, проникали в страны Арабского Запада — Алжир, Тунис и Марокко.

Иным было положение в районах Африки южнее Сахары. Здесь все еще сохранялась племенная раздробленность. Процесс формирования наций только начинался. Местной буржуазии либо не было вообще, либо она была очень слаба. Если в Северной Африке капиталистические отношения серьезно развивались не только в городе, но и в деревне, то южнее Сахары они только пробивали себе путь. Господствовали феодальные и патриархально-общинные отношения. Национально-освободительное движение тормозилось и тем, что, кроме Южно-Африканского Союза, ни в одной из африканских стран южнее Сахары не было коммунистических партий.

В мае 1945 г. волна антиимпериалистических выступлений пронеслась по всему Алжиру. Напуганные мощным подъемом движения, колониальные власти решили одним ударом разгромить его. Жертвами жестокой расправы с народом — кровавых репрессий в день окончания войны (8 мая) — оказалось 45 тыс. алжирцев. День победы стал днем национального траура алжирского народа. Даже ярый апологет французского империализма буржуазный ученый Анри Беназе писал, что то были «свирепые, беспощадные и поистине

бесчеловечные по своей безрассудности» репрессии¹. Полицейская расправа нанесла серьезный удар национально-освободительному движению в Алжире. Однако вскоре оно вновь усиливается, особенно в конце 1947 г. На провозглашение нового статута Алжира алжирский пролетариат ответил мощными забастовками, требуя подлинно демократических преобразований. В последующие годы стачечная борьба нарастала. В Алжире происходили стачки, демонстрации протеста против произвола колонизаторов и другие политические выступления. Наиболее крупной из них была 100-дневная забастовка горняков в конце 1948 — начале 1949 гг.

Ширилось национально-освободительное движение в двух других североафриканских странах — Тунисе и Марокко. Французская политика навязывания реформ, не затрагивавших устои режима протектората, вызывала растущее недовольство и сопротивление широких масс. В Марокко в борьбу включалась также часть феодалов во главе с «крамольным» султаном Мохаммедом бен Юсефом.

Менее зрелым, чем в Северной Африке, было национально-освободительное движение во Французской Западной и Экваториальной Африке.

В английских владениях в Африке борьба против колониального гнета широко развернулась в Британской Западной Африке, особенно на Золотом Береге и в Нигерии. За время войны и после ее окончания в этих странах произошли серьезные классовые и политические сдвиги: местный пролетариат численно возрос и стал активной силой национально-освободительного движения, укрепилась национальная буржуазия, а позиции феодальной верхушки, составлявшей социальную опору английского империализма, были значительно подорваны. Наиболее влиятельной на Золотом Береге стала созданная в 1947 г. буржуазно-националистическая партия «Объединенная конвенция Золотого Берега». В Нигерии такой силой оказался «Национальный совет Нигерии и Камеруна» — широкая организация типа национального фронта, возглавленная Азикиве.

В исключительно трудных условиях развивалось движение против колониального и расового угнетения в Южно-Африканском Союзе. Правящие круги превратили ЮАС в огромный концентрационный лагерь, где томилось неевропейское население. Однако, несмотря на террор, разгул реакции, расовую вражду и подавление демократии, послевоенный подъем национально-освободительной борьбы коснулся также и ЮАС. Крупнейшими политическими организациями южноафриканского населения являлись Африканский национальный конгресс (АНК) и коммунистическая партия. Интересы индийского населения представлял Южноафриканский индийский конгресс (ЮАИК). Велика была роль профсоюзов, в частности Южноафриканского совета профсоюзов, объединявшего несколько десятков тысяч трудящихся. Эти организации мужественно боролись против реакции, фашистского террора и апартеида.

В Бельгийском Конго в 1945—1949 гг. неоднократно вспыхивали крестьянские волнения. Ширилось рабочее движение.

¹ *H. Benazet. L'Afrique française en danger. Paris, 1947, p. 57.*

В 1945 г. портовые рабочие Матади объявили всеобщую забастовку, вылившуюся в вооруженные столкновения с полицией и войсками. Конголезскому пролетариату удалось в 1946 г. завоевать право на организацию национальных профсоюзов. Рабочее движение, в ходе которого выдвигались новые, более зрелые политические и экономические требования, значительно выросло к 1949 г.¹

В первое пятилетие после окончания второй мировой войны национально-освободительное движение в той или иной степени охватило весь Африканский континент. Попытки империалистов «политикой кнута и пряника» подавить борьбу народов Африки провалились. Колониальным державам не удавалось изолировать африканские страны от революционных освободительных веяний. Многострадальные народы «черного континента» пробуждались, требовали коренных изменений в своей судьбе, добились успехов в антиимпериалистической борьбе. Опираясь на поддержку прогрессивных сил, на поддержку социалистического лагеря, они стремились покончить с ненавистным колониальным режимом, завоевать национальную независимость.

И хотя в тот период народы Африки еще не выступили на международной арене в качестве самостоятельной силы, их антиимпериалистическая борьба имела огромное потенциальное значение для международных отношений. Не случайно уже в начале 50-х годов первые освободившиеся страны Африканского континента стали проводить внешнюю политику, направленную против колониализма, против сколачивания агрессивных военных блоков. Эта тенденция во внешней политике молодых государств Африки получила свое дальнейшее развитие с увеличением количества независимых государств, с увеличением их веса в мировой политике.

ГЛАВА XII

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

В 1945—1949 гг.

1. Последствия второй мировой войны для латиноамериканских стран

Вторая мировая война привела к резкому ослаблению экономических связей Латинской Америки с капиталистическими странами Европы, и прежде всего с Англией, занимавшей сильные позиции во многих латиноамериканских странах. США, наоборот, расширили свое экономическое проникновение в Латинскую Америку. Вместе с тем за годы войны, несомненно,

¹ См. В. А. Мартынов. Конго под гнетом империализма. М., 1960.

усилился национальный капитал. В период 1945—1947 гг. в Аргентине, Бразилии, Мексике и Чили промышленное производство возросло примерно на 50% по сравнению с 1937 г., а в менее развитых странах — на 30%¹.

Фактически в годы второй мировой войны и была заложена основа современной черной металлургии в Мексике, Бразилии, Чили, Аргентине. Значительно увеличилось производство в текстильной (хлопчатобумажной) промышленности. Быстрыми темпами развивались и различные отрасли пищевой промышленности.

Расширились торговые связи между латиноамериканскими странами. Мексика, Колумбия, Бразилия стали за годы второй мировой войны поставщиками хлопчатобумажной продукции на рынки латиноамериканских стран. Проявились тенденции к взаимному сотрудничеству, к выработке совместных планов экономического развития для защиты национальной независимости.

Большое значение для Латинской Америки имели проведенные еще до войны правительством Мексики антиимпериалистические и антифеодалные преобразования, которые способствовали популяризации в странах Латинской Америки идей создания государственного сектора, защиты национальной промышленности от иностранной конкуренции.

Монополии США, стремясь воспрепятствовать самостоятельному промышленному развитию южных соседей, поощряли распространение «теории», будто рост национальной промышленности в Латинской Америке, расширение государственного сектора носят искусственный, конъюнктурный характер и якобы положение коренным образом изменится после войны. Они выдвинули тезис о необходимости для Латинской Америки вернуться после окончания войны к «принципам международного разделения труда», иными словами, отказать от независимого экономического развития. Вот почему основной «вклад» капитала США в экономику Латинской Америки заключался только в расширении ее добывающей промышленности. Эти монополисты упрекали правительство Ф. Рузвельта за «мягкость», «либерализм», «нерешительность» в отношении латиноамериканских народов, требующих освобождения своей экономики; они уверяли, что именно политика «добраго соседа» поощряет латиноамериканцев в их действиях против капитала США².

К концу войны отчетливо определились две противоборствующие тенденции: стремление империализма США воспрепятствовать самостоятельному экономическому и политическому развитию Латинской Америки и борьба латиноамериканских народов за независимость. Они в сильнейшей степени влияли на развитие послевоенных международных отношений Латинской Америки.

Наряду с экономическими изменениями важные процессы происходили и в политической жизни Латинской Америки. Государства этого континента фактически не участвовали в войне. Правда, все они к 1945 г. объявили войну фашистским державам или разорвали с ними дипломатические отношения, но в большинстве случаев это было только формальным актом. Незначительными силами участвовали в войне Бразилия (экспедиционный корпус в Италии) и Мексика (авиационное соединение

¹ «Economic Survey of Latin America. Prepared by the Secretariat of the Economic Commission for Latin America». New York. 1949, p. XVII.

² F. Behrendt. Economic Nationalism in Latin America. Albuquerque, 1941, p. 15.

на Филиппинах). Большинство же стран Латинской Америки ограничилось поставкой сырья Соединенным Штатам или же предоставлением им военных баз.

В немалой степени такая инертная позиция большинства латиноамериканских стран в войне объяснялась воздействием США. Империалистические круги США предпочитали, чтобы латиноамериканские страны находились лишь в состоянии «символической» войны с фашизмом. Они боялись, как бы активное участие народных масс в войне против фашизма не переросло в борьбу за демократическое освобождение, за социальную справедливость.

Опасаясь антифашистских настроений масс, диктаторы ряда латиноамериканских государств спешно перекрашивали фасады своих режимов, заявляли о своей приверженности к «демократическим институтам и свободе». С подобными декларациями выступали диктаторы Сомоса (Никарагуа), Трухильо (Доминиканская Республика), Убико (Гватемала), Кариас (Гондурас), Мартинес (Сальвадор), Мориниго (Парагвай) и др. Тем временем США под предлогом «помощи» союзникам по войне снабжали их вооружением (поставки шли по ленд-лизу), которое использовалось для поддержания реакционных режимов.

Однако народные массы Латинской Америки, стремясь к действительной, а не к показной борьбе против фашизма, стали добиваться демократических и социальных преобразований. Их борьба стимулировалась великими победами Советского Союза над фашизмом, подъемом национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах Азии. Для политической обстановки в Латинской Америке характерным в ту пору был огромный рост симпатий и дружелюбия народных масс к Советскому Союзу. Правительства ряда государств были вынуждены учесть эти настроения. Из 20 латиноамериканских стран 13 установили дипломатические отношения с Советским Союзом¹.

Под натиском демократического движения рухнули некоторые опекаемые империалистами США диктаторские режимы. В декабре 1943 г. в Боливии было свергнуто реакционное правительство генерала Энрике Пеньяранда. В мае 1944 г. восставшие народные массы Эквадора свергли диктаторский режим Арройо дель Рио. В новое правительство, сформированное Веласко Ибарра в августе того же года, вошли представители коммунистической и социалистической партий. Бурлил ближайший тыл Соединенных Штатов — Центральная Америка. Всеобщая политическая забастовка в Сальвадоре привела весной 1944 г. к изгнанию диктатора Мартинеса, одного из самых жестоких и ненавистных ставленников помещичьей олигархии и монополий США. Народные массы выступали против диктаторских режимов в Гондурасе и Никарагуа.

Героическую страницу вписали в историю освободительной борьбы гватемальские патриоты. В июле 1944 г. в результате всеобщей забастовки отказался от власти диктатор Убико, долгие годы тиравивший страну. Пришедшая ему на смену военная хунта во главе с генералом Фредерико Понсе пыталась утопить в крови народное движение. Тогда в едином фронте против реакции сплотились трудящиеся, студенчество, прогрессивная интеллигенция, демократически настроенные армейские круги; они одержали победу в ожесточенных боях с войсками военной хунты. Октябрь 1944 г., когда восторжествовали демократические силы, стал переломным этапом в развитии Гватемалы. Был установлен буржуазно-демократический режим. В конце 1944 г.

¹ См. С. А. Гонионский. Латинская Америка и США. 1939—1959. Очерки истории дипломатических отношений. М., 1960, стр. 137.

прошли первые всеобщие выборы. Пост президента занял видный демократический деятель Хосе Аревало; он провел ряд социально-экономических преобразований.

В Чили осенью 1946 г. было сформировано новое правительство, в состав которого вошли трое коммунистов. Благодаря неутомимой деятельности и принципиальности коммунистической партии в Чили удалось создать единый фронт левых партий (коммунистической, радикальной и демократической). Выросло влияние передовых сил и в Бразилии; в итоге парламентских выборов (декабрь 1945 г.) коммунисты получили 14 мест в палате депутатов и одно место в сенате. Определенных успехов добились демократические силы в Перу, Венесуэле, на Кубе.

Усилилась роль рабочего класса в Латинской Америке: за годы второй мировой войны он не только вырос численно, но — что самое главное — и упрочил свое единство, организационно окреп. Во многих латиноамериканских странах трудящиеся массы добились права создавать профсоюзы. Усилилось влияние Конфедерации трудящихся Латинской Америки (КТЛА), объединившей профсоюзы различного направления. КТЛА, созданная в сентябре 1938 г., вовлекала трудящихся в борьбу за свободное, независимое развитие латиноамериканских стран, против господства империализма. В декабре 1944 г. конгресс КТЛА, созванный в городе Кали (Колумбия), выработал программу деятельности трудящихся Латинской Америки на послевоенный период. КТЛА призвала бороться за достижение полной политической и экономической независимости латиноамериканских стран и разработала программу глубоких социально-экономических преобразований.

Рост демократического движения помог крестьянству, и прежде всего батракам, добиться права на создание своих объединений и профсоюзов. Постепенно расширялись объективные возможности налаживания сотрудничества рабочих с крестьянством. В политическую деятельность включились и ранее малоактивные мелкобуржуазные слои (ремесленники, мелкие торговцы).

В ряде стран (Боливия, Венесуэла, Парагвай, Куба) возникли новые политические партии, отражавшие в основном интересы мелкобуржуазных слоев населения. Демократические силы влияли и на политику старых «традиционных» политических партий, например либеральной партии Колумбии, где в первые послевоенные годы усилилось левое, так называемое «гаитанистское» крыло (по имени его лидера Хорхе Элиесера Гаитана).

Пробуждение ранее пассивных слоев латиноамериканского населения открывало перспективы для расширения освободительного фронта. Вместе с тем выход на арену активной политической борьбы этих слоев со всеми их предрассудками и иллюзиями имел и теневые стороны. Используя тягу народов к социальной справедливости и свободе, мелкобуржуазные и буржуазные национал-реформистские политики сеяли в массах иллюзии о мнимом окончании эры империалистического господства, принципиальном изменении политики монополистических кругов США.

Главную опору империализма по-прежнему составляли буржуазно-помещичьи круги и реакционная военщина латиноамериканских стран. Они все еще сохраняли сильные позиции в экономической и политической жизни, выжидая только удобного момента, чтобы перейти в наступление.

Политика «доброго соседа» уже не отвечала интересам крайне агрессивных кругов монополистического капитала США. Они ориентировались на более жесткую политику по отношению к Латинской Америке.

2. Конференции в Мехико и Сан-Франциско и позиция США

На межамериканской конференции по вопросам войны и мира (проходившей в столице Мексики — городе Мехико 21 февраля — 8 марта 1945 г.) правящие круги США откровенно разъяснили свою «новую» политику в отношении латиноамериканских стран. Тон на конференции задавал заместитель государственного секретаря Уильям Клейтон. Центральная идея его выступления 27 февраля сводилась, по существу, к обоснованию активного продолжения политики «открытых дверей». Клейтон заявил, что наступила эпоха «взаимозависимости» стран Американского континента, что пора покончить с «экономическим национализмом»¹. Он призывал устранить таможенные барьеры, отказаться от государственного вмешательства в экономику.

«План Клейтона» был программой срыва всех попыток стран Латинской Америки продвинуться по пути экономической независимости². Такой была экономическая основа «панамериканской солидарности», о которой столь красноречиво говорили на конференции представители Соединенных Штатов.

Ряд делегаций — Колумбии, Уругвая, Чили и некоторые другие — выступили против основных положений «плана». Представители латиноамериканских стран отказывались ликвидировать таможенные тарифы, ввести свободный обменный курс валюты, на чем настаивала делегация США.

Эти противоречия отразились в «экономической хартии», принятой на конференции. Вместо предложения США «уничтожить экономический национализм во всех его формах» хартия ограничилась только пожеланием устранить «эксцессы экономического национализма». При этом делалось весьма характерное добавление: «...включая... и демпинг излишков национальной продукции на мировых рынках», что было явно направлено против линии монополий США. Предложение США рекомендовать латиноамериканским странам «воздержаться от создания государственных предприятий в области торговли» было изъято в окончательной редакции хартии³.

Все же представители США, оказывая нажим на латиноамериканские делегации, протащили многие положения «плана Клейтона» в резолюцию

¹ «Documents on American Foreign Relations», vol. VII (July 1944 — June 1945). Boston, 1947, p. 707—708.

² Клейтон не был первым, выдвинувшим такую программу. В январе 1945 г. Нельсон Рокфеллер, вступая на пост председателя межамериканского финансового и экономического совещательного комитета заявил, что латиноамериканским странам следует отказаться от государственного контроля над экономической жизнью, начать «свободную торговлю», открыть свободный доступ к сырью и т. д. Таким образом, «план Клейтона» отражал интересы наиболее влиятельных группировок монополистического капитала США («Documents on American Foreign Relations», vol. VII (July 1944 — June 1945), p. 760—761).

³ Этот вопрос имел немаловажное значение для латиноамериканских стран, которые стремились путем создания собственного торгового флота положить конец своей зависимости от США. Как раз в то время шли переговоры между Венесуэлой, Колумбией и Эквадором о создании единого торгового флота, так называемого «флота Великой Колумбии».

конференции: предоставление «равных возможностей» национальным и иностранным капиталам, стимулирование частного предпринимательства и т. д. Хартия высказывалась против сковывания «частной инициативы», против государственного вмешательства. Все это маскировалось громкими фразами о «солидарности», о «равноправных» отношениях.

В Латинской Америке «экономическую хартию» и ее основу — «план Клейтона» резко критиковали самые различные круги населения. Даже Палата обрабатывающей промышленности Мексики — основное объединение мексиканской национальной буржуазии — назвала «план Клейтона» планом мирового господства США, в котором США отводилась роль страны — метрополии, а остальным странам — сателлитов¹.

Экономические проблемы не были главным содержанием повестки дня конференции. На первый план были выдвинуты проблемы создания военного, якобы «оборонительного» блока стран Американского континента, а также преобразования Пан-американского союза. Принятие Чапультепекского акта (назван по месту его подписания в Чапультепекском дворце в Мехико) было первым шагом на пути укрепления военного сотрудничества стран Американского континента. Этот документ предусматривал совместное использование вооруженных сил и рекомендовал американским странам заключить «соглашение по оказанию взаимопомощи для отпора нападению»².

Создавалось парадоксальное положение: вторая мировая война близилась к концу и фашизм уже находился на краю гибели, а США сколачивали на конференции военный союз стран Западного полушария. Чапультепекский акт под видом «региональной обороны» закладывал основы антидемократического, антикоммунистического блока реакционных верхов Западного полушария, был направлен против национально-освободительного движения латиноамериканских народов.

Правда, империалисты США до поры до времени не раскрывали полностью своих карт, предпочитали держаться в тени, предоставив действовать на авансцене некоторым латиноамериканским представителям.

Суть решений конференции заключалась не только в теоретическом оправдании «регионализма», но и в практической подготовке к реорганизации Панамериканского союза³. США настойчиво требовали скорейшего «укрепления» панамериканской

¹ R. F. Behrendt. Inter — American Economic Relations. Problems and Prospects. New York, 1948, p. 69.

² «Documents on American Foreign Relations», vol. VII. (July 1944 — June 1945), p. 720.

³ Панамериканский союз был создан в 1889 г. В момент первой панамериканской конференции он назывался «Союз американских республик для поощрения торговли, дружбы и мира», а в 1910 г. был переименован в Панамериканский союз.

системы. Настаивая на реорганизации Панамериканского союза, они рассчитывали еще больше укрепить свое влияние на континенте. Решения, принятые в Мехико, давали США оружие для еще более активного вмешательства в дела латиноамериканских стран.

На конференции по созданию ООН в Сан-Франциско (апрель 1945 г.) США, опираясь на поддержку латиноамериканских государств, стремились добиться одобрения чапультепекских резолюций. Естественно, что при этом встал и вопрос о правомерности существования межамериканской организации. Делегаты Вашингтона, настаивая на включении статей о «регионализме» в Устав ООН, утверждали, будто он ущемляет права «малых» стран, не считается с традициями государств Западного полушария. Дипломатия США стремилась противопоставить Совету Безопасности и принципу единогласия великих держав в ООН блок латиноамериканских стран под своей гегемонией.

Представители США — Артур Ванденберг, Нельсон Рокфеллер, Джон Фостер Даллес — хотели, чтобы страны Западного полушария руководствовались не столько принципами ООН, сколько «доктриной Монро».

Более дальновидные политические деятели США выступили против такого курса. Например, бывший ответственный сотрудник государственного департамента при Ф. Рузвельте, специалист по латиноамериканским проблемам Лоуренс Даггэн подчеркивал, что политика региональных блоков подрывает ООН. Даггэн честно и объективно признавал, что стремление США строить межамериканскую систему на разжигании антисоветских настроений грозит катастрофически ухудшить взаимоотношения США с Советским Союзом, тогда как сотрудничество «между двумя сильнейшими державами земного шара — самое жизненно важное условие всеобщего мира»¹.

После конференции в Сан-Франциско империалисты США, опираясь на реакционеров внутри латиноамериканских стран, стали усиленно навязывать свои агрессивные планы Латинской Америке.

3. Создание военно-политического блока стран Западного полушария

Важное место в проведении послевоенной латиноамериканской политики США занял так называемый «план Трумэна», предложенный в послании президента конгрессу 6 мая 1946 г. Это была программа военного сотрудничества США с Латинской Америкой. Она включала следующие пункты: 1. Сотрудничество сухопутных и морских сил посредством создания единой армии от Антарктики до Аляски. 2. Единая система военного обучения и структура всех вооруженных сил. 3. Стандартизация

¹ L. Duggan. The Americas. The Search for Hemisphere Security. New York, 1949, p. 119, 122. Когда началась антикоммунистическая истерия, «охота за ведьмами», Даггэна обвинили в «коммунизме», вызвали в «комиссию по расследованию антиамериканской деятельности». Не выдержав травли, Даггэн покончил жизнь самоубийством.

военного снаряжения и вооружения всех двадцати латиноамериканских республик по североамериканскому образцу и поставка вооружения Соединенными Штатами. 4. Использование людских ресурсов латиноамериканских стран для военного строительства и выполнения военно-стратегических задач США. 5. Перепись населения латиноамериканских стран в соответствии с потребностями военного характера.

«План Трумэна» ставил своей целью всеобъемлющее подчинение стран Латинской Америки, превращение этих стран в придаток экономики США. Теоретическим «обоснованием» подобных планов служили геополитические концепции о «естественном» взаимном дополнении Соединенных Штатов и стран Латинской Америки, об «экономике большого пространства».

«План Трумэна, — пишет Родней Арисменди, — это часть более крупного предприятия, той реакционной утопии, которая имеет целью навязать миру «век Америки». Данное обстоятельство не только не уменьшает, а, наоборот, делает еще более серьезной угрозу порабощения для тех стран, которые предназначены стать «хинтерландом» для мировой гегемонии Уолл-стрита»¹.

Политика милитаристов США активизировала реакционную военщину в латиноамериканских странах, усиливала ее вмешательство в политическую жизнь. Основное заключалось даже не в ставке на латиноамериканские армии, а в том, чтобы превратить эти страны в важные опорные пункты господства США. В Вашингтоне, конечно, понимали, что военный потенциал латиноамериканских стран весьма мал и они не смогут играть какой-либо заметной роли в случае войны против СССР. Главное заключалось в том, чтобы подготовить почву для прихода правительств-жандармов к власти в Латинской Америке. «Цели военных программ США в Латинской Америке имеют прежде всего политический характер, хотя было признано более целесообразным придать им внешне скорее военную форму, чем политическую»², — признает американский социолог Эдвин Льювен в своей книге «Армия и политика в Латинской Америке».

Лоуренс Даггэн с тревогой писал, что снабжение стран Латинской Америки оружием может привести к захвату власти военной кастой, которая уничтожит демократические свободы. «Пентагону все равно, с каким режимом сотрудничать, — отмечал Даггэн, — лишь бы этот режим поддерживал его планы»³.

С критикой «плана Трумэна» выступили не только трудящиеся, в частности их организация КТЛА, но и представители различных буржуазных кругов. Бывший президент Колумбии Эдуардо Сантос, известный ранее своей симпатией к Соединенным Штатам, указал, что «план Трумэна» подрывает национальный суверенитет латиноамериканских стран и независимость их внешней политики, навязывает гонку вооружения, ведет к росту налогов и снижению жизненного уровня населения⁴. Даже правительства некоторых стран Латинской Америки начали пони-

¹ Р. Арисменди. Вторжение доллара в Латинскую Америку. Перев. с исп. М., 1948, стр. 39.

² E. Liewen. Arms and Politics in Latin America. New York, 1960, p. 218.

³ L. Duggan. The Americas. The Search for Hemisphere Security, p. 187.

⁴ A. P. Whitaker. The United States and South America. The Northern Republic, p. 248.

мать, что безоговорочная поддержка курса США может завлечь их слишком далеко и нанесет непоправимый ущерб.

Отказ следовать диктату северного соседа вызвал конфликт между правительством США и правительством Перона в Аргентине. США стремились заставить аргентинское правительство отказаться от более или менее самостоятельного курса, противоречившего в определенных аспектах их политике, и хотели повторить то, чего смогли ранее добиться в Бразилии¹.

Хуан Перон — представитель националистически настроенной военщины — пришел к власти в 1946 г. Его режим был разновидностью бонапартистской диктатуры. Перон пытался играть на противоречиях между различными социальными силами внутри страны, стремился обеспечить своему режиму более широкую социальную базу. Правительство Перона заигрывало с трудящими, со средними слоями. Оно использовало для своего укрепления недовольство народных масс и национальной буржуазии политикой земельно-финансовой олигархии. Перон и его сторонники обещали защищать национальный суверенитет от иностранного вмешательства.

Режим Перона, особенно в первый период, в известной степени отражал националистические настроения различных слоев населения и прежде всего буржуазии. Правительство Перона выражало стремление добиться «экономической независимости» страны², развивать торговые и экономические отношения со всеми странами. На межамериканских совещаниях представители Аргентины не раз выступали против замысла Соединенных Штатов полностью подчинить своим интересам латиноамериканские страны, в том числе и в военной сфере. Подобные заявления и действия аргентинских руководителей вызывали недовольство в Вашингтоне, резкие нападки на Перона, прямой нажим на аргентинское правительство. В то же время империалисты США старались всячески вовлечь Аргентину — одну из крупнейших стран Латинской Америки — в свои военные планы, обеспечить ее участие в намечавшейся конференции стран Американского континента в Рио-де-Жанейро для подписания военного соглашения.

Конференция в Рио-де-Жанейро (15 августа — 2 сентября 1947 г.) носила громкое название «Межамериканской конференции по поддержанию мира и безопасности на континенте». Она была созвана — после неоднократных оттяжек — в соответствии с решением конференции министров иностранных дел в Мехико (1945 г.).

Межамериканский договор о взаимной помощи (иногда называемый договором «об обороне Западного полушария»), подписанный в Рио-де-Жанейро 2 сентября 1947 г., свидетельствовал о том, что правительству США удалось навязать Латинской Америке свои политические и стратегические планы.

Основные статьи договора достаточно ясно показывали, что же скрывалось за словами об «обороне» Западного полушария. Взять, например, ст. 4

¹ В 1945 г. в Бразилии был свергнут президент Варгас, пытавшийся в известной степени проводить националистическую политику. К власти пришла проамериканская военная группировка во главе с генералом Дутра. Активную роль в перевороте играл американский посол в Бразилии Адольф Берли, открыто выступавший против политики Варгаса.

² 9 июля 1947 г. Перон подписал в городе Тукумане так называемую «Декларацию экономической независимости». В ней выдвигались требования, которые отражали настроения националистических кругов.

договора, где определялась «зона безопасности» полушария. Западная граница зоны проходит через Северный полюс, Берингов пролив, по Тихому океану (примерно в 1200 милях западнее Панамского канала) и через Южный полюс. На востоке граница проходит по восточному берегу Гренландии, по Атлантическому океану, к Южному полюсу. В «зону безопасности» включены Аляска и Гренландия, Канада, территория Арктики и Антарктики. В пределах этой огромной зоны страны Западного полушария должны были оказывать друг другу «взаимопомощь» в случае «агрессии»¹. Под агрессией договор подразумевал не только вооруженное нападение извне, но и те действия внутри Американского континента, которые ставят под угрозу «суверенитет или политическую безопасность какого-либо американского государства» (ст. 6). Эту статью, узаконивающую экспорт контрреволюции, использовало правительство США на X межамериканской конференции в Каракасе в 1954 г. для организации агрессии против гватемальского народа.

Вольное толкование понятия «агрессия» превращало договор об «обороне» в орудие закабаления Латинской Америки, подавления национально-освободительного движения ее народов.

Договор в Рио-де-Жанейро имел также агрессивную антисоветскую направленность. Он еще раз показал стремление верхушки США проводить политику, препятствующую нормальной деятельности ООН, ведущую к созданию военно-политических блоков. Выступая в сенате 4 сентября 1947 г., сенатор Ванденберг называл договор в Рио-де-Жанейро образцом для других подобных договоров. И действительно, в дальнейшем он послужил «образцом» для агрессивного Североатлантического пакта и других империалистических соглашений².

Дипломатический успех США в Рио-де-Жанейро, достигнутый в результате прямого нажима на латиноамериканские страны, был весьма относительным. США удалось лишь приглушить острые противоречия с этими странами, но не устранить их.

4. Обострение экономических и политических противоречий в Латинской Америке

В первые послевоенные годы экономическое положение латиноамериканских стран ухудшилось. Сравнительно большие валютные запасы, накопленные за годы войны, быстро шли на убыль. Этому в первую очередь способствовала неравноправная торговля Латинской Америки с Соединенными Штатами. Например, в 1947 г. импорт Латинской Америки из США достиг 3,9 млрд. долл., а экспорт составил лишь 2,1 млрд. долл. В итоге валютные запасы государств Латинской Америки уменьшились с 4,5 млрд. долл. в 1946 г. до 3,7 млрд. долл. к концу 1947 г.

Латиноамериканские государства в поисках выхода сокращали импорт, укрепляли протекционистские барьеры, усиливали контроль над обменным валютным курсом. В некоторых

¹ Интересно отметить, что «зона безопасности» была намечена еще во время первой межамериканской конференции министров иностранных дел (Панама, 1939 г.). Тогда эта зона включала 300-мильную полосу вокруг берегов Американского континента.

² См. гл. XXIV, XXV.

из этих стран была проведена девальвация. Тяжелое положение побуждало латиноамериканские страны укреплять взаимное экономическое сотрудничество. В 1946—1947 гг. Аргентина заключила торговые соглашения с Чили, Боливией и Эквадором. Торговое соглашение между Бразилией и Венесуэлой (1947 г.) предусматривало поставки бразильского текстиля и пищевых продуктов в обмен на венесуэльскую нефть.

Обращение стран Латинской Америки к правительству США с просьбой о помощи, в частности о займах на экономическое развитие, наталкивалось на решительный отказ¹.

«Помощь» предоставлялась монополиями и только в одном виде — частными капиталовложениями. При этом они требовали «необходимых гарантий», т. е. отказа латиноамериканских стран от защиты своей национальной промышленности, от попыток добиться экономической независимости.

Серьезные разногласия между странами Латинской Америки и Соединенными Штатами проявились в вопросе о создании Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА). Латиноамериканские государства выступили за создание такой комиссии, рассчитывая с ее помощью хотя бы отчасти преодолеть экономические затруднения. США же не хотели, чтобы латиноамериканские страны выносили свои требования на международную арену. Во время голосования в ООН о создании ЭКЛА (26 февраля 1948 г.) представитель США воздержался.

Тяжелое экономическое положение трудящихся масс приводило к острым социальным конфликтам в странах Латинской Америки. Во многих из них развернулось стачечное движение, ширились выступления патриотических сил. Опасаясь размаха народных волнений, внутренняя реакция сообща с американским империализмом развязала антикоммунистическую кампанию, обрушилась с репрессиями на демократические силы.

Знаменосцами антикоммунизма стали правящие круги Бразилии и Чили. В Бразилии в мае 1947 г. Верховный избирательный трибунал объявил коммунистическую партию вне закона. Правительство перешло в наступление на профсоюзы, на трудящиеся массы. В том же году президент Чили Гонсалес Видела, одно время заигрывавший со сторонниками демократии, удалил коммунистов из правительства. Началась антикоммунистическая кампания и преследования трудящихся. Роль Вашингтона в действиях Гонсалеса Видела была вполне очевидной. Американские монополисты отказывали Чили в займах, угрожая заставить чилийцев выплатить по прежним долгам, если из правительства не будут удалены коммунисты и не будут подавлены выступления трудящихся².

¹ Мизерные суммы, которые предоставлялись Экспортно-импортным банком, конечно, нельзя принимать в расчет. За 1945—1947 гг. этот банк выделил для латиноамериканских стран 218 млн. долл., а для других стран — 2259 млн. долл. («The United States in World Affairs. 1945—1947». New York, 1948, p. 134).

² V. Codovilla. Resistirá la Argentina al imperialismo yanqui? Buenos Aires, 1948, p. 305.

Одной из основных целей давления монополистов США на правительство Гонсалеса Видела было воспрепятствовать расширению сотрудничества между Чили и Советским Союзом, в частности, переговорам о подписании торгового соглашения. Чилийскими реакционерами было совершено нападение на советское посольство. Это, как отмечалось в ноте Советского правительства, «могло произойти лишь в результате разнузданной, враждебной Советскому Союзу кампании, ведущейся в Чили и не встречающей отпора со стороны чилийских властей»¹.

Бразилия 20 октября 1947 г. разорвала дипломатические отношения с Советским Союзом под тем предлогом, что в советской печати были высказаны критические замечания в адрес главы бразильского правительства генерала Дутра. А на другой день (21 октября) разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом и правительство Чили. Это была одна из первых акций по претворению в жизнь решений, принятых в Рио-де-Жанейро.

Когда в марте 1947 г. парагвайские демократические силы поднялись на вооруженную борьбу против диктатуры Мориниго, правительство США пришло на помощь, снабдив своего верного прислужника оружием. Под предлогом «борьбы с коммунизмом», во имя «континентальной солидарности» империалисты США посылали оружие в Парагвай, американские летчики участвовали в боевых действиях против восставших, а глава американской военной миссии в Парагвае Дональд Пирсон стал фактическим руководителем войск диктатора. «Отнюдь не случайно, — писал теоретический орган кубинских коммунистов «Фундаментос», — что кровавое подавление демократического движения в Парагвае, осуществленное во имя «континентальной обороны», совпало с провозглашением доктрины Трумэна, с антикоммунистической кампанией и интервенцией США в Греции, с подписанием пакта в Рио-де-Жанейро»².

В немалой степени несут ответственность империалисты США за развязывание гражданской войны в Коста-Рике весной 1948 г. В то время там нарастало демократическое движение, усиливалось влияние партии Народный Авангард. Демократическое движение костариканского народа оказывало немалое влияние на другие народы Центральной Америки. Монополисты США пытались локализовать и задуть это движение, используя антикоммунистическую пропаганду и мнимую угрозу «безопасности» Панамского канала³.

Империалисты и их агентура стремились вызвать раскол в латиноамериканском рабочем движении. Главный удар был направлен против Конфедерации трудящихся Латинской Америки. Застрельщиками провокационной кампании явились заправилы Американской федерации труда (АФТ), действовавшие в тесном сотрудничестве с государственным департаментом.

Практическим шагом к созданию «недостающего звена» явилась организованная АФТ профсоюзная конференция в Лиме — столице Перу (январь 1948 г.). По решению конференции была основана Межамериканская конфедерация труда (МКТ), занявшая позицию антикоммунизма.

5. Конференция в Боготе и ее последствия

IX межамериканская конференция в столице Колумбии Боготе открылась 30 марта 1948 г. В Боготу США послали весьма внушительную делегацию: в состав ее вошли государственный

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. II, стр. 42.

² «Fundamentos», 1949, № 93, р. 1.

³ О вмешательстве правительства США во внутренние дела Коста-Рики свидетельствует, например, позиция государственного секретаря Маршалла. Принимая участие в работе межамериканской конференции в Боготе, он направиł правительству Коста-Рики телеграмму следующего содержания: «Я не уеду из Колумбии, пока по обе стороны от Панама не будет ликвидирована коммунистическая угроза».

секретарь Джордж Маршалл, министр торговли Аверелл Гарриман, министр финансов Джон Снайдер, заместитель государственного секретаря Норман Армур и др.

Еще до начала конференции Маршалл на совещании глав делегаций открыто заявил, что делегация США заинтересована в обсуждении вопроса об «иностранной подрывной деятельности, направленной против институтов мира и безопасности американских республик»¹, т. е. в разжигании антикоммунистической кампании.

В Рио-де-Жанейро делегации США удалось под предлогом подписания «договора об обороне» добиться отказа от обсуждения экономических проблем. К такому же маневру, но уже под предлогом борьбы с «международным коммунизмом», они прибегли и в Боготе. Однако здесь обстановка складывалась отнюдь не в их пользу. Антикоммунизм не стал главной темой конференции.

Представители многих стран Латинской Америки были больше озабочены экономическими проблемами. На первых пленарных заседаниях они косвенно, а иногда и открыто полемизировали с государственным секретарем США.

Министр иностранных дел Мексики Хаиме Торрес Бодет говорил о тяжелом экономическом положении Латинской Америки, о необходимости широкой экономической и финансовой помощи для ликвидации отсталости. Характерно, что Бодет вообще не затронул вопроса о «международном коммунизме». Министр иностранных дел Аргентины Брамуглия также обратил главное внимание на необходимость экономического развития стран Латинской Америки. По сути дела он отказался поддержать проект антикоммунистической резолюции, предложенный чилийскими делегатами². Делегация Аргентины, поддержанная делегациями Мексики, Колумбии и Перу, предложила создать межамериканский банк для финансирования экономического развития Латинской Америки³. Ряд латиноамериканских стран потребовал справедливого соотношения цен на сырье, вывозимое из Латинской Америки, и на ввозимые из США промышленные товары. Кубинская делегация предложила осудить «экономическую агрессию», т. е. неограниченную конкуренцию иностранных товаров на латиноамериканских рынках. Делегация Гватемалы внесла проект резолюции, осуждавший колониализм на Американском континенте⁴. Эту резолюцию одобрило большинство делегаций⁵.

¹ «The New York Times», 31. III. 1948.

² «Fundamentos», Junio — Julio de 1948, p. 309.

³ «Fundamentos», Noviembre de 1948, p. 636.

⁴ «The New York Times», 9. IV. 1948.

⁵ Еще накануне конференции в Боготе, в начале 1948 г., Чили, Аргентина и Гватемала вступили в конфликт с Англией по поводу ее колониальных владений в Западном полушарии. Правительства Аргентины и Чили заявили

9 апреля ход конференции нарушил народное восстание в Боготе. Непосредственным поводом ее послужило убийство реакционерами лидера левого крыла либеральной партии Гаитана, призывавшего к антиимпериалистической, антифеодальной борьбе. Но более глубокие причины крылись в народном возмущении террористической, реакционной политикой руководителей консервативной партии, стоявшей в то время у власти. Народная борьба приобрела такой размах, что конференции пришлось прервать свою работу (с 9 по 14 апреля она не заседала). Правительство консерваторов с помощью милитаристов США, пославших в Колумбию оружие из зоны Панамского канала, потопило восстание в крови.

Даже из этих трагических для колумбийского народа событий (в те дни в Боготе было убито 1200 человек, ранено 2500) империалисты США решили извлечь для себя выгоду. Маршалл заявил, что события в Боготе — явление не изолированное, что они аналогичны стачкам во Франции, Италии и составляют единую цепь деятельности «международного коммунизма», направленной на подрыв «демократических институтов»¹. Заявление Маршалла было одобрено президентом Трумэнном, широко подхвачено конгрессом США, американской реакционной прессой.

Цель руководителей внешней политики США была ясна. Под прикрытием антикоммунистической кампании они пытались изменить в благоприятную для себя сторону направление работы межамериканской конференции, придать ей военный характер, отложить наиболее острые вопросы в «долгий ящик». В определенной степени это удалось сделать.

22 апреля конференция приняла «Декларацию о защите демократии», проникнутую духом «холодной войны». Декларация представляла собой набор демагогических фраз о «демократии» и трафаретных измышлений об угрозе «свободному миру» со стороны «международного коммунизма». Особенно усердствовал при ее подготовке Маршалл, который вел секретные переговоры с главами ряда латиноамериканских делегаций².

свои притязания на Фолклендские острова и часть Антарктиды. Гватемала требовала возвращения Белиза (Британский Гондурас). Особенно бурный характер приняли события в Гватемале, где состоялись антиимпериалистические демонстрации. В ответ на антиимпериалистические выступления Англия послала в Белиз три крейсера. Английские моряки высадились на территории Британского Гондураса и захватили базы, расположенные в непосредственной близости от границ Гватемалы. В гватемальской ноте протеста, направленной в ООН, подчеркивалось, что действия Англии представляют собой вооруженную провокацию, оскорбляют национальное достоинство и имеют целью запугать страну. В самой постановке вопроса о ликвидации колониальных владений в Западном полушарии сказывался рост национально-освободительных устремлений латиноамериканских народов, их недовольства политикой США, фактически поддерживавших Англию. Нельзя в то же время не видеть, что с помощью таких требований некоторые правительства, например, Чили и Аргентины, стремились нажить политический капитал, отвлечь внимание народных масс от острых внутренних проблем.

¹ «The New York Times», 13. IV. 1948.

² Характерно, что как только антикоммунистическая резолюция была подписана, Маршалл «внезапно» потерял интерес к конференции и уже 23 апреля отбыл в Вашингтон.

Центральным документом конференции явился «Устав Организации американских государств», послуживший основой для преобразования Панамериканского союза.

Согласно уставу, основными органами ОАГ являются: 1) межамериканская конференция; 2) консультативное совещание министров иностранных дел американских государств; 3) Совет организации; 4) Панамериканский союз (генеральный секретариат); 5) специализированные конференции; 6) специализированные организации. Высший орган ОАГ — межамериканские конференции. Совет ОАГ (с местопребыванием в Вашингтоне) является высшим органом в промежутке между конференциями¹. В его состав входят представители в ранге посла — по одному от каждого государства. Совет избирает генерального секретаря ОАГ сроком на 10 лет. Функции генерального секретариата исполняет Панамериканский союз. В систему ОАГ входят различные специализированные конференции, многочисленные специализированные межамериканские организации, в том числе межамериканский совет обороны, межамериканский аграрный институт, межамериканский индейский институт, межамериканский институт географии и истории и т. д.

Устав ОАГ принимался в обстановке острых противоречий. В ходе обсуждения устава выявлялось стремление многих латиноамериканских государств ограничить функции Совета ОАГ, воспрепятствовать его превращению в «надгосударственный» орган, обладающий неограниченными политическими и административными полномочиями. Сопrotивление латиноамериканских представителей вынудило делегацию США пойти на уступки, согласиться устроить некоторые «надгосударственные» функции совета, хотя за ним сохранились многие важные политические права². Споры вызвал и вопрос о наименовании организации. Делегации Аргентины, Мексики, Венесуэлы и ряда других стран воспротивились предложению США назвать новое объединение «Организацией американских наций». В этом проявилось опасение латиноамериканских стран отказаться даже от юридического признания своей независимости. Под нажимом латиноамериканцев слово «нации» было заменено словом «государства»³.

При обсуждении вопроса о функциях Совета обороны также возникли разногласия. Мексика и Аргентина, поддерживаемые рядом латиноамериканских делегаций, выступили против подчинения этого совета непосредственно Совету ОАГ. Они настаивали, чтобы оборонительные военные мероприятия проводились непосредственно самими странами, а не по приказу ОАГ⁴. В результате компромисса был создан Консультативный совет обороны, непосредственно не подчиненный Совету ОАГ⁵. Но все эти разногласия не имели принципиального характера и не могли изменить общую направленность устава ОАГ, отвечающего в главном интересам империалистов США. В уставе (ст. 25) было зафиксировано, что ОАГ поддерживает основные принципы договора в Рио-де-Жанейро о «взаимопомощи». Включение этой статьи означало, что создание ОАГ является дальнейшим развитием политики империализма США, втягивающего Латинскую Америку в свои агрессивные планы.

Конференция в Боготе не смягчила остроту противоречий между Латинской Америкой и Соединенными Штатами.

¹ Совету подчиняются следующие организации: межамериканский экономический и социальный совет, межамериканский совет юристов, межамериканский совет по вопросам культуры.

² «The United States in World Affairs. 1948—1949». New York, 1949, p. 367.

³ «За» было подано 11 голосов, «против» — 10.

⁴ «The New York Times», 18. IV. 1948.

⁵ Надо сказать, что, хотя создание такого комитета и не отвечало полностью интересам США и означало неудачу «плана Трумэна» в его первоначальном виде, делегация США согласилась на это, так как по-прежнему сохранился межамериканский совет обороны, где главенствовали Соединенные Штаты.

В экономических взаимоотношениях между ними одним из основных был вопрос о поставках Европе продовольствия и сырья по «плану Маршалла». Очень скоро эти страны убедились, что их надежды поправить свое экономическое положение участием в «плане Маршалла» беспочвенны. Соединенные Штаты монополизировали торговлю Латинской Америки с Европой. Тем самым латиноамериканские страны оказывались в полной зависимости от монополий США. Под предлогом жертв ради «восстановления Европы» США навязывали латиноамериканским странам цены значительно ниже мировых, сокращали закупки продовольственных товаров. В результате страны Латинской Америки вынуждены были свертывать закупки нужного им промышленного оборудования, соблюдать строгий режим экономии непрерывно уменьшавшихся долларовых запасов. Их экономические затруднения усугублялись и тем, что США начинали все активнее выступать на рынках Европы в качестве главного поставщика продовольствия.

Тем самым правящие круги США рассчитывали заставить своих южных соседей пойти на еще большие уступки. Особенно отчетливо это проявилось в отношении Аргентины, чьи требования уплаты за продовольственные товары по ценам не ниже мировых были отвергнуты. В ответ Аргентина заключила ряд торговых соглашений с европейскими странами (Финляндией, Югославией, Голландией и др.) на основе прямого обмена товаров и сырья. Правительство США враждебно встретило эти попытки Аргентины проводить самостоятельную политику. Оно решительно возражало против подписания англо-аргентинского торгового договора (июнь 1949 г.), который ставил под угрозу американский экспорт нефти, машин и других готовых изделий в Аргентину. Американо-аргентинские отношения того периода характеризовались своего рода «малой экономической войной»¹.

После конференции в Боготе в ряде стран Латинской Америки произошли новые реакционные государственные перевороты, которые и показали, как проводятся в жизнь решения этой конференции. Используя антикоммунистические лозунги, реакция в ряде латиноамериканских стран перешла в открытое наступление на демократическое движение.

В октябре 1948 г. армейская верхушка во главе с генералом Мануэлем Одриа произвела государственный переворот в Перу. В следующем месяце произошел такой же переворот в Венесуэле, где к власти также пришли представители военщины — подполковник Дельгадо Чальбо, Перес Хименес и Льоверса Паес. Несколько позднее (1949 г.) в Колумбии к власти пришел ставленник клерикально-помещичьей реакции Лауреано Гомес. И повсюду реакционная военщина сразу же начала преследовать сторонников демократии, подавлять рабочее движение. Одновременно новые правители спешили заявить, что иностранному капиталу будут предоставлены полные гарантии для «безопасной деятельности».

Восле клики объявили о своей поддержке политики «антикоммунизма», а также планов «обороны Западного полушария». Они не скрывали своей приверженности к авантюристическим военным доктринам Пентагона. Харак-

¹ «The United States in World Affairs. 1948—1949», p. 371.

терно, что активное участие в государственных переворотах принимали именно те офицеры, которые прошли выучку в военных учебных заведениях США, занимали посты военных атташе в Вашингтоне. К тому же и перуанская и венесуэльская армии получили много американского оружия.

Реакционные государственные перевороты вызвали возмущение среди самых широких кругов латиноамериканской общественности. Например, бывший президент Мексики Ласаро Карденас, известный своими демократическими и антиимпериалистическими убеждениями, в письме венесуэльскому посольству осудил военных заговорщиков и прямо назвал главных виновников — иностранные монополии, эксплуатирующие национальные богатства латиноамериканских стран¹.

Возмущение происками империалистов побудило государственный департамент США опубликовать два «разъяснения», в которых отрицалось, что нефтяные компании и представители посольства США в Венесуэле участвовали в военном перевороте. Несколько позднее (21 декабря 1948 г.) госдепартамент опубликовал заявление, в котором он на словах осуждал перевороты, выражал «беспокойство» по поводу уничтожения «демократических режимов».

Однако прямое соучастие монополистических кругов США в переворотах не вызывало никаких сомнений. Большой резонанс в Латинской Америке получило заявление свергнутого президента Венесуэлы Ромуло Гальгоса. Он сообщил, что военный атташе США полковник Адамс находился во время переворота в казармах мятежных войск. Гальгос подчеркнул, что за спиной участников переворота стоят силы, которые «стремятся воспрепятствовать тому, чтобы латиноамериканские народы добивались экономической независимости, отстаивали свои демократические устремления и решали собственную судьбу, как суверенные народы»². Гальгос добавил, что участие иностранных монополий в перевороте объясняется тем, что правительство Венесуэлы приняло меры по ограничению деятельности нефтяных монополий, повысило налоги на прибыли и прекратило предоставление новых нефтяных концессий.

В начале ноября 1948 г. в Рио-де-Жанейро происходило совещание сотрудников американских служб за границей. На совещании было решено проводить политику отказа от предоставления помощи и займов тем латиноамериканским странам, которые стремятся сами эксплуатировать свои нефтяные ресурсы.

Печать США упорно твердила, что новые режимы в Латинской Америке являются сторонниками «свободного предпринимательства», поощряют иностранные капиталовложения и потому перед американскими вкладчиками открываются широкие возможности. Больше того, пресса США пыталась изобразить диктаторские режимы как особую форму «латиноамериканской демократии», эффективную для борьбы с «хаосом», «коммунистической опасностью».

¹ «La Voz de Mexico», 5. XII. 1948.

² «Noticias de Venezuela», 1954, № 38, p. 8.

Так шла своеобразная подготовка к провозглашению программы государственного секретаря Ачесона о признании диктаторских режимов, с которой он выступил на заседании панамериканского общества в Нью-Йорке 19 сентября 1949 г. Поддержка Соединенными Штатами реакционных государственных переворотов в Латинской Америке была в этом выступлении не сколько завуалирована. Если новые правительства обязываются уважать интересы граждан США, поддерживают все предыдущие «международные обязательства», то нет никаких оснований отказывать этим правительствам в признании — таков был основной тезис Ачесона. Именно на основе этой «доктрины» правящие круги США оказывали военную помощь диктаторам, заключали с ними военные пакты. Все это прикрывалось декларациями о необходимости крепить солидарность Американского континента в «борьбе против коммунизма».

Свержение законных правительств в ряде латиноамериканских государств, которые, хотя и с колебаниями, но все же пытались противодействовать монополистам США, отстаивать национальные интересы, усилило влияние Соединенных Штатов в Организации американских государств. По выражению видного демократического деятеля, бывшего президента Гватемалы Аревало, США в своих агрессивных целях «перекраивали политическую карту Латинской Америки»¹.

Но победы американского империализма были пирровыми победами. Неуклонно рассеивались иллюзии относительно приверженности США к «демократическому развитию» Латинской Америки.

Империалистам США не удалось антикоммунистической пропагандой обмануть основную массу латиноамериканского населения и втянуть ее в «холодную войну». Наоборот, именно в те годы в Латинской Америке начинает шириться борьба за мир, тесно переплетаясь с национально-освободительным антиимпериалистическим движением. По инициативе Конфедерации трудящихся Латинской Америки в сентябре 1949 г. в Мехико состоялась внушительная конференция в защиту мира, на которой представлены были миллионы сторонников мира из латиноамериканских стран. Конференция способствовала развертыванию борьбы за мир на всем континенте. Народы упорно сопротивлялись попыткам монополий США захватить природные богатства латиноамериканских стран.

Реакционный курс в межамериканских отношениях внешне брал верх. Делегации континента в ООН послушно голосовали по указке США, многие правительства порвали дипломатические отношения с СССР. Но подспудно развивались мощные глубинные национально-освободительные тенденции, подготавливавшие самостоятельные выступления стран Латинской Америки на международной арене, их освобождение от диктата США в проведении внешней политики и установлении более прочных связей со странами других континентов, в том числе с социалистическими странами.

¹ J. J. Arévalo. *Fabula del tiburon y las Sardinas*. Mexico, 1956, p. 104.

УГЛУБЛЕНИЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Внешняя политика империалистических государств в послевоенный период может быть понята лишь в свете тех процессов, которые характеризуют общий кризис капитализма. Программа КПСС, принятая XXII съездом, дает следующее определение его самых существенных черт и закономерностей:

«Отпадение от капитализма все новых стран; ослабление позиций империализма в экономическом соревновании с социализмом; распад колониальной системы империализма; обострение противоречий империализма с развитием государственно-монополистического капитализма и ростом милитаризма; усиление внутренней неустойчивости и загнивания капиталистической экономики, проявляющееся в растущей неспособности капитализма использовать полностью производительные силы (низкие темпы роста производства, периодические кризисы, постоянная недогрузка производственных мощностей, хроническая безработица); нарастание борьбы между трудом и капиталом; резкое обострение противоречий мирового капиталистического хозяйства; небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазных свобод и установление в ряде стран фашистских, тиранических режимов; глубокий кризис буржуазной политики и идеологии, — во всем этом находит свое выражение *общий кризис капитализма*»¹.

В предыдущих разделах освещены важнейшие процессы, которые определяют развитие общего кризиса капитализма. Выяснены последствия для капитализма, связанные с фронтальным прорывом цепи империализма социалистическими революциями в ряде стран Европы и Азии. Рассмотрено ослабление

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 25—26.

позиций империализма в результате экономического соревнования с мировой системой социализма. Проанализировано воздействие на международные отношения начавшегося распада колониальной системы империализма.

На эти объективные процессы послевоенной истории большое влияние оказывала внутренняя и внешняя политика государств, выражающая волю господствующих в них классов. История еще раз убедительно подтвердила закономерность, установленную марксизмом-ленинизмом. Реакционные, сходящие с общественной арены классы не могут осуществлять мудрую реалистическую политику. Чтобы сохранить свои привилегии, они пытаются своей политикой спасти то, что отжило и должно уступить место новому, что всем ходом исторического развития обречено на неизбежное крушение.

Только политика восходящих классов, которая учитывает реальные факты и прогрессивные общественные тенденции, приносит успех и служит ускорителем исторического развития. Триумф внешней политики социализма — результат отнюдь не случайного стечения благоприятных обстоятельств. В нем находит выражение определенная историческая закономерность, которая утверждается трудом, энергией, волей и самоотверженностью народных масс, руководимых марксистско-ленинскими партиями.

Общий кризис капитализма проявляется в кризисе внешней политики империализма. Противоречия капитализма в послевоенный период в значительной мере усугубляла авантюристическая внешняя политика империалистических держав, проникнутая реакционной тенденцией повернуть вспять историю. Не случайно все, что предпринимали империалистические державы для сокрушения социализма и национально-освободительного движения, оборачивалось в конце концов против них.

Внешняя политика империализма, несмотря на многократные провалы, все же принесла горькие плоды всему человечеству. Она снова поставила его перед угрозой войны. Militarизм и гонка вооружений вызвали хроническую напряженность международной обстановки. Сколачивание империалистических блоков создало военную опасность для народов всех континентов.

Монополии США выступили в роли организатора лагеря империалистических держав, пытаясь одновременно решить две неразрешимые стратегические задачи. Во-первых, опираясь на силы всего империалистического лагеря, сокрушить социализм и национально-освободительное движение. Во-вторых, стать господствующей силой этого лагеря, центром новой грандиозной империи, охватывающей весь капиталистический мир. Стремясь укрепить империалистический лагерь, создать условия для сокрушения социализма, США способствовали восстановлению

экономической мощи своих соперников, что неизбежно привело к возрождению старых и возникновению новых межимпериалистических противоречий, а также к обострению всех других противоречий капитализма. Иначе и не могло быть, ибо стратегией США являлась «политика силы», сопровождающаяся милитаризацией экономики, созданием военных блоков и системы военных баз, которые стали тяжелым бременем для всех их партнеров; тактикой и дипломатией — «большая ложь» о благих намерениях обеспечить «безопасность» от мнимой угрозы «коммунистической агрессии» и оказывать «помощь» во имя сохранения «свободного мира»; действительной политикой — стремление подчинить диктату Уолл-стрита всех своих союзников по военным блокам.

Внешняя политика Англии определялась установкой ее правящего класса на достижение мирового господства англосаксонской расы. Английские империалисты надеялись при содействии «американского жандарма» покончить с социализмом и национально-освободительным движением и сохранить мощь Британской империи. Они рассчитывали на создание англо-американского мирового картеля, в котором Англии будет отведена роль старшего партнера США.

Правящие круги Франции повернули внешнюю политику на старую, довоенную колею поисков помощи извне для обуздания революционных сил народа. Эта политика быстро лишила всякой почвы их притязания на ведущую роль в Европе. За «помощь» извне пришлось платить ценой национального унижения и согласием на возрождение главного континентального противника Франции — германского империализма.

Италия, освободившись от власти фашизма, продвинулась вперед благодаря организованности ее демократических сил. Однако блок реакционных партий, пришедших к власти при поддержке извне, сделал все, чтобы лишить ее внешнюю политику какой-либо самостоятельности. Итальянская финансовая олигархия низвела страну до положения одного из «младших партнеров» американского империализма.

В данном разделе не рассматривается внешняя политика германского и японского империализма. Это не случайно. Западная Германия и Япония в первое послевоенное пятилетие в большой мере были объектом внешней политики других держав.

Внешняя политика империалистических государств в период, когда закладывались основы послевоенного мира, строилась на ложных предпосылках и без учета реального соотношения сил. Ни одной империалистической державе не удалось достигнуть поставленных стратегических целей. Все внешнеполитические акции империалистов, направленные против прогрессивных сил современности, вели к обострению и углублению общего кризиса капитализма.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА В 1945—1949 гг.

1. Второй этап общего кризиса капитализма

В итоге второй мировой войны и победы социалистических революций в ряде стран Европы и Азии система капитализма потерпела не только непоправимый политический урон. Она понесла огромные материальные потери. Империализм окончательно утратил свое господство над $\frac{1}{4}$ территории земли и над $\frac{1}{3}$ ее населения. В странах, отпавших от капиталистической системы, было размещено около $\frac{1}{5}$ всех заграничных инвестиций империалистических государств. Эти страны представляли собой важные рынки сбыта. Империалисты лишились возможности использовать сырьевые и продовольственные ресурсы этих стран. Империализм потерял при этом огромной значимости стратегические резервы — важнейшие плацдармы, которые в течение многих лет подготавливались им для нападения на Советский Союз, и мобилизационные ресурсы, игравшие важную роль во всех его антисоветских планах.

Выпадение новых стран из капиталистической системы на втором этапе ее общего кризиса привело к небывалому ослаблению политических, экономических и стратегических позиций империализма. Уже в самом начале послевоенного периода соревнование двух противоположных общественных систем стало важнейшей чертой второго этапа общего кризиса капитализма, решающим фактором его дальнейшего углубления.

Новое, складывавшееся в пользу социализма соотношение мировых сил оказывало огромное влияние на обострение противоречий и развитие революционных процессов внутри сузившегося капиталистического мира. Важнейшим из них в послевоенные годы стал распад колониальной системы империализма и образование ряда суверенных государств в Азии и Африке. Империалистические державы, потерпев провал в своих попытках сохранить колониализм в тех районах Азии, где национально-освободительное движение развивалось под руководством рабочего класса и его коммунистического авангарда и привело к победе социалистических революций, рассчитывали, что им удастся укрепить свои позиции в других частях колониального мира. Они надеялись удержать в своих руках контроль над теми странами, где лидерство в национально-освободительном движении принадлежало господствующим классам.

Но колонизаторы жестоко просчитались. Они не учли роли мировой социалистической системы, оказавшей могучую под-

держку национально-освободительному движению, и слияния социалистических и национально-освободительных революций в единый мировой антиимпериалистический поток. Они не предвидели, что распад колониальной системы примет характер цепной реакции и станет опасным для империализма даже в тех случаях, когда власть в освободившихся колониях окажется в руках национальной буржуазии. Отказ национальной буржуазии суверенных государств Азии поддержать политику сколачивания военных блоков для подготовки агрессии против социалистического лагеря показал сужение политических резервов империализма внутри мировой капиталистической системы.

Складывание единого фронта социалистических стран и национально-освободительного движения в борьбе с империализмом стало характерной чертой второго этапа общего кризиса капитализма. Народы молодых суверенных государств, отмечает Программа КПСС, поднялись «как творцы новой жизни и активные участники международной политики, как революционная сила разрушения империализма»¹.

Качественные изменения произошли и внутри самого лагеря империалистических держав. Политические позиции монополистического капитала и здесь были серьезно ослаблены. Во всех странах развитого капитализма произошел сдвиг влево в соотношении классовых сил. Рабочий класс и его союзники в таких странах, как Италия и Франция, были лучше организованы, чем силы реакции. Они имели явный перевес над обанкротившимися в результате войны правящими группами монополистического капитала и их политической агентурой. Однако рабочему классу и его союзникам не удалось взять власть и покончить с господством финансовой олигархии. Это объясняется тем, что на помощь ослабленной европейской империалистической буржуазии пришел американский империализм².

Американские и английские войска, прибывшие в Западную Европу для войны с фашизмом, были, как уже отмечалось в первом разделе, фактически использованы в послевоенный период в качестве стража и охранителя капиталистического строя. Немалую роль в этом отношении сыграла также финансовая и экономическая помощь Соединенных Штатов западноевропейским капиталистическим странам. Эта помощь предоставлялась не только в связи со стремлением американских монополий утвердиться в европейской экономике в интересах установления мирового господства. В ней, кроме того, нашла свое выражение определенная классовая стратегия.

Империалисты США при посредстве займов, даров и субсидий осуществляли своеобразную экономическую интервенцию против революционных сил Западной Европы. Реализации этих

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 44.

² См. гл. XXIII.

стратегических замыслов до некоторой степени способствовали и внутривнутриполитические маневры европейской империалистической буржуазии.

После войны наиболее реакционные ее группы — коллаборационисты, открыто сотрудничавшие с фашистскими оккупантами, и мюнхенцы, выступавшие до войны сторонниками сговора с ними, — временно отступили на второй план. Их место заняли те буржуазные группы, которые в какой-то мере были связаны с движением сопротивления фашизму и делали ставку на военно-политический сговор с американским империализмом. Такая перегруппировка сил создавала внешнюю видимость изменений во всем партийно-политическом механизме. Власть монополистического капитала в послевоенной Западной Европе стали прикрывать и маскировать новые политические партии. В странах Западной Европы, подвергшихся фашистской оккупации, важнейшей политической опорой монополистического капитала стали после войны клерикальные партии. Общий язык с этими партиями быстро нашли правые социал-демократические лидеры, которые, несмотря на различия в программе, фактически действовали заодно с ними.

Руководство клерикальных партий всемерно превозносило миссию США в спасении Европы от фашизма и убеждало народные массы, что только американская помощь может избавить их от голода и послевоенной разрухи. Клерикалам вторили правосоциалистические прихвостни монополистического капитала. Они всеми силами старались отвлечь рабочий класс от осуществления исторически назревших коренных социальных преобразований и в первую очередь от экспроприации собственности монополий, ответственных за развязывание войны и нажившихся на ней.

Западноевропейской империалистической буржуазии удалось при поддержке США сохранить свое классовое господство и временно укрепить свои позиции. Но очень дорого обошлась эта поддержка: небывало усилилась экономическая и политическая зависимость капиталистических стран Европы от США.

Для послевоенного капитализма характерно резкое обострение неравномерности политического и экономического развития.

Колониальная периферия империализма переживала период бурных революционных преобразований. Монополистическая буржуазия метрополий, будучи вынужденной отступать на некоторых участках фронта классовой борьбы под давлением левых сил, все же удержала в своих руках главные рычаги принуждения трудящихся и в известной мере усовершенствовала систему угнетения масс. Однако в целом баланс сил не только в мировом масштабе, но и внутри капиталистического мира складывался не в пользу империалистической буржуазии. Временное укрепление ее позиций в отдельных странах не приостановило прогрессирующего процесса ослабления империализма и углубления общего кризиса капитализма. Оно в отличие от периода после первой мировой войны не привело к относительной стабилизации капитализма.

Усилившаяся неравномерность капиталистического развития стала важной причиной обострения противоречий капитализма на втором этапе его общего кризиса. В ней проявились новые черты. Во-первых, произошел раскол внутри капиталистического мира на две группировки стран — высокоразвитые империали-

стические государства и противостоящие им слаборазвитые страны, которые сбросили колониальное иго, завоевали политическую независимость и перешли на путь борьбы за экономическую независимость. Уже в первое послевоенное пятилетие этот раскол стал одним из признаков начавшейся ломки структуры мирового капиталистического хозяйства и империалистического разделения труда.

Во-вторых, резко возрос удельный вес США внутри капиталистического мира, создалась внешняя видимость исчезновения традиционного для эпохи империализма соперничества великих держав в борьбе за мировое господство. Казалось, что внутри капиталистического мира прочно укрепились гегемония США, и закон неравномерности развития действует только в одном направлении, обеспечивая неуклонное усиление позиций этой державы. И действительно, империализм США безудержно развивал свою экспансию, пользуясь ослаблением империалистических соперников. Он стремился утвердить такую систему международных отношений, которая позволила бы ему контролировать весь капиталистический мир.

Однако, как показал ход исторических событий, некоторые изменения в отношениях внутри лагеря империализма, происшедшие в связи с резким усилением позиций США, не только не помешали возрождению традиционных межимпериалистических противоречий, но и породили ряд новых. Уже к концу первого послевоенного пятилетия обозначились тенденции падения удельного веса США в мировой капиталистической экономике. Западная Европа, заканчивая восстановление своего хозяйства, вновь обнаружила способность соперничать с американскими империалистами в борьбе за передел рынков и сфер влияния.

В-третьих, неравномерность экономического развития усиливалась революционными изменениями в области техники. Атомная энергия, счетно-решающие машины и устройства, телевидение, пластмассы, алюминий и другие составные элементы новейшей техники стали находить все более широкое применение, вызывая крупнейшие структурные изменения в экономике высокоразвитых капиталистических стран. В этих условиях некоторый выигрыш получили те страны, где обновление основного капитала было более интенсивным. Они отчасти компенсировали свое отставание тем, что у них оказалось наиболее модернизированное оборудование и стала развиваться более совершенная структура производства. Значение этого фактора в конкуренции между империалистическими странами сказалось полностью в последующий период. Но предпосылки для таких сдвигов были заложены уже в первое послевоенное пятилетие.

В этот период явственно обозначилось и дальнейшее углубление главного противоречия капитализма — противоречия между трудом и капиталом. Еще больше увеличилась пропасть между финансовой олигархией, опирающейся на мощь государ-

ства, и огромным большинством народа. Все это непрерывно увеличивало предпосылки создания широкой антимонополистической коалиции для борьбы за коренные социально-экономические и политические преобразования во всех капиталистических странах.

Вот что говорится в Программе КПСС о развитии внутренних противоречий капитализма: «Гнет финансового капитала непрерывно усиливается. Исполнинские монополии, сосредоточив в своих руках подавляющую часть общественного производства, господствуют над жизнью нации. Кучка миллиардеров и миллионеров бесконтрольно распоряжается всем богатством капиталистического мира, превращает жизнь целых наций в разменную монету во имя своих корыстных сделок. Финансовая олигархия баснословно обогащается. Государство стало комитетом по управлению делами монополистической буржуазии. Резко усиливается бюрократизация всей хозяйственной жизни. Государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн»¹.

2. Проблема реконверсии в главных капиталистических странах.

Милитаризация экономики. Структурные изменения в экономике высокоразвитых капиталистических стран.

Новая расстановка сил в империалистическом лагере

Восстановление мировой торговли и финансов после второй мировой войны, перевод их с военных рельсов на мирные сопровождался глубокой перестройкой всей системы международных экономических и политических отношений капиталистических стран, развитием новых противоречий между ними.

Наряду с реконверсией (переходом от военной экономики к гражданской) в рамках национального хозяйства каждой отдельной капиталистической страны, возникла не менее сложная проблема перехода к мирной экономике в масштабе всей мировой капиталистической системы. В мировом капиталистическом хозяйстве устанавливались новые пропорции в соответствии с тем соотношением сил, которое сложилось к исходу войны. Начинался новый этап и в развитии международного капиталистического разделения труда.

Во время войны механизм внешней торговли между США и их союзниками поддерживался посредством ленд-лиза. Отмена ленд-лиза привела к тому, что у США возник «избыток» и товаров и золота, а в разоренных войной странах, крайне нуждавшихся в импорте, не было ни платежных средств, ни това-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 26—27.

ров, чтобы компенсировать этот импорт¹. Для восстановления внешней торговли США и Канада должны были еще в 1945—1946 гг. предоставить кредиты своим европейским покупателям. Однако эти кредиты были явно недостаточны, чтобы ликвидировать острый «долларовый голод» капиталистической Европы. Империалистическая буржуазия и США и Западной Европы видела выход в том, чтобы создать нечто вроде ленд-лиза мирного времени, организовав, подобно тому как это было во время войны, широкую систему финансирования торговли на основе государственных субсидий².

Новая система международных экономических и политических отношений в капиталистическом мире, возникшая в условиях перехода от войны к миру, нашла воплощение в «доктрине Трумэна» и «плане Маршалла»³.

Характерной особенностью процесса реконверсии национальных хозяйств капиталистических стран было стремление монополистической буржуазии максимально использовать гарантированный государственный рынок.

Крупнейшие монополии и в условиях мира стремились сохранить привилегированные позиции поставщиков вооружения. Но чтобы сохранить прибыльный бизнес и обосновать его необходимость «интересами нации», нужно было прежде всего создать «политический климат», оправдывающий гонку вооружений. Поэтому не случайно нувориши и спекулянты, наживавшиеся на войне, раньше других объявили себя защитниками «западной демократии» и стали призывать к «крестовому походу» против коммунизма.

В основе политики сохранения милитаризованной экономики лежали причины как политические — стремление империализма вооруженной силой подавить социализм и национально-освободительное движение, так и экономические — стремление монополий преодолеть узость капиталистического рынка и разрешить трудности реализации за счет «государственного рынка», т. е. на путях государственно-монополистического капитализма. В милитаризации, ставшей постоянным спутником экономики мирного времени, особенно ярко проявилось загнивание современного капитализма.

Для оправдания милитаризованной экономики использовалась не только политика «холодной войны». Не малую роль играли и методы социальной демагогии. Буржуазные экономисты, особенно в США, доказывали необходимость сохранения военного производства, чтобы предотвратить ката-

¹ В 1945 г. индекс физического объема вывоза товаров из США, если принять 1938 г. за 100, составил 184%, тогда как для Англии соответственный показатель был равен 45%, Франции — 10%, а Германии — 1% («Проблемы современного капитализма». Сборник статей. М., 1959, стр. 183).

² Эти соображения были изложены в «Докладе о Германии», подготовленном Льюисом Брауном (*L. Brown. A Report on Germany. New York, 1947*).

³ См. гл. XXIII.

строфу экономического кризиса. Вслед за Кейнсом большинство буржуазных экономистов стало утверждать, будто непроизводительное потребление, организуемое или «планируемое» государством, может устранить циклическое развитие экономики, покончить с кризисами и депрессиями. Милитаризация хозяйства была объявлена важнейшим антикризисным мероприятием.

Американский экономический журнал так сформулировал эту циничную догму кейнсианцев: «Если перепроизводство есть главная причина депрессии... и роль депрессии состоит в периодическом устранении избыточных факторов производства, накапливающихся накануне депрессии, тогда логично полагать, что перманентное военное производство и многие другие правительственные непроизводительные издержки выполняют роль депрессии в ликвидации излишних факторов производства путем их непроизводительного использования»¹.

Нетрудно обнаружить, что кейнсианцами в угоду милитаристской буржуазии была перелицована на новый модный лад старая буржуазная теория кризисов, которая объявляла их причиной недопотребление. Смысл ее состоит в том, чтобы скрыть подлинную причину кризисов, порождаемых противоречием между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов. Самый факт рекламирования милитаризации как патентованного средства против кризисов служит показателем не только прогрессирующего загнивания и паразитизма капиталистической экономики, но и вырождения буржуазной экономической науки, глубокого кризиса всей буржуазной идеологии.

Кроме обычного объяснения причин возникновения «холодной войны» против коммунизма, у европейской империалистической буржуазии были особые основания для того, чтобы тормозить демобилизацию армий и перевод экономики на мирные рельсы. Колониальные державы Европы сразу же после окончания войны сосредоточили свои усилия на борьбе с национально-освободительным движением. Они развязали колониальные войны в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Они увеличивали гарнизоны и создавали новые базы в тех колониях, где дело еще не дошло до вооруженной борьбы народов против колонизаторов, но ее предпосылки уже назревали.

Продолжение военного производства в Западной Европе означало расширение дефицитного топлива, сырья и материалов, жизненно необходимых для гражданских отраслей экономики. Там не только не было избытка производственных мощностей, а, наоборот, испытывался острый их недостаток. В этих условиях финансирование военного производства было вдвойне неприкрытым варварским расточительством и производственных и трудовых ресурсов.

Монополистическая буржуазия сумела затормозить перевод экономики на мирные рельсы. Капиталистические страны сохранили значительный объем военного производства. Милитаризация хозяйства и военно-инфляционная конъюнктура сделались неизменной чертой их развития².

Несколько по иному пути пошло экономическое развитие побежденных в войне фашистских держав. Их буржуазия была временно лишена привилегии наживаться на производстве вооружения. Экономика этих стран вследствие банкротства фашистско-милитаристских клик оказалась освобожденной от бремени военных бюджетов. И это явилось существенным пре-

¹ «The American Economic Review», 1958, III, p. 1622.

² О степени милитаризации экономики можно судить по такому показателю, как доля прямых военных расходов в официальном национальном доходе страны. С 1937/38 г. по 1948/49 г. она выросла в США с 1,5 до 6,5%, в Англии — с 4,1 до 7,7%, во Франции — с 5,9 до 6,1% (см. *Е. Варга*. Основные вопросы экономики и политики империализма. М., 1957, стр. 42).

имуществом побежденных империалистических стран в их конкурентной борьбе с победителями на рынках.

Важная специфическая особенность милитаризации капиталистической экономики в первый послевоенный период заключалась в том, что она развивалась не на базе производства вооружений старого типа, а на совершенно новой производственно-технической основе. Появившиеся к концу войны атомная бомба и реактивный двигатель вызвали коренное преобразование всей «технологии» войны, организации армии и тыла, стратегии и тактики.

Милитаризация, развертываясь в условиях почти полного «морального износа» старых средств войны, способствовала появлению ряда новых отраслей промышленности, вызвав при этом цепную реакцию, которая в той или иной мере сказалась на всей экономике. Для нового оружия требовались принципиально новые материалы — атомное сырье, жароупорные сплавы, редкие элементы, полупроводники, пластмассы, синтетические материалы с заранее заданными свойствами и т. п. Для изготовления его нужна была и принципиально новая система организации производства. Понадобилось автоматическое и телемеханическое управление производством, оснащение его электронными счетными машинами. Это в свою очередь дало толчок развитию электроники и производству оборудования для автоматизации производственных процессов.

Рост производства, вызванный постоянным наличием элемента милитаризованной экономики, в течение некоторого времени скрадывал отрицательные стороны военно-инфляционной конъюнктуры. Последствия же ее для мировой капиталистической экономики и развития международных отношений были чрезвычайно многообразными.

Во-первых, военно-инфляционная конъюнктура способствовала развитию государственно-монополистического капитализма и сохранению господствующих позиций за наиболее реакционными и воинственными кругами финансовой олигархии. Именно они толкали к созданию военных блоков и провоцировали обострение международной обстановки.

Во-вторых, военно-инфляционная конъюнктура усиливала неравномерность развития империалистических стран. В США она до поры до времени играла роль стабилизатора, сдерживавшего ценой углубления и обострения внутренних противоречий американского капитализма взрыв экономического кризиса. В Англии и Франции она тормозила восстановление жизненно важных отраслей хозяйства и вела к снижению темпов их экономического развития. В Западной Германии, Италии и Японии при отсутствии гонки вооружений оставалась унаследованная от войны жесточайшая инфляция. Она способствовала резкому снижению реальной заработной платы трудящихся и за счет этого некоторому повышению конкурентоспособности экспорта.

В-третьих, милитаризация превратила экспорт оружия в одну из важных статей внешней торговли империалистических стран, в особенности США. Специфической формой борьбы за монопольные рынки для этого «товара» стало втягивание малых стран в военные блоки, навязывание им «военной помощи», раздувание их военных бюджетов и создание военных баз на их территориях. Гонка вооружений обострила борьбу между империалистическими державами за обладание новыми источниками стратегического сырья.

В-четвертых, инфляция и рост цен стали основной и решающей формой наступления монополий на реальную заработную плату «скрытым» методом ее понижения, при котором главным «виновником» выступало государство, а не отдельные капиталисты¹. Инфляционное «регулирование» заработной платы предопределило новые формы классовой борьбы между трудом и капиталом, способствовало подъему ее на более высокий уровень.

Имериалистические державы почти без передышки начали подготовку к третьей мировой войне. Они сделали все возможное, чтобы продлить жизнь милитаризованного сектора хозяйства. Тем не менее переход от военной экономики к гражданской все же сопровождался крупными структурными изменениями как в национальных хозяйствах стран капитализма, так и во всем мировом капиталистическом хозяйстве. Во всех капиталистических странах необходимо было ликвидировать ущерб, нанесенный войной гражданским отраслям, и значительно обновить основной капитал.

О темпах и объеме расширенного воспроизводства дает представление следующая таблица.

Доля капиталовложений в валовом национальном продукте капиталистических стран²

(в %)

Страны	1938 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
США	14,0	15,7	15,6	16,3	17,7
Англия	14,1	11,0	11,9	13,0	12,3
Франция	11,6	17,8	18,4	17,6	16,6
Западная Германия	17,2 *	—	—	20,3	21,6
Италия	19,0	24,9	15,8	16,7	17,5
Канада	16,0	19,3	21,7	21,8	21,4

* Германия в границах 1937 г.

В капиталистических странах происходило не просто восстановление и значительное расширение гражданских отраслей промышленности, но и существенное изменение их отраслевой структуры. Это было следствием развернувшейся научно-технической революции. Она сопровождалась усилением неравномерности развития отдельных отраслей экономики, что породило ряд новых противоречий в мировом капиталистическом хозяйстве.

Какие новые тенденции в ломке отраслевой структуры мировой капиталистической экономики обнаружили уже в первые послевоенные годы?

¹ Почти непрерывный рост цен стал специфической чертой экономики послевоенного капитализма. Известный буржуазный экономист Г. Хаберлер в конце 1960 г. писал: «За последние 27 лет не было периода падающих цен, в то же время было много периодов их роста. Кривая цен (оптовых или розничных) с 1914 по 1932 гг. имела волнообразную форму, тогда как с 1933 по 1960 гг. она имеет вид восходящей лестницы» («Lloyds Bank Review», January 1961, p. 24).

² «Экономика капиталистических стран», стр. 352—357.

Прежде всего обращают на себя внимание крупнейшие изменения в энергетике. Производство электроэнергии сильно опережало рост промышленной продукции в целом. В результате значительно увеличилась энерговооруженность труда и электроэнергия нашла широкое поле для технологического использования в новых энергоемких отраслях производства, в частности в электрометаллургии и электрохимии. Характерно также, что потребление нефти значительно опережало использование угля, создавая и углубляя кризис угольной промышленности. Обозначились новые тенденции в развитии металлургии. Выплавка стали не намного опережала общий рост промышленного производства, тогда как производство алюминия и пластмасс, заменивших в ряде отраслей сталь, росло чрезвычайно бурно.

Изменилась структура производства текстильных изделий. Производство хлопчатобумажных тканей стало вытесняться изделиями из искусственного и синтетического волокна. Успехи химической промышленности нанесли удар и такой важной отрасли мировой капиталистической экономики, как сбор натурального каучука. После войны синтетический каучук стал успешно конкурировать с натуральным.

Быстрыми темпами развивалось производство автомобилей, хотя к исходу послевоенного пятилетия оно не превзошло довоенный уровень в такой мере, как вся промышленность в целом. Наряду с производством легковых автомобилей большое значение в тот период начал приобретать выпуск и других товаров длительного пользования — холодильников, телевизоров, радиоприемников, стиральных машин и прочих бытовых электроприборов.

Новая структура производства, складывавшаяся в мировом капиталистическом хозяйстве после войны, вела к многосторонним последствиям. Страны с высоким удельным весом старых отраслей оказались в числе отстающих по темпам роста промышленности. Это ухудшило положение некоторых высокоразвитых стран, например Англии и Бельгии. Особенно болезненно переживали последствия структурных изменений слаборазвитые страны.

Огромное влияние оказали изменения структуры отраслей и на развитие послевоенных экономических отношений, в частности мировой торговли, на характер спроса и на ход экономического цикла. Упадок старых отраслей сопровождался частичными кризисами перепроизводства и хронической безработицей. Произошли также серьезные изменения в структуре занятости.

После войны резко возросла необходимость в расширении жилищного строительства, а сдвиги в технике изменили и тип поселений и инженерно-архитектурную основу домостроения. В нем благодаря железобетону и сборным конструкциям получили распространение индустриальные методы массового производства. В этой отрасли, где ранее преобладали относительно небольшие фирмы, господствующее положение заняли крупные монополии, тесно связанные с банками, кредитующими жилищное строительство.

Таким образом, несмотря на милитаризацию главных стран капитализма, гражданские отрасли приобретали все больший вес в их хозяйстве, в расширении внутреннего рынка и в росте оборотов мировой торговли.

Неравномерность развития отраслей мирового капиталистического хозяйства сопровождалась изменением в соотношении сил между отдельными странами.

Рассмотрим прежде всего, как изменилось промышленное производство в капиталистическом мире в целом и в отдельных странах по сравнению с довоенным уровнем.

**Индекс физического объема промышленной продукции
капиталистических стран¹**
(1937 г. — 100)²

	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Весь капиталистический мир	108	121	130	131	149
Западная Европа	70	80	92	104	115
В том числе:					
Австрия	...	83 *	92	122	146
Англия	95	100	109	116	124
Бельгия	73	91	100	100	102
Греция	62	78	85	101	128
Дания	105	118	130	140	156
Ирландия	107	116	127	145	165
Италия	...	90 *	98	108	125
Люксембург	59	76	100	97	101
Нидерланды	74	94	114	127	140
Норвегия	104	120	133	146	164
Финляндия	107	120	136	144	155
Франция	...	85 *	100	109	112
Западная Германия	...	37 *	56	81	101
Швеция	137	140	150	155	162
Япония	30	36	48	60	69
США	147	163	170	159	184
Канада	160	175	184	186	198

* Ориентировочный подсчет на основе данных ОЕЕС.

Как видно из таблицы, в 1946 г. весь капиталистический мир выпускал промышленной продукции на 8% больше, чем в 1937 г., тогда как в Западной Европе промышленная продукция составила лишь 70% этого уровня; в Японии она упала даже до 30%, а в Западной Германии в 1947 г. она составляла лишь 37% уровня 1937 г. Капиталистическая Европа в целом закончила процесс восстановления своего хозяйства в 1949 г. Восстановительный период сильно затянулся в Западной Германии, где довоенный уровень был достигнут в 1950 г., и в Японии, где он был достигнут в 1951 г.

Промышленное производство всего капиталистического мира в послевоенное пятилетие непрерывно росло. Оно застыло почти на мертвой точке лишь в 1949 г., когда его прирост за год составил менее 1%. Причиной был экономический кризис в США. Форсируя экспорт, Соединенные Штаты получили возможность ограничить действие тех сил, которые вызвали кризис, и вместе с тем переложить тяжесть кризиса в той или иной форме на другие страны капиталистического мира.

На первых порах, пока в странах, отброшенных войной вспять, шел процесс восстановления экономики, удельный вес США в мировом экспорте резко вырос. Они захватили значи-

¹ «Экономика капиталистических стран», стр. 62—63.

² В отличие от предыдущей таблицы здесь взят за базу не 1938 г., который был кризисным, а 1937 г., когда производство достигло высшей точки в предвоенном цикле.

тельную долю мирового капиталистического рынка. Но это «привилегированное» положение начало исчезать, как только страны, пострадавшие в результате военных разрушений, восстановили свое хозяйство. Вслед за этим началось падение удельного веса США в мировой торговле. И не случайно именно в этот переломный момент в США развернулся первый после войны кризис перепроизводства.

О сдвигах в соотношении сил на мировом капиталистическом рынке в первое послевоенное пятилетие дает представление следующая таблица.

**Доля отдельных стран в общем экспорте
капиталистических стран¹**
(в %)

	1937 г.	1947 г.	1950 г.
США	14,2	32,5	18,3
Англия	11,3	9,8	11,0
Франция	4,1	4,0	5,5
Западная Германия	10,3 *	0,5	3,6
Италия	2,4	1,4	2,2
Япония	5,2	0,4	1,5
Канада	4,4	6,0	5,3

* Германия в границах 1937 г.

Положение отдельных капиталистических стран на мировом капиталистическом рынке — очень важный показатель изменяющегося соотношения сил между ними. Но этим еще не может быть измерена их реальная экономическая мощь. Наиболее наглядное представление о ней дает удельный вес капиталистических стран в промышленном производстве.

**Доля отдельных стран в промышленном производстве
капиталистического мира²**
(в %)

	1937 г.	1948 г.	1950 г.
США	41,4	56,4	53,3
Англия	12,5	11,7	11,7
Франция	6,0	4,1	4,0
Западная Германия	9,0 *	4,3	6,8
Италия	3,0	2,1	2,3
Япония	4,8	1,5	1,9
Канада	2,7	3,6	3,4

* Германия в границах 1937 г.

¹ «Экономика капиталистических стран», стр. 494.

² Подсчитано по кн.: «Статистические показатели экономического положения капиталистических стран». М., 1956; «Экономика капиталистических стран», стр. 67.

Хотя к концу послевоенного пятилетия доля США в мировом промышленном производстве начала падать, она все же оставалась гораздо большей, чем до войны. По своей промышленной мощи США все еще превосходили все остальные капиталистические страны, вместе взятые. Превысила свою довоенную долю в промышленной продукции капиталистического мира и Канада. Однако ни одна другая из указанных в таблице капиталистических стран этого уровня не достигла. Больше всех приблизилась к своему довоенному месту в промышленном производстве Англия. На второе место после нее выдвинулась не Франция, а ФРГ, которая уже в 1948 г. превзошла ее. В 1950 г. в ФРГ было произведено промышленной продукции на 70% больше, чем во Франции. Главным конкурентом Англии в Европе вновь стал германский империализм.

3. Распад колониальной системы и его последствия для мирового капиталистического хозяйства.

Тенденции развития слаборазвитых стран и подрыв империалистической основы международного разделения труда

Крупные изменения в экономике аграрно-сырьевых стран, вызванные развернувшимся в послевоенный период распадом колониальной системы империализма, существенно изменили пропорции во всем мировом капиталистическом хозяйстве как между отдельными странами, так и между его важнейшими отраслями, оказали огромное влияние и на характер мировой капиталистической торговли, и на формы и направление экспорта капитала. Возникли качественно новые процессы и в международном капиталистическом разделении труда, и в его внешних проявлениях — в сфере международных экономических отношений.

На колониальной и полуколониальной периферии капиталистического мирового хозяйства развернулся процесс ломки и крушения устоев империалистической эксплуатации. Наиболее сильное поражение колонизаторы потерпели в Юго-Восточной Азии. Безвозвратные потери империалисты понесли в результате образования Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам; они выпали из системы мирового капиталистического хозяйства и стали составной частью социалистического лагеря. В этих странах было сосредоточено около трети всего населения колониального мира. До войны на их долю приходилось около десятой части внешнеторгового оборота всех колониальных и зависимых стран и около 10% всех заграничных капиталовложений империалистических держав в этих странах¹.

Длительные колониальные войны в значительной мере дезорганизовали «нормальную» эксплуатацию империалистами

¹ См. «Мировая экономика и международные отношения», 1959, № 6, стр. 47.

Индокитая, Индонезии, Малайи и Филиппин, хозяйство которых несло большой урон в ходе военных действий.

В результате национально-освободительной борьбы Франция и Нидерланды фактически почти полностью утратили свои колониальные владения в Юго-Восточной Азии. Сильно подорванными оказались монопольные позиции и Англии в ее бывших колониальных владениях.

Английские империалисты смогли развязать колониальную войну в Малайе, помочь интервенции голландских и французских империалистов, но в главных своих владениях в Южной Азии не рискнули начать военные действия. Вновь возникшие государства — Индия, Пакистан и Цейлон получили политическую независимость в качестве доминионов. Бирма, добившись политической независимости, вышла из Британского содружества.

Но и в тех районах Юго-Восточной Азии, где не было военных действий, империалистам не удалось сохранить довоенные формы колониальной эксплуатации. Политическая независимость, обретенная рядом стран, стала орудием подрыва экономических устоев колониализма, средством ликвидации односторонней зависимости от метрополий. Несмотря на всю свою непоследовательность в борьбе с империализмом, национальная буржуазия, защищая собственные экономические интересы, должна была ограничивать засилье иностранных монополий.

Эту цель преследовали: введенное в 1948 г. в Индии законодательство, установившее, что участие иностранного капитала в промышленности не может превышать 50% акционерного капитала; льготы для национальных компаний по налоговому обложению; повышение налогов на доходы иностранных капиталистов. Индийской буржуазией для финансирования своих предприятий широко использовался государственный бюджет.

Большое значение в Индии приобрел государственный сектор экономики, ставший оплотом национальной буржуазии в борьбе с конкуренцией иностранных монополий. Позиции национальной буржуазии значительно укрепились после перехода в руки государства Центрального банка и всего руководства финансовой системой, где ранее хозяйничали английские империалисты. Аналогичные мероприятия проводились и в других странах, избавившихся от колониального режима.

Уже первые антиимпериалистические меры, принятые национальной буржуазией, пришедшей к власти в бывших колониях, показали, что эти страны перестают выполнять роль монопольно выгодных сфер для вложения иностранного капитала.

Это предопределило существенные изменения в направлении экспорта капитала в послевоенный период. Частные инвестиции стали в больших размерах направляться в высокоразвитые страны Западной Европы, в Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Важной сферой для вложения частного капитала продолжала оставаться Латинская Америка. Однако и там тенденции к развитию государственного капитализма и созданию

привилегий для национальной буржуазии до некоторой степени сдерживали приток частных инвестиций.

Изменилось значение освободившихся колониальных стран и в качестве рынков сбыта, и в качестве поставщиков дешевого сырья и продовольствия для империалистических государств. Бывшие колонии переставали быть монопольными рынками для метрополий. Из закрытых рынков они превратились в открытые для других конкурирующих стран. Это существенно повлияло на направление внешней торговли и борьбу империалистических держав за передел рынков.

Примером того, как утрата монополии на колониальные рынки повлияла на торговлю, может служить изменение удельного веса Англии во внешне-торговом обороте ее бывших владений.

**Удельный вес Англии во внешнеторговом обороте
новых государств Азии¹**
(в %)о

	1938 г.			1948 г.		
	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот
Индия	34,4	31,4	33,0	21,7	22,7	22,8
Пакистан . .	—	—	—	8,6	19,9	10,5
Цейлон . . .	50,0	20,9	36,8	30,2	17,6	23,9

Завоевание политической независимости бывшими колониями сказалось не только на географии внешней торговли, но и на ее структуре. Не только Англии, но и другим империалистическим державам пришлось отказаться от попыток бойкотировать стремление Индии и всех освободившихся стран развивать свою собственную промышленность. Возможность для этих стран получить машины и оборудование из Советского Союза и других социалистических стран, которая вполне реально обозначилась уже к концу первого послевоенного пятилетия, заставила империалистические державы отказаться в некоторой степени от своих старых колонизаторских методов. Они вынуждены были выступить в новой для них роли поставщиков машин и оборудования в те районы Азии, которые ранее насильственно удерживались ими на положении аграрно-сырьевых придатков индустриальных государств. Программы промышленного развития, выдвигавшиеся национальной буржуазией новых государств Азии, и первые шаги по их реализации вели к изменению роли этих стран в мировой торговле сырьем и продовольствием. Империалисты теряли преимущество моно-

¹ «Direction of International Trade». Annual issue. Annual Data for the Years, 1938, 1948 and 1954—1957. Statistical Papers, Series T, vol. IX, № 10, New York, 1958.

польного распоряжения источниками сырья, расположенного на территории колониальных стран. Становилось также очевидно, что индустриальное развитие бывших колоний будет вести и к уменьшению тех «излишков» дешевого продовольствия, которые империалистические страны могли беспрепятственно вывозить.

Все это делало неизбежным изменение структуры хозяйства метрополий. Создавалась непосредственная угроза подрыва империалистической основы разделения труда между индустриальными и слабо развитыми странами.

В слабо развитых странах, которые и до войны были зоной хронического голода, производство продовольствия в расчете на душу населения продолжало оставаться катастрофически низким. В 1948—1952 гг. в среднем за год производство зерновых культур в развитых капиталистических странах составило 263 млн. т, а в слабо развитых — 210 млн. т. На душу населения в индустриальных странах производилось зерна примерно в 2,5 раза больше, чем в слабо развитых странах¹. Вполне понятно, что эти страны в гораздо меньшей степени, чем до войны, могли выполнять роль поставщиков сельскохозяйственной продукции для развитых капиталистических стран.

Нарушение сложившегося международного разделения труда и разрыв традиционных экономических связей, вызванные второй мировой войной, были усилены после нее «малыми» войнами в Юго-Восточной Азии. Ослаблению исторически сложившейся «взаимозависимости» индустриальных и слабо развитых стран капиталистического мира способствовали также сдвиги в экономике в связи с прогрессом науки и техники. Так, усовершенствование производства синтетического каучука сделало его полноценным заменителем натурального сырья; синтетическое и искусственное волокно уменьшило значение хлопка, шерсти, шелка-сырца и т. д.

В послевоенной капиталистической экономике начали существенно изменяться пропорции между странами высокоразвитыми и слабо развитыми.

В слабо развитых странах продукция сельского хозяйства выросла в 1948 г. всего на 2% по сравнению с предвоенным уровнем, а в высокоразвитых странах этот прирост превысил 12%.

Вместе с тем в развитых капиталистических странах произошел известный скачок в сельском хозяйстве. Степень его механизации и химизации сильно увеличилась. Производительность труда возросла столь значительно, что капитал устремился в сельское хозяйство как в прибыльную сферу инвестирования. В результате возросло самоснабжение индустриальных капиталистических стран продовольствием и некоторыми видами сырья.

Упадок и застой в сельском хозяйстве слабо развитых стран не компенсировались сколько-нибудь существенным ростом местной промышленности. В индустриальных странах в 1948 г. по сравнению с довоенным периодом продукция обрабатывающей промышленности выросла на 45%, а в слабо развитых — только на 37%. Несколько иное соотношение сложилось в добывающей промышленности. В индустриальных странах за тот же период ее продукция увеличилась на 26,6%, а в слабо развитых — на 40,8%. Это превосходство в темпах роста добывающей промышленности было достигнуто слабо развитыми странами главным образом за счет добычи нефти на Ближнем Востоке.

И все же, несмотря на некоторый рост промышленности в слабо развитых странах за время войны и первые послевоенные годы, их доля в промышленной продукции всего капиталистического мира не увеличилась. Об этом можно судить по следующей таблице.

¹ См. В. Рымалов, В. Тягуненко. Слабо развитые страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1961, стр. 144—145.

Изменение доли двух основных групп стран в промышленном производстве капиталистического мира ¹

(в %)

	Годы	Добывающая и обра- батывающая пром.	Добывающая промыш- ленность					Обрабатывающая промышленность					
			вся	в том числе				вся	в том числе				
				уголь	руды ме- таллов	сырая нефть и газ			легкая	тяжелая	текстиль- ная	металлур- гия	металло- обработ.
Промышленно- развитые страны	1938	90,9	83,3	97,2	57,2	82,4	91,9	89,5	94,8	85,6	93,2	96,9	
	1948	90,9	81,6	96,6	67,4	77,4	92,0	88,6	95,1	84,4	93,6	97,1	
Слаборазвитые страны (ис- ключая ¹ стра- ны Океании)	1938	9,1	16,7	2,8	42,8	17,6	8,1	10,5	5,2	14,4	6,8	3,1	
	1948	9,1	18,4	3,4	32,6	22,6	8,0	11,4	4,9	15,6	6,4	2,9	

Если взять всю промышленность — и добывающую и обрабатывающую, — то доля слаборазвитых стран в производстве капиталистического мира в 1948 г. была такой же, как и в 1938 г. Однако структура промышленного производства в слаборазвитых странах изменилась в худшую сторону. Вырос удельный вес добывающей промышленности и понизился — обрабатывающей. Развитие промышленности шло главным образом за счет старых отраслей.

Южная и Юго-Восточная Азия по всем показателям, за исключением добычи нефти, уменьшили свою долю в промышленном производстве капиталистического мира. Но и добыча нефти выросла не настолько, чтобы изменить общую картину падения роли этого района в мировом капиталистическом хозяйстве. Доля Африки, Ближнего и Среднего Востока увеличилась главным образом за счет добывающей промышленности и лишь в незначительной мере на это повлияло развитие обрабатывающей промышленности данного района. Доля же Латинской Америки возросла в связи с развитием не только добывающей, но и обрабатывающей промышленности, особенно текстильной.

Изменилось положение слаборазвитых стран и на мировом капиталистическом рынке.

В то время как индустриальные страны уже в 1948 г. почти достигли довоенного объема экспорта товаров, а в 1950 г. значительно превзошли его, аграрно-сырьевые страны лишь в 1950 г. ненамного превзошли довоенный объем экспорта. При этом экспорт увеличился в основном за счет вывоза нефти, добыча которой целиком находится в руках иностранных монополий. Если же исключить нефть из общего объема экспорта, то даже в 1950 г. аграрно-сырьевые страны не достигли довоенного объема по экспорту товаров.

Такая неравномерность в развитии экспорта индустриальных и аграрно-сырьевых стран вызвала тяжелые экономические последствия для последних. Аграрно-сырьевые страны, как правило, — должники империалистических

¹ «Patterns of Industrial Growth 1938—1958», United Nations. New York, 1960.

стран. Они вынуждены оплачивать иностранные капиталовложения экспортом своих товаров, чтобы погашать займы и выплачивать проценты по ним. Долговая кабала вынуждает аграрно-сырьевые страны постоянно иметь активный торговый баланс. Сокращение же экспорта после войны привело к дефициту их торгового баланса, вызвало расстройство их финансовых систем.

Индексы физического объема мирового капиталистического экспорта ¹ (1937 г. — 100)

	1948 г.	1950 г.
Весь капиталистический мир	95	114
Индустриальные страны *	98	123
Аграрно-сырьевые страны	90	103
Исключая экспорт нефти	83	93
а) Латинская Америка	94	95
Исключая экспорт нефти	84	84
б) Другие сырьевые страны	88	108
Исключая экспорт нефти	81	97

* США, Канада, страны Западной Европы и Япония.

Причиной возникших финансовых трудностей было и усиление неэквивалентного обмена. По подсчетам специалистов ООН, в 1947 г. слаборазвитые страны получали за одно и то же количество экспортируемого сырья значительно меньше промышленных товаров, чем до войны. Так, например, текстильных изделий Французская Экваториальная Африка получала за вывозимое ею сырье меньше на 68%, Иран — на 54, Британская Гвинея — на 50, Чили — на 42, Индия — на 49% ².

Всё это явилось причиной дефицитности их торгового баланса.

Торговые балансы аграрно-сырьевых стран капиталистического мира ³ (в млрд. долл.)

	1938 г.	1948 г.
Экспорт (фоб)	7,0	20,4
Импорт (сиф)	7,2	22,4
Баланс	+ 0,2	— 2,0

Неспособность аграрно-сырьевых стран обеспечить активным сальдо торгового баланса свою платежеспособность в качестве должников империалистических держав вызвала немалое беспокойство правящей в этих державах финансовой олигархии. Именно в связи с этим впервые возникли планы «помощи» колониям в таком развитии их хозяйства, которое способствовало бы усилению их экономической «взаимосвязанности» с метрополиями.

В 1948 г. в Англии был принят «закон о развитии заморских ресурсов», который предусматривал создание двух корпораций — Корпорации по развитию колоний и Заморской продовольственной корпорации ⁴. Во Франции

¹ Подсчитано по «World Economic Survey. 1958», U. N. New York, 1959, p. 85.

² «Post War Price Relations in Trade between Underdeveloped and Industrialized Countries», U. N. Economic and Social Council, 1949, p. 104.

³ Исключая их торговлю с социалистическими странами. Подсчитано по: «Statistical Yearbook 1959», U. N., 1960.

⁴ См. Р. Палм Датт. Кризис Британии и Британской империи, стр. 378—406.

активизировал свою деятельность Центральный банк французских заморских владений, который предоставлял займы и субсидии из специально созданного для этой цели Фонда экономического и социального развития, а также займы частным предпринимателям для их инвестиций в колониях.

Разумеется, «планы развития» имели одновременно и политический характер. Империалисты рассчитывали с их помощью дезорганизовать национально-освободительное движение, вызвать замешательство среди его участников. Кроме того, целью империалистов было укрепить свои военные позиции в слаборазвитых странах, а также создать благоприятные политические и экономические условия для экспорта частного капитала.

США уже в первые послевоенные годы стали главным оплотом колониализма. Однако не во всех районах колониального мира они в то время выступали со своей программой. В частности, в то время инициативу в разработке программ «помощи» слаборазвитым странам взяли на себя европейские метрополии, стремившиеся укрепить за их счет свои собственные позиции. Империалисты США видели тогда главную опасность для капитализма не в национально-освободительном движении колониальных народов, а в революционном движении народов Европы. «Доктрина Трумэна» и «план Маршалла», появившиеся на свет весной и летом 1947 г., были призваны прежде всего спасти капитализм в Европе. Американские империалисты исходили из того расчета, что, укрепившись в европейских метрополиях, они проложат себе дорогу и к эксплуатации их заморских колоний и сфер влияния. Такая стратегия и предопределила направление американской «помощи».

**Распределение субсидий и займов США
по географическим районам с 1 июля 1945 г.
по 31 декабря 1950 г.¹**

	Млн. долл.	%
Европа *	18 985	66,9
Ближний Восток, Африка и Южная Азия**	1 610	5,7
Юго-Восточная Азия и район Тихого океана	4 293	15,1
Латинская Америка	364	1,3
Прочие	3 106	11
<i>Всего</i>	28 358	100,0

* Исключая Грецию и Турцию.

** Включая Грецию и Турцию.

Большая часть американской «помощи» за пределами Европы, куда шло почти три четверти всех ассигнований, направлялась на финансирование

¹ Подсчитано по: «Statistical Abstract of the United States. 1956». Washington, 1956, p. 890—894.

реакционной гоминдановской клики в Китае и колониальных войн в Индокитае и Индонезии. В тот период инвестиции правительства США в экономику слаборазвитых стран были ничтожны.

К концу первого послевоенного пятилетия монополистическая буржуазия Европы благодаря американским субсидиям и займам получила возможность выделять больше капитала для инвестиций в своих колониальных владениях и сферах влияния. Получая субсидии и займы от США, европейские капиталистические страны продолжали экспортировать капитал в колонии, что приносило им значительно более высокие доходы. Разумеется, такая политика должников не устраивала американских кредиторов.

20 января 1949 г. правительство США, провозгласив 4-й пункт «программы Трумэна», сделало заявку на самостоятельное оказание «помощи» колониям и слаборазвитым странам.

Конечно, помимо стремления американских империалистов найти прибыльные сферы для вложения капитала, 4-й пункт «программы Трумэна» представлял собой и важный шаг на пути создания военно-политического блока колонизаторов для борьбы с национально-освободительным движением.

Попытки колонизаторов при посредстве программы «помощи» удержать слаборазвитые страны в системе империалистического разделения труда, сохраняя их на положении аграрно-сырьевых придатков, не могли увенчаться успехом. Никакая «помощь» империалистических держав не могла избавить слаборазвитые страны от тех трудностей, которые были порождены сдвигами в мировом капиталистическом хозяйстве. Единственный выход состоял для них в том, чтобы решительно изменять характер своей экономики, избавляясь от ее однобокой аграрно-сырьевой направленности. Но этот выход могли дать только демократические преобразования, способные обеспечить рост внутреннего рынка, а также развитие экономических связей с социалистическими странами — единственными индустриальными государствами, готовыми искренне и бескорыстно содействовать избавлению слаборазвитых стран от тяжелого экономического наследия колониализма. Монополистический капитал ни при каких обстоятельствах не может способствовать программе их индустриализации и всестороннего развития экономики, ибо это подрывает основы империалистического угнетения.

4. Начало нового этапа борьбы между империалистическими державами за рынки и сферы приложения капитала

После окончания войны началось восстановление относительного единства мирового капиталистического рынка. Этот процесс происходил на суженной территории и в условиях весьма существенных изменений, вызванных обострением общего кризиса капитализма. В «едином» мировом капиталисти-

ческом хозяйстве, несмотря на необходимость безотлагательной ликвидации последствий войны, сразу же развернулась борьба за экономический передел мира между империалистическими державами.

Важнейшей ареной, где с самого начала проявилось столкновение империалистических держав, была внешняя торговля. Выше уже приводились данные, показывающие, насколько выросла доля США в экспорте капиталистических стран.

Но успехи внешнеторговой экспансии США фактически дезорганизовали мировой капиталистический рынок, привели к резкой диспропорции в платежных балансах главных капиталистических стран, к подрыву относительного равновесия ввоза и вывоза.

После второй мировой войны США добились небывалого актива и торгового и платежного балансов. Они продолжали увеличивать свою долю в мировых запасах золота. В то же время все другие капиталистические страны, не имея возможности за счет своего экспорта покрывать все возрастающий объем платежей Соединенным Штатам, должны были продавать им золото, подрывая тем самым устойчивость своей валюты. Обесценение валют капиталистических стран по отношению к доллару давало возможность американским монополиям по дешевке скупать имущество в этих странах. Инфляция снижала стоимость рабочей силы, в связи с чем для американских корпораций создавались выгодные условия инвестирования капитала в странах, попавших к ним в кабалу.

За 1946—1949 гг. среднегодовой экспорт из США составил 13 266 млн. долл., импорт — 6374 млн. долл., превышение экспорта над импортом — 6892 млн. долл. Экспорт, таким образом, превышал стоимость импорта более чем в 2 раза. Золотой запас США возрос за эти же годы на 4,5 млрд. долл. и достиг в августе 1949 г. своего максимального уровня — 24,8 млрд. долл., что составляло свыше двух третей централизованных золотых запасов капиталистического мира.

Средством, способствовавшим выкачке золота, было также искусственное повышение золотого содержания доллара. Казначейство США покупало золото по цене 35 долл. за 1 унцию, что соответствовало золотому паритету доллара, установленному в 1934 г. Но после войны произошло обесценение доллара не меньше чем на треть его стоимости. Однако США продолжали поддерживать старую цену на золото, искусственно снижая стоимость золота, выраженную в долларах, чтобы сделать доллар «валютой валют». США, используя свое монопольное положение на мировом капиталистическом рынке, установили монопольно низкую цену на закупку золота. Это была новая форма неэквивалентного обмена. Скупая золото по низкой цене, США фактически грабили те страны, которые, нуждаясь в долларах, должны были обменивать на них свои запасы золота.

Политика американских империалистов, усугублявшая «долларовый голод» во всем капиталистическом мире и усиливавшая одновременно «золотое полнокровие» США, порождала острые противоречия между США и главными империалистическими государствами.

Для уяснения одной из важнейших движущих сил ожесточенной конкурентной борьбы, развернувшейся между США и их империалистическими соперниками, следует более детально ознакомиться с платежным балансом США.

Платежный баланс США по текущим операциям¹
(в млрд. долл.)

	1938 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Экспорт товаров .	3,2	11,7	16,1	13,5	12,3	10,6
Доходы от инвестиций	0,6	0,8	1,1	1,3	1,4	1,6
Поступления от услуг и прочие	0,5	2,3	2,6	2,3	2,3	2,2
<i>Всего</i>	4,3	14,8	19,8	17,1	16,0	14,4
Импорт товаров .	2,2	5,1	6,0	7,6	6,9	9,1
Платежи по инвестициям иностранного капитала в США . .	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3
Платежи за услуги и пр.	0,7	1,7	2,0	2,4	2,5	2,7
<i>Всего</i>	3,1	7,0	8,2	10,3	9,7	12,1
Сальдо в пользу США	1,2	7,8	11,6	6,8	6,3	2,3

Таблица показывает, насколько сильно по сравнению с довоенным уровнем выросло активное сальдо платежного баланса США.

Однако с 1948 г., когда капиталистическая Европа в основном завершила восстановление своей экономики, началось сокращение экспорта товаров и соответственно актива платежного баланса США. Наступил переломный момент и в экономическом развитии США.

Резко возросшее активное сальдо платежного баланса США имело прямым следствием усиление дефицитности платежного баланса других капиталистических стран, и прежде всего западноевропейских.

В отличие от США Западная Европа и до войны имела пассивный торговый баланс. Но дефицит торгового баланса уравнивался за счет «невидимого экспорта» — доходов от инвестиций, фрахта, банковских операций, туризма и т. д. Свой дефицит по платежному балансу с США европейские капиталистические страны покрывали доходами от эксплуатации колоний. Но

¹ Balance of Payments of the United States. Revised Series. A Supplement to the «Survey of Current Business». Washington, 1954, «Survey of Current Business», March 1955.

после войны одновременно с увеличением дефицита платежного баланса с США стал дефицитным платежный баланс стран Западной Европы и с другими капиталистическими государствами.

Картину резкого ухудшения платежного баланса Западной Европы и причин возникшего в ней «долларового голода» показывает следующая таблица:

**Платежный баланс капиталистических стран Европы
по текущим операциям¹**
(в млрд. долл.)

	1938 г.		1947 г.		1948 г.		1949 г.		1950 г.	
	в целом	в США	в целом	в США	в целом	в США	в целом	в США	в целом	в США
Экспорт	3,7	0,6	6,4	1,0	8,8	1,3	10,2	1,0	9,9	1,3
Импорт	5,5	1,3	13,7	6,1	14,4	4,6	13,5	4,2	12,8	3,4
Сальдо торгового баланса	-1,8	-0,7	-7,3	-5,1	-5,6	-3,3	-3,1	-3,2	-2,9	-2,1
Доходы от инвестиций	+1,2	+0,1	+0,4	—	+0,4	—	+0,4	—	+0,5	+0,1
Услуги	+0,6	+0,2	-0,5	-0,5	+0,3	-0,1	+0,1	+0,1	+0,4	+0,3
Сальдо баланса товаров и услуг	—	-0,4	-7,4	-5,6	-4,9	-3,4	-2,6	-3,1	-2,0	-1,7

Львиная доля дефицита торгового баланса Западной Европы, а также общего баланса товаров и услуг — результат резко изменившейся роли США в ее торговле. До войны на США приходилось менее половины дефицита торгового баланса Западной Европы, а после нее — более двух третей этого дефицита.

Были, конечно, и другие причины дефицитности платежных балансов Западной Европы. К ним в первую очередь относится увеличение военных расходов. Немалую роль в обострении «долларового голода» в Западной Европе играло и сокращение ее торговли с Советским Союзом и странами народной демократии.

В тисках «долларового голода» оказался ряд стран Азии и Латинской Америки, до войны имевших активный платежный баланс с США. В то время как экспорт американских товаров в эти страны резко возрос, их собственный экспорт в США остался на относительно низком уровне. «Долларовый голод» во всем капиталистическом мире усугублялся тем, что США и после войны продолжали проводить политику агрессивного протекционизма, закрывая свой рынок для ввоза многих товаров при помощи высоких таможенных пошлин и других протекционистских мероприятий. В этих условиях единственным способом сохранить огромное преобладание Соединенных Штатов в мировом капиталистическом экспорте товаров было предоставление кредитов и оказание долларовой «помощи» тем странам, на рынках которых США старались закрепить захваченные ими

¹ International Monetary Fund. Balance of Payments Yearbook, vol. 1, 2, 3, 4 (1949—1952).

позиции. Новое заключалось в том, что этот экспорт капитала в значительной мере осуществлялся на государственно-монополистической основе.

Капиталовложения США за границей ¹
(в млрд. долл.)

	1939 г.	1945 г.	1946 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Все капиталовложения	11,4	16,8	18,7	29,4	30,7	32,8
В том числе:						
Частные	11,4	14,7	13,5	16,3	16,9	19,0
Государственные .	—	2,1	5,2	13,1	13,7	13,8

В общем объеме американских капиталовложений за рубежом государственный капитал составлял в 1945 г. 13%, а в 1950 г. — уже 43%.

В послевоенный период «помощь» в сочетании с государственными займами и субсидиями явилась новой формой экспорта капитала из США, развившейся на основе усиления государственно-монополистического капитализма. Материальной основой экспорта государственного капитала стало сосредоточение в руках правительства от одной пятой до четверти всего национального дохода, распределяемого через бюджет. Цель государственно-монополистического экспорта капитала заключалась не только в том, чтобы создать наиболее благоприятные условия для вывоза товаров американскими корпорациями и прибыльного вложения их частных капиталов. Государственно-монополистический экспорт капитала преследовал и далеко идущие планы американского империализма. Правящие круги США рассчитывали использовать экспорт капитала, чтобы укрепить свою гегемонию на мировом капиталистическом рынке и увековечить те пропорции в мировом капиталистическом хозяйстве, которые сложились в результате ослабления конкурентов США к исходу второй мировой войны.

Характерной чертой государственно-монополистического экспорта капитала стала милитаризация экономики всех попавших в зависимость от США стран. Это превращало Западную Европу в крупнейший рынок сбыта для американских концернов, заинтересованных в экспорте оружия и строительстве военных баз и других стратегических объектов.

¹ «Экономика капиталистических стран», стр. 660—661.

Однако стратегические планы государственно-монополистического капитализма США, связанные с новыми формами экспорта капитала, не были и не могли быть в полной мере реализованы. Американские монополии не смогли предотвратить развитие в Западной Европе конкурирующих отраслей производства. Интересы монополистической буржуазии этих стран требовали принятия мер для отпора американской конкуренции. В результате попытки ликвидировать протекционистскую политику монополистического капитала Западной Европы потерпели провал.

К ограничению импорта из США толкало буржуазию западноевропейских стран и ухудшение платежных балансов, грозившее подорвать устойчивость валют, в которой европейская финансовая олигархия, возобновившая экспорт капитала, была чрезвычайно заинтересована. Кроме того, по мере восстановления промышленности Западной Европы ее монополистическая буржуазия стала добиваться пополнения долларовых резервов не за счет американской «помощи», а путем увеличения товарного экспорта. Вместо «долларовой помощи» она стала добиваться проникновения на долларовые рынки. Начали вводиться и некоторые количественные ограничения импорта из США. К концу 1940-х годов среди промышленных кругов западноевропейских стран стало усиливаться стремление к расширению торговли с социалистическими странами. Потерпела провал и попытка США добиться обратимости европейских валют.

Расчеты США закрепить путем экспорта капитала свое безраздельное господство на мировом капиталистическом рынке, а также приспособить к своим потребностям всю систему международного капиталистического разделения труда оказались совершенно несостоятельными.

Экономический кризис 1948—1949 гг., продолжавшийся 11 месяцев и вызвавший падение промышленной продукции США на 7,7%¹, обнаружил, что США, взявшие на себя задачу «регулирования» всей мировой капиталистической экономики, не в состоянии справиться даже с собственным хозяйством и по-прежнему остаются эпицентром мировых кризисов. Экономический кризис в США выявил беспочвенность апологетической болтовни о наступившей будто бы эре бескризисного развития капитализма.

Хотя экономический кризис в США не захватил другие капиталистические страны, он все же оказал очень большое влияние на всю мировую капиталистическую экономику. Он вызвал сокращение импорта в США на 6,1%² и показал всем другим капиталистическим странам неизбежность усиления их трудностей в сбалансировании расчетов с США. Новые опасности возникли

¹ «National City Bank. Monthly Letter», March 1960.

² Ibidem.

и для аграрных стран. С 1948 г. в США начался аграрный кризис. С тех пор США развернули в широких масштабах демпинг сельскохозяйственной продукции, субсидируемый за счет государства. Сильно пострадали многие страны и от падения цен на сырье, ввозимое в США.

Многообразные последствия американского экономического кризиса привели в сентябре 1949 г. к девальвации фунта стерлингов на 30,5%. За ней последовала подлинная эпидемия девальваций. В течение одной недели были снижены курсы 26 валют. Всего эта «эпидемия» охватила 35 капиталистических стран¹.

Массовая девальвация капиталистических валют явилась показателем обострения межимпериалистических противоречий, в частности англо-американских. Большие размеры девальвации объяснялись стремлением Англии резко и решительно изменить в свою пользу условия конкурентной борьбы. Девальвация, несомненно, повысила конкурентоспособность стран с обесцененной валютой.

В гонке вооружений империалисты США видели одно из средств преодоления экономического кризиса 1948—1949 гг. Они стали еще больше форсировать экспорт вооружения, ускорили формирование военного блока империалистов, чтобы расширить рынок для военной промышленности и связанных с ней отраслей. В этом была одна из экономических основ Североатлантического договора, заключенного в апреле 1949 г. Путем «бескровной оккупации» территорий своих союзников американские империалисты решили усилить их зависимость от США.

5. Развитие государственно-монополистических тенденций в международных экономических отношениях.

Наднациональные экономические организации — новая сфера межимпериалистического соперничества

Во время второй мировой войны стали возникать новые международные экономические организации. Они должны были сыграть роль государственно-монополистической надстройки над мировой капиталистической экономикой, призванной содействовать сохранению и укреплению классового господства финансовой олигархии.

Американские империалисты придавали большое значение наднациональным международным экономическим организациям, рассчитывая использовать их как средство контроля над всей мировой капиталистической экономикой в своих интересах.

¹ См. А. В. Еврейсков. Кризис валютной системы капитализма. М., 1955, стр. 186, 190.

Естественно, что в наднациональной государственно-монополистической надстройке, которая сама была порождена интернациональным переплетением капиталов, отражалось реальное соотношение сил, складывавшееся в мировом капиталистическом хозяйстве. Международные экономические организации, созданные по инициативе американских империалистов, стали не только орудием диктата и давления монополий США на другие страны капиталистического мира, но и, вопреки их расчетам, превратились в арену межимпериалистического соперничества. В рамках этих организаций происходило не только объединение капиталистических стран под эгидой США, но и их разъединение, ибо складывались такие группировки стран, в которых стали проявляться взаимно противоречивые локальные интересы империалистических конкурентов.

Важным орудием экономической политики стал Международный валютный фонд (МВФ). Американские империалисты получили возможность прикрывать свою экономическую экспансию ширмой международной организации.

Несмотря на предусмотренное уставом МВФ фиксирование валютных паритетов, участники фонда не отказались от свободного маневрирования валютными курсами в интересах конкурентной борьбы на мировом рынке. Фиктивность валютной стабильности, установленной МВФ, вскрыл валютный кризис, нашедший свое выражение в девальвации 1949 г. Франция, Италия, Канада, Австрия, Греция и ряд стран Латинской Америки, будучи членами МВФ, не придерживались установленных им паритетов, введя колеблющиеся в широких пределах курсы валют, а такие страны, как Швейцария и Новая Зеландия, отказались вступить и в МВФ и в Международный банк реконструкции и развития, опасаясь утратить контроль над своей валютной политикой. США не сумели при помощи МВФ удержать неизблемым золотой паритет доллара. Кроме официальной цены золота в 35 долл. за унцию продолжала существовать его цена, стихийно установленная на черных рынках золота и на валютных рынках. Она выявляла подлинный паритет доллара в отношении золота и других валют.

Уже в первые послевоенные годы МВФ взял курс на ограничение кредитных операций. Американские империалисты считали более выгодным в этот период предоставлять кредиты и «помощь» непосредственно от имени правительства США. Они даже монополизировали свое право на оказание «помощи». 5 апреля 1948 г. МВФ по настоянию США вынес специальное решение о том, что государства, получившие «помощь» по «плану Маршалла», лишались права получать валюту у фонда.

Американский диктат определял и деятельность Международного банка реконструкции и развития (МБРР)¹. Вопреки декларациям, которые делались в период учреждения МБРР, его главной функцией не стало первоочередное предоставление кредитов на восстановление народного хозяйства странам, сильнее всего пострадавшим от войны. Директорат МБРР проявил, например, полное пренебрежение к нуждам Польши. Дискриминационная политика вынудила Польшу выйти из состава членов МБРР в 1950 г. Страны Азии и Африки, крайне нуждавшиеся в финансовой помощи, также были факти-

¹ «International Bank for Reconstruction and Development 1946—1953». Baltimore, 1954; «Agreement between the United Nations and the International Bank for Reconstruction and Development». New York, 1958; «Международные экономические организации». Справочник. М., 1960, стр. 166—175.

чески обойдены МБРР в первое послевоенное пятилетие. Вместе с тем характерно, что первый и самый крупный кредит в размере 250 млн. долл. МБРР предоставил в 1947 г. французскому правительству Рамадье, которое, выслуживаясь перед американскими империалистами, удалило из своего состава коммунистов. Вторая финансовая операция МБРР, как и последующие его кредиты, тоже ничего общего не имела с целями реконструкции и развития пострадавших от войны стран.

Вскоре после окончания войны, в ноябре 1945 г., были опубликованы американские «Предложения по расширению мировой торговли и занятости», в которых предусматривалось создание Международной торговой организации (МТО) для «регулирования» мировой торговли. При ее помощи монополии США надеялись уничтожить все барьеры, мешающие их торговой экспансии, взять в свои руки механизм контроля над таможенной политикой всех капиталистических стран.

По инициативе США в апреле 1946 г. первая сессия Экономического и Социального совета ООН приняла решение о созыве Международной конференции по торговле и занятости. Для реализации этого решения был создан Подготовительный комитет из представителей 15 государств. Однако рождение МТО не состоялось. Дело в том, что важной задачей, которую ставили США перед МТО, являлось устранение преференциальных таможенных систем, созданных европейскими империалистическими державами. Цели, преследуемые США, шли вразрез с интересами монополий других держав, и вполне понятно, что они не нашли поддержки у конкурентов США.

Паллиативом МТО оказалось Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), подписанное 30 октября 1947 г. в Женеве и вступившее в силу с 1 января 1948 г., после ратификации его государствами-участниками¹. ГАТТ не стало наднациональным органом, способным диктовать свою волю правительствам входящих в его состав государств. Однако в его лице возникло межгосударственное учреждение, которое США пытались использовать как свое орудие и одновременно как ширму для их соглашений и сделок с монополиями других капиталистических стран, направленных как против социалистических стран, так и против национально-освободительного движения.

Используя это соглашение, США сразу же стали добиваться от Англии отказа от имперских преференций. Англия, поставившая себя в зависимость от американской «помощи», должна была отступить. При заключении Генерального соглашения Англия пошла на ослабление системы имперских преференций: 5% преференциальных тарифов было ликвидировано и четвертая их часть уменьшена на 35% и более. Кроме того, Англия, как и другие страны, обязалась не повышать оставшиеся преференциальные тарифы и не вводить новые преференции. Несмотря на то что ГАТТ не стало в руках американских монополий безотказно действующим оружием, им все же удалось использовать это международное соглашение, чтобы вынудить его участников к уступкам.

¹ A. J. Peaslee. International governmental organizations. Constitutional documents, vol. I. The Hague, 1956; Р. Быстрицкий. Международные торговые соглашения и организации. М., 1957; Л. Фитуни. Торговые договоры и соглашения капиталистических стран. М., 1958.

Уже на первых порах существования ГАТТ правящие круги США стали искать новые средства для сокрушения таможенных, валютных и иных барьеров, стоящих на пути их экономической экспансии. Этой цели призвано было служить государственно-монополистическое объединение, созданное усилиями американской финансовой олигархии на базе «плана Маршалла», — Организация европейского экономического сотрудничества¹.

Цели, которые ставились перед Организацией европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), выходили далеко за пределы «плана Маршалла», рассчитанного лишь на несколько лет. Этой организации отводилась роль американизированного паневропейского союза, призванного уничтожить или по крайней мере подорвать национальный суверенитет и независимость европейских народов.

ОЕЭС стала связующим звеном в деятельности всех наднациональных государственно-монополистических организаций в Европе. При посредстве ОЕЭС правящие круги США добились создания контролируемого ими Европейского платежного союза. Зародышем его явилось заключенное государствами-участниками «плана Маршалла» 16 октября 1948 г. Соглашение о внутриевропейских платежах и компенсациях. Тем самым создавалась дополнительная возможность для США активно вмешиваться в кредитно-платежные отношения европейских государств и воздействовать на их экономические взаимоотношения².

Определенные функции по регулированию международных экономических отношений в интересах американских монополий и их партнеров были возложены на НАТО³.

Среди учреждений НАТО, на которые были возложены функции такого рода, на первое место надо поставить Комитет по координации экспорта стратегических материалов (КОКОМ). На него фактически была возложена роль организатора экономической блокады Советского Союза и стран народной демократии. В список «стратегических» произвольно вносились товары, имеющие очень отдаленное отношение к военному производству.

«Комитет инфраструктуры», созданный для установления контроля над расходованием странами НАТО средств, отпускаемых на строительство совместных военных сооружений, стал своеобразным подрядчиком монополий по размещению их капиталовложений и органом, координирующим деятельность международных картелей — фабрикантов оружия.

В результате усилий У. Черчилля при поддержке США в 1949 г. был образован «Европейский совет», в который вошли представители 15 государств. На совет была возложена функ-

¹ A. J. Peaslee. International governmental organizations. Constitutional documents, vol. 2. The Hague, 1956; R. Sannwald and J. Stohler. Economic Integration. Princeton, 1959; А. И. Шануро. Экономическая экспансия монополистического капитала США в Западной Европе после второй мировой войны. М., 1956.

² W. Diebold. Trade and payments in Western Europe. A Study in economic cooperation 1947—1951. New York, 1952; Л. И. Фрей. Международные расчеты и финансирование внешней торговли капиталистических стран. М., 1954.

³ См. гл. XXVII.

ция наднационального парламента и верховного органа по делам «европейской интеграции».

Устав совета был подписан 5 мая 1949 г. на Лондонской конференции десяти государств-учредителей: Бельгии, Великобритании, Дании, Ирландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Франции и Швеции. 10 августа 1949 г. в г. Страсбурге состоялась церемония официального учреждения «Европейского совета». Позднее членами совета стали Греция, Турция, Австрия, Исландия, ФРГ. В качестве наблюдателей в его работе приняли участие представители Испании, Португалии, Швейцарии и Израиля¹.

Многочисленные законодательные проекты «Европейского совета» оказались мертворожденными из-за непреодолимых противоречий между его участниками. Однако совет все же способствовал организации ряда крупных международных государственно-монополистических объединений. Первым из них было «Европейское объединение угля и стали», возникшее в 1950 г., о котором подробно будет сказано в следующем томе. «Европейский совет» установил тесные связи с ОЕЭС, ГАТТ и другими наднациональными организациями, выполняющими волю одних и тех же хозяев. Не малое влияние оказывал «Европейский совет» и как важнейший центр растленной космополитической пропаганды.

Таким образом, уже к концу первого послевоенного пятилетия в капиталистическом мире возникла сложная сеть наднациональных государственно-монополистических организаций. Особенно много оказалось их в Европе. Это, конечно, не случайно. Корни этого явления лежат не только в политике империалистических государств. Они таятся и в объективных процессах, происходящих в сфере экономики. Небывалое усиление государственно-монополистического капитализма в отдельных империалистических странах не могло не повлечь за собой его возросшей роли в сфере внешних экономических и политических связей между ними.

«Европейская интеграция» имела своей целью создание экономической основы для единой европейской стратегии НАТО. «Объединение» Европы представляло собой не результат политического сближения ее народов, а союз между монополиями, направленный против жизненных интересов этих народов.

Союз империалистических монополий стремился мобилизовать все реакционные силы Западной Европы для борьбы против социалистической Восточной Европы, для разгрома рабочего движения в Западной Европе, для подавления национально-освободительного движения в колониях европейских империалистических держав. В противовес этому союзу монополий складывался фронт демократических сил, борющихся за подлинное единство Европы, против превращения ее в плацдарм новой мировой войны.

¹ Statute of the Council of Europe. May 1949, with amendments approved by the committee of ministers at Strasbourg in 1952 and 1953. London, 1955; И. И. Ермашев. «Европейский совет» в агрессивных планах американского империализма. М., 1949.

ПРЕВРАЩЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ОСНОВНОЙ ЦЕНТР РЕАКЦИИ И АГРЕССИИ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В 1945—1949 гг.

1. Усиление роли США в ослабленном капиталистическом мире. Антикоммунизм американской монополистической буржуазии вовне и внутри страны

На содержание и характер послевоенной внешней политики американского империализма определяющее влияние оказывали четыре основных фактора:

1) Всемирно-исторические успехи социализма, формирование и развитие мировой социалистической системы, коренное изменение в соотношении сил на международной арене в пользу социализма, в ущерб капитализму.

2) Победа национально-освободительных революций во многих странах, распад системы колониального порабощения, борьба народов молодых суверенных государств против империализма, все более активное участие этих государств в мировой политике и международных отношениях.

3) Резкое изменение «баланса сил» внутри ослабленного капиталистического мира в пользу Соединенных Штатов; огромный рост влияния США на экономику и политику мирового капитализма; решающая роль американского империализма в создании военно-политической системы, блока всех основных империалистических держав, направленного против мирового социализма, национально-освободительного и демократического движения.

4) Изменения и сдвиги внутри самих Соединенных Штатов; рост неустойчивости их экономики и обострение классовых противоречий; дальнейшее развитие государственно-монополистического капитализма, усиление реакционности внутренней политики монополистической буржуазии и вместе с тем противодействие масс диктату монополий.

Первый и второй из этих факторов были всесторонне проанализированы в предшествующих разделах. Здесь необходимо лишь подчеркнуть, что победа социалистических революций в ряде стран Европы и Азии нанесла невосполнимый урон всей мировой капиталистической системе, в том числе и американскому империализму. Эти потери были усугублены утратой империализмом большей части его колониальных тылов, а также непрерывно крепнущим сотрудничеством социалистических государств с народами, борющимися за свою независимость. Поэтому характернейшей чертой усиления влияния США в экономике и политике капиталистического мира в послевоенные годы явилось то обстоятельство, что это влияние возрастало в

условиях ослабления мировой капиталистической системы, упадка капитализма как общественно-экономической формации, революционного разрушения империализма, как такового.

Кардинальные сдвиги в соотношении сил двух систем, глупо классовые по своему характеру, привели к тому, что послевоенная политика монополистической буржуазии США стала в гораздо большей степени, чем раньше, олицетворять интересы международного капитала. Необходимость укрепления его позиций в целом определила тесную связь классовых интересов монополистической буржуазии США, как главной страны капитализма, с интересами монополистической буржуазии всех остальных империалистических держав — и поверженных во второй мировой войне, и входивших в антигитлеровскую коалицию.

Первое послевоенное пятилетие прошло в значительной мере под знаком гегемонии американского империализма в капиталистическом мире, скачкообразного усиления влияния США в его экономике и политике. Все это во многом связано с последствиями второй мировой войны.

Во-первых, в огромной степени усилилось действие закона неравномерности экономического и политического развития капитализма — одного из его наиболее универсальных законов. Во-вторых, под воздействием войны гораздо интенсивнее проявился ряд присущих американскому империализму тенденций: резко ускорилось развитие государственно-монополистического капитализма в Соединенных Штатах; был дан толчок значительному расширению внутреннего рынка. В итоге процесс превращения США в главную страну капитализма, развивавшийся на всем протяжении эпохи империализма, достиг своего апогея в период после второй мировой войны.

«Экономический, а вслед за ним политический и военный центр империализма переместился из Европы в США»¹, — с полным основанием подчеркивается в Программе КПСС.

Известно, что еще в канун перехода к империализму США обогнали все остальные капиталистические страны по удельному весу в мировом промышленном производстве. Накануне второй мировой войны на долю США приходилось около половины промышленной продукции капиталистического мира. В годы войны из основных воюющих держав только США не испытали таких бедствий, как разрушение производительных сил в результате оккупации территории, прямых вооруженных действий, налетов вражеской авиации и т. д. Людские потери США также были сравнительно невелики. В то же время американская империалистическая буржуазия максимально использовала военную конъюнктуру и для загрузки огромных производственных мощностей (законсервированных в период экономического кризиса 1929—1933 гг., последовавшей за ним депрессии и кризиса 1937—1938 гг.) и для большого капитального строительства, связанного с военными нуждами. Общие мощности промышленности расширились за годы войны примерно на 40%. Годовой темп прироста промышленной продукции США превысил за время войны

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 31.

15%. Если принять уровень промышленного производства пяти предвоенных лет (1935—1939 гг.) за 100, то в 1943 г. этот уровень поднялся до 239%¹.

Военная конъюнктура предоставила финансовой олигархии США новые, гораздо более широкие возможности и на внешнем рынке. Экспорт Соединенных Штатов в его физическом объеме более чем утроился (с 2,6 млрд. долл. в среднем в год в 1934—1938 гг. вырос до 8,2 млрд. долл. в год в 1939—1945 гг., составив в общей сложности за этот период 57,4 млрд. долл.)².

Вызванный войной бум в американской экономике, с одной стороны, и тяжелые экономические последствия войны для всех основных империалистических конкурентов Соединенных Штатов — с другой, привели к тому, что удельный вес США в объеме промышленного производства капиталистического мира вырос с 41,4% в 1937 г. до 62% в 1947 г. Удельный вес США в мировом капиталистическом экспорте вырос с 14,2% в 1937 г. до 32,5% в 1947 г., т. е. в 2,3 раза, и составил около трети всего экспорта капиталистических стран. Надо добавить, что к концу войны Америка по тоннажу торгового флота превзошла все остальные капиталистические страны, вместе взятые.

Созданная войной обстановка способствовала значительному расширению вывоза капитала из США. В то время как заграничные инвестиции Англии и других стран резко уменьшились, долгосрочные капиталовложения США за границы возросли с 11,4 млрд. долл. в 1939 г. до 15,3 млрд. в 1945 г. В 1950 г. они достигли 32,8 млрд. долл. Даже по преуменьшенным официальным данным, доходы США от внешних инвестиций составили (без процентов по государственным займам) за 1946—1955 гг. 21,2 млрд. долл. (включая реинвестированные прибыли в 6 млрд. долл.). Это означает, что сумма прибылей от вывоза капитала за первое послевоенное десятилетие превысила объем частных долгосрочных инвестиций США в 1946 г. (12,3 млрд. долл.)³.

Для послевоенного вывоза американского капитала характерно, во-первых, резкое расширение его географических границ (доллар устремился буквально во все части капиталистического мира и особенно в колониальные империи европейских держав-метрополий, оказавшиеся под ударами национально-освободительного движения) и, во-вторых, небывалое проникновение в Западную Европу — цитадель старого капитализма.

Вывоз капитала всегда был одним из важнейших элементов колониалистской политики американского империализма, важным средством проникновения монополий США на рынки главных европейских держав и Японии. Достаточно напомнить о первостепенной роли доктрины «открытых дверей» и «долларовой дипломатии» во всей внешнеполитической деятельности США.

В послевоенный период США, воспользовавшись тяжелым экономическим и финансовым положением остальных империалистических государств, усиливают экспансию в ряд зависимых от европейского капитализма стран, а также непосредственно в колонии и полуколонии Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Португалии. По подсчетам английских экономистов, общая сумма американских капиталовложений в странах Британского содружества (без Англии) в 1950 г. впервые в истории превысила размер английских капиталовложений⁴.

Вместе с тем американский капитал постарался широко «открыть двери» и в европейские метрополии: Англия, Франция и другие западноевропейские державы становятся объектами «долларовой дипломатии».

¹ «Federal Reserve Bulletin», March 1950, p. 353—354.

² «Investigation of the National Defence Program». New York, 1946, p. 2—3.

³ См. «Монополистический капитал США после второй мировой войны». М., 1958, стр. 569, 584.

⁴ «New Commonwealth», January 18, 1954, p. 57.

Американский империализм широко использовал такие рычаги воздействия, как кредиты в 19 млрд. долл., выделенные в годы второй мировой войны, деятельность подчиненных американскому капиталу Международного банка и Международного валютного фонда и особенно послевоенные займы и кредиты, которые предоставлялись как «помощь» разоренным войной странам Западной Европы. Значительно возросла роль Соединенных Штатов и как валютного центра капиталистического мира. В первые послевоенные годы в США сконцентрировалось до 70% всех золотых запасов капиталистических стран.

Процесс превращения Соединенных Штатов в крупнейшего международного кредитора, обирающего множество стран, начавшийся после первой мировой войны, в огромной мере усилился в период второй мировой войны, и после ее окончания. США далеко обогнали весь остальной капиталистический мир по размерам вывоза капитала, а в первые послевоенные годы были, по существу, единственной из т. н. великих капиталистических держав, экспортирующей капитал в крупных масштабах. Резко возросла роль американского капитала в ограблении народов колониальных и зависимых стран, в расхищении природных ресурсов и других национальных богатств экономически слаборазвитых стран.

«Американский монополистический капитал, разбухший на дрожжах военных прибылей и гонки вооружений, — подчеркивается в Программе КПСС, — захватил важнейшие источники сырья, рынки сбыта и сферы приложения капитала, создал своеобразную колониальную империю, стал самым крупным мировым эксплуататором»¹.

В прошлом, как известно, существовал определенный разрыв между первостепенным значением США в экономике капиталистического мира и сравнительной слабостью их позиций в балансе военных сил. Так, в конце XIX века США — тогда уже первая промышленная держава мира — по размерам военно-морского флота занимали лишь двенадцатое место, а по сухопутным вооруженным силам разрыв этот был еще большим. Однако в годы первой мировой войны он был в значительной мере преодолен, а затем окончательно ликвидирован во вторую мировую войну.

Если в свое время одной из особенностей исторического развития Америки было меньшее по сравнению с Европой господство милитаризма и бюрократии, то уже с первой мировой войной США утратили эту особенность и, как отмечал Ленин, скатились в «грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих»².

Вторая мировая война привела к такому положению, когда американский империализм по степени развития милитаризма оставил позади все капиталистические страны и в послевоенные годы стал главной милитаристской силой, заняв место разгромленных фашистских государств.

Американский империализм создал невиданную по своим масштабам военную машину. Он стал обладателем наибольших

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 31.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 25, стр. 387.

по размерам вооруженных сил: сухопутных, военно-морских и военно-воздушных. США далеко обогнали весь остальной капиталистический мир в производстве таких средств массового уничтожения и разрушения, как атомное оружие. США опоясали весь капиталистический мир цепью своих военных баз и выступили в качестве инициатора и организатора системы империалистических военных блоков.

Усиление милитаристских тенденций в США — яркое свидетельство распространения на американский империализм всех основных черт и закономерностей, присущих империализму, как таковому. Милитаризм — неотъемлемое свойство современного капитализма. Выдвижение главной страны капитализма по основным экономическим показателям в ранг наиболее милитаризованной державы капиталистического мира — закономерный процесс, доказывающий, с одной стороны, дальнейшее загнивание капитализма вообще, а с другой — полную несостоятельность буржуазных измышлений о пресловутой «исключительности» американского капитализма.

Первенствующая роль США в мировой экономике капитализма и превращение их в наиболее сильную в военной области империалистическую державу способствовали значительному росту политического влияния Соединенных Штатов в капиталистическом мире. Это вполне закономерно, ибо именно сила является в условиях империализма основным критерием политического престижа того или иного государства.

В том же направлении действовали и определенные процессы, связанные с последствиями войны. В итоге ее были разгромлены ударные отряды мировой реакции — фашистская Германия и милитаристская Япония. В ходе войны оказался скомпрометированным ряд буржуазных правительств и партий даже в тех капиталистических странах, которые выступали против фашистских государств. В те годы народы особенно отчетливо увидели человеконенавистническую сущность фашизма как крайнего проявления империалистической реакции. Что же касается американской монополистической буржуазии, то она беззастенчиво спекулировала на демократических лозунгах и пыталась, используя факт участия США в антигитлеровской коалиции, поднять престиж и правящих кругов США, и пресловутой буржуазной демократии в целом. «Мы должны осуществлять моральное руководство миром, или мир вообще останется без руководства»¹, — заявил сенатор Ванденберг, раскрывая цели американской верхушки.

Расстановка сил внутри капиталистического мира сложилась так, что никакая иная держава, помимо США, не могла бы с успехом выступить в качестве его политического и идеологиче-

¹ «The Private Papers of Senator Vandenberg». Ed. by A. H. Vandenberg Jr. Boston, 1952, p. 267.

ского центра. Впервые за время существования империализма в руках монополистической буржуазии США оказались как крупнейшие экономические козыри — огромное преобладание США в мировом капиталистическом хозяйстве, так и важные политические преимущества, способствующие резкому повышению удельного веса этой страны в мировой капиталистической политике.

Впервые за всю эпоху империализма основные империалистические державы, встревоженные всемирно-историческими победами социализма, объединились вокруг одной из этих держав — США — в военно-политический блок, создали империалистический лагерь. Естественным центром этого лагеря стала наиболее влиятельная военная, экономическая, политическая и идеологическая сила современного империализма — американский империализм. *«Монополистическая буржуазия США — главный оплот международной реакции»*¹, — указывается в Программе КПСС.

Превращение противоречия между социализмом и империализмом в основное, определяющее противоречие современного мира, сколачивание под эгидой монополистической буржуазии США «священного союза» для борьбы против социализма не могло, естественно, снять самых глубоких межимпериалистических противоречий. В основе последних лежит неискоренимая рознь экономических интересов монополий различных стран, острота проявлений которой сказывается тем сильнее, чем больше сужается территориальная сфера господства капитализма.

Таким образом, по ряду причин, и прежде всего в результате действия закона неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма, США к окончанию второй мировой войны захватили беспрецедентные командные позиции в экономике, политике и идеологии капиталистического мира, а также в сфере военных отношений между капиталистическими государствами. Однако этот процесс, как уже отмечалось выше, развивался в обстановке небывалого упадка капитализма как системы. И усиление реакционных тенденций в политике главной страны капитала свидетельствовало о внутренней слабости всего современного капитализма, о его неуверенности в своих силах, о его сомнениях по поводу исхода той грандиозной борьбы двух мировых систем, которая развернулась в послевоенный период на международной арене.

Питательной средой для этой неуверенности были и внутренние процессы, развивавшиеся в самих Соединенных Штатах: общее полевание масс, рост классового самосознания и организованности пролетариата, сплочение под влиянием

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 31.

антифашистского освободительного характера войны демократических сил. И в этой стране тесно переплетались, взаимодействуя, борьба против наступления монополий на жизненный уровень трудящихся, в защиту гражданских прав народа, с одной стороны, и сопротивление масс внешнеполитическим авантюрам, противодействие «холодной войне» и подготовке новой мировой войны — с другой.

Ослабление позиций капитализма как мировой системы сопровождалось усилением экономической неустойчивости американского капитализма, обострением присущих ему внутренних антагонистических противоречий. Все черты общего кризиса капитализма, характерные для второго его этапа, в Соединенных Штатах проявились в полной мере.

Резкое увеличение производственных мощностей США в годы второй мировой войны вступило в острейшее противоречие с проблемой реализации в послевоенные годы. Уже с конца 1943 г. хозяйственная конъюнктура стала ухудшаться. Индекс промышленного производства упал с 239 в 1943 г. (за 100 принимается средний уровень 1935—1939 гг.) до 203 в 1945 г. и 170 в 1946 г. Общее число занятых снизилось с 55,7 млн. человек в июле 1944 г. до 51 млн. в январе 1946 г.

После незначительного увеличения производства с конца 1946 г. до середины 1948 г. (основой его являлись модернизация главных отраслей американской промышленности, развитие ряда новых производств, расширение экспорта, милитаризация экономики) Соединенные Штаты во второй половине 1948 г. вступили в циклический экономический кризис. Индекс промышленного производства упал с октября 1948 г. по июль 1949 г. на 10,4%, а за весь 1949 г. — на 6,7% против 1948 г. Значительно увеличилась безработица, резко ухудшилось положение в сельском хозяйстве.

Попытки монополистического капитала преодолеть внутренние затруднения путем усиления эксплуатации трудящихся вызвали обострение классовой борьбы, подъем стачечной волны. Размах забастовок в первый послевоенный год превзошел рекордный до этого в истории США уровень 1919 г., в 1946 г. бастовало более 4,6 млн. человек. Если в довоенное пятилетие (1936—1940 гг.) среднее ежегодное число забастовок в США составляло 2,9 тыс., то в первое послевоенное пятилетие (1946—1950 гг.) оно увеличилось до 4,1 тыс.

В поисках выхода из социальных противоречий и вместе с тем в целях создания наиболее благоприятных условий внутри страны для обеспечения экспансии за ее пределами монополистический капитал США яростно преследовал прогрессивных представителей американского народа, усилил реакционность своей внутренней политики.

Афишируя на словах программу так называемого «справедливого курса» («Fair Deal»), призванного якобы быть преемником «нового курса» Ф. Д. Рузвельта, правительство Трумэна на деле повело наступление на жизненный уровень и демократические права американского народа.

В то время как президент Трумэн уверял, что в США происходит «величайшая социальная и экономическая революция»¹, а множество буржуазных идеологов и пропагандистов из кожи лезли вон, чтобы представить Соединенные Штаты в качестве страны «народного капитализма», в действительности там все шире становилась пропасть между горсткой миллионеров и миллиардеров и миллионами трудящихся. По данным переписи 1950 г., 85% американцев вообще не имели собственности на орудия и средства производства; зато 0,2—0,3% населения владело основной частью акций всех американских корпораций². К концу второй мировой войны, когда прибыли моно-

¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 483—485.

² См. Р. Миллс. Властвующая элита. Перев. с англ. М., 1959, стр. 166.

полий США возросли более чем в 3,5 раза по сравнению с довоенным уровнем, свыше 70% американских семей получали доход меньший, чем прожиточный минимум, определенный «комитетом Геллера», а в первые послевоенные годы реальная зарплата трудящихся в США — самой богатой стране капитализма — значительно упала по сравнению с военным временем.

В послевоенный период в США была принята целая серия антирабочих законов. Лишь в 1946 г. в комиссиях конгресса обсуждалось 90 антирабочих биллей, а в 1947 г. было внесено свыше 200 таких биллей. Самую реакционную роль сыграл «закон Тафта-Хартли». Преподнесенный под видом «поправки» к «закону Вагнера», он предусматривал отмену ранее существовавшего законодательства о трудовых отношениях, завоеванного в свое время американским пролетариатом в упорной борьбе. 21 марта 1947 г. президент Трумэн подписал закон о так называемой «проверке лояльности», что положило начало жестокой травле демократических сил, нагнетанию атмосферы страха и подозрительности.

Для обстановки послевоенных лет в США особенно характерно выдвижение на первый план антикоммунизма. «Отражая глубокий идейный кризис и крайнюю степень деградации буржуазной идеологии, — указывается в Заявлении Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г., — антикоммунизм чудовищно извращает марксистское учение, грубо клеветает на социалистический общественный строй, фальсифицирует политику и цели коммунистов, ведет травлю демократических миролюбивых сил и организаций»¹.

Именно антикоммунизм стал основой политики и идеологии американской монополистической буржуазии. «Наша задача в ближайшие годы заключается в том, чтобы полностью искоренить коммунизм, — заявил в 1946 г. председатель комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности Дж. Парнел Томас, изблеченный впоследствии в уголовных преступлениях. — Это можно сделать путем разоблачения, разъяснения и преследования»². Раздувание антикоммунистической истерии внутри страны сопровождалось настойчивыми усилиями, направленными на разжигание этой истерии в масштабах всего капиталистического мира. В этом, как и во многом другом, сказалась глубочайшая органическая связь между внутренней политикой американского империализма и политикой внешней, проявилась суть политики империализма США, как политики международной, вытекающей из классовой борьбы не только внутри страны и в лагере капитализма, но и между двумя противоположными общественными системами.

В США — стране буржуазной демократии, где якобы каждый имеет право придерживаться любых политических взглядов, — град репрессий обрушился на коммунистическую партию, члены которой не разделяют взглядов представителей правящих буржуазных партий. В 1947 г. (по обвинению в «неуважении к конгрессу») был приговорен к тюремному заключению генеральный секретарь компартии Юджин Деннис; в 1948—1949 гг. было выдви-

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 79.

² «The New York Times», 27. XI. 1946.

нуто обвинение против 12 других основных руководителей партии (за участие в «коммунистическом заговоре», как утверждало буржуазное «правосудие»); в 1949 г. в конгресс был внесен законопроект Маккарена, который под видом «борьбы против шпионажа» предусматривал усиление преследования коммунистов.

Подводя своего рода «теоретическую базу» под антикоммунистическую истерию, Джеймс Бернхэм, один из наиболее воинствующих идеологов американского империализма, предлагал «*поставить коммунистическую деятельность вне закона*». «Я применяю эти слова, — пояснял он, — в двойном смысле, имея в виду, во-первых, убедить общественное мнение в том, что коммунизм интеллектуально и морально стоит «вне закона» — за пределами допустимых границ цивилизованного общества; и, во-вторых, сделать практический вывод из этого, запретив законом и подавляя организованное коммунистическое движение»¹.

Другая важная особенность послевоенных лет в США — дальнейшее развитие государственно-монополистического капитализма и в прямой связи с этим усиление роли монополий в формировании и осуществлении политики — как внутренней, так и внешней.

В годы войны пошел далеко вперед процесс концентрации производства и централизации капитала. Деятельность наиболее влиятельных американских концернов и трестов приобрела такие масштабы, что ее размах можно сравнить с объемом хозяйственной деятельности целых капиталистических государств.

Среднегодовые прибыли американских корпораций (до вычета налогов) увеличились с 6,2 млрд. долл. в 1936—1940 гг. до 21,5 млрд. долл. в 1941—1945 гг. и 29 млрд. долл. в 1946—1949 гг.

В 1945 г. 250 крупнейших корпораций принадлежало такое же количество средств производства, какое принадлежало всем корпорациям в 1939 г. Активы этих 250 корпораций возросли с 95 млрд. долл. в 1935 г. до 192,8 млрд. долл. в 1948 г. Влияние компаний-миллиардеров (их количество увеличилось с 31 к началу второй мировой войны до 43 в 1946 г. и до 66 в 1952 г.) возросло в такой степени, что они фактически контролировали свыше 75% всех активов корпораций².

С ростом господства монополий в области экономики государственный аппарат США все более подчинялся финансовой олигархии, все прочнее становилось сращивание государства и монополий. Если уже в годы президентства Рузвельта ряд крупнейших монополистов играл большую роль в кабинете, особенно во время войны, то с приходом к власти Трумэна в руках представителей крупного капитала оказались буквально все ключевые посты в федеральном правительстве и в государственном аппарате в целом.

Д. Форрестол — один из крупнейших банкиров, занимавший пост министра обороны, тот самый Форрестол, с именем которого связана военная истерия 50-х годов и который сам стал жертвой этой истерии, покончив жизнь самоубийством, — заявлял, что «порядок в мире может быть установлен лишь бизнесменами»³. И, надо сказать, Трумэн в полной мере последовал этому совету, формируя правительство, взявшее на себя неблагоприятную миссию — установить «американский порядок» в послевоенном мире.

Монополисты Уолл-стрита, как подчеркивал У. Фостер, перестали довольствоваться «управлением правительством, так сказать, на расстоянии. Они вторглись в самое его нутро, устроив своих доверенных людей на многие высокие посты в правительстве и во всех министерствах»⁴.

¹ J. Burnham. Containment or Liberation? New York, 1953, p. 228.

² См. «Корпорации-миллиардеры». Перев. с англ. М., 1954, стр. 8.

³ «The Forrestal Diaries». Ed. by W. Millis. New York, 1951, p. 248.

⁴ У. Фостер. Закат мирового капитализма. Перев. с англ. М., 1951, стр. 66.

С ускорением перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический, финансовая олигархия США получила новые, более широкие возможности навязывать американскому народу свою политику. Это имело самые отрицательные последствия как для самих американцев, так и для дела мира и безопасности во всем мире: американский капитал перешел в послевоенные годы к более широкому применению террористических методов борьбы против народных масс в политике внутренней и к самой широкой экспансии и агрессии — в политике внешней.

2. Программа борьбы за мировое господство американского империализма

Весь послевоенный опыт свидетельствует о том, что попытки буржуазных идеологов и политиков представить империалистическое государство США воплощением «экономического гуманизма» и «политической свободы», а проводимую им внешнюю политику — образцом «миролюбия», «демократии», «бескорыстия» лишены всякого основания. Американский империализм отнюдь не перестал быть империализмом со всеми присущими ему отрицательными свойствами, — напротив, его реакционность сказывается все больше по мере углубления общего кризиса капитализма. Полностью сохранилась империалистическая природа внешней политики США. И если произошли изменения — и весьма существенные — в масштабах и средствах этой политики, в ее формах и методах, то суть перемен заключалась в дальнейшем усилении агрессивности внешнеполитического курса США. Эти изменения отражали процесс превращения американского империализма в центр международной реакции, в главный оплот обреченного историей строя капиталистической эксплуатации, порабощения и угнетения наций и государств.

На протяжении всей эпохи монополистического капитализма стратегической целью внешней политики американского империализма, как и других так называемых великих держав, была борьба за мировую гегемонию. Раскрывая основное содержание внешней политики главных капиталистических государств накануне перехода к империализму и после такого перехода, В. И. Ленин указывал: «Мы имеем перед собой все величайшие мировые капиталистические державы — Англию, Францию, Америку, Германию, — вся политика которых в течение целого ряда десятилетий состояла в непрерывном экономическом соперничестве из-за того, как господствовать над всем миром, как душиť маленькие народности, как обеспечить себе тройные и десятирные прибыли банковского капитала, захватившего весь мир в цепь своего влияния»¹. Эта ленинская характеристика всецело

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 24, стр. 366.

применима к американскому империализму и его внешней политике.

Вся внешнеполитическая деятельность американского государства, вся практика его буржуазной дипломатии сводилась и сводится к стремлению создать такие условия, которые обеспечивали бы монополистическому капиталу США максимальные возможности эксплуатации и ограбления не только «своего» народа, но и народов других стран, к созданию такого международного климата, который максимально благоприятствовал бы экспансии американского капитала во всех частях света, на всех континентах, во всех странах. С этой точки зрения основные цели и характер внешней политики американского империализма оставались неизменными. Не изменились они и в послевоенный период. Нынешний внешнеполитический курс США представляет собой логическое продолжение всей предшествующей политики американского империализма.

Разумеется, в осуществлении этого курса, в практике борьбы американского империализма за мировое господство были своеобразные взлеты и падения. При благоприятных внешних и внутренних условиях указанный курс проводился более интенсивно, и, наоборот, когда не имелось таких условий, правящие круги США вынуждены были умерять свои аппетиты, ограничиваться решением более частных задач в общей стратегической перспективе утверждения своей мировой гегемонии.

Если говорить о таких периодах, когда завоевание мирового господства выдвигалось как важнейшая практическая задача, которой была подчинена буквально вся повседневная деятельность американской дипломатии, то в истории США выделяются два таких периода — и оба они связаны с мировыми войнами.

Первый из них развернулся под воздействием первой мировой войны. В обстановке, когда занятые взаиморазрушением основные европейские империалистические державы ослабили друг друга, американский империализм устами президента Вильсона провозгласил конкретную программу борьбы за установление своей мировой гегемонии. Эта программа отражена в пресловутых «14 пунктах» Вильсона, в позиции США на Парижской мирной конференции, в попытках американских правящих кругов придать самое широкое международное толкование таким доктринам своей внешней политики, как «доктрина Монро», доктрина «открытых дверей», политика «равных возможностей» и т. д.

Попытки завоевания мировой гегемонии США во время первой мировой войны и непосредственно после ее окончания потерпели провал. Причинами этого являлись острые межимпериалистические противоречия, противодействие самого американского народа агрессивной программе монополий США и — что особенно важно подчеркнуть — победа первой в мире социалистической революции. Октябрьская революция прорвала цепь империализма и наложила свой отпечаток на весь характер, на всю систему международных отношений, существенно ограничив произвол, существовавший в этих отношениях в эпоху полного и безраздельного господства капитализма.

Вторая мировая война имела своим следствием такое обострение всех противоречий капитализма, при котором был

осуществлен фронтальный прорыв цепи империализма. Диктатура пролетариата вышла за пределы одной страны и стала силой интернациональной, оказывающей могучее влияние на все мировое развитие. Наша эпоха — эпоха разложения и распада империализма, как такового, эпоха революционной замены капитализма более высокой общественно-экономической формой — социализмом. В этих условиях стали совершенно несбыточными планы утверждения мирового господства той или иной империалистической державы.

Но тщетно ожидать от классов и партий, обращенных в прошлое, трезвого анализа расстановки сил, дальновидной политики, основанной на учете реальных фактов. Ослепленная ненавистью к социализму, монополистическая буржуазия США считала, что вследствие потерь, понесенных Советским Союзом в войне, он не в состоянии будет быстро восстановить свое хозяйство и не сможет сорвать планы американской экспансии. А «баланс сил» внутри капиталистического мира никогда не складывался столь благоприятно для Соединенных Штатов, как в результате второй мировой войны.

Руководствуясь подобными расчетами, американские правящие круги сочли, что вторая мировая война предоставила им беспрецедентные возможности для нового тура борьбы за мировую гегемонию Соединенных Штатов. И они с особой интенсивностью развернули в послевоенный период эту борьбу.

Конкретное содержание ее нового тура, тактические установки, которыми руководствовались американские правящие круги, отражали в известной степени особенности новой исторической эпохи, своеобразие расстановки сил на международной арене. Это предопределило специфику внешнеполитической программы США, выдвинутой после второй мировой войны.

Во-первых, она ставила на первый план борьбу против Советского Союза и других социалистических государств, против мировой системы социализма. Эта особенность программы вытекала из сдвигов, связанных с дальнейшим ростом сил социализма, а также из того, что правящие круги США вынуждены были считаться с принципиально новыми условиями, характеризующимися сосуществованием и борьбой двух мировых систем.

Мощь и влияние Советского Союза и других социалистических государств — главное препятствие империалистической политике агрессии и войны. В соответствии с этим вся — и политическая, и военная — стратегия американского империализма в послевоенные годы предусматривала прежде всего борьбу против Советского Союза и других социалистических государств, борьбу всеми силами и средствами. Причем если в период победы Октябрьской социалистической революции в России и в последовавшие годы антисоветской интервенции американский империализм был одним из главных — наряду с

английским, французским, германским, японским империализмом — организаторов и участников этой интервенции, то после второй мировой войны империализм США стал основным инициатором борьбы против мирового социализма, принял на себя ее основную тяжесть, полностью и всецело взял функции основного центра сосредоточения сил международной контрреволюции.

Мотивы враждебности к Советскому государству заняли центральное место в политике правящих кругов США. «За большую часть минувшего десятилетия, — признавал в 1955 г. один из видных деятелей американского бизнеса, председатель совета директоров «Нейшнл стил корпорейшн» Уэйр, — в нашей международной политике господствовала тема постоянной враждебности к России. Если мы будем откровенны, мы должны будем признать, что такова сама суть американской политики»¹.

Вторая важная отличительная черта послевоенной внешнеполитической программы США — первостепенное внимание, уделяемое в этой программе подавлению национально-освободительного и демократического движения, где бы оно ни происходило, оказанию всемерной помощи реакционным классам в самых различных странах для сохранения и укрепления позиций капитализма и империалистического колониализма. Эта особенность вытекала из того обстоятельства, что правящие круги США вынуждены были считаться не только с территориальным сокращением границ господства капитализма, но и с ослаблением позиций буржуазии внутри суженного капиталистического мира, с углублением и обострением всех противоречий капитализма, характерным для второго этапа его общего кризиса.

В условиях, когда крушение колониализма приобрело значение второго по своим всемирно-историческим последствиям фактора после образования мировой социалистической системы, борьба за предотвращение дальнейшего распада колониальной системы, за то, чтобы вернуть в лоно империализма ряд стран, добившихся национальной независимости, являлась важнейшей составной частью борьбы за само существование капиталистической системы, как таковой. Она была неразрывно связана с осуществлением стратегических замыслов мировой гегемонии американского империализма.

Американские планы предусматривали реставрацию колониальных порядков в тех странах, которые сбросили с себя империалистическое ярмо, захват колониальных империй Англии, Франции и других европейских колониальных держав, подчинение Соединенным Штатам ряда зависимых стран Ближнего и Среднего Востока, Африки, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки.

Для оправдания подобных действий идеологи и политики американского империализма выдвинули специальную концепцию «вакуума силы». Суть ее заключалась в том, что с разгромом фашистских держав и ослабле-

¹ «St. Lois Post Dispatch», 25. V. 1955.

нием колониального господства Англии и Франции в ряде районов создавался якобы опасный для этих районов и для всего мира «вакуум», который должен быть заполнен извне: реакционные круги США полностью отрицали за народами соответствующих районов и стран право и возможность самим решать свою судьбу. При этом силой, способной заполнить этот вымышленный «вакуум», считались, разумеется, только Соединенные Штаты. «Ради нас самих и ради мировой цивилизации мы должны предпринять максимум усилий, чтобы помочь заполнить... моральный, политический и экономический вакуум, — будь то в Европе, Азии или каком-либо ином районе»¹, — заявлял известный американский историк и публицист Чемберлин.

Специфика послевоенных колониалистских планов США заключалась в том, что, осуществляя наступление на колониальные империи европейских держав, американская финансовая олигархия стремилась вместе с тем использовать империалистическую буржуазию метрополий в качестве своего классового союзника, стремилась к созданию единого фронта мирового империализма в борьбе против национально-освободительного движения, за сохранение колониальной системы.

Правящие круги США не могли не видеть и опаснейших для капитализма революционных процессов, развернувшихся в главных европейских капиталистических странах. Эти процессы фактически ставили под удар само существование капитализма в этих странах, так как утрата мировой капиталистической системой Западной Европы, которая представляет собой второй после США основной центр современного империализма и в области экономики, и в области политики, и с точки зрения военного потенциала, нанесла бы непоправимый ущерб капиталистическому миру. Без западноевропейского капитализма фактически лишается практического содержания само понятие «мировой капиталистической система».

Поэтому, наряду с самой упорной борьбой за захват господствующих позиций в экономике Германии, Японии, Италии, а также за позиции, принадлежавшие этим странам на внешних рынках, наряду с ожесточенным наступлением на промышленность, торговлю, финансы Англии, Франции и других империалистических государств Западной Европы, американский империализм считал вместе с тем своей первоочередной задачей оказание помощи реакционным силам главных европейских держав и Японии в борьбе против революционных процессов, развивавшихся в этих странах. В соответствии с этим одной из особенностей американской программы борьбы за мировое господство после второй мировой войны являлся курс правящих кругов США на сколачивание единого фронта всех основных империалистических государств во главе с Соединенными Штатами для совместной борьбы против революционного и демократического движения в этих государствах.

¹ W. H. Chamberlin. *America: Partner in World Rule*. New York, 1945, p. 138.

Третья существенная особенность американских планов заключалась в их широчайшем, «глобальном» характере, в теории подавляющего превосходства США, «всесилия» американского империализма, выдвинутой взамен прежней теории «баланса сил». Еще громче зазвучали, еще шире распространились после войны хвастливые утверждения, будто США — «колосс», чью экономическую, политическую и военную мощь никто не в силах превзойти, будто они «естественный лидер» современного мира, «супердержава», а всем другим государствам и народам не остается ничего иного, как следовать американской указке.

«XX век — это век Америки... первый век, когда Америка является доминирующей мировой силой»¹. Это наглое заявление, сделанное Генри Люсом (редактором и издателем ряда крупнейших американских журналов) в начале второй мировой войны, можно поставить эпиграфом ко всей послевоенной внешнеполитической программе американского империализма.

«Благодаря могуществу своих вооруженных сил, своему превосходству в области экономики, своим ресурсам и моральной силе, вытекающей из американского образа жизни, Америка в состоянии утвердить свое руководство над миром»², — заявлял Бернард Барух, крупнейший банкир и делец, являвшийся советником президентов.

«Сегодня мы — нация-банкир, нация-кредитор, нация-экспортер, великая морская и воздушная держава, центр сосредоточения мировых коммуникаций. Если Рим в свое время был центром существовавшего тогда мира, то в еще большей степени Вашингтон является центром западного мира в XX веке»³, — писал Хэнсон Болдуин, известный военный обозреватель.

«Мы должны взять на себя ответственность крупнейшего акционера в корпорации, известной под наименованием земной шар»⁴, — утверждал на первом послевоенном съезде Национального совета внешней торговли Уэлч, один из руководителей американского бизнеса. И, надо сказать, правительство Трумэна сделало все от него зависящее, чтобы попытаться осуществить это требование верхушки монополистического капитала.

Четвертое отличие рассматриваемой американской программы — гораздо более тщательный, чем когда бы то ни было, камуфляж подлинных целей внешней политики американского империализма. Правительство США, конгресс, основные буржуазные партии, весь огромный пропагандистский аппарат прилагали максимум усилий, чтобы выдать основные военно-стратегические мероприятия США за якобы «вынужденные» перед лицом «коммунистической агрессии».

Характеризуя послевоенный внешнеполитический курс США, Томас Финлеттер, один из видных представителей монополистической верхушки, занимавший ответственные посты в кабинете Трумэна, утверждает, что этот курс был «почти полностью оборонительным» в противовес «наступательным действиям» СССР, народного Китая и других социалистических государств⁵. Причиной огромного роста военных бюджетов США Финлеттер объявляет действия Советского Союза. «Русские заставили нас это сделать»⁶, — пишет он.

¹ H. R. Luce. The American Century. New York — Toronto, 1941, p. 27.

² «The New York Herald Tribune», 18. X. 1944.

³ H. W. Baldwin. The Price of Power. New York, 1945, p. 26.

⁴ «Commercial and Financial Chronicle», 14. XI. 1946.

⁵ T. Finletter. Foreign Policy: the Next Phase. New York, 1958, p. 33.

⁶ Ibid., p. 13.

В том же направлении действует и американская буржуазная историческая наука¹. Профессор Т. Бейли, один из наиболее известных в США авторов по внешнеполитическим вопросам, пытался уверить общественное мнение в том, что, провозглашая «доктрину Трумэна», принимая «план Маршалла», заключая Североатлантический союз и предпринимая другие наиболее агрессивные акты, правящие круги страны якобы руководствовались лишь «инстинктом самосохранения». «Американская политика, — пишет он, — целиком оборонительная по своему характеру — явилась скорее творением людей из Кремля, чем из Вашингтона»².

Тщательно маскировалась и реакционная политика США в отношении стран, борющихся за свою независимость, а также экспансионистские действия американского капитала, направленные против других империалистических стран. С этой целью были пущены в ход демагогические заявления об американской «помощи» всем другим народам, об «антиколониальном» характере политики США, об их отказе от вмешательства во внутренние дела других стран, об уважении идеи национального самоопределения.

Эта отличительная черта американской программы связана со стремлением правящих кругов главной империалистической державы приспособиться к резкому усилению роли народных масс в политике вообще и во внешней политике особенно, воспрепятствовать падению влияния буржуазной идеологии и расширению сферы влияния социалистических и демократических идей в международных отношениях.

Пятая специфическая особенность послевоенной программы американского империализма — открытое выдвижение «политики силы» в качестве важнейшего средства борьбы за мировую гегемонию; расчет на так называемое «атомное превосходство» США; широкое использование «атомной дипломатии» и «атомной стратегии»; активная подготовка войны с применением таких средств массового уничтожения, каких человечество еще не знало.

В этой специфике послевоенной американской программы отражалось усиление милитаризации и загнивания капитализма, как такового, сказывалось возросшее значение военной политики во всей системе внешнеполитических мероприятий, проводимых главной страной современного империализма.

3. Возведение политики «с позиции силы» в ранг государственной внешнеполитической доктрины. «Атомная стратегия» и «атомная дипломатия»

Основным средством реализации своего послевоенного внешнеполитического курса монополистическая буржуазия считала и считает политику «с позиции силы». В этой политике, как

¹ См. раздел седьмой.

² T. Bailey. A Diplomatic History of the American People. New York, 1958, p. 809.

указывал Н. С. Хрущев в отчетном докладе ЦК XX съезду партии, нашли свое отражение «устремления наиболее агрессивных кругов современного империализма к установлению своего мирового господства, подавлению рабочего, демократического и национально-освободительного движения, планы военных авантюр против лагеря социализма»¹.

Использование силы как основного орудия и средства внутренней и внешней политики органически присуще странам капитализма на всех этапах его развития и особенно в эпоху империализма. Закабаление и ограбление народов других, особенно политических зависимых и экономически отсталых стран, захват рынков сбыта, источников сырья, районов приложения капитала, войны за передел колоний и сфер влияния и иные важнейшие элементы внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности империалистических государств неразрывно связаны с применением силы. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что к основным признакам империализма относятся раздел мира между конкурирующими союзами монополистов и вместе с тем территориальный раздел земли между крупнейшими капиталистическими державами. В условиях господства монополистического капитала этот раздел не может осуществляться иначе как «с позиции силы» — силы военной, экономической, финансовой, политической и т. д.

Поэтому не удивительно, что уже с начала эпохи монополистического капитализма империалисты США, широко прибегая к насилию и агрессии, насаждали культ силы и прежде всего силы военной. В конкретной обстановке конца XIX — начала XX века это проявлялось, во-первых, в распространении в США «теории морского могущества», сформулированной адмиралом Альфредом Мэхеном, в области военно-стратегических концепций и, во-вторых, в концепции «предопределения судьбы» («Manifest Destiny») в области внешнеполитической идеологии. Опираясь рядом доводов (такими, как «естественные границы» США в виде двух океанов и подчиненные этому соображения «стратегической безопасности», особый размах в США промышленной революции, быстрый рост населения, принцип «политического притяжения» других государств и территорий к США), американские идеологи и политики пытались обосновать «право» США на неограниченную экспансию, на которые, мол, «самой природой», «предопределением свыше» возложена «ответственность за судьбы мира».

Култ силы самым активным образом использовался агрессивными, реакционными кругами США во время испано-американской войны и особенно в годы первой мировой войны. Впоследствии, в период между двумя мировыми войнами и во время второй мировой войны, ряд концепций, положенных в основу «политики силы», в частности многие геополитические формулы, были взяты на вооружение германским, японским и итальянским фашизмом. А после окончания второй мировой войны основной державой, строящей свою политику на платформе категорий силы, стала главная страна современного капитализма — Соединенные Штаты Америки.

Что же такое «политика силы» или политика «с позиции силы»? В чем суть этой основной американской внешнеполитической доктрины?

Предоставим прежде всего слово ее авторам и апологетам. «Сила» является таким же побудительным мотивом в мировой политике, как «прибыль» в экономике, заявляют известные американские историки и социологи Р. Страус-Хюпе, профессор Пенсильванского университета, и профессор уни-

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. М., 1956, стр. 19.

верситета в Джорджтауне С. Поссонн в своей книге «Международные отношения», изданной в 1950 г. «Обеспечение силы — высшая цель политики», — утверждают они. Причем не какой-то абстрактной силы, а прежде всего силы как необходимого условия успешного ведения войны. Ибо, пишут эти авторы, «внешняя политика в наши дни определяется либо потребностями текущей войны, или вероятностью будущей войны, подразумеваемая при этом либо меры, при помощи которых можно было бы ее избежать, либо подготовку максимально благоприятных условий ведения этой войны, с тем чтобы ее победоносно завершить»¹. «Необходимо иметь в виду, — разъясняют они применительно к периоду после второй мировой войны, — что США будут в состоянии сохранить свои командные позиции только или главным образом путем политики силы»².

«В международных отношениях допустимы все формы насилия, включая разрушительные войны», — писал один из основных апостолов «политики силы», известный американский геополитик Спикмэн. В современном обществе, заявляет он, война представляет собой «естественный» и «необходимый» «инструмент национальной политики, а территория страны — военную базу, с которой государство борется и готовится к войне в момент временного перемирия, именуемого миром»³. В этих условиях «...борьба за силу... становится первостепенной целью внутренней и внешней политики государств. Все остальное второстепенно, потому что в конечном счете только силой можно достигнуть целей внешней и внутренней политики»⁴.

Американская «политика силы» — это империалистическая политика экспансии и агрессии, диктата одной страны — Соединенных Штатов Америки — по отношению ко всем другим народам и странам, политика шантажирования войной, а если шантаж не достигает цели — подготовки и развязывания захватнических агрессивных войн. «Политика силы» предусматривала накопление таких средств и орудий, при помощи которых американский империализм рассчитывал оказаться могущественнее всех других государств, чтобы навязать им свои условия послевоенного мирного урегулирования, свою программу «устройства мира», обеспечить свою гегемонию. Это в первую очередь — накопление орудий и средств войны, «балансирование на грани войны» (применяя терминологию, пущенную в ход в 50-е годы Джоном Фостером Даллесом), использование «локальных войн» и такое «аккумулирование силы», какое могло бы обеспечить успех США в «тотальной» войне, которую реакционные круги этой страны намерены разжечь, когда сложится благоприятная для них обстановка.

Таким образом, «политика силы» — это антитеза политики мирного сосуществования. Империалистическая доктрина силы, положенная в основу внешней политики США, и доктрина мирного сосуществования, представляющая собой генеральную линию взаимоотношений Советского Союза и других социалисти-

¹ R. Strausz-Hupé and S. F. Possony. International Relations. New York — London — Toronto, 1950, p. 2, 6.

² Ibid., p. 177.

³ N. Spykman. America's Strategy in World Politics. The United States and the Balance of Power. New York, 1943, p. 18.

⁴ Ibid., p. 447.

ческих государств с капиталистическим миром, — в корне противоположны.

Если доктрина и политика мирного сосуществования исходят из того, что главная задача, стоящая перед народами и государствами, — не допустить войны, не обращаться к военным средствам, характер которых становится все более разрушительным, для урегулирования международных конфликтов, то «политика силы», наоборот, исходит не только из допустимости, но и «целесообразности» — с точки зрения империалистических кругов США — подготовки новых войн, в том числе мировых, и «закономерности» использования новейших средств массового уничтожения.

Отвергая идею мирного сосуществования государств различных систем, американские сторонники доктрины силы выдвигают тезис о «невозможности» такого сосуществования на сколько-нибудь длительный исторический период. Они умышленно игнорируют возможность мирного сосуществования — факт, доказанный как практикой взаимоотношений СССР со странами, составлявшими его капиталистическое окружение в межвоенные десятилетия, так и эффективным сотрудничеством СССР с капиталистическими странами, входившими в антигитлеровскую коалицию в годы второй мировой войны.

В то время как социалистические государства основывают свою политику на взаимоуважении договаривающихся сторон, на безусловном признании принципов суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности всех стран, равноправия, взаимопонимания и доверия между государствами, американский империализм проводит политику, находящуюся в самом глубоком противоречии с этими важнейшими принципами общечеловеческой морали и гуманизма. «Политика силы» — это политика надменного третирования законных прав всех других государств и народов, беззастенчивого и наглого вмешательства американского империализма в их внутренние дела и во всю систему их внешних отношений.

В противовес законам социалистического общества, которые проникнуты идеями дружбы и сотрудничества народов, проводники и апологеты «политики силы» выдвигают звериные законы капитализма, согласно которым сильный диктует волю слабому, господствует над слабым. «Политика силы» — это экономическое, политическое, военное и идеологическое подчинение американским империализмом всех сравнительно более слабых государств.

Следовательно, одна из важнейших особенностей «политики силы», провозглашенной и осуществляемой правящими кругами США в послевоенный период, заключается в открытом ее противопоставлении политике социалистических стран, доктрине мирного сосуществования государств различных систем.

Уже в этом сказывается бесперспективность внешнеполитического курса американского империализма, порочность современных буржуазных политических теорий вообще и внешнеполитических в особенности. Нереалистичность и субъективизм этих теорий сплошь и рядом граничат с авантюризмом. Вся послевоенная «политика силы» зиждется на той предпосылке, что США якобы сильнее любого другого государства и могут и должны воспользоваться этим для установления своего мирового господства. Но в действительности империализму США противостоят силы несравненно более могущественные, чем доллар и американские атомные пушки, — силы социализма, демократии и мира, силы величайшей человеческой справедливости, гуманности и права, подкрепляемые несокрушимым могуществом СССР и всего лагеря социализма.

Другая характерная особенность послевоенной «политики силы» — самая высокая степень ее «огосударствления», открытое выдвижение доктрины силы в ранг официальной, сформулированной в многочисленных выступлениях президентов и актах конгресса основы внешнеполитического курса США. Если в прошлом те или иные выступления и декларации о «всесилии» США, их «исключительности» и т. д. делались отдельными — пусть влиятельными — представителями правительства, военных или деловых кругов, то в послевоенный период подобные утверждения стали официальной платформой всей практической деятельности американского империалистического государства в области внешней политики и международных отношений.

Это ни в коей мере не означает уменьшения роли монополистического капитала во внешней политике США. Напротив, никогда в прошлом не проявлялась так зримо решающая роль монополий в американской внешней политике, как в послевоенный период. Именно монополии, влиятельнейшие промышленные объединения и финансовые группы, выступают вдохновителями, организаторами и главными участниками внешней экспансии американского империализма. Факты говорят о том, что буквально все основные внешнеполитические мероприятия послевоенных лет вырабатывались и проводились в жизнь при самом активном участии монополистического капитала¹.

Это характерно для таких важных внешнеполитических акций правительства Трумэна, как «доктрина Трумэна», «атомная дипломатия», «план Маршалла», «программа 4-го пункта», заключение Североатлантического блока и создание системы НАТО, провозглашение системы «взаимного обеспечения безопасности». Каждая из этих акций являет собой пример государственно-монополистического предпринимательства. И большинство их, что вполне закономерно, не только отвечало классовым интересам монополистической буржуазии США в целом, но сплошь и рядом представляло в своем конкретном, практическом воплощении средство обогащения наиболее влиятельных финансовых групп.

¹ См. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, гл. V—VII.

Не случайно «атомная стратегия» и «атомная дипломатия», положенные в основу ряда военно-стратегических и внешнеполитических мер американского империализма, стали источником огромных прибылей для тех корпораций (прежде всего это группы Рокфеллеров, Морганов, Дюпонов), которые непосредственно связаны с атомным бизнесом. О его масштабах можно судить хотя бы по размерам капиталовложений в атомную промышленность, которая уже в первое послевоенное пятилетие выдвинулась в число ведущих отраслей производства в США.

Операции, связанные с «планом Маршалла», который много лет был главным звеном американской политики в отношении Западной Европы, привели к огромному обогащению тех из американских трестов, через которые осуществлялась реализация кредитов, отпущенных по этому плану. Достаточно сказать, что в первый год действия «плана Маршалла» 95% всех операций монополизировали всего 12 крупнейших банков США. А рокфеллеровский трест «Стандард ойл оф Нью-Джерси», захватив 60% всех поставок нефти по «плану Маршалла», на одном этом наживал не менее 250 млн. долл. дополнительной прибыли в год.

«Программа 4-го пункта» Трумэна привела к резкому увеличению американских капиталовложений в экономически слабо развитых странах и — как результат этого — к значительному увеличению прибылей от прямых заграничных капиталовложений монополий США.

Политика «с позиции силы» предусматривала одновременную активность американского империализма в различных направлениях — экономическом, политическом, идеологическом, военном. В такой политике воплощалась неразрывная связь между действиями правящих кругов по милитаризации экономики и раздуванию военных бюджетов и наступлением на гражданские права и свободы трудящихся США, между идеологической экспансией под знаменем антикоммунизма и основными военно-стратегическими мероприятиями американского империализма.

Формы и методы осуществления американской экспансии в различные периоды и в разных районах приспособлялись к изменениям в соотношении сил на международной арене, к сдвигам внутри капиталистического мира, а также к внутренним процессам в самих Соединенных Штатах. Но как неизменными оставались главная цель и сущность внешней политики американского империализма — бороться за сохранение и укрепление позиций капитализма и за утверждение мировой гегемонии монополий США, так неизменной была и ставка на «политику силы» или «с позиции силы» как основу основ всего послевоенного внешнеполитического курса США.

При этом в качестве главного направления «политики силы» было выдвинуто военное направление, когда основная роль отводилась подготовке новой мировой войны, прежде всего против социалистических государств, чтобы подобным путем попытаться преодолеть раскол мира на две системы и вернуть капитализму утраченные им позиции, его былую устойчивость.

Это нашло свое отражение в обширнейшей системе военно-стратегических мероприятий США. За 1946—1949 гг. лишь пря-

мые военные расходы составили 85 млрд. долл.; в 1949 г. эти расходы в 12 раз превышали уровень довоенного 1939 г. Вооруженные силы США насчитывали в 1950 г. около 2,5 млн. человек, что являлось беспрецедентным для мирного времени.

Центральное место в арсенале основных методов и средств военно-стратегического курса и всей внешней политики США в послевоенные годы занимала «атомная стратегия» и «атомная дипломатия». Расчеты на «ситуацию силы» в очень большой мере базировались на так называемом «атомном превосходстве» США.

Наиболее влиятельные политические и военные деятели США исходили в своих расчетах из следующих трех факторов:

Во-первых, из монополии на атомное оружие — средство «абсолютной мощи», как полагали американские стратеги. Они надеялись, что США надолго сумеют сохранить атомную монополию. Эта иллюзия порождалась такими факторами, как наличие у США наиболее развитой в капиталистическом мире экономической базы; приобретенный к концу войны опыт в области атомного производства; концентрация в Соединенных Штатах самых квалифицированных научно-технических кадров, в том числе специалистов из многих других капиталистических стран; переход под американский контроль основных источников атомного сырья — и прежде всего урана, — имеющихся в капиталистическом мире.

Во-вторых, из «почти абсолютной способности в области средств доставки такого оружия к цели»¹. Под этими средствами подразумевались бомбардировочная авиация дальнего радиуса действия и военно-морской флот с большим количеством авианосцев. В обеих этих областях США сумели значительно вырваться вперед к концу войны, а уже в первые послевоенные годы вложили в них огромные дополнительные суммы. Расширению стратегической авиации и строительству авианосцев отдавался безусловный приоритет в программе финансирования вооруженных сил.

В-третьих, из «монополии собственной неуязвимости», под которой подразумевалась географическая отдаленность США от вероятных театров военных действий, разветвленная сеть американских военных баз на чужих территориях, а также система противовоздушной обороны, на которую расходовались огромные средства.

Все это, вместе взятое, и привело правящие круги США к иллюзорному выводу, будто они обладают таким «превосходством» в области силы, которое позволит, прибегнув к угрозе атомной войной, навязать всему остальному миру угодные им решения.

¹ R. G. Hubler. SAC: the Strategic air Command. New York, 1958, p. 268.

«Пока мы, и только мы, обладаем атомной бомбой, мы можем диктовать свою политику всему миру»¹, — заявлял бывший президент Герберт Гувер, раскрывая исходные установки той обширной программы экспансии и агрессии, основные черты которой были охарактеризованы выше. «...Наши Военно-воздушные силы обладают решающим оружием, которое позволит Соединенным Штатам установить полицейский контроль над миром и навязать ему своего рода «рах америкапа»², — утверждал генерал Тэйлор, впоследствии начальник штаба американской армии.

Являясь монопольными обладателями атомного оружия, правящие круги США намеревались использовать его как орудие шантажа и давления в своих отношениях со всеми другими странами, в первую очередь с Советским Союзом и остальными социалистическими государствами. Именно к этому и были направлены принятые в США меры по расширению производства и дальнейшему усовершенствованию атомного оружия, а также серия военно-политических актов, преследующих цель сохранить и закрепить монопольное положение США в этой сфере. Важнейшим среди этих актов был план «контроля над атомной энергией», изложенный летом 1946 г. американскими делегатами в комиссии ООН и получивший название «плана Баруха»³. Этот план в противоположность советским предложениям, предусматривавшим полное и безусловное запрещение атомного оружия, избавление человечества от угрозы атомной войны, отнюдь не запрещал подобного оружия и не имел ничего общего с установлением действенного международного контроля над его применением. «План Баруха» сводился, по сути дела, к созданию американского атомного сверхтреста, наделенного самыми широкими полномочиями, который под вывеской международного контрольного органа ООН должен был обеспечить достижение агрессивных целей, выдвинутых монополистическим капиталом и правительством США.

4. Развязывание «холодной войны». Провозглашение «доктрины Трумэна»

Борьба американского империализма за мировую гегемонию, его политика «с позиции силы» оказали самое отрицательное воздействие на международную обстановку послевоенных лет, вызвали ряд серьезных политических кризисов, чреватых войной, явились главной причиной «холодной войны».

¹ *H. Hoover. Addresses upon the American Road. 1945—1948. Toronto — New York, 1949, p. 14.*

² «Look», 24. XI. 1959.

³ См. гл. XXIII.

Империалисты США и их политические и идеологические приспешники приложили немало усилий, чтобы уверить мировое общественное мнение в том, что международную напряженность вызвала якобы проводимая Советским Союзом политика «насильственного расширения границ коммунистического мира», «распространения коммунизма путем применения силы». При этом ссылались на то, что Советский Союз будто бы «вмешивался» во внутренние дела стран Восточной Европы и только потому, мол, в этих странах установился «коммунистический режим».

Буржуазные историки и пропагандисты обвиняют Советский Союз в том, что он якобы первым, по своей инициативе стал ухудшать дружественные отношения, существовавшие между ним и западными державами, в первую очередь с США, во время второй мировой войны, что после ее окончания Советский Союз будто бы стал на путь нарушения взятых на себя в годы войны международных обязательств. И потому, мол, западным державам во главе с США не оставалось ничего иного, как пойти на вынужденные «ответные нарушения» этих обязательств.

Корни «непрекращающегося конфликта между Востоком и Западом... лежат глубоко в русской политике, — в прошлом и в настоящем»¹, — заявляет профессор Стэнфордского университета Эдгар Робинзон. «Холодная война не является американским произведением»², — утверждает военный историк и журналист У. Миллис в опубликованной в 1958 г. коллективной работе «Внешняя политика и свободное общество». СССР — «основной и единственный виновник «холодной войны»»³, — возвещают Страус-Хюпе и Поссонн.

Особенно настойчиво такого рода обвинения бросали Советскому Союзу Трумэн, Бирнс, Ачесон и другие члены американского кабинета первых послевоенных лет — как раз того кабинета, при котором началось резкое ухудшение советско-американских отношений и возникла «холодная война».

Подобные утверждения лишены каких бы то ни было оснований. Империалистические круги США, не желая признать происшедшие в мире революционные изменения, мобилизовали все свои силы для борьбы против социализма и национально-освободительного движения, для укрепления любыми средствами, в том числе и военными, позиций капитализма, для утверждения своего мирового господства. Такой курс был несовместим с отношениями сотрудничества и дружбы, существовавшими между США и СССР в годы второй мировой войны. Уже в конце войны американские правящие круги преднамеренно и сознательно стали игнорировать и нарушать свои обязательства в отношении СССР, занялись подготовкой и развязыванием американско-советского конфликта, всячески усиливая международную напря-

¹ E. Robinson. The Roosevelt Leadership. 1933—1945. Philadelphia and New York, 1955, p. 365.

² W. Millis, J. Murray and others. Foreign Policy and the Free Society. New York, 1958, p. 4.

³ R. Strausz-Hupé and S. F. Possony. International Relations. Ch. XXV.

женность. О том, что дело обстояло именно так, убедительно свидетельствуют весь образ действий правительства и дипломатии США, вся хронологическая последовательность предпринятых ими международных акций.

Остановимся на некоторых фактах.

12 апреля 1945 г. умирает президент Ф. Д. Рузвельт, политик мирового масштаба, убежденный сторонник американско-советского сотрудничества в интересах обеспечения мира и международной безопасности. Его смерть символизировала завершение периода внешней политики США, связанного с американско-советским сотрудничеством военных лет. Реакционные силы, действовавшие и при Рузвельте, сумели воспользоваться формированием нового кабинета для резкого усиления своего влияния. В соответствии с изменившейся стратегической и политической обстановкой, связанной с приближением капитуляции фашистской Германии, реакционеры формулируют иной, в корне враждебный Советскому Союзу внешнеполитический курс США.

20 апреля 1945 г. — совещание нового президента США Гарри Трумэна с приехавшим из Москвы американским послом А. Гарриманом и некоторыми из членов кабинета. Гарриман, признав на этом совещании, что «Советское правительство не намерено порывать с Соединенными Штатами», в то же время настаивал на том, чтобы Трумэн проявил «твердость» в отношениях с Советским Союзом. «Я прервал Гарримана, — вспоминает Трумэн в своих мемуарах, — заявив, что не боюсь русских и намерен быть твердым»¹. При этом под «твердостью» подразумевалось использование самых крайних средств с целью навязать Советскому Союзу американский диктат. Недаром один из виднейших военных руководителей США, генерал Г. Арнольд, уже весной 1945 г. писал: «Наш следующий враг — Россия. Для успешного использования стратегической авиации нам нужны базы по всему миру, расположенные так, чтобы мы могли с них атаковать любой объект России, который нам прикажут поразить»².

23 апреля 1945 г. — послание Трумэна главе Советского правительства. Как и предшествовавшее послание от 18 апреля, это была попытка заставить Советский Союз согласиться на вмешательство западных держав во внутренние дела Польши. Речь шла о нежелании правительства США и Англии, вопреки договоренности, достигнутой на конференции в Ялте, признать ядром реорганизованного правительства национального единства временное польское правительство, пользующееся доверием и поддержкой большинства народа, и стремлении навязать польскому народу правительство, удобное этим державам. «Надо признать необычными условия, — подчеркивал в связи с этим посланием глава Советского правительства, — когда два Правительства — Соединенные Штаты и Великобритания — заранее сговариваются по вопросу о Польше, где СССР прежде всего и больше всего заинтересован, и ставят представителей СССР в невыносимое положение, пытаясь диктовать ему свои требования»³.

8 мая 1945 г. — в день капитуляции фашистской Германии и в разгар войны с милитаристской Японией — Трумэн подписывает приказ о резком сокращении ленд-лиза, в первую очередь применительно к Советскому Союзу. Фактически это означало, как пишет в своих мемуарах Трумэн, «эмбарго на посылку каких бы то ни было судов в Россию» и не могло не вызвать, по признанию президента, «настороженности русских по поводу нашего недружественного отношения»⁴.

¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 70—71.

² H. Arnold. Global Mission. New York, 1949, p. 586—587.

³ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II, стр. 218.

⁴ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 228.

12 мая 1945 г. — Гарриман, как это признается в дневниках Форрестала, ставит вопрос о «необходимости пересмотра» Ялтинских соглашений правительством США¹.

16 июля 1945 г. — на следующий день после прибытия Трумэна в Потсдам, перед открытием важнейшей по своему значению международной конференции, — взрыв первой атомной бомбы на полигоне в Аламогардо (штат Нью-Мексико). Трумэн считал взрыв «демонстрацией силы», призванной оказать влияние на весь последующий ход событий в направлении, избранном правящими кругами США. Еще накануне испытания он заявлял: «Если она (т. е. атомная бомба. — Авт.), как я думаю, взорвется, то у меня, конечно, будет дубина для этих парней»², — то бишь для Советского Союза.

6 и 9 августа 1945 г. — атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки. По словам американского военного историка Мортон, государственный секретарь Бирнс, беседуя в июне 1945 г. с американскими учеными-атомниками, возражавшими против такой меры, признавал, что для разгрома Японии не было необходимости прибегать к этому. Тем не менее Бирнс настаивал на атомной бомбардировке, утверждая, что это может «сделать Россию более сговорчивой в Европе»³.

21 сентября 1945 г. — специальное заседание кабинета, обсуждавшее будущие взаимоотношения с Советским Союзом в свете существовавшей тогда монополии США на атомное оружие⁴. Некоторые более дальновидные члены кабинета, в частности военный министр Генри Стимсон, отдавали себе отчет, в какой мере могут быть осложнены американо-советские отношения, если США, рассчитывая на эту монополию, займутся атомным шантажом. Однако правительство отказалось пойти на запрещение атомного оружия в интересах обеспечения международной безопасности и стало на путь усиленного атомного вооружения, открыто заявляя о его антисоветской направленности.

16—26 декабря 1945 г. — совещание министров иностранных дел в Москве. Как известно, советская делегация на этом совещании проявила максимум готовности к достижению взаимоприемлемых соглашений и охотно шла на разумные компромиссы. Характеризуя итоги совещания, глава Советского правительства отмечал: «...на совещании выполнена работа, которая будет иметь большое значение для установления должного взаимопонимания между нашими странами в этот переходный период от войны к миру... Уже теперь я считаю возможным сказать, что смотрю в общем оптимистически на результаты проходящего сейчас между нами обмена мнениями по актуальным международным проблемам, и надеюсь, что это откроет дальнейшие возможности в деле согласования политики наших стран по другим вопросам»⁵. Это отражало стремление и готовность Советского Союза и впредь идти по пути сотрудничества с США и другими странами Запада. Но подобного сотрудничества не хотели реакционные круги США, и Трумэн вообще не ответил на советское послание. Таким образом, переписка между главами правительств СССР и США, принесшая столь очевидную пользу в годы войны, была в конце 1945 г. прервана президентом Трумэном, за что он несет полную ответственность.

25 января 1946 г. — специальный меморандум Трумэна государственному секретарю Бирнсу о том, что не следует «идти на компромиссы в дальнейшем»⁶. Сам Трумэн весьма откровенно называет в мемуарах свой меморандум «началом новой линии» в политике Соединенных Штатов в отношении

¹ «The Forrestal Diaries», p. 56.

² В. Э. Вильямс. Трагедия американской дипломатии. Перев. с англ. М., 1960, стр. 165.

³ «Foreign Affairs», January 1957, p. 347.

⁴ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 524—527.

⁵ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II, стр. 277—278.

⁶ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 552.

СССР. «Я был уверен, — пишет Трумэн, — что Россия гораздо лучше поймет жесткий и решительный язык, чем дипломатические любезности»¹.

5 марта 1946 г. — фултонская речь Черчилля, произнесенная в присутствии президента Трумэна и получившая его полное одобрение. Эта речь, изобилующая обвинениями Советского Союза в «тоталитаризме», «вмешательстве» в дела стран Восточной Европы и т. п., заложила один из краеугольных камней в создание англо-американского военно-политического блока, направленного против СССР и всех сил свободы и демократии.

Весна 1946 г. — провозглашение государственным секретарем Бирнсом в ряде выступлений, в том числе и официальных, «жесткого курса» в качестве основы взаимоотношений США с Советским Союзом. Это означало, что американские правящие круги открыто стали отходить от международного сотрудничества на основе равноправия, от принятых во время войны Советским Союзом, США и Англией согласованных решений, от принципа единогласия великих держав, положенного в основу создания ООН, и подчинили всю свою политику целям антикоммунизма.

Май 1946 г. — секретный доклад генерала Клея, в то время заместителя американского военного губернатора в Германии, военному министру, в котором предлагается детально разработанный план раскола Германии и ревизии Потсдамских соглашений².

3—10 июня 1946 г. — опубликование в журнале «Лайф» программного выступления Джона Фостера Даллеса «Мысли о советской внешней политике и связанных с этим действиях», изданного затем специальной брошюрой. Утверждая, что внешнеполитический курс СССР якобы «угрожает миру и безопасности» во всем мире, Даллес призывал Соединенные Штаты «противодействовать всем проявлениям советской политики». Особое внимание он требовал уделить созданию «санитарного кордона» на границах СССР. Вместе с тем, заявлял Даллес, США должны максимально «укрепить свои вооруженные силы»³.

15 июня — 12 июля 1946 г. — вторая часть Парижской сессии Совета министров иностранных дел. Делегации западных держав во главе с представителями США выступили на сессии с предложением включить в тексты мирных договоров статьи, предусматривавшие осуществление экспансионистских принципов американской финансовой олигархии, воплощенных в формулы «свободной торговли» и «равных возможностей». Они добивались сохранения иностранного контроля над судоходством в Дунайском бассейне, отвергали справедливые, демократические советские предложения в отношении Италии и судьбы бывших итальянских колоний. При этом отказ Советского Союза согласиться с антидемократическими и экспансионистскими устремлениями США и других западных держав выдавался империалистической пропагандой за свидетельство «несговорчивости» Советского государства, его «нежелания» достичь согласованных решений, его стремления к «диктату».

1 и 25 июля 1946 г. — новые испытательные взрывы американских атомных бомб у атолла Бикини, произведенные с целью оказать политическое давление на Советский Союз в преддверии важных международных совещаний.

29 июля — 15 октября 1946 г. — Парижская мирная конференция. Представители США и Англии настаивали на пересмотре ряда ранее согласованных решений и вновь пытались протащить положения, отвечавшие реакционным и экспансионистским целям их правящих кругов. Однако и на этот раз СССР и все демократические силы дали решительный отпор таким попыткам. Поэтому-то и удалось закрепить в мирных договорах с Италией, Финляндией, Болгарией, Венгрией и Румынией требования, направленные на уничтожение остатков фашизма в этих странах и развитие их по демократическому пути.

¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 552.

² L. Clay. Decision in Germany. New York, 1950, p. 73—78.

³ J. F. Dulles. Thoughts on Soviet Foreign Policy and what to do about it. New York, 1946, p. 1—3, 30.

6 сентября 1946 г. — выступление Бирнса в Штутгарте. Государственный секретарь США официально заявил о намерении американской стороны пересмотреть Потсдамские соглашения и поставил под сомнение постоянный характер польско-германской границы по Одеру — Нейссе¹.

3 декабря 1946 г. — заключение сепаратного соглашения о слиянии американской и английской оккупационных зон в Германии. Это был важный шаг на пути к отказу от согласованной политики четырех держав в германском вопросе, расколу Германии и подготовке условий к возрождению милитаризма в Западной Германии.

Январь 1947 г. — начало деятельности республиканского большинства в конгрессе. Замена Коннэли в качестве председателя комитета по иностранным делам Ванденбергом, а государственного секретаря Бирнса — генералом Дж. Маршаллом. Призывы сенатора Ванденберга к «более решительной антикоммунистической политике в Китае»².

Таков сухой и вместе с тем весьма красноречивый перечень некоторых действий правящих кругов США в 1945—1946 гг. — действий, непосредственно предшествовавших «доктрине Трумэна» и официальному началу «холодной войны». Этот перечень — неопровержимый обвинительный акт против империалистических агрессоров и их идеологических пособников в лице буржуазных фальсификаторов истории.

К весне 1947 г. империалистические силы США сочли, что обстановка достаточно подготовлена — имея в виду как положение внутри страны, так и внешнюю ситуацию, — чтобы открыто заявить о своем стремлении к разрыву заключенных с Советским Союзом в годы войны соглашений, демонстративно усилить поддержку реакционных режимов и клик, во всеуслышание провозгласить борьбу против коммунизма главной своей задачей. Подобное заявление было поручено сделать президенту Трумэну; и оно получило наименование «доктрины Трумэна».

Непосредственным поводом для специального послания президента конгрессу 12 марта 1947 г.³ явился вопрос об оказании Соединенными Штатами «помощи» (в размере 400 млн. долл.) Греции и Турции — странам, отстоящим от Америки на многие тысячи километров и не связанным с ней ранее никакими договорами и обязательствами.

В Греции шла тогда освободительная борьба народа против монархофашистов и их покровителя — британского империализма. Президент Трумэн обрушился в своем послании на демократические и патриотические силы Греции, назвав их «вооруженным меньшинством», которое якобы намерено установить в стране «тоталитарный режим»⁴. Сутью выдвинутой Трумэном доктрины был неприкрытый вызов американского империализма освободительному движению.

Правящие круги США стремились приостановить, опираясь на насилие и разжигание гражданских войн, исторически закономерные освободительные процессы, развертывавшиеся в различных частях земного шара. Вместе с тем в послании Трумэна содержались грубые клеветнические выпады против социалистических стран, что означало открытый переход империалистов

¹ «The New York Times», 7. IX. 1946.

² «The United States in World Affairs. 1945—1947», p. 453—454.

³ «81-st U. S. Congress. 1-st Session. Senate Document № 123. 1949». Washington, 1950, p. 1253—1261.

⁴ Ibid., p. 1256.

США к откровенно враждебному внешнеполитическому курсу в отношении СССР и других социалистических государств. Опираясь на «доктрину Трумэна», американский империализм стремился под видом обеспечения «безопасности США» захватить важные военно-стратегические позиции в районах, весьма отдаленных от Америки, но непосредственно граничащих с Советским Союзом, а под видом оказания «помощи» — прибрать к рукам ресурсы этих районов и подчинить их американскому капиталу.

Антисоветской направленности «доктрины Трумэна» не скрывают и многие американские буржуазные авторы. Так, Вера М. Дин, напоминая об антирусской направленности «доктрины Монро», указывает, что «доктрина Трумэна» явилась в известной мере продолжением «доктрины Монро» и «открыла период политики «сдерживания» России в географических рамках, которые могут допустить США с учетом расширяющейся сферы американских интересов, влияния и силы»¹.

Верхи США считали «доктрину Трумэна» важным программным документом и хотели распространить ее действие на возможно больший круг стран. Правительство официально брало курс на вмешательство американского империализма во внутренние дела других народов и стран.

«Язык послания президента был универсальным. Проблема Греции вырисовывалась как мировая проблема»², — писал известный американский международник Д. Кэмпбелл. «Я утверждал, — заявлял министр обороны Д. Форрестол, — что ...наша поддержка Греции и Турции явится пробным подготовительным шагом к осуществлению других, гораздо более важных экономических и политических актов в различных районах земного шара»³. На заседании одной из комиссий сената Форрестол подчеркивал, что «США жизненно заинтересованы во всем районе от Гибралтара до Индийского океана... Заинтересованы прежде всего с военной точки зрения и вместе с тем с экономической»⁴.

Симптоматичен и момент, выбранный для провозглашения «доктрины Трумэна»: президент выступил со своим посланием через два дня после открытия Московской сессии Совета министров иностранных дел, обсуждавшей важнейшие вопросы послевоенного мирного урегулирования. Американская делегация отвергла на этой сессии предложения Советского Союза, направленные к демилитаризации и демократизации Германии, к установлению четырехстороннего контроля над Руром, к достижению экономического и политического единства страны, к немедленной подготовке мирного договора с Германией⁵.

¹ V. M. Dean. Europe and the United States. New York, 1950, p. 215.

² «The United States in World Affairs. 1947—1948». New York and London, 1948, p. 27.

³ «The Forrestal Diaries», p. 263.

⁴ «Investigation of the National Defence Program. Hearings before Special Committee U. S. Senate, 80-th Congress», part 41. Washington, 1948, p. 25290.

⁵ См. гл. XIX.

Провозглашение «доктрины Трумэна» и позиция, занятая представителями США на Московской сессии, а вскоре после этого и выдвижение «плана Маршалла» свидетельствовали о перерастании «жесткого курса» в «холодную войну». Примерно тогда же, весной 1947 г., американской буржуазной пропагандой широко был пущен в ход и сам термин «холодная война».

Многие буржуазные авторы вынуждены признать, что основные действия США, предпринятые в соответствии с «жестким курсом» и «холодной войной», преследовали откровенно наступательные, а отнюдь не оборонительные задачи, как то утверждала империалистическая пропаганда. Так, скажем, У. Липпман писал, что цель «холодной войны» — «...пресечь расширение Российской сферы ее влияния и закрепление ее за собой, а затем заставить Россию сузить эту сферу»¹.

Итак, не успела окончиться вторая мировая война, стоившая человечеству огромных жертв и страданий, как мир и безопасность народов оказались перед угрозой новой войны. Ответственность за это всецело ложится на империалистические круги основных капиталистических держав, в первую очередь США, о чем свидетельствует весь образ действий американского правительства в первые послевоенные годы.

5. Провозглашение доктрины «сдерживания» коммунизма. Борьба американского империализма против национально-освободительного движения. Курс на гегемонию США внутри капиталистического мира

Переход к «холодной войне» сопровождался выработкой специальных политических и военно-стратегических концепций и доктрин, которые американский империализм вознамерился положить в основу своих практических действий в области внешней политики. Такие концепции выдвигались прежде всего применительно к американо-советским отношениям. Это и понятно: ведь именно в Советском Союзе реакционные круги США видели главного своего противника, основную силу, противодействующую их экспансии.

В 1947 г. была выдвинута доктрина «сдерживания» (containment) коммунизма. На протяжении нескольких лет, вплоть до прихода к власти правительства республиканской партии и официального провозглашения доктрины «освобождения» (liberation), доктрина «сдерживания» являлась господствующей внешнеполитической установкой американского империализма, а проводимый в соответствии с ней внешнеполитический курс представлял собой одну из главных разновидностей политики «с позиций силы».

¹ W. Lippman. The Cold War. New York, 1947, p. 28.

В более или менее систематизированном виде доктрина «сдерживания» впервые открыто была изложена в 1947 г. в выступлениях в печати Джорджа Кеннана, возглавлявшего в то время Совет по планированию политики в госдепартаменте США. С этой точки зрения особый интерес представляют статья «Источники советского поведения» (опубликованная в 1947 г. под псевдонимом «Х» в журнале «Форин афферс»¹, а затем в книге Кеннана «Американская дипломатия. 1900—1947»), статья «Америка и будущее России»² и книга Кеннана «Реальности американской внешней политики»³.

«Открыто признанной целью американской внешней политики является с момента провозглашения «доктрины Трумэна» «сдерживание» советского экспансионизма»⁴, — пишет профессор Винаке. «Политика сдерживания, — утверждал Кеннан, — имеет своей целью противопоставить русским неизменную противодействующую силу в любом пункте, где они проявляют тенденцию к покушению на интересы устойчивого мира»⁵.

В чем же суть доктрины «сдерживания» коммунизма и что скрывалось за внешне «оборонительной» фразеологией ее авторов, пытавшихся изобразить политику империализма США якобы курсом на обеспечение международной безопасности?

Во-первых, авторы доктрины «сдерживания» исходили из отрицания возможности и необходимости длительного мирного сосуществования государств различных систем. Они строили свои расчеты на том, что границы мировой социалистической системы должны сократиться, что Советский Союз и другие социалистические государства рано или поздно вообще перестанут быть социалистическими, что необходимо заставить их капитулировать перед требованиями Запада.

Во-вторых, доктрина «сдерживания» предусматривала активное вмешательство американского империализма во внутренние дела социалистических государств, и прежде всего Советского Союза, с тем чтобы добиться их «эволюции» в направлении реставрации капитализма.

В-третьих, доктрина «сдерживания» предусматривала создание такой «ситуации силы в свободном мире» (эта формула была выдвинута государственным секретарем США Ачесоном)⁶, которая позволила бы разжечь ряд успешных «локальных» войн против социалистических государств и одновременно вести подготовку к большой войне.

¹ «The Sources of Soviet Conduct». By X. «Foreign Affairs», July 1947.

² G. Kennan. America and the Russian Future. «Foreign Affairs», April 1951.

³ G. Kennan. Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954. Следует отметить, что в последние годы Кеннан, учитывая соотношение сил на мировой арене, подверг критической переоценке ряд установок, положенных в основу политики «с позиции силы». Впоследствии он высказал ряд здравых соображений в отношении мирного сосуществования государств двух систем.

⁴ H. W. Vinacke. The United States and the Far East. 1945—1951. Stanford, 1952, p. 128.

⁵ «Foreign Affairs», July 1947, p. 576.

⁶ «The Department of State Bulletin», 26.VI.1950, p. 1037—1046.

«Я не знаю, кто бы из нас не желал сократить район советской власти и советского влияния»¹, — писал Кеннан. Винаке хотя и в несколько завуалированной форме, но довольно недвусмысленно рассматривал политику «сдерживания» как определенный промежуточный этап американской внешней политики. Этот промежуточный этап должен был продолжаться, по мысли Винаке, до тех пор, пока Запад сможет предъявить определенный ультиматум Советскому Союзу и принудить его капитулировать перед американскими требованиями.

Принимая желаемое за действительное, Кеннан утверждал в 1947 г., что Советская власть якобы «внутренне непрочна», что советский народ «физически и морально истощен», что советская экономика — «на грани смерти», что в коммунистической партии «назрел конфликт» и т. д. и т. п.

Сторонники доктрины «сдерживания» исходили из того, что правительство США должно не только использовать «внутренние трудности» — мнимые и действительные, связанные с последствиями войны для СССР и становлением нового строя в странах народной демократии, — но и постараться максимально усугубить эти трудности своей политикой. В этих целях они считали необходимым организовать экономическую блокаду СССР и стран народной демократии, еще больше раздуть «холодную войну», усилить идеологическую и политическую борьбу против стран социализма, максимально развернуть подрывную деятельность внутри этих стран.

Ни одна из сторон доктрины «сдерживания» не имела ничего общего ни со стремлением к миру, ни с подлинной демократией. За внешне «оборонительной» фразеологией ее авторов скрывалось стремление насильно сохранить и расширить позиции капитализма, всеми силами и средствами вести борьбу против мирового социализма. Именно к этому и были направлены основные практические шаги правительства США.

С момента провозглашения «холодной войны» и выдвижения доктрины «сдерживания» правящие круги США начали широкую пропагандистскую кампанию против Советского государства и его миролюбивой политики. Пускалась в ход любая ложь, чтобы очернить Советский Союз. Так, например, государственный департамент США издал официальный сборник «Советско-нацистские отношения», с помощью которого надеялся фальсифицировать историю, лживо обвиняя СССР в сотрудничестве с германским фашизмом и пытаясь переложить на него ответственность за развязывание второй мировой войны. Среди клеветнических вылазок были и такие, как составление реакционной верхушкой Американской федерации труда меморандума о якобы практикуемом в Советском Союзе принудительном труде, и многие другие.

Одновременно было решено оказать на Советское государство экономический нажим. Одним из средств такого давления были дискриминационные в отношении Советского Союза претензии в связи с расчетами по ленд-лизу. Другое подобное средство — саботаж американской военной администрацией в

¹ G. Kennan. Realities of American Foreign Policy, p. 76.

Германии поставок Советскому Союзу оборудования из Западной Германии подлежащих демонтажу военных предприятий германского фашизма. Основные же надежды в области экономической борьбы возлагались на организацию блокады Советского Союза.

В 1947 г. правительство США односторонне расторгло советско-американское соглашение от 15 октября 1945 г. о поставках американских товаров в кредит. В марте 1948 г. правительство США ввело экспортные лицензии, запрещавшие вывоз большинства товаров в Советский Союз. Несколько позднее, в 1951 г., сенат принял так называемую «поправку Бэттла», запрещавшую предоставлять американские кредиты и оказывать какую-либо помощь государствам, которые продают стратегические товары Советскому Союзу и странам народной демократии. В том же году правительство США официально заявило о прекращении действия советско-американского торгового соглашения, которое впервые было заключено в 1937 г. и с тех пор ежегодно возобновлялось. В итоге советско-американская торговля фактически была почти прекращена.

Политическая и экономическая борьба американского империализма против СССР сопровождалась соответствующими военно-стратегическими мероприятиями, причем на них делался особый упор. Об антисоветской направленности рассматриваемых мер убедительно свидетельствует расположение военных баз США. Их сеть особенно густа в непосредственной близости к границам СССР и стран народной демократии или в районах, откуда становятся досягаемыми стратегически важные пункты на территории Советского Союза и других стран социалистического лагеря.

Наряду с военно-мобилизационными мероприятиями американская военщина в послевоенные годы стала широко прибегать к провокациям на границах Советского Союза. Немалая роль отводилась также шпионажу, диверсиям, подрывной деятельности. Вопреки соответствующим советско-американским соглашениям в США было создано множество антисоветских организаций.

Важной составной частью агрессивного внешнеполитического курса империализма США в 1945—1949 гг. и одним из основных конкретных проявлений доктрины «сдерживания» была американская интервенция в Китае.

Империалисты США не обладали собственными вооруженными силами, достаточными в количественном и пригодными в качественном отношении для массовой открытой военной интервенции в Китае. «Мы не могли послать туда (в Китай. — Авт.) такую военную силу, которая обеспечила бы победу...»¹, — признает Трумэн. Кроме того, правящие круги США сознавали, что подобная интервенция разоблачила бы перед всем миром агрессивную сущность американского империализма и вызвала бы не только ожесточенное

¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 62.

сопротивление всего китайского народа, но и сокрушительный отпор со стороны Советского Союза и всего лагеря демократии и социализма, всех миролюбивых, демократических сил. Наконец, такая открытая интервенция неизбежно натолкнулась бы на решительное противодействие самого американского народа и могла бы подорвать внутренний тыл империализма США. Поэтому верхушка США предпочла интервенцию прикрытую, путем всестороннего содействия клике Чан Кай-ши. «Мы решили, — пишет Трумэн, — что единственный разумный образ действий, которому мы могли следовать, — это... оказать генералиссимусу (Чан Кай-ши. — Авт.) политическую, экономическую и, насколько возможно, военную помощь»¹.

Материальная помощь, оказанная Соединенными Штатами гоминдановцам, превысила половину суммы всех расходов на ведение войны. Представитель Китайской Народной Республики У Сю-цюань, выступая 28 ноября 1950 г. в Совете Безопасности ООН с докладом «О вооруженной агрессии США против Китая», подчеркнул, что за время с сентября 1945 г. по 1948 г. Соединенные Штаты оказали Чан Кай-ши материальную и финансовую помощь в размере свыше 6 млрд. долл.²

Гоминдановские армии были вооружены в основном американским оружием и обучены преимущественно американскими инструкторами. «Националистические армии (т. е. армии Чан Кай-ши. — Авт.) не проиграли ни одного сражения в критическом 1948 г. из-за недостатка вооружения или снаряжения», — признает Ачесон в сопроводительном письме президенту, предпосланном Белой книге об отношениях США с Китаем, опубликованной госдепартаментом в 1949 г.³ США отправляли также вооруженные силы для прямого участия в войне, оказывали активную политическую и дипломатическую поддержку китайскому реакционному охвосту. При этом продолжалось дальнейшее внедрение американского капитала в экономику гоминдановского Китая, шла фактическая его колонизация. Однако, как ни значительно было вмешательство американского империализма, ему не удалось воспрепятствовать торжеству народной революции в Китае.

Важной сферой приложения доктрины «сдерживания» и откровенно экспансионистского внешнеполитического курса американского империализма были также европейские страны народной демократии.

В результате революционных преобразований, осуществленных народами Центральной и Юго-Восточной Европы, мировая капиталистическая система понесла серьезный урон. Достаточно сказать, что население Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии составляло перед войной (1937 г.) около 75 млн. человек, т. е. 23% населения капиталистической Европы; площадь соответственно — 19%.

Американский империализм предпринял все от него зависящее, чтобы не допустить ликвидации капитализма в этих странах и превратить их в плацдарм

¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 63.

² См. У Сю-цюань. О вооруженной агрессии США против Китая. Выступление представителя Центрального народного правительства КНР на заседании Совета Безопасности 28 ноября 1950 г. Перев. с кит. М., 1950, стр. 26.

³ «The United States Relations with China», p. XIV.

для борьбы против Советского Союза. Теоретики и идеологи антикоммунизма заявляли, что «главную стратегическую задачу» они видят в «поражении коммунизма в геополитическом центре Евразии», подразумевая под таким центром европейские страны народной демократии и Советский Союз¹.

Основой политики правительства США в отношении европейских стран народной демократии являлись финансирование и поддержка контрреволюционных сил, диверсионная и подрывная деятельность, экономическая, политическая, дипломатическая и идеологическая борьба против народно-демократических режимов.

Легальные методы теснейшим образом переплетались с нелегальными, причем ставка делалась именно на последние. «Жизненный опыт вскрывает несоответствие традиционного планирования и традиционной дипломатии современным требованиям»², — писал Джеймс Бернхэм в книге «Грядущее поражение коммунизма», представляющей собой своего рода катехизис антикоммунизма. Он требовал заменить или по меньшей мере дополнить «традиционные методы» политической войной против коммунизма. Этой линией и определялись в значительной мере многие акции правительства США, предпринятые в годы «холодной войны».

Но и в Европе американский империализм не добился тех результатов, на которые он рассчитывал. Режим народной демократии, наличие могучего социалистического лагеря, тесная дружба каждой из народно-демократических стран с Советским Союзом и со всеми другими социалистическими государствами привели к краху планов американского империализма.

Борьба против Советского Союза, Китая, европейских стран народной демократии была центральным, но отнюдь не единственным направлением послевоенного внешнеполитического курса США, основанного на «политике силы». Все большее место отводилось и отводится подавлению мирового национально-освободительного движения, экспансии США в колониальных и зависимых странах Азии, Африки, Латинской Америки. Объяснялось это рядом причин.

Экономическая эксплуатация этих стран, где живет большая часть населения земного шара и где сосредоточены несметные естественные богатства, сулила баснословные прибыли монополиям США. Вместе с тем закабаление народов колониальных и зависимых стран американским империализмом, переход в его руки колониальных империй основных европейских государств-метрополий дал бы ему и огромные военно-стратегические выгоды. Не удивительно поэтому, что установление американского господства в колониальных и зависимых странах рассматривалось, как уже отмечалось, в качестве одной из первостепенных задач в программе утверждения мирового господства империализма США.

Другая важная причина повышенного внимания империалистических верхов Соединенных Штатов к указанным странам за-

¹ J. Burnham. Containment or Liberation, p. 128.

² J. Burnham. The Coming Defeat of Communism. New York, 1949, p. 98.

ключалась в том, что под воздействием второй мировой войны в этих странах развернулось в невиданных ранее масштабах национально-освободительное движение. Американский империализм не имел ничего против крушения старых колониальных империй при условии, если ему удастся захватить в свои руки колониальное наследство Англии, Франции, Бельгии, Голландии. Но когда распад колониальной системы начался, правящие круги США усмотрели в этом — и не без оснований — серьезнейшую угрозу самому существованию мирового капитализма, его международным позициям. В условиях, когда национально-освободительное движение превратилось в важный фактор революционного разрушения империализма, США, как главная страна капитализма, стали оплотом империалистического колониализма. Это вытекало из всей логики классовой борьбы на международной арене.

И, наконец, третье существенное обстоятельство: правящие круги США тревожит растущее взаимодействие лагеря социализма и государств, добившихся независимости, страшит глубокая внутренняя связь между успехами мирового социализма и подъемом национально-освободительного движения. Вот почему американские империалисты рассматривали и рассматривают борьбу против освободительного движения, в защиту колониализма не только в ее самостоятельном аспекте, но и под углом зрения столкновения двух мировых систем, борьбы против мирового социализма.

Каковы же были основные практические шаги внешнеполитической деятельности США в этом направлении?

В первую очередь американский империализм постарался закрепить за собой такие старые, «традиционные» районы своей экспансии, как Латинская Америка и район Тихого океана.

Воспользовавшись второй мировой войной, монополии США резко увеличили объем торговли с латиноамериканскими странами. Если в 1936—1938 гг. на долю США приходилось 33% импорта этих стран, то в 1947 г. — 65%. Значительно возрос вывоз капитала США в Латинскую Америку. Вмешательство США в ее экономику приобрело такие размеры, которые позволили американским монополиям захватить в свои руки, например, почти все производство меди в Чили, Перу и Мексике, 75% разведанных нефтяных ресурсов Латинской Америки и т. п. В Бразилии американский капитал стал контролировать примерно 80% всей национальной экономики.

Вместе с тем значительно усилилось политическое и военное проникновение США в Латинскую Америку. В этих целях были использованы «план Трумэна» стандартизации вооружения и организации военного обучения в Западном полушарии под руководством США и подписанный в Рио-де-Жанейро пакт, межамериканские конференции и система панамериканизма, многочисленные экономические соглашения, и прежде всего «план Клейтона», сопровождавшиеся политическим диктатом. Те же цели преследовались рядом переворотов, осуществленных в интересах американского империализма, вмешательством США в гражданские войны в латиноамериканских странах и т. п.¹

¹ См. гл. XII.

Применительно к району Тихого океана характерным образом американской политики были Филиппины. В 1946 г. филиппинскому народу в итоге упорной борьбы удалось добиться провозглашения Филиппинской республики. Но формальное предоставление независимости сопровождалось такими действиями империализма США, в результате которых устанавливался его экономический, политический и военный диктат в отношении молодой республики.

Принятый конгрессом США в 1946 г. закон о торговле с Филиппинами фактически запретил облагать импортными пошлинами американские товары. В 1948 г. объем американской торговли с Филиппинами увеличился в стоимостном выражении в 4 раза против довоенного и составил 76% всего филиппинского экспорта и импорта. Вывоз капитала на Филиппины возрос настолько, что лишь прямые капиталовложения Соединенных Штатов достигли в 50-х годах около 600—700 млн. долл.

В марте 1947 г. было подписано соглашение о передаче Соединенным Штатам 16 военных баз на территории Филиппин сроком на 99 лет. По этому соглашению Филиппинам запрещалось вступать в контакт с каким-либо правительством, кроме правительства США, в отношении «любых обязанностей, связанных с филиппинскими вооруженными силами».

Особое внимание правящие круги США уделили борьбе против национально-освободительного движения в Азии и усиленному проникновению американского капитала не только в Китай, но и в Индию, Индонезию и другие страны этого района.

На Китай делалась основная ставка в американской экспансии в Азии. Когда же стала обнаруживаться несостоятельность политики в отношении Китая, монополистический капитал США активизировал свое проникновение в другие азиатские страны.

В Корее американские правящие круги взяли курс на расчленение страны и насаждение своего господства в южной части полуострова, на превращение Южной Кореи в марионеточное полицейское государство и плацдарм агрессии. Во Вьетнаме американский империализм всячески содействовал контрреволюционной войне французских колонизаторов против вьетнамского народа и вместе с тем упорно стремился вытеснить оттуда французов.

Монополистический капитал США старался как можно шире и глубже проникнуть в Индию и Пакистан, ведя в этих странах борьбу в первую очередь против национальных освободительных сил, а также против британского империализма. Доля США в индийском импорте увеличилась с 14,6% в 1946 г. до 26,2% в 1951 г., тогда как доля Англии соответственно сократилась с 31,8 до 18,7%. Усилился и приток капитала из США.

Американский империализм щедро помогал голландским колонизаторам в развязанной ими колониальной войне в Индонезии. Голландии были предоставлены займы, кредиты и субсидии на сумму в 1,5 млрд. долл. Правительство Трумэна поощряло реакционные группировки в Индонезии, в 1948 г. готовило раскол Народного фронта, а в 1949 г. американская дипломатия орудовала за кулисами Гаагской конференции круглого стола, навязавшей индонезийскому народу кабальные соглашения.

Реакционные силы США были вдохновителем той подрывной работы против демократического правительства в Таиланде, которая в марте 1948 г. привела к проамериканскому государственному перевороту. Затем последо-

вало соглашение «Об экономическом и техническом сотрудничестве» США и Таиланда, подписанное 19 сентября 1950 г., а позже — соглашение о «взаимной обороне» (17 октября 1950 г.).

Важными объектами колониалистской политики американского империализма стали также Ближний и Средний Восток и Африка. Это объяснялось и весьма важным стратегическим положением указанных районов, и наличием в них огромных природных богатств, особенно нефти, и тем обстоятельством, что эти районы издавна были ареной ожесточенного столкновения интересов основных империалистических государств.

Еще в годы второй мировой войны в Иране начала действовать финансово-экономическая миссия Мильспо. Под контроль американцев перешла иранская жандармерия. В октябре 1947 г. было подписано соглашение об учреждении специальной американской военной миссии в Иране, причем Иран обязался не допускать без согласия США других иностранных военных советников.

Резко усилилось вмешательство американского империализма в экономику, внутреннюю политику, военные мероприятия Турции, особенно после провозглашения «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла».

Уже во время войны правящие круги США и особенно наиболее влиятельные нефтяные монополии стали добиваться проникновения в Саудовскую Аравию. В 1943 г. США предоставили помощь по ленд-лизу Саудовской Аравии. В 1945 г. туда была отправлена американская военная миссия, а в феврале 1945 г. король Ибн-Сауд дал согласие на строительство американского военного аэродрома на побережье Персидского залива¹.

За 1938—1948 гг. почти в 8 раз увеличился экспорт США в африканские колонии Франции. Общий же объем американского вывоза в Африку возрос со 118 млн. долл. в 1938 г. до 785 млн. долл. в 1948 г., а ввоз — соответственно с 55 млн. до 407 млн. долл.

Как известно, колониалистская политика США всегда отличалась своеобразием, обусловленным спецификой исторического развития страны. США возникли на основе антиколониалистской революции. Американский империализм никогда не обладал юридически закрепленной колониальной империей, подобной английской или французской. Эти особенности в большой мере отразились на формах и методах послевоенной американской экспансии в колониальных, зависимых и экономически слабых странах.

Спекулируя на «исключительности» Соединенных Штатов, на лозунгах «антикоммунизма», американский империализм стал инициатором таких форм неоколониализма, как установление экономического, политического и военного господства в колониальных и зависимых странах путем втягивания их в империалистические военные блоки² или оказания им различного рода «помощи», что наиболее ярко проявилось в «программе 4-го пункта» президента Трумэна.

20 января 1949 г. в речи по поводу вступления на пост президента на второй срок Трумэн выдвинул программу экономи-

¹ См. гл. X.

² См. гл. XII, XXIV, XXV.

ческих и политических мероприятий правительства, четвертым пунктом которой значилось оказание «помощи» экономически отсталым странам. «Мы должны осуществить новую широкую программу, которая позволит использовать наши научные и технические достижения для развития и процветания слаборазвитых стран»¹, — заявил Трумэн.

Многие ведущие буржуазные деятели США, особенно дипломаты и пропагандисты, афишируя американскую «помощь», утверждали, что она якобы бескорыстна и гуманна. «Имущие помогают неимущим, чтобы помочь самим себе», — так сформулировал суть американских программ «помощи» экономически слаборазвитым странам Гарольд Стассен, видный деятель республиканской партии.

Однако действительность не имела ничего общего с этим. В материалах, рассчитанных не на внешнюю пропаганду, а на деловые круги, содержатся весьма откровенные признания относительно подлинного назначения американской «помощи». В исследовании «Политическая экономия американской внешней политики», подготовленном специальной группой, назначенной «Фондом Вудро Вильсона» и Национальной плановой ассоциацией, разрабатывающей вопросы экономической и военно-политической экспансии США, говорилось: «Правительство Соединенных Штатов предоставляет другим странам займы или дары потому, что они являются эффективными и морально обоснованными средствами достижения целей американской внешней политики. Помощь, соответствующая этим критериям, оправдана; помощь же, которая им не соответствует, вообще не должна предоставляться»².

Факты свидетельствуют о том, что американская «помощь» экономически слаборазвитым странам сопровождалась вмешательством в их внутреннюю и внешнюю политику, нарушением их суверенитета. Такая «помощь» служит средством давления, рассчитанным на то, чтобы эти страны и впредь оставались в экономической зависимости от империализма, и прежде всего от американских монополий.

Вместе с тем, программы «помощи» являлись средством завоевания и упрочения позиций американских монополий в экономике этих стран. Не случайно президент Трумэн, характеризуя свою «программу 4-го пункта», заявлял в послании конгрессу 24 июня 1949 г., что речь идет о «программе поощрения» частного капитала США и «закладывании основы» для увеличения таких вложений, о гарантировании правительством американских частных капиталовложений от риска возможной

¹ «Foreign Aid by the U. S. Government. 1940—1951». Washington, 1952, p. 1.

² «Political Economy of American Foreign Policy. Its Concepts, Strategy and Limits». New York, 1955, p. 340.

экспроприации¹. В речи на съезде демократической партии в Чикаго в 1952 г. Трумэн утверждал, что «программа 4-го пункта» является для США «хорошим бизнесом... Она означает... расширение торговли, рынков сбыта... лучшее снабжение сырьем»².

* *
*

«Американские финансисты и промышленники рады были бы представить себе мир как открытое поле, ожидающее дождя американских товаров, американских машин, американских капиталов. Они могут все обеспечить, они мечтают обо всем мире и не нуждаются в помощи других, плохо работающих, неэффективных наций, — будь то Германия, Англия или Япония. Мир, весь мир должен быть рынком сбыта для американских товаров и машин и источником некоторых видов сырья»³, — писал Дж. Бернхэм.

В этом заявлении, отражающем взгляды наиболее реакционной и агрессивной части монополистической буржуазии США и ее политической крестуры, отчетливо выступают масштабы послевоенной экспансии, запланированной американским империализмом, место и роль, отводимые в американских планах всему остальному капиталистическому миру и в первую очередь западноевропейским странам.

Учитывая вызванные войной трудности, империалисты США в первые послевоенные годы основной упор в своей политике в Европе делали на экономическую интервенцию как средство достижения определенных политических целей, сводящихся к укреплению позиций капитализма в Европе и подчинению европейских стран американскому диктату.

В 1944—1946 гг. появилось на свет несколько различных проектов усиления экономической и политической экспансии США во всех остальных главных капиталистических странах (предложения Гарримана, меморандум Стимсона, доклад Гувера и др.). Летом же 1947 г. был выдвинут «план Маршалла»⁴, вобравший в себя многое из этих предложений. С провозглашением и осуществлением этого плана связан довольно значительный по времени этап послевоенной политики США, а сам термин «маршаллизация» стал нарицательным.

Государственный секретарь Джордж Маршалл, выступая 5 мая 1947 г. перед ассоциацией бывших студентов Гарвардского университета, заявил: «Соединенные Штаты сделают все возможное, чтобы способствовать восстановлению нормального экономического положения во всем мире, без чего не может быть

¹ «The New York Times», 25. VI. 1949.

² «The New York Times», 27. VII. 1952.

³ J. Burnham. The Struggle for the World, New York, 1947, p. 6.

⁴ См. гл. XXIII.

политической стабильности и обеспеченного мира... Наша политика направлена не против какой-нибудь страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса. Ее целью является возрождение жизнеспособной экономики во всем мире»¹. «План Маршалла войдет в историю как один из величайших вкладов Америки в обеспечение мира»², — утверждал Трумэн.

Что же скрывается за этой якобы сугубо «надклассовой» и «надпартийной», «гуманной» и «демократичной» акцией? В чем заключались подлинные цели и содержание «плана Маршалла»?

Финансовая олигархия США, выдвигая этот план, имевший главным назначением укрепление позиций капитализма в Европе, намеревалась решить одновременно несколько задач экономического, политического и военного характера как в борьбе против СССР и мировой социалистической системы, так и в борьбе за господство США в капиталистическом мире.

Под «восстановлением нормального экономического положения» и «возрождением жизнеспособной экономики во всем мире» империалистические круги США явно подразумевали возвращение к такому состоянию, при котором полностью господствовала бы мировая капиталистическая система, а сфера социализма была бы сначала сужена до границ 1939 г., а затем и вообще ликвидирована.

Кое-кто из американских дипломатов, в частности Берли, утверждал, что, мол, «план Маршалла» не только не преследовал антисоветских целей, но и представлял собой «попытку Запада наладить отношения с СССР»³, что этот план не преследовал политических целей. Этим утверждениям вторят и некоторые из буржуазных историков. «План Маршалла», заявляет Вера Дин, «не имел политической окраски». Но факты говорят о другом. Да и сама Дин признает, что «реконструкция», осуществить которую был призван «план Маршалла», должна была иметь, как надеялись авторы плана, своим следствием «политическую стабилизацию на континенте и в результате ослабление или даже через какое-то время и крах коммунизма»⁴. Еще откровеннее высказывался сенатор Тафт. При обсуждении этого плана в сенате он прямо и недвусмысленно заявил, что сомневается в его экономической целесообразности, но будет голосовать за план, так как считает его «совершенно необходимой мерой во всемирной битве против коммунизма»⁵.

Что касается стран Западной Европы, то здесь цели «плана Маршалла» сводились в первую очередь к тому, чтобы оказать помощь — экономическую и политическую — европейской буржуазии в сохранении капитализма. Вместе с тем монополии США стремились как можно шире внедрить американский капитал в промышленность, финансы, торговлю этих стран, закре-

¹ «Address of Secretary of State Marshall at Harvard University on June 5, 1947» («The Department of State Bulletin», June 15, 1947, p. 1160).

² «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 119.

³ A. A. Berle. Tides of Crisis. A Primer of Foreign Relations. New York, 1957, p. 112.

⁴ V. M. Dean. Europe and the United States, p. 250.

⁵ «Congressional Record, 80-th Congress». March 12, 1948, p. 2725—2734.

пить свои позиции на европейских рынках, чтобы повысить деловую активность в Соединенных Штатах.

«План Маршалла» был призван помочь западноевропейской буржуазии поставить у власти реакционные правительства, облегчить деятельность наиболее правых политических партий, способствовать расколу единства рабочего класса и раздуванию антикоммунистической истерии. Подписанию двусторонних соглашений между США и соответствующими европейскими странами на основе этого плана предшествовал нажим американского империализма на реакционные круги Франции и Италии с целью удаления коммунистов из правительств этих стран.

Политические и экономические цели «плана Маршалла» были тесно связаны с целями военными: не случайно именно во время действия этого плана сколачивается, в основных своих чертах, система агрессивного Североатлантического блока¹.

16 марта 1948 г. закончила работу Парижская конференция 16 западноевропейских государств — участников «плана Маршалла», а 17 марта правительствами Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга был подписан Брюссельский пакт, завершивший создание Западного союза. В тот же день президент Трумэн официально заявил, что «США окажут Западному блоку поддержку в таких размерах, какие потребуются»².

Вскоре после этого, 27 апреля 1948 г., состоялось специальное совещание кабинета Трумэна по вопросу о заключении военного союза между США и основными европейскими державами. 20 мая вопрос о создании такого союза обсуждался Национальным советом безопасности. Трумэн признает в своих мемуарах, что уже тогда было признано целесообразным включить в планируемый союз Западную Германию³. «Без Германии, — утверждает Трумэн, — оборона Европы являлась бы арьергардной операцией на берегах Атлантического океана»⁴. Следовательно, еще до образования Федеративной Республики Германии правительство США считало для себя предрешенным вопрос о расколе Германии и включении Западной Германии в военный блок, имеющий антисоветскую направленность.

Следующим шагом на пути к созданию агрессивного военного блока США и основных европейских держав было одобрение сенатом 11 июня 1948 г. так называемой «резолуции Ванденберга» о «новом направлении» внешней политики. Эта резолюция потребовалась, чтобы законодательным путем покончить с одной из наиболее глубоко укоренившихся внешнеполитических традиций, идущей еще со времен Вашингтона, Джефферсона и Линкольна: не заключать постоянных военных и

¹ См. гл. XXIV и XXV.

² «New York Herald Tribune», 18. III. 1948.

³ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 244—246.

⁴ Ibid., p. 253.

политических союзов с европейскими державами. До рассматриваемого периода военное сотрудничество США с Европой имело место лишь в годы первой и второй мировых войн. Теперь же был поставлен вопрос о создании американско-западноевропейского союза в мирное время, причем в обстановке, когда никто не угрожал безопасности ни Соединенных Штатов, ни Западной Европы.

В резолюции предлагалось одобрить принцип «участия Соединенных Штатов, в предусмотренном конституцией порядке, в региональных и других коллективных соглашениях, основывающихся на постоянной и эффективной само- и взаимопомощи и затрагивающих их национальную безопасность»¹. Таким образом, официально говорилось о блоке Соединенных Штатов со странами, расположенными за пределами Западного полушария, якобы с целью обеспечения «взаимной безопасности». Однако, учитывая, что никто этой безопасности не угрожал, что зона американской безопасности распространяется, по мнению американских геополитиков, на весь земной шар и что высокопоставленные государственные и политические деятели США сами откровенно говорили об антисоветской направленностиготавливаемых соглашений, нельзя не прийти к выводу, что в действительности речь шла о создании не оборонительного, а агрессивного военного блока. Министерство иностранных дел СССР с полным основанием указывало, что «новое направление» американской внешней политики означает возвращение к старому антисоветскому курсу, нацелено на развязывание войны, на насильственное установление англо-американского мирового господства².

В июле 1948 г., вскоре после принятия «резолюции Ванденберга», началась серия совещаний, на которых были выработаны основные условия и процедура заключения Североатлантического блока, а 4 апреля 1949 г. подписан Североатлантический пакт.

Североатлантический блок — группировка империалистических государств во главе с США, которая ставит своей целью борьбу всеми средствами, и в первую очередь военными, против СССР и других социалистических государств, против мирового национально-освободительного и демократического движения. Главный инициатор и организатор этого блока — американский империализм — ставил и еще одну важную цель: использовать блок для укрепления позиций США в капиталистическом мире.

Создание подобного блока неминуемо должно было привести к значительному обострению международной напряженности, к возрастанию военной угрозы. Так оно и случилось. Уже

¹ «A Decade of American Foreign Policy». Basic Documents 1941—1949. Washington, 1950, p. 197.

² «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 46—71.

в самом начале 50-х годов мир был поставлен на грань военной катастрофы, и только кардинальные сдвиги в соотношении сил в пользу социализма, активная внешняя политика СССР и решительная борьба народов за мир предотвратили эту катастрофу.

ГЛАВА XV

ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТА И РОЛИ АНГЛИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. АНГЛИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В 1945—1949 гг.

1. Экономическое положение и расстановка классовых сил

В первый период войны Англия стояла на грани поражения. Только благодаря объединению в антифашистской коалиции с Советским Союзом и Соединенными Штатами ей удалось избежать, казалось бы, неминуемого разгрома. Важнейшую роль здесь сыграло то, что Англия и СССР сражались против фашистских держав бок о бок, как союзники. Вот что пишет секретарь английского военного кабинета в 1939—1946 гг. генерал-майор Ян Джейкоб: «...если бы Россия потерпела поражение в 1941 году и Германия использовала все военные и промышленные ресурсы континента для единственной цели — разрушения Англии, то сомнительно, чтобы Англия выжила даже при поддержке всего Содружества наций и Соединенных Штатов»¹.

Англия закончила вторую мировую войну в числе стран-победительниц. Тем не менее война ослабила британский империализм, привела к утрате им ряда важных позиций. Сильнейший удар Британской империи нанесли успехи национально-освободительного движения, положившие начало ее распаду. Правда, Англии удалось вернуть все захваченные у нее противником колонии, да к тому же еще и прихватить кое-что из колониальных владений Италии и Франции, но господствовать так, как прежде, британские колонизаторы уже не могли. Под воздействием национально-освободительного движения британскому империализму пришлось отказаться от политической власти в Индии, Бирме, на Цейлоне и в некоторых других странах. Эти изменения были весьма существенны для международных отношений в целом и для послевоенной английской внешней политики прежде всего.

¹ «United Kingdom Policy: Foreign, Strategic, Economic», London, 1950, p. 41.

В ходе войны и в послевоенный период значительно ослабли связи между Англией и старыми доминионами, уменьшилась их зависимость от «страны-матери». Это также не могло не подорвать внешнеполитических позиций британского империализма. Предпринятые им попытки укрепить после войны свое влияние в доминионах не смогли приостановить процесс их обособления. В основе его лежали такие факторы, как довольно быстрое экономическое развитие доминионов, опередивших по темпам Англию, а также усилившееся проникновение в их экономику американского капитала.

Неблагоприятными были для Англии и экономические последствия войны. Конечно, перенесенные ею испытания сказались на состоянии ее экономики, однако они не могут идти ни в какое сравнение с тем, что испытал Советский Союз и что выпало на долю ряда других стран. Людские потери Англии были в 4 раза меньше потерь, понесенных ею в первую мировую войну, и составили 244 тыс. убитыми, 277 тыс. ранеными и 53 тыс. пропавшими без вести¹. Англия не подверглась вражеской оккупации. Не было на ее территории разрушительных наземных боев, а воздушные бомбардировки не причинили большого ущерба английским промышленным центрам и не вызвали заметного ослабления промышленного потенциала.

Во время войны государственные капиталовложения в промышленность составили около 1 млрд. ф. ст.² Эти средства были употреблены на создание дополнительных производственных мощностей для военной промышленности, которые в послевоенный период были в значительной части переключены на выпуск экспортной продукции. Таким образом, производственная база английского империализма существенно не пострадала во время войны. Все же в результате войны удельный вес Англии в мировой капиталистической экономике понизился и ее отставание от главного соперника — США — резко усилилось.

В конкурентной борьбе на мировом капиталистическом рынке в 1945—1949 гг. Англия имела определенные успехи. Ей удалось восстановить свою долю в экспорте капиталистических стран и в течение первого послевоенного пятилетия удерживать ее в стабильном состоянии. Это объясняется тем, что английские монополии сумели занять некоторые торговые позиции на мировом капиталистическом рынке, утраченные потерпевшими поражение в войне Германией и Японией. Но и здесь Англия наталкивалась на конкуренцию более мощного американского империализма.

Ахиллесовой пятой английской экономики оставался периодически дефицитный платежный баланс, вызывавший неустой-

¹ «Whitaker's Almanac. 1949». London, 1949, p. 465.

² См. «Экономика и политика Англии после второй мировой войны». М., 1958, стр. 36.

чивость курса фунта стерлингов. Одной из причин этого было уменьшение в ходе войны заграничных инвестиций и, следовательно, сокращение доходов от них. С 205 млн. ф. ст. в 1938 г. они упали до 162 млн. в 1946 г. Сразу же после войны английские рантье возобновили экспорт капитала, и уже в 1949 г. доходы от заграничных капиталовложений выросли до 200 млн. ф. ст.¹ Заинтересованная в экспорте капитала, финансовая олигархия выступила поборником агрессивных мер против национально-освободительных движений народов. Но колониальные войны не улучшили экономического положения страны, а, наоборот, огромные расходы на вооружение привели лишь к ухудшению платежного баланса Англии.

Мерой «оздоровления» платежного баланса стало сокращение импорта предметов потребления, принесшее новые лишения народным массам. Индекс объема английского экспорта в 1949 г. составил 134 (1937 г. — 100), а импорта — 81². Неустойчивость платежного баланса и необходимость форсировать экспорт заставили английское правительство осенью 1949 г. пойти на девальвацию фунта стерлингов.

За годы второй мировой войны английские монополии неплохо заработали. По официальным данным, прибыли английских капиталистов возросли с 1368 млн. ф. ст. в 1938 г. до 2390 млн. ф. ст. в 1945 г.³ Влияние монополий на политику государства, несмотря на то, что у власти после войны находились лейбористы, значительно возросло.

Американский экономист Рогов, изучавший взаимоотношения лейбористского правительства и «большого бизнеса» в 1945—1950 гг., отмечает, что «лейбористское правительство, как и его предшественники, по всем вопросам, которые прямо или косвенно затрагивали интересы промышленности, консультировалось с ФБП» (Федерация британской промышленности — центральная организация английского монополистического капитала, которую считают генеральным штабом английской промышленности⁴).

В послевоенный период Англия выдвинулась на одно из первых мест по развитию государственно-монополистического капитализма. Резкое углубление кризиса английского капитализма в годы войны и в послевоенный период, распад британской колониальной империи заставляли английские монополии максимально использовать государственный аппарат для сохранения и укрепления своих внутренних и международных позиций. Именно поэтому система государственного регулирования и контроля, созданная в связи с нуждами войны, была сохранена на протяжении почти десяти послевоенных лет.

¹ См. «Экономика и политика Англии после второй мировой войны», стр. 374—378.

² Там же, стр. 374.

³ «Annual Abstract of Statistics, № 84, 1935—1946». London, 1948, p. 229.

⁴ См. «Экономика и политика Англии после второй мировой войны», стр. 183.

В интересах монополий, главным образом тех, которые связаны с новыми отраслями промышленности, лейбористское правительство провело капиталистическую национализацию топливно-энергетической промышленности и внутреннего железнодорожного и водного транспорта. Эта мера была принята для того, чтобы за счет государства переоснастить национализированные отрасли и повысить конкурентоспособность ведущих монополий, обеспечив их дешевым топливом, энергией и транспортом. В то же время лейбористское правительство денационализировало, т. е. передало крупнейшим монополиям, оперирующим в новых отраслях, государственные военные заводы. Осуществленные меры значительно двинули вперед английский капитализм по пути концентрации капитала в промышленности, т. е. там, где он ранее значительно отставал от американского и германского капитализма.

Английские правящие круги стремились решить и другую задачу — ослабить классовую борьбу. Национализация угольной промышленности и внутреннего транспорта давала им предлог заявить, что они удовлетворили требования шахтеров и железнодорожников, на протяжении многих лет упорно добивающихся национализации, что в английской экономике якобы создан «социалистический сектор».

Война оказала огромное влияние на внутрисполитическое положение Англии, на расстановку классовых сил в стране, привела к полевению народных масс, что выражалось в огромном росте симпатий английского народа к Советскому Союзу, в требовании обеспечить в послевоенные годы тесное сотрудничество между Англией и Советским Союзом. Трудящиеся массы справедливо полагали, что прочные дружественные отношения с СССР не только отвечают коренным интересам обеих стран, но и являются залогом обеспечения мира в Европе и во всем мире.

После второй мировой войны английский народ стремился к большим социальным переменам, которые открыли бы путь к социализму; он хотел навсегда гарантировать себя от новых войн.

Известный английский обозреватель по международным вопросам Каммингс писал накануне выборов 1945 г.: «Одно определено: миллионы людей в нашей стране хорошо расположены к России и твердо решили сотрудничать с ней. Для огромного большинства англичан сотрудничество с Россией является послевоенной необходимостью. Любая партия, игнорирующая это настроение или пытающаяся преуменьшить его значение, проиграет на предстоящих выборах»¹.

Предвыборная программа лейбористской партии предусматривала укрепление отношений с Советским Союзом и важные

¹ «News Chronicle», 4. V. 1945.

социальные реформы внутри страны. Консерваторы — главная политическая партия монополистического капитала — потерпели поражение на выборах, и к власти пришли лейбористы.

Либеральная газета «Ньюс кроникл» расценила победу лейбористов на выборах как «конец Мюнхена»¹. Как писал лейбористский журнал «Трибюн», «существовало всеобщее убеждение в том, что Черчилль не является тем человеком, который установит отношения постоянной дружбы с Советским Союзом. Народ же Англии верит, что дружба с Советским Союзом является краеугольным камнем международного мира... Народ Англии не хочет продолжения внешней политики Черчилля, он осудил ее...»²

Английский народ поверил избирательным лозунгам лейбористов, которые представляли собой в основном безответственную предвыборную демагогию. На следующий день после выборов «Таймс» писала, что «нет оснований для того, чтобы мир мог надеяться на революционное изменение внешней или внутренней политики»³. И действительно, пришедшее к власти в июле 1945 г. лейбористское правительство продолжало проводить во внешней политике реакционный, империалистический курс, враждебный интересам английского народа и делу международного мира. Активным и последовательным проводником этого курса стал Э. Бевин — министр иностранных дел в лейбористском правительстве Эттли, один из наиболее реакционных лидеров тред-юнионов и лейбористской партии, входивший в годы войны в коалиционное правительство Черчилля. Буржуазная печать с «огромным удовлетворением» приняла назначение Бевина на пост министра иностранных дел, подчеркнув, что «изменения во внешней политике не предусматриваются»⁴.

В ходе второй мировой войны Англия заключила ряд важнейших международных соглашений, обязуясь сотрудничать с другими великими державами в построении справедливого, демократического и прочного послевоенного мира. Ответственность Англии и других великих держав за установление и поддержание послевоенного мира в Европе, на Дальнем Востоке и в других местах земного шара была закреплена, прежде всего, решениями Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций глав трех держав — Англии, СССР и США, а также в Уставе Организации Объединенных Наций и других документах. Если бы правительство Англии придерживалось этих соглашений, они явились бы историческим поворотным пунктом в английской внешней политике и в огромной степени содействовали бы разрешению послевоенных проблем Англии, упрочению ее международного положения как одной из великих держав. Однако этого не случилось. Почти сразу же после окончания второй

¹ «News Chronicle», 27, 28. VII. 1945.

² «Tribune», 3. VIII. 1945.

³ «The Times», 27. VII. 1945.

⁴ «The Times», 28. VII. 1945.

мировой войны правящие круги Англии отказались от согласованного курса политики, проводившегося союзниками в военное время.

2. Внешняя политика Англии в 1945—1949 гг.

Английские правящие круги усмотрели в послевоенном триумфальном шествии социализма непосредственную угрозу для себя. Вот почему борьба против него легла в основу внешней политики Англии. «Таким образом, можно утверждать, что сопротивление коммунистическому наступлению... является главным направлением в политике» Англии¹, говорится в докладе, подготовленном в 1949 г. для Королевского института международных отношений профессором международной истории Лондонского университета Чарльзом Уэбстером.

Английские политики совершенно справедливо расценили обстановку, создавшуюся в результате второй мировой войны как «момент потенциальной революции во всей Европе и на Востоке»². Поскольку британский империализм является прежде всего колониальным, правящие круги Англии вместе с колонизаторами других стран делали все, чтобы подавить национально-освободительное движение. Борьба за сохранение возможностей продолжать эксплуатацию колониальных народов стала одной из важнейших задач английской внешней политики.

Несмотря на то что у власти находились лейбористы, внешняя политика Англии после второй мировой войны, по существу, направлялась реакционными чиновниками министерства иностранных дел, министерства военно-морского флота и военного министерства.

«Истина состоит в том, — писал в начале 1946 г. лейборист К. Зиллиакс, — что военное министерство, адмиралтейство и Форейн-оффис, а не лейбористское правительство направляют нашу внешнюю политику. Как в Европе, так и на Ближнем и Дальнем Востоке (Индонезия) они преследуют традиционные социальные и империалистические цели старого правящего класса, который мог проиграть парламентские выборы, но безраздельно господствует в Форейн-оффис, министерстве колоний и в вооруженных силах»³.

Бевин действовал в полной мере единодушии и согласии с архиреакционерами из Форейн-оффиса. «Штат Форейн-оффиса, — замечает лейбористский публицист и член парламента Майкл Фут, — пристрастился сразу же к Бевину, и они работали в сердечном согласии»⁴. Именно поэтому Бевин был так популярен в среде консерваторов.

Английские правящие круги поставили перед собой в области внешней политики явно нереальные цели: предотвратить

¹ «United Kingdom Policy. Foreign, Strategic, Economic», p. 33.

² A. White. The Cold War. London, 1950, p. 5.

³ «Labour Monthly», March 1946, p. 73.

⁴ M. Foot. British Foreign Policy since 1898. London, 1956, p. 158.

победу социалистических революций в Европе и Азии, восстановить капиталистические порядки в Восточной Европе, разгромить национально-освободительное движение и упрочить колониальные режимы в странах Британской империи. Но для этого требовалось нанести удар по главному оплоту мирового революционного и демократического движения — Советскому Союзу. Подготовка вместе с США войны против СССР стала главной заботой английского империализма.

Сразу же по окончании войны правящие круги Англии резко активизировали свою враждебную Советскому Союзу деятельность, разрушая тем самым выкованное в годы войны единство великих держав. «Вторая половина 1945 года была недостойна первой половины, — писал в январе 1946 г. Р. Палм Датт. — Поддержанная мудрость циников, гласящая, что в час победы всякий союз распадется на части, казалось, получает подтверждение... Поток грязной антисоветской клеветы был выпущен на волю»¹. Министр иностранных дел Бевин уже в ноябре 1945 г. заявил, что английская внешняя политика разрывает с политикой единства великих держав. «Я не могу принять ту точку зрения, — заявил он в палате общин 23 ноября, — что моя политика и политика правительства его величества должна основываться исключительно на единстве Большой тройки»².

Однако лейбористские министры понимали, что их политика в отношении СССР идет вразрез с настроениями английского народа. Поэтому, наряду с разнузданной клеветнической кампанией против СССР с целью ослабить симпатии к нему, они предпринимали для обмана общественности фальшивые шаги, маскирующие антисоветскую политику.

Таким отвлекающим маневром было предложение продлить срок действия англо-советского договора 1942 г. с 20 до 50 лет, с которым выступил Бевин в 1947 г. В ходе последовавших англо-советских переговоров обнаружилось все лицемерие британских правящих кругов: английская сторона возражала не только против улучшения договора 1942 г., но и против включения в новый текст статей, которые бы обязывали Англию не участвовать в блоках или действиях, направленных против Советского Союза. Эта позиция английской стороны обрекла переговоры на провал.

Летом 1947 г. были сорваны — также по вине английской стороны — англо-советские торговые переговоры. Правящие круги держали курс на ограничение англо-советской торговли, рассчитывая тем самым причинить ущерб Советскому Союзу.

Английское правительство, отвергая единство действий ведущих держав антигитлеровской коалиции, всячески старалось укрепить блок Англии и США, сложившийся в период войны.

¹ «Labour Monthly», January 1946, p. 2.

² «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 416, col. 762.

Господствующий класс Англии рассчитывал при поддержке монополий США справиться с послевоенными экономическими и политическими затруднениями. Поддержка США нужна была британским империалистам для борьбы против национально-освободительного движения колониальных народов; американские доллары должны были помочь Англии преодолеть экономические трудности; наконец, тот же союз с США, как считали в Лондоне, мог бы способствовать восстановлению былой роли Англии на международной арене.

В Лондоне англо-американский блок рассматривался как средство укрепления послевоенных позиций британских империалистов. В Вашингтоне же стремились использовать заинтересованность Лондона в американской поддержке для дальнейшего подчинения Англии экономическому и политическому влиянию США.

Неожиданно, без предварительного уведомления, прекратив в августе 1945 г. поставки по ленд-лизу в Англию, США пытались, как заметила газета «Дейли уоркер», «эксплуатировать временную экономическую слабость Англии в политических целях»¹.

Теми же соображениями были продиктованы условия, на которых в конце 1945 г. было заключено англо-американское финансовое соглашение. Из полученного у США займа в сумме 4400 млн. долл. вычиталось 650 млн. долл. в качестве возмещения за поставки по ленд-лизу; остальные 3750 млн. Англия намеревалась использовать по мере надобности в течение пяти лет. Этот заем Англия согласилась оплатить крупными политическими и экономическими уступками: она обязалась через год после вступления соглашения в силу упразднить «стерлинговый блок», восстановить свободный обмен фунта на доллар, разморозить находящиеся в Англии стерлинговые авуары стран, входящих в «стерлинговый блок», снизить, а затем и вовсе отменить преференциальные таможенные тарифы. Хотя в дальнейшем Англия и уклонилась от выполнения ряда этих условий, а из займа извлекла определенную пользу, в момент заключения соглашения английская печать была возмущена и расценила его как «экономический Дюнкерк для Англии».

Соглашение привело к тому, что Англия превратилась в важную сферу вложения американского капитала в буржуазной Европе. За займом 1945 г. последовали соглашение о «плане Маршалла» и крупнейшие частные капиталовложения. Половина частных американских капиталовложений в Европе после войны приходится на долю Англии. С 1946 по 1949 г. Англия получила у США 1663 млн. ф. ст. Эти займы ставили английскую внешнюю и военную политику в зависимость от Вашингтона. В то же время они дали Англии возможность возобновить экспорт капитала и тем самым сохранить свое экономическое влияние в странах Британской империи. С 1945 по 1949 г. экспорт капитала из Англии составил не менее 1100 млн. ф. ст., в том числе 757 млн. ф. ст. в страны стерлинговой зоны².

Английские правящие круги надеялись широко использовать военно-политический блок, создаваемый совместно с США для установления американско-английского господства над миром. Черчилль в своей речи в Фултоне 5 марта 1946 г. предло-

¹ «Daily Worker», 25. VII. 1945.

² См. «Экономика и политика Англии после второй мировой войны», стр. 28—29.

жил создать «ассоциацию народов, говорящих на английском языке» для установления, как он выразился, «особых отношений между Британским содружеством наций и империей, с одной стороны, и Соединенными Штатами — с другой»¹.

Послевоенное развитие в Европе шло вразрез с такими планами британских империалистов. Именно поэтому Черчилль с горечью говорил в Фултоне: «Это не та Европа, ради создания которой мы боролись»².

Европейская политика Англии была всецело направлена на осуществление агрессивных целей американско-английского блока. Еще в конце войны английское правительство использовало свои вооруженные силы для того, чтобы задержать развитие европейских государств по пути прогресса. В ноябре 1944 г. английские войска боролись против демократических сил Бельгии. В Италии английские оккупационные власти вместе с военными органами США оказывали покровительство реакции. Стремясь восстановить зависимый от Англии реакционный режим в Греции, подавить ее революционные силы и превратить эту страну в плацдарм борьбы против прогрессивного движения на Балканах и национально-освободительной борьбы на Ближнем Востоке, английское правительство направило в конце 1944 г. свои войска в Грецию. Черчилль дал приказ находившемуся там английскому командующему генералу Скоби, «не колеблясь, стрелять». Оккупация Греции и вооруженные действия английских войск против греческого народа вылились в войну, продолжавшуюся несколько лет.

Но английским империалистам не пришлось осуществлять полицейские функции в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, которые были освобождены от фашистского рабства Советской Армией. В эти страны, вопреки замыслам Черчилля, английские войска не вступили, и поэтому там никто не смел стрелять в народ, который брал власть в свои руки и устанавливал народно-демократический строй.

Вступление ряда стран Европы на социалистический путь развития лишало английских и иных капиталистов рынков сбыта, источников сырья и продовольствия, которыми они до того располагали в Центральной и Юго-Восточной Европе. Реакционные английские круги лишались вместе с тем и важных военно-стратегических позиций, нацеленных против Советского Союза.

Понятно, что английские правящие круги не жалели сил и средств, пытаясь восстановить прежнее положение в народно-демократических странах, помешать им двигаться по социалистическому пути. Реакционерам в этих странах предоставлялась морально-политическая, дипломатическая и финансовая помощь,

¹ «The New York Times», 6. III. 1946.

² Ibidem.

на правительства этих стран оказывался дипломатический нажим, экономическое давление, против них использовалась трибуна Организации Объединенных Наций.

Английские правящие круги совместно с американскими империалистами взяли под свое покровительство франкистскую Испанию, чтобы сохранить этот очаг реакции и фашизма. Когда же ООН в 1946 г. приняла резолюцию, в которой осудила франкистский режим и рекомендовала государствам — членам ООН отозвать из Испании своих представителей, английское правительство, как констатирует американский буржуазный историк М. Фитцсимонс, «неохотно приняло в конце концов эту резолюцию и отозвало своего посла из Испании»¹. Но сделав этот вынужденный шаг, английское правительство поддержало франкистский режим экономически, способствуя расширению торговли с Испанией.

Империалисты Англии, так же как и США, в послевоенный период последовательно проводили курс на возрождение германского милитаризма, рассчитывая использовать его в качестве ударной силы против Советского Союза и других социалистических государств. В 1945—1946 гг. в английской зоне оккупации Германии находились организованные части бывшей немецкой армии общей численностью свыше 100 тыс. солдат и офицеров². На 1 декабря 1947 г. в этой зоне все еще не были уничтожены 158 зенитных установок и 860 долговременных фортификационных сооружений, а также стратегические хранилища горючего³. Английские власти сохранили в своей зоне немецкие монополии, ответственные за подготовку второй мировой войны, не обеспечили наказания фашистских преступников, зато преследовали демократические элементы и организации.

Политика Англии в отношении ослабленной войной Франции заключалась в том, чтобы добиться установления военно-политического союза между двумя странами. Этот союз рассматривался в Лондоне как средство политического влияния на Францию и как ядро будущего военно-политического блока западноевропейских стран под эгидой Англии. Однако осуществлению этого плана препятствовали серьезные англо-французские противоречия. В Париже очень раздраженно реагировали на антифранцузские происки английских колонизаторов в Сирии и Ливане, на стремление английских властей самостоятельно хозяйничать в Рурском бассейне и устранить Францию от контроля над Руром. После урегулирования спорных вопросов стало возможно заключение союзного договора. Его подписали

¹ M. Fitzsimons. The Foreign Policy of the British Labour Government. 1945—1950. Notre Dame. 1953, p. 40.

² См. «Правда о политике западных держав в германском вопросе» (Историческая справка). М., 1959, стр. 75.

³ См. там же, стр. 77—78.

4 марта 1947 г. в Дюнкерке Бевин и французский министр иностранных дел Бидо. Договор о союзе между Англией и Францией формально был заключен как оборонительный «на случай какого-либо возобновления германской агрессии», по существу же он положил начало созданию военных агрессивных блоков — Западного союза и Североатлантического пакта¹.

Являясь мощной европейской державой, сильнейшим оплотом капитализма в Европе, Англия попыталась стать «объединителем» Европы, полагая, что это даст ей возможность играть роль арбитра в европейских делах. Однако эти планы строились без учета быстро менявшегося соотношения сил в мире. Роль «объединителя» Европы, как и всего капиталистического мира, взял на себя американский империализм.

Англия после войны играла роль жандарма в борьбе с национально-освободительным движением не только в своих колониях. Когда Индонезия в 1945 г. провозгласила себя независимой республикой, Англия направила туда 100-тысячную армию с авиацией и военным флотом, чтобы помочь голландским колонизаторам восстановить их господство над индонезийским народом. Войска из Индонезии были отозваны лишь в 1947 г. Английские вооруженные силы помогали французским колонизаторам поддерживать «закон и порядок» в Индокитае.

Победы национально-освободительного движения резко уменьшили влияние Англии на Дальнем Востоке.

Несколько иное положение занимала Англия в первые два послевоенных года на Ближнем Востоке. Тогда позиция английских колонизаторов там казалась более или менее прочной, и, во всяком случае, они были полны решимости отстаивать свое господство в этом крайне важном районе. Как и на Дальнем Востоке, английская политика в этом районе имела целью борьбу с национально-освободительным движением. Вместе с тем на Ближнем Востоке особое значение для Англии имело оказание отпора американским монополиям, стремившимся занять ее место в этом районе.

Англия рассчитывала также утвердиться в бывших французских владениях. Сразу же после окончания войны она, пользуясь присутствием своих войск в Сирии и Ливане, старалась вытеснить оттуда французов. Однако и здесь Англия теряла одну позицию за другой. Острый англо-французский конфликт закончился тем, что под нажимом народов Сирии и Ливана, а также мирового общественного мнения колонизаторам — и английским и французским — пришлось покинуть территорию этих стран в 1946 г.

Тогда же британский империализм вынужден был пойти на предоставление независимости Трансиордании. С ней был за-

¹ См. гл. XVI, XXV.

ключен договор, позволявший Англии держать на территории Трансиордании свои войска и сооружать базы.

В 1947—1948 гг. Англия утратила свой мандат на Палестину¹.

Под угрозой оказались позиции Англии в Египте, где сразу же после войны народ потребовал отмены неравноправного англо-египетского договора 1936 г. и вывода английских войск. Попытки английских колонизаторов силой подавить освободительное движение египетского народа лишь обострили положение, и в конце концов — это произошло уже в 50-х годах — египетский народ обрел свободу.

Уже в 1947 г. стало ясно, что Англии трудно претендовать на роль лидера реакционных сил. Этот год был особенно трудным для страны. Развеялись многие иллюзии, рухнули планы, которые строились британской верхушкой в момент окончания второй мировой войны. В 1947 г. был израсходован полученный от США заем. Его хватило не на пять лет, как полагало английское правительство, а лишь на год с небольшим. Резко обострился кризис платежного баланса. Это был результат прежде всего империалистической внешней политики, требовавшей огромных расходов за границей (в 1946 г. — 537 млн. ф. ст. и в 1947 г. — 385 млн. ф. ст.)².

Одновременно борьба народов в английских колониях достигла такого размаха, что Англия должна была отступить и отказаться от политической власти в Индии, Бирме, на Цейлоне.

Для укрепления своих позиций внутри страны английское правительство стало ускоренными темпами проводить ряд социальных реформ. Во внешней политике английское правительство взяло курс на «ограничение обязательств», т. е. на некоторое свертывание агрессивных мер и передачу империалистам Соединенных Штатов своих функций по поддержке реакционных сил против освободительных движений народов.

Ослабление английской экономики из-за больших расходов на проведение агрессивной внешней политики заставило британских империалистов уступить США свое место в Греции. Бевин дал 24 февраля 1947 г. указание лорду Инверчэпелу, английскому послу в США, вручить государственному секретарю Маршаллу меморандум о том, что «экономическое положение Англии не позволит ей более продолжать одной оказывать финансовую и военную поддержку Греции и Турции». В меморандуме указывалось, что «с 30 марта правительство его Величества будет вынуждено прекратить всякую помощь Греции». Комментируя причины этого, Коннелл — автор книги «Оффис» замечает: «Казначейство решительно заявило мини-

¹ См. гл. X.

² G. D. Worswick and P. H. Ady. *British Economy. 1945—1950.* London, 1951, p. 479.

стерству иностранных дел, что помощь Греции должна быть немедленно и полностью прекращена»¹.

Таким образом, Англия фактически просила США взять на себя ту роль, которая была вскоре сформулирована в «доктрине Трумэна». Не удивительно, что Англия явилась также горячим поборником и «плана Маршалла».

В итоге стараний английского правительства 17 марта 1948 г. был подписан договор о создании Западного союза, участниками которого стали Англия, Франция, Бельгия, Голландия и Люксембург. 4 апреля 1949 г. подписывается Североатлантический пакт, который фактически поглотил Западный союз. Тем самым Англия окончательно оттеснялась на положение «младшего партнера».

Участие Англии в Западном союзе и НАТО было дальнейшим и весьма значительным отходом от традиционной и излюбленной английской политики: избегать постоянных союзов и по возможности сохранять свободу действий. Этот разрыв с традиционной политикой был вызван ослаблением британского империализма. Англия была уже не в силах проводить свою старую политику «равновесия сил». Отход от этой линии, начавшийся полвека назад, полностью завершился.

Участие совместно с США в военном блоке, передача американскому империализму ответственности за поддержание и сохранение реакционных антинародных режимов в Греции и Турции, наконец, новое обращение к американскому правительству за финансовой помощью — все вело к усилению зависимости Англии от Соединенных Штатов.

Об этом убедительно свидетельствует подписанное в июле 1948 г. двустороннее англо-американское соглашение о проведении «плана Маршалла», обязывавшее Англию согласовывать с США свои производственные программы, предоставлять им информацию по экономическим вопросам, снабжать США военно-стратегическими материалами.

В 1948 г. на английской территории были созданы американские военно-воздушные базы, на которых разместились бомбардировщики, предназначенные для нанесения атомного удара по Советскому Союзу.

Хотя экономические и политические отношения между Англией и США становились после второй мировой войны все более тесными, противоречия между двумя странами продолжали углубляться. «Как и прежде, главным остается противоречие между Соединенными Штатами Америки и Великобританией. Англо-американский антагонизм охватывает большой круг вопросов»², — заявил Н. С. Хрущев на XX съезде КПСС.

¹ J. Connell. The Office. London, 1958, p. 308—309.

² Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, стр. 17.

Британский империализм рассчитывал выиграть от противопоставления и столкновения США с Советским Союзом, что должно было бы повести к ослаблению не только СССР, но и США, а тем самым создать условия для восстановления былой роли Англии в международных отношениях. Об этом догадывался Франклин Рузвельт в 1945 г. Он говорил в марте 1945 г. своему министру Форрестолу, что «англичане явно добиваются того, чтобы Соединенные Штаты рано или поздно втянулись в войну с Россией»¹. Довольно подробно английский план оттеснения Соединенных Штатов был изложен Черчиллем на конференции консервативной партии в 1948 г. Разделив мир на «три великие сферы», Черчилль заявил, что «мы являемся единственной страной, которая играет великую роль в каждой из них... Если мы окажемся на высоте положения, мы вполне сможем снова держать ключ...». Это была попытка вернуться к излюбленному методу английской дипломатии: противопоставляя друг другу великие державы и сталкивая их между собой, добиваться их ослабления.

Одновременно Англия пыталась возродить политику «войны чужими руками». Основная ставка в Европе делалась на использование Западной Германии. Англия и ее партнеры с самого начала предназначали ей роль ударного кулака в НАТО.

На вопрос о том, против кого должна быть направлена военная мощь НАТО, авторы доклада английского Института международных отношений отвечают: «Это будет, как ожидается, война с Советским Союзом»². Однако поскольку английские правящие круги традиционно стараются воевать чужими руками, то авторы упомянутого доклада в 1950 г. приходят к заключению: «Логика чисто военных доводов безошибочно ведет к следующему выводу: необходимо разрешить — в действительности поощрять — создание ограниченных немецких вооруженных сил и перевооружение их при помощи тяжелой промышленности Рура»³.

Этот опасный для дела мира и для национальных интересов Англии курс являлся логическим продолжением политики Локарно и Мюнхена, главным инициатором которой была Англия. Известный деятель лейбористской партии Эньюрин Бивен писал в этой связи, что «Аденауэр и те, кто его поддерживает, в том числе страны — члены НАТО, в глубине души насмеваются над делом объединения Германии и продолжают старую игру, которая состоит в том, чтобы повернуть против Советского Союза часть Германии, находящуюся под их влиянием. Это именно такая политика, проведения которой Чемберлен ожидал от Гитлера, и известно, к чему она привела»⁴.

1947 год был последним годом, когда английское правительство на словах выступало за нормализацию отношений с Советским Союзом. Речь Эттли 3 января 1948 г. показала, что английские руководители отбросили в сторону притворные заявления о дружбе с СССР и заговорили определенно враждебным языком⁵. Это дало возможность Черчиллю вполне обоснованно заявить в конце января 1948 г. в палате общин, что «язык, употребляемый премьер-министром (Эттли) и лордом-президентом Совета (Моррисоном) в отношении Советской России, и опасность возникновения новой войны, далеко пре-

¹ «Forrestal Diaries», p. 37.

² «Defence in the Cold War. The Task of the Free World». London, 1950, p. 74.

³ Ibid., p. 78.

⁴ «Правда о политике западных держав в германском вопросе», стр. 32.

⁵ «The Times», 4. I. 1948.

восходит по мрачности и угрозе что-либо вообще сказанное мной по этому вопросу когда-либо со времени войны»¹.

Лейбористские лидеры особенное усердие проявили в таком неблагоприятном деле, как клевета на Советский Союз. Они дошли до того, что провели решения, запрещавшие членам лейбористской партии участвовать в работе тех английских общественных организаций, которые выступают за дружбу и сотрудничество между Англией и Советским Союзом. «...Видя, как растут в британском народе стремления к дружбе с советским народом, лейбористские лидеры, — указывалось в ноте Советского правительства правительству Англии от 24 февраля 1951 г., — еще до окончания войны, как только наметился разгром гитлеровской Германии, начали проявлять беспокойство и стали торопиться с проведением мероприятий, направленных на ослабление дружественных отношений британского народа с народами СССР»².

Подписание Англией Брюссельского договора и Североатлантического пакта, направленных против СССР, было резко враждебным актом в отношении Советского государства, грубейшим нарушением англо-советского договора 1942 г. Ведь статья 7 этого договора предусматривала, что «каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны»³.

Советское правительство, верное ленинскому принципу сосуществования государств с различными социальными системами, неоднократно настаивало на нормализации отношений с Англией, на решении спорных вопросов посредством переговоров. Английский народ, который пытались отравить ядом антисоветской клеветы, также требовал нормализации англо-советских отношений. Однако действия английского правительства шли вразрез с желаниями народных масс. «Английская политика в отношении Советской России за последнее время, — писал лейборист Мэйхью в 1950 г., — почти совершенно неотличима от политики союзников (читай: США. — Авт.). Время от времени вносились предложения о переговорах с Советской Россией — переговорах между руководящими лицами правительств. Эти предложения всегда сильно апеллируют к общественному мнению... Но правительство поступило, несомненно, правильно, не поддаваясь влиянию этого общественного мнения»⁴.

Какие цели преследовали английские правящие круги в отношении СССР, стало предельно ясно после выступления

¹ «Hansard», 23. I. 1948.

² «Правда», 25 февраля 1951 г.

³ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 272.

⁴ «International Affairs», 1950, № 4, p. 481.

Черчилля на конференции консервативной партии в октябре 1948 г. Разоткровенничавшийся лидер консерваторов предложил немедленно предъявить Советскому Союзу следующие ультимативные требования: уничтожение народно-демократического строя в странах Восточной Европы; вывод советских оккупационных сил из Германии и Австрии; самоликвидация коммунистического движения в колониях и полуколониях; наконец, предоставление международным монополиям доступа к эксплуатации территории СССР, т. е. в конечном счете восстановление капиталистических порядков в Советской стране и ее отказ от своей независимости. Черчилль утверждал, что «урегулирование с Советской Россией мирным путем немыслимо», и призывал западные державы безотлагательно приступить к агрессии против СССР, «пока они располагают атомной энергией и до того, как русские коммунисты ее добудут»¹.

Это план не только одного Черчилля. Его поддерживали многие деятели консервативной партии, а также печать английских монополий. В этих кругах была популярна идея превентивной войны против социалистического лагеря, пока в Советском Союзе и других странах социалистического лагеря не ликвидирован ущерб, причиненный второй мировой войной. «Десять мирных лет неизмеримо увеличили бы мощь и стабильность этой группы стран, — писали в Лондоне в 1950 г., — тогда как возникновение войны в ближайшем будущем отсрочило бы их развитие в коммунистическом направлении»².

Естественно, что все эти слова и дела английских правящих кругов крайне отрицательно сказывались на англо-советских отношениях.

3. Итоги внешней политики Англии в первые послевоенные годы. Положение Англии в системе международных отношений

Английская внешняя политика после второй мировой войны была реакционной, империалистической политикой «с позиции силы». Творцами агрессивного внешнеполитического курса империалистического лагеря были не только руководящие круги США, но и английские государственные деятели. В фултонской речи в марте 1946 г. Черчилль заявил, что «русские больше всего считаются с силой»³. Лейборист Эмрис Хьюз назвал речь Черчилля в Фултоне «первым залпом в холодной войне»⁴.

Сформулированная Черчиллем агрессивная программа легла в основу политики, проводившейся лейбористским правительством Эттли — Бевина. Лейбористы официально приняли уста-

¹ «The Times», 11. X. 1948.

² «Defence in the Cold War», p. 12.

³ «The New York Times», 6. III. 1946.

⁴ E. Hughes. Winston Churchill, New York, 1957, p. 263—264.

новки консерваторов на свое вооружение. «Эффективная роль Англии в международных отношениях, — говорится в программной брошюре лейбористов «Карты на стол», — зависит от ее мощи, а не от того, является ли ее внешняя политика капиталистической, социалистической, коммунистической или фашистской»¹. Приверженность лейбористов к намеченной Черчиллем линии дала ему основание заявить в 1950 г.: «Я очень рад, что мы все согласны в отношении внешней политики. Мы следовали по пути, который я наметил в Фултоне в 1946 году»².

А путь Черчилль наметил вполне определенный. «Политика консервативной партии, если считать, что Уинстон Черчилль ее выражает, состоит в стремлении к замкнутому англо-американскому союзу, определенно направленному против Советской России, — говорится в брошюре «Карты на стол», — Черчилль хочет постоянного союза с Америкой против того, что он считает постоянной политической угрозой»³.

Как приведенное выше заявление Черчилля, так и внешнеполитические акции лейбористского правительства со всей убедительностью доказывают, что уверения лейбористских деятелей, будто их партия, придя к власти, станет проводить свою особую «социалистическую» внешнюю политику, были пустой болтовней.

Послевоенной внешней политике Англии явно не хватало реализма; это была авантюристическая политика. Именно поэтому, несмотря на некоторые ее частные успехи, она в общем провалилась.

Даже в союзе с США и другими империалистическими странами Англия не смогла добиться своих целей в отношении Советского Союза, помешать становлению новых социалистических государств в Европе и Азии, подавить национально-освободительное движение, а стало быть, не смогла предотвратить дальнейшее коренное изменение соотношения сил между социализмом и капитализмом в пользу социализма. Это было самым значительным провалом английской внешней политики.

Крупнейшее поражение постигло английских империалистов в их старых владениях и сферах влияния. Сохранить свою азиатскую колониальную империю Англия не смогла. Индия, Пакистан, Цейлон, Бирма вступили на путь самостоятельного политического развития. Эти события, происшедшие в первое послевоенное пятилетие, означали резкое ослабление позиций мирового империализма, в том числе британского, на Дальнем Востоке. Пессимизм и тревога бросаются в глаза в работе английского Института международных отношений, подготов-

¹ «Cards on the Table». An Interpretation of Labour's Foreign Policy. London, 1947, p. 3.

² Цит. по кн.: В. Трухановский. Внешняя политика Англии после второй мировой войны (Краткий очерк). М., 1957, стр. 14.

³ «Cards on the Table», p. 13—14.

ленной в 1950 г. «Создалась, — говорится в ней, — новая угроза — и не только политической стабильности в Азии, но также рынкам и источникам сырья, на которые рассчитывали западные страны, строя планы экономического восстановления»¹.

Передача Англией Соединенным Штатам «ответственности» за Грецию и Турцию в 1947 г. знаменовала собой провал английской политики в Восточном Средиземноморье. Ликвидация английского мандата на Палестину и предоставление независимости Трансиордании свидетельствовали об английских неудачах на Ближнем Востоке, предвещавших крупнейшие поражения, которые постигли в дальнейшем английскую политику в этом районе земного шара.

Иллюзией оказались все расчеты правящих кругов Англии на то, что союз с США даст им возможность укрепить свою экономику и сохранить свои колониальные владения. Действительность показала, что союз с США не обеспечил ни сохранения британской колониальной империи, ни усиления роли Англии в международных отношениях. Более того, этот союз увеличил экономическую и политическую зависимость Англии от США, низвел ее на положение «младшего партнера» США. «Прошло время, — заявил английский министр иностранных дел в палате общин 28 марта 1950 г., — когда мы могли делать свою политику независимо от своих союзников»².

Важнейшей составной частью внешней политики Англии была борьба против прогрессивных идей, направленная на подрыв социализма и упрочение капитализма. Огромную силу коммунистических идей, их воздействие на ход исторического развития вынуждены были признать и английские лейбористские политики. «Мировой баланс силы в настоящее время, — замечает Мэйхью, — зависит столько же от идей в умах людей, сколько и от оружия в руках или даже от денег в кармане»³. Английская государственная машина занялась усиленной идеологической обработкой народных масс. На антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду затрачивались большие средства. Однако британским империалистам пришлось признать, что выиграть битву за умы они не смогли. «После широкой дискуссии, — отмечается в докладе английского Института международных отношений, — авторы пришли к выводу, что правительства и созданные ими международные организации мало что могут сделать для обеспечения победы именно в борьбе идей»⁴.

Провалы внешней политики лейбористского правительства причиняли серьезный морально-политический ущерб стране. Вместе с тем агрессивная политика, стоившая очень дорого,

¹ «Defence in the Cold War», p. 7.

² «International Affairs», 1950, № 4, p. 478.

³ Ibid., p. 482.

⁴ «Defence in the Cold War», p. 108.

явилась одной из причин экономических трудностей, с которыми встретилась Англия после войны.

Передовая часть английского народа вела активную борьбу против реакционной внешней политики. Это было одним из важнейших факторов, обрекавших ее на неудачу.

Тот факт, что послевоенная внешняя политика английского империализма осуществлялась лейбористским правительством, в известной степени дезориентировал народные массы: они не могли предполагать, что лейбористская партия будет проводить по существу внешнеполитическую программу консервативной партии. Поэтому проводимый внешнеполитический курс встречал гораздо меньшее сопротивление, чем он безусловно встретил бы, если бы его официально проводили не лейбористы, а консерваторы. Но, несмотря на столь важное для английских империалистов обстоятельство, борьба в Англии против такой внешней политики была интенсивной.

Об отношении английских рабочих к внешнеполитическим акциям правительства Эттли — Бевина довольно отчетливо говорят резолюции, принимавшиеся отдельными профсоюзами, а также митингами и собраниями трудящихся.

В 1946 г. профсоюз электриков предложил на рассмотрение ежегодного конгресса тред-юнионов проект резолюции, в котором заявлялось: «Данный конгресс с серьезным беспокойством отмечает отдельные аспекты внешней политики правительства. Мы отмечаем, что политика, проводимая в Греции, укрепила положение реакционных сил, создала благоприятные условия для восстановления монархии и привела к подавлению прогрессивных сил. В Испании поддержание экономических и дипломатических отношений с генералом Франко содействует сохранению фашистского социального строя. В Германии, вопреки соглашению, достигнутому в Потсдаме, не была осуществлена денацификация страны, не были установлены демократические учреждения и экономический контроль. Отношения между Советским Союзом и Англией ухудшились за последние двенадцать месяцев вследствие проведения политики англо-американской гегемонии и изоляции Советского Союза параллельно с политикой привязывания английской экономики к экономике капиталистической Америки; все это, по нашему мнению, является крайне опасным»¹. Хотя конгресс и не принял резолюцию, но за нее голосовали представители 2440 тыс. членов тред-юнионов², ее поддерживали наиболее организованные, просвещенные и сознательные профсоюзы.

Английские рабочие настойчиво требовали нормализации англо-советских отношений. Об этом убедительно свидетельствовала декларация, принятая в феврале 1949 г. на конференции, созванной в Манчестере ланкаширским и чеширским районными советами Общества англо-советской дружбы и федерацией профсоюзов Ланкашира и Чешира. От имени 950 тыс. английских рабочих участники конференции энергично выступили с требованием мира и дружбы с Советским Союзом.

В ноябре 1946 г. 70 лейбористских депутатов внесли поправку к тронной речи короля, в которой требовали изменить внешнюю политику правительства. В апреле 1947 г. и декабре 1948 г. многие депутаты-лейбористы высказались против политики правительства в вопросе о воинской повинности³.

¹ «Labour Monthly», December 1946, p. 368.

² Ibidem.

³ См. «Экономика и политика Англии после второй мировой войны», стр. 545.

В парламентской фракции лейбористов сложилась группа в несколько десятков депутатов, которая выступала с критикой правительства по основным внешнеполитическим вопросам.

В лейбористской фракции парламента внешняя политика правительства встречала гораздо большие возражения, чем со стороны оппозиционной консервативной партии. «Популярность Бевина у консерваторов, — замечает М. Фитцсимонс, — была их признательностью ему за защиту британских (империалистических. — Авт.) интересов, хотя поддержка консерваторов порой осложняла отношения Бевина с его собственной партией»¹.

В консервативной партии также были элементы, хотя и значительно менее многочисленные, чем в лейбористской партии, которые выступали против проводившейся внешней политики. Это были сторонники так называемой «имперской политики» — лорд Бивербрук, Леопольд Эмери и некоторые другие, понимавшие, что политика подчинения диктату правящих кругов США разрушающе действует на имперские позиции Англии.

В борьбе против реакционной внешней политики лейбористского правительства большое значение приобрело движение сторонников мира. В июне 1949 г. был образован Английский комитет защиты мира, в состав которого вошли известные ученые и общественные деятели. На первом конгрессе сторонников мира в Англии (октябрь 1949 г.) присутствовало 1090 делегатов от 400 различных организаций.

В авангарде сторонников мира шла Коммунистическая партия Великобритании. Компартия последовательно и настойчиво разоблачала империалистическую внешнюю политику Эттли — Бевина, разъясняла враждебность ее делу мира, коренным жизненным интересам английского народа, призывала трудящихся сплотиться для борьбы против такой политики.

В манифесте, опубликованном 1 мая 1949 г., компартия призывала: «Теснее ряды, смело провозглашайте свою волю к миру, требуйте немедленного и большего сокращения расходов на вооруженные силы, добивайтесь возвращения домой наших солдат из Греции, Малайи и Среднего Востока... отправки домой из Англии американских солдат, восстановления нашей собственной независимости. Отвергайте Атлантический пакт, Брюссельский пакт и все другие агрессивные мероприятия англо-американских поджигателей войны. Укрепляйте Организацию Объединенных Наций, подтвержайте нашу приверженность к англо-советскому договору, боритесь за торговлю с Советским Союзом и странами народной демократии.

Помните, что силы мира и прогресса сильнее сил войны»².

Протесты английского народа против проводившейся внешней политики увеличивались по мере того, как становился все более и более ясным характер этой политики, ее отрицательное влияние на экономическое и международное положение страны.

Английская внешняя политика и ее результаты в 1945—1949 гг. свидетельствуют о резком снижении роли Англии в международных отношениях после второй мировой войны. Сказалось в этом, конечно, прогрессирующее ослабление британского капитализма в результате действия закона неравномерности развития капитализма, но дал себя знать и пагубный курс на союз с империалистами Соединенных Штатов, в основе которого лежат реакционные, агрессивные цели. В итоге пошат-

¹ M. Fitzsimons. The Foreign Policy of the British Labour Government, 1945—1950, p. 28.

² «Daily Worker», 1. V. 1949.

нулось положение Англии как великой державы, она стала лишь «младшим партнером» США.

В Соединенных Штатах стали откровенно говорить, что Англию уже не приходится считать великой державой. Типично в этом смысле высказывание М. Фитцсимонса, который, оценивая итоги английской внешней политики в 1945—1950 гг., пишет: «Англия, выиграв войну, потеряла свой статус великой державы... Англия стала теперь державой с мировыми интересами, но не мировой державой»¹.

Однако в таких суждениях сказывалась некоторая недооценка роли Англии. Англия в первые послевоенные годы упорно и не без успеха боролась за восстановление своих мировых экономических позиций. В капиталистическом мире ей в 1945—1949 гг. принадлежало второе место, после Соединенных Штатов, в экономике и политике. Англия сохраняла позиции высокоразвитой индустриальной державы и по промышленному производству занимала второе место в капиталистическом мире. Велика была роль Англии и в мировой торговле. Ее торговый флот стал меньше флота США, но все же Англия сохранила положение крупнейшей морской державы.

Распад британской колониальной империи значительно ослабил международные позиции Англии. Ее возможности распоряжаться людскими и материальными ресурсами стран, входивших в состав империи, в связи с этим резко ограничились. Однако Англия оставалась экономическим и финансовым центром Британского содружества наций. Это позволяло ей играть в мировой политике значительно большую роль, чем если бы она являлась просто островом с 50-миллионным населением.

Следовательно, несмотря на прогрессирующий упадок британского империализма, Англия в 1945—1949 гг. продолжала сохранять положение великой державы, способной играть важную роль в мировой политике. Однако эти возможности не были использованы. Нет никаких сомнений в том, что ее роль в международных делах неизмеримо бы возросла, если бы лейбористское правительство осуществляло прогрессивную миролюбивую политику, на которую рассчитывали широкие массы трудящихся, обеспечившие победу лейбористской партии на выборах 1945 г. Англия могла бы значительно укрепить свою мощь как промышленная, торговая и морская держава, если бы использовала огромные возможности расширения экономических связей со странами социализма, плановая экономика которых развивается быстрыми темпами и не знает экономических кризисов.

¹ М. Fitzsimons. The Foreign Policy of the British Labour Government. 1945—1950, p. 28—29.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОЗИЦИИ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В 1945—1949 гг.

1. Франция в период перехода от войны к миру

Международное положение Франции к моменту окончания войны было довольно неустойчивым. Из-за позиции Англии и особенно США великие державы антигитлеровской коалиции не признавали ее временное правительство, образованное де Голлем. Признание последовало лишь 23 октября 1944 г. после настояний Советского правительства. Характерно, что США сопровождали свое признание оговоркой, позволявшей аннулировать его¹.

Слабость международных позиций Франции определялась многими обстоятельствами. После разгрома в 1940 г. Франция фактически перестала существовать как держава, обладающая сколько-нибудь значительной военной мощью. Часть французской буржуазии начала сотрудничать с оккупационными властями. Правда, в дальнейшем силы «Сражающейся Франции» и особенно движение французского Сопротивления внесли важный вклад в общую борьбу (в 1944 г. отряды Сопротивления сковывали до 12 гитлеровских дивизий). И все же усилия Франции не шли, конечно, ни в какое сравнение не только с решающими действиями Советского Союза, но даже и с несравненно более скромной ролью США и Великобритании. Франции не удалось среди держав, возглавлявших борьбу против фашизма и решавших вопросы войны и мира с Германией. Участию Франции в разрешении проблем мирного урегулирования воспротивились правящие круги США и Великобритании. Франции предстояло еще завоевать статус великой державы послевоенного времени.

Другой причиной слабости международных позиций Франции было крайне тяжелое состояние ее экономики. В результате фашистского грабежа, военных разрушений и расстройств хозяйственной деятельности индекс промышленного производства составлял осенью 1944 г. лишь 20% уровня 1938 г.; объем продукции сельского хозяйства был в 2 раза меньше довоенного. Вышли из строя две трети транспортных средств. Внешняя торговля фактически прекратилась. В тяжелом положении были финансы страны.

Сразу же после освобождения страны реакционные силы, примыкавшие к правому крылу Сопротивления, развернули борьбу против демократических организаций, влияние которых резко возросло после войны. Коммунистиче-

¹ «L'Année politique 1944—1945». Paris, 1946, p. 52—53.

ская партия самоотверженной борьбой против фашизма завоевала небывало высокий авторитет в народе. Ее численность с 240 тыс. человек в 1937 г. увеличилась до 900 тыс. в 1945 г. Это позволило ей сыграть важную роль в создании Национального фронта — наиболее массовой организации Сопротивления. Сотрудничавшая с коммунистической партией Всеобщая конфедерация труда объединяла в своих рядах около 5 млн. человек.

Коммунисты требовали, чтобы временное правительство было сформировано на базе Национального совета Сопротивления. Однако деголлевское окружение, партия МРП и социалисты превратили его в совещательный орган при правительстве де Голля. Они стремились не допустить коммунистов в правительство, вводя в него лишь правых участников Сопротивления.

Временное правительство воспрепятствовало тому, чтобы вооруженные силы Сопротивления стали ядром французской армии, и распустило их. Оно добилося также ликвидации патриотической милиции, создававшейся организациями Сопротивления по мере освобождения страны. Реакция старалась сохранить и восстановить старый государственный аппарат.

Острая борьба развернулась по вопросу о новом государственном строе Франции. Деголлевские круги мечтали установить диктаторский режим в виде республики «президентского типа». Однако первые после освобождения страны выборы в Учредительное собрание, на которых коммунистическая партия получила 5004 тыс. голосов и 152 мандата, показали огромное влияние демократических сил. В правительстве, сформированном после выборов, коммунисты вместо двух получили уже шесть портфелей. Росту сил, выступивших против установления диктаторского режима, способствовало заключенное в январе 1946 г. между социалистической партией и коммунистами соглашение о совместных действиях в борьбе за принятие демократической конституции. Реакция предпринимает новый натиск в виде ультимативного ухода де Голля в отставку в январе 1946 г. Но этот маневр не имел успеха: в новом правительстве во главе с социалистом Гуэном коммунисты получили шесть портфелей.

В условиях небывалого влияния демократических сил в стране были осуществлены важные прогрессивные реформы. Национализируются многие крупные монополии и некоторые банки. Прежде всего это затронуло интересы той части буржуазии, которая в годы войны стояла на позициях коллаборационизма. Проводятся крупные социальные мероприятия; восстанавливается 40-часовая рабочая неделя с оплаченным отпуском, расширяются права рабочих делегатов на предприятиях, увеличиваются пособия многодетным, пенсии по старости и т. д. Французский рабочий класс добился введения относительно прогрессивной системы социального обеспечения. В 1946 г. принимается конституция, закрепившая многие завоевания трудящихся.

Необходимость коренного изменения внешней политики была ясно признана в программных документах организаций Сопротивления, которые тогда официально поддерживались и признавались правящими кругами.

До 1947 г. Франция фактически оставалась вне агрессивного блока, создававшегося империалистическими кругами США и Англии. Такая позиция была следствием соотношения классовых сил, сложившегося во Франции к концу войны.

Война показала, какое решающее значение для безопасности Франции имеет союз с СССР и как пагубны последствия пренебрежения этим союзом. Во время войны у всех сторонников движения Сопротивления создалась твердая убежденность в необходимости возрождения союзного договора с СССР. Решающая роль Советского Союза в разгроме Германии и, следовательно, в освобождении Франции, постоянная политическая

поддержка, которую оказывал во время войны Советский Союз Французскому комитету национального освобождения, породили во Франции небывалый подъем дружественных чувств к СССР. Правящие круги Франции понимали также, что заключение союзного договора с СССР в решающей степени способствовало бы укреплению международных позиций Франции.

В ноябре 1944 г. председатель временного правительства де Голль в беседе с советским послом выразил пожелание поехать в СССР для установления контакта с руководителями Советского правительства. В ответ на это Советское правительство пригласило генерала де Голля посетить СССР.

21—22 ноября 1944 г. Консультативная ассамблея провела первые после освобождения Франции внешнеполитические дебаты, почти целиком посвященные предстоящим переговорам в Москве. Министр иностранных дел Бидо заявил, что он рассматривает поездку в Москву «как важнейшее дело для будущего Франции, для мира и спокойствия во всем мире»¹. Представители всех политических партий и групп Сопротивления в Консультативной ассамблее единодушно высказались за подписание договора о союзе с СССР.

2 декабря 1944 г. французская правительственная делегация прибыла в Москву и вступила в переговоры с Советским правительством. В беседах с советскими руководителями генерал де Голль говорил, что «произошли большие события, и французы узнали многое. Французы поняли, что такое отсутствие Советской России». По мнению де Голля, «причиной несчастий, постигших Францию, было то, что Франция не была с Россией, не имела с ней соглашения». Глава французского правительства подчеркивал, что СССР и Франция «являются соседями Германии и, следовательно, находятся под ее угрозой. Так было в прошлом, так будет и в будущем»². Де Голль предложил заключить договор о союзе и взаимной помощи. Советское правительство проявило полное понимание соображений, высказанных французами, и согласилось на заключение договора.

Однако в ходе переговоров возникло препятствие в связи с позицией Франции по отношению к польскому демократическому правительству, находившемуся тогда в Люблине. Французское правительство не признавало его, поддерживая связи с реакционным эмигрантским «правительством» в Лондоне. Советский Союз предложил Франции признать правительство в Люблине, поскольку он не мог, естественно, гарантировать безопасность Франции от германской агрессии в будущем, если не будет дружественного демократического правительства в Польше. Отсутствие такого правительства в довоенной Польше фактически помогло сорвать выполнение советско-французского договора 1935 г. В ходе московских переговоров де Голль согласился обменяться представителями с демократическим правительством Польши, продолжая вместе с тем поддерживать связь с лондонским «правительством».

¹ «Journal Officiel», 22. XII. 1944, p. 309.

² «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» М., 1959, стр. 340.

10 декабря 1944 г. в Кремле был подписан советско-французский договор о союзе и взаимной помощи. Франция и Советский Союз обязались «довести совместно и до конца войну против Германии». Они выразили уверенность в том, что восстановить мир на прочной основе и поддерживать его в течение длительного времени в будущем можно лишь при «тесном сотрудничестве» между Францией и СССР. Обе страны обязались «совместно предпринимать все необходимые меры для устранения любой новой угрозы, исходившей от Германии, и препятствовать таким действиям, которые делали бы возможной любую новую попытку агрессии с ее стороны». Договаривающиеся стороны приняли на себя обязательство не заключать какого-либо союза и не участвовать в какой-либо коалиции, направленной против одной из сторон¹.

Советско-французский договор мог явиться одной из важнейших основ для сохранения мира в Европе после войны. Его выполнение надежно гарантировало обе стороны от опасности возрождения германской агрессии.

Общественность Франции горячо приветствовала подписание советско-французского договора. Все без исключения французские газеты одобряли его.

21 декабря 1944 г. в Консультативной ассамблее обсуждался вопрос о ратификации договора. Выступавшие единодушно приветствовали его и отмечали решающее значение сотрудничества с СССР для безопасности Франции. Представитель социалистической партии Андре Филипп говорил, что франко-советский договор дает Франции «безопасность, которую тщетно искали на международных конференциях и переговорах в течение многих лет»².

Члены Консультативной ассамблеи признавали, что заключение договора с Советским Союзом означает серьезное укрепление международных позиций Франции. Известный французский политический деятель Поль Бонкур заявил, обращаясь к правительству: «Вы привезли нам прекрасный новогодний подарок. Он означает, что Франция снова стала великой державой, с которой вступает в союз самая крупная континентальная страна»³. Представитель правых группировок Андре Мюттер отмечал, что франко-советский договор служит официальным подтверждением «возрождающегося могущества Франции»⁴. Выступавшие осуждали порочный довоенный курс Франции, который подорвал франко-советский союз. Они указывали на опасность для Франции политики слепого антикоммунизма. «Парализующий страх перед большевизмом, — говорил Поль Бонкур, — был одной из причин наших ошибок и несчастий»⁵.

В своем выступлении генерал де Голль отмечал, что «политика колебаний и недоверия в отношениях между Парижем и Москвой в период между двумя войнами и их раскол в решающий момент создали условия для возвращения вермахта на Рейн, для захвата Австрии, порабощения Чехословакии, разгрома Польши, для подготовки вторжения Гитлера во Францию, через год после которого началось наступление на Россию»⁶.

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 327, 329.

² «Journal Officiel», 22. XII. 1944, p. 591.

³ Ibid., p. 583.

⁴ Ibid., p. 590.

⁵ Ibid., p. 583.

⁶ Ibid., p. 595.

Для французской внешней политики в момент окончания войны центральным был вопрос о том, займет ли Франция подобающее ей место среди великих держав. Возвращению Франции в число этих держав в огромной степени способствовал франко-советский договор 1944 г. Советский Союз содействовал Франции и другими своими действиями. Так, в ноябре 1944 г. по настоянию СССР и вопреки противодействию США и Великобритании Франция была приглашена принять участие в работе Европейской консультативной комиссии в качестве четвертого постоянного члена комиссии. Этот факт имел решающее значение для постепенного получения Францией тех же прав, какими обладали три другие великие державы.

На конференции глав великих держав в Крыму были приняты решения, предоставившие Франции в будущем возможность активно участвовать в послевоенном урегулировании наряду с СССР, США и Великобританией. В решении конференции об оккупации Германии говорилось: «Было решено, что Франция будет приглашена тремя державами, если она этого пожелает, взять на себя зону оккупации и участвовать в качестве четвертого члена в Контрольной Комиссии. Размеры французской зоны будут согласованы между четырьмя заинтересованными Правительствами...»¹ Декларация об освобожденной Европе, принятая конференцией, заканчивалась заявлением о том, что «три державы выражают надежду, что Временное Правительство Французской Республики может присоединиться к ним в предложенной процедуре»².

В феврале 1945 г. французское правительство запросило у США, Великобритании и СССР разъяснений по ряду вопросов, обсуждавшихся в Крыму. После этого оно официально одобрило решения Крымского совещания.

В течение первой половины 1945 г. Франция получила права, которыми пользовались другие великие державы. 8 мая ее представитель присутствовал при подписании Акта о безоговорочной капитуляции Германии. В конце мая она наравне с ними вошла в состав Контрольного совета для управления Германией. 5 июня французский представитель подписал вместе с представителями других трех великих держав Декларацию о поражении Германии. 6 июня 1945 г. было подписано соглашение о зонах оккупации Германии, по которому для Франции выделялась оккупационная зона на тех же основаниях, что и для трех других держав. Франция в это время участвует и в других совместных мероприятиях великих держав.

Хотя на Потсдамской конференции Франция не была представлена, Потсдамские соглашения в полной мере отвечали интересам Франции, ее права по важнейшим вопросам были специально оговорены в них.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 102.

² Там же, стр. 106.

Тем не менее Франция заняла затем по отношению к Потсдамским соглашениям особую позицию. 3 августа 1945 г. Бидо вручил послам СССР, США и Великобритании ноту по поводу только что закончившейся в Потсдаме конференции. В ноте указывалось: «Французское правительство сожалеет, что текст, касающийся наиболее важных моментов германского вопроса, был разработан без участия Франции, несмотря на то что с ноября 1944 г. она является членом Европейской консультативной комиссии.

Французское правительство одобряет цели, намеченные Потсдамским коммюнике об оккупации Германии, считая, однако, преждевременным разрешать в настоящее время восстановление политических партий в целом по всей Германии и создание центральной германской администрации. Французское правительство, не возражая в принципе против установления польской администрации на территории восточнее Одер — Нейссе, считает, что проблема границ Германии в целом может быть разрешена только в том случае, если она будет рассмотрена сообща всеми заинтересованными державами»¹.

Присоединяясь к Потсдамским соглашениям, Франция высказала серьезные оговорки. Как показали дальнейшие события, эти оговорки не были случайными. В их основе лежало стремление не допустить демократического решения германского вопроса. Такая позиция не соответствовала национальным интересам Франции, ибо выполнение Потсдамских соглашений дало бы ей реальную возможность раз и навсегда решить извечную для нее проблему германской агрессии и надежно обеспечить свою безопасность.

2. Франко-американские и франко-английские отношения после окончания войны

В момент освобождения Франции присутствие американских войск в решающей степени помогло буржуазии сохранить власть в своих руках. После войны французские монополии начинают ориентироваться на США, как на главную опору в борьбе против сил демократии и социализма на международной арене и внутри страны. Помощь монополистического капитала США французскому империализму шла по нескольким линиям — экономической, политической, военной.

Важное место во франко-американских отношениях первых послевоенных лет занимали соглашения о различных видах американской помощи и кредитах.

28 февраля 1945 г. было подписано франко-американское соглашение о ленд-лизе. США обязались поставить Франции на 1675 млн. долл. сырья и продовольствия, на 900 млн. долл. промышленного оборудования. В счет французских поставок американской армии и за различные виды ее обслуживания США должны были поставить товаров еще на 1 млрд. долл. Соглашение о ленд-лизе сыграло в то время решающую роль в ориентации французской внешней торговли на США.

В августе 1945 г. было заключено франко-американское соглашение о предоставлении Франции первого американского послевоенного займа. Франция

¹ «L'Année politique 1944—1945», p. 282.

получила 550 млн. долл. Цель этого займа, как сообщала печать, состояла в том, чтобы укрепить позиции реакции на предстоявших вскоре после войны первых всеобщих выборах. В ходе переговоров о предоставлении займа США добивались права создать свои военные базы на территории некоторых французских колоний. Уже тогда президент Трумэн потребовал от генерала де Голля избавиться от участия коммунистов в правительстве.

Следующим важным мероприятием США, направленным на лишение Франции ее внешнеполитической независимости, было франко-американское финансовое соглашение от 28 мая 1946 г., подписанное в Вашингтоне. По этому соглашению ликвидировались военные долги Франции на сумму 420 млн. долл.; ей предоставлялось 300 млн. долл. в кредит для закупки излишков американских военных материалов, находившихся во Франции. И то и другое было выгодно прежде всего США. Если бы Франция покрывала свои долги путем ввоза в США своих товаров, то это задело бы интересы американских монополий. Что касается военных излишков, то, если бы США повезли их обратно, перевозка обошлась бы им дороже стоимости этих излишков. По Вашингтонскому соглашению Экспортно-импортным банком США также был предоставлен кредит Франции на сумму 650 млн. долл. Но за это французское правительство обязалось отказаться от довоенной политики таможенного протекционизма, от защиты своей промышленности с помощью импортных контингентов. Внутренний рынок Франции был широко открыт для американских товаров.

Вашингтонское соглашение было заключено накануне вторых всеобщих выборов 2 июня 1946 г. и явно предназначалось для воздействия на эти выборы. Переговоры в Вашингтоне вел Леон Блюм. Во время его беседы с министром финансов США Уинсоном, как писал корреспондент Франс Пресс, тот «официально потребовал от Блюма, чтобы социалисты примкнули к антикоммунистической коалиции и таким путем вытеснили коммунистов, занимающих сейчас важные посты во французском кабинете»¹.

Политику США в отношении Франции газета «Нью-Йорк таймс» охарактеризовала следующим образом: «Было бы глупо и невероятно близорукно со стороны США, если бы они не использовали свое могущество и свои ресурсы для поощрения умеренных и либеральных элементов во Франции и для установления порядка, от которого будущее американцев зависит в той же мере, как и будущее Франции»².

Что касается конкретно дипломатической области, то США делали все возможное, чтобы добиться присоединения Франции к антисоветскому фронту западных держав.

В то время правительство Франции еще занимало позицию, несколько отличную от позиций США и Англии. 22 ноября 1945 г. генерал де Голль так определил основную внешнеполитическую линию Франции: «Наша страна, при том положении, которое она занимает в Европе, Африке и Азии, и обращенная в силу многовековой традиции и на Запад и на Восток, может и хочет быть звеном между двумя мирами, но ни в коем случае не пешкой»³.

Но американская политика по отношению к Франции была направлена именно на то, чтобы сделать ее пешкой в антисоветской игре. США применяли всевозможные меры воздействия: шантаж угрозой «коммунистической агрессии», финансовые поддачи, согласие передать Саар и т. д. Постепенно эта обработка

¹ А. Верг. Франция. 1940—1955. Сокр. перев. с англ. М., 1959, стр. 275.

² «The New York Times», 31. V. 1947.

³ Ch. de Gaulle. Discours et messages. 1940—1946. Paris, 1946, p. 707.

сказывалась на политическом курсе Франции. Так, на Парижской мирной конференции представители Франции по ряду вопросов открыто присоединились к антисоветскому большинству, сколоченному Соединенными Штатами.

Для маскировки намечавшегося поворота во французской политике французская печать подняла шум о том, что Советский Союз якобы изменил свое отношение к Франции и начал проводить враждебную ей политику. По этому поводу «Правда» писала в августе 1946 г.: «В отношениях Советского Союза к Франции не произошло никаких перемен. Эти отношения, как известно, определяются договором о союзе и взаимной помощи между СССР и Францией. Известно также, что Советский Союз точно и неуклонно придерживается заключаемых им договоров и соглашений... Домыслы некоторых французских газет об изменившемся отношении Советского Союза к Франции лишены всякого основания»¹. В действительности же начиналось явное изменение политики самой Франции.

Во внешнеполитическом курсе Франции после окончания войны важное место занимала проблема отношений с Великобританией. Поддержание военного и политического союза с этой страной было в последние десятилетия традиционной линией Франции. Однако к окончанию войны англо-французское «сердечное согласие» находилось в самом плачевном состоянии. В течение всего периода войны Англия стремилась к ослаблению позиций Франции. Она предпринимала постоянные попытки вытеснить Францию из многих ее колоний. Конфликты между Францией и Англией фактически не прекращались. Положение не изменилось и после окончания войны. Об отношении Англии к Франции в то время можно судить по заявлению Черчилля в телеграмме Трумэну 12 мая 1945 г.: «Французы слабы, и с ними трудно иметь дело»².

В 1945 г. возник острейший франко-британский конфликт в Сирии и Ливане. В январе 1945 г. правительства Сирии и Ливана потребовали выполнения французских обещаний о признании независимости этих стран, провозглашенной в 1943 г. На это последовал ответ, что Франция сохранит контроль над армиями Сирии и Ливана и намерена «поддерживать порядок». В Сирию и Ливан были посланы новые французские войска. В конце мая начались бои между французскими оккупантами и населением этих стран.

30 мая английский правительство потребовало от Франции прекращения огня и передачи власти в Сирии и Ливане английскому командованию. 31 мая Черчилль в письме к де Голлю сообщил, что британскому главнокомандующему на Ближнем Востоке дан приказ вмешаться в вооруженный конфликт. Он потребовал немедленного отвода французских войск.

2 июля 1945 г. де Голль заявил, что события в Сирии и Ливане — результат подрывных действий Великобритании. Де Голль вынужден был согласиться на переговоры об урегулировании конфликта. Они продолжались более года и закончились уходом Франции из стран Леванта, чему активно способствовала Великобритания.

¹ «Правда», 21 августа 1946 г.

² W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 498.

Острые франко-британские противоречия возникли после войны и в области экономических отношений двух стран. Великобритания делала все, чтобы воспользоваться послевоенными экономическими трудностями Франции. Следствием этого, прежде всего, было крайне неравноправное положение во внешней торговле двух стран. Франция имела огромный дефицит в этой торговле. В 1946 г. она была на первом месте среди покупателей английских товаров и на семнадцатом среди поставщиков.

Росла финансовая задолженность Франции. В начале 1946 г. Франция была должна Англии 40 млн. ф. ст. В конце февраля 1946 г. Англия отказалась возобновить финансовое соглашение с Францией. Этот шаг вел практически к полному прекращению англо-французской торговли и ставил Францию в очень тяжелое положение. На состоявшихся затем переговорах Англия отказала Франции в отсрочке погашения задолженности. Достигнутое в конце концов соглашение предусматривало очень жесткие сроки уплаты долга в золоте и валюте. Газета «Монд» писала, что во Франции «поражены грубостью английских условий», а также тем, что «Англия отказала Франции в кредите»¹.

В сентябре 1946 г. французскому правительству удалось добиться заключения с Англией нового финансового соглашения, по которому ей была предоставлена рассрочка на 12 лет для погашения своего долга. Однако этот долг не уменьшался, поскольку во франко-британской торговле Франция по-прежнему имела пассивный баланс. Новое торговое соглашение, заключенное в ноябре 1946 г., по существу, не облегчило положение Франции. Ее торговый баланс с Англией по-прежнему оставался дефицитным.

Серьезные противоречия между Францией и Англией существовали в германском вопросе². Главным пунктом этих противоречий была проблема Рура.

В 1946 г., когда начался процесс постепенного сползания Франции на позиции англо-американского блока по всем основным внешнеполитическим вопросам, происходит некоторое смягчение франко-британских противоречий. 24 марта 1946 г. глава французского правительства социалист Феликс Гуэн предложил заключить франко-английский договор о союзе. 3 апреля министр иностранных дел Великобритании Бевин также высказался за договор с Францией. Уже в апреле по этому вопросу состоялись переговоры с французским правительством.

Его представители публично заявили, что проектируемый договор должен дополнить франко-советский договор 1944 г. о союзе и взаимной помощи. Подобные разговоры призваны были лишь замаскировать отход Франции от франко-советского сотрудничества и ее переход на позиции американско-английского блока. В действительности правящие круги Франции видели в договоре с Англией средство замены франко-советского договора и путь к созданию Западного союза, направленного против СССР.

16 февраля официально начались переговоры о заключении договора. 4 марта 1947 г. в Дюнkerке состоялось его подписание. В нем говорилось о том, что каждая из сторон немедленно придет на помощь другой стороне, если она подвергнется агресс-

¹ «Le Monde», 14. V. 1946.

² См. гл. XVIII.

сии со стороны Германии. Участники договора решили консультироваться между собой в случае, если появятся признаки возрождения германской угрозы, а также если Германия не будет выполнять своих экономических обязательств, которые ей придется принять в силу ее военного поражения. Договор предусматривал, что Франция и Англия будут проводить постоянные консультации по экономическим вопросам в «целях поднятия благосостояния и обеспечения безопасности обеих стран». Договор был заключен сроком на 50 лет¹.

Формально договор имел антигерманскую направленность. В действительности его скрытый смысл заключался в создании одного из подготовительных условий для формирования антисоветского блока западных стран. Последующие события полностью подтвердили это².

3. Германский вопрос в политике Франции

Империалистические круги Франции сразу же после войны выдвинули свою программу решения германского вопроса, в корне противоречащую Потсдамским соглашениям, — так называемую программу «федерализации Германии». Они предложили расчленить Германию на несколько самостоятельных государств. Часть из них они рассчитывали поставить под свой контроль. Они настаивали на отделении от Германии Рурской области, а также территорий на левом берегу Рейна и присоединении их к Франции.

Представители французских правящих кругов заявили, что только эти мероприятия могут обеспечить безопасность Франции и решить германскую проблему. В действительности же расчленение страны могло лишь породить и усилить в Германии дух реванша, направленный против Франции. Граница по Рейну, так называемая «естественная граница», в современную эпоху также не могла бы гарантировать безопасность Франции. Для ее обеспечения необходимо было ликвидировать основу германского милитаризма — крупные монополии и реакционное юнкерство. Но внешняя политика Франции игнорировала эту задачу.

Французская программа отделения от Германии ряда территорий прямо противоречила Потсдамским соглашениям. Франция нарушала Потсдамские соглашения и по другим вопросам. Ее оккупационная администрация, укомплектованная самыми реакционными элементами армии и аппарата дипломатической службы, срывала наказание военных преступников, денацификацию и демократизацию Германии.

¹ «L'Année politique 1947». Paris, 1948, p. 485.

² См. гл. XXV.

Главным направлением в политике французской монополистической буржуазии по германскому вопросу было стремление получить новые территории за счет Германии, но эти стремления шли вразрез с установкой монополий США на возрождение германского империализма. Французская дипломатия в этих условиях пустила в ход своеобразную тактику давления на своих союзников. На заседаниях Контрольного совета французские представители возражали против любых мероприятий общегерманского масштаба, особенно против создания центральной германской администрации.

Такая тактика французских властей была очень выгодной США и Англии, позволяя им чужими руками срывать демократическое решение германского вопроса. Бывший американский командующий в Германии генерал Л. Клей в своей книге «Решение в Германии» признает выгоду для США такой политики Франции: «К счастью, французское вето помешало нам создать органы, которые стали бы орудием коммунизма»¹.

К середине 1946 г. французская обструкционистская политика стала мешать правящим кругам США и Англии. К этому времени они открыто берут курс на раскол Германии и создание сепаратного западногерманского государства. Осуществляется объединение американской и английской зон оккупации. Франция сначала отказалась принять участие в объединении зон и сохранила свою зону отдельно. Но это серьезно подрывало эффективность англо-американских мероприятий. США и Англия решают добиться присоединения французской зоны к Бизони. Они меняют свою политику по вопросу о Сааре и начинают поддерживать, хотя и с оговорками, французские притязания на Саарскую область. Бывший американский государственный секретарь Дж. Бирнс в книге «Откровенно говоря» писал: «Я надеялся, что французы присоединятся к нам в вопросе слияния зон. Это было одной из причин, почему я объявил о нашем решении в отношении Саара»².

Для нажима на Францию использовались и другие средства. США и Англия задерживали поставки угля из Германии во Францию, вызывая в стране настоящий угольный голод. Они воздействовали на французскую политику, либо отказывая, либо предоставляя Франции денежные займы, которые та выпрашивала у США. Все было пушено в ход, чтобы побудить французские правящие круги отойти от своей политики в германском вопросе и добиться ее присоединения к установкам правительств США и Англии.

Определенным рубежом в послевоенной внешней политике Франции была Московская сессия СМВД в 1947 г. В начале сессии СМВД в Москве Франция выступила со своей собственной в основном прежней программой. Французский министр иностранных дел Бидо говорил о решимости Франции не до-

¹ L. Clay. Decision in Germany, p. 40.

² J. Byrnes. Speaking Frankly. New York, 1950, p. 197.

пустить возрождения германского милитаризма. Но все заявления подобного рода носили лишь декларативный характер. Что касается конкретного решения проблемы, то здесь французские представители своими выступлениями за пересмотр Потсдамских соглашений подрывали наиболее реальную программу, которая действительно не дала бы германскому милитаризму возродиться. Они по-прежнему выступали за «федерализацию» Германии, за отделение от Германии левого берега Рейна, за интернационализацию Рура. Особенно же настойчиво Франция требовала присоединения Саарской области и поставок рурского угля во Францию.

США и Англия выступили против всех требований Франции, за исключением вопроса о Сааре.

Советский Союз выдвинул тогда широкую программу мероприятий, принятие которых навсегда обезопасило бы Францию, как и другие страны Европы, от угрозы возрождения германской агрессии. Требование Франции о поставках ей рурского угля решительно поддержал СССР. Его представители предложили, чтобы этот уголь поставлялся Франции в счет репараций. Советская делегация выступила в поддержку французских предложений о контроле над Руром, указывая на ненормальность того, что Рур контролируется США и Великобританией, а Франция и Советский Союз отстранены от участия в контроле. Правда, в тех случаях, когда французские предложения противоречили Потсдамскому соглашению, Советский Союз отклонял их. Несмотря на эти расхождения, в важнейших вопросах, касающихся Германии, позиции Франции и СССР совпадали. Французские представители имели реальную возможность укрепить свои позиции и выйти из состояния изоляции, выступив по этим вопросам совместно с СССР. Однако французские правящие круги, руководствуясь прежде всего антикоммунистическими устремлениями, а не национальными интересами Франции, пошли по другому пути.

За кулисами сессии СМВД состоялись секретные переговоры министров иностранных дел США, Англии и Франции. Они завершились 19 апреля 1947 г. франко-американо-английским соглашением об угле. По этому соглашению поставки угля во Францию из Рура должны были быть постепенно увеличены. Но главное в соглашении заключалось в первом официально оформленном согласии США и Англии на отделение Саарской области от Германии и экономическое присоединение ее к Франции¹. Печать сообщила также, что в соглашении были секретные политические статьи, по которым Франция обязалась выступить совместно с США и Англией по важнейшим вопросам отношений с СССР.

¹ «L'Année politique 1947», p. 75.

После подписания сепаратного соглашения трех держав представители Франции отказались от своих прежних предложений о международном контроле над Руром, о репарациях и других своих требований. В целом соглашение оказалось крупнейшим дипломатическим поражением Франции. За весьма сомнительные уступки временного характера Франция отказалась от самостоятельной политики по основным аспектам германского вопроса. Сепаратное соглашение ослабило международные позиции Франции и явилось важным этапом на пути ее втягивания в американский политический блок.

На сессии СМВД в Москве французские представители решительно отказались от франко-советского сотрудничества. Американский журнал «Ньюсуик» писал: «Изменение позиции министра иностранных дел Жоржа Бидо по отношению к Советскому Союзу рассматривается в качестве одного из наиболее примечательных и наиболее блестящих результатов Московской конференции»¹.

Для маскировки поворота в германском вопросе французские правящие круги использовали очередную сессию СМВД, состоявшуюся в Лондоне в ноябре—декабре 1947 г. Линия французской дипломатии заключалась в том, чтобы показать французам «несговорчивость» Советского Союза и «неизбежность» присоединения к англо-американскому курсу.

Хотя многие советские предложения на сессии совпадали с прежними французскими требованиями, французы не поддерживали их. Вместе с представителями США и Англии они отказались от делового обсуждения проблемы мирного договора с Германией. Франция заключила с США и Англией соглашение, предусматривавшее в принципе создание сепаратного западно-германского государства.

В разгар сессии в Лондоне представитель госдепартамента США Джон Фостер Даллес посетил Париж и провел переговоры с французским правительством и с лидерами буржуазных партий. 5 декабря он заявил на пресс-конференции, что после его переговоров в Париже с французским правительством нет никаких «значительных препятствий, которые разделяли бы оба правительства в вопросе о Германии»².

16 декабря, на другой день после окончания Лондонской сессии СМВД, Бидо на пресс-конференции заявил о возможности присоединения французской зоны оккупации к Бизонии. Этот вопрос был решен в ходе переговоров Даллеса в Париже, на сепаратных тайных совещаниях трех западных министров во время сессии в Лондоне³.

В 1947 г. Франция осуществляет мероприятия по так называемому «экономическому присоединению» Саара к Франции. Французские правящие круги пытались представить это как ценнейшую компенсацию за согласие объединить свою зону с Бизонией, за отказ от самостоятельной политики в германском вопросе. Между тем присоединение Саара было в интересах лишь крупных французских монополий. События в Сааре в 1947 г. убедительно

¹ «Newsweek», 21. IV. 1947.

² «Le Monde», 6. XII. 1947.

³ L. Clay. Decision in Germany, p. 176.

подтвердили этот факт. Французские правящие круги создают «Саарское автономное государство»¹.

14 октября ландтаг принял конституцию Саара. Она вступила в действие 17 декабря 1947 г. Преамбула конституции закрепляла присоединение Саара к Франции. В ней провозглашалось отделение Саара от Германии, передача внешних сношений и обороны Саара в ведение Франции, предоставление Франции верховной власти.

На пути капитуляции Франции перед США в германском вопросе первым этапом была Московская сессия СМВД, вторым — сессия СМВД в Лондоне в конце 1947 г. и третьим — Лондонская сепаратная конференция.

Хотя французские правящие круги уже проделали большой путь к капитуляции в германском вопросе, на Лондонской конференции все же обнаружились серьезные разногласия между Францией и американско-английским блоком. Особенно острый характер они имели в вопросе о контроле над Руром. Франция уже не поднимала вопрос в прежней форме, т. е. не требовала действительного международного контроля с участием Советского Союза. Тем не менее она стремилась получить право самой участвовать в контроле вместе с США и Англией.

По американско-английскому плану контроль должен был быть установлен лишь над распределением продукции Рура. Франция же требовала контроля и над ее производством. Она выступала также против чрезмерной централизации сепаратного западногерманского государства. Однако по основным вопросам французские представители соглашались с американско-английскими планами. Газета «Нью-Йорк таймс» писала тогда: «Хотя французские делегаты согласны с англо-американцами... их сдерживает внутривластическое положение Франции и французское общественное мнение»².

К концу Лондонской конференции Франция фактически уступила по всем вопросам. Ее представители добились лишь того, чтобы решения конференции были составлены в максимально неопределенной и туманной форме. Из текста опубликованных 7 июня «рекомендаций» конференции вытекало, что Франция согласилась, чтобы Западная Германия участвовала в «плане Маршалла» на тех же основаниях, как и остальные его участники. Контроль над Руром будет осуществляться лишь по линии распределения его продукции, а не производства, на чем настаивала Франция. В «рекомендациях» были изложены принципы создания западногерманского государства. Французское требование федерализации было учтено лишь в незначительной степени³.

Решения Лондонской конференции вызвали недовольство в широких общественных кругах Франции. Коммунистическая партия выступила с обраще-

¹ J. Dircks-Dilly. La Sarre et son destin. Paris, 1956, p. 143—155.

² «The New York Times», 17. II. 1948.

³ «L'Année politique 1948». Paris, 1949, p. 400—403.

нием, в котором выразила протест французского народа. В обращении говорилось: «На Лондонской конференции французское правительство, отказавшись от защиты подлинных национальных интересов, согласилось с первоочередным восстановлением Западной Германии. Оно отказалось от причитающихся нам репараций с Германии. Свое стремление заключить союз с Германией оно поставило выше восстановления Франции. Оно способствует возрождению военной мощи Германии и ставит под угрозу безопасность страны»¹.

Завершение перехода Франции на американско-английские позиции в германском вопросе совпало с созданием НАТО. Путь к возрождению германского империализма и милитаризма в Западной Германии был открыт.

4. Франция и формирование военно-политического блока империалистических держав

4 мая 1947 г. из правительства Франции в результате маневров реакции, осуществлявшихся руками социалистов, вышли министры-коммунисты. Их участие в правительстве оказывало огромное влияние не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику страны. Правые силы вынуждены были считаться с пребыванием в совете министров представителей коммунистической партии, активно выступавших в защиту национальных интересов Франции. Только в результате сложных маневров буржуазным и социалистическим лидерам удавалось проводить свою линию во внешней политике. Пребывание коммунистов в правительстве препятствовало открытому включению Франции в формируемый Соединенными Штатами военный и политический блок.

Морис Торез говорил на пленуме ЦК ФКП в октябре 1947 г.: «Наше участие в правительстве могло бы быть свидетельством полной независимости французской политики. Исключение нас из правительства подчеркивает, напротив, зависимость Франции и ее нынешних правителей от Соединенных Штатов»².

Что касается США, то они сразу же заплатили французской буржуазии за угодные им действия. 7 мая 1947 г. Франция получила заем в 250 млн. долл. от Международного банка реконструкции и развития.

Среди обстоятельств, вызвавших к жизни «план Маршалла», очень важное место занимало положение во Франции. Классовая борьба в стране достигла исключительной остроты. Огромный размах приобретало забастовочное движение. После забастовки на заводах Рено, послужившей реакцией поводом для отставки министров-коммунистов, в конце мая забастовали 80 тыс. докеров. Через несколько дней началась забастовка

¹ «L'Humanité», 9. VI. 1948.

² «Cahiers du communisme», 1947, № 11, p. 1109.

рабочих газовой и электрической промышленности, 8 июня возобновилась всеобщая забастовка железнодорожников. Очень тяжелым было продовольственное положение.

Норма выдачи хлеба по карточкам 1 мая была уменьшена с 300 до 250 граммов. А в июне хлебный паек сократился до 200 граммов.

Чтобы обострить обстановку и свалить вину за хозяйственные затруднения на коммунистов, буржуазия сознательно осуществляла тактику экономического саботажа.

Осенью 1947 г. забастовочное движение еще более усилилось. В Марселе, где забастовка приобретала форму настоящего восстания, произошли кровопролитные события. В ноябре во Франции бастовало 3 млн. человек.

Естественно, что реакционные круги Франции сразу ухватились за предложение, сделанное Маршаллом 5 июня 1947 г. Уже 7 июня 1947 г. было опубликовано официальное коммюнике агентства Франс Пресс, приветствовавшее план «помощи Европе».

17 июня 1947 г. в Париже состоялись переговоры Бевина и Бидо по поводу «плана Маршалла». Было решено «по инициативе Франции», как сказал Бидо в Национальном собрании, создать Европейскую экономическую комиссию для «изучения потребностей Европы»¹.

На состоявшемся 27 июня — 2 июля 1947 г. в Париже совещании министров иностранных дел Франции, Великобритании и СССР Бидо вместе с Бевином выступил против советского предложения о том, чтобы американская помощь предоставлялась европейским странам лишь при условии строгого уважения их независимости и невмешательства в их внутренние дела. Бидо проявил большую активность в организации совещания 16 стран, согласившихся принимать американскую помощь без этого обязательного условия. На конференции, открывшейся 12 июля 1947 г., Бидо превозносил достоинства «плана Маршалла» с большим рвением, чем сами американцы. На конференции был создан рабочий комитет для определения потребности в помощи под председательством француза Эрве Альфана.

29 июня 1948 г. министр иностранных дел Бидо подписал от имени Франции соглашение с США о помощи по «плану Маршалла». Тем самым Франция поступалась существенными элементами национального суверенитета. Она признала имеющим для нее силу иностранный закон об экономической «помощи», принятый конгрессом США 3 апреля 1948 г. Этот закон давал Соединенным Штатам большие возможности для вмешательства во внутренние дела Франции. Они могли в любое время прекратить предоставление помощи в случае, если это не будет «более совместимым с национальными интересами

¹ «L'Année politique 1947», p. 127, 135.

США»¹. Помощь могла быть использована только на те цели, которые устраивали США. Торговля Франции с восточноевропейскими странами ставилась отныне под прямой контроль США. Закон о «плане Маршалла» фактически предусматривал прекращение взимания репараций с Германии в пользу Франции. Он позволял США решать многие французские внутренние вопросы.

Согласие французских правящих кругов поступиться независимостью страны объяснялось боязнью буржуазии лишиться своих классовых позиций и усиленным давлением США на Францию в 1947—1948 гг.

К осени 1947 г. Франция израсходовала кредит в 250 млн. долл., полученный в мае, и правительство снова обратилось к США с просьбой о дополнительном займе. Но она была отклонена. В сентябре Франция просила предоставить хотя бы 100 млн., обещая вернуть их уже в начале 1948 г. Только в середине декабря Франции было дано 284 млн. долл. «временной помощи». Но уже в начале весны 1948 г. Франция вновь оказалась в критическом финансовом положении. 28 февраля Франции дали 38 млн. долл., 12 марта ей удалось получить еще 40 млн. В этих условиях самого унижительного попрошайничества и было подписано соглашение о помощи по «плану Маршалла».

«План Маршалла» имел серьезное значение для политического развития послевоенной Франции. Этот план способствовал определенному укреплению позиций французского капитализма, хотя он и усилил его зависимость от США.

Всего Франция по «плану Маршалла» с апреля 1948 г. по июнь 1952 г. получила товаров и займов на сумму 2,7 млрд. долл. Механика использования этих сумм была такова, что они пошли на пользу исключительно крупному капиталу. За 1947—1953 гг. 750 крупнейших компаний увеличили свои доходы более чем в 5 раз. Многие крупные монополии непосредственно получали большие кредиты по «плану Маршалла»².

В то же время положение трудящихся ухудшалось. В 1948—1950 гг. цены во Франции возросли на 27—30%. Прямые налоги за это же время выросли в 1,5 раза, а косвенные — в 3 раза.

Особенно отрицательны были внешнеполитические последствия «плана Маршалла» для Франции. Он оказался эффективным средством для подготовки включения Франции в формирующийся Соединенными Штатами военный и политический блок. Существенную роль в создании военно-политического блока западных держав сыграли французские империалисты.

После Московской сессии СМВД правящие круги Франции намеренно пошли на обострение отношений с Советским Союзом. Политика Советского Союза не только не давала для этого никаких поводов, но и, более того, отличалась неизменно дружественным отношением к Франции. Примером может служить акт дружественной помощи, оказанной Франции Советским Союзом летом 1946 г. В это время Франция переживала исключительно тяжелое продовольственное положение. Страна голодала. Несмотря на то, что продовольственные ресурсы самого

¹ «Documentations Française. 1948», IV, p. 1702.

² См. «Франция и тресты», М., 1955, стр. 257, 260.

Советского Союза были ограниченными, он согласился поставить Франции 400 тыс. т пшеницы и 100 тыс. т ячменя. Соединенные Штаты, имевшие огромные запасы продовольствия, отказали тогда Франции в помощи. СССР решительно выступал против попыток США и Англии умалить роль Франции как великой державы.

Но французские правящие круги, вопреки национальным интересам Франции, выступают против СССР. Фактически они разрывают торговые отношения Франции с СССР. 14 ноября 1947 г. организуется налет на лагерь советских репатриантов в Борегаге. Против безоружных людей были направлены танки. Налет носил явно провокационный характер и вызвал возмущение широких кругов французской общественности.

6 декабря 1947 г. Франция односторонне аннулировала франко-советское соглашение от 29 июня 1945 г. и заявила о намерении прекратить деятельность советской миссии по репатриации граждан СССР из Франции, созданной для выполнения этого соглашения. Советское правительство вынуждено было отозвать советскую миссию из Франции и потребовать прекращения деятельности аналогичной французской миссии в СССР.

Во Франции инспирируются провокационные антисоветские кампании в печати. В декабре правые газеты подняли шум, будто Советский Союз организует забастовочное движение во Франции. В то же время неизменно раздувается скандальная шумиха вокруг грязной книжонки предателя Кравченко. В начале 1948 г. французское правительство проводит аресты советских граждан во Франции и высылает их из страны. Запрещается издание журналов, выпускавшихся организацией советских граждан. Французские правящие круги стремятся резко ограничить все связи с СССР. Ликвидируется отдел информации при французском посольстве в Москве, сокращается число французских корреспондентов в Советском Союзе.

В то же время французское правительство начинает проводить мероприятия, ухудшающие отношения со странами народной демократии. Оно выступило с враждебными заявлениями в связи с провалом реакционного путча в Чехословакии в феврале 1948 г. Франция срывает переговоры о заключении договора о союзе с Польшей. В начале 1949 г. она отказывается возобновить с Польшей договор о репатриации польских граждан из Франции. В ноябре 1948 г. проводятся репрессии против румынских граждан, запрещается созданная ими организация и выпуск ею периодических изданий.

Представители Франции занимают враждебную Советскому Союзу позицию в Организации Объединенных Наций.

В 1948 г. Франция вступает в военную группировку капиталистических стран Европы — Западный союз. В течение лета 1948 г. правительство Франции самым активным образом участвует в разработке военных мероприятий Западного союза, в создании совместных военных органов и в разработке военных планов. Когда в сентябре 1948 г. была учреждена так называемая «оборонительная организация» Западного союза, главно-

командующим его сухопутными силами был назначен французский генерал Делаттр де Тассиньи, главнокомандующим военно-морскими силами — французский адмирал Жожар. Штаб-квартира Западного союза разместилась под Парижем, в Фонтенбло.

Франция решительно включается в гонку вооружений. Ее военные расходы в 1947 г. составили 231 млрд. франков, в 1948 г. — 332 млрд., в 1949 г. — 377 млрд.

Политика создания обособленных военно-политических группировок западных стран проявляется в это время в первых попытках организации «европейского объединения».

20 июля 1948 г. на конференции стран Западного союза в Гааге Жорж Бидо предложил создать экономический и таможенный союз пяти стран и потребовал также учредить политическую европейскую ассамблею, «в которой были бы представлены, кроме наших парламентов, парламенты других государств, пожелавших бы принять участие в этом великом и благородном предприятии»¹.

Стремление Франции к созданию «европейского объединения» было связано с далеко идущими планами. Империалисты Франции рассчитывали, что они смогут сделать это объединение орудием своей гегемонии в континентальной части Западной Европы, объединив вокруг себя ее малые страны. Французские правящие круги надеялись использовать то, что главный конкурент Франции в этом районе — Германия — был выведен из строя. Однако на пути осуществления французских планов встала Великобритания. Не без ее влияния конференция в Гааге не приняла никакого решения в связи с предложением Бидо и отложила его рассмотрение на осень 1948 г.

В августе французское правительство предпринимает официальную дипломатическую инициативу, предложив создать европейскую ассамблею. К этому предложению присоединилась Бельгия. Однако Лондон резко выступил против того, чтобы европейская ассамблея получила реальные политические полномочия. Он не хотел брать на себя серьезные обязательства в «европейском объединении», боясь ослабить свои связи со странами Британской империи. Вместе с тем он не хотел создания объединения без своего участия, что ослабило бы британские позиции на Европейском континенте. В противовес франко-бельгийскому предложению об учреждении европейской ассамблеи Великобритания предложила создать «Европейский совет» из представителей стран — участниц «плана Маршалла». Совет не должен был иметь реальных законодательных или исполнительных прав.

Развернулась напряженная англо-французская борьба по вопросу о формах европейского объединения. В конце концов победила английская точка зрения, согласно которой «Европейский совет» не должен обладать реальной властью.

5 мая 1949 г. представители десяти стран Западной Европы подписали в Лондоне устав «Европейского совета». Ему отводилась роль лишь консультативного органа по юридическим, культурным и социальным вопросам. «Европейский совет» стал подсобным органом для организации политической группировки западноевропейских стран. Попытка Франции использовать обстановку в Европе для укрепления своего положения в рамках западных союзов и блоков из-за противодействия Англии успеха не имела.

4 апреля 1949 г. в Вашингтоне Робер Шуман от имени Франции подписал Североатлантический договор. Это был исключительно серьезный шаг в ее внешней политике. Он означал,

¹ «L'Année politique 1948», p. 126.

что правительство Франции открыто и полностью присоединилось к политике подготовки войны против Советского Союза. Франция взяла на себя обязательство развернуть гонку вооружений, что не могло не вызвать самых серьезных экономических и политических последствий.

Вступлением в НАТО Франция открыто нарушала франко-советский договор 1944 г., который обязывал обе страны не вступать в какие-либо группировки, направленные против одной из них. В меморандуме правительства СССР от 31 марта 1949 г. о Североатлантическом союзе было сказано: «Североатлантический договор находится в противоречии с договором между Францией и Советским Союзом, заключенным в 1944 году, по которому оба государства взяли на себя обязательства сотрудничать в деле поддержания мира и международной безопасности и не заключать какого-либо союза и не принимать участие в какой-либо коалиции, направленной против одной из Высоких Договаривающихся Сторон»¹.

Почему правящие круги Франции приняли активное участие в создании НАТО, какие соображения толкали их на это, каких целей они стремились добиться?

Согласно официальной аргументации представителей французских правящих кругов, ответ на эти вопросы заключается в том, что безопасности Франции будто бы угрожает агрессия со стороны Советского Союза. Французские политики без конца подчеркивали «оборонительный» характер НАТО. Между тем не существовало и не могло существовать никаких фактов, которые подтверждали бы реальное существование «советской угрозы». Более того, видные представители французских правящих кругов сами неоднократно признавали, что никакой военной угрозы Франции со стороны Советского Союза не существует.

Любопытно отметить, что во время обсуждения в Национальном собрании вопроса о ратификации Североатлантического договора докладчик Рене Мейер указал лишь на один-единственный факт, «подтверждающий» наличие военной опасности со стороны Советского Союза. Он указал, что угроза подтверждается тем, что в СССР создано... Добровольное общество содействия армии!²

Действительная причина вступления Франции в НАТО связана с политическим положением, создавшимся после войны во Франции и во всем мире. Позиции французского империализма резко ослабли. Во всем мире соотношение сил коренным образом изменилось в пользу сил демократии и социализма. Во Франции небывало выросло влияние политических организаций рабочего класса. Французская буржуазия уже не надеялась на свои собственные силы в борьбе с рабочим и демократиче-

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 93.

² R. Mayer. Le Pacte de l'Atlantique. Paris, 1952, p. 59.

ским движением. Страх перед социальными изменениями толкал ее в Атлантический блок, главная цель которого — сохранение капиталистического режима, объединение для «крестового похода» против стран социалистического лагеря.

Определенные круги французской буржуазии связывали с Атлантическим союзом надежды на укрепление международных позиций Франции. Уже ближайшее будущее показало всю беспочвенность таких надежд. Тем не менее во время создания НАТО и вступления в союз Франции эти замыслы имели свое значение и способствовали согласию основных политических кругов буржуазии на ратификацию Североатлантического договора.

Одна из таких надежд была связана с тем тяжелым положением, в котором после войны оказалась французская колониальная империя. Сразу после окончания войны французские правящие круги стремились силой оружия восстановить свои колониальные позиции, потопить в крови национально-освободительное движение. Кровавые события развертывались в Марокко, Алжире, Тунисе, на Мадагаскаре, в Индокитае и в других колониальных владениях Франции. Французские колонизаторы надеялись, что участники Атлантического союза по меньшей мере поддержат политику Франции в колониях, предоставят вооружение для колониальных войн. Эти надежды казались реальными в связи с тем, в частности, что при разработке Североатлантического договора французским представителям удалось включить Алжир в сферу его действия.

В действительности заключение Атлантического договора ни в какой мере не облегчило положение французских колонизаторов. Если и раньше США не упускали малейшей возможности, чтобы потеснить Францию в ее колониях, то после создания НАТО такая политика стала проводиться еще более откровенно. С помощью НАТО США добились создания своих военных баз во французских колониях. А в Индокитае они прямо вытесняли Францию, по мере того как она испытывала все большие трудности в ходе войны, развязанной там еще в 1946 г.

Французские правящие круги надеялись также, что Атлантический союз поможет им создать современные вооруженные силы, оснащенные новейшим оружием.

На съезде партии радикалов докладчик по вопросу о национальной обороне Лоран Эйнак говорил: «Можно ли представить такую страну, как наша, автономной в военном отношении? Экономически это невозможно. Самостоятельные военно-воздушные силы требуют атомных бомб, мы их не имеем! Отсюда следует, что наши собственные средства должны быть дополнены в рамках Брюссельского соглашения и Атлантического пакта технической помощью, без которой немыслима военная коалиция»¹.

¹ Цит. по кн.: J. Coutard. Politique extérieure et défense nationale. Paris, 1946, p. 27.

Эти надежды в последующем также не оправдались. США с самого начала выступили против того, чтобы Франция имела свои автономные вооруженные силы, располагающие всеми родами оружия. Хотя США и поставили ей немало вооружения, это было в основном обычное устаревшее оружие. Никаких атомных бомб Франция, конечно, не получила. США отводили Франции лишь роль поставщика пехоты.

Некоторые круги французской буржуазии рассчитывали также, что Атлантический союз поможет Франции решить ее извечную проблему — проблему устранения опасности германской агрессии. Инициаторы создания НАТО усердно поддерживали подобные близорукие расчеты. История жестоко посмеялась над теми, кто имел подобные иллюзии: через пять лет Западная Германия сама стала членом НАТО и успешно использовала этот союз для ремилитаризации.

В 1949 г. лишь немногие представители буржуазных кругов видели угрожающие перспективы, которые открывались перед Францией в связи с вступлением в Атлантический союз. В целом же буржуазия Франции, охваченная антикоммунистической истерией, характерной для 1949 г., высказывалась за Атлантический союз.

27 июля 1949 г. в Национальном собрании 398 голосов было подано за ратификацию Североатлантического договора, 189 — против. 29 июля 284 голоса против 20 договор был одобрен Советом Республики.

Эти цифры не дают основания для вывода о единодушном одобрении французской буржуазией Атлантического союза. Уже в то время во Франции зарождается явление, получившее в печати наименование «нейтрализм». Отдельные депутаты от буржуазных партий во время обсуждения вопроса о ратификации Атлантического пакта говорили о его опасности для Франции. Так, представитель партии МРП Булэ внес в Национальное собрание предложение принять «декларацию о нейтралитете»¹. Это было проявление тех тенденций, которые влиятельная буржуазная газета «Монд» начала ясно выражать еще в марте 1949 г. В статьях этой газеты утверждалось, что Атлантический союз приведет к войне, в которой главный удар будет направлен против стран Западной Европы и особенно против Франции. «Монд» предлагала избежать этого, проводя политику вооруженного нейтралитета. Она утверждала, что без Атлантического союза опасность вторжения в Западную Европу будет значительно меньше². Но проявление нейтралистских тенденций в 1949 г. не вылилось в какие-либо организационные действия.

Большее значение и эффект имела борьба против Атлантического союза, развернутая демократическими силами французского народа. В 1948 г. во Франции возникли первые организации сторонников мира. Они уже в конце 1948 г. развернули массовое движение против Атлантического блока. Проводился сбор подписей в «тетрадах мира» под воззванием об отказе от войны. Было собрано 1200 тыс. подписей под письмом «Национального совета борцов за мир и свободу» президенту США Трумэну. В письме говорилось, что французский народ не

¹ «Annales de l'Assemblée Nationale», 1949, p. 5231.

² «Le Monde», 2. III. 1949.

признает за своим правительством право подписать Атлантический пакт и отказывается считать, что этот пакт связывает Францию.

В июле 1949 г. развернулось движение против ратификации Атлантического пакта Национальным собранием. Особенно массовый характер приобрели демонстрации протеста и митинги в день национального праздника 14 июля. В страхе перед народным движением правительство несколько раз откладывало начало дебатов о ратификации. В знак протеста против подписания Атлантического пакта, а затем и против его ратификации происходили многочисленные кратковременные забастовки.

Особенно активно боролась против Атлантического союза коммунистическая партия. Используя парламентскую трибуну, печать, все возможности связей с массами, коммунисты неустанно разъясняли народу опасность Атлантического союза для интересов Франции и сохранения мира. В конце 1948 г. ФКП выдвинула знаменитый лозунг, встретивший поддержку всех патриотических сил: «Народ Франции не будет, никогда не будет воевать против Советского Союза!»

Американец Дэвид Шёнбрун в своей книге «Так живет Франция» с горечью признавал, что, несмотря на удаление коммунистов в 1947 г. из правительства, армии и полиции, за коммунистов «голосует каждый четвертый избиратель, и французы говорят «нет» походу против России или против коммунизма»¹. Борьба французских демократов против угрозы войны, олицетворявшейся Атлантическим пактом, была важным вкладом в дело сохранения мира в те напряженные годы «холодной войны».

ГЛАВА XVII

ИТАЛИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 1945—1949 гг.

Италия начала войну как главный европейский союзник гитлеровской Германии, а с осени 1943 г. она выступала совместно воюющей стороной антигитлеровской коалиции. Итало-фашистские армии, посланные Муссолини на завоевание новых стран, были разгромлены вдали от национальных границ, на огромных пространствах от излучины Дона до Ливийской пустыни. Итальянскому же народу пришлось испытать до дна горькую чашу войны на своей территории. Фронт прошел по всей итальянской земле с юга на север.

Страна пережила две оккупации: своих вчерашних германских союзников и англо-американских войск, вместе с которыми она затем воевала против немцев. Хотя к исходу войны Италия

¹ D. Schoenbrunn. Ainsi va la France, p. 16.

оказалась на стороне победившей антигитлеровской коалиции, ее внутреннее и международное положение как оккупированной страны было крайне тяжелым. Лишь после войны Италия обрела дважды утраченный ею суверенитет.

Италии пришлось первой на континенте испытать на практике тайную политическую стратегию английского и американского империализма, стремившегося любыми средствами не допустить развития в ходе войны революционно-демократического движения в Европе, осуществлять «экспорт контрреволюции» в европейских странах.

Военно-политическая интервенция США и Англии насильственно задержала внутреннее развитие Италии, где нарастала антифашистская демократическая революция, сломившая двадцатилетнюю диктатуру фашизма и поставившая под угрозу всю систему господства монополий. Правящие круги США и Англии, искусственно сохранив экономическую и политическую власть в руках итальянских монополий, в известной мере способствовали восстановлению жизнеспособности итальянского капитализма, переживавшего в конце войны самый глубокий кризис за всю свою историю.

Эти процессы оказали влияние на послевоенное развитие Италии, предопределили характер ее внешнеполитического курса, ее роль в сложившейся системе международных отношений.

1. Антифашистская демократическая революция итальянского народа и политическая стратегия США и Англии

Историческое поражение фашизма зимой 1942/43 г., означавшее перелом во второй мировой войне, поставило Италию на грань экономической и военной катастрофы. Глубокий политический кризис в стране, назревавший в течение многих лет, стал явным. В этих условиях возник тайный верхушечный заговор крупной итальянской буржуазии, генералитета и ближайшего королевского окружения, который завершился арестом 25 июля 1943 г. Бенито Муссолини и передачей власти маршалу Пьетро Бадольо.

Организаторы заговора хотели опередить антифашистский взрыв в Италии, отделаться от наиболее одиозных фигур, олицетворявших в глазах общественного мнения фашизм, сохранив при этом власть в руках монополистического капитала. Они стремились быстрее заключить перемирие с западными державами, опереться на военную силу США и Англии, чтобы сдерживать растущий напор масс, который стал особенно грозным после гибели итальянской армии у берегов Волги и провала гитлеровского наступления на Курской дуге.

«Еще задолго до 8 сентября¹ наша партия, — отмечал П. Тольятти, — представила первый генеральный план сопротивления и вооруженной борьбы. План предусматривал разрыв с Германией, заключение перемирия со странами Объединенных Наций, принятие необходимых практических мер для отражения возможного немецкого наступления, сотрудничество между армией и населением, ликвидацию фашизма и установление мира»². Именно этой инициативы народных масс во главе с коммунистической партией смертельно боялись правящие круги Италии.

Идея «смены вех», радикальной переориентировки на западные державы созрела в верхушке монополистического капитала Италии еще осенью 1942 г., когда стали ясными бесперспективность союза с Германией и нарастание антивоенных и антифашистских настроений внутри страны. Монополистические группы и руководящие политики США и Англии также стремились к бескровной победе над Италией, к заключению с ней сепаратного перемирия, использованию ее территории в своих военно-политических интересах, предотвращению революционно-освободительной войны итальянского народа против фашистской диктатуры и укреплению господства буржуазно-помещичьего блока. Эту задачу открыто сформулировал У. Черчилль: «В условиях, когда положение Италии столь неопределенно и неустойчиво, было бы роковой ошибкой для Англии и США, несущих спасение, действовать так, чтобы уничтожить всю структуру и весь облик итальянского государства. Мы, несомненно, не стремимся ввергнуть Италию в состояние хаоса и анархии и создать такое положение, при котором не будет каких-либо властей, с которыми можно будет иметь дело»³.

Английские правящие круги через итальянского посла в Турции Гуарилья, ставшего впоследствии министром иностранных дел в кабинете Бадольо, установили тесные связи с королевским окружением, а разведка США через штаб Аллена Даллеса в Швейцарии сблизилась с итальянскими монополистами Севера и некоторыми «оппозиционными» кругами генералитета. Американская и английская разведки выработали тактику «превентивного» верхушечного заговора, спасающего правящую реакцию от народного гнева. Высадка союзных войск 10 июля 1943 г. на Сицилии создавала благоприятные условия для того, чтобы перевести стрелку на путях внешнеполитического курса итальянской правящей олигархии.

Непосредственно военным операциям с целью разгрома гитлеровской армии на Апеннинском полуострове руководящие по-

¹ День фактического выхода Италии из войны.

² П. Тольятти. Итальянская коммунистическая партия. Перев. с итал. М., 1959, стр. 73.

³ «Keesing's Contemporary Archives», vol. 5. 1943—1945, p. 5898.

литические круги Англии и США никогда не придавали большого значения. Идея создания итальянского театра войны с самого начала была предметом политической игры двух правительств, которая велась главным образом против интересов Советского Союза. Роберт Феррелл, автор книги «Американская дипломатия», указывая на столкновение американского и британского вариантов стратегии в Европе в 1942—1944 гг., признавал: «Британские стратеги и особенно Черчилль держали в уме политическую цель войны — победить Гитлера, не уничтожая структуру западной цивилизации на континенте»¹. Это и породило, с его точки зрения, «периферийную», «балканскую» стратегию Черчилля.

Выработка общей военной и политической линии в вопросе об Италии произошла на Квебекской конференции в августе 1943 г. Ф. Рузвельт и У. Черчилль договорились о преимущественном влиянии Англии в бассейне Средиземного моря. Создание итальянского фронта было выгодным решением как для Англии, поскольку давало возможность «уберечь» Италию от «опасных» последствий свержения фашизма и сохраняло в перспективе возможность перенесения операций на Балканы, так и для США, которые имели давние империалистические интересы на Апеннинском полуострове. Таким образом, решение о создании итальянского фронта с самого начала носило не столько военный, сколько политический характер. Это и обусловило специфический ход военных операций и «особую миссию» американско-английского командования в Италии.

Во время тайных переговоров о выходе Италии из войны, которые происходили в Лиссабоне и на Сицилии между итальянским генералом Кастеллано, представлявшим Бадольо, и англо-американскими делегатами во главе с Беделлом Смитом, были согласованы краткие условия перемирия, которое было подписано 3 сентября 1943 г. Кроме положений, касавшихся непосредственно прекращения военных действий, соглашение передавало полную власть союзному главнокомандующему и обязывало Италию принять политические, экономические и военные условия, которые должны быть предъявлены ей позднее.

29 сентября 1943 г. на борту военного судна «Нельсон» у побережья Мальты генерал Д. Эйзенхауэр от имени Объединенных Наций и П. Бадольо от имени Италии подписали полный текст перемирия, согласно которому предполагались разоружение и демобилизация армии, оккупация, демократизация страны. Объединенные нации могли использовать в своих операциях против Германии всю территорию Италии и ее ресурсы. Внешняя и внутренняя торговля, банки, производство подлежали союзническому контролю. Пресса, радио, кино, театр подчинялись цензуре.

Политические условия перемирия официально требовали низвержения Муссолини, его главных помощников и остальных военных преступников, роспуска фашистских организаций, подавления фашистской идеологии, отмены антисемитских и других дискриминационных законов, освобождения политических заключенных и лиц, симпатизирующих Объединенным Нациям². Генерал Эйзенхауэр подтвердил Бадольо уже данное ранее обещание смягчить эти

¹ R. H. Ferrell. American Diplomacy. A History. New York, 1959, p. 404—405.

² См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 403—405.

условия, если Италия будет добросовестно сотрудничать с союзниками. 9 ноября 1943 г. был подписан дополнительный протокол, по которому Советский Союз стал участником соглашения о перемирии.

Рузвельт и Черчилль в своем обращении от 10 сентября 1943 г. призвали итальянцев выступить на стороне союзников. Но королевский двор и Бадольо все еще тянули с объявлением войны немцам. Италия объявила войну Германии 13 октября 1943 г.

В тот же день СССР, Великобритания и США в своей декларации признали Италию совместно воюющей стороной. Однако было обусловлено, что это не влияет на условия перемирия, которые могут быть изменены лишь по соглашению между союзными державами в зависимости от той помощи, которую Италия им окажет¹.

Западные союзники не могли полностью игнорировать интересы Советского Союза в том, каким путем пойдет освобождение Италии от фашизма и возрождение демократических порядков. США и Англия были вынуждены пойти на принятие общего с СССР официального документа о политике в Италии. Таким документом была Декларация об Италии², принятая на Московской конференции министров иностранных дел США, Великобритании и СССР в октябре 1943 г.

Это была согласованная программа действий, практическое осуществление которой могло бы привести к полному уничтожению фашизма в стране и дало бы итальянскому народу реальную возможность установить правительственные и другие учреждения, основанные на принципах демократии. Принятый Московской конференцией документ, как отмечает итальянский историк Р. Батталья, был очень важен тем, что он «внес ясность в самые деликатные и сложные вопросы, касающиеся положения в Италии», и прежде всего содержал «торжественное признание борьбы, которую вела наиболее активная часть итальянского народа за мир, против фашизма»³.

Известное практическое значение имело достигнутое на Московской конференции, вопреки сопротивлению США и Англии, решение о создании Консультативного совета по вопросам Италии из представителей трех держав и Французского комитета национального освобождения с включением в него на последующем этапе представителей Греции и Югославии. Этот совет должен был, наряду с созданными США и Англией Союзной контрольной комиссией (СКК) и Союзным военным правительством (АМГОТ — АМГ), заниматься повседневными вопросами, исключая военные операции, и формулировать рекомендации, рассчитанные на координацию политики союзников в отношении Италии. Вхождение Советского Союза в Консультативный совет означало участие СССР, хотя и в косвенной форме, в контроле над положением в Италии. Это затрудняло проведение англо-американским командованием политики саботажа решений о демократизации Италии, согласованных на Московской конференции.

Таким образом, в вопросах, связанных с двойственным положением Италии, которая оказалась совместно воюющей сто-

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 407.

² См. там же, стр. 413, 416—417.

³ Р. Батталья. История итальянского движения Сопротивления, стр. 183. Речь идет о признании в Декларации необходимости сделать итальянское правительство «более демократичным путем включения представителей тех слоев итальянского народа, которые всегда выступали против фашизма», иначе говоря, трудящихся классов.

роной и страной, оккупированной союзными войсками, была найдена общая позиция, признанная приемлемой и для СССР, и для западных держав. Однако впоследствии политика в отношении Италии стала одним из важных узлов нараставших противоречий внутри антигитлеровской коалиции.

Прежде всего это касалось характера военных операций против немецко-фашистской армии в Италии. Лишь 4 июня 1944 г. союзники заняли Рим, а 12 августа — Флоренцию. У них не оказалось достаточно войск и снаряжения, чтобы прорваться через Апеннины в долину По и Лигурию до зимы. Характерно, что даже тогда, когда война шла к своему неизбежному исходу — разгрому гитлеровской Германии, англо-американские войска все еще стремились избегать решительных боев с немцами в Северной Италии. Через главу американской разведки в Европе Аллена Даллеса командование вело секретные переговоры с немецкими генералами об их сепаратной капитуляции на итальянском фронте. Только в апреле 1945 г., когда в результате антифашистского восстания итальянского народа весь Север был практически освобожден от немецких армий, туда стали прибывать союзные части. Гитлеровские войска капитулировали на итальянском фронте лишь 2 мая 1945 г., когда сопротивление немцев прекратилось даже в Берлине.

«Англо-американская военная политика, — отмечает американский историк Г. Мейер, — преследовала одну цель: избежать исторически неизбежных последствий войны — падения европейских олигархий... Итальянская кампания англо-американской армии была направлена в такой же мере против итальянского народа, как и против двадцати двух нацистских дивизий генерала Кессельринга... Если бы Соединенные Штаты, вопреки «вето» Черчилля, передали итальянским партизанам винтовки и пулеметы, хотя бы лишь на несколько миллионов долларов, американские войска понесли бы в Италии вдвое меньше потерь. Но они все еще возлагали надежды на то, что Италии удастся навязать какого-нибудь дряхлого фашистского короля и реакционное правительство»¹.

Итальянский народ своей последовательной антифашистской революционной борьбой, которая завершилась всенародным восстанием на Севере в апреле 1945 г., внес большой вклад в дело разгрома итальянского и германского фашизма. Боевой дух и успехи движения Сопротивления в течение многих лет после войны накладывали свой отпечаток на политическую жизнь Италии и всей Западной Европы. IX съезд Итальянской коммунистической партии так определил социальное содержание этого народного движения: «...почти через 100 лет после завершения национального объединения произошла великая демократическая революция, какой она (Италия. — Авт.) не знала ранее. Этой демократической революцией явилось движение Сопротивления. Движение Сопротивления подорвало фашизм и смело его остатки, оно провело и выиграло трудную освободи-

¹ Г. Д. Мейер. Неизбежна ли гибель Америки? Перев. с англ. М., 1950, стр. 109—113.

тельную войну и заложило основы нового государства. Однако эта демократическая революция была прервана в момент, когда она должна была приступить к созидательной деятельности, к реформам экономической структуры и укреплению нового руководящего политического класса...»¹

Важнейшими органами власти, которые создавало революционно-освободительное движение итальянского народа, были комитеты национального освобождения, ставшие в ходе борьбы во многих местах, а затем и в масштабе всего Севера, не только органами координации политики антифашистских партий, но и представительными организациями масс. Они руководили обширными партизанскими «республиками». Почти полмиллиона итальянцев с оружием в руках боролись против немецких войск под руководством комитетов. После восстания на Севере в апреле 1945 г. комитеты в течение 10 дней, вплоть до прибытия войск и властей союзников, руководили всей политической, социальной и экономической жизнью².

Коммунистическая партия, умело сочетая задачи национально-освободительной борьбы с задачами социального освобождения итальянского рабочего класса и крестьянства, нацеливала народные массы на коренные изменения в стране, которые бы лишили монополистическую буржуазию и аграриев власти.

На Юге, оккупированном англо-американскими войсками, первое серьезное столкновение между комитетами национального освобождения и западными союзниками произошло в связи с необходимостью выполнения решений Московской конференции о демократизации итальянского правительства путем привлечения в него представителей шести партий, входивших в комитеты. Конгресс этих комитетов в Бари, состоявшийся в январе 1944 г., поставил вначале неопременным условием сотрудничества с правительством ликвидацию монархии. Англо-американские союзники использовали это требование в провакационных целях³.

Советский Союз предпринял решительные действия, чтобы сорвать саботаж Московской декларации со стороны США и Англии. Газета «Известия» опубликовала 30 марта 1944 г. редакционную статью «Итальянский вопрос», в которой разоблачались маневры английского и американского правительств и содержалось требование прекратить политику дискредитации Московской декларации, безотлагательно улучшить состав итальянского правительства⁴. Вопрос о положении в стране был поставлен на рассмотрение Консультативного совета. Правительства США и Англии были вынуждены отступить.

¹ «IX съезд Итальянской коммунистической партии». Перев. с итал. М., 1960, стр. 34—35.

² См. Л. Лонго. Народ Италии в борьбе. Перев. с итал. М., 1949, стр. 362—387; см. также «За прочный мир, за народную демократию!», 1 января 1948 г.

³ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. II, p. 1554—1555.

⁴ «Известия», 30 марта 1944 г.

14 марта 1944 г. Советское правительство заявило об установлении дипломатических отношений с Италией. Это вызвало крайнее недовольство США и Англии, рассматривавших Италию как свою вотчину и ревниво относившихся к прямым контактам представителей СССР с правительством Италии¹.

«Признание итальянского правительства Советским Союзом, — пишет Веллио Спано, — американцы и англичане восприняли как свое поражение, а Черчилль разразился по этому поводу известной речью, в которой он с обычной для него грубостью назвал Италию «кофейником без ручки». Англо-американцы, чувствовавшие себя в Италии хозяевами, стремились не допустить активного участия итальянского народа в борьбе против фашизма на стороне международного сообщества демократических наций. Они хотели, чтобы Италия и впредь оставалась «кофейником без ручки», и поэтому, изолируясь в крючкотворстве, под бесчисленными предложениями оттягивали признание Италии»².

Непосредственным результатом ликвидации политического кризиса в стране явилось создание более демократического шестипартийного правительства с участием коммунистов и социалистов, более действенное участие Италии в войне против гитлеровской Германии, последующее признание итальянского правительства США и Великобританией.

Главным политическим орудием США и Англии в стране были СКК и АМГОТ. Формально контроль над Италией осуществлялся не только через эти организации, но и через Консультативный совет. Однако этот орган, в котором был представлен Советский Союз, постепенно был фактически отстранен западными союзниками от контроля над положением в стране. Оккупационная власть оказалась сосредоточенной в руках западных держав.

К концу войны англо-американская военная машина была повернута против внутреннего революционного фронта в Италии. Это составляло главную заботу У. Черчилля, который еще в мае 1944 г. изображал внутреннее положение Италии в откровенно провокационной форме: «Намерены ли мы примириться с коммунизацией Балкан и, возможно, Италии?»³.

Силы внутренней и внешней реакции, строившие различные планы подавления демократического революционного движения в Италии, стремились прежде всего ликвидировать вооруженные силы Соппротивления, готовившиеся к антифашистскому восстанию.

13 ноября 1944 г. командующий союзными войсками генерал Александер обратился к партизанам с призывом прекратить организованные операции. Это было равносильно призыву «разойтись по домам»⁴.

¹ «The Realignment of Europe». Ed. by A. and V. Toynbee. London, 1955, p. 425.

² «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 415—416. См. речь У. Черчилля в кн.: W. S. Churchill. The Second World War, vol. V, p. 441—442.

³ W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 64.

⁴ Л. Лонго. Народ Италии в борьбе, стр. 304—305.

Особую тревогу правящих кругов Англии и США вызвало вооруженное восстание на Севере, которое не только сокрушило власть немцев, но и поставило под угрозу господство монополий и аграриев. Западные державы опасались, что успехи итальянского движения Сопротивления окажут влияние на борьбу народных масс всей Западной Европы, приведут к их быстрому революционизированию. Едва вступив в освобожденные партизанами от немцев районы Севера, англо-американские войска принялись ликвидировать революционно-демократические органы и уничтожать результаты их деятельности.

Прежде всего командование союзных войск начало снимать участников движения с постов, на которые их назначили комитеты национального освобождения, заменяя старыми фашистскими чиновниками. АМГ воспрепятствовало проведению чистки государственного аппарата и осуществлению декрета комитета национального освобождения о конфискации имущества коллаборационистов. АМГ отказалось признать советы управления и вернуло заводы и фабрики сотрудничавшим с фашизмом предпринимателям. Функционеры фашистской партии и чиновники Муссолини, арестованные КНО, были выпущены на свободу.

Провоцируя прогрессивные силы на прямое столкновение с войсками оккупирующих держав, внутренняя и внешняя реакция мечтала подавить антифашистское движение непосредственно руками союзников. «Италия была оккупирована, — отмечал позднее в Учредительном собрании П. Тольятти, — и оккупирована прочно военными силами английского и американского империализма. Следовательно, был налицо подавляющий перевес материальных сил не в нашу пользу. Вооруженная борьба против англо-американских войск, возглавляемая коммунистами, могла бы иметь трагические последствия как с точки зрения внутриитальянского, так и с точки зрения международного положения тех лет — в момент, когда империалисты только и искали предлога, чтобы подавить всякую попытку восстановить демократию в Италии, как они это сделали в Греции, и спровоцировать пробу сил на более широкой арене»¹.

Для оценки политической и военной стратегии англо-американских союзников в Италии исключительно важной представляется телеграмма У. Черчилля генералу Д. Эйзенхауэру, датированная 9 мая 1945 г.: «Я с беспокойством услышал о том, что немцы должны уничтожить все свои самолеты *in situ* (в местах их нахождения. — Авт.). Я надеюсь, что такая политика не будет принята в отношении вооружения и других видов снаряжения. Возможно, что они нам когда-нибудь остро потребуются, и даже сейчас они могут пригодиться как во Франции, так в особенности и в Италии»².

Военные действия против гитлеровской Германии были к этому времени уже повсеместно завершены. Стало быть, эта телеграмма не может быть истолкована иначе, как откровенный намек на возможность вооруженной интервенции в этих странах с целью поддержки контрреволюции.

¹ П. Тольятти. Речи в Учредительном собрании. Перев. с итал. М., 1959, стр. 6.

² W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 499.

При всем единстве англо-американской политики в Италии между США и Англией ни на минуту не прекращалась империалистическая борьба за господство в экономической и политической области. Раздел сфер влияния на Средиземноморье не привел к примирению партнеров-конкурентов. Наибольший резонанс вызвало открытое столкновение США и Англии по вопросу о включении в итальянское правительство в ноябре 1944 г. в качестве министра иностранных дел креатуры американского империализма — графа Карло Сфорца¹.

Со времени перемирия (3 сентября 1943 г.) до конца войны (8 мая 1945 г.) основной целью итальянской внешней политики, провозглашенной коммунистами и левыми социалистами и внешне признанной христианскими демократами и различными партиями КНО, являлось превращение Италии из совместно воюющей стороны в союзника Объединенных Наций. Но правые круги всячески тормозили реализацию этой цели.

Пассивность итальянской официальной внешней политики, руководимой правыми буржуазными деятелями, ее угодничество перед представителями США и Англии, стремление заключить с ними сделку против внутренних революционных сил на любых условиях обрекали Италию на положение зависимой, подчиненной страны. Италия в конце войны не пользовалась даже теми правами, какие давал ей статус совместно воюющей стороны. Из-за политики, навязанной стране итальянской буржуазией, которая в своих классовых целях ориентировалась на западные державы и находилась во власти антисоветских настроений, народные массы были вынуждены переживать горечь и тяготы оккупации, не вкусив ничего от плодов победы, для достижения которой они принесли немалые жертвы, самоотверженно сражаясь с врагом.

2. Проблема мирного договора и роль Италии в первые послевоенные годы

В первые послевоенные годы английский и американский империализм цепко держал Италию под своей политической опекой, добиваясь осуществления тех целей, которые каждый из них поставил перед собой еще в период войны.

Экономическое положение Италии было крайне тяжелым. В октябре 1946 г. промышленная продукция достигала $\frac{2}{3}$ довоенного уровня. К январю 1947 г. индекс промышленного производства, по данным Конфедерации промышленников, понизился почти на $\frac{1}{3}$ по сравнению с сентябрем предыдущего года. В апреле 1947 г. в Италии было 2200 тыс. безработных. Уровень

¹ D. A. Graber. Crisis Diplomacy. A History of U. S. Intervention Policies and Practices. Washington, 1959, p. 255; P. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. II. Перев. с англ. М., 1958, стр. 548—549; P. Nenni. Il crollo delle alleanze. Roma, 1949, p. 17—18.

сельскохозяйственной продукции 1946 г. составлял лишь 70% довоенного. Внешняя торговля была полностью расстроена. Критическое положение сложилось для итальянских финансов. Государственный долг на 1 марта 1947 г. превышал довоенную цифру более чем в 8 раз.

Старые пороки экономики, выразившиеся главным образом в противоречии между индустриальным Севером и аграрным Югом, еще более осложнились в результате войны. Вместе с тем в военные и первые послевоенные годы произошли серьезные изменения в хозяйстве Италии. Резко возрос удельный вес государственных вложений.

Внутриполитическое напряжение в стране было огромным. Хотя империалистам США и Англии удалось потеснить итальянские революционные силы, ветер социальных перемен не утихал над Италией. Движение Сопротивления, несмотря на то что большинство его практических достижений и было ликвидировано внешней и внутренней реакцией, продолжало оставаться политическим фактором исключительного значения. Появление на политической арене двухмиллионной коммунистической партии, пользующейся непререкаемым авторитетом и любовью в народных массах, принципиально изменило расстановку сил внутри страны. Программа движения Сопротивления воплощалась в требованиях народных масс, с которыми выступали коммунистическая и социалистическая партии: ликвидация монархии и провозглашение республики, создание демократической конституции, проведение национализации, аграрной реформы и других коренных социальных преобразований, а также независимой миролюбивой внешней политики. Некоторые демократические завоевания, особенно принятие республиканской конституции, во многом отразившей требования народных масс и дававшей в их руки оружие для борьбы за свои права, крайне напугали внешнюю и внутреннюю реакцию.

В 1946—1947 гг. формы и методы влияния империалистических сил Соединенных Штатов и Англии на ситуацию в Италии, на внешнюю политику итальянских правящих кругов несколько изменились. Непосредственный военно-оккупационный диктат постепенно заменялся системой экономического и внешнеполитического шантажа народных масс, еще более тесного сотрудничества с итальянским монополистическим капиталом и Ватиканом, а также с их политической креатурой — христианско-демократической партией, овладевавшей ключевыми постами в государстве. В эти годы произошло заметное перераспределение империалистического влияния. Англия, которой правительство США в начальный период войны в тактических целях уступило большую часть влияния в Средиземноморье, и в частности в Италии, не смогла удержать своих позиций. Мало-помалу она оттеснялась и вытеснялась американским империализмом. Этому способствовало изменившееся соотношение сил в западном лагере.

Внутри самой Италии тот факт, что США и Англия поменялись ролями, сказался в упадке влияния либералов, на которых

опиралась Англия, и привел к быстрому продвижению к власти партии христианских демократов, которая с самого начала была фаворитом американского империализма. Альянсу де Гаспери при прямой поддержке США становится основным проводником внешней и внутренней политики реакционного лагеря¹.

Генеральная линия империалистических держав во главе с США в отношении Италии заключалась в использовании ее как важной стратегической позиции и политического союзника в борьбе против Советского Союза и стран народной демократии. Западные державы стремились к созданию в Италии «устойчивого», т. е., по сути дела, реакционного, правительства. Причем, как признавала английский буржуазный историк М. Гриндрод, они не намерены были отказаться от этой цели и в том случае, если бы коммунисты победили «конституционными средствами»².

Интервенционистской политике империалистических кругов США и Англии Советский Союз последовательно противопоставлял позицию полного невмешательства во внутренние дела страны, и прежде всего в вопросах, относящихся к форме правления и государственному строю, составу правительства.

Определяя отношение Советского Союза к Италии, советский представитель подчеркивал на Парижской мирной конференции в августе 1946 г., что советские люди уверены в будущем Италии как великой страны и не сомневаются в том, что славный итальянский народ с честью выйдет из послевоенных трудностей и по-настоящему станет на путь национального подъема и возрождения, достойного великой и свободной Италии. Советский Союз неоднократно подчеркивал в этот период, что восстановление Италии мыслимо лишь при условии ее политической и экономической независимости.

Однако итальянская реакция, стремившаяся ликвидировать влияние движения Сопротивления и особенно коммунистической партии, толкала страну к усилению ее политической и экономической зависимости от западных держав, прежде всего от США. Это со всей очевидностью показали события, связанные с проведением референдума о форме правления и выборами в Учредительное собрание 2 июня 1946 г. США и Англия активно вмешивались в ход избирательной кампании, грозя итальянским народным массам прекращением экономической помощи и голодом в том случае, если победят левые. Некоторые политики в

¹ А. де Гаспери стал министром иностранных дел во втором кабинете Бономи 12 декабря 1944 г. Он сохранил этот пост и в кабинете Парри (21 июня 1945 г. — 10 декабря 1945 г.), а также после того, как 10 декабря 1945 г. стал премьер-министром. Только 15 октября 1946 г. его сменил на посту министра иностранных дел П. Ненни.

² *M. Grindrod. The Rebuilding of Italy. Politics and economics. 1945—1955. London — New York, 1955, p. 4—5.*

этих странах прямо высказывались за вооруженное вмешательство в случае победы демократических сил в Италии.

Провозглашение Итальянской республики, а также поражение, понесенное реакционными силами на выборах 2 июня, заставило их искать поддержку извне для коренного изменения положения в стране.

Уже в январе 1947 г. А. де Гаспери, ставший к тому времени премьер-министром Италии, направился в Вашингтон для установления непосредственного контакта с правящими кругами США. Официально целью его визита было получение «экономической помощи», но сокровенный смысл вашингтонских переговоров заключался не только в этом. Прямой целью этой поездки, как признавалось в одном из секретных документов Ватикана, было укрепление американско-английского влияния в Италии, на которое римская курия возлагала все свои надежды¹. Американская пресса признавала в те дни, что переговоры де Гаспери в Вашингтоне были непосредственно вызваны стремлением американских официальных кругов удержать Италию в орбите капитализма и воспрепятствовать ее развитию в социалистическом направлении.

Непосредственные результаты визита де Гаспери в Вашингтон с точки зрения экономической помощи были более чем скромными. Ему обещали заем в 100 млн. долл.² Однако требования, предъявленные в Вашингтоне итальянскому премьеру, оказались весьма определенными. Монархическая газета «Коррьере делла национе» писала: «Де Гаспери не привез из-за океана золотого тельца, но зато привез твердую, глубокую уверенность в том, что Америка будет за его плечами в трудный момент устранения коммунистов. Де Гаспери отдал себя в руки Трумэна. Он вернулся из США с правительственным кризисом в кармане. Американские банкиры боятся коммунистических и вообще левых правительств. Отсюда необходимость расширения правительства и ухода в отставку коммунистов и их социалистических коллег». Заявления Трумэна от 12 марта 1947 г., провозгласившие в качестве принципа американской политики неограниченную империалистическую экспансию и вмешательство в дела других народов, было с восторгом воспринято реакционными силами Италии.

В мае 1947 г., когда в страну прибыли представители Экспортно-импортного банка США для ведения переговоров о предоставлении Италии займа в 100 млн. долл., де Гаспери развязал правительственный кризис, результатом которого явилось устранение из кабинета коммунистов и социалистов.

Правительство, созданное 31 мая 1947 г. в основном из деятелей христианско-демократической партии, было самым тесным образом связано с монополистическими кругами Италии. США могли полностью «доверять» ему, тем более что ключевые посты в нем заняли люди, связанные непосредственно с Вашингтоном, в частности граф К. Сфорца. Шлюзы для наступления внутренней реакции и проведения американской политики давления в Италии были открыты.

3 июня 1947 г. Маршалл заявил о готовности США оказать Италии «помощь». Два дня спустя он выступил с программой,

¹ «L'Unità», 3. IV. 1948.

² «Documenti di vita italiana» № 1, Dicembre 1951, p. 6.

известной как «план Маршалла». Роль «плана Маршалла» в политической стратегии американского империализма откровенно разъяснял впоследствии Г. Трумэн, отмечавший, что он «просил рассматривать этот вопрос наиболее неотложным, особенно в свете наметившегося ухудшения ситуации во Франции и Италии...»¹ К. Сфорца угодливо называл этот план «прелюдией к умиротворению Европы», прекрасно понимая его значение в воссоздании реакционных режимов в западноевропейских странах. На Парижской конференции 12 июля 1947 г. Сфорца подтвердил желание и готовность итальянского правительства пойти на «любые соглашения» в интересах «единства Европы», требуя и от других стран отказаться от принципа суверенитета. Итальянское правительство с самого начала стало одним из наиболее ревностных апологетов «плана Маршалла»².

Английские и американские империалисты, старавшиеся держать Италию в своих руках, широко использовали в эти годы вопрос о Триесте. Это давало им возможность давить на Италию и Югославию, заниматься антисоветскими спекуляциями и под шумок овладеть на ближайший отрезок времени таким важным опорным стратегическим пунктом и морской базой, как Триест.

Еще до капитуляции немецких войск в Италии Черчилль договаривался с Трумэном о захвате Триеста. Как известно, он вынашивал эту идею уже несколько лет, в течение всей второй половины войны. «Мне кажется чрезвычайно важным, — писал он Трумэну 27 апреля 1945 г., — получить Триест, если это будет возможно, предлагаемым легким способом и пойти на риск, связанный с такими военно-политическими операциями. Покойный президент всегда придавал большое значение Триесту, который, как он считал, должен стать международным портом, обеспечивающим выход в Адриатику для всех районов Дунайского бассейна... Фактический статус Триеста можно будет определить на досуге...»³ Трумэн согласился в своей телеграмме от 12 мая 1945 г. с предложением Черчилля занять Триест⁴.

По соглашению в Дунно от 20 июня 1945 г. югославская армия отошла за «линию Моргана», оставив в англо-американских руках Триест, узкую полосу территории к началу долины Изонцо и небольшой анклав, включая Полу. Так были созданы две военные зоны — «зона А» (англо-американская) и «зона Б» (югославская). 28 февраля 1946 г. Совет министров иностранных дел назначил четырехстороннюю комиссию, а в мае представил карту района с четырьмя предложенными линиями границы (британской, американской, французской и советской). Совет министров иностранных дел пришел 1 июля 1946 г. к компромиссу, приняв французскую линию в качестве западной границы Югославии и согласившись создать в Триесте международную территорию. Это решение подготовило новый тур переговоров по этому вопросу на Парижской мирной конференции. Так вполне сознательно англо-американские союзники держали открытым вопрос о Триесте на протяжении всех этих лет, используя его как рычаг в своих политических планах в Италии и на Балканах.

¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 117, 119.

² «Documenti di vita italiana» № 1, Dicembre 1951, p. 7.

³ W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 480—481.

⁴ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 243—244.

Главным орудием давления на Италию оставалась проблема мирного договора. Политические спекуляции вокруг перспектив мирного договора стали излюбленным методом итальянской реакции в ее борьбе с демократическими силами. Правящие круги убеждали, что если демократические силы укрепятся в Италии, то западные страны либо не подпишут мирного договора вообще, обрекая страну и впредь на положение оккупированной державы, либо предъявят Италии особо жесткие экономические и политические условия.

В процессе подготовки мирного договора столкнулись две принципиально различные линии политики по отношению к Италии, которые начали формироваться еще в годы войны и окончательно выкристаллизовались в первые послевоенные годы, — линия англо-американского блока и линия Советского Союза.

Совет министров иностранных дел, которому Потсдамская конференция поручила подготовку мирных договоров, начал свою работу с проекта мирного договора с Италией. 13 сентября 1945 г. в Совете открылась дискуссия по проекту, предложенному Великобританией. Советский Союз с самого начала обсуждения занял четкую и принципиальную позицию по тем вопросам, которые Англия и США хотели сделать объектом политической игры, — Триест, Южный Тироль и бывшие итальянские колонии.

Во время обсуждения проекта мирного договора с Италией на открывшейся 29 июля 1946 г. Парижской мирной конференции политическая линия империалистических держав во главе с США стала окончательно ясной. Конкурируя друг с другом, США и Англия проявляли, однако, общее стремление использовать мирный договор с Италией как орудие, легализующее их экспансию в этой стране, полностью приковывающее Италию к экономическому и военному блоку империалистических держав. При этом они стремились, по существу, свести Италию на положение второразрядной державы в Средиземноморье и Европе, заставив ее идти в фарватере политики США и Англии.

В экономической сфере западные державы стремились продлить срок выплаты Италией оккупационных расходов, рассчитывая переложить на плечи итальянского народа всю тяжесть содержания чужеземных армий; размещенных в стране. Представители США и Англии намеревались закрепить в мирном договоре требование о предоставлении гражданам любого иностранного государства из Объединенных Наций «равных» с итальянцами прав во всех вопросах, касающихся торговли, промышленности, мореплавания и других видов торговой деятельности в Италии.

Линия западных держав на использование Триеста в качестве своей стратегической позиции и сохранение этой проблемы

в послевоенных международных отношениях для политического давления на Италию и Югославию также была достаточно ясной.

США и Англия, используя в качестве подставных фигур представителей Австралии и Канады, выступили против выплаты Италией СССР 100 млн. долл. в счет репараций, хотя, как это очевидно, столь незначительная сумма была скорее символом наказания агрессора, чем действительным возмещением убытка, причиненного трехлетними действиями итальянских агрессоров на советской территории.

Советский Союз противопоставил политике западных держав в вопросе о мирном договоре с Италией последовательно миролюбивую и демократическую позицию. Он стремился к тому, чтобы договор действительно отвечал интересам народов, стремящихся к длительному и устойчивому миру, чтобы он был действительно демократическим миром, который не мог бы оставить безнаказанным агрессора и в то же время не мог бы забыть о жертвах, принесенных в освободительной борьбе за общую победу. Советский Союз настаивал на том, чтобы демократический мир создал благоприятные предпосылки для развития дружественных отношений между всеми народами, стремящимися к безопасности и готовыми к дружному отпору всяким попыткам новой агрессии. СССР считал, что демократический мир должен быть направлен против фашизма, оказывал всемерную поддержку укреплению демократических начал.

Советское правительство последовательно выступало против всего, что могло быть унижительным для суверенитета Италии, всего того, что могло бы привести к ее экономическому закабалению более сильными державами.

Исходя из этой принципиальной позиции, СССР решительно выступил в защиту национальных интересов Италии, против попыток западных держав в экономических статьях договора увеличить бремя оккупационных расходов, которые нес итальянский народ, и применить экспансионистский принцип «равных возможностей», способный привести к экономическому закабалению страны иностранным капиталом.

Советское правительство осудило старые захватнические претензии, с которыми выступил на конференции глава итальянской делегации А. де Гаспери. Оно отмечало необходимость для Италии установить дружественные отношения со своими соседями и другими странами, покончить со старой политикой экспансии. Только при этом условии Италия могла бы стать на деле важным фактором упрочения мира в Европе. СССР отклонил предложение де Гаспери о «временном мире», о фактическом продлении перемирия, разоблачив его маневр, направленный на то, чтобы добиться реакционных внутривнутриполитических целей и использовать растущие противоречия между западными державами и СССР.

Позиция в отношении статута Триеста, занятая на Парижской мирной конференции Советским Союзом, основывалась на признании в качестве компромисса решения Совета министров иностранных дел о том, что территория Триеста должна стать интернациональной территорией, находящейся под защитой Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. При этом Советский Союз решительно выступил против попыток США и Англии навязать

зять Триесту нечто вроде колониального режима, настаивая на принятии предложения советской делегации о демократическом управлении Триестом и установлении точного срока вывода иностранных войск.

После длительных дискуссий и борьбы мирный договор с Италией был подписан 10 февраля 1947 г. представителями СССР, Великобритании, США, Китая, Франции, Австралии, Бельгии, БССР, Бразилии, Канады, Чехословакии, Эфиопии, Греции, Индии, Нидерландов, Новой Зеландии, Польши, УССР, ЮАС, ФНРЮ и Италии¹.

Правительство де Гаспери, подписавшее мирный договор, представило его для ратификации Учредительному собранию. 20 июля 1947 г. Учредительное собрание 262 голосами против 68 при 80 воздержавшихся ратифицировало договор, который вошел в силу с 15 сентября 1947 г.²

Мирный договор с Италией явился результатом определенного соотношения сил между двумя системами, сложившегося после второй мировой войны. Он не был мирным договором империалистического типа, напоминающим договоры версальской системы, поскольку в его выработке принял активное участие Советский Союз, который решительно воспрепятствовал попыткам западных держав превратить этот договор в орудие империалистического диктата и закабаления. Влияние Советского Союза, его благородной борьбы за демократический мир отразилось в целом ряде постановлений мирного договора. Однако западным державам удалось в ряде случаев оставить в этом документе лазейки для проведения своей политики давления на итальянский народ.

Отрицательную роль в период подготовки мирного договора играла и внешняя политика итальянских реакционных кругов, которая во многом помогла западным державам в их экспансионистских и военных планах относительно Италии. Правительство де Гаспери в период Парижской конференции недвусмысленно определило свою позицию, плетясь в хвосте англо-американской дипломатии, не скрывая своей враждебности к Советскому Союзу. В своей деятельности на мирной конференции делегация Италии нередко занимала антинациональные позиции в угоду империалистическим кругам США и Англии. Политика де Гаспери в вопросе о мирном договоре обуславливалась тем, что итальянские правящие круги, движимые своими классовыми интересами, повели дело к окончательному включению Италии во вновь создаваемые империалистические блоки, поступившись задачами достижения независимости и прочного мира. Антикоммунизм, который становился главной движущей силой внешней политики итальянских империалистических кру-

¹ См. «Мирный договор с Италией». М., 1947.

² «Documenti di vita italiana» № 1, Dicembre 1951, p. 6.

гов, приносил стране в условиях тех лет самые тяжелые последствия.

Итальянский народ, вынесший на своих плечах всю тяжесть борьбы против фашизма¹, хотел проведения принципиально иной политики. Наиболее четко принципы этой внешней политики сформулировала Итальянская коммунистическая партия. Выступая в Учредительном собрании, П. Тольятти отмечал: «Превыше всего, превыше каких бы то ни было частных требований, мы ставим сегодня два основных блага, которые должны требовать, которые должны завоевать и защищать любой ценой: это независимость страны и мир для итальянского народа»².

В Учредительном собрании депутаты и сенаторы от коммунистической партии дали глубокий политический и исторический анализ договора. Они убедительно доказали, что договор был бы намного хуже, если бы итальянский народ не восстал против фашистской тирании, если бы Италия не участвовала в освободительной войне, которую народ хотел вести, преодолев сопротивление и колебания правящих классов, если бы не было партизанской войны и всеитальянского освободительного восстания. Вместе с тем коммунистическая партия отмечала, что договор мог быть и несколько лучше, если бы итальянское правительство проводило иную политику, если бы оно сумело проникнуться тем патриотическим национальным духом, который вдохновлял народные массы, а не подчиняло бы внешнюю политику идеологическим целям партийного или классового характера, которая раскалывала народ, заслоняла национальные интересы, становилась на путь односторонней ориентации и прислужничества перед Западом³.

3. Включение Италии в экономический и военно-политический блок империалистических держав

Внешняя и внутренняя реакция должна была преодолеть еще один важный барьер на пути осуществления своих планов. Для того чтобы Италия могла быть окончательно вовлечена в политическую орбиту США и формировавшегося ими блока, реакции необходимо было на выборах 18 апреля 1948 г. в итальянский парламент добиться закрепления позиций христианско-демократической партии, захваченных после удаления левых сил из кабинета де Гаспери. Это стало главной политической целью США в Италии на том этапе.

¹ «В действительности инициатором освободительной борьбы... — подчеркивал П. Тольятти в Учредительном собрании, — был народ, а не государство и не правительство» (*П. Тольятти. Речи в Учредительном собрании*, стр. 133).

² *П. Тольятти. Речи в Учредительном собрании*, стр. 134—135.

³ См. там же, стр. 254—256.

Вашингтон с помощью правительства де Гаспери быстро укреплял свое экономическое и политическое влияние в стране. 3 января 1948 г. было подписано соглашение между США и Италией о «бесплатной чрезвычайной помощи», которое носило кабальный для Италии характер. Оно давало возможность правительству США фактически контролировать экономику, внутреннюю и внешнюю политику Италии. Через месяц, 2 февраля 1948 г., был подписан итало-американский договор «о дружбе, торговле и навигации». В основу его был положен все тот же пресловутый принцип «равных возможностей», который США пытались протолкнуть еще в текст мирного договора. Этот договор давал США еще один мощный рычаг давления¹.

Новые итало-американские соглашения подготавливали почву для присоединения Италии к «плану Маршалла». Но они имели и конъюнктурное политическое острие: они были нацелены на укрепление позиций де Гаспери и его партии накануне выборов 18 апреля 1948 г. Одновременно итальянцы подверглись шантажу со стороны американских империалистов.

«Бизнес уик» — рупор монополистических кругов США — писал в те дни: «Италия является американской территорией. Здесь Соединенные Штаты захватили инициативу в прошлом году, когда де Гаспери вытеснил коммунистов из состава правительства, и здесь Соединенные Штаты намерены сохранить эту инициативу. Маршалл и Форрестол уверены в том, что западные страны не могут допустить, чтобы Италия пошла по линии коммунизма... Первой их целью является повлиять на результаты итальянских выборов путем политического и экономического давления. А если это не поможет? В таком случае в Вашингтоне в настоящее время не исключают даже военное вмешательство».

Государственный департамент США передал христианско-демократической партии 3 млн. долл. для организации избирательной кампании. США привели в боевую готовность свой флот в Средиземном море, распространяя сообщения, что «в случае необходимости он окажет помощь римскому правительству». Перед самыми выборами было объявлено, что 18 апреля американские «летающие крепости» пролетят через Италию на Ближний Восток. Французские войска демонстрировали на границе с Италией готовность помочь де Гаспери. Одновременно распространялись слухи, что помощь США Италии будет прекращена, если победят левые силы, и в стране воцарится голод. В контакте с Ватиканом и всем лагерем внутренней реакции США способствовали «победе» на выборах христианских демократов.

Английская и американская дипломатия, при участии Франции, начала решающее наступление на «итальянском фронте» с целью вовлечь страну в свой блок. Важнейшим этапом на этом пути стало присоединение Италии к «плану Маршалла».

16 апреля 1948 г. в Париже была заключена конвенция о европейском экономическом сотрудничестве, которую подписала Италия. Это было за два дня до парламентских выборов². Этому предшествовали переговоры в январе 1948 г. в Лондоне об экономических отношениях Италии с Англией и создание в марте Бенилюкса. Италия не приняла прямого участия в этом блоке, но сделала более тесными свои взаимоотношения с Францией. Сфорца и Бидо подписали 20 марта в Турине протокол о создании франко-итальянского таможенного союза, коммерческое

¹ «Documenti di vita italiana» № 1, Dicembre 1951, p. 8.

² «Documents on European Recovery and Defence. March 1947 — April 1949». London — New York, 1949, p. 69—77. Двустороннее соглашение о помощи между Италией и США было подписано 28 июня 1948 г.

соглашение и протокол о платежах¹. Бидо объявил о решении трех западных держав сделать дипломатическое представление Советскому Союзу о необходимости возвращения Свободной территории Триест Италии. Французский министр заявил о том, что его правительство благоприятно относится к требованиям Италии относительно ее бывших колоний. 20 марта была опубликована общая декларация трех держав, рекомендовавшая вернуть Свободную территорию Триест под суверенитет Италии².

Представляя парламенту свое новое правительство, де Гаспери объявил 1 июня 1948 г. о принятии программы экономической помощи Италии по «плану Маршалла». Италия должна была получить в первом году 703 млн. долл. Выступая в палате депутатов 15 июня, Сфорца пытался всячески оправдать участие Италии в «плане Маршалла». Паоло Тавиани, один из лидеров христианско-демократической партии, а в будущем министр обороны итальянского правительства, вполне откровенно заявлял во время парламентских дебатов в ноябре — декабре 1948 г. в связи с «планом Маршалла» о необходимости «определить позицию Италии в мире, конвульсии которого не исключают, быть может отдаленной, возможности возникновения третьей мировой войны»³.

Приняв участие в парижском совещании по «плану Маршалла», Италия связала свою судьбу с теми, кто шел сознательно на политический раскол Европы, готовил фундамент для создания Североатлантического блока. Опираясь на США в проведении внутренней политики, итальянское правительство все глубже увязало во вновь организуемом блоке. Вступив в «план Маршалла», Италия создала базу для постоянного иностранного вмешательства в свою внутреннюю политику и экономику. Она была вынуждена отказаться от экономического и торгового сотрудничества со странами Восточной Европы, присоединиться к политике дискриминации этих стран, проводимой США. Примкнув к политике раскола Европы, Италия очутилась во власти политических тенденций, которые уже не могла сама контролировать. Она могла им только подчиняться, приспособляя свою политику к политике США так же, как она была вынуждена приспособить свою экономику к экономическим интересам американских монополий⁴.

Но «план Маршалла» был не последней политической гаванью, куда США с помощью де Гаспери и Сфорца привели Италию. Вскоре правящими кругами был поставлен вопрос о

¹ Договор о таможенном союзе между Италией и Францией был подписан в Париже 26 марта 1949 г. («Documents...», p. 131—135).

² «Documenti di vita italiana» № 1, Dicembre 1951, p. 8—9.

³ P. E. Taviani. *Solidarietà atlantica e comunità europea*. Firenze, 1957, p. 5.

⁴ См. П. Тольятти. Речи в Учредительном собрании, стр. 267—275.

прямом участии Италии в военно-политическом антисоветском блоке западных держав.

«Старый друг» итальянской реакции У. Черчилль обратился 7 мая 1948 г. в Гааге с призывом к Италии примкнуть к Брюссельскому пакту, чтобы «полностью восстановить свое место в сообществе наций»¹. Де Гаспери поставил вопрос о «компенсации» за согласие вступить в новый военный блок, в частности о Триесте и бывших колониях. Со своей стороны де Гаспери обещал предоставить США и их новому агрессивному блоку военные базы и контингенты войск.

В январе 1949 г. державы — участницы Брюссельского пакта официально пригласили Италию вступить в Западный союз. Итальянская коммунистическая партия сразу же разоблачила попытку вовлечь Италию в новую систему антисоветских военно-политических блоков в Европе. П. Тольятти четко заявил 26 февраля 1949 г. о позиции итальянских трудящихся в том случае, если агрессивные силы развяжут новую войну.

Однако итальянская реакция, подталкиваемая США, решила идти напролом. П. Тавиани, выступая в палате, метал громы и молнии против тех, кто говорил о «возможности нейтралитета со стороны Италии и индифферентности по отношению к двум системам или двум блокам»². Получив официальное приглашение примкнуть к организаторам Североатлантического блока, итальянское правительство подписало 4 апреля 1949 г. договор. 5 мая в Лондоне оно присоединилось к статуту «Европейского совета».

Де Гаспери удалось проташить 1 июля 1949 г. через парламент с помощью правительственного большинства (христианских демократов, монархистов, либералов, республиканцев, социал-демократов) 323 голосами против 160 при 8 воздержавшихся акт, ратифицирующий Североатлантический пакт.

Народные массы были возмущены предательской политикой правящих кругов. В парламенте и вне его шли ожесточенные схватки по вопросу о вступлении Италии в Североатлантический блок и вообще о внешней политике страны. Достаточно сказать, что дискуссия в палате депутатов длилась подряд 51 час. Только путем насилия над волей итальянского народа и беспринципных махинаций христианские демократы смогли сколотить большинство и провести закон.

Ратификация Североатлантического пакта отражала реакционность внутренней политики христианских демократов и их антинациональную внешнюю политику. Североатлантический пакт был, несомненно, нужен итальянской реакции как гарантия ее классовых интересов внутри страны, против трудящихся масс.

¹ «Documenti di vita italiana» № 1, Dicembre 1951, p. 10.

² P. E. Taviani. Solidarietà atlantica e comunità europea, p. 34.

Так через 2 года после ратификации мирного договора Италия оказалась вовлеченной в систему экономических и политических блоков империалистических держав под руководством США, направленных против Советского Союза, мирового демократического и национально-освободительного движения.

Итальянская реакция замкнула, таким образом, порочный круг своей внешней политики, вернувшись к позициям, которые уже однажды привели ее к войне и национальной катастрофе. Однако итальянские правящие круги, испытавшие рецидивы «великодержавных» иллюзий и принесяшие в жертву национальные интересы, не добились для Италии места на империалистическом Олимпе. В Североатлантическом пакте с самого начала Италия стала второразрядным партнером, призванным лишь послушно проводить курс, намеченный «сильными мира» империалистической политики.

БОРЬБА ДВУХ КУРСОВ — ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО — ПО ОСНОВНЫМ ПРОБЛЕМАМ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА

С окончанием второй мировой войны возник ряд новых, исключительно сложных международных проблем. Необходимо было осуществить такое мирное урегулирование, которое надежно закрепило бы победу над фашизмом.

Достижению целей демократического мирного урегулирования способствовало то важное обстоятельство, что еще во время войны в решениях глав правительств трех великих держав были выработаны и согласованы основные руководящие принципы международного сотрудничества в интересах мира. Благодаря участию Советского Союза решения великих держав носили в целом глубоко прогрессивный и конструктивный характер. Небывало возросший международный авторитет Советского Союза служил прочной гарантией того, что мирное урегулирование не примет империалистического характера, как это было после первой мировой войны.

Вместе с тем в деле мирного урегулирования не могли не сказаться противоречия внутри антигитлеровской коалиции в связи с участием в ней государств разных общественных систем и реакционными устремлениями империалистических западных держав, в первую очередь США. Эти противоречия сказывались уже в ходе войны. Но тогда они сдерживались, отступали на второй план под давлением военной необходимости. Наличие общего врага цементировало союз антифашистских стран. Теперь общий враг был уничтожен и только подлинное стремление к сотрудничеству ради мира могло обеспечить совместные действия, направленные к эффективному мирному урегулированию.

Советский Союз с огромной силой и ясностью выражал такое стремление. Иначе обстояло дело с политикой западных держав. Эта политика не замедлила обнаружить свой империалистический характер. Правящие круги западных держав и

прежде всего США подходили к проблеме закрепления победы над фашизмом не с точки зрения интересов прочного мира, а исходя из интересов господствующих сил монополистического капитала.

Поэтому в ответственный период перехода от войны к миру открыто противостояли на международной арене два направления, две противоположные тенденции: демократическая и империалистическая. Первая воплощала политику Советского Союза и всех прогрессивных сил. Вторая — политику западных держав, особенно США и Англии. Борьба этих тенденций и составила существо длительной и сложной дипломатической деятельности, связанной с проблемами мирного урегулирования ряда международных вопросов, порожденных второй мировой войной.

Важнейшими среди этих проблем были вопросы мирного урегулирования с Германией и Японией. При решении вопроса о мирном урегулировании с Германией речь шла не только о выполнении традиционной задачи — заключить мирный договор, который зафиксировал бы окончание войны, но и об определении характера нового германского государства, его экономической и политической структуры, т. е. по существу, о судьбе Германии. Это была беспрецедентная в истории международных отношений задача. Решалась она в сложных условиях коренного различия между целями и стремлениями Советского Союза, с одной стороны, и западных держав — с другой, в обстановке острой классовой борьбы в самой Германии, когда на ее территории складывались две противоположные общественные системы.

Весьма сложной была и задача урегулирования со вторым крупнейшим участником гитлеровского блока — Японией. Здесь были свои специфические особенности, связанные, в частности, с сохранением в Японии национальной государственной власти. Японская территория была целиком оккупирована американскими войсками. Борьба демократических сил развивалась здесь в сложных условиях, когда оккупационные власти оказывали полную поддержку силам реакции. В Японии империализм США имел более широкие возможности оказывать свое воздействие на ход событий. Но и здесь ему приходилось считаться с ростом демократических сил, с подъемом национально-освободительного движения на Дальнем Востоке, с миролюбивой и демократической политикой Советского Союза.

Большое значение имела задача мирного урегулирования с бывшими союзниками гитлеровской Германии: Италией, Финляндией, Венгрией, Румынией, Болгарией. Обстоятельства позволяли безотлагательно приступить к решению этой задачи, и она была успешно решена, несмотря на попытки империалистических держав использовать заключение мирных договоров для вмешательства во внутренние дела восточноевропейских стран, для навязывания им империалистического мира. Мирное

урегулирование с бывшими союзниками Германии благодаря участию Советского Союза приобрело принципиально иной характер по сравнению, скажем, с империалистическим Версальским миром.

Положительным явлением в международных отношениях первых послевоенных лет было создание Организации Объединенных Наций. Создание ООН само по себе явилось показателем глубоких изменений, которые произошли в международной жизни в результате второй мировой войны. Советскому Союзу и другим сторонникам установления демократического послевоенного устройства мира удалось отразить попытки реакционных сил, пытавшихся воскресить бесславную Лигу наций. Появилась новая международная организация, которая имела серьезные основания стать базой развития международных отношений в духе мирного сосуществования государств разных социальных систем.

Наконец, окончание войны создавало благоприятную возможность для рассмотрения и решения проблемы разоружения. Этому способствовало прежде всего уничтожение главных в то время очагов агрессии — фашистской Германии и милитаристской Японии. Среди народов, только что испытавших на своем опыте бедствия войны, резко усилилось стремление к разоружению. Создание атомного оружия говорило о жизненной необходимости разоружения, ибо новая война принесла бы человечеству ужасы, намного превосходящие все, что было испытано людьми во время второй мировой войны. Трагедия Хиросимы и Нагасаки повторилась бы в несравненно более грандиозных масштабах.

И если проблему разоружения в первые послевоенные годы, несмотря на имевшуюся возможность, не удалось решить, то повинны в этом только западные империалистические державы. Что же касается Советского Союза, то он уже тогда делал все возможное для решения этой жизненно важной проблемы.

Подводя итог борьбы двух курсов в деле мирного урегулирования, необходимо отметить, что в первые послевоенные годы полностью рухнули планы империалистического мира, разрабатывавшиеся и проводившиеся в жизнь наиболее реакционными кругами Запада и прежде всего планы подрыва, «отбрасывания» коммунизма. Влиятельные круги западных держав рассчитывали использовать итоги войны для укрепления позиций капитализма и для ослабления социализма. Они пытались использовать атомную монополию США, чтобы навязать Советскому Союзу империалистическое мирное урегулирование. Они надеялись на то, что Советский Союз, вынесший на своих плечах главную тяжесть войны, выйдет из нее ослабленным и вынужден будет подчиниться диктату империалистов, стремившихся не допустить нигде, особенно в Германии и в Восточной Европе, осуществления демократических преобразований. Все эти замыслы

потерпели полный провал. Империализму не только не удалось «отбросить» коммунизм, но пришлось и самому потесниться. Сфера его господства резко сузилась.

Образование мировой системы социализма внесло принципиальные изменения в характер международных отношений. Оно явилось неоценимым вкладом в дело укрепления мира, ибо мощь стран социалистического лагеря служит главным и определяющим фактором сохранения и укрепления мира в нашу эпоху. Это и позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на срыв империалистами решения таких проблем мирного урегулирования, как германский вопрос, разоружение и т. д., в целом процесс борьбы за мирное урегулирование завершился решающими успехами Советского Союза и других миролюбивых сил.

ГЛАВА XVIII

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС

В 1945—1949 гг.

1. Конференции в Тегеране, Ялте и Потсдаме

Задачи мирного урегулирования после окончания второй мировой войны отличались большим многообразием и сложностью. Это объясняется прежде всего колоссальными переменами в мире, вызванными победой над фашизмом в войне 1939—1945 гг., которые наложили свой отпечаток на все послевоенные международные отношения.

Условия для достижения демократического, справедливого мира были гораздо более благоприятны, чем после первой мировой войны, что определялось участием во второй мировой войне социалистической державы. Больше того, Советский Союз сыграл основную, решающую роль в войне. Естественно, что это не могло не определить его роль и значение в послевоенном урегулировании. При решении важнейших международных вопросов Советский Союз твердо стоял на страже интересов демократии и мира.

Разумеется, при обсуждении конкретных вопросов мирного урегулирования правящие круги западных держав всегда руководствовались классовыми интересами империалистической буржуазии, которые в корне противоречили задачам достижения подлинно демократического мира. Это приводило часто к резким столкновениям между Советским Союзом, с одной стороны, и правительствами Англии и США — с другой. Но навязать миролюбивым народам свою точку зрения на важнейшие вопросы послевоенного урегулирования оказалось не под силу американской и английской дипломатии.

Борьба, развернувшаяся вокруг этих проблем на международных конференциях главных стран антигитлеровской коалиции — СССР, США, Англии — как в период войны, так и в послевоенное время, носила ярко выраженный классовый характер. Здесь столкнулись два мира — мир социализма и мир капитализма. В этом столкновении ясно обнаружились жизненность и сила международно-политических концепций социализма — концепций мирного сосуществования государств двух систем, международного сотрудничества, невмешательства во внутренние дела других государств и т. д.

Развитие межсоюзнических отношений военного времени и логическое их завершение в виде разработки согласованной программы послевоенной реконструкции было объективной необходимостью международной жизни и не зависело от воли отдельных руководителей западных стран. Оно подчинялось ряду закономерностей, цементирующих антигитлеровскую коалицию и определявших на всем протяжении войны жизненную необходимость военного и политического сотрудничества капиталистических держав — участниц коалиции с социалистическим Советским Союзом. Особое значение имели следующие факторы:

Во-первых, решающая роль Советского Союза в войне с фашистской Германией. Западные страны — союзники СССР должны были считаться с Советским Союзом как со страной, которая внесла наибольший вклад в дело победы.

Во-вторых, воля народных масс, которые считали борьбу против фашистского врага общим делом, независимо от того, какой режим существовал в том или ином государстве антигитлеровской коалиции. На всем протяжении войны народные массы оказывали непосредственное воздействие на правительства капиталистических государств, побуждая их к активизации военных действий и с гневом реагируя на любые попытки реакции изыскивать пути для сепаратного мира с гитлеровским правительством.

В-третьих, следует учесть и сложившееся тогда соотношение сил между странами антигитлеровской коалиции и фашистскими государствами в Европе. Англия и Франция пожинали плоды политики своих довоенных реакционных правительств, их курса на «умиротворение» фашистского агрессора. Правящие круги Англии и Франции не могли не понимать обреченности своих стран в столкновении один на один с гитлеровским фашизмом. Они не могли не понимать, что важнейшей гарантией восстановления независимости европейских государств является тот вклад, который вносит Советский Союз в дело победы над гитлеровской Германией.

Таким образом, в период войны существовал надежный базис межсоюзнического сотрудничества: общность военных интересов и проистекавшая отсюда общая заинтересованность в совместном, согласованном решении важнейших политических

проблем, встававших перед странами антигитлеровской коалиции. Это обстоятельство и побуждало капиталистические государства действовать осмотрительно, сдерживать свои империалистические устремления, искать компромиссные решения, учитывать интересы и позицию Советского Союза, а нередко и принимать, вопреки собственному желанию, его точку зрения.

Уже вскоре после нападения фашистской Германии на Советский Союз между правительствами СССР и Великобритании было заключено соглашение о совместных действиях в войне против Германии (подписанное в Москве 12 июля 1941 г.), по которому обе страны обязались сотрудничать в войне против гитлеровской Германии, не вести никаких сепаратных переговоров с врагом и не заключать с ним сепаратного мира. С 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве состоялась конференция представителей трех государств (СССР, Англии и США), посвященная координации усилий в деле оказания взаимной помощи военными поставками.

Конференция приняла резолюцию, в которой подчеркивалось стремление правительств трех стран после ликвидации гитлеровской тирании обеспечить мир и безопасность всем народам и создать условия для того, чтобы они могли жить, не испытывая страха и нужды. В январе 1942 г. 26 государств, принявших название «Объединенные Нации», включая США, СССР и Англию, подписали в Вашингтоне декларацию, в которой обязались совместно бороться за свободу и независимость всех наций, за сохранение человеческих прав и справедливости¹. 26 мая 1942 г. был подписан англо-советский договор о союзе и взаимной помощи. Второй раздел этого договора устанавливал принципы совместных действий не только во время войны, но и в послевоенный период в целях сохранения мира².

Большое значение для разработки совместных решений по проблемам послевоенного мира имела первая конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии, состоявшаяся в Москве 19—30 октября 1943 г. Московская конференция положила начало трехсторонним конференциям «на высоком уровне», происходившим периодически на протяжении военного времени. Она не только подтвердила принцип совместного решения послевоенных проблем, но и сформулировала некоторые важные общие положения мирного урегулирования и создала механизм для разработки проблем обеспечения мира в Европе.

Принятая конференцией декларация четырех держав по вопросу о всеобщей безопасности³ предусматривала создание в возможно короткий срок международной организации для поддержания международного мира и безопасности — организации, «основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые»⁴. Принцип суверенности, таким образом, был положен в основу будущей международной организации, которая должна была обеспечить послевоенный мир. В этом — важный вклад Московской конференции в дело разработки основ послевоенного урегулирования.

¹ См. гл. XXI.

² См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 270—271.

³ Помимо США, Великобритании и Советского Союза декларацию подписал также Китай.

⁴ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 415.

В декларации было оговорено и то, что государства, подписавшие ее, не будут после окончания войны применять свои вооруженные силы на территории других государств. Характерно, что в опубликованных воспоминаниях Хелла ясно указывается, что под этим понималось также и запрещение создавать морские и авиационные базы на чужой территории¹.

В совместном коммюнике, обнародованном после конференции, говорится, что три министра решили создать совместный орган — Европейскую консультативную комиссию с местом пребывания в Лондоне. В задачу комиссии входили изучение европейских проблем и выработка совместных рекомендаций правительствам США, Англии и СССР. В коммюнике подчеркивалось, что комиссия призвана обеспечить теснейшее сотрудничество между правительствами трех стран в европейских вопросах. Следовательно, еще раз подтверждалось, что все вопросы, связанные с послевоенным урегулированием, следует решать совместно, в обстановке честного международного сотрудничества.

Важным этапом на пути разработки основ послевоенного урегулирования была Тегеранская конференция, состоявшаяся в конце 1943 г. В Тегеране впервые встретились главы правительств трех государств — США, Англии и СССР. Здесь решались коренные вопросы войны и проблемы послевоенного урегулирования. В день открытия конференции У. Черчилль так охарактеризовал ее значение: «Это величайшая концентрация мировых сил, которая когда-либо была в истории человечества. В наших руках решение вопроса о сокращении сроков войны, о завоевании победы, о будущей судьбе человечества»².

На конференции были согласованы детальные планы военных действий, причем ясно было указано, что главное — это советско-германский фронт, по сравнению с которым другие фронты играют второстепенную роль. Президент Рузвельт, касаясь результатов конференции, сказал: «Мы обсуждали международные отношения скорее с точки зрения больших и широких целей, чем деталей»³. Именно эта «широта взглядов» отличает решения Тегеранской конференции и определяет ее принципиальный характер.

«Мы согласовали, — указывалось в решениях Тегеранской конференции, — наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга»⁴. О принципах послевоенного урегулирования в декларации трех держав, принятой в Тегеране, говорится, что правительства СССР, США и Англии полностью признают высокую ответственность «за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара

¹ «The Memoirs of Cordell Hull», vol. II, p. 1299—1300.

² «Тегеранская конференция руководителей трех великих держав». «Международная жизнь», 1961, № 7, стр. 179.

³ «Nothing to Fear». The Selected Addresses of F. D. Roosevelt 1932—1945. New York, 1947, p. 383.

⁴ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 425.

и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения»¹.

Стремлению реакционных кругов капиталистических держав завершить войну империалистическим миром противостояла последовательно демократическая линия и программа Советского Союза, который ставил перед собой цель как можно быстрее покончить с войной путем полного и окончательного разгрома германского и японского империализма и создать предпосылки для прочного и длительного мира.

Разработанная Центральным Комитетом КПСС и Советским правительством программа полностью основывалась на ленинских принципах равноправия и суверенитета народов, последовательной и решительной борьбы против империалистической агрессии, на принципе мирного сосуществования государств с различным общественно-экономическим устройством.

Ленинской политикой равноправия всех рас и дружбы народов определяется подход Советского Союза и к германской проблеме. Советский Союз никогда не ставил своей целью истребить немецкий народ или уничтожить германское государство. Поставив себе целью разгромить гитлеровскую армию — это порождение агрессивного германского империализма, Советский Союз никогда не рассматривал население Германии как нечто сплошь реакционное, никогда не ставил знака равенства между ее империалистическими правителями и немецким народом, считал, что в Германии есть демократические элементы, которые не прекращали борьбы с немецким империализмом даже в тяжелых условиях фашистского господства.

Еще в ноябре 1942 г. Советский Союз провозгласил, что он не стремится уничтожить Германию. Определяя задачи миролюбивых народов в борьбе с фашистской Германией, Советский Союз указывал, что победа в войне предполагает ликвидацию гитлеровского государства, разгром фашистской армии и уничтожение ненавистного народам нацистского «нового порядка» в Европе. Решение этих задач отвечало не только интересам народов, воевавших против гитлеровской Германии, но и коренным национальным интересам самого немецкого народа.

Окончательное искоренение фашизма и милитаризма — а именно к этому сводилась программа, выдвинутая Советским Союзом, — всегда было важнейшей предпосылкой демократического возрождения германского народа и миролюбивого германского государства.

Главы правительств США и Англии, выдвинувшие план расчленения Германии, старались навязать его Советскому Союзу на Тегеранской конференции. Но эта попытка кончилась для западных держав неудачей.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 425.

В своих записях о заключительном заседании конференции Гарри Гопкинс, касаясь предложений Черчилля и Рузвельта по вопросу о Германии, свидетельствует, что советская делегация без особого энтузиазма отнеслась к обоим предложениям, которые исходили из плана расчленения Германии, обратив внимание на то, что должны быть устранены прусская военщина и нацистский аппарат, т. е. должна быть проведена демократизация Германии. Именно в силу такой позиции советской делегации в Тегеране, как пишет Гопкинс, «обсуждение этого вопроса закончилось безрезультатно. Было решено передать его на дальнейшее рассмотрение Европейской консультативной комиссии в Лондоне»¹. Западногерманский реакционный историк Борис Мейснер, известный своими антисоветскими взглядами, также вынужден признать, что делегацию СССР в Тегеране интересовало не расчленение Германии, а проблема устранения офицерского корпуса и генерального штаба².

И в Европейской консультативной комиссии (ЕКК) обсуждение этого вопроса в связи с явно отрицательным отношением Советского Союза к планам расчленения также не привело ни к каким конкретным решениям.

В результате переговоров и встреч, имевших место в течение последних военных лет и в первые месяцы после войны (на конференциях глав правительств трех держав в Ялте в феврале 1945 г. и в Потсдаме в июле — августе того же года), была окончательно сформулирована позитивная программа на послевоенное время.

Ялтинская встреча имела особое значение: она определила те принципы, на которых будет построен послевоенный мир и, в частности, послевоенная Германия. В Ялте приняты были также важные решения организационного характера, направленные на совместное управление Германией и на создание механизма мирного урегулирования. Главный принцип политики в отношении Германии был так сформулирован в ялтинских решениях: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира... В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций»³.

Этот основной принцип целиком и полностью соответствует установкам, которыми руководствовалась советская внешняя политика в германском вопросе. Вместе с тем указанное положение Ялтинской конференции весьма далеко от американских и английских первоначальных установок. Следовательно, в определении главной цели союзнической политики в Германии победила линия Советского Союза. Это имело огромное значение для дальнейшей разработки послевоенной программы союзников в отношении Германии.

¹ *Р. Шервуд*. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. II, стр. 493.

² *B. Meissner*. Russland, die Westmächte und Deutschland. Die sowjetische Deutschlandpolitik 1943—1953. Hamburg, 1954, S. 33.

³ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 102—103.

Ялтинская конференция наметила конкретные меры для достижения основной цели — ликвидации германского милитаризма и фашизма и переустройства Германии на демократических и миролюбивых началах. Как самый принцип, которым должны были руководствоваться союзные державы, так и конкретные меры практически перечеркивали американско-английскую программу в отношении Германии, согласованную всего лишь за несколько месяцев до Ялтинской конференции в Квебеке и известную под названием «план Morgентау». Они не имели ничего общего с курсом на превращение Германии в аграрную страну, что предполагалось «планом Morgентау», а, напротив, должны были способствовать расцвету германской экономики при условии перестройки ее на демократических и мирных началах.

На Ялтинской конференции было решено осуществить временную оккупацию Германии войсками союзных держав, причем каждой из четырех держав (США, Англии, Франции и СССР) отводилась особая оккупационная зона. Для управления Германией было предусмотрено создание Центральной Контрольной Комиссии с местом пребывания в Берлине: в ее задачи входило координировать мероприятия администрации отдельных зон и осуществлять контроль над всей Германией в целом.

Именно в Ялте было решено привлечь в состав Центральной Контрольной Комиссии также и Францию и пригласить ее, «если она этого пожелает», взять на себя зону оккупации. До Ялтинской конференции против приглашения Франции категорически возражали и Англия, и США. Однако на конференции США изменили свой взгляд. Повлияло укрепление позиций Франции, в частности, в связи с заключением франко-советского договора о союзе и взаимной помощи. Участие Франции в решении судеб Германии соответствовало установкам советской внешней политики, которая добивалась тесного сотрудничества всех великих держав, включая и Францию.

Большое принципиальное значение имела «Декларация об освобожденной Европе», принятая на Ялтинской конференции. В декларации говорилось: «Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия»¹. Ялтинские решения, таким образом, закрепили важнейший принцип международных отношений о невмешательстве великих держав во внутренние дела освобожденных государств при выборе народами этих государств общественно-экономического строя и формы правления после окончания войны. И в этом восторжествовали те принципы, за которые всегда боролся Советский Союз.

Наконец, Ялтинское совещание приняло важнейший принципиальный документ, озаглавленный «Единство в организации мира, как и в ведении войны». В нем подчеркивалась необходимость постоянного сотрудничества великих держав после войны. «Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир...»² — таков вывод конференции.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 105.

² Там же, стр. 109.

Иными словами, Ялтинская конференция исходила из необходимости и неизбежности мирного сосуществования социалистического Советского Союза и капиталистических стран в послевоенное время.

Основы мирного урегулирования дальневосточных проблем тоже были созданы на международных конференциях периода войны¹. Особое значение имела в этом смысле Ялтинская конференция, на которой была достигнута договоренность об участии Советского Союза в войне против Японии. «Руководители трех великих держав... — говорилось в этом документе, — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников»². В Крымском соглашении трех великих держав по вопросам Дальнего Востока, в частности, предусматривалось возвращение Советскому Союзу Курильских островов и Южного Сахалина.

Предстоящее вступление Советского Союза в войну с Японией существенно повлияло на ход Потсдамской конференции, обусловив готовность Англии и США, весьма заинтересованных в участии СССР в войне с Японией, к компромиссному решению острейших вопросов мирного урегулирования, обсуждавшихся в Потсдаме.

Решения Ялтинской конференции создали необходимую основу для демократического урегулирования международных проблем после окончания войны. Договоренность об этом урегулировании, воплощенная в соответствующих международно-правовых актах, была достигнута на Потсдамской конференции трех великих держав, происходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г.

Советское правительство выступило в Потсдаме поборником создания единой демократической и миролюбивой Германии. Потсдамское соглашение, прежде всего, закрепило принцип создания именно такой Германии. В решении указывается, что «союзыники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ. Союзыники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если собственные усилия германского народа будут беспрестанно направлены к достижению этой цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира»³.

В разделе, определявшем экономические принципы союзных держав, указывается, что «в период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое»⁴.

Тесно связан с проблемой обеспечения экономического и политического единства Германии вопрос о четырехстороннем контроле над ней. Потсдамская конференция уделила большое внимание разработке системы совместного управления Германией четырьмя оккупирующими державами. В ст. I «Соглашения о политических и экономических принципах, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период», подписанного в Потсдаме, было предусмотрено, что «верховная

¹ См. гл. XIX.

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 111.

³ Там же, стр. 339—340.

⁴ Там же, стр. 344.

власть в Германии будет осуществляться Главнокомандующими вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Французской Республики, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих Правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующими в качестве членов Контрольного Совета»¹.

В соглашении были четко определены цели оккупации, которыми должен был руководствоваться Контрольный Совет: во-первых, обеспечить полное разоружение и демилитаризацию Германии и ликвидацию всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней; во-вторых, убедить немецкий народ, что ему нанесено тотальное военное поражение и что он не может избежать ответственности за преступления своих правителей; в-третьих, уничтожить национал-социалистскую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность и пропаганду; в-четвертых, подготовиться к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни.

В ст. 15 Потсдамского соглашения указывалось, что «должен быть установлен союзный контроль над германской экономикой» как для «выполнения программы индустриального разоружения и демилитаризации, репараций и разрешенного экспорта и импорта», так и «для контроля над германской промышленностью и всеми экономическими и финансовыми международными сделками»².

Важное значение имело также решение Потсдамской конференции учредить Совет министров иностранных дел (в составе министров иностранных дел Великобритании, СССР, Китая, Франции и США), который «будет использоваться для подготовки мирного урегулирования для Германии с тем, чтобы соответствующий документ был принят пригодным для этой цели правительством Германии, когда такое правительство будет образовано»³.

На Потсдамской конференции была выработана развернутая программа демилитаризации и демократизации Германии. Потсдамским соглашением предусматривалось полное разоружение Германии, упразднение всех ее вооруженных сил и военизированных организаций, генерального штаба, всех ассоциаций, служивших поддержанию военных традиций Германии. Были также намечены конкретные меры по уничтожению военных заводов, предупреждению производства всех видов вооружения, по ликвидации милитаристской и нацистской деятельности в Германии. Были предусмотрены и специальные меры против немецких монополистических объединений — этих подлинных организаторов и вдохновителей немецкой агрессии. Согласно ст. 12 (раздел «Экономические принципы»), «германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических объединений»⁴.

Принятые в Потсдаме решения о репарациях имели в виду частичное возмещение причиненного гитлеровскими оккупантами ущерба. Репарации должны были изыматься каждой оккупирующей державой в своей зоне оккупации. Общая сумма репараций была установлена в 20 млрд. долл. Кроме того, было предусмотрено, что Советский Союз должен получить 25% того излишка оборудования, которое подлежало уничтожению или изъятию в западных зонах оккупации (из них 10% — безвозмездно).

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 340.

² Там же, стр. 344.

³ Там же, стр. 337—338.

⁴ Там же, стр. 343.

Потсдамская конференция определила восточные границы Германии. В соответствии с решениями Крымской конференции польские территории на востоке Германии были воссоединены с Польшей. Граница Германии была установлена по рекам Одер и Западная Нейссе. Кроме того, город Кенигсберг (ныне Калининград) с прилегающим районом был передан Советскому Союзу.

Разумеется, не все решения Потсдамской конференции были одинаково существенны для послевоенного устройства мира. Многие из них носили переходный характер и были рассчитаны лишь на первое время по окончании войны. Это, например, целиком и полностью относится к разделу, определяющему полномочия оккупационных властей.

Демократический, направленный на обеспечение международной безопасности характер потсдамских постановлений отражен в следующих основных положениях, сохранивших свое значение и поныне:

1. Вся политическая жизнь Германии должна быть перестроена на демократический лад, причем германскому народу должны быть предоставлены все возможности самому осуществить реконструкцию своей жизни на антифашистской, мирной основе.

2. Германский милитаризм и фашизм должны быть навсегда уничтожены, с тем чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире.

3. Должны быть уничтожены немецкие монополистические объединения, поскольку именно они являлись стовальным хребтом германского милитаризма и несут прямую ответственность за развязывание двух мировых войн.

4. Незамедлительно должна быть начата подготовка к разработке мирного договора, а впоследствии заключен мирный договор с Германией, отвечающий принципам Потсдамского соглашения.

Вместе с тем на Потсдамском соглашении отрицательно сказалось давление империалистических держав, которые добивались своих корыстных целей в решении германского вопроса. Несомненным недостатком соглашения является отсутствие ясного указания, что центральное правительство в Германии должно быть создано незамедлительно. Советская делегация неоднократно поднимала этот вопрос еще до Потсдама и вновь поставила его на самой конференции, однако не смогла добиться окончательного решения: по предложению американской делегации рассмотрение вопроса было отложено. Конференция лишь постановила создать «некоторые существенно важные центральные германские административные департаменты», в частности в области финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности.

Отсутствие центрального правительства облегчило империалистическим державам раскол Германии после войны и способствовало саботажу решений Потсдамской конференции о сов-

местном управлении Германией. Это привело к тяжелым последствиям для развития Германии. Вина за это целиком и полностью падает на США и Англию, которые воспротивились принятию соответствующего решения о создании центрального правительства.

Следует также отметить, что в Потсдамском соглашении отразились некоторые установки западных держав на «деиндустриализацию» Германии. Хотя, как уже отмечалось выше, попытки превратить Германию в аграрную страну согласно «плану Моргантау» были решительно отвергнуты, в соглашение все же включены (по настоянию делегации США) некоторые статьи, ограничивавшие индустриальное развитие Германии. Советский Союз считал такие меры, как, например, ограничение уровня промышленного производства в Германии, сугубо временными. Однако в известной степени указанные пункты Потсдамского соглашения были в последующем использованы администрацией западных зон для того, чтобы тормозить восстановительный процесс, что затянуло состояние экономической разрухи в западных зонах.

После окончания войны встал вопрос о практическом преворении в жизнь программы, принятой в Потсдаме. С тотальным разгромом гитлеровской Германии в войне 1939—1945 гг. создалось положение, не имевшее аналогий в истории. Фашистская империя распалась и прекратила свое существование. Ее правители, за исключением Гитлера и нескольких его приближенных, покончивших жизнь самоубийством, были арестованы союзными властями и ждали суда народов.

В 1945 г. начался судебный процесс над главными военными преступниками, происходивший в Нюрнберге. Выполняя волю народов, Международный Военный трибунал приговорил большинство гитлеровских главарей к смертной казни. Разоблачение на процессе чудовищных преступлений фашизма еще раз подчеркнуло актуальность и неотложность осуществления Потсдамских соглашений.

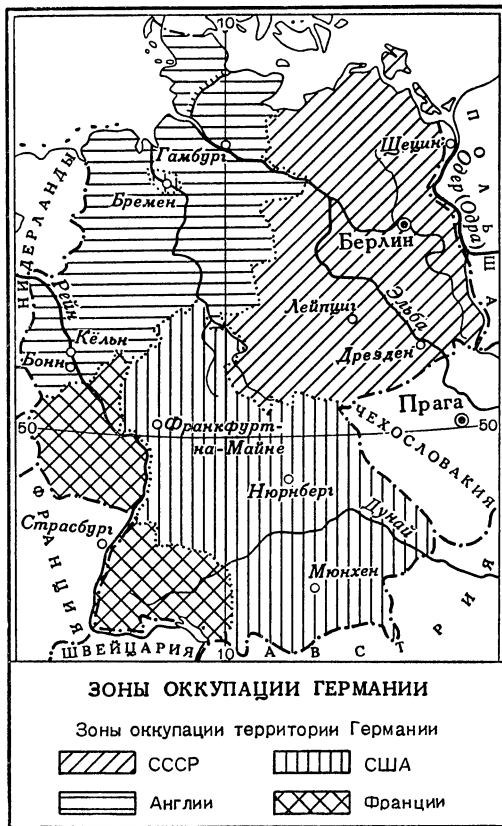
В целях демилитаризации, денацификации и демократизации Германии союзническими решениями была предусмотрена временная оккупация соответствующих зон войсками четырех держав; Берлин, расположенный в советской зоне, стал резиденцией Контрольного Совета, и в его западную часть были допущены войска США, Великобритании и Франции.

Отныне по территории Германии проходила разграничительная линия не просто между войсками основных стран, участвовавших в войне с фашизмом, а между вооруженными силами государств, принадлежащих к разным социально-экономическим системам — социалистической и капиталистической. Это поставило союзные страны перед такими проблемами, которых до тех пор еще не приходилось решать ни одной коалиции держав.

С окончанием войны создалась новая ситуация во всей сфере международных отношений. От общности военных интересов, объединявшей страны антигитлеровской коалиции и составлявшей империалистические державы считаться с Советским Союзом, как с основной силой в борьбе против фашистской Германии, осталось мало следов. Американский империализм превращался в доминирующую силу в капиталистическом мире, он

стремился присвоить плоды победы над фашистской Германией, установить безраздельное господство не только над капиталистическими странами, но и над всем миром¹.

Ведущие государственные деятели США и Англии после войны полагали, что прошло время, когда приходилось считаться с интересами и точкой зрения Советского Союза и что отныне следует диктовать ему свою волю. Американское правительство фактически взяло курс не только на ликвидацию сотрудничества военных лет, но и на развязывание «холодной войны» против СССР, на сколачивание военно-политических блоков основных империалистических держав в целях борьбы против мирового социализма, национально-освободительного и демокра-

тического движения. Правительство США упорно стремилось ликвидировать то, что можно было бы назвать политическим наследием антифашистской коалиции, — соглашения о послевоенном устройстве мира и в первую очередь о принципах обращения с Германией после войны. Новый внешнеполитический курс империалистических государств был направлен не только против СССР, но и против всех прогрессивных сил мира, боровшихся за демократический характер послевоенного устройства.

¹ См. гл. XIV.

2. Антипотсдамский курс западных держав после окончания войны

Правительства всех трех западных держав — США, Англии и Франции были едины в своем стремлении не допустить глубоких демократических преобразований в Германии, сохранить старую экономическую систему, взрастившую фашизм. Общей платформой для них был антипотсдамский курс. Однако правящие круги каждой из этих держав пытались после войны добиться также своих специфических целей в отношении Германии. Отсюда возникали определенные столкновения между США, Англией и Францией в проведении конкретной линии внешней политики в отношении послевоенной Германии. Но поскольку после войны полностью определился явный перевес США над всеми другими капиталистическими державами, американская политика в конечном счете определила линию западных держав в Германии.

Первоначально политика американских оккупационных властей в Германии определялась директивой IGS/1067, подписанной Трумэном еще 10 мая 1945 г. Директива основывалась на «плане Моргентау», одобренном Рузвельтом и Черчиллем на второй Квебекской конференции. В директиве указывалось: «Германия оккупируется не в целях ее освобождения, а как побежденная вражеская страна. Германские вопросы должны решаться так, чтобы это содействовало децентрализации политической и административной структуры страны и развитию местных самоуправлений. С этой целью следует поддерживать все устремления к автономии среди провинциальных, местных и городских администраций»¹. Генерал Клей подтвердил, что до 15 июля 1947 г., когда эта директива была заменена новой, т. е. в течение более чем двух лет, действия американской администрации «определялись инструкцией IGS/1067, которая была направлена на установление мира карфагенского образца»² (т. е. на уничтожение Германии).

Разумеется, эта политика не имела ничего общего с выполнением Потсдамских решений. Американским монополиям нужно было лишь уничтожить способность Германии стать в будущем конкурентом США на мировых рынках. Что касается Потсдамского соглашения, то оккупационные власти США срывали выполнение важнейших его положений о демилитаризации, разукрупнении монополий и т. п. Активно помогая возрождению монополий Рура, американские власти ничего не делали для восстановления мирных отраслей промышленности и сельского хозяйства. В экономике Западной Германии воцарился хаос, который США не замедлили использовать затем в своей

¹ «The Department of State Bulletin», October 21, 1945, p. 596.

² L. Clay. Decision in Germany, p. 19.

политике. В развернутом виде эта политика была открыто сформулирована в выступлении государственного секретаря Бирнса 6 сентября 1946 г. в Штутгарте. Бирнс повел атаку прежде всего на Потсдамские решения о восточных границах Германии и заявил, что хотя США «в принципе» и выступают в поддержку требований Польши о возвращении ее западных земель, принадлежавших раньше Германии, «но размер территории, которая должна отойти к Польше, будет определен лишь при окончательном урегулировании»¹. Таким образом, вопреки ясно сформулированным в Потсдаме решениям, что союзники полностью поддержат на мирной конференции территориальный статус, определенный в Потсдаме, в речи государственного секретаря США вопрос о восточных границах Германии был превращен в предмет для конфликтов между союзниками.

Под предлогом восстановления в Западной Германии «самообеспечивающейся экономики» Бирнс объявил в своей речи о намерении объединить западные зоны и построить управление ими на федералистской основе.

Выступление Бирнса было фактически открытым отказом от выполнения Потсдамского соглашения. Оно ознаменовало официальный разрыв США с союзническими соглашениями по германскому вопросу.

Смысл «нового курса» США был раскрыт в выступлении Джона Фостера Даллеса 17 января 1947 г. на заседании Национальной ассоциации издателей в Нью-Йорке. Это выступление вызвало широкие отклики и было воспринято как наиболее откровенное выражение подлинной позиции американского правительства на этом этапе. «Планируя будущее Германии, — заявил Даллес, — надо больше мыслить понятиями экономического единства Европы, чем понятиями потсдамского диктата, гласящего, что Германия должна быть единым экономическим целым»². Исходя из этих установок, Даллес сформулировал план создания «западного блока» из федерализованной и децентрализованной Германии, Франции, Бельгии и Голландии.

В основе этих выступлений лежит, по существу, установка на раскол Германии на две части — Восточную и Западную. Это была также попытка сочетать курс на расчленение Германии с политикой объединения западных зон под господством США и использования западногерманского экономического потенциала и людских резервов для осуществления антисоветских планов американского империализма.

Подготовка к обособлению западных зон стала осуществляться еще в начале 1946 г. Бывший американский верховный комиссар в Германии Люшьес Клей признал, что вопрос о слиянии американской и английской зон

¹ «A Decade of American Foreign Policy». Basic Documents 1941—1949, p. 527.

² J. F. Dulles. Alternatives for Germany. New York, 1947, p. 3.

оккупации он впервые обсуждал с государственным секретарем весной 1946 г. В мае того же года Клей по просьбе Бирнса составил меморандум, в котором говорилось: «Объединенные английская и американская зоны могут в течение немногих лет достигнуть самообеспеченности... Осознавая полностью политические последствия такого слияния, мы считаем все же, что они не столь опасны, как сохранение ныне существующих герметически отгороженных друг от друга зон»¹.

Предложение получило полную поддержку Бирнса, который пишет в своих воспоминаниях: «Так был сделан первый шаг. В Париже я объявил 11 июня 1946 года об этом мероприятии — слиянии оккупационных зон с участием или без участия Советского Союза»². Уже на следующий день английский министр иностранных дел Бевин выразил свое согласие с американским предложением, а 20 июля американский военный губернатор в Германии Макнерни официально внес предложение США в Контрольный совет для Германии. Через 10 дней, 30 июля, было получено официальное согласие британского представителя в Контрольном совете и в конце года, 2 декабря, подписано соглашение между Англией и США о слиянии оккупационных зон двух стран.

Американская оккупационная политика была в июле 1947 г. сформулирована в директиве IGS/1779, соответствовавшей новым установкам, выдвинутым Бирнсом в Штутгарте. Основной смысл директивы состоял в том, чтобы открыть дорогу к превращению Западной Германии в надежный оплот политики США и плацдарм осуществления их экономических планов в Европе. Никаких упоминаний о децентрализации экономики, а тем более о мерах против монополий в новой директиве не содержалось. В пункте 19 говорилось о реконструкции финансов «на здоровой основе», а в других пунктах предусматривались меры по экономическому укреплению западногерманских монополий. Директива предоставила широкие права Клею. «Ваши полномочия как военного губернатора, — говорилось в директиве, — оставляют Вам широкое поле для самостоятельных действий»³.

Политика США в германском вопросе, естественно, подчинялась общим установкам американского империализма, приобретавшим все более открыто агрессивный и антисоветский характер.

12 марта 1947 г. была провозглашена «доктрина Трумэна», а 5 июня 1947 г. Маршалл объявил о плане оказания американской «помощи» западноевропейским государствам. Вскоре началось практическое осуществление «плана Маршалла». Одной из центральных задач плана было восстановление Западной Германии как потенциального участника антисоветской коалиции. Американский банкир Джеймс Уорберг в предисловии к немецкому изданию своей книги «Германия — мост или поле боя?» замечает: «С этого момента Германия превратилась в одно из многих полей сражения, на которых разыгрывается «холодная война» между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. Результатом явились раскол Европы и раскол Германии»⁴.

¹ L. Clay. Decision in Germany, p. 78.

² J. Byrnes. Speaking Frankly, p. 195.

³ «A Decade of American Foreign Policy». Basic Documents 1941—1949, p. 552.

⁴ J. P. Warburg. Deutschland-Brücke oder Schlachtfeld. Stuttgart, 1949, S. XI.

Английская политика в германском вопросе определялась стремлением поставить под свой контроль промышленный комплекс Рура и установками на создание различного рода европейских федераций и конфедераций, которые отстаивал Черчилль в годы войны¹.

В известной фултонской речи Черчилля открыто выражалась мысль о том, что важнейшей опорой американско-английского «союза» в Европе должна стать «восстановленная Германия», точнее говоря, ремилитаризованная Западная Германия. Черчилль предложил восстановить промышленную мощь германских монополий, прекратить денацификацию Германии, отменить Потсдамские решения о восточных границах Германии².

В речи в Цюрихе 19 сентября 1946 г. Черчилль предложил образовать западноевропейский военный блок под американским и английским господством. В качестве предпосылки создания такого блока Черчилль выдвинул идею «франко-германского примирения». Конкретно говоря, он добивался союза между Западной Германией и Францией на основе включения обеих стран в антисоветский западноевропейский блок. «...Прежде всего, — заявил он, — нам следует восстановить европейскую семью в рамках региональной системы — Соединенных Штатов Европы... В этом столь неотложном деле должны взять на себя руководство совместно Франция и Германия... Великобритания, Британское содружество наций, могущественная Америка... должны поддержать эту новую Европу как добрые друзья и помочь ей завоевать право на жизнь»³. Относительно целей такого союза Черчилль не оставил никаких сомнений, начав свою речь яростными нападка на Советский Союз и призывами к борьбе против коммунизма.

Английские дипломаты отводили Западной Германии важное место в Западном союзе. Еще в годы войны они добивались включения отдельных частей Германии в различные европейские федерации. После войны эти старые планы были перекроены в соответствии с проектом создания Атлантического союза.

Французская политика в германском вопросе также носила открыто антипотсдамский характер. Более того, французская дипломатия значительно откровеннее и раньше, чем дипломатия Англии и США, формулировала свои антипотсдамские установки, особенно в вопросе об экономическом единстве Германии, образовании центральных административных органов и т. д.⁴

Такая позиция Франции была использована американскими и английскими политическими деятелями для того, чтобы прикрыть собственные раскольнические действия ссылками на «неуступчивость» французов.

Ссылки на «вину» французов в данном случае преследуют лишь одну цель — обелить политику США и Англии. Это, разумеется, не значит, что не существовало разногласий между США и Англией, с одной стороны, и Францией — с другой. Главным образом эти противоречия касались судьбы Рейнской и Рурской областей.

¹ См. гл. XV, XXV, XXVI.

² «Keesing's Contemporary Archives», 1946, p. 7770—7772.

³ Ibid., p. 8138.

⁴ См. гл. XVI.

Рурская область попала в английскую зону оккупации, и английский империализм, считая, что может установить свою единоличную власть над Руром, не был склонен удовлетворить претензии французских монополий на отделение Рура. Французские требования в отношении Рура были решительно отвергнуты Англией, причем в этом вопросе английскую дипломатию полностью поддержали американские представители. В дальнейшем правящие круги Англии вынуждены были все более уступать давлению другого, более сильного партнера — США, и английская власть над Руром постепенно заменялась фактической американской властью.

Но если французские требования в отношении Рура и Рейнской области были сразу же категорически отвергнуты США и Англией, то саарский вопрос был превращен ими в предмет беззастенчивого политического торга и средство нажима на Францию.

Анализ курса трех западных держав в германском вопросе в первые послевоенные годы показывает, что, хотя каждая из них преследовала свои особые империалистические интересы в Германии, они сошлись в главном — в политике раскола Германии и превращения западной ее части в милитаристский и антисоветский плацдарм. А отсюда сам собой напрашивается вывод о том, что после войны четко определились два противоположных курса в германском вопросе: миролюбивый демократический курс Советского Союза, милитаристский и реакционный курс трех западных держав — США, Англии и Франции.

3. Борьба Советского Союза за выполнение Потсдамских соглашений

В политике по германскому вопросу Советское правительство исходило из программы послевоенной реконструкции Германии, в основу которой были положены Потсдамские и Ялтинские решения.

Если во внутривнутриполитической области главным в программе Советского правительства было проведение демократизации страны, то ее внешнеполитическую основу составило требование о заключении мирного договора с Германией. Подписание мирного договора предотвратило бы раскол страны и не дало бы возможности использовать какую-либо часть Германии в качестве плацдарма для проведения агрессивной политики одних держав — участниц антигитлеровской коалиции против других держав. Иными словами, мирный договор исключал бы превращение Западной Германии в очаг агрессии империалистических государств Запада против Советского Союза и государств народной демократии, в центр подготовки новой войны.

Эти установки легли в основу всей деятельности советских оккупационных властей в Германии и советской дипломатии на международной арене.

Германский вопрос подробно обсуждался главными странами антигитлеровской коалиции на второй сессии Совета министров иностранных дел, вторая часть которой проходила с 15 июня по 12 июля 1946 г. в Париже¹.

Однако на данной сессии обсуждение германской проблемы носило лишь предварительный характер; было решено посвятить одну из последующих сессий специально рассмотрению германского вопроса.

Тем не менее Парижская сессия ярко выявила столкновение двух линий в германском вопросе — линии Советского Союза, с одной стороны, и западных держав — с другой, особенно по проблемам экономического и политического единства Германии и демилитаризации страны.

Советское правительство выдвинуло предложения, имевшие целью восстановление единства Германии на мирной и демократической основе. Оно резко осудило всякие федералистские планы, в основе которых лежали все те же установки на расчленение Германии. Советское правительство заявило, что выступает против любых попыток дезиндустриализации Германии, высказывается за развитие ее экономики на мирных и демократических началах.

Делегации западных стран категорически отвергли все советские предложения о мирном урегулировании. Они отклонили предложение образовать центральные немецкие департаменты, а затем и общегерманское правительство, выступили за отторжение от Германии Саара и за пересмотр решений Потсдамской конференции о возвращении Польше ее западных земель. Вне стен конференции, за спиной Советского Союза, западные державы предпринимали практические шаги, направленные не на мирное урегулирование, а на возрождение мощи агрессивного германского милитаризма на западе страны. Все это достаточно ясно показывало демагогический характер парижских разговоров Бирнса о мирном договоре с Германией.

Мирному урегулированию американская дипломатия противопоставила свой проект договора о демилитаризации Герма-

¹ Первая сессия СМВД (11 сентября — 2 октября 1945 г. в Лондоне) была посвящена в основном предварительным переговорам о заключении мирных договоров с бывшими союзниками Германии. 16—26 декабря 1945 г. в Москве проходило совещание министров иностранных дел трех держав, которое занималось вопросами о мирных договорах с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией и проблемами мирного урегулирования на Дальнем Востоке. Вторая сессия СМВД обсуждала в первой своей части в Париже (25 апреля — 15 мая 1946 г.) вопрос о демилитаризации Германии и французские претензии на Рурскую и Рейнскую области, но была прервана в связи с тем, что позиция западных держав с самого начала исключала возможность соглашения по обсуждавшимся вопросам.

нии, внесенный Бирнсом на рассмотрение министров иностранных дел еще на первой части второй сессии СМВД 29 апреля 1946 г.

Сама идея заключения четырьмя державами — США, Англией, Францией и СССР — договора о демилитаризации Германии не вызывала, разумеется, возражений со стороны Советского правительства. В дальнейшем Советский Союз сделал все, чтобы добиться заключения такого договора, который действительно соответствовал бы интересам мира в Европе.

Однако когда Бирнсом был внесен американский проект договора, то оказалось, что подлинной целью его была не демилитаризация Германии, а пересмотр некоторых основных положений Потсдамских соглашений, фактическая замена этих соглашений другим документом, в котором отсутствовали наиболее существенные их части. Хотя американские представители и уверяли, что их проект не предваряет мирного договора с Германией, самый текст проекта свидетельствовал, что они намерены создать такие основы мирного урегулирования, которые явно противоречили Потсдамским решениям о демилитаризации и демократизации Германии.

Наиболее существенным недостатком американского проекта был отрыв демилитаризации от демократизации страны. Вместе с тем известно, что в Потсдамских решениях эти две проблемы рассматриваются в тесной взаимосвязи, ибо ясно, что без демократизации общественной и политической жизни Германии невозможно было бы добиться подлинной ее демилитаризации, т. е. развития по мирному пути. В американском проекте договора совершенно отсутствовали обязательства, связанные с выполнением Потсдамских соглашений о демократизации Германии, в том числе такие, как ликвидация концентрации экономической мощи в германской промышленности, проведение аграрной реформы, искоренение остатков фашизма, гарантия свободного развития демократических партий и т. п.

Принятие этого проекта означало бы фактический отход от важнейших положений Потсдамских соглашений, создало бы совершенно неприемлемую для Советского Союза и демократических сил основу для будущего мирного урегулирования с Германией. Поэтому Советский Союз, одобрив самую идею заключения договора о демилитаризации Германии, представил подробные дополнения к американскому проекту, имевшие целью улучшить его и сделать приемлемым для всех сторон.

Джеймс Бирнс, а вслед за ним генерал Клей и другие американские и английские политические и государственные деятели, выпустившие свои мемуары после войны, пытаются представить дело так, будто Советский Союз отверг идею четырехстороннего договора о демилитаризации Германии. Это не соответствует действительности. Если подписание такого договора не состоялось, то в этом повинны прежде всего западные державы: они отказались рассмотреть советские предложения по этому вопросу и пытались навязать американский проект, настаивая на принятии его без всяких исправлений.

Таким образом, уже первые послевоенные годы показали, что западные державы пренебрегли установленными в Ялте и Потсдаме принципами сотрудничества и совместного решения послевоенных проблем. Эти державы стали форсировать развязывание «холодной войны» против Советского Союза.

Четвертая сессия Совета министров иностранных дел в Москве (10 марта — 24 апреля 1947 г.) наглядно показала, как резко разошлись по всем основным вопросам, касающимся Германии, точки зрения западных держав и Советского Союза. На этой сессии СМВД речь шла прежде всего о решении таких важных политических проблем, как демилитаризация, денацификация и демократизация Германии, определение формы и объема временной политической организации и государственного устройства Германии, выработка основных директив по подготовке германского мирного договора, обсуждение договора о демилитаризации и предотвращении германской агрессии и др. Сессия обсуждала также важнейшие экономические проблемы Германии — о репарациях, экономическом единстве Германии, о разоружении и определении уровня германской экономики, декартелизации и аграрной реформе и т. д.¹

Предложения, внесенные советской делегацией, исходили из Потсдамских решений. Придавая на этом этапе особое значение демократизации Германии, Советский Союз представил Совету министров иностранных дел подробный план решения этой задачи. Этот план предусматривал, в частности, безотлагательное отстранение от общественных постов бывших активных фашистов, предоставление германским демократическим партиям и свободным профсоюзам права объединяться в общегерманском масштабе, введение в действие на всей территории Германии единых принципов законодательства о выборах, земельную реформу в западных зонах оккупации в 1947 г. Однако эти предложения шли вразрез с антипотсдамской политикой западных держав в германском вопросе. Делегации западных стран сорвали принятие большинства из предложенных Советским Союзом мер.

Советский Союз выступил на Московской сессии также с конкретной программой восстановления Германии как демократической республики с общегерманским парламентом из двух палат и общегерманским правительством, с общегерманской конституцией и конституциями земель, обеспечивающими свободное образование и деятельность всех демократических партий и общественных организаций, а также демократические свободы и гражданские права для всех, независимо от расы, пола и религии.

Делегации США, Англии и Франции выдвинули ряд предложений, рассчитанных на то, чтобы сорвать соглашение с Советским Союзом по главным, коренным вопросам порядка дня. Они вновь подняли вопрос о восточных границах Германии, причем американский государственный секретарь Маршалл заявил, что США выступают за пересмотр границ, установленных Потсдамским соглашением. Он предложил даже создать комиссию по

¹ См. «Правда», 29 апреля 1947 г.

определению границ, которая должна была заняться ревизией Потсдамских соглашений¹. Маршалл поддержал Бевин, предложив присоединить к Германии большую часть территорий, возвращенных Польше по решению, принятому в Потсдаме (например, территорию северо-восточнее Щецина и между двумя ответвлениями реки Нейссе на юге). Вместе с тем Маршалл и Бевин настаивали на присоединении Саара к Франции и на фактическом установлении американского и английского господства над Руром. Делегации западных стран вовсе не хотели добиться согласованных решений, хотя такая возможность была, как показало обсуждение вопросов, стоявших в порядке дня Московской сессии.

Все же по ряду важных вопросов удалось согласовать точки зрения всех участников сессии. При наличии доброй воли у западных партнеров Советского Союза эти решения Московской сессии могли бы послужить базой для более фундаментальных соглашений между США, Англией, Францией и Советским Союзом по германскому вопросу.

Участники Московской сессии согласились с тем, чтобы Контрольный совет закончил 1 июля 1947 г. составление планов ликвидации заводов и фабрик, построенных специально для производства военных материалов. Советская, американская и французская делегации согласились закончить к 31 декабря 1947 г. ликвидацию военных заводов первой категории (за небольшими исключениями). Английский представитель указал, что готов принять в качестве срока для ликвидации военных заводов первой категории 30 июня 1948 г.

Сессия обязала также Контрольный совет ускорить денацификацию и обеспечить в течение 1947 г. проведение и завершение земельной реформы во всех зонах оккупации Германии. Относительно формы и объема временной политической организации Германии участники сессии договорились, что Контрольный совет будет направлять германский Консультативный совет по общим аспектам работы центральных административных департаментов и что последний вырабатывает в рамках общих принципов, изложенных Контрольным советом, детали временной конституции Германии. Было достигнуто соглашение по отдельным пунктам, касающимся распределения полномочий между временным центральным правительством и правительствами земель. Наконец, Совет министров иностранных дел утвердил закон о ликвидации прусского государства, принятый Контрольным советом 25 февраля 1947 г.

Но поскольку западные державы, как уже говорилось выше, взяли курс на срыв согласованных решений и на создание обособленного от остальной Германии западногерманского

¹ «Documents on American Foreign Relations», vol. IX (January 1 — December 31, 1947), p. 46.

государства, даже одобренные Московской сессией решения повисли в воздухе.

Подлинные цели политики США выдал реакционный американский журнал «Ньюсуик», который писал уже вскоре после окончания Московской сессии: «Официальные деятели в Вашингтоне считают, что продолжение ныне существующего режима четырех держав приведет к победе коммунизма во всей Германии. Следует стремиться к тому, чтобы спасти хотя бы часть Германии для западных стран. Поэтому ныне изучают возможность создания сепаратного правительства для Западной Германии»¹.

Несколько позже Гарриман (уполномоченный Трумэна), которому было поручено составить меморандум о положении в Германии, сообщил президенту США: «Нам необходимо на Западе начать с того, что имеется ныне там в нашем распоряжении»².

В такой обстановке состоялась пятая сессия Совета министров иностранных дел в Лондоне (25 ноября — 15 декабря 1947 г.). Она полностью подтвердила сепаратный курс западных держав в германском вопросе.

На повестке дня Лондонской сессии стояли следующие вопросы: подготовка германского мирного договора, экономические принципы обращения с Германией, форма и объем временной политической организации Германии, выполнение решений Московской сессии СМВД по вопросам демилитаризации, проект договора о демилитаризации Германии.

Основным пунктом разногласий между Советским Союзом и западными державами оказался вопрос о единстве Германии и о заключении с ней мирного договора. Здесь и обнаружились наиболее острые противоречия между линией Советского Союза, с одной стороны, и линией США, Англии и Франции — с другой.

Уже в первые дни советская делегация внесла принципиальное предложение — осудить планы образования сепаратных правительств в Германии, заявить от имени Совета министров иностранных дел, что он «считает неправильным предложение о создании правительств тех или иных зон Германии, так как это противоречит взглядам правительств Великобритании, Соединенных Штатов, Советского Союза и Франции о необходимости создания общегерманского правительства, которое должно представлять Германию как единое демократическое государство»³.

Представители западных держав отклонили это предложение, показав тем самым, что раскол Германии стал практической задачей для правительств США, Англии и Франции.

Их делегаты прибыли на сессию, имея в кармане готовые планы раздела Германии и создания сепаратного правительства в Западной Германии. Представитель двухзональной контрольной комиссии еще 27 ноября сообщил представителям печати, что генерал Клей разработал план создания «независи-

¹ «Newsweek», July 14, 1947.

² «Allierter Kontrollrat und Aussenministerkonferenzen», S. 35.

³ «Советский Союз и вопрос о единстве Германии и мирном договоре с Германией». М., 1952, стр. 40.

мого западногерманского правительства». Он заявил, что хозяйственные органы объединенной зоны легко могут быть превращены в министерства будущего западногерманского правительства¹. Эти планы и определили линию поведения западных держав на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел.

Советский Союз считал главной задачей четырех держав подготовку к заключению мирного договора с Германией. Предложения о заключении мирного договора и созыве мирной конференции по германскому вопросу занимали центральное место в разработанных Советским правительством директивах для делегации СССР. Во внесенном ею 27 ноября проекте решения предлагалось:

«1. Признать безотлагательным образование общегерманского демократического правительства в соответствии с решениями Потсдамской конференции.

2. Установить, что на мирной конференции правительству Германии будет предоставлена возможность изложить свое мнение в отношении мирного договора.

3. Мирный договор должен быть подписан общегерманским правительством и представлен им на ратификацию германского парламента.

4. Мирная конференция будет состоять из представителей Великобритании, Советского Союза, США, Франции, Китая и союзных соседних с Германией государств, а также союзных государств, которые участвовали своими вооруженными силами в общей борьбе против Германии...

5. В основу мирного договора с Германией положить решения Ялтинской и Потсдамской конференций»².

3 декабря советская делегация предложила постановить, чтобы правительства США, Англии, Франции и СССР представили в двухмесячный срок Совету министров иностранных дел свои проекты основ мирного договора с Германией.

Представители западных держав стремились либо полностью снять с повестки дня проблему мирного урегулирования для Германии, либо отнести ее к второстепенным делам. Из всей этой проблемы ими вновь был выделен вопрос о границах Германии, причем, как и раньше, лишь для того, чтобы завести переговоры в тупик и в конечном счете сорвать их. Маршалл требовал изъять из-под польской юрисдикции Силезскую область и подчинить ее международному контролю. Совместно с Бевином он повторил свое предложение образовать комиссию по вопросам границ, которая должна была бы заняться ревизией Потсдамских соглашений³.

Такую же линию на срыв работы сессии повели делегации США, Англии и Франции и при обсуждении вопроса о единстве Германии. Советская делегация выдвинула, как уже было указано выше, предложение приступить к организации общегерманского правительства. Однако представители западных

¹ «Die Neue Zeitung», 28. XI. 1947.

² «Советский Союз и вопрос о единстве Германии и мирном договоре с Германией», стр. 39.

³ «A Decade of American Foreign Policy». Basic Documents 1941—1949, p. 568—569.

держав отклонили его. Тогда делегация СССР предложила выполнить по крайней мере решение Потсдамской конференции о создании ряда центральных германских департаментов. Наконец, советская делегация указала на необходимость создать в Берлине германский Консультативный совет из представителей земель и демократических партий всей Германии, а также представителей свободных профсоюзов и других крупных антинацистских организаций. И эти предложения были отклонены западными державами.

Советский Союз считал, что при обсуждении вопроса о единстве Германии и мирном договоре необходимо считаться с мнением самих немцев. Он поэтому поддержал инициативу Немецкого народного конгресса, образованного в начале декабря 1947 г., и предложил принять делегацию Народного конгресса, с тем чтобы выслушать мнение демократических представителей германского народа. Но западные державы отвергли это предложение и воспользовались им как поводом для срыва сессии.

Государственный секретарь США Маршалл заявил 15 декабря, что не считает возможным продолжать работу, и, таким образом, сессия была сорвана. Как указывает западногерманский историк Корнидес, «конференция была прервана по предложению Маршалла настолько неожиданно, что Бевин даже не успел произнести подготовленную им речь»¹. Такая спешка объяснялась тем, что западные державы заранее приступили к практическому осуществлению своих планов раскола Германии и боялись принятия каких-либо согласованных решений. Лондонская сессия полностью подтвердила этот раскольнический курс западных держав в германском вопросе.

Борьба Советского Союза на протяжении 1945—1947 гг. за демократическое разрешение германского вопроса имела исключительно важное значение для судеб мира. Советский Союз доказал на деле, что он решительно выступает против попытки западных стран навязать народам Европы империалистический мир, превратить германский народ и население других европейских государств в послушных исполнителей антисоветских, агрессивных планов империализма. Борьба Советского Союза мобилизовала народы всех стран на защиту своих интересов и показала им путь установления справедливого демократического мира. Противдействие Советского Союза опрокидывало расчеты империалистов распространить свою власть на всю германскую территорию, восстановить во всей Германии господство монополистического капитала и юнкерства, т. е. тех самых агрессивных сил, которые дважды ввергли мир в кровопролитных войны. Демократическая политика Советского Союза способствовала созданию прочного фундамента мира и демократии в Германии.

4. От образования Бизонии к проведению сепаратной денежной реформы в Западной Германии

Меры, принятые правительствами США, Англии и Франции в западных зонах Германии после Лондонской сессии СМДГ, имели целью завершить форсированными темпами раскол Гер-

¹ W. Cornides. Die Weltmächte und Deutschland. Geschichte der jüngsten Vergangenheit. 1945—1955. Tübingen, 1957, S. 184.

мании и создать милитаристское сепаратное государство на западе страны.

Политика западных держав отклонялась все дальше и дальше от согласованных ранее решений великих держав по германскому вопросу. Н. С. Хрущев говорил: «Как в Ялтинской декларации, так и в Потсдамском соглашении было ясно установлено, что оккупация Германии должна помогать немецкому народу ликвидировать милитаризм и нацизм. Западные державы нарушили все принципы, согласованные в Ялте и Потсдаме для оккупации Германии. Сговор западных держав в конце 1946 года о слиянии двух оккупационных зон был началом раскола Германии и реставрации власти милитаристов и реваншистов в Западной Германии»¹.

1 января 1947 г. вступило в действие соглашение о слиянии американской и английской зон оккупации, подписанное 2 декабря 1946 г. (дополненное в дальнейшем 17 декабря 1947 г.).

В соглашении указывалось, что «обе зоны следует рассматривать как единую территорию для всех экономических целей» и что «целью двух правительств является создание к концу 1949 года самообеспечивающейся экономики для этой территории»². Соглашение предусматривало организацию англо-американского импортно-экспортного агентства и объединенного англо-американского комитета в Вашингтоне. В соответствии с соглашением были образованы немецкие бizonальные административные управления: по промышленности (в Миндене), по сельскому хозяйству и продовольствию (в Штутгарте), по путям сообщения (в Билефельде), финансам (в Бад-Гомбурге), почте и телеграфу (во Франкфурте-на-Майне)³.

Создание Бизонии означало не только крупный шаг на пути к полному расколу Германии, но и знаменовало собой подчинение английского курса в Германии американскому. При сложившемся соотношении сил между США и Англией господствующую роль в Бизонии должны были играть США.

Дальнейшим этапом на пути оформления западногерманского сепаратного государства явилось совещание в Лондоне трех держав — США, Англии и Франции с участием стран Бенилюкса (Бельгия, Голландия, Люксембург) по германскому вопросу. Совещание происходило с 23 февраля по 6 марта и с 20 апреля по 1 июня 1948 г. Три державы договорились на этот раз о ряде новых сепаратных мероприятий (денежная реформа, созыв Учредительного собрания для выработки конституции будущего западногерманского государства и т. д.). В коммюнике, опубликованном 7 июня 1948 г., указывалось, что будущее государство должно быть основано на «федеральной форме правления»⁴. Было принято специальное решение о роли германской экономики в экономике Европы и контроле над Руром.

¹ «Известия», 8 августа 1961 г.

² «A Decade of American Foreign Policy». Basic Documents 1941—1949, p. 528—531.

³ W. Cornides. Die Weltmächte und Deutschland, S. 136—137.

⁴ «A Decade of American Foreign Policy». Basic Documents 1941—1949, p. 577.

Это решение означало подготовку к включению Западной Германии в «план Маршалла» и установлению американского контроля над Руром. Был образован так называемый «международный контрольный орган» по Руру. Господствующее место в этом органе было обеспечено Соединенным Штатам Америки.

На Лондонском совещании западные державы решили окончательно расколоть Германию как в экономическом, так и в политическом отношении. После этого совещания они разрушили контрольный механизм, созданный Потсдамской конференцией. Когда советский представитель потребовал, чтобы западные державы информировали Контрольный совет о решениях Лондонского совещания, командующие оккупационными силами США, Англии и Франции отказались предоставить эту информацию. Они отказались также дать заверение в том, что сепаратные постановления, принятые Лондонским совещанием, не противоречат Потсдамским решениям и принципам четырехстороннего управления Германией. Создалось явно ненормальное положение: советский представитель регулярно оповещал о своих действиях представителей западных держав, тогда как последние отказывались предоставить аналогичную информацию представителю СССР, окончательно став на путь сепаратных решений. Это привело к взрыву четырехстороннего механизма управления Германией. На заседании Контрольного совета 20 марта маршал Соколовский заявил: «Своими действиями эти три делегации лишней раз подтверждают, что Контрольного совета фактически уже не существует как органа верховной власти Германии, осуществляющего четырехстороннее управление этой страной»¹.

Советское правительство делало все для того, чтобы предотвратить раскол Германии. Информация, появившаяся в связи с работой Лондонского совещания, не оставляла никаких сомнений в том, что западные державы намереваются начать проведение конкретных мер по отделению Западной Германии от Восточной с введения в западных зонах особой валюты. Поэтому Советское правительство вело последовательную борьбу за общегерманскую финансовую реформу, против подготовки западными державами сепаратной реформы.

Закон о денежной реформе, изданный 18 июня 1948 г. на основании решений сепаратного Лондонского совещания, ввел новую валюту — «западную марку». Вместо единой валюты в Германии появились две различные валюты. Таким образом, межзональные границы, отделявшие советскую зону от западных зон оккупации, превратились, по существу, в государственные границы. Тем самым была создана решающая предпосылка превращения западных зон в особое, западногерманское госу-

¹ «Советский Союз и Берлинский вопрос» (Документы), вып. I, М., 1948, стр. 24.

дарство. Денежная реформа значительно укрепила позиции немецких промышленных монополий.

Западная пресса пыталась объяснить такую денежную реформу стремлением «спасти западногерманскую экономику». Осуществление этой реформы должно было привести якобы к созданию «самообеспечивающейся» экономики в Западной Германии. В действительности реформа была задумана и проведена для того, чтобы завершить экономический раскол Германии и создать в Западной Германии предпосылки для восстановления немецкого империализма.

5. Варшавское совещание и новые предложения стран социалистического лагеря

Лондонское совещание шести западных государств и последовавшие за ним сепаратные меры в отношении Германии были выражением полного и окончательного отказа западных держав от всяких согласованных с Советским Союзом мероприятий по германскому вопросу. Это была общая политика империалистического блока во главе с Соединенными Штатами Америки, который к тому времени сформировался в основных чертах. В противовес ему складывался лагерь социалистических стран в составе Советского Союза и государств народной демократии. Первым их совместным внешнеполитическим выступлением было Варшавское заявление от 24 июня 1948 г., касавшееся в основном германского вопроса.

Участники Варшавского совещания резко осудили решение Лондонского совещания шести держав о завершении раскола Германии. «Лондонские решения, — говорилось в Варшавском заявлении восьми министров иностранных дел по поводу решений Лондонского совещания о Германии, — направлены не на то, чтобы предупредить возможность новой германской агрессии, а на то, чтобы превратить западную часть Германии и прежде всего рурскую тяжелую промышленность в орудие восстановления военного потенциала Германии, дабы использовать его для военно-стратегических целей Соединенных Штатов Америки и Англии. Понятно, что подобный план не может не создать благоприятных условий для повторения немецкой агрессии»¹.

В заявлении Варшавского совещания была раскрыта суть лондонских решений, показано, какую огромную опасность они представляют для мира и международного сотрудничества. Оно указывало, что лондонские решения направлены на завершение раскола и расчленение Германии, на срыв заключения мирного договора с Германией. Участники совещания заявили, что они

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. 1, стр. 239.

не признают за решениями Лондонского совещания законную силу и какой-либо моральный авторитет.

Варшавское совещание приняло конкретную положительную программу демократического разрешения германского вопроса, включающую следующие положения:

Первое. Проведение по соглашению между Великобританией, СССР, Францией и США мероприятий, обеспечивающих завершение демилитаризации Германии.

Второе. Установление на определенный срок контроля четырех держав — Великобритании, СССР, Франции и США — над рурской тяжелой промышленностью с целью развития мирных отраслей рурской промышленности и недопущения восстановления военного потенциала Германии.

Третье. Образование, по соглашению между правительствами Великобритании, СССР, Франции и США, временного демократического, миролюбивого общегерманского правительства из представителей демократических партий и организаций Германии в целях создания гарантии от повторения германской агрессии.

Четвертое. Заключение мирного договора с Германией в соответствии с Потсдамскими решениями с тем, чтобы оккупационные войска всех держав были выведены из Германии в годичный срок после заключения мирного договора¹.

Как видно из этих пунктов, Варшавская программа целиком и полностью соответствовала решениям союзных держав, принятым в Ялте и Потсдаме. Она наметила путь для восстановления согласованной политики четырех держав в Германии, нарушенной сепаратными действиями западных стран.

Варшавское заявление наметило принципы, которые отныне составили основу политики социалистических стран в германском вопросе. Особо важным было требование заключить мирный договор с Германией. Варшавское заявление помогло миролюбивым и демократическим силам в борьбе за обеспечение мира в Европе.

6. «Берлинский кризис» и Парижская сессия Совета министров иностранных дел

Раскольнические меры западных держав создали угрозу экономике Восточной Германии и Берлина, расположенного в центре тогдашней советской зоны оккупации. Советское правительство вынуждено было принять срочные контрмеры, чтобы оградить восточную зону и Берлин от пагубных последствий сепаратных мер западных стран, и прежде всего сепаратной денежной реформы. Дело в том, что правительства США, Анг-

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. 1, стр. 247—248.

лии и Франции не ограничились осуществлением экономического раскола в Германии, но распространили свои раскольнические действия и на Берлин. Они ввели в Западном Берлине свою сепаратную валюту и тем самым расстроили нормальное течение жизни в городе.

В заявлении советского представителя в Контрольном совете от 2 октября 1948 г. указывалось, что действия американских, английских и французских представителей «имели целью подорвать валюту, дезорганизовать экономику советской зоны»¹. В ответ на это Советская военная администрация усилила оградительные мероприятия на путях сообщения между Берлином и западными зонами.

1 апреля 1948 г. были учреждены контрольно-пропускные пункты на авто-страде Берлин — Гельмштедт и на двух железнодорожных линиях (в Мариенборне и Новавесе). Эти меры были приняты для того, чтобы предотвратить хищническое разорение хозяйства Берлина, вывоз ценного оборудования, сырья и других ценностей, а также незаконный проезд из западных зон в Берлин спекулянтов, диверсантов и т. д.

Советская военная администрация заявила в обращении к немецкому населению от 19 июня 1948 г., что ввоз в советскую зону и в район Большого Берлина новых денежных знаков, выпущенных в западных зонах, запрещен и что в целях защиты интересов населения советской зоны и районов Большого Берлина администрация примет все необходимые меры, вытекающие из создавшегося положения². Приняв ограничительные меры на путях сообщения между Берлином и западными зонами, Советская военная администрация полностью обеспечила снабжение всего населения Берлина продовольствием и топливом.

Английские, американские и французские власти в Берлине, продолжая свой раскольнический курс, ответили на эти меры полным обособлением западных секторов. Они запретили жителям западных секторов получать продукты и топливо в советском секторе. Одновременно власти западных держав строгой запретили предприятиям и фирмам западных секторов торговать с предприятиями советского сектора. Промышленные предприятия западных секторов лишились сырья, топлива и электроэнергии, которые они до сих пор получали из советской зоны оккупации.

В конце июня 1948 г. западные державы объявили, что организуется так называемый «воздушный мост» из западных зон в Берлин для снабжения его западных секторов продовольствием, топливом и сырьем. Не трудно представить себе размах этой затеи — ведь в западных секторах Берлина сосредоточено 62% всего берлинского населения (около 2,2 млн. человек). Чтобы снабжать такое количество людей, требовалось посылать по тысяче самолетов в день. Согласно опубликованным в октябре 1949 г. официальным данным, расходы по «воздушному мосту» составили 252,5 млн. долл. В эту цифру не включена стоимость перевозки товаров к аэродромам, стоимость содержания обслуживающего персонала по приемке и развозке перевозимых товаров и т. д.

Организация «воздушного моста» была направлена на завершение раскола Берлина, на срыв общеберлинской системы снабжения и создание экономической обособленной части города, включенной в систему снабжения Западной Германии.

В период действия «воздушного моста» материальное положение населения западных секторов чрезвычайно ухудшилось. По сообщению руководителя отдела труда при магистрате Западного Берлина, с июля 1948 г. (т. е. с

¹ «Советский Союз и Берлинский вопрос», вып. I, стр. 81.

² См. там же, стр. 26.

момента организации «воздушного моста») по сентябрь 1949 г. число безработных в Западном Берлине возросло с 47 тыс. до 228 тыс. В начале 1950 г. уже насчитывалось 300 тыс. безработных. Каждый третий трудящийся западных секторов остался без работы.

Дипломатия западных держав воспользовалась «берлинским кризисом» для достижения более широких политических целей. Она была заинтересована в том, чтобы до поры до времени всячески раздувать его, создавая предлог для проведения своего агрессивного курса.

Однако в самих западных странах не было единства по этому вопросу. Наиболее трезво мыслящие политики, особенно в Англии и Франции, понимали, что берлинская авантюра чревата катастрофой прежде всего для западноевропейских капиталистических государств, которые могли оказаться вовлеченными в войну во имя интересов американского империализма. «Берлинский кризис» усилил политическую и военную зависимость Англии и Франции от США, что также вызывало недовольство среди значительной части правящих кругов этих стран. Общественное мнение Англии, Франции и других капиталистических стран решительно протестовало против провокаций западных держав, требовало прекращения берлинской авантюры и нормализации обстановки в Германии.

Все это, вместе взятое, побудило западные державы в начале июля 1948 г. обратиться к правительству СССР с предложением совместно обсудить положение в Берлине и более широкие вопросы, связанные с этим.

Американское правительство назначило посла США в Москве Беделла Смита своим представителем на переговорах. В мемуарах Беделла Смита подробно описана первая встреча с представителями Советского Союза. По словам автора мемуаров, представители СССР подчеркнули, что меры Советского правительства являются актом самообороны и вызваны отдельными действиями западных держав. Эти меры не имеют своей целью «вытеснить» западные державы из Берлина, хотя юридически они и потеряли свое право пребывания в Берлине после нарушения ими четырехсторонних соглашений. Советское правительство предложило найти компромиссный путь решения спорных проблем¹ и выразило согласие начать переговоры по берлинскому вопросу. Переговоры происходили в Москве в августе 1948 г.

В результате переговоров 30 августа была издана согласованная директива четырем главнокомандующим оккупационных войск, в которой указывалось, что в Берлине должны быть проведены одновременно, при условии достижения соглашения между четырьмя главнокомандующими, следующие мероприятия:

а) ограничения связи, транспорта и торговли между Берлином и западными зонами, а также движения грузов в советскую зону Германии и обратно, введенные в последнее время, будут сняты;

¹ W. B. Smith. Moscow mission. 1946—1949. London, 1950, p. 235.

б) немецкая марка советской зоны будет введена в качестве единой валюты для Берлина и западная марка «Б» будет изъята из обращения в Берлине.

В соглашении указывалось, что регулирование денежного обращения в Берлине должно осуществляться немецким эмиссионным банком советской зоны. Для контроля за практическим осуществлением финансовых мер, связанных с введением и обращением единой валюты в Берлине, должна быть создана финансовая комиссия из представителей четырех главкомандующих¹.

В соответствии с этим начались переговоры четырех главкомандующих, которые должны были к 7 сентября 1948 г. представить доклад о выполнении директивы от 30 августа. Однако западные державы, продолжая политику раскола Берлина, сорвали переговоры. В памятной записке Советского правительства правительствам США, Великобритании и Франции от 18 сентября 1948 г. указывалось: «Советский главкомандующий в берлинских переговорах точно придерживался согласованной директивы и разъяснений, которые были даны Советским правительством при выработке этой директивы в Москве. Произведенное Советским правительством изучение всех материалов, относящихся к берлинским переговорам, показывает, что причиной возникших разногласий при переговорах в Берлине является стремление главкомандующих Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Франции односторонним образом истолковать согласованную в Москве директиву и придать ей такое толкование, которое не было предусмотрено при выработке директивы и означает ее нарушение, с чем не может согласиться Советское правительство»².

Уступив общественному мнению, требовавшему найти компромиссный путь для преодоления «берлинского кризиса», западные державы вместе с тем взяли курс на завершение раскола Берлина и превращение Западного Берлина в свой военный плацдарм в центре восточной зоны. Разумеется, в этих условиях ликвидировать «берлинский кризис» оказалось невозможным. Напротив, в течение второй половины 1948 г. и первых месяцев 1949 г. положение в Берлине в связи с новыми раскольническими мерами западных стран еще более обострилось.

Правительства западных стран ликвидировали единое городское управление, и Берлин оказался расколотым на две части. Этот раскол входил в общие политические и стратегические расчеты западных держав, которые стремились создать в Западной Германии и Западном Берлине оплот реакционных милитаристских сил Германии и плацдарм для военных приготовлений империалистов против Советского Союза и стран народной демократии.

После раскола Берлина США, Англия и Франция повели курс на конституционное оформление сепаратного государства на западе Германии. В Вашингтоне 8 апреля 1949 г. было опубликовано совместное сообщение министров иностранных дел Соединенных Штатов, Англии и Франции, касавшееся дальнейших судеб Германии и той роли, которую правительства этих трех держав отвели Западной Германии в осуществлении своих политических планов. В нем указывалось, что три министра одобрили и решили передать немецкому парламентскому совету в городе Бонне текст оккупационного статута, определяющего отношения между будущими западногерманскими государственными органами и оккупационными властями США, Англии и Франции. Тогда же было заключено и «Соглашение об основных принципах осуществления союзниками своих прав и обязанностей, а также о системе трехстороннего союзнического контроля»³. Оккупационный статут и соглашение закрепили господствующую роль американских, английских и французских оккупационных властей в политической и экономической жизни Западной Германии.

¹ См. «Советский Союз и Берлинский вопрос», вып. I, стр. 60—62.

² Там же, стр. 64.

³ «A Decade of American Foreign Policy». Basic Documents 1941—1949, p. 585—590.

Вашингтонские решения привели к новому обострению ситуации в Германии. Раскольнические меры западных держав создали угрозу тяжелого международного кризиса, чреватого войной. В этой обстановке вопрос о ликвидации до крайности напряженного положения в Германии и о преодолении «берлинского кризиса» стал важнейшей задачей сил, заинтересованных в сохранении мира. Советский Союз стремился найти новые компромиссные пути для нормализации положения в Германии и устранения военной угрозы, нависшей над Европой.

В конце января 1949 г. Советское правительство предложило возобновить переговоры по берлинскому вопросу. В итоге переговоров, происходивших в Нью-Йорке, 4 мая 1949 г. было достигнуто соглашение, которое предусматривало отмену введенных в свое время ограничений по связи, транспорту и торговле между Берлином и западными зонами и между западными зонами и восточной зоной оккупации Германии. Было решено также созвать 23 мая в Париже сессию Совета министров иностранных дел для рассмотрения вопросов о Германии и проблем, возникших в связи с положением в Берлине, в том числе и вопроса о валюте в Берлине¹.

Широчайшие круги мировой общественности расценили соглашение четырех держав как событие большого значения, открывающее возможности для достижения согласованных решений по весьма обширному кругу международных проблем.

В соответствии с Нью-Йоркским соглашением 23 мая в Париже открылась сессия Совета министров иностранных дел. На сессии обсуждались следующие вопросы, касавшиеся Германии: 1) единство Германии, включая экономические принципы, политические принципы и союзный контроль; 2) Берлин и валютный вопрос; 3) подготовка мирного договора с Германией.

Программа трех западных держав на Парижской сессии СМВД была изложена в меморандуме, внесенном министрами иностранных дел США, Англии и Франции — Ачесоном, Бевином и Шуманом — в ответ на предложение советской делегации по вопросу о единстве Германии. В меморандуме три западные державы предлагали, чтобы восточная зона попросту «присоединилась» к боннской конституции, приняла оккупационный статут, иными словами, подчинилась диктату трех западных правительств.

Советская делегация в противовес этой программе предложила урегулировать мирным путем германскую проблему, восстановить единство Германии, а также ускорить подготовку и заключение мирного договора с Германией на основе потсдамских принципов.

Важным моментом в работе Парижской сессии явилось рассмотрение вопроса о подготовке мирного договора с Германией. Правительство СССР со всей настойчивостью добивалось уско-

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза, 1949 год», стр. 99.

рения подготовки и заключения мирного договора. Уже при обсуждении первого пункта порядка дня советская делегация предложила провести демократические выборы в общегерманский Государственный совет, который мог бы явиться прообразом общегерманского правительства. При обсуждении вопроса о подготовке мирного договора с Германией советская делегация выдвинула предложение о том, чтобы правительства США, Великобритании, Франции и СССР в трехмесячный срок представили в Совет министров иностранных дел проекты мирного договора с Германией; чтобы в этих проектах был предусмотрен вывод оккупационных войск всех держав из Германии в годичный срок после заключения мирного договора; чтобы рассмотрение процедуры подготовки мирного договора было закончено еще на Парижской сессии Совета министров иностранных дел¹.

Различные политические и экономические соображения, о которых говорилось выше, вынудили западные державы пойти на соглашение по ряду вопросов, касающихся Германии, приняв за основу советские предложения.

Об этом свидетельствует коммюнике Совета министров иностранных дел, опубликованное 21 июня 1949 г. В полном соответствии с советскими предложениями в коммюнике указывалось, что «оккупационные власти, в свете намерений Министров продолжать свои усилия в целях достижения восстановления экономического и политического единства Германии, будут консультироваться совместно в Берлине на четырехсторонней основе»².

В коммюнике предусматривались: четырехсторонние консультации по управлению Берлином и Германией, участие немецких экспертов в этих консультациях, более тесные экономические связи между немецкими руководящими органами восточной и западных зон, расширение торговли между восточной и западными зонами, а также между Берлином и зонами³.

Наиболее важным итогом Парижской сессии явился явный провал курса на обострение международных отношений и несомненный успех курса на улучшение международных отношений и развитие международного сотрудничества.

Хотя Парижская сессия способствовала нормализации положения в Германии, конкретного соглашения о восстановлении единства Германии достигнуто не было. Раскол Германии стал фактом. В Западной Германии дело шло к официальному провозглашению сепаратного западногерманского государства. Однако в исключительно напряженной обстановке, создавшейся в

¹ См. «Советский Союз и вопрос о единстве Германии и мирном договоре с Германией», стр. 58.

² «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 111.

³ См. там же, стр. 111—112.

результате раскольнических мер западных государств, Советский Союз сумел найти путь для сохранения мира вопреки стремлениям агрессивных кругов империализма развязать новую мировую войну, использовав напряженность в Германии и «берлинский кризис». Парижская сессия СМВД сыграла в этом отношении весьма положительную роль. Она еще раз показала, что путь переговоров — единственно возможный путь преодоления разногласий между великими державами, особенно в периоды международных кризисов, чреватых войной.

7. Завершение западными державами во главе с США политического раскола Германии. Образование Федеративной Республики Германии

Исходным пунктом для завершения политического раскола Германии были решения сепаратных Лондонской и Вашингтонской конференций западных держав, состоявшихся в июне 1948 г. и в апреле 1949 г. Первая приняла решение, уполномочившее премьер-министров западногерманских земель созвать конституционную ассамблею и выработать Основной закон для будущего западногерманского государства. Вторая разработала и утвердила оккупационный статут и определила принципы взаимоотношений между западногерманским государством и тремя западными оккупационными державами — США, Англией и Францией.

В соответствии с решениями Лондонского совещания между представителями отдельных германских земель начались переговоры о выработке Основного закона. 8 июля в Кобленце было созвано совещание премьер-министров западногерманских земель, которое приняло решение образовать так называемый Парламентский совет — орган по разработке конституции для Западной Германии. Работе Парламентского совета предшествовало совещание премьер-министров западногерманских земель с военными губернаторами трех западных держав, на котором были определены принципы будущей конституции. Парламентскому совету оставалось лишь уточнить положения, продиктованные, по существу, западными державами. Парламентский совет заседал с 1 сентября 1948 г. по 8 мая 1949 г. Дата окончания работы Парламентского совета (и вместе с тем одобрения проекта конституции) была выбрана руководителями Парламентского совета не случайно. Она совпала с днем капитуляции фашистской Германии. Этим символическим совпадением боннские руководители хотели подчеркнуть, что считают условия капитуляции и связанные с ними решения союзных держав, иными словами, Потсдамские решения, «пройденным этапом».

Характерно, что вступление в силу конституции было обусловлено одобрением ее тремя военными губернаторами западных стран. Этим тоже как бы подчеркивалась зависимость будущего западногерманского государства от западных держав.

23 мая 1949 г. Основной закон, разработанный Парламентским советом, был ратифицирован парламентами западногерманских земель¹. В соответствии с предусмотренной в нем

¹ Баварский парламент 101 голосом против 63 отклонил проект конституции, но поскольку остальные земли ратифицировали проект, он вошел в силу.

процедурой началось конституционное оформление сепаратного государства в Западной Германии. 14 августа 1949 г. состоялись парламентские выборы, давшие большинство основной партии монополистического капитала — Христианско-демократическому союзу. 7 сентября собрался первый бундестаг, избравший Теодора Хейса федеральным президентом, а Конрада Аденауэра — федеральным канцлером. Так появилось на свет новое государство, принявшее название «Федеративная Республика Германии».

Создание этого государства не могло не вызвать огромной тревоги у мировой общественности. Во-первых, оно означало полный разрыв западных стран с принципами согласованной политики четырех держав в германском вопросе. Отныне на $\frac{2}{3}$ германской территории развитие событий определялось сговором монополистических сил США, Англии и Франции, с одной стороны, и Западной Германией — с другой. Главное значение при этом имел окончательно оформившийся после создания ФРГ союз двух самых агрессивных монополистических группировок в капиталистическом мире — американской и западногерманской. Политика, которая должна была явиться порождением такого союза, не сулила ничего хорошего развитию международных отношений в Европе и во всем мире.

Во-вторых, создание западногерманской Федеративной республики означало, что в части Германии, в которой сконцентрирована основная промышленная мощь страны, господство империализма получило свое государственно-правовое воплощение. Власть в государстве вновь была вручена монополистическим силам, дважды ввергшим человечество в мировые войны. Разгром германского милитаризма во второй мировой войне, таким образом, не привел к устранению раз и навсегда угрозы германской агрессии, поскольку виновникам этой агрессии была оставлена база деятельности — западногерманское государство. Близкая и реальная цель — ликвидация германского милитаризма — по вине западных держав была упущена. Это было чревато самыми тяжелыми последствиями для дела мира в Европе.

Смысл и последствия образования нового государства были проанализированы в ноте Советского правительства правительствам США, Великобритании и Франции, врученной послам этих стран 1 октября 1949 г. Нота Советского правительства характеризовала политику западных держав, приведшую к образованию сепаратного западногерманского государства, как политику «восстановления господствующего положения реакционных милитаристских и реваншистских элементов в Западной Германии, являвшихся в прошлом опорой германского милитаризма и гитлеровского режима и снова поднявших голову сразу же после образования западногерманского государства»¹.

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 168—169.

Советское правительство указало, что создание отдельного государства на западе Германии является завершением раскола страны, к чему уже давно стремились США, Англия и Франция. «В течение последних нескольких лет, — говорилось в советской ноте, — правительства США, Великобритании и Франции не только не выполняли взятые ими на себя обязательства по Потсдамскому соглашению, но в прямое нарушение этих обязательств проводили политику раскола Германии и всяческого затягивания заключения германского мирного договора, срывая совместные решения четырех держав о демократизации и демилитаризации Германии, завершив ныне проведение этой антидемократической политики образованием сепаратного западногерманского правительства, отданного в руки вчерашних прислужников гитлеровского режима»¹.

Германский милитаризм, потерпевший невиданный в истории разгром, мог возродиться после второй мировой войны лишь при активной поддержке иностранного империализма как союзник западных империалистических держав и в первую очередь США. В этом одно из отличий, характеризующих положение германского милитаризма после второй мировой войны по сравнению с положением его после войны 1914—1918 гг. В 20-х годах была достаточна лишь сравнительно ограниченная помощь со стороны США, чтобы поставить на ноги германский монополистический капитал. Теперь же в поддержку монополий в Западной Германии была мобилизована вся политическая и военная мощь главных капиталистических стран — США, Англии и Франции. Под охраной и опекой оккупационных сил трех западных стран и прежде всего американского империализма происходил процесс возрождения германского милитаристского государства.

К этому следует добавить еще следующее: правящие круги западных стран мыслили себе возрожденный германский милитаризм лишь как послушное орудие в их руках. Они пытались связать его сетью обязательств, которые должны были, по их замыслу, предотвратить повторение событий, приведших к тому, что западноевропейские государства стали первыми жертвами немецкой агрессии.

Старые иллюзии о возможности «канализовать» германскую экспансию возродились с небывалой силой; они воплотились в государственную доктрину, которая легла в основу всех практических действий западной дипломатии в период создания западногерманского государства. Смысл этих действий состоял именно в том, чтобы, связав Западную Германию «неразрывными» обязательствами в отношении западных стран, превратить ее в надежный антисоветский форпост, или, образно выра-

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 169—170.

жаясь, в оружие, которое может стрелять лишь в одном направлении, а именно в восточном.

Эти специфические черты процесса восстановления германского милитаризма после второй мировой войны нашли свое отражение в основных документах, ознаменовавших образование ФРГ, и прежде всего в конституции и в оккупационном статуте¹.

Правительственная декларация первого западногерманского канцлера — Конрада Аденауэра, оглашенная в бундестаге 20 сентября 1949 г., ясно обнаружила основные тенденции политики нового государства. Она засвидетельствовала, что западногерманское правительство намерено идти по пути возрождения милитаризма и реакции в области внутренней политики и реваншизма и агрессии в области внешней политики.

Так на западе Германии, на обломках фашистской империи, оформилось новое агрессивное, милитаристское государство. Возрождение угрозы международной безопасности в центре Европы явилось, как свидетельствуют факты, прямым результатом политики западных держав во главе с США.

8. Историческое значение образования Германской Демократической Республики

Создание западногерманского государства поставило перед демократическими силами Германии новые, исключительно ответственные задачи. Характеризуя обстановку, возникшую в Германии после образования сепаратного государства на западе страны, Советское правительство в своей ноте от 1 октября 1949 г. подчеркивало: «...Советское правительство считает нужным заявить, что, поскольку в Бонне образовано указанное сепаратное правительство, в Германии в настоящее время создано новое положение, которое придает особенно важное значение выполнению задач по восстановлению единства Германии, как демократического и миролюбивого государства, и по обеспечению выполнения Германией обязательств, возложенных на нее Потсдамским соглашением четырех держав»².

В создавшихся условиях патриотическим силам Германии не осталось другого пути, кроме организации на востоке страны надежного государственного оплота мирного и демократического развития Германии, который мог бы противостоять пагубному течению событий в западной части страны и олицетворять подлинно мирные устремления германского народа.

¹ «A Decade of American Foreign Policy». Basic Documents 1941—1949, p. 586—588. Оккупационный статут сохранял свою силу до вступления в действие в 1955 г. парижских соглашений, когда он был заменен так называемым «общим договором», регулировавшим взаимоотношения между ФРГ и западными державами на новом этапе, когда ФРГ стала членом НАТО.

² «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 170.

Исходной базой строительства демократического немецкого государства был Народный конгресс борьбы за единство и справедливый мир. Этот конгресс был создан еще в конце 1947 г. в Восточной Германии в связи с угрозой раскола Германии, отчетливо выявившейся после срыва западными державами Лондонской сессии СМВД. Народный конгресс стал руководящим органом патриотического движения против милитаризма и войны, за мирное и демократическое развитие Германии.

В мае 1949 г. состоялись выборы в III Народный конгресс, вылившиеся в яркую манифестацию воли населения Восточной Германии дать отпор раскольническим действиям милитаристских сил в Западной Германии и отстаивать демократические права германского народа. III конгресс утвердил текст проекта Конституции демократического германского государства, которая впоследствии стала Конституцией Германской Демократической Республики.

Еще в марте 1948 г. состоялся II Народный конгресс, на котором был избран Немецкий народный совет — орган руководства патриотическим движением за единство и мир в период между народными конгрессами. Он состоял из 400 человек.

7 октября 1949 г. в столице Германии Берлине была созвана 9-я сессия Немецкого народного совета. На повестке дня стояли вопросы: 1) Манифест Национального фронта демократической Германии, 2) оценка политического положения и принятие необходимых мер.

9-я сессия Немецкого народного совета приняла исторические решения, подготовившие создание Германской Демократической Республики. Сессия обратилась к министрам иностранных дел четырех держав, собравшимся в то время в Нью-Йорке на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. В обращении указывалось, что немецкий народ требует «образования германского демократического правительства, задача которого будет состоять в том, чтобы гарантировать мирное, демократическое восстановление Германии и представлять перед оккупационными державами требования немецкого народа о заключении мирного договора и об отводе оккупационных войск»¹.

На 9-й сессии Немецкий народный совет провозгласил себя Временной народной палатой, в соответствии с принятой им и утвержденной III Немецким народным конгрессом 30 мая 1949 г. Конституцией Германской Демократической Республики. В обращении к ландтагам земель 9-я сессия Немецкого народного совета предложила созвать внеочередные заседания ландтагов 10 октября и произвести выборы представителей в Палату земель.

¹ «Образование Германской Демократической Республики». Документы и материалы. М., 1950, стр. 15.

По второму пункту повестки дня — «Оценка политического положения и принятие необходимых мер» — на сессии выступил председатель Социалистической единой партии Германии Вильгельм Пик.

Вильгельм Пик обрисовал тяжелое положение, создавшееся для немецкого народа после образования боннского сепаратного государства. Он подчеркнул, что на немецком народе лежит большая ответственность — сделать соответствующие выводы из создавшегося положения. «Сейчас возникает необходимость... здесь, на востоке Германии, создать орган, который от имени немецкого народа должен осуществить демократические задачи, преобразовать экономику так, чтобы она была способна гарантировать жизнь народа, и прежде всего позаботиться о том, чтобы имя немца, опозоренное гитлеровским правительством и его войной, вновь завоевало доверие других народов. Это должно произойти путем создания Народным советом правительства, способного представлять подлинно национальные, экономические, политические и культурные интересы немецкого народа»¹.

Представители всех демократических партий и массовых организаций поддержали предложение о создании Народной палаты и демократического правительства.

7 октября открылось первое (учредительное) собрание Временной народной палаты, которая приняла важнейшие законы, ознаменовавшие рождение Германской Демократической Республики.

Народная палата утвердила Конституцию и приняла закон о создании временного правительства Германской Демократической Республики, поручив его формирование Отто Гротеволу, как представителю фракции СЕПГ — крупнейшей в палате. 11 октября состоялось учредительное заседание Временной палаты земель. В этот же день было созвано совместное заседание обеих палат, на котором президентом Германской Демократической Республики был избран Вильгельм Пик.

Так было завершено формирование государственных органов республики. Впервые в истории Германии на ее земле возникло подлинно демократическое миролюбивое государство.

Демократический характер нового государства был закреплен в Конституции. «Сохранение дружественных отношений со всеми народами, — подчеркивается в ст. 5 Конституции, — является обязанностью государственной власти». Конституция запрещает военную и расовую пропаганду. «Разжигание вражды против демократических организаций, призывы к убийству демократических политических деятелей, — говорится в ст. 6, — проповедь религиозной и расовой ненависти, милитаристская и

¹ «Образование Германской Демократической Республики», стр. 29.

военная пропаганда и прочие действия, направленные против равноправия граждан, являются уголовно наказуемыми преступлениями».

Эти положения ярко характеризуют отличие ГДР от боннского государства. В Западной Германии было закреплено господство милитаристских сил. В лице же ГДР на германской территории была создана государственная власть, которая провозгласила мир и международное сотрудничество основой своей внешней политики.

Полную противоположность взаимоотношениям между ФРГ и западными державами представляли отношения между ГДР и Советским Союзом, которые с самого начала строились на принципе равноправия и взаимопомощи.

11 октября 1949 г. было опубликовано заявление Советской военной администрации в Германии в связи с решениями Немецкого народного совета о введении в действие Конституции Германской Демократической Республики и образовании в Берлине временного правительства ГДР. В заявлении указывалось, что Советское правительство решило передать временному правительству Германской Демократической Республики функции управления, принадлежавшие раньше Советской военной администрации, вместо которой была создана Советская контрольная комиссия.

С образованием Германской Демократической Республики открылись новые перспективы борьбы за мир в Европе. В судьбах немецкого народа наступил коренной перелом, который имеет историческое значение не только для Германии, но и для всей Европы.

ГЛАВА XIX

ПОСЛЕВОЕННОЕ МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И ЯПОНИИ

1. Разгром Японии и проблемы мирного урегулирования

В результате борьбы народов стран антифашистской коалиции империалистическая Япония была разгромлена. Клика японских милитаристов пришла к столь же бесславному концу, что и фашистские главари в Европе.

Советский Союз внес большой вклад в дело победы над Японией. Враждебная агрессивная политика японского империализма вынуждала Советский Союз в годы второй мировой войны держать до 40 дивизий для обороны своих дальневосточных границ. Это сковывало огромную Квантунскую армию, насчитывавшую в отдельные периоды от 750 тыс. до 1100 тыс. солдат и оснащенную новейшей техникой (до половины всей японской авиации, одна треть артиллерии и т. д.)¹.

¹ См. «Известия», 11 октября 1946 г.

В таких условиях Япония не могла вести дальнейшие успешные боевые операции в Южной и Юго-Восточной Азии, что помогло американским вооруженным силам оправиться от поражений начального этапа войны и затем мобилизовать силы для перехода в контрнаступление.

Американская дипломатия усиленно добивалась участия СССР в войне на Тихом океане. Вопрос этот поднимался в посланиях Рузвельта к главе Советского правительства¹, в беседах государственного секретаря Хэлла с советским послом² и на международных конференциях в Тегеране и Ялте.

Летом 1945 г. американские военные специалисты считали, что одной лишь блокадой и бомбардировками нельзя принудить Японию к безоговорочной капитуляции³. Высшее командование США не рассчитывало на то, что и применение атомных бомб приведет к быстрой капитуляции Японии⁴. Даже после опытного взрыва бомбы 16 июля 1945 г., накануне Потсдамской конференции, Трумэн признавал важной задачей американской дипломатии в Потсдаме добиваться участия СССР в войне на Дальнем Востоке⁵.

Советская делегация на Потсдамской конференции подтвердила ялтинское обязательство СССР объявить войну Японии. Вступление СССР в войну предопределило поражение крупнейшей японской армии, сосредоточенной в Северо-Восточном Китае. Сокрушительные удары советских войск, нанесенные квантунской армии, заставили и военных руководителей Японии, настаивавших до этого на продолжении войны, признать неизбежность капитуляции.

Выдающаяся роль Советского Союза в разгроме японского агрессора оказала огромное влияние на послевоенное развитие всех стран Азии. Распалась японская колониальная империя. Корея перестала быть колонией Японии. Северо-Восточный Китай и Тайвань были возвращены Китаю. Советский Союз восстановил свои права на Южный Сахалин; ему были переданы также Курильские острова, являвшиеся военно-стратегическими базами Японии в северо-западной части Тихого океана. Крах японского милитаризма способствовал успехам народной революции в Китае, ускорил подъем национально-освободительного движения в Индокитае, Индонезии, Бирме, на Филиппинах и в других районах Азии⁶.

¹ См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II, стр. 15—16, 24.

² «The Memoirs of Cordell Hull», vol. II, p. 1111—1112.

³ «Foreign Affairs», January 1957, p. 334—335.

⁴ H. Stimson and M. Bundy. On Active Service in Peace and War. New York, 1948, p. 618.

⁵ Ibid., p. 411.

⁶ См. гл. IV и второй и третий разделы тома.

В итоге сложились благоприятные условия для демократического мирного урегулирования, которое должно было обеспечить прочный мир и независимость народам Дальнего Востока. Важнейшим условием решения этой задачи являлось превращение Японии в миролюбивое демократическое государство.

Важные вопросы послевоенного мирного урегулирования с Японией нашли свое разрешение в Каирской декларации США, Англии и Китая (1943 г.) и в Крымском соглашении СССР, США и Англии (11 февраля 1945 г.), в котором было предусмотрено восстановить права, принадлежавшие России до 1904 г., а именно вернуть Советскому Союзу южную часть Сахалина и все прилегающие к нему острова и передать Курильские острова¹. Союзники согласились интернационализировать торговый порт Дальний. Решено было также организовать совместную эксплуатацию Советским Союзом и Китаем Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, построенных в свое время на деньги русского народа и захваченных японцами, восстановить аренду Порт-Артура как военно-морской базы СССР².

У власти в Китае тогда находилось реакционное гоминдановское правительство; оно не раз затевало антисоветские авантюры. Советскому правительству приходилось поэтому заранее позаботиться о предотвращении возможных попыток использовать против нашей страны прилегающую к ней китайскую территорию.

Решения Каирской и Крымской конференций не содержали политических принципов, которые должны были применяться к побежденной Японии. Однако принципиальные установки об отношении с побежденными агрессивными державами были сформулированы на Крымской конференции применительно к Германии. Оставалось их конкретизировать применительно к Японии. Это и было осуществлено в Потсдамской декларации, подписанной Соединенными Штатами, Англией и Китаем 26 июля 1945 г.

Основные положения декларации сводились к следующему:

1. Устранение от власти и ликвидация влияния тех, кто, как говорится в декларации, «обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний»; искоренение милитаризма.

2. Ограничение японского суверенитета основными островами: Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые будут указаны.

3. Разоружение японских вооруженных сил, предоставление военным служащим возможности «вернуться к своим очагам» и вести мирную и трудовую жизнь.

¹ Заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес признавал, что передача Курильских островов и острова Сахалин России необходима для того, чтобы Советское правительство «смогло обеспечить безопасность Сибири».

² См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 90—91.

4. Наказание японских военных преступников, «устранение всех препятствий к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа», установление «свободы слова, религии и мышления, а также уважения к основным человеческим правам».

5. Развитие мирной промышленности, обеспечение доступа Японии к источникам сырья и участия в мировой торговле.

6. Оккупация Японии до осуществления указанных целей и учреждения мирно настроенного и ответственного правительства «в соответствии со свободно выраженной волей японского народа»¹.

Хотя некоторые положения декларации были недостаточно конкретны, ее принципы могли стать базой для преобразования Японии в мирное, демократическое государство и обеспечения безопасности и прочного мира на Дальнем Востоке. Исходя из этого, Советское правительство 8 августа 1945 г. официально присоединилось к декларации.

Советский Союз последовательно боролся за осуществление условий Потсдамской декларации, стремясь закрепить победу над силами фашизма и агрессии в Японии, чтобы обеспечить прочный и длительный мир на Дальнем Востоке. Для этого Советское правительство считало необходимым провести демилитаризацию и демократизацию Японии, а также заключить с ней мирный договор, который открыл бы перед японским народом путь мирного, демократического и независимого развития. Однако справедливому мирному урегулированию дальневосточных проблем препятствовали правящие круги США и союзных с ними империалистических держав.

Борьба народов Азии против японского милитаризма в военные годы приобрела характер войны за освобождение от господства империализма в целом, грозила опрокинуть всю систему колониального господства. Поэтому США и другие империалистические державы старались подавить развитие национальных революций в Азии. Они пытались не допустить укрепления позиций Советского государства на побережье Тихого океана. Империализм США планировал установить свой единоличный контроль над основными источниками сырья и рынками стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, оттеснив старые колониальные державы — Англию, Францию, Голландию.

Среди правящих кругов США существовали две точки зрения на методы достижения этих целей. На последнем этапе войны наибольшим влиянием пользовалась так называемая «китайская группа». К ней принадлежали многие сторонники рузвельтовского «нового курса», известные экономисты Корвин Эдвардс, Т. Биссон, Латтимор, журналисты А. Рут, М. Гейн и др. Эту группировку поддерживали монополисты, соперничавшие на азиатских рынках с

¹ «Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии». Сборник документов 1943—1946. М., 1947, стр. 23—24.

японцами. Основным теоретиком «китайской группы» выступал Латтимор, а ее взгляды выражались журналом «Амерэйша».

«Китайская группа» считала, что цели США в Азии могут быть достигнуты путем «воспитания националистической третьей силы» в виде гоминдановского Китая и ослабления противостоящего Америке японского империализма. Как писал известный американский специалист по делам Дальнего Востока Гарольд Винаке, «политика США на Дальнем Востоке исходила из того, что после войны Китай станет ведущей силой на Дальнем Востоке, объединится и стабилизируется под руководством дружественного Америке правительства. Япония рассматривалась как опасный империалистический соперник США, и политика в отношении Японии определялась планами ее «ослабления»¹.

Но в США действовала и так называемая «японская группа» во главе с Грю, бывшим американским послом в Японии, занимавшим в 1944 г. пост заместителя государственного секретаря. По замыслам Грю и его сторонников, Япония должна была стать основной опорой американского империализма, оплотом контрреволюции в Азии.

По существу, обе группировки стремились к одной и той же цели — к укреплению господства США на Дальнем Востоке, подавлению национально-освободительного движения. Разногласия же между ними сводились к вопросу о формах и методах достижения этой цели. В первые послевоенные годы «китайская группа», выступавшая за более гибкие методы борьбы, выдвинулась на первый план.

2. Установление американского контроля над Японией

2 сентября 1945 г. представителями всех держав, воевавших против Японии, был подписан акт о капитуляции Японии. Командующий вооруженными силами США на Тихом океане Макартур был назначен главнокомандующим союзными оккупационными войсками США, СССР, Англии, Китая и других держав. Правительство США узурпировало права остальных союзников. Оно отвергло предложение Советского Союза об участии советских войск в оккупации японской территории, в частности северной половины острова Хоккайдо². Кроме США лишь Англия имела в Японии небольшие оккупационные части. Вашингтон не спешил создавать какой-либо союзный орган для проведения совместной политики в оккупированной Японии, пытаясь управлять Японией без участия других держав. 2 сентября 1945 г., после подписания акта о капитуляции, министерство иностранных дел Японии получило от штаба Макарута приказ о введении на всей территории страны верховной власти военной администрации США. Это вызвало возражения японских властей. Японские правящие круги хотели сохранить в своих руках административное управление, пусть хотя бы и под верховным контролем США. Они надеялись удержать таким путем свою власть, а впоследствии восстановить и свои международные позиции.

¹ H. Vinacke. The United States and the Far East. 1945—1951, p. 77.

² См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II, стр. 263—264.

К осуществлению своего плана японцы начали готовиться заблаговременно. Еще 17 августа 1945 г. было создано правительство во главе с членом императорской фамилии принцем Хигасикуни. Заместителем премьер-министра был назначен князь Коноэ, который возглавлял правительство в период японской агрессии в Китае и проводил фашизацию политического строя. В кабинете были сохранены посты министра «по делам Великой Восточной Азии», министров вооружений, военного и морского. Основной стратегической задачей новое правительство считало недопущение демократизации страны и развития народного движения. Правящие круги Японии серьезно опасались революции¹.

Еще до того, как начали действовать оккупационные войска, правительство приняло меры к сохранению финансовой базы крупной буржуазии: с лихорадочной поспешностью — в течение двух недель — огромные материальные ценности, находившиеся в руках армии (на сумму около 100 млрд. иен), были распределены среди промышленных компаний. Им же были выплачены огромные компенсации за правительственные заказы, ликвидированные в связи с капитуляцией Японии, и т. д.²

Правительство Хигасикуни старалось демобилизовать войска в период от капитуляции до начала оккупации, а офицерские кадры сохранить в системе государственных учреждений и в военно-промышленных компаниях. Быстрыми темпами стала проводиться демобилизация огромной японской армии, насчитывавшей только в собственно Японии 4 млн. человек (всего 7 млн.). Выработывая свой политический курс в условиях поражения, правящие круги Японии рассчитывали использовать противоречия между СССР и США. На заседании Тайного совета сразу же после подписания капитуляции бывший министр иностранных дел Есидзава заявил, что «в Восточной Азии создается обстановка, которая породит противоречия между Советским Союзом и Соединенными Штатами, в результате чего они будут сдерживать друг друга». Исходя из этой предпосылки, он считал, что Япония «должна придерживаться такого курса, который позволил бы заручиться доброжелательным отношением со стороны США»³.

Придворную бюрократию тревожило то обстоятельство, что Макартур вначале игнорировал императора и что в самой Японии и за рубежом раздавался голос, требовавший привлечения императора к ответственности как военного преступника. Министр иностранных дел Иосида постарался организовать в конце сентября встречу Макарута с императором, и контакт между ними был налажен.

Предложение японского правительства сотрудничать с оккупационными властями и содействовать проведению оккупационной политики было принято Соединенными Штатами. Они перестали считаться с согласованными решениями военного времени. Об этом было довольно откровенно заявлено в документе, подготовленном государственным департаментом США с участием военного и морского министерств и опубликованном 23 сентября 1945 г. под названием «Основные принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации»⁴. «Основные принципы» ориентировали союзного главно-

¹ Еще в феврале 1945 г. в докладе императору Коноэ — бывший премьер-министр и ближайший советник императора, анализируя обстановку, приходил к выводу, что внутреннее и внешнее положение «страны в настоящий момент быстро изменяется в направлении коммунистической революции» (цит. по кн.: «История войны на Тихом океане», т. IV. Перев. с япон. М., 1958, стр. 253).

² См. «История войны на Тихом океане», т. V, стр. 91.

³ Там же, стр. 92.

⁴ См. «Сборник документов 1943—1946», стр. 43.

командующего на осуществление политики, отвечающей прежде всего потребностям США и не принимающей в расчет интересы других государств.

«Хотя и будут приложены все усилия путем консультации и создания соответствующих совещательных органов определить политику оккупации Японии и контроля над нею, которая (политика) удовлетворяла бы основные союзные державы, все же, в случае каких-либо разногласий среди них, господствовать будет политика Соединенных Штатов»¹. Предусматривалось, что главнокомандующий «будет осуществлять свою власть через посредство японской правительственной машины и агентства, включая императора...» За японским народом признавалось лишь «право свободы перемены правления Японии», при условии, что подобная перемена не будет противоречить безопасности американской армии и целям оккупационной политики².

Таким образом, правящие круги США, не считаясь с Потсдамской декларацией, недвусмысленно декларировали намерение подчинить Японию своему единоличному контролю, превратить ее в один из своих военных плацдармов в Азии.

Однако в условиях победоносного завершения антифашистской войны, огромного подъема активности японских народных масс правительство США не могло полностью отказаться от демократических реформ и преобразований. Оно обещало демилитаризовать Японию, ликвидировать идеологию милитаризма и агрессии и обеспечить развитие мирной экономики³. Вместе с тем американский империализм намеревался посредством некоторых преобразований ослабить своего японского соперника, нанести ему дополнительный удар и одновременно направить революционно-демократическое движение японского народа в русло спокойных буржуазных реформ. Социальную опору для осуществления этой линии США хотели найти в определенных слоях японской буржуазии, не связанной с теми отраслями промышленности, которые конкурировали с американскими монополиями.

Штаб Макатура опубликовал 4 октября 1945 г. директиву о ликвидации ограничений политических и религиозных свобод и прочих гражданских прав. Были отменены полицейские законы «о поддержании общественного спокойствия», «об охране военной тайны», а также другие законы, ограничивавшие свободу вероисповедания, слова, собраний и т. д. Были выпущены из тюрем, хотя и с запозданием — лишь в октябре 1945 г., — политзаключенные.

Вышли на свободу многие коммунисты, просидевшие в тюрьмах по 15 лет и более (Токуда, Сига и др.). Они сразу же развернули борьбу за ликвидацию императорского строя, уничтожение помещичьего землевладения, расширение прав рабочих и т. д. 20 октября 1945 г. вышел первый номер газеты «Акахата». Компартия стала центром деятельности демократических сил.

В противовес демократическому движению японские правореформистские и профашистские деятели при прямой поддержке со стороны буржуазии и оккупационных властей начали сколачивать профобъединения, которые должны были повести рабочее движение по руслу ограниченной экономической борьбы,

¹ «Сборник документов 1943—1946», стр. 44.

² См. там же, стр. 45.

³ См. там же, стр. 46—49.

не угрожавшей господству буржуазии. Оккупационные власти охотно признавали такие объединения как «демократические», всячески тормозя создание профсоюзов, представляющих подлинные интересы рабочего класса. Американские оккупанты старались на свой лад переделать японскую систему управления, парализованную военным поражением, придать ей наиболее удобную для себя форму, подчинить своему контролю японские монополии — дзайбацу — и в то же время показными демократическими мерами создать впечатление как за рубежом, так и в Японии, будто американские власти верны принципам свободы и демократии.

3. Московское совещание министров иностранных дел трех держав. Борьба СССР в Дальневосточной комиссии и Союзном совете для Японии за демократизацию и демилитаризацию Японии

С полным основанием и по праву, зафиксированному в международных соглашениях периода войны, Советский Союз настаивал на своем участии во временной оккупации капитулировавшей Японии и в определении оккупационной политики. Американская дипломатия попыталась добиться от СССР согласия на создание консультативного органа, который не имел бы никаких полномочий и лишь формально выражал бы принцип общесоюзнического контроля над оккупированной Японией.

Советское правительство 24 сентября 1945 г. потребовало учредить из представителей четырех держав (США, Великобритании, СССР и Китая) Контрольный совет для Японии¹.

В письме на имя государственного секретаря США от 1 октября 1945 г. министр иностранных дел СССР сообщил, что Советское правительство придает большое значение созданию союзного контрольного механизма по Японии. В письме указывалось, что Советское правительство считает целесообразным создание, наряду с Контрольным советом по Японии, Консультативной союзнической комиссии, включающей помимо четырех основных союзных держав и другие страны, принимавшие активное участие в войне против Японии².

Американское правительство отвергло эту инициативу. Советское правительство предлагало обсудить вопрос о Контрольном совете для Японии на первой сессии Совета министров иностранных дел (сентябрь 1945 г.) в Лондоне. Государственный секретарь Бирнс отказался обсуждать этот вопрос. Американская дипломатия решила поставить СССР и другие державы перед совершившимися фактами. В октябре 1945 г. было объявлено о создании Дальневосточной консультативной комис-

¹ «Внешняя политика Советского Союза, 1945 год», стр. 72.

² Там же,

сии в составе 9 государств — США, СССР, Китая, Англии, Франции, Новой Зеландии, Канады, Голландии, Австралии, т. е. стран, подписавших акт капитуляции Японии. Комиссия не имела реальных полномочий. Она была призвана давать советы главнокомандующему, который мог с ними не считаться. Кроме того, в ней обеспечивалось абсолютное господство США и их союзников. Советское правительство категорически отказалось участвовать в такой комиссии.

Позицию США осуждала мировая общественность. Вашингтон был заинтересован в сотрудничестве союзников по антифашистской коалиции для решения ряда вопросов, в том числе проблемы мирных договоров с союзниками Германии. Все эти обстоятельства заставили правительство США отказаться от своей неправомерной позиции.

В результате договоренности между США и Советским Союзом, было создано в декабре 1945 г. в Москве совещание министров иностранных дел СССР, США и Англии, где стороны пришли к компромиссному соглашению о принципах осуществления условий капитуляции Японии, зафиксированных Потсдамской декларацией.

США вынуждены были согласиться на роспуск Дальневосточной консультативной комиссии и на создание двух новых органов — Дальневосточной комиссии в составе представителей 11 государств (СССР, США, Англии, Китая, Франции, Голландии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Индии и Филиппин) с местопребыванием в Вашингтоне и Союзного совета для Японии — из представителей четырех великих держав (СССР, США, Англии и Китая).

Дальневосточной комиссии надлежало формулировать политическую линию, принципы и общие основания, в соответствии с которыми может осуществляться выполнение Японией ее обязательств по условиям капитуляции¹. Решения комиссии принимались большинством голосов, включая голоса представителей СССР, США, Англии и Китая. Таким образом, подтверждался принцип единогласия великих держав в решении проблем Японии.

Были определены и права правительства США: готовить и передавать главнокомандующему для исполнения директивы, которые, однако, должны соответствовать политической линии Дальневосточной комиссии. Особо оговаривалось, что директивы, касающиеся существенных изменений, а именно конституции, режима контроля, смены правительства и т. д., будут даваться только с согласия комиссии. Если комиссия была поставлена над главнокомандующим союзными войсками, то Союзный совет для Японии получил главным образом функции совещательного органа, который консультирует главнокоман-

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза, 1945 год», стр. 158.

дующего и контролирует его действия. Главнокомандующий был обязан консультироваться с Советом «до дачи приказов по вопросам, имеющим существенное значение»¹. Каждый член Совета имел право приостановить действия главнокомандующего по существенным вопросам и передать спор на обсуждение Дальневосточной комиссии.

Московское совещание подтвердило незыблемость союзных соглашений о послевоенном мирном урегулировании, зафиксированных в таких документах, как Декларация Объединенных Наций от 1 января 1942 г., Каирская декларация 1943 г., решения Крымской конференции 1945 г. и Потсдамская декларация 1945 г. Борьба советской дипломатии, отстаивавшей принципы демократического послевоенного урегулирования, завершилась на том этапе определенным успехом.

Система совместного управления, созданная решениями Московского совещания министров иностранных дел, носила сложный и многоступенчатый характер. Это было следствием компромисса между позициями СССР и США. Но при всей сложности и отдельных недостатках этой системы все же была заложена база совместного союзного контроля и осуществления основных задач оккупации—демократизации и демилитаризации Японии, превращения ее в миролюбивое государство, исключаящее из своей политики агрессию и насилие. Однако правящие круги США, вынужденные подписать такое соглашение, на деле вовсе не собирались его выполнить. Они не хотели отказаться от своих империалистических целей при проведении оккупационной политики. И только под нажимом СССР, чью позицию поддерживали демократические силы всего мира, а также под воздействием народных выступлений в самой Японии, США пришлось декларировать и провести отдельные меры, которые объективно способствовали процессу демократизации Японии.

Политика Советского Союза в отношении Японии принципиально отличалась от американского курса. В ее основе лежала идея превращения Японии в независимое демократическое миролюбивое государство, как это и было предусмотрено совместными решениями союзников в период войны. Свой политический курс Советское правительство стремилось осуществить через межсоюзнические органы контроля — Дальневосточную комиссию и Союзный совет, прилагая усилия к превращению их в подлинные органы международного сотрудничества, последовательно добиваясь повышения их престижа. Правительство США, наоборот, считало эти органы помехой своим планам. И чем дальше отходило правительство США от согласованных союзных решений, тем откровеннее оно игнорировало эти органы, стараясь свести их активность к нулю и полностью отстранить Советский Союз и другие страны от решения вопро-

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1945 год», стр. 159.

сов, связанных с проведением оккупационной политики в Японии.

Показательны данные о количестве одобренных Дальневосточной комиссией политических резолюций в разные периоды. Так, за первые 15 месяцев работы комиссии — с 26 февраля 1946 г. по 10 июля 1947 г. было принято 41 решение; за следующие 18 месяцев — с 10 июля 1947 г. по 23 декабря 1948 г. — 13, а с 24 декабря 1948 г. по 30 июня 1950 г. — всего лишь 9 решений¹.

Больше года понадобилось Дальневосточной комиссии для того, чтобы выработать и наконец зафиксировать цели и задачи оккупационной политики в Японии, отменив одностороннюю директиву американских властей, которые хотели сделать Японию послушным орудием своей политики в Азии. Принятая 19 июня 1947 г. комиссией резолюция «Об основной политике в отношении Японии после капитуляции» определила задачи демократического переустройства Японии и недопущения ее ремилитаризации.

Как указывалось в этом документе, оккупационная политика должна «обеспечить, чтобы Япония не представляла больше угрозы международному миру и безопасности», привести к возможно скорейшему «созданию демократического и мирного правительства, которое будет выполнять свои международные обязательства, будет уважать права других государств и будет поддерживать цели Объединенных Наций. Такое правительство в Японии должно быть создано в соответствии со свободным волеизъявлением японского народа»².

Подчеркивалось, что разоружение и демилитаризация являются важнейшими задачами оккупации и должны быть проведены быстро и решительно. Резолюция требовала устранить с общественных постов активных носителей идей милитаризма и воинствующего национализма, распустить и запретить ультранационалистические или милитаристские социальные, политические, профессиональные и коммерческие общества и организации, наказать военных преступников. В ней указывалось на необходимость ликвидации препятствий, мешающих возрождению и укреплению демократических тенденций в японском народе, и поощрения демократических партий и профсоюзов.

Для уничтожения экономической основы японского милитаризма, говорилось далее в решении, будет проведена программа запрещения производства вооружения, в том числе военных кораблей и самолетов, а также ликвидация тех отраслей промышленности, которые могли бы обеспечить Японию производственными мощностями для вооружения в целях ведения войны. Учреждалась система контроля за выполнением этого положения, предусматривались роспуск крупных промышленных и банковских объединений, выплата репараций странам — жертвам агрессии с учетом объема материальных и людских потерь, а также вклада, который эти страны внесли в дело разгрома Японии³.

Демилитаризации и демократизации Японии способствовали решения Дальневосточной комиссии об основных принципах новой японской конституции, о принципах организации японских профсоюзов, об аграрной реформе, о политике в отношении пересмотра японской системы образования, об

¹ «The Department of State Bulletin», August 21, 1950.

² «Основная политика в отношении Японии после капитуляции». Решение Дальневосточной комиссии от 19 июня 1947 г. М., 1947, стр. 6—7.

³ «Основная политика в отношении Японии после капитуляции», стр. 14—15.

аресте, предании суду и наказании военных преступников на Дальнем Востоке.

Постановлением 14 августа 1947 г. «О сокращении военно-промышленного потенциала Японии» признано было необходимым уничтожить машины и оборудование, предназначенные для производства боевого снаряжения.

Однако правительство США, особенно с 1948 г., стало открыто и грубо игнорировать Дальневосточную комиссию и Союзный совет для Японии. Советский представитель в Союзном совете ставил основные вопросы осуществления оккупационной политики: о ходе ликвидации концернов, о проведении земельной реформы, о чистке японских государственных и общественных учреждений и организаций, о японском офицерском корпусе, о реформе полицейской системы, об изъятии фашистской и милитаристской литературы, о ходе уничтожения вооружения и военных материалов, о выборах в местные органы самоуправления, о состоянии общественного здравоохранения и т. д. Постановка этих вопросов на обсуждение Союзного совета была существенно важной для выработки конкретных путей демилитаризации и демократизации Японии и привлекала внимание общественного мнения Японии и всех стран к американской политике.

Оккупационные власти США всячески старались затруднить действия советских представителей, низвести Совет до роли безмолвного регистратора действий и решений американского главнокомандующего. Уже на 12-м заседании Совета в августе 1946 г. представителем США Ачесоном была сделана попытка пересмотреть соглашение трех держав о Союзном совете. Он предложил расширить состав Совета за счет 7 других представителей союзных держав, входящих в состав Дальневосточной комиссии. Советский представитель решительно возразил против ревизии решения трех министров иностранных дел¹. Американского представителя не поддерживали и другие члены Совета. Штаб оккупационных войск задерживал на длительное время или вообще не предоставлял затребованную членами Совета информацию. Макартур не консультировался с Союзным советом перед тем, как издавать свои директивы. В таких условиях все труднее становилось членам Совета выполнять возложенные на них обязанности. Со второй половины 1948 г. и весь 1949 г. Союзный совет почти бездействовал.

Хотя в Дальневосточной комиссии и в Союзном совете предложения советских представителей в большинстве случаев отклонялись США и их союзниками, борьба советской дипломатии в этих органах не была бесполезной. Критика действий оккупационных властей и директив правительства США, а также конкретные предложения СССР содействовали реализации отдельных демократических мер, разоблачали сговор американских

¹ См. «Сборник заявлений и рекомендаций члена Союзного совета для Японии от СССР». М., 1949, стр. 26.

оккупационных властей с японской реакцией, облегчали борьбу прогрессивных японских партий и организаций за демократический путь развития страны.

4. Политические и экономические реформы в Японии

Важное значение для мирного урегулирования на Дальнем Востоке имела борьба вокруг проекта новой японской конституции. Американские оккупационные власти считали, что императорский строй может быть удобным орудием проведения политики США.

Чтобы придать императору несколько «демократический» облик, Макартур предложил ему выступить с заявлением, отрицающим его божественное происхождение. Так император и поступил. А затем он по указанию Макарура объездил страну, демонстрируя свою «демократичность». Макартур поручил Коноэ возглавить работу по переделке конституции 1889 г. Проект Коноэ сохранял императорский строй и палату пэров. Мало чем отличались проекты, составленные либеральной и прогрессивной партиями. Проект социалистов делил верховную власть между парламентом и императором.

Конституционные проекты японских буржуазных партий вызвали резкую критику в Японии и за рубежом. Советский Союз и Австралия высказывались за упразднение императорского строя; к этому склонялся и Китай. Даже в США «китайская группа» высказывалась за ликвидацию императорского строя в Японии. В самой Японии против императорского режима активно выступали коммунистическая партия и другие прогрессивные организации.

Штаб оккупационных войск в начале февраля 1946 г. предложил сохранить императора в качестве «символа», по примеру Англии. В феврале 1946 г. Макартур говорил премьер-министру Сидэхара: «Император как символ и отказ от войны — вот два принципа, не подлежащих изменению; это единственный путь, который позволит отклонить проект Советов и сохранить императорский строй»¹. Соглашаясь на ограничение прав императора, Макартур признавал, что он вынужден был пойти на уступки Советскому Союзу, настаивавшему на демократизации и демилитаризации Японии. Сказывалось и влияние демократического движения японского народа. Принцип отказа от войны был включен в проект с расчетом ослабить Японию, исключить возможность ее восстановления как конкурента США на Тихом океане. В памяти Макарура и его советников были живы воспоминания о тяжелых поражениях в начале войны.

В проекты конституции, выработанные политическими партиями, были внесены исправления, в частности, включена статья об отказе от войны как метода разрешения конфликтов и о запрещении Японии иметь вооруженные силы. Прерогативы императора ограничивались представительскими функциями. Прокламировалось предоставление основных гражданских свобод. Конституция в некоторой степени отражала демократические требования народных масс, являлась результатом их борьбы.

¹ Цит. по кн. «История войны на Тихом океане», т. V, стр. 120.

В то же время она была призвана посредством демократической фразеологии ослабить революционное движение народа.

Представитель СССР в Дальневосточной комиссии 19 сентября 1946 г. при обсуждении проекта конституции настаивал на более точном определении в конституции суверенных прав народа, на внесении специальной статьи об этом. Он требовал расширить полномочия парламента, в частности, дав ему право назначать не только премьер-министра, но и остальных министров кабинета, а также избирать членов Верховного суда. Советская делегация соглашалась на двухпалатную систему при условии, что палата советников не будет доминировать над палатой представителей¹. Однако эти предложения не были приняты союзниками.

В октябре 1946 г. обе палаты парламента утвердили проект конституции, и 3 мая 1947 г. она вступила в силу.

В первые послевоенные годы в Японии американским властям пришлось провести некоторые, хотя и не до конца последовательные, мероприятия по чистке государственного аппарата от военных преступников. Они вынуждены были также согласиться на проведение аграрной реформы. Несмотря на ее ограниченный характер, она ликвидировала в основном систему крупного помещичьего землевладения. Были осуществлены необходимые прогрессивные изменения в законодательстве о профсоюзах, облегчившие развитие рабочего движения.

Одной из важнейших задач мирного урегулирования в Японии, как и в Германии, было, наряду с демократизацией и демилитаризацией, разукрупнение монополий, ликвидация чрезмерной концентрации экономической мощи. Японские монополии — главные вдохновители агрессии — получили за время войны колоссальные прибыли. После военного поражения в экономике Японии царил полный хаос. Однако в условиях американской оккупации японский монополистический капитал довольно скоро оправился, провел реорганизацию и сохранил свои позиции.

В августе 1946 г. была учреждена комиссия по реорганизации акционерных компаний. Комиссия провела проверку активов 83 головных компаний и имущества 56 представителей фамильных дзайбацу: Мицуи, Мицубиси, Ясуда, Сумитомо, Ниссан, Окура, Фурукава, Асано, Накадзима и Номура. Было изъято 200 млн. акций на сумму 9,1 млрд. иен. Но эти меры не привели к роспуску дзайбацу: ведь оккупационные власти хотели не ликвидировать, а подчинить их диктату монополий США.

Советское правительство не могло примириться с этим. Представитель СССР в Союзном совете 12 мая 1947 г. предложил допустить в качестве наблюдателей за работой комиссии по реорганизации компаний представителей союзных держав — членов Союзного совета для Японии. Игнорировать позицию

¹ См. «Сборник заявлений, предложений и запросов представителя СССР в Дальневосточной комиссии». М., 1950, стр. 17—18.

Советского Союза генерал Макуртур не считал возможным. В июле 1947 г. был опубликован закон «О запрещении монополий», а в декабре 1947 г. — закон «О ликвидации чрезмерной экономической концентрации».

Однако крупных монополистических объединений эти законы, по существу, не затронули. Реорганизация фактически коснулась лишь 28 компаний: крупнейшие из японских трестов были разъединены на несколько крупных. Мероприятия по «роспуску дзайбацу» облегчили установление тесных связей американских монополий с монополиями Японии.

Политика правительства США шла вразрез с задачами создания миролюбивой, демократической Японии. Действия оккупационных властей были направлены на то, чтобы не дать японскому народу возможность свободно избрать форму правления и сформировать правительство, которое последовательно осуществило бы демократические преобразования во всех областях экономической, политической и общественной жизни страны. Однако громадные сдвиги в расстановке классовых сил внутри страны и на международной арене привели к невиданному ранее подъему демократического движения в Японии. Все это обеспечило проведение в стране ряда важных реформ. Несмотря на непоследовательный и половинчатый характер мероприятий оккупационных властей, были ликвидированы вооруженные силы Японии, ее милитаристские и фашистские организации, осуществлены антифеодальные преобразования в сельском хозяйстве, несколько демократизированы система образования и рабочее законодательство. Японский народ получил некоторые демократические права и общегражданские свободы. Антивоенный характер конституции дал правовую опору демократическим силам для сопротивления реакции.

5. Успехи освободительного движения в Китае и политика США в Японии

К началу 1948 г. в правящих кругах США была потеряна уверенность в правильности ориентации на гоминдановский Китай как на главную опору политики США на Дальнем Востоке. Национально-освободительное движение в Азии одерживало новые и новые победы. В Китае гоминдановцы, несмотря на широкую американскую помощь, терпели поражения.

В связи с этим правящими кругами США была откровенно провозглашена задача превращения Японии в политическую и экономическую базу империализма США, в оплот против национально-освободительного движения азиатских народов и прежде всего против китайской народной революции.

С этой целью США направили в Токио заместителя военного министра Дрейпера, поручив ему определить принципы эконо-

мической политики в отношении Японии. Японский премьер-министр Асида обратился к нему с просьбой о предоставлении Японии займа в 1 млрд. долл. Как сообщалось в специальном заявлении штаба оккупационных войск 24 марта 1948 г., Дрейпер настаивал на укреплении экономических позиций японского империализма по трем линиям: увеличение производства важнейших материалов, развитие внешней торговли и составление сбалансированного бюджета¹.

Японские правящие круги приступили к активному выполнению американских рекомендаций. Правительство выделило крупные дотации на развитие тяжелой промышленности и расширение внешней торговли. Политика инфляции и повышения налогов имела целью сбалансировать бюджет за счет ухудшения положения трудящихся.

Макартур 24 июля 1948 г. без консультации с Союзным советом направил премьер-министру Асиду письмо, в котором потребовал изменить закон о государственной и общественной службе, лишить рабочих и служащих государственных и общественных учреждений права стачек и коллективных договоров². «Письмо Макарура стоит выше всех законов», — покорно заявило правительство и опубликовало 31 июля указ, лишивший законных прав 3,5 млн. рабочих и служащих. Все ранее заключенные коллективные договоры были аннулированы³.

Начались свирепые репрессии: массовые увольнения и многочисленные аресты бастовавших рабочих. Оккупационные власти привлекали рабочих к суду военного трибунала. Они подавляли забастовки, применяя для этого даже танки.

Советское правительство решительно встало на защиту демократических прав японских рабочих. На созванном по требованию советского представителя специальном заседании Союзного совета он квалифицировал действия Макарура как нарушение принципов Потсдамской декларации и основных политических решений Дальневосточной комиссии и потребовал отмены этой незаконной директивы⁴. Тот же вопрос неоднократно поднимался советским представителем в Дальневосточной комиссии⁵.

Правительство США игнорировало протесты Советского Союза, продолжая проводить антидемократический курс. Осенью 1948 г. развернулась острая борьба японских шахтеров,

¹ См. «История войны на Тихом океане», т. V, стр. 205.

² «East Asia. 1947—1950». Selected Documents on Asian Affairs. Oxford, 1958, p. 579.

³ См. «Сборник заявлений, предложений и запросов представителя СССР в Дальневосточной комиссии», стр. 19.

⁴ См. «Сборник заявлений и рекомендаций члена Союзного совета для Японии от СССР», стр. 66—70.

⁵ См. «Сборник заявлений, предложений и запросов представителя СССР в Дальневосточной комиссии», стр. 19—21.

электриков, железнодорожников частных дорог. Коалиционный кабинет Асида — Нисио, провозгласивший так называемую «среднюю линию», оказался не в состоянии сдержать движение рабочего класса. Американцы создали тогда открыто реакционный кабинет во главе с Иосида. Становилось ясным, что, меняя свою стратегию на Дальнем Востоке, правительство США все более откровенно стремится превратить Японию в свою военную базу и установить полный контроль над ее экономикой.

Советская делегация в Дальневосточной комиссии упорно и настойчиво выступала против попыток США превратить Японию в орудие своей агрессивной политики. Советский представитель выступил 23 сентября 1948 г. в Дальневосточной комиссии с заявлением об уровне промышленного развития Японии. Это была широкая программа достижения экономической независимости Японии.

Но опять правительство США воспротивилось осуществлению этой программы. Представитель США прямо заявил 11 ноября 1948 г., что принятие советских предложений не принесет пользу, что они якобы повторяют предыдущие решения Дальневосточной комиссии и находятся вне ее компетенции.

На протяжении 1949—1950 гг. советская делегация в Дальневосточной комиссии неоднократно возвращалась к вопросу об уровне промышленного развития Японии. В США же выработывался тогда пресловутый план «экономической стабилизации» для Японии. Главной его целью было восстановить японские монополии на основе укрепления союза правящих кругов США и Японии.

Если в Японии США удалось во многом препятствовать росту сил демократии, то в целом их политика в Азии переживала серьезный кризис: генеральное контрнаступление Народно-освободительной армии в Китае показывало, что дни гоминдановского режима сочтены. 6 ноября 1948 г. американские военные представители в Китае единодушно заявили своему правительству, что «какую бы помощь США ни оказывали Чан Кай-ши, положение может быть исправлено только путем непосредственного использования американских войск»¹.

При такой ситуации правящие круги США спешили превратить Японию в дальневосточный оплот своей агрессивной политики, в один из своих стратегических плацдармов. Без «сильного» реакционного правительства было трудно рассчитывать на выполнение этой задачи.

На январь 1949 г. в Японии были назначены всеобщие выборы. Проведенный накануне роспуска парламента новый избирательный закон резко ограничивал количество предвыборных митингов и выступлений кандидатов. И все же в итоге выборов коммунистическая партия, от которой в прежнем парламенте

¹ «The United States Relations with China», p. 537.

было лишь 4 депутата, получила на этот раз 35 мест¹. Серьезное поражение потерпели социалисты и другие партии, проповедовавшие «средний путь».

Иосида сформировал свой третий кабинет. Это и было «стабильное» правительство, призванное при поддержке оккупационных войск выполнять задачи американской политики в Японии. Иосида пользовался поддержкой и японских монополистов, надеявшихся восстановить свои позиции внутри страны и за рубежом.

6. Вопрос о мирном договоре с Японией в первые послевоенные годы

Советский Союз последовательно настаивал на заключении справедливого мирного договора с Японией, который обеспечил бы ее развитие по пути мира и демократии. Именно такое мирное урегулирование предусматривалось межсоюзническими соглашениями военного времени.

Советское правительство исходило из того, что в соответствии с Потсдамским соглашением подготовка мирного договора с Японией должна быть возложена на Совет министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Китая, от имени которых были подписаны условия капитуляции, продиктованные Японией.

Правительство США стремилось при подготовке мирного договора с Японией обойти Совет министров иностранных дел, где был установлен принцип единогласия держав — членов Совета. США предлагали заменить Совет конференцией 11 государств — членов Дальневосточной комиссии, так как рассчитывали, используя машину голосования, обеспечить принятие выгодных для себя решений.

11 июля 1947 г. американский посол в Москве сообщил Советскому правительству, что правительство США предлагает созвать 19 августа 1947 г. конференцию по составлению мирного договора с Японией из представителей 11 держав, являющихся участниками Дальневосточной комиссии. Не дожидаясь ответа СССР, американская дипломатия без консультации с Англией и Китаем начала в одностороннем порядке подготовку к мирной конференции, вступив в переговоры с представителями держав — членов Дальневосточной комиссии. США, таким образом, не посчитались с соглашениями, определившими порядок подготовки послевоенного мирного урегулирования.

Советское правительство 22 июля 1947 г. заявило, что оно не может принять это предложение, и потребовало предварительного рассмотрения вопроса на Совете министров иностранных дел с участием СССР, США, Китая и Англии². Произвольно толкуя Потсдамское соглашение о создании Совета министров иностранных дел, США продолжали настаивать на своем³.

¹ См. *Х. Г. Эйдус*. Очерки новой и новейшей истории Японии, стр. 270.

² См. «Сборник нот и заявлений правительств СССР, США, Китая, Англии и других стран по вопросу мирного урегулирования для Японии», М., 1951, стр. 7—8.

³ См. там же, стр. 36—38.

Другие члены Дальневосточной комиссии, находившиеся под влиянием США, согласились с их позицией, выдвинув лишь некоторые оговорки. В частности, правительство гоминдановского Китая предложило новую формулу процедуры голосования, а именно, чтобы решения на конференции принимались большинством в $\frac{2}{3}$ голосов, включая утвердительное голосование трех великих держав из числа четырех. Предложение гоминдановской дипломатии лишь внешне носило компромиссный характер. В действительности эта формула сохраняла для блока капиталистических государств возможность игнорировать интересы СССР.

17 ноября 1947 г. дипломатия Чан Кай-ши, вынужденная считаться с непопулярностью американской линии в отношении Японии, предложила созвать предварительную конференцию держав — членов ДВК. Конференция должна была применять процедуру Дальневосточной комиссии, т. е. принимать решения большинством голосов, включая совпадающие голоса четырех великих держав.

Советское правительство, отвергнув этот проект, выдвинуло предложение о созыве в январе 1948 г. совещания Совета министров иностранных дел¹.

Англия выступила со своим вариантом: созвать для выработки мирного договора предварительную конференцию в составе всех тех стран, которые «особенно заинтересованы в урегулировании с Японией, не только в силу их вкладов в дело поражения Японии, но также и в силу размера их потерь от японской агрессии и их жизненно важных интересов в будущем мирном развитии района Тихого океана». Выступая против принципа единогласия великих держав, английское правительство предлагало, чтобы решения на конференции принимались большинством в $\frac{2}{3}$ голосов². Англия и США были уверены в том, что они получают необходимые две трети голосов и сумеют провести угодные им решения.

Правительство США не добились созыва мирной конференции в обход Совета министров иностранных дел и поэтому отложило вопрос о заключении мирного договора с Японией. Советское правительство, заинтересованное в обеспечении демократического развития Японии, решило использовать собравшуюся в Париже в мае — июне 1949 г. после долгого перерыва сессию Совета министров иностранных дел, чтобы поднять вопрос о созыве специальной сессии (с участием Китая) для обсуждения вопроса о мирном договоре с Японией.

Против этого предложения, внесенного 23 мая 1949 г., возражал государственный секретарь Ачесон. США продолжали отрицать правомерность и целесообразность обсуждения этого вопроса в Совете министров иностранных дел.

Сотрудничество японских правящих кругов с американской буржуазией постепенно стало превращаться в союз, основанный

¹ См. «Сборник нот и заявлений правительств СССР, США, Китая, Англии и других стран...», стр. 11.

² Там же, стр. 56—58.

на обоюдной заинтересованности в подавлении демократических сил Японии и восстановлении позиций японского империализма на Дальнем Востоке. Таким образом, империалистические круги Соединенных Штатов в первые послевоенные годы сделали все для срыва подлинного мирного урегулирования с Японией. Они всеми средствами мешали установлению системы прочного мира на Дальнем Востоке. Это было одним из проявлений их общего курса на разжигание «холодной войны» и сколачивание агрессивных антисоветских блоков.

ГЛАВА XX

ПОДГОТОВКА МИРНЫХ ДОГОВОРОВ С БЫВШИМИ СОЮЗНИКАМИ ГЕРМАНИИ

1. Специфика мирного урегулирования с бывшими союзниками Германии

Заключение мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии было одной из неотложных задач международной жизни первых послевоенных лет. Еще в годы войны главные державы антигитлеровской коалиции — СССР, США и Англия договорились заключить мирные договоры с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией раньше, чем с ведущими государствами фашистского блока — Германией и Японией. Эту договоренность зафиксировала Потсдамская конференция, указав: «В качестве немедленной и важной задачи Совета (министров иностранных дел. — *Авт.*) на него возлагается составление мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии...»¹

Решение подписать мирные договоры с бывшими союзниками гитлеровской Германии раньше заключения договора с самой Германией или Японией объяснялось рядом причин. Во-первых, сателлиты Германии вышли из войны значительно раньше Германии и Японии. Италия вышла из войны в 1943 г., остальные участники фашистского блока — в 1944 г. Все они объявили затем войну гитлеровской Германии (Италия в октябре 1943 г., Румыния в августе, Болгария в сентябре, Венгрия в декабре 1944 г. и Финляндия в марте 1945 г.). Румыния и Болгария внесли немалый вклад в победу Объединенных Наций на заключительном этапе войны. Болгарская армия, например, участвовала в освобождении Югославии, Венгрии и в боях на территории Австрии. Всего в военных операциях на Балканах в 1944—1945 гг. приняло участие до 12 болгарских дивизий;

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 337.

в этих операциях болгарская армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 32 тыс. человек. Румынские войска, численность которых достигала 29 дивизий, сражались на территории Румынии, Венгрии и Чехословакии.

Вторым обстоятельством, определившим первоочередность подготовки мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, являлось то, что в этих странах были уже созданы временные верховные законодательные и исполнительные органы власти. Парламенты и правительства Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии осуществили уже в конце войны ряд мер для искоренения фашизма. Особенно радикальный характер эти меры носили в Болгарии, Румынии и Венгрии.

Мирные договоры должны были закрепить достигнутые этими странами успехи в области демократизации и способствовать ее дальнейшему развитию. Это хорошо понимали демократические деятели, различные прогрессивные партии и организации. Они выступали за скорейшее урегулирование международного положения своих стран. Г. М. Димитров, характеризуя значение мирного договора для Болгарии, говорил в феврале 1947 г.: «Главной заботой Отечественного фронта, правительства, народа и особенно нашей партии до сих пор была забота об урегулировании международного положения нашей страны...

В этом отношении на нашем пути имелось много трудностей и препятствий. Но сегодня, я, как член ЦК нашей партии и как премьер-министр Болгарии, могу сказать, что эти трудности и препятствия преодолены»¹.

Наконец, третье обстоятельство заключалось в том, что многие важнейшие вопросы, касающиеся мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, были предопределены соглашениями о перемирии, заключенными с ними в ходе второй мировой войны. Следует особо отметить, что если выход из войны Германии и Японии носил характер безоговорочной капитуляции, то соглашения о перемирии с их союзниками включали ряд условий выхода этих стран из войны. Особенно конкретный характер носили соглашения о перемирии с Румынией (12 сентября 1944 г.), Финляндией (19 сентября 1944 г.), Болгарией (28 октября 1944 г.) и Венгрией (20 января 1945 г.). В этих документах, подписанных СССР, США и Англией от имени всех Объединенных Наций, были зафиксированы главные решения по территориальным, политическим, экономическим и военным вопросам будущего мирного урегулирования. В соглашении о перемирии с Финляндией, например, прямо говорилось: «Заключение будущего договора о мире будет облегчено включением в Соглашение о перемирии некоторых

¹ Г. Димитров. Сочинения, т. XIII. София, 1955, стр. 81.

условий этого договора о мире»¹. Но дело не ограничивалось этим.

Уже в ходе войны капитулировавшие союзники Германии приступили к практическому выполнению соглашений о перемирии. Взять, например, вопрос о границах. Еще задолго до того как министры иностранных дел СССР, США, Англии и Франции занялись подготовкой мирных договоров, границы Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии были фактически изменены в соответствии с территориальными постановлениями соответствующих соглашений о перемирии. Или взять вопрос о репарациях. Уже в 1944—1945 гг. Румыния, Финляндия и Венгрия приступили к репарационным поставкам.

Главным государствам антигитлеровской коалиции в ходе длительных переговоров и острой политической борьбы удалось в конечном итоге выработать условия выхода из войны всех союзников гитлеровской Германии. Выдающуюся роль в этом деле сыграл Советский Союз. Соглашения о перемирии с Румынией и Финляндией были, например, выработаны на основе советских условий, предъявленных фашистским правительствам Финляндии и Румынии в начале 1944 г.

Соглашение о перемирии с Венгрией также отражало советскую точку зрения по важнейшим вопросам мирного урегулирования с этой страной. Советское правительство с большим пониманием относилось к положению венгерского народа. Венгрия по воле ее фашистских верхов оказалась последней союзницей гитлеровской Германии в Европе и заключила перемирие лишь в начале 1945 г. Советское правительство считало, что решение вопроса о будущем Венгрии должно принадлежать самому венгерскому народу.

Большую энергию и твердость проявил Советский Союз при подготовке соглашения о перемирии с Болгарией. В состоянии войны с ней Советский Союз находился лишь с сентября 1944 г., Англия же — с 1941 г., а США — с 1942 г. Поэтому Англия и США пытались навязать Болгарии свой проект перемирия, который содержал ряд статей, ставивших ее в худшее положение, чем других союзников Германии. Но СССР не допустил дискриминации Болгарии. Соглашение с ней было составлено на той же основе, что и другие соглашения о перемирии.

Активно участвовала советская дипломатия и в определении совместной политики союзников в отношении Италии. Хотя текст соглашения о перемирии с Италией был подготовлен правительствами США и Англии, следует особо отметить, что именно по инициативе Советского правительства была принята на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии (в 1943 г.) Декларация об Италии, ставшая

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 215.

потом важнейшим дополнением к соглашению о перемирии с Италией¹.

Итак, специфика мирного урегулирования с бывшими союзниками Германии заключалась, в частности, в том, что важнейшие решения, касающиеся мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, были приняты в условиях войны, при эффективном советско-англо-американском военно-политическом сотрудничестве. На Потсдамской конференции главы трех правительств — СССР, США и Англии — поручили министрам иностранных дел продолжить работу по мирному урегулированию.

2. Подготовка проектов договоров на сессиях Совета министров иностранных дел

Работа по составлению проектов пяти мирных договоров — с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией — велась на трех международных конференциях: на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел (сентябрь — октябрь 1945 г.), на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии (декабрь 1945 г.) и на Парижской сессии Совета министров иностранных дел (апрель — июль 1946 г.). Кроме того, различные комитеты экспертов и советников, а также постоянные совещания заместителей министров иностранных дел разрабатывали отдельные вопросы мирного урегулирования с бывшими союзниками Германии.

Особое место среди всех этих конференций занимала Лондонская сессия СМВД. Она явилась не только первой сессией Совета, но и первой международной конференцией, созданной после окончания второй мировой войны.

На тридцати трех заседаниях Лондонской сессии СМВД была проделана немалая работа. В основу обсуждения проектов мирных договоров с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией были положены советские предложения, в основу проекта мирного договора с Италией — предложения США и Англии. На сессии удалось успешно решить многие важные вопросы. Так, ряд постановлений проекта мирного договора с Италией и значительное количество статей проектов мирных договоров с остальными странами были одобрены всеми членами Совета министров иностранных дел. Наконец, были согласованы и некоторые общие вопросы. И все же Лондонская сессия СМВД окончилась провалом.

Дело в том, что делегации западных государств попытались грубо нарушить порядок подготовки мирных договоров, установленный на Потсдамской конференции. В Потсдаме было оговорено, что при разработке проекта каждого мирного договора Совет будет состоять из представителей государств, подписавших условия капитуляции. Но в отношении Италии права государства, подписавшего условия капитуляции, предоставлялись и Франции. Это означало, что в подготовке мирного договора с Италией будут участвовать министры иностранных дел СССР, США, Англии и Франции, в подго-

¹ См. гл. XVII.

товке мирных договоров с Румынией, Болгарией, Венгрией — министры иностранных дел СССР, США и Англии, и, наконец, мирный договор с Финляндией подготовят министры иностранных дел Советского Союза и Англии.

Однако, как только СМИД приступил к рассмотрению проектов мирных договоров, американская и английская делегации попытались нарушить указанную процедуру. Такая позиция западных держав свидетельствовала об их отказе от взятых на себя ранее обязательств. Советский Союз занял твердую принципиальную позицию и не согласился с нарушением Потсдамских соглашений.

Западные державы, в первую очередь правительство США, пытались нарушить согласованные решения и при обсуждении других вопросов. Представители США, как правило, занимали наиболее враждебную Советскому Союзу позицию. Так случилось при обсуждении репарационных претензий СССР к Италии. Государственный секретарь США Бирнс, поддержанный английским министром иностранных дел Бевином, добился отклонения советских предложений под тем предлогом, что Италия якобы не в состоянии выполнить эти репарационные претензии.

Антисоветская позиция американской делегации ясно выявилась на Лондонской конференции при обсуждении проектов мирных договоров с соседями Советского Союза. Делегация США при поддержке представителей Англии выступила с клеветническими нападками на демократические правительства Болгарии, Румынии и Венгрии и заявила, что будет участвовать в обсуждении мирных договоров с этими странами лишь в случае отставки действующих правительств. То была неприкрытая попытка вмешательства во внутренние дела других государств. Один из членов американской делегации так охарактеризовал позицию западных держав: «Соединенные Штаты и Великобритания оказались перед проблемой, сумеют ли они в процессе переговоров о мирном урегулировании добиться того, чего они так безуспешно добивались в период перемирия, а именно: поставить свою ногу в дверь, ведущую в Восточную Европу»¹.

Советская делегация упорно добивалась на Лондонской сессии СМИД принятия согласованных решений. Однако антисоветская позиция других делегаций, главным образом американской, стремившихся перечеркнуть ранее достигнутые соглашения, не дала возможности успешно завершить работу сессии.

Главной причиной срыва сессии СМИД был отказ западных держав от принципов сотрудничества, на которых основывалась антигитлеровская коалиция. Переговоры о заключении мирных договоров с союзниками гитлеровской Германии явились ареной, на которой это нашло яркое выражение.

Неудача Лондонской сессии СМИД вызвала разочарование мировой общественности. Политику правительства США и его партнеров сурово критиковали повсюду, в том числе в самих США, Англии, Франции. Мировая общественность требовала возобновления переговоров между великими державами. К тому же правящие круги Вашингтона, Лондона и Парижа понимали, что затяжка с заключением мирных договоров со странами Восточной Европы может привести лишь к дальнейшему ослаблению влияния западных держав, а также к их отстранению от решения важнейших вопросов мирного урегулирования в этом

¹ J. Campbell. The United States in World Affairs 1945—1947. Washington, 1949, p. 66.

районе Европы. На совещании министров иностранных дел Советского Союза, США и Англии в декабре 1945 г. в Москве западные державы согласились возобновить подготовку мирных договоров и согласовали ряд важных вопросов мирного урегулирования с бывшими союзниками Германии.

В итоге длительной и трудоемкой работы, взаимных уступок и компромиссов подавляющее большинство вопросов мирного урегулирования с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией удалось к лету 1946 г. успешно разрешить. Так, из 78 статей наиболее сложного документа — проекта мирного договора с Италией — около 70 статей было полностью согласовано, в том числе почти все территориальные, политические и военные постановления. Еще меньше несогласованных статей оставалось в остальных четырех проектах. Подготовленные СМВД проекты мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией были представлены на рассмотрение Парижской мирной конференции.

3. Парижская мирная конференция

Конференция открылась 29 июля 1946 г. в Люксембургском дворце. В ее задачи входило обсуждение проектов мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией (подготовленных СМВД) и выработка рекомендаций по этим проектам.

По своему характеру Парижская конференция 1946 г. существенно отличалась от предшествовавших ей мирных конференций. В ней участвовали все государства, действительно заинтересованные в мирном урегулировании с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. Это были пять великих держав — СССР, США, Китай, Англия и Франция и 16 других государств, активно участвовавших в войне против вражеских государств в Европе своими военными контингентами — Австралия, Белоруссия, Бельгия, Бразилия, Голландия, Греция, Индия, Канада, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Украина, Чехословакия, Эфиопия, Югославия, Южно-Африканский Союз. Кроме того, были представлены «приглашенные государства» — Австрия, Албания, Египет, Ирак, Иран, Куба и Мексика — с правом участвовать в дискуссии и излагать свою точку зрения. Приняли участие в конференции и представители Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии.

История международных отношений знала немного таких примеров, когда побежденным государствам предоставлялись бы на мирной конференции столь большие возможности для защиты своих позиций. Достаточно вспомнить, какой унижитель-

ной процедуре подверглись делегации побежденных государств на Парижской конференции 1919 г.

Окончательные решения конференции, ее рекомендации выносились не каким-либо комитетом или советом с ограниченным составом участников, а ее пленумом, состоявшим из представителей всех членов мирной конференции.

Но главное отличие Парижской мирной конференции 1946 г. от Версальского «мирного» урегулирования заключалось в самом ее существе. Если в 1919 г. речь шла о завершении несправедливой империалистической войны империалистическим, несправедливым миром, то в данном случае мирное урегулирование осуществлялось в итоге антифашистской, справедливой войны. Разгром наиболее агрессивных и реакционных сил в мире сам по себе придавал совершенно иной характер задаче мирного урегулирования. Решающая роль Советского Союза в войне и, как следствие этого, в борьбе за демократическое мирное урегулирование не могла не определить принципиально иной характер дипломатической деятельности по заключению мирных договоров.

Если в Париже в 1919 г. шла межимпериалистическая борьба, не имеющая ничего общего с интересами установления прочного мира, то в 1946 г. в Париже боролись между собой два курса — демократический и империалистический — в мирном урегулировании. Причем эта борьба разворачивалась в условиях небывалого роста сознания и активности народов, стремившихся к прочному миру; в условиях огромного подъема и усиления сил демократии и прогресса во всем мире. Все эти факторы в решающей степени предопределили исход борьбы по вопросу о заключении мирных договоров с бывшими союзниками Германии.

В Париже столкнулись две тенденции мирного урегулирования: империалистическая, которая наиболее резко выражалась американской дипломатией, и демократическая, которую твердо проводил Советский Союз. Раньше, когда велись переговоры о подготовке мирных договоров, происходившие в рамках СМВД, представители США еще чувствовали себя связанными прежними совместными решениями. В Совете они не решались еще открыто выступать против сотрудничества руководящих держав антигитлеровской коалиции. Зато теперь на Парижской мирной конференции они хотели взять реванш, используя голоса малых стран, по тем или иным причинам зависящих от США. Представителям малых зависимых стран и было поручено выступить инициаторами пересмотра ранее согласованных четырьмя державами вопросов.

Наиболее длительный и ожесточенный спор развернулся из-за порядка голосования на конференции. Формально речь шла о процедурном вопросе. Но фактически спор носил политический характер.

СМИД решил, что мирная конференция будет принимать рекомендации по существу обсуждавшихся вопросов квалифицированным большинством в две трети голосов. Несомненно, что при таком порядке рекомендации выражали бы волю значительно большего числа стран, чем при голосовании по методу простого большинства, и, следовательно, носили бы более демократический характер. Однако представители Австралии и Голландии высказались против предусмотренного Советом порядка и потребовали применить простое большинство при голосовании. Их немедленно поддержал государственный секретарь США Бирнс. На заседании процедурной комиссии 30 июля 1946 г. он заявил, что, если конференция примет иные рекомендации, чем решения Совета министров иностранных дел, то США используют все свое влияние для защиты этих рекомендаций.

Советские представители резко выступили против маневров американской делегации. Защищая принцип квалифицированного большинства, делегация СССР отстаивала тем самым прежние согласованные четырьмя державами положения мирных договоров. Советская делегация не раз указывала на большую опасность, которую таит в себе так называемая «игра на голосах». Высказываясь за принятие рекомендаций большинством в две трети голосов участников конференции, советская делегация стремилась к единодушию, к взаимопониманию, к разумным уступкам друг другу, хорошо понимая, что иначе не удастся положительно разрешить международные дела. Советскую точку зрения поддерживали многие другие делегации.

Пользуясь большинством голосов, англо-американский блок, вопреки ранее принятым согласованным решениям, навязал конференции порядок голосования простым большинством, который, по мнению американской и английской делегаций, должен был обеспечить принятие угодных правящим кругам США и Англии резолюций. В этом проявился «жесткий курс» политики правящих кругов США и Англии в отношении СССР и других демократических государств. Такой порядок принятия рекомендаций явился серьезной помехой в успешной работе Парижской мирной конференции.

И по многим другим вопросам США и Англия пытались сделать все для того, чтобы не допустить заключения демократических договоров. Они не жалели сил для защиты реакции в странах, с которыми предстояло заключить договор. США и Англия стремились любой ценой придать мирному урегулированию империалистический характер.

Защищая основные принципы демократического мирного урегулирования, советская дипломатия проявляла твердость. В то же время она действовала гибко, шла на компромиссы и даже на серьезные уступки там, где это способствовало успеху всего дела мирного урегулирования в целом. Представителям США не удалось подвергнуть ревизии основные ранее согласованные решения. И это было большим успехом конференции, успехом демократических сил, успехом советской миролюбивой внешней политики.

Парижская мирная конференция завершила свою работу 15 октября 1946 г. принятием рекомендаций по всем пяти проектам мирных договоров. Заключительная работа над договорами была проделана на Нью-Йоркской сессии СМВД (ноябрь — декабрь 1946 г.). Совет, рассмотрев рекомендации Парижской мирной конференции, выработал окончательные тексты мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, которые и были подписаны в феврале 1947 г.

4. Политические постановления мирных договоров

Политические постановления мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией были исключительно важны для будущности этих государств. Постановлениями, по сути дела, определялись пути развития государств, находившихся под гнетом фашизма. Политические положения мирных договоров были неразрывно связаны с освободительным, антифашистским характером второй мировой войны. Они отражали также вызванные войной и ее последствиями изменения в расстановке политических сил на международной арене. Как отмечал В. И. Ленин в 1916 г., «...мир, заканчивающий любую войну, может быть лишь учетом и записью действительных изменений в силе, достигнутых в ходе и в результате данной войны»¹.

Политические постановления проектов мирных договоров предусматривали прежде всего обязательства Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии обеспечить для всех граждан без различия расы, пола, языка или религии, права человека и основные свободы, включая свободу слова, печати и изданий, религиозного культа, политических убеждений и публичных собраний.

Особое значение среди политических постановлений имели статьи, запрещавшие деятельность всякого рода фашистских организаций, а также организаций, ведущих враждебную Объединенным Нациям пропаганду. Статьи создавали благоприятные условия не только для развития демократии в этих странах, но и способствовали улучшению их взаимоотношений с соседними государствами. Положение о запрещении деятельности различных фашистских организаций вытекало из различных деклараций главных держав антигитлеровской коалиции в годы войны, не раз объявлявших целью Объединенных Наций ликвидацию фашизма. Достаточно сослаться хотя бы на решения Крымской конференции, предусматривавшие полное искоренение нацизма и фашизма. Следует также отметить, что постановления о запрете фашистских организаций были включены в соглашения о перемирии со всеми бывшими вражескими государствами.

Несмотря на это, делегации англо-американского блока на Парижской конференции всячески возражали против включения положений об искоренении фашизма в мирный договор с Италией. Не приводя ясных и убедительных аргументов, они голословно утверждали, будто нет достаточных оснований для включения такой статьи в мирный договор с Италией. На самом же деле там происходили в то время многочисленные

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 22, стр. 157.

фашистские, шовинистические демонстрации, совершались различные провокации, направленные против демократических свобод, завоеванных итальянским народом.

Вот почему делегации Украины и Польши предлагали Парижской конференции включить в мирный договор с Италией статью о запрещении фашизма. При обсуждении вопроса делегаты СССР, Украины, Польши и ряда других стран приводили многочисленные факты, оправдывавшие включение этой статьи в мирный договор с Италией. В частности, указывалось на деятельность неонацистской организации «Фронт простого человека», создание которой даже английская газета «Таймс» оценила как «возрождение фашистских идей». Однако, несмотря на обоснованность и целесообразность предложения Польши и Украины, усилиями делегации США статья о запрещении фашистских организаций в Италии не была включена в мирный договор.

К политическим постановлениям мирных договоров относились и статьи о военных преступниках. Согласно этим статьям Италия, Румыния, Болгария, Венгрия и Финляндия должны были принять меры для задержания и выдачи суду всех лиц, обвиняемых в военных преступлениях против мира и человечности, а также тех граждан союзных держав, которые обвинялись в измене.

Политические постановления мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией не нарушали суверенитета и независимости этих стран. Постановления не навязывали им тех или иных форм их политического устройства. Они лишь создавали условия, исключавшие возможность возникновения фашистских порядков.

В политических постановлениях мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии ярко отразился освободительный, антифашистский характер войны. До окончания войны народы этих стран жили в условиях фашистских или полуфашистских режимов. Они были лишены элементарных демократических прав. Мирные договоры давали народам Италии, Финляндии, Венгрии, Болгарии и Румынии возможность отныне самим решать свою судьбу. Там, где реакция не смогла помешать выполнению антифашистских политических постановлений мирных договоров, по воле народных масс были осуществлены глубокие демократические преобразования, которые в конечном счете привели к историческим изменениям на карте мира.

В результате социалистических революций в Венгрии, Румынии и Болгарии в Европе возникли государства, ставшие надежным оплотом прочного мира. Если Версальский мир превратил район малых стран Центральной и Юго-Восточной Европы в источник постоянных конфликтов и осложнений, то от-

ныне здесь возникла зона прочного мира. Таким образом, мирные договоры с бывшими союзниками Германии способствовали коренному оздоровлению системы международных отношений в Европе.

5. Территориальные проблемы мирных договоров

К числу важнейших проблем мирного урегулирования относились также и территориальные проблемы.

Марксистско-ленинская теория кладет в основу определения границ государства или решения судьбы той или иной территории волю населения, т. е. осуществление права наций на самоопределение. Иными словами, при установлении государственных границ должна учитываться прежде всего суверенная и добровольно выраженная воля заинтересованных наций — независимо от формы ее проявления.

Однако право на самоопределение, симпатии населения не абсолюты, не самоцель, а одно из требований демократии. В работе «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» В. И. Ленин подчеркивал, что «право на самоопределение есть одно из требований демократии, которое, естественно, должно быть подчинено общим интересам демократии»¹.

В своей практической деятельности Советское государство неизменно руководствовалось этими ленинскими указаниями при решении конкретных вопросов о границах. Теми же указаниями руководствовалось Советское правительство и при обсуждении территориальных вопросов в период мирного урегулирования с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. Перед СССР, как руководящей силой антифашистской коалиции, стояла задача — ликвидировать последствия фашистской агрессии, в частности аннулировать территориальную перекройку Европы, насильственно осуществленную фашистами.

Фашистские агрессоры ликвидировали целые государства и лишили суверенитета многие европейские и азиатские народы. Албания, Австрия перестали существовать как самостоятельные государства; Югославия исчезла с карты Европы. На ее обломках были созданы различные марионеточные государства, всецело подвластные державам «оси». Чехословакия была разорвана на части: Чехия была включена в состав германского рейха, а в Словакии создано «правительство» из фашистских агентов. Тягчайшим испытаниям подвергся в годы второй

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 22, стр. 139.

мировой войны польский народ; его государство утратило суверенитет и независимость.

В ходе переговоров с правительствами западных держав Советский Союз добивался отмены некоторых, несправедливых территориальных постановлений, принятых после первой мировой войны, в частности устранения исторической несправедливости, допущенной в отношении молодого Советского государства в первые годы его существования. Наконец, в период мирного урегулирования с бывшими союзниками Германии Советский Союз стремился к установлению таких справедливых границ, которые создали бы наилучшие условия для дружественных отношений между соседними государствами.

Позиция СССР по территориальному вопросу встречала противодействие западных держав. Они старались навязать Восточной Европе такие территориальные решения, которые возрождали бы там атмосферу конфликтов и напряженности. Они стремились поссорить восточноевропейские страны друг с другом и, главное, восстановить их против СССР, пытаясь воссоздать пресловутый «санитарный кордон». Кроме того, западные империалисты противодействовали международно-правовому закреплению границ Советского Союза, установленных накануне нападения на него гитлеровской Германии.

Наиболее сложным территориальным вопросом, вызвавшим упорную и длительную дипломатическую борьбу и на предварительной стадии подготовки мирных договоров, и на Парижской конференции, явилось определение итало-югославской границы. Советское правительство настаивало на том, чтобы несправедливость, допущенная после первой мировой войны в отношении Югославии, была исправлена и вся Юлийская Крайна, включая ее центр — город Триест, была бы передана Югославии. Предложенная советскими экспертами линия итало-югославской границы была составлена прежде всего с учетом этнографических данных. Вместе с тем, определяя эту линию, советские эксперты исходили и из того, что, несмотря на наличие в Юлийской Крайне отдельных населенных пунктов с итальянским большинством, всю эту территорию следует рассматривать как единую в политическом и экономическом отношениях. Советское правительство учитывало и то обстоятельство, что значительная часть Юлийской Крайны была освобождена от фашистов войсками югославской Народно-освободительной армии.

Последовательная и настойчивая борьба Советского Союза за удовлетворение справедливых требований Югославии и коренного славянского населения Юлийской Крайны встретила горячее одобрение во многих странах и прежде всего в самой Югославии. «Нет ни одного югослава, — говорил 16 сентября 1946 г. на Парижской конференции глава югославской делегации, — который когда-либо мог бы забыть тот факт, что Советский Союз поддерживал это требование, являвшееся требованием югославских народов уже с того момента, когда зародилась борьба славянского народа за свое освобождение и всех югославских народов за их объединение. Нет ни единого югослава, который не был бы преисполнен благодарности Советскому Союзу за эту поддержку».

Иную позицию заняли правительства США, Англии и Франции. Они упорно сопротивлялись передаче Югославии всей Юлийской Крайны, предлагая разделить ее на две части, одну из них — восточную — передать Югосла-

ОСНОВНЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сокращения

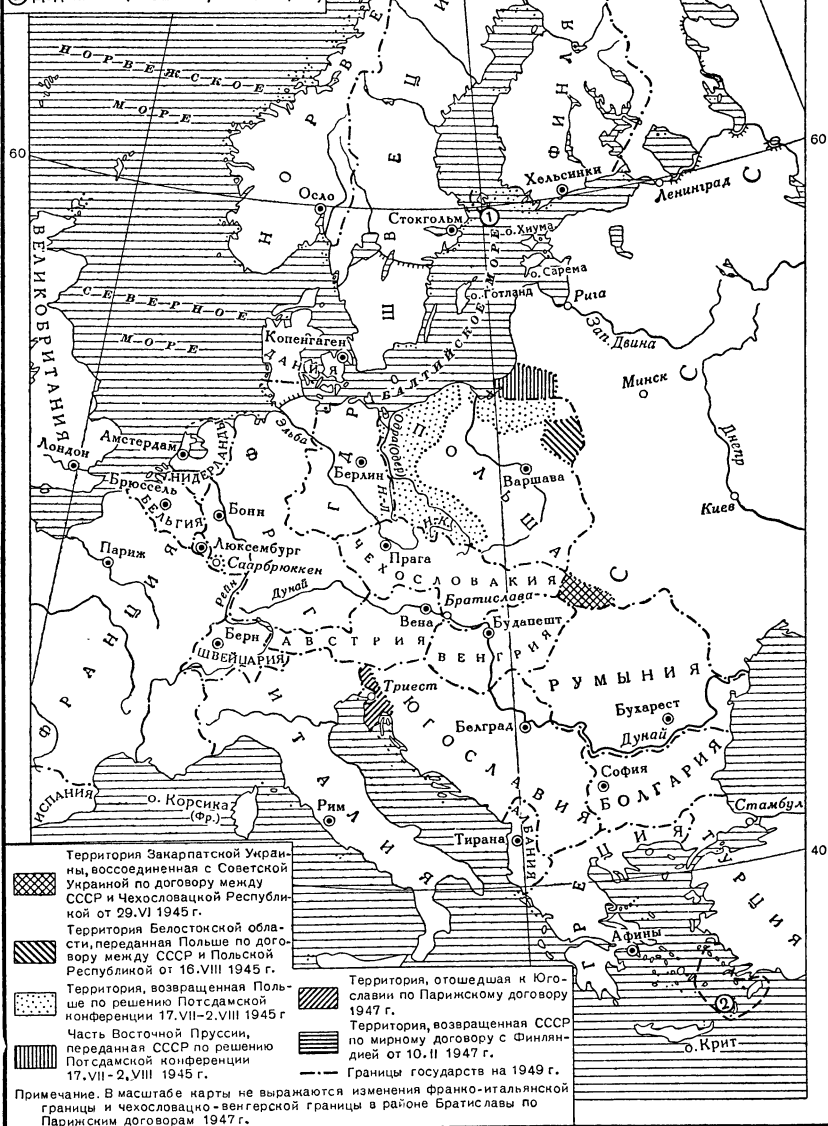
Н.-Л. - Ныса-Лужицка

Н.-К. - Ныса-Клодзка

Цифрами на карте обозначены

① Аландские о-ва (демилит. зона)

② Додеканес (бывш. Ит., с 1947 г. Греч.)

вии, а другую — западную — с городом Триестом сохранить за Италией. В определении самой линии будущей итало-югославской границы три западных государства расходились во мнениях. Наиболее неблагоприятным для Югославии являлось американское предложение, согласно которому на территориях, которые отошли бы к Италии, осталось бы 209 тыс. югославов, а на территории Югославии — всего 55 тыс. итальянцев. Английская линия в общих чертах повторяла американскую, расходясь с ней на юге Истрии и сохраняя за Югославией несколько большую, чем предлагали американцы, часть Юго-Восточной Истрии. Сравнительно более благоприятной для Югославии была французская линия, хотя и очень далекая от всестороннего учета этнографических, экономических и других особенностей Юлийской Краины.

В ходе длительной дискуссии по вопросу об итало-югославской границе сошлись на таком компромиссе: большая, восточная часть Юлийской Краины передавалась Югославии, а меньшая, западная (раздел был проведен по так называемой французской линии: Дуино — Нови-Град), получившая наименование Свободной Территории Триест, поступала под управление Организации Объединенных Наций. Правда, это решение не выдержало испытания временем; жизнь внесла в него определенные коррективы. В 1954 г. Федеративная Народная Республика Югославия заключила с Италией новое соглашение об итало-югославской границе в районе Триеста; северная часть так называемой Свободной Территории Триест с городом Триестом отошла к Италии, а южная часть — к Югославии.

Во время подготовительной работы в Совете министров иностранных дел и на самой Парижской мирной конференции возникали, естественно, и другие споры из-за территориальных вопросов.

Греческое правительство, ссылаясь на «стратегические мотивы», потребовало отторжения от Болгарии $\frac{1}{10}$ части всей ее территории. Удовлетворение греческих притязаний создало бы чрезвычайно невыгодное положение для житницы Болгарии — долины реки Марицы, поставило бы под угрозу безопасность болгарской столицы Софии и второго по величине экономического и культурного центра — Пловдива, продвинув границу с Грецией по отношению к Софии до 95 км, а к Пловдиву — до 35 км. Болгария лишилась бы естественных оборонительных рубежей.

Советский Союз, поддержанный другими демократическими государствами, резко возражал против необоснованных территориальных притязаний греческих правящих кругов. Попытки отторгнуть часть болгарской территории потерпели провал; границы Болгарии остались незыблемыми.

На Парижской мирной конференции представители западных держав пытались также подвергнуть ревизии венгерско-румынскую и советско-финскую границы, установленные соглашениями о перемирии. Так, член американской делегации сенатор Ванденберг выступил на конференции за пересмотр границы Советского Союза с Финляндией (граница была установлена соглашением о перемирии с Финляндией в сентябре 1944 г.).

США стремились поссорить восточноевропейские страны друг с другом, играя на имеющих историческую давность территориальных разногласиях.

В ходе подготовки мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией была ликвидирована территориальная перекройка карты Европы, произведенная фашистскими государствами, аннулированы отдельные несправедливые территориальные решения версальской системы, закреплены в ряде мирных договоров новые границы СССР, нарушенные нападением Германии в 1941 г.

6. Репарационные и другие экономические проблемы мирных договоров

Разрешение различных материальных претензий и споров, возникших в ходе войны, было также одной из сложнейших проблем мирного урегулирования. В истории международных отношений известны многочисленные формы возмещения военного ущерба, причиненного войной. Они неразрывно связаны с причинами и характером войны.

Ни у одного здравомыслящего человека не было сомнений в том, что ответственность за весь причиненный войной материальный ущерб лежала на фашистских державах. Советское правительство в годы войны неоднократно заявляло об этой ответственности гитлеровской Германии и ее союзников. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии говорилось: «За все... чудовищные преступления, совершаемые немецко-фашистскими захватчиками и их соучастниками, и за весь материальный ущерб, причиненный ими советским гражданам, колхозам, кооперативным и другим общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Советского Союза, преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники несут всю полноту уголовной и материальной ответственности»¹.

Об ответственности фашистских захватчиков говорилось и в заявлениях американского и английского правительств, в частности, в выступлениях Рузвельта 21 августа и 7 октября 1942 г., Черчилля — 8 сентября 1942 г. и в некоторых других. Особенно важны были совместные англо-советско-американские декларации по этому вопросу. К ним, в частности, относятся декларация Объединенных Наций от 13 января 1942 г. о наказании за преступления, совершенные во время войны, декларация от 5 января 1943 г. о недействительности любых сделок в отношении собственности прав и интересов Объединенных Наций, совершаемых фашистскими державами, и ряд других.

Советский Союз и другие государства антигитлеровской коалиции имели все международноправовые основания для того, чтобы потребовать полного возмещения военного ущерба, причиненного им фашистскими государствами. Особое значение этот вопрос представлял для СССР, которому был причинен огромный ущерб в результате войны, исчислявшийся вместе с военными расходами и временной потерей доходов от промышленности и сельского хозяйства в оккупированных районах в сумме 2569 млрд. руб.² Один прямой ущерб, причиненный

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 323.

² См. «Правда», 24 сентября 1958 г.

Советскому Союзу Германией и ее союзниками, составил на временно оккупированных территориях 128 млрд. долл.¹

При обсуждении репарационных и других экономических проблем мирных договоров с бывшими союзниками Германии вновь резко обнаружилась разница в методах мирного урегулирования. В основу своих репарационных требований Советский Союз положил принцип частичного возмещения понесенного нашей страной ущерба. Вместе с тем Советское правительство стремилось к тому, чтобы выполнение репараций способствовало восстановлению мирных отраслей экономики бывших вражеских государств. Поэтому и было предложено, чтобы репарационные платежи поступали в форме товарных поставок из текущей продукции. Советский Союз со своей стороны обязался обеспечить на определенных началах соответствующие страны сырьем, необходимым для выполнения советских заказов.

Западные державы, несравненно менее пострадавшие в войне, подчинили всю свою репарационную политику интересам монополий. Эти державы пытались установить свой контроль над экономикой бывших союзников Германии и повторить методы империалистского мира, навязанного побежденным странам после первой мировой войны. Правящие круги западных держав даже и не маскировали целей своей экономической политики в побежденных странах.

Суммы репарационных обязательств Румынии, Венгрии и Финляндии были зафиксированы правительствами СССР, США и Англии уже в соглашениях о перемирии с этими странами. Во время подготовительной работы в Совете министров иностранных дел и на Парижской мирной конференции оставалось согласовать репарационные обязательства Италии и Болгарии. Репарационные требования к Италии, войска которой совместно с гитлеровскими войсками причинили серьезный урон советскому народному хозяйству, Советский Союз ограничил суммой в 100 млн. долл., которая едва составляла 1/25 часть ущерба,

¹ По данным, представленным в 1945 г. в Парижскую репарационную комиссию государствами — членами комиссии, прямой ущерб, причиненный Германией и ее союзниками в Европе 18 государствам — членам комиссии, был оценен в 53,4 млрд. долл. Эти потери распределялись следующим образом (в млн. долл.):

Франция	21 143	США	1 267
Югославия	9 145	Норвегия	1 260
Великобритания	6 383	Остальные 9 стран (Албания,	
Голландия	4 472	Люксембург, Канада, Дания,	
Чехословакия	4 202	Индия, Египет, Новая Зелан-	
Греция	2 545	дия, Австралия и Южно-Аф-	
Бельгия	2 278	риканский Союз)	679

Потери Польши, которая не участвовала в указанной конференции, так как ее репарационные требования удовлетворялись из советской доли репараций с Германии, составляли 38% ее национального достояния.

нанесенного Советскому Союзу фашистской Италией. Вместе с тем в процессе подготовки мирного договора Советское правительство отстаивало справедливость репарационных требований к Италии со стороны Югославии, Греции и Албании — в общей сложности 200 млн. долл. Оно выступило также за выплату Италией репараций Эфиопии. После многомесячного обсуждения вопроса в Совете министров иностранных дел удалось согласовать лишь сумму репарационных платежей Италии Советскому Союзу.

Размеры репараций Италии в пользу других пострадавших стран, как и репарационные обязательства Болгарии, также несогласованные четырьмя державами, надлежало определить на мирной конференции. Понятно, что именно вокруг этих вопросов развернулась особенно острая дискуссия на мирной конференции. Кое-кто из ее участников пытался подвергнуть пересмотру согласованные решения четырех держав относительно репараций в пользу Советского Союза.

Параллельно с попытками свести к нулю и без того минимальные претензии СССР на Парижской мирной конференции были предприняты многочисленные атаки на решение в завуалированной форме. Предлагалось отсрочить решение вопроса о репарациях, создать специальные комиссии с целью его «изучения», пересмотреть оправдавший себя на практике порядок выплаты репараций, установить в арбитражном порядке «справедливые цены» на репарационные товарные поставки и т. д. и т. п. Особенно усердствовала австралийская делегация. Так, она предлагала не указывать в мирных договорах (по примеру Версальского договора) общую сумму репараций и ее распределение, а выделить специальную репарационную комиссию, поручив ей не только наблюдать за выполнением репараций, но и собирать суммы от бывших вражеских стран и распределять их.

Принятие австралийской рекомендации означало бы шаг назад в деле справедливого удовлетворения материальных претензий, возникших в результате второй мировой войны. Создание специальной комиссии по репарациям поставило бы под сомнение всю кропотливую работу, проделанную Советом министров иностранных дел. Кроме того, учреждение такой международной комиссии шло бы вразрез не только с постановлением четырех держав по вопросу о репарационных платежах Италии Советскому Союзу, но и с другими решениями периода войны, касающимися репарационных обязательств Румынии, Венгрии и Финляндии.

Поэтому советская делегация имела все основания заявить в Париже, что принятие австралийского предложения похоронило бы репарации и оставило бы без возмещения колоссальный ущерб, нанесенный агрессором некоторым союзным странам¹.

Австралийская делегация предлагала записать в мирном договоре с Италией и с другими странами (как в свое время было сделано и в Версальском договоре) принцип оплаты репараций иностранной валютой, а не поставками в натуре. Совершенно не учитывалось, что выплата репараций иностранной валютой вызовет трудности валютного трансфера, с одной стороны, и потребует обеспечения рынков для экспорта — с другой, т. е. вызовет те самые осложнения, к которым привела версальская репарационная политика.

Выплата репараций в американских долларах или в английских фунтах стерлингов была бы выгодна лишь монополистическим кругам США, Англии и зависимым от них странам.

Ни лобовые атаки, ни обходные маневры тех, кто возражал против уже согласованных Советом министров иностранных дел

¹ См. «Советские делегации на Парижской конференции». М., 1947, стр. 107.

размеров репарационных претензий СССР, на Парижской мирной конференции успеха не имели. Эти решения, как и многие другие согласованные решения четырех держав, были в конечном счете одобрены мирной конференцией и зафиксированы в мирных договорах.

Проявляя мнимую заботу об облегчении участи бывших вражеских государств при рассмотрении советских репарационных претензий, делегации западных стран сами выдвинули непомерные требования к этим государствам. Например, когда на конференции в Париже экономическая комиссия для Италии перешла к обсуждению вопроса о репарациях в пользу других стран, многие делегации старались перешеголять друг друга в предъявлении «претензий» к Италии.

Империалистические державы старались протащить в договоры многочисленные экономические статьи, которые позволили бы им навязывать свою волю экономически слабым государствам, к тому же еще не оправившимся после войны. Западные государства, и в первую очередь США, настаивали на том, чтобы в мирные договоры с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией были включены условия, обеспечивающие монополиям Запада «свободу торговли» и «равные возможности» во всех этих странах. Словом, западные державы защищали программу империалистического мира, который, как еще в 1916 г. указывал В. И. Ленин, приводит «к укреплению, расширению и усилению угнетения слабых наций и стран финансовым капиталом»¹.

Советский Союз настойчиво боролся против всех попыток западных держав включить в мирные договоры кабальные экономические статьи. На Парижской конференции советские делегаты решительно разоблачали империалистическую сущность различных демагогических лозунгов о «равных возможностях» в мировой торговле. Советское правительство твердо отстаивало интересы малых государств, стремясь создать наиболее благоприятные условия для независимого, самостоятельного развития их экономики. Различия в подходе к экономическим проблемам мирного урегулирования с бывшими вражескими государствами ярко проявились при рассмотрении таких вопросов, как размер компенсаций ущерба, нанесенного собственности Объединенных Наций в Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, характер будущих экономических отношений этих стран с Объединенными Нациями, судьба иностранных активов бывших вражеских государств и некоторые другие. Обсуждение этих вопросов происходило на мирной конференции в обстановке острой политической борьбы.

При обсуждении вопроса о собственности Объединенных Наций в бывших вражеских государствах особенно резко выявились корыстные стремления американских, английских и

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 22, стр. 157.

французских монополий не только полностью восстановить в них свои позиции, но и значительно укрепить их.

Точка зрения Советского Союза предусматривала частичную компенсацию ущерба, нанесенного иностранной собственности в Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии. Такая частичная компенсация не ложилась бы на плечи народов этих стран невыносимым бременем. При ее определении следовало бы учитывать участие этих народов в войне против фашизма на ее завершающем этапе и потери, понесенные ими в войне.

Исходя из этого, Советское правительство предложило производить компенсацию в размере одной трети ущерба, нанесенного иностранной собственности. Правительства же США, Англии, Франции требовали полной, 100-процентной компенсации ущерба. О непомерности их претензий свидетельствует следующий пример: по оценке венгерской печати, если бы приняты были все предложения западных держав о порядке компенсации иностранных собственности, то Венгрии пришлось бы выплачивать этим собственникам сумму, по крайней мере в 8 раз превышающую сумму венгерских платежей Советскому Союзу. Позиция Советского Союза по этому вопросу нашла полное понимание со стороны правительств Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии.

В конце концов западные державы были вынуждены отказаться от принципа полной компенсации ущерба иностранной собственности Объединенных Наций и согласиться на компромисс — на частичную компенсацию в размере двух третей этого ущерба.

Не менее важной для возрождения экономики бывших вражеских государств была судьба их собственности, находящейся на территории союзных держав. Особенно заинтересована была Италия, чьи активы в странах Объединенных Наций составляли весьма солидную сумму. Так, стоимость итальянского имущества в США превышала в начале 1946 г. (по данным бывшего ранее министром финансов США Уинсона) 130 млн. долл. Английская печать оценивала итальянские активы в Англии в 55—60 млн. долл. Стоимость итальянских активов в Китае достигала почти 50 млн. долл. Значительная итальянская собственность находилась во Франции, Бельгии, в странах Восточной Европы.

При обсуждении этого вопроса в Совете министров иностранных дел правительство США предложило использовать все итальянские активы, находившиеся в странах Объединенных Наций и состоявшие из наличных денег (задержанных в банках соответствующих стран), предприятий, морских судов и любого другого имущества, для покрытия «военных требований» соответствующего члена ООН к Италии. Когда на Парижской сессии Совета министров советская делегация попыталась выяснить, что означали так называемые «военные требования» и чем определялся их размер, американская делегация разъяснила, что речь идет, в частности, о любых требованиях или претензиях граждан США, имущество которых по той или иной причине пострадало в результате войны с Италией.

Советское правительство решительно возражало против таких непомерных притязаний к бывшим союзникам Германии, считая необходимым ограничить чересчур широкую трактовку требований о компенсации ущерба. Принятие предложений о неограниченном удержании заграничного имущества бывших вражеских государств могло бы нанести немалый ущерб их экономике и предоставило бы широкие возможности бесконтрольного изъятия их заграничных активов даже теми странами, которые не переживали тягот оккупации и не принимали непосредственного участия в войне. Учитывая это, Советский Союз в принципе возражал против этого предложения.

Советское правительство, например, не включило в подготовленные им проекты мирных договоров с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией требование об изъятии их заграничных активов. Наоборот, оно предложи-

ло, — поскольку права бывших вражеских государств и их физических и юридических лиц в отношении собственности и других активов на территории Объединенных Наций в период войны были ограничены, — восстановить эти права после вступления мирных договоров в силу.

И по многим другим вопросам Советский Союз отстаивал принципы демократического мира и интересы народов тех государств, с которыми заключались мирные договоры. Так, когда обсуждалось специальное приложение к итальянскому договору, касающееся промышленной, литературной и художественной собственности, делегация США внесла дополнение, серьезно ущемлявшее интересы Италии, но встретила резкий отпор со стороны представителей СССР. Такая позиция Советского Союза полностью отвечала интересам Италии. «Итальянская делегация, — говорилось в одном из меморандумов правительства Италии, представленных мирной конференцией, — считает справедливым предложение делегации СССР». Позиция СССР по вопросу о страховом деле и по ряду других политических и экономических вопросов также полностью одобрялась делегациями Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии.

При обсуждении экономических проблем мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией в 1945—1946 гг. выявилась полная невозможность в новой международной обстановке навязывать государствам империалистические условия мира. Твердая, принципиальная позиция СССР, его международный авторитет и могущество, рост демократических сил во всем мире — все это сорвало многочисленные попытки западных держав использовать экономические вопросы мирного урегулирования для политического и экономического закабаления бывших союзников Германии.

7. Мирные договоры 1947 г.

Более года длилась подготовка мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. Они были подписаны 10 февраля 1947 г. в Париже и после ратификации их правительствами СССР, США, Англии и Франции вступили в силу 15 сентября 1947 г.

Эти договоры имеют одинаковую структуру¹. Они содержат следующие основные разделы: преамбула; территориальные постановления; политические постановления; военные, военно-морские, военно-воздушные постановления; претензии, вытекающие из войны (репарации); собственность, права и интересы; общие экономические отношения; порядок разрешения споров и ряд других. Сторонами в мирном договоре являлись: бывшие вражеские государства, с одной стороны, и союзные и соединенные державы, находившиеся в состоянии войны с данным государством, — с другой.

В преамбулах мирных договоров объявлялось о прекращении состояния войны, отмечалось в отдельных случаях участие бывшего вражеского государства в войне против Германии и содержалось обязательство союзных держав поддержать обращение Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии о принятии их в Организацию Объединенных Наций.

¹ Тексты договоров опубликованы в кн.: «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. I, стр. 64—360.

Территориальные постановления мирных договоров аннулировали пере-
кройку карты Европы, осуществленную фашистскими державами, и закреп-
ляли некоторые новые границы европейских государств.

Мирный договор с Италией устанавливал незначительное изменение
франко-итальянской границы в пользу Франции на четырех участках (пере-
вал Малый Сен-Бернар, плато Мон-Сени, Мон-Табор-Шабертон и верховья
рек Тине, Везубия и Ройя), существенное изменение итало-югославской гра-
ницы в пользу Югославии (полуостров Истрия, часть Юлийской Крайны, го-
род Фиуме, коммуна Зара с прилегающими островками, остров Пелагоза с
прилегающими островками). Триест с небольшим округом был выделен в
Свободную Территорию Триест. Додеканезские острова по мирному договору
с Италией передавались Греции.

Италия лишалась «всех прав и правооснований на итальянские террито-
риальные владения в Африке». Судьба бывших итальянских колоний — Ли-
вии, Эритреи и Итальянского Сомали была решена уже после заключения
мирного договора.

В конце 1951 г. Ливия была провозглашена независимым федеративным
государством, состоявшим из трех провинций: Триполитании, Киренаики и
Фецдана. Над Сомали в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи
ООН был установлен на 10 лет, начиная со 2 декабря 1950 г., режим опеки;
опекуном была назначена Италия. Эритрея с 15 сентября 1952 г. вошла в
качестве автономной единицы в состав Абиссинии.

Границы Румынии восстанавливались в том же виде, в каком они суще-
ствовали на 1 января 1941 г., за исключением румыно-венгерской границы.
Решения Венского арбитража (30 августа 1940 г.) о передаче Северной
Трансильвании Венгрии аннулировались, и восстанавливалась граница между
Румынией и Венгрией, существовавшая на 1 января 1938 г. Советско-румын-
ская граница устанавливалась в соответствии с соглашением между СССР и
Румынией о Бессарабии и Северной Буковине от 28 июня 1940 г. и советско-
чехословацким договором о Закарпатской Украине от 29 июня 1945 г.

Границы Болгарии остались неизменными, как они существовали на
1 января 1941 г. Мирный договор с Болгарией закреплял передачу ей Южной
Добруджи, оформленную румыно-болгарским договором в Крайове от 7 сен-
тября 1940 г.

Границы Венгрии восстанавливались в том виде, в каком они существо-
вали на 1 января 1938 г.; решения венских арбитражей аннулировались. Не-
значительное изменение претерпела венгеро-чехословацкая граница: небольшая
территория в районе Братиславы была передана Чехословакии.

По мирному договору с Финляндией ее границы устанавливались в преде-
лах, существовавших на 1 января 1941 г. Кроме того, Финляндия подтвер-
ждала, что она возвращает Советскому Союзу область Петсамо (Печенга),
добровольно уступленную Финляндии Советским государством по мирным до-
говорам от 14 октября 1920 г. и от 12 марта 1940 г. СССР был предоставлен
в аренду и управление сроком на 50 лет район Порккала-Удд¹.

Важное место в мирных договорах занимали политические постановления,
о характере которых сказано выше.

Военные, военно-морские и военно-воздушные постановления договоров
ограничивали вооруженные силы и военное производство Италии, Румынии,
Болгарии, Венгрии и Финляндии. Эти постановления предусматривали уничто-
жение некоторых долговременных укреплений и военных сооружений. Бывшим
вражеским государствам запрещалось производить любые виды атомного во-
оружения, самодвижущиеся или управляемые снаряды и некоторые другие
виды вооружения. Численность сухопутных, военно-морских и военно-воздуш-
ных сил Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии определялась ми-
нимальными размерами, необходимыми для обороны этих стран. Численность
итальянской армии была установлена в 250 тыс. солдат и офицеров, румын-

¹ В 1955 г. Советское правительство досрочно отказалось от арендных
прав СССР и в начале 1956 г. вывело оттуда советские войска.

ской — в 120 тыс., болгарской — в 55 тыс., венгерской — в 65 тыс. и финляндской — в 34,4 тыс.

Многочисленными постановлениями регулировались различные материальные претензии, возникшие в результате войны. Эти постановления фиксировали обязательства Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии частично возместить ущерб, нанесенный их вооруженными силами хозяйствам стран, куда они вторглись в целях агрессии.

Репарационные обязательства Италии были определены: в пользу Югославии — 125 млн. долл., Греции — 105 млн., Советского Союза — 100 млн., Эфиопии — 25 млн., Албании — 5 млн.; репарации Румынии Советскому Союзу — 300 млн.; репарации Болгарии в пользу Греции — 45 млн. и Югославии — 25 млн.; репарации Венгрии Советскому Союзу — 200 млн., Чехословакии и Югославии — 100 млн.; репарации Финляндии Советскому Союзу — 300 млн. долл. Репарационные претензии других государств удовлетворялись главным образом за счет находившихся на их территориях активов побежденных стран.

Мирные договоры с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией имели справедливый, демократический характер. Это было заслугой и успехом советской внешней политики. Благодаря твердой и гибкой линии советской дипломатии удалось обеспечить независимое и свободное развитие этих стран, часть которых — Румыния, Болгария, Венгрия — навсегда покончила с буржуазным строем и вступила на путь социалистического развития. Заключение мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией явилось важным вкладом в дело мирного урегулирования в Европе.

Успешное завершение выработки мирных договоров показало, что политическое сотрудничество между государствами с различными социально-экономическими системами возможно и эффективно не только в период войны, но и в мирное время.

Участники мирного урегулирования с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией выработали не только общие политические принципы мирных договоров с указанными странами, но и решили ряд самых разнообразных и конкретных территориальных, экономических и военных вопросов. Подавляющее большинство этих решений выдержало испытание временем и способствовало возрождению национальной независимости и самостоятельности Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии.

Не следует забывать, что участникам мирного урегулирования приходилось рассматривать вопросы, касающиеся и капиталистических Италии и Финляндии, и тех государств, которые постепенно вступали на путь социалистического развития — Румынии, Болгарии и Венгрии. Тем более ценен дипломатический опыт мирного урегулирования с бывшими союзниками гитлеровской Германии.

Дипломатическая история первых послевоенных лет показала полную несостоятельность методов диктата в отношении СССР, которые американские правящие круги пытались применить при подготовке мирных договоров.

СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН В 1945—1949 гг.

После разгрома фашизма в ходе второй мировой войны и в результате огромного роста демократических сил во всем мире возникли объективные условия для создания международной организации, призванной обеспечить мирное сосуществование государств с различным общественным и социальным строем, предотвратить возникновение новых войн. Этому способствовали решающая роль Советского Союза в разгроме агрессоров и неизмеримо возросшее влияние народных масс на мировую политику.

В подготовке создания Организации Объединенных Наций (ООН) и в ее деятельности отразились основные тенденции послевоенных международных отношений и прежде всего борьба двух курсов по проблемам послевоенного мирного урегулирования. Сторонникам демократического послевоенного устройства и создания эффективной международной организации, наиболее активным из которых был Советский Союз, приходилось в напряженной борьбе преодолевать сопротивление реакционеров, отстаивающих империалистические цели организации послевоенного мира. Для них времена Лиги наций остались идеалом.

1. Подготовка создания ООН

Созданию ООН предшествовала длительная и серьезная подготовка. Она свидетельствует о положительном и полезном опыте сотрудничества великих держав и всех Объединенных Наций в годы войны.

В основу Устава ООН были положены принципы международного сотрудничества в общих интересах всех народов, выдвинутые Советским Союзом. В этом проявилась несомненная закономерность, ибо борьба Советского Союза за создание прочной системы международной безопасности началась задолго до второй мировой войны.

24 сентября 1941 г. Советское правительство в своей декларации на межсоюзнической конференции в Лондоне выдвинуло задачу: «...определить пути и средства для организации международных отношений и послевоенного устройства мира в целях избавления наших народов и наших будущих поколений от несовместимого с человеческой культурой преступного, кровавого нацизма»¹.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 164.

4 декабря 1941 г. Советское правительство заявило, что обеспечение прочного и справедливого мира после разгрома агрессоров может быть достигнуто только новой организацией международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз и что при создании такой организации решающим моментом должно быть уважение к международному праву¹.

На Западе, и прежде всего в США, стремились к организации другого типа. Планы государственного департамента США в период подготовки к конференции в Думбартон-Оксе исходили из весьма распространенной в то время в правящих кругах США концепции создания международной организации, которая фактически явилась бы «сверхгосударством» под американским контролем, осуществляемым в значительной мере через президента и генерального секретаря будущей организации.

Детальную разработку соответствующих предложений вела в 1943—1944 гг. специальная группа госдепартамента США. В документах госдепартамента, готовившихся в связи с предложениями к проекту Устава ООН, как сообщает Р. Рассел в своей работе «История Устава ООН», первоначально шла речь, например, не о секретариате в собственном смысле этого слова, а, по существу, о главном органе политического характера во главе с лицом, именовавшимся то генеральным директором, то канцлером, то генеральным секретарем, то «всемирным посредником» («World's Moderator»). Это лицо, по замыслу авторов соответствующих документов, должно было обладать чрезвычайно широкой компетенцией, которая включала важные политические функции, в частности, в случаях нарушения мира. Предполагалось, кроме того, учредить должность генерального председателя, названного затем «президентом ООН». В качестве такого президента называли даже Франклина Рузвельта или Черчилля². «Президент ООН», согласно этим планам, должен был стать главой всемирной американско-английской империи.

Что же касается английских планов будущей организации, то Черчилль, посетив США в мае 1943 г., следующим образом изложил ее основы. Вся власть в послевоенном мире, по его мысли, должна быть передана «Верховному всемирному совету», в котором будут главенствовать Англия и США. Всемирному совету Черчилль предложил подчинить три региональных Совета (для Европы, для Американского континента и для района Тихого океана)³.

Во время войны появилось на Западе, прежде всего в США, множество других проектов создания организации международной безопасности. Среди них были самые различные варианты — от утопических планов морального и религиозного воздействия на агрессивные государства до весьма конкретных и притом довольно реакционных схем. В большинстве своем они провозглашали гегемонию США в мировой политике путем создания различного рода надгосударственных, всемирных объединений под американским главенством. Однако этим планам не было суждено осуществиться. Реакция в странах Запада была вынуждена отступить в те годы. Единственно возможной для правящих кругов этих стран политикой была поддержка СССР, военные усилия которого решали судьбу всего человечества.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 192.

² R. Russel. A History of the United Nations Charter. The Role of the United States. 1940—1945. Washington, 1958, p. 375.

³ См. G. Goodwin. Britain and the United Nations. London, 1957, p. 7—8.

Важным этапом переговоров о создании международной организации мира и безопасности явилась Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии (октябрь 1943 г.). На конференции был сделан первый практический шаг к созданию Организации Объединенных Наций и впервые определены ее основы¹.

Министры иностранных дел трех держав, а также специально приглашенный китайский делегат подписали выработанную на конференции декларацию по вопросу о всеобщей безопасности. В этой декларации подчеркивалась необходимость сотрудничества и согласованности действий великих держав как условия, определяющего не только скорейший разгром агрессоров, но и наиболее быстрый и организованный переход от войны к миру, обеспечения мира при наименьшем отвлечении мировых людских и экономических ресурсов для вооружения.

Участники Московской конференции заявили также о своей решимости совместно сотрудничать после победы над врагом для организации и поддержания мира и безопасности. Они признали «необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей Международной Организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые»².

Провозглашение принципа суверенного равенства всех государств (независимо от их социально-экономической принадлежности) как основы будущей международной организации трудно переоценить. Своим подлинно демократическим содержанием он обязан Советскому Союзу. Многолетняя принципиальная и последовательная борьба советской дипломатии увенчалась успехом: этот основополагающий принцип международных отношений был признан буржуазными государствами еще в годы второй мировой войны и воплотился впоследствии в Уставе ООН.

1 декабря 1943 г. в Тегеране была подписана декларация руководителей СССР, США и Великобритании, подтверждавшая решения Московской конференции 1943 г. В ней выражалась решимость трех стран «работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время». Тегеранская декларация содержит исключительно важные по своему значению положения о сотрудничестве трех великих держав, как залого обеспечения мира в послевоенный период, о высокой ответственности их и всех Объединенных Наций «за осуществление такого мира,

¹ Термин «Объединенные Нации» связан с появлением Декларации 26 государств, подписанной в начале 1942 г. С тех пор так стали называть участников антигитлеровской коалиции.

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 415.

который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения»¹.

Важнейшим этапом подготовки новой международной организации явилась конференция в Думбартон-Оксе (около Вашингтона) 21 августа — 7 октября 1944 г. В ней участвовали представители СССР, США и Англии (во второй стадии переговоров принял участие и представитель Китая). Переговоры в Думбартон-Оксе носили неофициальный характер, и конференция проходила на правах совещания экспертов. Ее решения были в качестве рекомендаций переданы на одобрение соответствующих правительств и были опубликованы в советской и мировой печати как «Сообщение о результатах предварительных переговоров делегаций СССР, США и Соединенного Королевства в Вашингтоне по вопросу о создании международной организации безопасности»².

Переговоры в Думбартон-Оксе велись на основе решений Московской и Тегеранской конференций и завершились согласованием точек зрения трех ведущих держав антигитлеровской коалиции по весьма широкому кругу вопросов. Участники конференции предложили учредить международную организацию под названием «Объединенные Нации» и разработали контуры статута этой организации. В думбартон-окских предложениях была в целом правильно — с учетом условий того времени — решена задача создания организации, основанной на подлинно демократических принципах международного права и притом обладающей подлинно эффективным руководством и наделенной необходимыми правами. Учтена была и особо важная роль и ответственность великих держав за сохранение мира, что выразилось в предоставлении им постоянных мест в Совете Безопасности и признании принципа единогласия и согласованных действий этих держав при решении вопросов в Совете. Такое решение полностью соответствовало историческому опыту сотрудничества великих держав в годы войны и предлагало наиболее совершенную основу для эффективной системы международной безопасности, исходящей из принципов мирного сосуществования.

Однако вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности не был окончательно разрешен в Думбартон-Оксе, поскольку разошлись мнения сторон насчет того, следует ли принцип единогласия применять последовательно при решении всех вопросов в Совете Безопасности, и, в частности, в тех случаях, когда стороной в рассматриваемом споре является постоянный член Совета. В документе, разработанном в Думбартон-Оксе, было указано, что рассмотрение вопроса о процедуре голосования в Совете Безопасности продолжается.

Работа конференции в Думбартон-Оксе получила в целом высокую оценку правительств и широкой общественности стран антигитлеровской коалиции.

Практически вопрос об учреждении ООН был решен на Крымской конференции руководителей трех союзных держав — Советского Союза, США и Великобритании в феврале 1945 г. На Крымской конференции была достигнута договоренность о созыве 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференции Объ-

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 424—425.

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 243—259.

единенных Наций для подготовки Устава этой организации в соответствии с рекомендациями Думбартон-Окса.

В Крыму был согласован ряд важных вопросов структуры и порядка деятельности ООН. Прежде всего следует отметить одобренный всеми участниками Крымской конференции компромиссный проект предложений о процедуре голосования в Совете Безопасности, подготовленный американской делегацией.

Существенным было решение о включении УССР и БССР в состав первоначальных членов ООН, что свидетельствовало о признании выдающегося вклада украинского и белорусского народов в дело победы над общим врагом. Все другие государства, объявившие войну фашистским агрессорам, приглашались принять участие в конференции в Сан-Франциско (кроме Китая и Франции, которым было решено предложить принять совместное с тремя великими державами участие в приглашении других стран на конференцию)¹. В Крыму договорились также об установлении системы опеки взамен мандатной системы Лиги наций.

Все эти предложения были включены в текст приглашений государствам принять участие в конференции в Сан-Франциско, а впоследствии закреплены в Уставе ООН.

2. Конференция в Сан-Франциско и Устав ООН

Конференция Объединенных Наций начала свою работу в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г.

На конференции были представлены 50 стран. 282 делегата и свыше полутора тысяч советников, экспертов и других сотрудников делегаций за 2 месяца проделали большую работу по составлению окончательного текста Устава ООН².

В комиссиях и комитетах конференции и за ее стенами разгорелись жаркие споры. Делегаты ряда стран, например Австралии, некоторых стран Латинской Америки, Греции, Филиппин, Голландии и др., внесли немало поправок, стремясь ослабить Совет Безопасности, подорвать принцип единогласия великих держав.

Одна лишь делегация Австралии предложила 38 поправок к Уставу с целью ограничить роль великих держав и Совета Безопасности, в частности, ликвидировать правило единогласия, установить обязательную юрисдикцию Международного суда по очень широкому кругу вопросов, сохранить права колониальных держав и т. п.³

Сама постановка этих вопросов поощрялась недостаточно последовательной позицией делегаций США и Англии, а иногда и прямой поддержкой с их

¹ Французское правительство ответило согласием принять участие в конференции, но отказалось участвовать в рассылке приглашений другим странам. Ссылаясь на то, что оно не участвовало в переговорах в Думбартон-Оксе и в Крыму, правительство Франции предложило рассматривать принятые на этих переговорах предложения не как базу для выработки Устава международной организации, а только как базу для дальнейших переговоров. Три великие державы не согласились с этим пожеланием, ставившим под сомнение значительную проделанную работу.

² См. С. Б. Крылов. История создания Организации Объединенных Наций. М., 1960; «Documents on the United Nations Conference on International Organization. San-Francisco. 1945». London — New York, 1945, v. I—XIII.

³ N. Harper and D. Sissons. Australia and the United Nations. New York, 1959, p. 79.

стороны такого рода предложений. Это не могло не осложнить разрешения и без того достаточно сложных вопросов устройства послевоенного мира. Обнаружилось немало трудностей, вытекающих из различия интересов отдельных стран, их социально-экономических и государственных систем. Противники создания действенной организации международной безопасности, спекулируя на этих естественных трудностях и прикрываясь демагогической фразеологией под предлогом защиты справедливости и интересов малых стран, затратили немало усилий для того, чтобы отравить атмосферу конференции и помешать ее успешной работе. Они распространяли пессимистические слухи, предвещали «провал» конференции, использовали каждое затруднение для того, чтобы говорить о «кризисе», фальсифицировали и искажали советскую позицию.

Однако единодушие и согласованность действий великих держав, сохранявшиеся прежде всего благодаря усилиям делегации Советского Союза, принесли полную победу, чему в огромной степени способствовала поддержка их народными массами всех стран антигитлеровской коалиции.

26 июня 1945 г. в Доме ветеранов в Сан-Франциско участниками конференции был подписан Устав ООН¹. В этом же году, 24 октября, Устав, после ратификации его и сдачи на хранение ратификационных грамот пятью великими державами и большинством других государств — участников организации, вступил в силу. Ежегодно этот день отмечается как День Объединенных Наций.

В Уставе ООН — этом важнейшем международном документе — получили свое признание и закрепление подлинно прогрессивные, демократические принципы международного права и международных отношений. Каждая статья Устава свидетельствует о том, что уроки прошлого, и в частности печальный опыт Лиги наций, не были забыты.

Основополагающий принцип Устава ООН — мирное сосуществование государств, которые должны «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи». Члены ООН обязаны проводить миролюбивую политику, воздерживаться от угрозы силой и ее применения, от вмешательства в чужие дела, принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и актов агрессии, разрешать международные споры мирными средствами.

Устав обязывает членов Организации развивать дружественные отношения, основанные на уважении принципов равенства, суверенитета и самоопределения народов. Неприкосновенность чужой территории и невмешательство в чужие дела также являются важнейшими принципами международного общения. Члены ООН должны осуществлять широкое международное сотрудничество во всех областях, содействовать экономическому и социальному прогрессу, обеспечивая равноправие всех

¹ Документы о создании и деятельности ООН см. в кн.: В. Н. Дурденевский и С. Б. Крылов. Организация Объединенных Наций. Сборник документов. М., 1956.

людей, уважение прав человека и основных свобод. Опираясь на общепризнанные и освященные многовековыми традициями международно-правовые принципы, Устав провозглашает необходимость безусловного соблюдения всеми странами взятых на себя обязательств.

В качестве одной из целей ООН Устав указывает на необходимость создания условий, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение обязательств, вытекающих из договоров и других источников международного права, с тем чтобы в международных отношениях торжествовали законность и порядок.

Перед ООН Уставом поставлена также цель служить центром, координирующим согласованные действия государств в достижении общих целей.

Важное значение имеет вопрос о сущности ООН. Стремясь оправдать политику диктата и злоупотребления в ООН, представители США, Англии, Франции и некоторых других стран Запада усиленно пропагандируют идею о якобы парламентском характере ООН.

Эдлай Стивенсон, например, заявил в сенатской комиссии по иностранным делам, что ООН будто бы «основана на западных парламентских традициях». Уничтожить это качество, сказал он, значит уничтожить саму структуру Организации Объединенных Наций¹. Явно пытаясь выдать желаемое за действительное, Стивенсон стремится навязать ООН столь милые сердцу буржуазных политиков пресловутые свойства буржуазного парламентаризма.

Несостоятельность подобной позиции очевидна. Прежде всего, лишены всякого основания попытки приписывать ООН свойства буржуазных парламентов. ООН, — подчеркивает Н. С. Хрущев, «это не парламент, а международный форум, который создан для того, чтобы решать вопросы таким образом, чтобы решение не вредило ни одному государству, входящему в состав этого форума»².

ООН по ее природе чужды черты, присущие государственной организации, будь то отдельное государство или некое «сверхгосударство», как это считают некоторые реакционные правоведы. ООН — организация суверенных государств, созданная во имя сотрудничества в интересах прочного мира, и ее деятельность может быть основана только на уважении суверенитета и учете интересов всех входящих в нее государств.

Важнейшая особенность ООН, ее основа основ — принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности³. «Это

¹ «The New York Times», 21. I. 1961.

² Н. С. Хрущев. За мир, за разоружение, за свободу народов. М., 1960, стр. 175.

³ См. Н. А. Ушаков. Принцип единогласия великих держав в Организации Объединенных Наций. М., 1956.

было сделано не случайно, — говорил Н. С. Хрущев. — В этом сказалась мудрость инициаторов и создателей Организации Объединенных Наций, которые учитывали реальную международную обстановку того времени»¹.

Место постоянного члена в Совете Безопасности наряду с другими странами было предоставлено первой в мире стране социализма — Советскому Союзу, что означало прежде всего признание «принципа равных условий для всех государств и особенно для тех, от которых зависит быть или не быть новой мировой войне»². Это означало также фактическое и юридическое признание равенства двух противоположных социальных систем — единственно правильной основы международных отношений на современном этапе.

Наличие в Уставе ООН правила единогласия говорит о том, что мирное сосуществование государств различных систем не на словах, а на деле может быть обеспечено этой организацией. Оно призвано сделать невозможным превращение ООН в оружие той или иной группы государств. Оно является практическим выражением исторического опыта сотрудничества великих держав в годы второй мировой войны, который может и должен быть продолжен в условиях мирного времени.

В последующие годы противники международного сотрудничества яростно атаковали именно принцип единогласия великих держав. Целесообразно напомнить, что в период подготовки Устава ООН в правящих кругах западных держав преобладало положительное отношение к этому принципу. В докладе президенту об итогах конференции в Сан-Франциско Стеттиниус, бывший тогда государственным секретарем, писал: «В Думбартон-Оксе рассматривалось в качестве аксиомы, что краеугольным камнем всемирной безопасности является единство тех государств, которые составили ядро великого союза против стран оси, и эта точка зрения продолжала отстаиваться приглашающими правительствами в Сан-Франциско»³.

Более того, известно, что правительство США обусловливало свое вступление в ООН принятием предложения о правиле единогласия⁴. В этой связи государственный секретарь США Стеттиниус заявлял: «Не надо забывать, что включение вопроса о праве вето для великих держав в Устав ООН было необходимо для того, чтобы добиться утверждения этого Устава народом США и сенатом»⁵.

¹ Н. С. Хрущев. За мир, за разоружение, за свободу народов, стр. 156.

² Там же, стр. 294.

³ U. S. Department of State. Charter of the United Nations. Report to the President on the Results of the San-Francisco Conference. Publication 2349 (June 26, 1945), p. 68.

⁴ См. Н. А. Ушаков. Принцип единогласия великих держав в Организации Объединенных Наций, стр. 18—19.

⁵ См. «Правда», 15 сентября 1947 г.

Единодушие и согласованность действий постоянных членов Совета Безопасности — важнейшее условие эффективности ООН и успешного осуществления провозглашенных в ее Уставе целей. Обход принципа единогласия, нарушение его западными державами привели к тому, что, как будет показано ниже, на известных этапах деятельность Совета Безопасности не могла служить интересам укрепления мира.

В число постоянных членов Совета Безопасности был включен и Китай, хотя во время создания ООН гоминдановское правительство уже не представляло народ всей страны. Великая победа китайского народа в 1949 г. смела реакционный чанкайшистский режим и создала новое, народно-демократическое государство — Китайскую Народную Республику. С этого момента США и их партнеры стали проводить обструкционистскую политику в отношении представительства Китая в ООН, сохраняя место в ней за политическим трупом — чанкайшистской марионеткой.

После краткого анализа Устава ООН правомерно указать на неосновательность доводов большинства западных юристов и историков, ставящих знак равенства между ООН и Лигой наций.

Прежде всего бросается в глаза коренное различие этих двух международных организаций с точки зрения их существа. Лига, являвшаяся органической частью версальской системы, завершившей несправедливую империалистическую войну, была уже в момент своего возникновения антидемократична и реакционна. ООН возникла в результате справедливой освободительной войны, на основе подлинно демократических, прогрессивных принципов.

В то время как создание Лиги было связано с антисоветскими замыслами империалистов и в течение 14 лет эта организация пыталась игнорировать СССР, создание ООН, как и ее деятельность, неотделимы от решающей роли Советского Союза, и именно его участие обеспечило закрепление в Уставе ООН указанных выше принципов и позволило ей добиться отдельных положительных результатов. Империалистам не удалось, как они проделали это с Лигой наций, полностью подчинить себе ООН и превратить ее в послушное орудие борьбы с социализмом и демократией. Более того, создание и укрепление мировой системы социализма позволило развернуть силам мира в ООН борьбу за разоблачение монополистической реакции и использовать организацию как средство мобилизации широкой общественности всех стран на защиту мира.

ООН создавалась на значительно более широкой основе, чем Лига. Если первоначальными членами Лиги были лишь 26 независимых государств (причем 20 государств были европейскими, а США отказались в ней участвовать), то Устав ООН на заключительном заседании учредительной конференции в Сан-Франциско был подписан 50 государствами (впоследствии Польша была признана в качестве первоначального, 51-го члена), среди которых были и европейские, и азиатские, и латиноамериканские, и африканские страны.

Статут Лиги наций не содержал безоговорочного запрещения агрессии. Практически он легализовал обращение к войне, независимо от ее характера и целей, предусматривая лишь соблюдение определенной процедуры и кратковременную (на три месяца) отсрочку военных действий. Устав ООН каждой своей буквой ставит вне закона не только агрессивную войну, но и угрозу силой в международных отношениях.

Одним из пагубных последствий ложнодемократического равенства, положенного в основу Лиги наций, было превращение Лиги в пустую «говорильню». В целом ряде случаев даже те немногие положения статута, которые давали

какие-то возможности для активного вторжения Лиги в жизнь, настолько извращались, что приобретали противоположный смысл. Устав ООН, как уже указывалось, закрепил важный принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности, который при условии его последовательного соблюдения позволяет решать международные вопросы на основе принципа равенства, с учетом наличия в мире двух социальных систем и особой ответственности за судьбы мира наиболее могущественных держав.

Следует указать также, что в отличие от статута Лиги в Устав ООН включены важные положения, предусматривающие принятие мер для пресечения агрессии. В этой связи характерно то, что если статут Лиги оставлял своим членам право по собственному усмотрению решать, нарушил ли какой-либо член организации свои обязательства и не следует ли в отношении него применить принудительные меры, то Устав ООН включил такое право в число неотъемлемых прерогатив Совета Безопасности.

Устав ООН четко разграничивает компетенции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, что устраняет тот самый конкурирующий момент, который имел место в деятельности Лиги и чрезвычайно отрицательно сказывался на ней. В отличие от Совета Лиги, который должен был собираться на сессии три-четыре раза в год на срок не больше недели, Устав ООН предусматривает постоянный характер деятельности Совета Безопасности, что подчеркивает его особое место в системе органов ООН и особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

Следует также отметить, что если в статуте Лиги наций не имелось никаких положений о демократических правах человека, о праве наций на самоопределение, о региональных организациях безопасности, о международном экономическом и социальном сотрудничестве, то Устав ООН содержит развернутые положения по этим вопросам, отражая качественные изменения, происшедшие в мире, и потребность в широком международном сотрудничестве.

Следовательно, попытки рассматривать Устав ООН в качестве некоего воспроизведения статута Лиги наций совершенно необоснованны.

Опыт существования ООН показал незыблемость основополагающих принципов ее Устава. Единственный фактор, серьезно затруднявший ее деятельность, — политика империалистических держав, пренебрегавших этими принципами и предпочитавших политику «с позиции силы».

Вместе с тем следует отметить, что в ряде конкретных вопросов Устав ООН нуждается в улучшении. В этой связи следует указать, что система международной опеки и положения Устава в отношении самоуправляющихся территорий, как видно из пятнадцатилетнего опыта, оказались несостоятельными. Ликвидация системы опеки, как и уничтожение всей позорной системы колониализма, — настойчивое веление времени.

Противодействие колониальных держав привело к тому, что система опеки оказалась не больше чем разновидностью колониализма, а колониальные державы, в чьих руках находятся и подопечные и самоуправляющиеся территории, откровенно пренебрегли обязанностями, возложенными на них Уставом ООН. В результате соответствующие разделы Устава остались мертвой буквой, а действительное положение на подопечных и самоуправляющихся территориях превратилось в вопиющее нарушение таких основополагающих принципов ООН, как принцип равенства и самоопределения народов и наций.

3. Деятельность ООН

Государства — учредители ООН явились ее первоначальными членами¹.

Впервые Генеральная Ассамблея ООН собралась в Лондоне 10 января 1946 г. Было решено, что I сессия Ассамблеи на своей первой части займется конституированием выборных органов, а на второй — рассмотрением вопросов, отнесенных к компетенции ООН. Однако напряженная международная обстановка побудила Ассамблею заняться наиболее серьезными международными проблемами. В результате первая половина сессии затянулась до 14 февраля 1946 г., вторая же часть ее проходила с 23 октября по 15 декабря 1946 г.

I сессия Генеральной Ассамблеи начала свою работу с выборов председателя и вице-председателя сессии, председателей комитетов, а также непостоянных членов Совета Безопасности, который сразу же начал действовать. Затем были избраны Социальный и Экономический совет, Международный суд, Генеральный секретарь ООН. Были приняты решения о распределении работы между комитетами Ассамблеи, правила о языках, о структуре секретариата, о привилегиях и иммунитетах ООН, о ее постоянном местонахождении.

Следующей сессией Генеральной Ассамблеи была специальная сессия по палестинскому вопросу (28 апреля — 15 мая 1947 г.). 16 сентября — 29 ноября 1947 г. состоялась II сессия, 16 апреля — 14 мая 1948 г. — специальная сессия (опять по палестинскому вопросу), 21 сентября — 12 декабря 1948 г. и 5 апреля — 18 мая 1949 г. — III сессия, 20 сентября — 10 декабря 1949 г. — IV сессия.

За период до 1950 г. состав ООН несколько расширился. В 1946 г. на I сессии Генеральной Ассамблеи в ООН были приняты Швеция, Афганистан, Исландия и Таиланд. В 1947 г. Ассамблея приняла в ООН Пакистан и Йемен, в 1948 г. — Бирму, в 1949 г. — Израиль, в 1950 г. — Индонезию. Советский Союз, строго руководствуясь Уставом, неизменно голосовал за прием новых членов в ООН, хотя политический и общественный строй этих государств отличался от советского.

Иную позицию заняли Соединенные Штаты и некоторые другие западные страны. Руководствуясь узкополитическими мотивами, они проводили открытую дискриминацию в отношении

¹ Первоначальные члены ООН (51 государство): Австралия, Англия, Аргентина, БССР, Бельгия, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Голландия, Гондурас, Греция, Дания, Доминиканская Республика, Египет, Индия, Ирак, Иран, Канада, Китай, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Либерия, Ливан, Люксембург, Мексика, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Парагвай, Перу, Польша, Сальвадор, Саудовская Аравия, Сирия, СССР, США, Турция, Уругвай, УССР, Филиппины, Франция, Чехословакия, Чили, Эквадор, Эфиопия, Югославия, Южно-Африканский Союз.

стран народной демократии. Усилиями западных государств в течение многих лет срывался вопрос о приеме в ООН группы социалистических стран, хотя они были в числе первых, подавших заявление о приеме в ООН, и отвечали всем необходимым требованиям, предусматриваемым Уставом.

После победы социалистической революции в Китае в 1949 г. возникла проблема представительства Китайской Народной Республики в ООН. Правительство КНР еще в ноябре 1949 г. довело до сведения ООН, что лишает чанкайшистов полномочий в органах ООН и они не имеют никакого права выступать от имени китайского народа.

США и ряд других государств западного блока сразу же стали бойкотировать КНР. Сначала свою позицию они пытались объяснить тем, что речь идет, мол, о приеме КНР в ООН. Несостоятельность этого довода очевидна. Ведь Китай — один из членов-учредителей ООН и согласно ее Уставу ему по праву принадлежит место в Совете Безопасности. Бесспорно, что только представители законного китайского правительства, поддерживаемого всем китайским народом, вправе представлять Китай в международных отношениях вообще и в ООН в частности. В результате революции в Китае произошли исторические изменения, реакционная клика Чан Кай-ши была выброшена за пределы континента и потеряла всякие права — и фактические и юридические — где бы то ни было представлять китайский народ.

Не правительства, а государства являются субъектами международного права. Смена правительства не может ставить под сомнение права государств в международных делах. Субъектом международного права и членом ООН был и остается Китай, представляемый после революции новым правительством, которое свободно избрано народом. Поэтому всякая поддержка чанкайшистов в качестве официальных представителей китайского народа лишена каких бы то ни было правовых оснований.

Еще на I сессии Генеральной Ассамблеи и в самом начале работы Совета Безопасности Советский Союз внес исключительно важные предложения¹, которые могли бы оздоровить международную обстановку и обеспечить мирное сосуществование государств различных политических и социальных систем. Этой цели служили и многочисленные советские предложения по разоружению и запрещению термоядерного оружия, об осуждении подготовки новой войны, о заключении Пакта мира между

¹ См. «Делегации СССР, УССР и БССР на II сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций». Сборник речей и выступлений. Сентябрь — ноябрь 1947 г. М., 1948; А. С. Протопопов. Советский Союз в Организации Объединенных Наций. Из истории борьбы СССР за мир и независимость народов (1945—1957 гг.). М., 1957; Г. И. Морозов. Организация Объединенных Наций (К 15-летию Устава ООН). М., 1960.

пятью великими державами, о принятии декларации об устранении угрозы новой войны, а также о мерах по укреплению мира и безопасности народов и уменьшению международной напряженности и развитию международного сотрудничества.

Советский Союз открывал своими предложениями реальные возможности не только устранить военную угрозу, но и наладить сотрудничество всех государств в интересах мира, парализовывал происки агрессивных сил, стремившихся обострить международную обстановку. Советские предложения не имеют ничего общего с псевдопацифистской фразеологией, к которой так часто прибегает буржуазная дипломатия, чтобы выиграть время, необходимое для подготовки агрессии. Принятие советских предложений немедленно привело бы к ослаблению военной угрозы и смягчению международной напряженности, сокращению военных бюджетов и высвобождению значительной части национальных ресурсов каждой страны для мирных целей.

Советские предложения неизменно выражают волю всего прогрессивного человечества. Но если в самых широких народных массах всех стран они всегда встречали единодушное одобрение, то в стенах ООН они все время наталкивались на упорное сопротивление западных держав.

Причем нередко предпринимались попытки фальсифицировать смысл советской позиции и посредством всевозможных измышлений переложить вину за международную напряженность на социалистические страны. Боясь обсуждения советских предложений, западные дипломаты зачастую стремились вообще не допустить их включения в повестку дня сессий Ассамблеи или заседания Совета Безопасности, а когда это не удавалось, прибегали к своему излюбленному приему — пускали в ход «машину голосования» и срывали их принятие. Тем самым ООН оказывалась бессильной в очень ответственные моменты и ее авторитету наносился серьезный ущерб.

Но обсуждение выдвигавшихся Советским Союзом вопросов само по себе имело, разумеется, положительное значение, поскольку получало широкую огласку и оживленно комментировалось мировой печатью и общественностью. Советские проекты разоружения и запрещения термоядерного оружия, предложение о заключении Пакта мира были подхвачены многомиллионными массами сторонников мира во всех странах и на всех континентах. Всемирный Совет Мира, конгрессы в защиту мира, массовые митинги и собрания сторонников мира без устали требовали от западных держав и от Организации Объединенных Наций принятия решительных мер для ослабления международной напряженности.

Среди конкретных вопросов, рассмотренных ООН в первый период ее деятельности, можно выделить группу проблем, связанных с последствиями второй мировой войны, в том числе

такие, как выдача и наказание военных преступников. Принятая по этому поводу I сессией Ассамблеи резолюция содержала рекомендации о привлечении к ответственности военных преступников. Были приняты также резолюции о беженцах и перемещенных лицах, предусматривающие скорейшее возвращение их на родину, и некоторые другие решения.

Значительно большее место заняли уже в тот период новые международные проблемы. Одни из них возникли в связи с агрессивным курсом, взятым империалистическими кругами Запада в послевоенный период, другие — в связи с ростом национально-освободительного движения. Целесообразно рассмотреть их в том порядке, в каком они обсуждались в основных органах ООН.

Совет Безопасности начал свою деятельность 19 января 1946 г. с рассмотрения так называемого иранского вопроса. Суть этого вопроса, инспирированного западной реакцией, заключалась в провокационной жалобе иранского правительства на мнимое вмешательство СССР во внутренние дела Ирана. Абсурдность жалобы оказалась настолько очевидной, что в ходе ее обсуждения иранский представитель был вынужден обратиться с просьбой снять ее с повестки дня Совета, чему, однако, воспротивились западные державы, безуспешно пытаясь использовать эту кляузу как повод для развертывания антисоветской шумихи. Но их попытки ни к чему не привели: неоспоримые факты показали полную неосновательность каких-либо обвинений по адресу Советского Союза.

Начало работы Совета Безопасности показало, таким образом, что западные державы предприняли попытку сразу же пустить его деятельность по руслу, не имеющему ничего общего с интересами упрочения мира. Провал этой затеи показал вместе с тем, насколько сильны международные позиции Советского Союза.

В январе 1946 г. по предложению УССР Совет Безопасности занялся рассмотрением индонезийского вопроса. Национально-освободительная борьба индонезийского народа охватила всю страну. Английские и голландские войска начали военные действия против широких народных масс. Несмотря на сопротивление колониальных держав, прежде всего Англии и Франции (при рассмотрении этого вопроса французский представитель в Совете использовал право вето), почти трехлетнее обсуждение этого вопроса в Совете Безопасности в известной мере способствовало урегулированию конфликта и помогло превращению Индонезии в политически независимое государство.

В феврале 1946 г. Совет Безопасности начал обсуждать вопрос о незаконном пребывании иностранных войск на территории стран Леванта. Этот вопрос был поднят в письме Сирии и Ливана, адресованном Совету; в письме содержалось требование вывести из этих стран английские и французские войска. Хотя западные державы помешали Совету поддержать законное требование Сирии и Ливана, за что выступил Советский Союз, обсуждение этого вопроса в определенной мере способствовало выводу английских и французских войск из Сирии и Ливана в декабре 1946 г.

В январе 1947 г. Совет Безопасности рассматривал вопросы, связанные с инцидентом в проливе Корфу. В октябре 1946 г. два английских военных корабля, нарушив суверенитет Албании, вошли в пролив Корфу и подорвались на минах, оставленных немцами во время войны. Обращение Англии в Совет Безопасности преследовало цель избежать ответственности за этот инцидент. Помешала твердая позиция, занятая Советским Союзом. Международный суд, куда было передано это дело, также подтвердил в апреле 1949 г., что Англия виновна в нарушении чужих территориальных вод.

В июле 1947 г. в Совет Безопасности обратился Египет, требуя вывода английских войск из Египта и Судана, поскольку их пребывание там, как

указывалось в египетском обращении, угрожает международному миру и безопасности. Обсуждение этого вопроса и вмешательство Совета содействовало впоследствии выводу английских войск.

В январе 1948 г. Индия обратилась в Совет Безопасности с жалобой, в которой обвиняла Пакистан в агрессивных действиях: в инспирировании и поощрении вторжения на территорию Джамму и Кашмира, Пакистан, со своей стороны, обвинил Индию в незаконном присоединении указанного княжества. В начале 1948 г. Совет Безопасности создал Комиссию для Индии и Пакистана в составе представителей пяти государств (по просьбе Индии в комиссию был включен представитель от Чехословакии). Большинство членов комиссии, находясь под влиянием Запада, тормозило решение кашмирской проблемы в интересах мира и безопасности. Конкретный вопрос, поставленный Индией, был подменен рассмотрением сложной проблемы индо-пакистанских отношений¹.

Генеральная Ассамблея в числе первых вопросов на своей I сессии начала рассматривать положение индийцев в Южно-Африканском Союзе. Эта проблема, как и в целом вопрос о политике дискриминации и расовой нетерпимости в ЮАС, не сходил с повестки дня большинства сессий Генеральной Ассамблеи. Многочисленные резолюции Ассамблеи, осудившие позорную политику правительства ЮАС, из-за противодействия западных держав были оставлены без внимания, и ООН не смогла добиться прекращения жестокой дискриминации в ЮАС по расовым и национальным мотивам.

В 1947 г. на II сессии Генеральной Ассамблеи с важной инициативой осудить пропаганду новой войны выступила советская делегация. По ее предложению была принята специальная резолюция, в которой говорится, что Генеральная Ассамблея:

«1. *Осуждает* любую форму ведущейся в любой стране пропаганды, имеющей целью или способную создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии.

2. *Предлагает* правительствам всех членов предпринять соответствующие шаги, допускаемые их основными законами, для: а) содействия всеми имеющимися в их распоряжении средствами информации и пропаганды дружественным отношениям между государствами на основе целей и принципов Устава и б) поощрения распространения всей информации, предназначенной для выражения несомненного желания мира всеми народами»².

Это важное решение Генеральной Ассамблеи ООН соответствует жизненным интересам всех миролюбивых народов, задачам международного сотрудничества.

Советский Союз, страны народной демократии вскоре после решения Генеральной Ассамблеи приняли законы о защите мира, запрещающие пропаганду войны под страхом тяжкого уголовного наказания. Однако западные державы не сделали из этого решения никаких выводов, и пропаганда войны в этих странах в рассматриваемый период продолжала вестись во все возрастающих масштабах.

На второй части III сессии Генеральная Ассамблея в апреле — мае 1949 г. рассматривала вопрос о судьбе бывших итальянских колоний. Было решено, что Ливия получит независимость не позднее 1 января 1952 г., Сомали — в конце десятилетия со дня одобрения соглашения об опеке над этой территорией (соглашение с Италией по этому поводу было одобрено в декабре 1950 г.). Что же касается Эритреи, то в 1950 г. V сессия Ассамблеи постановила создать там автономное образование, объединенное на федеративных началах с Эфиопией под верховенством императора Эфиопии.

Как и в Совете Безопасности, в Генеральной Ассамблее в те годы поборники «холодной войны» не раз пытались использовать высокую трибуну для клеветы по адресу стран народной демократии и для организации вмеша-

¹ См. гл. X.

² См. «Официальный отчет второй сессии Генеральной Ассамблеи. Резолюции. 16 сентября — 29 ноября 1947 г.». ООН, Нью-Йорк, 1947, № 110, стр. 12.

тельства во внутренние дела Венгрии, Болгарии и Румынии под предлогом заботы об «основных свободах», которые якобы нарушались в этих странах. С такой провокацией выступили, явно по указке США, Боливия и Австралия на III сессии Ассамблеи весной 1949 г.; вслед за ними Чили выдвинула столь же нелепое обвинение против Советского Союза. Так империалисты использовали трибуну ООН для разжигания вражды к странам социализма.

Таких попыток было немало в годы «холодной войны». Они всегда встречали должный отпор со стороны социалистических государств, не допускавших никакого ущемления их суверенитета.

Помимо кратко изложенных выше вопросов, рассмотренных либо Советом Безопасности, либо Генеральной Ассамблеей, ряд проблем обсуждался этими обоими органами. Среди них первым был греческий вопрос. Английские войска, вступившие в Грецию в годы войны, не только не были выведены после разгрома агрессоров, но при содействии правительства США стали открыто вмешиваться во внутренние дела Греции, развернули борьбу против национально-освободительного движения греческого народа. Это создало напряженную обстановку в Греции и угрожало международному миру и безопасности. В январе 1946 г. греческий вопрос по инициативе Советского Союза был включен в повестку дня Совета Безопасности. В августе того же года представитель УССР в ООН довел до сведения Совета Безопасности факты провокационных пограничных инцидентов на греко-албанской границе, явившихся результатом пребывания иностранных войск в Греции.

Пытаясь уйти от ответственности, западные державы инспирировали ложные обвинения против Болгарии и других пограничных государств в «помощи греческим партизанам». Поскольку Соединенным Штатам не удалось протащить в Совете соответствующую резолюцию, все дело было передано в Генеральную Ассамблею. В целом обсуждение греческого вопроса в ООН способствовало в определенной мере достижению благоприятных итогов и прекращению вооруженной англо-американской интервенции.

Большое место в работе ООН занял в те годы палестинский вопрос. Полное банкротство британского управления Палестиной на основе мандата Лиги наций вынудило Палестину обратиться в ООН. Руководствуясь принципами ленинской национальной политики, Советский Союз предложил ликвидировать британский мандат, вывести английские войска и решить проблему Палестины на основе закрепленного в Уставе ООН права наций на самоопределение. Рассмотрение проблемы было очень осложнено позицией Великобритании, пытавшейся отсрочить ликвидацию ее мандата, а также позицией США, стремившихся получить для себя преимущества в Палестине. В итоге длительных обсуждений в ООН было принято решение о разделе Палестины.

В течение длительного времени в ООН не сходил с повестки дня Генеральной Ассамблеи так называемый корейский вопрос. Этим вопросом занимался также Совет Безопасности. Как известно, Корея после второй мировой войны оказалась разделенной на две части. В Северной Корее народ создал свое государство — Корейскую Народно-Демократическую Республику. В Южной Корее был установлен реакционный марионеточный режим ставленников американского империализма. Еще в 1947 г. СССР предложил вывести к началу 1948 г. из Кореи все иностранные войска, с тем чтобы корейский народ сам определил свою судьбу. Этому воспротивились США, чьи войска находились в Южной Корее. Тогда Советский Союз в декабре 1948 г. в одностороннем порядке вывел из Северной Кореи свои войска.

Само возникновение корейского вопроса и его осложнение в дальнейшем было вызвано тем, что США стремятся сохранить Южную Корею в качестве своего военного плацдарма в Азии.

Из других наиболее важных моментов деятельности ООН в первом пятилетии следует отметить принятую 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей Всеобщую Декларацию прав человека. Провозглашение демократических прав и обязанностей человека в политической, экономической, социальной и культурной областях явилось известным положительным фактом. Но отсутствие в Декларации каких-либо гарантий осуществления записанных в ней прав

является ее существенным недостатком. В свете торжественно провозглашенных прав человека особенно разительно выступает противоречие между формально существующими в капиталистических странах демократическими правами и бесправным положением широких трудящихся масс, преследованиями по политическим мотивам, национальной дискриминацией и т. п.

Всеобщая Декларация прав человека осудила и запретила, например, всякую дискриминацию человека по любым мотивам и на основе «политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой этот человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, несамостоятельной или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете»¹.

В этой связи надо указать, что деятельность ООН и в области опеки, и в отношении самоуправляющихся территорий с самого начала не оправдывала надежд колониальных народов и совершенно не соответствовала торжественным обязательствам, содержащимся по этому поводу в Уставе ООН. Практическая деятельность государств, ответственных за управление подопечными территориями, бесконечно далека от обязательств, возложенных на опекунов Уставом ООН. Сами соглашения об опеке, принятые проамериканским большинством на I сессии Генеральной Ассамблеи, свидетельствовали о намерении колонизаторов сохранить прежний колониальный режим под новой вывеской. Эти соглашения предусматривают, например, организацию управления подопечными территориями как составной частью территории государств-опекунов. В результате население подопечных территорий осталось в тех же самых невыносимо тяжелых условиях колониального бесправия и эксплуатации, в которых находилось и раньше.

В нарушение Устава ООН Соединенные Штаты сразу же приступили к созданию военных баз на своих подопечных тихоокеанских островах. На территории Юго-Западной Африки государство-«опекун» — Южно-Африканский Союз — установило колониальный режим и даже не сочло нужным представить ООН проект соглашения об опеке, открыто заявив о своем намерении аннексировать эту территорию.

Советский Союз неоднократно выступал в защиту населения подопечных территорий и предлагал Совету по опеке заставить управляющие власти выполнять свои обязанности. Однако западные державы, поощряя колонизаторов, обрекли Совет по опеке на бессилие и превратили его в орган молчаливого покровительства бесчинствам, творимым управляющими властями. ООН не нашла средств и возможностей заставить государства-опекуны должным образом выполнять положения Устава ООН о международной опеке и резолюции IV сессии Генеральной Ассамблеи, осудившие грубые нарушения Устава ООН колониальными державами, а также рекомендовавшие провести ряд мер в соответствии с требованиями Устава.

Аналогичным образом сложилось положение самоуправляющихся территорий, т. е. колоний в собственном смысле этого слова. «Декларация в отношении самоуправляющихся территорий», включенная в Устав ООН, осталась невыполненной. Колониальные державы решительно воспротивились любым попыткам ООН установить малейший контроль над тем, что они творят в колониях.

4. Борьба вокруг принципов Устава ООН

История ООН с первых же лет существования организации насыщена борьбой вокруг основных принципов ее Устава. Советская политика обеспечения мира и мирного сосуществования, проводимая совместно со всеми социалистическими странами и

¹ «Всеобщая Декларация прав человека, утвержденная и провозглашенная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года». Департамент информации ООН. Нью-Йорк, 1949.

при поддержке других миролюбивых государств, всегда включала в себя борьбу за демократические принципы Устава ООН. Советский Союз настойчиво добивается их соблюдения при рассмотрении любых вопросов в Организации Объединенных Наций, неизменно отстаивая тем самым ее авторитет и престиж. Это особенно важно потому, что принципы Устава ООН подвергаются непрерывным нападкам реакционных империалистических сил. Их пренебрежение к обязательствам, возложенным Уставом на членов организации, выражается в различных экспансионистских «программах» и «планах», в создании агрессивных замкнутых военно-политических группировок, направленных против социалистического лагеря, в гонке вооружений и сооружении сети военных баз на чужих территориях. Наряду с этими агрессивными мерами, грубо нарушающими Устав ООН, предпринимались многочисленные попытки подорвать организацию, превратить ее в орудие реакционных империалистических кругов.

Ожесточенным нападкам подвергся прежде всего принцип единогласия великих держав, который оказался барьером на пути противников международного сотрудничества, пытающихся использовать ООН для своей агрессивной политики. Старания западных реакционеров опорочить политику Советского Союза, обвинив его в злоупотреблении правом вето в Совете Безопасности, не принесли им желанных результатов. Четкая, строго соответствующая Уставу ООН позиция СССР в Совете Безопасности неизменно поддерживалась широкими кругами мировой общественности, поскольку эта позиция всегда была направлена на обеспечение интересов мира и сотрудничества между народами.

Те, кто выдвигает нелепые обвинения по поводу якобы имеющего место злоупотребления Советским Союзом правом вето, не могут привести ни одного факта в их обоснование, ибо таких фактов нет.

Каждый случай применения вето советским представителем в Совете Безопасности преследует цель защитить принципы и положения Устава ООН от попыток их нарушения, обхода или злоупотребления ими. Учитывая этот объективный факт, будет правильно поставить вопрос о злоупотреблении западных держав своими правами постоянных членов Совета Безопасности, использующих эти права во вред принципам ООН и дела мира в целом. Вето Советского Союза неизменно означает защиту этих принципов. Достаточно вспомнить о случаях применения Советским Союзом права вето, относящихся к вопросам приема в ООН.

Известно, какой односторонний подход к этим вопросам проявили западные державы. В течение многих лет они противодействовали приему в ООН группы социалистических государств, делая это вопреки Уставу ООН и интересам международного сотрудничества, которому ООН может эффективно

способствовать только при условии ее подлинной универсальности. Западные державы стремились ограничить допуск в ООН государств только одной социальной системы. Вето Советского Союза воспрепятствовало попыткам свести на нет международный характер ООН путем превращения ее в «клуб одинаково мыслящих».

Благодаря главным образом усилиям Советского Союза в члены ООН были приняты на X сессии Генеральной Ассамблеи одновременно 16 государств, в том числе четыре социалистические. Выиграла ли от этого ООН, выиграли ли интересы международного сотрудничества? Несомненно, и это признается повсеместно на Западе. «Сейчас более очевидно, чем когда-либо,— указывает Алан де Русс из Лиддского университета (Англия),— что важнейшим поворотным пунктом в истории ООН было решение 1955 года, преодолевшее тупик в вопросе о приеме новых членов и наиболее полно открывшее доступ в организацию борющимся и сотрудничающим интересам, идеям, надеждам и опасениям, господствующим в мире»¹.

Аналогичным образом обстоит дело и в других случаях, когда Советский Союз использовал свое право вето. Оно вставало непреодолимой преградой на пути тех, кто вопреки Уставу ООН пытался организовать вмешательство во внутренние дела суверенных государств и протаскивать резолюции, по существу, легализующие колониальные акции и оккупацию других государств.

Выступления против принципа единогласия имели место еще во время подготовки Устава ООН на конференции в Сан-Франциско². Однако, поскольку работа конференции проходила в условиях войны с фашизмом, когда согласованные действия великих держав имели большое значение для самих западных стран, подобные выступления не получили открытой поддержки в правящих кругах этих государств.

Со временем положение коренным образом изменилось. Сначала с помощью зависимых стран, а затем в открытую американские дипломаты повели в ООН борьбу за изменение и фактическую ликвидацию правила единогласия³.

Известно, что внесение поправок в Устав ООН предусмотрено двумя его статьями — 108-й и 109-й. Они предназначены на тот случай, когда международная обстановка и практическая деятельность ООН вызовут необходимость включить в Устав поправки и изменения, улучшающие его, укрепляющие и совершенствующие основные принципы ООН, как международной организации, призванной содействовать широкому международному сотрудничеству государств, обеспечению международного мира и безопасности. Предлагать иное, значит подвергать

¹ *Alan de Russet. General Assembly. A New Assessment. «United Nations News», 1960, № 1, p. 7.*

² См. *С. Б. Крылов. История создания Организации Объединенных Наций*, стр. 86—87.

³ Американская инициатива в этой области общеизвестна, что констатирует американец Гудспид: «Большинство этих изменений было предложено Соединенными Штатами» (*S. S. Goodspeed. The Nature and Function of International Organisation, New York, 1959, p. 614*).

сомнению самую идею организации международной безопасности, извращая основы ООН. Именно так поступают те, кто, формально ссылаясь на соответствующие положения Устава, пытается навязать такие изменения, которые бы привели к ликвидации правила единогласия постоянных членов Совета Безопасности.

Кампания, направленная на подрыв Устава ООН, ревизию его основных положений, ведется уже давно, с первых шагов деятельности ООН. Вдохновителями кампании всегда были различного рода правительственные и неофициальные американские организации.

Движению за ревизию Устава ООН был с самого начала придан официальный характер. Сенат США поднял этот вопрос весной 1948 г. Комиссия сената по иностранным делам рассмотрела тогда восемь резолюций, предлагавших ревизию Устава ООН. В результате в июне 1948 г. была принята резолюция Ванденберга, отмечавшая, в частности, необходимость ограничения правила единогласия в Совете Безопасности.

В 1950 г. конгресс США рассмотрел ряд резолюций, представленных более чем 140 конгрессменами, и создал специальный подкомитет для изучения этого вопроса. Широко развернутая кампания за ревизию Устава сопровождалась публичными заседаниями подкомитета в различных штатах, принятием соответствующих резолюций конгрессами штатов, изданием ряда специальных брошюр. В нее активно включились научные общества и организации вроде фонда Карнеги.

Аналогичная кампания началась и в других странах Запада. Министерство иностранных дел Канады, например, создало специальную рабочую группу для изучения вопроса о ревизии Устава ООН, а министерства иностранных дел Бельгии и Голландии учредили специальные комитеты¹.

Попытки подрыва Устава ООН неоднократно предпринимались в стенах самой организации.

Уже на I сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1946 г. делегации Австралии, Филиппин, Аргентины и Перу внесли ряд предложений, смысл которых сводился к серьезному ограничению или ликвидации принципа единогласия в Совете Безопасности. Только в результате поддержки ведущих капиталистических держав, и прежде всего делегации США, эти предложения были включены в повестку дня сессии.

В ходе дискуссии делегации США, Англии, Франции и гоминдановец выступили за то, чтобы урезать право вето. Принципиальная позиция Советского Союза сорвала эту попытку. Обсуждение на I сессии Ассамблеи этого вопроса отчетливо выявило антисоветскую направленность кампании за ликвидацию правила единогласия и показало, что речь идет о борьбе двух направлений в мировой политике. Одно отстаивает принципы международного сотрудничества всех государств, закрепленные в Уставе ООН, а другое стремится ликвидировать эти принципы, чтобы развязать себе руки для борьбы за мировое господство.

На рассмотрении II сессии Генеральной Ассамблеи в октябре — ноябре 1947 г. делегация США внесла предложение о создании «временного комитета Генеральной Ассамблеи по вопросам мира и безопасности», иначе названного «Малой Ассамблеей» или «Межсессионным комитетом». Смысл этого предложения довольно откровенно раскрыла американская печать. Газета «Нью-Йорк пост» указывала, что создание «временного комитета» даст возможность более определенно добиться той же цели, какую ставят перед собой те, кто настаивает на ликвидации принципа единогласия².

¹ F. Wilcox, C. Marcy. *Proposals for Changes in the United Nations*. Washington, 1955, p. 44.

² «The New York Post», 19. IX. 1947.

Стремясь создать в системе ООН новый орган, не предусмотренный Уставом, империалисты ставили своей целью ослабление, подмену и обход Совета Безопасности. По Уставу ООН можно учреждать лишь вспомогательные органы, задача которых состояла бы в том, чтобы помогать Генеральной Ассамблее в осуществлении ее функций; в данном же случае речь шла фактически о новом главном органе ООН. Этот орган предполагалось наделить функциями, по существу, аналогичными функциям Совета Безопасности, а в ряде случаев даже более широкими. Так, в компетенцию «Межсессионного комитета» должно было войти рассмотрение вопросов поддержания мира и безопасности, включая организацию исследований и назначение для этого различных комиссий, контроль за выполнением рекомендаций Ассамблеи. Функции «Межсессионного комитета» в этой области предполагалось не ограничивать.

Советская делегация выступала на сессии против самой идеи «Межсессионного комитета», убедительно показала всю антиконституционность такого органа, разоблачила инициаторов этой затеи, задумавших подорвать международное сотрудничество и Организацию Объединенных Наций.

«Межсессионный комитет» был создан «на определенный срок» на II и III сессиях, а на IV сессии преобразован в постоянный орган. Однако надеждам, которые связывали инициаторы «Межсессионного комитета» с его созданием, не суждено было осуществиться. Они лопнули вследствие категорического отказа Советского Союза и ряда других членов ООН принять участие в работе такого незаконного органа.

На первом этапе деятельности ООН сторонники ревизии ее Устава пытались добиться подчинения Совета Безопасности консультативным заключениям Международного суда. Рассчитывая на то, что Советский Союз будет в Международном суде в меньшинстве, западные державы надеялись тем самым в обход Устава ООН оказывать давление на Совет Безопасности. Однако и из этой затеи ничего не вышло. Советская делегация помешала направлять в суд неосновательные запросы от органов ООН, а кроме того, и сам Международный суд рядом своих консультативных заключений отклонил попытки западных государств подорвать с его помощью принцип единогласия.

Уже в тот период предпринимались попытки нарушить положения Устава ООН, запрещающие вмешательство в дела, относящиеся к внутренней компетенции государств. Так появились на повестке дня сессии Генеральной Ассамблеи и в Совете Безопасности «чехословацкий» и «берлинский» вопросы; с той же целью была создана «комиссия ООН по восстановлению и объединению Кореи».

Фактически Устав ООН нарушался также и посредством наделения Генеральной Ассамблеи полномочиями Совета Безопасности, с тем чтобы обойти принцип единогласия и использовать «машину голосования» в Ассамблее.

Напомним о резолюции V сессии Генеральной Ассамблеи под демагогическим названием «Единство в пользу мира»¹. Эта резолюция, подготовленная государственным департаментом США, предусматривала, что при отсутствии единогласия постоянных членов Совета Безопасности, в течение 24 часов по

¹ «Объединенные Нации. Резолюции Генеральной Ассамблеи с 19 сентября по 15 декабря 1950 г. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. V сессия, доп. № 20». Нью-Йорк, № 377, 1950, стр. 11—14.

требованию любых семи членов Совета Безопасности должна быть созвана Генеральная Ассамблея для обсуждения создавшегося положения и принятия рекомендаций относительно коллективных мер, включая международные военные санкции. Каждому члену ООН резолюция предписывала содержать в своих вооруженных силах специальные подразделения, которые могли бы быть переданы для создания вооруженных сил ООН по рекомендации Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи.

Советская делегация в ООН и делегации ряда других стран правильно расценили это решение V сессии Генеральной Ассамблеи, как грубое нарушение Устава ООН, попытку ликвидировать принцип единогласия великих держав. Узурпация неотъемлемых прерогатив Совета Безопасности в пользу Генеральной Ассамблеи чревата серьезной угрозой для дела мира, что показали дальнейшие события. На основе резолюции о «единстве в пользу мира» были приняты такие нанесшие серьезный ущерб международному сотрудничеству постановления, как позорное решение ООН от 1 февраля 1951 г., ложно обвинившее Китайскую Народную Республику в агрессии в Корею, как решение от 18 мая 1951 г. об эмбарго против КНР и КНДР. На основании той же резолюции о «единстве в пользу мира» был учрежден противоречащий Уставу «комитет коллективных мероприятий», наделенный полномочиями, принадлежащими исключительно Совету Безопасности и подчиненному ему Военно-штабному комитету. «Комитет коллективных мероприятий» был уполномочен, например, не только собирать у стран — членов ООН сведения военного характера, выяснять их военные ресурсы и резервы вооруженных сил, но и разрабатывать планы коллективных военных акций.

Представленный VI сессии Генеральной Ассамблеи доклад «комитета» рекомендовал лишить Совет Безопасности его прав и полномочий и передать их Ассамблее. О характере рекомендаций свидетельствует то, что они предлагали передать Генеральной Ассамблее право Совета Безопасности, согласно ст. 48 Устава ООН, выносить решения о коллективных военных акциях ООН и уполномочивать на это государство или группу государств. Характер «комитета» виден уже из того, что указанный комитет, составляя список стратегических материалов, которые запрещалось вывозить в социалистические страны, осуществлял это в составе стран — членов НАТО плюс ФРГ и Япония.

Однако подобные мероприятия оказались нереальными. Они несовместимы с интересами подавляющего большинства человечества, а с этим теперь нельзя не считаться. Большинство государств западного блока под тем или иным предлогом уклонились от участия в мероприятиях, рекомендованных на основе резолюции «Единство в пользу мира». Так, из 60 государств, которым упомянутый «комитет» предложил участвовать в создании «вооруженных сил» ООН, лишь четыре дали свое согласие, причем наиболее активным оказался... Таиланд¹.

Даже в Англии появились серьезные опасения, что механизм, создаваемый на основе резолюции «Единство в пользу мира», может способствовать тенденции «превратить ООН в послушный инструмент находящегося под американским владычеством мира, тенденции, которая скорее всего могла испугать не входящие в блоки государства, чем привлечь поддержку и дружественное отношение с их стороны»².

Многие делегации, вынужденные одобрить рекомендации «комитета коллективных мероприятий» на VI сессии Генеральной Ассамблеи и соответствующую резолюцию, всеми силами добивались принятия таких поправок, которые бы позволили им не участвовать в акциях этого «комитета», призванных прикрыть ширмой ООН агрессивные затеи Пентагона.

В итоге программа пресловутых «коллективных мероприятий» потерпела на VI сессии Генеральной Ассамблеи фиаско. Принятая по этому вопросу резолюция не дала Соединенным Штатам возможности обязать страны —

¹ W. R. Frye. United Nations Peace Force. London, 1957, p. 59.

² G. L. Goodwin. Britain and the United Nations. London, 1957, p. 255.

члены ООН предоставлять свои ресурсы и вооруженные силы для осуществления агрессивных планов.

Мы коснулись лишь некоторых конкретных вопросов, рассмотрение которых свидетельствует о борьбе двух курсов в международной политике в связи с основой Устава ООН — правом вето. Эта борьба обостряется в периоды усиления международной напряженности и слабеет, когда проясняется международная атмосфера.

Ожесточенным атакам противников основ Устава ООН неизменно дают отпор СССР и другие миролюбивые страны, число которых в ООН последовательно увеличивается. «Некоторые, — указывает Н. С. Хрущев, — выступают против вето. Но если не будет вето, то не будет и международной организации, она развалится. Принцип вето обязывает великие державы по всем вопросам, требующим рассмотрения в Совете Безопасности, прийти к такому единодушному решению, которое обеспечивало бы эффективное поддержание мира. Лучше добиваться единогласного решения великих держав, чем решать международные вопросы силой оружия»¹.

Борьба вокруг принципов Устава ООН в последующие годы показала бесперспективность расчетов дипломатов США на хозяйничанье в Генеральной Ассамблее с помощью «механического большинства». Американская тактика нажима на другие делегации в ООН, удачно названная «выкручиванием рук», все чаще дает осечку. Голоса молодых государств Азии и Африки, проводящих независимую политику, уже в первый период существования ООН стали оказывать заметное влияние на деятельность Генеральной Ассамблеи. Со временем это влияние все более росло, и, главное, совместные выступления делегаций Советского Союза и других социалистических стран вместе с делегациями нейтралистских государств привели к тому, что западные державы стали затем терять «большинство» в Генеральной Ассамблее.

Стремление западных государств перенести центр тяжести всей деятельности ООН в Генеральную Ассамблею, по мнению Гудрича, не привело к желанным результатам в связи «с новой ситуацией, созданной возрастанием при голосовании роли азиатских и африканских государств, зачастую враждебных Западу. На деле азиатские и африканские страны по мере увеличения их представительства в ООН стали обладать потенциальным вето в решениях Ассамблеи. В результате одобрение резолюций, вносимых Западом в Ассамблею, более не может рассматриваться как нечто надежное»².

¹ Речь Н. С. Хрущева на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 18 сентября 1959 г. В кн.: «Жить в мире и дружбе». Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в США 15—27 сентября 1959 г. М., 1959, стр. 180.

² L. M. Goodrich. The U. N. Security Council. «International Organisation», 1958, № 33, p. 284.

Успешное выполнение высоких функций ООН зависит прежде всего от соответствия ее структуры условиям, реально существующим в мире. За годы существования ООН на мировой арене произошли величайшие изменения политического и социального характера. С предложением привести ООН в соответствие с фактическим положением вещей в мире выступил на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. С. Хрущев¹. «Мы считаем, — заявил Н. С. Хрущев, — что Организацию Объединенных Наций следует усовершенствовать как международный инструмент, созданный для предупреждения новой мировой войны. Для этого, прежде всего, нужно вернуться к тем идеям и принципам, которые были заложены при создании Организации Объединенных Наций, ее Совета Безопасности, то есть признанию принципа равных условий для всех государств и особенно для тех, от которых зависит быть или не быть новой мировой войне»².

Советские предложения по реорганизации ООН, внесенные на XV сессии Генеральной Ассамблеи, развивают и укрепляют идеи и принципы, на которых основана ООН. Необходимость изменений подсказана самой жизнью. Эта советская инициатива служит еще одним доказательством того, что Советский Союз проводит в ООН политику защиты мира во всем мире и борется за светлые идеалы человечества.

Первые годы существования ООН свидетельствуют о том, что агрессивные силы, чья политика идет вразрез с кровными интересами подавляющего большинства людей на земле, не только мешали ООН выполнять ее задачи, но и в ряде случаев превращали ее в орудие обострения отношений между государствами и подрывали авторитет организации.

Используя экономическую и политическую зависимость ряда государств от американского капитала, его представители в ООН, опираясь на механическое большинство голосов, сразу же стали выступать против разумных и терпеливых поисков согласованных решений в международной организации. Тем самым империалисты США получили возможность добиваться выгодных им решений в ущерб интересам ООН и международному

¹ Необходимо прежде всего заменить единоличную власть генерального секретаря коллегиальным исполнительным органом в составе трех секретарей, представляющих три различные группы государств современного мира — социалистические, капиталистические, нейтралистские. Тогда интересы всех групп государств, сложившихся в современном мире, будут в равной степени учитываться и защищаться ООН, а это значит, что она будет должным образом осуществлять свои цели.

Учитывая серьезные изменения, которые претерпели некоторые державы, считавшиеся ранее великими, крупнейшие государства мира, покончившие с колониализмом и занявшие законное место в числе великих держав, имеют ничуть не меньше прав на постоянные места в Совете Безопасности, чем Англия и Франция. Это в первую очередь относится к Индии и Индонезии. Не может быть далее терпимо лишение КНР ее законного места в ООН.

² Н. С. Хрущев. За мир, за разоружение, за свободу народов, стр. 294.

сотрудничеству в целом. При этом большой урон наносился, разумеется, тем странам, правящие круги которых, угождая перед США, предавали важные интересы обеспечения международного мира и безопасности.

«Конечно, — указывает Н. С. Хрущев, — международная организация не может действовать эффективно в пользу мира, если внутри ее имеется группа стран, которая проводит политику навязывания воли одних государств другим. Такая политика будет подтачивать устои Организации Объединенных Наций. Если дело будет и дальше развиваться в таком направлении, которое можно было бы назвать фракционным, то это приведет не к улучшению отношений между государствами, а к их ухудшению. Из органа, выражающего интересы всех его членов, ООН превратилась бы в орган группы государств, который проводил бы ее политику, а не политику обеспечения мира во всем мире»¹.

Характеризуя известные положительные моменты в деятельности ООН, следует иметь в виду большое общественное воздействие того фактора, что самые острые и жгучие международные вопросы неизменно становятся предметом обсуждения на столь широком форуме, каким является ООН.

Позиция Советского Союза, стран народной демократии и других миролюбивых государств, неизменно отстаивающих интересы мира и мирного сосуществования, способствовала не только решению в ООН ряда важных проблем, но и мобилизации широких кругов мировой общественности на защиту мира.

ГЛАВА XXII

ПРОБЛЕМА РАЗОРУЖЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

1. Окончание войны и вопрос о разоружении

Советское государство, считая разоружение важнейшим фактором мира, упорно добивалось после войны сокращения и ограничения вооружений. Оно стремилось к принципиальному соглашению по этому вопросу с другими участниками антигитлеровской коалиции. В «Декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности», принятой 30 октября 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел, указывалось, что правительства СССР, США, Великобритании и Китая «будут совещаться и сотрудничать друг с другом и с другими членами Объединенных Наций в целях достижения осуще-

¹ «Жить в мире и дружбе», стр. 179.

ствимого всеобщего соглашения в отношении регулирования вооружений в послевоенный период»¹. В декларации подчеркивалось, что после окончания войны проблема разоружения должна быть решена в духе единства великих держав антигитлеровской коалиции.

Однако правительства этих государств по-разному толковали термин «регулирование вооружений». Если Советский Союз считал, что необходимо всеобщее разоружение или по меньшей мере сокращение вооружений, запрещение и ликвидация оружия массового уничтожения, то правящие круги США и Англии имели в виду главным образом разоружение и ослабление СССР и получение для себя важных военных преимуществ.

В первые послевоенные годы отчетливо выявились два разных подхода к проблеме разоружения. Советский Союз предлагал путь мирного сосуществования и действительного разоружения. Капиталистические державы и прежде всего США цеплялись за методы империалистической агрессивной политики, пытались шантажировать атомной бомбой, начали новую гонку вооружений. Правящие круги США рассчитывали атомным шантажом проложить себе дорогу к завоеванию мировой гегемонии².

Началом такой политики было первое в истории применение Соединенными Штатами атомного оружия в конце войны с Японией. Взрывом атомной бомбы, сброшенной американским бомбардировщиком 6 августа 1945 г., был разрушен японский город Хиросима. Японские историки так описывали результаты взрыва: «Весь город представлял собой одни развалины. Это было ужасное зрелище, которого до сих пор не видела история. Всюду громоздились обугленные и обожженные трупы, многие из них застыли в той позе, в которой их застал взрыв. Трамвай, от которого остался один остов, был набит трупами, державшимися за ремни. Многие из тех, кто остался в живых, стонали от ожогов, покрывавших все тело. Повсюду можно было столкнуться со зрелищем, напоминавшим сцены из жизни ада»³. 9 августа была сброшена вторая атомная бомба — на город Нагасаки.

Вызывались ли атомные бомбардировки военной необходимостью? Нет. Уинстон Черчилль признавал: «Было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой. Поражение Японии было предreshено еще до того, как упала первая бомба»⁴.

Правительство США задолго до экспериментального взрыва атомной бомбы (16 июля 1945 г.) приняло решение сбросить атомную бомбу над Японией.

Группа ученых Чикагской лаборатории, возглавляемая Джемсом Франком, еще в июне 1945 г. решительно протестовала против атомной бомбардировки и призывала уничтожить атомное оружие. В докладе Франка указывалось, что применение атомной бомбы приведет к утрате доверия и вызовет ужас и отвращение в других странах. «Если Соединенные Штаты первыми применяя

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 415.

² См. гл. XIV.

³ «История войны на Тихом океане», т. IV, стр. 202.

⁴ W. S. Churchill. The Second World War, vol. VI, p. 559.

против человечества это новое средство массового истребления, они лишатся поддержки общественности во всем мире, вызовут гонку вооружений»¹.

Несмотря на предостережения и протесты, правящие круги США все же решили подвергнуть мирных жителей Японии варварской атомной бомбардировке. «Я, конечно, понимал, — писал в своих мемуарах Трумэн, — что атомный взрыв будет означать огромный материальный ущерб и невиданные человеческие жертвы»².

Почему правящие круги США, заранее зная о моральном осуждении их акта, пошли на убийство сотен тысяч японцев? Совершенно несомненно, что правительство США рассчитывало с помощью «атомного козыря» обеспечить американским монополиям максимальное влияние на решение мировых проблем. Уже в официальном правительственном отчете об использовании атомной энергии специально подчеркивалось, что влияние атомного оружия «на будущие войны и международные отношения необычайно велико»³.

Правящие круги США намекали, что атомная бомба может быть направлена против СССР. В правительственном отчете о военном применении атомной энергии указывалось, что в США создано «оружие, столь идеально приспособленное для внезапного мгновенного нападения, что *крупнейшие города какой-либо страны* могут быть в одну ночь уничтожены»⁴. Такая угроза свидетельствовала, что правящие круги США начали проводить «атомную дипломатию». Английский профессор Блэкетт совершенно справедливо писал, что «сбрасывание атомных бомб явилось не столько последним военным актом второй мировой войны, сколько первой большой операцией холодной дипломатической войны против России»⁵.

Американские монополисты, шантажируя, угрожая атомной бомбой, надеялись ревизовать в свою пользу ряд международных соглашений, заключенных в дни второй мировой войны, в первую очередь решения Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г. и Устав ООН.

С появлением атомного оружия существенно изменилось содержание, которое вкладывается в понятие разоружения. Оружие, применявшееся в конце второй мировой войны, особенно в 1945 г., резко отличалось от оружия довоенного времени и первых лет войны.

¹ «A Report 'to Secretary of War. June 1945». «Bulletin of the Atomic Scientists». 1. V. 1946, p. 16.

² «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 419.

³ Г. Д. Смит. Атомная энергия для военных целей. Официальный отчет о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США. Перев. с англ. М., 1946, стр. 237.

⁴ Там же, стр. 234.

⁵ P. M. Blackett. Fear, War and the Bomb. Military and Political Consequences of Atomic Energy. New York, 1949, p. 139.

Стало ясно, что в случае новой мировой войны человечеству придется испытать бедствия, намного превосходящие все ужасы второй мировой войны. Последствия возможной будущей войны были бы трагическими для целых народов. Если уже в ходе второй мировой войны даже находившиеся в тылу не чувствовали себя в безопасности, то в будущей войне фронт и тыл окончательно превратились бы в одно целое в отношении опасности и жертв.

В силу всего этого после второй мировой войны изменилось и понятие разоружения. Главным во всеобщем разоружении стало запрещение и уничтожение средств массового истребления, особенно атомного оружия.

С изменением содержания понятия разоружения в послевоенные годы, несомненно, появились дополнительные трудности, осложняющие решение проблемы разоружения. Во-первых, атомное оружие — самое мощное новое оружие было в первые послевоенные годы монополией США. Атомным оружием распоряжалась узкая группа самых влиятельных представителей милитаристских и агрессивных кругов, заинтересованных в завоевании мировой гегемонии США, а не в разоружении. Во-вторых, усовершенствование обычного вооружения и появление нового, атомного оружия делали технически более сложным проведение контроля над разоружением. Милитаристы стали демагогически кричать о сложности и невозможности контроля.

Однако ряд важных итогов второй мировой войны облегчил возможность всеобщего разоружения.

Возросли мощь и авторитет Советского Союза, выросли силы социализма, образовался социалистический лагерь, который стал оплотом мира во всем мире. С укреплением сил мирового социализма и утратой империализмом его былых позиций, значительно увеличиваются надежды на успех разоружения и упорочение международной безопасности. Этому способствовало и появление новых независимых государств, ослабление позиций реакции в большинстве буржуазных стран Европы. В результате всех уроков и бедствий войны и в условиях изменений, вызванных ею, стало другим отношение народов к войне. Резко повысилась их активность, небывало усилилась их борьба за мир и разоружение, что значительно облегчало возможность международного соглашения о всеобщем разоружении.

Разоружение, особенно запрещение и уничтожение атомного оружия, стало в послевоенное время всенародным требованием.

2. Борьба СССР за запрещение и уничтожение атомного оружия

Сразу же после окончания второй мировой войны Советский Союз повел в Организации Объединенных Наций и вне ее упорную борьбу за всеобщее разоружение. С момента появления

оружия массового истребления Советский Союз настойчиво требовал его запрещения и уничтожения.

Уже в первые послевоенные годы Советское правительство предвидело, что гонка вооружений может привести к усвершенствованию оружия массового уничтожения, к превращению его в средство, которое может погубить сотни миллионов людей, разрушить материальные ценности, нанести непоправимый урон мировой культуре. В интересах всего человечества, всех стран и народов СССР сразу же предложил надежную и верную гарантию, которая навсегда избавила бы мир от атомной катастрофы: осуществить разоружение и, прежде всего, запретить и уничтожить атомное оружие.

Советский Союз своей миролюбивой политикой доказал, что он действительно заинтересован в разоружении. Искренняя, честная борьба за мир и разоружение вытекает из основ научной теории марксизма-ленинизма. Еще Фридрих Энгельс в конце XIX века писал, что «разоружение, а тем самым гарантия мира, возможно»¹. Впервые в истории лозунг разоружения как практическую задачу социалистического общества выдвинул В. И. Ленин, провозгласив, что «разоружение есть идеал социализма»².

С первых дней своего существования Советское государство ведет борьбу за разоружение. Эта борьба прошла немало этапов, развивалась в разных формах. Но она всегда неизменно составляла одну из основ советской внешней политики. «Наша борьба за разоружение, — говорил Н. С. Хрущев, — это не тактический прием. Мы искренне хотим разоружения. И здесь мы целиком находимся на почве марксизма-ленинизма»³.

Империалистическая пропаганда распространяет вымысел о том, что социалистическая революция обязательно является следствием войны, и поэтому якобы социализм для своего утверждения нуждается в войнах. Эта клевета не имеет ничего общего с действительностью. В Программе Коммунистической партии Советского Союза указывается: «Коммунисты никогда не считали и не считают, что путь к революции проходит непременно через войны между государствами. Социалистическая революция не обязательно связана с войной. Хотя обе мировые войны, развязанные империалистами, завершились социалистическими революциями, однако революции вполне возможны без войн. Великие цели рабочего класса могут быть осуществлены без мировой войны»⁴.

После победы социалистической революции новый общественный строй, в котором нет и не может быть каких-либо

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 338.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 23, стр. 84.

³ Н. С. Хрущев. За новые победы мирового коммунистического движения, стр. 37.

⁴ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 39.

сил, заинтересованных в развязывании и ведении войн, выступает непреклонным поборником мира. Его главной задачей становится мирное экономическое строительство, создание и укрепление новой справедливой социальной системы. И основным препятствием на пути такого строительства служат войны, развязываемые империалистами. Борьба против таких войн составляет главное содержание социалистической внешней политики.

После второй мировой войны, в условиях все большего перевеса сил социализма над силами империализма, сил мира над силами войны, возникает реальная возможность исключить мировую войну из жизни человеческого общества еще до окончательной победы социализма во всех странах мира. Коммунизм все ближе подходит к осуществлению своей исторической миссии — к уничтожению войн, к утверждению вечного мира на земле. И главную свою задачу на этом пути мировой социализм видит в решении проблемы разоружения. «Радикальный путь обеспечения прочного мира, — указывается в Программе КПСС, — всеобщее и полное разоружение при строгом международном контроле. Империализм взвалил на народы неслыханное бремя вооружений. Социализм видит свой долг перед человечеством в том, чтобы избавить его от этой бессмысленной растраты национальных богатств. Решение такой задачи имело бы для человечества историческое значение. Активной решительной борьбой народы могут и должны принудить империалистов к разоружению»¹.

Следовательно, борьба за разоружение — это активная борьба против империализма, борьба за сужение его военных возможностей. Подготовку к войне, гонку вооружений капиталистические монополии сделали после второй мировой войны неотъемлемой частью экономического развития своих стран. В основе такой политики лежит погоня за прибылями, ненасытное стремление к наживе и эксплуатации. Вооружение и ведение агрессивных войн, всегда являвшиеся одной из неотъемлемых сторон буржуазного государства, его важнейшей функцией, приобретают неслыханные масштабы и значение в период роста государственно-монополистического капитализма. Империалистические государства и в мирное время содержат огромные вооруженные силы. Все большую часть государственных бюджетов поглощают военные расходы. Буржуазные страны превращаются в милитаристские, военно-политические государства; милитаризм определяет всю жизнь империалистических государств. Стремясь продлить свое существование, империализм готовит самое страшное преступление против человечества — мировую атомную войну, которая может истребить целые народы.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 58—59.

Однако исторические условия не благоприятствуют империалистическим государствам. Силы, противостоящие им, возрастают гораздо быстрее, чем их способность развязать новую войну. И лозунг разоружения становится конкретной реальностью. Исходя из этого, миролюбивые силы всего мира и в первую очередь Советское правительство в течение всех послевоенных лет упорно борются за разоружение. Советский Союз развернул эту борьбу сразу же после войны.

Настаивая на разоружении, Советский Союз в этот период прежде всего выдвинул требование о запрещении и уничтожении атомного оружия. Это требование было особенно актуально в то время, когда империалистические круги США прилагали все усилия, чтобы обострить международную напряженность.

Выступая на словах за «международный контроль», США на деле сразу же после войны попытались создать единый «атомный фронт» западных держав, который противостоял бы СССР.

Эту задачу США решили на Вашингтонском совещании глав правительств США, Англии и Канады в ноябре 1945 г., которое фактически было направлено против Советского Союза. СССР был отстранен от участия в нем.

Уже на этом совещании США протащили в Вашингтонскую декларацию тезисы об особой роли контроля над атомной энергией, об ограничении прав отдельных государств проводить научные исследования в области атомной энергии и т. д. Эти предложения были направлены в конечном счете на то, чтобы всячески затруднить для других стран возможность овладения секретом атомного оружия. Добившись «единодушия» западных держав по вопросам атомной энергии, правительство США хотело отныне решать все международные вопросы с позиций американской атомной монополии.

Советский Союз решительно выступил против такой политики, требуя принять решение о запрещении средств массового уничтожения. Один из первых шагов на пути к такому решению был сделан благодаря усилиям советской дипломатии на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в конце декабря 1945 г. Совещание решило рекомендовать I сессии Генеральной Ассамблеи ООН создать Комиссию по атомной энергии. I сессия 24 января 1946 г. единогласно приняла текст резолюции, рекомендованный Московским совещанием.

Согласно этой резолюции в комиссию включались представители всех государств — членов Совета Безопасности и Канады, если она и не будет входить в Совет Безопасности. Комиссия должна была работать по директивам и указаниям Совета Безопасности и отчетываться перед ним. Комиссии поручалось внести определенные предложения «относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов воору-

жения, пригодных для массового уничтожения»¹, а также разработать меры по контролю над атомной энергией «в объеме, необходимом для обеспечения использования ее только в мирных целях» и научной информации всех стран.

Стремясь к прочному миру, Советское правительство предложило Атомной комиссии рекомендовать навсегда запретить производство и применение атомного оружия — оружия массового уничтожения.

На заседании Атомной комиссии 19 июня 1946 г. был внесен советский «Проект международной конвенции о запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии в целях массового уничтожения». Проект предусматривал обязательство на вечные времена запретить применение, производство и хранение атомного оружия, уничтожить в течение трех месяцев «весь запас готовой, а также незаконченной продукции атомного оружия»². Нарушение этого обязательства рассматривалось как тягчайшее международное преступление против человечества. Конвенция объявлялась открытой для присоединения любого государства — члена или нечлена ООН и должна была вступить в силу после утверждения ее Советом Безопасности и ратификации половиной ее участников.

Конкретный план деятельности Атомной комиссии в начальный период был намечен в советском предложении «Об организации работы комиссии по контролю над атомной энергией»³.

Планом предусматривалось создание двух комитетов: комитета по обмену научной информацией и комитета по предотвращению использования атомной энергии во вред человечеству. Задачей последнего было изыскание мер, исключающих возможность применения, создания и хранения атомного оружия. Он должен был подготовить международную конвенцию, объявляющую вне закона атомное оружие, и разработать меры и методы контроля над атомной энергией, а также систему санкций против ее незаконного использования.

Таков был предложенный СССР практический план объявления вне закона оружия массового уничтожения, предусматривавший равные права и обязанности для всех государств и народов. Если бы советские рекомендации были приняты и осуществлены, это предотвратило бы гонку атомного вооружения, способствовало всеобщему разоружению, дало бы возможность за счет резкого сокращения военных расходов повысить благосостояние всех народов.

Советский Союз всегда был сторонником самого строгого и эффективного международного контроля за проведением в жизнь запрещения атомного оружия. Об этом начиная с 1946 г. неоднократно заявляли советские представители. Примером могут служить советские предложения о контроле за выполнением международной конвенции о запрещении атомного оружия, внесенные на заседании Атомной комиссии 11 июня 1947 г. Советская дипломатия постоянно подчеркивала взаимозависимость мер по контролю и предлагаемого решения запретить и уничто-

¹ «Объединенные Нации. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на первой части первой сессии с 10 января по 14 февраля 1946 г.» Лондон, 1946, стр. 9.

² «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 635.

³ Там же, стр. 636.

жить атомное оружие. В этом плане советские конструктивные предложения предусматривали создание Международной контрольной комиссии, которая строго следила бы за тем, чтобы атомная энергия использовалась исключительно в мирных целях. В советских предложениях были четко определены конкретные задачи Международной контрольной комиссии и подробно разработаны ее права и обязанности, причем учитывалась необходимость уважения национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела стран¹. В тех случаях, когда возникнет подозрение, что конвенция о запрете атомного оружия нарушается, Международный контрольный орган должен проводить специальные обследования; ему поручалось рекомендовать Совету Безопасности меры, предупреждающие и пресекающие нарушение конвенций о запрещении атомного оружия и контроле над атомной энергией.

Международной контрольной комиссии, согласно советским предложениям, предоставлялись широкие права: доступ и право на ознакомление с любым атомным предприятием; право взвешивания, промеривания, анализа атомного сырья, материалов и полуфабрикатов; право требовать от правительств проверки данных, отчетов и объяснений о деятельности атомных предприятий; рекомендация Совету Безопасности мер против нарушителей конвенций о запрещении атомного оружия и контроле над атомной энергией.

Реализация советского плана строгого контроля создала бы условия для уничтожения атомного оружия и способствовала бы выработке соглашения о значительном сокращении обычных вооружений.

В соответствии с Уставом ООН предлагалось, чтобы Международная контрольная комиссия по атомной энергии была создана в рамках Совета Безопасности. Советскими предложениями о контроле дополнялся и углублялся советский проект конвенции о запрещении атомного оружия, внесенный 19 июня 1946 г.

Даже ряд делегаций капиталистических стран — Канады, Англии, Бразилии — вынужден был признать положительный характер отдельных пунктов предложений СССР². Представитель Бразилии отметил, что «проект СССР представляет собой однородное и связное целое и может служить базисом для решения серьезной проблемы контроля в рамках принципов, заложенных в основу проекта. В общих чертах этот проект мог бы считаться наиболее приемлемым, ибо он не сопряжен со значительными ограничениями государственного суверенитета»³. Однако под давлением американской делегации большинство Комиссии по атомной энергии отклонило весной 1948 г. без серьезного обсуждения советские предложения.

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. II, стр. 346—349.

² См. «Объединенные Нации. Комиссия по атомной энергии. Официальный отчет. Второй год. Специальное дополнение. Второй доклад Совету Безопасности 11 сентября 1947 года». Нью-Йорк, 1947, стр. 127—128, 136—138, 144—145. (В дальнейшем: «Второй доклад...»)

³ Там же, стр. 144.

Правительство СССР возобновило борьбу за запрещение атомного оружия на III сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В советском проекте резолюции указывалось: «Генеральная Ассамблея рекомендует запретить атомное оружие, как оружие, предназначенное для агрессивных целей, а не для целей обороны»¹. Настаивая на принятии своего проекта, Советское правительство намечало конструктивные шаги к его практическому осуществлению. И на заседаниях Политического комитета, и на пленумах Генеральной Ассамблеи делегация СССР предлагала проект резолюции, рекомендуящий Совету Безопасности и Атомной комиссии продолжать работу в направлении, указанном резолюцией Генеральной Ассамблеи от 24 января 1946 г. СССР решительно протестовал против односторонних действий западных держав, срывающих деятельность Комиссии по атомной энергии.

На III сессии Генеральной Ассамблеи ООН Советское правительство предложило: «Подготовить проекты конвенции о запрещении атомного оружия и конвенции об установлении эффективного международного контроля над атомной энергией, имея в виду, что как конвенция о запрещении атомного оружия, так и конвенция об установлении международного контроля над атомной энергией должны быть подписаны и введены в действие одновременно»². Советское предложение было важным шагом к положительному разрешению атомной проблемы и опровергало выдумку США, будто бы СССР противится установлению контроля.

После окончания III сессии Генеральной Ассамблеи Советский Союз продолжал добиваться в Совете Безопасности и в Атомной комиссии принятия практических мер для запрещения атомного оружия.

3. «План Баруха» — план мировой атомной гегемонии США

В противовес советским предложениям о запрещении атомного оружия правящие круги США разработали план установления своей мировой атомной гегемонии. Попыткой достичь эти далеко идущие цели был «план Баруха».

Программа Баруха, представляющая американский план атомного «разоружения», не была сформулирована в одном документе. Она была изложена на протяжении 1946—1947 гг. в ряде выступлений самого Баруха, в меморандумах правительства США и в рекомендациях большинства Атомной комиссии ООН.

«План Баруха» был призван, во-первых, не допустить запрещения атомного оружия, во-вторых, не мешать американской военщине усовершенствовать это оружие массового уничтожения и готовить его серийное производство, в-третьих, во что бы то ни стало препятствовать другим государствам, особенно Советскому Союзу, в создании своего собственного атомного оружия.

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. II. М., 1951, стр. 225.

² Там же, стр. 332.

Принятие «плана Баруха», как прямо признавали сами его авторы, отнюдь не вело ни к запрету, ни к уничтожению атомного оружия, а, наоборот, содействовало накоплению в США атомных бомб. Американские предложения о стадиях контроля были нацелены на ослабление не только потенциальных «противников» США, но и самых близких «союзников», в первую очередь Англии.

«План Баруха» являлся, по существу, наиболее развернутой программой США по вопросам атомного разоружения, хотя, в сущности, он не имел никакого отношения к решению вопроса о разоружении.

Д. Ачесон в письме Дж. Бирнсу подчеркивал: «План не требует, чтобы Соединенные Штаты прекратили это производство (имеется в виду производство атомного оружия.— Авт.) в связи с предложением плана, либо в связи с началом деятельности международного органа»¹.

«План Баруха» предлагал контроль, но без разоружения, контроль над тем, чтобы другие страны не смогли нарушить атомную монополию США. Основой его было создание нового контрольного органа формально в рамках ООН, но фактически не подчиненного ни Генеральной Ассамблее, ни Совету Безопасности, не считающегося с волей национальных правительств. Этот орган «международного» контроля, по мысли Баруха, не только наделялся самыми широкими правами, полномочиями и привилегиями «всемирного правительства», но и превращался во всемирную промышленную монополию, в собственника сотен заводов, фабрик, шахт, устанавливающего свои диктаторские законы и правила для всей экономики мира.

Американские правящие круги упорно добивались широких прав и полномочий для «международного» контрольного органа. Они надеялись использовать свое громадное военное и экономическое превосходство в капиталистическом мире, а также серьезную экономическую зависимость от США не только малых государств, но и таких, как Англия и Франция. В расчет принимались также американская атомная монополия и «солидарность» капиталистического мира, его страх перед революционным и национально-освободительным движением. Руководители США не без основания рассчитывали, что особенно в первые послевоенные годы они смогут полностью диктовать свою волю всему капиталистическому миру и использовать по своему усмотрению голоса всех капиталистических стран, которые в те годы имели бы гарантированное большинство в «международном» контрольном органе. Американские правящие круги принимали все меры, чтобы политически закрепить свое превосходство.

Авторы «плана Баруха» тщательно разработали раздел об аппарате контрольных органов. Они намечали набрать персонал «международной» контрольной организации на основе «доказанной компетентности» и, «насколько это возможно», на международной основе. В 1946—1947 гг. США были единственной страной, имевшей опыт в атомном производстве. Кроме того, в годы второй мировой войны в США были сконцентрированы лучшие научные кадры,

¹ «A Report on the International Control of Atomic Energy. Washington» London, 1946, p. VI.

эмигрировавшие туда из Западной Европы¹. Поэтому было совершенно ясно, что американская дипломатия на «законном основании» смогла бы укомплектовать почти весь штат аппарата «международного» контрольного органа американцами или людьми, зависимыми от США, и таким образом превратить международный контроль в сугубо американский.

Согласно «плану Баруха», «международный» контрольный орган надеялся правом монопольной собственности на все существующее в мире атомное сырье, атомные материалы и атомные предприятия, а также на производство связанных с ними отраслей промышленности. Такая всемирная атомная монополия была бы, по существу, полностью подчинена горстке американских миллиардеров — магнатов атомной промышленности. Власть «международного» контрольного органа охватывала бы не только производство, но и распределение атомных материалов, их хранение и транспортировку.

Американская дипломатия считала совершенно необходимым изъять из ведения как отдельных государств, так и частных лиц право вести какие-либо работы в области атомной энергии, а также право иметь собственные склады атомных материалов, обогатительные фабрики, атомное сырье, полуфабрикаты, ядерное горючее и т. д. Все это предполагалось передать в полную монопольную собственность «международному» контрольному органу, фактически управляемому американскими атомными магнатами.

Если в «плане Баруха» и признавалось за отдельными государствами право собственности на залежи атомного исходного материала, то лишь в недрах земли. Как только руда (содержащая уран, торий и другие элементы, необходимые для производства атомной энергии) извлечена из недр, она переставала быть собственностью государства; таким образом, «собственность» государств на залежи атомного сырья носила чисто фиктивный, иллюзорный характер.

Единственным хозяином, полным и монопольным собственником всего, что связано с производством энергии, должен был стать, по мысли Баруха, «международный» контрольный орган. Такой орган получил бы возможность подчинить себе экономику всех стран и стал бы грубо вмешиваться в их внутренние дела.

Отдельным государствам «план Баруха» не доверял охраны атомных предприятий на их национальной территории: это поручалось специальной вооруженной охране «международного» контрольного органа. Тем самым империализм США получил бы право военной оккупации любой страны земного шара, которое ради своей выгоды мог бы легко использовать для вмешательства во внутренние дела любого государства. «Международному» контрольному органу предоставлялось право устанавливать отдельным государствам квоты или нормы как на добычу атомного сырья, так и на производство атомных материалов².

Вся информация об источниках и запасах атомного сырья должна была поступать в «международный» контрольный орган, причем получалась бы она, как предлагала американская дипломатия, путем тщательного обследования территории всех стран земного шара. «Международный» контрольный орган в ряде случаев мог «производить инспекцию всякой работы, рудника, установки или места без предупреждения соответствующего государства и не предоставляя этому государству возможность прислать своего представителя»³. Эти предложения были попыткой превратить большую часть земного шара в колонизальные районы, находящиеся под «международным», а по существу американским контролем.

¹ См. «Борьба Советского Союза за разоружение. 1946—1960 годы». Под ред. В. А. Зорина. М., 1961, стр. 104—105.

² См. «Второй доклад...», стр. 23.

³ Там же, стр. 41.

Американские рекомендации относительно отчетности и проверки действий отдельных государств не имели ничего общего с подлинным контролем и инспекцией и преследовали в конечном итоге своей целью лишь обеспечение Соединенных Штатов военной и экономической информацией.

Монополисты США боялись, что ученые других стран достигнут больших успехов в исследовании атомной энергии и, обогнав американскую науку, ликвидируют атомную монополию США. Поэтому авторы «плана Баруха» считали исключительно важным наделение «международного» контрольного органа всей широтой власти, по существу, диктаторскими полномочиями в научно-исследовательской деятельности по атомной энергии. На первом заседании Атомной комиссии Барух провозгласил, что «международный» контрольный орган «должен стать мировым руководителем в области атомной науки и практической разработки атомной энергии»¹. «Международный» контрольный орган должен был получить право по своему усмотрению прекращать научную работу по атомной энергии в любой стране, отбирать в свое распоряжение любую атомную установку, любое атомное предприятие, если сочтет их опасными. Деятельность ученых подвергалась бы самому строгому контролю и наблюдению.

Одним из основных моментов американского плана «контроля» был тезис о пресловутых «подозрениях в тайной деятельности». «Используя этот пункт, «международный» контрольный орган мог провести полное обследование всей территории и экономики той или иной страны. Американские рекомендации, основываясь на невозможности обнаружить тайное производство атомного оружия в небольших размерах, предлагали рассматривать наличие любого металлургического, химического или иного завода и мастерских как основание для «подозрения в тайной деятельности»². Любая деятельность «высококвалифицированного и разнообразного научно-исследовательского персонала... может послужить указанием на места, где тайно производятся бомбы»³, — указывал принятый американским большинством первый доклад Атомной комиссии Совету Безопасности.

«Душой» «плана Баруха» было положение о стадиях или этапах контроля. В качестве первой стадии предусматривался контроль над атомным сырьем. Последней стадией американского плана было установление контроля над производством атомных бомб. Время перехода от одной стадии контроля к другой не было определено, а туманно намечалось на далекое будущее, причем устанавливалось «международным» контрольным органом, иначе говоря — правящими кругами США. В докладе Ачесона — Лилиенталя указывалось, что «во время всего переходного периода все атомные предприятия будут по-прежнему расположены в Соединенных Штатах. Таким образом, в случае какого-либо провала плана в какое-либо время всего переходного периода мы (т. е. США) сохраним наше преимущественное положение в отношении атомного оружия»⁴.

Правительство США включило в «план Баруха» положение о фактической независимости «международного» контрольного органа от Совета Безопасности и об отказе от принципа единогласия великих держав для принятия решений «международного» контрольного органа. Это означало, что Советский Союз не имел бы никакой возможности препятствовать диктату США

¹ «Объединенные Нации. Комиссия по атомной энергии. Официальный отчет № 1. Первое заседание 14 июня 1946 г.» Нью-Йорк, 1946, стр. 4.

² «Объединенные Нации. Комиссия по атомной энергии. Официальный отчет. Специальное дополнение. Первый доклад Совету Безопасности». Нью-Йорк, 1946, стр. 43.

³ Там же.

⁴ «A Report on the International Control of Atomic Energy», p. 41.

в контрольном органе, который превратился бы в послушное американское орудие.

Советское правительство, решительно отвергнув «план Баруха», не требовало в ультимативном порядке принятия своих предложений, а стремилось путем компромисса использовать часть американских предложений как основу будущего договора о запрещении атомного оружия и подлинном международном контроле над атомной энергией. Разоблачая империалистические цели «плана Баруха», советская дипломатия вносила ряд конструктивных предложений, которые способствовали бы компромиссному соглашению.

Поправки СССР к первому докладу Атомной комиссии Совету Безопасности были рассчитаны, во-первых, на то, чтобы в основу будущей международной конвенции положить запрещение и уничтожение атомного оружия, а не только международный контроль над атомной энергией. Во-вторых, рекомендовать ввести контроль и инспекцию над всеми фазами производства атомного оружия сразу, а не по стадиям. И в-третьих, советские поправки были направлены против превращения международного контрольного органа в некое «мировое» правительство и предлагали учредить этот орган при Совете Безопасности с сохранением права «вето» при рассмотрении атомных вопросов¹.

Под грубым нажимом американской дипломатии западные державы саботировали обсуждение советских поправок в Совете Безопасности. На заседании 18 февраля 1947 г. представитель США Остин ультимативно заявил, что «работа Комиссии в части, касающейся этого первого доклада, закончена»². В унисон ему английский делегат Александр Кадоган подтвердил, что первый доклад Атомной комиссии «не может быть изменен»³. Советская дипломатия прилагала большие усилия, чтобы добиться обсуждения своих поправок в Атомной комиссии. Но правящие круги США, используя механическое большинство, протаскили «план Баруха», чем завели Атомную комиссию в тупик.

Одновременно правительство США старалось взвалить на Советский Союз ответственность за провал переговоров, изобразить СССР врагом разоружения. Эта пропагандистская шумиха, поднятая в США, демагогические заявления американских политиков служили лишь маскировкой саботажа переговоров о запрещении и уничтожении атомного оружия, стремления во что бы то ни стало сохранить американскую атомную монополию.

¹ См. «Объединенные Нации. Комиссия по атомной энергии. Официальный отчет. Третий год. Специальное дополнение. Третий доклад Совету Безопасности 17 мая 1948 г.» Нью-Йорк, 1948, стр. 14—16.

² «Объединенные Нации. Совет Безопасности. Официальный отчет. Второй год. № 15. 18 февраля 1947 г.» Нью-Йорк, 1947, стр. 175.

³ Там же, стр. 178,

4. Крах американской атомной монополии

Американская атомная монополия не могла быть долговечной. Советские ученые и инженеры быстро добились больших успехов в атомных исследованиях. Уже 6 ноября 1947 г. на торжественном заседании в честь 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции было официально сообщено, что секрета атомной бомбы не существует. Это было подтверждено также на III сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1948 г.

Правящие круги США полагали, основываясь на заключении своих экспертов, что советским ученым не скоро удастся сконструировать атомную бомбу, и потому были уверены в длительности атомной монополии США. Но уже в сентябре 1949 г. президент США Трумэн, а также правительства Англии и Канады вынуждены были официально признать, что СССР овладел секретом производства атомного оружия и произвел атомный взрыв.

25 сентября 1949 г. ТАСС опубликовало сообщение, в котором вновь подтвердило, что секрета атомной бомбы не существует для СССР с 1947 г. Вместе с тем в сообщении подчеркивалось, что Советское правительство «стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия»¹.

Относительно контроля над атомным оружием нужно сказать, что контроль будет необходим для того, чтобы проверить исполнение решения о запрещении производства атомного оружия»¹.

Создание Советским Союзом атомного оружия привело к крушению американской атомной монополии, нанесло сильный удар пресловутой атомной дипломатии США. Наличие атомного оружия в самой миролюбивой стране земного шара — Советском Союзе означало крупный успех дела мира.

Ликвидация монополии США на атомное оружие имела огромное значение. Вашингтон отныне был лишен возможности прибегать к шантажу и нажиму. Переговоры о запрещении атомного оружия могли теперь развиваться только на основе равноправия.

Крах американской атомной монополии давал основание предполагать, что правительство США откажется от неприемлемых положений «плана Баруха» и постарается договориться с Советским Союзом по вопросам атомной энергии. Уолтер Липпман рекомендовал государственному департаменту участвовать в переговорах, что ныне с атомной монополией США покончено и на земном шаре есть две великие державы, имеющие атомное оружие. Липпман ставил вопрос о новом подходе США к атомной проблеме².

Джон Фостер Даллес вынужден был несколько позже признать: «Создание Советским Союзом атомного оружия следует отметить как его большой успех.

¹ «Правда», 25 сентября 1949 г.

² «New York Herald Tribune», 7. II. 1950.

Советский Союз, быстро покончив с нашей монополией на атомное оружие, радикально изменил стратегическое положение в свою пользу. Способность Соединенных Штатов совершить атомное нападение на Россию теперь в значительной мере уравновешена возможностью СССР нанести ответные атомные удары»¹.

И все же правящие круги США упорствовали. Правительство США не отказалось от атомной дипломатии, не стало искать путей к взаимоприемлемому международному соглашению об атомной энергии. Наоборот, призывая к гонке атомных вооружений, оно заявило, что СССР никогда не догонит США ни по количеству, ни по мощи атомного оружия и атомное первенство останется в руках Америки.

Правящие круги США продолжали считать, что атомную энергию следует применять главным образом в военном деле и надеялись свое временное атомное первенство превратить в вечное. С этой целью они призывали создать новое «абсолютное оружие» — «адскую» бомбу: так в те годы называли водородную бомбу. Призывы к гонке атомных вооружений сочетались с упорным отказом изменить основные положения «плана Баруха», с отказом признать равные права других стран в использовании атомной энергии.

5. Борьба СССР за сокращение обычных вооружений

Борьба Советского Союза за всеобщее разоружение, за запрещение и уничтожение атомного оружия неразрывно связана с его неутомимой деятельностью, направленной на сокращение обычных вооружений и уменьшение военных расходов.

Советское государство в конце 1946 г. предложило Генеральной Ассамблее ООН в интересах укрепления мира и международной безопасности признать необходимым всеобщее сокращение вооружений. Причем в первую очередь следовало запретить производство и использование атомной энергии в военных целях. Советский проект предусматривал создание специальных органов инспекции — комиссии по контролю за выполнением решений о сокращении вооружений и комиссии по запрещению использования атомной энергии в военных целях.

Советское правительство предлагало, чтобы все государства — члены ООН представили сведения о вооруженных силах и вооружениях, находящихся на собственной территории, когда Совет Безопасности начнет рассматривать предложения о всеобщем сокращении вооружений², ибо это облегчило бы подготовку практических мер разоружения.

Советские представители предлагали провести и другие меры, которые бы способствовали разоружению, в том числе связанные с пребыванием вооруженных сил ряда стран на чужих территориях. Затянувшаяся оккупация мно-

¹ J. F. Dulles. War or Peace. New York, 1957, p. 151.

² См. «Внешняя политика Советского Союза, 1946 год», стр. 429—430.

гих стран Европы и Азии вооруженными силами США и Англии мешала их народам по-своему решать вопросы внутренней жизни. Создавая сотни военных баз за рубежом, американские реакционеры ставили себе целью окружить ими территорию Советского Союза и втравить малые страны в антисоветские авантюры и провокации. Иностранные военные базы использовались для помощи внутренней реакции, они мешали развитию прогресса и демократии в послевоенные годы.

В таких условиях иностранные войска и военные базы становились серьезной опасностью для нормального развития международных отношений, способствовали усилению гонки вооружений, мешали переговорам о разоружении.

Еще в августе 1946 г. представитель СССР в Совете Безопасности предложил обязать государства — члены ООН представить сведения о том, в каких пунктах за пределами своей территории, кроме вражеских территорий, и в каком количестве расположены вооруженные силы, авиационные и морские базы других членов ООН.

Впоследствии советская делегация на сессии Генеральной Ассамблеи в ноябре 1946 г. дополнила эти предложения специальным пунктом, распространяющим обязательства информировать Совет Безопасности о вооруженных силах членов ООН, находящихся на территориях бывших военных противников¹.

Предложения о всеобщем сокращении вооружений были убедительным доказательством миролюбия Советского Союза, ибо если бы СССР стремился проводить иную политику, он не предлагал бы сокращения вооружений и вооруженных сил. Тем более что после окончания второй мировой войны СССР располагал самой мощной армией в мире, причем большая часть его вооруженных сил находилась в самом центре Европы. В период с 1945 по 1948 г. в несколько этапов была проведена демобилизация из Советской Армии. Одновременно была переведена на мирное производство советская промышленность. Резко уменьшилась доля военных расходов в советском государственном бюджете. Это способствовало снижению цен и повышению материального благосостояния советского народа.

В результате настойчивых усилий Советского государства Генеральная Ассамблея ООН приняла 14 декабря 1946 г. резолюцию о принципах, определяющих общее регулирование и сокращение вооружений. Она призывала все органы ООН, занимающиеся проблемой разоружения, решительно ускорить практическое осуществление запрещения атомного оружия, изъятие его из национальных вооружений и сокращение вооружений. В резолюцию была включена рекомендация всем государствам ускорить вывод своих войск с бывших вражеских территорий, а также с территорий других государств — членов ООН. Большое внимание уделялось в резолюции вопросу контроля и инспекции над осуществлением согласованных решений о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений.

Единодушное принятие Генеральной Ассамблеей ООН такой резолюции было крупным успехом советской внешней политики.

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 464.

Но Советское правительство, не удовлетворяясь формальным принятием резолюции, требовало запрета атомного оружия и сокращения вооружений не на словах, а на деле. Поэтому уже 28 декабря 1946 г. советский представитель призвал Совет Безопасности приступить к разработке практических мер по осуществлению решения Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1946 г. и включить этот вопрос в повестку дня очередного заседания Совета 31 декабря. Советское правительство намечало образовать комиссию из представителей стран — членов Совета Безопасности. Комиссия должна была в течение одного или двух, но не позже чем через три месяца подготовить и представить Совету Безопасности свои предложения¹.

Против советского предложения выступила американская сторона. Она упорно добивалась решения Совета Безопасности отложить обсуждение резолюции Генеральной Ассамблеи о «принципах, определяющих общее регулирование и сокращение вооружений». Делегаты СССР и народной Польши решительно возражали². Не встретив поддержки в Совете Безопасности, представители США переориентировались, внесли свой проект резолюции; который, по существу, передавал одной лишь Атомной комиссии монопольное право обсуждать атомную проблему. Американский проект лишал новую комиссию по обычным вооружениям каких-либо прав рассматривать вопросы, связанные с атомным оружием.

На заседаниях Комиссии по обычным вооружениям, созданной Советом Безопасности 13 февраля 1947 г., советская дипломатия настойчиво добивалась принятия такого плана работ комиссии, который был бы направлен к практическому разрешению проблемы всеобщего сокращения вооружений. В советском плане предусматривалось установление общих принципов сокращения вооружений и определения уровней вооружений для каждого государства «с учетом при этом запрещения атомного оружия»³.

Советский представитель настаивал на рассмотрении вопросов о сокращении производства военной продукции и установлении для каждой страны определенных пределов этого производства, имея «в виду допущение производства и применения атомной энергии лишь в мирных целях»⁴. В советском плане намечались конкретные меры, не допускающие использования мирных отраслей промышленности и транспорта для военных надобностей.

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 629.

² См. «Объединенные Нации. Совет Безопасности. Официальный отчет. Второй год, № 6. 20 января 1947 года». Нью-Йорк, стр. 68.

³ «Объединенные Нации. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Второй год, № 55». Нью-Йорк, 1947, стр. 6.

⁴ Там же.

Наконец, советская делегация предлагала рассмотреть вопрос о размещении вооруженных сил и сокращении сети военных баз.

Итак, предложения СССР составили конкретный план практической подготовки соглашения о всеобщем сокращении вооружений и запрещении атомного оружия, план подготовки подлинного мирного урегулирования, укрепления мира и обеспечения международной безопасности.

В противовес ему американская дипломатия выдвинула свой проект, рекомендуемый лишь рассмотреть в абстрактной форме «общие принципы в связи с регулированием вооружений и вооруженных сил»¹. Очень расплывчато ставился вопрос о формулировании предложений по регулированию и сокращению вооружений, причем на первый план выдвигался термин «регулирование». Этот проект, принятый под давлением дипломатии США, уводил комиссию от подготовки практических мер и, по существу, рекомендовал ей стать на путь беспредметных словоперений. Американский план был явно направлен против соглашения о разоружении.

Советская дипломатия разоблачила саботаж дела разоружения, проводимый западными державами посредством обветшалых методов Лиги наций по принципу: «Сначала безопасность, потом разоружение». Правительства западных держав под видом выполнения Устава ООН начали протаскивать план создания «международной армии». Прикрываясь необходимостью «действий против нарушения мира», эти правительства предлагали создать «международные» вооруженные силы, полностью подчиненные западным державам, которые на деле были бы направлены против СССР и социалистических стран, против революционного и национально-освободительного движения.

Вопрос о создании вооруженных сил «для поддержания мира и международной безопасности» обсуждался как на заседаниях Военно-штабного комитета², так и в Совете Безопасности с двух совершенно различных позиций. Серьезные разногласия возникли между делегацией СССР и представителями западных держав по вопросу о методах комплектования вооруженных сил, предоставляемых Совету Безопасности. Советское предложение гласило: «Постоянные члены Совета Безопасности предоставляют вооруженные силы (наземные, военно-морские и военно-воздушные) на принципе равенства в отношении общей численности и состава этих сил»³.

Дипломаты западных держав, возражая против советского предложения, утверждали, что принятие его ослабит мощь вооруженных сил, выделяемых Совету Безопасности. Советский делегат А. А. Громыко в ответ заявил на заседании Совета Безопасности 6 июня 1947 г., что в вопросе о размерах вкладов надо принимать во внимание «решение о всеобщем сокращении вооружений и делать соответствующие практические выводы при определении численности предоставляемых контингентов»⁴.

¹ «Объединенные Нации. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Второй год. Дополнение № 14.» Нью-Йорк, 1947, стр. 4.

² Военно-штабной комитет, согласно ст. 47 Устава ООН, состоит из начальников штабов или их представителей стран — постоянных членов Совета Безопасности — и находится в подчинении Совета Безопасности.

³ «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. II, стр. 337.

⁴ Там же, стр. 339.

Если советское предложение о вкладах исходило из необходимости всеобщего сокращения вооружений, то рекомендации западных держав предполагали гонку вооружений и обеспечение военной гегемонии США.

Фактическое прекращение деятельности Комиссии по обычным вооружениям и безрезультатность работ Атомной комиссии показали, что правительство США упорно срывает достижение равноправного и справедливого соглашения о разоружении.

В условиях обострения международной обстановки Советский Союз в поисках новых конструктивных путей к взаимоприемлемому соглашению с Западом, к оздоровлению международной обстановки предложил 25 сентября 1948 г., чтобы III сессия Генеральной Ассамблеи ООН рекомендовала постоянным членам Совета Безопасности — США, Великобритании, СССР, Франции и Китаю в качестве первого шага сократить все наличные сухопутные, морские и воздушные силы на одну треть в течение одного года. Одновременно должно быть запрещено атомное оружие и в рамках Совета Безопасности учрежден международный контрольный орган.

Саботируя разоружение, делегаты капиталистических держав встретили советское предложение в штыки.

Пользуясь наличием в ООН формального большинства, идущего в хвосте американской внешней политики, противники сокращения вооружений протащили 19 ноября 1948 г. в Генеральной Ассамблее резолюцию под заголовком «Запрещение атомного оружия и сокращение на одну треть вооружений и вооруженных сил постоянных членов Совета Безопасности»¹. Однако текст резолюции не имел ничего общего с ее заголовком: в ней не говорилось ни слова ни о запрещении атомного оружия, ни о сокращении на одну треть вооружений пяти великих держав. Это был обычный прием буржуазной дипломатии, когда под громким, многообещающим заголовком пытаются скрыть пустоту и убожество содержания, отсутствие каких-либо конкретных предложений и практических мер. Чтобы разоблачить этот обман, представители СССР и социалистических стран голосовали против резолюции.

Советское правительство не могло безучастно смотреть на открытый саботаж дела разоружения, проводимый западными державами. Делегат СССР 8 февраля 1949 г. предложил Совету Безопасности принять резолюцию, намечавшую практические шаги по пути запрещения атомного оружия и всеобщего сокращения вооружений. В советском проекте предлагалось поручить Комиссии по обычным вооружениям разработать к 1 июня 1949 г. план сокращения вооружений пяти великих держав на одну треть в течение года (до 1 марта 1950 г.). К этому же сроку Атомная комиссия должна была выработать проекты конвенций о запрещении атомного оружия и контроля над атомной энергией. В заключительном пункте советского проекта признавалось «необходимым, чтобы постоянные члены Совета

¹ «Объединенные Нации. Официальный отчет первой части третьей сессии Генеральной Ассамблеи. Резолюции 21 сентября — 12 декабря 1948 года». Париж, стр. 13.

Безопасности представили не позднее 31 марта 1949 г. полные данные о вооруженных силах и о всех видах вооружений, включая атомное оружие»¹. Советская делегация предложила конкретные меры и точные кратчайшие сроки их выполнения.

Отвергая советский проект резолюции в целом, делегаты западных держав особенно резко выступили против предложения об информации как о вооруженных силах и обычном вооружении, так и об атомном оружии. Предложение о полной и честной информации на равных началах по всем видам вооружений явно не устраивало правящие круги США; поэтому американский делегат Остин добился отклонения советского проекта резолюции. Под нажимом Остина Совет Безопасности без дискуссии передал резолюцию III сессии Генеральной Ассамблеи от 19 ноября 1948 г. на обсуждение Комиссии по обычным вооружениям.

В Комиссии по обычным вооружениям, последнее заседание которой состоялось в начале августа 1949 г., и в Совете Безопасности в октябре 1949 г. представители западных держав старались протащить резолюцию об информации лишь по обычным вооружениям. Подобные сведения — односторонняя военная информация — были на руку главным образом военным кругам США, ибо они не касались атомного оружия. Так милитаристы США хотели получить для себя важные военные преимущества. Советское государство отвергало использование проблемы разоружения для получения военного перевеса и продолжало настаивать на принятии практических мер по запрещению атомного оружия и всеобщему сокращению вооружений.

В напряженной международной обстановке, созданной осенью 1949 г. вследствие образования агрессивного Североатлантического военного блока, Советский Союз призвал IV сессию Генеральной Ассамблеи еще раз осудить развернутую в ряде стран, особенно в США и Великобритании, подготовку новой войны, признать использование атомного оружия и других средств массового уничтожения «противоречащим совести и чести народов и несовместимым с принадлежностью к Организации Объединенных Наций»²; считать совершенно недопустимым дальнейшие оттяжки в принятии практических мер по безусловному запрещению атомного оружия и установлению соответственно строгого международного контроля. Советское правительство предложило, чтобы пять великих держав — США, Великобритания, Китай, Франция и СССР объединили свои усилия в целях предотвращения новой войны, заключили Пакт по укреплению мира.

Но западные державы, занятые сколачиванием военных агрессивных блоков, выступили против советских предложений, они накаляли международную атмосферу, создавали обстановку военной опасности. Они саботировали все, что могло привести к всеобщему разоружению, к запрещению и ликвидации оружия массового уничтожения.

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 281.

² Там же, стр. 449.

Совершенно иной была внешняя политика Советского Союза. После второй мировой войны СССР в одностороннем порядке провел резкое сокращение своих вооруженных сил, вооружения и военных расходов. В 1945—1949 гг. были выведены советские войска с территории ряда иностранных государств (Кореи, Ирана, Дании, Норвегии, Болгарии). Если к маю 1945 г. в Советской Армии находилось 11 365 тыс. человек, то к 1948 г. — всего лишь 2874 тыс. человек, т. е. на 8491 тыс., или на 75%, меньше. «Советский Союз, — говорил Н. С. Хрущев в докладе на сессии Верховного Совета 14 января 1960 г., — пошел на значительное сокращение своих вооруженных сил, надеясь, что и западные державы будут руководствоваться идеями сохранения мира и дружбы, укреплять отношения, сложившиеся между странами антигитлеровской коалиции»¹.

Советский Союз настойчиво боролся и борется за разоружение, без которого не может быть прочного мира.

¹ Н. С. Хрущев. О внешней политике Советского Союза. 1960 год, т. I. М., 1961, стр. 33.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ ВО ГЛАВЕ С США «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ». СКОЛАЧИВАНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ВОЕННОГО БЛОКА

В предыдущих разделах было показано, что после окончания второй мировой войны экономическая, политическая и военная стратегия американского империализма развивалась по двум линиям. С одной стороны, США стремились подорвать силы мирового социализма, укрепить ослабленные позиции капитализма в целом и европейского — в особенности. С другой стороны, они взяли курс на подчинение себе остальных капиталистических стран, на установление мирового господства американского империализма.

Основным средством достижения этих целей стала политика «с позиции силы», находившая свое проявление в различных действиях. Важное место среди них заняло осуществление «плана Маршалла» и формирование военных агрессивных блоков, ядром которых стал Североатлантический союз. Было положено начало новому этапу в развитии послевоенной внешней политики империалистических стран.

Сначала «план Маршалла», а потом агрессивные блоки должны были стать главным орудием борьбы против мирового социализма и прежде всего против Советского Союза, средством подавления революционного движения пролетариата в капиталистических странах и национально-освободительного движения колониальных народов. Такая политика привела к резкому обострению международной напряженности, к развязыванию «холодной войны».

«План Маршалла» занимал важное место в осуществлении этой империалистической политики «с позиции силы». Он был выдвинут с целью укрепления катастрофически слабевших позиций капитализма в Западной Европе. «План Маршалла» был направлен также на то, чтобы усилить зависимость европейских стран от США, лишить их возможности проводить самостоятельную политику. Он был призван обеспечить американским

монополиям важнейший европейский рынок сбыта, дать им возможность укрепить и расширить свои позиции в экономике стран Западной Европы. Лозунг экономической «помощи» по «плану Маршалла» служил прикрытием американской экономической, политической и военной экспансии.

При осуществлении политики «плана Маршалла» американский империализм опирался на ряд объективных экономических факторов. После окончания войны резко усилились экономические позиции США в капиталистическом мире. В то время как американские монополии гигантски обогатились в годы войны, западноевропейские конкуренты империализма США были либо полностью выведены из строя, либо резко ослаблены. Правящие круги западноевропейских стран в страхе перед небывалым ростом революционного и демократического движения считали помощь со стороны США важнейшим средством сохранения своего господства. Ради этого они были готовы идти на отказ от важнейших элементов своей независимости, на подчинение Соединенным Штатам.

«План Маршалла» оказал большое влияние на экономическую и политическую жизнь западноевропейских стран. Он помогал восстановлению и укреплению позиций крупных монополий, способствовал подавлению демократических сил и национально-освободительного движения. «План Маршалла» и созданная на его основе «Организация европейского экономического сотрудничества» были экономической и политической подготовкой формирования агрессивного Атлантического блока.

Североатлантический союз с момента своего создания стал определяющим фактором внешней и внутренней политики государств — участников этого союза. Никогда в истории не было примера создания в мирное время объединения капиталистических стран с едиными вооруженными силами и общими командными органами. Страх перед ростом мирового социализма побудил правящие круги западных стран попытаться преодолеть разделяющие их противоречия и создать для борьбы с освободительным движением небывалую военную организацию.

Перенос центра тяжести во внешней политике США с косвенных экономических форм империалистического давления («план Маршалла») на непосредственно военно-политические формы (Североатлантический блок) объяснялся рядом причин. Главное заключалось в том, что провалились расчеты империалистов на экономическое истощение и ослабление Советского Союза, потерпели поражение их попытки не допустить упрочения народной демократии в странах Восточной Европы и развития мировой системы социализма. Империалистические круги ряда стран уже на том этапе начали понимать невозможность справиться с национально-освободительным движением. И наконец, соотношение военных сил в мире, в основу которого

правлящие круги США положили непрочную монополию американского империализма на атомное оружие, все в большей мере менялось не в пользу западных держав. Поскольку иллюзия «абсолютного оружия» была поколеблена, встал вопрос о необходимости объединения военных потенциалов капиталистических стран под руководством США. Правящим кругам США удалось добиться создания такого империалистического военного блока, в котором впервые объединились все главные капиталистические державы. Однако организовать блок, который служил бы военно-политическим эквивалентом всей мировой капиталистической системы, даже в этих условиях империализм не смог. В этом блоке отказались участвовать огромное большинство молодых суверенных государств Азии, Африки, добившихся независимости после второй мировой войны. Не вошел в него, несмотря на американский нажим, и ряд капиталистических стран Европы.

Атлантический союз вызвал небывалую гонку вооружений, которая легла тяжким бременем на плечи народных масс. Западная Европа превратилась в основной плацдарм подготовки агрессивной войны против социалистических стран. Североатлантический блок стал играть активную роль в обострении международной напряженности, в усилении «холодной войны», в подготовке нового мирового конфликта с применением оружия массового уничтожения.

Попытка консолидировать под руководством США силы капитализма для подготовки войны против системы социализма была также связана с планами установления мирового господства финансовой олигархии США. Но восстановление сил европейских монополий вело к возобновлению конкурентной борьбы между монополиями США и стран Западной Европы.

Таким образом, создание военной группировки западных держав, руководимой американским империализмом и направленной против мирового социализма, национально-освободительного и демократического движения, не устранило да и не могло устранить объективной почвы и для обострения противоречий между капиталистическими странами, хотя эти противоречия развивались теперь в новой, специфической форме — в рамках Североатлантического блока. Тем самым и эта попытка объединить все силы капитализма в едином военно-политическом лагере еще раз доказала невозможность устранения межимпериалистических противоречий.

Если ретроспективно оценивать итоги осуществления «плана Маршалла» и создания Североатлантического блока, то следует подчеркнуть, что оба эти орудия политики «с позиции силы» не смогли обеспечить достижения главной цели правящих кругов США — изменить соотношение сил между двумя системами в пользу капитализма, привести американский империализм к мировому господству.

Уже на первом послевоенном этапе, который рассматривается в данном томе, выявилось, что монополистический капитал США, достигая отдельных, частных целей своей внешней политики, оказался все же не в состоянии сколько-нибудь серьезно повлиять на главную тенденцию эпохи — превращение мировой социалистической системы в решающий фактор общественного развития.

Это противоречие предопределило возникновение в последующие годы глубокого кризиса политики «с позиции силы» и созданной для ее проведения системы империалистических блоков.

ГЛАВА XXIII

«ПЛАН МАРШАЛЛА». СТАВКА ПРАВЯЩИХ КРУГОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ НА КОНСОЛИДАЦИЮ СИЛ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ

1. Основные цели «плана Маршалла»

Характеризуя историческую обстановку первых послевоенных лет, XX съезд КПСС подчеркивал: «...империалистические державы во главе с реакционными американскими кругами вскоре после окончания войны начали проводить политику «с позиции силы», отражающую стремление наиболее агрессивных элементов этих держав подавить рабочее, демократическое и национально-освободительное движения, подорвать лагерь социализма и установить свое мировое господство. Эта политика на практике означает безудержную гонку вооружений; создание американских военных баз вдоль границ СССР и стран народной демократии, а также сколачивание агрессивных блоков, направленных против стран социалистического лагеря; развертывание так называемой «холодной войны» против социалистических государств и подготовку новых кровопролитных войн»¹.

Одним из важнейших элементов этой агрессивной политики явился «план Маршалла». В послевоенной политике американского империализма, направленной против Советского Союза и стран народной демократии, этот «план» сыграл немаловажную роль. «План Маршалла» стал одним из орудий политики «с позиции силы», с помощью которого был проложен путь к организации военно-агрессивного Североатлантического блока.

Политика, сформулированная в «плане Маршалла», разрабатывалась и частично проводилась в жизнь еще задолго до его официального появления на свет. Уже в конце войны и особенно сразу же после ее завершения основные положения бу-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. IV, стр. 126.

дущего «плана Маршалла» были изложены руководящими деятелями США.

В меморандуме, направленном президенту Трумэну 22 июля 1945 г., военный министр Г. Стимсон предлагал, чтобы США воспользовались послевоенными трудностями европейских стран и под флагом «восстановления Европы» установили в ней свое господство. Стимсон писал: «Я настаиваю на том, чтобы был принят полностью координированный план для экономического восстановления Европы... Все средства должны быть сконцентрированы в одном органе для того, чтобы возможно полнее использовать все наши силы для достижения поставленной цели»¹.

Основные положения, разработанные и сформулированные глашатаями американского монополистического капитала, которые легли впоследствии в основу «плана Маршалла», были изложены государственным секретарем США Дж. Маршаллом в речи, произнесенной 5 июня 1947 г. в Кэмбридже перед ассоциацией бывших студентов Гарвардского университета.

Европа лежит в руинах, констатировал Маршалл. Война вызвала огромные человеческие жертвы, разрушения городов, заводов, шахт, железных дорог. В европейских странах не производится достаточного количества товаров, ощущается острая нехватка продовольствия, сырья и топлива, сильно износилось оборудование. Нарисовав картину разрухи, Маршалл изобразил американскую «помощь» главным и чуть ли не единственным условием, без которого европейские страны не могли якобы восстановить свою экономику, разрушенную военными действиями и немецко-фашистским хозяйничаньем. «Потребности Европы на предстоящие 3—4 года в иностранном продовольствии и другой необходимой продукции — прежде всего из Америки — настолько превышают ее нынешнюю платежеспособность, — заявил Маршалл, — что она должна либо получить существенную дополнительную помощь, либо встретиться с экономическими, социальными и политическими испытаниями угрожающего характера»².

Конечно, истинные причины появления «плана Маршалла» не были раскрыты в заявлении государственного секретаря США. Выдвижение «плана Маршалла» прежде всего диктовалось новыми условиями классовой борьбы на европейской и мировой арене, создавшимися после второй мировой войны.

Рост и всестороннее упрочение позиций демократии и социализма, разложение империализма и усилившееся расшатывание основ капиталистического строя особенно ярко проявились в послевоенной Европе.

Если некогда Европа была центром и бастионом капиталистического мира, то после войны фронтальный прорыв цепи империалистического гнета в центральной и юго-восточной части континента привел к тому, что империализм утратил былое

¹ *H. Stimson and M. Bundy. On Active Service in Peace and War*, p. 595.

² «The Department of State Bulletin», June 15, 1947, p. 1159—1160.

господство над значительной частью европейской территории. С победой социалистических революций в ряде стран политическая карта Европы изменилась коренным образом. Сфера империалистической эксплуатации резко сузилась. Около половины европейского населения порвало с капиталистическими порядками. Международной империалистической реакции оказалось не под силу воспрепятствовать всемирно-историческому процессу развития и торжества социалистических отношений в целой группе стран Европейского континента.

Глубокий отпечаток наложила война и на ту часть Европы, где сохранились капиталистические порядки. Банкротство европейской буржуазии ярко проявилось в ее неспособности самостоятельно и в короткие сроки залечить раны войны и ликвидировать последствия немецко-фашистского хозяйничанья. Она, как правило, проводила политику саботажа экономического восстановления, отказывалась от широкого хозяйственного сотрудничества с социалистическими государствами Европы. Вместе с тем, ослабленная буржуазия Западной Европы была вынуждена считаться с тягой народов к обновлению общественно-политической жизни, к глубоким социально-экономическим преобразованиям. Это наглядно проявилось в принятии новых конституций, в национализации предприятий, банков, целых отраслей хозяйства в ряде государств Западной Европы.

Рабочий класс крупнейших западноевропейских стран под руководством коммунистических партий, при поддержке широчайших народных масс вел в эти годы решительную борьбу за ликвидацию экономических и политических устоев господства монополистического капитала, за изменение характера государственной власти, за создание подлинно демократических правительств, опирающихся на народ и способных провести коренные демократические преобразования, обеспечить возрождение экономики, улучшить положение трудящихся¹.

Отражая страх американских монополий перед ростом сил социализма в Европе, Маршалл в речи, произнесенной в Де-Мойне 14 февраля 1948 г., признавал возможным, «что Западная Европа с ее промышленным потенциалом и высокоразвитой техникой попадет в ту же сферу «влияния», что и страны Восточной Европы», т. е. пойдет по пути социализма, и тогда весь «Европейский континент перешел бы под контроль строя, открыто враждебного нашему образу жизни и форме правления»². Мультимиллионер А. Гарриман, оценивая последствия такой мрачной для США перспективы, подчеркивал: «В области экономики мы не сможем реализовать колоссальные возможности... Политически мы будем изолированы. Стратегически наше положение будет в равной мере серьезно»³.

¹ См. гл. III.

² Цит. по кн.: А. Клод. План Маршалла. М., 1950, стр. 51.

³ «Saturday Evening Post», 17. V. 1947.

Предотвратить эту реально существовавшую тогда для американского империализма опасность призваны были первые же крупные акции США в Западной Европе, предшествовавшие «плану Маршалла». Франко-американское соглашение от 28 мая 1946 г., известное как «соглашение Блюма — Бирнса», по которому США предоставили Франции кредит в 300 млн. долл., показало, что американские империалисты открыто вмешиваются в политическую жизнь Франции, поддерживая силы внутренней реакции. Через три дня после подписания этого соглашения газета «Нью-Йорк таймс» писала, что «США вели бы неразумную и невероятно близорукую политику, если бы они не использовали свою мощь и свои ресурсы для поощрения умеренных и либеральных элементов во Франции и воцарения порядка, от которого наше будущее зависит в той же степени, как и будущее Франции»¹.

В декабре 1947 г. конгресс США по так называемому «закону 1947 г. об оказании помощи иностранным государствам» ассигновал Франции, Италии и Австрии 522 млн. долл. «Неотложная помощь», как отмечала пресса, была в известной мере «генеральной репетицией плана Маршалла». В мае 1947 г. почти одновременно из правительств Франции и Италии под давлением США были устранены представители коммунистических партий и в обеих странах были сформированы кабинеты без министров-коммунистов².

Американскую «неотложную помощь» новым правительствам Франции и Италии сопровождали два главных условия, сформулированные в соответствующих поправках, принятых тогда же палатой представителей США. Одна поправка гласила, что французское и итальянское правительства обязуются в силу двусторонних соглашений, заключенных перед предоставлением временной помощи, ничего не уделять из этой помощи коммунистам и не разрешать распределение этой помощи при посредстве коммунистических организаций. В другой поправке говорилось, что президент США прекратит оказание помощи Франции и Италии, если к власти придет правительство, находящееся под влиянием коммунистов³.

В новых исторических условиях, когда на мировой арене сложились две противоположные общественные системы, традиционные, двусторонние, частичные меры «взаимопомощи» и «интернациональной солидарности» капиталистов в борьбе с революционным рабочим классом, типа послевоенных американских займов и кредитов Франции и Италии, Австрии и Англии, оказывались недостаточно эффективными. Они были не в состоянии предотвратить рост антиимпериалистических сил, дальнейшее разветвление революционных процессов в Европе и во всем мире. Именно поэтому империализму, прежде всего американскому, пришлось пойти на новые, чрезвычайные меры.

В «плане Маршалла» воплотилась двуединая стратегия американского империализма: во-первых, спасти и стабилизировать европейский капитализм, добиться консолидации всех сил мировой империалистической реакции и, во-вторых, воспользоваться ослаблением позиций европейской финансовой олигархии для внедрения американского монополистического капитала в Европу и в конечном счете для установления мирового господства США. Каждая из сторон этой стратегии имела свои политические, экономические и военные задачи, вытекающие из

¹ «The New York Times», 31. V. 1946.

² См. гл. XV, XVII.

³ См. Ж. Сориа. Станет ли Франция американской колонией. Перев. с франц. М., 1948, стр. 101—102.

послевоенных целей внешней политики империалистических кругов США.

Экономическая экспансия американских монополий в послевоенный период теснейшим образом переплелась с военно-стратегическими и политическими мероприятиями США как в Западной Европе, так и в других районах мира. В специальном докладе консультативного комитета при президенте США по оказанию «помощи» иностранным государствам прямо подчеркивалось, что интересы Соединенных Штатов Америки в Европе нельзя рассматривать лишь с точки зрения экономических факторов: они имеют также стратегический и политический характер¹.

В политическом отношении «план Маршалла» развивал идеи «холодной войны», выраженные в «доктрине Трумэна». Он явился по сути дела ее непосредственным продолжением, новым ее вариантом, приспособленным к условиям послевоенной Европы. «В действительности, — писал Уильям Фостер, — «план Маршалла» не является программой европейского восстановления. Его сущность заключается в попытке крупных корпораций Соединенных Штатов Америки, которые управляют как республиканской, так и демократической партией, установить свой контроль над Европой, что составляет часть их обширной программы завоевания господства над всем миром. Это — военный план»².

«План Маршалла» означал реакционный заговор американских и западноевропейских империалистов за спиной народов Европы, направленный против их коренных, жизненных интересов. Это был сговор против социализма и рабочего класса, но сговор неравноправный. Используя «право сильного», американский империализм продиктовал буржуазии Западной Европы свои условия возрождения монополий, восстановления экономики и «спасения» европейского капитализма.

В Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1960 г., указывается: «Империализм США стремится подчинить своему господству многие государства, используя в качестве главных средств политику военных блоков и экономической «помощи». Он нарушает суверенитет и развитых капиталистических государств. Господствующая монополистическая буржуазия высокоразвитых капиталистических стран, вступившая в союз с американским империализмом, приносит в жертву суверенитет своих стран, рассчитывая при поддержке империалистов США подавить революционные освободительные силы, лишить трудящихся демократических свобод, воспрепятствовать борьбе народных масс за социальный прогресс»³.

¹ «European Recovery and American Aid». A Report by the President's Committee on Foreign Aid. Washington, November 1947, p. 11.

² W. Z. Foster. Labor and the Marshall Plan. New York, 1948, p. 2.

³ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 43.

Буржуазия Европы не раз за последние десятилетия призывала чужеземные армии для подавления народных движений в своих странах. В. И. Ленин в 1918 г. указывал: «...когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами»¹.

После окончания второй мировой войны монополистическая буржуазия ряда стран Западной Европы, боясь остаться лицом к лицу с народом, стала возлагать надежды в борьбе против рабочего класса на иностранную помощь и иностранные войска, рассчитывая таким путем сохранить свои классовые привилегии, господство и высокие прибыли. Именно поэтому правящие круги западноевропейских государств согласились участвовать в «плане Маршалла», несмотря на то, что он опутывал их сетями финансово-экономической и иной зависимости от США, ущемляя суверенитет их стран, давая империалистам США возможность вмешиваться в их внутренние дела.

Одной из целей «плана Маршалла» была попытка американского империализма принудить народно-демократические страны Европы, ставшие на путь социализма, к реставрации капиталистического строя. Правящие круги США хотели навязать государствам народной демократии такие условия получения кредитов, которые привели бы к их отказу от проведения социалистических преобразований и сохранению аграрного характера большинства этих стран, к лишению их политической и экономической самостоятельности и в конечном счете к ликвидации социалистического строя. Однако из затей восстановить старые порядки в социалистических странах Европы ничего не вышло. Решительно отказавшись от участия в «плане Маршалла», трудящиеся этих стран показали, что там, где у власти стоит рабочий класс в союзе с крестьянством, национальный суверенитет не продается и не покупается.

Непосредственной военно-стратегической целью «плана Маршалла» являлась подготовка к созданию агрессивных военно-политических группировок, направленных против мирового социализма и освободительного движения, организация на западноевропейской территории баз и плацдармов американского империализма, возрождение милитаризма в Западной Германии. Вступив в «план Маршалла», западноевропейские страны вскоре оказались вовлеченными в агрессивные блоки и коалиции, предоставили свои территории для военных баз американских вооруженных сил в прямой ущерб своим национальным интересам и безопасности.

Таковы были далеко идущие военно-политические цели «плана Маршалла». Придание «плану Маршалла» видимости «чисто экономической программы» было реакцией на тот резко отри-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 28, стр. 9.

цательный прием, который был оказан и в США и особенно в других странах «доктрине Трумэна».

Но и сами экономические цели «плана Маршалла» тщательно маскировались. Подлинный смысл «плана Маршалла», если говорить о его экономической стороне, состоял в предоставлении западноевропейским странам долларовых кредитов США в обмен на частичный отказ этих стран от экономической самостоятельности, на предоставление американскому капиталу права активно внедряться в экономику Западной Европы.

Прекратив «помощь» отдельным государствам и решив не «распылять» свои займы и кредиты, империалистические круги США задалась целью создать государственно-монополистический союз западноевропейских стран, который широко раскрыл бы таможенные двери перед товарами с американской торговой маркой. Объединение ресурсов и усилий западноевропейских стран в качестве необходимого условия получения американских кредитов на основе «плана Маршалла» облегчало американским монополиям задачу проникновения в экономику Западной Европы. Так американский империализм намеревался одновременно решить обе поставленные им задачи: во-первых, влить экономические силы в ослабленный организм европейского капитализма и тем предотвратить его крушение и, во-вторых, захватить командные позиции в экономике западноевропейских государств.

2. «План Маршалла» и экономическая политика США в Западной Европе

Роль «плана Маршалла» в экономическом отношении была весьма противоречивой. С одной стороны, товары и капиталы, направлявшиеся по «плану Маршалла» в Западную Европу, в какой-то степени способствовали преодолению экономических последствий войны. С другой стороны, характер и условия американской «помощи», несомненно, оказывали отрицательное воздействие на хозяйство стран Западной Европы, дезорганизовывали и тормозили его восстановление, ломали экономическую структуру и народнохозяйственные пропорции, толкали к развитию главным образом военно-промышленного потенциала этих государств. «План Маршалла» направлял европейские капиталистические страны по пути приспособления к экономическим, политическим и военно-стратегическим целям США, и это имело самые неблагоприятные последствия для народов западноевропейских стран.

Американская политика «спасения» капитализма в Европе подчинялась общему курсу правящих кругов США на консолидацию всех сил империалистической реакции под эгидой американского империализма, на установление его мирового господ-

ства. Речь шла не просто о возрождении западноевропейской экономики, а о восстановлении ее на американских условиях. Империалисты США отдавали себе отчет в том, что, помогая европейскому капитализму подняться на ноги, они тем самым в какой-то мере способствовали оживлению своего конкурента, отвоевыванию им в дальнейшем новых позиций на мировых рынках. Поэтому монополистическая буржуазия США стремилась к ограниченному восстановлению хозяйства капиталистических стран Европы в таких рамках, которые дали бы возможность европейскому капитализму выстоять, но не создавали бы угрозы для мировых экономических позиций американских монополий.

Законопроект о «плане Маршалла» был принят конгрессом США 3 апреля 1948 г. большинством в 398 голосов против 75 и на следующий день, после подписания его американским президентом, приобрел силу закона. «Плану Маршалла» было присвоено официальное наименование «Закон 1948 г. о помощи иностранным государствам».

На основе этого закона был создан многочисленный и разветвленный аппарат по осуществлению «программы европейского восстановления». Ключевые, решающие посты в этом аппарате были предоставлены видным представителям американских монополий.

Основные принципы валютно-финансового механизма «плана Маршалла» сводились к следующему. Государственные органы США за счет ежегодных ассигнований федерального бюджета на так называемую «программу европейского восстановления» закупали по высоким ценам преимущественно у американских монополий производившуюся ими продукцию и переправляли ее государственным органам европейских стран — участниц «плана Маршалла». Поскольку бюджетные расходы на финансирование этого «плана» покрывались за счет налогов, он неизбежно вел к усилению налогового ограбления американских трудящихся и дальнейшему обогащению капиталистических монополий США, получивших гарантированный рынок для сбыта своей «излишней» продукции.

Товары, которые правительство США передавало правительствам европейских стран — участниц «плана Маршалла», продавались в этих странах по высоким рыночным ценам, а деньги, вырученные от продажи товаров, накапливались на специальных счетах в центральных эмиссионных банках, причем распоряжаться этими «эквивалентными счетами» можно было лишь с согласия американской администрации.

В связи с обострением проблемы реализации в США европейские рынки стали играть для них большую роль. Американские монополии рассчитывали, что, расширив свои позиции в странах Западной Европы, они сумеют легче проникнуть и в колониальные владения этих государств и укрепиться там.

Об экономической необходимости «плана Маршалла» прямо писали в многочисленных книгах и статьях буржуазные экономисты. Так, например, Сеймур Гаррис отмечал, что «программа экономического восстановления является попыткой спасти США от депрессии (речь идет об экономическом кризисе 1948—1949 гг. — *Авт.*)»¹. «План Маршалла, — говорил английский публицист У. Стид, — не является односторонним филантропическим предприятием. Сами Соединенные Штаты заинтересованы в этом плане, пожалуй, не меньше, чем Европа»².

¹ S. E. Harris. The European Recovery Program. Massachusetts, 1948, p. 3.

² W. Stedd. Economic Aspects of World Recovery. June 1947.

Американский империализм надеялся на путях широкой экспансии с помощью «плана Маршалла» разрешить углубившиеся в США после войны экономические противоречия, ослабить остроту проблемы рынка, смягчить кризис перепроизводства 1948—1949 гг. Американские монополии намеревались сбыть массу товаров, не находивших платежеспособного спроса на внутреннем рынке страны, и таким образом увеличить экспорт. Экономически это был кредитный план государственного экспорта торгового и ссудного капитала, план государственного финансирования вывоза товаров, программа широкого использования международного государственного кредита для завоевания новых рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капитала.

«План Маршалла» не выполнил своей антикризисной функции. Экономический кризис в США разразился в 1948—1949 гг. — тогда, когда объем товарных поставок по этому «плану» был наивысшим. Масштабы «плана Маршалла» были не адекватны поставленной перед ним цели. Расходы по «плану Маршалла» составляли в среднем в год лишь примерно 1% валового национального продукта США. В период кризиса 1948—1949 гг. стоимость промышленной продукции США сократилась в округленных цифрах на 18 млрд. долл., если принять в расчет, что в 1948 г. она составляла 175 млрд. долл.¹ Из этого следует, что те три с небольшим миллиарда долларов, которые Соединенные Штаты ежегодно расходовали на дополнительный экспорт по «плану Маршалла» и которые финансировались за счет американских налогоплательщиков, в результате чего относительно сужался внутренний рынок, не могли сыграть сколько-нибудь значительной роли в предотвращении экономического кризиса.

Правящие круги США превратили экономическую «помощь» в инструмент своей империалистической политики. Они представляли экономическую «помощь» не тем странам, которые наиболее сильно пострадали от войны и фашистской агрессии, а в первую очередь тем, где они встречали содействие в проведении своей агрессивной политики со стороны господствующих сил.

Министры иностранных дел Англии и Франции — Э. Бевин и Ж. Бидо, а также другие государственные деятели западноевропейских стран развили бурную деятельность в связи с предложением Маршалла. По их инициативе это предложение обсуждалось на совещании министров иностранных дел СССР, Франции и Англии в Париже 27 июня — 2 июля 1947 г. На этом совещании Советский Союз — главная преграда на пути американской политики мирового господства — разоблачил истинный смысл «плана Маршалла» и франко-британского проекта его реализации. Этот проект предусматривал создание так называемого «руководящего комитета» для Европы в составе великих держав — нового органа, стоящего над европейскими странами и

¹ «World Economic Report 1949—1950». United Nations. Economic and Social Council. January 29, 1953, p. 13.

облеченного правом вмешательства во внутренние дела этих стран, вплоть до решения таких проблем, как направление развития главных отраслей промышленности. При этом Англия и Франция претендовали на доминирующее положение в этом «комитете».

В английском и французском предложениях решающее место в восстановлении экономики Европы отводилось не самим европейским странам, а Соединенным Штатам и их помощи. Создание подобной организации на условиях, предложенных американским правительством, как заявлял Советский Союз, нанесло бы серьезный урон суверенитету европейских стран.

На Парижском совещании Советский Союз отказался участвовать в действиях, направленных к этой цели. Он внес свои конкретные предложения, как способствовать скорейшему восстановлению европейской экономики на основе равноправного, демократического международного сотрудничества. Это предложение было отвергнуто Францией и Англией, и совещание окончилось безрезультатно. Вместе с СССР отказались участвовать в «плане Маршалла» все страны народной демократии, а также Финляндия.

Вскоре, 12—15 июля 1947 г., в Париже состоялась конференция государств, принявших американские условия «помощи». В ней участвовали представители 16 стран — Англии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Швеции, Норвегии, Дании, Исландии, Ирландии, Португалии, Австрии, Швейцарии, Греции и Турции. Затем к «плану Маршалла» присоединились Западная Германия и Свободная Территория Триест. Население этих стран составляло, по данным переписи или оценкам 1949—1951 гг., примерно 275 млн. человек, или менее половины всего населения Европы того времени. На конференции был создан Комитет европейского экономического сотрудничества, задачей которого являлось составить общий доклад об экономических ресурсах этих стран и определить их общую заявку на американскую «помощь».

Вступление капиталистических стран Европы в систему «плана Маршалла» было обусловлено принятием ими целой серии тяжелых обязательств по отношению к американскому кредитору. Условия предоставления американской «помощи» давали возможность монополистическому капиталу США в течение сравнительно длительного времени навязывать странам — участникам «плана Маршалла» удобную ему политику, в том числе экономическую.

Эти условия и требования нашли свое наиболее общее выражение в «Заключении о помощи иностранным государствам» и в так называемых «двусторонних соглашениях», заключенных правительством США с правительством каждой из «маршаллизованных» стран в июне — июле 1948 г. и почти целиком воспроизводивших отдельные статьи этого закона. Во всех «двусторонних соглашениях» было отмечено, что правительство каждой страны — участницы «плана Маршалла» поддерживает цели и принципы американского закона и «подтверждает свое намерение оставаться и впредь согласным с целями и принципами этого закона»¹. Это было, по существу, признание за Соединенными Штатами Америки права не только определять, в чем конкретно заключаются цели данного закона, но и решать, насколько соответствуют им мероприятия, предпринимаемые странами Западной Европы.

В «двусторонних соглашениях», которые были практически идентичны для всех стран — участниц «плана Маршалла», ярко отразились те отношения господства и подчинения, которые свойственны капиталистической системе.

¹ Цит. по кн.: А. Клод. План Маршалла, стр. 99. См., например, преамбулу и ст. 2 франко-американского соглашения, подписанного 28 июня 1948 г. от имени правительства Франции Бидо и утвержденного 8 июля 1948 г. Национальным собранием.

В ряде западноевропейских государств в тот период были составлены четырехлетние «национальные производственные программы» («план Монне» во Франции и т. д.), которые, разумеется, не имели и не могли иметь ничего общего с подлинным народнохозяйственным планом. Эти «программы» подлежали обязательному согласованию с американской администрацией по осуществлению «плана Маршалла», что облегчало монополиям США задачу усиленного проникновения в западноевропейскую экономику.

Каждая страна — участница «плана Маршалла» приняла на себя обязательство эффективно использовать «в рамках программы восстановления» как свои собственные ресурсы, так и кредиты США. Администрация по осуществлению «плана Маршалла» получила в связи с этим возможность подвергать «проверке» экономические мероприятия, проводимые в западноевропейских странах, рекомендуя лишь те из них, в которых были заинтересованы американские монополии.

Под предлогом «стабилизации» денежного обращения западноевропейских стран и сбалансирования их государственных бюджетов американские монополисты выговорили для себя также «право» вмешательства в валютно-финансовую политику этих стран. Фактически они стремились вовсе не к «стабилизации» или «нормализации» денежного обращения государств Западной Европы, а к подчинению западноевропейских валют американскому доллару, к установлению господства доллара в Западной Европе.

Используя условия предоставления «помощи» на основе «плана Маршалла», американские монополии добивались выгод для себя в торговле с западноевропейскими странами, снижения или упразднения ими таможенных барьеров и преференций, а также сокращения торговли этих стран с СССР и государствами народной демократии. Правящие круги США заботились отнюдь не о том, чтобы обеспечить «свободу международной торговли» и «многосторонний обмен товаров». Они стремились наводнить западноевропейские рынки американской продукцией.

Общая сумма расходов США на проведение «плана Маршалла» и других действовавших одновременно с ним кредитных программ составила с 1 апреля 1948 г. по 30 июня 1952 г. 13,3 млрд. долл.

Расходы США по «плану Маршалла» и другим кредитным программам в Западной Европе¹

(в млн. долл.)

3 апреля 1948 г. — 30 июня 1949 г.	5 891,3
1 июля 1949 г. — 30 июня 1950 г.	3 523,1
1 июля 1950 г. — 30 июня 1951 г.	2 453,8
1 июля 1951 г. — 30 июня 1952 г.	1 420,6

«Комитет европейского экономического сотрудничества» первоначально определил вероятную сумму четырехлетнего дефицита стран — участниц «плана Маршалла» (с 1948 по 1951 включительно) в 29,2 млрд. долл.² Под давлением американских представителей заявка на «помощь» по «плану Маршалла» была сокращена до 22,44 млрд. долл. Американский конгресс в июле 1948 г., отказавшись от определения суммы кредитов заранее на весь срок действия «плана Маршалла», принял решение израсходовать в течение первых 15 месяцев действия этого «плана» (т. е. до 30 июня 1949 г.) 4 млрд. долл. В дальнейшем конгресс, ежегодно утверждая ассигнования, каждый раз урезывал их.

Американская «помощь» Западной Европе по «плану Маршалла» составляла в среднем в год немногим более 3 млрд. долл.

¹ Составлено по: «Operations Report», Foreign Operations Administrations. Washington, May 27, 1955, p. 74, 75.

² «The New York Times», 26. VIII, 1947.

Эта «помощь» едва покрывала пассив общего торгового баланса западноевропейских стран с США и была в несколько раз меньше того огромного бремени военных расходов, которое оказалось возложенным на европейских участников Североатлантического блока.

Еще в официальных документах начального периода действия «плана Маршалла» предусматривалось, что к 1952 г. пассивное сальдо суммарного платежного баланса капиталистических стран Европы составит 3 млрд. долл. Однако на деле к 1952 г., т. е. к окончанию срока действия «плана Маршалла», долларовый дефицит платежного баланса этих стран на $\frac{1}{4}$ превысил эту цифру.

Таким образом, «план Маршалла» не устранил «долларового голода» в Европе. Хотя западноевропейские страны к этому времени восстановили свое хозяйство и превзошли довоенный уровень промышленного производства, пассив их платежных балансов сохранился. Государственный департамент США, подводя в начале 1952 г. итоги «плана Маршалла», констатировал, что «еще имеется много темных пятен на европейской экономической картине. Самое темное из всех — это долларовая брешь, расширяющаяся в результате инфляционного воздействия программы перевооружения свободного мира (так госдепартамент именуется капиталистический лагерь. — Авт.)»¹.

Как размеры, так главным образом и самый характер «помощи» наглядно свидетельствовали о том, что американский империализм не был заинтересован в подлинном возрождении западноевропейской экономики. США поставляли в страны Западной Европы в счет кредитов по «плану» прежде всего предметы потребления, которые эти страны в конце концов могли производить сами или получать из внутриевропейских источников. Конечно, для ликвидации голода и топливного кризиса западноевропейским странам были необходимы продовольствие и уголь. Но с точки зрения длительной перспективы им, кроме того, для восстановления и развития машиностроения, металлургии и других важнейших отраслей промышленности, а также сельского хозяйства необходимы были средства производства — станки, оборудование, сельскохозяйственные машины и другие средства производства. Между тем эта продукция занимала крайне незначительное место в американских товарных поставках.

Удельный вес производственного оборудования в общих расходах США по «плану Маршалла» составлял примерно 10% (промышленное оборудование — 8%, тракторы и сельскохозяйственные машины — около 2%), тогда как доля продовольствия, кормов и удобрений равнялась 25%, сырья и полуфабрикатов — около 30%, топлива — приблизительно 14%. За годы действия

¹ «The Department of State Bulletin». January 14, 1952, p. 45.

«плана Маршалла» в страны Западной Европы было завезено: земляных орехов (по стоимости) больше, чем генераторов и электромоторов; молока — почти столько же, сколько двигателей и турбин; табака — в 4,6 раза больше, чем тракторов и сельскохозяйственных машин, и в 2,6 раза больше, чем металлургического, горнорудного и строительного оборудования; текстиля — в 1,7 раза больше, чем электротехнической аппаратуры, и т. д.¹ Вместо текстильных машин американские монополисты поставляли хлопчатобумажные ткани, вместо машин для мукомольной промышленности — муку. Используя «план Маршалла», монополии США добивались подрыва конкурентоспособности ряда отраслей экономики западноевропейских стран. От «плана Маршалла» страдали отрасли, работающие на экспорт, что создавало значительные валютно-финансовые трудности в этих странах. В Западной Европе в годы действия этого «плана» закрывались сотни заводов и фабрик, увольнялись тысячи рабочих.

Американские монополии не только отказывали государствам Западной Европы в поставках необходимых средств производства, но и пытались воспрепятствовать осуществлению ими самими сколько-нибудь значительных капиталовложений в свою экономику. В «докладе Гарримана» прямо подчеркивалось, что «16 европейских стран должны воздержаться от быстрого расширения и модернизации промышленности или широкой механизации сельского хозяйства»².

Для восстановления своей промышленности Франция, например, нуждалась прежде всего в машинном оборудовании и станках, а Соединенные Штаты снабжали ее в первую очередь сельскохозяйственной продукцией, нефтью и нефтепродуктами, принуждали возить из США самолеты, автомобили, паровозы и вагоны, а также текстиль и табак. Это привело к увеличению хронической недогрузки производственных мощностей промышленности.

«План Маршалла» нанес ущерб также национальной экономике Италии. «Действительность, — говорил Пальмиро Тольятти, — это закрытие многочисленных мелких и средних предприятий, это угроза увольнения сотен и тысяч рабочих больших заводов»³. Американские машиностроительные компании, сбывая в Италии по «плану Маршалла» пароходы, электрическую и радиотелефонную арматуру, полиграфические машины и другую продукцию, обрекли на бездействие многие отрасли итальянского машиностроения. Огромные затруднения стала испытывать металлургическая, а также легкая, и в частности пищевая, промышленность Италии.

Англия остро нуждалась в оборудовании для восстановления своей угольной промышленности, переживавшей длительный застой и упадок. Однако американские монополии, заинтересованные в сбыте на западноевропейских рынках своего угля, почти совсем лишили Англию поставок шахтного оборудования. Конкуренция промышленности США вызвала дополнительные трудности в работе машиностроительных предприятий Англии, в особенности производящих самолеты, суда, автомобили и тракторы, а также в строительной

¹ Подсчитано по: «Paid Shipments». Mutual Security Agency. Division of Statistics and Reports. Data as of February 29, 1952, p. 6—7.

² «European Recovery and American Aid».

³ «За прочный мир, за народную демократию!», 15 августа 1948 г.

индустрии и добывающей промышленности. Наиболее сильно экспансия американского капитала отразилась на внешнеторговых и валютных позициях Англии.

Страны Западной Европы вышли из второй мировой войны с расстроеным сельскохозяйственным производством: сократились посевные площади, урожайность и сбор основных сельскохозяйственных культур, уменьшились поголовье скота, его продуктивность. Для восстановления сельского хозяйства западноевропейские страны нуждались прежде всего в тракторах и сельскохозяйственных машинах, в удобрениях. Составляя первоначальный вариант «программы восстановления», представители этих стран определили на первый год действия «плана Маршалла» потребность капиталистической части Европы в сельскохозяйственных орудиях на сумму 370 млн. долл.¹

Однако американские монополии, заинтересованные в расширении рынков сбыта собственной сельскохозяйственной продукции, сократили заявку западноевропейских стран до 133 млн. долл., в действительности же поставили этим странам до 30 июня 1949 г. сельскохозяйственных машин только на 40 млн. долл.² Всего с 3 апреля 1948 г. по 31 марта 1955 г. страны, участвовавшие в «плане Маршалла», получили тракторов на 120 млн. долл. (1% всех товарных поставок), сельскохозяйственных машин и орудий — на 150 млн. долл., удобрений — на 64 млн. долл. (0,5% всех товарных поставок).

Таково было в общих чертах дезорганизующее воздействие монополистического капитала США на экономику капиталистических стран Европы в годы действия «плана Маршалла».

После четырех лет «маршаллизации» западноевропейская экономика, даже по признанию некоторых органов буржуазной печати США и Западной Европы, пытавшихся в целом приукрасить итоги «плана Маршалла», переживала серьезные трудности.

Лондонский «Экономист», например, в редакционной статье, озаглавленной «Последний акт плана Маршалла», писал: «Европа после четырех лет сотрудничества находится примерно в том же положении, как и в 1947 г. Европа все еще испытывает долларový голод; за океанские платежные операции большинства стран снова явно дефицитны; страны по-прежнему тщетно пытаются побороть инфляцию, в то время как необходимость в повышении производительности все так же велика, как и четыре года назад»³.

Американские буржуазные экономисты, превознося успехи «плана Маршалла», ссылаются обычно на некоторый рост промышленного производства в Западной Европе. Но то, что выдается ими за результат «плана Маршалла», на деле достигнуто вопреки целям и задачам «плана», явилось следствием стихийного процесса восстановления западноевропейской экономики после причиненных войной разрушений, следствием действия внутренних экономических сил. Американская «помощь» по «плану Маршалла» составила, по подсчетам Базельского банка международных расчетов, всего лишь 3,5% суммарного национального дохода стран, принявших в нем участие⁴.

¹ «Committee of the European Cooperation. General Report», vol. I, p. 114.

² «Paid Shipments», Economic Cooperation Administration, Division of Statistics and Reports. Data as of June 30, 1949, p. 9.

³ «The Economist», January 5, 1952, p. 8.

⁴ «Twenty First Annual Report». Bank for International Settlements, Basle, June 11, 1951, p. 15.

Нет оснований думать, что если впоследствии Западная Европа по темпам экономического развития обогнала Соединенные Штаты, в связи с чем доля США в мировом капиталистическом производстве стала падать, приближаясь к довоенному уровню, то решающая заслуга в этом принадлежит «плану Маршалла». Более правдоподобно, что американскому империализму не удалось предотвратить этих процессов, развивавшихся в западноевропейской и мировой экономике¹.

Практика предоставления экономической «помощи» по «плану Маршалла» еще раз подтвердила, что этот «план» не имел ничего общего с задачей укрепления экономического сотрудничества и дружественных связей в Европе. Он внес раскол и вражду в отношения между европейскими государствами, ухудшил в целом материальное положение трудящихся, нанес ущерб жизненным интересам народов Европы. «План Маршалла» означал реализацию экономических целей американского империализма под видом «помощи» Европе. За этим «планом» скрывалась политика монополистического капитала США, направленная на вовлечение западноевропейских стран в русло его империалистической политики, в подготовку новой войны.

3. Военно-стратегическое значение «плана Маршалла»

В «плане Маршалла», как уже отмечалось, задачи экономической экспансии американских монополий в Западной Европе тесно сочетались с военно-политическими целями. С первых же дней осуществления «плана Маршалла» он являлся орудием милитаризации западноевропейской экономики, способствовал строительству большого количества военных баз и приобретению американскими монополиями и правительством стратегических материалов в западноевропейских странах и их колониях. «План Маршалла» в известной мере подготовил создание Североатлантического блока, «Западноевропейского союза» и иных военных коалиций, а также «Европейского объединения угля и стали» и других государственно-монополистических организаций, представляющих собой индустриальную базу военных блоков. Он способствовал восстановлению военно-промышленного потенциала и возрождению милитаризма в Западной Германии.

Разрабатывая «план Маршалла», правящие круги США предусматривали, что экономическое объединение западноевропейских стран будет дополнено их военно-политическим объединением, причем центральное место в этом объединении займет ремилитаризованная Западная Германия, а руководство им бу-

¹ См. гл. XV, XVI, XVII.

дет осуществлять американский империализм. Предоставление своей «помощи» капиталистическим странам Европы они обусловили созданием агрессивного военного блока под руководством США. Экономическая организация «плана Маршалла» должна была стать промышленной базой военной коалиции.

Военно-экономические и стратегические мероприятия американского империализма в Западной Европе, связанные с «планом Маршалла», носили отнюдь не оборонительный, как это утверждают буржуазные авторы, а агрессивный характер. Они непосредственно вытекали из идеи «американского руководства миром».

Сопоставление американской «помощи» европейским капиталистическим странам, с одной стороны, и официальных данных о прямых военных расходах этих стран — с другой, подтверждает, что в основе «плана Маршалла» лежали военно-агрессивные цели (см. табл. на сл. стр.).

Если на первом своем этапе, примерно, до середины 1950 г., «план Маршалла», осуществлявшийся наряду с другими военными и внешнеэкономическими программами, был нацелен на торможение развития некоторых ключевых отраслей западноевропейского хозяйства — металлургии, машиностроения, судостроения и др., с тем чтобы американским монополиям было легче внедриться в экономику стран Западной Европы, то в последующие годы, когда монополистический капитал США проник в ряд важных отраслей промышленности западноевропейских государств, упор был перенесен на непосредственное развитие их военно-промышленного потенциала. Раздувая гонку вооружений в капиталистических странах Европы, американский империализм добивался также отвлечения материальных и людских ресурсов в этих странах от производительного использования, с тем чтобы не допустить усиления конкурентоспособности Западной Европы на мировых рынках в ущерб американским монополиям.

На втором этапе осуществления «плана Маршалла» военно-политические моменты явно доминировали. «Трудно найти какие-либо объекты ассигнований по плану Маршалла, — признавал в начале 1951 г. «Форин коммерс уикли» — журнал министерства торговли США, — которые так или иначе не служили бы делу перевооружения»¹.

В докладе министра обороны США Джонсона в феврале 1950 г. открыто подчеркивалось, что американская «военная машина тесно сотрудничала с государственным департаментом и администрацией по осуществлению плана Маршалла в разработке программ военной помощи иностранным государствам». 7 октября 1950 г. совет «Организации европейского экономического сотрудничества» опубликовал заявление, в котором подчеркивалась необходимость форсированного перевода экономики западноевропейских стран на

¹ «Foreign Commerce Weekly», February 26, 1951.

Кредиты США и прямые военные расходы европейских стран — участниц Североатлантического блока ¹

(в млрд. долл.)

Страны	1949 г.		1950 г.		1951 г.		1952 г.		1953 г.		1954 г.		Всего за 1949—1954 гг.	
	Прямые воен- ные расходы	Американская «помощь»	Прямые воен- ные расходы	Американская «помощь»	Прямые воен- ные расходы	Американская «помощь»	Прямые воен- ные расходы	Американская «помощь»	Прямые воен- ные расходы	Американская «помощь»	Прямые воен- ные расходы	Американская «помощь»	Прямые воен- ные расходы	Американская «помощь»
Все европейские страны — участницы Североатлан- тического блока	4,8	5,9	5,4	3,5	7,6	2,5	10,3	1,5	11,1	1,4	10,3	0,7	49,5	15,5
в том числе:														
Англия	2,2	1,6	2,4	0,9	3,2	0,3	4,4	0,4	4,7	0,4	4,8	0,2	21,7	3,8
Франция	1,4	1,3	1,6	0,7	2,5	0,4	3,7	0,3	4,1	0,4	3,4	0,09	16,7	3,2
Западная Германия *	1,0	0,6	1,0	0,3	1,2	0,4	2,0	0,09	2,7	0,08	2,2	0,02	10,1	1,5
Италия	0,5	0,7	0,6	0,4	0,7	0,2	0,8	0,2	0,8	0,1	0,9	0,02	4,3	1,6

* Военные расходы за бюджетные годы.

¹ Таблица составлена по данным, приведенным: в журнале «Коммунист», 1953, № 2, стр. 102; «Economist», 19.XII. 1953 (официальные оценки военных расходов, произведенные организацией Североатлантического пакта); «Financial Times», 18.XII. 1954; «Operations Report. Foreign Operations Administration, May 27, 1955, p. 74—75. Цифры округлены. При этом сумма американской «помощи» взята за бюджетные годы, а военные расходы — за календарные. Кроме того, при подсчете американских кредитов к европейским странам — участницам Североатлантического блока отнесены страны, входящие в «Организацию европейского экономического сотрудничества». Расходы Западной Германии, не являвшейся до 1955 г. участницей Североатлантического блока, в общую сумму военных расходов не входят.

военные рельсы¹. Уже тогда администрация по осуществлению «плана Маршалла» стала превращаться фактически в экономический орган Североатлантического блока. В марте 1951 г. Фостер, сменивший П. Гофмана на посту главы американской администрации по осуществлению «плана Маршалла», подтвердил, что этот «план» окончательно «сбрасывает свою рабочую одежду и облачается в военную форму».

Решение о передаче главных функций «Организации европейского экономического сотрудничества» органам НАТО было принято на брюссельской сессии Совета Североатлантического пакта в декабре 1950 г. Таким образом, «Организация европейского экономического сотрудничества», которой приписывалась роль органа, призванного будто бы заменить капиталистическую стихию и анархию производства «разумной координацией международных экономических отношений под руководством США», фактически превратилась в чисто военный орган. «План Маршалла», проложивший путь созданию Североатлантического пакта, стал его придатком.

Начиная с 1952/53 г. «военная помощь» США в целом стала превышать «экономическую помощь» почти в 2 раза, а в Западной Европе — более чем в 3 раза. В результате, если за пятилетие, предшествовавшее войне в Корее, «военная помощь» составляла лишь 5%, а экономическая — 95% всей американской «помощи», то в последующее пятилетие доля «военной помощи» увеличилась до 53%, а экономической — уменьшилась до 47%. Но и сама «экономическая помощь» стала фактически военной. С 1 июля 1951 г. она даже в официальных американских документах больше не называлась «экономической помощью», а была переименована в «финансирование взаимной обороны» («mutual defense financing») или в «поддержку обороны» («defense support»).

Крупные суммы из американских займов, предоставленных странам Западной Европы, согласно условиям «плана Маршалла» пошли также на строительство многочисленных военных баз США, расположенных на территории этих стран и их колониальных владений. Значительная часть платежей по займам погашалась за счет тех сумм, которые причитались с США за аренду территорий для военных баз.

После заключения Североатлантического договора товарные поставки по «плану Маршалла» также приобрели ярко выраженный военный характер. Удельный вес потребительских товаров, продовольствия и сельскохозяйственной продукции в общей сумме поставок значительно сократился, а доля военных материалов и средств производства, необходимых для изготовления вооружений и для военно-стратегического строительства в капиталистических странах Европы, резко возросла. Одно из основных мест в товарных поставках стали занимать теперь станки и другое оборудование для западноевропейских военных заводов и смежных с ними предприятий, на многие из которых американский капитал распространил свой контроль, а также для

¹ «Tenth Report to Congress of the Economic Cooperation Administration». For the Quarter Ended September 30, 1950.

строительства и реконструкции аэродромов, военно-морских портов, стратегических железных и шоссейных дорог, военных складов.

На втором этапе «плана Маршалла» усилился также военный характер использования «эквивалентных счетов».

Американская буржуазная статистика пытается доказать, будто подавляющая часть средств с этих счетов расходовалась в мирных целях — на укрепление финансовых систем европейских капиталистических стран, на поощрение в них промышленного и сельскохозяйственного производства, на развитие транспорта, на «социальные цели», туризм и т. п. Чиновники из «Агентства взаимной безопасности», манипулируя цифрами, «подсчитали», что за период с 3 апреля 1948 г. по 31 января 1952 г. на военные цели было израсходовано якобы всего 2% средств, поступивших на «эквивалентные счета» стран — участниц «плана Маршалла»¹. В действительности же преобладающая часть их с самого начала действия «плана Маршалла» в прямой или косвенной форме использовалась на реализацию агрессивных программ, на развитие военного производства, строительство и реконструкцию стратегических железных и шоссейных дорог, гаваней и портов, сооружение и модернизацию аэродромов и других военно-стратегических объектов, на подготовку в западноевропейских странах плацдармов войны, на шпионаж и тому подобные цели.

С помощью «эквивалентных счетов» наряду со скрытыми и косвенными военными расходами финансировались и прямые военные расходы. В 1951/52 и 1952/53 бюджетных годах из общей суммы разблокированных средств с «эквивалентных счетов» в национальных валютах, равной 2595 млн. долл., на финансирование прямых военных расходов западноевропейских стран было затрачено 992 млн. долл.² Подавляющая часть этих средств, как признают официальные американские документы, использовалась на производство и закупку военных самолетов, кораблей, амуниции, средств связи и т. д.³ Удельный вес прямых военных расходов в общей сумме средств, разблокированных с «эквивалентных счетов», неуклонно возрастал из года в год. Он увеличился с 28% в 1951/52 г. до 57% в 1952/53 г., 64% в 1953/54 г. и 66% во второй половине 1954 г.⁴

Американские монополии после создания Североатлантического блока значительно расширили программу военно-промышленного строительства в Западной Европе. Этой цели служила так называемая «программа промышленных проектов» («Industrial Project Program»), явившаяся одним из каналов проникновения американского капитала в западноевропейские страны. Она предусматривала, что из средств, ассигнованных по «плану Маршалла» и программам вооружения европейских партнеров США, не менее 1 млрд. долл. должно быть направлено на строительство, модернизацию и оборудование крупных промышленных объектов военного значения.

За период с 3 апреля 1948 г. по 30 июня 1953 г. американская администрация санкционировала сооружение и расширение 135 военно-промышленных объектов в 13 капиталистических странах Европы общей стоимостью 2624,5 млн. долл. При этом США ассигновали на это строительство из своих

¹ «Monthly Report for the Public Advisory Board». Mutual Security Agency. Data as of January 31, 1952. Washington, p. 43.

² «Monthly Report on the European and Far East Programs to the Public Advisory Board». Foreign Operations Administration. Data as of June 30, 1953, p. 42.

³ «Local Currency Counterpart Funds». Mutual Security Agency. European Program. Division of Statistics and Reports, February 29, 1952, p. 1.

⁴ «Report to Congress on the Mutual Security Program». For the six months Ended June 30, 1954, p. 15. «Operations Report». Foreign Operations Administration, March 25, 1955, p. 32.

фондов 588,3 млн. долл. и предоставили средств, материалов и оборудования на 449,7 млн. долл. Остальную часть расходов должны были покрыть сами европейские страны.

Важное место в системе военно-экономических мероприятий «плана Маршалла» занимали присвоение и использование американскими монополиями сырьевых и других имеющих перво-степенное военное значение ресурсов западноевропейских стран и их владений.

Используя механизм «плана Маршалла», американский капитал установил свой контроль над богатыми месторождениями никеля в странах «Французского союза», олова — в голландских колониях, урановой руды — в Конго, каучука — в Малайе, хрома — в Турции и т. д. В качестве «компенсации» за свои долларовые кредиты американские империалисты добились доступа к источникам дефицитного сырья и военно-стратегических материалов во многих странах капиталистического мира.

Всего по «плану Маршалла» и программам «взаимного обеспечения безопасности» с 3 апреля 1948 г. по сентябрь 1953 г. на расширение добычи стратегических материалов, а также на разведку и открытие новых источников сырья в западноевропейских странах и главным образом в их колониях и полуколониях было ассигновано 249,6 млн. долл. (действительные расходы составили 192,1 млн. долл.). Из них на закупку стратегических материалов Соединенными Штатами пошло 115,5 млн. долл.¹

Средства, ассигнованные на разведку природных богатств и на увеличение добычи стратегического сырья, расходовались на приобретение американского оборудования. Эти средства, как и суммы, изымаемые с «эквивалентных счетов», попадали в распоряжение крупнейших колониальных компаний западноевропейских стран и в первую очередь тех из них, которые были связаны с американским капиталом или подпали под его контроль, а также в распоряжение монополий США, функционировавших в колониальных владениях государств Западной Европы. Эти суммы, как правило, с лихвой возвращались в США в форме поставок дефицитного военно-стратегического сырья по низким ценам; помимо того, американским монополиям выплачивались заранее обусловленные проценты.

Ряду крупнейших монополий Западной Европы «план Маршалла» и другие формы американской «помощи» принесли известные выгоды. Они обогащались на субсидиях, которые получали из средств с «эквивалентных счетов». Часть сумм с этих счетов также притекала к ним в виде оплаты процентов по государственному долгу. Наконец, они наживались на американских

¹ «Monthly Operations Report». Foreign Operations Administration. Data as of August 31, 1953, p. 17, 33.

военных заказах. Однако потери, которые несла буржуазия западноевропейских стран в результате усиленного проникновения американского капитала в Западную Европу и ее колониальные владения, отнюдь не покрывались этими относительными выгодами.

«План Маршалла» и экспансия американского империализма в целом создали серьезную угрозу высоким прибылям и мировым позициям западноевропейских капиталистов. Политика американских монополий еще более обострила проблему рынков, сократила маневренные возможности капитализма, тяжело отразилась на капиталистических странах Европы. Естественным результатом экспансии американского капитала в государства Западной Европы явилось дальнейшее углубление конфликтов между этими государствами, с одной стороны, и Соединенными Штатами — с другой. Усиление противоречий вело к ослаблению всей капиталистической системы, к дальнейшему углублению общего кризиса капитализма, к нарастанию межимпериалистических противоречий.

Наибольших «успехов» в своей экспансии американские монополии достигли в 1948—1949 гг. Эти же годы можно определить как своего рода рубеж, после которого, хотя и медленно, но все же началось постепенное снижение удельного веса США в мировой капиталистической экономике, а вместе с тем и падение их политического веса на мировой арене. По мере восстановления своей экономики и накопления сил западноевропейские страны оказывали все более серьезное сопротивление экспансионистской политике американского империализма.

Таким образом, с помощью «плана Маршалла» империалистические группировки США и ряда западноевропейских стран смогли добиться некоторых целей. Однако «план Маршалла» оказался бессильным в достижении главной стратегической задачи — изменить соотношение сил двух общественных систем в пользу капитализма.

Монополистическому капиталу США не удалось подчинить себе народы Западной Европы, превратить их в послушных исполнителей своих планов. Самоотверженная борьба народных масс за мир, демократические свободы и национальную независимость, их смелые, активные и действенные выступления явились главным препятствием на пути политики «маршаллизации» Европы, и эта политика терпела провал за провалом.

«План Маршалла» и вся экспансионистская деятельность американского империализма в Западной Европе привели к усилению борьбы в империалистическом лагере, к обострению противоречий и конфликтов как между США и капиталистическими странами Европы, так и между самими западноевропейскими странами.

КУРС ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ ВО ГЛАВЕ С США НА СОЗДАНИЕ ВОЕННЫХ БЛОКОВ

1. Характер и специфика империалистических блоков, образованных после второй мировой войны

Монополистические круги Соединенных Штатов Америки и других западных держав уже в первые послевоенные годы приступили к сколачиванию агрессивных военных блоков, нацеленных своим острием против Советского Союза, стран народной демократии, национально-освободительного и демократического движения. «Финансовые магнаты США, — отмечается в Программе Коммунистической партии Советского Союза, — сколачивают «священный союз» империалистов, создают агрессивные военные блоки»¹. В чем специфика этих блоков, каковы их структура и взаимосвязь, а также их роль в послевоенных международных отношениях?

Военные коалиции и группировки капиталистических государств как орудия подготовки и ведения войн создавались задолго до эпохи империализма. На империалистической стадии объединение капиталистических держав в военные блоки и группировки становится одной из характерных особенностей развития международных отношений. В. И. Ленин еще в 1916 г., в разгар первой мировой войны, указывал, что военное «сотрудничество» империалистических государств представляет собой, наряду со срастанием финансового капитала, одну из форм империалистического союза, в рамках которого находит свое осуществление «империалистическая тенденция к крупным империям»².

В начале XX века типичные примеры такого военного «сотрудничества» — Антанта и Тройственный союз, столкновение которых в борьбе за передел мира привело к первой мировой войне. В условиях общего кризиса капитализма империалистические военные блоки приобретают еще более откровенно агрессивный характер. Примерами могут послужить «коалиция 14 государств», осуществившая военную интервенцию против Советской России в 1918—1920 гг., «антикоминтерновский пакт» или «треугольник Берлин — Рим — Токио».

Курс на сколачивание агрессивных военных блоков, проводимый империалистическими державами после второй мировой войны, — прямое продолжение их «традиционной» политики. Это касается прежде всего их агрессивных, захватнических целей, а также условий участия отдельных держав в этих блоках. Усло-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 31.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 23, стр. 38.

вия эти определялись и определяются силой каждого участника агрессивного блока, мощностью его капитала, его военной машины. Вместе с тем послевоенный курс империализма имеет и ряд существенных особенностей. Наиболее характерным является то, что в рамках империалистических военных блоков, созданных после второй мировой войны, произошло не размежевание империалистических государств на противостоящие группировки, а, наоборот, объединение всех основных империалистических государств, включая США, Англию, Францию, Италию, а в дальнейшем Западную Германию и Японию. Возник военный лагерь, объединивший все основные империалистические страны и направленный против Советского Союза и других социалистических государств.

Военные блоки НАТО, СЕНТО, СЕАТО, как и двусторонние военные союзы вроде американо-японского или американо-испанского, создавались не в противовес друг другу, а, наоборот, в порядке взаимного стратегического дополнения. Они составили систему империалистических военных блоков. Взаимосвязь всех звеньев этой системы определялась тем, что ведущая роль в них с самого начала принадлежала одной и той же державе — США.

Но и на этот раз империализм не смог добиться единства всего капиталистического мира. Вне системы блоков оказались прежде всего почти все молодые государства Азии и Африки, добившиеся независимости после второй мировой войны. Эти государства в международно-политическом отношении пошли по иному, чем старые капиталистические страны, пути. Они отказались от участия в империалистических блоках и вступили на путь нейтрализма. Некоторые старые капиталистические государства — Швеция, Австрия, Швейцария, Финляндия также остались на позициях нейтралитета и не были вовлечены в систему империалистических блоков.

Создание системы военных блоков не означало, конечно, устранения империалистических противоречий между их участниками. Однако если в прошлом эти противоречия как раз и приводили к возникновению противостоящих военных блоков, то теперь межимпериалистические противоречия, развиваясь в рамках военных блоков, ограничивались до известной степени общностью интересов основных капиталистических держав. Стремление сплотить силы монополистического капитала, не имеющего отечества, в некий «единый» военно-политический механизм перед лицом колоссальных успехов борьбы народов за социализм, за национальную независимость, за свободу и демократию — вот исходная причина возникновения системы империалистических военных блоков под эгидой США.

Послевоенные империалистические блоки имели с первого дня своего возникновения и имеют поныне открыто враждебную

направленность против Советского Союза и других социалистических государств и национально-освободительного движения. Эти военные блоки являются орудиями агрессивных сил, деятельность их обостряет отношения между государствами, усиливает международную напряженность, порождает угрозу новой мировой войны.

Империалистические державы приступили к сколачиванию своих военных блоков тогда, когда между социалистическими странами не было заключено никаких военных соглашений, за исключением договоров о взаимопомощи против возможного возрождения угрозы агрессии со стороны Германии и Японии. Этот факт особенно ярко показывает, что империалистические державы несут всю ответственность за развязывание «холодной войны». Не социалистические, а империалистические государства начали первыми после окончания мировой войны создавать свой военный лагерь. Это вынудило социалистические государства принять в дальнейшем меры к укреплению своей безопасности.

Ведущую роль в сколачивании и руководстве империалистическими военными блоками в послевоенные годы играли, как уже отмечалось, правящие круги Соединенных Штатов Америки, наиболее мощной капиталистической страны, главного центра империализма. Однако в формировании блоков немалой была и роль Англии и Франции, а в дальнейшем и Западной Германии. В ряде случаев правящие круги этих стран проявляли собственную инициативу.

В главном — борьбе против социализма и национально-освободительного движения — заинтересованность западноевропейской крупной буржуазии в создании системы военных блоков совпадала с интересами правящих кругов США. Вместе с тем империалистическая буржуазия Западной Европы пыталась добиться при помощи военных блоков и в их рамках своих особых, специфических целей, не всегда совпадавших с интересами американских монополий.

Это относится прежде всего к Англии. Руководящие английские круги стремились использовать союз с более мощными Соединенными Штатами для того, чтобы восстановить свои позиции и влияние в Западной Европе, участвовать в контроле над ней, укрепить свои позиции в других районах мира и таким путем снова поднять роль Англии в системе капиталистических государств. Английская монополистическая буржуазия делала ставку на то, что военные блоки помогут ей добиться того, чтобы в мире было установлено не американское, а американо-английское господство. При сколачивании военных блоков между правящими кругами Англии и США возникали некоторые, подчас довольно серьезные, расхождения, касающиеся, конечно, не общей направленности блоков, а конкретных вопросов организации и условий участия в них отдельных государств.

Монополистические группировки Франции также пытались в рамках системы военных блоков добиться некоторых специфических целей. Правда, в первые послевоенные годы французская буржуазия из-за относительной слабости действовала в этом направлении крайне осторожно и робко. Однако уже тогда выявилось ее стремление с помощью военных блоков сплотить в какой-то мере вокруг Франции другие государства континентальной Западной Европы — в противовес главным образом Англии и ее курсу на установление в Западной Европе американо-английского владычества.

Монополии Западной Германии, пережив с помощью западных держав капитуляцию «третьего рейха», рассчитывали вернуть себе былое могущество в Европе, приняв участие в новых военных блоках. Проблему присоединения к этим блокам западногерманские монополии с самого начала использовали как рычаг давления на правящие круги США, Англии и Франции.

Разумеется, эти частичные расхождения при сколачивании военных блоков не были и не могли стать определяющими. В отношении главных целей, главного направления деятельности военных блоков — против Советского Союза и других социалистических государств, против национально-освободительного и демократического движения во всем мире — интересы основных империалистических партнеров полностью совпадали. Они были уверены, что, объединившись в военном и политическом отношениях в единой системе военных блоков, капиталистические страны смогут «оттеснить», «отбросить», как говорил впоследствии государственный секретарь США Джон Фостер Даллес, Советский Союз и задушить национально-освободительное и демократическое движение во всем мире.

Но, разумеется, организаторы империалистических военных блоков не могли открыто провозгласить свои агрессивные цели. Они были вынуждены применять политический камуфляж. Империалисты развернули клеветническую кампанию, обвиняя Советский Союз в «агрессивных намерениях». Грубо искажая факты борьбы трудящихся в странах Восточной Европы за установление социалистического строя (в частности, события в феврале 1948 г. в Чехословакии), империалистическая пропаганда пыталась создать впечатление, будто социалистический строй устанавливается там вопреки воле их народов. Правящие круги западных государств клеветали, утверждая, что коммунистические и другие левые партии якобы подготавливают почву к приходу Советской Армии. Пропагандистская машина капитализма была одновременно использована для того, чтобы придать военным блокам некое «идеологическое» оформление, внушить широким общественным кругам, будто эти блоки имеют сугубо «оборонительный» характер, преследуют цель обеспечения мира,

соответствуют Уставу Организации Объединенных Наций и историческим традициям тесного сотрудничества стран «западной цивилизации».

2. Возобновление американо-англо-канадского военного сотрудничества

В деятельности империалистических держав по созданию военных блоков с самых первых послевоенных лет важное значение имело возобновление военного сотрудничества США, Англии и Канады.

В годы второй мировой войны это сотрудничество было известным вкладом в общее дело разгрома фашистских агрессоров и потому отвечало интересам антигитлеровской коалиции. Принципиально иную роль оно начало играть в послевоенные годы, когда использовалось исключительно в целях политики «холодной войны» и создания «ситуации силы» в отношениях с социалистическими государствами.

Своеобразной особенностью этого военного сотрудничества с самого начала был и остается его «неоформленный» характер. Военные связи между США, Англией и Канадой были возобновлены в послевоенные годы не на основе каких-либо официальных договоров или пактов, а на основе «исполнительных соглашений», «договоренности», «взаимной обусловленности» и т. п. Так правительствам США, Англии и Канады удалось избежать рассмотрения соответствующих «джентльменских соглашений» в парламентах и, по сути дела, скрыть их от широкой общественности. Американо-англо-канадские переговоры о стандартизации оружия привели к заключению в декабре 1949 г. (уже после создания Североатлантического блока) «джентльменского соглашения» по этому вопросу, которое тоже не стало предметом рассмотрения в соответствующих парламентах.

Возобновилось в первые послевоенные годы сотрудничество США, Англии и Канады и в области атомной энергии. Известно, что это сотрудничество в годы войны имело весьма неравноправный характер в том смысле, что США, создавая атомную бомбу, активно использовали английских и канадских ученых и материалы, однако не делились с Англией и Канадой наиболее важными открытиями в сфере военного применения атомной энергии. Таким же неравноправным осталось это сотрудничество и в послевоенные годы. Оно осуществлялось в рамках совместного Комитета по вопросам атомной политики, созданного еще в 1943 г. и разработавшего в 1946—1947 гг. новую программу технического сотрудничества в области атомной энергии¹. В сентябре 1948 г. в английском атомном центре Харуэлл состоялось совещание крупнейших американских, английских и канадских ученых-атомников, на котором были намечены дальнейшие меры по трехстороннему сотрудничеству.

В 1947—1949 гг. была разработана система использования канадской военной промышленности для нужд военной машины США. Согласно этим

¹ Членами Комитета по вопросам атомной политики являлись в первые послевоенные годы государственный секретарь Соединенных Штатов, председатель американской комиссии по атомной энергии, английский и канадский послы в Вашингтоне.

планам Канада должна была стать как бы военно-экономическим, а затем и стратегическим «северным дополнением» США. Первые детали новой системы американско-канадских отношений обсуждались и согласовывались во время визита министра обороны США Джеймса Форрестала в Оттаву 15—16 августа 1948 г. В результате его переговоров с канадским министром обороны Б. Клакстоном был создан в дальнейшем Объединенный американско-канадский комитет мобилизации промышленности¹.

Весьма тесным было уже в то время и сотрудничество США с Англией в военной сфере. Именно тогда были заложены основы политики «непотопляемого авианосца», которая впоследствии сделала Англию, с точки зрения Вашингтона, самым важным в Европе плацдармом развертывания американской стратегической авиации, оснащенной атомными бомбами.

В обстановке глубокой тайны начались в середине 1947 г. между военными властями, а затем и на уровне правительств переговоры о предоставлении Соединенным Штатам военно-воздушных баз на английской территории. Вскоре состоялось очередное «джентльменское соглашение» — одно из самых важных военных соглашений послевоенного времени, направленных против Советского Союза и других социалистических государств.

В соответствии с этим соглашением было объявлено 16 июля 1948 г. в Лондоне и Вашингтоне, что две авиагруппы (в составе трех эскадрилий американских средних бомбардировщиков Б-29 каждая) прибыли в Англию «на короткий срок для выполнения задач временного характера»². Даже в США и Англии не все политические обозреватели обратили тогда внимание на короткое сообщение о прибытии американских бомбардировщиков на английские аэродромы.

Уже через несколько месяцев после опубликования сообщения от 16 июля 1948 г. никто ни в США, ни в Англии не пытался делать вид, что речь идет о какой-то временной мере. Впрочем, правительство США с самого начала исходило из того, что американские самолеты размещаются на территории Англии на неограниченный срок.

Джеймс Форрестал с полной определенностью записал в своем дневнике 15 июля 1948 г.: «Сейчас у нас есть возможность послать эти самолеты (в Англию. — *Авт.*), а будучи однажды посланными, они стали бы чем-то вроде согласованной постоянной принадлежности, тогда как ухудшение обстановки в Европе могло бы вызвать такие умонастроения, при которых Англия оказалась бы вынуждена занять позицию, прямо противоположную нынешней»³.

В дальнейшем одни американские самолеты заменялись на английских аэродромах другими, все более мощными и во все большем количестве, создавались новые склады атомных и водородных бомб и, как естественный финал этой политики, началось строительство ракетных баз.

Возобновленное в послевоенные годы американско-англо-канадское сотрудничество стало одним из первых по времени, весьма важных по существу результатов политики сколачивания империалистических военных блоков.

¹ «Keesing's Contemporary Archives», 1949, p. 9988.

² Всего обе авиагруппы насчитывали 60 бомбардировщиков Б-29, специально оборудованных для доставки атомных бомб к цели.

³ «The Forrestal Diaries», p. 457.

3. Межамериканский договор о взаимной помощи

Наряду с возобновлением военного сотрудничества с Англией и Канадой руководящие круги США в первые же годы после окончания второй мировой войны создали военно-политический блок на Американском континенте. Этот блок должен был служить, по их расчетам, инструментом экономической и политической экспансии монополий США в Латинской Америке и в то же время тыловой стратегической базой и дальним военным плацдармом против социалистических государств. Создавая блок, правительство США опиралось в латиноамериканских странах на местные помещичьи и компрадорские круги, тесно связанные с американскими монополиями¹.

США удалось в условиях начавшейся второй мировой войны навязать латиноамериканским государствам координацию их политики с политикой Вашингтона, против чего на протяжении по крайней мере двух предыдущих десятилетий латиноамериканские государства решительно возражали.

На втором Консультативном совещании министров иностранных дел американских стран (Гавана, 20—30 июля 1940 г.) по инициативе США была принята декларация «О взаимопомощи американских государств в случае агрессии против одного из них со стороны любой неамериканской державы». Практически эта декларация в дальнейшем использовалась США не столько для мобилизации сил латиноамериканских государств на войну против фашистской Германии и ее союзников по агрессии, сколько для подготовки к созданию военных баз США в Латинской Америке.

Следующий шаг был сделан на третьем Консультативном совещании министров иностранных дел, которое состоялось в Рио-де-Жанейро 15—28 января 1942 г., т. е. уже после вступления Соединенных Штатов в войну. В результате совещания был создан Межамериканский совет обороны с задачей разработки совместных военных мероприятий на период войны.

На Межамериканской конференции по вопросам войны и мира в г. Мехико, проходившей с 21 февраля по 8 марта 1945 г., был принят так называемый Чапультепекский акт «О взаимной помощи и солидарности американских республик», в котором содержалась уже прямая рекомендация правительствам всех американских республик заключить многосторонний военно-политический договор. Эта конференция приняла также резолюцию «О реорганизации, консолидации и усилении межамериканской системы», предусматривавшую создание (на базе Панамериканского союза) механизма для будущего военно-политического договора между государствами Американского континента.

В развитие Чапультепекского акта был разработан и подписан на Межамериканской конференции 1947 г. (проходившей с 15 августа по 2 сентября в Петрополисе, близ Рио-де-Жанейро) Межамериканский договор о взаимной обороне — объемистый (преамбула и 26 статей) и искусно составленный документ, на основе которого и была создана военно-политическая группировка государств Американского континента.

Хотя некоторые положения, включенные в Межамериканский договор, и придавали ему черты регионального соглашения о безопасности², формально

¹ См. гл. XII.

² Все американские государства, за единственным исключением Канады, стали участниками Межамериканского договора о взаимной обороне, большинство — с момента его подписания, остальные — через некоторое время. Канада же хотя и не приняла участия в договоре, однако никогда не возражала против его заключения и не считала, что он направлен против ее безопасности. Участники договора неоднократно давали понять, что, если бы Канада пожелала к нему присоединиться, она могла бы это сделать («Keessing's Contemporary Archives», 1947, p. 8611, 8883).

соответствующего духу и букве ст. 52 Устава ООН о региональных соглашениях, однако на деле договор предоставлял Соединенным Штатам реальные возможности втянуть латиноамериканские государства в свою агрессивную политику.

Достаточно сказать, что в этом договоре, участники которого вступали в военно-политический союз, не указывалось, прогив кого, собственно, направлен этот союз. Стало быть, наиболее сильный из участников, в данном случае США, мог навязывать остальным свою волю в том, что касается практического применения союзных военных обязательств. Это, конечно, уже ни в коей мере не соответствовало положениям Устава ООН о региональных соглашениях о безопасности. Более того, в Межамериканском договоре не было оговорено, как того ясно требует ст. 53 Устава ООН, что участники договора могут применить военную силу против других государств лишь с разрешения или по указанию Совета Безопасности ООН, если только речь не идет о действиях, направленных против возобновления агрессивной политики со стороны Германии или ее союзников во второй мировой войне. Особенности Межамериканского договора, вступившего в силу 3 декабря 1948 г., были в дальнейшем широко использованы для вовлечения латиноамериканских стран в агрессивные акции США в различных районах мира.

За несколько месяцев до вступления Межамериканского договора в силу Межамериканская конференция в Боготе (30 апреля — 1 мая 1948 г.) приняла решения, имевшие целью укрепить организационную базу создаваемого военно-политического блока государств Американского континента и придать ему более ясно выраженную политическую направленность. Одним из таких решений явилось утверждение Устава Организации американских государств (ОАГ), учреждаемой в соответствии с резолюцией, принятой еще на Межамериканской конференции 1945 г.¹

Без постоянного военного органа Соединенным Штатам было бы трудно использовать ОАГ в качестве военного блока. Поэтому дипломатия США ловким маневром протащила на той же конференции в Боготе резолюцию о продлении на неопределенный срок полномочий Межамериканского совета обороны, учрежденного в свое время только на период военных действий. Этот совет обороны, согласно резолюции, должен был действовать как бы параллельно Организации американских государств, не являясь ее составной частью. Однако на деле Межамериканский совет обороны очень скоро фактически слился с ОАГ и стал одним из главных ее органов.

Другим решением конференции в Боготе, важным для политического оформления блока государств Американского континента, была резолюция «О сохранении и защите демократии в Америке». Резолюция, намекая на мнимое «проникновение» социалистических государств в страны Западного полушария, призывала все американские государства всемерно противодействовать такому «проникновению». Тем самым острие Межамериканского договора о взаимной обороне обращалось против стран социалистического лагеря и революционного движения в латиноамериканских странах.

Таким образом, к середине 1948 г. формирование военно-политического блока американских государств было завершено.

¹ Текст устава ОАГ см. в кн.: *A. J. Peaslee. International Governmental Organizations. Constitutional Documents*, vol. II, p. 545—559.

Руководящие круги США приступили к сколачиванию империалистического военного блока с участием государств Западной Европы. К тому времени в Западной Европе уже был создан — главным образом по инициативе Англии, хотя и при поддержке США, — свой «локальный» военный блок, так называемый Западный союз.

4. Англо-французский Дюнкеркский договор. Заключение Брюссельского договора и создание Западного союза

Британский империализм, стремясь укрепить свои ослабленные второй мировой войной международные позиции и не допустить победы социализма в европейских странах, взял сразу же по окончании войны курс на объединение вокруг Англии капиталистических государств Западной Европы¹. Английское правительство рассчитывало, что континентальные государства Западной Европы — Франция, Бельгия, Голландия, Италия и другие — согласятся идти в фарватере английской политики, хотя бы из расчета парализовать с помощью Англии активность значительно расширивших свое влияние демократических сил.

Правящие круги Англии добились заключения двух военных договоров — сначала Дюнкеркского англо-французского, а затем Брюссельского договора Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга и создания на его основе Западного союза.

Вопрос об англо-французском союзном договоре правительства Англии и Франции обсуждали еще в 1946 г., однако существенные разногласия относительно политики в Германии явились тогда препятствием к его заключению. Положение изменилось к началу 1947 г., когда французский премьер-министр Леон Блюм посетил 13—15 января 1947 г. Лондон. Он договорился с тогдашним премьером К. Эттли о заключении в ближайшее время союзного англо-французского договора, вне зависимости от сохраняющихся разногласий по некоторым конкретным вопросам политики в Германии (о Руре, Сааре, репарациях). В соответствии с этой договоренностью и был подписан в Дюнкерке 4 марта 1947 г. договор о союзе и взаимной помощи между Великобританией и Французской республикой.

Дюнкеркский договор, который сыграл роль промежуточного соглашения перед созданием агрессивного блока империалистических держав Запада, был формально заключен как пакт о мерах предотвращения и пресечения новой агрессии со стороны Германии².

¹ См. гл. XV.

² Текст договора см. в кн.: «Keesing's Contemporary Archives», 1947, p. 8463.

Уже в преамбуле договора подчеркивалось, что Англия и Франция решили «сотрудничать в мерах взаимопомощи в случае какого-либо возобновления германской агрессии». Ст. I гласила, что если бы безопасность Англии или Франции оказалась под угрозой, «возникающей в результате проведения Германией агрессивной политики», то стороны договорились вступать в консультации «друг с другом и, где подобает, с другими державами, несущими ответственность за действия в отношении Германии», для принятия мер, наилучшим образом рассчитанных на то, чтобы «положить конец этой угрозе». В ст. II говорилось, что каждая из сторон немедленно придет на помощь и окажет поддержку всеми имеющимися в ее распоряжении военными и прочими средствами той стороне, которая оказалась бы снова вовлеченной «в военные действия с Германией».

В преамбуле Дюнкерского договора есть ссылка на то, что содержащиеся в нем обязательства ни в коей мере не противоречат англо-советскому и советско-французскому договорам о взаимной помощи, заключенным соответственно в 1942 и 1944 гг. Формально это, конечно, так. Более того, по букве обязательств Дюнкерский договор даже как бы дополнял эти договоры. Возникла своего рода тройственная система однотипных по объявленным целям двусторонних договоров СССР и Англии, СССР и Франции, Англии и Франции. Если бы английское и французское правительства действительно намеревались следовать целям, указанным на бумаге в Дюнкерском договоре, такую тройственную систему удалось бы с успехом использовать для разработки и проведения согласованной политики трех европейских держав, направленной на выполнение Потсдамских соглашений о Германии.

Однако на деле получилось как раз наоборот. После заключения Дюнкерского договора Англия и Франция стали еще быстрее отходить от Потсдамских соглашений, всячески уклонялись от любых совместных с СССР шагов в Германии. Очень скоро Англия и Франция, действуя в полном единстве с США, взяли курс на раскол Германии. Сам же Дюнкерский договор английское правительство меньше чем через год предложило сделать основой для создания военного блока государств Западной Европы, открыто противостоящего СССР и странам народной демократии.

С таким проектом выступил министр иностранных дел Эрнест Бевин 22 января 1948 г. в палате общин. Сделав ряд грубых выпадов против Советского Союза и стран народной демократии, он заявил: «Правительство стремилось к более тесной консолидации... Западной Европы как единого целого»¹. Бевин высказал мнение, что ядром такой «консолидации» должны стать Англия, Франция, страны Бенилюкса и некоторые другие западноевропейские государства, и выдвинул своего рода «идеологическое» обоснование: мол, западноевропейские государства принадлежат к одной и той же «цивилизации», имеют большое сходство с точки зрения политических систем, характера политической жизни и т. д. Это «обоснование» являлось в известной мере и саморазоблачением организаторов блока, поскольку они откровенно признавали, что блок капиталистических государств Европы будет направлен против социалистических европейских государств.

Бевин предложил, чтобы создание нового блока было осуществлено путем заключения, в дополнение к Дюнкерскому договору, аналогичных двусторонних договоров или одного многостороннего пакта между всеми упомянутыми государствами Западной Европы. При этом он высказал мнение, что в дальнейшем в «консолидированную Западную Европу» должна будет войти также Германия. Он сказал: «В этом новом решении Германия, как и другие европейские нации, должна найти свое место, но... она не должна идти впереди своих жертв»².

Идея Бевина о включении Германии в западный военный блок относилась, конечно, к Западной Германии, где антипотсдамский курс политики США и Англии, поддержанный Францией, в полной мере выявился уже к началу

¹ «Keesing's Contemporary Archives», 1948, p. 9063.

² Ibidem.

1948 г.¹ Заявление Бевина показывает, что уже в то время, на самых первых стадиях создания системы империалистических военных блоков, руководящие круги западных держав отводили возрождаемому ими германскому милитаризму одно из главных мест в этой системе.

Предложение английского правительства о создании блока государств Западной Европы было сразу же поддержано правительствами Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Правительства Скандинавских стран, наоборот, отнеслись к этой идее крайне сдержанно и не выразили желания принять участия в ее реализации². К Австрии, находившейся еще в условиях оккупационного режима, к Испании, правительство которой незадолго до этого было осуждено Организацией Объединенных Наций как фашистское, к Португалии, где также у власти находилось открыто фашистское правительство, к Италии, с которой был только-только подписан мирный договор, английское правительство в ту пору не нашло возможным обратиться с предложением об участии в планируемом блоке. Ввиду этого переговоры о создании такого блока, последовавшие за выступлением Бевина, велись между пятью государствами — Англией, Францией, Бельгией, Голландией и Люксембургом.

За кулисами переговоров пяти западноевропейских государств с самого начала весьма активно действовало правительство США. Уже 23 января 1948 г., на следующий день после выступления Бевина в палате общин с планом «консолидации Западной Европы», государственный департамент США опубликовал официальное сообщение о поддержке выдвинутого Бевином предложения.

Руководящие круги США исходили при этом из того, что главным в предложении Бевина была идея объединения западноевропейских государств, направленного против СССР и стран народной демократии. Хотя расчеты Англии на укрепление ее руководящей позиции в создаваемом блоке государств и не поддерживались правительством США, однако мало его бес-

¹ К началу 1948 г. в западных зонах оккупации Германии практически уже было сорвано выполнение потсдамских решений о демилитаризации, денацификации и о демократизации политической жизни, а также о декартелизации экономики и уничтожении агрессивных германских монополий. Американская и английская оккупационные зоны были слиты в сепаратное образование — Бизонию, наделенную некоторыми внешними признаками «государства», была достигнута договоренность о присоединении к Бизонии французской зоны оккупации. Все три западные зоны были включены в систему «плана Маршалла». С конца 1947 г. подготавливался созыв сепаратной конференции западных держав для одобрения курса на раскол Германии и превращение Западной Германии в основной плацдарм и базу антисоветской и антисоциалистической политики западных держав. 23 февраля — 6 марта 1948 г. такая конференция с участием представителей США, Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга состоялась в Лондоне. На ней были приняты решения, положившие конец какому бы то ни было сотрудничеству западных держав с СССР в германском вопросе, приведшие к разрушению четырехстороннего Контрольного совета для Германии и проложившие путь к созданию Федеративной Республики Германии, а затем и к ее ремилитаризации (см. «Правда о политике западных держав в германском вопросе», стр. 21—23).

² Датское и шведское правительства соответственно 30 января и 4 февраля 1948 г. прямо заявили, что они не примут участия в переговорах об осуществлении предложения Бевина. Норвежское правительство сделало такое же по смыслу, но более осторожное по форме заявление 7 февраля 1948 г. Вслед за тем, 8—10 февраля 1948 г., в Стокгольме состоялось совещание трех скандинавских премьеров — Хедтофта (Дания), Эрландера (Швеция) и Герхардсена (Норвегия), которые, обсудив создавшееся положение, ограничились тем, что высказались лишь за развитие традиционного экономического сотрудничества государств Северной Европы («Keesing's Contemporary Archives», 1948, p. 9117).

покоили. В Вашингтоне не сомневались, что в соответствующий момент США сумеют установить над создаваемым блоком свой собственный контроль.

В ходе переговоров о реализации предложения Бевина правительство США добивалось через их участников, чтобы новому блоку была придана такая форма, которая в наибольшей степени помогла бы использовать его в качестве орудия политики «с позиции силы» против социалистических государств. Именно в этих целях государственный секретарь США Джордж Маршалл еще на первой стадии переговоров «посоветовал» их участникам сделать прототипом для договора о создании нового блока не Дюнкеркский договор, а Межамериканский договор о взаимной обороне и в соответствии с этим включить в договор военные обязательства не на случай возобновления германской агрессии, а на случай возникновения «любой агрессии». Этот «совет» Маршалла был принят участниками переговоров.

Переговоры Англии, Франции и стран Бенилюкса о создании военного блока этих пяти государств были завершены подписанием 17 марта 1948 г. на конференции в Брюсселе договора об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и коллективной самообороне, или, как его обычно называют, Брюссельского договора о Западном союзе¹.

Для Брюссельского договора характерны как широта военных обязательств, взятых на себя участвующими странами в соответствии с «советом» Маршалла, так и автоматизм этих обязательств. Формальная ссылка в преамбуле договора на возможное возобновление Германией агрессивной политики по существу не меняла характера Западного союза. Речь шла о создании блока, направленного против Советского Союза и стран народной демократии. Именно этой цели и был подчинен весь механизм Брюссельского договора с намеченными предварительными консультациями его участников и с автоматизмом их военных обязательств. В этом же смысле надо понимать и то, что договор прямо и безоговорочно требует от всех участников немедленного предоставления «всякой военной и другой помощи и содействия» тому из них, кто оказался бы вовлеченным в военные действия.

Необходимо подчеркнуть, что такой высокой степени автоматизма военных обязательств, как в Брюссельском договоре, не предусматривается ни в каком другом многостороннем военном договоре западных держав — ни в заключенном раньше Межамериканском договоре о взаимной помощи, ни в подписанных позднее Североатлантическом договоре, пакте об «обороне» Юго-Восточной Азии, Багдадском пакте.

Заключение Брюссельского договора и создание на базе этого договора особой замкнутой военной группировки западноевропейских государств — Западного союза противоречило обязательствам Англии и Франции по отношению к СССР по двусторонним договорам о взаимной помощи. Это положение, конечно, не менялось от того, что в ст. 6 Брюссельского договора

¹ Текст договора см. в кн.: «Annuaire Européen», vol. I, La Haye, 1955, p. 207—212.

делалась неуклюжая попытка «примирить» обязательства Англии и Франции по их договорам о взаимной помощи с Советским Союзом с их обязательствами как государств — членов Западного союза, направленного против СССР.

Естественно, что заключение военного Брюссельского договора поставило перед Советским правительством вопрос о том, как быть дальше с советско-английским и советско-французским договорами о взаимной помощи. Советское правительство обратило внимание заинтересованных государств и мировой общестственности на явно немирлюбивые цели и опасные последствия заключения Брюссельского договора и создания Западного союза.

Еще перед подписанием Брюссельского договора Советское правительство в своей ноте правительствам США, Англии и Франции от 6 марта 1948 г. указывало, что английский план создания Западного союза, тесно связанный с «планом Маршалла», ведет к политическому расколу Европы¹.

Более развернутую оценку Западному союзу Советское правительство дало несколько позднее, в Заявлении МИД СССР о Североатлантическом пакте, опубликованном 29 января 1949 г.² В Заявлении с исчерпывающей ясностью было показано, что заключение Брюссельского договора и создание Западного союза свидетельствуют об отказе Англии, Франции и остальных участников этого договора от политического курса Ялтинской и Потсдамской конференций и о переходе этих стран «к новой, и притом весьма опасной для миролюбивых народов политике, преследующей цели их господства над другими народами Европы, вплоть до использования для этих целей вчерашнего агрессора, попавшего после окончания войны в зависимое от них положение».

В Заявлении подчеркивалось, что в отличие от антиагрессивных советско-английского и советско-французского договоров о взаимной помощи «военный союз пяти западных государств имеет в виду не столько Германию, сколько возможность использовать созданную ими группировку западных держав против тех государств, которые были их союзниками в годы второй мировой войны». Отмечалось также, что Брюссельский договор представляет собой сговор империалистов в целях подавления национально-освободительного движения в колониях.

Все дальнейшее развитие событий подтвердило обоснованность этой оценки Брюссельского договора Советским правительством.

Первые же практические шаги Западного союза показали, что это военная группировка, деятельность которой порождает угрозу миру в Европе.

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I, стр. 145—148.

² См. «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 46—52.

17 апреля 1948 г. в Париже была проведена первая сессия Консультативного совета Западного союза, предусмотренного ст. 7 Брюссельского договора в качестве главного политического органа этого блока¹. На сессии рассматривались главным образом организационные вопросы, которые, однако, имели по своему характеру ярко выраженную военную окраску. Так, важнейшим решением сессии явилось создание Комитета обороны Западного союза в составе военных министров участвующих стран. С этого началось формирование военного механизма Западного союза. На первой же сессии Комитета обороны в Лондоне 30 апреля 1948 г. военные министры Англии, Франции и стран Бенилюкса приступили к разработке общего стратегического плана Западного союза. Вторая сессия Консультативного совета Западного союза, проведенная 19—20 июля 1948 г. в Гааге, одобрила это направление деятельности Комитета обороны.

28 сентября 1948 г. вторая сессия Комитета обороны приняла решение о создании на постоянной основе «Оборонительной организации Западного союза» (Western Union Defence Organization — Uniforce), т. е. объединенного военного штаба пяти государств — участников Брюссельского договора с местопребыванием в Фонтенбло (Франция). Тогда же было решено назначить английского фельдмаршала Монтгомери на пост постоянного военного председателя Комитета начальников штабов Западного союза, французского генерала Делаттр де Тассиньи — на пост главнокомандующего сухопутными силами, английского вице-маршала авиации сэра Джеймса Робба — на пост главнокомандующего военно-воздушными силами и французского вице-адмирала Робера Жожара — на пост командующего военно-морскими силами Западного союза. Каждый из этих военных руководителей сформировал затем свой собственный штаб с различными отделами и подразделениями, укомплектованными офицерами участвующих стран (главным образом английскими и французскими). Военные учреждения Западного союза начали расти, как грибы после дождя.

Впервые в истории в условиях мирного времени, когда западноевропейским странам никто не угрожал, блок ряда стран создал объединенную агрессивную военную машину, само существование которой не могло не отравлять международную атмосферу.

Мероприятия объединенных военных органов Западного союза показывали, что руководящие круги этого блока развешивают непосредственную подготовку к войне. С этого времени Западная Европа начинает превращаться в военный лагерь. Создание в дальнейшем Североатлантического блока с участием и под руководством США придало деятельности западных держав в области военных приготовлений невиданные еще в условиях мирного времени масштабы.

5. США и Западный союз. Резолюция Ванденберга

Уже в первые месяцы после подписания Брюссельского договора стало очевидно, что Западный союз — лишь промежуточная ступень к созданию военного блока империалистических держав во главе с США². Ни один из участников Западного

¹ Сессии Консультативного совета Западного союза проводились всегда на уровне министров иностранных дел.

² См. гл. XIV.

союза (включая Англию) не располагал в то время собственным атомным оружием, никто из них не имел доступа к американскому атомному оружию, никто не обладал необходимыми собственными финансово-экономическими средствами для создания мощных вооруженных сил. Англия, претендуя на роль лидера Западного союза, не могла, таким образом, обеспечить решение его основных военных задач. Это могли сделать только Соединенные Штаты¹.

Со стороны партнеров Англии также не проявлялось желания признать ее военным и политическим лидером Западной Европы.

Правящие круги Франции и стран Бенилюкса предпочитали иметь непосредственно дело с США, как ведущей державой Запада, а не через посредничество Англии. Французский министр иностранных дел Жорж Бидо еще 4 марта 1948 г., в день открытия Брюссельской конференции, направил государственному секретарю США Маршаллу телеграмму, в которой писал: «Настал момент усилить сотрудничество в политической области и как можно скорее в военной области между Старым Светом и Новым Светом»². Иначе говоря, французское правительство выражало заинтересованность в быстрейшем переходе от военного блока, ограниченного рамками Западной Европы, к военному блоку более широкого масштаба с непосредственным участием США.

Однако английские руководящие круги не собирались легко отказаться от своих планов обеспечения для Англии роли лидера Западного союза, а следовательно, и Западной Европы. Наоборот, они рассчитывали использовать в своих целях заинтересованность американских монополий в общем укреплении империалистического военного лагеря и хотели заставить США «работать на Англию», оказывая Западному союзу военную помощь и предоставляя ему «атомную гарантию».

Именно эта мысль была заложена в послании Бевина, с которым он обратился в марте 1948 г. к государственному секретарю США Маршаллу. В этом послании излагалась просьба английского правительства «как можно скорее начать обсуждение вопроса о безопасности Североатлантического района». В дневнике министра обороны США Форрестала это обращение английского правительства характеризовалось, как «предложение министра иностранных дел Бевина в отношении «плана

¹ Само правительство США констатировало это впоследствии не без некоторого злорадства в адрес Англии. «Обязательства, принятые согласно этому пакту (имеется в виду Брюссельский договор. — *Авт.*), — говорилось в заявлении государственного департамента США «Строим мир», — существенно улучшают перспективы укрепления мощи и единства Западной Европы. Однако положения, касающиеся обороны, являются только частично эффективными... Причиной этого является то, что объединенные ресурсы стран, заключивших Брюссельский пакт, в настоящее время не могут обеспечить достаточных военных сил... Чтобы полностью реализовать потенциальные возможности пакта как инструмента мира (!), должна быть предоставлена помощь извне» («The New York Times», 15. I. 1949).

² *Z. Ismay. NATO. The First Five Years. 1949—1954. Paris, 1954, p. 8.*

атлантической безопасности», которая должна быть построена на основе Брюссельского пакта пяти держав»¹.

Правительство США вело свою игру. Меньше чем через месяц после подписания Брюссельского договора, 11 апреля 1948 г., состоялось первое совещание государственного секретаря Маршалла и его заместителя Ловетта с лидерами сената Ванденбергом и Коннэли для рассмотрения вопроса об «обороне Североатлантического района», в частности, в связи с упомянутыми выше обращениями Бидо и Бевина к правительству США за «гарантиями» и военной помощью для Западного союза. За первым таким совещанием последовали другие.

В итоге этих совещаний была выработана резолюция «О присоединении США к региональным и другим коллективным соглашениям», принятая сенатом США 11 июня 1948 г. и получившая в дальнейшем известность как «резолюция Ванденберга»².

Принятие «резолюции Ванденберга» фактически означало, что американские империалистические круги полностью порывали с традиционной политикой неучастия США в мирное время в каких-либо военных союзах вне Американского континента. Они шли на это, рассчитывая, что путем создания системы империалистических военных блоков будут обеспечены более благоприятные условия для проведения политики «с позиции силы» в отношении Советского Союза и других социалистических государств, для установления в конечном счете американского мирового господства.

«Резолюция Ванденберга» выдвигала как бы «программу-максимум» и «программу-минимум» руководящих кругов США в деле сколачивания системы империалистических военных блоков. «Программа-максимум», изложенная в пунктах I, V и VI резолюции, предусматривала превращение Организации Объединенных Наций в механизм, руководимый США. В этих целях в резолюции указывалось, что правительство США должно добиваться отмены в Совете Безопасности права вето, т. е. принципа единогласия великих держав, при принятии решений в связи с опасными для мира спорами и ситуациями и при приеме в ООН (пункт I), быстрее создания вооруженных сил ООН (первая часть пункта V) и, в случае необходимости, — соответствующего пересмотра Устава ООН (пункт VI). Нетрудно видеть, что означала бы на практике такая «реорганизация» ООН. Располагая в ООН механическим большинством, США могли бы использовать вооруженные силы ООН в качестве орудия агрессии против социалистических государств.

Американские руководящие круги отдавали себе, конечно, отчет, что осуществить такую программу в сложившихся исторических условиях весьма трудно. Поэтому они предусмотрели в «резолюции Ванденберга» также и программу, которую сам сенатор Ванденберг в своей речи в сенате 11 июня 1948 г. назвал «планом практического американского сотрудничества... в рамках ООН... но вне сферы действия вето»³. Ссылка на рамки Устава ООН здесь, конечно, несостоятельна, поскольку вся «резолюция Ванденберга» с начала и до конца противоречит Уставу ООН, зато признание о стремлении

¹ «The Forrestal Diaries», p. 422.

² «The Private Papers of Senator Vandenberg», p. 407—408.

³ «The Private Papers of Senator Vandenberg», p. 410.

США действовать «вне сферы вето» является в достаточной мере открытым.

Конечно, агрессивные военные блоки можно было сколачивать только в обход Устава ООН, в нарушение его важнейшего принципа — принципа единогласия великих держав при решении международных вопросов, порождающих угрозу миру и безопасности. Создание таких блоков и провозглашалось во II, III и IV пунктах «резолуции Ванденберга» целью правительства США. В пункте II говорилось о развитии «региональных и других коллективных соглашений об индивидуальной и коллективной самообороне», в пункте III — о «присоединении США конституционным путем к таким региональным и другим коллективным соглашениям», в пункте IV — о «его (правительства США. — Авт.) решимости использовать право на индивидуальную и коллективную самооборону». В этих формулировках, какими бы ни были они осторожными и взвешенными, явственно проступал план создания вне ООН, в обход Устава ООН, целой системы военных блоков и группировок, направленных против Советского Союза и стран народной демократии.

Важным практическим шагом в сколачивании военных блоков в Европе под эгидой США явилось вступление американского правительства 6 июля 1948 г. в секретные переговоры с государствами — членами Западного союза (Англией, Францией, Бельгией, Голландией и Люксембургом), а также Канадой о создании Североатлантического блока¹. Один из американских комментаторов «резолуции Ванденберга» отмечал в связи с этим: «Редко в нашей национальной истории из такого маленького яйца так быстро появлялся такой большой цыпленок»².

В середине 1948 г. правительство США фактически приступило к созданию Североатлантического союза — ядра всей системы империалистических военных блоков.

ГЛАВА XXV

СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ БЛОК — ГЛАВНОЕ ОРУДИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ И АГРЕССИИ

1. Накануне создания Североатлантического блока

В ходе вашингтонских переговоров между правительствами США, Канады и пяти государств — участников Западного союза были заложены военные, политические и организационные

¹ США были представлены на этих переговорах, которые велись в Вашингтоне, заместителем государственного секретаря Ловеттом, Канада — заместителем министра иностранных дел Л. Пирсоном, Англия, Франция, Бельгия и Голландия — своими послами, а Люксембург — своим посланником в Вашингтоне.

² «The Private Papers of Senator Vandenberg», p. 411.

основы главного империалистического военного блока — Североатлантического союза (НАТО), в рамках которого оказались объединенными все основные империалистические государства Америки и Европы.

Организаторы Североатлантического блока и не скрывали, что военные цели США при создании этого блока заключались прежде всего в намерении использовать Западную Европу в качестве главного военного плацдарма для подготовки войны против социалистических государств¹. Например, министр авиации в правительстве Трумэна Томас Финлеттер откровенно писал в своей книге «Сила и политика»: «Мы нуждаемся в базах на территориях стран — членов НАТО, чтобы обеспечить для нашей стратегической авиации возможность действовать»².

Конечно, военный союз США с западноевропейскими странами давал гораздо больше выгод Вашингтону, чем его партнерам, и, следовательно, сделка между ними не была равноправной. Поэтому заключение военного союза потребовало определенного нажима со стороны правительства США. Оно не преминуло использовать с этой целью экономическую зависимость, в которую к этому моменту уже попали через «план Маршалла» западноевропейские государства. Не случайно тот же Финлеттер писал в своей книге, что «НАТО никогда не могла бы родиться на свет, если бы сначала не появился план Маршалла»³.

Тем не менее военно-политическая сделка с США в рамках Североатлантического союза была продиктована и корыстными интересами правящих кругов западноевропейских государств. Она облегчала империалистической буржуазии западноевропейских государств развертывание наступления на демократическое движение в своих собственных странах и национально-освободительное движение в колониях.

¹ Идея «атлантического сообщества» вынашивалась в определенных кругах США начиная с 1943 г. Они были сформулированы, в частности, в книгах У. Липпмана (*W. Lippman. U. S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston, 1943; W. Lippman. U. S. War Aims. Boston, 1944*). У. Липпман уже тогда высказывал три основные идеи, которые легли в основу политической и военной концепции НАТО: 1) «Наша главная задача должна состоять в том, чтобы поддерживать европейский порядок против России, после того как Германия... прекратит свое существование как великая держава континентальной Европы» («*U. S. Foreign Policy*», р. 146). 2) «Судьба предредила центральное... положение Америки в западной цивилизации. Именно из этого вытекают и основные фатальные задачи Америки» («*U. S. War Aims*», р. 208); 3) «Ансамбль держав Старого Света по силе превосходит США. Это заставляет задуматься о необходимости коалиции с рядом стран Старого Света, о создании надежных союзов с этими государствами». Липпман оперировал выражением «атлантическое сообщество» как определенной, основанной на этих «идеях» концепцией.

² *Th. K. Finletter. Power and Policy. U. S. Foreign Policy and Military Power in the Hydrogen Age. New York, 1954, p. 37.*

³ *Ibid.*, p. 41.

Взаимная заинтересованность не исключала, конечно, наличия значительных разногласий в отношении условий вступления в НАТО. Эти разногласия шли по нескольким линиям.

Одним из наиболее спорных вопросов оказался в ходе переговоров вопрос о степени автоматизма военных обязательств США в отношении западноевропейских государств, т. е. о том, обязаны ли США, независимо от их желания, вступить в войну на стороне своих европейских союзников по НАТО или же они могут принять такое решение, которое сочтут необходимым в зависимости от обстоятельств.

С точки зрения европейских партнеров США это был важный вопрос. Ведь обязательства западноевропейских государств по договору носили столь широкий характер, что, по существу, накрепко привязывали эти государства к США в военном и политическом отношениях. Им важно было иметь уверенность хотя бы в том, что США не смогут вовлечь их страны в какую-либо внешнеполитическую или тем более военную авантюру, а затем отойти в сторону и оставить своих партнеров на произвол судьбы. Западные европейские участники переговоров поэтому добивались, чтобы взаимным военным обязательствам был придан максимально автоматический характер, который исключал бы возможность уклонения США от их выполнения.

В противоположность этому американское правительство вовсе не намеревалось мертвым узлом связывать США в военном и политическом отношениях с их европейскими партнерами.

При автоматическом характере союзных военных обязательств США могли бы также столкнуться с угрозой быть вовлеченными в войну в результате авантюристических действий любого из своих партнеров по Североатлантическому союзу, причем это могло бы произойти в условиях, когда правящие круги США не были бы готовы к войне.

Влиятельные группы американских «неоизоляционистов», возглавляемые сенатором Рафтом, также категорически возражали против какого-либо автоматизма в разрабатываемых союзных обязательствах США в отношении государств Западной Европы. Правительство Трумэна должно было в известной мере учитывать эту позицию «неоизоляционистских» кругов.

Если по вопросу о степени автоматизма союзных военных обязательств западноевропейские государства в ходе вашингтонских переговоров действовали в основном общим фронтом против США, поддержанных разве только Канадой, то в спорах по другим вопросам складывалась несколько иная расстановка сил. Целый комплекс разногласий возник между США и Англией, причем Франция и некоторые другие участники переговоров склонялись больше к позиции Вашингтона.

Разногласия между США и Англией касались главным образом двух вопросов: роли Западного союза в рамках Североатлантического блока и состава участников последнего.

Английское правительство в ходе переговоров о создании Североатлантического блока стремилось добиться таких решений, которые обеспечили бы превращение Западного союза под руководством Англии в одну из важнейших частей нового, более широкого военного блока. Как раз в этот период английское правительство приложило много усилий к максимальной активизации деятельности Западного союза.

В сентябре 1948 г. на сессии Комитета обороны был создан постоянный военный механизм Западного союза, назначены высшие военные руководители

союза во главе с фельдмаршалом Монтгомери. На той же сессии Комитета обороны, где были приняты эти решения, обсуждались так называемая «стратегическая доктрина» и план строительства вооруженных сил Западного союза.

25—26 октября 1948 г. третья сессия Консультативного совета Западного союза, заседавшая тогда в Париже, утвердила военные назначения, сделанные Комитетом обороны, и одобрила военную программу, разработанную этим комитетом. На этой же сессии обсуждался ход вашингтонских переговоров и было решено одобрить «идею заключения оборонительного договора для Северной Атлантики и очередные шаги, которые следует предпринять в этом направлении».

27—28 января 1949 г. на четвертой сессии Консультативного совета Западного союза в Лондоне происходил обмен мнениями по общим военным и внешнеполитическим вопросам, а также было принято решение о создании «Европейского совета».

14—15 марта 1949 г., когда переговоры о заключении Североатлантического договора уже подходили к концу, в Лондоне собралась еще одна сессия Консультативного совета Западного союза, на которой снова рассматривались военные программы и обсуждался ход переговоров о создании Североатлантического блока.

Тем самым имелось в виду создать впечатление, что Западный союз не только не хиреет и не отходит на задний план, а, наоборот, крепнет и играет все более важную роль в европейских делах.

Однако правительство США не собиралось поддерживать английскую линию на превращение Западного союза в основное ядро Североатлантического блока. Оно твердо и последовательно вело дело к прямому поглощению Западного союза и выдвиганию на первый план НАТО под эгидой США. И эта линия США в конце концов одержала верх.

Англии пришлось пойти на уступки США и в вопросе о составе участников НАТО. Первоначальная английская точка зрения сводилась к тому, что круг участников НАТО должен быть ограничен семью государствами, которые вели вашингтонские переговоры, т. е. США, Канадой, Англией, Францией, Бельгией, Голландией и Люксембургом.

Английские правящие круги считали, что любое расширение этого круга участников снижало бы в новом блоке роль Англии как сильной державы Западного союза. К тому же у Англии было больше шансов сохранить свое влияние в тех или иных странах Западной Европы в том случае, если бы они оставались вне Североатлантического союза, где они сразу же попали бы под военно-политический контроль США.

Однако правительство США было весьма заинтересовано в максимальном расширении состава участников НАТО. При более широком круге участников США, во-первых, получали дополнительные возможности для размещения в Европе американских военных баз; во-вторых, могли бы получить в свое распоряжение большие контингенты живой силы; в-третьих, расширяли сферу своего военно-политического контроля в Западной Европе; в-четвертых, могли использовать в своих интересах соперничество и борьбу западноевропейских государств за получение американской военной помощи.

Исходя из этих соображений, Вашингтон предложил привлечь к участию в Североатлантическом союзе кроме семи государств, между которыми уже велись переговоры по этому вопросу, также Италию, Швецию, Норвегию, Данию, Исландию, Грецию, Турцию, Португалию и Эйре. Англия выдвинула против этого возражения. Последовал упорный торг, в результате которого было в конце концов решено не ставить пока вопроса об участии в Североатлантическом союзе Греции и Турции, но принять меры к включению в него Италии, Скандинавских государств, Исландии, Португалии и Эйре, учитывая их особо

важное стратегическое значение. Окончательная договоренность об этом была достигнута в декабре 1948 г., после чего с указанными государствами были начаты переговоры по дипломатическим каналам.

Реакция со стороны государств, которые было решено привлечь к участию в НАТО, была различной.

Правительство Италии сразу же дало свое согласие, тем более что премьер-министр Альcide де Гаспери и министр иностранных дел Карло Сфорца еще в ноябре 1948 г. по собственной инициативе зондировали почву в отношении возможности включения Италии в формируемый блок. Итальянские правящие круги рассчитывали, что включение Италии в НАТО позволит им начать наступление на демократические силы страны и, кроме того, снова вернет ей хотя бы довоенное положение в ряду империалистических держав Запада¹.

Быстрый положительный ответ на «приглашение» принять участие в НАТО дало и правительство Португалии. Фашистский режим Салазара увидел в этом шанс на укрепление своего положения.

Иная реакция последовала со стороны правительства Эйре. Солидаризируясь с военными и политическими целями НАТО, правительство Эйре, однако, отказалось в него вступить, учитывая свой конфликт с Англией из-за Северной Ирландии. На это указывалось в официальном заявлении Макбрайда, министра иностранных дел Эйре, от 14 февраля 1949 г.

Из Скандинавских стран согласие на участие в НАТО сразу же дала Исландия. Норвегия, Дания и Швеция — с марта 1948 г. вели переговоры о создании так называемого «скандинавского оборонительного союза». В ходе их выявились существенные разногласия. Правительство Норвегии тяготело к военному «сотрудничеству» с западными державами, тогда как Швеция стремилась к созданию «скандинавского блока» на более или менее нейтралистской основе.

Швеция, как сообщил премьер-министр Эрландер в правительственном заявлении риксдагу от 9 февраля 1949 г., предлагала заключить 10-летний «оборонительный пакт» трех Скандинавских стран на условии, что участники, «заключив такой пакт, тем самым отказываются от права вступать в военные союзы с любыми другими державами»².

Такое предложение не встретило сочувствия со стороны организаторов НАТО. Как сообщил норвежский министр иностранных дел Ланге в стортинге 24 февраля 1949 г., правительства США и Англии дали ясно понять, что «независимый скандинавский оборонительный союз не может рассчитывать на какую-либо политическую или военную поддержку со стороны Запада».

Гораздо больше отвечала линии США установка правительств Норвегии и Дании. После третьей конференции премьер-министров Швеции, Норвегии и Дании 29—30 января 1949 г. в Осло переговоры о создании «скандинавского оборонительного союза» были прекращены.

Вслед за тем правительство Швеции объявило о своем намерении остаться на позициях неучастия в военных блоках, тогда как правительства Норвегии и Дании дали США согласие на вступление своих стран в НАТО. Особую ответственность взяло при этом на себя норвежское правительство, поскольку Норвегия была тогда единственным из государств — основателей НАТО, имеющим непосредственную границу с СССР. Советское правительство 5 февраля

¹ Решение итальянского правительства об участии Италии в НАТО находилось в прямом противоречии с мирным договором 1947 г. На это обстоятельство, равно как и на ответственность, которая ложилась на правительство Италии за нарушение мирного договора в результате присоединения к агрессивному Североатлантическому блоку, Советское правительство в ноте от 20 июля 1949 г. обратило внимание итальянского правительства.

² Эти вопросы обсуждались на совещаниях министров иностранных дел трех Скандинавских стран 8—9 сентября 1948 г. в Стокгольме и министров обороны этих стран 15 октября 1948 г. там же, на заседании «Скандинавского оборонительного комитета» 17 ноября 1948 г., на конференциях глав правительств Норвегии, Дании и Швеции 5—6 января 1949 г. в Карлстаде, 22—24 января 1949 г. в Кристианборге и 29—30 января 1949 г. в Осло.

1949 г. предложило заключить советско-норвежский пакт о ненападении¹. 3 марта 1949 г. норвежское правительство отклонило это предложение и приняло окончательное решение об участии Норвегии в Североатлантическом блоке,

К концу февраля — началу марта 1949 г. определились 12 государств, которые твердо стали на путь участия в НАТО. Это были США, Англия, Франция, Италия, Канада, Бельгия, Голландия, Люксембург, Норвегия, Дания, Исландия и Португалия.

В начале 1949 г. разработка проекта Североатлантического договора была закончена. 14 января 1949 г. государственный департамент США опубликовал, в порядке подготовки общественности к заключению этого договора, широковещательное заявление под демагогическим названием: «Строим мир. Коллективная безопасность в Североатлантическом районе»². Основная «аргументация» в защиту создания НАТО, изложенная в этом заявлении, повторялась затем во всех заявлениях руководящих государственных деятелей США и других западных держав и определила на целый ряд лет курс западной пропаганды.

В заявлении государственного департамента США «Строим мир» выдвигались четыре главных аргумента или довода в пользу создания Североатлантического блока.

Первый «довод» сводился к тому, что безопасности западных стран якобы угрожает «потенциальный агрессор», причем давалось понять, что под этим «агрессором» имеется в виду Советский Союз. Само собой разумеется, что при этом не приводилось и не могло приводиться каких-либо убедительных обоснований такого заведомо фальшивого довода.

Другой «аргумент» заключался в том, что западные державы, безопасности которых якобы угрожает Советский Союз, не могут рассчитывать на устранение этой угрозы через Организацию Объединенных Наций, поскольку Советский Союз будто бы парализует деятельность ООН при помощи методов «обструкции» (под этим имелось в виду использование Советским Союзом в Совете Безопасности ООН в ряде случаев правила единогласия постоянных членов).

Столь же фальшивыми были и остальные два «аргумента» в пользу создания НАТО: о том, что этот шаг западных держав предпринимался ими якобы в порядке поисков «дополнительных средств сохранения мира», и о том, будто Североатлантический договор не противоречит Уставу ООН.

Несостоятельность и фальшивый характер этих «аргументов» были подробно проанализированы и разоблачены в Заявлении Министерства иностранных дел СССР о Североатлантическом пакте, опубликованном 29 января 1949 г.³

В этом Заявлении указывалось, что «на деле Североатлантический пакт является наиболее далеко идущим выражением агрессивных стремлений узкой группы держав и, прежде всего, выражением стремлений правящих кругов Соединенных Штатов и Великобритании, которые хотят приспособить в той или

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 72—76.

² «The New York Times», 15. I. 1949.

³ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 46—71.

инной мере к осуществлению этих своих целей политику податливых или прямо зависимых от них правительств других государств». В Заявлении подчеркивалось, что Североатлантический союз создается не как инструмент обороны и укрепления безопасности, а как орудие «насилованного установления англо-американского мирового господства». Подготовка к заключению Североатлантического договора, как указывалось в Заявлении, была прямо связана с общим курсом США на создание всемирной системы американских военных баз и плацдармов и с сохранением американских войск на территории многих иностранных государств, причем не только бывших вражеских, но и являющихся членами ООН.

Оценку Североатлантического союза, данную в этом Заявлении, полностью поддерживали правительства народно-демократических государств Европы, для безопасности которых этот военный блок создавал серьезную угрозу.

Против сколачивания Североатлантического союза выступили передовые отряды международного рабочего движения — коммунистические партии всех стран. В конце февраля — начале марта 1949 г. коммунистические партии Франции, Италии, Англии, США, Бельгии, Голландии и ряда других стран заявили об осуждении опасного политического курса организаторов Североатлантического блока. Они подчеркнули, что рабочий класс и трудящиеся этих стран никогда не будут воевать против Советского Союза.

Коммунистические партии призывали народы своих стран к развертыванию массовой борьбы против заключения Североатлантического договора. Особенно напряженной эта борьба была в Италии, где коммунисты выступали вместе с социалистами, во Франции, а также в Дании, где против участия страны в НАТО наряду с коммунистами выступили также радикалы и часть депутатов от партии «Правовой союз».

Однако руководящие круги США и других западных держав отказались прислушаться к голосу прогрессивной общественности и пересмотреть свои планы создания НАТО. 18 марта 1949 г. был опубликован проект Североатлантического договора, а 4 апреля 1949 г. договор был подписан в Вашингтоне министрами иностранных дел 12 государств.

2. Североатлантический договор — орудие агрессивной политики империалистических кругов США

Североатлантическому договору была придана форма соглашения об «оборонительном» союзе¹. В преамбуле и всех статьях договора, касающихся военных обязательств участвующих госу-

¹ Текст договора см. в кн.: «A Decade of American Foreign Policy», Basic Documents 1941—1949, p. 1328—1330.

дарств, говорится исключительно об «обороне», «самообороне», мерах по «восстановлению и поддержанию безопасности», мерах против «вооруженного нападения» и т. д. Однако эта фразеологическая «оборонительная» оболочка Североатлантического договора свидетельствовала лишь о фарисействе его создателей. Предусмотренные этим договором реальные военные обязательства участвующих государств направлены на агрессивные цели.

Обязательствам, сформулированным в ст. 5 договора, был придан, как и в Межамериканском договоре о взаимной помощи и в Брюссельском договоре о Западном союзе, нарочито широкий характер. «Договаривающиеся стороны соглашаются, — говорится в этой статье, — что вооруженное нападение против одной или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение против всех них; и, как следствие этого, они соглашаются, что, если такое вооруженное нападение произойдет, каждая из них, в порядке осуществления права индивидуальной или коллективной самообороны, признанного ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций, будет помогать стороне или сторонам, подвергшимся такому нападению, путем немедленного принятия индивидуально и по соглашению с другими сторонами, такого действия, какое ей представляется необходимым, включая применение вооруженной силы, чтобы восстановить и поддержать безопасность района северной части Атлантического океана. Обо всяком таком вооруженном нападении и всех мерах, принятых в результате него, будет немедленно сообщено Совету Безопасности. Такие меры будут прекращены, когда Совет Безопасности примет меры, необходимые для восстановления и поддержания международного мира и безопасности».

Поскольку ни в то время, ни впоследствии никому из участников Североатлантического договора ни с чьей стороны не угрожала агрессия, очевидно, что широкий характер был придан военным обязательствам для того, чтобы их легче было использовать в соответствующий момент в целях развязывания агрессивной войны.

Это отметил американский сенатор Тафт, лидер тогдашнего «неоизоляционистского» крыла монополистической буржуазии США. Критикуя Североатлантический договор с «неоизоляционистских» позиций, он раскрыл всю глубину опасности, которая возникла для участников этого договора в связи с широким характером его военных обязательств. «Если один из участников пакта, — говорил Тафт, — спровоцирует нападение, даже при помощи действий, которые мы не одобряем, мы все же... будем обязаны выступить в его защиту»¹. В этих словах Тафта, по сути дела, был показан весь нехитрый механизм возможного использования «оборонительных» обязательств ст. 5 Североатлантического договора для развязывания агрессивной войны: любой участник договора, например США, может путем простой провокации представить дело так, будто на него напали, начать военные операции в порядке «самообороны», вовлечь в эти операции своих партнеров по договору и развязать, таким образом, мировую войну.

Тот же сенатор Тафт пришел к выводу, что Североатлантический договор, как он сказал в своей речи в сенате 11 июля 1949 г., «будет поощрять войну на земле, а не мир»². Тафт отмечал также, что если Советский Союз расценит

¹ «Congressional Record», vol. XCV, № 123, p. 9385.

² Ibid., p. 9383.

создание Североатлантическим блоком системы военных баз вокруг границ СССР как подготовку к нападению на него, то для этого у Советского Союза будут веские основания.

Весьма знаменательно, что в Североатлантический договор, в отличие от Дюнкерского пакта и даже Брюссельского договора, не было включено хотя бы простой ссылки на задачу предотвратить возрождение германской агрессии.

За год, прошедший со времени подписания Брюссельского договора, где такая ссылка все же содержалась, руководящие круги США и других западных держав еще дальше отошли от потсдамской политики в германском вопросе. Они стремились быстрее завершить раскол Германии и создание сепаратного западногерманского государства. 8 апреля было объявлено о введении в действие оккупационного статута для Западной Германии, а в мае 1949 г. военными губернаторами США, Англии и Франции была утверждена конституция Федеративной Республики Германии. В весьма ответственных кругах США, а также других западных держав в это время уже обсуждались вчерне планы ремилитаризации Западной Германии, вынашивалась мысль о включении возрожденного вермахта в НАТО в качестве основного ядра его вооруженных сил в Европе. В этих условиях правительства государств — основателей нового блока уже не могли даже в целях маскировки говорить о предотвращении возрождения германской агрессии. Однако тем самым еще больше разоблачался агрессивный характер Североатлантического договора.

Агрессивный характер Североатлантического договора виден также и из ст. 3, которая гласит: «Чтобы более эффективно осуществить цели настоящего договора, Договаривающиеся стороны, порознь и совместно, путем постоянной и эффективной самопомощи и взаимопомощи, будут поддерживать и развивать свою индивидуальную и коллективную способность сопротивляться вооруженному нападению». Если снять с этой статьи покровы маскировочной «оборонительной» терминологии, то обнаружится ее подлинный смысл как обязательства участвующих государств развернуть гонку вооружений.

Еще одним доказательством того, что Североатлантический союз создавался как орудие политики «с позиции силы», орудие агрессии, был сугубо замкнутый характер этого союза, вытекавший из ст. 10 Североатлантического договора. «Договаривающиеся стороны, — гласит эта статья, — могут по единогласному соглашению пригласить любое другое европейское государство, которое в состоянии проводить в жизнь принципы этого договора и содействовать безопасности района северной части Атлантического океана, присоединиться к этому договору».

Таким образом, заранее предусматривалось, что новые участники Североатлантического договора будут тщательно отбираться его первоначальными членами из числа европейских государств, готовых следовать их агрессивному курсу. причем для приема даже и таких государств потребуется единогласие всех участников договора. Даже в Западном союзе, также являвшемся с самого начала замкнутой группировкой, был установ-

лен несколько иной, более «либеральный» порядок приема новых членов¹.

Североатлантический договор, будучи направлен против Советского Союза, с самого начала находился в явном и вопиющем противоречии с советско-английским и советско-французским договорами о взаимной помощи, а равным образом — с Ялтинским и Потсдамским соглашениями, определявшими общий курс политики великих держав по основным вопросам установления и укрепления послевоенного мира.

Все это, вместе взятое, давало Советскому правительству полное основание заявить правительствам США, Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Канады в меморандуме от 31 марта 1949 г.: «Североатлантический договор не имеет ничего общего с целями самообороны государств — участников договора, которым никто не угрожает и на которые никто не собирается нападать. Наоборот, этот договор имеет явно агрессивный характер и направлен против СССР, чего не скрывают даже официальные представители государств — участников договора в своих публичных выступлениях». В меморандуме указывалось также, что «Североатлантический договор не только не содействует укреплению мира и международной безопасности, что является обязанностью всех членов Организации Объединенных Наций, но он находится в прямом противоречии с принципами и целями Устава ООН и ведет к подрыву Организации Объединенных Наций»².

НАТО создавалась не только как орудие политики «с позиции силы» в отношении социалистических государств, но и как блок колонизаторов против национально-освободительного движения и как союз монополистической буржуазии против демократического движения во всем мире.

Во-первых, членами НАТО стали колониальные державы — США, Англия, Франция, Бельгия, Голландия, Италия, Португалия. Американский сенатор Меллон заметил в то время, что «Североатлантический пакт, вне всякого сомнения, гарантирует неприкосновенность колониальной системы в Азии и Африке»³.

Во-вторых, Североатлантический договор был заключен в атмосфере разгула маккартизма и антикоммунистической истерии в США и активизации всех сил реакции в западноевропейских странах.

В-третьих, заключение Североатлантического договора сопровождалось развертыванием по всей Западной Европе наступления буржуазии на полити-

¹ Ст. 9 Брюссельского договора о Западном союзе гласит: «Высокие Договаривающиеся стороны могут по взаимному соглашению пригласить любое другое государство присоединиться к настоящему договору на условиях, которые должны быть согласованы между ними и приглашенным государством». Здесь предусматривалось по крайней мере, что государство, намеченное к приему в Западный союз, может вести переговоры об условиях своего участия в этой группировке. В текст Североатлантического договора не включена даже такая оговорка.

² «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год», стр. 89—94.

³ «American Journal of International Law», 1949, № 4, p. 65.

ческие и экономические завоевания трудящихся, добытые ими в тяжелой борьбе с фашизмом.

Заключение Североатлантического договора заложило фундамент системы военных блоков империализма. В дальнейшем эта система по мере создания других империалистических воен-

ных блоков (СЕАТО, СЕНТО, Западноевропейский союз) расширялась и захватывала в свою сферу все новые и новые районы, однако центральным ее ядром неизменно оставался и остается Североатлантический блок.

Заключение Североатлантического договора привело к резкому обострению напряженности в Европе и во всем мире, развертыванию гонки вооружений и обострению отношений между западными державами и социалистическими государствами.

Вместе с тем создание Североатлантического блока знаменовало закрепление расстановки сил внутри лагеря западных держав, сложившейся в первое послевоенное пятилетие. США еще больше укрепляли свое положение в качестве «лидера Запада». В то же время Англия и тем более Франция переходят на положение младших партнеров США. Такие же государства, как Италия, Бельгия, Норвегия и Дания, оказались в еще более зависимом положении от США. Известный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Сайрус Сульцбергер признавал: «Разве не глупо полагать, что у нас нет второразрядных союзников?.. Мы должны откровенно признаться в том, что у нас есть перворазрядные, второразрядные и третьеразрядные союзники»¹.

¹ C. L. Sulzberger. What's Wrong with U. S. Foreign Policy. New York, 1959, p. 142.

В самом тексте Североатлантического договора содержатся положения, ставящие, по сути дела, в неравное положение США и их европейских союзников.

Это относится прежде всего к ст. 5, в которой определяется степень автоматизма военных обязательств участвующих государств. Вопреки требованиям западноевропейских государств, США согласились лишь на такие формулировки этой статьи, которые сохраняли за США, по сути дела, свободу рук в выполнении их военных обязательств в отношении европейских участников договора.

Заключение Североатлантического договора привело к созданию на территориях его европейских участников целой системы американских или «совместных» военных баз, опорных пунктов и т. п., тогда как на территории США не предполагалось и не было создано каких-либо европейских или «совместных» военных баз. В этих условиях европейские участники НАТО попали в положение, при котором обязательства ст. 5 приобретали для них фактически автоматический характер: они, если бы и хотели, не смогли бы уклониться от их выполнения, тогда как для США такого положения не могло возникнуть.

Западноевропейские государства, ставя под военный контроль США свои территории, людские и материальные ресурсы и передавая в руки американских правящих кругов решение вопроса о вовлечении этих государств в войну, получали в обмен явно неполноценную американскую «гарантию».

На заведомо невыгодных для западноевропейских государств условиях решен в Североатлантическом договоре и вопрос об американской военной помощи. В ст. 3, касающейся этого вопроса, содержится положение о «взаимопомощи» в усилении вооружения, иначе говоря — обязательство США об оказании военной помощи своим европейским союзникам. Правительства Англии, Франции, Италии, Норвегии и других европейских стран, присоединившихся к НАТО, фактически соглашались с тем, что американская военная помощь будет предоставляться им лишь в том случае и в тех размерах, в каких их собственный вклад в гонку вооружений будет удовлетворять правительство США. Ст. 3 стала юридической основой для сильнеешего давления США на партнеров по НАТО, по вопросам гонки вооружений, подобно тому, как ст. 5 явилась юридической основой привилегированного положения США внутри этого союза.

Таким образом, Североатлантический договор, направленный против СССР, стран народной демократии, национально-освободительного и демократического движения во всем мире, в то же время стал с самого начала орудием установления военного и политического господства США в Западной Европе.

3. Разработка стратегических концепций НАТО. Первая программа американской военной помощи

Североатлантический договор вступил в силу 24 августа 1949 г. — через 4 месяца и 20 дней после его подписания. Советский Союз и миролюбивые люди всех стран выступали против этого опаснейшего для дела мира договора. В период борьбы по вопросу о ратификации Североатлантического договора в ряде стран Западной Европы — в Англии и Франции, в Италии, Бельгии и Голландии, в Норвегии и Дании — состоялись многотысячные митинги, демонстрации и забастовки протеста.

Наиболее значительное сопротивление ратификации Североатлантического договора было оказано в парламентах Франции и Италии и — что характерно — в сенате США¹.

Однако руководящие круги США и западноевропейских государств — участников НАТО, следуя курсу «холодной войны», навязали парламентам своих государств ратификацию этого договора.

Пока правительства западноевропейских стран проталкивали Североатлантический договор через свои парламенты, американские милитаристы начали подготовку к созданию военной машины НАТО².

17 сентября 1949 г. в Вашингтоне состоялась первая сессия Совета НАТО³. На этой сессии был конституирован в качестве главного органа НАТО Совет в составе министров иностранных дел всех участвующих стран. На протяжении всей последующей истории НАТО именно в Совете обсуждались основные вопросы общего политического курса блока, рассматривались перспективные военные планы и определялись конкретные направления деятельности всех других органов. Сессии Совета в то время решено было проводить не реже чем раз в год. Практически они стали собираться, как правило, по два раза в год, а в первое время существования НАТО созывались даже чаще (в некоторых случаях — на уровне послов).

На первой сессии Совета были созданы центральные военные органы НАТО: Комитет обороны в составе министров обороны всех участвующих стран, Военный комитет в составе начальников генеральных штабов этих стран и Постоянная группа Военного комитета в составе военных представителей США, Англии и Франции.

На Комитет обороны возлагалась подготовка рекомендаций по наращиванию вооруженных сил и вооружений и по стратегическому планированию.

Военному комитету была поручена военно-техническая разработка таких рекомендаций. На Постоянную группу Военного комитета была возложена задача «координировать и объединять планы обороны», составленные для отдельных районов сферы действия НАТО, и представлять проекты соответствующих рекомендаций Военному комитету для вынесения их на обсуждение Комитета обороны и Совета. Местопребывание Постоянной группы было установлено в Вашингтоне.

В дальнейшем центр тяжести всей работы по стратегическому планированию НАТО оказался сосредоточенным в Постоянной группе Военного комитета, где не представлены второстепенные члены блока. (Пентагон никогда не

¹ Что касается сената США, то здесь против ратификации Североатлантического договора выступила довольно компактная группа «неоизоляционистов». При голосовании по этому вопросу 21 июля 1949 г. за ратификацию высказались 82 сенатора (50 демократов и 32 республиканца), против — 13 сенаторов (11 республиканцев и 2 демократа).

² НАТО (North Atlantic Treaty Organization) — Организация Североатлантического договора.

³ Совет НАТО был создан в соответствии со ст. 9 Североатлантического договора. В ней указано, что страны — участницы договора «создают Совет, в котором будет представлена каждая из них, для рассмотрения вопросов, касающихся осуществления этого договора. Совет будет организован так, чтобы иметь возможность собираться быстро, в любое время».

собирался делиться с ними своими стратегическими планами). Военный комитет и даже Комитет обороны оказались при этом на положении органов, штампующих проекты решений, предварительно подготовленные американскими генералами при некоторых консультациях с англичанами и французами в рамках Постоянной группы. Уже тогда это вызывало недовольство более слабых членов НАТО, которых «старшие» партнеры не допускали в настоящую стратегическую «кухню»¹.

На первой сессии Совета НАТО были созданы также периферийные военные органы этого блока — так называемые «региональные плановые группы». Было решено создать пять таких групп: североευропейскую (Дания, Норвегия, Англия), западноевропейскую (Англия, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург), южноевропейскую — западнотерриториальную (Англия, Франция, Италия), североатлантическую (США, Англия, Франция, Канада, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Португалия, Исландия) и «региональную плановую группу» США и Канады.

На «региональные плановые группы» возлагалась подготовка материалов и проектов рекомендаций для Постоянной группы Военного комитета в том, что касается соответствующих районов сферы действия НАТО. По существу, это были зародыши будущих объединенных командований, однако каких-либо войск в их оперативное подчинение пока еще не было передано.

Участники первой сессии Совета НАТО договорились в принципе о создании Управления военной продукции и поставок и Комитета по вопросам обороны, финансов и экономики. Оба эти органа были окончательно организованы на второй сессии Совета 18 ноября 1949 г. в Вашингтоне.

На первой сессии Совета было провозглашено, а на второй сессии завершено создание Организации Североатлантического договора как совокупности всех военных и политических органов этого блока.

В то время большинство органов НАТО (кроме Постоянной группы и «региональных плановых групп») имели характер комитетов, созываемых на сессии один-два раза в год. Их военный и чиновничий персонал был сравнительно невелик. Однако в дальнейшем механизм НАТО неуклонно разрастался и постепенно переводился на постоянную основу.

На первых порах, пока механизм НАТО еще не окреп, английское правительство продолжало предпринимать попытки закрепить в НАТО особое положение Западного союза с его уже сложившимся военным аппаратом. На протяжении всего 1949 г. и значительной части 1950 г. проводились сессии различных органов Западного союза, объединенные маневры вооруженных сил его участников, а в рамках аппарата Западного союза продолжалась разработка военных программ.

17—18 июня 1949 г. в Люксембурге была проведена шестая сессия Консультативного совета Западного союза, на которой снова рассматривались военные планы этой группировки. 25 июня—3 июля 1949 г. в Англии были проведены военно-воздушные маневры с участием авиационных подразделений

¹ В более позднее время, когда все стратегическое планирование в Североатлантическом союзе начало перестраиваться применительно к особенностям ядерного оружия, значение Постоянной группы в известной мере ослабло, поскольку США и Англия как державы, располагающие ядерным оружием, стали проявлять тенденции к определению стратегии НАТО на двусторонней американско-английской основе, без участия Франции. Тогда и правительство Америки стало проявлять недовольство тем, что его отстраняют от решения главных вопросов стратегического планирования в Североатлантическом союзе.

ряда членов Западного союза, а также американской авиации, размещенной на английской территории. 4—7 июля 1949 г. состоялись военно-морские маневры Западного союза в Бискайском заливе и проливе Ла-Манш (в этих маневрах приняло участие свыше 100 английских, французских, голландских и бельгийских военных судов). 15 июля 1949 г. постоянный военный председатель комитета начальников штабов Западного союза фельдмаршал Монтгомери выступил с большой речью в Королевском нидерландском армейском обществе, причем главное место в его речи заняло прославление Западного союза. В тот же день в Люксембурге состоялось совещание министров обороны государств Западного союза, одобдившее, как было объявлено, «согласованный план оборонительных усилий пяти государств». 28 октября 1949 г. в районе Орлеана (Франция) были проведены авиационные маневры Западного союза. 7 ноября 1949 г. в Париже состоялась седьмая сессия Консультативного совета Западного союза. 21 декабря 1949 г. в Лондоне было подписано соглашение о статусе военного персонала государств Западного союза, размещенного на территориях друг друга. Наконец, 16—17 апреля 1950 г. в Брюсселе заседала еще одна, восьмая сессия Консультативного совета Западного союза.

Результаты всех этих мероприятий Западного союза в той мере, в какой они касались чисто военных вопросов (обучения и маневров войск, определения потребности в военном снабжении и т. д.), были в дальнейшем использованы органами НАТО. Что же касается стремления правительства Англии закрепить особое положение Западного союза внутри НАТО, то эти проекты окончательно потерпели провал.

Уже в коммюнике седьмой сессии Консультативного совета Западного союза (7 ноября 1949 г.) указывалось, что на сессии «был рассмотрен вопрос о применении для целей Североатлантического договора оборонительного механизма, созданного в соответствии с Брюссельским договором». А восьмая сессия Консультативного совета (16—17 апреля 1950 г.) прямо записала в своем коммюнике, что она занималась вопросом включения разработанных Западным союзом военных программ «в более широкие рамки НАТО».

В конце 1949 — начале 1950 г. Западный союз стал терять свое самостоятельное значение. Еще через год, когда практически встал вопрос о создании объединенных вооруженных сил НАТО, Западный союз окончательно погрузился в «спячку». Все его функции были переняты НАТО, и линия английского правительства на гальванизацию Западного союза окончательно потеряла всякий смысл. Правда, через несколько лет (в конце 1954 г.) Западный союз внезапно был снова «пробужден к жизни», но на этот раз для выполнения задачи, не имевшей ничего общего с прежними английскими планами. В этот период Западному союзу была отведена роль органа по осуществлению так называемого «контроля» за перевооружением Западной Германии в рамках НАТО, а фактически — по маскировке возрождения агрессивной военной машины германского империализма.

Наряду с созданием основ военно-политического механизма НАТО, первые месяцы после вступления в силу Североатлантического договора были использованы руководящими кругами государств этого блока для разработки его военной доктрины или основной стратегической концепции. Эта концепция была одобрена 1 декабря 1949 г. Комитетом обороны и утверждена 6 января 1950 г. Советом НАТО на его третьей сессии¹.

Как писал в 1954 г. лорд Исмей, один из виднейших деятелей НАТО², «стратегическая концепция, одобренная Североат-

¹ «Handbuch der NATO», Frankfurt/Main, 1957, S. 64, 376.

² Лорд Исмей, бывший в годы войны начальником личной военной канцелярии Черчилля, в 1952—1957 гг. занимал пост генерального секретаря НАТО.

лантическим советом в январе 1950 г., исходит из того, что главная задача вооруженных сил НАТО заключается в сдерживании агрессии. Только в том случае, если выполнение этой задачи окажется безуспешным, эти силы будут использованы против вооруженного нападения»¹. Внешне эта военная концепция, представлявшая собой стратегический эквивалент провозглашенной правительством США примерно в то же время доктрины «сдерживания международного коммунизма», выглядела как бы «оборонительной». Однако решающее значение имела не эта ее внешняя форма, а тот важнейший факт, что стратегическая концепция «сдерживания» прямо и недвусмысленно предусматривала проведение курса на быстрое наращивание вооруженных сил государств — членов НАТО.

Разумеется, когда Североатлантический договор еще только вступил в силу, военные бюджеты участников этого договора нельзя было сразу же увеличить в несколько раз. Показательно, однако, что уже в 1950 г. общая сумма военных бюджетов членов НАТО увеличилась с 18,7 млрд. долл. до 20,4 млрд. долл., т. е. почти на 10%, а в 1951 г. — до 42,2 млрд. долл., т. е. составила 206,8% уровня 1950 г.

Рост военных расходов в отдельных странах — членах НАТО в 1949—1951 гг.²

Страна	Валюта и ед. изм.	1949 г.	1950 г.	1951 г.
США	млн. долл.	13 580	14 559	33 398
Англия	млн. ф. ст.	779	849	1 149
Франция	млрд. франк.	479	559	881
Канада	млн. кан. долл.	372	495	1 220
Италия	млрд. лир	301	353	457
Бельгия	млн. бельг. франк.	7 653	8 256	13 387
Голландия	млн. флор.	680	901	1 060
Норвегия	млн. крон	370	357	572
Дания	млн. дат. крон	360	359	475
Португалия	млн. эскудо	1 419	1 516	1 553
Люксембург	млн. люкс. франк.	112	170	264
Исландия*				

* Исландия не имеет собственных вооруженных сил и, следовательно, военного бюджета.

Раздувание военных бюджетов, милитаризация экономики, формирование — в мирное время — новых воинских частей, производство новых видов оружия, разработка планов размещения военных баз — вот в чем уже в 1949—1950 гг. выразилась стратегическая концепция, принятая в НАТО.

¹ H. Z. Ismay. NATO. The First Five Years. 1949—1954, p. 101.

² Данные взяты из «Handbuch der NATO», S. 944.

Стратегическая концепция НАТО нашла свою конкретизацию в откровенно агрессивной военной доктрине «меча и щита», главные идеи которой были разработаны в органах НАТО уже в самом начале деятельности этого блока. Сущность доктрины «меча и щита» сводится к тому, что военный блок западных держав должен всегда иметь в состоянии боевой готовности, во-первых, «меч» в виде ядерных сил, предназначенных для стратегического удара по территории «эventуального противника», и, во-вторых, «щит» в виде сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил для ведения операций на европейском театре военных действий, имеющих целью подкрепить основной стратегический удар. При этом силы «меча» обеспечивают главным образом США, а силы «щита» — главным образом их европейские партнеры. Эта агрессивная доктрина и была положена в основу стратегического планирования НАТО.

Доктрина «меча и щита» закрепляла за партнерами США роль поставщиков «пушечного мяса» для европейского «щита» НАТО. Председатель объединенной группы начальников штабов США генерал Брэдли заявил 29 июля 1949 г. в комиссии палаты представителей по иностранным делам: «На обязанности Соединенных Штатов будут лежать стратегические бомбардировщики... Мы считаем, что основные наличные сухопутные силы поставит Европа»¹.

5 апреля 1949 г., на другой же день после подписания Североатлантического договора, правительства Англии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании и Люксембурга официально обратились к правительству США с просьбой о предоставлении военной помощи. Вашингтон вскоре дал в принципе положительный ответ. 21 апреля 1949 г. правительство Трумэна направило в конгресс США законопроект об ассигновании на военную помощь западноевропейским членам НАТО в течение года 1130 млн. долл. Этот законопроект предусматривал, что военная помощь будет оказываться главным образом в форме поставок американского оружия.

В течение нескольких последующих месяцев в комиссиях конгресса США подробно и придирчиво рассматривались одновременно и заявки государств — членов НАТО на военную помощь, и законопроект правительства Трумэна об оказании такой помощи. При этом конгрессмены, а также представители правительства даже не очень старались маскировать характер подготовляемой сделки. В цитированной уже речи в комиссии палаты представителей по иностранным делам от 29 июля генерал Брэдли, например, с цинизмом дал понять, что речь идет о прямой покупке европейских солдат. «Население европейских стран — участниц Атлантического пакта, — говорил этот гене-

¹ «Hearings Before the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives». July 28, 29, August 1, 2, 5, 8, 1949, p. 71.

рал, — насчитывает в общем свыше 150 млн. человек. Их солдаты, если им дать оружие, могут обеспечить основу любой наземной обороны Западной Европы»¹.

В ходе обсуждения законопроекта была принята поправка Ванденберга — Даллеса, смысл которой сводился к тому, что конгресс США простым большинством голосов обеих палат, равно как и президент США, могут в любой момент приостановить выполнение программ военной помощи, если та или иная страна — получатель помощи будет проводить политику, не угодную американцам.

6 октября законопроект об оказании военной помощи был подписан президентом Трумэном, став «Законом 1949 г. о взаимной помощи в обороне» (Mutual Defence Assistance Act of 1949). Сумма ассигнований в этом законе для европейских членов НАТО была установлена в 1 млрд. долл. — на 130 млн. долл. меньше, чем запрашивало правительство США².

27 января 1950 г. в Вашингтоне были подписаны двусторонние соглашения об американской военной помощи между США и 8 европейскими членами НАТО — Англией, Францией, Италией, Бельгией, Голландией, Норвегией, Данией и Люксембургом.

Подписание этих соглашений явилось началом нового этапа в развертывании странами НАТО гонки вооружений и в усилении международной напряженности. В то же время заключение соглашений об американской военной помощи, составленных в строгом соответствии с «Законом о взаимной помощи в обороне», ставило военную экономику и внешнюю политику западноевропейских государств — членов НАТО фактически под контроль США.

По условиям этих соглашений, государства — получатели американской военной помощи обязывались использовать поставляемое вооружение только в соответствии с задачами, определенными для них органами НАТО (ст. 2); никому не передавать и не продавать это оружие без ведома США, равно как и никому не сообщать о нем никакой информации (ст. 3 и 5); поставлять США на льготных условиях стратегическое сырье и полуфабрикаты (ст. 4); оплачивать административные расходы, связанные с доставкой оружия (ст. 7); допускать на свою территорию американские миссии для «наблюдения за прогрессом» в поставках вооружения и предоставлять этим миссиям все необходимые средства и информацию для выполнения их задач (ст. 9).

Таким образом, предоставляя своим партнерам по НАТО военную помощь, США создавали еще одну систему контроля за

¹ «Hearings Before the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives». July 28, 29, August 1, 2, 5, 8, 1949, p. 69.

² Кроме того, закон предусматривал ассигнование 211 млн. долл. на военную помощь Греции и Турции в соответствии с «доктриной Трумэна» (военная помощь им оказывалась с 1948 г.), 27,6 млн. долл. — на военную помощь Южной Кореи, Филиппинам и Ирану, 75 млн. долл. — на военную помощь чанкайшистам.

ними, параллельную системе «плана Маршалла». Вместе с тем это была система, в рамках которой осуществлялись гонка вооружений и превращение Западной Европы в главный плацдарм подготовки агрессивной войны против социалистических государств.

С созданием к началу 1950 г. военно-политического механизма НАТО и разработкой его основной стратегической доктрины завершился первый этап в политике сколачивания агрессивных военных блоков, начатой США и другими империалистическими государствами вскоре после окончания второй мировой войны. В последующие годы правящие круги империалистических держав настойчиво проводили курс на укрепление созданной системы и распространение ее на другие континенты и районы. Это вело ко все большему обострению международной напряженности и усилению «холодной войны».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 1945—1949 гг. И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

В послевоенные годы важным фактором международных отношений стали идеологическая борьба между двумя противоположными социально-экономическими системами, с одной стороны, идейная общность и связи между государствами с одинаковой классовой структурой — с другой.

Ф. Энгельс отмечал, что классовая борьба разворачивается в трех направлениях: экономическом, политическом и идеологическом. В. И. Ленин подчеркивал важность этого положения для дальнейшего исторического периода. Оно в полной мере сохраняет свою актуальность и в наше время. В условиях, когда на земном шаре одновременно существуют капиталистические и социалистические государства, сосуществуют две противоположные социально-экономические системы, все эти три направления классовой борьбы охватили сферу взаимоотношений между ними, стали в центре мировой политики.

Борьба за умы людей развернулась во всемирном масштабе. В ней играют важнейшую роль не только столкновения теорий, концепций, взглядов, присущих двум идеологиям, не только пропаганда, но и вся политика, вся деятельность социалистических и капиталистических государств.

Рост международного авторитета и влияния СССР, становление и успехи социалистического лагеря, обострение общего кризиса капитализма, крах колониализма, настоятельная необходимость предотвращения новой войны — все это резко усилило внимание народов к проблемам международной жизни, изменило в значительной мере самый характер идеологической борьбы в области мировой политики в послевоенные годы.

Уже в первое послевоенное пятилетие (1945—1949 гг.) выкристаллизовались основные проблемы международных отношений, по которым развернулась упорная идеологическая борьба между силами мира и войны, прогресса и реакции: ха-

рактер и итоги второй мировой войны, причины возникновения «холодной войны», изменение соотношения сил на мировой арене, основные принципы империалистической и социалистической внешней политики, воздействие новых разрушительных видов оружия на международные отношения и др.

Предотвращение военного столкновения социалистической и капиталистической систем, ограничение классовой борьбы между ними рамками мирного экономического соревнования, политической и идейной борьбы — практическая задача коммунистического движения, четко отраженная в его программных документах. Обеспечить победу идей силой убеждения, а не силой оружия — вот лозунг марксистов-ленинцев. «Чем больше побед одерживает мировая система социализма, чем глубже кризис мирового капитализма, чем больше обостряется классовая борьба, тем больше возрастает роль марксистско-ленинских идей в сплочении и мобилизации масс на борьбу за коммунизм. Идеологическая борьба — важнейшая составная часть классовой борьбы пролетариата»¹.

Международники-марксисты, подчеркивая значение идеологической борьбы на мировой арене, неизменно обращаются к сознанию широких народных масс, дают глубокий и всесторонний научный анализ международных событий и процессов, показывают роль народных масс в международных отношениях.

Справедливость и успехи дела мира и социализма в послевоенные годы оказывают колоссальное воздействие на миллионы людей, на прогрессивных деятелей капиталистических стран. В защиту принципов мирного сосуществования и политики нейтралитета выступают многие идеологи молодых государств, недавно ставших на путь самостоятельного развития. Даже в самом стане империализма нередко раздаются голоса, призывающие к реальной оценке современного международного положения.

Империалистические круги, будучи не в силах противопоставить передовой марксистско-ленинской идеологии какие бы то ни было положительные идеалы, отвечают на победы сил мира, демократии, национального освобождения и социализма разжиганием военной и антикоммунистической истерии, проповедью чужденненавистнических идей.

Буржуазная «политическая наука» в освещении и истолковании международных отношений всячески пытается подменить идеологическую борьбу понятием «психологической войны», затемнить сознание масс и воздействовать на подсознательные, прежде всего низменные, инстинкты людей. Тем самым буржуазные исследователи международных отношений извращают истинный смысл и содержание экономических и политических процессов.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 51.

Чем слабее становятся позиции сил реакции, агрессии и войны на мировой арене, тем «тотальнее» мобилизуются на их укрепление и защиту ресурсы империализма, в том числе и весь его идейный арсенал, вся его пропагандистская машина. Не надеясь отстоять свое существование на путях мирного экономического соревнования и идейной борьбы с новым социальным строем, капитализм все больше подчиняет свое идеологическое оружие военно-политическим целям. Наиболее реакционные и воинствующие идеи и теории получают наивысшее одобрение и поддержку подлинных хозяев капиталистического мира, становятся господствующей идеологией. Уже в первые послевоенные годы «психологическая война» стала неотъемлемым атрибутом империалистической «холодной войны», направлялась по руслу обоснования и оправдания политики «с позиции силы», «сдерживания» коммунизма и т. п.

«Империалистическая реакция, — отмечается в Программе Коммунистической партии Советского Союза, — мобилизует все средства идеологического воздействия на массы, пытаясь опорочить коммунизм и его благородные идеи, защитить капитализм. Главное идейно-политическое оружие империализма — *антикоммунизм*, основным содержанием которого является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма... Под этим черным знаменем объединились ныне все враги социального прогресса: финансовая олигархия и военщина, фашисты и реакционные клерикалы, колонизаторы и помещики, все идейные и политические пособники империалистической реакции. Антикоммунизм — отражение крайней степени деградации буржуазной идеологии»¹.

Итоги второй мировой войны и многие события 1945—1949 гг. оказались совершенно неожиданными для империалистических кругов и их идеологов. Они не пожелали признать их закономерность и сделать из них соответствующие выводы, стали на авантюристический путь извращения и отрицания основных процессов, происходящих на мировой арене. При этом особое внимание было уделено ими апологетике агрессивного послевоенного курса западных держав во главе с США, клевете по адресу внешней политики СССР и других социалистических стран, «теоретическому» обоснованию «политики силы», «неизбежности» войн и т. п.

Прямо или косвенно, открыто или тайно, путем подкупа или запугивания, через государственный аппарат или различные финансируемые «исследовательские центры» монополии ставят себе ныне на службу большинство буржуазных историков, экономистов, социологов, философов. Подчинение буржуазных ученых монополистическому капиталу сопровождается все более

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 51—52.

широким использованием «грязных методов» в идеологической борьбе с социализмом.

Основной тон в освещении на Западе важнейших вопросов международной жизни задают государственные деятели и политики империалистических держав, в первую очередь США, выдвигающие те или иные авантюристические лозунги, вроде «отбрасывания» коммунизма, буржуазные обозреватели и публицисты, раздувающие вокруг отдельных, произвольно выхваченных ими фактов или инсинуаций шумные пропагандистские кампании, крупнейшие бизнесмены и генералы, сводящие все явления международной жизни к единственно понятному для них языку доллара и оружия. Большинство буржуазных авторов, пишущих по вопросам внешней политики, не обобщают и не комментируют действительные процессы и события, а прибегают к случайным и субъективным оценкам, не просвещают народные массы, а помогают обманывать и дезинформировать их.

В этих условиях особое значение приобретают разоблачение основных концепций буржуазной историографии, показ механизма пропагандистской кухни современных апологетов империализма, анализ и развенчание многочисленных социальных «теорий», геополитических догм, исторических схем и параллелей, экономических «расчетов», которыми широко оперируют буржуазные авторы для извращения внешней политики социализма и восхваления империалистического внешнеполитического курса.

Борьба с реакционной буржуазной идеологией, с пропагандистами «холодной войны», со злостными фальсификаторами истории, с теми, кто клеветает на миролюбивую политику социализма, с апологетами внешней политики империализма является важнейшей задачей марксистско-ленинской науки в области международных отношений.

ГЛАВА XXVI

УСИЛЕНИЕ РОЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ПОСЛЕВОЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ. РАЗВЕРТЫВАНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ КРУГАМИ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ» ПРОТИВ СИЛ МИРА И СОЦИАЛИЗМА

1. Основные причины возрастания роли идеологической борьбы в международных отношениях

Международные отношения всегда представляли собой в той или иной мере арену идеологической борьбы. С одной стороны, она развертывалась внутри стран вокруг вопросов, связанных с выработкой внешнеполитического курса, причем правящие классы стремились навязать собственному народу свои взгляды,

концепции и мероприятия в области внешней политики. С другой стороны, средства идеологической борьбы использовались во внешних сношениях. Они применялись как для привлечения других государств в качестве союзников, обеспечения их нейтралитета, так и для ослабления силы сопротивления противника, подрыва его тыла, разложения войск.

Глубокие перемены произошли в международных отношениях после Великой Октябрьской социалистической революции и возникновения первого в истории социалистического государства. Эти перемены особенно углубились после второй мировой войны и образования мировой системы социализма, когда значительно расширились рамки идеологической борьбы.

Во-первых, идеологическая борьба на международной арене приняла характер столкновения не просто различных идей и концепций, а двух *противоположных* идеологий, мировоззрений двух классов, между которыми в нашу эпоху разворачивается основная борьба, — буржуазии и пролетариата.

Во-вторых, идеологическая борьба в области внешней политики теперь нацелена не столько на обеспечение поддержки или нейтралитета со стороны правящих классов другого государства, сколько на завоевание умов широчайших народных масс, привлечение их на свою сторону.

Перерастание идеологической борьбы в международных отношениях в прямое столкновение двух противоположных классовых идеологий обусловлено углублением общего кризиса капитализма, образованием мировой социалистической системы, расколом мира на два лагеря. Основным противоречием на международной арене становится в этот период противоречие между империализмом, стремящимся вернуть свое господство над миром, и социализмом, стремящимся не только отбить атаки империалистов, но и сохранить и упрочить мир во всем мире, добиться мирного урегулирования наиболее острых международных проблем, защитить свободу и независимость народов.

Разумеется, это не сняло других противоречий на международной арене: между империалистическими державами, между крупными империалистическими хищниками и более слабыми капиталистическими государствами, между метрополиями и колониями и т. д. Но тем не менее основным противоречием стало противоречие между империализмом и социализмом.

Это наложило глубокую печать на всю идеологическую борьбу на международной арене. Она превратилась, как говорится в Программе КПСС, в ожесточенное столкновение двух идеологий — коммунистической и буржуазной, — которое представляет собой «отражение в духовной жизни человечества исторического процесса перехода от капитализма к социализму»¹.

Новый характер приобрела идеологическая борьба в международных отношениях также по своим масштабам и своему значению. Она переросла рамки подсобного инструмента внешней политики, став неотъемлемой и существенной составной частью взаимоотношений двух мировых систем, ибо они в своей перво-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 51.

основе определяются *классовой борьбой*. А одна из основных форм, в которых эта борьба развертывается, — это борьба идеологическая.

Классовая борьба между двумя системами — объективный и непреложный факт, не зависящий от воли правительств, политических партий, государственных деятелей. Но вестись она может различными методами.

Империализм, как известно, избрал после второй мировой войны чрезвычайно острые формы и методы классовой борьбы, чреватые опасностью войны и направленные фактически на ее подготовку. Они получили наименование «холодной войны». Эти формы и методы, естественно, накладывают глубокий отпечаток и на идеологическую борьбу на международной арене. Империалисты избрали путь борьбы, который ведет к обострению международной напряженности, рождает дополнительную угрозу миру.

Социалистические страны с самого начала выступили против «холодной войны», считая, что отношения между капиталистическими и социалистическими государствами можно и нужно строить на основе принципов мирного сосуществования, предполагающих не только отказ от «горячей войны», но и оздоровление международной обстановки, налаживание добрососедских отношений, экономического и культурного сотрудничества. Выдвигая такую программу, социалистический лагерь, однако, никогда не тешил себя иллюзиями относительно того, что ее осуществление могло бы означать прекращение классовой борьбы двух систем на международной арене. Эта борьба отражает самые глубокие социальные процессы современности — процессы, связанные с переходом всего человечества от капитализма к социализму.

Требую отказа от методов идеологической борьбы на международной арене, присущих «холодной войне» (о них речь будет идти ниже), социалистические страны никогда не задавались целью положить конец самой этой борьбе. Она является закономерной чертой периода, когда еще не завершился переход всех народов на более высокий — социалистический этап общественного развития.

Эта особенность нашего времени сделала идеологическую борьбу одной из важных сторон международных отношений, а также во многом определила ее содержание.

Народные массы — новая сила во внешней политике. Марксизм, как известно, открыл в народных массах подлинных творцов истории, доказал, что именно они, миллионы простых людей, а не короли, не знаменитые полководцы и законодатели всегда были решающей силой общественного прогресса. Но на разных ступенях развития общества воздействие народных масс на ход событий было неодинаковым. В общем и целом оно на протяжении истории общества возрастало, но лишь после крушения угнетательского строя в результате социалистической революции могло сказаться с полной силой. Не одинаковой была и роль народных масс в различных областях жизни общества. В материальном производстве, например, они всегда были решающей силой. На развитие духовной культуры, наоборот, народные массы, с тех пор как умственный труд отделился от физического, могли оказывать только косвенное влияние. Что касается политики, то здесь роль народных масс, как правило, была особенно велика в переломные периоды, в частности в ходе социальных революций, а также во время войн, требовавших участия больших армий. В «мирные» же периоды эволюцион-

ного развития эксплуататорского общества народные массы могли воздействовать на политику лишь косвенно — своей классовой борьбой, сопротивлением господствующим классам. Ясно, что в такие периоды сила влияния масс на политику эксплуататорского государства зависела от их организованности, сознательности, боеспособности и не могла быть определяющей — иначе угнетательский строй не продержался бы и одного дня.

Особенно это относится к внешней политике. Она долгое время оставалась заповедным полем деятельности профессиональных политиков и дипломатов, куда простому человеку, трудящимся доступ был заказан. Не потому, разумеется, что вопросы внешней политики не затрагивали интересов широких народных масс. Наоборот, внешняя политика всегда велась господствующими классами в ущерб трудящимся, оплачивалась ценой их крови и лишений. Но именно поэтому эксплуататорские классы всегда усердно ограждали эту сферу своей деятельности, окружая ее глубокой тайной, обманывая народ, всячески скрывая движущие силы внешней политики и подлинные причины войн. Как указывал В. И. Ленин, «самые важные вопросы: война, мир, дипломатические вопросы решаются ничтожной горсткой капиталистов, которые обманывают не только массы, но даже часто обманывают и парламент»¹.

В эпоху общего кризиса капитализма, когда процесс перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе еще не завершился, международные отношения представляют собой чрезвычайно сложную картину. В ней перекрещиваются, борются и взаимодействуют элементы как старого, так и нового, как капитализма и порождаемых им международных отношений, так и социализма и новых, социалистических отношений между народами. При этом роль народных масс во внешней политике невиданно возрастает, что объясняется прежде всего следующими обстоятельствами:

Во-первых, на исторической арене появилась социалистическая внешняя политика, от начала и до конца отражающая интересы трудящихся, волю широчайших народных масс, причем не только социалистических стран, но и всего мира.

Во-вторых, развернулся бурный процесс пробуждения к самостоятельной государственной и политической жизни народов Азии, Африки, Латинской Америки — подавляющего большинства человечества, еще недавно представлявшего собой лишь объект внешней политики империалистических хищников. В молодых национальных государствах не везде складываются социальные условия, позволяющие массам трудящихся играть активную политическую роль. Тем не менее, как показал опыт, внешняя политика многих из этих государств формируется с

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 30, стр. 454.

известным учетом стремления масс к миру, национальной независимости, налаживанию дружественных отношений со странами социалистического лагеря.

В-третьих, в самих империалистических государствах в эпоху общего кризиса капитализма, и особенно после второй мировой войны, несмотря на все большее сосредоточение власти в руках монополий, активность народных масс усиливается, их давление на внешнюю политику возрастает.

Ход событий на международной арене, как известно, во многом зависит от того, насколько действенное влияние оказывают трудящиеся на внешнюю политику в странах, откуда исходит угроза миру и независимости народов.

Если в условиях капитализма единственный путь воздействия на внешнюю политику, открытый народным массам, — путь борьбы, то чем активнее эта борьба, тем сильнее и такое воздействие. Но от чего же зависит действенность и активность борьбы народных масс за тот или иной внешнеполитический курс? В первую очередь от их *реальной силы*. А она в эпоху общего кризиса капитализма, особенно на втором и третьем этапах этого кризиса, в огромной степени возросла. Это произошло, с одной стороны, в связи с ростом организованности и боеспособности рабочего класса, всех трудящихся капиталистических стран, укреплением влияния марксистско-ленинских партий, а с другой стороны, в связи с тем, что на международной арене трудящиеся капиталистических стран приобрели теперь могучего союзника в лице социалистического лагеря.

Активность борьбы народных масс капиталистических стран за внешнеполитические требования зависит от их *заинтересованности* в решении тех или иных внешнеполитических вопросов. Ясно, что, даже обладая большой силой сопротивления угнетателям, трудящиеся массы пускают ее в ход прежде всего в борьбе вокруг таких вопросов, которые действительно затрагивают их коренные интересы. Есть здесь и второй момент: чтобы вступить в борьбу, массы должны не только быть заинтересованы в решении того или иного внешнеполитического вопроса, но и *осознавать* этот свой интерес. Не раз в прошлом бывало, что трудящиеся оставались пассивными именно по той причине, что не сознавали значения или последствий тех или иных внешнеполитических действий буржуазных правительств.

В отношении обоих этих решающих моментов — фактической заинтересованности народных масс во внешней политике и осознания ими своих внешнеполитических интересов — эпоха общего кризиса капитализма, и особенно послевоенный период новейшей истории, принесла чрезвычайно важные изменения, связанные прежде всего с новыми формами и средствами ведения войны (в частности, с появлением ядерно-ракетного оружия), а также с подлинно открытой дипломатией, рожденной социалистической внешней политикой.

Из всех вопросов внешней политики особенно сильно и непосредственно задевала жизненные интересы широких народных масс война. Пробуждение внимания трудящихся к внешней политике прежде всего так или иначе связано с войной. Как правило, во время и после больших войн вопросы международных отношений почти неизменно оказывались в центре внимания широкой общественности. Особенно это относится ко второй мировой войне — самой истребительной и разрушительной из всех, которые знала история, войне, непосредственно коснувшейся почти всех народов нашей планеты. Неудивительно, что после 1945 года такие проблемы, как реорганизация международных отношений, создание гарантий против новых войн, поиски новых путей урегулирования внешнеполитических вопросов, стали проблемами, глубоко интересующими подавляющее большинство человечества. Миллионы людей прониклись решимостью во что бы то ни стало предотвратить новые бедствия.

Этот живой интерес широких масс к внешней политике не угасал с годами, как это случилось после первой мировой войны, когда империалистам в значительной мере удалось усыпить бдительность народов, их волю к действиям. Произошло это не только потому, что раны, нанесенные второй мировой войной, было труднее залечить и что трудящиеся приобрели неизмеримо больший политический опыт. Огромное значение имело и то, что конец второй мировой войны был ознаменован изобретением и применением на практике ядерного оружия, которое внесло глубокие изменения как в формы и методы вооруженной борьбы, так и в международные отношения.

Ф. Энгельс, анализируя прогресс военной техники, дает в «Анти-Дюринге» чрезвычайно важное методологическое указание: «Распространение огнестрельного оружия повлияло революционизирующим образом не только на самое ведение войны, но и на политические отношения господства и угнетения»¹. Это указание позволяет с позиций подлинной науки подойти к оценке влияния ядерного и ракетного оружия на ход событий.

Есть принципиальная разница между взглядами марксистов-ленинцев и тех буржуазных социологов, которые ищут в технике, в том числе и военной, ключ к объяснению всех социальных и политических явлений. Буржуазные социологи устанавливают между техникой и политикой *непосредственную* связь, игнорируя ту определяющую роль, которую всегда играют отношения между классами. В противоположность этому марксистско-ленинская наука рассматривает политические последствия новой техники в *сочетании* с теми переменами, которые она вносит в положение тех или иных классов, в отношения между ними.

Милитаризм, порожденный отношениями буржуазного общества, политикой господствующей буржуазии, превратился в

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1957, стр. 156.

социальное явление, которое приобрело относительную самостоятельность и, как подчеркивает Энгельс, свою диалектику развития. «Армия, — пишет Энгельс, — стала главной целью государства, она стала самоцелью; народы существуют только для того, чтобы поставлять и кормить солдат. Militarизм господствует над Европой и пожирает ее. Но этот милитаризм таит в себе зародыш собственной гибели».

Энгельс отмечает, в частности, что соперничество государств заставляет их «все серьезнее применять всеобщую воинскую повинность и тем самым обучать в конце концов весь народ владеть оружием, так что последний приобретает возможность в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству. И этот момент наступит, как только народная масса — деревенские и городские рабские, а также крестьяне — *будет иметь* свою волю. На этой ступени войско монарха превращается в народное войско, машина отказывается служить, и милитаризм погибает в силу собственного диалектического развития»¹.

Сбывается ли это предвидение Энгельса? И какое значение имеет в этой связи появление новых видов оружия?

Переход в конце XIX века к многомиллионным массовым армиям неизбежно усугубил разрушительный характер войны. За внешнеполитические авантюры правящих классов народам приходилось расплачиваться все более тяжелой ценой — кровью и материальными лишениями. Это не могло не усиливать классовую ненависть трудящихся к угнетателям — зачинщикам новых войн. Кроме того, война с участием массовых армий, постепенно превращаясь в «тотальную войну», в определенных условиях вела к ослаблению политической власти капитала, к ее дезорганизации.

Значение этих факторов трудно переоценить. Они усиливают противоречия капиталистического общества, стимулируют революционные выступления рабочего класса и всех трудящихся, толкают народные массы на борьбу против порождающего милитаризм буржуазного строя.

Теоретический вывод Ф. Энгельса относительно судеб милитаризма, сделанный в конце прошлого века, теперь полностью подтвержден историческим опытом. Все крупные войны, затеянные за последние сто лет агрессивной буржуазией, сопровождались мощными революционными выступлениями трудящихся масс, возглавляемых рабочим классом. Франко-прусская война 1870—1871 гг. имела одним из своих последствий Парижскую коммуну. Русско-японская война ускорила революцию 1905—1907 гг. Первая мировая война завершилась демократическими и социалистическими революциями в ряде стран и прежде всего Великой Октябрьской социалистической революцией в России. После второй мировой войны в результате народно-демократических революций ряд стран Европы и Азии вступил на путь социализма.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 159—160.

Совершенно очевидна определенная закономерность: в условиях обострения классовых антагонизмов буржуазного общества войны с участием массовых армий в возрастающем числе стран оканчиваются революциями, все чаще ведущими к гибели милитаризма и породившей его социальной системы. Это, конечно, не значит, что причиной социалистических революций служат войны. Но войны последнего столетия, которые велись массовыми армиями, стимулировали процессы, порождающие революцию, ускоряли их, по-своему способствовали их победе.

Империалистические политики, военные деятели и теоретики давно поняли, какие опасности таит в себе для них массовая армия. Уже после первой мировой войны одним из главных направлений развития буржуазной военной теории стали поиски путей замены массовых армий механизмами, обслуживаемыми немногочисленными профессиональными войсками. Можно сослаться хотя бы на доктрины «воздушной войны» итальянца Дуэ и американца Митчелла или на теории «танковой войны» Фуллера (Англия) и Гудериана (Германия).

Вторая мировая война убедительно показала, что насыщение армий самолетами, танками и другими механизмами не избавляет буржуазию от вооружения народа, а, напротив, усиливает те факторы, которые делают массовую армию нежелательной для империалистов. Но вот в августе 1945 г. впервые была применена атомная бомба. На протяжении последующих лет ядерное оружие становится все более мощным и появляются новые, все более совершенные способы его доставки к цели — вначале реактивные самолеты, потом ракеты.

Быть может, это и есть то оружие, о котором столько лет мечтали реакционные политики и генералы? Быть может, это и есть «кнопочная война», которая позволит империалистам уйти от справедливого суда народов? Известно, что кое-кто из политических и военных деятелей Запада отдал дань таким иллюзиям. Но отрезвление наступило очень скоро. И не только потому, что сами империалистические заправилы уже через несколько лет пришли к выводу, что массовая армия все же остается необходимой — особенно, если хочешь захватывать и удерживать чужую территорию. Главное заключается в социальных и политических последствиях изобретения и развития оружия массового уничтожения — последствиях, неизбежно толкающих милитаризм еще дальше по пути к гибели.

Оружие массового уничтожения было создано для войны. И в сравнении со старыми, «традиционными» видами оружия оно, несомненно, давало агрессору определенные преимущества. Но оружие массового уничтожения имело и иные стороны. Одна из них заключается в том, что вопросы войны и мира — а это центральные вопросы внешней политики — как никогда в истории, стали близки самым широким массам трудящихся. Угроза применения оружия массового уничтожения пробудила в огромных массах людей глубочайшую заинтересованность в вопросах внешней политики. Более того, эта угроза, порожденная империализмом, превратилась в один из главных источников классовой ненависти трудящихся к капиталистическому строю, в фактор, способствующий подводу масс к антиимпериалистической и социалистической революции. Это намного увеличило ряды борцов против милитаризма, сделав жизненной необходимостью его ликвидации не после, а до того как он совершит новое преступление, развязав войну.

Такой подход в корне отличает коммунистов от приверженцев буржуазной теории «равновесия страха». Последние считают, что ядерное оружие, создаваемая им угроза физическому существованию целых народов, автоматически гарантируют мир. На деле мир в условиях «равновесия страха», т. е. продолжающейся гонки вооружений, — это крайне непрочный мир, который может нарушить любая случайность или ошибка. К тому же это не только ненадежный, но и плохой мир, неимоверно дорого стоящий народам. Ведь в условиях такого мира сохраняется международная напряженность, делающая его непрочным, продолжается расходование фантастических сумм на вооружение, сохраняется милитаризм — эта питательная почва всякой реакции и мракобесия.

Ядерное оружие само по себе, таким образом, не гарантирует мира. Но оно делает настоящим требованием эпохи борьбу самых широких народных масс за ограничение, а затем и ликвидацию милитаризма, за разоружение, за перестройку международных отношений, с тем чтобы в них господствовали не законы кулачного права, насаждаемые империализмом, а нормы общения, достойные цивилизованного человечества. В этой борьбе многого можно добиться еще до того, как капитализм сойдет с исторической арены — в частности можно не допустить новой войны. О возможности такой перспективы, о том, что ей будет на свой лад способствовать само новое разрушительное оружие, говорил еще В. И. Ленин, предвидевший, по свидетельству Н. К. Крупской, что «будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной».

В борьбе против угрозы войны огромную роль играет *открытая дипломатия социалистических стран*.

Эксплуататорские господствующие классы всегда окружали внешнеполитические акты покровом глубокой тайны, особенно усердно фальсифицировали движущие пружины и подлинные цели своей внешней политики. В. И. Ленин сравнивал буржуазную дипломатию с лабиринтом, искусственно создаваемым и запутываемым «людьми, классами, партиями и группами, любящими или вынужденными в мутной воде ловить рыбу»¹. В последние десятилетия, и особенно после второй мировой войны, возможности эксплуататорских классов в этом отношении резко уменьшились.

Это историческое изменение связано с возникновением принципиально новой — социалистической внешней политики, с огромным ростом ее влияния и авторитета. Советское государство с первых же дней своего существования провозгласило открытую дипломатию. Речь идет не только о том, что социалистическим государствам не приходится скрывать свои внешнеполитические цели от народов, но и о сознательном использовании дипломатии для того, чтобы сорвать покров тайны с внешней политики, помочь рабочему классу и всем трудящимся разобраться в ее хитросплетениях, осознать свои подлинные интересы, чтобы научить народные массы оказывать эффективное сопротивление авантюрам империалистов.

Формулируя принципиальные установки социалистической дипломатии, В. И. Ленин говорил на следующий же день после Октябрьской революции: «Мы не хотим тайны. Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны»².

Претворяя в жизнь этот принцип, Советское правительство в своем первом внешнеполитическом акте записало: «Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров...» Опубликование тайных договоров

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 27, стр. 329—330.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 26, стр. 222.

вскрыло грязную подоплеку первой мировой войны, которую буржуазия всех стран изображала справедливой, оборонительной. Этот шаг Советского правительства в огромной степени стимулировал рост антивоенных настроений и сыграл огромную роль в борьбе против войны.

Ленинская идея об ориентации внешней политики первого социалистического государства на трудящиеся массы всех стран, о необходимости помочь им активно вмешаться в международные дела легла в основу деятельности советской дипломатии. Вся последующая история подтвердила важность и правильность этой ленинской идеи.

Происшедшие изменения дали себя знать уже в том, что вторая мировая война началась в совершенно новой обстановке, когда мировое общественное мнение в значительной степени было мобилизовано против фашистских агрессоров. Это явилось одной из важных причин, по которым развязанная империалистами война по мере своего развертывания приобретала освободительный характер. Это было вместе с тем одним из главных факторов, позволивших сплотить против гитлеровских варваров могучую антифашистскую коалицию. Это, наконец, в большой степени повлияло и на весь ход послевоенного развития, помешав империалистам закончить войну просто очередным переделом мира, способствовал победе тех прогрессивных, освободительных тенденций, которые преобразили лицо нашей планеты.

В послевоенные годы социализм оказался представленным на международной арене уже целым рядом государств. Их дипломатия — могучее средство просвещения народных масс всего мира, мобилизации народов на борьбу против внешнеполитических авантюр империалистов. Это пришлось не по вкусу буржуазным политическим деятелям и дипломатам. Они любят упрекать представителей социалистических стран в том, что вместо «дела» те занимаются на дипломатических конференциях, в ООН и других международных организациях «коммунистической пропагандой». Действительно, коммунисты нигде, в том числе и на международных форумах, не изменяют своим принципам, считают презренным делом скрывать свои взгляды, не идут на сделку с совестью. Но разве есть основания противопоставлять такую позицию «делу»? Нет, разумеется, если только под делом разумеется не закулисный сговор, совершаемый за счет народов, а подлинную борьбу за интересы трудящихся, за мир и прогресс. Помогая народам разобраться в международных отношениях, разоблачая врагов мира и их интриги, социалистическая открытая дипломатия как раз вносит в это дело огромный вклад.

В условиях общего кризиса капитализма идеологическая борьба стала важной составной частью внешней политики. Более того, дипломатия и внешняя политика стали все чаще и все больше обслуживать идеологическую борьбу. Это признают и буржуазные исследователи, как бы им ни хотелось вернуться к временам келейной, тайной дипломатии и политики. «В дипломатии, — пишет, например, Страус-Хюпе, — задача заключается уже не в том, чтобы предвидеть очередной шаг противника, а в том, чтобы предвидеть, какое влияние окажет тот или иной шаг на психологию масс как своей собственной страны, так и страны противника».

Эти реальности нашей эпохи были после второй мировой войны довольно быстро осознаны многими представителями господствующей буржуазии империалистических стран. Они все громче и громче начали говорить об «идеологизации», об «эмоционализации» внешней политики.

Хотя поначалу некоторые исследователи и особенно политические деятели питали известные иллюзии относительно того, что стоит лишь серьезно взяться за дело и всемирная борьба за умы людей будет выиграна Западом, в большинстве своем эти авторы вскоре начали оценивать перспективы такой борьбы довольно скептически. А кое-кто усматривает даже в изменившемся характере

международных отношений, все в большей мере включающих идеологическую борьбу, весьма серьезную угрозу для США и других стран империализма.

Хаддлстон¹, например, говоря о возросшей роли народных масс и идеологической борьбы во внешней политике, заявлял, что эта перемена опасней атомной бомбы и, «вполне возможно, явится как раз тем методом, с помощью которого биологический вид, известный под именем *«homo sapiens»*, совершит расовое самоубийство и будет устранен от своего руководящего положения».

У. Липпман в своей книге «Общественная философия» избегает таких броских сравнений. Но суть от этого не меняется — возросшую роль общественного мнения в политике, в частности и в особенности во внешней политике, он считает источником самых серьезных политических бед и осложнений для капитализма. С тревогой указывая, что «мнение масс приобретает в наш век растущую власть», что «оно проявило себя опасной силой, определяющей решения, от которых зависит жизнь или смерть», он пишет, что корни этих новых явлений — в «якобинской традиции» покушения масс на прерогативы избранных руководителей.

Недовольство буржуазных теоретиков ростом влияния масс на внешнюю политику имеет под собой самые серьезные основания. Чем больше влияние народных масс на международные отношения, тем труднее империалистам проводить угодный им внешнеполитический курс. Сдвиги, происшедшие в этой области, идут на пользу социализму и в ущерб империализму. Это понятно, ибо у капитализма и социализма противоположные источники силы. Для капитализма сила, указывал В. И. Ленин, — это такое положение, «когда массы идут слепо на бойню...» «Наше понятие о силе иное. По нашему представлению, государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»².

2. «Психологическая война», ее аппарат и основные направления

Среди деятелей империализма было немало таких, которые, столкнувшись после второй мировой войны с новыми явлениями международной жизни, упорно не хотели с ними мириться, питали иллюзии, будто возросшее влияние масс на внешнюю политику — «случайность», «аномалия», вызванная отдельными ошибками и просчетами. Они тешили себя надеждами, что в конце концов все «образуется» и пойдет по-старому.

Однако с этими иллюзиями вскоре пришлось расстаться. Перед империалистическими стратегами и политиками исключительно остро встал вопрос: что же делать дальше? И они принялись за лихорадочные поиски платформы идеологической борьбы в современных условиях, за разработку ее приемов и методов, а также за создание аппарата международной пропаганды.

¹ Международный обозреватель, председатель Англо-Американской ассоциации печати. Умер в 1952 г.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 26, стр. 224.

Хотя работа эта, особенно в силу постоянных провалов и неудач империализма в борьбе за умы людей, далеко не завершена и поныне, главные ее направления определились уже в 1945—1949 гг.

В прошлом империалистические государства, как правило, занимались систематической пропагандистской деятельностью на международной арене лишь в военное время. Причем впервые в широких масштабах такая деятельность развернулась в годы первой мировой войны. После ее окончания эта деятельность была в значительной мере свернута и, за отдельными исключениями (вроде организации в 1922 г. Британской радиовещательной корпорации, имевшей и зарубежную службу), во многих капиталистических странах долгое время не возобновлялась.

Первой империалистической страной, организовавшей в больших масштабах зарубежную пропаганду в мирное время, была гитлеровская Германия. США и Англия сделали это уже в годы второй мировой войны или незадолго до ее начала. После окончания войны службы зарубежной пропаганды в этих странах не были свернуты, а лишь подверглись реорганизации и начали развертывать все более интенсивную деятельность, уже очень скоро оставившую далеко позади соответствующие усилия военных лет.

В США и ряде других империалистических стран зарубежную пропаганду именуют «*психологической войной*». В этом термине нашла отражение не только склонность к броским названиям, но и определенные доктрины идеологической борьбы. Согласно американскому политическому словарю «психологическая война» — это отнюдь не любая пропаганда (так же как политическая война — не любая политика, а экономическая война — не любые экономические отношения). Так долгое время называли только пропаганду, связанную с ведением войны и отличающуюся от обычной не только непосредственными целями, но и методами, своей, так сказать, доктриной.

Одна из основных отличительных черт «психологической войны» состоит в полной неразборчивости в средствах и приемах. Наряду с открытой (или «белой») пропагандой, открытыми попытками в чем-то убедить, склонить на свою сторону людей, широко применяются так называемые «серая» и «черная» пропаганда (т. е. пропаганда, источник которой скрывается). Она, как поясняет американский психолог Боринг в учебном пособии «Психология для вооруженных сил», имеет «преимущество безответственности, так как позволяет распространять слухи и скандалы, не дискредитируя при этом своего правительства»¹.

Другая особенность «психологической войны» заключается в том, что решающее значение придается не просто внушению людям определенных идей и взглядов, а такой обработке их сознания, в результате которой непосредственно рождаются удобные пропагандисту действия и поведение (паника, страх, бегство, саботаж, диверсия и т. д.).

Наконец, при ведении «психологической войны» наряду со словесной пропагандой широко применяются всевозможные провокации, призванные

¹ А. Boring. Psychology for the Armed Services. Washington, 1945, p. 493.

вызвать желаемую «психологическую» реакцию. «Психологическая война активно создает и использует события как ядро будущей операции»¹, — поясняет американский психолог Уильямс в книге «Современные тенденции психологии и мировой кризис».

Чтобы показать, о чем здесь идет речь, приведем примеры из истории второй мировой войны (по понятным причинам соответствующие операции более позднего времени засекречены). Одна из операций состояла, например, в том, что в районах Германии, где было особенно много иностранных рабочих, с самолетов сбросили несколько миллионов портативных поджигающих устройств и листовки, инструктирующие, как использовать эти устройства для поджогов. Цель этой операции состояла не столько в том, чтобы содействовать диверсиям в тылу врага, сколько в том, чтобы вызвать массовые репрессии полиции против иностранных рабочих и тем самым способствовать росту среди них недовольства, понижению производительности труда и созданию «психологической» атмосферы, благоприятной для оппозиционных настроений. Аналогичные цели имела и заброска в тыл противника руководств по членовредительству и симуляции болезней. Организаторы этой операции рассчитывали, что она спровоцирует подозрительность и придирки медицинских учреждений не только к симулянтам, но и к действительно больным людям, а это в свою очередь будет вызывать недовольство населения, подрывать его моральный дух (между прочим, уже в 1954 г. в американской печати промелькнуло сообщение, что подобные же руководства для симулянтов были в большом количестве тайком заброшены на территорию Германской Демократической Республики).

Конечно, далеко не вся послевоенная зарубежная пропаганда американских империалистов и их союзников ведется такими приемами или одними лишь методами «серой» и «черной» пропаганды. Но эти приемы и методы нашли широкое распространение. И что, пожалуй, еще важнее — на «психологическую войну» мирного времени определяющее влияние оказала вся система мышления, исходные установки характерные для «классической» доктрины «психологической войны». Тем более что эти установки и система мышления представляют собой совершенно откровенное и законченное выражение того отношения к идеологической борьбе, которое завоевало господствующие позиции в империалистической идеологии и политической теории.

Доимпериалистическая буржуазия была в общем и целом уверена в силе своей идеологии, верила в то, что ее идеи сами по себе могут оказывать влияние на массы. Отсюда ее политика «свободной конкуренции» идей, своего рода «laissez faire» в области идеологии. Особенно отчетливое выражение такой подход к идеологической борьбе нашел в англосаксонских странах, в частности в США, где в прошлом силу закона имела старая либеральная традиция невмешательства государства в идеологическую борьбу.

Времена такой идеологической «беспечности» безвозвратно прошли. Глубокий кризис господства буржуазии проявляется во всех областях, включая духовную. Монополистическая буржуазия осознала шаткость своих идеологических позиций, неспособность устоять в условиях «свободной конкуренции» идей. Конечно, и эта реальность жизни понимается буржуазией извращенно. Большинство ее идеологов изображает дело так, будто виновна здесь не политика и идеология монополистического капитала, не изменившееся положение буржуазии в обществе, не ее идеология, а массы, природа человека. Если в былые времена буржуазные идеологи приписывали последней всевозможные добродетели, то теперь она изображается средоточием слепых инстинктов, разрушительных эмоций и влечений, иррационализма.

Такой взгляд на природу человека, на массы призван обосновать совершенно определенные установки как в политике, так и в идеологической борьбе. «Старый принцип «laissez faire», — пишет Хаддлстон, — исчез навсегда». Вместо него родилась концепция преднамеренной манипуляции людьми, их сознанием. Практически это означает, во-первых, нетерпимость в отношении

¹ B. Williams and oth. Modern Trends in Psychology and the World Emergency. Pittsburg, 1952, p. 141.

неугодных идей и огромную интенсификацию всех видов деятельности буржуазии в области идеологии, обработки общественного мнения. И, во-вторых, коренной пересмотр критериев как самих идей, так и исходных установок пропаганды. От былого рационализма остается все меньше следов, буржуазия предпочитает апеллировать не к разуму людей, а к самым низменным эмоциям, влечениям и инстинктам, центр тяжести усилий переносится на совершенствование техники и методов пропаганды.

Свое законченное выражение такая доктрина пропаганды находит в фашизме. До недавнего времени в капиталистических странах, сохранявших хотя бы видимость демократии, широкое применение этих «принципов», методов и приемов официально допускалось лишь в военное время. Неудивительно, что с началом второго этапа общего кризиса капитализма, когда для монополий по-новому встал вопрос и об идеологической борьбе, вся пропагандистская служба заимствовала от военного времени не только броское название, но и доктрину, приемы, методы «психологической войны».

Такая перестройка идеологической борьбы (в том числе идеологической борьбы на международной арене) была проведена в главных империалистических государствах, и прежде всего в США, в основном в 1945—1949 гг. В тот же период сформировался в основных своих чертах и аппарат международной пропаганды империализма.

Уже из сказанного выше видно, что «психологическая война» — это отнюдь не только «словесная война». Она включает и широкое применение разнообразных политических, экономических и даже военных средств, призванных воздействовать на умы людей.

Рассматривая аппарат «психологической войны», следует поэтому помнить, что в идеологической борьбе, которую ведут империалисты, принимают самое широкое участие многие правительственные и неправительственные учреждения, в том числе дипломатические и разведывательные ведомства, органы юстиции, крупнейшие монополистические организации, различные «исследовательские» центры и т. д. Они участвуют в идеологической борьбе уже своей повседневной деятельностью; сверх того они подчас специально осуществляют мероприятия, призванные оказать влияние на общественное мнение. После второй мировой войны эти «психологические» аспекты деятельности империалистического государственного аппарата стали проявляться особенно отчетливо. Нередко они выдвигаются на первый план, сплошь и рядом определенные внутривнутриполитические и внешнеполитические шаги предпринимаются главным образом с целью воздействовать на общественность (например, «шпионские процессы» в США, Канаде и некоторых других капиталистических странах, отдельные акты американской экономической «помощи» и т. д.).

Наряду с этим в послевоенный период был создан громоздкий аппарат, специально занимающийся пропагандой на международной арене. Этот аппарат в том виде, как он сложился к 1949 г., можно условно разделить на три основные части: правительственный, псевдочастный (т. е. замаскированный под неправительственный) и частный (т. е. непосредственно принадлежащий монополиям).

Наиболее мощный и разветвленный аппарат «психологической войны» находится в руках главного оплота капитализма — США, прямо или косвенно контролирующих также и пропаганду, проводимую за рубежом другими империалистическими государствами. Это соответствует роли американского империализма как главного идеологического оплота мировой реакции.

Непосредственно после окончания второй мировой войны США осуществили перестройку системы своей зарубежной пропаганды. Управление военной информации — в годы войны основное учреждение, занимавшееся пропагандой такого рода, — было распущено. Армейское ведомство «психологической войны» сохранило свои функции лишь в оккупированных странах (Западной Германии, Японии, Австрии, Южной Корее), хотя и здесь его органы были включены в состав соответствующих отделов военной администрации. Значительная часть пропагандистских функций была передана частным организациям (газетным, книгоиздательским и радиовещательным монополиям, кино-

фирмам и т. д.), работавшим в тесном контакте с государственным департаментом.

Однако уже через год или два в связи с наращиванием своих усилий в «холодной войне» правящие круги США поставили вопрос о новом расширении аппарата пропаганды в зарубежных странах и его централизации в руках правительства и под непосредственным контролем крупнейших монополий. По закону Смита — Мундта, принятому конгрессом в 1948 г., вся официальная зарубежная пропаганда передавалась в ведение госдепартамента и впервые в истории США предусматривалась организация большого пропагандистского аппарата за мирное время.

Кроме того, в соответствии со ст. 601—603 закона, учреждались Консультативная комиссия по вопросам информации и Консультативная комиссия по вопросам обмена в области просвещения. Функции комиссий заключались в том, чтобы «формулировать и рекомендовать государственному секретарю политику и программу» в данных областях. Фактически комиссии призваны были служить орудием контроля монополий над всей пропагандой. В законе было прямо предусмотрено, что комиссия по вопросам информации (играющая более важную роль) должна комплектоваться из представителей «деловых кругов». Назначает членов комиссии президент США с согласия сената сроком на 3 года.

Главой первого состава Комиссии по вопросам информации был назначен редактор одной из буржуазных газет Америки, «Крисчен сайэнс монитор», Кэнхэм, претендующий на роль официального идеолога крупного капитала США, а членами — председатель правления компании «Дженерал электрик» Филипп Рид, председатель правления «Национальной ассоциации владельцев радио- и телевизионных станций» Джастин Миллер (зарегистрированный в конгрессе США как лоббист радиовещательных и телевизионных компаний), редактор реакционного журнала «Сатердей инвинг пост» (одного из крупнейших в США по тиражу) Гиббс и др. А среди членов первого состава «комитета по общим деловым вопросам», созданного в рамках Консультативной комиссии были: председатель «Нейшнл Сити бэнк оф Нью-Йорк» Бургес, представитель «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» Шепэрд, вице-президент «Дженерал фудс корпорейшн» Роббинс, президент «Америкэн экспресс компани» Р. Рид, председатель правления «Трансконтинентал энд Уэстерн эйруэйс корпорейшн» Пирсон, президент «Джилетт сейфети рейзор компани» Спанг, председатель правления «Кока-кола экспорт корпорейшн» Фарли и др.

Область деятельности правительства, которую контролирует эта комиссия, охватывает прежде всего зарубежное радиовещание («Голос Америки»), а также работу сети «информационных центров» и специальных представителей в зарубежных странах. Их задачи — непосредственное ведение пропаганды на местах, выпуск и распространение литературы, устройство библиотек, выставок, показ фильмов и т. д. Ими используются также печать, радио и прочие пропагандистские учреждения данной страны.

С самого начала большое значение организаторами «психологической войны» придавалось так называемому обмену в области просвещения, в частности такой его форме, как обмен людьми. Речь идет о приглашении в США и специальной пропагандистской обработке иностранных студентов, деятелей культуры и науки и других лиц, способных оказывать влияние на общественное мнение в своих странах. Как пояснил в 1949 г. один из американских специалистов в области пропаганды, Лестер Маркел, США «должны попытаться создать в зарубежных странах корпус специалистов, которые смогли бы помочь объяснить, что собой представляют США, своим соотечественникам»¹.

Сам по себе такой метод пропаганды и вербовки агентов не нов для США. Однако после второй мировой войны подобная деятельность была развернута в невиданных масштабах. В ее основу лег закон Фулбрайта, принятый конгрессом в 1946 г. в виде приложения к «закону об излишках собственности 1944 г.» В соответствии с законом Фулбрайта из средств, полученных от продажи излишков американского военного имущества, завезенного в годы войны

¹ L. Markel. Public Opinion and Foreign Policy. New York, 1949, p. 174.

в зарубежные страны, выделялись суммы (до 20 млн. долл. на каждую из стран), поступавшие в распоряжение президента США, для обмена в области просвещения. Для контроля за осуществлением программы обмена президент США, согласно закону, назначал «Управление иностранных стипендий». Кроме того, президент получал полномочия заключать с иностранными государствами административные соглашения об обмене. Такие соглашения были заключены с 60 странами. Американское правительство руководит также частными программами обмена, в соответствии с которыми в США ежегодно приезжает около 40 тыс. человек.

Что касается существа всей деятельности по «просветительному обмену», то даже в брошюре, одним из авторов которой является сам Фулбрайт, признается, что на многих она производит впечатление «не более и не менее как империализма в области культуры»¹. «Просветительный обмен» преследует цель создать проамериканскую агентуру за границей. Аналогичной задаче подчинено и обучение студентов в американских учебных заведениях, открываемых в других странах (особенно в экономически слаборазвитых странах).

Значительная часть правительственного аппарата (психологической войны) подчинена американскому военному ведомству. Каждый род войск — армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы — имеет свою службу «психологической войны» и школы по подготовке пропагандистских кадров. В мирное время они не только ведут пропаганду в районах расположения американских войск и военных баз за рубежом, но и используют свои многочисленные радиостанции для передачи на зарубежные страны собственных пропагандистских программ либо ретрансляции программ «Голос Америки».

Пропагандистской деятельностью занимается и Центральное разведывательное управление (ЦРУ). Она окружена глубокой тайной. Известно, однако, что в годы войны «Управление стратегических служб» имело свой отдел «моральных операций»², задачей которого была подрывная пропаганда. Эти функции сохранило и созданное вместо «Управления стратегических служб» Центральное разведывательное управление. В частности, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Крок в одной из своих статей указывал, что оно осуществляет пропаганду «в районах, где ведется тайная стратегическая война»³, т. е. прежде всего в странах социалистического лагеря.

Кроме того, государственный департамент, военное ведомство и разведка руководят многочисленными псевдочастными организациями, специально созданными для пропаганды за рубежом. Их назначение — взять на себя наиболее грязные функции, которые могли бы скомпрометировать государство, если бы выполнялись правительственными учреждениями.

Здесь прежде всего следует упомянуть о комплексе организаций, входящих в «движение» «Крестовый поход за свободу», основанное в 1949 г. Инициатором этого «движения» выступила группа крупнейших монополистов (президент «Бэнк оф Америка» Л. Джаннини, директор рокфеллеровского «Чейз нэшнл бэнк» А. Пейдж и др.), представителей военщины (в частности, генерал Люшес Клей, являвшийся одновременно председателем правления «Континентал кэн компани» и «Кэмикл бэнк энд траст компани»), виднейших политических деятелей (Даллес, Эйзенхауэр), церковников (кардинал Спэллман), лидеров профашистских партий и групп (руководитель «Американского легиона» Д. Крейг) и т. д.⁴

Целью «крестового похода за свободу» был сбор средств и создание организаций шпионско-пропагандистского характера, призванных способствовать «освобождению» социалистических стран (т. е. реставрации в них капитализма и колонизации их американскими империалистами). Все эти организа-

¹ «How Can We Correct World's Misconceptions about America». Chicago, 1949, p. 3.

² D. Lerner. Sykewar. New York, 1949, p. 400.

³ «The New York Times», 24. VI. 1951.

⁴ «Daily Worker» (New York), 5. IX. 1950.

ции являются по сути филиалами ЦРУ и госдепартамента и возглавляются американскими дипломатами и разведчиками. Укомплектованы они в основном фашиствующим эмигрантским сбродом.

К числу крупнейших из таких организаций принадлежит «Национальный комитет борьбы за свободную Европу». В него вошли около полутораста американцев и двухсот «беженцев», т. е. предателей родины, эмигрировавших из социалистических стран, в том числе Миколайчик, бывший лидер аграрной партии Болгарии Димитров (Гемето), бывший венгерский премьер-министр Ференц Надь, бывший румынский премьер-министр Радеску, бывший чехословацкий вице-премьер Зенкл и т. п. Основателем комитета был Дж. Ф. Даллес, с похвальной откровенностью заявивший, что его создание «одобрено... государственным департаментом»¹. На средства американских монополий комитетом была создана в Западной Германии мощная радиостанция «Радио свободная Европа». В передачах, рассчитанных на страны социалистического лагеря, она ведет гнусную клеветническую пропаганду. Комитет занимается также контрабандной доставкой в страны народной демократии подстрекательских пропагандистских материалов, распространением ложных слухов, устроятвом провокаций и т. д.

Для аналогичной деятельности в азиатских странах год спустя был учрежден «Комитет борьбы за свободную Азию» во главе с бывшим уполномоченным по «плану Маршалла» в Китае и финансистом, имеющим значительные «интересы» в Азии, бывшим президентом Торговой палаты Сан-Франциско и президентом крупной экспортно-импортной компании Уилбургом и др. В первый же год «Комитету борьбы за свободную Азию» было выделено из средств «Крестового похода за свободу» 3,5 млн. долл.²

Наряду с упомянутыми в США существует много других шпионско-пропагандистских организаций. Это «Польско-американский конгресс», «Национальный комитет свободной Чехословакии», «Литовско-американский конгресс», «Американский комитет освобождения народов России», «Антибольшевистский блок наций» и т. д. К ним примыкают организации, созданные в Западной Германии и Западном Берлине для шпионажа, провокаций и другого рода подрывной деятельности против Германской Демократической Республики, такие, как «Группа борьбы против бесчеловечности», «Ассоциация свободных юристов».

Другая большая группа пропагандистских организаций американского империализма маскируется под «частные» в несколько иных целях. Официальная американская пропаганда очень скоро подорвала доверие к себе в глазах народов других стран, не только социалистических, но и капиталистических. Чтобы восстановить доверие и спасти престиж США, были предприняты попытки прикрыть источник этой пропаганды вывеской «частных» и «общественных» организаций. «Мы добиваемся гораздо больших успехов там, где американский флаг не фигурирует», — пояснял эту тактику конгрессу помощник государственного секретаря, ведающий пропагандой.

К организациям такого рода, существовавшим уже в первые годы после войны, можно отнести «Моральное перевооружение», «Общее дело» и др. Позднее был создан «Конгресс свободы культуры», специализирующийся на пропаганде среди интеллигенции стран Западной Европы, Азии и Латинской Америки. Провокационную антикоммунистическую пропаганду во Франции, Италии, Голландии, Бельгии и других западноевропейских странах вела организация «Мир и свобода». По официальным данным, приведенным в отчете информационного агентства США конгрессу, в первой половине 1954 г. действовали 342 подобные организации.

Еще одно важное звено аппарата зарубежной пропаганды империализма США — частные фирмы и компании, прежде всего газетные, журнальные, книгоиздательские, кинопромышленные, радиовещательные и т. п. Эти монополистические предприятия извлекают из экспорта своей продукции огромные прибыли. Тем не менее речь здесь идет не просто о коммерческой деятель-

¹ «New York Herald Tribune», 14. XII. 1949.

² «The New York Times», 19. V. 1951.

ности, а об одном из каналов «психологической войны», об организованной зарубежной пропаганде. Это признают и американские авторы. «Все виды частной деятельности, имеющие отношение к общественному мнению за рубежом, связаны с пропагандой»¹, — говорится в сборнике «Общественное мнение и внешняя политика», вышедшем под редакцией Лестера Маркела. «Хотя эта деятельность финансируется из частных источников, она является важной частью, а в некоторых странах и самой важной частью всего комплекса мероприятий, которые могут способствовать лучшему пониманию США за границей»².

Правительственные органы США оказывают этим частным фирмам широкую и многообразную помощь. Прежде всего она выразилась в ряде дипломатических шагов, предпринятых, в частности, с целью устранения барьеров на пути экспорта «идеологической продукции» американских монополий. Дипломатия США ведет эту борьбу под лозунгом «свободы информации» (своего рода идеологический вариант доктрины «открытых дверей» в области торговли), используя для нее и Организацию Объединенных Наций.

Сами буржуазные авторы не скрывают истинных намерений поборников «свободы информации». Так, Брукер, говоря о домогательствах американских агентств, газетных и журнальных трестов и т. д., пишет: «Эти органы информации претендуют на служение публике; на деле же они ищут прибылей. Хуже того — они распространяют частные политические и экономические взгляды своих владельцев»³.

Деятельности монополий США, участвующих в «психологической войне», способствуют официальные дипломатические акты, вроде «соглашения Блюма — Бирнса», предоставившего французские экраны для экспансии Голливуда, или специальные пункты, включаемые в подавляющее большинство соглашений об экономической «помощи», предусматривающие льготные условия распространения американских книг, журналов, фильмов и т. д.

Фирмам, ведущим идеологическую экспансию, предоставлены экономические льготы. Правительство США, в частности государственному департаменту, предписано заботиться об охране их прибылей. В законе Смита — Мундта содержится особое постановление (ст. 502), направленное на предотвращение конкуренции между правительственной и частной пропагандой за рубежом. Правительство обязано сокращать свою деятельность в этой области, когда «достаточно распространения соответствующей информации частным путем».

Таков в общих чертах аппарат зарубежной пропаганды американских империалистов. На его содержание, по американским подсчетам, ежегодно затрачивается свыше 1 млрд. долл.⁴ Для сосредоточения в одном месте руководства всеми его звеньями в 1949 г. при государственном секретаре было создано Управление психологической стратегии.

После войны начали создавать свой аппарат зарубежной пропаганды и другие империалистические державы, причем нередко они полностью или частично передавали его в распоряжение США.

В Англии после войны было учреждено «Центральное бюро информации», в обязанности которого входит организация пропаганды в зарубежных странах. При Британской радиовещательной корпорации существует ведомство заграничного вещания, поглощающее около трети всех средств, ассигнованных корпорации. Под руководством министерства иностранных дел и министерства по делам Содружества наций действует «Британский совет» — «культурная корпоративная организация», занимающаяся зарубежной пропагандой. Органы пропаганды на границу создали Франция, ФРГ и даже такие члены НАТО, как Турция.

Можно считать, что к 1949 г. аппарат «психологической войны» в основном сложился. К тому же времени выявились некоторые из ее главных «стратегических направлений».

¹ L. Markel. Public Opinion and Foreign Policy, p. 181—182.

² Ibid., p. 180.

³ H. Brucker. Freedom of Information. New York, 1949, p. 23.

⁴ J. Burnham. Containment or Liberation, p. 34.

«Холодная война» вместе со своим психологическим придатком — это порождение общего кризиса капитализма, причем она возникла на том его этапе, когда победное шествие социализма трудно уже было изобразить как «случайный зигзаг истории», плод «несчастливого стечения обстоятельств». Не только прозорливые мыслители и классово сознательные рабочие, но и сотни миллионов простых людей во всех странах стали осознавать основной факт нашей эпохи — что империализм гибнет и ему на смену идет новое общество. Широкие массы все более убеждались в превосходстве социализма над капитализмом.

В этих условиях перед империалистами со всей остротой встала задача защиты своих идейных позиций. Борьба с идеями социализма приобрела для них непосредственное жизненное значение. Это придало империалистической пропаганде на международной арене ярко выраженный мировоззренческий характер.

В качестве главного идейно-политического оружия империалисты при этом избрали *антикоммунизм*. Его основное содержание — клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма. Активизировалась проповедь различных лженаучных политических и социальных теорий (космополитизм, расизм, неомальтузианство и др.), пропаганда клерикализма, фальсификация истории и т. д. Речь фактически шла уже о подчинении империалистами всей духовной жизни общества целям их борьбы против социализма, против освободительного движения народов.

Остановимся на тех направлениях международной пропаганды империализма, которые *непосредственно* связаны с его внешней политикой. К их числу относится прежде всего так называемая «стратегия страха», т. е. пропаганда, преследующая цель запугать народы мнимой угрозой «агрессии» стран социализма. Это направление пропаганды получило самое широкое развитие уже в период, рассматриваемый в настоящем томе.

США и другие империалистические державы, входившие в число победителей во второй мировой войне, сразу же после ее окончания столкнулись со следующими фактами:

1. Народы этих держав вышли из войны с чувством доверия к Советскому Союзу, снискавшему своей героической борьбой против фашизма и неуклонным выполнением союзнического долга глубокое уважение широчайших общественных слоев. Неизмеримо вырос авторитет великой социалистической державы в глазах народных масс.

2. Пережившие ужасы второй мировой войны народы прониклись непреклонным стремлением предотвратить возникновение новых войн, добиться такого урегулирования международных проблем, которое обеспечило бы прочный мир во всем мире.

Вынашивая новые агрессивные планы, направленные против Советского Союза (а затем и стран народной демократии), империалисты не могли не считаться с такими настроениями. Империалистические политики и стратеги непосредственно после окончания войны стали причислять к важнейшим и первоочередным задачам борьбу против этих настроений, с тем чтобы переломить их, идеологически и психологически подготовить народы к новой военной авантюре. Усилия по выполнению этой задачи стали главным направлением «психологической войны».

Такая пропаганда не только обслуживала проводившуюся империалистами политику. Сама эта политика сразу же после окончания войны была по мере сил и возможностей приспособлена к нуждам «психологического наступления», преследовавшего цель добиться перелома в умонастроениях народов. В этом идеяная суть доктрины «сдерживания» коммунизма.

Конечно, среди теоретиков и политических деятелей, вырабатывавших или поддерживавших такую политику, могли быть люди, просто напуганные победоносным шествием социализма и серьезно думавшие именно о его «сдержива-

вания». Но в целом смысл этой политики совсем в другом. Особенно явно в пользу такого вывода говорит содержание критики политики «сдерживания», развернувшейся несколько лет спустя, когда наиболее агрессивные представители империализма потребовали ее замены политикой «освобождения», т. е. открытого похода против социализма, маскируемого флагом «освобождения» народов социалистических стран.

В своей книге «Сдерживание или освобождение», вышедшей в 1952 г., Джеймс Бернхэм — один из наиболее видных теоретиков «психологической войны» и идеологов антикоммунизма, клеймит тех, кто остался к этому времени на позициях доктрины «сдерживания», как людей «недальновидных», не понимающих интересов США и всего западного мира. Выступая против взглядов, сформулированных в известных статьях Джорджа Кеннана в журнале «Форин афферс», в которых впервые была систематически изложена эта доктрина, Бернхэм, однако, не отвергает политику «сдерживания», как таковую. Она, по его мнению, изжила себя «сейчас» (т. е. к 1952 г.), но «ко времени, когда она была сформулирована в 1947 г., это был естественный ответ на сложившуюся международную ситуацию».

Поясняя свою мысль, Бернхэм напоминает о «беспечном» правлении Рузвельта, «засилии» либералов и «попутчиков», говорит о настроениях народа, привыкшего за годы войны «читать и любить командиров Красной Армии», рабочих-стахановцев, героев Сопротивления, советскую демократию...» Вслед за этим он ссылается на присущее народам отрицательное отношение к войне. «Нация будет жертвовать жизнями своих сынов лишь во имя национальной обороны», — приводит он слова основоположника американской геополитики Спикмэна. А далее следует вывод: «В качестве временного выхода из положения можно кое-что сказать в пользу сдерживания. В 1946—1947 гг. США и их друзья политически, морально и интеллектуально были не подготовлены к тому, чтобы следовать позитивной стратегии против Советской державы... Оборонительный маневр, который, прикрывая поворот цикла, может быть, смог бы замедлить продвижение противника, был уместен и, пожалуй, представлял собой почти максимум возможного»¹.

Именно в этом лидеры империалистического лагеря видели основное значение политики «сдерживания». С их точки зрения, она должна была явиться широким маневром, означавшим начало коренного поворота внешнеполитического курса, с тем чтобы провести не только политическую, экономическую и военную, но и идеологическую подготовку перехода к еще более агрессивному курсу. Задача империалистической пропаганды в рамках политики «сдерживания» состояла в разжигании недоверия и ненависти к Советскому Союзу, создании атмосферы страха перед выдуманной «агрессивностью» СССР. Это направление пропаганды и получило наименование «стратегии страха».

«Стратегия страха» служила не только далеко идущим, но и непосредственным целям империалистов, прежде всего американских. Страх — психологическое обоснование гонки вооружений, обеспечивающей монополистам баснословные прибыли. Распространение басен о «коммунистической угрозе» служило также прикрытием похода против демократии. Миф об «угрозе коммунизма», о «советской агрессии» был нужен империалистам и как дымовая завеса, под прикрытием которой легче было бы вести борьбу с национально-освободительным движением.

«Стратегия страха» использовалась империалистами также для того, чтобы парализовать сопротивление народов капиталистических стран сколачиванию новой системы агрессивных блоков под эгидой американского империализма.

«Стратегия страха» должна была, наконец, помочь экономическому и политическому закабалению всех капиталистических стран американским империализмом. Взяв на себя после войны роль «всемирного полицейского», США, разжигая истерию в отношении «советской угрозы», обосновывали свое вмешательство, направленное на предотвращение прогрессивных социальных и по-

¹ J. Burnham. Containment or Liberation, p. 29—30, 35.

литических перемен в других странах. Это — одна из наиболее характерных черт политики «сдерживания». Именно под давлением США и с их помощью вскоре после окончания войны из правительств Италии, Франции и ряда других стран были удалены коммунисты, представители наиболее прогрессивных сил народа, сыгравших славную роль в борьбе с фашистскими захватчиками. Именно с помощью США реакционные круги этих стран перешли в наступление против демократических завоеваний народов.

«Стратегия страха» — это далеко не единственное направление империалистической пропаганды, развернутое непосредственно после окончания войны. Уже в тот период приобретает значительный размах пропаганда, восхваляющая США и американский образ жизни, с тем чтобы обосновать «особое положение» империалистов этой страны в капиталистическом мире и их «особую миссию». Начинается развертывание подрывной пропаганды против Советского Союза и стран народной демократии. Намечаются и некоторые другие направления «психологической войны». К ее нуждам все больше приспосабливаются общественные науки. По сути дела составной частью пропагандистского аппарата империализма становится и буржуазная литература по проблемам международных отношений.

ГЛАВА XXVII

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ БУРЖУАЗНЫМИ ИДЕОЛОГАМИ ХАРАКТЕРА И СУЩНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 1945—1949 гг.

А. ЦЕЛИ, НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В центре обострившейся идеологической борьбы на мировой арене в послевоенный период стали проблемы подведения итогов второй мировой войны, выяснения характера международных отношений первых послевоенных лет и особенно причин возникновения «холодной войны».

Многочисленные работы буржуазных авторов, посвященные исследованию этих проблем, свидетельствуют о том, что общественные науки капиталистических стран занимаются главным образом оправданием внешней политики империализма и извращением роли Советского Союза и других социалистических стран в послевоенных международных отношениях. Правда, в различных странах капиталистического мира имеются политические деятели, ученые, публицисты, специалисты-международники, которые, не разделяя коммунистической идеологии, тем не менее объективно оценивают решающий вклад Советского Союза в разгром фашистских агрессоров, в послевоенное демократическое урегулирование, в защиту свободы и независимости народов, вышедших на дорогу самостоятельного развития. Они выступают за прекращение гонки вооружений и смягчение международной напряженности, за урегулирование спорных проблем мировой политики путем переговоров.

Представители определенных кругов национальной буржуазии бывших колониальных или зависимых стран, средней и мелкой буржуазии, интеллигенции стремятся обосновать в своих трудах политику нейтралитета, неучастия в военных блоках, сохранения мира, необходимого ныне не только для развития, но и для самого существования их родины.

Прогрессивно настроенные или просто реалистически мыслящие авторы в крупнейших империалистических странах также признают огромные перемены, происшедшие в мире после второй мировой войны, и высказываются за достижение соглашений между социалистическими и капиталистическими государствами в интересах сохранения мира. Некоторые специалисты по вопросам международных отношений, вовсе не являющиеся марксистами, стали подходить к мысли о неизбежности исключения войны из жизни общества как средства разрешения международных конфликтов, о необходимости признания политики мирного сосуществования. С критикой тех или иных аспектов послевоенной политики «с позиции силы» и «холодной войны», проводимой Западом, выступают такие известные авторы, как Д. Уорберг и Д. Стил (США), К. Зиллиакус и Э. Хьюз (Англия), Б. Лавернь (Франция), Г. Раушнинг и Э. Куби (ФРГ) и др.

Однако нельзя закрывать глаза на тот факт, что в капиталистическом мире господствующей является идеология правящих классов, и прежде всего наиболее могущественных монополистических кругов. Углубление общего кризиса капитализма после второй мировой войны усилило и кризис буржуазной идеологии. Самые различные ее виды имеют ныне одну основу — воинствующий антикоммунизм, одну цель — защиту отживающего капиталистического строя. «Идейное обоснование господства монополий, оправдание эксплуатации, опорочение общественной собственности и коллективизма, воспевание милитаризма и войны, оправдание колониализма и расизма, разжигание вражды и ненависти между народами — таковы идеи, которыми проникнуты политические и экономические теории, философия и социология, этика и эстетика современной буржуазии»¹.

Общие идейные позиции и состояние общественной науки определяют собой и положение отдельных ее отраслей, в том числе и теории международных отношений. В странах империализма изучение и освещение международных и внешнеполитических проблем подчинено пропаганде реакционных, агрессивных, человеконенавистнических идей и стало в послевоенные годы неотъемлемой частью «психологической войны».

¹ См. «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 53—54.

Наряду с усилением фальсификации сущности происходящих событий, форсированная мобилизация сил государства и капитала для «идейного укрепления» своего тыла является прямым ответом империалистов на рост успехов и притягательной силы социализма, активности и сознательности народных масс в послевоенные годы. Внешнеполитические ведомства США и других капиталистических государств все больше берут на себя функцию «разъяснения» международной обстановки, создают многочисленные организации для ведения «психологической войны», к этому делу привлекаются многочисленные «фонды», «центры», «советы» и «институты международных отношений». Государственно-монополистическая тенденция в сфере идеологии, и в частности в изучении и освещении международных отношений периода второй мировой войны и послевоенных лет, проявляется и в том, что сами представители правящих кругов — премьер-министры и президенты, министры иностранных дел и генералы, крупнейшие монополисты и политические деятели — все чаще и больше выступают в роли ведущих идеологов империализма, авторов многочисленных «теорий» и «концепций» в области международных отношений, задающих тон не только официозной пропаганде, но и вообще всей духовной жизни капиталистических стран.

«Вторая мировая война» Черчилля, мемуары Трумэна и генерала де Голля, книги Бирнса, Ачесона, Даллеса и Идена¹, а также многие другие работы ведущих политических деятелей Запада представляют собой не только личные воспоминания и мысли, оправдания и восхваление собственной деятельности их авторов. Гораздо более важно то, что в них даны развернутое изображение и оценки с точки зрения государственной политики и интересов США, Англии и Франции, важнейших событий и факторов международной жизни сороковых годов и изложены современные внешнеполитические концепции империалистических кругов западных держав.

Официозная интерпретация истории и сущности международных отношений широко подкрепляется ныне на Западе соответствующим государственным «регулированием» допуска к внешнеполитическим архивам и публикаций документов по вопросам международной жизни. Наглядными примерами здесь может служить сокрытие и даже уничтожение значительной части бумаг Ф. Д. Рузвельта, фальсифицированные издания документов Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций и т. д.

Государственные деятели США, Англии, Франции и других капиталистических стран, давая «образцы» трактовки международных отношений нашего времени, прямо требуют от буржуазных ученых следовать им, призывают к открытому прославлению внешней политики империализма, оправданию

¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. I—VI. London, 1952—1954; «The Memoirs by Harry S. Truman», vol. I—II; Ch. de Gaulle. Memoirs de guerre, t. I—III. Paris, 1954—1959; J. F. Byrnes. Speaking Frankly; J. F. Byrnes. All in One Lifetime. New York, 1958; D. Acheson. A Democrat Looks at his Party. New York, 1955; J. F. Dulles. War or Peace; A. Eden. Selected Speeches and Addresses, vol. I—II. Boston, 1948—1950 и др.

«политики силы» и т. п. Со своей стороны, сами реакционные буржуазные историки, экономисты, социологи и др. нередко открыто заявляют о своей «миссии» по борьбе с «коммунистической угрозой», мобилизации сил «свободного мира».

Образец этого — речь президента Американской исторической ассоциации Коньерса Рида под заглавием «Социальная ответственность историка», произнесенная им на очередном конгрессе историков США в 1949 г. «Тотальная война, горячая или холодная, — говорил К. Рид, — мобилизует всех и требует, чтобы каждый занял свой пост. Историк должен выполнять это обязательство не в меньшей мере, чем физик»¹.

Следуя в фарватере своих американских коллег, видный французский социолог, публицист и международник Раймон Арон прямо-таки гордится тем, что его работа «Великий раскол» будет жить лишь столько, сколько продлится «воинственный мир». «Если ожидание длительной холодной войны не оправдается, то, само собой разумеется, что эта книга потеряет всякое значение... Но ведь состояние воинственного мира не прервет конференций великих держав или торжественным перемирием»², — восклицает этот автор, посвящая свои работы обоснованию неизбежности «холодной войны», гонки вооружений, а в конечном счете и «горячей войны».

Человеконенавистничество и пессимизм составляют одну из наиболее отличительных черт многих работ реакционных идеологов современного нисходящего класса — буржуазии.

Привлечение к исследованию и освещению вопросов международных отношений после второй мировой войны огромного количества авторов, в том числе и крупных ученых, не ведет, однако, к переходу количества в качество: научный уровень подавляющего большинства опубликованных работ крайне низок. В первую очередь это обусловливается классовой ограниченностью и сугубо прагматическим подходом буржуазных идеологов к изложению внешней политики империалистических государств.

Напуганные историческими победами сил мира, демократии, национального освобождения и социализма, буржуазные идеологи все больше скатываются в болото крайне субъективного идеализма, подчас открыто смыкающегося с поповщиной. Они снова и снова выдвигают тезисы о непознаваемости мира и исторических событий, проповедуют фатализм, покорность «воле провидения», неизбежность «балансирования на грани войны» и т. д.

Методологической основой большинства работ современных буржуазных авторов является реакционнейшая философия прагматизма, релятивизма, презентизма, оправдывающая открытую фальсификацию исторических событий в угоду определенным интересам, «рассмотрение» и «оценку» их с точки зрения сегодняшнего дня.

¹ C. Reed. The Social Responsibilities of the Historian. «The American Historical Review», January 1950, p. 275.

² R. Aron. Le grand schisme. Paris, 1948, p. 10.

Подчинение буржуазной идеологии внешнеполитическим целям и воинствующей пропаганде империалистических кругов, принятие все большим числом буржуазных ученых единой реакционной методологии приводит к заметной унификации их работ в области послевоенных международных отношений. Требования конъюнктуры накладывают ныне больший отпечаток на труд, чем номинальная принадлежность его автора к той или иной «школе» буржуазной науки. Существование значительного числа таких «школ» в капиталистических странах свидетельствует о наличии определенной конкуренции среди различных буржуазных идеологов. Однако эта «конкурентная борьба» ведется отнюдь не в интересах более или менее объективного освещения проблем мировой политики, а прежде всего ради стремления наилучшим образом удовлетворить потребности господствующих классов. А наибольшей популярностью и поддержкой среди правящих кругов империалистических держав пользуются те направления, которые успешнее других обосновывают и восхваляют послевоенный агрессивный курс западных держав во главе с США, фальсифицируют и извращают миролюбивую политику СССР и всего социалистического лагеря.

Значительное число буржуазных авторов-международников, как находящихся на государственной службе, так и сохраняющих внешне самостоятельное положение, может быть вполне справедливо отнесено к «официозному» направлению в современной буржуазной литературе. Характернейшая черта его — строгое следование официальной версии и интерпретации событий, обильное цитирование и комментирование государственных деклараций и документов, заявлений членов правительства и т. п.

К «официозному» направлению следует причислить и многих крупных буржуазных ученых и преподавателей высших учебных заведений, занимающихся проблемами внешней политики. Многие из них стоят как бы на грани двух направлений — официального и академического, отличительными чертами которого является стремление соблюсти внешний вид объективности в манере изложения, языке, цитировании источников и т. п. Основное содержание и выводы работ ученых буржуазного «академического» направления, как правило, в значительной мере совпадают, однако, с официальной трактовкой событий.

Внутри «академического» направления существует ряд отдельных школ, возникших в результате группировки тех или иных ее кругов вокруг какого-либо из крупнейших представителей буржуазной науки (например, Бирда в США, Тойнби в Англии, Ренувена во Франции и др.). Иногда от «академического» направления, по существу, отпочковывается та или другая школа, выдвинувшая свою оригинальную схему и трактовку истории международных отношений и внешней политики. Дальнейшее — расцвет или, наоборот, упадок этой школы — зависит в условиях капиталистического общества опять-таки в значительной мере от того, в какой степени ее взгляды отвечают интересам господствующих кругов и требованиям конъюнктуры «холодной войны».

В этой связи весьма показательны для характеристики современного положения в буржуазной науке, занимающейся проблемами международных отношений, быстрое выдвижение после второй мировой войны и растущее влияние школы так называемых «реальных политиков». Будучи главными теоретиками и пропагандистами «политики силы» в международных отношениях, «реальные политики» взяли на себя задачу доказать «несостоятельность» любого внешнеполитического курса, проводимого не «с позиции силы», в том числе, разу-

меется, и курса на мирное сосуществование и соревнование государств с различным социально-экономическим строем, социалистического и капиталистического лагерей, СССР и США.

Выступления «реальных политиков» были восторженно приняты инициаторами «холодной войны» — империалистическими кругами США, взявшими эту школу под свое особое покровительство. Большинство воинственных утверждений «реальных политиков» было принято на вооружение представителями других направлений буржуазной науки и идеологии. По своим взглядам к «реальным политикам» открыто примкнули многие государственные деятели, дипломаты, военные, публицисты и т. д. В свою очередь ряд виднейших «реальных политиков» перешел непосредственно на службу империалистического государства и монополий.

Основными исследовательскими центрами, оплотами «реальных политиков» в США являются Чикагский и Принстонский университеты. Ведущими американскими теоретиками «политики силы» выступают крупные философы и социологи Р. Нибур и Д. Бернхэм, профессора Г. Моргентау и Р. Осгуд (Чикаго), видный дипломат и историк Д. Кеннан, Г. Киссингер (Принстон), известный военный обозреватель и публицист Хэнсон Болдуин («Нью-Йорк таймс») и его менее известный, но не менее воинственный однофамилец Лелэнд Болдуин (профессор истории Питтсбургского университета) и многие другие.

Влияние «реальных политиков» чувствуется во многих трудах английских, французских, бельгийских и других буржуазных авторов-международников. Что же касается ФРГ, то проповедники «политики силы» давно уже заняли здесь господствующие позиции и в аппарате «психологической войны», и в буржуазной науке.

Ряд направлений современной империалистической идеологии связан с существующими различными буржуазными партиями (лейбористское и либеральное в Англии, социалистическое во Франции и социал-демократическое в ФРГ и ряде других стран и др.). Примыкающие к ним авторы в значительной мере посвящают свои труды защите официальных позиций своих партий по вопросам внешней политики и международных отношений. Растущим влиянием в последние годы пользуется католическое направление в историографии, тесно связанное с Ватиканом, католической иерархией в США и других странах, а также с европейскими католическими партиями (ХДС в ФРГ, МРП во Франции, христианские демократы в Италии и др.).

Для господствующей реакционной буржуазной идеологии и пропаганды по проблемам современных международных отношений характерен целый ряд наиболее общих почти для всех ее направлений методов воздействия на народные массы в желательном для господствующих классов направлении. Так, стремясь сбить с толку, дезинформировать своих читателей, «эмоционально» воздействовать на них, многие апологеты внешней политики империализма широко прибегают к надуманным и совершенно несостоятельным историческим параллелям, сравнивают Британскую империю и США с Древним Римом, с одной стороны, а СССР с царской Россией и гитлеровской Германией — с другой. Сложившиеся определенные исторические термины («агрессор», «коллективная безопасность», «умиротворение» и т. п.) они приклеивают к диаметрально противоположным по своему значению событиям сегодняшнего дня. Причем все это приняло такие масштабы и носит такой циничный, демагогический характер, что вызывает возмущение (к сожалению, правда, очень редкое) даже отдельных крупных и отнюдь не прогрессивно настроенных буржуазных ученых.

Как известно, сторонники политики «с позиции силы» особенно яростно обрушиваются на успешное сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны и на все попытки вести разумные переговоры между западными державами и СССР в послевоенный период под предлогом, что это будто бы является «умиротворением», аналогичным печальной памяти Мюнхена. Указывая на всю абсурдность таких утверждений, американские ученые К. Снайдер и Э. Фэрнис справедливо приходят к выводу, что если их доводить до «логического конца, то никакое мирное урегулирование советско-американского конфликта не будет возможным, исключая полную капитуляцию России по всем вопросам»¹ (на что, разумеется, всерьез никто не может рассчитывать.)

С резкой критикой фальсификаторских параллелей между СССР и гитлеровской Германией и других подобных лжетеорий выступает также известный английский историк Макс Беллоф. Разоблачая, например, свойственное многим буржуазным авторам стремление интерпретировать в эгоистических «утилитарных» целях различные исторические факты и принципы, он пишет: «Наиболее симптоматичным современным примером в США является, может быть, популярный миф о так называемом вето в ООН. О вето говорят почти так, как будто бы оно было чем-то своенравно введенным в Организацию Объединенных Наций Советским Союзом со специальной целью сделать эту организацию неэффективной. Однако достаточно ясно, что ни одна из великих или почти великих держав никогда не санкционировала бы Устав ООН без подобной предосторожности и что, если бы США были в состоянии привлечь на сторону своей политики только меньшинство голосов..., они были бы вынуждены применять вето с такой же частотой, которую они находят столь предосудительной у русских»².

С другой стороны, многие буржуазные авторы нападают на такие действительно научные и ясные понятия, как «империализм», «колониализм», «милитаризм» и т. д. С помощью семантических упражнений они стремятся доказать, что внешняя политика США, Англии и других империалистических держав носит будто бы «народный», «прогрессивный» характер, не имеет якобы ничего общего с захватом чужих территорий, ограблением и эксплуатацией зависимых и полузависимых стран, подготовкой и ведением несправедливых войн. Один из крупнейших американских буржуазных историков, Декстер Перкинс, посвятил даже специальную работу «Американский подход к внешней политике» обоснованию тезиса о его «неимпериалистическом характере»³.

Для того чтобы облегчить себе задачу «облагораживания» империализма, колониализма и милитаризма, подавляющее большинство современных буржуазных авторов-международников открыто отказывается в своих работах от исследования какой-либо связи между внутренней и внешней политикой, между экономическими и политическими факторами, между

¹ K. C. Snyder and E. S. Furniss. Jr. American Foreign Policy. Formulation, Principles and Programs. New York, 1954, p. 560—561.

² M. Beloff. Foreign Policy and the Democratic Process. Baltimore, 1955, p. 112—113.

³ D. Perkins. The American Approach to Foreign Policy. Cambridge (Mass.), 1954.

правительственной политикой и интересами монополий и военных кругов. Идеологи империализма — экономисты, историки, философы и др. — сознательно стремятся искусственно изолировать исследование международных отношений и внешней политики от других сторон жизни человеческого общества, вести его сугубо в одном каком-либо плане, например, в юридическом и т. п.

«Мы не можем здесь, — пишет в своей книге «История дипломатии с 1919 г. до наших дней» профессор Лилльского университета Ж.-Б. Дюрозель, — ни искать глубокой философии, ни анализировать связи, которые существуют между дипломатической историей, в собственном смысле этого слова, и другими историческими аспектами: экономическими и социальными факторами, влиянием капиталистов и профсоюзов, политикой инвестиций, течениями общественного мнения, социологией выборов и пропаганды, религиозными и идеологическими течениями. Эта задача превзошла бы сразу и рамки нашего изложения и наши возможности»¹. Очевидно также, что эта задача потребовала бы коснуться подлинных и отнюдь не чистых истоков дипломатии империалистических держав, а как раз это наименее желательно для ее трубадуров.

Затушевывая тот факт, что вся послевоенная политика империалистического лагеря определяется классовыми и материальными интересами небольшой, но весьма могущественной финансово-промышленной, торговой, колониальной и военной олигархии, не желающей отказываться от своих прибылей, владений и притязаний, стремящейся воспрепятствовать историческому прогрессу, современные буржуазные идеологи пытаются скрыть пагубную роль этой политики в том повороте в развитии международных отношений, который произошел в 1945—1949 гг. Непрерывно жонглируя избитыми фразами о «защите свободного мира, западной цивилизации, христианстве», о «благородной и руководящей миссии США» и т. п., они пытаются возложить вину за ухудшение международных отношений на Советский Союз и другие социалистические страны, на коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение.

Для извращения внешней политики Советского Союза буржуазные идеологи пользуются целой системой особенно злостных фальсификаторских приемов. Все они давно уже не новы, много раз были разоблачены, но тем не менее весьма живучи в буржуазной литературе. Одним из таких приемов является «выдергивание» исторических фактов вне связи с конкретной обстановкой и создание таким образом «аргументов» для оправдания той или иной фальсификации. Такой способ сбора «фактиков» для надуманного исторического примера был в свое время разоблачен В. И. Лениным². Однако он до сих пор широко используется фальсификаторами.

Другим примером сознательного извращения социалистической внешней политики может служить произвольное цитирование, а подчас и «изобретение»

¹ J.-B. Duroselle. Histoire diplomatique de 1919 á nos jours. Paris, 1957. p. 9.

² См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 23, стр. 266.

буржуазными авторами вымышленных цитат. Особенно часто этот метод применяется при рассмотрении вопроса о миролюбивом характере политики СССР, о роли В. И. Ленина в разработке основных принципов советской внешней политики. Приписывая Ленину несуществующие в действительности высказывания, фальсификаторы истории «доказывают» стремление Советского Союза к экспансии, его агрессивность и пр.

Следует также отметить явную противоречивость различных направлений фальсификации внешней политики СССР. Некоторые из идеологов империализма, например, для распространения идеи о необходимости отказа от сотрудничества и переговоров с СССР утверждали, что Советский Союз слаб и обескровлен войной и поэтому примет все требования США, т. е. обосновывали «политику силы» и одностороннего диктата.

Другие же твердили о «страшном» могуществе и «агрессивности» СССР, о его мнимом стремлении развязать войну чуть ли не на другой день после разгрома гитлеровской Германии и т. д. В свою очередь они также призывали проводить в отношении СССР «политику силы», проявлять «твердость». Так из двух противоположных, исключающих друг друга посылок, буржуазные фальсификаторы приходили к одному выводу, к одной практической рекомендации, желательной для агрессивных и реакционных сил империализма.

После 1945 г. появляются одна за другой буржуазные работы в области международных отношений, в которых принята следующая схема изложения событий: такой-то «агрессивный» или «экспансионистский» акт СССР (а под эту рубрику подпадает все что угодно) «вынудил» западные державы принять такие-то ответные меры. И дальше уже, как бы оправданные априори, восхваляются любые, самые опасные для дела мира действия империалистических держав.

Классический образец подобной фальсификации послевоенной истории и происхождения «холодной войны» дает Томас А. Бейли, считающийся в США, да и во всем мире, одним из ведущих специалистов-международников «академической школы». В последнем, 6-м издании своего главного труда «Дипломатическая история американского народа» он следующим образом резюмирует на 809-й странице предшествующее изложение событий 1945—1949 гг.: «Таким образом, в течение немногих лет угроза русского коммунизма произвела коренную революцию в американской внешней политике. Соединенные Штаты пересмотрели свою доктрину Монро, приняв в отношении Греции доктрину Трумэна. Они отказались от политики невмешательства, выдвинув план Маршалла. Они выбросили за борт традицию не вступать в связывающие их союзы, подписав Атлантический пакт. Они ввели в мирное время обязательную воинскую повинность и приняли огромный военный бюджет. Они пошли на все эти изменения с крайней неохотой и в основном побуждаемые инстинктом самосохранения»¹.

Главным в фальсификации Т. Бейли и всей господствующей буржуазной историографии является то, что такая основная черта послевоенного развития событий на мировой арене, как подмена международного сотрудничества «политикой силы», изображается лишь невольным и спонтанным ответом западных держав на вымышленные «угрожающие» действия СССР. В действительности же внешнеполитический курс США и Англии в первые послевоенные годы, явившийся главной причиной возникновения «холодной войны», как это показано в соответствующих главах данного тома, был сознательно взятым, плано-

¹ Т. А. Bailey. A Diplomatic History of the American People, p. 809.

мерным и давно вынашиваемым курсом на противодействие революционным преобразованиям и навязывание миру условий империалистического господства. Откровенная апологетика такого курса, без каких-либо ссылок на мнимую «советскую угрозу», развернулась в реакционной буржуазной литературе еще до окончания второй мировой войны.

Б. ИЗВРАЩЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ ХАРАКТЕРА И ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. АПОЛОГЕТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПЛАНОВ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА

1. Фальсификация роли Советского Союза во второй мировой войне

В годы второй мировой войны и сразу же после ее окончания в Англии и США был опубликован ряд работ, в которых отмечалось, что СССР вынес основные тяготы войны, что советские солдаты одержали много блестящих побед в решающих сражениях второй мировой войны. Об этом писали Г. Коммеджер, Г. Вернадский¹ и др.

Такую же оценку можно встретить и во многих официальных документах и заявлениях государственных деятелей западных держав того времени. «Советский Союз несет основную тяжесть борьбы»², — писал Ф. Рузвельт в 1942 г. Незадолго перед окончанием войны, 23 февраля 1945 г., У. Черчилль признал величие подвига советских солдат, который «решил участь германского милитаризма».

Однако уже тогда стали появляться и другие высказывания и книги, в которых принижались, замалчивались победы Советской Армии. После же начала «холодной войны» фальсификация решающего военного и политического вклада СССР в общее дело антифашистской коалиции превратилась в неотъемлемую часть большого идеологического наступления, развернутого империализмом против социализма. Главная задача этого наступления, продолжающегося и сегодня, — попытаться подорвать огромный международный авторитет Советского Союза, принизить его роль и влияние в международных отношениях послевоенных лет. Вместе с тем подобные фальшивки всякого рода используются для обработки общественного мнения и в первую

¹ *H. Commager. The Story of the Second World War. Boston, 1945, p. 188—232; G. Vernadsky. A History of Russia. London, 1946, p. 453—493.*

² «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II, стр. 32.

очередь молодежи капиталистических стран в духе агрессивного милитаризма.

Не случайно бывший гитлеровский генерал Шпейдель (ныне командующий сухопутными войсками НАТО в Европе) в предисловии к книге «Решающие сражения второй мировой войны» пишет, что такие издания служат «улучшению военной и политической подготовки вооруженных сил Атлантического союза»¹.

В вышедшей в 1947 г. работе Р. Шэгга и Г. Девирда «Вторая мировая война»², явно видно стремление представить решающие сражения и победы Советской Армии как события второстепенной важности в ходе мировой войны. С подобного рода толкованием роли Советского Союза в войне можно встретиться и во многих других работах, опубликованных на Западе.

Одновременно со стремлением принизить значение военного вклада СССР западная историография, и прежде всего американская, всеми силами пытается возвеличить победы союзников. Именно эту цель ставили перед собой С. Моррисон, Ф. Пратт, Э. Гоулдмэн и др.³ Сражения за Атлантику или в Северной Африке расцениваются ими чуть ли не как решающие во второй мировой войне. В книге Ф. Пратта «Сражения, которые изменили историю», малоизвестные битвы, выигранные американскими или английскими войсками, ставятся на одну доску с решающими победами советских войск на Волге, под Курском, Орлом и др.⁴ Операция у Эль-Аламейна, по мнению одного из ближайших помощников и советников Черчилля — лорда Исмэя, «заложила основу победы союзников»⁵.

Характерно, что те из буржуазных западногерманских историков, которые особенно много пишут о второй мировой войне и лучше знакомы с ней на основании собственного опыта, гораздо скорее признают значение Сталинградской битвы, чем это делают их заокеанские коллеги. В опубликованном в Западной Германии сборнике статей бывших гитлеровских генералов и военных историков признается даже, что Сталинградская битва была «поворотным пунктом второй мировой войны»⁶.

В своем стремлении принизить значение победы на берегах Волги реакционные западные авторы используют различные приемы фальсификации. Многие из них причину сталинградской победы (да и многих других побед Советской Армии) объясняют так называемым «естественным фактором» — суровыми условиями русской зимы. На эту причину ссылаются Е. Хоулт, Ф. Фрэнк⁷ и др. Этой же точки зрения придерживается американский генерал О. Бредли в своих мемуарах⁸. Ф. Пратт также утверждает, что если бы зимой 1941 г. гитлеровская армия не потеряла столько танков, то, возможно, она устояла бы.

Трудно установить, кому принадлежит приоритет в создании этого «глубокого» объяснения причин победы Советского Союза в войне: нацистским ли генералам, оправдывавшимся в свое время перед Гитлером за поражение под Москвой и на Волге (а сейчас старающимся доказать свое высокое военное мастерство руководителям НАТО), или же реакционным американским и

¹ «Entscheidungsschlachten des Zweiten Weltkrieges». Frankfurt am Main, 1960, S. 5.

² R. Shugg and H. Deweerd. World War II. Washington, 1947.

³ S. Morrison. American Contribution to the Strategy of the World War II. London, 1958; F. Pratt. The Battles, that change History. New York, 1956; E. Goldman. The Crucial Decade. America 1945—1955. New York, 1956.

⁴ F. Pratt. The Battles, that change History, p. 316.

⁵ «The Memoirs of General Lord Ismay». New York, 1960, p. 282.

⁶ «Entscheidungsschlachten des Zweiten Weltkrieges», S. 311.

⁷ E. Holt. The World in the War 1939—1945. London, 1956; F. Frank. America in the Twentieth Century. New York, 1960, p. 426.

⁸ О. Бредли. Записки солдата, стр. 208.

английским историкам, пытающимся принизить роль Советской Армии в разгроме гитлеризма. Ясно только одно: и те и другие сознательно фальсифицируют историю в соответствии со своими сегодняшними целями.

Совершенно очевидно, что объяснение таких исторических событий, как победы Советской Армии над гитлеровскими захватчиками, «природными условиями», широко распространившееся в послевоенной буржуазной историографии, не имеет ничего общего с научным анализом. Победы советских войск нельзя, конечно, объяснять более или менее морозной зимой, так как обе стороны были в одинаковых условиях. Успех под Москвой и другие последовавшие за ним победы были подготовлены совокупностью целого ряда факторов: стойкостью и возросшим военным мастерством Советской Армии, ее оснащенностью, экономикой страны, морально-политическим единством советского народа и т. д. Подробный анализ всех этих факторов, а также разоблачение лживых утверждений буржуазных идеологов, принижающих победы советского народа в войне, даны во многих работах советских авторов.

Явно фальсифицируют действительность и те реакционные западные авторы, которые пишут о ходе второй мировой войны на Дальнем Востоке. И здесь они пытаются извратить подлинные исторические события, отрицают какое-либо значение участия СССР в разгроме японской армии и т. п. Так, например, в мемуарах лорда Исмэя содержится утверждение, что советское выступление против Японии «было бесполезно в военном отношении»¹.

Но, во-первых, существовала прямая связь между разгромом гитлеровской Германии, а затем и ее основного союзника — Японии. Борясь против Германии, Советский Союз вносил огромнейший вклад в общее дело разгрома агрессоров. Во-вторых, известно, что советские войска разгромили одну из самых сильных армий Японии — Квантунскую, которая все время находилась у советских границ. Не зря американский генерал Дин писал, что военное командование США не было уверено в окончательной победе до тех пор, пока существовала Квантунская армия².

Ряд буржуазных авторов не обходится и без преувеличения значения атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки для капитуляции Японии. Но всему миру сейчас известно, что они были произведены не из военных, а из политических соображений.

Кроме военного аспекта, в рассуждениях буржуазных фальсификаторов относительно вклада СССР и западных держав в разгром фашистских агрессоров отчетливо видна и политическая сторона: стремление показать, что якобы не Советский Союз, а США или Англия возглавляли борьбу с фашизмом.

Западные историки (особенно американские) часто связывают победу Советского Союза во второй мировой войне исключительно с экономической помощью со стороны США. Р. Гринфильд, А. Рубинштейн и др. утверждают, что если бы не было поставок по ленд-лизу, то не было бы и блистательных успехов Советской Армии³.

Никто не отрицает значения помощи, оказывавшейся Соединенными Штатами их союзникам по антигитлеровской коалиции. Но смешно было бы утверждать, что только эта помощь дала возможность Советскому Союзу выиграть войну. Достаточно обратиться к книге Н. Вознесенского⁴ или к

¹ «The Memoirs of General Lord Ismay», p. 403.

² J. Deane. The Strange Alliance. New York, 1947, p. 225.

³ R. Greenfield. The Historian and the Army. New Brunswick, 1954, p. 70—90; A. Rubinstein. The Foreign Policy of the Soviet Union, p. 161.

⁴ Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, стр. 74.

другим работам по этому вопросу (в том числе и к американским), чтобы еще раз убедиться в том, что военная экономика СССР обеспечивала и успешное ведение войны, и достижение победы над фашистскими агрессорами.

Все утверждения буржуазных фальсификаторов о противном имели и имеют одну подспудную цель. Они пытаются убедить мировое общественное мнение в том, что победы Советского Союза якобы не закономерны, что мог бы быть другой исход войны для СССР. Это делается, чтобы протащить в сознание людей мысль, будто возможна победа над СССР в третьей мировой войне, будто социализм не так уж силен и его можно уничтожить, путив в ход против него военную машину империализма. Но подобные рассуждения апологетов войны и агрессии никого не убедили и не могут убедить в «слабости» СССР. И к каким бы фальсификациям ни прибегали буржуазные идеологи, в памяти народов навсегда сохранится признательность к Советскому Союзу как руководителю антифашистской борьбы, вынесшему на своих плечах основную тяжесть второй мировой войны.

Советский народ своей героической борьбой не только отстоял независимость своей Родины, но и освободил ряд оккупированных гитлеровцами европейских стран, помог разгромить агрессоров в других районах земного шара, спас мировую цивилизацию от коричневой чумы фашизма. В то же время следует подчеркнуть, что Советский Союз ни на одном этапе войны, как и на протяжении всего своего существования, не имел никаких захватнических намерений по отношению к другим государствам и народам, не строил никаких проектов распространения своего господства на международной арене. В своих послевоенных планах Советский Союз постоянно исходил из расчетов на мирное сосуществование и сотрудничество с западными державами и был преисполнен решимости избегать любых действий, могущих привести к ухудшению отношений между участниками антигитлеровской коалиции — членами ООН, к возникновению недоверия между народами, к обострению международной обстановки после окончания второй мировой войны.

Однако не все участники антигитлеровской коалиции относились столь же добросовестно к своим союзническим обязательствам. Уже в годы второй мировой войны определенные круги на Западе разрабатывали и пропагандировали империалистические планы, не имевшие ничего общего с задачами установления справедливого и прочного мира.

2. Пропаганда империалистического «американского мира»

Уже в самом начале второй мировой войны среди значительных кругов американских империалистов распространилось убеждение в том, что наконец-то наступил момент, когда США смогут играть решающую роль в мировой политике и экономике в результате взаимного ослабления остальных государств. И не случайно начиная с 1940 г. в США один за другим стали

появляться «труды», в которых подсчитывались будущие дивиденды, обосновывались планы установления мировой гегемонии США, расписывались прелести «американского века».

Именно в этот период в США была выдвинута и развита одна из тех теорий, которые впоследствии стали стандартом почти для всей буржуазной историографии. Согласно этой теории, США превратились в первостепенную мировую державу еще на рубеже XIX—XX веков (что само по себе не вызывает возражений). Став, однако, державой с мировыми интересами, США якобы отказались соответственно взять на себя (особенно после первой мировой войны) какие-либо мировые обязательства, какую-либо ответственность за все происходящее в мире, остались верны политике «изоляции». В результате же этого мнимого неучастия США в мировой политике другими странами было совершено множество ошибок, которые и привели к возникновению второй мировой войны.

Подобная теория не только скрывала действительную ответственность монополий и правящих кругов США за содействие фашистским агрессорам, но и обосновывала их право и обязанность отныне и навсегда взять на себя «заботу» о всем мире.

Весьма подробно данная теория была развита в вышедшей весной 1940 г. книге «Изолированная Америка»¹, автором которой был руководитель Совета по международным отношениям, видный историк Реймонд Лесли Бьюэл. Эта же теория была выдвинута в вышедшей тогда же книге Д. К. Говарда «Америка и новый мировой порядок»². Наконец, она была изложена в нашумевшей брошюре Генри Люса «Американский век», опубликованной в начале 1941 г.

«В области национальной политики, — писал Г. Лус, — основной трудностью для Америки был и остается тот факт, что, в то время как наша страна стала в XX веке наиболее мощной и жизнеспособной, американцы тем не менее не сумели ни теоретически, ни практически приспособиться к данному обстоятельству. В результате этого США не удалось сыграть свою роль мировой державы — неудача, которая имела губительные последствия для самих американцев и для всего человечества. И чтобы исправить это, надо искренне признать наш долг и наши возможности как наиболее мощной и жизненной нации на земле и, следовательно, воздействовать на мир всей силой нашего влияния ради достижения тех целей, которые мы считаем достойными, и такими методами, которые нам покажутся подходящими»³.

Уже первые наброски программы «американского мира» не оставляли сомнений в том, что империализм США стремится занять позиции мирового арбитра и эксплуататора. В качестве главной и обязательной черты организации послевоенного мира предусматривалась полная свобода деятельности для экономически наиболее сильных американских монополий, для американского капитала. Стабилизация валют, снятие торговых барьеров, «свобода» торговли, «интернационализация» колоний, поощрение заграничных капиталовложений, насаждение повсюду «частного предпринимательства и инициативы», создание мировой и региональных военно-политических организаций, охраняющих господство и прибыли финансовой олигархии США,

¹ R. L. Buell. *Isolated America*. New York — London, 1940.

² D. K. Howard. *America and a New World Order*. New York, 1940.

³ H. R. Luce. *The American Century*, p. 22—23.

должны были стать неотъемлемыми атрибутами будущей американской империи.

Проповедники «американского века» видели только два возможных результата второй мировой войны: победа держав «оси» или торжество противостоящей им коалиции при поддержке, а следовательно, и господствующей роли США.

Имеются только «две альтернативы устройства будущего мира, — утверждал один из апологетов «большого бизнеса» США Д. Миллер, — германское урегулирование или американское урегулирование.

...Только одна великая страна будет обладать механическим оборудованием, сырьем, финансами и энергией, чтобы заново построить послевоенный мир. Одна Америка будет обладать силой, ресурсами и способностью к руководству, которые необходимы... Мы можем не беспокоиться зря о мирных целях Англии; ко времени окончания войны главной целью англичан будет их желание угодить нам. Никто не собирается мешать нам»¹.

Сложившийся в годы второй мировой войны боевой антифашистский союз во главе с СССР, США и Великобританией, успешное сотрудничество социалистической страны с капиталистическими и перспективы установления демократического мира после окончания войны не устраивали реакционные монополистические круги западных держав и прежде всего США. Эти круги всячески стремились изолировать и ослабить Советский Союз, воспрепятствовать успешному созданию Объединенных Наций, отстаивали свои империалистические планы устройства послевоенного мира. В 1942—1945 гг. в американской литературе усилилась кампания за проведение курса на организацию послевоенного мира под эгидой США.

С проповедью конечного устройства мира «по образу и подобию» Америки и под ее контролем, хотя бы и прикрытым различными «международными» формами, выступили экс-президент США Г. Гувер и Х. Гибсон, книга которых «Проблемы прочного мира» выдержала свыше десятка изданий, известный публицист Г. Макнейл, работа которого так и называлась «Американский мир», и многие другие².

В то время как советский, английский, американский и другие народы героически сражались на фронтах второй мировой войны против фашистских агрессоров, за полную ликвидацию гитлеровского режима со всеми его атрибутами, одна из его неотъемлемых частей — человеконенавистническая, проникнутая агрессивным и расистским духом псевдонаука геополитика, являющаяся идейным обоснованием империалистических войн, — нашла себе новое убежище в США.

После появления в 1942 г. одного из главных трудов американских геополитиков — книги Н. Спикмэна «Американская стратегия в мировой политике»³

¹ D. Miller. You can't do Business with Hitler. New York, 1942, p. 160—162, 166—167.

² H. Hoover and H. Gibson. The Problems of Lasting Peace. Garden City, 1943; H. MacNeil. An American Peace. New York, 1944.

³ N. Spykman. America's Strategy in World Politics. The United States and the Balance of Power.

пропаганда «политики силы» заняла прочное и видное место в идейном арсенале империалистов США. Непосредственно в годы второй мировой войны ее развернули видный американский специалист в области международных отношений Р. Страус-Хюпе, реакционный деятель и публицист Э. Кальбертсон, Х. Абенд, Р. Каллендер и многие другие¹.

Некоторые из американских поклонников «культы силы» по соображениям престижа пытались отрицать свое родство с германскими геополитиками. Однако, продекларировав свое осуждение теории «равновесия сил» и «жизненного пространства», они тут же начинали протаскивать аналогичные взгляды, перемещая лишь господствующий «центр силы» с «Евразийского материка» на «межокеанский», т. е. Америку. Кроме того, американские геополитики считали, что США будут после второй мировой войны *единственным* господствующим центром силы во всем мире. Поэтому даже те из них, кто выступал за региональную организацию послевоенного мира на основе классического принципа «баланса сил», утверждали, что Америка должна играть «регулирующую», решающую роль в поддержании «равновесия» не только в Западном полушарии, но и между всеми остальными региональными сферами, а также внутри каждой из них, т. е. и в Европе, и в Азии и т. д.

Весьма показательной в этом отношении является вышедшая в 1942 г. книга Р. Страуса-Хюпе «Геополитика. Борьба за пространство и силу». Поставив перед собой задачу разоблачить использование нацистами геополитики как «программы мирового завоевания» и уделив этому почти все свое внимание, Р. Страус-Хюпе вдруг неожиданно делает выводы о том, что геополитика является «революционной» наукой и что применение ее к истории и взаимоотношениям между государствами, возможно, вполне правомерно и «правильно». По его словам, к рассуждениям К. Хаусгофера, шефа гитлеровских геополитиков, надо сделать лишь небольшую поправку на последние научно-технические достижения и тогда окажется, что «технология и география одинаково указывают на Соединенные Штаты как на главный арсенал и базу международных полицейских сил», призванных организовать и поддерживать после окончания второй мировой войны «новый порядок в мире»².

Геополитики одними из первых открыто обрушились на политику американско-советско-английского сотрудничества и выдвинули тезис о необходимости его ликвидации сразу же после окончания второй мировой войны, если не раньше.

«Те, кто ожидает с наступлением мира чего-либо подобного спонтанной всемирной коалиции ради общего блага, — заявлял Х. Абенд, — будут горько разочарованы. Даже среди победителей не будет ничего похожего на царство всеобщей доброй воли... Только если сильнейший из победителей (а на протяжении всей своей книги Х. Абенд считает таковым США. — *Авт.*) проявит в дополнение к своей силе волю руководить и действовать, в мире будет существовать порядок и справедливость»³. Таким образом, срыв послевоенного международного сотрудничества, курс на навязывание американского диктата другим странам еще задолго до дня победы обосновывался, оправдывался и возводился в ранг мудрой политики для США.

¹ R. Strausz-Hupé. *Geopolitics: the Struggle for Space and Power*. New York, 1942; R. Strausz-Hupé. *The Balance of Tomorrow. A Reappraisal of Basic Trends in World Politics*. Philadelphia, 1945; E. Culbertson. *Total Peace. What Makes Wars and How to Organize Peace*. Garden City, 1943; H. Abend. *Pacific Charter. Our Destiny in Asia*. Garden City, 1943; R. Callender. *A Preface to Peace*. New York, 1944.

² R. Strausz-Hupé. *Geopolitics*, p. 195.

³ H. Abend. *Pacific Charter*, p. 300.

Рассматривая все явления международной жизни с точки зрения «борьбы за силу», ряд американских геополитиков приходил в конечном счете к оправданию «тотальной», «перманентной» и «превентивной» войны, как неизбежного периодического результата развития экономических, политических и идеологических отношений между государствами.

Так, Э. Кальбертсон поднимал настоящую панику по поводу того, что кто-нибудь в будущем сможет оспаривать те господствующие позиции в мире, которые американские монополисты собирались захватить в результате второй мировой войны. «Лимит времени американской силы, — заявил он, — не превышает 25 лет. Но *действительный лимит времени, в который Соединенные Штаты смогут использовать свою нынешнюю силу, чтобы обеспечить свое будущее, вероятно, будет не больше чем 5 лет* (курсив Э. Кальбертсона. — Авт.)»¹. В связи с этим Э. Кальбертсон настоятельно требовал немедленно позаботиться о том, чтобы США любой ценой, включая новую войну, навязали миру такой способ существования, который исключил бы появление в будущем где-либо, в Европе или в Азии, нового «центра силы». «Механизм равновесия сил, — цинично писал он, — работает не для того, чтобы предотвратить войну, а чтобы сделать превентивные войны успешными»².

Не трудно понять, какими последствиями для независимых государств и народов, для дела всеобщего мира угрожала проповедуемая геополитиками теория, согласно которой США должны были поставить под свой контроль не только внешнюю, но и внутреннюю политику, само развитие всех остальных стран. Объявляя нарушением «баланса сил», «опасностью» для США и появление новых самостоятельных государств, и «социальные сдвиги», т. е. революционные изменения, и промышленное развитие других стран, апологеты «политики силы» стремились помешать их экономическому развитию, законсервировать во всем мире старые социальные отношения, воспрепятствовать росту национально-освободительного и демократического движения, — ради укрепления капиталистического строя, ради обеспечения классовых, политических и финансовых интересов американского империализма, ради установления мировой промышленно-финансовой и военно-политической монополии США.

Под предлогом заботы об обеспечении послевоенной «безопасности» США Э. Кальбертсон и другие геополитики настаивали на предоставлении им после войны «на долгосрочных, неимпериалистических (!) условиях, подобных тем, которые преобладают сейчас на наших (т. е. американских) нынешних базах на Бермудских островах и Кубе», военных баз во всей Латинской Америке, а также в Исландии, Гренландии, на Азорских и Канарских островах, на островах Мадейра и Зеленого Мыса, Хайнань и Тайвань, в Корее, на Курильских островах, в Новой Каледонии, на острове Тимор и островах Рюкю, в Индокитае и «временно оккупированном» Таиланде³.

¹ E. Culbertson. Total Peace, p. 57.

² Ibid., p. 73—74.

³ Ibid., p. 326—327, 333—334.

«Единственной эффективной и глубоко эшелонированной защитой Американского континента, — расписывал радужную для глаз американских милитаристов картину Э. Кальбертсон, — является сеть вооруженных, непотопляемых авианосцев, покрывающая на тысячи миль огромные просторы океана. В этой укрепленной сети будут дислоцированы новые типы кораблей и сверхбоевых самолетов... В Атлантике эта сеть опояшет берега Европы и Африки от Исландии через Азорские острова до островов Зеленого Мыса. На Тихом океане она образует мост из укрепленных баз от Пирл-Харбора и Трука — через Филиппины и Нидерландскую Вест-Индию — до Индокитая и Таиланда на Азиатском континенте. Практически вся эта гигантская цепь баз уже построена, и большинство из них уже или скоро будет оккупировано американцами.

Обладая такой стратегической зоной, США будут в состоянии не только защищать подступы к Американскому континенту, но и осуществлять быструю и эффективную интервенцию как в Европе, так и в Азии»¹.

Наряду с призывами к превращению Америки в мировой «центр силы» и арбитра, в годы второй мировой войны в США широкое распространение получили различные планы сплочения под эгидой американского империализма западных «демократий» с целью сохранения старых капиталистических и колониальных порядков, установления в мире диктатуры наиболее могущественных групп финансовой олигархии.

Наиболее яркими апологетами господства «западных цивилизаторов» во главе с США в послевоенном мире выступали сторонники весьма популярного «англосаксонского» направления в американской буржуазной литературе. К ним относились прежде всего те влиятельные монополистические и государственные круги в США, которые были тесно связаны экономически и политически с Британской империей. Они считали, что, несмотря на существование значительных противоречий между США и Англией по ряду вопросов, обе страны выиграют больше от объединения своей политики и ресурсов, чем от проведения лишь «параллельных действий».

Одним из основателей современного движения за создание англо-американского союза в США и Англии считают, и вполне справедливо, американского журналиста и общественного деятеля Кларенса Стрейта. Изданная им еще за несколько месяцев до начала второй мировой войны книга «Час создания союза наступил» («Union Now») стала подлинным манифестом этого движения. В короткий срок она выдержала десятки изданий, и общий тираж ее только в США превысил во время войны 300 тыс. экземпляров. В 1943 г. К. Стрейт основал также существующее до сих пор под тем же названием общество, являющееся ярким пропагандистом «атлантической солидарности» и превосходства англосаксонской расы².

Со своими предложениями и доводами в пользу заключения тесного послевоенного союза между США и Англией выступили также видный публицист

¹ E. Culbertson. Total Peace, p. 208—209.

² C. K. Streit. Freedom's Frontier. Atlantic Union Now. New York, 1961.

Джон Маккормак, бывший экономический советник госдепартамента и будущий крупный буржуазный историк Герберт Фейс, К. Хатчисон и др.¹

В своей книге «Америка и мировое господство» Джон Маккормак весьма подробно развивал историческую схему замены «британского мира» «американским», очень широко распространенную в буржуазной историографии. Согласно этой схеме, на всем протяжении XIX и в начале XX века Великобритания господствовала в мире, опираясь на свою промышленную монополию, империю и флот. Под прикрытием «британского щита» находилось и Западное полушарие, где США благополучно росли, крепили и готовились к выходу на мировую арену. Со времени первой мировой войны начался упадок Британской империи, однако мировое первенство не должно ускользнуть из рук англосаксов, утверждали Маккормак и др. «С каждым днем становится все яснее, что США должны не только стать во главе говорящих по-английски народов, чтобы выиграть эту войну, призом в которой является свободный мир, но и быть готовыми управлять этим миром после того, как они выиграют войну... По мере того как власть Англии над миром слабеет, власть США над ним должна крепнуть. В то время как владения Англии сокращаются, владения США должны расширяться, и там, где кончается английское господство, должно начинаться американское принуждение»².

Американские приверженцы и пропагандисты англо-американского союза боялись, что «разобщенные англосаксы не смогут больше удержать в своих руках мир против славян и тевтонов»³. Как это ни чудовищно звучит, но именно с такими заявлениями выступали некоторые наиболее рьяные расисты в США в 1942 г., когда советский народ ценой тяжелых жертв и усилий спасал мировую цивилизацию от гитлеровских варваров.

Стремясь сделать более терпимой и привлекательной для других государств мысль об американско-английском господстве, К. Стрейт выдвинул лозунг создания «Федерального союза 15 демократий»: США, Англии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Ирландии, Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии. Он откровенно признавал, что проекты создания англо-американского союза носят слишком явные империалистические черты и привлечение к нему «малых демократий» должно их «сгладить». Кроме того, Бельгия и Голландия интересовали Соединенные Штаты не столько сами по себе, сколько потому, что им принадлежат огромные колониальные владения, которые также должны были войти в «союз», но без предоставления каких-либо прав (гражданства, голоса и др.) их населению, так же как и населению Индии, Бирмы, стран Африки и т. д. Таким образом, подлинный характер планируемого «священного союза демократий» сразу же становился ясен всем, несмотря на сверхобильную фразеологию о «правах индивидуума», о «свободе», «уважении закона» и т. п.

Именно К. Стрейт впервые употребил термин «Североатлантический союз», столь полюбившийся после войны руководителям западных держав. Однако К. Стрейт 1940—1944 гг. в отличие от того же К. Стрейта, но издания 1946—1949 гг. призывал к созданию этого союза отнюдь не под прикрытием мифа о «советской угрозе» и «обороне свободного мира», а откровенно в интересах установления мирового господства избранной американско-английской олигархии.

Пятнадцати североатлантических «демократий-учредителей» было бы, по словам К. Стрейта, вполне достаточно, чтобы «обеспечить ядро всемирного правительства с необходимой финансовой, денежной, экономической и поли-

¹ J. MacCormac. *America and World Mastery; The Future of the United States, Canada and the British Empire*. New York, 1942; H. Feis. *Sinews of Peace*. New York, 1944; K. Hutchison. *Rival Partners. America and Britain in the Postwar World*. New York, 1946.

² J. MacCormac. *America and World Mastery*, p. 6—7.

³ Ibid., p. 330.

тической силой». «Совместно эти пятнадцать, — расписывал мощь планируемого «союза» К. Стрейт, — владеют почти половиной земли, правят всеми океанами, господствуют почти над половиной человечества, в их руках находится $\frac{2}{3}$ мировой торговли... Они контролируют более 50% почти всех основных ресурсов. Они владеют более чем 60% таких необходимых в военном отношении материалов, как нефть, медь, свинец, железо, сталь, каменный уголь, олово, хлопок, шерсть, древесная масса, судоходный тоннаж. Они почти полностью контролируют такие ключевые отрасли, как производство никеля, каучука и автомобилей. Они владеют практически всем мировым запасом золота и банковскими активами. Их наличные вооруженные силы таковы, что стоит им только объединить их, и они смогут, даже сократив свои вооружения, все еще иметь преимущество над двумя любыми другими державами, вместе взятыми... Однажды установленное превосходство союза в силе будет постоянно возрастать просто путем вступления в него аутсайдеров»¹.

В наиболее обобщенном виде программа политической организации послевоенного мира в соответствии с империалистическими замыслами правящих кругов США была изложена в вышедшей в 1944 г. книге известного и влиятельного американского публициста Уолтера Липпмана «Военные цели Соединенных Штатов»².

В основе этой программы, включавшей в себя многие конкретные элементы послевоенных проектов видных государственных деятелей США и Англии, апологетов «западной цивилизации» и геополитиков, лежало предложение создать огромный экономический и военно-политический блок западных капиталистических держав под эгидой США — так называемое «Атлантическое содружество наций». Именно на это «содружество» и его «естественного лидера» США возлагалась задача сохранения «западной цивилизации» и послевоенного «мирового порядка», т. е. поддержание капиталистических и колониальных порядков при господствующей роли на мировой арене американского империализма. Исключая возможность успешного послевоенного сотрудничества между США и СССР, между «Атлантическим содружеством наций» и «русской орбитой», У. Липпман тем самым, по существу, заранее обосновывал агрессивный и враждебный Советскому Союзу послевоенный внешнеполитический курс США, политику «с позиции силы» и диктата по отношению ко всем миролюбивым и свободолюбивым народам.

Представители влиятельных монополистических кругов США думали в годы второй мировой войны не только о создании послевоенной американской империи, об укреплении позиций мирового капитализма, об эксплуатации и закабалении многих народов земного шара, об устранении опасных конкурентов с мирового рынка и превращении его в сферу своей «свободной» деятельности. Они вынашивали также уже в 1941—1945 гг. планы послевоенной милитаризации американской экономики. Именно тогда в США получила довольно широкое распространение лживая и опаснейшая «теория» о возможности «постоянного военного процветания», о том, что перевод значительного сектора американской экономики на производство вооружений в мирное время гарантирует ее «бескризисное» развитие, обеспечит получение высоких и постоянных прибылей.

¹ C. K. Streit. Union Now. The Proposal for Inter-Democracy Federal Union. New York, 1942, p. 10.

² W. Lippman. U. S. War Aims; W. Lippman. U. S. Foreign Policy: Shield of the Republic.

Свое наиболее яркое отражение проповедь «вооруженного мира» нашла, пожалуй, в написанной по специальному заказу книге М. Джонсона (крупного военного промышленника, занимавшего, кстати сказать, после войны ответственные посты в военном министерстве США) и Ч. Хейвена «За постоянную победу», а также в работе К. Колдуэлла «Воздушная сила и тотальная война» и др.¹

Для обоснования необходимости постоянной милитаризации экономики США апологеты военного бизнеса поднимали на щит тезис о «неизбежности» и «извечности» войн, якобы присущих любому обществу и вызываемых самой природой человека.

«Уничтожение всех вооружений в конце этой войны, — утверждал К. Колдуэлл, — гарантирует только то, что будущие войны начнутся с использования всего, что может быть пущено в ход в борьбе... Важно понять, что причины для войны не исчезнут по окончании данного конфликта. Эти причины останутся, и с ними придется иметь дело. Верить, что к ним можно подходить с такими абстракциями, как справедливость, этика, информированное общественное мнение или религия, значит просто игнорировать всю историю и действительность... Потенции войны заложены в массах народа (1)»².

Соответствующие практические выводы из вышеприведенных человеконенавистнических рассуждений вытекали сами собой. «Американская промышленность, — писали М. Джонсон и Ч. Хейвен, — ныне начинает учиться, как удовлетворять запросы своего новейшего потребителя — вооруженных сил. Этот величайший и наиболее разборчивый покупатель в свою очередь нашел в промышленниках искусных, энергичных, изобретательных и решительных товарищей по оружию... То, что промышленность никогда до сих пор не развивала и не использовала свою способность как изобретать, так и выпускать военное снаряжение, — это случайность, а не необходимость»³. И эта «случайность» не должна больше повториться, «сотрудничество» промышленности и вооруженных сил, монополистов и генералов должно стать неотъемлемой чертой «американского образа жизни». «Произойдет подлинно трагическая ошибка, — раскрывали свои карты пропагандисты «вооруженного мира», — если после войны мы настоим на снос цехов по производству танков на автомобильных предприятиях»⁴.

Таким образом, идя наперекор настроениям широких народных масс, вразрез с целями антифашистской коалиции Объединенных Наций, наиболее реакционные и агрессивные круги США еще в годы второй мировой войны не только замыслили, но и широко пропагандировали в американской литературе тех лет планы установления мирового господства США, противодействия революционным преобразованиям в мире, проведения «политики силы» и милитаризации экономики страны в послевоенный период. Идеологическая подготовка будущей «холодной войны» шла уже полным ходом в 1940—1945 гг. Единственным элементом, который в ней еще пока отсутствовал, был миф о «советской угрозе», находившийся в ту пору на службе у фашистской пропаганды.

¹ M. M. Johnson and C. T. Haven. For Permanent Victory. The Case for an American Arsenal of Peace. New York, 1942; C. Caldwell. Air Power and Total War. New York, 1943.

² C. Caldwell. Air Power and Total War, p. 13—15.

³ M. M. Johnson and C. T. Haven. For Permanent Victory, p. 213—214.

⁴ Ibid., p. 215—216.

3. Послевоенные притязания господствующих классов Британской империи

В английской буржуазной литературе вопросам организации послевоенного мира уделялось несколько меньше внимания, и сама постановка их была более осторожной, чем в американской. И это вполне понятно. У правящих кругов Англии было мало надежд на то, что после окончания войны не произойдет дальнейшего упадка Британской империи и ослабления международных позиций метрополии. Проводить активную политику «равновесия сил» и «с позиции силы» Англии явно препятствовало уменьшение ее собственного удельного веса в мировом «балансе сил».

Тем не менее в Англии также нашла свое место проповедь империалистической организации послевоенного мира, основанного или на «равновесии силы», или на установлении мирового господства англосаксов. При этом английские авторы всячески подчеркивали необходимость сохранить господствующие позиции Англии в Британской империи, Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке.

В годы войны в Англии и США несколько раз был переиздан главный труд одного из «отцов» геополитики — Хэлфорда Маккиндера «Демократические идеалы и реальность». По словам самого престарелого автора книги, ее переиздание должно было послужить «призывом к реализму», который «уравновесил» бы послевоенную «волну хорошо известного идеализма говорящих по-английски народов»¹. Этот «призыв к реализму» сопровождался повторением основ геополитики, вроде того, что новое «усиление международной напряженности» неизбежно после окончания войны, в соответствии с чем и рекомендовалось ориентироваться английским государственным деятелям при подготовке к миру.

Под явным влиянием воззрений геополитиков в годы войны в Англии был написан ряд работ, в том числе книга одного из виднейших буржуазных историков, профессора Эдварда Кэрра, «Условия мира». Уделив большую часть своего труда экономическим вопросам, Э. Кэрр достаточно ясно изложил и взгляды влиятельных кругов Англии на политическую организацию мира. «И в новом (послевоенном) мире, так же как это было в старом, — писал он, — необходимо будет принимать в расчет реальные силы... Мир XX века может в конце концов обнаружить свой центр тяжести по ту сторону Атлантики или он сможет иметь несколько таких центров... Революционное изменение в статусе Великобритании можно выразить, сказав, что, перестав быть единственной великой мировой державой, она станет одной из 2—3 или, может быть, больше мировых держав»².

Э. Кэрр не мог ничего возразить против перспективы превращения США в ходе войны «в сильнейшую мировую державу». Более того, он выступал за «более активное участие Америки» в послевоенном устройстве мира и видел главный залог этого в «приобретении ею военных баз на иностранной и особенно британской территории»³. Однако в дальнейшем становилось слишком очевидным его желание, чтобы «активное участие Америки в делах

¹ H. J. Mackinder. *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*. New York, 1944, p. VI.

² E. H. Carr. *Conditions of Peace*, p. 166, 173.

³ Ibid., p. 182.

мира» пошло прежде всего на пользу английскому империализму. «Верно, что на Дальнем Востоке, — писал Э. Кэрр, — роль Великобритании должна в целом остаться вспомогательной. Она не сможет эффективно действовать здесь до тех пор, пока все влияние Соединенных Штатов не будет брошено на весы, и она имеет все основания полагать, что главная инициатива здесь будет оставлена за Вашингтоном. Но во всем остальном мире было бы фатальным для нее, и с экономической, и с политической точек зрения, просто ожидать, что предложат США. В большей части Европы и Африки, на Ближнем и Среднем Востоке Великобритания, — если она будет проводить умную политику и вновь обретет то чувство исторической миссии, которое одно может спасти ее от упадка, — будет по-прежнему играть руководящую и господствующую роль. Сколь многого она сможет достичь, будет, несомненно, зависеть и здесь от размеров той моральной и материальной поддержки, которую она получит от остального мира говорящих по-английски народов. Но ясная и решительная английская политика сделает активное сотрудничество США и доминионов более, а не менее вероятным»¹.

Э. Кэрр утверждал, что именно Великобритания должна заполнить тот «вакуум» в Европе, который возникнет после поражения Германии, поскольку-де Франция не сможет больше играть сколько-нибудь значительную роль в европейском «балансе сил», а малые государства Европы сами представляют собой не что иное, как «вакуум». В туманных выражениях, на которые так способны английские буржуазные авторы в отличие от многих своих «прямолинейных» американских коллег, Э. Кэрр выдвигал идею ограничения участия СССР в послевоенной организации мира Восточной Европой и высказывал мысль о возможности в будущем привлечение Германии «в качестве партнера в каком-то большом объединении, в котором и Великобритания также займет свое место»².

В Англии активно выступали также и сторонники англо-американского, или «атлантического», союза, считавшие, что Англии и США без взаимной поддержки не справиться с их многочисленными «обязательствами» во всех районах земного шара. В роли одного из первых и наиболее ярких пропагандистов этой концепции выступил профессор Джордж Кэтлин, до сих пор неустанно повторяющий свои избитые аргументы, сдобренные ныне дополнительно клеветой по адресу СССР, в пользу установления мирового господства «атлантических демократий»³.

Проф. Кэтлин считал и считает, ничуть не принимая во внимание действительность, что XX век вполне может войти в историю цивилизации как «англо-американский век». Цель его трудов — «пропагандировать органическое объединение атлантического мира, жизненным ядром которого остается его говорящая по-английски часть», как первый шаг по направлению к созданию «всемирной организации и власти»⁴. Под руководством «Атлантического союза» должны были также создаваться, по мере освобождения европейских народов от фашистского ига, региональные союзы в Восточной, Западной и Северной Европе. «Британское содружество наций» должно было служить связующим и регулирующим звеном между всеми этими группировками, между США и Францией, между паневропейским и панамериканским союзами и т. д.

Целиком солидаризируясь со взглядами К. Стрейта, проф. Кэтлин считал, что никакая сила в мире, никакое другое государство и никакое революционное движение не смогут противостоять союзу «атлантических демократий». «Англо-американский союз, — писал он, — будет всегда означать, что Россия

¹ E. H. Carr. Conditions of Peace, p. 224.

² Ibid, p. 186.

³ G. Catlin. Anglo-Saxon Tradition. London, 1939; G. Catlin. One Anglo-American Nation. London, 1941; G. Catlin. The Atlantic Community, London, 1959.

⁴ G. Catlin. The Atlantic Community, p. 31.

не сможет стать господствующей силой в мире... Любая революция, происходящая в Европе, будет организована с Запада и не вызовет погружения Европы в славянский хаос (!)»¹.

Широкое распространение в английской литературе военных лет различных империалистических планов организации мира и поддержания старых социальных порядков было неразрывно связано с той общей линией на подрыв антифашистской коалиции, которая проводилась реакционными кругами США и Англии и в известной мере накладывала свой отпечаток на военную политику этих государств.

4. Критика реакционными кругами политики сотрудничества держав антифашистской коалиции, Ялтинских и Потсдамских соглашений

В реакционной буржуазной литературе злобно извращается история антифашистской коалиции, содержание и значение многих решений, принятых на совместных заседаниях и конференциях союзников в годы второй мировой войны. Главной проблемой, которая наиболее часто подвергается фальсификации, является послевоенное мирное урегулирование, разработанное в основном в Ялте и Потсдаме. «Критика» Ялтинских и Потсдамских решений (которые, как известно, в свое время были восторженно встречены во всем мире)² направлена прежде всего против внешней политики Советского Союза. Однако наряду с этим нападкам подвергается и внешнеполитический курс США и Англии военных лет, обеспечивший сотрудничество и достижение взаимоприемлемых соглашений с СССР.

Ялта и Потсдам заложили основы демократического послевоенного развития, основы равноправного сотрудничества союзников в послевоенный период. Именно против этих основ и направлен был огонь реакционной «критики».

Фальсификация позиции СССР по отношению к союзническим соглашениям идет по двум основным линиям, явно противоречащим друг другу: «Ялта была выгодна только русским и поэтому от нее нужно отказаться» или «русские не выполняют решений Крымской конференции, а поэтому и нам следует пренебречь ими».

Тон послевоенной критике внешнеполитического курса США периода второй мировой войны в значительной мере задала

¹ G. Catlin. The Atlantic Community, p. 97.

² У. Черчилль, например, писал о Ялте как об одной из самых результативных встреч глав правительств (см. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны», т. I, стр. 308).

нашумевшая книжка одного из видных сторонников политики «с позиции силы» Х. Болдуина «Великие ошибки войны». Выдвинутый в этой работе тезис о том, что США выиграли войну, но «проиграли мир», являлся ярким отражением недовольства агрессивных кругов американского империализма теми коренными прогрессивными сдвигами, которые произошли в результате победы антифашистских сил во главе с Советским Союзом во второй мировой войне, крахом расчетов на превращение США в «мирового арбитра».

Пытаясь объяснить провал планов реакции чисто субъективными факторами — «недальновидной» политикой правительства Рузвельта, Х. Болдуин развивает в своей работе поистине смехотворное, но тем не менее получившее очень широкое распространение в буржуазной историографии положение о том, что Советский Союз будто бы преследовал в ходе войны определенные политические цели, а США думали только о скорейшем и полном военном разгроме Германии и Японии.

«Нет никаких сомнений, — пишет он, — что в интересах Англии, США и мира было бы позволить — и, может быть, даже поощрить — два великих диктаторских государства сражаться друг с другом до взаимного истощения. Такая борьба, которая имела бы своим результатом ослабление как коммунизма, так и нацизма... сделала бы демократии господствующей силой в мире... Крупный шанс демократий для создания прочного мира (1) выпал 22 июня 1941 г., когда Германия вторглась в Россию, но мы упустили его. Вместо того чтобы помогать России снабжением и снаряжением — но не слишком много, вместо того, чтобы бомбить и организовать блокаду Германии, но не слишком сильно, Великобритания совместно с США, после Пирл-Харбора; целиком вовлеклась в борьбу за безоговорочную капитуляцию»¹... Большее надругание над памятью борцов против фашизма и над идеалами справедливого мира трудно себе представить. Злобные выпады против тех, кого еще не так давно сам Х. Болдуин называл «героическими защитниками цивилизации», соединяются здесь с ожесточенными нападками на тот вклад в борьбу против фашистских агрессоров, который внесли американский и английский народы.

«Фальшивыми предпосылками» американской политики объявляет Х. Болдуин и веру Рузвельта в то, что руководители Советского Союза стремятся к мирному сосуществованию с капиталистическими странами, и его стремление к организации послевоенного международного сотрудничества в рамках ООН, и признание американскими военными кругами необходимости вступления Советского Союза в борьбу против Японии для достижения скорейшей победы над ней. При этом Х. Болдуин мало смущает то обстоятельство, что Болдуин — историк и политик — утверждает диаметрально противоположное тому, что признает Болдуин — военный обозреватель «Нью-Йорк таймс». Американские руководители в Ялте в феврале 1945 г. заблуждались, полагая, что вступление СССР в войну против Японии спасет тысячи американских жизней: «Япония ко времени Ялты уже была побита»², — утверждает он в своей книге «Великие ошибки войны». «Никогда до этого не нес наш флот таких огромных потерь на таком маленьком участке; никогда раньше не проливалось столь много американской крови за такой короткий промежуток времени на таком незначительном клочке земли», — пишет тот же Х. Болдуин в своей статье «Величайшее воздушно-морское сражение в истории», опубликованной в «Нью-Йорк таймс» 26 марта 1950 г., о битве за один только японский остров Окинава. С середины марта до начала июля 1945 г. потери американцев составили здесь: 49 тыс. человек убитых и раненых, 36 потопленных и 368 поврежденных судов.

¹ H. W. Baldwin. Great Mistakes of the War. London, 1950, p. 9—10.

² Ibid., p. 73.

В результате «ошибок» США и Англии, и, в частности, их политики «безоговорочной капитуляции», заключенных ими соглашений с Советским Союзом, утверждает Х. Болдуин, был полностью нарушен «баланс сил» в Европе и Азии, созданы «вакуумы силы» на месте Германии и Японии, которые были якобы заполнены «советским коммунизмом». Х. Болдуин горько сетует на то, что США и Англия «потеряли» Восточную и Центральную Европу и Китай, «ослабили» свои позиции в Берлине и Вене. Он отрицает закономерность успехов сил мира, демократии, национального освобождения и социализма, возлагает «вину» на «англо-американских идеалистов», неумевших вести «дело с русскими» и т. п. Так «переоценивал» в 1949 г. результаты второй мировой войны один из наиболее видных американских апологетов «политики силы».

Критика «справа» соглашений и планов послевоенного сосуществования и сотрудничества США, СССР, Англии и других государств, развернутая откровенными глашатаями «политики силы» и примкнувшими к ним, по существу, многими другими американскими авторами¹, стала после прихода в 1953 г. к власти республиканцев и в период разгула маккартизма неотъемлемой чертой антикоммунистической истерии в США. Дело дошло до того, что президенту Рузвельта, государственного секретаря Стеттиниуса, министра финансов Morgентау, генерала Маршалла и других американских участников конференций в Тегеране, Ялте и Потсдаме обвиняли в «симпатиях к коммунизму», «предательстве национальных интересов Америки» и т. д.

«Граничащее с манией стремление президента создать Организацию Объединенных Наций, — писал один из пропагандистов «превентивной» войны У. Пьюлстон, — побудило его сделать большинство уступок русским, как и еще, может быть, определенные симпатии (Рузвельта) к некоторым чертам коммунизма (1)»².

Видные американские политические деятели Р. Тафт и А. Ванденберг, внесшие весьма большой «вклад» в критику Ялты и Потсдама, преследовали публикацией своих книг двойную цель: с одной стороны, они стремились усилить идеологическое наступление против СССР, извращая и принижая его роль в послевоенных делах, с другой стороны, будучи представителями республиканцев, они использовали критику союзнических соглашений, подписанных демократами, в своих спекулятивно-корыстных целях в ходе предвыборных президентских кампаний и во время выборов в конгресс США³.

Еще более широкие цели ставили перед собой составители и издатели сборника «Конференции на Мальте и в Ялте»⁴. Публикуя фальсифицированные материалы Ялтинской конференции, госдепартамент США преследовал двоякую цель: во-первых, создать «документальную» базу для извращения внешней политики СССР, его роли в послевоенном урегулировании, для

¹ S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States. New York, 1959; H. Feis. Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton, 1960; S. E. Morison. Strategy and Compromise. Boston, 1958.

² W. D. Pulestone. The Influence of Force in Foreign Relations. Toronto — New York — London, 1955, p. 186.

³ R. Taft. A Foreign Policy for Americans. New York, 1951; «The Private Papers of Senator Vandenberg».

⁴ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta». Washington, 1955. В 1960—1961 гг. в США были также опубликованы специально подобранные и фальсифицированные документы Тегеранской и Потсдамской конференций.

расширения и обострения идеологической войны против Советского Союза и, во-вторых, извлечь новые «аргументы» для оправдания провалов послевоенной внешней политики США, свалив ответственность за них на Рузвельта. «Документы» были опубликованы в тот момент, когда намечались переговоры глав четырех держав в Женеве, и явно были направлены на их срыв. Составители сборника из ведомства Джона Фостера Даллеса заранее подготавливали почву для «объяснения» провала конференции в Женеве. Они пытались убедить общественное мнение в том, что с Советским Союзом якобы нельзя ни о чем договориться. И ссылались при этом на... Ялту.

Некоторые американские юристы сомневаются даже в международно-правовой основе Крымских соглашений. Используя различные приемы фальсификации, они заявляют, что США якобы свободны от принятых в Ялте обязательств, так как эти обязательства взяты *лично* Рузвельтом, а не американским правительством. По мнению американского юриста Герберта Бриггса, Ялтинские соглашения можно не признавать, так как Рузвельт подписал их без предварительного запроса и без утверждения сенатом¹.

Не кто иной, как Джон Фостер Даллес, раскрыл весь практический смысл бешеной атаки «справа» на политику Рузвельта, на всю систему межсоюзнических договоров, прямо поставив вопрос: «Теперь, когда война окончена», должны ли США «сохранять внешнюю видимость соглашения с Советским Союзом»? Должно ли «умиротворение *военных лет* быть продолжено в форме мирного умиротворения?»²

Нападая, таким образом, на политику англо-американо-советского сотрудничества и соглашения союзников о послевоенном устройстве мира, реакционная буржуазная историография фальсифицирует историю в угоду нынешнему агрессивному курсу американского империализма, его позорной политике возрождения германского и японского милитаризма, его попыткам повернуть вспять ход истории. В ее изображении «побежденными» оказываются не фашизм и война, а политика мирного сосуществования и сотрудничества государств с разными социально-экономическими и идеологическими системами, а в роли «победителей» выступают «политика силы» и «холодная война».

В современной английской буржуазной историографии рассмотрение вопросов англо-американо-советского сотрудничества и соглашений военных лет связывается, как правило, с критикой «справа» или апологетикой «дальновидности» антисоветской линии Уинстона Черчилля. Казалось бы, трудно превзойти этого виднейшего консервативного деятеля Великобритании в классовой ненависти к социализму и в приверженности к защите интересов Британской империи. Тем не менее в послевоенные годы, в разгар «холодной войны», даже Черчилль подвергался серьезным нападкам за «уступчивость» по отношению к СССР. С подобными нападками на Черчилля, а заодно и на плодотворные результаты сотрудничества участников антигитлеровской коалиции выступили как профашистски настроенные крайне правые деятели Англии, так и отдельные реакционеры из лейборист-

¹ «American Journal of International Law», 1946, № 2, p. 381.

² J. F. Dulles. War or Peace, p. 26—27.

ской партии, стремящиеся превзойти в ненависти к Советскому Союзу своих коллег из консервативной партии. Особое недовольство этих деятелей вызвали меры по ликвидации германского империализма и милитаризма, который всегда был в их глазах прежде всего антисоветским, антикоммунистическим оплотом в Европе.

Так, английские «законоведы» М. Батхерст и Д. Симпсон, труд которых «Германия и Североатлантическое сообщество» издан под покровительством Лондонского института международных отношений, откровенно ставят под «сомнение» всю политику выкорчевывания корней гитлеризма в Германии. Для этих господ «остается вопросом, были ли оправданы действия оккупационных властей, выходящие за пределы простой приостановки деятельности различных институтов и фактически распускающие их, как бы неприятны они ни были. Национал-социалистическая партия и ее организация, — заявляют они далее, — были очень тесно связаны с германским государством. Их роспуск, следовательно, означал фундаментальное изменение характера и политической структуры германского государства»¹, а этому трудно найти оправдание «с чисто юридической точки зрения»!

Примером критики соглашений союзников о послевоенной организации мира и одновременно апологетики Черчилля, как «реального политика», заранее предвидевшего распад антифашистской коалиции и начавшего «холодную войну» против СССР, может служить, наряду с мемуарами самого Черчилля, А. Киркпатрика и других государственных деятелей Великобритании², книга англоизированной американки Вирджинии Каулс «Уинстон Черчилль. Эпоха и человек». Черчилль надеялся, пишет она, что «союз Англии и США будет достаточно тесным и сильным», чтобы навязать свои планы послевоенного урегулирования Советскому Союзу³. Сваливая вину за срыв антисоветских происков Черчилля на американцев, В. Каулс стремится скрыть тот факт, что подлинными причинами их краха были решающая роль Советского Союза в разгроме «третьего рейха» и колоссальный подъем демократического движения в континентальной Европе и в Англии, где общественное мнение неоднократно резко осуждало Черчилля за его недружественную позицию к СССР.

Это обстоятельство явно учитывает в своем подходе к освещению проблемы межсоюзнических соглашений и конференций периода второй мировой войны английская академическая историография, в частности, в серии «Обзор международных отношений 1939—1946 гг.», издающейся под общей редакцией Арнольда Тойнби. В ее трудах «ревизия» этих соглашений идет под лозунгом необходимости проявлять «либерализм», «умеренность», «терпимость» к побежденному врагу, находить «компромиссы» и тому подобными демагогическими призывами, которыми и буржуазия Великобритании, и апологеты Британской империи всегда столь искусно маскировали свои подлинные цели и интересы.

С таких «либеральных» позиций написана, например, солидная работа М. Бальфура и Д. Мера «Четырехсторонний контроль в Германии и Австрии в 1945—1946 гг.» «Забыв» о подписях У. Черчилля на союзнических соглашениях, ученые Королевского института международных отношений не устают противопоставлять его подход к побежденной Германии позиции СССР, Франции и даже США.

Для М. Бальфура и Д. Мера «результаты Потсдамской конференции» являются «глубоко неудовлетворительными». Снова и снова английские

¹ М. E. Bathurst and J. L. Simpson. *Germany and North Atlantic Community*. London, 1956, p. 15; М. Hankey. *Politics, Trials, and Errors*. Chicago, 1950.

² W. S. Churchill. *The Second World War*, vol. I—VI; «The Inner Circle». The Memoirs of Ivone Kirkpatrick. London, 1959.

³ V. Cowles. *Winston Churchill. The Era and the Man*. London, 1953, p. 332.

буржуазные авторы выражают свое сожаление по поводу того, что не был осуществлен совет Черчилля не отводить англо-американские войска за договоренную между союзниками демаркационную линию до тех пор, пока Советский Союз не капитулирует перед англо-американскими империалистами. М. Бальфур и Д. Мер признают, что если бы совет Черчилля был осуществлен, то, вероятно, Потсдамская конференция вообще бы не состоялась, но они полагают, что это, возможно, было бы даже «к лучшему»!¹

Один из издателей известного английского журнала «Твентис сенчури», Д. Арнольд, также резко критикует Тегеранские, Ялтинские и Потсдамские соглашения с позиций «реализма», «либерализма» и «пацифизма». Особое его недовольство вызывает то обстоятельство, что империалистические круги Великобритании не сумели навязать союзникам своих реакционных взглядов на послевоенное устройство Европы и всего мира.

«Небрежная манера, с которой Потсдамские решения вычеркнули десять веков европейской истории, — с сожалением пишет Д. Арнольд, имея в виду, очевидно, конец тысячелетнего немецкого «Drang nach Osten», — ...уже была признаком того, что контроль ускользнул из рук тех, кто в прежние времена следил, чтобы войны в Европе велись в ограниченных целях и завершались с минимальным нарушением общеевропейского равновесия (т. е. из рук правящих кругов Великобритании, традиционно проводивших политику натравливания своих главных соперников друг на друга. — *Авт.*)»²

Во французской буржуазной литературе критика Тегеранских, Ялтинских и Потсдамских соглашений ведется с националистических и реакционных позиций: как с точки зрения «отстранения» Франции от участия в конференциях «большой тройки», так и с позиции недовольства демократическим характером большинства деклараций и соглашений союзников во второй мировой войне.

В мемуарах генерала де Голля, в книге бывшего министра просвещения, профессора Страсбургского педагогического института М.-Э. Нежлена «Величие и одиночество Франции» и др.³ недовольство «ущемлением» французского достоинства проявляется особенно ярко, и это недовольство приводит авторов к извращению действительных фактов и к отрицанию всего того ценного, что Франция получила от участия совместно с Советским Союзом в антигитлеровской коалиции. Ведь не секрет, что в отличие от США и Англии СССР первым признал временное правительство Франции и ее статус как мировой державы, последовательно отстаивал ее национальные интересы и будущую безопасность, выступая за равноправное франко-советское сотрудничество и дружбу. Само освобождение Франции от гитлеровской оккупации стало возможным лишь в результате разгрома основных сил «третьего рейха» на советско-германском фронте. В свете этих фактов поистине чудовищными выглядят утверждения вроде того, что «наиболее тяжелая ошибка, которую Рузвельт совершил в Ялте, заключалась не в пренебрежении к странам, доказавшим свою любовь к свободе и демократии столькими страданиями и подвигами», а в сотрудничестве с СССР⁴.

Профессор дипломатической истории Роже Сера, со своей стороны, сравнивает Ялту с... Мюнхеном! Он обвиняет государственных деятелей США и Англии в «умиротворении» Советского Союза, называет «иллюзиями» стрем-

¹ M. Balfour and J. Mair. Four-Power Control in Germany and Austria 1945—1946. Oxford, 1956, p. 91.

² G. L. Arnold. The Pattern of World Conflict. New York, 1955, p. 4.

³ Ch. de Gaulle. Memoirs de guerre, t. III; M.-E. Naegelen. Grandeur et solitude de la France. Paris, 1956; J. Chastenot. Winston Churchill et l'Angleterre du XX-e siècle. Paris, 1956.

⁴ M.-E. Naegelen. Grandeur et solitude de la France, p. 100.

ление прогрессивной общественности Запада к послевоенному сотрудничеству с СССР, фактически объявляет ООН мертворожденной организацией¹. В основе всех нападок профессора Р. Сера и других французских буржуазных авторов на соглашения «большой тройки» лежит недовольство французской буржуазии ослаблением классовых, колониальных, экономических и политических позиций Франции после второй мировой войны, главную причину которого она ищет в «происках коммунизма», а не в собственной близорукой политике, представляющей смесь великодержавного шовинизма с предательством национальных интересов.

В последние годы все более активное участие в фальсификации истории второй мировой войны и послевоенных событий, в воспевании «холодной войны», в разжигании ненависти между народами принимает реакционная западногерманская литература. По мере того как в ФРГ все сильнее становятся позиции монополистических, милитаристских и реваншистских кругов, в западногерманской историографии все громче слышатся голоса недобитых фашистских идеологов.

Если в первое время реакционные авторы в ФРГ ограничивались злобой клеветой по адресу Советского Союза, «обоснованием» курса на возрождение германского милитаризма, то позже они перешли к открытым нападкам на всю антифашистскую коалицию, на все союзнические соглашения 1943—1945 гг. Если ранее атака на участие США и Англии в Тегеранских, Ялтинских и Потсдамских соглашениях организовывалась в ФРГ преимущественно чужими руками — путем перевода и широкого распространения соответствующих трудов американских и английских «реальных политиков», «либералов» и т. д., то ныне последователи Геббельса не стесняются в выражениях и эпитетах в отношении тех государственных деятелей «западных демократий», которые руководили войной против держав «оси» и беспокоились о том, чтобы Германия не стала очагом третьей мировой войны.

Теоретической базой западногерманской историографии служит идеология реваншизма, характерной чертой которой является почти полная преемственность «традиций» фашистской историографии времен Гитлера. Преемственность эта проявляется не только в проповеди тех же идей, но и в осуществлении их теми же методами и зачастую теми же людьми. Так, например, бывший директор ряда гитлеровских институтов по изучению стран Восточной Европы профессор Г. Кох стал ныне директором такого же института, находящегося в Мюнхене. Под его руководством выходили и снова выходят работы, проповедующие «Drang nach Osten»².

Бывший гитлеровский дипломат Пауль Рорбах в своих воспоминаниях приравнивает борьбу союзников за уничтожение германского фашизма и милитаризма к «тотальной» войне, которую «третий рейх» вел против советского народа, лживо отождествляет разгром фашистских армий и наказание военных преступников с «порабощением» и даже «уничтожением» немецкого народа.

«Союзники совершили по отношению к немецкому народу те же самые ошибки, что и Гитлер по отношению к русскому, — нагло заявляет П. Рорбах, не только клеветущий на антифашистскую коалицию, но заодно и оправдывающий Гитлера. — Ошибочное решение было принято на конференции в Касабланке 15 января 1943 г. Рузвельт провозгласил здесь требование безоговорочной капитуляции Германии; Черчилль сперва был несколько смущен, но затем присоединился к нему... Политической целью ведения войны Англией и союзниками должно было быть, — поучает П. Рорбах западных

¹ R. Céré. La technique de la paix et l'Europe. Paris, 1954, p. 74.

² H. Koch. Sowjetbuch. Köln, 1958.

деятели, — не уничтожение Германии, а восстановление равновесия сил в Европе»¹.

Этот столь же лживый, как и неумный тезис, рассчитанный на полное забвение народами тяжелого опыта второй мировой войны, когда речь шла не об «уничтожении немцев» и не о «равновесии сил», а о спасении всего человечества, включая и саму Германию, от коричневой чумы, пользуется самым широким употреблением в современной западногерманской литературе. Он является исходным пунктом для атаки на всю политику ликвидации германского фашизма и милитаризма, исправления исторической несправедливости, вызванной тысячелетним «Drang nach Osten», создания прочного демократического мира.

От бывшего нацистского дипломата не отстает и бывший сотрудник Геббельса Макс Вальтер Клаусс, который ни больше ни меньше, как ставит вопрос «об ответственности американцев за положение Европы до принятия плана Маршалла и создания Атлантического сообщества»². М. В. Клаусс считает, что в стремлении сотрудничать во время и после второй мировой войны с Советским Союзом был «виновен» не один Рузвельт, но и его «Распутин» — Гопкинс и впавший в «юношеский пыл» К. Хэлл и др. Он обвиняет государственных деятелей США и Англии в том, что они, вместо того чтобы «защитить немцев и их землю от мести русских или даже использовать немецкий потенциал для обороны Запада», уже в 1945 г. (!), осуществляли план Morgenthau — эту «попытку поставить в решающий момент перед военным крушением третьего рейха военные операции союзников на службу всемирному еврейскому возмездию»³. Подобные сентенции М. В. Клаусса и других западногерманских авторов наглядно показывают, что от их «антикоммунизма» до всех остальных отвратительных проявлений фашизма — реваншизма, антисемитизма и т. п. — всего один шаг.

Хотя У. Черчилль котируется и в западногерманской, как и во всей реакционной, историографии гораздо более высоко, чем, например, Ф. Д. Рузвельт, тем не менее и он получает свою порцию ругани от распоясавшихся реваншистов за участие в войне против гитлеровской Германии, в конференциях союзников по организации послевоенного мира. О его «вине» перед немцами реваншистами и милитаристами говорит уже само название «труда» Петера Клайста «И ты был при этом! Книга сожаления и надежды», в которой демократические Ялтинские и Потсдамские соглашения лицемерно сравниваются с империалистическим Версальским миром⁴.

П. Клайст обильно цитирует «рассуждения» Геббельса и Гитлера об «угрозе с Востока» и «обвиняет» Черчилля в том, что он не прислушивался к ним во время второй мировой войны! П. Клайст недвусмысленно намекает, что если Версаль «вынудил» Германию пойти по пути фашизма и войны, то Ялта и Потсдам могут иметь такие же последствия, т. е. он открыто угрожает новой мировой катастрофой противникам германского империализма.

Представители академической, университетской историографии ФРГ, развивая в той или иной форме теорию об «исторической миссии» Германии в «защите западной цивилизации», также неуклонно подводят своих читателей к выводу об «ошибочности» соглашений о послевоенной оккупации и разоружении Германии и т. п. Известный западногерманский ученый Вильгельм Корнидес, расценивая эти соглашения как плоды неблагоприятного для Запада соотношения сил в 1945 г., по существу, сразу ставит под вопрос их «законность» и «долговечность», намекает на необходимость их ревизии при благоприятном для западных держав «балансе сил»⁵.

¹ P. Rohrbach. Um des Teufels Handschrift. Zwei Menschenalter erlebter Weltgeschichte. Hamburg, 1953, S. 498—499.

² M. W. Clauss. Der Weg nach Jalta. Präsident Roosevelts Verantwortung. Heidelberg, 1952, S. 16.

³ Ibid., S. 214.

⁴ P. Kleist. Auch du warst dabei! Ein Buch des Ärgernisses und der Hoffnung. Heidelberg, 1952.

⁵ W. Cornides. Die Weltmächte und Deutschland, S. 15.

В. БОРЬБА АПОЛОГЕТОВ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» ПРОТИВ ПОЛИТИКИ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

1. Буржуазные теории происхождения «холодной войны»

Реакционные буржуазные идеологи послевоенного периода стремятся изобразить виновником «холодной войны», ненавистной широким массам, Советский Союз, социалистические страны и коммунистическое движение. В своих попытках любой ценой оправдать послевоенную агрессивную и авантюристическую политику западных держав во главе с американским империализмом, ставшим главным оплотом сил реакции, колониализма и милитаризма, и придать убедительность мифу о «советской агрессии» буржуазные авторы широко используют старый прием: они приписывают все революционные сдвиги на международной арене в послевоенные годы «проискам Москвы».

Одним из примеров того, как фальсифицируется в данном направлении вся послевоенная история, может послужить работа профессора университета в Буффало Зелига Адлера «Изоляционистский импульс. Его реакция в XX веке». Обосновывая современную «глобальную» политику США, он пишет: «В течение первого послевоенного десятилетия Великобритания и Франция вели настоящие войны против азиатского коммунизма (!), и Соединенные Штаты вынуждены были фактически поддержать их усилия...

В новой американской политике заключалось, однако, нечто большее, чем просто попытка парализовать политическую силу Москвы. Популярность системы свободного предпринимательства, благодаря созданному войной процветанию (!), была на наивысшем уровне. Американский народ не желал и не мог позволить себе остаться капиталистическим отшельником в коллективизированном мире. Чтобы предотвратить это, мы сочли целесообразным поддерживать институционный и идеологический статус-кво в основных немарксистских странах»¹.

Таким образом, З. Адлер не скрывает, хотя он и пытается прикрыться именем американского народа, что господствующие круги США открыто взяли в 1945—1947 гг. курс на спасение капиталистических, феодальных и колониальных порядков везде, где только еще было возможно. Это было нужно им, чтобы сохранить обширное поле деятельности для американского капитала, чтобы укрепить его классовое господство в США и установить его власть над всеми «немарксистскими» странами, чтобы не оказаться среди «коллективизированного мира». Ради этого американский империализм и взял линию на создание военных блоков, на снабжение их оружием и деньгами.

Что касается «советской угрозы», то рецепт ее фабрикации раскрыт З. Адлером довольно наглядно: национально-освободительное движение в Азии — это «азиатский коммунизм», стремление большинства европейского пролетариата положить конец режиму капиталистической эксплуатации — это «происки Москвы», борьба греческого народа за демократию — это «советская интервенция», законное использование «права вето» Советским Союзом — это «угроза миру» и т. д.

Лживые обвинения Советского Союза в агрессии и нарушении союзнических соглашений являются исходным пунктом для подавляющего большинства американских буржуазных авторов в их попытках дать свою фальсифицированную версию возникновения «холодной войны».

¹ S. Adler. The Isolationist Impulse. Its Twentieth-Century Reaction. London and New York, 1957, p. 390, 398—400.

Примером официозной интерпретации событий 1945—1947 гг., принятой в качестве стандарта почти во всей американской буржуазной литературе, могут служить труды Брукингского института и, в частности, сводные работы У. А. Брауна и Р. Опи «Американская помощь за границей», У. Рейтцеля, М. Кэплэна и К. Кобленца «Внешняя политика США 1945—1955 гг.» и др.

Авторы этих работ исходят из положения, что «в конце второй мировой войны Соединенные Штаты занимали позиции беспрецедентной силы и престижа», и утверждают, что они якобы первоначально стремились использовать свое богатство и могущество соответственно своим «незыблемым принципам», исключительно на благо мира, повышение жизненного уровня и охрану суверенитета других народов. Однако, пишут они далее, «оптимистический идеализм, который США внесли в великий союз, а затем в хартию Объединенных наций и в свои собственные планы и политику, не стал исключительным и мощным мотивом поведения государства на международной арене. Соглашения военного времени, которые, как надеялись, могли бы заложить основы для новых правил международной жизни, так никогда и не вышли из стадий пустых разговоров (!). Пересмотр позиций США был, следовательно, неизбежен»¹.

В чем же состоял этот «пересмотр»? «К началу 1947 г. Советский Союз был поставлен перед неофициальным возрождением англо-американского военного сотрудничества... Был принят «жесткий курс» по отношению к Советскому Союзу, однако эта жесткость должна была использоваться только в специфических вопросах по мере того, как они возникали... Идея состояла в том, что Советский Союз может быть приучен (!) видеть ценность... выполнения своих международных обязательств в том духе, в котором их понимали Соединенные Штаты»².

Таким образом, несмотря на все оговорки, «приспособление» американской внешней политики к послевоенной обстановке состояло, по признанию официозных историков, в принятии «жесткого курса» по отношению к СССР, в попытках навязать ему желательную для империалистов линию поведения. Апологиеты внешней политики США умалчивают о том, что здесь речь шла о попытках установить американскую «копеку» над всем миром, но они правильно представляют Советский Союз как главного противника этих планов. Начав с утверждений о «нежелании» США использовать свою силу на международной арене после второй мировой войны, они заканчивают сожалениями по поводу того, что «за исключением бомбы (атомной), Соединенные Штаты не имели военного потенциала, чтобы осуществлять смелый дипломатический курс» (!)³

Примечательно, что, даже пытаясь всеми способами возложить вину за послевоенное ухудшение международных отношений на СССР, почти все буржуазные авторы вынуждены тем не менее датировать начало «холодной войны» или взрывом атомной бомбы над Хиросимой, или речью Черчилля в Фултоне в марте 1946 г., или провозглашением «доктрины Трумэна» в марте 1947 г.

Сам термин «холодная война» был изобретен реакционным американским публицистом Гербертом Своупом при подготовке им проекта одного из предполагавшихся публичных выступлений Бернарда Баруха еще в начале 1946 г.

¹ W. Reitzel, M. A. Kaplan, C. G. Coblentz. United States Foreign Policy 1945—1955. Washington, 1956, p. 9—10, 83—84

² Ibid., p. 87—89.

³ Ibid., p. 92.

Однако тогда, посоветовавшись со своими ближайшими друзьями, т. е. с государственными деятелями США, Б. Барух и Г. Своуп решили немного подождать с открытым объявлением «холодной войны» Советскому Союзу. Но уже после принятия «доктрины Трумэна» Б. Барух смело провозгласил в своем выступлении в г. Колумбии, Южная Каролина, 16 апреля 1947 г., что Америка находится «в разгаре холодной войны»¹. Новое выражение быстро получило признание со стороны американской прессы, конгрессменов и т. д., ибо оно достаточно точно характеризовало ту враждебность и напряженность в отношениях между США и СССР, которые вызвали послевоенные агрессивные действия американского империализма.

В свете того неоспоримого факта, что США явились организатором «холодной войны» и одним из двух главных протагонистов сил, вовлеченных в нее, весьма любопытно выглядит теория происхождения «холодной войны», развиваемая в работе видного американского ученого Уолта Ростоу. Согласно его утверждениям, «все, что вывело новые державы на мировую арену и разрушило мир 1815 г. (!), имеет отношение к возникновению холодной войны»². Главная «оригинальность» этой теории У. Ростоу состоит в том, что в его исторической схеме возникновения международной напряженности после второй мировой войны никак не находится места... США. Возвышение и падение на протяжении десятилетия таких «центров силы», как Россия, Япония, Германия, Китай, — вот что привело якобы к окончательному нарушению «мирового равновесия» после второй мировой войны.

Что же касается США, то, как пишет профессор У. Ростоу, «в американской концепции послевоенного мира конкретно не имелось ничего, подобного советской цели максимально увеличить свою силу в Восточной или Центральной Европе, желаниям в Китае разгромить противную политическую фракцию, намерению Великобритании восстановить империю и сохранить себя в союзе с США как мощную силу на мировой арене»³. Нечего и говорить, насколько беспочвенна и фальсифицирована вся подобная схема происхождения «холодной войны». Необходимо лишь заметить, что у профессора У. Ростоу нашло свое наивысшее, доведенное до абсурда весьма распространенное в современной американской буржуазной историографии стремление представить США чуть ли не пассивным объектом послевоенного развития международных событий. И «холодная война», и «оборона свободного мира», и «мировое лидерство» — все это, согласно утверждению многих буржуазных авторов, было якобы навязано США после второй мировой войны помимо их желания.

Реакционные американские политики, открыто похваляющиеся своими заслугами в разрыве хороших отношений между СССР и США, в провозглашении послевоенного курса на установление мирового господства Америки, сами расписываются в том, кто, где и когда развязал «холодную войну». Сенатор А. Ванденберг, например, в своем дневнике подробно рассказывает о том, как он, Джон Фостер Даллес, Нельсон Рокфеллер и другие члены американской делегации на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско, а также новый президент США Гарри Трумэн стремились положить конец «умиротворению» России, подразумевая под этим политику равноправных переговоров и взаимоприемлемых соглашений с СССР. «Ф. Д. Р.

¹ E. F. Goldman. The Crucial Decade. America 1945—1955, p. 60.

² W. W. Rostow. The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. New York, 1960, p. 141.

³ Ibid., p. 142.

(рузвельтовское) умиротворение России закончилось, — записывал А. Ванденберг 24 апреля 1945 г. — Россия может убираться (с конференции в Сан-Франциско. — Авт.). Если она это сделает, конференция *будет продолжаться без России* (курсив А. Ванденберга. — Авт.)»¹. А спустя немного времени он подчеркнул: «Америка должна вести себя как мировая держава № 1, какой она и является»².

Учитывая вес и влияние сенатора Ванденберга в разработке послевоенной «двухпартийной» внешней политики США, вряд ли можно недооценивать столь открытое объявление «холодной войны» Советскому Союзу, такое недвусмысленное провозглашение притязаний американского империализма на мировое лидерство. И если «объективные» буржуазные авторы избегают цитировать подобные высказывания А. Ванденберга и многих других деятелей США³, то это лишь еще одно из ряда свидетельств их стремления фальсифицировать вопрос о причинах «холодной войны», возникшей прежде всего в результате попыток реакционных, агрессивных кругов империалистических держав во главе с США остановить после второй мировой войны часы истории, под крики о «советской угрозе» воспрепятствовать закономерному развитию мирового революционного процесса.

2. Извращение реакционными идеологами процесса становления мировой социалистической системы

Пожалуй, нельзя найти ни одной работы современных буржуазных авторов, в которой бы полностью не извращался вопрос о распространении социализма на международной арене после второй мировой войны, о возникновении народно-демократических режимов в ряде стран Европы и Азии, о становлении мировой социалистической системы. Классовая ненависть, стремление оклеветать внешнюю политику СССР, сожаление о провале империалистических планов хозяйничанья США и Англии в Восточной Европе, попытки отрицать основные закономерности развития человеческого общества от капитализма к социализму — таковы исходные позиции почти всех буржуазных авторов, затрагивающих в своих работах проблему образования и роли социалистического лагеря в послевоенных международных отношениях.

Фальсификация истории социалистической революции в ряде стран Европы и Азии после второй мировой войны прежде всего служит основой извращения в буржуазной литературе всей

¹ «The Private Papers of Senator Vandenberg», p. 176.

² Ibid., p. 267.

³ «The Memoirs by Harry S. Truman», vol. I—II; «The Forrestal Diaries»; H. Arnold. Global Mission и др.

послевоенной внешней политики Советского Союза. Лживое обвинение СССР во вмешательстве во внутренние дела этих стран — отправной пункт для распространения мифа о послевоенной «коммунистической угрозе», «советской агрессии».

Многочисленные книги и статьи (в которых не только печаталась клевета по адресу СССР и оправдывались внешнеполитические действия США и Англии, направленные на подрыв молодых народно-демократических государств, на восстановление буржуазно-помещичьих режимов, но и создавалась своеобразная законченная идеологическая платформа этих действий) явились, по существу, идеологической реакцией Запада на коренные революционные преобразования в мире и создание социалистической системы.

Главное острие этих работ, как и послевоенной политики западных держав, было, конечно, направлено против Советского Союза, на пропаганду реставрации капитализма в Восточной Европе, о чем откровенно заявил в 1947 г. Джордж Кеннан¹, отводивший, согласно своей доктрине «сдерживания», граничащим с СССР странам роль современного «санитарного кордона» против коммунизма.

Основная цель внешней политики Соединенных Штатов, заявлял Кеннан, заключается в привлечении на свою сторону стран народной демократии при помощи политического и экономического давления². Подобная политика, писал американский историк Г. Винаке, должна проводиться до тех пор, пока США не станут настолько сильными, «чтобы заставить советское правительство прийти к соглашению по спорным вопросам... в Европе и Азии»³.

С конца 40-х годов по проблемам становления мировой социалистической системы и взаимоотношений с нею началось особенно широкое, организованное выступление буржуазной академической науки, в первую очередь американской. Оно продолжается в течение многих лет.

В докладе сенату США «Идеология и внешняя политика» группа американских профессоров так сформулировала цели этого выступления: «Соединенные Штаты стремятся развивать широкие контакты с интеллигенцией в коммунистической орбите и в конечном счете с политиками на среднем и высшем уровне в надежде на то, что удастся постепенно оказать влияние на их идеологические убеждения».

Пытаясь посеять сомнения, неуверенность среди неустойчивой части интеллигенции стран народной демократии, реакционные буржуазные идеологи и пропагандисты в то же время стремятся показать общественности США, Западной Европы и других стран в ложном свете процессы, происходящие в социалистических государствах, и их внешнюю политику. Именно этим целям служат работы Г. Робертса, У. Росту, С. Кертеса, Ф. Шумана, К. Бжезинского, Ф. Мосли, В. Кульски, А. Рубинштейна, К. Блэка и многих других авторов⁴.

¹ «Foreign Affairs». 1947, № 4, p. 566—582.

² Ibidem.

³ H. Vinacke. The United States and the Far East. 1945—1951, p. 128.

⁴ H. L. Roberts. Satellits in Eastern Europe. Philadelphia, 1958; W. Rostow. The Prospects for Communist China. New York, 1954; Ph. Mosely. The Kremlin and World Politics. New York, 1960; J. Wszelaki. Communist Economic Strategy: the Role of East-Central Europe. Washington, 1959; K. Z. Brzezinski. The Soviet Blok. Unity and Conflict. Cambridge, 1960; A. Z. Rubinstein. The Foreign Policy of the Soviet Union; W. W. Kulski. Peaceful Coexistence.

Для объяснения и оправдания своих действий против народно-демократических государств руководители и апологеты внешней политики США широко используют «аргументацию» о якобы «случайном» возникновении режимов народной демократии. По-разному фальсифицируя процессы, происходившие в этих государствах, большинство буржуазных авторов сходятся в одном: все они отрицают закономерность революционного перехода от капитализма к социализму, выдавая народно-демократический строй за случайное, эпизодическое, «наносное» явление. Отсюда и их вывод: возможен возврат стран социализма в «свободный мир», возможно и необходимо «воздействие» в соответствующем направлении со стороны западных держав на Польшу, Чехословакию, Венгрию и другие страны социализма.

Теснейшим образом с рассуждениями о «случайности» возникновения мировой социалистической системы связана старая, уже неоднократно разоблаченная концепция «экспорта революции». Она довольно полно представлена в книгах Ф. Мосли «Кремль и мировая политика», Я. Вселаки «Экономическая стратегия коммунизма: роль Восточной и Центральной Европы», К. Бжезинского «Советский блок», а также в работе профессора Брюссельского института социологии А. Вандерса, пытающегося отрицать закономерность победы народно-демократической революции в Китае¹.

Пытаясь доказать «случайность» установления народно-демократического строя, Ф. Мосли, Г. Робертс, А. Рубинштейн и другие западные историки утверждают, что в странах Восточной Европы будто бы не было для этого внутренних сил. Рабочий класс, по их мнению, находился под влиянием правых социал-демократов, крестьяне — под влиянием крестьянских партий, а партии эти, как известно, ни о каком социализме не помышляли. Эти историки прибегают, таким образом, здесь к довольно распространенному приему буржуазной фальсификации: путем хронологического смещения общеизвестная оценка внутренних сил предвоенного периода распространяется на период войны и первые послевоенные годы. Отрицая революционные возможности стран, освобожденных от фашизма, буржуазные идеологи утверждают, что в этих странах не было будто бы собственных сил, способных осуществить социалистическую революцию. И тут же они спешат сделать «вывод», что революция, мол, была экспортирована сюда из СССР и является «незакономерной».

Подобную клевету на СССР и другие страны социализма распространяет, например, профессор русской истории Лондонского университета Хью Сетон-Уотсон в своей книге «История мирового коммунизма»². Его тезис — «можно оказать воздействие на условия победы коммунизма» — является типичным выражением субъективистских взглядов буржуазных идеологов, отрицающих объективные законы развития человеческого общества.

Коммунисты давно уже изложили свою точку зрения на «экспорт революции». «Революции не делаются по заказу, — говорил В. И. Ленин, — не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин»³. Именно так обстояло дело и в странах народной демократии в Европе и Азии в 1945—1949 гг.⁴

Буржуазные авторы утверждают, что народно-демократический строй установился будто бы благодаря вмешательству советских войск, вмешатель-

¹ A. Wanders. Le communisme de Mao Tse-tung. Bruxelles, 1957.

² H. Seton-Watson. The History of World Communism. New York, 1960.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 27, стр. 506.

⁴ См. гл. VI и VII.

ству Советского Союза во внутренние дела освобожденных стран¹. Но ведь известно, что победа рабочего класса над силами контрреволюции в Чехословакии, например, была достигнута тогда, когда там не было советских солдат. И напротив, в Австрии находились советские войска, но там не произошло революции, потому что там сложились другие условия, а именно другая внутренняя расстановка классовых сил.

Если уж говорить о вмешательстве внешних сил во внутренние дела восточноевропейских стран, то нужно вспомнить о многочисленных подрывных действиях западных держав, всеми силами пытавшихся остановить после второй мировой войны развитие социалистической революции в Восточной Европе и в Азии. Это были явные попытки экспорта контрреволюции. Однако времена, соотношение сил внутри многих стран и на мировой арене изменились. Организовать интервенцию, как это было сделано в 1919 г. против Советской Венгрии, уже нельзя было в 1947 г. «Империализм оказался бессильным преградить путь социалистическим революциям в Европе и Азии»².

Потерпели полный провал и попытки снова вовлечь народно-демократические страны в систему капиталистических отношений более тонкими, в частности экономическими, методами. Не случайно столь видное место в идеологической борьбе против социалистической системы заняла империалистическая пропаганда «плана Маршалла» и фальсификация его действительной истории и сущности.

После того как социалистические страны, выяснив истинные цели плана «восстановления» Европы, отказались от участия в нем, в западной литературе поднялась целая кампания клеветы на внешнюю политику стран Восточной Европы, распространялись лживые утверждения о том, что Чехословакия и Польша якобы согласны были признать «план Маршалла», но затем отказались под «давлением» Советского Союза и т. д.³ И здесь, как и во многих других аналогичных случаях, фальсификаторы использовали довольно известный прием: мнение небольшой группы реакционных деятелей выдавалось за мнение всего народа, всей страны.

Действительно, в 1947 г. в Чехословакии, а также в ряде других государств Восточной Европы были реакционные силы, которые стремились при помощи «плана Маршалла» повернуть развитие своих стран назад, на путь капитализма, привязать их к Западу. Позже они открыто заявили об этом в ряде книг, опубликованных в эмиграции⁴. Но в середине 1947 г. эти силы уже не играли определяющей роли в политике, были изолированы от народа. Именно поэтому правительства народно-демократических государств Восточной Европы отказались от участия в «плане Маршалла» и тем самым обеспечили независимое развитие своих стран по пути к социализму.

¹ C. Black. *Challenge in Eastern Europe*. New York, 1954; S. Kertesz. *The Fate of East — Central Europe: Hopes and Failures of American Foreign Policy*. Notre Dame, 1956; S. Fischer-Galati. *Romania*. New York, 1956; J. Campbell. *The United States in World Affairs, 1945—1947*; и др.

² «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 39.

³ S. H. Thomson. *Czechoslovakia in European History*. Princeton, 1953; J. Brown. *Who's Next? The Lesson of Czechoslovakia*. London, 1951; J. Taylor. *The Economic Development of Poland, 1939—1950*. London, 1952.

⁴ H. Ripka. *Eastern Europe in the Postwar World*. London, 1961, p. 75.

Извращение внешней политики народно-демократических государств в годы становления мировой социалистической системы буржуазными авторами было неразрывно связано с идеологической поддержкой внутренней реакции этих государств. В подобных пропагандистских диверсиях вместе с политическими деятелями высшего ранга, вроде Д. Ф. Даллеса¹, принимали участие крупнейшие буржуазные историки во главе с Арнольдом Тойнби².

Иногда злостная кампания клеветы, начатая в связи с тем или иным событием в одной из стран социализма, превращалась в длительную, перманентную тему для антикоммунистической пропаганды идеологов «холодной войны». Так произошло после разгрома в Чехословакии готовившегося контрреволюционного мятежа в феврале 1948 г.

«С поражением реакции в Чехословакии в феврале 1948 г., — пишут чехословацкие историки Я. Шедивый и К. Коржалкова, — потерпел крушение план правящих кругов империалистических государств нарушить и остановить процесс развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы»³. Кроме того, пример успешной социалистической революции в одной из наиболее развитых в экономическом отношении европейских стран был весьма привлекателен для народов Западной Европы. Вот почему фальсификация событий февраля 1948 г. стала обязательным пунктом антикоммунистической пропаганды, в том числе и предметом «исследований» многих буржуазных историков и социологов⁴.

Вопреки историческим фактам, реакционная буржуазная литература изображает пражские события февраля 1948 г. как коммунистический государственный переворот (конечно, «случайный» и «незакономерный»), а не как революционный акт пролетариата, преградившего путь реакции (которая как раз и пыталась совершить государственный переворот) и взявшего власть в свои руки.

Буржуазные авторы, специализирующиеся на антикоммунизме, не блещут оригинальностью, и поэтому ярлык «государственный переворот» использует почти каждый из них, как пишущий о поражении Миклоайчика на выборах в Польше, так и повествующий о бегстве Ференца Надя из Венгрии или о поражении в Румынии реакционного правительства генерала Радеску.

Победа народно-демократических сил над реакцией была также использована многими западными идеологами в качестве повода для клеветы на страны социализма в связи с их требованиями о приеме в Организацию Объединенных Наций. В течение длительного времени в работах американских и английских реакционных авторов «обосновывались» действия Соединенных Штатов, препятствовавших в 1948—1949 гг. и позже приему в ООН

¹ В своей книге «Война или мир», опубликованной в 1950 г., Д. Ф. Даллес яростно защищал главарей венгерской реакции Ф. Надя и Й. Миндсенти (в связи с процессом 1949 г.), а также других реакционных деятелей стран Восточной Европы.

² «The Realignment of Europe». Ed. by A. and V. Toynbee.

³ Я. Шедивый и К. Коржалкова. Внешняя политика Чехословацкой Социалистической Республики в 1945—1960 гг., стр. 59.

⁴ O. Friedman. The Break-up of Czech Democracy. London, 1950.

Болгарии, Венгрии и Румынии, хотя в 1947 г. и США, и Англия поставили свои подписи под мирными договорами с этими странами, в которых предусматривалась поддержка их заявлений о приеме в ООН. Одновременно с клеветой на эти три страны, раздававшейся с трибуны ООН, в западной литературе распространялись лживые утверждения о «косвенной агрессии» со стороны Болгарии против Греции, о нарушении прав человека в странах Восточной Европы, о их якобы зависимой внешней политике и т. п.

Характерной чертой работ многих буржуазных авторов является их усиленное внимание к проблеме единства социалистического лагеря в период его возникновения (1945—1949 гг.).

Цель подобного рода работ тройная: во-первых, «отыскать» несуществующие противоречия между странами социализма, во-вторых, уверить читателя, что эти «противоречия» все время углубляются, и, в-третьих, дать пищу буржуазно-националистическим элементам в Венгрии, Польше и других народно-демократических странах, поддержать эти элементы, оказать противодействие борьбе коммунистов против буржуазного национализма.

Методы, которые используются при этом западной историографией, — самые разнообразные. Например, реакционные буржуазные авторы, перекладывая с больной головы на здоровую, утверждают, что в основе взаимоотношений между социалистическими странами лежит якобы идеология силы; идеологией силы определяются, по их словам, и отношения стран социализма со всем остальным миром. Для подтверждения своей выдумки о противоречиях, якобы существовавших в 1947—1949 гг. между странами народной демократии, они ссылаются на те раздоры, которые действительно имели место среди буржуазно-помещичьих государств Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами. Этим методом воспользовались М. Ибон в своей книге «Мировой коммунизм сегодня»¹, К. Бжезинский и др.

Буржуазные фальсификаторы утверждают, в частности, что между Румынией и Венгрией пять и более лет спустя после войны оставался будто бы спорным вопрос о Трансильвании, хотя хорошо известно, что он был разрешен еще в 1945 г. Приводятся выдуманные заявления о якобы неравноправных экономических взаимоотношениях между странами Восточной Европы. Так, К. Бжезинский утверждает, что экономическое соглашение между Чехословакией и Польшей (1947 г.) укрепляло-де их позиции в Центральной Европе в ущерб другим странам народной демократии². Можно привести также примеры недобросовестных, фальсифицированных подсчетов, завышенных или заниженных данных и т. п. Все они нужны были для того, чтобы «доказать» наличие трений, противоречий, неравноправия в отношениях между странами социализма.

Было бы неверным утверждать, что такой сложный и совершенно новый в практике международных отношений процесс, как становление нового типа взаимосвязей, социалистических государственных отношений протекал гладко и совершенно без всяких трудностей. Конечно, в 1945—1949 гг. возникали определенные трудности, связанные с пережитками прошлых межгосударственных отношений, с проявлениями национализма, но

¹ M. Ebon. *World Communism Today*. New York, 1948.

² K. Z. Brzezinsky. *The Soviet Blok. Unity and Conflict*, p. 57.

Все это были трудности переходного периода, которые успешно преодолевались. Условия для этого были созданы новой, социалистической природой народно-демократических государств и утверждением нового типа межгосударственных отношений на мировой арене.

Буржуазные авторы любят разглагольствовать о своей «тревоге» и «заботе» о судьбе «порабощенных наций» Восточной Европы, о своих «дружеских» чувствах к ним и т. д. Это не мешает им, однако, вести самую ожесточенную кампанию против подлинно национальных интересов этих стран, против их прав, безопасности и суверенитета. Наглядным примером здесь может служить позиция реакционной буржуазной литературы по вопросу о послевоенных границах в Европе. Уже в 1947—1948 гг. среди буржуазных авторов, особенно американских, ярко проявилась тенденция к поддержке агрессивных устремлений западногерманских реваншистских кругов в сторону стран Восточной Европы, и в первую очередь в сторону Польши и Чехословакии. В США и Англии, в частности, стали раздаваться голоса о необходимости «ревизии» границы по Одру — Нейссе, признанной западными союзниками еще в годы второй мировой войны и зафиксированной в Потсдамских соглашениях.

Ободренные поддержкой из-за океана, западногерманские реваншисты не преминули воспользоваться ею для еще более наглых выступлений в целях идеологической и военно-политической подготовки новой войны. При этом американские средства и методы фальсификации внешней политики стран социализма как идейное оружие антикоммунизма полностью стали использоваться западногерманскими реакционными авторами. Уже в 1947 г. в Западной Германии был создан так называемый «геттингенский рабочий кружок» (объединивший бывших немецких профессоров университетов Вроцлава и Праги), который развил бурную деятельность по пропаганде «возвращения» Германии восточных земель. Проблемы Восточной Европы — это основная цель занятий многих институтов и организаций, входящих ныне в систему «Ostforschung» в ФРГ.

В книгах Р. Маураха, Г. Уберсбергера, В. Филиппа, В. Харпе, в свое время идеологически обосновывавших гитлеровскую агрессию против СССР, в работах В. Гальвега, Б. Мейсснера, Э. Маттиаса и других историков открыто проповедуются идеи реванша в отношении стран социализма. Реваншизм — это господствующее ныне направление в западногерманской реакционной литературе.

Отдельные работы могут несколько отличаться друг от друга, но это различие сводится в основном к расхождению в методах. Цель же у всех — одна. Так, например, в книге П. Венгера «Кто приобретет Германию», проповедуется более «мирная» по форме программа реванша. В частности, применительно к Польше, эта программа предусматривает не открытый захват польской территории путем агрессии, а «федерацию» ФРГ с Польшей! Причем Венгер считает возможным осуществить этот план в рамках «всеобъемлющей программы установления нового порядка во всей Средней и Восточной Европе»¹.

Однако попытки некоторых идеологов западногерманского реваншизма завуалировать свою проповедь агрессии против стран социализма не могут скрыть того факта, что в целом в буржуазной литературе ФРГ давно уже преобладают открыто реакционные силы, выступающие за пересмотр мирного урегу-

¹ P. Wenger. Wer gewinnt Deutschland? Stuttgart, 1959, S. 35.

лирования, осуществленного в 1945 г., за проведение «политик силы» по отношению к странам социалистического лагеря, за подготовку новой реваншистской войны, хотя бы она и грозила термоядерной катастрофой прежде всего самой Германии.

3. Фальсификация принципов мирного сосуществования

Рост международного авторитета СССР, становление мировой социалистической системы, усиление воздействия внешнеполитических принципов коммунизма на всю систему международных отношений — все это особенно усилило тревогу империализма и его идеологов по поводу успехов послевоенной миролюбивой политики СССР. Империалистов беспокоило торжество совершенно новых принципов на международной арене, грозящих самому существованию прежних империалистических межгосударственных отношений силы и диктата, грабежа и эксплуатации, обмана и экспансии, агрессии и войн. Отсюда идут бешеные нападки на главные принципы внешней политики СССР и всего социалистического лагеря, на их генеральный курс — политику мирного сосуществования и соревнования государств с различным социальным строем.

Немногие из проблем международных отношений подвергаются со стороны буржуазных идеологов такой изощренной фальсификации, как проводимая с первого дня существования Советской власти политика мирного разрешения спорных вопросов, равноправного экономического сотрудничества, установления дружеских связей между народами, мирного сосуществования и соревнования социализма и капитализма.

Этой тематике посвящено не мало специальных работ. В то же время трудно найти такого буржуазного автора, который, хотя бы косвенно затрагивая вопросы внешней политики СССР, не уделит бы внимания и проблеме мирного сосуществования. При этом цель современной реакционной буржуазной литературы состоит не только в том, чтобы доказать «невозможность» мирного сосуществования, но и совершенно извратить смысл всех внешнеполитических действий Советского Союза, направленных на утверждение этого принципа как основы международных отношений.

Главный тезис, от которого отталкиваются буржуазные авторы, заключается в отрицании мирного сосуществования как постоянного и последовательно отстаиваемого принципа внешней политики СССР. «Мирное сосуществование — это лозунг, выдвинутый из тактических соображений Советским Союзом» — вот основа рассуждений западных историков. Именно так трактует внешнюю политику СССР английский историк Х. Сетон-Уотсон в своей широко разрекламированной книге «Ни войны, ни мира»¹.

¹ H. Seton-Watson. Neither War, nor Peace. London, 1960.

Буржуазная историография утверждает, что Советский Союз если и отстаивал принцип мирного сосуществования, то только в определенные периоды, что в первое пятилетие после войны (1945—1949 гг.) советская внешняя политика якобы не была направлена на мирное сосуществование, что она была «агрессивной» и т. д. Западные политики и идеологи сознательно игнорируют действительные факты и конкретные дела, неопровержимо свидетельствующие о миролюбивом характере внешней политики Советского Союза на всем протяжении после Октябрьской революции. Тезис о мирном сосуществовании, по мнению профессора Минчиганского университета У. Уэлша, был выдвинут в Советском Союзе совсем недавно¹. То же утверждают М. Болл, К. Блэк и Е. Хелмрич и др.² Что касается ленинского декрета о мире, провозглашенного в октябре 1917 г., и всех последующих внешнеполитических актов СССР, направленных на установление мирных отношений с другими странами, то все это, по утверждению буржуазных авторов, «коммунистическая пропаганда».

В поисках «аргументов» для подтверждения своих выдумок об «агрессивности» СССР в первые послевоенные годы буржуазные идеологи обращаются к истории возникновения Советского государства и даже к истории русского царизма. Как ни странно, но не выдерживающий никакой критики тезис о том, что в основе внешней политики СССР лежат якобы те же самые принципы, что и политики царской России, весьма широко распространен в буржуазной литературе. Характерно, что эта точка зрения особенно упорно проводилась в конце 40-х — начале 50-х годов. Ее можно встретить у патриарха современной буржуазной историографии Арнольда Тойнби³ (Англия), в семитомном труде Ж. Пиренна (Бельгия) «Главные тенденции мировой истории»⁴, в книге У. Ростоу и А. Левина (США) «Движущие силы советского общества»⁵ и в ряде других работ.

Все эти авторы в той или иной форме развивают положение о том, что якобы «современная внешняя политика СССР базируется в основном на политических и идеологических традициях, созданных царизмом»⁶. Эту же идею проповедают Б. Мур⁷ и Ф. Мосли⁸. Последний усматривает истоки советской внешней политики в «русском империализме (!?) 1450 года». Интересно, что в книге Мосли «Кремль и мировая политика» есть статьи, опубликованные им еще в 1938 г.

Извращение подлинного смысла политики мирного сосуществования ведется буржуазными идеологами по самым различным направлениям. Одно из них — это утверждение, что мирное сосуществование якобы... противоречит марксистско-ленинской теории.

Из западных авторов, пожалуй, больше всех этому вопросу уделял и уделяет внимание австрийский философ, один из ведущих идеологов антикоммунизма, Густав Веттер. Противоречие принципа мирного сосуществования марксизму, по мнению Веттера, заключается в том, что марксисты считают возможным насильственный прорыв империалистической цепи в ее наиболее

¹ W. Walsh. Russia and the Soviet Union. (Michigan), 1958, p. 554.

² M. Ball. NATO and the European Union Movement. New York, 1959, p. 94; C. Black and E. Helmreich. Twentieth Century Europe. New York, 1959, p. 749 и др.

³ A. Toynbee. The World and the West. London, 1953; A. Toynbee. A Study of History. London, 1960.

⁴ J. Pirenne. Les grands courants de l'histoire universelle, t. VII. Paris, 1956, p. 190—195.

⁵ W. Rostow and A. Levin. The Dynamics of Soviet Society. New York, 1953, p. 135.

⁶ «Soviet Power and Policy». New York, 1955, p. 373.

⁷ B. Moore. Soviet Politics. The Dilemma of Power. Cambridge, 1951, p. 215.

⁸ Ph. Mosely. The Kremlin and World Politics.

слабом звене. А следовательно, делает совершенно ложный вывод Веттер, нельзя надеяться на длительное мирное сосуществование¹.

Характерно, что с мнением иезуита Веттера полностью совпадает точка зрения французского ревизиониста Пьера Эрве, который не останавливается перед прямой клеветой, что Ленин якобы был сторонником только насильственных методов пролетарской революции и выступал против всякого сосуществования².

В связи с фальсификацией послевоенной внешней политики СССР и принципов мирного сосуществования в современной западной, в первую очередь американской, литературе извращается вся история взаимоотношений США и Советского Союза, которые в послевоенные годы оказались в центре мировой политики и от которых больше всего стало зависеть общее состояние всей системы международных отношений.

Основываясь на теории «исключительности» и «всесилия» американского капитализма, апологеты руководящей роли США во всем мире после окончания второй мировой войны начали выпускать одну за другой книги, в которых проповедовался отказ от сотрудничества с Советским Союзом. Наиболее полно это проявилось в книгах Дж. Бернхэма³, Г. Гувера⁴ и других авторов, идеологически обосновывавших необходимость применения «политики силы» по отношению к СССР под тем лживым предлогом, что с ним-де «невозможно» вести переговоры и т. п.

Чтобы усугубить «холодную войну», буржуазная историография злобно извращает многочисленные примеры плодотворного осуществления принципов мирного сосуществования и сотрудничества в отношениях между СССР и Соединенными Штатами в прошлом и настоящем. Так, в западной литературе, посвященной ООН, помимо явно одностороннего освещения процесса создания этой организации, можно найти отчетливо выраженную тенденцию извратить и здесь внешнюю политику СССР, его роль в борьбе за прочный послевоенный мир, его стремление к равноправному и плодотворному сотрудничеству с западными державами. Эта тенденция наиболее полно отражена в книге сотрудницы Брукингского института Р. Б. Рассел, подготовленной с помощью Меллоновского фонда и с благословения госдепартамента, который предоставил автору доступ к своим архивам⁵. Р. Рассел, так же как и Г. Фейс⁶, У. Лангер, С. Глизон⁷ и другие историки официозного и академического направления американской историографии, исходит в своей работе не из равенства сторон, участвовавших в создании Организации Объединенных Наций, а из какой-то якобы особой роли Соединенных Штатов в подготовке послевоенного мирного урегулирования и выработке Устава ООН. Она принижает, а подчас и совсем отрицает роль Советского Союза в создании ООН. Более того, американские буржуазные историки утверждают даже, что СССР якобы создавал «трудности» для США в этой работе и вообще был противником международного сотрудничества. При этом,

¹ G. A. Wetter. Der dialektische Materialismus, seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion. Wien, 1956, S. 177.

² P. Hervé. Ce que je crois. Paris, 1958, p. 127—128.

³ J. Burnham. The Struggle for the World; J. Burnham. Containment or Liberation?

⁴ H. Hoover. Addresses upon the American Road, 1945—1948.

⁵ R. B. Russel. A History of the United Nations Charter. The Role of the United States, 1940—1945.

⁶ H. Feis. Churchill — Roosevelt — Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought.

⁷ W. Langer and S. Gleason. The Undeclared War, 1940—1941. New York — London, 1953.

конечно, замалчиваются подлинные исторические факты и документы, которые полностью разоблачают эту лживую концепцию.

Буржуазная историография извращает также роль СССР в подготовке и заключении парижских мирных договоров с бывшими союзниками нацистов. Общеизвестно, что именно благодаря активной деятельности советской дипломатии в Париже были подписаны договоры, которые обеспечивали демократическое развитие государств, воевавших против союзников по антифашистской коалиции. Тем не менее проф. Е. Чиуря утверждает, например, не приводя, разумеется, никаких доказательств, ибо их не существует в природе, что не участие СССР в Парижской конференции определило ее демократический характер, а роль западных держав¹. Но ведь не секрет, что главная задача западных держав в Париже, как об этом откровенно писал еще в 1948 г. член американской делегации Кэмпбелл, состояла в том, чтобы попытаться проникнуть в Восточную Европу².

В первые послевоенные годы реакционная буржуазная литература приложила немало усилий, чтобы искоренить дружеское отношение американского народа к СССР, заложить идеологический фундамент «холодной войны». Разжигание недоверия и ненависти между народами стало характерной чертой деятельности не только пропагандистского аппарата «психологической войны», но и всей современной буржуазной идеологии, особенно буржуазной теории международных отношений.

4. Апологетика послевоенной агрессивной политики империализма

По мере развития послевоенного агрессивного курса западных держав в основном потоке буржуазной литературы, по существу, все более исчезало различие между официозной и академической историографией, между открытыми проповедниками «политики силы» и учеными, причисляющими себя к «либералам». Подавляющее большинство современных реакционных буржуазных авторов, поставив свое перо на службу правительству, монополиям и военщине, вместо глубокого изучения международных отношений занимается однообразной апологетикой почти всех внешнеполитических актов империалистического лагеря во главе с США.

Один из директоров Рокфеллеровского фонда, видный американский социолог Кеннет Томпсон, по существу, признает, что в господствующих кругах США и в американской буржуазной литературе «разногласия» по вопросам «политики силы» сводятся не к проблеме «за» или «против», а к вопросу, целесообразно ли открыто провозглашать и отстаивать эту политику или следует тщательно маскировать ее моральными и прочими «атрибутами». Направление «реальных политиков», или «политических реалистов», как их именует сам К. Томпсон, «представляет собой реакцию против взглядов, определяемых преимущественно соображениями права и морали». «Немногие

¹ E. Ciurea. Le traité de paix avec la Roumanie. Paris, 1954, p. 25—39.

² J. Campbell. The United States in World Affairs. 1945—1947, p. 60.

общественные деятели, — пишет он далее, — открыто поддерживают новый подход, особенно в годы их государственной службы. Тем не менее многие из них, может быть даже в большей степени, чем они осознают это сами, подверглись влиянию воззрений, воплощенных в новой традиции... Полное понимание основополагающей философии этого подхода необходимо, однако, если американские государственные деятели и ученые считают, что они призваны повысить уровень общественного понимания и осознания реальностей международной жизни и ликвидировать пропасть между тем, что чувствуют и делают руководители, и тем, что воображает народ об их деятельности»¹. Иными словами, К. Томпсон призывает буржуазных политиков и ученых США не только самим открыто и единодушно исповедовать взгляды поклонников «политики силы», но и навязать их американскому народу.

«Рассчитанный риск» — таково было одно из первоначальных и весьма показательных названий внешней политики США периода «холодной войны», под таким названием вышла в 1947 г. и книга известного американского специалиста в области международных отношений Г. Армстронга, издателя одного из наиболее влиятельных внешнеполитических органов господствующих кругов США — журнала «Форин афферс».

«Сегодня, — писал Г. Армстронг, — несмотря на весь триумф наших солдат, моряков и летчиков на всех морях и континентах, несмотря на успешное руководство наших государственных деятелей созданием ООН, несмотря на наше обладание неоспоримой промышленной силой и внушающей ужас атомной бомбой, мы все же испытываем чувство неопределенности, неудовлетворения, незавершенной работы, еще не завоеванного мира»². И далее он пояснял, что это чувство, в частности, вызывается «плохой» работой ООН, например, непринятием ею «плана Баруха» или провалом попыток вмешаться во внутренние дела других стран под маской «расследования» в результате применения «права вето».

Убедившись в том, что «атомная дипломатия», на которую американские империалисты возлагали столь большие надежды после варварских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, оказалась бессильной против миролюбивой внешней политики СССР и против народных движений, сторонники «политики силы» активизировали свою кампанию за использование всех средств и методов борьбы против революционных изменений в мире, против СССР — оплота всех миролюбивых и свободолюбивых народов.

Г. Армстронг и стоящие за ним круги американского империализма, несмотря на очевидные факты реальной действительности, упрямо считали, что США имеют после окончания второй мировой войны все «права» и данные, чтобы добиться желаемого ими «завоевания мира». Поэтому вместо поиска взаимной договоренности с Советским Союзом и признания прав народов на мир, свободу и прогресс, они предлагали «рассчитанный риск» — курс на превращение ООН в послушное орудие внешней политики США, на осуществление гонки вооружений и закабаления других стран, на создание сепаратных группировок и военных блоков западных держав, т. е. на подготовку и провоцирование новой войны.

¹ K. W. Thompson. Political Realism and the Crisis of World Politics. An American Approach to Foreign Policy. Princeton, 1960, p. VII.

² H. F. Armstrong. The Calculated Risk. New York, 1947, p. X.

Апологеты политики «рассчитанного риска» и «сдерживания» коммунизма восторженно приветствовали «доктрину Трумэна» — это дальнейшее открытое провозглашение курса на наглое вмешательство США в дела других стран, на противопоставление силы доллара и оружия идеям прогресса и освобождения. Диапазон похвал по адресу «доктрины Трумэна» в реакционной историографии чрезвычайно велик — от изборажения ее скромным, но ценным вкладом в «защиту западной цивилизации» до признания ее «смелым» решающим поворотом внешней политики США в сторону «холодной войны». Но, пожалуй, первое место в буржуазной литературе по количеству и неумеренности прославлений принадлежит «плану Маршалла» — программе «бескорыстной», «великодушной», «беспримерной» и тому подобной послевоенной экономической «помощи» Европе со стороны США. Скрывая дальний прицел европейской политики американского империализма, утверждая, будто бы правящие круги США готовы были предоставить «помощь» всей Европе, включая СССР, будто их единственной заботой было «восстановление» Европы, буржуазные авторы старательно замалчивают тот факт, что «план Маршалла» был направлен на спасение западноевропейского капитализма, на раскол Европы, на подчинение Западной Европы американскому капиталу, на подготовку почвы для военного объединения и милитаризации западноевропейских государств, включая Западную Германию. Они пытаются скрыть, что «план Маршалла» был одним из важнейших орудий «холодной войны» против мира и социализма.

В работе У. Брауна и Р. Опи «помощь» американского правительства другим странам откровенно характеризуется как один из способов «достижения провозглашенных целей американской внешней политики»¹. Однако и эти авторы повторяют в сотый и тысячный раз принятую в современной буржуазной литературе фальсификаторскую формулу: соотношение военных и экономических элементов во внешней политике США на любом послевоенном этапе определяется якобы размером «угрозы агрессии» со стороны СССР. Там, где эта «угроза» наибольшая, преобладают военные элементы, где она существует преимущественно в виде «подрывной деятельности» — экономические.

«В то время, как была предпринята попытка сделать ударение на экономических методах даже в достижении политических целей, — пишут У. Браун и Р. Опи, — было широко признано, что успех политики зависит от позиции Советского Союза. Военный аспект помощи, хотя он и был налицо с самого начала, скрывался до тех пор, пока советская политика не втянула Западную Европу в организацию самообороны, а США — в Североатлантический пакт»².

Стремясь любой ценой оправдать в глазах мировой общественности непопулярный и опасный курс США на создание военных плацдармов и союзов, апологеты американского империализма громоздят одну выдумку за другой, подчас сами не замечая, к каким нелепостям они приходят. Ведь если

¹ W. A. Brown and R. Opie. American Foreign Assistance. Washington, 1953, p. 1.

² Ibid., p. 127.

поверить их формуле о соотношении военных и экономических аспектов в американской послевоенной политике и «помощи», то получается, что самая значительная угроза «советского вторжения» висела над странами Западного полушария в 1947 г., когда был заключен военный союз американских государств в Рио-де-Жанейро.

В действительности же правящие круги США настояли на заключении этого пакта, чтобы закрепить свои господствующие экономические и военно-политические позиции в латиноамериканских странах. Они желали также подготовить мировое общественное мнение к повороту во внешней политике западных держав во главе с США от сотрудничества с СССР к созданию агрессивных, военных союзов. В частности, американское правительство рассчитывало, что конгресс быстрее всего согласится на дальнейшее «развитие» «доктрины Монро» и панамериканизма, а затем уже, опираясь на прецедент договора в Рио-де-Жанейро, одобрит, вопреки всем традициям, участие США в постоянных военных союзах с европейскими и азиатскими странами в мирное время. Кроме того, американские империалисты не прочь были предложить в виде образца для всего мира созданную ими систему «обороны» и «сотрудничества» стран Западного полушария.

Профессор Колумбийского университета, бывший помощник государственного секретаря и до недавнего времени специальный советник по делам Латинской Америки А. Берли без тени смущения пишет, например, что «сильнейший довод Соединенных Штатов в пользу того, чтобы их хорошо приняли в роли всемирного лидера, основывается именно на том факте, что в основном они оказались в состоянии под воздействием их соседей по Западному полушарию создать здесь район, в котором в значительной мере налицо свобода от страха и который по крайней мере дает кое-какую надежду на наступление когда-нибудь в будущем дня избавления от нужды»¹. Пожалуй, больший цинизм, чем подобное глумление грабителя над своей жертвой, трудно себе представить. Однако вся послевоенная политика американского империализма не оставляет никаких сомнений в том, что он готовился и пытался последовательно превратить один за другим районы мира в сферу своего монопольного хозяйничанья.

Создание НАТО, как правило, расценивается в буржуазной литературе в качестве высшего достижения политики Трумэна — Ачесона на первом этапе «холодной войны». В многочисленных трудах, посвященных созданию, истории и перспективам этого основного агрессивного империалистического союза, воспеваются и «решительность» государственных деятелей США, проложивших насилием и обманом дорогу к созданию НАТО, и «мудрость» западноевропейских политиков, завершивших свою эволюцию от Дюнкеркского договора 1947 г. через Брюссельский пакт и программу «экономического восстановления» к Североатлантическому пакту.

¹ А. А. Berle. *Tides of Crisis*, p. 65.

Как бы ни расценивали тот или иной послевоенный внешне-политический акт западных держав представители и защитники империализма, почти каждый из них считает своим долгом подчеркнуть необходимость объединения всех сил старого мира перед лицом бурного роста социалистического, демократического и национально-освободительного движения, выступает за «классовую солидарность» и «полюбовное соглашение» империалистических партнеров по эксплуатации народов, национальному угнетению и колониальному грабежу, призывает к созданию «великого союза» капиталистических держав под эгидой США, восхваляет его существующую основу — Северо-атлантический пакт.

«Запад нуждается, — пишет Томас Финлеттер в своей книге «Внешняя политика: следующая фаза», — в великом альянсе, который, хотя еще и в неопределенной, незафиксированной форме, но уже существует. Великий альянс — это союз всего западного общества во всех областях внешних отношений, политических и экономических, так же как и военных. Великий альянс включает, следовательно, не только нынешних членов НАТО, но и другие страны Европы и Западного полушария»¹.

Многие английские буржуазные авторы стремятся преуменьшить роль капиталистических стран Европы, и особенно Великобритании, в разжигании «холодной войны», представить их как более или менее пассивные объекты в развитии международных отношений в критический период 1945—1948 гг. Они усиленно подчеркивают мнимое «отвращение» Великобритании к «насильственным акциям» и пытаются часто объяснять вовлечение ее в русло воинствующей политики американского империализма «оборонительными» и «экономическими» мотивами.

«Господствующей чертой меняющихся узоров западноевропейской политики в 1947—1948 гг., — пишет автор и издатель «Обзора международных отношений» за 1947—1948 гг. П. Калвокоресси, — был необходимый, но решительный отказ от веры в возможность сотрудничества с СССР... Экономические бедствия, с одной стороны, и страх коммунизма и войны — с другой, соединились, чтобы привести Западную Европу к союзу с США в предпочтение к занятию средней независимой позиции между двумя протагонистами в холодной войне. Эти же самые соображения вновь оживили также древнее видение единой Европы»².

По мере отхода от рубежей второй мировой войны в английской буржуазной литературе все больше усиливается, однако, восхваление тех внешнеполитических актов западных держав во главе с США, которые соответствовали классовым, колониальным интересам Британской империи и из которых английские капиталисты могли извлечь какую-либо выгоду для себя. Так, в изданной Королевским институтом международных

¹ T. K. Finletter. Foreign Policy: the Next Phase, p. 20.

² «Survey of International Affairs 1947—1948». By P. Calvocoressi. Oxford, 1952, p. 62.

отношений книге Г. Гудвина «Великобритания и Объединенные Нации» перечеркивается, по существу, значение ООН как организации послевоенного международного сотрудничества, приписывается «высшее значение» для Британской империи англо-американского союза.

«Организация европейского экономического сотрудничества носит свидетельство вклада Соединенного королевства в процветание Западной Европы (!), — пишет Д. Гудвин. — Брюссельский пакт обязал его к защите Западной Европы более твердо, чем когда-либо раньше... С созданием Брюссельского пакта дали первые ростки жизни семенам НАТО... В первую очередь, Североатлантический союз являлся средством, с помощью которого Англия смогла гармонизировать свои интересы и обязательства в Европе со своими связями с Америкой и Канадой. Во-первых, он был, с английской точки зрения, почти во всех отношениях идеальным типом международной организации (!), межправительственной, с соответствующими возможностями для великих держав осуществлять руководство... Что еще более важно, НАТО была не просто гарантией американской помощи в случае войны, но и основой для создания эффективного противовеса советской силе... НАТО скорее, чем ООН, стала центром английской внешней политики»¹.

Характерно, что даже многие наиболее преданные защитники агрессивного курса США и европейской «солидарности» в Англии не могли тем не менее скрыть своего отрицательного отношения к проектам, угрожающим низвести Англию до роли безропотного сателлита США, и, в частности, попыткам слить ее с планируемой «единой Европой». Отсюда господствовавшая в значительной части английской буржуазной литературы тенденция — оправдать отказ Великобритании от участия в послевоенных «наднациональных» европейских объединениях и прославлять ее роль в «межгосударственных» мировых союзах в качестве главного и даже равного партнера Америки, центра империи и арбитра Европы.

Обоснованию руководящей роли Великобритании в делах Европы, так же как и в системе «Содружества наций» и Атлантического союза, посвящена, например, книга А. Наттинга «Европа не будет ждать. Предостережение и программа действий». Совершенно несправедливо обвиняя лейбористское правительство Эттли — Бевина в игнорировании «всех предзнаменований приближавшейся холодной войны», А. Наттинг утверждает, что в 1945 г. и в последующие годы «Великобритания могла стать лидером Европы на любых условиях, которые ей вздумалось бы выдвинуть»². А. Наттинг считает криминалом даже «одержимую решимость» лейбористских лидеров «сохранять англо-американский союз как нечто исключительное... и не ступать ни одного шага дальше, чем США, в обязательствах Великобритании по отношению к любому новому объединению»³.

Но А. Наттинг критикует лейбористское правительство Англии не за то, что оно проводило антисоветскую политику, направленную против интересов мира и народов, а за то, что оно действовало недостаточно самостоятельно, не защищало более энергично интересы британского империализма от ущем-

¹ G. L. Goodwin. Britain and the United Nations, p. 53—54, 57.

² A. Nutting. Europe Will not Wait. A Warning and a Way Out. London, 1960, p. 3.

³ Ibid., p. 5.

лений со стороны США и капиталистических объединений континентальной Европы.

Упорно не желая признавать, сколь самоубийственной для Англии является в век атомно-водородного оружия политика «баланса сил», реакционные английские авторы открыто ратуют за усиление гонки вооружений в масштабах всего капиталистического мира, тщетно надеясь на создание «превосходства силы» над социалистическим лагерем, над национально-освободительным движением.

Так, в подготовленном под председательством одного из тогдашних руководителей Королевского института международных отношений генерал-майора Д. Джекоба докладе «Оборона в холодной войне. Задача свободного мира» утверждается, что укрепление и вооружение до зубов военных блоков западных держав должно стать главной заботой «демократий». Для авторов этого доклада «мирное соревнование» означает «соревнование в холодной войне дипломатическими, экономическими, психологическими, военными и полицейскими (!) методами. И демократические страны Запада должны понять, что они выживут в этом соревновании лишь в том случае, если они прежде всего приступят к созданию полувоенного положения»¹.

Таким образом, реакционные английские авторы не могут представить себе «мирное соревнование» после второй мировой войны без гонки вооружений, создающей угрозу новых конфликтов, без «полицейских операций», направленных на удушение национально-освободительных движений, без «холодной войны». Называть, однако, подобную политику «мирным соревнованием» — значит пытаться, во-первых, обелить агрессивную политику империалистических и колониальных держав, несущую с собой самую серьезную угрозу свободе народов и делу мира, во-вторых, извратить полностью смысл советской политики действительно мирного сосуществования и соревнования без гонки вооружений и «полицейских акций» против стремящихся к независимости народов, без «холодной войны», грозящей в любую минуту вылиться в «горячую». Подлинное мирное соревнование не может и не должно включать в себя никаких агрессивных войн и никаких попыток сохранить существующие еще в мире прогнившие социальные и колониальные режимы, как бы ни стремились и ни призывали к этому защитники империализма.

Подавляющее большинство французских буржуазных авторов самых различных направлений объединяет одно общее чувство — страх перед собственным народом, воинствующий антикоммунизм. Если для американских и английских империалистов миф о «советской угрозе» служит главным образом для обоснования их империалистической и колониальной внешней политики, то французская буржуазия прикрывается им в первую очередь для объединения с любым внешним классовым союзником против «внутреннего врага» как в самой Франции, так и в ее владениях.

¹ «Defence in the Cold War. The Task for the Free World», p. 15; см. также: G. J. Jones. Challenge to the Peacemakers. London, 1951 и др.

Антикоммунистическая политика правящих кругов Франции привела эту страну к национальной катастрофе в июне 1940 г., непрерывно приносила и приносит ей одно за другим самые горькие поражения и унижения в послевоенные годы. И тем не менее французская реакционная литература, замалчивая бесчисленные обиды, наносимые Франции ее западными «друзьями», усиленно восхваляет антисоветскую, агрессивную, «атлантическую» политику, втянувшую мир в «холодную войну». Все средства хороши в борьбе против коммунизма — таков лозунг реакционной французской историографии. Если в прошлом мы сражались вместе с коммунистами против фашизма, — писал вскоре после завершения второй мировой войны Р. Арон, то теперь, «чтобы бороться с коммунистами, нужно будет сотрудничать с фашистами»¹.

Повторяя старую клевету буржуазии по адресу рабочего и коммунистического движения, Р. Арон утверждает, что оно якобы инспирируется из Москвы, является орудием внешней политики СССР. Он прямо выводит возникновение «холодной войны» как из «биполярной» структуры мира, так и из классовой борьбы в капиталистических странах. Подобно многим другим современным реакционным идеологам, Р. Арон требует ради обеспечения мира... отказа народов от классовой и национально-освободительной борьбы. Он объявляет внутривластную борьбу в капиталистических странах... главным препятствием на пути мирного сосуществования и соревнования между государствами с различными социально-экономическими системами. «Классовая борьба, которая не обязательно влечет за собой столкновение двух блоков, — заявляет он, — мешает доверию и сотрудничеству между капиталистическими и социалистическими странами»².

Отражая взгляды той части мировой буржуазии, которая явно предпочитает гибель всего человечества утрате своих привилегий и надеется с помощью атомной бомбы и «равновесия страха» остановить прогресс, Р. Арон во всех своих работах упорно проводит мысль о том, что в современную эпоху, начиная с окончания второй мировой войны, «вооруженный мир» или вообще некое «промежуточное состояние между войной и миром» является единственно возможным состоянием для человечества. Согласно его утверждениям, сама «неопределенность» баланса сил и исхода глобального конфликта, которым мировая реакция непрерывно угрожает ответить на каждую новую революцию, «благоприятна для мира (воинственного)»³.

Развиваемый Р. Ароном тезис о новой форме послевоенного мира — «мире страха» — поддерживается многими видными французскими авторами. Так, профессор Лилльского университета Ж.-Б. Дюрозель считает, что именно «страх», а вовсе не что-либо другое, мешает перерастанию «холодной войны» в третью мировую войну. По его мнению, не только «право вето», но и наличие в ООН азиатских и африканских членов при «очень слабых позициях» Европы (Западной) сделали ООН «неспособной принимать решения в серьезных случаях»⁴. Поэтому Ж.-Б. Дюрозель, повторяя вымыслы о «советской агрессии», по существу, оправдывает отход в 1945—1947 гг. западных держав, в том числе Франции, от политики сотрудничества с СССР.

Профессору Р. Сере также вполне удовлетворяет замена политики сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции «холодной войной». «Две

¹ R. Aron. *Le grand schisme*, p. 92.

² R. Aron. *On War. Atomic Weapons and Global Diplomacy*. London, 1958, p. 19.

³ R. Aron. *Le grand schisme*, p. 30.

⁴ J.-B. Duroselle. *Histoire diplomatique de 1919 à nos jours*, p. 723—724.

системы, созданные, чтобы организовать мир и затем обеспечить его длительное сохранение: «Большая» тройка и ООН, — с радостью констатирует он, — фактически отступили перед старой системой: прежней системой равновесия сил с помощью союзов»¹. Именно военные союзы — Брюссельский и Североатлантический пакты, а не Совет министров иностранных дел или ООН представляют для Р. Сера наивысшие достижения Запада, предназначенные стать «реальной» основой «новой международной политики и общества», открывающие путь к «огромному прогрессу»².

Реакционные французские авторы усиленно поднимают на щит послевоенную американскую политику спасения капитализма в Западной Европе, превращение ее в поле борьбы против СССР и всего социалистического лагеря. Они не только усиленно распространяются об американском «великодушии», но и с готовностью оправдывают любое самое наглое вмешательство США во внутренние дела других стран.

«Не ради доктрины, — пишет Р. Арон, — а в силу необходимости американская дипломатия решилась формировать и переформировать греческие правительства»³. «Забывая» о том, что американские империалисты «переформировали» в 1947—1948 гг. не только греческие и итальянские, но и французские кабинеты, Р. Арон уверяет своих читателей, что якобы «господство морской державы, отдаленной и скромной (!), терпит максимум автономии... Руководители Вашингтона не потребовали от нас отчуждения ни одной частицы нашего достоинства, нашего суверенитета»⁴. Так фальсификация истории переходит в прямое лакейство перед обладателями сребреников и штыков, ограждающих власть имущих от народного гнева.

Свой вклад в апологику политики «холодной войны» вносит и реакционная католическая историография. Используя авторитет церкви среди значительных слоев населения Франции, Италии и других стран, представители католической иерархии открыто вмешиваются в послевоенные годы в острую политическую и идеологическую борьбу между силами прогресса и реакции, войны и мира. При этом они усиленно притягивают «жития святых» для оправдания таких отнюдь не христианских деяний, как воинствующий антикоммунизм, гонка вооружений, создание империалистических союзов, берут под защиту церкви самые непопулярные внешнеполитические акты западных держав вроде возрождения германского империализма, колониальных войн и т. д.

Обоснованию, с точки зрения «защиты христианской веры», необходимости объединения капиталистической Европы посвящена, например, книга католика Рене Бальтю «От старой Европы к новой»⁵, предисловие к которой написал не кто иной, как один из авторов создания различных европейских монополистических группировок Р. Шуман.

Поговорив вдоволь о святых, мистиках и божестве, ревностный католик Р. Бальтю переходит затем к земным мотивам «крестового похода за европейское единство». Его героями становятся де Голль, Черчилль и Даллес. Он ратует за экономическое и военно-политическое усиление капиталистической Европы, за ее вооружение, за создание «общего рынка», за борьбу с

¹ R. Céré. *Entre la guerre et la paix* (1944—1949). Paris, 1949, p. 115.

² R. Céré. *La technique de la paix et l'Europe*, p. 183—184; а также: H. Peyret. *Le réarmement et la paix*. Paris, 1951.

³ R. Aron. *Le grand schisme*, p. 42.

⁴ Ibid., p. 74.

⁵ R. Baltus. *De la vieille à la nouvelle Europe*. Paris, 1953.

коммунизмом и «освобождение» Восточной Европы, за «европеизацию» Азии и Африки, за распространение католической веры на Америку и Россию!

Р. Бальтю, как и многие другие реакционные французские авторы, выступает за участие Западной Германии и главным образом ее армии в защите «христианской Европы». Ради сплочения всех сил реакции и войны этот ревностный католик готов даже принести «величайшую жертву», на какую он только способен: «примириться» с отступниками подлинной веры — протестантами. Касаясь проблемы послевоенных франко-германских отношений, Р. Бальтю стремится уверить своих читателей, что «вопрос стоит не о превосходстве и не о «лидерстве», а о союзе и об общности. Нужно сыграть игру до конца (!)... Немецкое протестантство не захлестнет нас больше»¹.

Большинство французских буржуазных авторов не может тем не менее скрыть глубокого возмущения и тревоги народа Франции по поводу послевоенной близорукой и агрессивной политики правящих кругов страны, а также недовольства широких кругов самой французской буржуазии непрерывным ущемлением ее интересов США и Великобританией. Отсюда непрерывно появляющиеся во французской литературе, наряду с проповедью антикоммунизма и «холодной войны», призывы к проведению «самостоятельной национальной политики», к созданию «третьей силы» на международной арене, к объединению под эгидой французского империализма континентальных государств Западной Европы.

С подобными лозунгами выступают после второй мировой войны и националистически настроенные, и католические, и «социалистические» авторы. Все они, однако, тщательно скрывают тот факт, что предлагаемая ими «самостоятельная» политика не может способствовать смягчению международной обстановки, обеспечению мира, безопасности и подлинно национальных интересов Франции, что она приведет лишь к дальнейшему обострению империалистических противоречий, гонке вооружений, созданию новых блоков.

Под какими бы вывесками ни проводилась политика возрождения германского милитаризма и союза с ним, наращивания вооруженных сил, борьбы с демократическим и национально-освободительным движениями, она все равно останется глубоко чуждой и враждебной народам Франции и всего мира.

В реакционной западногерманской литературе среди всех остальных аспектов «холодной войны» особой популярностью пользуется англо-американская политика сговора с «бывшим врагом» против своего прежнего партнера по антифашистской коалиции. Идеологи возрождающегося германского империализма, милитаризма и реваншизма с услужливым рвением оправдывают любой шаг, направленный на отход от Потсдамских соглашений, и даже нередко позволяют себе критиковать западные державы за «медлительность» или «непоследователь-

¹ R. Ballus. De la vieille à la nouvelle Europe, p. 105.

ность» в вооружении Западной Германии, в предоставлении ей «равноправия» во всех международных вопросах, в том числе и в разработке и проведении «глобальной политики».

В вышедшей и разрекламированной в ФРГ книге Ф. К. Аллемана «Бонн — это не Веймар» открыто восхваляется курс на возрождение немецкого милитаризма. Ф. К. Аллеман целиком оправдывает западную политику раскола Германии, «ампутации» ее восточной части, главным достижением которой для него является то обстоятельство, что, отойдя от соглашений с СССР, западные державы стали на путь сотрудничества с немецкими монополистами и реакционерами. «Как раз раскол Германии, — признает он, — предоставил немцам, по меньшей мере в западных зонах, определенный шанс. Если великие державы намеревались выступить друг против друга на немецкой земле с надеждой на успех, то могли они это сделать, лишь удостоверившись в немецкой помощи». И далее Ф. К. Аллеман открыто приветствует «общность интересов между западными державами и антикоммунистически настроенными немцами»¹.

Западногерманская литература весьма высоко расценивает тот «вклад», который внесли германские монополисты, реакционеры и реваншисты в усиление послевоенной международной напряженности еще до образования ФРГ. Так, Ф. К. Аллеман усиленно расхваливает тех «немцев — или лучше сказать: некоторых дальновидных политиков и администраторов в Берлине», которые сыграли определенную роль в провоцировании берлинского кризиса 1948 г.

«Уже введение Д-марки в Западном Берлине, — пишет он, — частично явилось результатом немецкого вмешательства. И когда западные державы при переговорах о достижении компромисса, которые состоялись в августе в Москве и в сентябре в Берлине, оказались готовыми к далеко идущим уступкам в вопросах валютной политики, тогда опять-таки позиция западно-берлинцев, которые с успехом постарались предостеречь (США, Англию и Францию) от последствий подобной капитуляции (!), сделала более жесткой линию западных делегаций»².

Еще не успели высохнуть чернила на декларации о «безоговорочной капитуляции» Германии, как поощряемые западными державами немецкие реакционеры и реваншисты снова начали свою враждебную интересам мира и свободы деятельность на международной арене. Не имея еще достаточных собственных сил, они разворачивали свою зловещую деятельность сперва за спиной, а затем в союзе с их заокеанскими покровителями. Воспевание «американо-германской общности» и наиболее агрессивных актов послевоенной внешней политики США стало поэтому неотъемлемой частью идеологической кампании в ФРГ за создание и укрепление «оси» Вашингтон — Бонн.

Одним из наиболее ярких примеров выступления за «новую» дружбу между США и Германией после «ошибок» второй мировой войны может служить работа немецко-американского профессора Эрнста Экха «Америка и мы в 1926—1951 гг. Американо-германский идейный союз». Автор этой работы, давний сторонник и пропагандист американо-германского союза как основы «глобального» или даже «космического» объединения капиталистических держав, приветствует окончание американо-советского сотрудничества в

¹ F. K. Allemann. Bonn ist nicht Weimar. Köln, 1956, S. 44, 48.

² Ibid., S. 63—64.

1945 г. и возникновение в результате этого «еще одной возможности синтеза «Америки и нас»¹, т. е. империалистов США и Германии.

Э. Эхк называет «исторической миссией» Трумэна «включение» Западной Германии в рамки «атлантической» политики и союзов. Модифицируя соответственно новым условиям свои прежние геополитические теории, реакционные немецкие авторы признают пока еще США «сердцем мира». Однако «сердцем Европы» они уже открыто объявляют Западную Германию.

Послевоенное «сближение» американских и западногерманских империалистов происходило на вполне определенной почве — на «общности интересов» в борьбе против сил мира, демократии и социализма, в попытках «пересмотреть» итоги второй мировой войны, затормозить исторический прогресс. В обмен на американскую помощь и поддержку их реваншистских требований западногерманские реакционные деятели целиком солидаризировались с любыми действиями США, лишь бы они создавали атмосферу напряженности и воинственности на международной арене, препятствовали мирному урегулированию оставшихся неразрешенными вопросов, в том числе и заключению мирного договора с Германией. В обстановке «холодной войны» легче было «поднять новую (!) Германию до положения равноправного действующего лица» в «атлантическом сообществе»².

В западногерманской реакционной литературе больше, чем в какой-либо другой, восхваляется «открытие атомной эпохи в результате применения в первый раз революционизирующего все ведение войны атомного оружия — для сокращения длительности мировой войны»!³ В фундаментальной работе западногерманского научно-исследовательского института внешней политики, посвященной проблеме разоружения, открыто оправдывается... «политика силы», доказывается, что независимо ни от чего, «сильнейшей гарантией мира» является якобы «*фактическое равновесие сил* и равновесие в вооружениях»⁴. В качестве обязательного предварительного условия разоружения выдвигается установление неограниченного, по существу, контроля и «стабилизирование международного положения», т. е. удовлетворение политических и территориальных требований империалистических держав, что означает фактически призыв к прекращению вообще всех переговоров о разрешении наиболее жгучей проблемы для человечества.

Буржуазная литература по проблемам международных отношений первого послевоенного пятилетия не ограничивается, конечно, книгами, изданными в США, Англии, Франции и ФРГ. Работы, специально или частично посвященные вопросам внешней политики 1945—1949 гг., выходят и в других капиталистических государствах: в Италии и Японии, Бельгии и Швеции, странах Латинской Америки, Азии и др. Но, как правило, ав-

¹ E. Jäckh. *Amerika und wir* 1926—1951. Amerikanisch-deutsches Ideen-Bündnis. Stuttgart, 1951, S. 133.

² Ibid., S. 149.

³ Ibid., S. 153.

⁴ H. Volle. *Probleme der internationalen Abrüstung. Eine Darstellung der Bemühungen der Vereinigten Nationen 1945—1955*. Frankfurt/Main, 1956, S. XVIII.

торы этих работ, стоящие на позициях защиты капитализма и «свободного мира», используют американские или английские документы и литературу и в большинстве случаев повторяют и распространяют заведомо ложные утверждения реакционных американских или западноевропейских авторов-международников.

Конечно, не все буржуазные авторы, даже стоящие на немарксистских, идеалистических позициях, являются фальсификаторами. Выше уже говорилось о том, что и в капиталистических странах имеются сторонники трезвого подхода к современным международным отношениям, мирного сосуществования, политики нейтралитета и др. Некоторые буржуазные ученые искренне пытаются объективно оценить события послевоенного времени. Но сам их метод исследования является несостоятельным, сводит всю их работу к рассмотрению отдельных, частных проблем, не позволяет им проникнуть в сущность происходящих исторических процессов, подняться до широких, подлинно научных обобщений и дать реальную и всестороннюю картину послевоенных международных отношений. Да и условия, в которых приходится писать этим авторам (полное и безграничное господство официального, апологетического направления в буржуазной литературе), не дают им возможности более или менее свободно и широко высказать свою точку зрения.

Ученые-марксисты всегда готовы сотрудничать с теми, кто действительно хочет исследовать и объективно оценить те или иные события и закономерные процессы общественного развития, в том числе и проблемы внешней политики и международных отношений после второй мировой войны. Это подтверждается многими встречами и конференциями советских и буржуазных авторов, совместными выступлениями ученых социалистических стран и прогрессивных ученых стран капитализма против реакционной буржуазной литературы «холодной войны». Однако марксисты-ленинцы всегда давали и будут давать самый решительный отпор всем попыткам фальсифицировать историю международных отношений.

Для реакционных буржуазных авторов и их хозяев идеологическая борьба — это неотъемлемая часть «холодной войны», это попытка, причем тщетная, теоретически защитить отжившие социальные порядки и старые разбойничьи нормы международных отношений, это идейная подготовка будущих актов агрессии и «горячих войн». Поэтому идеологи империализма восхваляют в своих работах «политику силы» и гонку вооружений, призывают к созданию «священного союза» капиталистов, колонизаторов, милитаристов и реакционеров, выступают как проповедники идеалов «вооруженного мира», атомной бомбы, страха, террора, насилия и открытого вмешательства в дела других народов, «сдерживания» коммунизма, «балансирования на грани войны» и т. д.

Идеологи империализма не могут противопоставить ничего положительного светлым идеалам прочного мира, национального освобождения, социального прогресса, демократии и социализма. И именно поэтому реакционные буржуазные авторы столь широко прибегают к искажению действительности, к фальсификации истории и сущности послевоенных международных отношений, открыто подчиняют все свои работы целям «холодной войны», агрессивной и реакционной политики империализма.

Коммунисты, марксистские авторы вели, ведут и будут вести упорную идейную борьбу против буржуазных идеологов, в том числе и по проблемам международных отношений и внешней политики¹. Идеологическая борьба для марксистов-ленинцев — вполне приемлемая и обязательная форма классовой борьбы. Более того, они стремятся к разрешению антагонистического конфликта между социализмом и капитализмом, между двумя ныне существующими мировыми системами на путях мирного экономического и культурного соревнования, с помощью силы идей, а не силы оружия. И именно поэтому коммунисты ведут идеологическую борьбу по вопросам внешней политики и межгосударственных отношений не с целью подготовки вооруженного конфликта, раздувания «холодной войны», обострения международной обстановки, а в интересах укрепления мира, независимости и безопасности народов, разоружения и мирного сосуществования и соревнования государств с различным социальным строем.

Отражая интересы восходящего класса и всего народа, будучи уверенными в неизбежном торжестве своего справедливого дела, коммунисты особенно заинтересованы в том, чтобы вскрыть движущие силы исторического развития, точно отразить и правдиво изложить основные события и факторы международной жизни, мировой политики, чтобы отстоять мир — первое условие успешного строительства нового человеческого общества. В познании исторических событий более далекого или недавнего прошлого, закономерности происходящего и объективной реальности они ищут и находят объяснение настоящего и главные направления развития событий в будущем. Отравленному оружию лжи буржуазных идеологов марксистские авторы противопоставляют правду, свою глубокую идейную убежденность, основанную на серьезном конкретно-историческом анализе. Очевидностью фактов и научностью доводов — вот чем борются марксисты против буржуазных фальсификаторов. Говоря словами Ленина, «за наши взгляды вступает сама история, вступает на каждом шагу действительность»².

¹ Анализ марксистской научной литературы по основным проблемам послевоенных международных отношений содержится в III томе настоящего издания.

² В. И. Ленин, Соч., изд. 5, т. 12, стр. 65.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. и Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 4.
- Маркс К.* Гражданская война во Франции. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 10.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1957.
- Ленин В. И.* Горючий материал в мировой политике. Соч., изд. 5, т. 17.
- Ленин В. И.* Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии. Соч., изд. 5, т. 17.
- Ленин В. И.* Отсталая Европа и передовая Азия. Соч., изд. 5, т. 23.
- Ленин В. И.* О лозунге Соединенных Штатов Европы. Соч., изд. 4, т. 21.
- Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., изд. 4, т. 22.
- Ленин В. И.* Военная программа пролетарской революции. Соч., изд. 4, т. 23.
- Ленин В. И.* Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Соч., изд. 4, т. 23.
- Ленин В. И.* О лозунге «разоружения». Соч., изд. 4, т. 23.
- Ленин В. И.* Война и революция. Соч., изд. 4, т. 24.
- Ленин В. И.* Государство и революция. Соч., изд. 4, т. 25.
- Ленин В. И.* О революционной фразе. Соч., изд. 4, т. 27.
- Ленин В. И.* Письмо к американским рабочим. Соч., изд. 4, т. 28.
- Ленин В. И.* VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. 6—9 ноября 1918 г. Речь о международном положении 8 ноября. Соч., изд. 4, т. 28.
- Ленин В. И.* Американским рабочим. Соч., изд. 4, т. 30.
- Ленин В. И.* Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «New York Evening Journal». Соч., изд. 4, т. 30.
- Ленин В. И.* Ответ на вопросы корреспондента английской газеты «Daily Express». Соч., изд. 4, т. 30.
- Ленин В. И.* Индийской революционной ассоциации. Соч., изд. 4, т. 31.
- Ленин В. И.* Письмо к английским рабочим. Соч., изд. 4, т. 31.
- Ленин В. И.* Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. (Для второго съезда Коммунистического Интернационала.) Соч., изд. 4, т. 31.
- Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Соч., изд. 4, т. 31.
- Ленин В. И.* III конгресс Коммунистического Интернационала. 22 июня — 12 июля 1921 г. Тезисы доклада о тактике РКП на III конгрессе Коммунистического Интернационала. Соч., изд. 4, т. 32.
- Ленин В. И.* IX Всероссийский съезд Советов. 23—28 декабря 1921 г. О внутренней и внешней политике республики. Соч., изд. 4, т. 33.

- Ленин В. И. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер гардиан» Фарбману. Соч., изд. 4, т. 33.
- Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше. Соч., изд. 4, т. 33.
- Ленин В. И. XI съезд РКП(б), 27 марта — 2 апреля 1922 г. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта. Соч., изд. 4, т. 33.
- Ленин В. И. Письмо в Политбюро по поводу резолюции IX Всероссийского съезда Советов о международном положении. 22 декабря 1921 г. Соч., изд. 4, т. 33.
- Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. Соч., изд. 4, т. 33.
- Ленин В. И. Тетради по империализму. М., 1939.
- Ленин В. И. Военная переписка (1917—1920). М., 1956.
- Ленин В. И. Об иностранной военной интервенции и гражданской войне в СССР. М., 1956.
- Ленин В. И. О национальном и национально-колониальном вопросе. М., 1956.
- Ленин В. И. О воспроизводстве и экономических кризисах. М., 1957.
- Ленин В. И. О войне, армии и военной науке. В двух томах. М., 1957—1958.
- Ленин В. И. Об отношении революционного пролетариата к буржуазии и мелкобуржуазным партиям. М., 1958.
- Ленин В. И. О международной политике и международном праве. М., 1958.
- Ленин В. И. О международном рабочем и коммунистическом движении. М., 1958.
- Ленин В. И. Против ревизионизма. М., 1958.
- Ленин В. И. О внешней политике Советского государства. М., 1960.
- Ленинский сборник XXXVI. М., 1959.

ОСНОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ, ВЫСТУПЛЕНИЯ И ТРУДЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КПСС И БРАТСКИХ ПАРТИЙ

- «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961.
- «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. III. М., 1954.
- «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет», I—II. М., 1956.
- «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет», I—II. М., 1959.
- «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет», I—III. М., 1962.
- «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала». М., 1935.
- «Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г.» М., 1947.
- «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г.» М., 1959.
- «Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1960 г.). Обращение к народам всего мира». М., 1960.
- «IX съезд Итальянской коммунистической партии». М., 1960.
- «Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны». Материалы и документы. М., 1955.
- «Българската Комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите», т. 4. 1944—1954. София, 1954.
- «The British road to socialism. Programme adopted by the Executive Committee of the Communist Party». London, 1951.
- «Kształtowanie się, podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945». Warszawa, 1958.
- «A MSzMP VII. Kongressusának jegyzőkönyve». Budapest, 1960.

- «PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki Komitetu Centralnego». VIII. 1944—XII. 1945. Warszawa. 1959; I. 1946—I. 1947. Warszawa. 1961.
- «Parti communiste français. Comité Central. Deux années d'activité pour la renaissance économique et politique de la République Française. Rapports du Comité Central pour le XI-e congrès national du Parti communiste français. 25—28 juin 1947». Paris, 1947.
- «Rezoluții și hotărâri ale Comitetului Central al Partidului muncitoresc român». București, 1951.
- «Die Sozialistische Einheitspartei Deutschlands». Dokumente, B. 1—3. Berlin, 1952.

- Хрущев Н. С.* Речь на четвертой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 29 декабря 1955 г. М., 1956.
- Хрущев Н. С.* Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии 14 февраля 1956 года. М., 1956.
- Хрущев Н. С.* Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.
- Хрущев Н. С.* За прочный мир и мирное сосуществование. М., 1958.
- Хрущев Н. С.* Речь на VII съезде Болгарской коммунистической партии 3 июня 1958 г. М., 1958.
- Хрущев Н. С.* Речь на V съезде Социалистической единой партии Германии 11 июня 1958 г. М., 1958.
- Хрущев Н. С.* К победе в мирном соревновании с капитализмом. М., 1959.
- Хрущев Н. С.* О мирном сосуществовании. М., 1959.
- Хрущев Н. С.* Мир без оружия — мир без войн. В двух томах. М., 1960.
- Хрущев Н. С.* Речь на III съезде Румынской рабочей партии 21 июня 1960 г. Речь на митинге трудящихся в Бухаресте 25 июня 1960 г. М., 1960.
- Хрущев Н. С.* За мир, за разоружение, за свободу народов. М., 1960.
- Хрущев Н. С.* За новые победы мирового коммунистического движения. М., 1961.
- Хрущев Н. С.* О внешней политике Советского Союза. 1960 год. В двух томах. М., 1961.
- Хрущев Н. С.* Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии. 17 октября 1961 года. М., 1961.
- Хрущев Н. С.* О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза 18 октября 1961 года. М., 1961.
- Хрущев Н. С.* Заключительное слово на XXII съезде КПСС 27 октября 1961 года. М., 1961.
- Хрущев Н. С.* Коммунизм — мир и счастье народов. В двух томах. М., 1962.

- «Приветствия XXII съезду КПСС». М., 1961.
- Айдит Д. Н.* Индонезийское общество и индонезийская революция. М., 1958.
- Арисменди Р.* Вторжение доллара в Латинскую Америку. М., 1948.
- Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи. В двух томах. М., 1956.
- Гомулка В.* Статьи и речи. М., 1959.
- Гхош А.* Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Индии. М., 1957.
- Деннис Ю.* Статьи и речи (1947—1951). М., 1952.
- Димитров Г.* Избранные произведения. В двух томах. М., 1957.
- Живков Т.* Отчетный доклад Центрального Комитета Болгарской Коммунистической партии VII съезду партии. 2 июня 1958 года. М., 1958.
- Ибаррури Д.* Испанский народ, режим Франко и международная реакция. М., 1946.

- Кадар Я. Избранные статьи и речи. М., 1960.
 Ким Ир Сен. Торжество идей Великого Октября. М., 1960.
 Кодовилья В. Статьи и речи. 1926—1956. М., 1957.
 Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. В четырех томах. М., 1952—1956.
 Новотный А. За победу мира и социализма. М., 1960.
 Носака Сандзо. Новый Китай и Япония. Токио, 1949 (на японском языке).
 Пик В. Избранные произведения. М., 1956.
 Тольятти П. Итальянская коммунистическая партия. М., 1959.
 Тольятти П. Речи в Учредительном собрании. М., 1959.
 Торез М. Избранные произведения. В двух томах. М., 1959.
 Ульбрихт В. Борьба за мир, за победу социализма, за национальное возрождение Германии как миролюбивого, демократического государства. М., 1958.
 Фостер У. З. История трех Интернационалов. Перев. с англ. М., 1959.
 Фостер У. З. Закат мирового капитализма. М., 1949.
 Фостер У. З. Очерки мирового профсоюзного движения. М., 1956.
 Фостер У. З. Очерки политической истории Америки. М., 1953.
 Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959.
 Цеденбал Ю. Социалистические преобразования в Монгольской Народной Республике. М., 1960.
 Шарки Л. Л. Социализм в Австралии. М., 1958.
 Бук Т. Our fight for Canada. Toronto, 1959.
 Кодовилья В. Resistir la Argentina al imperialismo yanqui? Buenos Aires, 1948.
 Фостер У. Z. Labour and the Marshall Plan. N. Y., 1948.
 Фостер У. Z. The New Europe. N. Y., 1947.
 Готтвальд К. Vybrané spisy, s. II. Praha, 1955.
 Поллит Н. Selected articles and speeches, vol. 1—2. London, 1954.
 Торец М. Une politique française. Paris, 1945.

ИСТОЧНИКИ

Документы, опубликованные в Советском Союзе и других социалистических странах

- «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», т. I—III. М., 1946—1947.
 Т. I. 1941—1943 г. М., 1946.
 Т. II. 1944 г. М., 1946.
 Т. III. 1945 г. М., 1947.
 «Внешняя политика Советского Союза». М., 1950—1953.
 1946 год. М., 1952.
 1947 год, ч. I. М., 1952.
 ч. II. М., 1952.
 1948 год, ч. I. М., 1950.
 ч. II. М., 1951.
 1949 год. М., 1953.
 «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I—VI. М., 1944—1947.
 Т. V. Июнь 1941 г. — август 1945 г. М., 1947.
 Т. VI. Сентябрь 1945 г. — февраль 1947 г. М., 1947.
 «Белорусская ССР в международных отношениях. Международные договоры, конвенции и соглашения БССР с иностранными государствами. 1944—1959». Минск, 1960.
 «Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны». М., 1949.
 «Заявление Министерства иностранных дел СССР о Североатлантическом пакте». М., 1949.
 К вопросу об англо-советском договоре. «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. I, М., 1952.

- «К переговорам между Правительством СССР и Правительством США по атомной проблеме». (Документы). М., 1954.
- «Материалы к истории Организации Объединенных Наций». Вып. I. Создание текста Устава Организации Объединенных Наций. Сост. Крылов С. Б. М. — Л., 1949.
- Материалы о работе Дальневосточной комиссии (январь — июль 1949 г.). «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год». М., 1953.
- Материалы о работе Контрольного совета в Германии (январь — март 1948 г.). «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I. М., 1950.
- Материалы о работе Союзнического совета по Австрии (январь — ноябрь 1948 г.). «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I. М., 1950.
- Материалы о Токийском процессе главных японских военных преступников. «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I. М., 1950.
- Материалы по корейскому вопросу (апрель — октябрь 1947 г.). «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. 2. М., 1952.
- Меморандум Правительства СССР о Североатлантическом договоре (31 марта 1949 г.). «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год». М., 1953.
- «Мирный договор с Болгарией». М., 1947.
- «Мирный договор с Венгрией». М., 1947.
- «Мирный договор с Италией». М., 1947.
- «Мирный договор с Румынией». М., 1947.
- «Мирный договор с Финляндией». М., 1947.
- «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». Сборник материалов в семи томах. М., 1957—1960.
- «Первый Всемирный конгресс сторонников мира. Париж — Прага. 20—25 апреля 1949 г.» М., 1950.
- «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» В двух томах. М., 1958.
- Т. I. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль — ноябрь 1945 г.). Т. II. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. — декабрь 1945 г.).
- «Правда о политике западных держав в Германском вопросе. Об ответственности западных держав за нарушение Потсдамского соглашения и возрождение германского милитаризма. (Историческая справка)». М., 1959.
- «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами». Вып. 11—14. М., 1954—1957.
- «Сборник документов Московской, Тегеранской, Крымской, Берлинской конференций и Европейской консультативной комиссии. 1943—1945 гг.». М., 1946.
- «Сборник нот и заявлений правительств СССР, США, Китая и Англии и других стран по вопросу мирного урегулирования для Японии». М., 1951.
- «Советский Союз и Берлинский вопрос» (Документы). Вып. 1—2. М., 1948—1949.
- «Советский Союз и вопрос о единстве Германии и мирном договоре с Германией» (Сборник материалов). М., 1952.
- «Советский Союз и корейский вопрос» (Документы). М., 1948.
- «Советско-китайские отношения. 1917—1957». Сборник документов. М., 1959.
- «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Документы и материалы. М., 1959.
- «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Документы и материалы. М., 1960.
- Совещание заместителей министров иностранных дел по Австрии (февраль — апрель 1948 г.). «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I. М., 1950.
- «Совещание министров иностранных дел восьми государств в Варшаве (23—24 июля 1948 г.)». М., 1948.
- «СССР и арабские страны. 1917—1960 гг.» Документы и материалы. М., 1961.
- «Фальсификаторы истории (Историческая справка)». М., 1948.

- * * *
- «Демократическая республика Вьетнам». Документы и материалы. М., 1948.
- «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики». М., 1958.
- «Документы о вражеской и агрессивной политике правительства Соединенных Штатов Америки по отношению к Народной Республике Болгарии». София, 1952.
- «Образование Германской Демократической Республики». Документы и материалы. М., 1950.
- «Образование Китайской Народной Республики». Документы и материалы. М., 1950.
- «ČSR a Německo. Výbor dokumentu o československé politice v německé otázce». Praha, 1959.
- «Dokumente zur Aussenpolitik der Deutschen Demokratischen Republik». Berlin, 1954. Bd I. Von der Gründung der Deutschen Demokratischen Republik am 7. Oktober 1949 bis zur Souveränitätserklärung am 25. März 1954.
- «Dokumenty československé zahraniční politiky. 1945—1960». Praha, 1960.
- «Dokumenty sovětsko-československého přátelství». Praha, 1946.
- «Friedensvertrag mit Deutschland. Kleine Dokumentensammlung». Berlin, 1959.
- «Magyarország és második világháború. Titkos diplomáciai okmányok a háború előzményeihez és történetéhez». Budapest, 1959.
- «Odbudowa Państwa Polskiego w latach 1944—1946. Najważniejsze dokumenty i informacje». Warszawa, 1947.
- «Oder-Neisse. Eine Dokumentation». Berlin, 1956.
- «Prawo międzynarodowe i historia dyplomacyzna». Wybór dokumentów. Wstęp i opracowanie L. Gelberga. Tom III. Warszawa, 1960.
- «Spaltung und Wiedervereinigung Deutschlands. Kleine Dokumentensammlung». Berlin, 1958—1959.
- Bd. 1. 1945—1948.
- Bd. 2. 1948—1950.
- «Témoignages et documents français relatifs à la colonisation française au Vietnam». Part IV. Hanoi, 1955.
- «Weißbuch über die amerikanisch-englische Interventionspolitik in Westdeutschland und das Wiedererstehen des deutschen Imperialismus». Leipzig, 1951.
- «Zbiór dokumentów». Warszawa, 1945—1949.

Документы, опубликованные в Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Франции, Западной Германии и других капиталистических странах

- «Control of Atomic Energy. United States Plan. June 14, 1946. By Baruch B. M.». N. Y., 1946.
- «Basic documents of international relations». N. Y., 1951.
- «Die Bemühungen der Bundesregierung um Wiederherstellung der Einheit Deutschlands durch gesamtdeutsche Wahlen. Dokumente und Akten. Hrsg. vom Bundesministerium für gesamtdeutschen Fragen». Bonn, 1958.
- «Burma. Statement of Policy by His Majesty's Government, May 1945». London, 1945.
- «The conferences of Malta and Yalta. Department of State». N. Y., 1955.
- «Congressional Record». Washington, 1945—1949.
- «A decade of American foreign policy. Basic documents. 1941—1949». Washington, 1950.
- «Diplomacy in the Near and Middle East. A documentary record. Ed. by Hurewitz J. C.». Princeton, 1956.

- «Documents on Polish-Soviet Relations. 1939—1945». Vol. I. 1939—1943, London, 1961.
- «Dokumentation zur Abrüstung und Sicherheit von 1943 bis 1959. Von H. Siegler». Bonn — Wien — Zürich, 1960.
- «Dokumentation zur Deutschlandfrage. Von der Atlantik — Charta 1941 bis zur Genfer Außenministerkonferenz 1959». Bonn, 1959.
- «Documents and speeches on Commonwealth affairs. 1931—1957. Ed. by N. Mansergh», vol. 1—2. London, 1953.
- «Documents français relatifs à l'Allemagne. (Août 1945 — février 1947)». Paris, 1947.
- «Documents on American foreign relations», vol. III—IX. Boston — Princeton, 1941—1949.
- «Documents on Germany under occupation 1945—1954. Selected by R. Oppen». London, 1955.
- «Documents on international affairs. 1947—1948». Selected and ed. by M. Carlyle. Preface by A. Toynbee. London — New York, 1952.
- «Documents on European recovery and defence. March 1947 — April 1949». London — New York, 1949.
- «East Asia. 1947—1950». Selected Documents on Asian Affairs. Oxford, 1958.
- Die Einheit Deutschlands. Ihre Erörterung und Behandlung auf den Kriegs- und Nachkriegskonferenzen. 1941—1949. Darstellung und Dokumente. Hrsg. von Deuerlein E. Frankfurt/Main — Berlin, 1957.
- 81-st U. S. Congress. 1-st Session. Senate Document № 123. 1949. Washington, 1950.
- «European recovery and American aid». A report by the President's committee on foreign aid. Washington, 1947.
- «France. Conseil de la République. Annales du Conseil de la République». Documents parlementaires. Paris, 1949.
- «Frieden — Wiedervereinigungssicherheit. Eine Zeittafel zur Deutschlandpolitik 1945—1958». Bearb. von G. Stödtner. Hrsg. vom Bundesministerium für gesamtdeutsche Fragen. Bonn, 1958.
- «Germany. 1947—49». The story in documents. Department of State publication 3556. European and Commonwealth series. Washington, 1950.
- «Great Britain. Parliament. House of commons. Parliamentary debates». Official report. London, 1945—1949.
- «Inaugural address of the President (Truman), January 20, 1949». Documents on American foreign relations. 1949. Washington, 1949.
- «The Inter-American conference on problems of war and peace». Report of Delegation of the USA. Washington, 1946.
- «Investigation of the National Defence Program». 79-th Congr., 2-nd Session. Senate report № 10. Part 5. Washington, 1946.
- «Investigation in the National Defence Program». Hearings before Special committee, U. S. Senate, 80-th Congr. Washington, 1948.
- «North Atlantic treaty». A decade of American foreign policy. Basic documents, 1941—1949. Washington, 1950.
- «Nothing to Fear. The Selected Addresses of F. D. Roosevelt 1932—1945». N. Y., 1947.
- «Occupation of Germany. Policy and progress, 1945—1947». Department of State publication 2783. European series 23. Washington, 1947.
- «Poland in the British Parliament. 1939—1945». Vol. I—II. N. Y., 1946, 1959.
- «Post-war foreign policy preparations. 1939—1945». U. S. Department of State. Washington, 1950.
- «Probleme der internationalen Abrüstung. Eine Darstellung der Bemühungen der Vereinten Nationen 1945 bis 1955». Dokumente und Berichte des Europe-Archivs. Frankfurt/Main, 1956.
- «Problem of post-war reconstruction». American council on public affairs. Washington, 1943.
- «Report on the International Control of Atomic Energy. March 16-th». London, 1946.
- «Traités et documents diplomatiques». Reuter P. et Gros A. Paris, 1960.

- Schlange-Schöningen H.* Im Schatten des Hungers. Dokumentarisches zur Ernährungspolitik und Ernährungswirtschaft in den Jahren 1945—1949. Hamburg — Berlin, 1955.
- «Treaty between the Government of United Kingdom and the Provisional Government of Burma regarding the Recognition of Burmese Independence and Related Matters». London, October 17, 1947. London, 1948.
- «Twenty First Annual Report. Bank for International Settlements», Basle, June 11, 1951.
- «The United States in world affairs. Publication of the Council of foreign relations». N. Y., 1945—1950.
- «United States. 80-th Congr. Final report on foreign aid of the House select committee on foreign aid». Washington, 1948.
- «United States. Relations with China. With special reference to the period 1944—1949. Based on the files of the Department of State». Washington, 1949.
- «United States Senate. 81-st Congr. Hearings before the Committee on foreign relations on North Atlantic treaty». Washington, 1949.
- «Von Potsdam bis Bonn. Fünf Jahre deutsche Nachkriegsgeschichte. Porträt, Zeittafel und Dokumentation. 1945—1950. Hrsg. von Schäfer E.». Lahr, 1950.
- «The War Reports of General of the Army G. Marshall, General of the Army H. Arnold, Fleet Admiral J. King». Philadelphia and New York, 1947.

Документы Организации Объединенных Наций

- «Генеральная Ассамблея. Сессия 1-я. Официальный отчет первой части первой сессии Генеральной Ассамблеи». Пленарные заседания. Стенографический отчет 10 января — 14 февраля 1946 г. Лондон, 1946.
- «Генеральная Ассамблея. Сессия 1-я. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на первой части первой сессии с 10 января по 14 февраля 1946 г.». Лондон, 1946.
- «Генеральная Ассамблея. Сессия 1-я. Официальные отчеты второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи». Пленарные заседания. Стенографические отчеты 23 октября — 16 декабря 1946. Нью-Йорк, 1947.
- «Генеральная Ассамблея. Сессия 1-я. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября по 15 декабря 1946». Нью-Йорк, 1947.
- «Генеральная Ассамблея. Сессия 2-я. Официальный отчет. Резолюции. 16 сентября — 29 ноября 1947». Нью-Йорк, 1947.
- «Генеральная Ассамблея. Сессия 3-я. Официальный отчет первой части 3-й сессии Генеральной Ассамблеи. Резолюции. 21 сентября — 12 декабря 1948». Париж, 1949.
- «Генеральная Ассамблея. Сессия 4-я. Официальные отчеты. Резолюции. 20 сентября — 10 декабря 1949 г.». Лейк-Саксес (Нью-Йорк), 1950.
- «Совет безопасности. Официальные отчеты». Нью-Йорк, 1946—1949.
- «Совет по опеке. Резолюции, принятые Советом по опеке». Лейк-Саксес (Нью-Йорк), 1947—1949.
- «Специальная сессия, 1-я. Нью-Йорк, 1947. Официальные отчеты первой Специальной сессии Генеральной Ассамблеи». Нью-Йорк, 1952.
- «Специальная сессия. Нью-Йорк, 1947. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на первой Специальной сессии с 28 апреля по 15 мая 1947». Нью-Йорк, 1947.
- «Специальная сессия, 2-я. Нью-Йорк, 1948. Официальные отчеты второй Специальной сессии Генеральной Ассамблеи». Нью-Йорк, 1952.
- «Специальная сессия, 2-я. Нью-Йорк, 1948. Резолюции. 16 апреля — 14 мая 1948». Нью-Йорк, 1948.
- «Устав ООН и статут Международного Суда». Нью-Йорк, 1948.
- «Экономический и Социальный совет. Резолюции». Нью-Йорк, 1947—1949.

- «Agreement between the United Nations and the International Bank for Reconstruction and Development». N. Y., 1958.
- «Constitution of the Food and Agriculture Organisation of United Nations (with annexes), Quebec. 16-th October 1945». London, 1946.
- «Dumbarton-Oaks documents on international organisation». Washington, 1944.
- «Handbook of the United Nations and the specialised agencies». N. Y., 1951.
- «Ten years of United Nations publications. 1945 to 1955». A complete catalogue. N. Y., 1955.
- «United Nations documents. 1941—1945». London — New York, 1947.
- «United Nations Conference on international organization. San Francisco 1945». Selected documents. Washington, 1946.
- «The United Nations at work». Basic documents. Boston, 1947.
- «United Nations. Economic commission for Europe. Economic survey of Europe since the war». Geneva, 1953.
- «United Nations. Economic report. Salient features of the world economic situation. 1945—1947». N. Y., 1948.
- «United Nations. Economic and Social Council. Post War Price Relations in trade between Underdeveloped and Industrializes Countries. 1949».
- «United Nations. Economic survey of Latin America». Geneva, 1949.
- «United Nations. Economic survey of Asia and the Far East». Geneva, 1948.
- «United Nations. Patterns of Industrial Growth 1938—1958». N. Y., 1960.
- «United Nations. Survey of the economic situation and prospects of Europe». Geneva, 1948.
- «United Nations Treaty series. Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations». Geneva, 1947—1949.

**Дневники, мемуары, биографии,
выступления буржуазных государственных и политических
деятей**

Бредли О. Записки солдата. Перев. с англ. М., 1957; *Де Голль Ш.* Военные мемуары, т. 1—2. Перев. с франц. М., 1957, 1960; *Неру Дж.* Открытие Индии. Перев. с англ. М., 1955; *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца, т. 1—2. Перев. с англ. М., 1958; *Acheson D.* A democrat looks at his party. N. Y., 1951; *Beal J. R.* John Foster Dulles. A biography. N. Y., 1957; *Beck J.* Final report (Diplomatic memoirs). N. Y., 1957; *Bowles Ch.* Ambassador's report. N. Y., 1954; *Broad L.* Sir Anthony Eden. London, 1956; *Brown L. H.* A report on Germany. N. Y., 1947; *Bullitt W.* The Great Globe itself. N. Y., 1947; *Der Bundeskanzler. Der Weg Konrad Adenauers.* Frankfurt/Main, 1953; *Byrnes J. F.* Speaking frankly. N. Y., 1947; *Churchill W.* War speeches. 1940—1945. London, 1946; *Churchill W.* Post-war speeches Vol. 1—3, 1945—1950. Boston, 1949—1952; *Churchill W.* The Second World War. 6 vols. London, 1949—1954; *Clay L.* Decision in Germany. N. Y., 1950; *Dulles A.* Germany's underground, N. Y., 1947; *De Gaulle Ch.* Mémoires de guerre. 3 vols. Paris, 1954—1959; *Dumaine J.* Quai d'Orsay (1945—1951). Paris, 1956; *Eden A.* Selected speeches and addresses, 2 vols. Boston, 1948—1950 (Freedom and order. 1939—1946; Days of decision. 1946—1949); *Eisenhower D.* Crusade in Europe. N. Y., 1951; «Forrestal Diaries. Ed. by W. Millis». N. Y., 1951; «Ghana. The autobiography of Kwame Nkrumah». London, 1957; *Gelsner K.* Konrad Adenauer. München, 1957; *Gelsner K.* Heinrich von Brentano. München — Köln, 1957; *Hoover H.* Addresses upon the American road. 1945—1948. Toronto — New York — London, 1949; *Hoover H.* The memoirs of Herbert Hoover. 3 vols. N. Y., 1951—1952; *Hughes E.* Winston Churchill. N. Y., 1957; *Hull C.* The memoirs of Cordell Hull. 2 vols. N. Y., 1948; *Kirkpatrick I.* The inner circle: memoirs of Ivone Kirkpatrick. London, 1959; *Leahy W.* I was there. London, 1950; «J. Nehru. Independence and After. A Collection of Speeches. 1946—1949». N. Y., 1950; *Panikkar K. M.* In two Chinas. Memoirs of a diplomat. London, 1955; *Roosevelt F. D.* The Public Papers and Addresses of

Franklin D. Roosevelt. Vols. X—XIII. Washington, 1950; *Stettinius E.* Roosevelt and the Russians. The Yalta conference. N. Y., 1949; *Sherwood R. E.* The White House. Papers of Harry Hopkins. An intimate history. 2 vols. London, 1949; *Smith W. B.* My three years in Moscow. Philadelphia, 1950; *Taft R.* A foreign policy for Americans. N. Y., 1951; *Truman H. S.* Truman speaks. N. Y., 1960; *Truman H. S.* The memoirs by Harry S. Truman. N. Y., 1955—1956. (Vol. 1. Year of decisions. Vol. 2. Years of trial and hope); *Tugwell R. G.* The democratic Roosevelt. A biography of Franklin D. Roosevelt. N. Y., 1957; *Vandenberg A. H.* ed. The private papers of senator Vandenberg. Boston, 1952; *Weymar P.* Konrad Adenauer. Die autorisierte Biographie. München, 1955.

ЛИТЕРАТУРА

Итоги второй мировой войны

Айрапетян М. Э. и *Деборин Г. А.* Этапы внешней политики СССР. М., 1961; *Батурин А.* США и Мюнхен. М., 1961; *Батталья Р.* История итальянского движения Сопротивления. Перев. с итал. М., 1954; *Блэр Дж., Хаугтон Х. и Роуз М.* Экономическая концентрация и вторая мировая война. Перев. с англ. М., 1948; *Боратынский С.* Дипломатия периода второй мировой войны. Перев. с польск. М., 1959; *Варга Е.* Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. М., 1946; «Военное хозяйство капиталистических стран и переход к мирной экономике». Под ред. И. А. Трахтенберга. М., 1947; *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948; «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.» Военно-исторический очерк. Под общ. ред. С. П. Платонова, Н. Г. Павленко, И. В. Паротькина. М., 1958; *Деборин Г. А.* Вторая мировая война. Военно-политический очерк. М., 1958; *Евгеньев В. В.* Международно-правовое регулирование репараций после второй мировой войны. М., 1950; *Еременко А. И.* Против фальсификации истории второй мировой войны. Изд. 2, перераб. и доп. М., 1960; *Иванов Л. Н.* Очерки международных отношений в период второй мировой войны (1939—1945). М., 1958; *Израэлян В. Л.* Дипломатическая история Великой Отечественной войны. М., 1959; «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 1—3. М., 1960—1961; «Итоги второй мировой войны». Сборник статей. Перев. с нем. М., 1957; *Купиша И., Матей Г.* и др. Вклад Румынии в разгром фашистской Германии. Перев. с рум. М., 1959; *Матвеев В.* Провал мюнхенской политики (1938—1939 гг.). М., 1955; «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)». Под общ. ред. Е. М. Жукова. Изд. 2, испр. и доп. М., 1956; *Мельников Ю. М.* США и гитлеровская Германия. 1933—1939 гг. М., 1959; «Мировая война. 1939—1945». Сборник статей. Перев. с нем. М., 1957; «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» М., 1955; «Поражение германского империализма во второй мировой войне». Статьи и документы. Под общ. ред. генерал-майора Н. Г. Павленко. М., 1960; «Проблемы истории второй мировой войны». М., 1959; *Рачинский М. Ю. и Розенблат С. Я.* Международный процесс главных японских военных преступников (1946—1948 гг.) М., 1950; «Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии». М., 1960; *Тупельскирх К.* История второй мировой войны. Перев. с нем. М., 1956; «30 лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». Перев. с итал. М., 1952; *Фуллер Дж.* Вторая мировая война 1939—1945 гг. Перев. с англ. М., 1956; *Шейнман М. М.* Ватикан во второй мировой войне. М., 1951; *Шпирт А. Ю.* Африка во второй мировой войне. М., 1959; *Яковлев Н. Н.* США и Англия во второй мировой войне. М., 1961.

Abend H. Pacific Charter. Our Destiny in Asia. Garden City, 1943; *Balfour M.* and *Mair J.* Four-power control in Germany and Austria. 1945—1946. London — New York, 1956; *Bell A.* and *Ivanyi B.* Route to Potsdam. The story of the peace aims. 1939—1945. London, 1945; *Bittel K.* Von Potsdamer Abkommen zur Viermächte — Konferenz. Der Weg zur friedlichen Lösung der deutschen Frage. Berlin, 1953; *Callender H.* A Preface to Peace. N. Y., 1944; *Carr E. H.* Condition of Peace. London, 1942; *Castillon R.* Les réparations allemandes. Deux expériences. 1919—1923. 1945—1952. Paris, 1953; *Catroux Gen.* Dans la bataille de Méditerranée, Egypt, Levant, Afrique du Nord, 1940—1944. Paris, 1949; *Chamberlain W. H.* America: partner in world rule. N. Y., 1945; *Champenois J.* Le peuple russe et la guerre. Paris, 1947; *Ciurea E.* Le traité de paix avec la Roumanie du 10 février 1947. Paris, 1954; *Clauss M. W.* Der Weg nach Yalta. Präsident Roosevelts Verantwortung. Heidelberg, 1952; *Cole G. D.* Europe, Russia and the future. London, 1942; *Cole G. D.* Great Britain in the post-war world. London, 1942; *Commager H.* The Story of the Second World War. Boston, 1945; *Culbertson E.* Total peace. What makes wars and how to organize peace. Garden City, 1943; *Dallin D. J.* The Big Three. The United States, Britain and Russia. London, 1946; *Deane Y.* The Strange Alliance. N. Y., 1947; *Dulles J. F.* War or peace. N. Y., 1950; «L'effort de la France. Quelques aspects du rôle de la France dans la guerre». N. Y., 1945; «Entscheidungsschlachten des Zweiten Weltkrieges». Frankfurt/Main, 1960; «Étude sur la situation économique de l'Europe depuis la guerre». Genève, 1953; *Faust F.* Das Potsdamer Abkommen und seine völkerrechtliche Bedeutung. Frankfurt/Main, 1959; *Feis H.* Between war and peace. The Potsdam Conference. Princeton, 1960; *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin: the war they waged and the peace they thought. London, 1957; *Feis H.* Sinews of Peace. N. Y., 1944; *Harris M.* The United States in the Second world war. N. Y., 1946; «Hitler's Europe. Ed. by A. and V. Toynbee». London, 1954; *Holt E.* The World in the War 1939—1945. London, 1956; *Hoover H.* and *Gibson H.* The problems of lasting peace. N. Y., 1943; *Jaksch W.* Europas Weg nach Potsdam. Stuttgart, 1958; *Kłafkowski A.* Umowa Poczdamska z dnia 2. VIII. 1945. Podstawy prawne likwidacji skutków wojny polsko-niemieckiej z lat 1939—1945. Warszawa, 1960; *Kokot J.* Logika Poczdamu. Katowice. 1961. *Lippman W.* United States. War Aims. Boston, 1945; *Lorwin L. L.* Postwar plans of the United Nations. N. Y., 1943; *Mackinder H. Y.* Democratic Ideals and Reality. A study in the Politics of Reconstruction. N. Y., 1944; *Miller D.* You can't do Business with Hitler. N. Y., 1942; *Newmann W. L.* Making the peace. 1941—1945. The diplomacy of the wartime conference. Washington, 1950; «Official histories of the Second world war». London, 1949—1960; *Pratt F.* The Battles, that change History. N. Y., 1956; *Ratchford B. U.* and *Rons W. D.* Berlin reparation assignments. Round one of the German peace settlement. London, 1947; *Rhode G.* and *Wagner W.* Quellen zur Entstehung der Oder — Neiße — Linie in den diplomatischen Verhandlungen während des Zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1956; *Robinson E.* The Roosevelt Leadership 1933—1945. Philadelphia and New York, 1955; «Sesja naukowa poświęcona wojnie wyzwoleniczej narodu polskiego 1939—1945 (4—6. X. 1958)». Materiały. Warszawa, 1961. *Shugg R.* and *Deweerd H.* World War II. Washington, 1947; *Spykman N. J.* America's strategy in world politics. N. Y., 1943; *Toynbee A.* and *Toynbee V.* Survey of international affairs. 1939—1945. The realignment of Europe. London, 1955; *Wittner F.* The Yalta betrayal. N. Y., 1953.

Становление мировой социалистической системы. Внешняя политика стран социализма

«Вопросы внешней политики стран социалистического лагеря». М., 1958; *Глушин В. И.* Социалистическая революция в Китае. М., 1960; «Демократическая республика Вьетнам. 1945—1960». М., 1960; «10 лет Германской Демократической Республики». Сборник статей. М., 1959; «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1959; «История Болгарии», т. II. М., 1955; «История Польши», т. III. М., 1958; «История Чехословакии», т. III. М., 1960; «Корейская Народно-Демократическая Республика». М., 1954; *Малков А. С.* Рабочее и национально-освободительное движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1938—1958). Алма-Ата, 1958; *Мельников Д.* Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию. М., 1951; «Мировая социалистическая система хозяйства». Сборник статей. М., 1958; «Некоторые вопросы международных отношений». Сборник статей. М., 1960; «О народной демократии в странах Европы». Сборник статей. Под общ. ред. Ф. Т. Константинова. М., 1956; «Основы марксизма-ленинизма». М., 1959; «15 лет Демократической Республики Вьетнам». М., 1960; «Пятнадцать лет народной Болгарии». М., 1959; «15 лет народной Польши». Сборник статей. М., 1959; «15 лет свободной Венгрии». Сборник статей. М., 1960; «15 лет свободной Румынии». Сборник статей. М., 1959; «15 лет свободной Чехословакии». Сборник статей. М., 1960; *Сергеев С. Д.* Экономическое сотрудничество и взаимопомощь стран социалистического лагеря. Изд. 2, перераб. и доп. М., 1959; «Экономическое сотрудничество и взаимопомощь между Советским Союзом и европейскими странами народной демократии». М., 1958.

«Dezvoltarea economiei RPR pe drumul socialismului. 1948—1957». București, 1958; *Karpinski A. i Rakowski M.* Gospodarka Polski na tle gospodarki świata. Wyd. 2-ie. Warszawa, 1959; *Kubát V.* Mezinárodní vztahy v době utváření světové socialistické soustavy (1945—1949). Praha, 1957; «O budownictwie socjalizmu w Polsce». Warszawa, 1955.

Внешняя политика СССР

Багиня К. А. Борьба Советского Союза против агрессии. М., 1959; «Борьба Советского Союза за разоружение. 1946—1960 годы». Под ред. В. А. Зорина. М., 1961; «Внешняя торговля СССР с капиталистическими странами». М., 1957; «Внешняя торговля СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки». М., 1958; «Вопросы внешней политики СССР и современных международных отношений». Под ред. Л. Ф. Ильичева. М., 1958; *Выгодский С.* Внешняя политика СССР — политика мира и международного сотрудничества. М., 1958; *Ефремов А.* Советско-австрийские отношения после второй мировой войны. М., 1958; *Ивашин И. Ф.* Очерки истории внешней политики СССР. М., 1958; «История СССР». Эпоха социализма (1917—1957 гг.). М., 1958; «Международные отношения и внешняя политика Советского Союза. 1945—1949». Под ред. Г. А. Деборина. М., 1958; «Международные отношения и внешняя политика СССР в период превращения социализма в мировую систему (1945—1949)». М., 1956; «Против буржуазной фальсификации истории советского общества». М., 1960; *Протопопов А.* Советский Союз в Организации Объединенных Наций. Из истории борьбы СССР за мир и независимость народов (1945—1957). М., 1957; *Хвостов В. М.* 40 лет борьбы за мир. Краткий очерк. М., 1958.

* * *

Beloff M. Soviet policy in the Far East. 1944—1951. London — New York, 1953; *Coates W. P. and Coates Z.* A history of Anglo-Soviet relations, vols. 1—2. London, 1958 (vol. 2. 1943—1950); *Cornell M.* Russia and the Western powers in the post-war world. London, 1960; *Erfurt W.* Die sowjetrussische Deutschlandpolitik. 1945—55. Esslinger, 1956; *Kennan G. F.* Soviet Foreign Policy 1917—1941. Princeton, 1960; *Kulski W. W.* Peaceful co-existence. An analysis of Soviet foreign policy. Chicago, 1959; *Laserson M. M.* Russia and the Western World: the place of the Soviet Union in the comity of nations. New York — London, 1945; *Meissner B.* Russland, die Westmächte und Deutschland. Die sowjetische Deutschlandpolitik. 1943—1953. Hamburg, 1954; *Rubinstein A.* The foreign policy of the Soviet Union. N. Y., 1960; *Rostow W. and Levin A.* The Dynamics of Soviet Society. N. Y., 1953; «Soviet Power and Policy». N. Y., 1955; *Schuman F. L.* Russia since 1917. Four decades of Soviet politics. N. Y., 1957; *Vernadsky G.* A History of Russia. London, 1946.

Внешняя политика стран народной демократии

Вевюра Б. Польско-германская граница и международное право. Перев. с польского. М., 1959; *Гогюль Р. и Поль Г.* Одер — Нейсе, граница мира. Перев. с нем. М., 1960; *Горошкова Г. Н.* Движение Немецкого народного конгресса за единство Германии и мирный договор (1947—1949). М., 1959; *Иванов Н. И.* Развитие экономических связей европейских стран народной демократии. М., 1959; «Из истории Германии нового и новейшего времени». Сборник статей. М., 1958; *Ким Г.* Борьба корейского народа за мир, национальное единство и демократию. М., 1957; *Логунов В. Д.* Современный международно-правовой режим Дуная. М., 1958; *Мхитарян С. А.* Борьба вьетнамского народа за национальную независимость, демократию и мир. 1945—1953. М., 1957; «Очерки истории Китая в новейшее время». М., 1959; *Пигулевская Е. А.* Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М., 1952; «Польша в борьбе за мир». Варшава, 1950; «Третья гражданская революционная война в Китае». Перев. с кит. М., 1957; *Труонг Шин.* Августовская революция во Вьетнаме. М., 1954; *Чэнь Бо-да.* Чан Кай-ши — враг китайского народа. Перев. с кит. М., 1950; *Шабшина Ф. И.* Очерки новейшей истории Кореи. 1945—1953. М., 1958. *Шедивый Я. и Коржалкова К.* Внешняя политика Чехословацкой Социалистической Республики в 1945—1960 гг. М., 1960.

* * *

Black C. Challenge in Eastern Europe. N. Y., 1954; *Doernberg S. and Schulz P.* Deutschland 1945—1949. Kurzer Abriss der geschichtlichen Entwicklung. Berlin, 1959; *Dona H.* Prietenia cu URSS garanției independenței RPR. București, 1948; *Hertz F.* The Economic Problem of the Danubian States. London, 1947; *Kertesz S.* The Fate of East Central Europe. Hopes and Failures of American Foreign Policy. Notre Dame, 1956; *Kotyč V. a Sedivý J.* 15 let československo-sovětské smlouvy. Praha, 1958; *Mares S. a Slavík Z.* Mirová smlouva s Německem. Praha, 1959; *Modzelewski Z.* Polityka zagraniczna Polski. Warszawa, 1960; *Nemes D.* Magyarország felszabadulása. Magyarország fejlődése a felszabadulás után. Budapest, 1960; *Osmańczyk R.* Niemcy. 1945—50. Warszawa, 1951; «Polen, Deutschland und die Oder — Neisse Grenze». Berlin, 1959; «Proletárský internacionalismus základ jednoty a vzájemných vztahu socialistických semi a mezinárodního hnutí». Praha, 1958; «Resources and Planning Eastern

Europe». Indian University, 1958; *Rozek E.* Allied Wartime Diplomacy. A Pattern in Poland. N. Y., 1958; *Seydewitz M.* Deutschland zwischen Oder und Rhein. Ein Beitrag zur neuesten deutschen Geschichte. Berlin, 1958.

**Распад колониальной системы империализма.
Новая роль в международных отношениях государств,
освободившихся от колониального гнета**

Аваков Р. М. Французский монополистический капитал в Северной Африке. М., 1958; *Аварин В. Я.* Распад колониальной системы. М., 1957; «Аграрные отношения в странах Востока». Сборник статей. М., 1958; *Альберди П.* Кризис экономики Аргентины. М., 1950; *Антясов М. В.* Современный панамериканизм. Происхождение и сущность доктрин панамериканской «солидарности». М., 1960; «Арабы в борьбе за независимость. Национально-освободительное движение в арабских странах после второй мировой войны». Сборник статей. М., 1957; *Баскин В. С.* Нефтяные монополии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1957; *Башикиров А. В.* Экспансия английских и американских империалистов в Иране (1941—1953 гг.) М., 1954; «Бирманский Союз». М., 1958; *Вальков В. А.* Индонезия на пути независимого развития. М., 1960; *Васильева В. Я.* Распад колониальной системы империализма. М., 1958; «Госкапитализм в странах Востока». Сборник статей. М., 1960; *Датт П.* Индия сегодня. Перев. с англ. М., 1948; *Ермолаев В. И.* Национально-освободительное и рабочее движение в странах Латинской Америки после второй мировой войны. М., 1958; *Жансон К. и Ф.* Алжир вне закона. Перев. с франц. М., 1957; *Иванов Н.* В борьбе за независимость (Очерк национально-освободительного движения тунисского народа). М., 1957; «Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов». Сборник статей. М., 1953; *Иванов М. С.* Очерк истории Ирана. М., 1952; *Лаврентьев А. К.* Империалистическая политика США в Сирии и Иране. М., 1960; *Лаврищев А. А.* Индокитайский вопрос после второй мировой войны. М., 1960; *Левковский А. И.* Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г. М., 1956; *Луконин Ю. В.* Борьба народов Сирии и Ливана за вывод иностранных войск (1945—1946 гг.). М., 1959; *Мартынов В. А.* Конго под гнетом империализма. Социально-экономические проблемы бельгийской колонии. М., 1959; *Мельман С. М.* Экономика Индии и политика английского империализма. М., 1961; *Мельман С. М.* Иностранный монополистический капитал в экономике Индии. М., 1959; «Народы Латинской Америки в борьбе против американского империализма». Сборник статей. М., 1951; «Независимая Индия. 10 лет независимости. 1947—1957». Сборник статей. М., 1958; *Нихамин В. П.* Очерки внешней политики Индии. 1947—1957 гг. М., 1959; «Проблемы современной Латинской Америки». Сборник статей. Под ред. М. В. Данилевич и А. Ф. Шульговского. М., 1959; «Проблемы индустриализации суверенных слаборазвитых стран Азии». М., 1960; «Против колониализма». Сборник статей. М., 1960; «Разбуженный Восток». Записки советских журналистов о визите Н. С. Хрущева в Индию, Бирму, Индонезию, Афганистан. I—II. М., 1960; *Ребрикова Н. В.* Очерки новейшей истории Таиланда. 1918—1959. М., 1960; *Редько И. Б.* Непал после второй мировой войны. Антифеодалное и антиимпериалистическое движение. 1945—1956. М., 1960; *Рымалов В. В.* Колониальная экспансия финансового капитала США под флагом «помощи». М., 1956; *Скоров Г. Е.* Французский империализм в Западной Африке. М., 1956; *Тягуненко В. Л.* Война и колонии. Влияние распада колониальной системы на военно-экономическую базу империализма. М., 1957; *Тягуненко В. Л.* Угнетенные народы рвут оковы империализма. М., 1955; *Тюльпанов С.* Колониальная система империализма и ее распад. М., 1958; *Фучс Х.* Проникновение американских трестов в Аргентину. Перев. с испан. М., 1959; *Чека Х. К.* Очерки о странах Латинской Аме-

рики. Перев. с испан. М., 1960; *Шифрин Э. Л.* Экспансия американского империализма в Мексике после второй мировой войны. М., 1952; «Южная Корея. Экономическое и политическое положение. 1945—1958 гг.» М., 1959; *Ястребова И. П.* Южно-Африканский Союз. М., 1959.

* * *

Alba V. Le mouvement ouvrier en Amérique Latine. P., 1953; *Aqwani M. S.* The United States and the Arab world (1945—52). Aligarh, 1955; *Battistini L. H.* The United States and Asia. N. Y., 1955; *Benaget H.* L'Afrique française en danger. Paris, 1947; *Behrendt F.* Economic Nationalism in Latin American. Albuquerque, 1941; *Berkes Ros N.* and *Redi Moninger S.* The diplomacy of India. Indian foreign policy in the United Nations. Stanford, 1958; *Berrelly J.* La Péninsule arabique. Terre Sainte de l'Islam, patris de l'Arabisme et empire du pétrole. Paris, 1958; *Bourguiba H.* La Tunisie et la France. Vingt cinq ans de lutte pour une coopération libre. Paris, 1954; *Brecher M.* The Struggle for Kashmir. Toronto, 1953; *Cady J.* A History of Modern Burma. N. Y., 1958; *Campbell J. C.* Defence of the Middle East, Problems of American policy. N. Y., 1958; *Chattar S. S.* India and Anglo-Soviet relations. 1917—1947. London, 1959; *Deschamps H.* Les méthodes et les doctrines coloniales de la France. Paris, 1953; «East Asia. China, Korea, Japan. 1947—50». London, 1958; «Economic Development in the Middle East 1945 to 1954». N. Y., 1955; *Farley M. S.* United States relations with South-East Asia with special reference to Indochina. N. Y., 1955; *Fifield R. H.* The diplomacy of Southeast Asia, 1945—1958. N. Y., 1958; Foreign capital in Latin America. N. Y., 1955; *Gdański M.* Bliski i Srodkowy Wschód 1945—1955. Rywalizacja mocarstw zachodnich. Warszawa, 1956; *Glubb J.* Britain and the Arabs. A study of fifty years. London, 1959; *Guernier E.* Le destin de l'Afrique du Nord, t. 1—2. Paris, 1950; *Hunther J.* The Riddle of MacArthur Japan. Korea and the Far East. N. Y., 1950; *Haya de la Torre V. R.* La defensa continental. Buenos Aires, 1946; *L'Huillier F.* Le Moyen-Orient contemporain (1945—1958). Paris, 1959; *Kahin G.* Nationalism and Revolution in Indonesia. Cornell University Press, 1952; *Karunakar Gupta.* Indian foreign policy in defence of national interest. Calcutta, 1956; *Karunakaran K. P.* India in world affairs. August 1947—January 1950. A review of India's foreign relations from Independence Day to Republic Day. Calcutta, 1952; *Krishen R.* Kashmir and the conspiracy against peace. Bombay, 1951; *Kundra J. C.* Indian foreign policy. 1947—1954. A study of relations with the Western Bloc. Bombay, 1955; *Krouser J. C.* Asia and the Middle East. Decisive battle-ground of the cold war. N. Y., 1959; *Laure R.* Le continent africain au milieu du siècle. Paris, 1952; *Lengyel E.* Egypt's role in world affairs. Washington, 1957; *Lewi W.* Free India in Asia. Minneapolis, 1953; *Massis H.* L'Occident et son destin. Paris, 1956; *Menon V. P.* The Story of the Integration of the Indian States. Bombay, 1956; *Meyer A. J.* Middle Eastern capitalism. Nine essays. Cambridge, 1959; «The Middle East. A political and economic survey». London—New York, 1951; *Millspaugh A. C.* Americans in Persia. Washington, 1946; *Moura A.* Capitais estrangeiros no Brasil. São Paulo, 1959; *Shwadrar B.* The Middle East, Oil and the Great Powers. N. Y., 1956; *Speiser E. A.* The United States and the Near East. Cambridge, 1950; *Strachey J.* The End of Empire. London, 1959; *Thakin Nu.* Burma under the Japanese. New York—London, 1954; *Tinker H.* The Union of Burma. A study of the first years of Independence. London—New York, 1957; *Trager F.* Burma's role in the United Nations. 1948—1955. N. Y., 1956; «White Paper on Indian States». New Delhi, 1950; «White Paper on Jammu and Kashmir». New Delhi, 1948; *Wolf Ch.* Foreign aid. Theory and practice in Southern Asia. Princeton, 1960.

Углубление кризиса капитализма.
Внешняя политика империалистических государств

Аллен Дж. Международные монополии и мир. Перев. с англ. М., 1948; *Бердж У.* Международные картели. Перев. с англ. М., 1947; *Брукс М.* Нефть и внешняя политика. Перев. с англ. М., 1949; *Варга Е.* Основные вопросы экономики и политики империализма. Изд. 2-е. М., 1957; *Васильков Н. П.* Монополистический капитал Италии. (После второй мировой войны.) М., 1959; *Вишнев С. М.* Современный милитаризм и монополии. М., 1952; «Вопросы экономики и международных отношений». Сборник статей. М., 1957; *Гантман В. И.* Государственный строй Италии. М., 1961; *Датт П.* Кризис Британии и Британской империи. М., 1959; *Динкевич А. И.* Экономика послевоенной Японии (1945—1955). М., 1958; *Драгилев М. С.* Общий кризис капитализма. Очерк развития капиталистической системы за 40 лет. М., 1957; *Еврейсков А. В.* Кризис валютной системы капитализма. М., 1955; *Ефимова А.* Рабочее и профсоюзное движение во Франции после второй мировой войны (1945—1953). М., 1954; *Жуков Е. М.* и др. Очерки новейшей истории Японии. М., 1957; *Иноземцев Н. Н.* Американский империализм и германский вопрос (1945—1954). М., 1954; *Корольков В. и Медведев А.* Рабочее и профсоюзное движение в США после второй мировой войны. М., 1954; *Крайнов П. А.* Рабочее и профессиональное движение в Испании после второй мировой войны. М., 1949; *Кумар В.* Англо-американский заговор против Кашмира. М., 1955; *Ландберг Ф.* 60 семейств Америки. Перев. с англ. М., 1948; *Лемин И. М.* Англо-американские противоречия после второй мировой войны. М., 1951; *Линч Д.* Концентрация экономической мощи в США. Перев. с англ. М., 1948; *Меньшиков С.* Американские монополии на мировом капиталистическом рынке. М., 1958; *Милейковский А. Г.* Канада и англо-американские противоречия. М., 1958; *Миллс Ф.* Властвующая элита. Перев. с англ. М., 1959; *Михайлов Б. Я.* Конгресс профсоюзов США. 1935—1955. Из истории американского рабочего движения. М., 1959; *Многолетова Н. И.* Промышленные монополии США после второй мировой войны. М., 1959; *Молчанов Н. Н.* Саарский вопрос (1945—1957). М., 1958; *Оборина Г. А.* Положение и борьба рабочего класса в Италии после второй мировой войны. М., 1953; *Певзнер Я. Х.* Экономика Японии после второй мировой войны. М., 1955; *Перло В.* Империя финансовых магнатов. Перев. с англ. М., 1958; *Петрушов А.* Аграрные отношения в странах Западной Европы после второй мировой войны. М., 1959; «Положение и борьба трудящихся в странах капитала». Сборник статей. М., 1956; «Проблемы кризисов и обнищания рабочего класса после второй мировой войны». Материалы Международной экономической конференции в Берлине (1—4 октября 1958 г.). М., 1959; «Проблемы современного капитализма». Сборник статей. К 80-летию Е. С. Варга. М., 1959; «Рабочее движение в капиталистических странах (1959—1960 гг.)» М., 1961. «Реформизм, ревизионизм и проблемы современного капитализма». Сборник статей. М., 1959; *Рысаков П.* Монополии США и страны Северной Европы. М., 1956; *Санталов А. А.* Империалистическая борьба за источники сырья. М., 1954; *Солодовников В.* Вывоз капитала. М., 1957; «Современная империалистическая военная идеология». Под общ. ред. В. А. Васильева и др. М., 1958; *Сущенко В. В.* Англо-американские противоречия в Канаде после второй мировой войны. М., 1956; *Малыш А. И.* Трудящиеся Западной Германии под гнетом монополий (1945—1955). М., 1956; *Турчинс Я. Б.* Обострение неравномерности развития капитализма в итоге второй мировой войны. М., 1953; *Фитуни Л. А.* Торговые договоры и соглашения капиталистических стран. М., 1958; *Фрей Л. И.* Международные расчеты и финансирование внешней торговли капиталистических стран. М., 1954; *Хмельницкая Е.* Монополистический капитализм Западной Германии. М., 1959; *Шапиро А. И.* Экономическая экспансия монополистического капитала США в Западной Европе после второй мировой войны. М., 1956.

*
*
*

Balfour M. Vier-Mächte-Kontrolle in Deutschland 1945—1946. Düsseldorf, 1959; *Ball M.* NATO and the European Union Movement. N. Y., 1959; *Bathurst M. E.* and *Simpson J. L.* Germany and North Atlantic Community. London, 1956; *Beveridge W.* Full Employment in a Free Society. London, 1945; *Catlin G.* The Atlantic Community. London, 1959; «Canada in world affairs», vol. 5. 1946—1949. Toronto, 1959; *Clough S. B.* The economic development of Western civilization. N. Y., 1959; *Delmas C.* Le monde atlantique. Paris, 1948; *Diebold W.* Trade and payments in Western Europe. A study in economic cooperation 1947—1951. N. Y., 1952; *Duroselle J. B.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. 2-me éd. Paris, 1957; *Grindrod M.* The rebuilding of Italy. Politics and economics. 1945—1955. London — New York, 1955; *Gunther J.* Inside USA. New York — London, 1947; *Harcourt R.* Dix ans d'efforts pour unir l'Europe. 1945—1955. Paris, 1955; *Harris S. E.* The European Recovery Program. Cambridge (Mass.), 1948; *Hutchison K.* Rival Partners. America and Britain in the Postwar World. N. Y., 1946; *Jäckh E.* America und wir 1926—1951. Amerikanisch—deutsches Ideen — Bündniss. Stuttgart, 1951; *Kahn A.* Great Britain in the world economic. N. Y., 1946; *Levi M.* American-Australian relations. London, 1947; *Lider J.* NATO. Szkice o historii i doktrynie. Warszawa, 1961; *Mackay R. W.* Western Union in crisis. London, 1949; *Manzocchi B.* Lineamenti di politica economica in Italia (1945—1959). Roma, 1960; *Mayer R.* Le Pacte de l'Atlantique. Paris, 1952; *Meyer F. V.* Britain, the sterling area, and Europe. Cambridge, 1952; *Proudfoot M.* Britain and the United States in the Caribbean: a comparative study in methods of development. London, 1954; *Sannwald R.* and *Stohler J.* Economic Integration. Princeton, 1959; *Siedler H.* Österreichs Weg zur Souveränität. 1945—1959. Bonn — Wien, 1960; *Taviani P. E.* Solidarietà atlantica e comunità europea. Firenze, 1957; *Wolff Ph.* Das Nachkriegsjahrzehnt. Politik und Wirtschaft 1946—1955. Zürich, 1956.

Внешняя политика Соединенных Штатов Америки

Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М., 1952; *Андреев Г.* Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии. М., 1957; *Астафьев Г. В.* Интервенция США в Китае и ее поражение (1945—1949 гг.). М., 1958; *Беляев И. П.* Американский империализм в Саудовской Аравии. М., 1957; *Бухаров Б. И.* Политика США в отношении Китайской Народной Республики (1949—1953). М., 1958; *Вильямс В. Э.* Трагедия американской дипломатии. Перев. с англ. М., 1960; *Гонионский С. А.* Латинская Америка и США. 1939—1959. Очерки истории дипломатических отношений. М., 1960; *Далин С. А.* Военно-государственный монополистический капитализм в США. М., 1961; *Гречев М. А.* Колониальная политика США после второй мировой войны. М., 1958; *Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; *Корсионов В. Г.* Монополии и народ. М., 1958; *Марион Д.* Базы и империя. Карта американской экспансии. Перев. с англ. М., 1948; *Мейер Г.* Последняя иллюзия. Американский план мирового господства. Перев. с англ. М., 1955; «Очерки новой и новейшей истории США». В двух томах. М., 1959—1960; *Потанова А. А.* Экспорт капитала — орудие экспансии США. (После второй мировой войны.) М., 1958; «Прогрессивные силы США в борьбе за мир и демократию». Сборник материалов. Под ред. Н. Васильева. М., 1953; *Родионов В. Н.* Американская политика «с позиции силы» — угроза миру. М., 1958; *Рысаков П.* Агрессивная политика США в Северной Европе. М.,

1952; *Тарасенко В. А.* Атомная проблема во внешней политике США (1945—1949). Киев, 1958; *Уилер Д.* Американская политика в Германии (1945—1950). Сокр. перев. с нем. М., 1960; *Яковлев Н. Н.* Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961.

Agar H. The unquiet years: USA. 1945—1955. London, 1957; *Bailey T. A.* Diplomatic History of the American People. N. Y., 1958; *Barron B.* Inside the State Department. N. Y., 1956; *Bemis S. F.* A diplomatic history of the United States. N. Y., 1959; *Berle A.* Tides of crisis. A primer of foreign relations. N. Y., 1957; *Binder P.* USA und wir. Wirtschaft. Aussenhandel. Politik. Stuttgart, 1956; *Burnham J.* Containment or liberation? An inquiry into the aims of United States foreign policy. N. Y., 1953; *Campbell J. C.* The United States in world affairs. 1945—1947. With an introduction by J. F. Dulles. New York—London, 1947; *Dauids J.* America and the world of our time. United States Diplomacy in the Twentieth Century. N. Y., 1960; *Duggan L.* The Americas. The Search for Hemisphere Security. N. Y., 1949; *Finletter T. K.* Foreign Policy: the Next Phase. N. Y., 1958; *Frank F.* American in the Twentieth Century. N. Y., 1960; *Freeman R. E.* Postwar economic trends in the United States. N. Y., 1960; *Furniss E.* and *Snyder K.* An introduction to American foreign policy. N. Y., 1955; *Goldman E. E.* The crucial decade. America. 1945—1955. N. Y., 1956; *Graber D. A.* Crisis Diplomacy. A History of U. S. Intervention Politics and Practices. Washington, 1959; *Guerrant E. A.* Modern American Diplomacy. Albuquerque, 1954; *Hyde L. K.* The United States and the United Nations. N. Y., 1960; *Kennan G. F.* American diplomacy. 1900—1950. Chicago, 1951; *Kennan G. F.* Realities of American foreign policy. Princeton, 1954; *Lengyel E.* America's role in world affairs. New York—London, 1946; *Lippman W.* Public opinion and foreign policy in the United States. London, 1952; *McKay D. C.* The United States and France. Cambridge, 1951; *Morgenthau H.* In defence of the national interest. A critical examination of American foreign policy. N. Y., 1952; *Perkins D.* The American Approach to Foreign Policy. Cambridge (Mass), 1954; *Pratt I.* A history of United States foreign policy. N. Y., 1955; *Reitzel W.* and oth. United States. Foreign policy 1945—1955. W., 1956; *Rostow W. W.* The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. N. Y., 1960; *Spielman W. C.* The United States in the Middle East (A study of American foreign policy). N. Y., 1959; *Snyder K. C.* and *Furniss E. S. Jr.* American Foreign Policy. Formulation. Principles and Programs. N. Y., 1954; *Stone J. K.* The Truman Era. N. Y., 1953; *Sulzberger C.* What's Wrong with U. S. Foreign Policy. N. Y., 1959; *Taft R. A.* Foreign Policy for Americans. N. Y., 1951; *Thompson K. W.* Political Realism and Crisis of World Politics. An American Approach to Foreign Policy. Princeton, 1960; «The United States Relations with China». Washington, 1949.

Внешняя политика Великобритании

Волгин П. Англия и Западная Германия. Политика Англии в вопросе перевооружения Западной Германии (1949—1955). М., 1957; *Лемин И. М.* Обострение кризиса Британской империи после второй мировой войны. М., 1951; *Милейковский А. Г.* Великобритания. М., 1947; *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии после второй мировой войны (Краткий очерк). М., 1957; *Трухановский В. Г.* Новейшая история Англии. М., 1958; «Экономика и политика Англии после второй мировой войны». М., 1958.

* * *

Amery J. The British Commonwealth and Western Europe. London, 1952; *Branston U.* Some reflections on British foreign policy. London, 1959; «Britain in Western Europe». London—New York, 1956; «British interests in the Mediterranean and Middle East». London, 1958; *Bullard R. W.* Britain and the Middle East. L., 1951; *Chasteney J.* Winston Churchill et l'Angleterre du XX-e siècle. Paris, 1956; *Fitzsimons M. A.* The foreign policy of the British labour government 1945—1951. London, 1953; *Goodwin G. L.* Britain and the United Nations. London, 1957; *Grigg E.* British foreign policy. London, 1946; *Heiser H. J.* British policy with regard to the unification efforts on the European continent. London, 1959; *Mansergh N.* The Commonwealth and the nations. N. Y., 1948; *Olver A. S. B.* Outline of British policy in East and South Asia. 1945—May 1950. London, 1950; *Roberts H. L.* and *Wilson P. A.* Britain and the United States. N. Y., 1953; *Tonnelle J.* L'Angleterre en Méditerranée. Paris, 1952; *Webster Ch.* United Kingdom Policy. N. Y., 1950; *Windrich E.* British labour's foreign policy. London, 1952; *Worswick G. D.* and *Ady P. H.* British Economy. 1945—1950. London, 1951.

Внешняя политика Франции

Верт А. Франция. 1940—1955. Сокр. перев. с англ. М., 1959; *Молчанов Н. Н.* Внешняя политика Франции. 1944—1954 гг. М., 1959; *Потемкин Ю. В.* Экономическая политика Франции в странах Маргриба. 1945—1955 гг. М., 1960.

* * *

Cady J. The roots of French imperialism in Eastern Asia. Ithaca, 1954; *Diraks-Dilly J.* La Sarre et son destin. Paris, 1956; *Dumaine J.* Quai d'Orsay (1945—1951). Paris, 1955; *Fauvet J.* La IV-e République. Paris, 1959; «La France en Indochine» (Les données du problème). Paris, 1950; *Freymond J.* Le conflit sarrois. 1945—1955. Brussels, 1959; *Gavin C.* Liberated France. London, 1955; *Halleguen J.* Aux quatre vents du gaullisme. 1940—1952. Paris, 1953; *Kowalski A.* Francja w okowach planu Marshalla. Warszawa, 1950; *Laroche C.* La diplomatie française. Paris, 1946; *Lacour-Gayet R.* La France au XX-e siècle. Paris, 1954; *Lattre A.* Les finances extérieures de la France (1945—1958). Paris, 1959; «Modern France. Problems of the Third and Fourth Republics». Princeton, 1951; *Morin E.* Allemagne notre souci. Paris, 1947; *Mus P.* Viet-Nam. Sociologie d'une guerre. Paris, 1952; *Naegelen M.-E.* Grandeur et solitude de la France. Paris, 1956; *Pickles D.* French politics. The first years of the Fourth Republic. London—New York, 1953; *Schmidt W. E.* Zwischenrufe von der Seine. Die Entwicklung der Europa-Politik und das deutsch-französische Verhältnis. Stuttgart, 1958; *Troux A.*, *Girand A.* Histoire de la France. Des origines à 1945. Paris, 1948; *Werth A.* France 1940—1955. With a foreword by G. D. Cole. London, 1956.

Борьба двух курсов по вопросам мирного урегулирования и основным проблемам послевоенного мира

Аллен Дж. Атомная энергия и общество. Перев. с англ. М., 1950; *Клод А.* План Маршалла. Перев. с франц. М., 1950; *Коровин Е. А.* О международных организациях мира и безопасности. М., 1945; *Коровин Е. А.* Основные проблемы современных международных отношений. М., 1959; *Крылов С. Б.* История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава ООН (1944—1945 гг.). М., 1960; *Лаговский А.* Стратегия и экономика. М., 1957; *Морозов Г. И.* Организация Объединенных Наций. К 15-летию Устава ООН. Вступит. статья А. В. Топчиева. М., 1960.

*
*
*

Acheson D. Power and diplomacy. Harvard, 1958; *Alleman F. K.* Bonn ist nicht Weimar. Köln, 1956; «Alliance policy in the cold war. Ed. by Wolfers A.». London, 1959; *Arnold G.* The pattern of world conflict. London, 1956; *Aron R.* Atomic Weapons and Global Diplomacy. London, 1958; *Aron R.* La société industrielle et la guerre. Paris, 1959; *Bailey T. A.* America faces Russia. N. Y., 1950; *Balfour M.* and *Mair J.* Four-Power Control in Germany and Austria 1945—1946. Oxford, 1956; *Baltus R.* De la vieille à la nouvelle Europe. Paris, 1953; *Beloff M.* Foreign Policy and the Democratic Process. Baltimore, 1955; *Black C.* and *Helmreich E.* Twentieth Century Europe. N. Y., 1959; *Blackett P. M.* Atomic Weapons and East—West Relations. Cambridge, 1956; *Bryant A.* Triumph in the West. London, 1959; *Burchett W.* The cold war in Germany. Melbourne, 1950; *Burnham J.* The struggle for the world. London, 1947; *Calvocoressi P.* Survey of international affairs. 1947—1948. London, 1952; *Céré R.* Entre la guerre et la paix (1944—1949). Paris, 1949; *Céré R.* La technique de la paix et l'Europe. Paris, 1954; *Conze W.* Deutschland und Europe. Düsseldorf, 1951; *Cornides W.* Die Westmächte und Deutschland. Geschichte der jüngsten Vergangenheit 1945—1955. Tübingen, 1957; *Davidson E.* The death and life of Germany. An account of the American occupation. N. Y., 1959; *Dean V. M.* The United States and Russia. N. Y., 1948; *Dulles J. F.* War or Peace. N. Y., 1957; *Fiedler R.* Würfelspiel um Deutschland. 1944—1956. Eine kritische Untersuchung der Zerstückelungs- und Wiedervereinigungspolitik. Düsseldorf, 1957; *Goodrich L. M.* The United Nations. N. Y., 1959; *Goodwin G. L.* Britain and the United Nations. London, 1957; *Grewe W.* Deutsche Außenpolitik der Nachkriegszeit. Stuttgart, 1960; *Gruber K.* Zwischen Befreiung und Freiheit. Der Sonderfall Österreich. Wien, 1953; *Herz J. H.* International politics in the atomic age. N. Y., 1959; *Hölzle E.* Rußland und Amerika. Aufbruch und Begegnung zweier Weltmächte. München, 1953; *Ingram K.* History of the cold war. London, 1955; *Jones G. J.* Challenge to the Peacemakers. London, 1951; *Knorr K.* The War Potential of Nations. Princeton, 1956; *Langenhove F.* La crise du système sécurité collective des Nations Unies. 1946—1957. Bruxelles, 1958; *Lerche Ch. O.* Principles of international politics. N. Y., 1956; *Lippman W.* The cold war. A study in U. S. foreign policy. N. Y., 1947; *Martel G.* East versus West. London, 1952; *Marzani C.* We can be friends (Origins of the cold war). N. Y., 1952; *McInnis E.* The Atlantic triangle and the cold war. Toronto, 1959; *McNeil W. H.* America, Britain and Russia. Their cooperation and conflict. 1941—1946. London, 1953; *Millis W., Murray J.* and others. Foreign Policy and the Free Society. N. Y., 1958; *Morgenthau H. J.* Politics among nations. The struggle for power and peace. N. Y., 1949; *Peyret H.* Le réarmement et la paix. Paris, 1951; *Price H. B.* The Marshall plan and its meaning. N. Y., 1955; *Pritt D. N.* The State department and the cold war. N. Y., 1948; *Rauschnig H.* Deutschland zwischen West und Ost. Berlin—Hamburg, 1950; *Robichon J.* et *Ziegeimeyer J.* L'affaire de Berlin 1945—1959. Paris, 1959; *Roberts H. L.* Russia and America. Dangers and prospects. N. Y., 1956; *Roth P.* Deutschland und Polen. München, 1958; *Rothstein A.* Peaceful coexistence. London, 1955; *Schütz W.* Wir wollen überleben. Außenpolitik am Atomzeitalter. Stuttgart, 1956; *Seldes G.* The people don't know. The American press and the cold war. N. Y., 1949; *Seton-Watson H.* Neither War nor Peace. The Struggle for Power in the Postwar World. London, 1960; *Strausz-Hupé R.* and *Possony S.* International relations. In the age of conflict between democracy and dictatorship. 2-nd ed. New York—Toronto—London, 1954; *Strausz-Hupé R.* The Balance of Tomorrow. A Reappraisal of Basic Trends in World Politics. Philadelphia, 1945; *Tönnies N.* Zwischen Elbe und Flut. Deutschlands

entscheidende Jahre seit 1945. Hamburg, 1956; *Toynbee A.* The World and the West. London, 1953; *Toynbee A.* A study of History. London, 1960; «Two worlds in focus: studies of the cold war». London, 1950; *Voll H.* Probleme der internationale Abrüstung. Eine Darstellung der Bemühungen des Vereinigten Nationen 1945—1955. Frankfurt/Main, 1956; *Warburg J. P.* Germany: key to peace. Cambridge, 1953; «Weltgeschehnisse der Nachkriegszeit 1945 bis 1957». Würzburg, 1957; *Wenger P.* Wer gewinnt Deutschland? Stuttgart, 1959; *Wiart C. E.* de. Chronique de la guerre froide. 1947—1949. Bruxelles, 1950; *Wilcox, C. March.* Proposals for Changes in the United Nations. Washington, 1955; *Wiskemann E.* Germany's eastern neighbours. Problems relating to the Oder — Neisse line and the Czech frontier regions. London — New York, 1956; *Ziliakus K.* Britain, USSR and world peace. London, 1946; *Zink H.* The United States in Germany. 1944—1945. Toronto — London — New York, 1957.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СТАТИСТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

«Балканские страны». Под ред. Ф. Н. Петрова. М., 1946; «Внешняя торговля капиталистических стран за 1945—1950 гг. в сравнении с довоенным периодом». Статистический справочник. М., 1952; Дипломатический словарь, в трех томах. Т. I. М., 1960; т. 2. М., 1961; «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах». Стат. сборник. М., 1957; «Международный политико-экономический ежегодник». М., 1958—1962. «Международные отношения» (Библиографический справочник. 1945—1960 гг.) Сост. В. Н. Егоров. М., 1961. «Международные экономические организации». Справочник. М., 1960; «Народная республика Болгария». Историческая библиография в двух томах. М., 1954, 1958. Сост. Д. Д. Иванов; «Народное хозяйство СССР». Стат. сборник. М., 1956; «Основные показатели развития СССР» (Краткий стат. справочник). М., 1956; *Попов А. А.* Внешняя политика СССР — политика мира. Указатель литературы. Л., 1956; «Производство важнейших товаров в капиталистических странах за 1929, 1933, 1937—1950 гг.». Стат. сборник. М., 1951; «Советская литература по международному праву». Библиография. 1917—1957. М., 1959; «Статистические показатели экономического положения капиталистических стран». М., 1956; «Страны Латинской Америки». М., 1949; «Страны социализма и капитализма в цифрах» (Статистические материалы). М., 1957; «Экономика капиталистических государств после второй мировой войны». Стат. сборник. М., 1959.

* *
*

«The American annual. 1946—1950. An encyclopedia of the events of 1945—1949». New York — Chicago — Washington, 1946—1950; «L'année politique». Paris, 1945—1949; «Annual Abstract of Statistics. 1935—1946». London, 1948; «Annuaire diplomatique». Genève, 1954; «Annuaire des organisations internationales. 1948—1949». Bruxelles, 1949; «Annuaire du commerce international». Paris, 1948—1949; «The annual register of world events. Reviews of the years 1945—1949». London, 1950; «Anuário estadístico do Brasil». Rio de Janeiro, 1948, 1950; «Anuário estadístico de la República Argentina», t. 1—3. 1949—1950. Buenos Aires, 1954; «The British Commonwealth. 1947—1949». London, 1948—1950; «British political yearbook 1947». London, 1947; «The comprehensive economic directory of the Middle East». N. Y., 1947; *Conover H. F.* A guide to bibliographic tools for research in foreign affairs. Washington, 1956; «Current research in international affairs. A selected bibliography». N. Y., 1948; *Hyamson A. M.* A dictionary of international affairs. London, 1946; «The International Yearbook and States-

men's Who's Who». London, 1947—1949; «International World Who's Who». N. Y., 1947; Keesing's Contemporary Archives. 1945—1949; Miller K. W. Die amerikanische Deutschlandpolitik. Amtliche amerikanische Publikationen über Deutschland. 1945—1955. Frankfurt/Main, 1956; «New Zealand Official Yearbook. 1946». Wellington, 1948; «Political handbook of the world. 1949». N. Y., 1949; Roberts H. L. Foreign affairs bibliography. A selected and annotated list of books on international relations. 1942—1952. N. Y., 1955; «Royal institute of international affairs. Annual report. 1949—1950». London, 1950; «Series symbols for documents of the General Assembly». London, 1949; Woolbert R. G. Foreign affairs bibliography. A selected and annotated list of books on international relations 1932—1942. New York — London, 1945; «The year book of world affairs». London, 1947—1949.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ПРЕССА

«Правда»
«Известия»
«Труд»

«Большевик» (до 1953 г.)
«Вопросы истории КПСС»
«Вопросы истории»
«Вопросы философии»
«Вопросы экономики»
«Внешняя торговля»
«За рубежом»
«История СССР»
«Коммунист»
«Международная жизнь»
«Мировая экономика и международные отношения»
«Мировое хозяйство и мировая политика» (1941—1947 гг.)
«Новая и новейшая история»
«Новое время»
«Проблемы мира и социализма». Прага
«За прочный мир, за народную демократию». (1947—1959)
«Работническое дело». София

«Daily worker». London
«Humanité». Paris
«Neues Deutschland». Berlin
«Rudé právo». Praha
«Scinteia». București
«Szabad nép». Budapest. (С 1957 г. — «Népszabadság».)
«Trybuna Ludu». Warszawa
«Unità». Roma
«Volksstimme». Wien

«Ново време». София
«Cahiers du communisme». Paris
«Einheit». Berlin
«Lupta de clasă». București
«Marxism today». London

«New age». New Delhi
«Nowe drogi». Warszawa
«Nova mysl». Praha
«Nueva era». Buenos Aires
«Rinascita». Roma
«Weg und Ziel». Wien

«Figaro». Paris
«Manchester guardian». Manchester
«Monde». Paris
«New York Herald Tribune». New York
«New York Times». New York
«Times». London
«Welt». Hamburg

«African world». London
«Afrique et le monde». Bruxelles
«American journal of economics and sociology». Lancaster
«American political science review». Washington
«Aussenhandel». Berlin
«Aussenpolitik». Stuttgart
«Business and economic conditions». New York
«Business week». New York
«Cahiers internationaux». Paris
«Chroniques étrangères». Paris
«Contemporary review». London
«Current history». Philadelphia
«Démocratie nouvelle». Paris
«Deutsche Aussenpolitik». Berlin
«Deutsches Wirtschaftsinstitut Bericht». Berlin
«Economie et politique». Paris
«Economist». London
«Esteri». Roma
«Etudes économiques». Paris
«Esprit». Paris
«Europa-Archiv». Bonn
«Foreign affairs». New York
«Foreign commerce weekly». Washington

«Fortune». New York
«France nouvelle». Paris
«Inter-American economic affairs». Washington
«International affairs». London
«Journal officiel». Paris
«Journal of international affairs». New York
«Mezinárodní politika». Praha
«Middle Eastern affairs». New York
«Mondo economico». Roma
«Nation». New York
«New republic». Washington
«New statesman». London
«Nouvelle revue d'économie contemporaine». Paris
«Osteuropa». Stuttgart
«Pensée». Paris

«Political affairs». New York
«Political quarterly». London
«Politica ed economia». Milano
«Politique étrangère». Paris
«Problèmes économiques». Paris
«Revue de défense nationale». Paris
«Revue socialiste». Paris
«Rivista storica italiana». Napoli
«Spectator». London
«Spiegel». Hamburg
«Sprawy międzynarodowe». Warszawa
«U. S. news and World report». Washington
«West Africa». London
«Wirtschaft». Berlin
«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin
«Zukunft». Wien

А

- Австралия* — 44, 48, 79, 237, 241, 317, 492, 496, 508, 518, 535, 540, 544.
Австрия — XII, 9, 74—75, 77, 314, 330, 333, 508, 513, 577, 583, 596, 690.
Аден — 244—245.
Албания — 66—69, 92, 103, 129, 132, 137, 139, 143, 151, 154, 169, 508, 513, 518—519, 538.
Алжир — 68, 270, 278, 280—282, 418.
Американская «помощь» иностранным государствам — см. *США*.
Англо-советский договор о союзе и взаимной помощи (26. V. 1942 г.) — 25, 108, 383, 391, 447, 606—607, 620.
Аргентина — 79, 83, 284, 291, 293, 295—298, 535, 544.
Атлантическая хартия — 12—13, 27, 86, 451.
Афганистан — 9, 171, 220, 241, 244—245, 535.

Б

- Бандунгская конференция* 1955 г. — XI, XXIII.
Бахрейские острова — 244—245.
Бельгия — 8—9, 24, 37, 64, 66, 74—75, 77—79, 87, 237, 274, 277, 314, 333, 385, 416, 518, 535, 583, 605, 616—617, 626, 628.
Бирма — 66, 71, 73, 88, 171, 211, 213, 227—233, 241, 243, 317, 377, 388, 393, 485, 535.
Болгария — 29, 66—68, 92, 101—103, 129, 137—139, 145—146, 148—149, 154, 169, 205—206, 503—505, 516, 518—519, 540, 692.

- Боливия* — 285—286, 293, 535, 540.
Бразилия — 83, 284, 286, 291, 293—294, 508, 535.
Брюссельский пакт (договор) 1948 г. — см. *Западный союз*.

В

- Варшавское совещание 1948 г.* — 139, 154, 471—472.
Вашингтонская конференция западных держав 1949 г. — 475, 478.
Вашингтонское сепаратное совещание глав правительств США, Англии и Канады 1945 г. — 555.
Великая Октябрьская социалистическая революция — IX, XVI, 4, 61, 72, 92, 96, 111, 114, 116—117, 199, 344—345, 563, 634, 639, 641, 695.
Великая Отечественная война Советского Союза — см. *СССР*.
Великобритания;
 и *Бирма* — 229—232, 388;
 внешняя политика, основные цели — 303, 382, 385, 392—393, 603—605, 674—675;
 внешняя торговля — 46—47, 309, 318, 379;
 военные расходы — 310, 590, 626;
 и *вторая мировая война* — 7—8, 10—11, 13, 15, 31—33, 40, 42, 51, 64, 70, 229, 377—378, 518;
 и *германский вопрос* — см. *германская проблема*;
 и *Индия* — 85, 89, 215—227, 318, 372, 388;

и Индонезия — 236—237, 387;
и Китай — 172—173;
классовая борьба — 77—79, 380, 395;
коммунистическая партия — 66, 74, 396, 617;
международные позиции — 60, 314—315, 378, 381, 396—397, 674, 703;
и «план Маршалла» — 384, 389, 583, 586—587;
политика в Африке — 47, 274—276, 279, 282;
политика на Ближнем и Среднем Востоке — 245, 252, 256, 258, 261—267, 387—388, 394, 540;
политика колониальная — 47, 85—86, 214, 276, 295—296, 321, 377, 387;
и СССР — 97, 256, 380—381, 383, 390—392, 450, 456, 604, 680;
и страны мировой социалистической системы — 101—102, 131, 145, 149—152, 385;
и США — 40—47, 56—57, 59, 252, 331, 383—384, 388—390, 394—397, 577, 599, 609, 614, 628, 674—675;
и Франция — 47, 179, 261—262, 386—387, 405—406, 408, 416, 451, 506—507, 603;
и Япония — 492, 501.
Венгрия — XXXI, 26, 31, 92, 101—103, 129—130, 132, 136—139, 148—149, 151, 154, 169, 205, 503—505, 516, 518—519, 540, 692.
Венесуэла — 286—287, 293, 297—298.
Версальская конференция 1919 г.; Версальский мир — XXVIII, 509, 512, 519, 683.
Всемирное движение сторонников мира; Всемирный Совет Мира — 109, 124, 537.
Всемирная федерация демократической молодежи (ВФДМ) — 75, 124.
Всемирная федерация профсоюзов (ВФП) — 75—76.
Вторая мировая война;
американо-советское соглашение — см. *Советско-американское соглашение* (11.VI.1942 г.);
англо-советский договор — см. *Англо-советский договор о союзе и взаимной помощи* (26.V.1942 г.);

англо-советское соглашение 1941 г. — 447;
антигитлеровская (антифашистская) коалиция — XVI—XVII, 2, 10—11, 13, 25—27, 32—33, 39, 64—65, 94, 107, 123, 125, 130—131, 186, 210, 214, 338, 383, 421, 425, 442, 446, 456, 484, 550, 642, 665, 667, 676, 682, 704;
Атлантическая хартия — см. *Атлантическая хартия*;
Африка в — 81, 269;
битва на берегах Волги — 15, 25, 29, 68, 421, 663;
битва под Москвой — 15;
Ближний и Средний Восток в — 81, 88, 246, 248—249, 253;
военные действия на Дальнем Востоке — 18—19, 213—214, 484—485, 664;
второй фронт — 15, 24, 28, 30;
и Германия фашистская — 2, 6—9, 14—16, 19—20, 23, 26, 29, 33, 35, 37—40, 64, 129, 269;
движение Сопротивления — 2, 3, 10, 28—30, 65—71. См. также по странам;
Декларация четырех держав о всеобщей безопасности 1943 г. — 447—448, 527, 549—550;
капитуляция Германии безоговорочная — 23, 402, 707;
капитуляция Японии безоговорочная — 18, 72, 185—186, 230, 488, 491;
конференция в Каире — см. *Каирская декларация; Каирская конференция 1943 г.*;
конференция в Касабланке — 252;
конференция в Квебеке — 30, 45, 423;
конференция в Лондоне 1941 г. — 27, 525;
конференция в Москве 1941 г. — 447;
конференция в Москве 1943 г. — см. *Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии в октябре 1943 г.*;
конференция в Потсдаме — см. *Потсдамская (Берлинская) конференция глав трех великих держав*;
конференция в Тегеране — см. *Тегеранская конференция*

руководителей трех союзных держав;
 конференция в Ялте — см. *Ялтинская (Крымская) конференция руководителей трех союзных держав*;
 Курская битва — 15, 25, 421, 663;
 ленд-лиз — 22, 42—43, 46, 58—60, 250, 308, 358, 365, 384, 403, 664;
 Мюнхен — 7—8, 390, 682;
 Пирл-Харбор — 213;
 роль СССР в — 1, 2, 12—17, 20, 24—28, 31, 52, 67, 87, 92, 131, 248, 452, 484—485, 662—665, 680;
 сепаратные переговоры представителей США и Англии с гитлеровской Германией — 26, 425;
 ущерб, причиненный Германией Объединенным Нациям — 36—37, 95—96, 517—518;
 характер войны, ее причины — 5—6, 10, 13, 33, 65, 210.
Вьетнам — 31, 62, 66, 72, 80, 82, 157, 175—177, 211, 485;
 ДРВ — 92, 157, 169, 177—185, 316;
 Вьетнам Южный — 177, 179.

Г

Гаити — 535.
Гана — 281.
Гватемала — 285, 295—296, 535.
Гвиана — 83.
Гвинея — 281.
Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) 1947 г. — 331—333.
Германская Демократическая Республика — XXVIII, 92, 103, 143, 155, 169, 206, 482—484.
Германская проблема — 152, 154. См. также *Варшавское совещание*, *Потсдамская конференция* и *Ялтинская конференция*;
 Англия и — 365, 386, 390, 457, 460, 475, 604, 619;
 «Берлинский кризис» (март 1948 г. — май 1949 г.) — 107, 473—475, 707;
 возрождение германского империализма и милитаризма — 412, 480, 619;
 империалистические противоречия — 457, 461, 474;
 мирного договора проблема — 106—107, 410, 443, 454, 461—

462, 464, 466—468, 476—477;
 раскол Германии — 107, 155, 361, 408, 410, 449—450, 455, 458—459, 466—470, 619;
 СССР и — 106—107, 154—155, 409, 449—450, 452, 454, 461—464, 466—468, 470—473, 476;
 США и — 360—362, 375, 455, 457—458, 462—470, 475, 480, 619, 708;
 Франция и — 403, 407—410, 419, 451, 457, 460, 475.
Голландия (Нидерланды) — 8—9, 24, 37—38, 64, 74—75, 77, 79, 87, 172, 213—214, 235—243, 245, 298, 314, 333, 370, 492, 508, 518, 535, 583, 605, 616—617, 626, 628.
Гондурас — 285, 535.
Греция — 64, 66—70, 74, 314, 330, 333, 361, 385, 394, 508, 518—519, 535, 540, 583, 628.

Д

Дания — 8, 37, 74—75, 78, 109, 172, 314, 333, 518, 535, 570, 583, 605, 615—617, 626, 628.
Договоры двусторонние о дружбе и взаимной помощи, заключенные странами социалистического лагеря — 103, 138—139, 204—205.
«Доктрина Трумэна» — 56, 252—253, 294, 309, 322, 349, 353, 361—363, 371, 389, 459, 578, 580, 628, 685—686, 699.
Доминиканская Республика — 73, 285, 535.
Дунайская конференция 1948 г. — 139, 150.
Дюнкеркский (англо-французский) договор 1947 г. — 387, 406—407, 603—604, 619, 700.

Е

«Европейское объединение угля и стали» (ЕОУС) — 333, 588.
Европейский платежный союз — 332.
«Европейский совет» — 332—333, 416, 440.
Египет — XXXI, 83—85, 87—88, 241—245, 248—249, 252, 266, 268, 270, 281, 508, 518, 535, 538.

З

Западная Германия — XXXI, 60, 74, 154, 303, 314—315, 333, 411, 475, 480, 484, 583, 588, 590;
 создание ФРГ — 107, 155, 475, 478—479, 481, 605, 619.

Западноевропейский союз — 588, 621.
Западный союз — 236, 242, 375, 387,
389, 406, 415—416, 440, 460,
603—611, 613—614, 619—620,
624—625;
Брюссельский пакт (договор)
1948 г. — 375, 391, 440, 603,
606—610, 618—620, 700, 705.
Золотой Берег — 84, 87, 279—280, 282.

И

Израиль — 172, 244—245, 266—268,
333, 535.
Индия — 83, 90, 171, 211, 213—214,
237, 241, 243, 317, 377, 393, 492,
508, 535;
и Англия — 85, 89, 215—227,
318, 388;
внешняя политика, основные
принципы — 218—220;
и вторая мировая война — 84—
87, 89, 214, 518;
Индийский союз — 217;
Кашмирский вопрос — 220—227,
539;
коммунистическая партия —
215, 219;
и Пакистан — 216—217, 220,
222—225;
и СССР — 218, 224;
и США — 44, 219—220, 225—
226, 370.
Индонезия — 80, 106, 171, 211, 213,
243, 317, 370, 485, 535, 538;
борьба за независимость — 31,
72, 88, 234—243, 387;
и вторая мировая война — 233—
235;
Западный Ириан — 243;
коммунистическая партия — 75,
237—239, 243.
*Информационное бюро коммунистиче-
ских и рабочих партий* — 103,
139.
*Информационное совещание предста-
вителей некоторых компартий
в Польше в конце сентября
1947 г.* — 139.
Иордания — 244—245, 266.
Ирак — 9, 241, 244—245, 248, 258,
263—264, 508, 535.
Иран — 73, 75, 88, 241, 244—245, 249,
251—252, 254—260, 264, 268,
371, 508, 535, 538, 570, 628.
Ирландия — 314, 333, 583, 615.
Исландия — 75, 333, 535, 583, 615—
616, 626.
Испания — 66, 153, 269, 333, 386, 605.
Италия — XXXI, 60, 125, 270, 314—

315, 330, 333, 503—505, 516, 519;
и Англия — 421—431, 433—435,
438, 440, 605;
внешняя политика, основные
цели — 303, 429, 436;
военные расходы — 590, 626;
и вторая мировая война — 26,
29, 39, 420—425, 427, 518—
519;
движение Сопrotивления —
66—70, 425—428, 430—431;
классовая борьба в — 77—80;
коммунистическая партия —
66—68, 74—75, 103, 139, 422,
425—426, 429, 431—432, 437,
577, 617;
мирный договор — см. *мирные
договоры 1947 г.*;
и НАТО — 440—441, 615—616,
623;
и «План Маршалла» — 375, 433,
437—439, 583, 586;
и СССР — 424, 426—427, 431,
435, 439;
и США — 421—435, 437—439,
577, 628;
Триест — см. *Триест, вопрос о*;
и Франция — 438.
Йемен — 241, 244—245, 535.

К

*Каирская декларация; Каирская кон-
ференция 1943 г.* — 47, 107, 173,
185, 486, 493.
Камбоджа — 175, 177, 181, 183—184.
Камерун — 273—274.
Канада — 41—42, 45, 47—48, 60, 79,
83, 292, 314—315, 317, 330, 436,
492, 508, 518, 535, 544, 555, 599—
600, 616, 626.
Катар — 244.
Квебекская конференция — см. *Вторая
мировая война*.
Кения — 45, 87, 274.
Китай — 82, 92, 155—174, 185, 210,
316, 485, 492, 496, 502, 535;
американская интервенция в —
159, 161—164, 166, 170—171,
366;
и вторая мировая война — 29,
31, 64, 66, 71—72, 104;
гражданская война — 158—161,
164—166;
коммунистическая партия — 71,
156, 158—159, 161—163, 165,
167, 174;
образование КНР — XXVIII,
157, 166—169, 206, 533;
и ООН — 174, 533;

советско-китайский договор — см. *Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи* (14.II. 1950 г.);

я СССР — 104, 109, 139, 160, 165, 167—168;

и США — 169—171, 323, 366—367, 370, 488, 500, 628.

Колумбия — 284, 286—287, 290, 294—296, 298, 535.

Коммунистическая партия Советского Союза — 20, 65, 139, 174;

Программа КПСС — см. *Программа КПСС*;

XX съезд — XII, XXIX, XXVI, XXIX—XXX, 111—112, 389, 574;

XXI съезд — V, XVIII, XXX;

XXII съезд — V, X, XVIII, XXVI, XXXII, 111—112, 200.

Коммунистические и рабочие партии — 10, 63, 65—67, 73—74, 130, 249.

См. также по странам.

Коммунистический Интернационал — 10, 62—63.

Конго — 45, 47, 84, 274, 277—278, 282.

Конференция стран Азии 1949 г. — 240—241.

Корея — 31, 62, 71—73, 157, 185—193, 485, 540;

КНДР — 92, 105, 157, 169, 194—196, 316, 540;

Корея Южная — 105, 157, 186—187, 189—190, 192—193, 370, 540, 628.

Коста-Рика — 294, 535.

Куба — XXXI, 75, 83, 286, 295, 508, 535.

Кувейт — 244.

Л

Лаос — 72, 175, 177, 181, 183—184.

Либерия — 535.

Лига Арабских стран — 263.

Лига наций — 217, 260, 273, 444, 525, 529—530, 533—534, 567.

Ливан — 88, 211, 241, 244—245, 248—249, 260—263, 266, 387, 405, 535, 538.

Ливия — 270—272, 523, 539.

Лондонская конференция 1941 г. — см. *Вторая мировая война*.

Лондонское сепаратное совещание представителей США, Англии и Франции (Лондонская конфе-

ренция) 1948 г. — 154, 411—412, 469—472, 478, 605.

Люксембург — 8, 74, 75, 77, 314, 333, 518, 535, 583, 605, 616, 626, 628.

М

Малайя — 66, 80, 88, 211, 213, 243, 317.

Маскат — 244.

Марокко — 73, 211, 270, 277—278, 280—282.

Международная демократическая федерация женщин (МДФЖ) — 75, 124.

Международные отношения; определение науки — XXVI, 634;

новый тип — 4—5, 113, 116, 144, 196, 198, 202—203, 206;

роль народных масс — VIII, 635—637, 643.

Международный банк реконструкции и развития (МБРР) — 58, 152, 330—331, 337, 412.

Международный валютный фонд (МВФ) — 57—58, 330, 337.

Международный кооперативный альянс — 76.

Мексика — 83, 284, 288, 295, 297, 508, 535.

Мира и войны проблема — V, VI, XII, 124—125, 638—640;

возможность предотвращения войн в современную эпоху — VII, XVII, XXI, 112, 206, 554, 641, 654;

диалектика милитаризма — XIII—XIV, 638—639;

и империализм — XIII, XIV, 673;

мирное сосуществование — см. *Мирное сосуществование*, а также СССР;

разоружение — см. *Разоружения проблема*;

и революция — XVIII, 62—63, 120, 553, 640;

соотношение сил войны и мира — 207;

и социализм — X, 111, 120, 553—554.

Мирное сосуществование — XI, XII, XV—XVIII, 27, 112, 117, 119, 123, 125—126, 134, 153, 202, 206, 351—352, 444, 446, 452, 524, 528, 532, 541, 635, 694;

буржуазная историография о — 118—119, 658, 677, 694—697, 703;

идеологическая борьба — 112, 127, 630—631, 633—635, 642, 645—646;
 классовая борьба и — XVIII—XIX, 112, 631, 704;
 Ленин о — 94, 117—122;
 сосуществование двух систем — XVII, XIX—XX, 97—100, 121, 127, 631;
 СССР и — 94, 126—128, 391, 536—537, 539.

Мирные договоры 1947 г. — 106, 137, 150, 360, 443, 503—504, 506, 508, 510—513, 516, 520, 522, 524;
 с Болгарией — 102, 137, 148—149, 506—507, 523—524, 692;
 с Венгрией — 102, 137, 148—149, 506—507, 523—524, 692;
 с Италией — 271, 434—436, 506, 511—512, 519, 523—524, 615;
 с Румынией — 102, 137, 148—149, 506—507, 523—524, 692;
 с Финляндией — 506—507, 523—524.

Мировая капиталистическая система — 197, 302, 340, 594;
 безработица — 78, 97;
 государственно - монополистический капитализм — XXIV, 42, 48—49, 52—55, 327—334, 342;
 забастовочное движение — 79—80;
 закон неравномерности развития — 47—48, 59—60, 306—307, 313—316, 320—321, 339, 430, 588, 621;
 классовая борьба — см. по странам;
 межимпериалистические противоречия — см. *Противоречия межимпериалистические*;
 национально - освободительное движение — см. *Распад колониальной системы*;
 общий кризис; его этапы — VI, 3, 4, 34—35, 61, 124, 301—302, 304—305, 323, 340, 594, 637;
 распад колониальной системы — см. *Распад колониальной системы*.

Мировая социалистическая система — XI, XXXI, 35, 40, 62, 72, 92, 94—95, 104, 113, 115, 143—144, 206—208, 268, 316, 367, 634, 692;
 влияние на международные отношения — VII, X—XII, 94, 123, 208, 445;

международное социалистическое разделение труда — X, 101, 198;
 и новые независимые государства — XI, XXII—XXIII, 116—117, 123, 208, 210, 213;
 становление — V, XXII, 93—94, 156, 199, 204;
 и проблема мира и войны — 206. См. также *Мира и войны проблема*;
 и роль СССР — 93—94, 101—105, 133—135, 204—205;
 социалистический интернационализм — 5, 113—114, 199—200, 203, 213;
 экономическое развитие — 204.

Мозамбик — 277.

Монголия — 92, 169.

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии в октябре 1943 г. — 26, 424, 426, 447—448, 505, 527—528, 549.

Московское совещание представителей коммунистических и рабочих партий 1957 г. — XXVI, XXX.

Московское совещание представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 г. — XXVI, XXXI, 62, 341, 578.

Московское совещание министров иностранных дел 1945 г. — см. *Совещание министров иностранных дел СССР, США и Англии в Москве*.

Московское экономическое совещание 1949 г. — 143.

Н

НАТО — см. *Североатлантический агрессивный блок*.

Нейтрализм, политика нейтралитета — XXIII, XXIX, 207—208, 219—220, 244, 547—548, 654.

Нейтралитет — 596.

Непал — 213.

Нигерия — 84, 279—282.

Никарагуа — 73, 285, 535.

Новая Зеландия — 44, 48, 241, 317, 330, 492, 508, 518, 535.

Норвегия — 8—9, 37, 74—75, 78, 109, 172, 314, 333, 508, 518, 535, 570, 583, 605, 615—616, 626, 628.

Нюрнбергский процесс — 20, 455.

Оман — 244.

Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) — 332, 572, 591.

Организация Объединенных Наций (ООН) — XVI, 58, 144, 151, 153, 189—190, 192, 195, 217, 219, 223—227, 237—240, 242, 257, 262, 266, 293, 386, 444, 522, 525, 527, 549, 605, 616, 620, 650, 682—692, 696, 704;

и Англия — 526, 535;

Всеобщая декларация прав человека — 540—541;

Генеральная Ассамблея сессии;

I сессия (10.I—14.II, 26.X—15.XII. 1946 г.) — 153, 535—536, 538—539, 541, 544, 555, 565;

спец. сессия по палестинскому вопросу (28.IV.—15.V.1947 г.) — 535;

II сессия (16.IX—29.XI. 1947 г.) — 153, 190—191, 265, 274—275, 535, 539, 544;

спец. сессия по палестинскому вопросу (16.IV—14.V. 1948 г.) — 535;

III сессия (21.IX—12.XII. 1948 г., 5.IV—18.V.1949 г.) — 148—149, 193, 226, 271, 274, 535, 540, 558, 563, 568—569;

IV сессия (20.IX—10.XII. 1949 г.) — 173, 271—272, 535, 541, 545, 569;

V сессия (19.IX—15.XII. 1950 г.) — 272, 539, 545;

XIV сессия (15.IX.—13.XII. 1959 г.) — XXII;

XV сессия (20.IX.—21.XII. 1960 г.) — 548;

и КНР — 173—174, 533, 536, 546, 548;

Комиссия по атомной энергии (Атомная комиссия) — 153, 555—558, 562, 566, 568;

Комиссия по обычным вооружениям — 566, 568;

Конференция в Думбартон-Оксе (август — октябрь 1944 г.) — 526, 528;

Конференция в Сан-Франциско — см. Сан-Францисская конференция 1945 г.;

Международный суд — 275, 529, 538, 545;

Принцип единогласия — 528—529, 531—533, 542—543, 545, 547, 659;

Совет Безопасности — 149, 153, 237, 241, 367, 528—529, 532—538, 566;

Совет по опеке — 272, 541;

и СССР — см. СССР;

и США — 148—150, 272, 526, 533, 535, 544—546, 567—569, 610—611, 686, 698;

Устав — XI, XVI, 125, 154, 273—274, 289, 381, 525, 527, 529—534, 536, 541—547, 551, 557, 602, 610—611, 618;

Экономический и Социальный совет — 153, 331, 535.

II

Пакистан — 171, 211, 216—218, 220—227, 241, 243, 317, 393, 535.

Палестина — 211, 260, 262—266, 388, 394, 540.

Панама — 73, 535.

Панамериканизм; Организация американских государств (ОАГ) — 288—289, 297, 300, 369, 601—602, 700;

межамериканские конференции в Боготе (1948 г.) — 294—297, 602;

в Каракасе (1954 г.) — 292;

в Мехико (1945 г.) — 287—289, 601;

в Рио-де-Жанейро (1947 г.) — 291—292, 294, 601;

межамериканский договор 1947 г. — 291—292, 295, 297, 601—602, 606, 618, 700;

Чапulteпекская декларация — 288, 601.

Парагвай — 285—286, 294, 535.

Парижская мирная конференция 1946 г. — 139, 150, 154, 360, 405, 431, 433—436, 508—510, 514, 516, 518—520, 697.

Парижское совещание министров иностранных дел 1947 г. — см. совещание министров иностранных дел СССР, Франции и Англии в Париже.

Первая мировая война — XXVIII, 344, 350, 639, 642, 644.

Перу — 286, 295, 298, 535.

«План Баруха» — 356, 558—563, 698.

«План Маршалла» — XXIX, 56, 102, 142, 151, 208, 236, 254, 298, 309.

322, 349, 353—354, 363, 371, 373, 375, 411, 433, 459, 571, 577, 612, 629, 690, 699. См. также по странам;
военная помощь по — 589—592;
двусторонние соглашения по — 254, 389, 413, 438, 583;
«Закон 1948 г. о помощи иностранным государствам» — 413, 581, 583;
итоги — 573, 585, 587, 594;
объем и структура поставок по — 585—587, 593;
организация европейского экономического сотрудничества — см. *Организация европейского экономического сотрудничества*;
причины и цели — 374—375, 571—572, 575—580, 589;
расходы США по — 582, 584, 587;
и СССР — 110, 142, 574, 582.

Политика «с позиций силы» — IX, XIV, XXXI, 303, 338, 349—357, 368, 392, 394, 571, 573—574, 632, 657, 659, 661, 668—669, 672—673, 694—699, 708—709.

Польша — 31, 38, 66—67, 69, 92, 102—103, 129—133, 135—137, 139—141, 143, 147, 149—154, 169, 206, 271, 330, 358, 361, 436, 462, 465, 508, 518, 535, 690—692.

Португалия — 74, 269, 333, 583, 615—616, 626.

Потсдамская (Берлинская) Конференция глав трех великих держав (17.VII—2.VIII.1945 г.); *Потсдамские решения* — 4, 106—107, 150, 154, 173, 359, 361, 381, 402—403, 407, 434, 450, 452—455, 457—458, 460—465, 467—470, 472, 481, 485—487, 490, 492—493, 499, 501, 503, 506, 551, 604, 620, 676, 678, 680—683.

Пражская конференция 1948 г. — 154.

Программа КПСС — V, VI, X, XIX, XXVII, 63, 99, 156, 201, 553, 595, 632, 654;

об американском империализме — 335, 337, 339;

об идеологической борьбе — 631, 634, 654;

о национально-освободительных революциях — 81, 89;

о новых суверенных государствах — 211, 305;

о мирном сосуществовании — XVIII—XIX, 112, 128;

о мировой социалистической системе — 95, 134, 202;

об общем кризисе капитализма — XXIV, XXXI, 48, 61, 301, 308;

об Отечественной войне СССР — 2, 21, 29;

о разоружении — 554.

«Программа четвертого пункта» (четвертый пункт «программы Трумэна») — 277, 323, 353—354, 371—373.

Противоречия межимпериалистические — XXIV, 240, 277, 303, 329, 344, 573, 594, 596—597, 613, 624; американско-французские — 179—180;

англо-американские — 246, 263—265, 389—390, 429;

англо-французские — 261, 263, 405—406, 461, 598.

Р

Разоружения проблема — XXI—XXII, 444, 536, 549—550, 552—558, 562, 564—570. См. также *ООН*; *СССР*.

Распад колониальной системы — 35, 81, 91, 115, 124, 210, 243, 275, 302, 304—305, 316—317, 369, 636.

Родезия — 83—84, 87, 278.

Руанда-Урунди — 273—274.

Румыния — 26, 29, 69, 92, 101—103, 129—130, 132, 137, 139, 148—149, 151, 154, 169, 205—206, 503—505, 518—519, 691—692.

Русский вопрос — 406, 409—411, 460—461, 465.

С

Саарский вопрос — 404, 408—411, 461, 465.

Сальвадор — 285, 535.

Сан-Францисская конференция 1945 г. — 149, 289, 528—530, 532, 686.

Саудовская Аравия — 88, 241, 244—245, 251—252, 371, 535.

СЕАТО — 596, 606, 621.

СЕНТО — 596, 606, 621.

Североатлантический агрессивный блок (НАТО) — XXIV—XXV, XXIX, 246, 332—333, 349, 353, 376, 387, 440—441, 460, 572—573, 574, 588, 591, 596, 612.

- 623—627, 629, 671—672, 700—702, 705;
и Англия — 389—391, 597, 613—614, 616, 624;
борьба народов против 617, 622;
военные расходы — 590, 626;
и Западная Германия — XXXI, 481, 598, 619, 625;
политика в отношении СССР и стран социалистического лагеря — 376, 611, 620, 622;
содержание пакта — 618—619, 622—623;
и США — 376, 597, 614, 616, 622—624;
и Франция — 412, 416—420, 598, 616, 623—624;
характер и цели — 329, 572—573, 616, 620.
- Сирия* — 88, 211, 241, 244—245, 248—249, 260—263, 266, 281, 387, 405, 535, 538.
- Совет министров иностранных дел (СМИД)* — 271, 433, 453, 501—503, 506, 510, 518, 521;
сессии:
первая (Лондон, 11.IX—2.X. 1945 г.) — 146, 434, 462, 491, 506—507;
вторая (Париж, 25.IV—16.V; 15.VI—12.VII. 1946 г.) — 360, 433, 462—463, 506, 521;
третья (Нью-Йорк, 4.XI—11.XII.1946 г.) — 510;
четвертая (Москва, 10.III—24.IV.1947 г.) — 165, 362—363, 408, 410—411, 464—466;
пятая (Лондон, 25.XI—15.XII. 1947 г.) — 410—411, 466—468;
шестая (Париж, 23.V—20.VI. 1949 г.) — 476—478, 502.
- Совет экономической взаимопомощи (СЭВ)* — 143, 204.
- Советско-американское соглашение* (11.VI.1942 г.) — 25.
- Советско-американское экономическое соглашение 1945 г.* — 366.
- Советско-английский договор 1942 г.* — см. *Англо-советский договор о союзе и взаимной помощи*.
- Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи* (14.II.1950 г.) — 139, 167—168, 205.
- Советско-финляндский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи* (6.IV.1948 г.) — 108.
- Советско-французский договор о союзе и взаимной помощи 1944 г.* — 108, 401—402, 406, 417, 451, 607, 620.
- Совещание министров иностранных дел СССР, США и Англии в Москве (Московское совещание 16—26.XII.1945 г.)* — 104—105, 107, 159, 162, 186—187, 359, 462, 492—493, 506, 508, 555.
- Совещание министров иностранных дел СССР, Франции и Англии в Париже* (27.VI—2.VII. 1947 г.) — 413, 582—583.
- Сомали* — 270—272, 523, 539.
- Соотношение сил между социализмом и капитализмом* — XIX, 32, 34, 80, 94, 204.
- СССР*
и Албания — 137, 139;
и Англия — 109, 256, 391, 450, 505;
и Африка — 271—272, 280;
и Бирма — 106;
и Болгария — 103, 137—139, 142, 146, 149, 505, 521—522, 570;
борьба за мир — 126—127, 536—537;
Великая Октябрьская социалистическая революция — см. *Великая Октябрьская социалистическая революция*;
и Венгрия — 102—103, 137—139, 142, 149, 505, 521—522;
внешняя политика; ее влияние на международные отношения — XI, 5, 94, 106, 111, 113, 199, 248, 345, 554, 641—642;
внешняя торговля — 110;
и вторая мировая война — 2, 7, 12—17, 20, 22, 24—28, 31, 52, 67, 87, 92, 95, 131, 248, 452, 484—485, 662—665, 680;
и Вьетнам (ДРВ) — 184—185;
и Германская Демократическая Республика — 484;
и германский вопрос — см. *Германская проблема*;
достижения в области атомной энергии — 94, 100, 563—564;
и Египет — 248;
и Западная Германия — 479—481;
и Западный союз — 607;
и Индия — 106, 218, 548;
и Индонезия — 106, 237, 241, 548;
и Ирак — 248;
и Иран — 109, 256—260, 570;

и Италия — 109, 424, 426—427, 431, 434—435, 505, 507, 518—519, 521—522, 615;
и КНР — 104, 109, 139, 160, 165, 167—168, 485, 548;
и Корея (КНДР) — 105, 109, 187—191, 193—195, 540, 570;
КПСС — см. *Коммунистическая партия Советского Союза*;
и Латинская Америка — 285, 294;
и Ливан — 106, 248—249, 261;
мирное сосуществование — см. *Мирное сосуществование*;
и мировая социалистическая система — 94, 101—105, 133—135, 204—205;
и НАТО — 376, 569, 616—617, 620;
и Норвегия — 570, 615—616;
и ООН — 106, 108—109, 151, 265, 271—275, 525—526, 532, 535—543, 545—546, 548—549, 564—569;
и Пакистан — 106;
политика в отношении новых национальных государств — 105, 115;
политика в отношении стран, борющихся за национальную независимость — 105, 115—116, 271, 280;
и Польша — 102—103, 135—137, 139—141, 147—150;
и послевоенное мирное урегулирование — 3, 102, 106, 149—150, 442—443, 509—510, 513—514, 516—521;
и проблема разоружения — 108, 444, 549—550, 552—558, 562, 564—570;
расходы на оборону — 99;
и Румыния — 102—103, 137, 139, 142, 149, 205, 505, 521—522;
и Сирия — 106, 248—249, 261;
советско-американское соглашение — см. *Советско-американское соглашение* (11.VI.1942 г.);
советско-английский договор — см. *Англо-советский договор о союзе и взаимной помощи* (26.V.1942 г.);
и США — 33, 96, 98, 105, 110, 188—191, 345—346, 357—366, 450, 485, 491—492, 495, 500—501, 507, 516, 687;
и страны Ближнего и Среднего Востока — 268—269;
и Турция — 253—255, 260;

и Финляндия — 109—110, 505, 516, 521—522;
и Франция — 398—402, 405, 409—410, 414—415, 417, 420, 506—507;
и Чехословакия — 31, 103, 109, 135—137, 139—141, 148;
экономика — 21—22, 97—100, 122;
экономическая помощь странам мировой социалистической системы — 102, 140—142, 198, 203—204;
и Югославия — 103—104, 109, 135—137, 140, 514;
и Япония — 107, 486—487, 489, 491—493, 495—497, 499—502.

Судан США;

и Англия — 40—47, 56—57, 59, 252, 331, 336, 384, 389, 397, 577, 599, 609, 628;
«атомная дипломатия» — 32, 100, 278, 349, 353—355, 359—360, 550—551, 563, 698;
и Африка — 45, 269—270, 277—279, 368;
внешняя политика, основные цели — 302, 334, 343—349, 574, 610—611, 685;
внешняя торговля — 43—45, 50, 83, 170, 292, 309, 322, 324—325, 331, 336, 369—371;
военные расходы — 310, 355, 626;
и вторая мировая война — 2, 10—13, 15, 19, 30—31, 33, 40, 49—51, 64, 70, 335, 345, 518;
германский вопрос — см. *Германская проблема*;
«доктрина Монро» — 277, 289, 344, 362, 700;
«доктрина освобождения» — 652;
доктрина «сдерживания коммунизма» — 362—365, 626, 651—652, 688, 699, 709;
«доктрина Трумэна» — см. *«Доктрина Трумэна»*;
инвестиции за границей — 251, 278, 327, 336, 370;
и Индия — 44, 219—220, 225—226, 370;
и Китай — 47, 159, 161—164, 166, 169—171, 323, 366—367, 370, 488, 498, 500, 628;
классовая борьба в — 78—79, 340—342;
коммунистическая партия — 66, 341—342, 617;

и Корея — 185, 191, 193, 195;
и Латинская Америка — 283—300, 368—369;
и НАТО — см. *Североатлантический агрессивный блок*;
неоколониализма политика — 346, 371;
«план Маршалла» — см. «*План Маршалла*»;
позиции в капиталистическом мире — 59—60, 314—316, 334—339, 666—667, 685;
«помощь» иностранным государствам — 80, 236, 293, 305—306, 327—337, 372, 577, 580—582, 585—586, 591—594, 622, 627—628, 699—700;
и СССР — 33, 96, 98, 105, 110, 188—191, 345—346, 357—366, 450, 456, 485, 491—492, 495, 500—501, 507, 516, 687;
и страны Ближнего и Среднего Востока — 245, 250—268, 371, 540; .
и страны мировой социалистической системы — 101, 131, 145, 149—152, 367—368, 540, 579, 688—690, 693;
и Франция — 59, 179—180, 336, 371—375, 398, 402—405, 408, 412, 414—415, 418, 451, 506—507, 577, 583, 628, 650;
и Япония — 107, 443, 487—493, 495—503.

Сьерра-Леоне — 84.

Т

Таиланд — 73, 213, 370—371, 535.
Танганьика — 45, 87, 273—274.
Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав (28.XI. — 1.XII.1943 г.) — 4, 26, 185, 381, 448—450, 485, 527—528, 681—682.
Того — 273—274.
Трансиордания — 260, 262—264, 266, 387—388, 394.
Триест, вопрос о — 433—435, 439, 514, 516.
Тунис — 211, 270, 278, 280—282.
Турция — 9, 88, 244—245, 249, 252—255, 259—260, 264, 267, 270, 333, 361—371, 394, 535, 583, 628.

У

Уганда — 45, 83, 87, 274.
Уругвай — 287, 535.

Ф

ФАО — 56.
ФРГ — см. *Западная Германия*.
Филиппины — 66, 71, 80, 88, 211, 241, 243, 317, 370, 485, 492, 535, 628.
Финляндия — 26, 74—75, 79, 172, 208, 298, 314, 503—505, 508, 518—519, 596.
Франция;
и Англия — 261—262, 398, 402, 405—406, 408, 410, 416, 451, 506—507, 603;
внешняя политика, основные цели — 303, 404, 415, 605, 706;
военные расходы — 310, 416, 590, 626;
и вторая мировая война — 7—9, 24, 37, 64, 87, 174, 398, 402, 518;
и германский вопрос — см. *Германская проблема*;
движение Сопротивления — 66—70, 398—400;
и ДРВ — 181—184;
и Индокитай — 175, 178—179, 183—184, 213, 280, 418;
классовая борьба — 77—80, 412—413;
коммунистическая партия — 66—69, 74—75, 103, 139, 184, 398—399, 411—412, 420, 577, 617;
международные позиции — 60, 314—315, 398, 402, 417;
и ООН — 415, 529, 535;
и «план Маршалла» — 375, 412—413, 583, 586;
политика в Африке — 274—275, 277, 279—280;
политика на Ближнем и Среднем Востоке — 88, 245, 248, 261, 263, 267, 405;
политика в колониальном вопросе — 213—214, 276, 280, 321—322, 418;
и Польша — 152, 404, 415;
советско-французский договор — см. *Советско-французский договор о союзе и взаимной помощи 1944 г.*;
и СССР — 398—402, 405, 409—410, 414—415, 417, 420, 506—507;
и США — 59, 398, 402, 410, 412, 414, 418—419, 451, 506—507, 577, 583, 609, 628, 650.

Х

- Хиросима, Нагасаки, Атомная бомбардировка* — 32, 444, 550—551, 664, 685, 698.
«Холодная война» — 107, 300, 309, 357—363, 365, 392, 456, 463, 551, 573, 597, 629, 635, 653, 661—662, 673, 679, 682, 684—686, 691, 696—709;
«психологическая война» — 365, 631—632, 644—654.

Ц

- Цейлон* — 73, 171, 211, 213, 241, 243, 317, 388, 393.

Ч

- Чехословакия* — XXVIII, 9, 31, 37, 66, 69—70, 92, 103, 129—130, 132, 135—137, 139—141, 144, 147, 149—152, 153—154, 169, 206, 271, 436, 508, 513, 518, 523, 535, 690—691.
Чили — 75, 83, 284, 286—287, 293—296, 535, 540.

Ш

- Швейцария* — 74—75, 172, 330, 333, 583, 596.
Швеция — 74—75, 172, 314, 333, 583, 596, 605, 615.

Э

- Эйре* — см. *Ирландия*.
Эквадор — 285, 287, 293, 535.
Экспортно-импортный банк — 293.
Эритрея — 270—272, 523, 539.
Эфиопия — 241, 272, 436, 508, 519, 523, 535, 539.

Ю

- Юго-Западная Африка* — 273—275.
Югославия — 64, 66—69, 92, 103, 129, 132, 135—137, 139—140, 144, 154, 298, 436, 508, 513—514, 516, 518—519, 523, 535.
Южно-Африканский Союз — 47—48, 219, 273, 274, 277, 279, 281—282, 436, 508, 518, 535, 539.
ЮНРРА — 56.

Я

- Ялтинская (Крымская) конференция руководителей трех союзных держав 1945 г.; Ялтинские решения* — 4, 27, 107, 154, 185, 359, 381, 402, 450—452, 454, 461, 463, 469, 472, 485—486, 493, 511, 528—529, 551, 620, 676—679, 681—683.
Япония — XXXI, 60, 125, 303, 314—315;
 и вторая мировая война — 7, 18—19, 31, 39, 72, 175—176, 185, 214, 228, 233—235, 485;
 классовая борьба в — 79—80, 499—500;
 коммунистическая партия — 490, 500—501;
 мирного урегулирования проблема — 107, 443, 494—496, 501—502;
 и СССР — 107, 486—487, 489, 491—493, 495—497, 499—502;
 и США — 107, 443, 487—493, 496, 499, 503.

А

Абдулла — 222.
 Абенд Х. — 668.
 Аварин В. Я. — 88.
 Адамс — 299.
 Аденауэр К. — 390, 479, 481.
 Адлер З. — 684.
 Азикиве Н. — 282.
 Айдит Д. Н. — 239, 243.
 Аланбрук — 32.
 Александер — 215, 427.
 Алексеев А. М. — 36.
 Аллеман Ф. К. — 707.
 Аллен Д. — 45.
 Аллен — 264.
 Альфан Э. — 413.
 Андрэ М. — 181.
 Антонеску — 69.
 Аревало Х. — 286, 300.
 д'Аржанлье — 181.
 Арисменди Р. — 290.
 Армстронг Г. — 698.
 Армур Н. — 295.
 Арнольд Г. — 358.
 Арнольд Д. — 681.
 Арон Р. — 64, 119, 656, 704—705.
 Асано — 497.
 Асида — 499—500.
 Ассман К. — 17.
 Астафьев Г. В. — 158.
 Ататюрк К. — 254.
 Аунг Сан (Такин Аунг Сан) — 228—231.
 Ачесон Д. — 300, 357, 364, 367, 476, 495, 502, 559, 561, 655, 700.

Б

Бадольо П. — 421—424.
 Бальтю Р. — 705—706.

Бальфур М. — 680—681.
 Ба Мо — 228.
 Бао Дай — 175, 177, 184.
 Барнс Э. — 145.
 Барух Б. — 348, 558—561, 685—686.
 Батталья Р. — 68, 424.
 Батулин А. — 7.
 Батхерст М. — 680.
 Бевин Э. — 146, 271, 381—383, 387—388, 392, 395—396, 406, 413, 459, 465, 467—468, 476, 507, 582, 604—606, 609—610, 702.
 Беверидж У. — 53.
 Бейли Т. — 349, 661.
 Белов П. А. — 36.
 Белоф М. — 659.
 Беназе А. — 281.
 Бенеш Э. — 147.
 Берли А. — 291, 374, 700.
 Бернхэм Дж. — 342, 368, 373, 652, 658, 696.
 Бжезинский К. З. — 688—689, 692.
 Бивен Э. — 390.
 Бивербрук — 396.
 Бидо Ж. — 182—183, 387, 400, 403, 408, 410, 413, 416, 438—439, 582—583, 609—610.
 Бирд Ч. — 657.
 Бирнс Дж. — 146, 150, 187, 357, 359—361, 408, 458—459, 462—463, 491, 507, 510, 559, 577, 650, 655.
 Биссон Т. — 487.
 Блэк К. — 688, 695.
 Блэкберн Р. — 100.
 Блэккетт П. — 551.
 Блэр Дж. — 49.
 Блюм Л. — 182, 404, 577, 603, 650.
 Бодет Х. Т. — 295.
 Болл М. — 695.

Болаэрт — 180.
 Болдуин Л. — 658.
 Болдуин Х. — 348, 658, 677—678.
 Бономи И. — 431.
 Боратынский С. — 27.
 Бординг А. — 644.
 Брамуглия — 295.
 Браун У. А. — 685, 699.
 Браун Л. — 309.
 Бриггс Г. — 679.
 Брукер Х. — 650.
 Брэдли О. — 24, 627, 663.
 Булит У. — 180.
 Булз — 419.
 Бургес — 647.
 Бухаров Б. И. — 170.
 Быстрицкий Р. — 331.
 Бэттл — 366.
 Бьюэлл Р. Л. — 666.

В

Вагнер — 341.
 Валлюи — 183.
 Ванденберг А. — 289, 292, 338, 361,
 375, 516, 544, 610—611, 628,
 678, 686—687.
 Вандерс А. — 689.
 Ван Цзин-вей — 64.
 Варга Е. — 56, 310.
 Варгас — 291.
 Вашингтон Г. — 375.
 Ведмейер — 164.
 Вейган М. — 8.
 Венгер П. — 693.
 Верт А. — 404.
 Вернадский Г. — 662.
 Веттер Г. — 695.
 Видела Г. — 293—294.
 Вильсон В. — 344, 372.
 Вильямс В. Э. — 359.
 Винаке Г. — 364—365, 488, 688.
 Вознесенский Н. А. — 21—22, 664.
 Вселаки Я. — 689.

Г

Гаитана Х. Э. — 286, 296.
 Галифакс — 7.
 Гальвег В. — 693.
 Гальдер — 9.
 Гальегос Р. — 299.
 Ганди — 87.
 Гантер Д. — 186.
 Гарриман А. — 295, 358—359, 373,
 466, 576, 586.
 Гаррис С. — 581.
 Гаспери А. де — 431—432, 435—440,
 615.

Геббельс — 682—683.
 Гейн М. — 487.
 Гемето — 649.
 Герхардсен Э. — 605.
 Гиббс — 647.
 Гибсон Х. — 667.
 Гиммлер — 9.
 Гитлер — 7—9, 18, 20, 23, 26, 38,
 51, 131, 390, 401, 423, 455, 663,
 682—683.
 Глизон С. — 696.
 Говард Д. К. — 666.
 Голль Ш. де — 8, 30, 261, 398—401,
 404—405, 655, 681, 705.
 Гомес Л. — 298.
 Гонионский С. А. — 285.
 Гопкинс Г. — 450, 683.
 Готвальд К. — 147—148.
 Гоулдмэн Э. — 663.
 Гофман П. — 54, 591.
 Гриндрод М. — 431.
 Гринфильд Р. — 664.
 Громыко А. А. — 567.
 Гротеволь О. — 483.
 Грэйси — 179, 225.
 Грэхем — 172.
 Грю Дж. — 488.
 Гуарилья — 422.
 Гувёр Г. — 373, 667, 696.
 Гудвин Г. — 702.
 Гудериан — 640.
 Гудзон — 180.
 Гудрич Л. — 547.
 Гудспид С. — 543.
 Гуэн Ф. — 399, 406.

Д

Даггэн Л. — 289—290.
 Даллес А. — 422, 425.
 Даллес Д. Ф. — 289, 351, 360, 410,
 458, 563, 598, 628, 648—649,
 655, 679, 686, 691, 705.
 Дарлан — 174, 180.
 Дарусман — 239.
 Датт П. — 84, 217, 276, 321, 383.
 Дебе — 183.
 Девирд Г. — 663.
 Делатр де Тассиньи — 416, 608.
 Деннис Ю. — 341.
 Джаннини Л. — 648.
 Джейкоб Я. — 377.
 Джекоб Д. — 703.
 Джекоби Э. — 71.
 Джефферсон Т. — 375.
 Джинна М. — 216, 224.
 Джонсон А. — 589.
 Джонсон М. — 673.
 Джордан П. — 131.
 Димитров Г. — 132, 145—146, 504.

Дин В. М. — 362, 374.
 Дин Д. — 664.
 Дин Х. — 189.
 Дрейпер — 498—499.
 Дурденевский В. Н. — 530.
 Дутра — 291, 294.
 Дуэ — 640.
 Дьяков А. М. — 44, 216.
 Дэку — 175.
 Дюпона (группа) — 354.
 Дюрозель Ж.-Б. — 660, 704.

Е

Еврейсков А. В. — 329.
 Ермашев И. И. — 333.
 Есидзава — 489.

Ж

Жансон К. — 280.
 Жожар Р. — 416, 608.
 Жуо — 76.

З

Зенкл — 649.
 Зиллиакус К. — 382, 654.
 Зорин В. А. — 560.

И

Ибарра В. — 285.
 Ибн-Сауд (Сауд) — 371.
 Ибон М. — 692.
 Иванов К. — 264.
 Иванов М. С. — 256.
 Иден А. — 26, 655.
 Инверчепел — 388.
 Иноземцев Н. Н. — 353.
 Иосида — 489, 500—501.
 Исмей Г. — 216, 625, 663—664.

И

Иодль А. — 15, 20, 22.

К

Кавам А. (Кавам-эс-Салтане) —
 257—258.
 Кадоган А. — 262, 562.
 Калвокоресси П. — 701.
 Каллендер Р. — 668.

Кальбертсон Э. — 668—670.
 Каммингс — 380.
 Каннингхэм Д. — 222.
 Карденас Л. — 299.
 Кариас — 285.
 Карнеги — 544.
 Кастеллано — 423.
 Катру — 248.
 Каулс В. — 680.
 Кейнс Дж. М. — 53, 57, 310.
 Кейтель — 33.
 Кемпбелл Д. Р. — 77.
 Кеннан Дж. — 96, 364—365, 652, 658, 688.
 Керль Г. — 17.
 Кертес С. — 688.
 Кессельринг — 425.
 Киллерн — 236.
 Ким Ир Сен — 194.
 Кинг — 40, 42.
 Киркпатрик А. — 680.
 Киссингер Г. — 658.
 Клайст П. — 683.
 Клакстон Б. — 600.
 Клаусс М. В. — 683.
 Клей Л. — 360, 408, 457—459, 463, 466, 648.
 Клейтон У. — 287—288, 369.
 Клод А. — 576, 583.
 Кнорр К. — 50.
 Кобленц К. — 685.
 Колдуэлл К. — 673.
 Коммеджер Г. — 662.
 Коноэ — 489, 496.
 Коннелл Дж. — 388.
 Коннэли Т. — 361, 610.
 Коржалкова К. — 148, 152, 691.
 Корнидес В. — 468, 683.
 Кох Г. — 682.
 Крейг Д. — 648.
 Криппс С. — 215.
 Крок А. — 648.
 Крупская Н. К. — 641.
 Крылов С. Б. — 529—530, 543.
 Куби Э. — 654.
 Кульски В. — 119, 688.
 Кумар В. — 222.
 Куперс — 76.
 Кэмпбелл Д. — 362, 697.
 Кэмпбелл-Джонсон А. — 224.
 Кэнхэм — 647.
 Кэплэн М. — 685.
 Кэтлин Д. — 675.
 Кэрр Э. — 47, 674—675.

Л

Лавернь Б. — 654.
 Лаговский А. — 17, 21—22, 37.
 Ланге — 615.

Лангер У. — 696.
 Латимор — 487—488.
 Левин А. — 695.
 Левковский А. И. — 83.
 Леги У. — 179, 251.
 Леклерк — 179.
 Лемин И. М. — 278.
 Ленин В. И. — IX, XVI, XVIII—XIX, XXI, XXVI, 11, 20—21, 29, 92—94, 105, 111—122, 126, 144, 197, 201, 337, 343, 350, 511, 513, 520, 553, 579, 595, 630, 636, 641, 643, 660—661, 689, 696, 710.
 Лиакат Али-хан — 224.
 Лиз — 229—230.
 Лициенталь Д. — 561.
 Линкольн А. — 375.
 Липпман У. — 363, 563, 612, 643, 672.
 Ли Сын Ман — 105, 157, 185—186, 189, 192—193.
 Литтл — 163.
 Ллойд — 7.
 Ловетт Р. — 190, 610—611.
 Лонго Л. — 426—427.
 Лорвин Л. — 54.
 Луконин Ю. В. — 261.
 Лю Да-нянь — 159.
 Люс Г. — 348, 666.
 Льювен Э. — 290.

М

Макартур Д. — 158, 488—490, 495—496, 498—499.
 Макбрайд — 615.
 Макги — 270.
 Маккарен П. — 342.
 Маккиндер Х. — 674.
 Маккормак Дж. — 671.
 Макнейл Г. — 667.
 Макнерни Дж. — 459.
 Мао Цзэ-дун — 104, 156, 158, 168.
 Маркел Л. — 647, 650.
 Маркс К. — VIII, XIII, 116, 196, 199, 553.
 Мартинес — 285.
 Мартынов В. А. — 283.
 Маршалл Дж. — 9, 22, 159, 161—162, 165, 294—296, 361, 373, 388, 413, 432, 438, 459, 464—465, 467—468, 575—576, 582, 606, 609—610, 678.
 Матвеев В. — 7.
 Маттиас Э. — 693.
 Маунтбэттен — 223—224, 229—230.
 Маурах Р. — 693.
 Мейер Г. — 425.
 Мейер Р. — 417.
 Мейсснер Б. — 450, 693.

Мельман С. М. — 83.
 Менок В. П. — 223.
 Менье — 183.
 Мер Д. — 680—681.
 Миколайчик — 147, 649, 691.
 Милейковский А. Г. — 41.
 Миллер Д. — 667.
 Миллер Дж. — 647.
 Миллис У. — 357.
 Миллс Р. — 340.
 Мильспо А. — 256—257, 371.
 Миндсенти — 148, 691.
 Митчелл Б. — 640.
 Мицубиси (группа) — 497.
 Мицуи (группа) — 497.
 Модзелевский Э. — 152—153.
 Молотов В. М. — 255.
 Мон Ж. — 276.
 Монгомери Б. А. — 33, 608, 614, 625.
 Моргана (группа) — 354.
 Моргентау Ганс — 658.
 Моргентау Генри — 56—57, 678, 683.
 Моринго И. — 285, 294.
 Морозов Г. И. — 536.
 Моррисон — 390.
 Моррисон С. — 663.
 Мортон Л. — 359.
 Мосли Ф. — 688—689, 695.
 Мохаммед бен Юсеф — 282.
 Мохаммед-Реза — 256.
 Мур Б. — 695.
 Муссо — 239.
 Муссолини — 67—68, 420—421, 423, 428.
 Мутэ М. — 182—183.
 Мэйхью К. — 391, 394.
 Мэкен А. — 350.
 Мю П. — 184.
 Мюттер А. — 401.

Н

Надь Ф. — 649, 691.
 Накадзима (группа) — 497.
 Наттинг А. — 702.
 Нежлен М.-Э. — 278, 681.
 Ненни П. — 431.
 Неру Дж. — 89, 171, 218—219, 224, 226—227, 237, 241.
 Нибура Р. — 658.
 Нимиц — 227.
 Нисио — 500.
 Ниссан (группа) — 497.
 Нкрума К. — 87.
 Номура (группа) — 497.

О

Одриа М. — 298.
 Окинлек К. — 222.
 Окура (группа) — 497.

Опи Р. — 685, 699.
Ориоль В. — 184.
Осгуд Р. — 658.
Остин У. — 562, 569.

П

Павленко Н. Г. — 9.
Паес Л. — 298.
Пайл — 278.
Паниккар К. М. — 171.
Парри Ф. — 431.
Патти — 180.
Пейдж А. — 648.
Пеньяранда Э. — 285.
Перкинс Д. — 659.
Перон Х. — 291.
Петик-Лоуренс — 215.
Петков Н. — 145.
Петэн — 174—175, 180.
Пик В. — 483.
Пиренн Ж. — 695.
Пирсон — 647.
Пирсон Д. — 294.
Пирсон Л. — 611.
Погью Ф. — 17, 30.
Поль-Бонкур — 401.
Понсе Ф. — 285.
Поссони С. — 351, 357.
Поули — 188.
Пратт Ф. — 663.
Протопопов А. С. — 536.
Пьюлстон У. Д. — 23, 678.

Р

Радеску — 649.
Рамадье П. — 152, 331.
Рашбрук-Вильямс — 221.
Рассел Р. — 526, 696.
Раушинг Г. — 654.
Реза-шах — 256.
Рейтцель В. — 685.
Рендулич Л. — 28.
Ренувен — 657.
Рид К. — 656.
Рид Р. — 647.
Рид Ф. — 647.
Рио А. дель — 285.
Рис-Вильямс А. — 276.
Робб Дж. — 608.
Роббинс — 647.
Робертс Г. — 688—689.
Робертсон — 146.
Робинзон Э. — 357.
Рогов — 379.
Розенберг — 9.
Рокфеллер Н. — 287, 289, 686.
Рокфеллера (группа) — 163, 354.

Рорбах П. — 682.
Ростоу У. — 686, 688, 695.
Роуз М. — 49.
Рубинштейн А. — 118, 664, 688—689.
Рузвельт Ф. Д. — 28, 33, 41—42, 45,
47, 53, 86, 185, 251, 284, 289,
340, 342, 358, 390, 423—424, 448,
450, 457, 485, 517, 526, 655, 662,
677—679, 681—683, 686.
Русс де А. — 543.
Рут А. — 487.
Рымалов В. В. — 319.

С

Салазар А. — 615.
Санталов А. А. — 44.
Сантос Э. — 290.
Сарджоно — 239.
Своуп Г. — 685—686.
Седий — 179.
Сере Р. — 681, 704—705.
Сетон-Уотсон Х. — 689, 694
Сига И. — 490.
Сидэхара — 496.
Симпсон Д. — 680.
Ситрин — 76.
Скоров Г. Е. — 280.
Смит Г. Д. — 551.
Смит У. Б. — 423, 474.
Смэтс Дж. — 47.
Снайдер Дж. — 295.
Снайдер К. — 659.
Соколовский В. Д. — 470.
Сомоса — 285.
Сориа Ж. — 577.
Спанг — 647.
Спано В. — 427.
Спикмэн Н. — 351, 652, 667.
Спэллман — 648.
Сталин И. В. — XII, XXX, 14, 99,
103, 106, 112, 255.
Стассен Г. — 372.
Стеттиниус Э. — 532, 678.
Стивенсон Э. — 531.
Стид У. — 581.
Стиккер Д. — 240.
Стил Д. — 654.
Стимсон Г. — 359, 373, 575.
Стоун И. — 32.
Страус-Хюпе Р. — 350, 357, 642, 668
Стрейт К. — 670—672, 675.
Сукарно — 234—235, 239.
Сулцбергер С. — 621.
Сумитомо (группа) — 497.
Сун Цзы-вэнь — 160.
Сфорца К. — 271, 429, 432—433,
438—439, 615.

Т

- Тавиани П. — 439—440.
 Такин Ну — см. У Ну.
 Такин Тан Тун — 228, 231.
 Тафт Р. — 341, 374, 613, 618, 678.
 Типпельскирх К. — 24.
 Тойнби А. — 657, 680, 691, 695.
 Токуда — 490.
 Тольятти П. — 422, 428, 437, 439—440, 586.
 Томас Дж. П. — 341.
 Томпсон К. — 697—698.
 Торез М. — 67, 412.
 Торнберг М. — 254.
 Трумэн Г. — 11, 30, 32—33, 43, 58, 170, 172, 185, 188, 227, 251, 277, 289, 296, 340—342, 348, 353, 357—361, 366—367, 371—375, 404—405, 419, 432—433, 457, 466, 485, 551, 563, 575, 612—613, 627—628, 655, 686, 700, 708.
 Трухановский В. — 393.
 Трухильо Р. — 285.
 Трюгве Ли — 227.
 Тэйлор М. — 356.
 Тягуненко В. — 87, 319.

У

- Уайт Г. — 71.
 Уайт У. А. — 56—57.
 Уберсбергер Г. — 693.
 Убико Х. — 285.
 Уилбург — 649.
 Уильямс Б. — 645.
 Уинсон — 404, 521.
 У Ну (Такин Ну) — 228, 231—233.
 Уорберг Дж. — 459, 654.
 У Со — 228.
 У Сю-цюань — 367.
 Ушаков Н. А. — 531—532.
 Уэбстер Ч. — 382.
 Уэйвелл — 215.
 Уэйр Э. — 346.
 Уэллес С. — 486.
 Уэлч — 348.
 Уэлиш У. — 695.

Ф

- Фарли — 647.
 Фейс Г. — 671, 696.
 Феррелл Р. — 423.
 Филип А. — 401.
 Филипп В. — 693.
 Финклеттер Т. — 348, 612, 701.
 Фитуни Л. А. — 331.
 Фитцсимонс М. А. — 386, 396—397.

- Форрестол Дж. — 342, 359, 362, 390, 438, 600, 609.
 Фостер У. З. — 73, 76—77, 342, 578.
 Фостер — 591.
 Франк Дж. — 550.
 Франко — 395.
 Фрей Л. И. — 332.
 Фрэнк Ф. — 663.
 Фулбрайт М. — 647—648.
 Фуллер Дж. — 22.
 Фурукава (группа) — 497.
 Фут М. — 382.
 Фэрнис Э. — 659.

Х

- Хаберлер Г. — 312.
 Хаддлстон — 643, 645.
 Хакими — 257.
 Харпе В. — 693.
 Хартли Ф. — 341.
 Хатта — 234—235, 238, 240, 243.
 Хатчисон — 172—173.
 Хатчисон К. — 671.
 Хаугтон Х. — 49.
 Хаусгофер К. — 668.
 Хедтофт — 605.
 Хейвен Ч. — 673.
 Хейс Т. — 479.
 Хелмрич Е. — 695.
 Хигасикуни — 489.
 Хиле — 227.
 Хименес П. — 298.
 Ходж — 188.
 Хоулт Е. — 663.
 Хо Ши Мин — 72, 177, 181—184.
 Хрущев Н. С. — X, 8, 11, 24, 72, 95—96, 99, 104, 112, 126, 140, 200, 255, 350, 389, 469, 531—532, 547—549, 553, 570.
 Хьюз Э. — 392, 654.
 Хэйт Р. — 222.
 Хэлл К. — 43, 448, 485, 683.

Ц

- Циммерман Б. — 15.

Ч

- Чальбо Д. — 298.
 Чан Кай-ши — 158, 160—162, 165, 173, 180, 185, 367, 500, 502, 536.
 Чемберлен Н. — 390.
 Чемберлин У. — 347.

Черчилль У. — 10—11, 18, 23, 27—28, 30, 32—33, 40—41, 45, 47, 53, 86—87, 185, 228, 232, 252, 261, 332, 360, 381, 384—385, 390, 392—393, 405, 422—425, 427—428, 433, 440, 448, 450, 457, 460, 517, 526, 550, 625, 655, 662—663, 676, 679—683, 685, 705.

Чжоу Энь-лай — 162, 167, 173.

Чиуря Е. — 697.

Ш

Шабшина Ф. И. — 187, 193,

Шапиро А. И. — 332.

Шарир — 234.

Шарифуддин — 234, 237—239.

Шварцкопф — 258.

Шедивый Я. — 148, 152, 691.

Шейнис З. — 264.

Шёнбрун Д. — 182, 420.

Шепэрд — 647.

Шервуд Р. — 429, 450,

Шпейдель Г. — 663.

Шпирт А. Ю. — 45, 47.

Штейнгардт — 147.

Шуман Р. — 416, 476, 705.

Шуман Ф. — 688.

Шэгг Р. — 663.

Э

Эдвардс К. — 487.

Эйдус Х. Г. — 501.

Эйзенхауэр Д. — 30, 69, 246, 423, 428, 648.

Эйнак Л. — 418.

Экх Э. — 707—708.

Эмери Л. — 396.

Энгельс Ф. — VIII, XIII, 116, 196, 199, 553, 630, 638—639.

Эрве П. — 696.

Эрландер — 605, 615.

Эттли К. — 172, 215—216, 227, 232, 381, 390, 392, 395—396, 603, 702.

Я

Ястребова И. П. — 274.

Ясуда (группа) — 497.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	V
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
Глава I. Решающая роль Советского Союза в разгроме фашизма во второй мировой войне	5
1. Крах политических и стратегических замыслов империалистической реакции во второй мировой войне	—
2. Историческая роль Советского Союза в победе антигитлеровской коалиции	13
3. Усиление международных позиций СССР. Создание новых условий для роста мирового социализма. Подъем освободительного движения в капиталистическом мире	25
Глава II. Экономические последствия второй мировой войны для капиталистических стран	34
1. Экономическая стратегия фашистских агрессоров и ее крушение	35
2. Соперничество империалистических государств, входивших в антигитлеровскую коалицию. Передел рынков и ресурсов в ходе войны	40
3. Рост государственно-монополистического капитализма. Изменения в экономике империалистических государств	48
4. Разработка программ послевоенного экономического развития и подготовка империалистического мира. Международные экономические соглашения, заключенные во время войны	51
Глава III. Обострение классовой борьбы в капиталистических странах. Подъем рабочего и коммунистического движения	61
1. Развитие мирового революционного процесса и вторая мировая война	—
2. Антифашистская борьба в годы второй мировой войны. Движение Сопротивления	64
3. Рост влияния коммунистических партий. Подъем рабочего и демократического движения после второй мировой войны	72

Глава IV. Вторая мировая война и национально-освободительное движение	81
1. Экономика колониальных и зависимых стран в условиях войны	82
2. Национально-освободительное движение и подрыв устоев колониализма	85
3. Борьба за политическую независимость. Программы послевоенного развития	89

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

СТАНОВЛЕНИЕ МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НОВОГО ТИПА

Глава V. Экономическое и политическое развитие Советского Союза в 1945—1949 гг. Мирное сосуществование — генеральная линия советской внешней политики	95
1. Важнейшие итоги экономического и политического развития СССР в первые послевоенные годы	—
2. Борьба Советского Союза за мирное сосуществование и международное сотрудничество в первые послевоенные годы	101
3. Ленинские принципы социалистической внешней политики и послевоенная историческая обстановка	111
Глава VI. Победа революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и новая роль этих стран в международных отношениях	128
1. Возникновение народно-демократических государств в Центральной и Юго-Восточной Европе и формирование основных принципов их внешней политики	—
2. Политическое и экономическое сотрудничество народно-демократических стран Европы с Советским Союзом. Образование и укрепление содружества социалистических стран	134
3. Борьба европейских стран народной демократии против вмешательства империалистов в их внутренние дела, за мир и международное сотрудничество	144
Глава VII. Народная революция в Китае и ее международное значение. Выход на мировую арену новых социалистических государств Азии	155
<i>А. Победа китайской народной революции — сокрушительный удар по позициям империализма в Азии</i>	<i>158</i>
1. Третья гражданская революционная война в Китае	—
2. Переход Народно-освободительной армии в наступление. Победа революции	164
3. Внешняя политика Китайской Народной Республики	167
<i>Б. Национально-освободительная борьба вьетнамского народа и международные отношения в Индокитае</i>	<i>174</i>
1. Августовская революция 1945 г.	—
2. Французская интервенция в Индокитае	178
<i>В. Корея в международных отношениях 1945—1949 гг.</i>	<i>185</i>
1. Усилия СССР, направленные на демократическое разрешение корейского вопроса. Курс правительства США на раскол страны и подчинение Южной Кореи	—
2. Социально-политическое развитие Северной и Южной Кореи. Образование КНДР	191

Глава VIII. Мировая система социализма — новый тип экономических и политических отношений между странами	196
1. Объективные основы отношений подлинного равноправия и товарищеской взаимопомощи между социалистическими странами.	—
2. Основные закономерности внешней политики содружества социалистических стран. Мировая система социализма — важнейший фактор международных отношений	202

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

РАСПАД КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ИМПЕРИАЛИЗМА И ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВ АЗИИ, АФРИКИ, ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава IX. Народы Юго-Восточной Азии в борьбе за свободу. Завоевание независимости Индией, Индонезией, Бирмой, Пакистаном и некоторыми другими государствами	213
1. Освобождение Индии от колониальной зависимости и образование доминионов Индии и Пакистана	215
2. События в Кашмире и индо-пакистанский конфликт. Кашмирский вопрос в Организации Объединенных Наций	220
3. Бирма в борьбе за национальную независимость и социальный прогресс	227
4. Освободительная война народа Индонезии против империалистических колонизаторов	233
Глава X. Борьба народов Ближнего и Среднего Востока против империализма	244
1. Ближний и Средний Восток в международных отношениях первых послевоенных лет	—
2. Наступление американского империализма и создание американских плацдармов в Турции и Иране	250
3. Крах мандатной системы. Развитие национально-освободительного движения в арабских странах	260
4. Палестинская война. Создание государства Израиль	264
Глава XI. Освободительное движение в Африке и международные отношения	269
1. Судьба итальянских колоний и подмандатных территорий	270
2. Роль Африки в экономических и военно-политических планах империализма	275
3. Маневры колонизаторов и национально-освободительное движение народов Африки	279
Глава XII. Латинская Америка в 1945—1949 гг.	283
1. Последствия второй мировой войны для латиноамериканских стран	—
2. Конференции в Мехико и Сан-Франциско и позиция США	287
3. Создание военно-политического блока стран Западного полушария	289
4. Обострение экономических и политических противоречий в Латинской Америке	292
5. Конференция в Боготе и ее последствия	294

УГЛУБЛЕНИЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА
И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Глава XIII. Основные черты экономического и политического развития капиталистического мира в 1945—1949 гг.	304
1. Второй этап общего кризиса капитализма	—
2. Проблема реконверсии в главных капиталистических странах. Милитаризация экономики. Структурные изменения в экономике высокоразвитых капиталистических стран. Новая расстановка сил в империалистическом лагере	308
3. Распад колониальной системы и его последствия для мирового капиталистического хозяйства. Тенденции развития слаборазвитых стран и подрыв империалистической основы международного разделения труда	316
4. Начало нового этапа борьбы между империалистическими державами за рынки и сферы приложения капитала	323
5. Развитие государственно-монополистических тенденций в международных экономических отношениях. Наднациональные экономические организации — новая сфера межимпериалистического соперничества	329
Глава XIV. Превращение американского империализма в основной центр реакции и агрессии. Внешняя политика США в 1945—1949 гг.	334
1. Усиление роли США в ослабленном капиталистическом мире. Антикоммунизм американской монополистической буржуазии вовне и внутри страны	—
2. Программа борьбы за мировое господство американского империализма.	343
3. Возведение политики «с позиции силы» в ранг государственной внешнеполитической доктрины. «Атомная стратегия» и «атомная дипломатия»	349
4. Развязывание «холодной войны». Провозглашение «доктрины Трумэна»	356
5. Провозглашение доктрины «сдерживания» коммунизма. Борьба американского империализма против национально-освободительного движения. Курс на гегемонию США внутри капиталистического мира	363
Глава XV. Изменение места и роли Англии в системе международных отношений. Английская внешняя политика в 1945—1949 гг.	377
1. Экономическое положение и расстановка классовых сил	—
2. Внешняя политика Англии в 1945—1949 гг.	382
3. Итоги внешней политики Англии в первые послевоенные годы. Положение Англии в системе международных отношений	392
Глава XVI. Международные позиции и внешняя политика Франции в 1945—1949 гг.	398
1. Франция в период перехода от войны к миру	—
2. Франко-американские и франко-английские отношения после окончания войны	403
3. Германский вопрос в политике Франции	407
4. Франция и формирование военно-политического блока империалистических держав	412

Глава XVII. Италия в международных отношениях 1945—1949 гг.	420

1. Антифашистская демократическая революция итальянского народа и политическая стратегия США и Англии	421
2. Проблема мирного договора и роль Италии в первые послевоенные годы	429
3. Включение Италии в экономический и военно-политический блок империалистических держав	437

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

БОРЬБА ДВУХ КУРСОВ — ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО — ПО ОСНОВНЫМ ПРОБЛЕМАМ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА

Глава XVIII. Основные принципы послевоенного мирного урегулирования и германский вопрос в 1945—1949 гг.	445

1. Конференции в Тегеране, Ялте и Потсдаме	—
2. Антипотсдамский курс западных держав после окончания войны	457
3. Борьба Советского Союза за выполнение Потсдамских соглашений.	461
4. От образования Бизонии к проведению сепаратной денежной реформы в Западной Германии	468
5. Варшавское совещание и новые предложения стран социалистического лагеря	471
6. «Берлинский кризис» и Парижская сессия Совета министров иностранных дел	472
7. Завершение западными державами во главе с США политического раскола Германии. Образование Федеративной Республики Германии	478
8. Историческое значение образования Германской Демократической Республики	481

Глава XIX. Послевоенное мирное урегулирование на Дальнем Востоке и Японии	484

1. Разгром Японии и проблемы мирного урегулирования	—
2. Установление американского контроля над Японией	488
3. Московское совещание министров иностранных дел трех держав. Борьба СССР в Дальневосточной комиссии и Союзном совете для Японии за демократизацию и демилитаризацию Японии	491
4. Политические и экономические реформы в Японии	496
5. Успехи освободительного движения в Китае и политика США в Японии	498
6. Вопрос о мирном договоре с Японией в первые послевоенные годы	501

Глава XX. Подготовка мирных договоров с бывшими союзниками Германии	503

1. Специфика мирного урегулирования с бывшими союзниками Германии	—
2. Подготовка проектов договоров на сессиях Совета министров иностранных дел	506
3. Парижская мирная конференция	508

4. Политические постановления мирных договоров	511
5. Территориальные проблемы мирных договоров	513
6. Репарационные и другие экономические проблемы мирных договоров	517
7. Мирные договоры 1947 г.	522

Глава XXI. Создание Организации Объединенных Наций. Деятельность ООН в 1945—1949 гг.	525

1. Подготовка создания ООН	—
2. Конференция в Сан-Франциско и Устав ООН	529
3. Деятельность ООН	535
4. Борьба вокруг принципов Устава ООН	541

Глава XXII. Проблема разоружения в первые послевоенные годы	549

1. Окончание войны и вопрос о разоружении	—
2. Борьба СССР за запрещение и уничтожение атомного оружия	552
3. «План Баруха» — план мировой атомной гегемонии США	558
4. Крах американской атомной монополии	563
5. Борьба СССР за сокращение обычных вооружений	564

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ ВО ГЛАВЕ С США «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ».

СКОЛАЧИВАНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ВОЕННОГО БЛОКА

Глава XXIII. «План Маршалла». Ставка правящих кругов Соединенных Штатов на консолидацию сил империалистической реакции	574

1. Основные цели «плана Маршалла»	—
2. «План Маршалла» и экономическая политика США в Западной Европе	580
3. Военно-стратегическое значение «плана Маршалла».	588

Глава XXIV. Курс западных держав во главе с США на создание военных блоков	595

1. Характер и специфика империалистических блоков, образованных после второй мировой войны	—
2. Возобновление американско-англо-канадского военного сотрудничества	599
3. Межамериканский договор о взаимной помощи	601
4. Англо-французский Дюнкерский договор. Заключение Брюссельского договора и создание Западного союза	603
5. США и Западный союз. Резолюция Ванденберга	608

Глава XXV. Североатлантический блок — главное орудие империалистической экспансии и агрессии	611

1. Накануне создания Североатлантического блока	—
2. Североатлантический договор — орудие агрессивной политики империалистических кругов США	617
3. Разработка стратегических концепций НАТО. Первая программа американской военной помощи	622

РАЗДЕЛ СЕДЬМОЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 1945—1949 гг.
И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Глава XXVI. Усиление роли идеологической борьбы в послевоенных международных отношениях. Развертывание империалистическими кругами «психологической войны» против сил мира и социализма	633
1. Основные причины возрастания роли идеологической борьбы в международных отношениях	—
2. «Психологическая война», ее аппарат и основные направления	643
Глава XXVII. Фальсификация буржуазными идеологами характера и сущности международных отношений 1945—1949 гг.	653
<i>А. Цели, направления и методы исследования внешнеполитических проблем в современной буржуазной литературе</i>	—
<i>Б. Извращение буржуазной историографией характера и итогов второй мировой войны. Апологетика империалистических планов послевоенного мира</i>	662
1. Фальсификация роли Советского Союза во второй мировой войне	—
2. Пропаганда империалистического «американского мира»	665
3. Послевоенные притязания господствующих классов Британской империи	674
4. Критика реакционными кругами политики сотрудничества держав антифашистской коалиции, Ялтинских и Потсдамских соглашений	676
<i>В. Борьба апологетов «холодной войны» против политики мирного сосуществования</i>	684
1. Буржуазные теории происхождения «холодной войны»	—
2. Извращение реакционными идеологами процесса становления мировой социалистической системы	687
3. Фальсификация принципов мирного сосуществования	694
4. Апологетика послевоенной агрессивной политики империализма	697
Библиография	711
Предметный указатель	734
Указатель имен	746

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. В 3-х т.

Глав. ред.: Н. Н. Иноземцев и др. М., Госполитиздат, 1962.

(Акад. наук СССР. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений).

Т. 1. (1945—1949 гг.) Ред. А. Милейковский. 1962. 759 с. с карт.

327

Редактор *П. Рождественский*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *Т. Климова*

Ответственный корректор *В. Левищева*

Сдано в набор 16 декабря 1961 г. Подписано в печать 11 июля 1962 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Физ. печ. л. 47¹/₂. Условн. печ. л. 47,5. Учетно-изд. л. 59,92. Тираж 26 тыс. экз. А-06042.
Заказ № 981. Цена 1 р. 80 к.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

МЕЖАУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГОСПОЛИТИЗДАТ

1964